

Педагогическая  
библиотека

Я. А. Коменский

1



# Я. А. Коменский

## Избранные педагогические сочинения

В двух томах

Академия  
педагогических  
наук СССР

Педагогическая  
библиотека

Редакционная  
коллегия:

М. И. Кондаков  
(председатель),  
Ю. К. Бабанский  
(зам. председателя),  
Ю. В. Васильев,  
Е. М. Кожевников,  
Н. П. Кузин,  
А. В. Петровский,  
А. И. Пискунов,  
В. С. Хелемендик,  
Э. Д. Днепров  
(ученый секретарь)



# **Я. А. Коменский**

## **Избранные педагогические сочинения**

**Том первый**

**Под редакцией:  
А. И. Пискунова  
(отв. редактор),  
И. Киранка,  
Б. Кузла,  
Д. О. Лордкипанидзе,  
А. Чумы**

**Москва  
«Педагогика»  
1982**

ББК 74.03  
К 63

Утверждено к печати Редакционной коллегией  
серии «Педагогическая библиотека»  
Академии педагогических наук СССР

Рецензенты:

*Г. С. Батищев* — кандидат философских наук,  
*В. М. Кларин* — доктор педагогических наук

Составители:

Э. Д. ДНЕПРОВ, И. КИРАШЕК, М. Н. КУЗЬМИН,  
Д. ЧАПКОВА

**Коменский Я. А.**

**К 63** Избранные педагогические сочинения: В 2-х т.  
Т. 1.— М.: Педагогика, 1982.—656 с.— (Пед. б-ка).

В надваг.: АПН СССР.

Пер. 2 р. 10 к.

В первый том вошла «Автобиография» Я. А. Коменского, публикуемая на русском языке впервые, а также «Великая дидактика», «Материнская школа» и некоторые другие произведения.

Для ученых-педагогов, работников народного образования, а также для широкого круга лиц, интересующихся историей педагогики.

К  $\frac{4302000000-041}{005(01)-82}$  1-81

ББК74.03  
37(09)

Предлагаемое издание Избранных педагогических сочинений великого чешского педагога, мыслителя-гуманиста Я. А. Коменского подготовлено совместно специалистами СССР и ЧССР. В издании представлено 23 работы Коменского. Из них 9 впервые публикуются на русском языке: «Автобиография», «Краткое предложение о восстановлении школ в Чешском королевстве», «Новейший метод языков» (X глава), «Живая типография», фрагменты из учебников и отрывки из «Всеобщего совета об исправлении дел человеческих». Новые переводы составляют около трети объема двухтомника. Остальные работы печатаются по тексту предшествующих советских изданий сочинений Коменского.

Вошедшие в данное издание работы Коменского расположены в хронологической последовательности, кроме «Автобиографии» и фрагментов из учебников. Большая часть работ дается в полном объеме. Исключение представляют фрагменты из учебников, «Мир чувственных вещей в картинках», «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», «Новейший метод языков».

Учебные книги Коменского «Преддверие к открытой двери языков», «Открытая дверь языков», «Дворец» и «Школа-игра» представлены только некоторыми однотипными фрагментами, раскрывающими три сферы человеческой деятельности — земледелие, строительство, книжное дело.

Идеи, заложенные Коменским в основание этих учебников, получили свое полное и завершенное воплощение в его классической учебной книге «Мир чувственных вещей в картинках». При отборе сюжетов из «Мира в картинках» составители пытались сохранить общий замысел Коменского и представить важнейшие части этой первой иллюстрированной учебной книги, которую сам Коменский называл энциклопедией видимого мира. Публикуемые в настоящем издании фрагменты отражают различные области человеческого труда — сельскохозяйственного, ремесленного, интеллектуального, а также сферу морали, нравственности.

Из работы Коменского «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», объем которой составляет более 3000 страниц, в данное издание включены лишь отрывки, имеющие непосредственное отношение к проблемам воспитания и образования. Эти отрывки взяты из различных частей «Всеобщего совета». Единственная часть, которая публикуется почти полностью, — «Пампедия» («Всеобщее воспитание»).

Каждый из томов настоящего издания имеет самостоятельный научно-справочный аппарат. В первом томе помещается статья действительного члена АПН СССР А. И. Пискунова «Жизнь, деятельность и педагогическое наследие Я. А. Коменского», во втором томе — статья профессора А. Чумы (ЧССР)

«Издание произведений Я. А. Коменского в России», а также библиография вышедших на русском языке произведений Коменского и работ о нем, составленная Н. А. Рут.

Историко-педагогические комментарии, раскрывающие историю создания и идейное содержание представленных в двухтомнике работ Я. А. Коменского, написаны: В. В. Бибихиным («Лабиринт света и рай сердца», «Предвестник всеобщей мудрости», «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», кроме «Пампедии»); Б. М. Бим-Бадом («Материнская школа», «Великая дидактика», «Новейший метод языков», «Пампедия»); Б. М. Бим-Бадом и Ф. А. Фрадкиным («Пансофическая школа», «Похвала истинному методу», «Воскресший Форций...», «Законы хорошо организованной школы», «Выход из схоластических лабиринтов»); Э. Д. Днепровым (общее предисловие к комментариям, «О развитии природных дарований», «Об искусном пользовании книгами», «О пользе точного наименования вещей», «Мир в картинках»); М. Н. Кузьминым и Ю. И. Ритчиком («Автобиография», «Краткое предложение о восстановлении школ в Чешском королевстве»); Ф. А. Фрадкиным («Правила поведения», «Живая типография»).

Теми же авторами написаны реальные примечания к указанным сочинениям. При работе над этими примечаниями частично использованы материалы чехословацких специалистов М. Бечковой, И. Брамборой, И. Кирашком, В. Мишковской, В. Петрачковой, Е. Чапеком, Д. Чапковой, Я. Червенкой, А. Чумой и М. Штейнером.

Новые переводы Я. А. Коменского для настоящего издания выполнены В. В. Бибихиным — с латинского языка («Об искусном пользовании книгами», «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих»), М. Н. Кузьминым и Ю. И. Ритчиком — с чешского языка («Автобиография», «Краткое предложение о восстановлении школ в чешском королевстве», «Живая типография»). Б. М. Бим-Бадом, М. Н. Кузьминым и Ю. И. Ритчиком проведено редактирование перевода «Новейшего метода языков» (X глава), сделанного чехословацкими специалистами. Переводы работ «Лабиринт света и рай сердца» и «Предвестник всеобщей мудрости» отредактированы В. В. Бибихиным. Текстологические уточнения в «Великой дидактике» и «Материнской школе» проведены по латинскому оригиналу И. Кирашком и А. И. Пискуновым.



# Жизнь, деятельность и педагогическое наследие Я. А. Коменского

Великий сын чешского народа, мыслитель-гуманист, выдающийся общественный деятель, философ, лингвист, историк, основоположник педагогики нового времени Ян Амос Коменский (1592—1670) жил в одну из наиболее бурных эпох европейской истории. Его время — время подготовки и осуществления буржуазной революции в Англии, время Тридцатилетней войны в Центральной Европе; когда жил Коменский, были еще свежи воспоминания о Реформации и Крестьянской войне в Германии; наконец, это было время, когда набирала силу и стремилась к власти молодая буржуазия, когда начали складываться крупнейшие колониальные империи.

Коменский был современником Томмазо Кампанеллы и Рене Декарта, Джордано Бруно и Галилео Галилея, Френсиса Бэкона и Бенедикта (Баруха) Спинозы. Он жил в период становления опытных наук и с восторгом приветствовал проникновение человечества в тайны природы.

Острые социальные противоречия того времени побудили Коменского к размышлениям о возможных средствах устранения общественных пороков. Одно из главных средств он усматривал в разумно организованном воспитании, в распространении просвещения.

Коменский жил в переходную эпоху от средневековья к новому времени, когда совершались великие научные открытия, но еще и горели костры, на которых сжигали еретиков. Сам Коменский был глубоко религиозным человеком, он верил в существование загробной жизни, в вечное существование души, хотя он уже и сделал шаг вперед от традиционного религиозного мировоззрения и был убежден в том, что, живя в земном мире, люди должны стремиться к его усовершенствованию, к устранению всех извращений в нем.

Коменский полагал, что в каждом человеке должна быть развита человеческая сущность и в этом состоит главная цель воспитания. Человек — совершеннейшее существо на земле, и он имеет право на беспрепятственное развитие всех своих сил и дарований; вместе с тем разумно воспитанный человек должен сознательно использовать все свои силы и способности на пользу не только себе, но и всем другим людям.

Демократический гуманизм Коменского был тесно связан с другой его идеей — идеей пансофии, под которой он понимал сведение воедино всего важнейшего из добытых человечеством научных знаний. Но смысл пансофии он видел еще в другом: свод всего главного из всех наук должен стать достоянием всех людей, независимо от их социальной и национальной принадлежности, а поэтому все школы должны быть пансофическими.

До Коменского не существовало даже схематически очерченной целостной теории воспитания и обучения, хотя на протяжении не одного тысячелетия мировой истории многие мыслители высказывали соображения о цели воспитания и его роли в обществе, об отдельных требованиях к его содержанию и организации.

Заслуга Коменского состоит в том, что он по существу впервые сумел осмыслить и обобщить накопленный опыт воспитания и образования подрастающих поколений в семье и школе, вскрыл коренные пороки практики воспитания своего времени и разработал стройную педагогическую систему, учитывающую особенности естественного развития детей и способствующую этому развитию.

Коменский явился родоначальником педагогического реализма, не только выступив с уничтожающей критикой схоластической школы средневековья с ее исключительным вниманием к латинскому языку, но и разработав новое содержание образования, основанное на новейших достижениях наук того времени.

Школа, по Коменскому, должна знакомить с вещами и явлениями реального мира, а не со словами, их обозначающими, да еще на непонятном детям латинском языке. Обучение языку, сначала родному и только позже латинскому, а также языкам окружающих народов должно быть неразрывно связано с сообщением учащимся конкретных и полезных знаний, которые могут быть использованы в повседневной жизни, в практической деятельности.

Эти положения Коменского не были просто умозрительными рассуждениями. Создав педагогическую теорию на основе новой концепции воспитания, он попытался организовать школы нового типа, составил ряд учебников, которые еще при его жизни получили распространение по всей Европе, использовались в Америке и странах Азии.

\* \* \*

Ян Амос Коменский родился 28 марта 1592 г. в Южной Моравии. Относительно места его рождения нет единой точки зрения из-за отсутствия документальных данных. Сам Коменский в разных местах своих сочинений называл себя то нивниченским, то венгеробродским моравианом. (Местечко Нивница находится на расстоянии часа ходьбы от г. Угерский (Венгерский) Брод, недалеко от тогдашней границы с Венгрией.)

Отец Коменского, Мартин Коменский, был довольно зажиточным человеком, принадлежал к религиозной общине чешских братьев, одной из многочисленных протестантских общин того времени, пользовался уважением сограждан и слыл большим знатоком Библии. Можно предполагать, что Мартин Коменский прививал и своему сыну любовь к знаниям и занимался его обучением дома, как было принято в протестантских общинах.

Считается, что Я. А. Коменский первоначально учился в братской школе в г. Угерский Брод. Однако закончить эту школу ему не удалось, так как в 1604 г. умерли его отец, мать и две сестры. Из большой семьи остался только 12-летний Ян Амос и старшая сестра. Опекуны мало заботились об образовании сироты, и в течение нескольких лет Ян Амос учился урывками, живя то у тети в г. Стражнице, то у своих опекунов в Нивнице.

В 1608 г., когда ему было уже 16 лет, Коменский поступил в латинскую школу, по-видимому, в г. Пшерове. То, что Коменский поздно поступил в латинскую школу, имело и положительную сторону: он был достаточно взрослым и сознательным, чтобы понять всю порочность организации и методов обучения, унаследованных еще от средневековой школы. Недаром позднее он называл свои школьные годы потерянными временем. Этот личный отрицательный опыт в значительной степени и побудил его вскоре заняться разработкой вопросов, связанных с усовершенствованием методов школьной работы и содержания школьного образования. В латинской школе, где учился Коменский, юноши готовились, как правило, к проповеднической деятельности, одновременно изучая различные ремесла. В школе он проучился всего два года, с 1608 по 1610 г.

В 1611 г. руководители общины чешских братьев направили Коменского для подготовки к проповеднической деятельности в университет. Протестантских священников для Чехии готовил богословский факультет Карлова университета в Праге, однако во главе факультета стояли религиозные противники чешских братьев, и для Коменского был выбран молодой Гернборнский университет в Германии.

В университете на Коменского сильное влияние оказал молодой (всего на 4 года старше Коменского) профессор И.-Ф. Альштед, который был уже широко известным, энциклопедически образованным ученым. Под руководством Альштеда Коменский познакомился с произведениями многих философов античности и эпохи Возрождения.

Летом 1613 г. Коменский совершил путешествие по Северной Европе и в том же году записался в число слушателей Гейдельбергского университета, где проучился около года. Болезнь заставила его прекратить занятия, и в 1614 г. больной, без денег Коменский пешком возвращается на родину, исполненный желания служить своему народу. С этого времени начинается практическая педагогическая деятельность Коменского: в возрасте 22 лет он стал учителем той самой школы в г. Пшерове, где несколькими годами раньше учился сам.

В 1618—1621 гг. Я. А. Коменский был проповедником и одновременно учителем в другом чешском городке — Фульвееке. Здесь он много занимался самообразованием, внимательно изучал произведения гуманистов эпохи Возрождения, таких, как Т. Мор, Т. Кампанелла, Л. Вивес. Большие изменения ввел Я. А. Коменский в организацию школьной работы. Стремясь усовершенствовать процесс обучения, сделать его привлекательным для детей, возбуждающим у них интерес к знаниям, молодой учитель, нарушая все каноны тогдашней школьной жизни, широко использовал наглядность, водил учеников на прогулки, знакомил их с реальной жизнью.

Мирная жизнь чешского народа была нарушена 30-летней войной, в ходе которой Чехия потеряла самостоятельность, а чешские протестанты, в том числе и Коменский, преследуемые католиками, в течение ряда лет вынуждены были скрываться в горах, пользуясь покровительством отдельных князей. Именно в эти годы (1627) Я. А. Коменский начал создавать свой замечательный труд — «Дидактику», т. е. общую теорию обучения. В тяжелый период потери национальной независимости чешским народом Я. А. Коменский хотел помочь своей родине путем улучшения дела воспитания и обучения молодежи, передавая ей через школу культурное наследие, оставленное предками. Именно поэтому труд Коменского и пользовался поддержкой чешских братьев, членов общины.

В 1628 г. по указу германского императора все чехи-протестанты были изгнаны за пределы родины. Часть их, в том числе и Коменский, переселилась в польский город Лешю. Здесь Коменский прожил с перерывами 28 лет, создав ряд самых замечательных педагогических произведений, слава о которых разошлась по всему миру. В Лешно был закончен труд по дидактике, написанный первоначально по-чешски, а потом переработанный и переведенный на латинский язык, международный язык науки того времени. Кроме этой книги, получившей название «Великая дидактика», в Лешно Коменский был написана первая в мире книга для родителей — «Материнская школа» о воспитании детей в семье, а также составлен целый ряд учебников — «Открытая дверь языков», «Физика», «Астрономия». Первая книга была учебником латинского языка, который от всех предшествующих отличался тем, что вместо обычных парадигм склонений и спряжений, вместо правил и исключений здесь давалось описание реальной действительности, обучение языку сопровождалось сообщением различного рода знаний. В этом учебнике Коменский первым из педагогов проявил заботу о том, чтобы дети одновременно познавали слова и вещи. Ни один из школьных учебников ни до, ни после Комен-

ского не получил такого всеобщего признания и столь широкого распространения, как «Открытая дверь языков», переиздававшаяся во многих странах Европы и Азии.

В Лешно Коменский увлеченно работал над другой очень интересной и принципиально новой идеей создания *пансофии*, своеобразной энциклопедии всех основных сведений о реальном мире в сочетании с изложением основных положений христианского вероучения. Интерес к проблеме пансофии был так велик, что группа английских прогрессивных ученых и общественных деятелей решила создать международную комиссию для сведения воедино всех достижений науки и техники. Во главе комиссии должен был стоять сам Коменский.

Начавшаяся в Англии буржуазная революция помешала реализовать этот замысел, и Коменский принял поручение шведского правительства разработать новую методику обучения латинскому языку и соответствующие учебники. Итогом этой работы явился труд «Новейший метод языков», в котором Коменский применил к конкретной методике свои общепедагогические принципы и попытался обосновать три важнейших положения: параллельное изучение вещей и слов, соблюдение строгой последовательности и постепенности в обучении, переход от легкого к трудному.

В это время Коменский уже пользовался европейской известностью. В 1650 г. его пригласили для усовершенствования школьного дела в Венгрию, где он попытался реализовать свою идею создания школы нового типа: она должна была иметь 7 последовательных классов со своими комнатами, учителями и учебниками. В каждом классе планировалось 1200 ч учебных занятий в год, предусматривалось время игры, выходные дни и каникулы. Хотя Коменскому и не удалось создать 7-классную школу полностью (были открыты только первые три класса), можно признать, что он разработал модель новой организации школы, которая в модифицированном виде сохранилась и до настоящего времени.

Здесь же, в Венгрии, Коменский окончил свой замечательный труд «Мир чувственных вещей в картинках», который произвел подлинную революцию в учебном деле: это был первый в истории человечества учебник, в котором иллюстрации использовались в качестве дидактического средства, облегчающего усвоение учебного материала. Этот учебник выдержал бесконечное число изданий на всевозможных языках, а переработанные варианты его использовались в европейских школах вплоть до конца XIX в.

Венгерский период жизни Коменского был весьма продуктивным. За 4 года (1650—1654) он кроме «Мира чувственных вещей в картинках» написал ряд небольших педагогических работ, посвященных организации школы и методам обучения в широком смысле слова. Стремясь пробудить в детях интерес к занятиям, Коменский широко использовал метод драматизации учебного материала и на основе своего учебника «Открытая дверь языков» написал 8 школьных пьес, составивших еще одну широко известную книгу — «Школа-игра».

В 1654 г. Коменский, являвшийся главой лешненской общины чешских братьев, вернулся в Лешно. Однако в ходе начавшейся войны между Польшей и Швецией город был разрушен, погибли все рукописи Коменского, все его имущество, а сам он нашел пристанище в Амстердаме. Здесь его приняли с большим почетом, как знаменитого педагога, автора замечательных учебников и методических трудов. В Амстердам Коменский приехал в августе 1656 г., а в 1657 г. по решению сената было задано собрание его дидактических трудов в четырех частях. Выход в свет собрания дидактических сочинений Коменского явился эпохальным в истории педагогики.

В Амстердаме Коменский много работал над завершением своего капитального труда, начатого еще в 1644 г. и названного «Всеобщим советом об исправлении дел человеческих». В этой работе Коменский сделал попытку на-



метить план реформы человеческого общества, причем особо большую роль он отводил воспитанию и образованию. Первые части этого труда («Панегерсия» — всеобщее пробуждение и «Панавгия» — всеобщее озарение) были изданы в Амстердаме в 1662 г., рукописи же остальных пяти частей были утеряны и найдены только в 30-х гг. XX столетия в Германии. Весь же огромный труд, объемом около 1500 страниц самого крупного формата, увидел впервые свет только в 1966 г. в социалистической Чехословакии.

Последние годы своей жизни Коменский посвятил борьбе за мир, призывал при урегулировании возникающих между народами конфликтов руководствоваться принципами доброй воли и не применять силу.

15 ноября 1670 г. Коменский умер в Амстердаме, вдали от родины.

\* \* \*

Даже самый общий обзор эпохи Коменского, его жизни и деятельности позволяет выделить ряд факторов, которые оказали весьма сильное влияние на формирование философской позиции Коменского, его социально-политических убеждений, взглядов на науку и нравственность, т. е. в целом на его мировоззрение.

Ускоренное развитие капиталистических общественных отношений в XVI—XVII столетиях, связанное с возникновением машинного производства, повлекло за собой серьезные изменения в области технологии. Совершенствование же и разработка новых, более сложных технологических методов, стремление к более рациональному использованию оборудования повлекли за собой принципиальные изменения в отношениях к естественным наукам, которые раньше, в общем, считались второстепенными.

Отказ от умозрительной философии средневековья, признание важнейшим источником знания ощущений, получаемых от внешнего мира с помощью органов чувств, явились фундаментом естественнонаучной концепции Коменского и легли в основу его педагогической системы, которая с предельной четкостью была изложена еще в «Великой дидактике»<sup>1</sup>. Здесь, несомненно, чувствуется материалистический элемент философских учений Ф. Бэкона, Телезия, Кампанеллы и Декарта.

Если научная революция XVI—XVII столетий оказала колоссальное влияние на формирование отношения Коменского к науке, на его подход к решению проблем образования и обучения, то при определении целей и задач воспитания в целом столь же большое воздействие на Коменского оказали идеи социальных утопий и общественное движение его эпохи.

На мировоззрение Коменского в первую очередь повлияли идейные устремления многочисленных крестьянско-плебейских сектантских движений, направленных против католицизма и поддерживаемых им феодальными порядками. К числу таких движений в Чехии относилось движение гуситов и наиболее радикальных их последователей — таборитов. Ряд их идей был унаследован религиозной общиной чешских братьев, последним епископом которой был Коменский.

В этом идейном наследии наиболее характерным было требование установления всеобщего равенства людей, устранения наследственных привилегий, признания равноправия женщин и т. д.

Правда, считавшие себя наследниками гуситских традиций чешские братья отказывались от вооруженной борьбы и полагали, что, организуя свою

<sup>1</sup> Общефилософские взгляды Коменского и его мировоззрение подробно рассмотрены в кн.: *Красновский А. А.* Ян Амос Коменский. — М., 1953; *Лорджипанидзе Д. О.* Ян Амос Коменский. 1592—1670. — М., 1970; *Джибладзе Г. Н.* Философия Коменского. — Тбилиси, 1973.

жизнь в духе раннехристианских общин, они смогут увлечь своим примером других людей и таким путем установить справедливость в общественных отношениях и создать новое государство.

Однако с развитием капиталистических отношений у чешских братьев от требований всеобщего равенства остался только пункт церковного устава, согласно которому община должна стремиться, насколько это возможно, не допускать нищенства ее членов. Но все же национальные и демократические традиции сектантских движений, в том числе и гуситского, продолжали жить в сознании чешских братьев, и прежде всего в их отношении к воспитанию и обучению.

Для всех сектантских, антикатолических движений, начиная с эпохи средневековья, характерно отрицательное отношение к схоластическому образованию, которое находилось в руках католической церкви.

Для всех членов протестантских общин обязательным было умение читать и писать на родном языке, чтобы непосредственно знакомиться с Библией. Таким образом, к эпохе Коменского большинство протестантов, в том числе и чешские братья, были грамотными и обучение детей в семьях и братских школах считалось обязательным. Вместе с этим общей практикой было и обучение детей различным полезным ремеслам и сельскому хозяйству.

Все эти демократические традиции отразились как на мировоззрении, так и на педагогических взглядах Коменского. Не меньшее влияние на мировоззрение Коменского, а следовательно и на его педагогическую концепцию, оказали труды ряда утопистов, на которых он весьма часто ссылается в своих сочинениях. Среди этих утопистов прежде всего были Т. Кампанелла и И. В. Андреэ.

Социальные утопии XV—XVII столетий, как и упоминавшиеся выше демократические общественные движения, выражали глубокую неудовлетворенность различных слоев общества существующим социальным устройством. Отличие между ними состояло в том, что авторы утопий не стремились изменить общественные порядки с помощью вооруженной борьбы народных масс и свои упования возлагали на обращение к разуму людей, к их доброй воле.

Во всех сочинениях утопистов, и в «Утопии» Т. Мора, и в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы, и в «Описании республики Христианский город» И. В. Андреэ, звучит осуждение средневековой схоластики, сложившейся практики обучения и воспитания в традиционной средневековой школе, наконец, всего феодального уклада жизни.

Утописты в изображавшихся им идеальных государствах с равенством всех граждан большое место уделяли содержанию и методам обучения и воспитания. Все они были горячими поборниками изучения в школах практически полезных естественных наук, подготовки детей и юношества к активной трудовой деятельности. Нет ничего удивительного в том, что такой подход не мог не импонировать Коменскому.

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что в XVI—XVII вв. были весьма распространены разного рода братства и коллегии единомышленников, стремившихся реализовать тот или иной утопический проект реконструкции общества на разумных с их точки зрения началах.

Надо полагать, что не без влияния этих объединений Коменский разрабатывал свою идею создания Коллегии света, которая путем повсеместного распространения мудрости сможет помочь устранить в мире религиозные и политические распри, объединить людей для преобразования общества, для устранения существующих в нем пороков. С этими устремлениями Коменского неразрывно связаны все его занятия вопросами воспитания и образования, теологии и политики.

Но вместе с тем со всей силой нужно подчеркнуть, что развивавшиеся Коменским на протяжении всей его жизни педагогические идеи носили далеко не утопический характер, система его требований и предложений была ре-

листична благодаря разнообразной аргументации, в значительной степени уже опирающейся на достижения науки нового времени.

Можно утверждать, что Коменский, по меньшей мере, на 200 с лишним лет опередил свое время, и не случайно теоретическая сторона его педагогической системы, как и его социальная концепция в целом, привлекла особое внимание с конца XIX столетия, а особенно с середины XX в.

\* \* \*

Исследователи философских, социальных и педагогических воззрений Коменского прежде всего подчеркивают их гуманистический характер. Вместе с этим они особое внимание обращают на пансофию как одну из сквозных идей, пронизывающих все его педагогические труды. И действительно, можно с достаточным основанием утверждать, что идеи гуманизма и пансофии являются поистине стержневыми идеями Коменского, определяющими все его социальные и педагогические устремления.

Однако следует заметить, что еще не всегда достаточно четко проводится различие между гуманизмом Коменского и гуманизмом предшествовавшей ему эпохи Возрождения, между пансофией Коменского и идеями энциклопедизма, которые получили весьма широкое распространение в XVII в. А между тем последовательное развитие этих идей, их конкретизация в рамках стройной педагогической системы позволили Коменскому уйти далеко вперед по сравнению с его современниками, стать провозвестником многих положений, которые были восприняты наукой о воспитании лишь в последующие столетия.

Как уже отмечалось ранее, для эпохи Коменского в равной степени были характерны причудливое переплетение самых мрачных пережитков средневековья и свободомыслия идеологов нарождающейся буржуазии, мистики и достижений опытной науки нового времени. Совершенно очевидно, что вся эта противоречивость эпохи не могла не отразиться на педагогических воззрениях того времени. Так оно и было: в то время в Европе сосуществовали две концепции воспитания, унаследованные от предыдущих столетий, — церковно-христианская и гуманистическая в духе идей Ренессанса. Согласно первой из них, человекотяжогнен первородным грехом и целью воспитания является подготовка к исполнению этого греха в земной жизни и к вечной счастливой жизни в загробном мире. Отсюда проповедь аскетизма, подавление в человеке активности, самостоятельности, творческого начала, выработка фаталистического отношения к своей судьбе, пренебрежение к физическому развитию, отрицательное отношение к искусству и т. д. Гуманизм эпохи Возрождения, противопоставивший религии светскую культуру во всех ее проявлениях, возродил античный идеал жизнелюбивого, сильного телом и духом человека. В противоположность церкви гуманисты видели в воспитании уже не средство подавления и закрепощения человеческой личности, а путь к ее всестороннему развитию и совершенствованию.

Однако большинство гуманистов, как известно, выражали интересы нарождавшейся тогда буржуазии. Они были далеки от подлинного демократизма, и выдвигавшийся ими идеал человека, как и пути его воспитания, хотя и отвечали в известной мере потребностям общественного развития, фактически были классово ограниченными. Преклонение перед образом жизни и культурой Греции и Рима античного периода привело к тому, что гуманизм эпохи Возрождения, как, впрочем, и неогуманизм начала XIX в., оказался устремленным в прошлое и применительно к воспитанию находил выражение в форме классицизма, видевшего в изучении древних языков самоцель.

Обе названные концепции воспитания находили во времена Коменского отражение и в школьной практике: в XVII в. продолжали существовать как типичные средневековые, содержавшиеся церковью школы, так и латинские школы гуманистического толка, гимназии, которые в большей или меньшей

степени повторяли гимназию И. Штурма (1538) с ее исключительным «цицеронианством» и в конечном счете с религиозной направленностью, хотя уже и в русле протестантизма.

Таким образом, есть все основания сделать совершенно определенной вывод о том, что ни теоретические концепции воспитания, сохранившиеся от прошлого, ни тем более практика воспитания и обучения в XVII в. не соответствовали тенденциям общественного развития того времени. Традиционное школьное образование ни в малейшей степени не учитывало тех колоссальных сдвигов в науке, которые вели не только к обогащению ее новыми фактами, но и к выработке новых методов исследования природы.

Все это побуждало передовых мыслителей и педагогов к поискам путей реформы практики школьного дела, к выработке новой концепции воспитания, которой и стала концепция так называемого педагогического реализма, нашедшая отражение в идеях известного немецкого педагога В. Ратке (1571—1635) и получившая впервые оформление в педагогической теории Коменского.

В соответствии с потребностями времени воспитание рассматривалось как важнейшее средство подготовки человека к деятельной, практической жизни, к познанию реального мира. Преимущественное внимание к обучению самим вещам, а не обозначающим их словам явилось водоразделом между педагогическим реализмом и классическим «школьным» гуманизмом с его увлечением словесной формой в ущерб содержанию.

Было бы, конечно, ошибкой полагать, что все традиционные взгляды на цель и задачи воспитания, вся традиционная система аргументации, складывавшаяся на протяжении столетий, в XVII в. были сразу же отвергнуты. Во все времена новое, объективно отвечающее потребностям прогресса, пробивало себе путь с большим трудом, вплеталось в старое. Так было и в области формирования новых взглядов на воспитание в эпоху Коменского. Поэтому зачастую новые идеи скрывались под оболочкой традиционных, старых формулировок, что и следует иметь в виду при анализе педагогических теорий начала нового времени, в частности при рассмотрении идей Коменского.

Конечная цель воспитания, по Коменскому, внешне совпадала с религиозно-христианской — подготовка человека к вечному существованию после смерти. Эта мысль развивалась им во II, III и IV главах «Великой дидактики», где в полном соответствии с христианским вероучением он писал о первородном грехе человека. Однако стоит только более внимательно отнестись к содержанию названных глав, как сразу становится очевидной новая постановка этого старого вопроса, выявляется оптимистически-гуманистический подход к его решению.

Начать с того, что главам о конечной цели воспитания Коменский предпослал главу под названием «Человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее творение». И это в то время, когда церковь трактовала человека как сосуд греха, как злое и «испорченное существо», которое должно безропотно переносить любые страдания, чтобы этим заслужить право на вечное блаженство в потустороннем мире.

Коменский не отвергал христианского догмата о первородном грехе, но в противоположность ортодоксальному христианству утверждал, что уже в процессе своей земной жизни человек может быть исправлен с помощью воспитания и способен достигнуть высокого совершенства. Заключительная часть «Великой дидактики» и посвящена как раз доказательству могущества воспитания, которое должно распространяться на всех, ибо все в нем нуждаются, ибо нет человека, которого с помощью воспитания нельзя было бы сделать лучше.

Но Коменский высказал еще одну исключительно важную и новую мысль: воспитание имеет целью не только совершенствование человека само по себе, но и подготовку его к усовершенствованию окружающей жизни. Вот почему Коменский неустанно и в разных формах повторял требование одновременно



развивать у формирующегося человека интеллект, руку, сердце, волю. Только таким образом осуществляемое в школах общее образование сможет подготовить всех людей к активной преобразующей деятельности в различных областях жизни.

Таким образом, имеются достаточные основания утверждать, что традиционная церковная формула человеческой греховности и искупления приобрела у Коменского гуманистическое содержание, пронизана верой в огромные творческие силы и способности человека, которые могут и должны быть развиты в процессе воспитания. Вместе с тем гуманизм Коменского существенно отличается от гуманизма эпохи Возрождения. Коменский видел подлинную человечность человека в результатах его активного воздействия на окружающий мир с целью установления в нем гармонии и порядка.

Гуманизм Коменского носит действенный характер, он устремлен в будущее, на создание счастья для всех людей с помощью разума и силами самих людей. И именно достижение этой цели имел в виду Коменский при разработке своей теории, хотя и употреблял при этом в своих трудах традиционные приемы аргументации в виде ссылок на Священное писание и церковные авторитеты.

Демократический гуманизм Коменского, распространявшийся на всех людей, с полным основанием может быть назван реалистическим, он принципиально отличен от гуманизма Ренессанса. Овеществленная человечность — вот в конечном счете цель, к которой, по Коменскому, должно вести воспитание. И эта цель красной нитью проходит через все его труды, отражается во всех его практических предложениях по реорганизации воспитания и обучения в школах.

Проблема подготовки людей в процессе воспитания к подлинно человеческой, творческой деятельности, конечно, не могла рассматриваться Коменским в отрыве от решения вопроса о содержании образования и методах образования. А этот вопрос у него теснейшим образом связан с идеей пансофии. В одной из своих наиболее поздних работ — «Пансофическом словаре вещей» Коменский определил пансофию как всеобщую мудрость, заключающую в себе знание всех вещей, которые существуют, в соответствии с их сущностью и учетом их цели и назначения.

Мысль о создании пансофической книги как свода знаний, который был бы доступен всем людям, занимала Коменского еще в молодости, в годы занятий в университете. Сама идея создания энциклопедических компендиумов возникла еще лет за 200 до Коменского, и в XVI—XVII вв., написанные или на родном, или на латинском языке, они имелись во многих странах. В России к литературе такого рода отнеслись широко распространенные «Азбуковники». Однако во всех этих книгах, как правило, фактические сведения перемежались с фантастическими измышлениями.

Такие энциклопедические книги были простыми компиляциями, инвентаризированными разнообразными сведениями различной степени достоверности.

Идея пансофии у Коменского, внешне напоминая энциклопедизм той эпохи, принципиально отличалась как содержанием, так и целью. Пансофия представлялась Коменскому в виде отражения мира, всего макрокосмоса. Поэтому, собственно, и структура этой всеобщей мудрости, совершенного человеческого знания, должна была отражать структуру мира в его целостности и единстве. Для правильного понимания пансофии Коменского необходимо иметь в виду его идею пангармонии, согласно которой все в мире согласовано между собой и отдельные части целого несут в себе те же черты, что и все целое.

Универсум, Вселенную, Коменский рассматривал как единство трех миров — мира божественных идей, мира видимой природы, мира, созданного творческой деятельностью человека. Все они взаимосвязаны, управляются

одними законами, в них царит строгий порядок. Познавая мир природы, человек познает и свою деятельность и божественное провидение. В общем, и это самое главное, пансофия представлялась Коменскому не суммой знаний о вещах, а знанием сущности вещей, их назначения, упорядоченности. Последнему он придавал особенно большое значение.

Проблема пансофии у Коменского чрезвычайно многогранна, применительно же к его педагогической системе она играла роль пробного камня при решении вопроса об отборе содержания и разработке методов обучения. Такой подход отчетливо проявляется как во всех его дидактических трудах, так и в его знаменитом «Всеобщем совете об исправлении дел человеческих», в частности, которая называется «Пампедией» — «Всеобщим воспитанием».

Уже в самом начале «Пампедии» Коменский писал об универсальном образовании всего рода человеческого — «все должны учиться всему и притом всесторонне», т. е. пампедия — путь к пансофии, а сама пансофия — важнейшее средство гуманизации человека, поскольку позволяет ему осмыслить все существующее, в том числе и самого себя, учит его мудро решать все человеческие дела.

Самым трудным был, конечно, вопрос о реализации идеи пансофического образования. Путь к его решению Коменский вывел в создании пансофических учебников, одного для каждого класса, которые должны быть учебниками языка и реальных знаний. Знаменитые учебные книги Коменского «Преддверие открытой двери языков», «Открытая дверь языков», «Зал», «Мир чувственных вещей в картинках», доставившие ему мировую известность, и были такими пансофическими книгами.

Отбор материала и построение этих учебников оказались настолько удачными, в корне отличившимися от традиционных латинских грамматик, что эти учебники в течение буквально нескольких лет после опубликования получили распространение в самых различных странах.

Обучение пансофии Коменский не мыслил без использования новых методов, основанных на выдвинутых им принципах наглядности, доступности, последовательности, систематичности. Однако, пожалуй, до настоящего времени педагогика не оценила по достоинству мысль Коменского о применении «математического метода», под которым он понимал употребление точных определений, выдвижение точных требований, точное формулирование высказываемых положений, точную постановку проблем. Сам он был глубоко уверен в том, что только таким путем можно прийти к правильному пониманию всего существующего и упорядочить все дела человеческие.

Реализация идей пансофии, по Коменскому, приведет к тому, что учащиеся школ постигнут все, что есть на небе, на земле, под землей, в теле и душе человека, в ремеслах, хозяйстве, государственной жизни и т. д. Но это познание действительности должно обязательно сопровождаться подготовкой к практической деятельности, к применению полученных знаний в жизни. В итоге из школы должны выходить «юноши, на все годные, искусные, прилежные», как писал Коменский в своей «Пансофической школе».

\* \* \*

В своей «Великой дидактике» Коменский четко сформулировал цели воспитания, формально исходя из библейского учения о земной жизни как подготовке к вечному существованию в загробном мире. Готовясь к нему, человек на земле должен быть разумным созданием, он должен «все исследовать и давать всему имена и все исчислять, т. е. знать и иметь возможность назвать и понять все, что находится в мире . . . Чтобы . . . ничто не было неизвестным в какой-либо как малой, так и в большой вещи . . . В самом деле, таким лишь образом человек будет в состоянии удержать за собой имя разумного

существа, если он будет понимать разумные основания (устройство) всех вещей...

4. Быть владыкой всех созданий — это значит, приспособляя к надлежащему назначению все вещи, употреблять их с пользой для своих выгод, везде среди созданий вести себя царственно, т. е. с достоинством и святостью . . . соблюдать дарованное достоинство . . . свободно пользоваться всем для собственных услуг: хорошо знать, где, когда, каким образом и до какого предела благоразумно пользоваться каждой вещью . . . где, когда, каким образом и до какого предела нужно уступать ближнему, — словом, быть в состоянии разумно управлять движениями и действиями внешними и внутренними, своими и чужими.

5. Наконец, быть образцом божьим — значит в точности представлять совершенство своего первообраза . . .

6. Отсюда следует, что истинные требования, предъявляемые к человеку, заключаются в том, чтобы он был 1) знающим все вещи, 2) владыкою вещей и самого себя, 3) чтобы он себя и все возводил к Богу, источнику всех вещей. Если эти требования мы выразим тремя хорошо известными словами, то получим:

I. Научное образование.

II. Добродетель, или нравственность.

III. Религиозность, или благочестие<sup>1</sup>.

В формулировке этих трех частных задач воспитания совершенно отчетливо отражается идея Коменского об универсальности воспитания, имеющая в его концепции методологическое значение. Именно универсальность воспитания и образования и обеспечивает в конечном счете их гуманизм и пансофичность.

Реализацию задачи универсального образования юношества Коменский возлагал на школу, которая из «застенка для умов» должна быть превращена в «мастерскую человечности». Отсюда у Коменского и вытекает требование, «чтобы во всяком благоустроенном обществе (будь то столица, город или деревня) была устроена школа как учебное заведение для совместного воспитания юношества»<sup>2</sup>. И эта школа должна быть открыта для всех родившихся людьми, независимо от происхождения и рода занятий.

В своем наиболее известном педагогическом труде «Великая дидактика» Коменский предложил впервые в истории педагогики стройную систему школ, аргументируя ее разработанной им же самим возрастной периодизацией от рождения до зрелости, по Коменскому, до 24 лет.

Первой ступенью воспитания и образования для детей от рождения до 6 лет должна быть так называемая материнская школа — воспитание в семье под руководством матери.

Интуитивно являясь тонким психологом, проникшим в мир детских переживаний и возможностей, исходя из своей сенсуалистической гносеологии, Коменский видел главную задачу воспитания детей этого возраста в развитии их органов чувств, обогащении круга представлений об окружающей жизни, в развитии речи и первоначальных ручных умений.

Детально все эти вопросы изложены были Коменским уже в одном из его ранних педагогических сочинений — «Материнской школе», благодаря которому Коменский по праву относится к основателям методики воспитания и обучения детей дошкольного возраста. За материнской школой у Коменского следовала школа родного языка для всех мальчиков и девочек, независимо от сословной принадлежности, в возрасте от 6 до 12 лет. В отличие от многовековой традиции вести обучение в школах только на латинском языке — языке католической церкви и схоластической учености эта школа должна была, поль-

<sup>1</sup> Великая дидактика, IV, 3—6.

<sup>2</sup> Там же, VIII, 4.

ауясь родным языком, развивать знания о вещах реального мира, совершенствовать владение общим для всех народным языком, который, по Коменскому, является средством цементирования нации как таковой.

В отличие от всех школ, которые существовали во времена Коменского, латинских и нелатинских, содержавшихся различными протестантскими общинами, эта школа должна была вооружать учащихся широким кругом реальных знаний — достаточно систематизированными сведениями по арифметике, географии, истории, экономической жизни и государственному устройству, знакомить с различными ремеслами и, конечно, осуществлять религиозное воспитание на основе чтения текстов Священного писания, переведенных на родной язык.

Для каждого года из шести лет обучения в школе родного языка Коменский предлагал написать особый учебник. Часть их была им составлена, но все они погибли во время пожара в г. Лешно в 1656 г., да и сама идея создания шестилетней школы родного языка реализована не была. Частично она отразилась только при организации школы в Шарош-Патаке в Венгрии.

Третья ступень школьного образования, по Коменскому, гимназия или латинская школа, которая должна иметься в каждом городе и предназначаться для юношей 12—18 лет, проявивших склонности к занятиям наукой в школе родного языка.

Латинская школа Коменского по форме на первый взгляд похожа на традиционную латинскую школу, существовавшую уже несколько веков: в ее учебном плане Коменский по-прежнему предусматривает изучение прежних «семи свободных искусств». Однако при внимательном рассмотрении в нем обнаруживается ряд принципиальных новшеств, которые сближают эту школу с общеобразовательной школой нового времени. Здесь наряду с латинским языком, языком науки, большое место отводится изучению реальных предметов — математики, физики, естествознания, как самостоятельные предметы фигурируют история, этика, новые языки. Лишь потом, венчая весь курс среднего образования, должны изучаться риторика и диалектика. Именно для этого типа школы Коменский разработал целостную систему учебников латинского языка — «Преддверие», «Открытая дверь языков», «Зал», «Школа-игра», которые доставили ему всемирную славу еще при жизни.

Завершающую ступень школьного образования в системе Коменского составляют академии — высшие учебные заведения для молодых людей 18—24 лет, проявивших особые дарования. Высшие академии, которые должны открываться в каждой стране или крупной провинции, напоминают существовавшие с XII столетия университеты с обычными факультетами, однако и здесь, не развертывая в деталях, Коменский имел в виду сообщение студентам пансофических знаний, всех обобщенных достижений наук.

Коменский не только впервые предложил стройную систему взаимосвязанных школ, позволяющих юношеству достигать высот научного образования, но и разработал оригинальную дидактическую систему, получившую позже название классно-урочной.

Закладывая основы современных форм коллективного обучения в классе, Коменский исходил из необходимости упорядочить, сделать планомерной всю работу школы. Он стремился к такой организации обучения, при которой все было бы предусмотрено таким образом, «чтобы на каждый год, месяц, неделю, день и даже час падало свое собственное задание»<sup>1</sup>.

В традиционных школах времен Коменского, хотя учащиеся и находились в одном помещении, занимались они индивидуально, каждый продвигаясь вперед своим темпом и получая от учителя только ему одному предназначенные указания и задания. При предлагавшейся Коменским системе обучения дети одного возраста и приблизительно одинакового уровня знаний

<sup>1</sup> Великая дидактика, XIX, 39.



под общим руководством учителя одновременно продвигались вперед к единой для всех образовательной цели. Так возникли классы с постоянным составом учащихся, учебный год со строго определенным началом и концом, определенная продолжительность учебного дня от четырех уроков в школе родного языка до шести уроков в день в латинской школе, что поразительно напоминает общую организацию обучения и в современной школе.

Коменский внимательнейшим образом изучил и обобщил все положительное, что было достигнуто его предшественниками и современниками в области методики обучения. Его работы пестрят именами тех мыслителей, которые высказали хоть какую-либо интересную идею относительно организации, методов или требований к обучению. И хотя Коменский постоянно ссылается на параллели из жизни природы или хозяйственной деятельности человека для обоснования тех или иных выдвигаемых педагогических положений, фактически все эти положения опираются на многовековой эмпирический опыт обучения детей и юношества.

Коменский был глубоко убежден в том, что в области обучения и воспитания в принципе действуют законы, общие для природы, и методы школьной работы должны эти законы учитывать, т. е. должны быть природосообразными. Именно поэтому в своих «Законах хорошо организованной школы», предназначенных для школы в Шарош-Патаке, Коменский писал, что «нам необходим надежный метод в занятиях, чтобы, следуя его предписаниям, воспитатель юношества так же быстро, как и изящно, приводил души к мудрости, красноречию, искусствам, добродетелям и благочестию, подобно тому как мастер механических искусств обрабатывает данный материал при помощи данных инструментов и делает его годным к употреблению...

2. Вечным законом метода да будет: учить и учиться всему через примеры, наставления и применение на деле или подражание.

3. Пример есть уже существующий предмет, который мы показываем. Наставление есть речь о предмете, разъясняющая, как он возник или возникает. Применение или подражание есть попытка сделать подобные же вещи...

6. Этот постигнутый практический метод (обучающий всему через личное наблюдение, личное чтение, личный опыт) должен быть применяем повсюду, чтобы ученики приучались всюду возвышаться до учителей<sup>1</sup>.

Близкая к этим высказываниям мысль содержится в известном сочинении Коменского «Выход из схоластических лабиринтов на равнину», где он пишет о дидактической машине, т. е. о таком методе образования, который предписывает все «столь определенно, чтобы все, чему будут обучать, учиться и что будут делать, не могло не иметь успеха, как это бывает в хорошо сделанных часах, в телеге, корабле, мельнице и во всякой другой устроенной для движения машине»<sup>2</sup>.

Метод обучения, предлагаемый Коменским, в целом характеризуется рядом черт, которые сам великий педагог раскрывает в большом количестве правил и основоположений, прежде всего в «Великой дидактике». В общем же все эти черты можно свести к следующим.

Прежде всего, поскольку в школе нужно учить самим вещам, а не словам, их обозначающим, Коменский требует от учителей начинать обучение «не со словесного толкования о вещах, но с реального наблюдения над ними. И только после ознакомления с самой вещью пусть идет о ней речь, выясняющая дело более всесторонне»<sup>3</sup>. Эта мысль Коменского повторяется многократно и в разной форме и резюмируется в его знаменитом «золотом правиле»: «Все, что только возможно, предоставлять для восприятия чувствами, а именно: видимое — для восприятия зрением, слышимое — слухом, запахи — обонянием, под-

<sup>1</sup> Законы хорошо организованной школы, VII, 1, 2, 3, 6.

<sup>2</sup> Выход из схоластических лабиринтов, 21.

<sup>3</sup> Великая дидактика, XX, 7.

лежащее вкусу — вкусом, доступное осязанию — путем осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами...»<sup>1</sup>.

Коменский постоянно говорит об ознакомлении детей с реальными вещами, но он прекрасно понимал, что это возможно далеко не всегда, и поэтому в случае необходимости рекомендовал использовать различные наглядные средства — картины, макеты, модели и т. п. И со времени Коменского в теории и практике обучения принцип наглядности занял прочное место и долго служил важным средством борьбы против школьной схоластики.

Подчеркивая особое значение непосредственного ознакомления детей с изучаемыми вещами и явлениями, Коменский в то же время весьма большое внимание уделял раскрытию причинных взаимосвязей между явлениями внешнего мира, приучению учащихся к их анализу.

Метод обучения, пропагандировавшийся Коменским, характеризуется стремлением сделать весь педагогический процесс разумно организованным и целенаправленным. Выше уже отмечались требования Коменского к общей организации деятельности школ — «мастерских человечности». Распространяя эти требования и на деятельность учителя и учащихся, Коменский формулирует ряд принципиальных положений, имеющих и по настоящее время важное теоретическое значение: расположение и изучение учебного материала должно быть последовательным, переходящим от простого к сложному, от близкого к далекому, от краткого к распространенному.

Теоретически все эти положения Коменский обосновывает и излагает особенно подробно в «Великой дидактике» и в главе X «Новейшего метода языков», известной под названием «Аналитическая дидактика». Практически эти дидактические принципы легли в основу уже упомянутых выше учебников латинского языка: в «Преддверии» Коменский использовал приблизительно тысячу наиболее распространенных латинских слов, объединив их в 427 максимально кратких предложений, сведенных в XVII тематических групп; в «Открытой двери языков» фигурируют уже около 8 тыс. латинских слов, из которых составлена тысяча фраз, объединенных в сто тематических разделов; в последующих учебниках каждая тема развивается подробнее, с примерами из лучших авторов, а в учебнике «Школа-игра» эти темы представлены в виде пьес, которые разыгрывались учащимися в школьных спектаклях.

Метод учения, который предлагал Коменский, в полную противоположность методам схоластической школы не отвращал детей от занятий, а должен был возбуждать в них радость, превращая овладение знаниями в приятное занятие, позволяя пройти путь к вершинам науки «без трудности, скуки, окриков и побоев, а как бы играя и шутя». Это положение Коменского, конечно, не следует понимать буквально: он предусматривал для учащихся систематический учебный труд в классе и выполнение ими систематически домашних заданий. Однако при этом вся работа, выполняемая школьниками, должна была соответствовать уровню их развития, их природным интересам, направленным на познание окружающего мира. Если содержание и методы обучения будут отвечать детским возможностям, их любознательности, то и весь учебный труд будет восприниматься детьми радостно, с искренним удовольствием.

Учитывая все это, побуждая детей к постоянному накоплению личного опыта, к активной деятельности, только и можно реформировать школу, превратив ее в место, где формируется человеческая личность.

Главный педагогический труд Коменского назван «Великая дидактика». Термином «дидактика» Коменский часто пользуется и в других своих сочинениях. Однако следует учитывать, что Коменский и его современники трактовали этот термин значительно шире, чем это делается в наши дни: в содержание этого понятия включались не только вопросы образования и обучения,

<sup>1</sup> Великая дидактика, XX, 6.

но и деятельности учителя, организации школы, различные аспекты воспитания — нравственного, трудового, религиозного и т. д. В целом дидактика Коменского охватывает практически все проблемы, которые являются предметом рассмотрения современной педагогики.

Внимательный читатель не может не заметить, что в своих дидактических трудах Коменский постоянно обращается к причинам пороков человеческого общества и путям их устранения, главным из которых он считал правильно организованное воспитание как в широком смысле слова, так и в более узком значении нравственного воспитания. Поэтому многие его дидактические высказывания имеют самое непосредственное отношение к воспитанию, а само обучение и образование, по Коменскому, является фундаментом человеческой нравственности. Поэтому безнравственными, порочными людьми становятся те, кто или лишен образования, или же получил образование неправильное, извращенное.

Коменский призвал внедрять в сознание и поведение детей все человеческие добродетели — мудрость, умеренность, мужество, выносливость в труде, справедливость, честность и т. п. Все эти добродетели должны развиваться в детях с раннего возраста путем соответствующих наставлений, постоянно подкрепляемых конкретными делами и поступками.

Важное значение в процессе нравственного воспитания Коменский придавал примеру нравственного поведения самого педагога, а также примерам, заимствованным из истории и классической литературы.

Необходимым условием эффективного нравственного воспитания детей Коменский считал ограждение их от вредного влияния безнравственных людей и от всяких поводов, могущих повлиять отрицательно на нравственность ребенка. Особенно он предостерегал педагогов не допускать детского безделья, чтобы дети «не научились делать дурное или не отупели умственно»<sup>1</sup>.

В системе школьной работы, особенно в деле нравственного воспитания, Коменский придавал огромное значение дисциплине — исполнительности, выполнению установленных порядков. Общеизвестна крылатая фраза Коменского: «Школа без дисциплины, что мельница без воды»<sup>2</sup>. Однако отношение его к школьной дисциплине принципиально отлично от традиционного для того времени.

В схоластической школе всякого рода наказания — главное средство дисциплинирования — применялись по любому поводу и являлись главным средством «стимулирования» учебных занятий школьников. Коменский же полагал, что дисциплина нужна «не только ради преподавания наук (которые при правильном методе преподавания являются для человеческого ума наслаждением и приманкой), сколько ради нравов»<sup>3</sup>.

Подлинная дисциплина, однако, является сознательным выполнением учащимися школьных законов, норм человеческого общежития, своего долга. Все основные положения, которыми должны руководствоваться в школе и вне ее учащиеся, изложены в стройной системе Коменским в его «Законах хорошо организованной школы» и в «Правилах поведения, собранных для юношества в 1653 г.».

Для всей педагогической системы Коменского характерна трудовая направленность, стремление воспитывать и обучать детей в семье и школе так, чтобы они были подготовлены к включению в жизнь человеческого общества, наполненную различными видами активной деятельности: «Так как жизнь придется проводить в общении с людьми и в деятельности, то нужно научить и детей не бояться человеческого лица и переносить всякий честный труд, чтобы они не стали нелюдимыми, или мизантропами, тунеядцами, бесполез-

<sup>1</sup> Великая дидактика, XXIII, 17.

<sup>2</sup> Там же, XXVI, 1.

<sup>3</sup> Великая дидактика, XXIII, 18.

ным бременем земли»<sup>1</sup>. Трудовое воспитание у Коменского тесно связывается с нравственным, и к мужеству как одной из важнейших нравственных добродетелей, которые можно формировать у юношества, он относит благородное прямодушие и выносливость в труде.

\* \* \*

В педагогическом творчестве Коменского представляется возможным выделить условно три периода: время его жизни на родине до изгнания чешских братьев, когда воспитание и обучение представлялось ему средством национального сохранения своего народа; годы работы над практической реализацией педагогических идей в виде создания принципиально новых учебников и по-новому организованных школ, период его работы для Швеции и Венгрии; амстердамский период жизни, когда Коменский стремился обобщить все свои социально-религиозные идеи и много работал над своим центральным трудом — «Всеобщим советом об исправлении дел человеческих», в котором видное место занимают вопросы воспитания и образования, рассматриваемые в качестве важнейшего фактора установления дружбы и мира между людьми, народами и религиями.

К идее общего мира Коменский возвращался многократно, и изложить ее целостно и во вполне законченном виде ему не удалось, однако общие ее контуры достаточно ясно очерчены. Гигантские ее масштабы очевидны и основное содержание, изложенное во «Всеобщем совете об исправлении дел человеческих», дает достаточное представление о конкретном содержании всего замысла.

«Всеобщий совет об исправлении дел человеческих» состоит из 7 основных частей: «Панегерсия» — «Всеобщее пробуждение», «Панавгия» — «Всеобщее озарение», «Пансофия» — «Всеобщая мудрость», «Пампедия» — «Всеобщее воспитание», «Панглоттия» — «Всеобщий язык», «Панортосия» — «Всеобщее исправление», — «Паннутесия» — «Всеобщее побуждение». Первые две части были опубликованы еще при жизни Коменского, правда очень ограниченным тиражом, а рукописи остальных, не вполне законченных частей были случайно найдены лишь в середине 30-х гг. XX в.

«Панегерсия» служит как бы введением ко всему этому труду. В частности, здесь Коменский раскрывает свое понимание дел человеческих — это наука, или мудрость мысли, набожность сердца и порядок в управлении жизнью. На практике все это нарушено: мудрость существует только в книгах и ею мало кто пользуется, религия вырождается в идолопоклонство и является поводом для распри между людьми, разлаженность гражданского управления приводит к постоянным войнам. Поэтому-то все человеческие дела и нуждаются в реформировании, исправлении самими людьми.

«Панавгия» посвящена философско-методологическому обоснованию всего дальнейшего изложения. Коменский исходил из того, что правильное поведение всех людей основывается на правильном познании всего существующего. Источником же познания является тройной свет: вечный — божественная мудрость, земной — природный и внутренний — разум и воля человека. Последний является для человека главным, поскольку он служит путеводной звездой в познании всего окружающего.

Пользуясь своим излюбленным приемом сравнений и аналогий, который в комениологической литературе называют синкритическим методом и ставят в один ряд с двумя другими широко используемыми Коменским методами — анализом и синтезом, Коменский полагает, что для восприятия упомянутых выше трех родов света человеку даны три рода зрения: чувства, разум, вера.

«Пансофия» содержит все, что должно быть предметом человеческого познания с помощью тех средств, которые были раскрыты в предыдущих частях.

<sup>1</sup> Великая дидактика, XXIII, 9.

Это, по терминологии самого Коменского, мир возможный (мир идей), мир праобразов, мир духовный, мир материальный, мир моральный, мир человеческого труда, мир душевный, мир вечный.

Для педагогов наибольший интерес представляет четвертая часть «Всеобщего совета об исправлении дел человеческих» — «Пампедия», которая посвящена всем аспектам воспитания и синтезирует все педагогические идеи Коменского. Основное назначение «Пампедии» состояло, по Коменскому, в том, чтобы указать, как следует воспитывать людей для обеспечения реформы человеческого общества.

Развивая свои ранние идеи о воспитании, Коменский в «Пампедии» высказывает весьма продуктивную мысль о том, что вся жизнь человека должна быть школой: «Гочно так же, как для всего рода человеческого весь мир — это школа от начала и до конца веков, так и для каждого человека его жизнь — школа, с колыбели и до гроба. Так что мало повторить слова Сенеки: учиться никогда не поздно, ибо должны сказать: каждый возраст предназначен для учения и одни и те же пределы даны человеку для жизни и учения...»<sup>1</sup>. Каждому периоду жизни человека соответствует своя школа.

Если в «Великой дидактике» Коменский говорил о четырех школах — материнской, родного языка, гимназии и академии, то в «Пампедии» у него дополнительно речь идет о школах зрелости и старости. Он их в отличие от школ, организуемых и содержащихся обществом, называет школами личными. В них главным учебником является сама жизнь, окружающая действительность, свой личный опыт. В высказываниях Коменского о необходимости учиться всю жизнь и заниматься самосовершенствованием содержится в зародыше мысль, которая воплощена в наши дни в концепции непрерывного образования.

Пятая книга «Всеобщего совета об исправлении дел человеческих» — «Панглоттия» — посвящена проблемам языка, который является важнейшим средством общения между людьми, средством их обучения и образования.

В условиях еще слабо развитых национальных языков сделать всех людей пансофически образованными представлялось Коменскому делом весьма трудным, и он планирует создание нового языка, строго логичного по структуре, с хорошо отработанным словарным составом, с терминологией, отражающей саму сущность вещей.

Для создания нового языка Коменский предполагал использовать элементы уже существующих языков. Как предпосылку для успешной работы по созданию нового языка — заботу о развитии всех национальных языков. Интересно отметить поразительно широкое знакомство Коменского с самыми различными языками, разных частей света. Он приводит примеры из большинства европейских языков, оперирует данными языков Америки, Африки, Азии.

Идея Коменского о создании мирового универсального языка при всей ее кажущейся утопичности была возрождена в очень похожей форме в 80-е гг. XIX в. в виде искусственного языка эсперанто.

В «Панортосии» Коменский рассматривает практические мероприятия, которые должны быть предприняты, чтобы реализовать его предложения о реформе человеческого общества в трех его важнейших сферах — просвещении, религии, гражданском управлении.

Чтобы достичь этого, он предлагал создать международные организации трех видов: коллегия света — собрание виднейших представителей науки, которое заботилось бы о распространении повсюду истинных знаний, контролировало бы школы и следило бы за качеством издаваемых книг; мировой суд, который следил бы за взаимоотношениями между государствами и мирным путем решал бы возникающие между ними конфликты; всемирную консисто-

<sup>1</sup> Пампедия, V, 1.

рию — духовное управление, которое должно было бы заботиться о чистоте христианской религии во всем мире.

Седьмая часть «Всеобщего совета» — «Паннунтесия» — полностью не сохранилась, но из дошедших до нас набросков можно видеть, что здесь Коменский излагает такие соображения, которые, по его мнению, могли побудить всех людей — частных лиц, философов, ученых, богословов, государственных деятелей и политиков — принять участие в реализации всего этого грандиозного плана переустройства человеческого общества.

\* \* \*

В судьбе идей Коменского и всего его педагогического наследия представляется возможным выделить также три основных этапа: прижизненный, когда Коменский приобрел мировую известность как автор лучших учебников, прежде всего латинского языка, которые в переработанном виде употреблялись еще в XIX в.; в период, связанный с празднованием 300-летия со дня его рождения, когда возник огромный интерес к педагогической теории Коменского, когда во многих странах мира переводились и издавались многие теоретические труды Коменского, в первую очередь «Великая дидактика»; в Германии в 90-е гг. было даже создано Научно-педагогическое общество им. Коменского, а при Музее военно-учебных заведений в Петербурге был открыт отдел Коменского; именно в эти годы Коменский был единодушно признан основоположником школы и педагогики нового времени; наконец, третий этап приходится на 60—70-е гг. XX в., когда был впервые опубликован и стал подвергаться всестороннему анализу итоговый труд Коменского «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих». В наши дни Коменский предстает в образе глобально мыслящего философа и общественного деятеля, все устремления которого направлены на достижение единой гуманной цели — мира и дружбы между народами. Все науки, воспитание, религия для Коменского представляются лишь средствами для достижения этой великой цели.

Коменский в большинстве своих взглядов опередил современников, но в то же время он оставался сыном своего века. Глубокая религиозность побуждала его искать пути примирения, согласования науки и веры. Будучи, несомненно, представителем науки нового времени, он не мог отказать от религии и для обоснования своих в основном реалистических и рационалистических положений в философии и педагогике пользовался и традиционной для того времени аргументацией — ссылками на Священное писание и авторитеты.

В наследии Коменского главное составляют не слабости, обусловленные эпохой, а его прогрессивные идеи, новаторский подход, предвидение, провидение в сущность воспитания. И все это дает нам основание называть Коменского отцом новой педагогики и школы, находя в его богатейшем наследии все новые и новые продуктивные идеи.

*А. И. Пискунов*

## Автобиография

39. Когда император Фердинанд<sup>1</sup> — второй из носивших это имя — изгнал проповедников евангелических церквей из всей Чехии и Моравии (вместе со всеми теми, кто не хотел переменить вероисповедание, не исключая даже дворянства)<sup>1а</sup>, мы в 1628 году переселились в соседние немецкие области, большинство же — в Польшу и Венгрию; меня вместе с многими другими занесло в Лешно, в Польшу, где мне пришлось заниматься школьным делом. Поскольку я им занимался серьезно, я начал более, чем когда-либо, осознавать пороки и недостатки привычного школьного метода и начал так усердно размышлять об его исправлении, что отдельные меткие наблюдения начинали сливаться в систему дидактического мастерства. И видя, что весь латинский язык, вместе с совокупным познанием всех вещей, можно заключить в небольшую книжку, я попытался это сделать в труде под названием «Рассадник всех языков и наук и т. д.». Над этой книгой я работал в свободные часы и почти три года провел в единственной и тайной надежде, что, если Бог будет милостив и вернет нас нашей родине, у нас под рукой будут пособия, при помощи которых можно скорее восполнить ущерб, нанесенный школе и юношеству. Но я не мог скрывать это до такой степени, чтобы мои усилия не стали известны также попечителям лешненской гимназии; двое главных из них, знатного рода, оказали мне честь, посетив меня в моей рабочей комнате и расспрашивая о моих вышеупомянутых дидактических штудиях. Увидевши среди прочего «Рассадник», они предложили: издайте это. Я ответствовал: «Это предназначено для родины». Они: «Родина там, где хорошо». Я: «Труд еще не окончен». Они: «Так заверши». Я: «Это не так просто, я связал себя слишком строгими обязательствами». Они: «Сделай это при окончательной обработке». Короче говоря, они продолжали настаивать, указывая на ту причину, что типография, которую перевезли из Моравии и начали устраивать в Лешно, должна быть торжественно открыта печатанием этой новой книги и т. д.

40. И так случилось, что книга вышла в 1632 году, с названием несколько измененным. Дело в том, что кто-то обратил мое внимание на то, что такая книга, охватывающая весь латинский язык, уже существует. Написана она ирландскими священниками и называется «Дверь языков»; просмотрев ее, мы, однако, увидели, что она написана без тематического упорядочения, ибо двенадцать ее разделов, по сто предложений каждый, содержали лишь разрозненные слова всего языка. Я сказал: «Это нечто иное!» Но они мне все-таки советовали назвать книгу «Дверь языков открытая, или Рассадник» и т. д. И такой она вышла в Лешно, вскоре затем в Гданьске (с немецким и польским переводами), а в Лейпциге к ней добавили (учителя) новый эпитет — «золотая». Этот эпитет сохранили и в других изданиях; вышли также переводы на всех основных европейских языках; такой успех был для меня совершенно неожиданным, даже во сне не мог при-  
сниться.

41. К этому добавились письма от ученых мужей из разных стран, в которых они поздравляли меня с новым открытием и побуждали меня отважиться на еще большее. Среди них был директор школы в Гольдберге, суперинтендант церкви престарелый господин Винклер. Он написал, что, по его мнению, заря нового метода засияла тем желаннее, чем безнадежнее о нем прежде мечталось. Ибо, желая обновить свою школу, пострадавшую от военных бурь, они послали одаренного молодого человека, Мартина Мозера, в Германию к Вольфгангу Ратке<sup>2</sup>, который в своих сочинениях публично восхвалял некий новый метод собственного познания. Однако несмотря на то, что Мозер жил у него целых два года, он не смог у него ничего перенять: так ревностно, мол, скрывает свои новшества Ратке, не желая никому раскрывать свою тайну — разве лишь в том случае, если какой-нибудь король или князь купит ее за большие деньги. «А разве так поступали апостолы, пророки, сам Христос? Ты следуешь им, любезный Коменский, и все свои мысли всем раздаешь бесплатно. Наш Мозер почерпнул из них столько света, что мы здесь творим уже настоящие чудеса благодеянием твоего золотого метода (с помощью твоей «Двери языков» и «Грамматики»), в чем ты сам сможешь убедиться по тем образцам, которые он по моей просьбе посылает тебе. Радуюсь за своих внуков» и т. д.

42. Вскоре после этого прибыл из России ясновельможный воевода белзский, палатин граф Рафал Лещинский<sup>3</sup> и, призвав меня к себе, расспрашивал обо всем. Я показал ему «Дидактику», написанную тогда только на родном языке. Внимательно рассмотрев ее, он сказал: «Вижу, что машина готова к движению, и ей нужен лишь тот, кто приведет ее в движение». И, мол, разумеется, им должен быть я. Воздав благодарение Богу и столь могущест-



венному покровителю, я изложил, что для этого необходимо; я полагаю, что перед латинской «Дверью» нужно построить «Преддверие», а за ним возвести «Дворец», а потом «Дворец авторов»; затем составить более совершенные словари и грамматические правила. Для быстрого осуществления всего этого нужен один или два преданных и усердных помощника; и я назвал упомянутого Мозера и Давида Вехнера. Покровитель охотно согласился и приказал призвать обоих; и я призвал их, но судьба распорядилась иначе. Ибо вскоре, во время чумы, опустошившей Силезию, Мозер отправился к праотцам; вскоре за ним последовал и наш покровитель, разбитый параличом. Но я (раз уж меня подвигли на эти деяния) счел нужным перевести свою «Дидактику» с родного языка на латинский и сделал это.

43. Потом случилось так, что нечаянный гость (австрийский барон Я. Л. В.<sup>4</sup>, по религиозным мотивам живущий в изгнании в Польше) сообщил мне неожиданно новые подтверждения интереса ко мне. Он сказал, что возвращается из Вены и что многие послы немецких князей и общин спрашивали его там, над чем работает Коменский после издания «Двери языков», и, к стыду своему, он, мол, не мог ничего сказать о том, что происходит в Польше, хотя сам прибыл из Польши. Посему, мол, решил он завернуть на обратном пути ко мне, желая все узнать лично; и просит меня ничего от него не скрывать. Я дал ему прочесть свою уже переведенную «Дидактику» в том виде, как она напечатана во «Всеобщих трудах дидактических», т. I. Возвращая ее через два дня мне, он советовал изменить заглавие посвящения на следующее: Императору римскому, всем королям, князьям и общинам христианского мира и т. д. Я ему ответил с улыбкой: «Сударь, тот, кто начинает петь с высокой ноты, должен либо обладать хорошим голосом, либо быстро умолкнуть». Он: «Иезуиты стали властелинами мира, овладев школами, хотя у них нет ничего подобного этим работам». И посоветовал создать дидактическое общество, предлагая самого себя в помощники, особенно по математике, которую весьма хорошо освоил. Но, увидев, что я слишком опасаюсь таких предприятий, перестал настаивать и ушел.

44. Видя, однако, что подобные призывы исходят от все новых и новых лиц, я начал размышлять: «Такие предложения не возникают на пустом месте, на проявления столь высокого признания нужно ответить, если Бог благословит, новым делом, большим и лучшим». И ниспосланы были мне такие мысли: если было признано прекрасной идеей учиться словам языка, исходя из предметов природы, то не будет ли еще прекраснее учиться самим предметам, исходя из слов, уже ранее познанных. То есть, как только юношество при помощи «Двери языков» научится

различать предметы по внешнему виду, нужно его приучать постигать внутреннюю сторону предметов, а также понимать, что является сутью того или иного предмета. У меня росла надежда, что это можно сделать путем кратчайших и точнейших определенных предметов и что это будет намного целесообразнее, чем до сих пор считалось. Ибо я наблюдал, что люди не говорят, а попугайничают, т. е. не переносят из мысли в мысль предметы или суть предметов, но обмениваются между собой непонятными, или малопонятными, или неправильно понятыми словами. Так поступают не только простолюдины, но и полуобразованная публика; и, увы, что особенно достойно сожаления, большинство образованных людей; причина же та, что в словах есть бесконечно много омонимов, а по отношению к предметам почти постоянное незнание их природы (т. е. внутренней сущности каждого предмета). Ибо, когда учебник называет Бога, ангела, человека, сатану, закон, грех, добродетель, порок и т. д. и даже когда люди о предметах материальных говорят: свет, тьма, вино, вода, ветер, холодное, теплое, также: голодать, есть, пить, переваривать, спать или бодрствовать и т. д., не знают, что есть по своей сути и как возникает то, что они называют. Из этого можно заключить, что нет большой разницы в том, каким языком кто пзъясняется (варварским или просвещенным), ибо все мы не что иное, как звучащий металл или звенящий колокольчик, пока мы произносим слова, а не предметы (т. е. словесные оболочки, а не ядро представлений).

45. Итак, я полагал, что будет очень полезной некая универсальная книга, которая бы сама преподносила все необходимое таким образом, чтобы ничто не могло остаться нераскрытым. При этом в такой последовательности от начала до конца, дабы одно не заслоняло другое, чтобы каждый предмет был освещен всесторонне и потому правильно виделся и понимался. Причем, наконец, с такой точной правдивостью целого и частей его, чтобы из самого предмета было ясно, что все сказанное о нем справедливо в теории и логических построениях, в практике и осуществлении и в использовании и употреблении везде, причем с надлежащим различием и определением отношений между предметами, как они есть, представлениями о них, как они возникают в голове, и словами как средством передачи мысли от головы к голове. Я начал надеяться, что такая книга, если бы ее удалось составить надлежащим образом, будет неким всеобщим противоядием от незнания, хаоса, призраков и ошибок. Равным образом противоядием от поверхностной любознательности мысли, если бы в ней рассматривались лишь необходимые для жизни предметы, чтобы в конце концов пресечь раз навсегда всеобщее сетование: не знаем необходимого, потому что научились ненужному.

46. Взвесив все это, я принялся писать «Дверь вещей» (или «Врата мудрости настоящей»), дабы увидеть, сколь благосклонен ко мне Бог. Сталось, однако, что в те же дни вышла в Германии книга профессора в Ростове Петра Лауренберга «Всеобщая мудрость». С нетерпением сравнив с ней свой труд, я не нашел в ней ничего иного, кроме некоего общего обзора аристотелевой философии; а поскольку я считал такое произведение, не содержащее ничего из божественной мудрости и тайны спасения, недостойным столь возвышенного названия, я стал надеяться, что оно подойдет, скорее, к нашему произведению, если в нем искусно будет изложено, как можно достичь счастья в этой и будущей жизни с помощью знания и веры, деяний и надежды. И я продолжал во имя Бога в свободные часы (как и раньше) свой труд, не посвящая никого в свои планы до тех пор, пока не увижу, что получится, или пока не найду искомый метод (определенный и неизменный).

47. Но случилось так, что двое из наших юношей — Даниил Эраст и Самуил Бенедикт, посланные в Англию учиться и снабженные рекомендательными письмами к лондонским проповедникам, были представлены немцу Самуэлю Гартлибу<sup>5</sup> (опекавшему в учении нескольких родовитых молодых людей); когда он их спросил, знают ли они Коменского (так как они сказали, что прибыли из Польши), те ответили, что знают. А когда один из них добавил: «Я был его помощником», Гартлиб спрашивает: «Что он теперь делает, после издания «Двери языков?» Ответ: «Пишет «Дверь предметов». — «Что это будет?» Ответ: «Другое ее название должно быть «Всеобщая мудрость христианская, содержащая классификацию и подлинные свойства всех предметов». Гартлиб: «Вы можете устроить, чтобы к нему попало мое письмо?» — «Может, — ответили они, — ибо мы обязаны писать ему и извещать его об успехах нашей работы». (Дело в том, что два года тому назад [на большом и торжественном собрании священников и представителей, разбросанных по Польше, Силезии и Венгрии] я был дополнительно включен в состав старейшин, и прежде всего мне доверили попечение о тех юношах, которые в качестве будущих церковнослужителей должны были обучаться теологии.) «Как живет Коменский?» — «Бедно, так же, как и остальные изгнанники». Здесь добрый Гартлиб сначала отменно позаботился о них (найдя для обоих покровителей, благодаря щедрости которых они могли находиться в Оксфорде), а потом написал мне письмо и послал мне средства к существованию, обещая это в будущем, если я сочту его достойным переписки со мной.

48. Изумленный отеческой заботой божьего провидения обо мне, я воздал благодарность замечательному человеку, так неожиданно проявившему христианскую любовь ко мне, неизвестному, и к нам, изгнанникам мира. Когда же он (в повторных

письмах) просил послать какие-нибудь наметки пансофической книги, я набросал кое-что и послал ему. Однако, не имея в течение трех месяцев ответа, я решил, что эти наброски или потерялись, или не стоят внимания. Но вот вдруг мне был передан какой-то большой пакет книг, посланный мне из Гданьска. Открываю его и вижу «Предвестие пансофических стремлений» Коменского (напечатано в Оксфорде) с предисловием, объясняющим причину издания: ученые мужи так настойчиво жаждали моего наброска, что переписчики не успевали, посему, мол, было необходимо прибегнуть к печатанию. Кроме того, в посланном мне письме он добавил еще две причины: 1. Чтобы мы могли собирать суждения об этом замысле, когда он станет известен образованным людям в разных королевствах Европы и разного вероисповедания; и это, мол, будет полезно во многих отношениях. 2. Чтобы пробудить щедрость у тех, кто может способствовать тому, чтобы столь замечательное дело могло быть претворено в жизнь. Ибо мудрые мужи приходят, мол, к заключению, что для такого дела мало одного человека, тем более что сам Коменский благородно признает, что его оснащение для этого недостаточно. Посему нужно ему определить компаньонов в работе, шесть или восемь ученых мужей, которые бы изо всех библиотек извлекали наиболее существенное и давали ему отобранный материал (чтобы он своим пером приводил его в порядок). Но, мол, для такого труда мало одной человеческой жизни, если он должен быть доведен до совершенства. А потому необходимо в связи с этим создать коллегия, как того желал славный Веруламский<sup>6</sup>, предназначенную для всеобщего знания и способствующую приумножению наук и искусств, достойному человеческого рода. Пораженный, я изумлялся, что дело принимает такие размеры; но, привыкши почитать чужие мнения больше своих, я не хотел возражать, да уже и не мог.

49. Это произошло в 1636 году; последовали новые оттиски того же «Предвестника всеобщей мудрости» в Лондоне, Париже и в Голландии, а также различные отклики ученых (о которых сообщал мне Гартлиб), по большей части сверх ожидания благосклонные. Таким был отзыв, полученный из одной немецкой академии, в том смысле, что Бог никогда со времени дарования света своего слова не свершал большего благодеяния для рода человеческого, чем тогда, когда внушил одному из простых смертных такие мысли. Другой: Этот план создания книги всеобщей мудрости таков, что не может кому-нибудь не понравиться, разве лишь тому, кто вообще не любит ничего доброго. Третий: Кажется, Коменский обладает какой-то сокровищницей света, которой, однако, он один не в состоянии до сих пор воспользоваться на практике. В том же духе и остальные. Только одпп-единственный нашелся среди

римских католиков, кто выразил свое несогласие, — Декарт <sup>7</sup>, увидевший здесь примесь теологии; и среди лютеран — Каловий; мол, вся эта всеобщая мудрость не что иное, как коварное средство для тайного распространения кальвинизма, — ложное подозрение! А один из моих собратьев в Польше наушничал среди священников и покровителей, что это опасная смесь божьих дел с человеческими, христианства с язычеством, света с тьмой, и довел дело до того, что я должен был дважды публично отвечать (сначала перед знатными покровителями церкви в замке в Лешно, а два месяца спустя перед священниками, собравшимися на синоде в лешненском храме); и каждый раз в результате мне было предложено делать уже с одобрения церкви то, что я прежде делал в тайне, и все добрые люди желали успеха доброму предприятию. (Я составил «Толкование пансофических опытов», сделанное ради критиков; это включено в мои «Дидактические сочинения», т. 1, равно как и сам «Предвестник всеобщей мудрости».)

50. Чувствуя, что такой разницей во мнениях меня расхолаживает, и все еще питая надежду на Пансофическое общество, я продолжал работать весьма медленно (ибо полагал, что мне уже нельзя будет поступать по собственному усмотрению, пока я не увижу, что будет нравиться множеству этих мужей, более ученых, чем я); да иначе и быть не могло, так как на мои плечи легло руководство лешненской гимназией. (Ибо изгнанники из Силезии, которых в общине было уже большинство, не хотели свою школу соединить с нашей, чего желал светлейший граф, правитель, кроме как при условии, что Коменский станет ректором общей школы.) Между тем Гартлиб сообщал, что у него уже есть два и вскоре три человека, подходящих для совместной работы, и настаивал на общей встрече для распределения обязанностей; то он приглашал меня в Лондон, то в Амстердам или в Гамбург (даже в Штетин, если я пожелаю, или в Гданьск); а он с друзьями прибывает. Однако это не могло осуществиться, так как я уже был привязан к месту в связи с принятой обязанностью. Наконец в 1641 году, в месяце июне, получаю я от него три письма (одинакового содержания, но тремя разными путями посланные), в которых он настаивал, чтобы я прибыл немедленно (добавив в приписке): «Приезжай, приезжай, приезжай, это во славу божию, не вопрошай долее свою плоть и кровь!» Что я должен был делать? Я сообщил обо всем чешским собратьям — священникам и старейшинам церкви польской, которые как раз собрались в Лешно по своим делам. Они подумали, а потом решили, чтобы я ехал, а руководство школой передал временно проректору и соректору (ибо мне назначили, как это было принято, соректора; лютеране же выговорили право иметь из своей среды проректора); они не должны, мол, знать, куда я поеду и по какой причине буду неко-

торое время отсутствовать, нужно лишь, чтобы я вернулся как можно скорее; но от первого попечителя школы (человека знатного, воеводы города и лешненского графства) не надо ничего скрывать. Так это и произошло, и он мое намерение одобрил.

51. Я отправился в путь, и только прибыв в Лондон, в день осеннего равноденствия, я понял, в чем дело: меня призвали по решению парламента. Ибо мне показали речь, произнесенную в сейме г. Глауденом (который позднее стал епископом в Экстере, а два года тому назад умер); эта речь была по распоряжению парламента напечатана. К ней (к словам Захарии, гл. 8, 19: «Я превращу для вас пост в веселие, только любите истину и мир») он присоединил следующую вставку (как мне ее перевели с английского на латынь и как она у меня записана в моем путевом дневнике):

«Путь к миру ведет стезями истины. Не надейтесь, что снова достигнете прежнего мира иначе, чем возвращением к любви к древней истине. Истина только одна, как центр; ошибки и обманы разнообразны, они наполнены околичностями и противоречиями, ибо они не меньше, чем с истиной, воюют друг с другом. В этой связи я прошу позволения в столь благородном и представительном собрании рекомендовать вашей великодушной благосклонности столь долго посвящаемые Истине и Миру труды двух великих и всеобщему добру бесконечно преданных мыслителей, Коменского и Дюри<sup>8</sup>, оба они прославились своей ученостью, благочестивостью и безупречностью и, как я хорошо знаю, славой своих дел известны большинству этого высокочтимого собрания. Один из них заложил прекрасный фундамент для возведения храма Истины, человеческой и божественной, сверхполезного всему роду человеческому для достижения действительного познания вещей. Второй уже давно тяжкими трудами и усердием продвинул далеко вперед единение и согласие реформированных церквей (благодеяние, которое трудно переоценить) и добился признания многих великих теологов. Однако два этих чудесных ростка едва не засыхают, ибо им не хватает общей помощи для достижения столь возвышенных целей — к большому стыду времени нынешнего и во вред — и немалый — будущему. Итак, я предлагаю вашему мудрому вниманию: не было бы деянием, достойным вашего имени и добродетели сословия и церкви, пригласить сюда этих мужей, непосредственно наблюдать за их благородными усилиями, воздать им должное и т. д. Если Бог подвигнет вас на этот шаг, да не отпугнет вас от этого замысла расстояние, отделяющее их (один живет сейчас в Польше, а другой — в Дании)». И т. д.

Воздав господину Глаудену за его речь, парламент приказал опубликовать ее и пригласить обоих вышеупомянутых.

52. Когда я прочел это, я сказал: «Вы действовали, друзья,

скорее осторожно, нежели искренне, скрывая эти вещи от меня; если бы я знал это заранее, я не уверен, нашлось ли бы у меня столько мужества, чтобы позволить вытянуть себя на такую большую аудиторию, но теперь я в вашей власти. И все-таки прошу вас, хотя меня здесь никто не знает и даже на корабле не было никого, кто бы меня знал (за исключением моего юноши), разрешите мне и здесь остаться инкогнито, будем эти несколько дней встречаться только друг с другом, ибо я должен вернуться». Они: «Это невозможно в этом году. Ибо король уехал в Шотландию по случаю коронации королевы, а парламент распущен до возвращения короля, осталось только 40 человек для устройства менее важных дел». Хотя эта весть была для меня очень жестока, я, несмотря на это, позволил отвести себя на квартиру, настояв на своем инкогнито.

53. Но на следующий день приходит Гартлиб и сообщает, что мое присутствие — уже не тайна и что он привел с собой портного, чтобы тот быстро сшил мне новое платье по покрою, принятому у английских теологов. Едва платье было готово, мы получили сообщение, что нас приглашает на обед епископ линкольнский (большой поклонник любомудрия). Когда я попал к нему с г. Дюри (которого я уже знал) и с Гартлибом, он спросил, привез ли я с собой свою семью. Я ответил, что об этом меня не просили, а если бы и просили, то это все равно нелегко сделать. Тогда он неприметно отвел моих спутников в свои покои и расспрашивал их, почему это не было устроено по-другому, и наказал им договориться со мной о приезде моей семьи, ибо, мол, иначе невозможно. Что касается обеспечения, то я буду получать от него, пока не последует распоряжения от государственной казны, 120 фунтов стерлингов ежегодно, а другие дадут помимо этого. Затем они выходят ко мне (а к епископу тем временем направилось несколько именитых графов) и обсуждают со мной эти предложения, рекомендуя мне не отказываться от добрых советов. Я ответил, что я сам себе не хозяин, ибо я из той церкви, в которой никто не решает о себе сам; что нужно будет посоветоваться с самим собой и со своими и т. д. Когда окончился обед, епископ, подавая руку, вложил мне десять дукатов, весьма изумив меня такой щедростью. (Вот тебе начало моего принятия даров от чужеземцев, Марсией. И не скрою дальнейших событий, чтобы ты прозрел, злополучный толкователь чужих приключений.)

54. Такого же мнения о приезде семьи были и другие (ибо мы были званы на беседы разными людьми), мол, необходимо, чтобы я переехал, если получу разрешение. Тогда я написал своим братьям; но от друзей-коллег пришел нерешительный совет, от жены слезная мольба не отрывать ее, не знающую чужого языка, так далеко от семьи изгнанников, да и сам я не должен забывать

о своей смертности и т. д. Но беспокоиться не стоило, так как положение в Англии было неустойчивым и менялось, сначала, правда, к лучшему, но вскоре к худшему. Сначала, когда король вернулся из Шотландии и парламент снова собрался в Лондоне на заседание, казалось добрым предзнаменованием то, что наш покровитель епископ линкольнский стал архиепископом йоркским; а парламент несколько раз сообщил нам (главным образом через Шене Кульперера, человека знатного рода), чтобы мы были готовы к созданию из членов парламента комиссии мудрых мужей, которая рассмотрит дела нас обоих и примет решение. Пока же нам были переданы ведомости о доходах коллегии в Челси на содержание двенадцати ученых и т. д. Но единственный несчастный день, принесший весть об ирландском кровопролитии и о возникшей там войне, опрокинул все наши планы. Потеряна была целая зима, если не считать того, что я (желая угодить нашим ревнителям, жаждущим познакомиться с нашими планами) написал трактат под названием «Дорога света» и т. д., опубликованный в Амстердаме в 1668 году.

55. Тем временем мне принесли письма г. Людвика де Геера<sup>9</sup>, посланные в Польшу, а оттуда вслед за мной в Англию, в которых содержалось дружеское приглашение в Швецию; и желания моих друзей тоже склонялись к тому, чтобы я туда съездил (выяснить, чего там хотят). Когда я все взвесил, решено было ехать в Швецию; ведь соглашались и высшие друзья (как Августин называет покровителей) — архиепископ йоркский, граф Брук, г. Пим и другие, присоединив только условие, чтобы я вернулся, когда в Англии обстановка успокоится. Итак задумал я плыть морем прямо в Данию и дальше, попрощавшись письменно с друзьями в Голландии; но они просили не уезжать в Швецию, не встретившись с ними. (Слова Геереборда: «Не причиняй нам позора, не остановившись, плывя мимо нас; найдешь в нашей академии больше друзей, чем можешь предполагать» и т. д.) Тогда решено, что нужно сначала посетить Голландию. [Между прочим] подчеркиваю (чтобы ты признал, г. Маресий, свою опрометчивость, распротраивая в стольких видах лжесвидетельства обо мне), что я в течение девяти месяцев, проведенных в Лондоне (от осеннего равноденствия до летнего солнцестояния), дважды принимал участие в бельгийской церкви, собрания которой я регулярно посещал, пользуясь братской дружбой проповедников (г. Цезаря Каландрина и г. Филиппа де Беек, потерявших к тому времени своего третьего собрата г. Тимофея де Влиет), а потом в церкви англиканской, начав посещать с г. Гартлибом их собрания в храме правителя.

56. Не хочу умолчать о том, что мне перед отъездом из Англии было передано письмо г. Романа де Сенева с приглашением во



Францию; в письмо была вложена записка секретаря кардинала Ришелье, г. Россиньола, который от имени своего патрона делал многообещающие предложения. Такой оборот дела показался мне новым и необычным, но вместе с тем достойным того, чтобы поразмыслить над ним и посоветоваться с моими покровителями. И тогда г. Дюри обратился к двум политикам — знатным дворянам, а я с Гартлибом — к двум архиепископам, йоркскому и армашскому (г. Уссеру, у которого мы нашли также г. Сельдена). Все они, по разным причинам, единодушно советовали нам предпринять эту поездку. Несмотря на это, я все-таки не мог решиться, чего-то, сам не знаю, там опасаясь, да и не владея французским языком; к тому же я боялся задержки и старался избежать подозрения у тех, кому я уже о своем приезде сообщил. Однако я предпринял меры, чтобы вместо меня поехал один из наших известных единомышленников, узнать, в чем дело. Итак, поехал Иоахим Гюбнер, снабженный моим ответом и рекомендательными письмами с изложением его заслуг. Но он уже не мог поговорить с умирающим кардиналом, а лишь с его секретарем. От него он узнал, что замышлялось: учредить пансофическую школу, но смерть кардинала нарушила эти планы. Несмотря на это, он все-таки подробно обсуждал общенаучные проблемы с г. Мерсенном (который уже раньше приветствовал меня в письме) и с другими учеными и т. д.

57. Неприлично обойти молчанием то, что мои английские друзья при расставании торжественно просили меня о трех вещах (и ныне я действительно сожалею, что позднее на них не обращалось внимания): 1. Чтобы я не дал отвлекать себя второстепенными занятиями от пансофических замыслов. 2. Чтобы я не тратил времени на чтение авторов, но старался бы добраться до сути вещей; это, мол, и есть то, чего от меня ожидают, новый, прочный, навеки незабываемый анализ вещей, а не какие-то пусть даже блестяще составленные компиляции. 3. Чтобы я сам, один, с помощью божией продолжал дело и до возвращения в Англию не искал и не допускал никаких помощников (надежду на возвращение они считали бесспорной).

58. Попав в Лейден, я был гостеприимно принят магистром Гееребордом и в его сопровождении посещал гг. профессоров и священников. Все меня любезно принимали и так или иначе поощряли в моей работе, среди прочих и г. Голий. Он меня спросил, знаю ли я, что «Дверь языков» переводится и на восточные языки. Когда я ответил отрицательно, он вытащил письмо, посланное из Алепа, от его брата Петра; тот благодарил его за посылку книги «Дверь языков» и сообщил, что сразу же начал ее переводить на арабский язык. А когда сделал более половины, то показал перевод магометанам, которые были в таком восторге,

что сразу же распределили между собой, кто будет переводить эту книжку на турецкий язык, кто на персидский, а кто на монгольский. И прибавил: «Уже спрашивают и о других работах этого же писателя, писанных в том же духе». И говорит Голий: «Видишь, Коменский, как счастливо открыла твоя «Дверь» путь к язычникам!» Я: «Не нам, Господи, но имени своему воздай честь!» (Когда я сейчас об этом вспоминаю, верь мне, г. Маресий, я чувствую сердцебиение от того, что я не сумел лучше воспользоваться случаем и еще тогда не поспешил сразу же как-нибудь переработать «Дверь вещей». Может быть, удалось бы подготовить души этих народов к будущему их обращению и лучше, чем просто сухой терминологией. Если я каким-то образом виновен в пренебрежении к явившейся возможности, да простит меня Бог! Но виноват буду не я один, ведь меня со всех сторон так отвлекали, и не только тогда, но и потом, и до сих пор, что это может служить печальным примером. То, что делают все, не делает никто, ибо одни другим мешают. Я это испытал на себе столько раз, что однажды написал Гартлибу: «Если кто-нибудь и был причиной промедлений в пансофических исследованиях, то это прежде всего ты, мой друг; ибо ты не дал мне возможности в покое окончить мою работу, так сильно ты принуждал меня выйти на люди, в такую суету ты меня затянул и т. д.». Но, вероятно, как помыслы божии разнятся с нашими, так и времена и исполнители. Бог не противился замыслу Давида построить храм, но все-таки не желал, чтобы замысел этот осуществился при жизни Давида и им самим.)

59. Однажды решили друзья (г. Людовик де Дье, г. Авраам Гейдан, г. Клинже и г. Геереборд) отвести меня для беседы к г. Рене Декарту, который жил в прелестнейшем местечке за городом. Мы беседовали около четырех часов: он нам излагал сокровенные тайны своей философии, я, напротив, защищал убеждение, что человеческое знание, приобретенное только с помощью чувств и размышлений, несовершенно и фрагментарно. Мы расстались дружески; я его призывал издать основы своей философии (через год были действительно изданы), а он со своей стороны побуждал меня ускорить мою работу, сказав, в частности: «Я не выйду за пределы философии, следовательно, у меня будет лишь часть того, что у тебя будет целиком».

60. Устроив свои дела в Амстердаме (с г. Лаврентием де Гером, Готтоном и Рюльце, а также в досточтимой консистории, где я воздал благодарность за новые благодеяния в пользу наших разобщенных братьев), я поспешил в Гамбург. Но, следуя через Бремен, был задержан друзьями на целую неделю. Ко мне на квартиру пришли г. Людовик Гроций с г. доктором Нейфвилем и попросили меня от имени магистрата, чтобы я любезно согла-

силса остаться на несколько дней, ибо им поручили побеседовать со мной, чтобы полнее познакомиться с моими дидактическими и общенаучными принципами. (Так как они уже используют «Дверь языков» вместе с другими книгами в классах своей высшей школы.) И они приходили ко мне ежедневно к обеду и к ужину, то один, то два, то три. Наконец они начали вести со мной переговоры, чтобы я принял педагогическое руководство, мотивируя это тем доводом, что их школа в течение многих лет была воспитательницей богословов для чешской церкви и что после упадка школ в Германии мы чем только можем обязаны помочь возрождению именно этой школы. Если же я этого не могу сделать лично, то я должен попытаться уговорить Давида Вехнера (который стал известен созданием «Храма языка латинского» к «Двери» Коменского, как указано в первом томе «Дидактических сочинений»). И пусть, мол, он не отказывает им в этой помощи; или в конце концов пусть это будет кто угодно из наших, даже если он и не будет безупречно образован, главное, чтобы он был человеком набожным, честным и умел работать по моему методу и т. д. Я пообещал, не зная, что Вехнер тем временем принял управление школой в Гёрлице; ею он достойно руководил и лишь недавно (в этом, 1669 году) праведно умер.

61. Самой важной встречей в Гамбурге была беседа со славным философом Иоахимом Юнгом, ректором гимназии. Он весьма сетовал на то, что дела у протестантов (в школах и церквях) обстоят слишком плохо, и жаловался, что сварливая философия породила сварливую теологию и что дело зашло так далеко, что едва ли можно найти лекарство. Он сам в течение нескольких лет (с Адольфом Тассом и с другими славными мужами) испробовал, мол, все возможное, чтобы помочь привести в надлежащий порядок философию; но все расстраивается из-за губительных войн Германии и фатального равнодушия людей. Он завидует, мол, счастливой ситуации в Швеции, и, если мои усилия будут успешными, он готов вместе со своими сторонниками идти за мной и т. д.

62. В Любек я ехал вместе с шестью польскими дворянами, которые возвращались из университетов и странствий. Они отговаривали меня от путешествия в Швецию и, многое обещая, звали с собой в Польшу. (Особенно один, наследник большого состояния, г. Адам Суходольский, весьма благородно предлагавший мне письменное обязательство, заверенное подписями остальных.) Но я ответил, что уже дал слово и не могу, не потеряв честь, не сдерживать его. Так как на моей квартире проговорились о том, кто я, пришел посланец от бывшего члена магистрата г. Леонарда Эльвера с приглашением меня на обед, а когда я отказался, то он упорно настаивал. Я пришел, и вдруг: два его сына приветствуют меня краткой латинской речью как своего учителя. Я изумился

этому. Тогда отец: «Это твои ученики, ибо знание латинского языка почерпнули от тебя, из твоего «Преддверия» и «Двери». Я: «Такой детский пустяк, как «Дверь языков», прославила Коменского в мире?» Он: «Это отнюдь не детский пустяк, это истинно мужское творение!» И рассказывает мне, что тут натворил некто, попытавшись вместо моих книг ввести в школах свои. По приказу магистрата был исследован его метод, но, так как в нем не нашли ничего особенного, было принято решение придерживаться книг Коменского. Почтил меня также и сам магистр Энгельбрехт, рекомендуя свой метод, именно — провести некоторую подготовку лишь при помощи словарей и сразу же перейти к авторам. Я привожу эти подробности, так как я их нахожу при перелистывании своих дневников; принуждает меня к этому твоя неприязненность, Маресий; я никогда не восторгался своими начальными попытками (помочь школам), но меня приводило в изумление то, что другие преклонялись перед ними и что я так часто встречаюсь с такого рода проявлениями.

63. В Швеции я прежде всего нанес визит тому, кто меня пригласил, знатному г. Людвигу де Гееру в Норчёпинге. От него меня послали сначала к г. Яну Маттие, находящемуся в городе Еребру (он был учителем латинского языка у королевы Кристины <sup>10</sup> и в то время уже и ее религиозным наставником, а вскоре после этого стал епископом в Стреннесе; в то время он как раз находился с королевой, которая перед своей коронацией проводила смотр провинций). Как только ему все изложили, он посоветовал двигаться по этапам, от меньшего к большему, от филологических работ к философским и т. д. [Когда я хотел уходить от него, он сказал: «Угодно ли обратиться к королеве?» — «Мне никто ничего не поручал», — сказал я. Он: «Я сообщил королеве, что ты завтра уезжаешь и что, пожалуй, она не должна была бы отпустить тебя без почести сметь поцеловать ей руку». Я спросил: «На каком языке она обратится ко мне?» Он ответил: «На языке образованных людей, чтобы ты видел, сколько почерпнула она из твоей «Двери языков» (ибо он изложил ей уже всю книгу). Так и произошло; я имел аудиенцию у королевы и с удивлением слышал, как королева бегло говорит по-латински (и в 1646 году еще долее — в течение целых двух часов). Но это не относится к нашему делу.]

64. Потом меня послали в Стокгольм к именитому государственному канцлеру г. Оксеншерне <sup>11</sup>, который меня в течение целых четырех дней так пронизательно экзаменовал, как никто из ученых. И прежде всего в школьных делах, вникая в малейшие детали; венцом этих бесед стало следующее его обращение ко мне: «Я наблюдал уже с первых лет своей жизни, что метод, принятый в школах, есть что-то насильственное, неестественное, однако в

чем причина и каким способом ее можно устранить, я не понимал. Но случилось так — это было двадцать пять лет назад, — что мой король, вечная ему память, послал меня в Германию, и в каких только академиях мне не случилось побывать, везде я обсуждал с учеными этот вопрос, но никто не мог рассеять мои сомнения. В конце концов я получаю наставление, что есть такой человек, который именно об этом много размышлял и написал, — Вольфганг Ратке, у него можно спросить. Я стал его разыскивать, и моя мысль не имела покоя, пока я не нашел и не услышал этого человека. Но он (так как не умел говорить без подготовки) предложил мне прочесть большой немецкий том своих «Наблюдений»; я не позволил себя отпугнуть и проглотил эту пилюлю — прочитал все. Мне показалось, что пороки школ он вскрывает в общем хорошо, но его средства против них мне не особенно нравились, твои совсем иного сорта и, как я вижу, удовлетворяют все требования в этой области. По этим делам (ибо сейчас мои обязанности требуют меня) приходи завтра в то же время, в шесть утра.

65. Прихожу снова и слышу от него неожиданное: мол, для преобразования школ всего шведского королевства регенты королевства (ибо Кристина еще не приняла правления) избрали Я. А. Коменского; с этим согласился и епископ, потому что Коменский, мол, не кальвинист, а гусит. Я ответил, что не нахожу слов, настолько все это для меня неожиданно. Но когда он, несмотря на это, продолжал настаивать, я сказал: «Без согласия своих единоверцев я ничего не могу обещать». Он: «Разрешение мы получим». Я: «Я обещал свое сотрудничество в Англии, как только обстановка станет спокойнее». Он: «Как я представляю себе ситуацию, там еще лет десять не будет покоя». Только тогда я сказал откровенно: «Ясновельможный господин, взять на себя преобразование школ всего королевства для иностранца — дело, чреватое завистью, опасная ставка. Лучше вот что: пусть будет выбран из вашего народа один или несколько человек, которые несли бы это бремя на своих плечах; я же честно обещаю, что буду делиться всем, что уже найдено и что будет дано найти в этой области в результате размышлений». Он: «Значит, все-таки ты к нам приедешь, чтобы лично быть с нами!» Тут возникло много вопросов, которые в тот же день не могли быть решены.

66. На следующий день я снова пришел к нему и услышал следующее: «Меня очень просил г. де Геер уговорить тебя переехать к нам; он готов на свои средства содержать ученых мужей, которых ты привезешь с собой. И он заслуживает похвалы за то, что, как примерный гражданин (ибо получил у нас гражданство), жаждет для своей родины той славы, которую мы ждем от твоих искр, ибо им суждено превратиться в пламя; он хочет, чтобы оно разгорелось и вышло из этого северного края. Но я, уважая твои

обстоятельства, напишу ему, чтобы он больше не настаивал. А ты за это сделаешь для меня вот что: не останешься в Польше, так далеко от нас; приедешь жить в Пруссию или в Померанию, дабы мы могли призвать тебя всегда, когда это будет нужно». Я ответил: «Надеюсь, что мои разрешат мне это, если только я не буду от них совершенно оторван». Снова он: «Какой край ты выберешь?» Отв.: «Пруссию». — «А какое место в Пруссии?» — «Раздумываю, — сказал я, — то ли Торунь, то ли Гданьск». Он: «Почему не Эльблонг?» Я сказал: «Это место мне незнакомо; я никогда его не видел». Он: «Я знаю его; это очаровательное, спокойное, подходящее для твоих штудий место. В магистрате большинство мужи ученые и мудрые, тебе не будет недоставать их благосклонности. Но что самое главное — в религии они беспристрастны. В магистрате, среди граждан и даже среди священников есть частью лютеране, частью реформаты; но, несмотря на это, они не враждуют, а дружно с одной и той же кафедры проповедают слово божие, у одного и того же алтаря подают причастие и т. д. И я думаю, что главное состоит в этом, чтобы ты сохранил беспристрастность в религиозных делах, когда целые государства обоих лагерей начинают благожелательно относиться к твоим усилиям» и т. д. Я обещал ему это и хотел распрощаться, желая завтра вернуться к г. де Гееру. Но он: «Еще тебя не отпускаю, есть еще очень важные дела, и о них поговорим завтра, а сегодня раздели мой скромный ужин, который устраивается не публично, как званый вечер, а приватно». Так это и было, те вечерние часы мы провели в дружеских разговорах.

67. Когда я на следующий день вернулся, он сказал: «Буду обсуждать с тобой серьезнейшие вещи, которыми, как мне известно, ты занимаешься: я читал «Предвестника» твоей всеобщей мудрости. Мне кажется, что ты веришь в какой-то просвещенный, благочестивый, миролюбивый и, как говорят, золотой век; это так?» Я, не зная его мнения, сказал с проясненным лицом: «Да, так, ясновельможный господин, верую». Тогда он, принимая строгий вид, сказал: «Умоляю тебя как человека ученого и богослова, скажи мне, ты говоришь серьезно или шутишь?» Я: «Будь проклят тот, кто бы посмел в таком важном деле шутить и над церковью божией насмехаться. Я действительно так думаю, и в этом мое утешение, которое служит мне опорой при виде краха моей церкви и моего народа» и т. д. Он: «Ты готов к возражениям?» — «Готов, даже с нетерпением жажду. Ибо этот «Предвестник» был опубликован именно для того (хотя и не мною, а моими друзьями без спроса у меня), чтобы было можно получить отзывы ученых; и если отзыв может быть от любого ученого, то почему и не от тебя, человека зрелой мудрости?» Он: «Я выдвину против тебя доказательства, подкрепленные Писанием и разумом»

чтобы ты понял, сколь ложно то, во что ты веришь». Ответ: «Я готов выслушать». Тогда он: «Есть знаменитое высказывание Христово, что, когда придет Сын человеческий, он найдет веру на земле. А ты как думаешь? Ныне все мы ждем пришествия Христа на суд; а ты хочешь только начать распространять веру среди язычников? Как так?» Я ответил: «Это место единственное или, по крайней мере, главное, которому можно противопоставить тысячу иных, провозглашающих окончательную победу Христа и триумф церкви на земле. Оно дано не с той целью, чтобы затемнить остальное Писание, но с тем, чтобы объяснять (так же как в живописи используются темные краски и тени ради высветления соседних мест собственным светом). Нужно воздавать Богу благодарность за то, что рядом с темными местами положил он ключи» п т. д. Итак, я объяснил ему на примере притчи (Лук. 18: о неправедном судье и вдове, просящей помощи), смысл которой — «должно всегда молиться», что там нет речи о вере прошедшей или о вере оправдывающей (как говорит религия), но о вере во внимание свыше, то есть в доверие, что никогда не надо отчаиваться, даже тогда, когда все кажется потерянным. Так что для меня смысл этого изречения, сказал я, такой же, как изречения Филона<sup>12</sup>, гласящего: «Бог обычно в час отчаяния отодвигает час освобождения». Он: «Но здесь речь идет не о приходе Бога Отца, а о приходе Христа». Ответ: «Без сомнения, ибо Отец отдал весь суд Сыну» (Иоани 5, 22 и 27). Тогда он: «Я никогда не слышал такого толкования этого места». Ответ: «И я не помню, чтобы читал такое, но дело вполне ясное».

68. Канцлер был этим удовлетворен и ничего другого из Писания не приводил, вместо этого он обратился к доводам разума и сказал: «Мы, сидящие у кормила событий, наблюдаем ежедневно, как легко и по сколь ничтожным причинам возникают споры, а возникнув, как нелегко они улаживаются. Следовательно, ныне, когда все на свете находится в крайнем противоречии, откуда у тебя надежда на столь всеобъемлющее примирение?» Тогда я ему, ссылаясь на Писание и на здравый разум, обосновал свою надежду таким образом, что он же, напряженно выслушав, в конце концов сказал: «Полагаю, что так на эти вещи никто другой до сих пор не смотрел; иди же дальше по тому же пути. Тогда либо мы достигнем, наконец, соглашения, либо будет ясно, что надежды нет». И он отпустил меня с пожеланием божьего благословения. Хотя канцлер Упсальской академии просв. г. Ян Скитте просил, чтобы я в его сопровождении познакомился с профессорами и с архиепископом г. Лаврентием Паулином (которого со дня на день ожидали из Лапландии после долгого, продолжающегося целое лето, осмотра новых церквей), канцлер королевства меня отговорил: «Я не хочу отдавать тебя многим».

69. Вернувшись в Норчёпинг, я отдал письмо канцлера господину де Гееру (удивленному, что оно целиком написано собственноручно, чего он никогда не видел). А поскольку корабль, который должен был переправить меня в Пруссию, только что вернулся из Ливонии и необходимо было несколько дней для его выгрузки, было достаточно времени для размышлений о разных делах. Между прочим, когда он мне предлагал оплатить расходы (не только за меня, но и за моих сотрудников, ученых мужей) и когда я попросил письменное подтверждение этого обещания, чтобы поверили моим словам те, которых я хочу призвать, он отказался, говоря, что предпочитает, чтобы поверили скорее его словам, чем бумаге. В другой день на прогулке он спросил о наших рассеянных по свету братьях, в какие края их занесло, каково их в том или ином месте положение, сколько их и т. д. Я ответил, что у меня есть список оставшихся проповедников, вдов и сирот. Когда он был ему предложен, то среди тех, кто искал гостеприимства в Венгрии и в Польше, насчитано было 94 проповедника с тремя настоятелями. Тогда я спросил, соизволит ли он распространить крылья христианской любви и великодушной щедрости, проявленных по другим поводам, и на этих наших членов. А именно таким образом, чтобы часть того, что предназначено для работников, шла бы в помощь просящим. Он остановился в раздумье, а затем сказал: «Не будем смешивать это, пусть будет каждое дело отдельно! Тебе и твоим сотрудникам я дам то, что обещал, а тем каждый год буду посылать тысячу талеров, до тех пор пока тебя оставят при этом деле. Половина пусть достанется тем, которые живут в Польше, остальное — тем, кто в Венгрии, ибо я вижу, что их почти одинаковое количество. Я напишу им письмо, чтобы они тебя отпустили, а ты им его передашь с подарками». Я благословлял Бога (воздев очи и длани к небу), что нам, убогим, отверженным мира сего, дал он столь великого благодетеля; упоминаю здесь об этом для того, чтобы память о такой исключительной добродетели оставалась и в будущем.

70. Наконец он меня любезно отпустил с тройным условием: 1. Чтобы я, отложив на время общенаучные работы, посвятил себя целиком окончанию дидактических сочинений. 2. Чтобы я не изменял совету, который мне дали насчет Эльблонга. 3. Чтобы в компаньоны своих трудов я предпочитал брать старательных молодых людей, а не зрелых мужей с семьями, ибо молодых легче уволить, если бы вдруг какой-то из них не годился.

Когда я дошел в своей защите до этого места (19 сентября), подожди ты, напала на меня вдруг болезнь, распространенная тогда в Голландии, сильная лихорадка и вырвала у меня перо из руки; и свалила меня, старца, так, что, потеряв надежду на жизнь, я считал, что подобает размышлять только о достойной



кончине. Особенно когда объявили о смерти г. Серария, а вскоре после того г. Коцея, погубленного подобной болезнью. Как утешение приходило мне на память известное изречение Меланхтона<sup>13</sup> (найденное после смерти в его бумагах): «Не бойся смерти, ибо будешь избавлен от бремени грехов, козней дьявола и хищности теологов и т. д.». К этому, хотя и примешивалось нечто от человеческой слабости (а именно представление о радости, которую будет испытывать г. Маресий при известии о смерти нас троих, как будто бы Бог подтверждал и исполнял его осуждение нас, и я должен был умереть не защищенным от его обвинений), но все-таки дух победил это небольшое искушение, и я, будучи целиком в руках божьих, отдавал все свое (жизнь и смерть, славу и позор) и просил во имя Христа единственно о прощении грехов всей жизни; и не только для себя, но и для Маресия, без причины преследующего меня и не ведающего, что творит; дабы и ему было дано перед концом жизни познать свои заблуждения, просить у Бога прощения и обрести милость. Так надеждой, что я примирюсь с ним перед лицом божьим, утешал я свою душу, ожидая назначенного Богом часа.

Однако, вот ведь, Богу захотелось вырвать меня из могильной пропасти и вселить снова надежду на жизнь! К концу октября он повелел жару отступить; да благословится имя его! Несмотря на это, остатки так долго продолжающейся старческой болезни не позволяли мне в течение целых трех месяцев снова набраться сил. Только 6 января 1670 года я снова беру трясущейся рукой перо и страстно взываю к Богу, чтобы он своей добротой вел меня к такому сдержанному изложению того, что нужно к этому сочинению прибавить, дабы оно не вызывало ни у кого возмущения, а, наоборот, утверждало в добром и меня, и г. Маресия, и других. Аминь, святой Боже, аминь! И внушила мне доброта божия два здравых совета: 1. чтобы я поскорее выпутался из споров с г. Маресием и все время (не знаю, сколько мне отмерено этим последним снисхождением божьим) посвятил труду пансофическому, давно начатому, о котором добрые люди мечтают, но который Маресий столькими порицаниями принизил. 2. чтобы я не привлекал его на публичный суд, но все то, что мне еще осталось обсудить с ним, предоставил суду совести, на троне которого восседает Христос. Итак, к этой цели я должен стремиться, окончив как можно короче очерк своих странствований, которые Маресий ложным изложением так позорно обезобразил.

71. Когда я попал в Эльблонг, меня тепло приветствовали господа старейшины, а на следующий день и магистрат (в лице посланного ко мне секретаря); мне была обещана всевозможная поддержка, и она действительно в течение целых шести лет оказывалась. Достоинство памяти и то, что произошло у г. Коя, мудрого

члена магистрата. Он, будучи одновременно куратором школы, был первым сторонником введения моего метода, а посему проявлял большую радость по случаю моего приезда. Он спрашивал меня, откуда у меня появилась мысль поселиться у них? Я ответил ему: «По совету шведского канцлера». Он: «А откуда тот взял такой совет?» Тут я повторил его слова так, как они приведены в § 66. Тогда он сказал мне еще с большим удивлением: «Могу ли я верить, что это действительно так?» — «Я ничего не выдумываю, — сказал я, — и для чего бы мне выдумывать?» Он: «Господи, неисповедимы пути твои!» И опять ко мне: «Чтобы ты перестал удивляться, что я удивляюсь, расскажу тебе, что у нас произошло. Густав Адольф<sup>14</sup>, король шведский, покорив в 1626 году часть Пруссии — и наш город тоже, — заключил с королем польским перемирие на шесть лет<sup>15</sup>, желая перейти с войском в Германию, оставил наместником в Пруссии своего канцлера, именно этого г. Оксеншерна. Тот, избрав резиденцией наш город, велел вскоре позвать к себе магистрат и, обратившись к нам с весьма резкими словами, сказал: «Хочу узнать от вас, эльблонгцы, кто вы такие! Я верил, что буду жить среди лютеранских евангеликов, а ныне вижу, что среди ваших сограждан, да и среди вас самих в магистрате и среди проповедников водятся кальвинисты, и вы это знаете и добровольно терпите! Но я ни в коем случае не могу закрывать на это глаза. Если бы я знал определенно, кто из проповедников заражен кальвинизмом, то стянул бы собственными руками с кафедры волка, прикрывшегося овечьей шкурой! Итак, я хочу знать, как с этим обстоит дело!» Так как все оглядывались на меня (ибо в этом году я стал впервые советником магистрата, представителем общины), то я ответил: «Ваша светлость, этот вопрос для нас неожиданен (ибо мы думали, что будут обсуждаться какие-нибудь выплаты); посему мы просим позволить нам удалиться посоветоваться». Тут он: «Вот она, кальвинистская уловка, изворачиваться! Не разрешаю! Я желаю, чтобы мне ответили сейчас же!» Тогда я, молча обратившись к Богу, ответил ему примерно следующим образом: «Да, Ваша светлость, у нас нет пристрастности, связанной с именами Лютера и Кальвина. Мы — евангелические христиане, мы хотим, чтобы у нас народ учили вере по книгам Евангелия, а схоластические тонкости мы отдали в школы. Ибо если кто-либо из проповедников придерживается взглядов того или иного доктора, пусть держит это про себя и не вводит публично церковь в смятение. Да не подумает Ваше сиятельство, что такое состояние церкви было заведено нами, здесь стоящими; таким мы его унаследовали от своих отцов и предков сразу же от начала реформации. Когда они видели печальное начало разрыва между евангеликами (из-за противоположных взглядов ученых мужей) и боялись еще более печального конца, то мудро признали, что

его нужно предотвратить и не допустить у себя вздорных ссор. О, если бы вся Германия не знала, что есть или что называется «лютериш» или «кальвиниш»! Она бы не видела себя в развалах, в которые ее ввергли и те, кто покидал остальных, и те, кто преследовал или же бросал других на произвол преследователей, и т. д. ...Что на это ответит господин канцлер?» — спросил я. Он: «Ничего иного, нежели: *Es leest sich wol sagen* (какой-то смысл в этом есть)». И на этом отпустил нас, не упомянув впоследствии об этом деле ни разу. И вот теперь, когда я слышу, что он одобряет воздержанность, за которую когда-то упрекал, я изумляюсь могуществу деяний божиих и восхваляю его.

(Упоминаю об этом здесь лишь для того, чтобы было ясно, что и мудрый от мудрого может учиться и что не есть бесчестье для христианина и набожного ревнителя изменение своего убеждения в лучшую сторону.)

72. Итак, наняв в Эльблонге дом для житья, я поспешил в Лешно и передал старейшинам письмо и дары. Они, посоветовавшись, приняли решение освободить меня для вышеупомянутых работ и дали мне в помощники четырех молодых семинаристов.

73. Когда я оттуда спешил с семьей в Эльблонг, со мной произошло нечто неожиданное, что должно было вызвать большую задержку моих работ. Ибо когда я остановился на ночлег в Мариенбурге<sup>10</sup>, то местный проповедник (Ян Епископий, моравин) дал мне понять, что светлейший палатин померанский (г. граф Герхард Денгоф) весьма переживает то, что я, недавно проезжая этой дорогой, не выразил ему почтения; и приказал при моем возвращении привести меня к нему. Итак, мы идем к нему: правитель, разузнав с нетерпением о том, что произошло в Англии, Бельгии и Швеции, спросил у меня, направлены ли пансофические усилия также и на примирение религий. Я ответил: «Только в своих последствиях; может статься, после того, когда утихнет большинство философских споров, люди будут больше расположены и к улаживанию теологических споров». Тогда Денгоф восхвалил божие провидение, которое устроило так, что я буду жить именно в Эльблонге, где уже живет Барт Нигрин, занимающийся вопросами мира. Я сказал, что я далек от предприятий такого рода и что этот человек мне кажется очень подозрительным. Он: «Ты по-иному будешь рассуждать, когда познакомишься с основами его работы. Прошу тебя (сказал), доверяй ему и позволь к тебе обратиться; ты увидишь, что твои опасения превратятся в утешения».

74. Этот Нигрин был родом из Силезии, по вероисповеданию лютеранин, однако позже он был изгнан из отечества и стал проповедником реформистов в Гданьске; это был ученый человек, очень изощренный в диспутах, и поэтому г. палатин Денгоф его

высоко ценил. Особенно, когда г. палатин довел Нигрина упреками до того, что тот отважился вступить в спор с капуцином Валерианом Магни. Магни перед этим издал книги о католическом и некаатолическом правиле веры и надменно торжествовал над протестантами, ибо уже никто не отважился выступить против него; так было в Гданьске, где во время своего пребывания с королем Владиславом<sup>17</sup> он, найдя одного из противников, г. Ботсака, безуспешно его вызывал на диспут. Г. палатин заявлял, что именно наши теологи станут изменниками религии из-за столь несвоевременного молчания и страха. И вот под королевским покровительством был объявлен торжественный диспут, который продолжался в течение целых четырех дней (в присутствии главных лиц с обеих сторон) с таким пылом (писари обеих сторон записывали все в протоколы), что по приказу короля, когда монах начал терять почву под ногами, диспут был прерван и отложен на другое время, дабы дело католиков не было проиграно; было приказано, чтобы оба протокола были снабжены печатями видных мужей и чтобы впредь они хранились в гданьской ратуше. Но на следующий день король, послав Нигрину (за то, что он мужественно держался) воистину королевский дар — девять тысяч золотых, добился того, что протоколы были уничтожены. Монах, однако, ежедневно посещал Нигрина и пытался продолжить дебаты; он говорил, что еще не видел никого, кто бы сумел лучше определить сущность спора и мужественнее отстаивать свой тезис. «Ты не должен зарывать этот клад, Нигрин, а пусть его в оборот, чтобы ты, чтобы он приносил доходы господину своему. Когда я вернусь в Рим,— говорил он,— я буду доказывать папе и святой коллегии, что протестанты не являются еретиками в собственном смысле слова, ибо умеют защищать свои взгляды, опираясь на Писание, церковные соборы, отцов церкви, что они — схизматики, причем по нашей вине, ибо мы обнаружившиеся ошибочные шаги не исправляем и непристойности с глаз их не удаляем». И прибавлял: «Не думай ты, Нигрин, или кто-либо иной, что римская церковь не признает своих недостатков не только в жизни и в обрядах, но и в учении, а все это потому, чтобы достойно прийти к реформации». Следовательно, мол, лучше, чтобы Нигрин внес свою лепту в исцеление от ран всей церкви, нежели одной только части, оторванной от единого тела церкви, и т. д. Короче: Валериан вел дело с ним так, что Нигрин, клюнув на эту приманку, сначала отказался от места проповедника в Гданьске, потом уехал в Варшаву и советовался с епископами и, наконец, отправился вместе с Валерианом в Моравию, однако, побоявшись следовать за ним в Рим, вернулся и обосновался в Эльблонге, купив себе там дом.

75. Когда и я там очутился, он вскоре посетил меня; он открыл мне мало-помалу свои тайны, побуждал меня объединиться

в осуществлении наших планов и заявлял, что будет более честно, если я предложу свою помощь королю и королевству польскому, чем этому захолустному шведскому уголку. Когда я говорил, что дал слово и перемены невозможны, он тогда заявил: «Сколько ты получаешь ежегодно?» — «Четыреста империалов». Он: «И из них же содержишь и своих помощников?» — «Да, но для них кое-что прибавляют на одежду». Он: «Хлеба у тебя не будет, хлеба у тебя не будет». Я ответил: «Не хлебом единым жив человек» и т. д. Он: «От меня ты получишь в два раза, даже в три или четыре раза больше». — «Я не нуждаюсь в таких доходах, — сказал я, — мне достаточно питания и одежды». Он: «Значит, ты так дешево себя ценишь?» Короче, он столько раз и так разнообразно настаивал, что я сказал: «Умоляю тебя, Нигрин, не нарушай моих планов. Не знаю уж и как, но меня слишком выставили на люди; ожидают от меня таких вещей, что я и сам не знаю, под силу ли они мне, поэтому я и удалился на этот Патмос<sup>18</sup>, чтобы испробовать свои силы. А ты меня опять отсюда влечешь прочь ради иных задач?» И т. д. и т. д.

76. Я забыл упомянуть, что сообщил Гартлибу в письме о решении, принятом в Швеции, согласно которому я должен отложить пансофические работы и заниматься работами грамматическими. Он это намерение по многим доводам хулил (в частности, таким солицизмом: «В какую пропасть ты катишься, занимаясь делом, не стоящим твоих сил?»<sup>19</sup>, намекая тем самым, что эти менее важные работы могут делать другие) и желал, чтобы еще можно было провести изменение, резко настаивая на необходимости отдать предпочтение более важным делам. Это письмо я послал своему покровителю, прося, чтобы доводы были приняты во внимание. Но тщетно, мне приказали продолжать работу над дидактическими сочинениями. Чтобы, несмотря на это, хоть частично удовлетворить тех, кто добивался пансофических трудов, я опубликовал «Очерк всеобщей мудрости» (напечатанный в Гданьске в 1643 году), вскоре вновь изданный в Лондоне, в Париже, в Амстердаме<sup>20</sup> и т. д.

77. Вернусь снова к Нигрину, который опять употребил новую отмычку против моей неуступчивости, дав мне письмо, посланное Валерианом из Рима, с приветом для меня. В нем были и следующие слова: «Кажется, что свет душ засиял тому человеку, который столь всецело посвятил себя желанию продвинуть вперед благо рода человеческого. Скажи ему, что я готов содействовать его пансофии двумя мелочами». Дело в том, что Нигрин послал ему без моего ведома «Предвестник всеобщей мудрости». Вскоре после этого он мне показал договор, заключенный с тем же Валерианом, собственноручно подписанный обоими, о том, что необходимо искать (Валериан в Италии, Нигрин в Германии) ученых

мужей, подходящих для реформирования философии, чтобы не казалось, что церковь по-прежнему зависит от философии языческой, аристотелевой и т. д. Он говорил, что у него есть надежда привлечь к этому Г. Горнея, профессора в Гельмштадте; если соглашусь и я, то это будет желанное пополнение и т. д. Но я просто-напросто отказался, поскольку, мол, не могу дать себя сманить к этому.

78. В другой раз он мне доверил опять новую тайну: будто бы король польский (с согласия епископов) хочет послать остальным королям и князьям христианского мира послание с осуждением жестоких религиозных войн и с рекомендацией мирных совещаний; но совещаний иного рода, чем те, что до сих пор предпринимались и оказывались либо пышными сборищами, либо местными диспутами теологов, в разных местах устраиваемыми, на которых одни других либо подавляли численностью, серьезностью или силой, либо застигали врасплох хитростью. Надо, чтобы благочестивые и образованные теологи с мирным характером, уполномоченные князьями, собрались в определенном месте и тщательно исследовали то, что является спорным в Писании и в древних сочинениях, чтобы они старались везде выявить то, что правильнее и лучше, а потом спокойно привести это в согласие, не оставляя никому ни единого сомнения неразрешенным. Король, мол, хочет предложить для этого благотворного предприятия свои спокойные провинции, особенно Пруссию, а в ней город Эльблонг, не скупясь на расходы ради такого святого замысла, и т. д. Так как мне эти планы казались совершенно разумными, я кое-что прибавил по их рекомендации; и это принесло мне позже немало затруднений.

79. Ибо в 1644 году Нигрин мне сообщил, что король и епископы призывают его в Варшаву, пусть я, мол, возьмусь его сопровождать. «Сопровождать, — сказал я, — но какое мне дело до Варшавы?» Нигрин: «Король пошлет за тобой». Я ответил: «Король не пошлет за неприметным, незнакомым ему человеком, если ты ничего не подстроишь». И в великом волнении я сказал: «Прошу тебя, ради Бога, не мешай мне. Иди за своим делом без меня, а мне дай спокойно делать свое дело». Тогда он: «Я тебя не отпущу, разве только письменно оформишь наш недавний разговор». Что я должен был делать? Чтобы купить себе покой от его навязчивости, я написал тот набросок, будучи уверен, что в нем нет ничего такого, что могло бы мне или другим как-то повредить. Взяв у меня эти бумаги, он предложил мне другое: книги Валериана о правиле веры, чтобы я их пока читал. Я ответил ему, что из-за работы у меня нет времени, а полемиками я не увлекаюсь. А он: «Заклинаю тебя читать их; а если не будешь, призову тебя на суд Христа. Таков ваш обычай — осуждать католиков как идолопож-

лонников и т. д., а спорную вещь и суть спора понять не хотите». И ушел, выдавая этими словами свой образ мыслей, уже достаточно расположенный к перемене вероисповедания.

80. Я же, памятуя его заклинание, решил посвятить несколько дней чтению этой книги; сначала я читал бегло, но потом по-настоящему, признавая ее содержание серьезным. Отсюда возникли два ответа Валериану, изданные вскоре (по настоятельному требованию друзей, которым я их дал на отзыв) в Гданьске под именем Ульриха Нейфельда, а недавно снова напечатанные в Амстердаме под моим настоящим именем <sup>21</sup>.

81. Между тем приходят слухи о том, что Нигрин в Варшаве переменял вероисповедание, открыто признав римское. Так оно и было. Ибо его спрашивали епископы, каким образом он хочет их убедить, что своей деятельностью не замышляет обманывать римскую церковь? Если он ранее подписал аугсбургское исповедание <sup>22</sup>, то, может быть, у него хватит мужества подписать их исповедание, которое находится в согласии с тридентским собором <sup>23</sup>? Когда он стал соглашаться, что все будет братья в католическом духе, они сказали: «Тогда подпиши». И он подписал. А они: «Пока этого мало; есть у тебя мужество подтвердить объединение с римской церковью и принятием причащения под одним видом?» Нигрин изворачивался, но, не видя, куда отступить, согласился; но требовал, чтобы это произошло тайно, дабы предотвратить возмущение со стороны евангеликов и помехи к соединению церквей. Ему было обещано, что это произойдет в архиепископской домашней часовне, на второй день, в восемь часов. Но держали это втайне таким образом, что об этом узнали все, и многие, в том числе и евангелики, сбегались на это зрелище. И видели, как епископ сидит у двери часовни и дает Нигрину, склоненному к его коленям, отпущение греха ереси; что тот, будучи протестантом, вступает в римскую церковь не отступничеством, а соединением.

82. Паписты насмеялись над весьма ошеломленными евангеликами: вот, мол, у нас и наступил час торжества над недавним триумфатором; епископы особенно подтрунивали над г. палатином померанским, мол, его патриарх уже показал пример, и ему пора следовать по его стопам. Тот отвечал: «Неразумно вы поступили, господа, действуя таким образом. Вы могли бы дольше при помощи этого орудия подлости водить нас за нос, сделать из нас посмешище, причинить нам больше вреда, если бы вы его еще и далее прятали под маской; но теперь, как только этот Иуда выдал себя, ваши интриги уже бессильны». И он уехал, негодуя, из Варшавы (даже не дождавшись конца сейма). Узнав о его возвращении, я поспешил в Марпенбург, чтобы подробнее узнать от Его Светлости, что произошло, и чтобы излить свое огорчение близкими связями с вероломным человеком (которого мне рекомендовала

Его Светлость). В то же время прибыл торунский староста г. Ян Прусс. И палатин решил призвать нас обоим одновременно и поговорить об этом злополучном деле. Когда после многих причитаний над такой подлостью меня спросили, почему именно я так напуган, я ответил: «Потому, что я ему кое-что слишком доверчиво сообщил» и т. д. И показал им то самое «Напоминание друга другу о воссоединении разобщенных». Прочитав его, они спросили, чего я здесь опасаясь. Сочинение, мол, благочестивое, изысканное, умеренное, так что никто, даже самый резкий противник, не может его не одобрить. Я ответил: «Он пригрозил мне, что я буду призван к королю. А я, вытерпев от папистов на своей родине, всего у них боюсь, даже простого взгляда». Он на это: «Ты живешь теперь в Польше, а не в Чехии; лишь бы сердце твое не поддалось известному: Поклонись мне — и получишь все, что хочешь». Я ответил: «Такой опасности нет». «Тогда вообще нет опасности, — изрек он, — если тебя король позовет, я пойду с тобой, поведу тебя и приведу назад» и т. д. Однако я сообщил эти сведения и в Швецию, спрашивая совета; но получил приказ остаться.

83. Между тем от короля и архиепископа были разосланы послания, приглашающие евангеликов к мирному диспуту в Торуню в сентябре месяце; наши, однако, намереваясь обдумать, что нужно сделать, быстро созвали встречи в провинциях, и я тоже был позван своими в Великую Польшу. Везде было решено, что срок слишком краток, что нужно просить короля об отсрочке на следующий год и т. д. Когда отсрочка была получена, благочестивый князь Януш Радзивилл<sup>24</sup> пригласил наших из всех провинций к себе в Орлы в Литве, чтобы договориться о единых действиях; и прибыли в большом количестве дворяне и священники. Я тоже был назначен от моих собратьев в Польше и послан эльблонгским магистратом туда в их собственной карете, хотя другие лютеране не посылали теологов, а лишь гонцов с посланиями. Но то, что там произошло, известно всем; я упомяну лишь кое-что, касающееся меня лично (чтобы отбросить столько пустых побасенок Маресия).

84. Было принято решение воздать благодарность королю (за предоставление годичной льготы), посоветоваться с иноземными богословами, выбрать дома подходящих людей, которые пойдут на диспут, и послать к королю с нынешнего собрания знатных людей в качестве посланников. Чтобы придать духу и им и всем нам, я получил приказ произнести прощальную речь, которую я и произнес, черпая из «Деяний апостолов» (XXIV, 14—16). Когда я ее окончил, благочестивый князь сначала сам лично, а потом при посредстве суперинтендантов литовских церквей, посланных ко мне, милостивейше договаривался со мной о переезде в Литву, чтобы я поселился в его замке в Любече на Немане



и там работал над пансофическим сочинением. Там, мол, весьма богатая библиотека, и Его Высочество, мол, позаботится, чтобы из какой угодно страны было доставлено любое сочинение, которое понадобится; мне, мол, будет разрешено призвать к себе на помощь ученых мужей в любом количестве, а Его Высочество готово тратить даже четверть своего дохода на поддержку столь замечательного дела. За столь неслыханную щедрость и воистину богатырское рвение я воздал ему подобающую благодарность и объяснил, почему это пока не может осуществиться (из-за обязательства, взятого уже в другом месте), что это можно будет учесть, смотря по тому, какую возможность в будущем даст Бог и время. (Но не знали мы о божьем намерении наслать на Польшу и Литву грозу своего суда в подобии неистовых войн и сурового преследования церквей, в пучине которых погибло столько благочестивых проповедников и защитников церкви, да и сам славный князь; горел!)

85. Вернувшись в Эльблонг, я сообщил о том, что произошло в Литве, не только эльблонгскому магистрату, но и своему покровителю в Швеции и получил согласие с той оговоркой, чтобы я не принимал участия в торунском диспуте, а удалился незадолго до этого в Швецию. Я добился этого и у своих братьев; но некоторые (из Малой Польши и из Литвы) резко выступили против этого, возражая, что если Коменский уклонится, то его не только будет подозревать в союзничестве с Нигрином, но и обвинять в отступлении от божьего дела. Тогда мои друзья нашли средний путь, решив, чтобы я присутствовал при начале диспута, а именно для посредничества между реформатами и лютеранами (ибо надеялись на мое кое-какое влияние на них), дабы мы не расходились между собой хотя бы в тех пунктах, которые совместно отстаиваем против папства; ибо в противном случае, если мы будем непримиримы между собой, то станем посмешищем для противников, которые этого несомненно и ожидают.

86. Но это благочестивое стремление моих братьев (к хоть какому-либо единодушию перед лицом противника) было тщетным. Ибо лютеране написали саксонскому курфюрсту, чтобы он им послал на помощь какого-нибудь надежного теолога, и курфюрст им послал г. Гюльсманна (профессора в Виттенберге); но из-за того, что у них председательствовал этот человек, нельзя было достичь ни малейшего смягчения. Ибо он, проявив три года тому назад изданием «Непримиримого кальвинизма» свою непримиримость, считал нечестным со своей стороны отступить от нее. По указанию своих и по просьбе торунского магистрата (переданной мне членом магистрата г. Пруссом) я два раза посетил его, взявши с собой одного из своих собратьев (Яна Епископия), и изложил ему положение церквей в Польше (чешского, аугсбургского и гельветского исповеданий)<sup>25</sup>, успех которых зависит от взаимной

сплоченности, возникшей на памяти отцов; я просил его о такой умеренности в решениях, чтобы было видно, что благо церкви является для нас общей целью и чтобы наш разлад не давал ныне противникам возможности легко опрокинуть нас. Тогда он нас, чешских братьев, упрекал в непостоянстве, мол, мы не те, кому Лютер подал руку к братскому союзу, ибо мы будто бы перешли в лагерь кальвинистов. Я утверждал, что мы ничего не изменили в догматах против исповедания наших предков, которое Лютер одобрил и издал <sup>26</sup>, украсив своими похвальными отзывами; что мы с реформатами связаны так, как согласно христианской любви должны быть связаны со сторонниками Евангелия и они, и кто угодно и т. д. Он ответил, что уже нет времени кому-либо поддакивать, но надо проявить усердие во имя религии, каким бы ни был результат; и его нужно верить Богу. Он, мол, будет со своими друзьями защищать свою религию во всех пунктах. Реформаты же пусть сами смотрят, что им на пользу, и т. д.

87. К этому прибавилось еще одно предзнаменование безнадежности задуманного: политический управляющий реформатов г. Збигнев Горайский <sup>27</sup>, бургграф хелмский, спросил князя Оссольиньского <sup>28</sup>, канцлера Королевства Польского, уполномоченного, посланного королем, будем ли мы с ними обсуждать вопросы религии свободно, как свободные со свободными? Тот ответил: «Нас обязывает совесть». Тогда Горайский: «И нас тоже, а именно по отношению к Богу и его слову». Канцлер: «Нас по отношению к церкви». Бургграф: «Церковь — это люди, но Бог есть Бог; и больше подобает слушаться Бога, чем людей». Канцлер: «Нам было сказано: слушайся церкви!» Бургграф: «Тогда с какой целью мы поведем диспут?» Канцлер: «С той целью, чтобы вы научились подражать нам, так же быть послушными голосу церкви». Когда нам наш управляющий об этом рассказывал, было ясно, на что можно надеяться; но я, видя столь прекрасное начало мирного диспута и будучи уверен, что на обеих сторонах у нас хватит забот с непримиримыми людьми, попрощался с братьями в Торунь, чтобы поспешить в Швецию, как мне было приказано.

88. Но, найдя дома в Эльблонге некоторых из моих близких больными, видя зиму перед собой и не имея свои школьные труды до сих пор подготовленными (при стольких препятствиях), я отложил поездку на следующий год (сообщив обо всем лишь в письменном виде). Тем временем торунский диспут окончился бесплодно, ибо его даже не начинали; ведь все три месяца, разрешенные королем для дебатов, были проведены в подготовительных работах (в выяснении, каких титулов придерживаются непосредственно во время диспута, и подобных мелочей)! В этом можно было видеть праздность людей, пекущихся о великолепии, а не о сути дела. Но король, разгневавшись на неприступность люте-

ран, начал помышлять о повом диспуте реформатов. Тем самым мне впервые представилась возможность высказаться о христианстве миротворящем, поелику миротворцем является Христос, о том, как должны быть подготовлены христиане, истинные наследники Христа, чтобы их действительно признавали подлинными сынами мира. Но намерения короля не получили продолжения, ибо вскоре вспыхнула война с казаками <sup>29</sup>, а сам король в скором времени после этого умер <sup>30</sup>, и, конечно, начатое мною дело тоже не подвинулось вперед. Но духовенство в Польше с той поры и по сей день стало более азартным в искоренении евангеликов.

89. Нужно кое-что упомянуть и о конце жалкого отступника Нигрина, в назидание отступникам. Когда он после своего отступничества возвратился домой, написали ему два гданьских проповедника, прежние друзья его, Арне Андреэ и Ян Цезарь, требуя объяснить причины его поступка; в противном случае они упрекали его в легкомыслии и призывали к покаянию. Когда он на это ничего не ответил, они обратились ко мне, чтобы я настаивал на ответе. Тогда я посетил его и прежде всего сказал ему от своего имени: «Господин Нигрин, таким способом примиряют исповедания?» Он сначала свой поступок извинял тем, что будто бы был обманут, а потом всячески приукрашивал его. Я: «Ты ответил гданьским?» Он: «Не ответил и не отвечаю. Ich achte die Bachanterey nicht, считаю их недостойными того, чтобы на их ярость против меня отвечать хоть одним словом». Я: «Но апостол обязывает (Петр. 1, 3, 15) — «Будьте готовы дать ответ». Так как он стоял на своем, я сказал: «Помню, я читал о каком-то иезуите, который перед королем французским произнес такую блестящую речь против атеистов, что все пришли в изумление. Полагая, что нравятся его остроумие и красноречие, он предложил, если королю будет угодно, говорить завтра за атеистов, что Бога нет. Но король, оскорбленный легкомыслием этого человека, приказал ему убраться. Не поступаешь ли подобным образом ты, Нигрин? Так как тебе сопутствовала победа при защите правды и так как ты видел, что это нравилось, ты тут же пытаешься бороться против правды! Смотри, чтобы с тобой не произошло того же, что с ним, чтобы ты своим легкомыслием не оскорбил и не отдалил от себя тех, кому ты стремишься нравиться». Так как это сравнение он воспринял с большим неудовольствием, я прибавил: «Пусть с твоей совестью дело обстоит как угодно, но жалостно и даже смешно, чтобы тот, кто ловушки устраивает, в ловушки попадал и чтобы торжествовали над триумфатором».

90. Позднее, однако (за два месяца до торунского диспута), случилось, что Нигрин через своего секретаря передал мне, что у него находится священник Шенгоф, духовник королевы, который мечтает со мной познакомиться и просит, чтобы я его посетил.

Я пошел к нему и нашел там также г. Клавия, ректора брунсбергской коллегии, оба меня очень любезно приняли, и я слышал от них разные вещи, особенно хвалебные речи моей «Двери языков», которую, мол, и они излагают своим ученикам; далее об ожидании «Двери вещей» или пансофии, «Предвестника» которой они видели, и, наконец, о торунском диспуте; мол, напрасно евангелики боятся козней; существует, мол, искреннее стремление к познанию истины и объединению в мире. Потом просили (как только узнали от г. Нигрина, какое место я занимаю у своих), чтобы и мы тоже были охотны послать туда людей миролюбивых, несварливых, нежестокосердных, неподозрительных и т. д. Пока мы об этом разговаривали, входит вдруг некто, странным образом начавший лебезить перед отцами иезуитами (ибо, кроме прочего, говорил: «Благочестивейшие отцы, если раньше я смотрел на вас как на дьяволов во плоти, то теперь на вас гляжу как на ангелов божьих»). Те спрашивают у Нигрина, кто это? Он отвечает: «Теодор Симоний». Тогда они обращаются к Симонию и расспрашивают его о его родине, об образе его жизни, о причинах перемены исповедания и т. д. (Тогда как я про себя размышлял о том, что тут происходит и не устроен ли, кажется, этот театр ради меня.) Он рассказывает, что родом он гольштинец, что был воспитан в лютеранстве, но, несмотря на это, испытал разные исповедания и нигде не мог найти покоя для совести, лишь в лоне церкви католической. Его спрашивают, при каких обстоятельствах он принял решение присоединиться к церкви. Он ответил: «Амстердамские еретики, называющие себя реформатами, прознали, что я хорошо разбираюсь в «Отцах»<sup>34</sup>, особенно греческих, и наняли меня собирать из древних сочинений все, что говорит против папства. Тогда я (с обычной для еретиков опрометчивостью) взялся за дело и сделал выписки из «Отцов трех столетий», которые они вскоре напечатали (он показал книжку в восьмушку); однако когда я хотел продолжать, моя совесть восстала, ибо, чем дальше я продвигался, тем больше находил свидетельств в пользу папства, так что в конце концов я искал совета у католиков и нашел его. От почтенного отца Гондия, епископа голландского, я получил отпущение греха ереси, в присутствии епископа принял от католического священника святое причастие и, ставши членом церкви, уехал для безопасности из Голландии. И вот теперь я прошу совета, что вы мне рекомендуете делать в связи с этим моим несчастным поступком (и снова показал книгу): должен ли я ее опровергать или обойти это дело молчанием?» Г. Клавий считал, что ее нужно решительно опровергнуть во всех подробностях; г. Шенгоф полагал, что достаточно только в общих чертах, даже на одной лишь странице: «Я, Н. Н., признаю свое авторство книги Н. Н., но ныне от нее отказываюсь, ибо и т. д.». Нигрин

советовал вообще молчать. Тогда г. Шенгоф: «Послушаем мнение славного Коменского» — и, обратившись ко мне, просит меня любезно огласить свое мнение. Тогда Симоний Нигрину: «Как, Коменский здесь?» И, бросившись ко мне, просит извинить его опрометчивость, ибо он перевел «Дверь языков» на греческий язык, не спросив у меня, сочинителя (она вышла в изысканном аттическом стиле)<sup>32</sup>. Я ответил, что в этом нет никакой вины, скорее, благодеяние для юношества и что я от имени последнего благодарю его и т. д. и т. д. Когда мы снова уселись и они добились от меня моего мнения, я ответил, что этот случай и вопрос для меня неожиданны и что они меня не касаются. Но когда они, несмотря на это, настаивали, я сказал: «Если бы у меня сегодня были причины переменить исповедание, я бы хотел, чтобы уже завтра об этом знали все; чтобы те, кто следовал за мной в заблуждении, могли бы следовать за мной и в покаянии». Я так сказал потому, что меня очень оскорбляло лицемерие Нигрина, явный признак нечистой совести и т. д. и т. д.

91. Но каким все же был конец Нигрина? Поскольку он отказался от своей совести, от него отступились и Бог и люди. В конце концов даже епископы насмеялись над ним и не давали ему средства для ведения изысканного образа жизни (на что он надеялся). Он умер в крайней нужде и нищете в сентябре 1646 года, на пятьдесят четвертом году жизни, на втором году своего отступничества, будучи призван за свои поступки дать перед Богом ответ, который он не хотел давать никому из людей.

92. А я, будучи призван в том году снова в Швецию, не нашел там все так, как надеялся я или мой покровитель. Прежде всего я должен был ждать двенадцать дней, так как г. канцлер тяжело болел и никого, кроме доктора, к себе не допускал. Чтобы это время не шло без пользы, г. де Геер дал на рассмотрение трем ученым мужам мои работы за это четырехлетие (ибо я их привез с собой), и они были найдены подходящими для опубликования; посему я должен, мол, здесь перезимовать, чтобы окончить, если что-то нужно, и внести исправления. Но необходимо было ждать согласия канцлера и королевы. Когда мы назавтра его ожидали, пришел доброжелатель из придворных и тайно сообщил нам неожиданные вещи, что кто-то приехал из Германии и раздает членам магистрата и теологам экземпляры какой-то толстой книги под названием «Защита аугсбургского вероисповедания», посвященной королеве; и что одновременно открыто настаивает на том, чтобы не было разрешено включать кальвинистов в число участников религиозного примирения в Германии (ибо переговоры в Мюнстере<sup>33</sup> уже клонились к концу). Но королева будто бы отложила книгу, едва заглянувши в нее; члены же магистрата отнеслись к этому делу неприязненно, напали на посланца за то,

что он хлопочет за недостойное дело, заявляя: «Были союзниками по оружию, должны быть союзниками и в мире». Но не только это; он, мол, требует также от теологов, чтобы Коменского не привлекали к реформе школ. Ибо вся его всеумудрость и все эти дидактические усилия, мол, есть не что иное, чем коварно сделанный механизм для скрытого распространения кальвинизма. Так это было написано собственноручно г. Каловием, а мне по секрету сообщено; я видел это собственными глазами и публично об этом рассказываю, чтобы г. Каловий, если он жив (я надеюсь), имел возможность признать бесполезность своего усердия и гнусность привычки подозревать соучастников евангелического дела и чтобы он имел возможность хотя бы в старости исправиться.

93. Будучи предупреждены таким образом заранее об этих наговорах, мы ожидали, что скажет господин канцлер. Он же сказал, принимая меня, то, чего я не ожидал. Он резко упрекал меня за то, что я не послушался совета уклониться от торунского диспута и тем самым расстроил все их замыслы. Я ему рассказал, как это получилось; но он: «А почему ты дал записать себя в список совещающихся?» Когда я отрицал это, он схватил лежавшую перед ним книгу, протокол этого диспута, напечатанный в Варшаве (который я до тех пор не видел), и в нем среди теологов-реформатов показал мое имя. Я ответил, что, хотя римские католики публично называли имена своих двенадцати теологов и то же самое сделали лютеране, реформаты оправдались тем, что еще не присутствуют все те, на прибытие которых они надеются; что их имена они объявят, как только дело дойдет до самого диспута, и т. д. Но этого так и не произошло, так как все время было потрачено на подготовительные работы (как я уже раньше говорил). Я же вскоре оттуда уехал, и, таким образом, мое имя попало сюда исключительно по ошибке. Канцлер: «Что случилось, того не вернешь, будет лучше, если ты вернешься в Пруссию». Мы ушли от него с тем, что я смиренно вверил Его Светлости дело своего народа и своей церкви, дабы не было допущено, чтобы при заключении мира в Мюнстере мы были изъяты из свободы исповедания. Об этом мы вскоре просили и Ее Величество королеву.

94. Дело в том, что мы вскоре пришли во дворец и удостоились почти двухчасовой милостивейшей аудиенции. У Ее Величества были ко мне главным образом два требования: 1. Чтобы я спешил в работе над всеобщей мудростью (смысл которой я должен был снова изложить). 2. Чтобы я переехал в Швецию. Тут г. де Геер (который все это время вместе с двумя камердинерами королевы присутствовал) взял слово и сказал: «Euer Maiestät vocieren ihn, ich will ihn stipendieren». И королева — мне: «Хочешь?» Я ответил: «Хотя сейчас это не может осуществиться, но то, что воз-

можно в будущем, следует вверить божественному провидению» и т. д.

95. Итак, я в конце октября уехал тогда из Швеции; но в апреле я получил оттуда письма, содержавшие громы и молнии; ибо архиепископ скарский на всеобщем имперском сейме выступил с причитаниями, что прокрадывается кальвинизм и что уже видные люди обоих сословий заражены им, и прямо называл меня. И хотя за эту бунтарскую речь он получил порицание, ненависть все-таки была уже посеяна; и таким образом частично исполнилось то, о чем будто бы говорил добрая душа Меланхтон (гуляя по берегу Лабы с друзьями во времена начавшихся споров о святом причастии): если бы он мог пролить столько слез, сколько капель воды несет Лаба, то и тогда не смог бы в полной мере оплакать бедствия, которые принесет эта священная война. О, жалкий Вавилон, царящий и у нас, хвастающихся тем, что мы это давно преодолели!

96. Между тем как я держался своего намерения оказать услугу христианскому юношеству, каждый противоположными советами тянул меня в другую сторону. Господин Готтон, Рулицуус и Моррианус советовали вернуться в Голландию, обещая мне абсолютно спокойный уголок в Алкмаре. Единоверцы же из Польши и Венгрии призывали меня назад к себе на том основании, что их епископы (Юрий Эрастус и Лаврентий Юстинус) умерли, а третий (Павел Фабриций) поражен неизлечимой болезнью; не годится, мол, чтобы я, последний, был так далеко от обоих рассеянных стад. Писал мне и г. Бистерфельд из Трансильвании, что я напрасно надеюсь на пансофическую коллегия (ибо он знал, что я в Англии и в Голландии обольщал себя такой надеждой); мол, я сам должен продолжать начатое дело. И прибавил: «Как невозможно, чтобы две матери родили одно дитя, так невозможно, чтобы цельное и всесторонне гармоничное творение вышло из нескольких голов. И докончи его ты по сделанным наброскам (говорил), если это для тебя возможно; увидишь, что мы со всех сторон поспешим к тебе на помощь» и т. д. Когда я об этом с доверием сообщил своему покровителю и попросил у него совета, тот дал мне полное право самому решить вопрос о себе так, как сочту нужным, лишь бы были изданы школьные труды, уже сделанные, дабы потом перейти к большим задачам.

97. Итак, обдумав все, я вернулся в Лешно; и там через несколько дней похоронил любимую супругу <sup>34</sup> (скошенную долгой болезнью и спешащую к отцовским могилам), а вскоре и любимого друга г. Фабриция <sup>35</sup>. Когда от меня хотели, чтобы я занял его место в пастырском синоде чешской церкви, я отказался по серьезным причинам, переложив это бремя на плечи Вацлава Лохара. Зато я отдал в печать уже подготовленные дидактические

труды, те, которые содержатся во втором томе «Дидактических сочинений». Этой работой я занимался целых два года, пока мюнстерский мир, утвержденный в Нюрнберге с весьма подробными добавлениями (в январе 1650 года), не принес новые беды. Ибо нам написал кто-то из наших именитых дворян, что мы полностью исключены из условий этого мира. И, мол, поэтому необходимо созвать видных людей из тех, кто живет в изгнании в Польше, Пруссии, Силезии и Венгрии, чтобы они приняли последнее решение, что же нам нужно делать теперь, когда все нас покинули. Мы написали тогда послания, и прибыло в Лешно немалое количество, только из Венгрии никто не приехал; видные особы (как из проповедников, так и из дворянства) ссылались на старость, болезни и трудности длинного пути (была еще зима); кроме того, и на то, что за прошедшие двадцать два года они несколько раз приезжали в Польшу на синодальные собрания, а мы их ни разу в ответ не посетили. Будет, мол, справедливо хотя бы раз посетить их ввиду столь важного дела, чтобы сообщить им лично, что мы здесь решим, и в ответ услышать их мнение, и т. д.

98. Когда мы собрались в Лешно, нам было сообщено человеком, посвященным в тайну этого дела, следующее: после смерти Густава и Фридриха (1632)<sup>36</sup> создали имперские князья с целью совместных действий особый совет во Франкфурте-на-Майне и сделали его председателем г. канцлера Оксеншерну. Когда об этом узнали чешские вожди, живущие в большинстве в изгнании, в Мейсене, они послали к ним торжественное посольство (восемь магнатов, восемь рыцарей и столько же из мещанского сословия) и дали им наказ защитить родину. Они вернулись назад с блестящими обещаниями (не только устными, но и с официальной грамотой, заверенной имперской печатью), что Чехии, как видному члену империи, должны быть в любом случае возвращены ее свободы, независимо от того, будет ли нужно окончить войну победой оружия или мирными переговорами, и т. д. Но теперь ясно, что все наоборот, так как мы были отданы в наследие австрийскому дому, а тем самым и папе. Что мы должны в таком случае предпринять? Отказаться от всех надежд и слиться с другими народами и церквями? А мы, священники, должны теперь распустить консисторию и никого больше не назначать и не посылать на церковные службы, оставляя каждого Богу и собственной совести? После долгого размышления было принято отрицательное решение; и светские члены (когда-то покровители церкви на родине) настойчиво требовали, чтобы мы не допускали таких мыслей, могущих расторгнуть святые узы единства и порядка, которые наши предки установили и в течение двух столетий ревниво оберегали. Пусть лучше вместо недавно усопших епископов будут поставлены



новые столпы, и так и впредь, пока хоть кто-нибудь из наших будет жить; конечный же результат отдадим в руки первого пастыря, Христа.

99. На этом сошлись все; равно как и на необходимости посетить братьев-мораван, рассеянных по Венгрии, а для этого послать меня—мораванина; ибо они называли конкретно меня и требовали, чтобы я среди них жил (или, если обстоятельства этого не позволят, хотя бы их посетил, так как большинство их не видело меня уже 25 лет). Хотя я видел, что этот длинный путь вызовет задержку моих трудов, нельзя было все-таки противиться желанию братьев; особенно потому, что появилось еще одно обстоятельство, весьма ускорившее этот мой отъезд. Дело в том, что еще до собрания мне передали адресованное на мое имя письмо с большой печатью; когда мы его вскрыли, то увидели подпись *СИГИЗМУНД РАКОЦИ* <sup>37</sup>, который меня приветливо приглашал к себе в Верхнюю Венгрию для консультаций по вопросам школьного дела и пансофических изысканий. К сему было присоединено содержавшее многие доводы в пользу предложения письмо Яна Толная (который многие годы был другом Гартлиба в Англии, а тогда уже ректором гимназии в Патаке). Поскольку никто из братьев не возражал, я понял, что меня в Венгрию не только приглашают, но и посылают. Это произошло в конце марта. Мне, правда, советовали, чтобы я ехал вскоре после пасхи, а вернулся до трицы, но я, быстро подготовив все необходимое, вскоре отправился в путь, желая пасху (17 апреля) отпраздновать вместе со своими земляками где угодно, если Бог даст.

100. И дал Бог, что я в страстную субботу приехал в Скалице (первый венгерский город, находящийся возле моравских границ, в котором есть известная община моравских изгнанников) и нашел там, к великой радости обеих сторон, много вельмож и шляхтичей из Моравии, собравшихся на праздник. Итак, первый и второй день праздника были посвящены службам и освящению Тайной Вечери, на третий день праздника (после краткой проповеди и торжественного молебна) народ был распущен и было собрано заседание; на нем я, исполняя данную мне задачу, рассказал о положении дела; я изложил решение лешненского синода и одновременно спросил об их мнении. Так как оно полностью совпадало с нашим, я тут же, властью данной мне братьями в Польше, утвердил епископом одного из шести живущих там священников (благочестивого и серьезного старца Яна Ходниция, уже раньше избранного голосованием), а они обещали ему послушание. Взяв его с собой уже как товарища по синоду, я поехал дальше в Венгрию; прежде всего я посетил в городе Трпаве г. Капнишая, венгра, проповедника местной церкви и смотрителя над соседними церквями (и над нашей скалицкой). Мы извинились

перед ним, что после соединения с ними (с церквями гельветского исповедания) до сих пор, как видно, отмечает самостоятельные синоды и по какой необходимости это теперь экстренно делалось. Благочестивый старец ответил, что хотя он и принял под свое покровительство нас, изгнанников с родины, живущих у них в качестве гостей, но местные проповедники не могут заботиться о наших собраниях, поскольку у них нет людей, знающих наш язык; это, мол, они оставляют нам; и мы можем с его полного согласия устроить все так, как было бы на пользу жизни наших церквей в мире. Когда я на это возразил: «Что можем мы, несчастные остатки церквей, когда-то хорошо организованных, да еще здесь, в чужой стороне?», он тогда: «Сможешь ты благодаря твоей поездке в Верхнюю Венгрию, о которой я узнал. Ибо там причина зла и начало раскола по вине некоторых молодых людей, возвращающихся из Англии и рекомендующих индипендентство. Их вождь, Ян Толнай, пользующийся большой благосклонностью княгини-матери и ее сына Сигизмунда, прививает им ненависть к старому руководству церкви (посредством епископов, старейшин и синодов), и даже уже привил. Так что дело церкви там находится в большой опасности. Следовательно, ты, попав к нему и к правителям, сможешь отговаривать их от этих новшеств и рекомендовать покой и порядок» и т. д. С этим он нас отпустил после трехдневного пребывания и дружеской опеки (ибо он даже не позволил, чтобы мы жили в другом месте, и заставил нас переночевать с постоялого двора к нему).

101. А мы (посетив в отдельных городах, которые мы проезжали, братьев, живущих в изгнании) приехали в установленный день в Пухов (наследственный город трансильванской княгини) и нашли там собравшихся не в очень большом количестве дворян, но зато почти 20 священников; и были мы с ними шесть дней, ежедневно с ними встречаясь и укрепляя в себе надежду на милосердие божие (даже если бы он решил нас погубить). Ибо читалась вслух история наших отцов, написанная поляком Яном Лашицким<sup>38</sup>, недавно переведенная на чешский язык и напечатанная в Лешне; экземпляры ее я привез с собой. Поскольку, проезжая через Силезию, я нашел одного из проповедников, живущих в Пухове (Яна Радоша), присматривавшего там за своим стадом, я приказал ему, чтобы он тотчас же вернулся и объявил о моем приезде и чтобы отложил святое причастие (которое должно было по обычаю отмечаться в светлое Христово воскресенье) на милосердное воскресенье; а потому мы и это собрание в Пухове закончили поданием причастия. Настоятелем церкви (ибо предыдущий незадолго перед этим умер) был объявлен Ян Эфроний, который был мною им предложен; затем после обеда голосованием были избраны и назначены церковные старосты и, кроме того, было

сделано все, что казалось необходимым для пользы церкви.

102. Когда я устроил дела в Нижней Венгрии (среди изгнанников), у меня появилось страстное желание поскорее вернуться к своим трудам; могу же я отложить длинное путешествие в Верхнюю Венгрию (около 60 немецких миль) на другое время и оттуда дать понять в письме князю Сигизмунду и Толнаю, почему мой проезд не мог сейчас осуществиться. Это письмо я даже начал писать. Но когда об этом узнали мои собратья, они настойчиво просили меня не менять своего намерения. Мол, живут они здесь в тени князей Ракоци; нужно поэтому быть очень осторожным, чтобы их каким-нибудь способом не оскорбить и не отвратить от себя. И далее, если они будут настаивать на том, чтобы я приехал, новая поездка из Польши в Верхнюю Венгрию будет в два раза длиннее; сейчас для меня, мол, представляется прекрасный случай ее осуществить. И мой друг Ходницкий также напоминал мне о заветном желании благочестивого старца Канишая и моем обещании. Поразмыслив над этими доводами, я дал согласие и, взяв себе в проводники по незнакомому пути Павла Ветерина, прибыл на девятый день в Патак (княжескую резиденцию), сообщив о присутствии прежде всего Толнаю. Он, приняв меня в своем доме, сказал, что сообщит князьям только после обеда, чтобы мы имели время прежде всего для самих себя. Таким образом, здесь мне впервые представился случай поговорить о смятении церквей в Англии и призвать к осторожности, чтобы наши церкви не заполучили оттуда какую-нибудь заразу. Результат этого первого личного замечания был тот, что он сказал: «Если я в чем-либо заблуждаюсь, я готов это исправить, если меня наставят к лучшему».

103. После обеда он послал в замок объявить о моем приезде; и мы получили приказ сразу же прибыть. Итак, мы туда явились; меня ввели к князю Сигизмунду в его покои, и мой слух и моя душа услаждались его мудрыми речами вплоть до часа ужина, в то время как Толнай удалился пока к княгине-матери. Перед ужином меня тоже к ней ввели; я почтительно поклонился Ее Высочеству и был ласково принят (как новый и желанный в Венгрии гость). Толнаю приказали, чтобы он щедро обеспечил моих проводников, а меня ежедневно лично приводил ко двору на обед и на ужин и т. д. Так случилось, что я целые дни утром и после обеда проводил в интимных беседах с князем Сигизмундом. Хотя содержание этих бесед было разнообразным, цель их была одна: уговорить меня, чтобы я остался здесь не только на несколько дней или недель для составления рекомендаций (о преобразовании школ), но чтобы я принял приглашение остаться навсегда. Ко мне также посылались видные лица (священники и поли-

тики) для того, чтобы со мной переговорить наедине. Они высказывали различные просьбы, употребляя в большинстве случаев следующие слова: «Прийди и освободи нас от варварства». Когда я удивлялся этому и говорил, что вижу в их народе простоту обычаев, однако же варварства не вижу, один из них (знатный муж, советник князя) ответил: «Если бы ты явился тридцать лет тому назад, ты увидел бы скифскую грязь; но господин Альштед, Пискатор и Бистерфельд уже вычистили самое худшее, остальное смоешь ты» и т. д.

(Чтобы кто-нибудь не посчитал лезть то, что я говорил, как упомянуто, о простоте, а не о варварстве народа, коснусь некоторых вещей, доставивших мне наслаждение. Напр., почтительность к старшим, нижестоящим и вышестоящим, необразованных к образованным и т. д. Если мальчики, играя на улице, увидят проходящего мимо уважаемого человека, то они перестанут играть, воздадут проходящему почтение (обнажив голову и поклонившись) и только тогда, когда он удалится, возвращаются к своей игре. По воскресеньям усердно посещаются храмы, так что во время проповеди нелегко найти кого-нибудь на улице. Публичные трактиры в праздничный день либо совсем закрыты, либо, по крайней мере, пьяницы должны выйти, побывать в церкви и только после проповеди вернуться; и т. д.).

104. Когда я наконец сказал: «Я сам себе не хозяин и не могу ничего сам от себя обещать; ибо я член той церкви, в которой никто свободно не распоряжается сам собой, но лишь согласно общему решению; у меня (по воле братьев) обязательства в другом месте, у г. Людвига де Геера» и т. д., мне ответили, что благородная княгиня-мать напишет послания церквам в Польше, а светлейший владыка Сигизмунд господину де Гееру, чтобы договориться о моем освобождении от обязательств. Что я должен был в таком случае делать? Воспрепятствовать этому я не мог, не мог и отвращаться от народа, столь ласкового ко мне и жаждущего меня в качестве целителя его недугов (которые признает и желает быть от них избавленным). При этом у меня не выходило из головы изречение Христа (Матф. 9,12): «Не нужен и т. д.»<sup>39</sup>. Видя тогда, что я уже не отказываюсь так упорно, они шлют мне заготовленный пригласительный лист с установлением прекрасного жалованья, заверенный княжескими печатями, и, щедро оделив деньгами на дорогу, отпускают меня; но дали мне с собой и верхового (с одной стороны, для безопасности в пути, а с другой, для того, чтобы узнать дорогу ко мне в Лешно) и т. д.

105. Вернувшись таким образом к своим в Лешно (как раз в тот день, который мне был назначен, день перед троицей), я с радостью провел с ними праздничные дни; потом, созвав видных людей, я отчитался за свои действия в Венгрии (с многими по-

сланиями от церквей, проповедников и от княгини); все поздравляли меня с божьим покровительством в столь дальних дорогах и с желанным успехом в деле. О приглашении в Венгрию нельзя было ничего решить до тех пор, пока не станет ясно мнение господина де Геера. Князьям же ответили через их посланца, что пока нельзя ни обещать, ни отказать без г. де Геера. Когда же от него уже второй месяц не было никакого ответа, вернулся посланец из Венгрии и настаивал на решении; это повторилось и во второй и в третий раз, так что в конце концов мои собратья решили отпустить меня хотя бы на время (из опасения лишиться благосклонности трансильванского князя, столь необходимой для наших в Венгрии). Итак, я получил приказ ехать, но без семьи, и стремиться к тому, чтобы вернуться, выполнив все, что там нужно выполнить, если удастся за эту зиму. Послав письмо господину де Гееру, я старался заверить его в том, что эти перемены происходят не по моей воле (но исключительно по помыслу божьему) и что я не буду в Венгрии делать ничего иного, чем то, что отвечает его достойным уважения стремлениям, может быть, с большим успехом, чем в другом месте, и т. д. Но и на это он ничего не ответил; или кто-то подливал масла в огонь, или он (по своей богатырской натуре) не мог снести соперника.

106. По требованию своего проводника, мол, князья уедут на зиму в Трансильванию, я спешил изо всех сил; однако я приехал как раз день спустя после того, как они уехали оттуда. Но, получив вызов следовать за ними, я догнал их в Токае и добился того, что мне дали трех советников: Андрея из Клубусиц, личного советника княгини Франтишка Вереци, ведущего проповедника потоцкой церкви, и ректора Яна Толная. Несмотря на это, позже были добавлены еще два из дворянства, а также два из теологов, так что кураторов потоцкой школы было уже шесть. То, что я сделал под их наблюдением, содержится в третьем томе «Дидактических трудов». Однако я не могу умолчать о том, что тот, кто был инициатором моего приглашения, позже стал первым моим противником, и противником лучших начинаний, — Толная! То ли он боялся за свою славу, то ли потому, что я (по совету своих друзей) опубликовал свое сочинение «Индепендентство, источник вечных смятений» (адресованное в 1648 году англичанам).

107. Видя его неприязненное отношение и получив напоминание от своих о возвращении, я предпочитал вернуться, нежели жить в раздорах и напрасно тратить силы на дела, которые, быть может, ни к чему не приведут, так как за ним стояла влиятельная партия. Но князь Сигизмунд не выносил даже упоминания о моем отъезде, говоря, что вместе с его невестой (Генриеттой Пфальцской, дочерью Фридриха, короля чешского) сюда явится весь немецкий двор и мое присутствие будет в высшей степени необхо-

димо. Невесту привезли, и бракосочетание праздновалось в июне (1651 года); венчать жениха и невесту было поручено мне; поскольку жених не знал немецкого языка, а невеста ни венгерского, ни латинского, их не мог венчать кто-либо из венгерских епископов, поскольку среди них не нашлось никого, кто умел бы по-немецки. Но наша радость превратилась в скорбь; ибо вскоре после бракосочетания жених и невеста стали жертвой болезни (причину знает лишь Бог), а потом смерть унесла их — ее в октябре месяце, а его в следующем феврале. Это было для меня новым поводом просить, чтобы меня отпустили; но княгиня-мать и кураторы школы не хотели об этом и слышать.

108. Между тем ко мне приходит печальная весть о смерти моего покровителя г. Людвига де Геера. Это послужило мне поводом произнести о нем надгробное слово и восславить его беспредельные добродетели в чужом народе; я произнес как бы похоронную речь на общем собрании дворян, священников и студентов. Я отдал ее также напечатать (дабы лучше читалась) и послал часть экземпляров в Амстердам (г. Готтону), чтобы проявить одновременно свою печаль и свою признательность. На это я получил вскоре ответ от знатного г. Лаврентия де Геера <sup>40</sup>, перворожденного сына усопшего; в нем он благодарил меня от имени всей семьи и спрашивал о пансофических трудах, обещая дальнейшее покровительство. Это было для меня новым побуждением поспешить из Венгрии. И тогда я написал своим в Польшу, что, если они хотят, чтобы меня им вернули, они сами должны написать княгине. Так и произошло; были там, в частности, написаны такие слова: «Знай, Ваше Высочество, что Коменский у нас — лицо, принадлежащее общине, его отсутствие терпеть больше нельзя» и т. д.

109. Получив это письмо, княгиня пригласила меня к себе, приказала, чтобы одновременно пришли кураторы школы с ректором Толнаем, и серьезно расспрашивала о причинах моей нетерпеливости. Я ответил: «Ведь здесь не происходит ничего достойного моего присутствия; я по существу переношу насмешки над своими дидактическими усилиями и должен буду переносить еще большие, если останусь здесь долее». Когда они хотели, чтобы я сказал об этом откровеннее, я ответил: «Весь мой метод направлен на то, чтобы школьная подневольщина превратилась в игру и забаву; этого никто здесь не хочет понять. С юношеством, даже с дворянским, здесь обращаются совершенно как с рабами, учителя основывают свой авторитет на хмурым выражении лица, грубых словах, даже побоях и предпочитают, чтобы их боялись, нежели любили. Сколько раз публично и частным образом я делал замечания, что это неправильный путь, все тщетно. Я также с самого начала советовал, чтобы были введены какие-нибудь театральные представления, имея определенный опыт, что это самое

эффективное средство для изгнания душевной вялости и для возбуждения живости. Но мне отвечали, что эти шутки (постановки комедий в школах) уместно оставить иезуитам, а я, мол, приглашен для серьезных занятий. Я отвечал: «Эти шутки ведут к серьезным целям; иезуиты в этом воистину сыны света, изобретательные в своих делах, мы же воистину сыны света, недалковидные в своих делах. Они привлекают к себе приятностью своего метода талантливые умы всего мира и делают их при помощи таких упражнений способными решать задачи жизни, в то время как мы со своими закоснели». Я добавил еще: «Если бы у нас в Польше, в наших школах не было такого вида упражнений, ничего бы не удавалось; благодаря же ему мы достигаем того, что наши не только не посылают своих сыновей к иезуитам, но, наоборот, некоторые из них переходят к нам». А поскольку в ответ они молчали, я прибавил: «Я вижу, что правду сказал мне два года тому назад г. Бистерфельд (когда мне впервые послал привет из Трансильвании): тщетно ты надеешься на то, на что здесь надеешься. Во всем мире лучший метод и пансофические стремления примут раньше, чем в этом народе; так упорно они держатся своих обычаев. Правдивость этого свидетельства я испытал уже здесь, где, как закон, сохраняется правило давать преимущество привычным способам перед лучшими. И поэтому я прошу отпустить меня».

110. Тогда княгиня мне: «Удерживать тебя силой мы не можем; но умоляю тебя, останься у нас еще хоть на эту зиму и испытай по своему усмотрению действенность твоего метода на нашем юношестве; даю тебе все полномочия». И обратившись к кураторам школы: «Приказываю, пусть никто не смеет противодействовать!» Когда они подтвердили это, она сказала: «Я должна на зиму уехать в Трансильванию (ибо и там у нее были свои поместья и замки); останьтесь со мной отобедать, а потом прощайтесь». Мы остались, и княгиня снова повторила: «Да будет так, как я повелела, пусть никто этих планов не нарушает!» Когда после обеда княгиня садилась в карету, мы все желали ей счастливого пути и много счастья, особенно я, словно мне не суждено было увидеть уже ее лица. Это было в ноябре.

111. После отъезда княгини расходимся и мы. Я, однако, молвлю ректору: «Итак, что мы сделаем? Какого рода материал мы выберем для этих театральных представлений?» Он: «Обдумай сам». Я: «Одобрешь, если для начала выбрать историю об Иосифе?»<sup>41</sup> Он: «Не требуй от меня, чтобы я позволил осквернить святое». — «Ну, так о Сусанне?»<sup>42</sup> Он: «И это нелзя». Я: «Разве можно говорить об осквернении святых тем, если они благочестиво и разумно обрабатываются и предлагаются юношеской памяти как живые?» Когда он продолжал настаивать на своем, на

том, что это осквернение, я сказал: «Ректор школы в Лешно Себастиан Мацер попробовал использовать для этой цели «Дверь языков», переработанную на диалоги; но, будучи разбит параличом, не смог продолжать. Что, если мы попробуем это в нашей школе?» Так как против этого он не возражал, я составил из первых 20 глав «Двери» первое представление, отобрав для него 52 дворянских юношей.

112. Эта пьеса была сыграна в небольшой аудитории в присутствии только двух схолярхов, господина префекта и г. Веречи, а также в присутствии публичных учеников (их там всегда готовят сто человек, чтобы сначала использовать их в качестве домашних учителей у дворян, а потом посылать для ведения других школ или в академию). При этом произошла удивительная метаморфоза мнений (свыше моих собственных упований), ибо наши актеры играли свои роли так умело, что мы смотрели с изумлением. Ибо те, которые прежде едва могли выдержать взгляд взрослого и ничего не могли сказать без заикания, держали себя с пристойной свободой; разумеется, что для этого с ними заранее несколько раз репетировали. После окончания г. схолярхи посоветовались и потом устами г. Веречи так ко мне обратились: «Признаемся, Коменский, что мы до сих пор не знали, сколько тайн содержит твоя книга «Дверь языков» и сколько пользы она приносит юношеству; ныне же мы были очевидцами этого» и т. д. И обратившись к юношеству: «Радуйтесь, сыновья, что вам выпадает такое счастье, какого нам в юности не доставало». И к студентам: «Радуйтесь и вы, братья, что вам довелось видеть собственными глазами, каким способом вы сможете впоследствии, умело руководя, воспитывать с наибольшим успехом вверенное вам юношество». И наконец ко мне: «Умоляем тебя, Коменский, не уходи от нас до тех пор, пока всю «Дверь» не переработаешь в такие приятные пьесы. Мы обещаем, что эти упражнения будут прославляться в наших школах на вечную память твоего имени». Я ответил: «Уважаемые господа схолярхи, благодарю вас за это поздравиение не ради себя, но ради вашей учащейся молодежи; видя, что этот род упражнений вам нравится, они будут еще более усердствовать» и т. д.

113. Весть об этом первом представлении вскоре разошлась во все стороны, и приходили письма от тех, чьи сыновья были в школе, с просьбой вовремя предупредить их о последующих представлениях, чтобы они могли прийти. И приходили всегда в большом количестве, с округи 18—20 миль, так что в конце концов ни одна аудитория не могла вместить такую толпу, и приходилось играть на школьном дворе под открытым небом. Но когда на предпоследнем представлении (в котором речь идет о нравственных проблемах жизни) случился чрезвычайный наплыв вельмож и дво-



рян и потому счел достойным принять участие сам Толнай (который до сих пор не хотел осквернить свои глаза светским зрелищем), тогда я по окончании представления посветовал ему поблагодарить зрителей (с самыми лучшими намерениями, чтобы тем самым скрыть наши разногласия). Когда он отказался, я встал сам, чтобы обратиться к зрителям; но суперинтендант церквей, достойный г. Павел Тарзалли, сделав мне знак рукой, чтобы я молчал, начал сам говорить следующее: «Веллей Патеркул<sup>43</sup> во фрагментах «Римской истории» пишет, что император Август после победы над всеми врагами и после установления мира во всем мире заполнил представлениями и театрами не только Рим, но и всю Италию!» И, обратившись ко мне: «Ты, Коменский, являешься ныне для нас императором Августом потому, что, победив у нас варварство, торжествуешь и радуешь нас театрами и представлениями». Потом, взяв в руки какую-то книгу, читал вслух биографию Коменского (я очень удивился, что это за книга; а это была «История славянских церквей» Андрея Венигерского<sup>44</sup>, недавно напечатанная в Утрехте и привезенная студентами; суперинтенданту о ней сообщили, а мне она вплоть до этого момента была незнакома). Когда публика разошлась, приходят ко мне кураторы школы (а с ними граф Бочкай и другие магнаты) и любезно уговаривают меня остаться; но когда я не давал им никакой надежды, они сообщили мне, что княгиня пишет из Трансильвании и требует от меня следующие две вещи: 1) чтобы я не уезжал до ее возвращения; 2) чтобы последнее представление было в ее присутствии; 3) сама же она присоединяет третью просьбу, а именно: чтобы я передал в ее руки эту полную сценическую обработку «Двери языков», набело переписанную для печати. Я так и сделал, обращаясь в посвящении как раз к ним (т. е. схолярхам), как это написано в третьем томе «Дидактических сочинений», с. 831—836.

114. Княгиня вернулась в месяце мае и с ней вместе посланцы, генерал Кемень Янош и канцлер Микеш Михал, чтобы лично посмотреть на представления нашего юношества. Так как и сама княгиня со своими спутниками хотела их видеть, она пожелала, чтобы они были сыграны во дворе замка, там они и были сыграны. Посланцы, однако, снова уговаривали меня, чтобы я остался в Венгрии; но я сказал, что это невозможно, так как мои сопровождающие со всем необходимым посланы вперед. Что я прошу их послезавтра любезно пожаловать на мою прощальную речь. Так и было; окончив речь, я отправился в путь, сопровождаемый всей школой, многими дворянами и священнослужителями за город, где я снова прощался. (Я бы мог также перечислить все почести, которые мне оказывали магистраты вольных городов, через которые я проезжал (особенно в Прешове и Левоче, где мой метод уже был заведен в школах), дабы было видно, что в Венгрию ме-

ня посылали с почетом и с еще большим почетом меня отпустили.)

115. Далее я решил, раз я снова следую через Нижнюю Венгрию, посетить там группки изгнанников; но мне послали кого-то навстречу, чтобы предупредить о том, что меня предали и хотят арестовать, если я поеду через место Н. Н.; там уже устроили засаду. Тогда я вернулся к своим в Лешно другим путем и воздал хвалу Богу за ангельскую защиту.

116. Но там у меня возникли новые затруднения, потому что пастырь паствы чешской (Вацлав Лохар) вскоре отошел в вечность и мне снова предлагали взять пастырские заботы об этой части церкви. Я ответил, что замышляю уехать в Голландию, чтобы окончить давно начатое дело. Однако тогда они стали настаивать еще сильнее, заявляя, что дополнительная работа остается дополнительной работой, исполняемой по собственной воле, в то время как служба церкви есть дело божие, и тут, мол, у меня больше обязательств. Кроме того, мол, здесь у нас при личном усердии можно делать ту же работу, а то, что будет готово, можно послать печатать, куда мне будет угодно. Я ответил, что мне не по силам двойная задача. Тогда они искали средний путь и нашли: я могу взять себе напарника, который будет посещать больных и обслуживать крестины, похороны и выполнять подобные мелкие задачи, лишь бы я остался с ними, оставив за собой общий присмотр, и т. д. В конце концов я согласился, будучи уже и сам пресыщен долгими странствованиями; но с тем условием, чтобы они помогали мне в работе над моими пансофическими изысканиями, собираясь в определенные дни и обсуждая их. Они пообещали (т. е. суперинтендант церковей Великой Польши Мартин Гертихий со своим товарищем по церковному правлению и с другими моими друзьями). Итак, мы собирались раз в неделю, допуская также нескольких студентов богословия не только затем, чтобы они слушали, но и для того, чтобы они переписывали набело единодушно одобренные части, каждый отдельно. Я этого хотел из-за простой человеческой осторожности, чтобы все не пошло прахом, произойди какой-нибудь несчастный случай. Ибо уже была на горизонте шведско-польская война, позже она пронеслась и погубила нас.

117. Об этих своих мерах я сообщил своим друзьям в Голландию и Англию и пообещал работать только над этой единственной задачей, поскольку мое намерение действительно было очень серьезным. Но так как вскоре началась военная сумятица и наша община была отдана самими поляками во власть шведов, работа не могла не страдать от задержек. Несмотря на это, мы закончили несколько первых частей раньше, чем дело дошло к разрушению города 26 апреля 1656 года<sup>45</sup>. Поскольку наместник графа и маги-

страт узнали о том, что у польского войска, уже вот-вот приближающегося, есть безумный замысел погубить всех жителей города мечом, а сам город, как гнездо ереси, истребить огнем, вся община, все, охваченные паническим страхом, как будто все мы забыли обо всем, с единым помыслом остаться лишь только в живых бежали мы, куда кто мог, намереваясь искать спасение в соседней Силезии. Противник же, пришед и нашедши город безлюдным, выместил ярость на самом городе; ибо убивши тех, кого еще нашел (старцев и немощных, которые не могли убежать), и отвезши на многих сотнях повозок основную добычу, он поджег одновременно двенадцать улиц и за три дня так их опустошил, что, кроме пепла и развалин, ничего не осталось. И мой домик тоже там был уничтожен вместе библиотекой и всеми вещами, за исключением того, что я пред тем зарыл в яму, вырытую в моей спальне; через десять дней это было выкопано и принесено мне. Я пришел в ужас увидев, что не спаслось то, что я больше всего желал сберечь (а именно «Пансофический лес, или Сокровище определений, аксиом и идей» <sup>46</sup>, собранных в течение стольких лет, и все это уже набело переписанное и т. д.).

118. Живя несколько недель в Силезии, я всесторонне обдумывал, что же делать теперь мне и жалкой рассеянной пастве, и просил отовсюду советов. Послал я и в Венгрию одного человека сообщить им о нашем печальном бедствии; они звали назад не только меня, но и весь наш рассеянный народ. Но меня после таких великих бурь влекла к себе спокойная Голландия, а также и надежда вкусить мира в соседней марке под властью светлейшего курфюрста бранденбургского. Туда я и поспешил, взяв с собой небольшую свиту и часть изгнанников, которые хотели следовать за мной. Для них я получил от светлейшей княгини-матери (сам курфюрст был тогда в Пруссии) приют в Кросне и во Франкфуртена-Одере, а остальным написал в Силезию, чтобы тоже приехали сюда. Но так как большая часть их уже разбрелась по Верхней Силезии, по Венгрии и по Лужице, то лишь меньшинство переехало сюда.

119. Я же, дружески переговорив с гг. профессорами во Франкфурте и будучи укреплен ими в надежде на расположение государя, ожидал, как поступит со мной далее божественное провидение. И вот из Пруссии приходит письмо от моего зятя, что, мол, ему написал господин Рюльце (ибо Готтон отошел в вечность), спрашивая его, не знает ли он, где живет его тесть, которому надо сообщить желание господина Лаврентия де Геера, чтобы он отправился в Амстердам.

120. Признавая это новое приглашение в Нидерланды поистине божественным, я принял его, сообщив о своем замысле братьям в Силезии и Венгрии; и поспешил в Гамбург, взяв с собой двух се-

минаристов-богословов, остававшихся у меня к тому времени (Павла Гартманна и Сам. Юния; первый теперь проповедник в Сэт-бери в Англии, другой в Пухове в Венгрии). Так как из-за неблагоприятного ветра я вынужден был пробыть там более шести недель, меня застало письмо польских братьев из Силезии (с посланиями трех силезских князей, свидетельствующих о погибели лешненской церкви и других церквей в Польше); они настойчиво просили меня, чтобы я не оставлял в стороне их и их членов, если найду какую-нибудь помощь от чужих церквей для своих братьев; ведь мы, мол, одна церковь и ныне подвергаемся общему испытанию крестом.

121. Получив это письмо, я сначала обратился к альтонской и англиканской церквям; добившись в обоих случаях христианского сочувствия и очевидного милосердия, я послал им первые деньги векселем в Силезию. Подобный успех был и в Эмдене, Гронингене и в Амстердаме (ибо заехать в Бремен и во Фриск не было возможности, потому что к обоим этим городам близилась чума). Но когда в Гааге и Утрехте мои усилия оказались безрезультатными, я написал братьям, чтобы они послали иных просителей, ибо я не могу освободиться для этой миссии; и таковые были посланы.

(О Гронингене я упомяну особо, ибо нигде в другом месте на моем пути мне не оказывали стольких любезностей, как там. Доктор Пасор, приняв меня по старой дружбе в свой дом, явил мне свое гостеприимство, а господин Маресий мне помог своим советом в общении со знатными господами (собравшимися в то время на сейм). Он даже посещал со мной разных видных людей и добился, наконец, публичной аудиенции на полном собрании сословий. Благодаря этому была оказана щедрая поддержка нашим несчастным, а я с моими проводниками оделен деньгами на дорогу. Да сохранится это христианское благодеяние в вечной памяти Бога.)

122. То же, что произошло со мной в Амстердаме, я изложу точно по своему дневнику. Мой любезный покровитель, позаботившись о пристойном размещении меня и двух моих помощников, начал вскоре расспрашивать о моей работе. Я показал первые две части «Размышления об исправлении дел человеческих» («Панегерию» и «Панавгию»), заново переписанные набело в Гамбурге (по сохранившимся наброскам). Он отдал перевести их на французский язык (так как не владел в достаточной мере латинским языком) и, изучив их содержание, приказал отдать в печать; остальные же части можно не спеша доканчивать. Итак, наняли типографа, и работа началась.

123. Но еще до того, в Утрехте, я застал венгерских студентов, только что приехавших из своей страны, и увидел у них свои книги, напечатанные в Патаке (уже после моего отъезда оттуда),

и прежде всего книгу «Школа-игра»; я взял их с собой и показал г. Рюльце, а он другим. Вскоре после этого меня вместе с ними призвали к члену магистрата Витсону; будучи спрошен (в присутствии двух гг. схолархов) обо всех работах, сделанных в Венгрии, я дал их обзор. Было принято решение выступить снова перед большим собранием, как только вернется из Гааги первый член магистрата господин Корнелий Грааф; пока же они оставят эти книги у себя для изучения. Но через несколько дней они вернули г. Рюльце книгу «Школа-игра» и посоветовали напечатать ее, а посему она была передана книготорговцу Аврааму ван де Бергу и вышла в восьмушке.

124. Хотя я, конечно, привык почитать всюду следы божественного провидения, но это меня удивило: господин Витсон спросил меня, почему я не привез с собой семью, и т. д. И надо же, пришло письмо от моей жены, в котором она мне сообщала, что франкфуртская академия была рассеяна чумой, что ей гг. профессора советовали ехать ко мне и что она уже в Гамбурге; пусть, мол, я сообщу, что надо предпринять ей самой и детям. Я обратился к своему покровителю и изложил ему неожиданную ситуацию; он с улыбкой сказал мне: «Пусть приедет сюда, и ты будешь у нас целиком». Так и произошло: она приехала, а поскольку предыдущая квартира была тесной, мы наняли большие комнаты.

125. К концу ноября меня посетил господин Рюльце с вестью о том, что славные господа советники решили предложить мне почетную профессию, если я соглашусь ее принять; он сам по разным причинам советовал мне ее принять. Однако, услышав мои доводы (как пастыря своих рассеянных братьев), перестал настаивать. Зато на следующий день он вернулся и сообщил мне нечто иное: ему поручили четыре находящихся сейчас при исполнении обязанностей советника (так как господин Грааф уже вернулся) передать мне их просьбу — чтобы я не противился остаться здесь хотя бы в течение одного года (что они позаботятся о моем обеспечении), уже не с целью обучения, но для издания книг. Услышав это, я восхвалял отеческую заботу божию обо мне, и сам любимый друг Рюльце превозносил это благодеяние (оказанное мне Богом и славным сенатом): теперь я буду обеспечен до конца дней своих и буду иметь желанную возможность издать все свои произведения. Господин де Геер — несравненный покровитель, но он лишь один; один человек смертен, но община не умирает и т. д. Итак, я попросил у господина Рюльце, чтобы он договорился с ним, дабы мы знали, что он скажет на это. «Еще нет, — ответил он, — ибо мы должны сначала посетить господ советников; ты поблагодаришь их за благосклонность, проявленную к тебе, и узнаешь ближе их мнение». Итак, я посетил (7 декабря) сначала господина Витсена, потом господина Тульца и, наконец, господина Граафа.

Все они советовали мне остаться здесь, пока не будут изданы все мои произведения, которые у меня подготовлены; так как господин де Геер покроет расходы на сочинения реальные<sup>44</sup>, они позаботятся о работах дидактических (господин Тульп прибавил: «Чтобы это случилось к чести нашего города», господин Грааф: «Чтобы наше юношество извлекло из них пользу»); я, мол, должен явиться в следующий вторник в ратушу. Я пришел (в сопровождении господина Рюльце), и мне сообщили, что для повышения моего усердия мне назначено 200 золотых на каждые четверть года и что у кассира уже есть ордер и т. д.

126. Обо всем этом господин Рюльце сообщил моему покровителю вместе с обещанием, что работа над главным произведением будет продолжена дальше; меньшие же работы (дидактические) можно, мол, выполнить играючи, так как они уже подготовлены, самое большее, что потребуются, — это некоторая проверка и устранение погрешностей. Мой добрый покровитель этим был удовлетворен и лично посетил меня с пожеланием божьего благословения, поздравляя меня как бы с новой миссией.

127. Между тем злонамеренные люди начали распускать о моей «Двери» слухи (не знаю, боялись ли они беспричинно моего присутствия или просто по причине злонамеренности), что она, мол, кишит варваризмами. Когда мне друзья об этом рассказали, полагая, что благоразумно было бы не молчать, и когда мне был показан список варваризмов, я написал «Защиту чистоты языка «Двери» Коменского». Она была препровождена господам советникам, и ее последствием было то, что упомянутые строгие критики замолчали, мне же было сказано не обращать на это внимания, а лучше ускорить издание «Дидактических сочинений». Итак, я поспешил, чтобы к первым трем томам (сочинений, написанных в Польше, II — в Швеции, III — в Венгрии) присоединить том четвертый — из работ, сделанных в Амстердаме. В нем, в конце (с. 117 и т. д.), я снова пожаловался высокочтимым господам кураторам на лживые слухи, распространяемые обо мне.

128. Однако когда к концу 1658 года дидактический труд вышел из печати с посвящением славным господам советникам и Индийскому обществу (по совету некоторых людей из их же среды), он был с обеих сторон принят весьма радушно и вознагражден наградами более щедрыми, нежели я мог ожидать. Вскоре (26 февраля) я был приглашен к господину советнику Витсену; он сказал мне, что господа советники и господа схолярхи поручили ему сообщить мне, что мои работы и мое посвящение им очень приятны, ибо при их чтении познают, сколь великое доброе дело подготавливается для христианского юношества; они желают, мол, чтобы плоды столь благотворных размышлений могли созреть в этом городе и отсюда распространяться к другим народам. Об

этом, мол, на следующей неделе со мной будут вести переговоры избранные советом люди; об этом он меня заранее ставит в известность. Они также мечтают, мол, об успехе и в тех важных усилиях, которые именуются общенаучными, и хотят, мол, просить меня составить некое «Ядро пансофии» для более простого и убедительного доказательства истинности христианской религии перед лицом магометанских и языческих народов (с которыми наши здесь и там вступают в контакты). Правда, что-то в этом роде и с той же целью написал, как известно, Гуго Гроций<sup>47</sup>, «но мы от тебя,— сказал он,— будем ожидать нечто более точное, краткое и целям соответствующее. А так как мы узнали, что твоя библиотека была уничтожена, мы предлагаем тебе доступ к нашей магистратской общинной библиотеке, если она может быть полезной тебе; мы готовы дать тебе от нее один ключ (так же, как каждый советник имеет свой), а заодно и от соседнего зала, чтобы ты мог входить и выходить, когда и сколько тебе заблагорассудится». За эту неожиданную любезность я выразил необходимую благодарность, пообещав честно сделать все, что будет в моих силах.

# Лабиринт света и рай сердца,

*т. е. ясное изображение того, что на этом свете и во всех предметах его нет ничего, кроме суеты и заблуждения, сомнений и горестей, призрака и обмана, тоски и бедствий и, наконец, досады и отчаяния; но тот, кто остается дома в сердце своем и запирается с одним господом Богом, приходит к истинному и полному успокоению ума и к радости*

## К читателю

1. Каждое существо, даже неразумное от природы, приспособлено к тому, чтобы наслаждаться приятными и полезными для себя вещами и иметь влечение к ним; тем более к этому стремится и человек, в котором такую склонность к добру, полезному возбуждает разумная, присущая ему сила; да и не только возбуждает, но и направляет его к тому, чтобы он выбирал себе преимущественно то, что более кажется добрым, приятным и полезным, и с большей охотой добивался этого. Отсюда-то давно уже возник вопрос между мудрецами, где и в чем могло бы заключаться высшее благо (*summum bonum*), на котором могло бы остановиться человеческое стремление, т. е., достигнув которого, человек мог бы и должен бы был успокоиться своей мыслью, не имея уже к чему стремиться<sup>1</sup>.

2. Если бы мы захотели обратить на это внимание, то нашли бы, что этот вопрос и заботливое отыскание решения его были и есть не только между философами, но и вообще каждого человека мысль направлена туда же, где и как достигнуть самого полного утешения. И дознано, что все почти люди, отрешившись от самих себя, ищут, чем бы успокоить и утешить свою мысль в свете и его предметах: один видит это в богатстве и состоянии, другой — в роскоши и удовольствиях, третий — в славе и уважении, четвертый — в мудрости и знании, пятый — в веселом товариществе и т. д.; и вот в результате все гонятся за внешними предметами, ища в них блага для себя.

3. Но что оно там не находится — свидетель тому самый мудрейший из людей, *Соломон*, который, также в поисках за успокоением своего разума, пройдя и обзрев весь свет, в конце концов сознался: «И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые творятся под солнцем, ибо все суета и томление духа». Достигнув впоследствии истинного спокойствия ума (Еккл. 2, 17), он объявил, что последнее заключается в том, чтобы человек,



предоставив свету идти своим путем, искал для себя самого Господа Бога, его боялся и его заповеди соблюдал, ибо говорит Писание: «От него единого все зависит» (Еккл. 12, 13). Подобным же образом и Давид убедился, что счастливейший человек тот, кто, закрывши глаза на свет и оставив мысль о нем, держится только Бога и, считая его вечным своим уделом, пребывает с ним в сердце своем (Пс. 73).

4. Да будет восхвалено милосердие божие, которое и мне открыло мои глаза, научив познавать разнообразную суету сего великого света и мелкое обольщение, всюду скрывающееся под внешним блеском, научив не здесь искать покоя и безопасности мысли. Желая представить себе это яснее, воочию, а равно и показать другим, я задумал предпринять путешествие, или шатание по свету, посмотреть, где находятся и какие существуют полезные вещи, или даже и ознакомиться с ними; где, наконец, я нашел утешение, к которому стремился и которого бесполезно искал в свете, — все это я рассказал в настоящем моем сочинении. Насколько удачно — это не мое дело; дай только Бог, чтобы с пользой для себя и для ближних моих.

5. Не басня то, читатель, что ты будешь читать, хотя и имеет сходство с басней; нет, все это правда; вникнув в нее, ты сам поймешь это, в особенности если ты мало-мальски знаком с моей жизнью и приключениями, потому что я расписывал красками большей частью случаи собственной жизни, с которыми встречался в продолжение немногих лет своего земного существования; иное видел и у других или имел сведения. Сознаю, что не всего еще коснулся, отчасти из стыда, отчасти потому, что не знал, принесло ли бы это пользу другим.

6. Провожатых моих и каждого, кто блуждает в свете, — двое: дерзость ума, осматривающего все, и старая привычка к вещам, дающая вид истины прельщениям света. Если пойдешь за ними с разумностью, то, кто бы ты ни был, увидишь, как и я, несчастные смятения своего поколения, а если тебе будет казаться наоборот, то знай, что на твой нос насажены очки обычного заблуждения, через которые ты видишь все неправильно.

7. Что касается представления исполненной радости картины сердец, посвященных Богу, то оно больше основано на теории, так как трудно найти все у каждого избранного. Тем не менее у Господа Бога нет недостатка и в таких очистившихся душах, и каждый истинно благочестивый, читая это, должен стремиться настойчиво к такому совершенству. Будь счастлив, милый христианин, и пусть путеводитель солнца, Дух святой, укажет тебе лучше, чем я могу, и суету мира, и славу избранных, соединенных с Богом сердец, утешение и радость.

Аминь.

## Г Л А В А I

**О причинах путешествия в свет**

1. Начав приходить в такой возраст, в котором ум человеческий начинает сознавать разницу между добром и злом, увидел я среди людей различные сословия, положения, профессии, труды и предприятия, которыми они занимаются, и у меня явилось непреодолимое влечение подумать хорошенько о том, к какой группе людей примкнуть и как провести свою жизнь.

2. О чем много и часто размышлял я и советовался со своим разумом, на том и остановилось мое внимание, а именно: выбрать себе такой образ жизни, в котором было бы по возможности меньше забот и беспокойства, а возможно больше удобств, покоя и отрады.

3. Однако нелегким оказалось узнать, какой именно род занятий надо мне выбрать; с кем об этом хорошенько посоветоваться, я не знал, да, по правде сказать, и не хотел советоваться, так как уверен был, что каждый станет хвалить свое. Сам же, без посторонней помощи, поспешно взяться за какое-нибудь дело не смел, боясь ошибиться.

4. Признаюсь, я начал потихоньку приниматься за одно, за другое, за третье, но все тотчас же оставлял, потому что в каждой вещи замечал и трудность, и ничтожность ее, на мой взгляд. С одной стороны, я боялся, чтобы моя неустойчивость не принесла мне вреда, и в то же время не знал, что предпринять.

5. После мучений и колебаний душой я пришел к тому заключению, что прежде всего нужно посмотреть все человеческие дела, все, что есть их под солнцем, и, сравнив разумно одно с другим, выбрать себе положение и затем привести свои дела в такой порядок, чтобы наслаждаться спокойной жизнью на свете. Чем больше думал я об этом, тем больше нравился мне такой путь <sup>2</sup>.

## Г Л А В А II

**Путешественник достал в проводники  
Вездесуща**

1. Вышел я из дому и стал оглядываться по сторонам, раздумывая, откуда и как начать. Вдруг, и сам не знаю откуда, взялся передо мной человек, с твердой поступью, осмысленным взором и быстрой речью, так что казалось, будто ноги, глаза, язык — все у него вращалось на пружинах. Подвинувшись ко мне, он стал допытываться, откуда я пришел и куда намерен идти. Я сказал ему, что

вышел из своего дома с намерением совершить путешествие по свету и кое-что испробовать.

2. Похвалив меня за это, он спросил: «А где же твой проводник, есть ли он у тебя?» — «Нет у меня никого, — ответил я: — доверяюсь Богу и своим глазам, думая, что они не обманут меня.» — «Да так ты ничего не узнаешь, — сказал он. — Слышал ли ты когда-нибудь о Критском лабиринте?» — «Слышал кое-что.» — «Чудо света был — это было здание с таким огромным количеством комнат, перегоронок, коридоров, что попавший туда без провожатого вечно мотался то туда, то сюда и никогда не мог выйти из него. То было ничтожество в сравнении с тем, как устроен лабиринт света, особенно в настоящее время. Не советую тебе одному идти туда, поверь мне, опытному в этом».

3. «А где же мне взять такого провожатого?» — спросил я. Он мне в ответ на это: «Я для того, чтобы тех людей, которые хотят посмотреть и испытать что-нибудь, провожать и указывать им, что где находится; поэтому-то я и вышел навстречу тебе». Удивился я и спросил: «А кто же ты такой, мой милый?» — «Имя мое *Всевед*, прозвище *Вездесущ*, — ответил он. — Я прохожу через весь свет, смотрю во все его стороны, у каждого выпытываю его слова и дела, что есть явного, все вижу, что тайное — за всем слежу и наблюдаю, — одним словом, без меня ничто не может происходить: за всем присматривать — моя обязанность, и если ты пойдешь за мной, то поведу тебя во многие тайные места, куда без меня ты никогда не попал бы».

4. Услышав такие слова, я и сам обрадовался, что нашел такого провожатого, и стал просить, чтобы не почел за труд провести меня через свет. «Как другим рад служить в этом, так и тебе, — отвечал он и, взяв меня за руки, прибавил: — Пойдем». Пошли мы, а я и говорю: «С удовольствием теперь посмотрю, каков-то этот свет и есть ли в нем что-нибудь такое, на чем человек мог бы успокоиться». Услышав это, товарищ мой остановился и сказал: «Приятель! Идешь ли ты с той целью, чтобы хорошенько осмотреть наши вещи или чтобы рассудить о них по своему разуму, этого я не знаю, только останется ли этим довольна ее милость, королева наша».

5. «А кто это ваша королева?» — спросил я. Он ответил мне: «Та, которая управляет всем светом и его делами, от конца в конец. Имя ей — *Мудрость*, хотя некоторые умники называют ее суетою. Поэтому я заранее предупреждаю тебя: когда мы будем ходить и осматривать там, не умничай, иначе попадешь в беду, и я вместе с тобой»<sup>3</sup>.

## Г Л А В А III

## Обман навязался в товарищи

1. Не успел он сказать об этом, как вдруг я заметил, что кто-то, и сам не знаю — мужчина или женщина <sup>4</sup> (ибо как-то чудно было закрыто, а вокруг него образовался как бы туман), подойдя к нам, заговорил: «*Вездесуц!* куда ты спешишь с ним?» — «Веду его в свет, — ответил последний: — намерен обозреть его».

2. «А что же без меня? Знаешь ведь, что твоя обязанность провожать, а моя — указывать, что где находится. Ведь ее милость королева не желает, чтобы тот, кто по собственному желанию пошел в ее королевство, рассуждал о том, что видит и слышит, с своей точки зрения и мудрствовал о чем-нибудь; необходимо рассказать ему, что есть каждая вещь и для чего предназначена, и заставить его поверить этому».

3. *Вездесуц* ответил: «Неужели каждый столь дерзок, что наравне с прочими не может удовлетвориться нашими порядками. Ну, в таком случае, мне кажется, можно потребовать узду для него. Ладно, пойдем». Таким образом, он пристал к нам, и мы отправились.

4. Но я держу себе на уме: «Дай-то Бог, чтобы только не завели меня. Ведь они говорили о какой-то узде для меня» — и, обратившись к своему новому товарищу, сказал: «Приятель! не сердись на меня, хотелось бы узнать твое имя». Он ответил: «Я толмач королевы света *Мудрости* и имею от нее поручение научать, как должно понимать все в свете. Поэтому все, что принадлежит к истинной светской мудрости, я влагаю в ум и привожу его к радости и доброму расположению; без меня и короли, и князья, и владыки, и все высокопоставленные лица страшно тосковали бы и печально проводили бы жизнь на свете».

5. Я на это сказал ему: «Счастье для меня, что Бог послал мне в проводники тебя, если только правда то, что ты говоришь. Я ведь для того отправился путешествовать в свет, чтобы найти, что в нем есть наиболее спокойное и утешительное, а имея в качестве советника такого, как ты, я без труда выберу для себя что-нибудь». — «Не беспокойся об этом, — ответил он, — в нашем королевстве, конечно, ты увидишь все прекрасным, в порядке и мило устроенным и поймешь, что во всем можно вести себя послушным нашей королевы, но, правда, всегда одно призвание и занятие имеет перед другим более удобства и свободы. Изю всего можешь выбрать себе, что захочешь. Ну, вот все, что и как есть, я объяснил». — «Как же тебя зовут?» — спросил я. — «Имя мне *Обман*».

## Г Л А В А IV

## Путешественник получил узду и очки

1. Услышав это, я испугался, думая, что на грех взял его к себе в товарищи. «Первый (так беспокоила меня моя мысль) толковал о какой-то узде, затем этот назвал себя *Обманом*, королевною своею назвал суету (хотя, может быть, неосторожно проговорился). Что бы это значило?»

2. И в то время, когда я, молча и потупив взоры, шел, вернее, как-то неохотно переступал ногами, *Всевед* обратился ко мне: «Что — на попятный двор?» Не успел я ответить ему что-нибудь, как он набросил мне на шею какую-то узду, удила которой попали мне в рот. А он прибавил: «Ну, с нею охотнее у меня пойдешь, как начал».

3. Поглядел я на эту узду и увидел, что она была спшита из ремня любопытства, а удила у ней были из железа упрямства в предприятиях; и понял я, что теперь пойду обозревать свет не так, как первоначально, — добровольно, но вследствие непостоянства и нерешимости ума меня потащут насильно.

4. Другой же провожатый с своей стороны повел такую речь: «А я дам тебе очки, через которые ты будешь глядеть на свет». И вдруг насадил мне на нос очки, взглянув через которые на свет я увидел перед собою все в другом виде.

Очки эти действительно имели такое свойство, как я потом неоднократно испытывал, что смотревшему сквозь них отдаленный предмет казался близким, а близкий — отдаленным, малый — большим, а большой — малым, скучный — веселым, а веселый — скучным, черный — белым, а белый — черным. «Недаром, — подумал я, — он называет себя *Обманом*, коли умеет делать такие очки и вставлять их людям».

5. Очки эти были сделаны, как я узнал потом, из стекла догадки, а рамки их из рога, который называется привычкою.

6. На мое счастье надел он мне их как-то криво, так что они не прилегали вплотную к глазам, и я, повернув голову и подняв глаза, мог глядеть на вещи совершенно естественно. Я обрадовался этому и подумал сам себе: «Хоть вы и закрыли мне рот и заслонили глаза, но я верю своему Богу, что не отнимете вы у меня разума и мысли. Пойду и посмотрю, что представляет из себя этот свет, на который по желанию госпожи Суеты нужно смотреть через ее очки, а не собственными глазами».

## ГЛАВА V

**Путешественник смотрит на свет  
с высоты**

1. В то время, когда я так размышлял, внезапно мы, ничуть не ведая каким образом, очутились на какой-то очень высокой башне, так что мне показалось, будто мы находимся под облаками: взглянул я с нее вниз и увидел на земле какой-то город, на вид блестящий, красивый и очень обширный, но концы и границы его все-таки можно было обозреть со всех сторон. Этот город был построен круглым, защищен стенами и валами, а вместо рва была какая-то темная глубь, не имеющая, как мне казалось, ни берега, ни дна. Только над городом было светло, а дальше — за оградой все покрыто тьмою<sup>5</sup>.

2. Самый город, как я заметил, был разделен на бесчисленное количество улиц, площадей, домов и построек больших и малых; везде было множество народа, словно муравейник кишел муравьями. У восточной стороны возвышались какие-то ворота, а от них шла улица к другим воротам, обращенным к западу; через эти вторые ворота можно было проникнуть в различные улицы города, из которых главных я насчитал шесть; все они шли от востока к западу, одна подле другой. Посередине их была как будто торговая площадь, очень округленная, дальше к западу стоял на скалистом холме какой-то высокий замок, на который очень часто смотрели все граждане.

3. Мой провожатый обратился ко мне с такими словами. «Ну, вот, милый путешественник, здесь тот свет, на который ты хотел посмотреть. Для того я повел тебя сначала на эту высоту, чтобы ты поглядел на него целиком и понял его устройство. Эти восточные ворота суть ворота жизни; через них проходят все, кто является на свет для жизни. Вторые ворота, ближайšie, суть ворота распутья; от них каждый обращается к тому или иному занятию, кому какой выпадет жребий.

4. Улицы же, которые ты видишь, суть различные состояния, сословия и специальности, к которым обращаются люди. Видишь — главных улиц шесть. В одной, к востоку, живет домашнее сословие: родители, дети и челядь, в соседней — ремесленники и все занимающиеся промышленностью, в третьей, ближайшей к площади, находится сословие ученых, занимающихся работою мысли. С другой стороны сословие духовенства, к которому люди бегают исполнять религию; затем сословие правителей и начальников света; ближе к западу — рыцарское сословие, занимающееся военными делами. Как все это искусно устроено. Одни производят всех, другие всех питают, одни учат всех, другие за всех молятся, одни

судят всех и оберегают от беспорядков, другие воюют за всех, и таким образом все служат друг другу, и все находится в равновесии.

5. Этот замо́к, который ты видишь на западе, есть *Arx Fortunae*, замок счастья; в нем живут более властные люди, приобретая там богатства, роскошь и славу. Сюда сходятся люди из всех сословий и требуют, что им нужно; посередине же этой площади, как бы в центре всего, находится резиденция королевы света *Мудрости*.

6. Мне очень понравилось такое устройство, и я стал хвалить Бога, что искусно разделил сословия в свете. Одно только не понравилось мне. Эти улицы во многих местах казались как бы проломленными, так что одна вдавалась в другую; это, как мне показалось, могло служить причиною ошибок и заблуждений. К тому же, когда я глядел на эту округленность света, то ясно чувствовал, что он двигался и вертелся, как в колесе, так что я боялся, чтобы не закружилась голова. Когда же я обвел по нем глазами, по разным сторонам, то увидел, что все до мельчайших вещей суегилось, как в муравейнике; когда я напряг слух, то все было наполнено шумом, гиканьем, хохотом, свистом и криком.

7. Толмач мой, *Обман*, обратился ко мне: «Видишь, мой милый человек, как роскошен этот свет, как все в нем прекрасно, и это издалека лишь глядя на него; что ты потом скажешь, когда рассмотришь его с его роскошью по частям? Да кому же не мило быть на нем?» Я ответил: «Издали мне это нравится, не знаю, как потом будет». — «Как ни посмотри, все хорошо, — сказал он: — верь только; ну, пойдем дальше».

8. *Вездесущ* остановил его: «Подожди еще, я ему укажу отсюда то место, куда мы потом уж не пойдем. Оглянись-ка назад, к западу. Видишь ли, как здесь у этих темных ворот что-то копошится и лезет сюда?» — «Вижу». — «Это люди, — ответил он мне, — вновь являются на свет (сами не зная, откуда), не зная еще, что они люди; поэтому-то и есть около них одна только тьма и ничего другого, кроме только крика и слез. Но когда они идут этой улицей, то понемногу перед ними начинает светать, так что они доходят до этих ворот под нами. Пойдем, посмотрим, что здесь делается».

## Г Л А В А VI

### Судьба распределяет занятия

1. Сөшли мы по какой-то темной лестнице вниз, и я заметил, что в этих воротах находится огромный зал, полный молодых людей: на правой стороне сидит сердитый старец и держит в руке огромную медную чашу. Я видел, как подходили к нему все пришедшие

из ворот жизни, и каждый, коснувшись этой чаши и вытащив из нее знак с какою-то надписью, быстро бежал в какую-нибудь улицу города. Один бежал с радостью и криком, другой шел с печалью и тоскою, оборачиваясь и озираясь.

2. Я подошел поближе и посмотрел на некоторые из этих знаков; один вытаскивал: «господствуй», другой — «служи», третий — «приказывай», четвертый — «повинуйся», пятый — «паши», шестой — «пиши», седьмой — «учись», восьмой — «копай», девятый — «суди», десятый — «воюй» и т. д. Я недоумевал, что бы это такое было. *Всевед* разъяснил мне: «Здесь распределяются занятия и работы, к чему кто способен на свете». Этот начальник над жребием называется «*Судьбою*», каждый вступающий в свет должен взять от него таким образом соответствующее указание.

3. В это время *Обман* дотронулся до меня с другой стороны, давая этим знать, что и я также должен вытащить жребий. Я попросил его не понуждать меня брать только одно что-нибудь (не посмотревши прежде), поручаться только слепому счастью, будь — что будет. Но мне было объявлено, что этого без ведома и дозволения господина начальника, *Судьбы*, нельзя устроить. Тогда, приблизившись к нему с покорностью, я объявил о своем намерении, что пришел с тою целью, чтобы все осмотреть и выбрать себе то, что понравится.

4. Тот ответил: «Сын! видишь, что другие не делают этого, но берут то, что подано им или само попадетя. Но если уж у тебя такое сильное желание, изволь». Написав жребий: «*Speculare*», т. е. наблюдай, или испытывай, подал его мне и отпустил меня.

#### Г Л А В А VII

### Путешественник осматривает площадь света

1. Мой провожатый сказал: «Так как ты должен все осмотреть, то пойдем прежде всего на площадь». Повел меня. И вот я увидел бесчисленную толпу людей, словно туман. Сюда со всего света сошлись люди, всяких языков и народностей, всякого возраста, роста, пола, сословия, состояния и профессии. При первом взгляде на них я увидел между ними удивительную сумятицу, как бы в рою пчел, да еще гораздо удивительнее.

2. Одни ходили здесь, другие бегали, ездили, стояли, сидели, лежали, вставали, снова ложились, постоянно суетились; некоторые отделились от других, другие были в толпах, больших или меньших. Одежда и вид их были различны; некоторые были совершенно нагие; все со странными жестами. При встрече с кем-нибудь

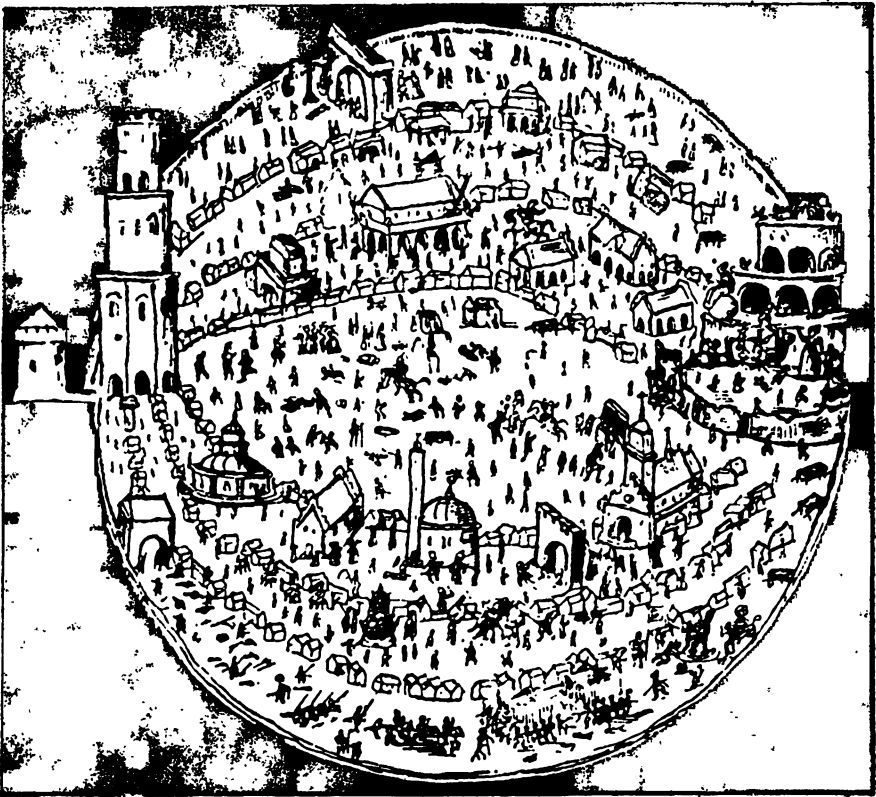


сейчас же начинались странные движения рук, рта, колен и другие, как будто люди сгибались друг перед другом и кланялись, вообще они проделывали различные жестикоуляции. Мой толмач сказал мне: «Ты видишь здесь перед собой возвышенный род человеческий, одаренный разумом и бессмертный; в том, что он носит в себе образ и подобие бессмертного Бога, ты можешь убедиться по разнообразию бесконечных действий людей. Здесь, как в зеркале, ты увидишь достоинство рода, к коему принадлежишь».

3. Посмотрел я на них поприспальнее и первым делом заметил, что каждый, снуя в толпе среди других, носил маску на лице, отойдя же в сторону, где был один или между равными себе, снимал ее, а намереваясь идти в толпу, снова одевал. Я потихоньку спросил, что это обозначает. Толмач ответил: «Это, сын милый, человеческая осторожность, чтобы каждый человек не всего себя показывал, что он есть на самом деле. Сам для себя человек может быть таким, каков он и на самом деле, пред людьми же подобает показывать себя по-людски и свои действия маскировать». Тогда мне захотелось подробнее посмотреть, каковы люди без этой украшающей их маски.

4. Обратив на это внимание, я заметил, что все не только лицом, но и телом различно безобразны. Все подряд были в струпьях, опаршивленные или прокаженные, а, кроме того, один имел свиную голову, другой — собачьи зубы, воловьи рога, ослиные уши, глаза аспида и лисий хвост или волчьи когти, некоторых я заметил с высоко вытянутой павлиньей шеей, некоторых с торчащим хохлом удода, некоторых с лошадиными копытами и т. д., более же всего было похожих на обезьян. Я испугался и сказал: «Но я вижу все какие-то чудовища». — «Что ты, умник, говоришь — чудовища?! — сказал толмач и погрозил мне кулаком. — Посмотри-ка хорошенько сквозь очки и увидишь, что это люди». Некоторые из проходящих мимо услышали, что я назвал их чудовищами, и, оставившись, стали роптать на меня и гневаться. Тогда я понял, что здесь мудрствовать напрасно, и умолкнул, подумав себе: «Они хотели быть людьми, пусть их, а я что вижу, то вижу». Но я боялся, чтобы проводник мой прочнее не надвинул очки и не обманул меня, поэтому я и решил молчать и лучше молча смотреть на эти столь противные вещи, начало которых уже видел. Взглянул я снова и убедился, как некоторые умело обходились с этими масками, быстро снимая и надевая их, так что в одну минуту умели придать себе другую форму, где видели необходимость в этом. Тогда-то я начал понимать направление этого света, но молчал.

5. В то время, когда я осматривал их, услышал, что они говорят между собой разными языками, так что по большей части не понимают друг друга, не отвечают или отвечают не на то, о чем идет речь, притом каждый по-своему. В одном месте стояла целая толпа,



«Лабиринт мира» из педагогических сочинений Я. А. Коменского

все говорили о нужде, каждый о своей, и никто не слушал другого, хотя некоторые и толкались, и злились, желая быть выслушанными, но — увы! — этого не было: скорее, были ссоры и брань. Тогда я сказал: «Ради Бога, что мы, в Вавилоне, что ли? Здесь каждый свою песню тянет. Можно ли представить себе больший беспорядок?»

6. Мало кто здесь был без занятий; все были заняты какой-нибудь работой, но эти работы (уж этого я никогда не ожидал) были не больше, как детские забавы или бесполезные мучения. Некоторые собирали сор и делили его между собою; некоторые ворочались с камнями или бревнами или на блоках таскали их куда-то вверх и оттуда снова спускали; некоторые копали землю и перевозили или переносили ее с места на место; остальные забавлялись

колокольчиками, зеркальцами, пузырями, трещотками и другими игрушками, некоторые играли со своей тенью, меряя, гоняя и ловя ее. И все это делалось с таким усилием, что многие стонали и потели, некоторые падали в бессилии. Почти везде были как-то чиновники, которые раздавали поручения людям и с великою заботой распределяли между ними эти вещи; иные слушали их с неменьшим усердием. Я с удивлением спросил: «Но неужели человек создан для того, чтобы остроу своего небесного разума тратить на такие глупые, безобразные вещи?» — «Что за глупости? — сказал толмач. — Разве ты не представляешь себе, как в зеркале, как люди преодолевают все разумом. Один делает одно, другой — другое». — «Но все, — возразил я, — делают вещи бесполезные и не соответствующие столь славному их назначению». — «Не мудрствуй слишком, — сказал он снова, — ведь они еще не на небе, а на земле, и должны поэтому заниматься земными вещами. Видишь, как все у них в порядке».

7. Взглянув снова, я убедился, что ничего более беспорядочного нельзя придумать. Когда кто-нибудь уставал от занятий, другой приходил и вмешивался в его дело: из-за этого происходили ссоры, ругань и драки; потом они мирились и затем снова ссорились. Иногда за одну вещь хваталось несколько человек, затем все бросали ее, и каждый бежал в свою сторону. Те, которые были под властью этих чиновников и надсмотрщиков, по необходимости стояли при том, что им было поручено, но и здесь я видел много беспорядка. Некоторые вырывались из ряда и удирали прочь, другие не повиновались начальникам, не желая делать так, как последние приказывали; иные брали палку и палкой выталкивали их; все это представляло страшный беспорядок. Во всяком случае, коли это хотели называть порядком, — я не посмел ничего возразить.

8. Увидел я также и другой беспорядок, слепоту и глупость. Вся эта площадь (как впоследствии и улицы) была полна ям, оврагов и каких-то трясин, а также камней и балок, лежавших наискось друг на друге, как попало, и другого хлама, однако никто ничего не отложил в сторону, не поправил, не привел в порядок, никто также не избегал и не обходил ничего; ходили, словно во сне, и то один, то другой спотыкался, падал, ушибался или разбивался, так что сердце мое дрогнуло при виде этого. Никто из них не предостерегал другого, а, наоборот, когда кто падал, другие смеялись над ним. Заметив тогда бревно, или палку, или яму, на которые кто-нибудь слепо лез, я начал предостерегать их, но никто не обращал внимания на мои слова: одни смеялись, другие бранились, третьи хотели бить меня. Иной падал так, что уж больше не вставал, иной вставал и снова шел, и снова падал; у каждого было множество мозолей и синяков, но никто не обращал на это

внимания, так что я не мог надивиться этой тупости, этой безбоязненности собственных ушпов и увечий; мало того, иной, если драгивались до него (видел я и это), быстро хватался за оружие и — в бой.

9. Заметил я также большую склонность к новизне и переменам в одежде, постройках, речи, походке. Иные, как я заметил, ничего другого не делали, кроме как переодевались, подражая все новой и новой моде, другие выдумывали новый способ постройки, а затем снова бросали это; брались то за одно, то за другое, и все оставляли, притом с какою-то неутомимостью. Если же кто от своей тяжести, с которой возился, умирал или опускал ее в бессилии, тотчас же собиралось несколько других человек, которые из-за нее дрались, бранились, ссорились, даже до удивления.

Не было из них ни одного, кто промолвил бы что-нибудь, сделал или построил бы без того, чтобы не высмеяли его, не осудили, не опровергнули. Иной и достиг чего-нибудь с значительным трудом и жертвами, с удовольствием любясь этим, но тотчас же приходил другой, опрокидывал, портил и разрушал все, так что я не видел, чтобы хоть один человек на этом свете сделал что-нибудь такое, чего не испортил бы кто-либо другой. Некоторые, не дожидаясь никого, сами по себе быстро портили свое дело, так что я удивился этому безумному непостоянству и напрасной поспешности.

10. Также видел я, как многие ходили на высоких каблуках, некоторые сделали себе ходули (дабы, возвышаясь надо всеми, могли смотреть на все свысока) и в таком виде прохаживались. Но чем выше был кто, тем скорее сверзивался сам или другие подшибали ему ноги (из зависти, по моему мнению); этого никто не избежал; таким образом они делали из себя всеобщее посмешище. Таких примеров я видел много.

11. Равным образом видел я немало таких, которые носили зеркала и, в то время как разговаривали с другими или ссорились и дрались, или занимались делом, или расхаживали на этих ходулях, самодовольно смотрелись в них: то спереди, то сзади, то с боков осматривая себя и перешептываясь на счет своей красоты, роста, походки и действий, подавали свои зеркала и другим, чтобы и те подивились на них.

12. В конце концов я увидел, что всюду между ними ходит смерть, вооруженная острой косою, луком и стрелами; она громким голосом напоминала всем, чтобы памятовали, что они смертны. Но никто не слышал ее призыва: каждый глядел в это время на свое безумство и беспорядок. Тогда она, достав свои стрелы, начинала бросать на них во все стороны и ранила всех, кого пришлось в толпе, без разбора: молодого, старого, бедного, богатого, ученого и не ученого. Кто был ранен, тот кричал, стонал. Иные, ходившие

возле, лишь только замечали рану, моментально убежали прочь, но скоро снова возвращались и не обращали уже ни на что внимания. Иные, придя, смотрели на хрипящего раненого, и лишь только он протягивал ноги, переставал дышать, собирались вместе, пели около него, пили, ели, плясали; некоторые при этом проливали слезы. Затем хватали его, тащили и волокли за ограду, в ту темную яму, которая находится около света. Вернувшись оттуда, снова жили беззаботно; никто не избегал смерти, зорко наблюдая только за тем, чтобы смерть не смотрела на него (хотя последняя часто встречалась с ними).

13. Видел я, что не все, которых она прострелила, тотчас же падали замертво; некоторых она только ранила, сделала хромыми, ослепила, оглушила либо причинила какой-нибудь вред. Некоторые от причиненной ею раны раздулись, как пузыри, другие высохли, как щепки, третьи тряслись, как осиновый лист, и т. д., так что с гнойными и больными членами ходило людей больше, нежели здоровых.

14. Увидел я немало людей, бегающих и продающих пластыри, мази и напитки для этих ран. И все, остерегаясь и труся смерти, покупали у них. Но она ни на что не обращала внимания, бросала и ломала все, что ни попало, даже самих этих продавцов. Грустное для меня было это зрелище — смотреть, как предназначенное к бессмертию существо гибнет так безжалостно, так неожиданно, столь различной смертью, — в особенности, когда я убедился, что почти всегда, если кто устроился получше на свете, приглядел себе товарищей, привел в порядок свое имущество, выстроил дом, скопил деньги и в других отношениях постарался и позаботился о себе, к тому прилетала стрела смерти и полагала всему конец, и кто на свете хорошо расположился, того тащили прочь с него, и все его планы рушились разом; наследовал это другой, и ему приходилось то же, и третьему, десятому, сотому — все едино. Видя, что никто здесь не хочет рассудить об этом непостоянстве жизни и принять это к сердцу, но, стоя в гирле смерти, все так поступают (от жалости к черду у меня чуть сердце не надорвалось), как будто бы они были бессмертны, хотел я возвысить голос, напомнить и просить, чтобы они открыли глаза, посмотрели на смерть, мечущую стрелы, и как-нибудь избавились от нее. Но понял я, что если сама смерть своим неутомимым призывом и своим постоянным явлением на глаза в довольно страшном виде не может ничего исправить, — все мое усилие будет бесполезными словами; и я лишь тихо сказал: «Ах, как жалко, что мы, бедные, смертные люди так слепы к своему несчастью!» Толмач ответил: «Разве было бы мудростью, если бы мучались мыслью о смерти? Лучше, — в особенности когда всякий знает, что не избегнет ее, — не глядеть на нее, а смотреть за своим делом и быть веселее: придет — так придет, в один час, иногда даже

и в минуту, исполнит это. Разве из-за того, что кто-нибудь умер, другие должны перестать веселиться? Ведь на место одного явится сейчас несколько других». Я на это возразил: «Если в этом заключается мудрость, то я с трудом понимаю ее» — и умолкнул.

15. Но не утаю того, что когда я увидел столь бесчисленное множество летающих стрел, мне пришло на мысль: «Где же это смерть берет так много стрел, что не перестреляла их еще?» Поглядел и ясно убедился в том, что собственных стрел она не имела ни одной, а только имела один лук, стрелы же брала от людей, каждую от того, кого намерена была убить ими. Я заметил, что люди сами делали и приготовляли такие стрелы, а некоторые безрассудно и дерзко носили навстречу ей, так что, лишь только она видела сколько-нибудь готовых, тотчас же брала их и выстреливала в сердце людям. Тогда я вскричал: «Теперь вижу, что правда «Et mortis faber est quilibet ipse suae»<sup>6</sup>, вижу, что никто не умирает, не приготовив сам себе, невоздержанностью, неумеренностью, безрассудством или, наконец, неосторожностью, шипек, прыщей, внутренних и наружных ран (это и есть стрелы смерти)». В то время, как я с таким вниманием смотрел на эту смерть и на ее погоню за людьми, дотронулся до меня *Обман* и сказал: «Дурак, что смотришь на мертвых с большим удовольствием, чем на живых? Кто умер, с тем и покончено, ты же приготовься к жизни».

#### Г Л А В А VIII

### Путешественник обозревает состояние и порядки женатых

1. Повели и привели меня в улицу, в которой, как говорили, жили женатые, чтобы хорошенько показать мне способ этой роскошной жизни. И увидел я, что здесь стоят ворота; о них мне сказали, что они называются «бракосочетание». Перед ними была широкая площадь, а на ней, прохаживаясь, толпы людей обоего пола, которые глядели друг другу в глаза, мало этого — один у другого разглядывал уши, нос, шею, язык, руки, ноги и прочие члены; также один другого мерил, как длинен, широк, толст или тонок. То так, то иначе один к другому то подходил, то отходил, посматривая и спереди, и сзади, и с правой стороны, и с левой, оглядывал все, что только видел на нем; в особенности же (это я чаще замечал) один у другого осматривал мошну, кошель и карман, измеряя и взвешивая, как длинен, широк, раздут, туг или слаб. Иногда несколько человек указывали на одну и ту же женщину, и случалось, что никто не брал ее; если один отгонял другого, то спорили, ссо-

рились, дрались. И усмотрел я здесь вражду. Иной, отогнав другого, сам в свою очередь был отгоняем третьим; иной, прогнав других, и сам бежал прочь. Другой, ничуть не мешкая с испытанием, брал, что было под рукою; потом оба, взявшись за руки, шли к воротам. Видя много таких комедий, я спросил, что эти люди делают. Толмач ответил: «Это — те, которые охотно идут в улицу женатых; но так как туда через ворота никого не пускают поодиночке, а только вдвоем, то каждый должен выбрать себе товарища. Этот-то выбор и производится здесь, и каждый ищет, нет ли кого-нибудь пригодного для него; кто найдет, тот и идет со своей избранной к воротам». — «А что, никак нельзя легче устроить этот выбор? — спросил я. — Как это трудно». — «Ничуть не трудно, — ответил толмач, — наоборот, это — забава. Разве не видишь, как весело они приступают к этому, смеются, поют, пляшут? Нет ни одного образа жизни веселее этого, верь мне». Тогда я посмотрел и заметил, что некоторые смеются, пляшут, но увидел и таких, которые, склоня голову, уныло ходят с гороховым венком, вертятся, прыгают туда-сюда, снова отступают, мучаются, не едят, не спят, даже сходят с ума. «Что же это такое?» — спросил я. «И это забава», — ответил толмач. «Ну, пускай будет так, — сказал я. — Пойдем, посмотрим, что там дальше делается».

2. Протискавшись сквозь эту толпу, пришли мы к самым воротам и увидели, что перед входом в них повешены весы, сделанные как бы из двух корзин, и около них стоят люди. Каждая пара садилась на весы в корзину друг против друга и смотрела — в равновесии ли весы; иногда же несколько раз весились и расходились, потрясали весы и устанавливали их. Провозившись с ними таким образом довольно долго, пускали их, наконец, в ворота. Но не каждому одинаково везло. Некоторые падали через корзину, возбуждали смех и со стыдом должны были удалиться оттуда, да притом еще надевали им на уши какой-то колпак или мешок и издевались над ними. Дивясь этому, я спросил, что тут такое делается. Толмач ответил: «Помолвка, когда она происходит окончательно. Если весы указывают, что равное стало за равное, то пускают к этому сословию, как видишь; если иначе, то они расходятся». — «А от чего же зависит это равенство? — спросил я. — Я, по крайней мере, вижу, что весы указывают, что некоторые и возрастом, и состоянием, и всем прочим подобны друг другу, а они тем не менее то один, то другой проваливаются чрез корзину; иные, наоборот, очень неравные: старый сидит с молодой, юноша со старой бабой, один стоит сверху, другой внизу, и все-таки говорят, что это можно; как же это так?» Он ответил на это: «Не все еще ты видишь. Правда, что иной старик или старая баба за фунт пряжи не перетянет, но когда они имеют при себе тугой мешок или шляпу, перед которой снимаются все другие шляпы, или что-нибудь подобное

(все ведь такие вещи идут на весы), то бывает не согласно твоему убеждению».

3. Пошли и мы за теми, которых пустили в ворота, и я увидел в воротах как бы кузницу, в которой каждую эту пару заковывали в страшные кандалы и, только предварительно заковав их, пускали дальше. При этом обряде заковывания было много людей, которые (как говорили) были нарочно позваны для того, чтобы быть свидетелями; те, которые были здесь, играли, пели и желали закованным здоровья и счастья. Внимательно глядя, я заметил, что эти оковы не так, как у других пленных, запирались замком, но тотчас же сковывались, сплавливались и запаивались, так что в продолжение всей своей на свете жизни люди не могли ни разорвать, ни разломать их. Я испугался этого и вскричал: «О лютая тюрьма! Кто раз попался в нее, тот навеки уже не имеет надежды высвободиться». Толмач ответил: «Конечно, эти узы самые прочные из всех человеческих уз, но нечего бояться их, потому что сладость такого положения позволяет охотно брать на себя это иго; увидишь сам, как мила эта жизнь». — «Пойдем к ним, — сказал я, — посмотрю».

4. Пошли мы на ту улицу; там — огромная толпа таких людей — все по паре; много таких, которые, как мне показалось, очень не равно соединены: большие с малыми, красивые с уродами, старые с молодыми. Посмотрев внимательнее, что они делают и в чем собственно заключается приятность этого положения, я заметил, что они глядят друг на друга, разговаривают между собою, иногда один другого погладит, иногда и поцелует. «Видишь ли теперь, — сказал мне толмач, — какая чистая вещь есть брак, когда он удачен». — «Так, значит, когда он удачен, это верх всего?» — «Конечно», — ответил он. Я же в свою очередь возразил: «Стбит ли это малое удовольствие таких оков и довольно ли его, не знаю».

5. Поглядел меж тем на них еще и заметил, как много работы и забот имели бедняки. Около них по большей части были ряды детей, припаянных к ним узами; дети у них кричали, плакали, ссоились, стонали и умирали; о том же, с какою болью, плачем и риском собственной жизни они являлись на свет, я умолчу. Если же которые и подрастали, то с ними была двойная забота: одна — удерживать их при себе уздою, другая — гнать их от себя кнутом; часто они ни на узду, ни на кнут не обращали внимания, причиняли страшное беспокойство родителям, даже до слез и истощения. Из-за того же, что последние отпускали их по собственной воле или совсем отказывались от них, происходило бесчестие и смерть родителей. Замечая это везде, я стал уговаривать некоторых, как родителей, так и детей, предостерегая одних от ослиной любви к детям, других взывая к добродетели. Но я достиг малого; мало того, на меня смотрели косо, смеялись надо мной, а некоторые угро-



жали даже убить меня. Увидев здесь некоторых бесплодных, я стал поздравлять их; но и они тосковали, жаловались, что у них нет утешения; тогда я понял, что и иметь и не иметь детей в замужестве — одно и то же горе. Притом каждая почти пара людей для услуг себе и своим детям имела около себя чужих, за которыми часто надо было смотреть больше, чем за собой и своими, а между тем достаточно-таки было беспокойства и от последних. Сверх того, как на той площади, и здесь было много препятствий и помех: камней, деревьев и ям. Зацепился ли один, спотыкался, падал, ранил себя, другой не мог оставить его — должен был вместе с ним наравне чувствовать боль, плакать и помогать ему переносить болезни, так что я убедился, что каждый в этом состоянии вместо одной заботы, труда и опасности имеет столько забот, трудов и опасностей, со сколькими людьми связан производить жизнь. Не понравилось мне это положение.

6. Посмотревши в толпе на некоторых, я заметил трагедию. Здесь были соединены по неравному желанию: один хотел так, другой иначе, один сюда, другой туда; таким образом они спорили, ссорились, грызлись. Один жаловался проходящим мимо на то, другой — на другое. И так как не было никого, кто уступил бы, то они нападали друг на друга, давали пощечины друг другу и безжалостно дрались; помирил ли кто их, они снова, минуто спустя, шли туда же в толпу. Некоторые спорили довольно долго, направо или налево идти, и так как каждый упорствовал направиться туда, куда ему хотелось, то один с силою бросался в свою сторону, другой — в свою; таким образом происходила сумятица, и было любопытное для других зрелище, кто кого перетянет. Иногда побеждал муж, а жена, хотя и хваталась руками и земли, и травы, и всего, чего могла коснуться, все-таки тащилась за ним; иногда — муж за женой. Другие смеялись этому, но мне это более казалось достойным сожаления, чем смеха, в особенности же, когда я увидел, что некоторые в этом мучении плакали, вздыхали, поднимали руки к небу, сознавая во всеуслышание, что они с радостью выкупили бы себя из этого плена и золотом, и серебром. Я обратился к своему толмачу: «А что, разве нельзя помочь им? Нельзя ли развязать их и отпустить тех, которые не могут сладить друг с другом?» — «Этого нельзя, — ответил он, — покуда живы, должны так оставаться». — «О ужаснейшая тюрьма и рабство, — сказал я, — это горше смерти». Толмач же в свою очередь снова ответил: «А почему же все они не подумали об этом раньше? Теперь пусть живут в несогласии».

7. Посмотрел я тогда, а смерть своими стрелами так и поражает, так и поражает их и тотчас размыкает у каждого оковы. Я и подумал, что они и сами желали этого и сердечно рады будут освободиться. Но — диво, почти каждый пачинал плакать и проливать слезы

(едва ли еще что-нибудь подобное этому я видел в свете), ломал руки и тужил о своей злой судьбе. Что касается тех, которых я сперва видел довольными друг другом, то они, как я понял, действительно тоскуют друг о друге; о других же я был убежден, что они только перед людьми представляются; впрочем, если они сознаются в своей ошибке, то, может быть, и другим посоветуют, как избавиться от оков. А они — не успел я подумать, — протерши себе глаза, снова бежали к воротам и возвращались опять в оковах. И сказал я с гневом: «О чудовища, вы не достойны сожаления!» — обратившись же к своему проводнику: — «Пойдем отсюда: в этом положении я не вижу ничего, кроме глупости».

8. Между тем (не скрою своих приключений), когда на перекрестке мы повернули к воротам, а я тем временем имел намерение хорошенько посмотреть свет, оба мои проводника, как *Всевед*, так и *Обман*, настойчиво стали предлагать, чтобы и я сам испытал это положение, чтобы лучше понять, в чем оно состоит, что я молод, что меня страшат только примеры, что я еще не все просмотрел и т. д. И вот убедили меня сесть как бы в шутку на весы; и я получил здесь оковы и ушел отсюда связанным сам-четверт. Дали мне разных подручных (говорили, что по службе и ради почета), так что я едва мог тащить их за собой, вздыхая и крихтя. Вдруг как бы ударил вихрь с молнией, громом и страшным градом, и все рассеялось прочь, кроме связанных со мной, но в то время, как я шел вместе с ними за оковами, стрелы смерти поразили всех моих трех<sup>7</sup>, так что я с жалостью разъединился с ними и, лишившись чувств, не знал, что делать. Проводники сказали мне, что я должен быть даже доволен, поскольку мне легче будет убежать. «А почему же сначала посоветовали мне?» — спросил я. Они сказали, что времени нет ссориться, что нужно убежать. Так я и поступил.

9. Убежав отсюда, прежде всего не знаю, что сказать об этом положении: более ли в нем радостного, когда оно удачно (я не сомневался, что оно было удачно для меня), или более достойного сожаления, по разным причинам. Я понял только то, что и без него и в нем одинаково тяжело, а если оно и кажется лучшим, то в таком случае сладкое мешается с горьким.

#### Г Л А В А IX

### Путешественник обозревает положение ремесленников

1. Идя таким образом, достигли мы улицы ремесел, которая в свою очередь была разделена на несколько улиц поменьше и площадок, и везде было полно различных галерей, фабрик, плавильных пе-

чей, мастерских, барачков, лавок с особыми различными принадлежностями; около них хлопотливо ворочались люди, все с криком, скрипом, свистом, писком, хохотом, гамом и различным шумом. Я видел, что некоторые копались и ковырялись в земле, или разрывая ее сверху, или прорывая ее насквозь, как кроты, иные погружались в воду на реках и на море, иные мучились в огне, иные ротозейничали на воздух, иные боролись со зверями, иные — с деревом и камнями, иные привозили то туда, то сюда различные предметы. Толмач мой сказал: «Видишь, какая легкая и веселая работа. Может ли быть что-нибудь лучше для тебя?» Я ответил: «Может быть, тут и есть что-нибудь веселое, я-то, по крайней мере, вижу при этом много труда и слышу много стона». Толмач сказал: «Не все тяжело, посмотрим поближе некоторые вещи». Повели они меня к ним поочередно, осмотрел я все и брался для пробы то за одно, то за другое. Но здесь не место описывать все решительно, да и нет желания. Не умолчу, однако, о том, что видел собственными глазами.

Прежде всего я увидел, что все эти человеческие промыслы суть только труд и усилие, и каждый имеет свою тяжесть и опасность. Я видел, что те, которые ходили около огня, были, как арабы, почерневши и прокоптевши; шум молотов беспрестанно стучал у них в ушах и заглушал наполовину слух, блеск огня постоянно сверкал у них в глазах, и кожа их потрескалась от опаления. У тех, которые имели работу в земле, товарищами были темнота и опасность, и не раз случалось, что их засыпало землею. Некоторые работали на воде, мокли, как голуби на крыше, дрожали от холода, как осока, внутренности их портились, и немало их стало добычей дна. Некоторые занимались с деревьями, камнями и другими материалами, были в мозолях, измучены и стонали. Я заметил, что некоторые имели глухие работы, с которыми тем не менее мучились и изнуряли себя до пота лица, до усталости, до падения, до ран, даже до гибели, причем едва в состоянии были заработать себе необходимый кусок хлеба. Видел я и таких, которые легче и выгоднее доставали себе пропитание, но зато, чем меньше было труда, тем больше было обмана и несправедливости.

2. Во-вторых, я заметил, что всякая работа человека — для его рта, ибо все, что он получал, клал себе и своим ближним в рот; изредка, отнимая у рта, клал в мешок. Но мешки эти, опять я заметил, были дырявые; что насыпалось в них, то снова высыпалось, а другие подбирали. Или приходил кто-нибудь и вырывал у другого из рук мешок, а иной и сам портил и разрывал, вечно жалуясь при этом на злую судьбу. Одним словом, я ясно видел, что этими человеческими работами только переливается вода из пустого в порожнее, деньги добываются и снова уходят с тою только разницею, что уходят они легче, чем добываются, безразлично, бегут

ли через рот или через сундуки. Поэтому-то я и видел больше бедняков, чем богатых.

3. В-третьих, я заметил, что каждая работа требовала всех усилий человека. Оглядываясь ли кто или медленно приступал к делу, тотчас он оставался позади, все у него лезло вон из рук и, прежде чем он успел осмотреться, стоял уже на краю.

4. В-четвертых, всюду я видел много трудностей. Прежде чем кто-нибудь принимался за занятия, проходила добрая половина жизни; если взялись за что, не обратив самого заботливого внимания на себя, то тотчас же все шло у них вспять; впрочем, я видел, что и самые заботливые так же часто встречались с убытком, как и с прибылью.

5. В-пятых, я заметил (в особенности между одинаковыми занятиями) все полным зависти и злобы. Привалило ли кому-нибудь больше работы или от него больше уносилось, соседи смотрели с жадностью, скрежетали зубами и вредили ему, как могли; отсюда происходили раздор, недовольство, проклятие, а некоторые от нетерпения бросали свои инструменты и наперекор другим впадали в лень и нищенство.

6. В-шестых, всюду я заметил много фальши и обмана. Все, что делал кто-нибудь, в особенности для другого, делал на ветер, поверхностно, свои же работы хвалил и ставил, как только мог выше.

7. В-седьмых, я видел здесь много лишних глупостей, да и действительно убедился, что большая часть тех занятий не что иное, как сама именно глупость и бесполезное мучение. В самом деле, раз телу человека дано поддерживать себя скромной и простой пищей и питьем, одеваться в скромную и простую одежду, охранять себя под скромной и простой кровлей, то очевидно, что и заботы о нем и работы для него нужно мало и скромно, как было в стародавние времена. Здесь же я убедился, что свет либо не умеет, либо не хочет рассудить об этом, потому что для набивания и наливания своего брюха люди привыкли извлекать выгоду из столь многих вещей, что для отыскания их огромная часть людей должна работать и на земле, и на море и подвергать опасности и здоровье, и жизнь свою, для поправления которых в свою очередь должны быть специальные мастера. Подобным образом немало людей было занято отысканием различных материй для одежды и материалов для жилищ и придаванием им разнообразных, достойных удивления, покровов и форм, все это бесполезно и глупо, часто даже и грешно.

Таким образом я видел таких ремесленников, все искусство и труд которых состоит в том, чтобы делать детские куклы или другие игрушки для препровождения и потери времени; затем были такие, работа которых заключалась в том, чтобы делать орудия жестокости: мечи, кинжалы, палицы, ружья и т. д.; приготавли-

лось все это в постоянно возрастающем числе на человека. Не понимаю, с какою совестью и спокойствием духа могут смотреть люди на подобные занятия. Знаю только, что если возможно бы было от тех человеческих дел отнять и отделить то, что не нужно, бесполезно и грешно в них, то большая часть человеческих промыслов должна была бы прийти в упадок. Поэтому-то по причинам, здесь и выше упомянутым, мысль моя ничего не могла облюбовать себе.

8. Напоследок же особенно я обратил внимание на то, что здесь телом и для тела работают, между тем как человек, имея в себе высшую силу — душу, должен бы был прежде всего работать для нее и прежде всего преследовать ее выгоду.

9. Я должен упомянуть здесь о том, что случилось со мною, когда я был среди ездящих на земле и между пловцами на море. Когда я, так внимательно осматривая ремесленников, тосковал, *Все-сед* обратился к *Обману*: «Вижу я, что у него нет стремления к оседлой жизни; точно так же, как ртуть, он хочет быть всегда в движении, поэтому-то ему здесь и не нравится ни одно место, к которому бы он захотел примкнуть. Покажем ему что-нибудь более обширное — купеческое сословие, которое всегда вольно переносится туда и сюда по свету и летать, как птица». — «Ничего не имею против этого, — сказал я, — надо и это попробовать». Пошли мы туда.

10. Скоро я увидел толпы людей, блуждающих повсюду и рассматривающих всякие вещи, даже и щепки, мусор, на воз собирающих, поднимающих и складывающих в кучи. Я пылливо спросил, что это такое? Они ответили, что готовятся к путешествию. «А отчего же не без этих поклаж — без них бы легче было ехать?» — «Глупый ты, — ответил мне мой провожатый: — как же бы они поехали? Это крылья их». — «Крылья?!» — переспросил я. — «Конечно, крылья, ибо это и дает им и цель, и притом спокойствие духа, и паспорт, и пропуск повсюду. Или ты думаешь, что даром можно путешествовать по свету. В этом-то и состоит их жизнь, выгода и все». Посмотрел я, а они, сколько каждый из них мог окинуть взором, свозили клади на какие-то станки с придельными к ним колесами, сваливали и привязывали, запрягая в них быков; со всем этим они катились по горам, равнинам и лощинам, думая, что это — особенно веселая жизнь. И мне сначала так же думалось. Но когда я увидел, что они стали то там, то здесь вязнуть в болоте, мараться, тонуть, утомляться и уставать от дождя, снега, непогоды, метелицы, вьюги, сильной жары, одним словом, когда я увидел, что они переносят различные неудобства, как всюду у застав подкарауливают их, все перетряхивают у них, опоражнивают кошельки (ничто не помогало против этого: ни гнев, ни неистовство, ни ругань), как грабители устраивают на больших дорогах засады против них, производят нападения на них, и когда я убедил-

ся, что жизнь их всегда находится в опасности, у меня пропало желание испробовать этого.

11. Говорили тогда<sup>8</sup>, что есть другой, более удобный способ летания по свету — плавание; здесь человек не трясется, не сбивается с пути, не останавливается, но может перелетать от одного края света к другому, всюду находя что-нибудь новое, невиданное и неслыханное. И повели меня тогда на край земли, где мы ничего не видели перед собою, кроме неба и воды.

12. Здесь приказали мне войти в какую-то избушку, сложенную из досок. Избушка стояла не на земле, не была закрыта вся, не была утверждена каким-либо сводами, колоннами или подпорами, а стояла на воде и колыхалась то в одну, то в другую сторону, так и взойти на нее нужно было подумавши. Но так как некоторые шли туда, то и я пошел, чтобы не показаться несмелым. Сказывали, что это — наша телега. Я думал, что мы сейчас же и поедем, или, как говорили, полетим, а вместо того стоим день, другой, третий, десятый. «Что же это такое? — спросил я. — Говорили ведь, что пустимся с одного края света на другой, а мы и с места-то никак не можем сдвинуться». На это ответили мне, что скоро придут работники, и объяснили, что у них есть работники, для которых не надо ни шинков, ни стойл, ни корма, ни кнута; стоит только запретить и ехать. Только надо подождать, и я сам увижу. И указали мне между тем веревки, канаты, шлеи, вожжи, перевязи, ремни, пристяжку, ось, стремянки и различные палки; все — иначе, нежели при извозчичьей тележке. Воз этот лежал как бы на спине, поднимаясь вверх дышлом, сделанным из двух наидлиннейших елей; от верхушки его разбегались в стороны веревки с разными решетками и лестницами. Ось этого воза была сзади, и у нее сидел один человек, который хвастался тем, что всю эту громаду может повернуть, куда захочет.

13. Начался ветер. Наши люди начали бегать, скакать, кричать, радоваться; один хватался за одно, другой за другое, некоторые стали лазить по веревкам вверх и вниз, словно белки, спустили жерди, распустили какие-то свернутые рогожи и т. д., и т. д. Я спросил, что это такое. Они ответили: «Запрягаем». Поглядел, а рогожи-то те поднимаются у нас, как ветрила (рассказывали, что это наши крылья), и все под нами начало шипеть, вода под нами начала рассекаться и бить ключом, брызгать, и, прежде чем я успел одуматься, стали исчезать с наших глаз и берег, и земля, и все. «Куда это мы попали? Что-то будет?» Они же: «Летим». — «Летим же во имя божие», — сказал я и удивился, как быстро несет нас, не без удовольствия, да и не без страха. Когда же я вышел наверх посмотреть, поднялось у меня головокружение; когда спустился на дно, страх от волн, пенящихся около стен, обуял меня. И здесь начало мне приходить на мысль: не есть ли в то же время большая

смелость таким бешеным стихиям, как вода и ветер, доверять свою жизнь и таким образом умышленно лезть в пасть смерти, от которой мы не далее, как на два пальца, так сказать, на толщину доски между мною и этою страшною пропастью. Чтобы не показать страха, я молчал.

14. Тогда какой-то суровый запах начал заражать меня и, проняв мозг и все внутренности, повалил меня. Валяюсь я здесь (как и другие, не привыкшие к подобной жизни), кричу, не знаю, что делать, все во мне расплывается, льется из меня, так что казалось, что, как улитка на солнце, так и мы на этой воде распустились. Тут я стал ругать себя и кричать на моих проводников, не веря, что можно еще остаться в живых, но вместо сожаления услышал от них смех. Из опыта они знали (чего не знал я), что это не будет продолжаться более одного дня. Так действительно и было. Сила моя понемногу снова вернулась, и я понял, что так приветствовало меня беспокойное море.

15. Но что же? Скоро стало еще тяжелее. Ветер оставил нас, крылья опустились, мы остановились, не будучи в состоянии двинуться никуда ни на волос. Я опять удивился, что-то будет; занесены мы в эти морские пустыни, выйдем ли снова, увидим ли мы еще землю живых. «О, милая мать-земля, земля, милая мать, где ты? Воду рыбам, а тебя нам, людям, дал творец Бог. Рыбы жилища своего премудро держатся, мы же, бессмысленные, оставили свое. Не оказало бы нам помощи небо, так пришлось бы погибнуть в той темной пропасти». Такими прискорбными мыслями не переставал мой дух мучиться, но закричали пловцы, и я, выбежав, спросил, что такое. Они отвечали, что ветер идет. Взглянул я и не заметил ничего; в то же время стали распускать паруса, и действительно ветер пришел, подхватил нас и понес снова. Это принесло всем радость, которая скоро сменилась печалью.

16. Вскоре это дуновение ветра так увеличилось, что не только мы, но и глубины под нами были бросаемы; даже страх подступил к сердцу, ибо море валилось со всех сторон такими волнами, что мы словно ходили по высоким горам и глубоким пропастям, то в гору, то в пропасть. Иногда нас бросало так высоко, что мы, казалось, могли достать самого месяца, затем снова опускались как бы в пропасть. Казалось, что навстречу или сбоку идущая волна застигнет нас и моментально потопит на месте. Она же все поднимала нас. Этот деревянный корабль появляется то здесь, то там и одною волной был передаваем другой, падал то на одну, то на другую сторону, то передней своей частью поднимался в гору, то опускался вниз. Не только бросало воду и на нас и перед нами, но мы не могли ни стоять, ни лежать, будучи бросаемы с боку на бок, и становились то на ноги, то на головы. Поэтому головокружение, обморок и все прочее, бывшее раньше с нами, повторилось снова, а так как это

продолжалось и днем, и ночью, то каждый может легко представить себе, как много можно было испытать здесь страха и беспокойства. И думал я про себя: «Ах, эти люди перед всеми, сколько ни на есть на свете, больше имеют основания быть набожными, коль скоро они ни одного часа своей жизни не бывают спокойны». Отглянувшись на них, как они набожны, увидел, что они словно в корчме жрут, пьют, играют, хохочут, говорят дурные слова, ругаются и позволяют себе всевозможную вольность. Возмущенный этим, я начал усовещивать их и просил вспомнить о том, где мы, и, оставив такие вещи, молиться Богу. Но что из этого? Одни осмелили меня, другие на меня кричали, третьи замахивались, четвертые хотели выбросить меня за борт. Мой *Обман* велел мне молчать и помнить, что я в чужом доме гость, а в таком случае лучше быть слепым или глухим. «Да ведь невозможно же, — сказал я, — чтобы все это при таких обычаях не кончилось дурно». Они опять тогда пустились в смех. Видя такое глумление, я должен был замолчать, хотя и боялся несчастья среди них.

17. Буря вдруг усилилась, и поднялся страшный вихрь прямо в лицо нам. Прежде всего море начало клубиться волнами до самого неба, волны подбрасывали нас, как мячик, глубины развернулись и то грозили поглотить нас, то снова выкидывали кверху; ветер обхватил нас со всех сторон и бросал то туда, то сюда, так что все затрещало, словно хотело разорваться на сто тысяч кусков. Помертвел я весь, не видя ничего пред собою, кроме гибели. Моряки же, не будучи в состоянии оказать никакого сопротивления и боясь быть загнанными на скалы или мели, собрали паруса и выбросили какие-то большие железные крючки на толстых железных привязях, заботясь о том, чтобы удержаться на месте, пока перестанет буря. Но — напрасно. Некоторые, в особенности из тех, которые лезли по веревкам, порывом ветра были сброшены вниз, как гусеницы, и выкинуты в море. От этого же порыва ветра оторвались якоря и утонули в морских пучинах. Лодка наша, без всякой защиты, стала кидаться с нами, как щепка по течению реки. И у тех, которые были на этом железном своевольном великане, не хватило мужества; побледнели, задрожали, не знали, что начать, вспомнили теперь о Боге, вспомнили о молитве и стали поднимать руки к небу. Лодка наша стала с нами то садиться на дно, то ударяться о скрытые под водою скалы, падать и погружаться в воду. Вода полилась к нам через щели; хотя и было поручено и старым, и молодым выливать ее, чем только можно, но от этого не было никакой пользы; напором шла она к нам и тянула к себе. Плач, крик, необыкновенные стоны, никто ничего не видел перед глазами, кроме лютой смерти. Каждый, любя жлзнь, брался за что мог: стол, доски, шести, чтобы хоть посредством их избавиться от того, чтобы не потонуть, и в надежде, быть может, выплыть где-нибудь.



Когда в конце концов лодка разломалась и все стало тонуть, я схватился за что-то и с немногими оставшимися в живых достиг берега. Всех остальных поглотила страшная пучина. Избавившись от опасности и страха, я начал укорять своих проводников за то, что они привели меня к этим опасностям. Они оправдывались тем, что мне не было от этого никакого вреда и, если мы выбрались на берег, я должен быть спокоен. Да, слава Богу, до самой смерти своей не позволю никому подвергнуть себя чему-нибудь подобному.

18. Оглянувшись назад, заметил, что спасшиеся вместе со мною снова бегут туда и снова садятся на корабль. «Ну, идите же на очевидную гибель вы, смелые люди, я же не хочу больше смотреть на это». Толмач мой ответил: «Не всякий такой размазня, как ты, мой милый; прекрасно ведь имущество и состояние, а чтобы нажать его, человек должен рисковать и жизнью». Я возразил на это: «Что я, животное что ли, чтобы, приобретая для тела, и только для тела, подвергать жизнь свою опасности? Этого не сделает даже и животное, а тем более человек, который, имея в себе самую возвышенную вещь — душу, должен для нее искать выгоды и удовольствия».

#### Г Л А В А Х

### Путешественник обзревает сословие ученых, прежде всего вообще

1. Проводник мой обратился ко мне с такою речью: «Теперь я понял твои мысли, куда тебя тянет: среди ученых, как и сам ты, среди ученых побывать — вот для тебя приманка; эта жизнь легче, спокойнее и самая полезная для мысли». «Пусть будет так, — сказал толмач. — Что же может быть приятнее того, как человек, не заботясь о хлопотах ради материального этого тела, занимается исследованием различных самых возвышенных вопросов. Действительно, смертных людей подобными бессмертному Богу делает то, что они всеведущи, все исследуют, что на небе, на земле, в глубинах есть, или было, или будет, все знают, хотя ими и не все в одинаковом совершенстве достигается». — «Ведите же меня туда, нечего мешкать», — сказал я.

2. Пришли мы к воротам, которые мне назвали «Disciplina»; ворота эти были длинные, узкие и темные, полные вооруженных стражей, которым каждый желавший попасть в улицу ученых должен был доложить о себе и попросить пропуска. Я заметил, что толпы людей, особенно молодых, приходили и были немедленно подвергаемы различным строгим испытаниям. Самое первое над

каждым испытанием было — каков кошелек, какова задница, какую принес голову, каков мозг (об этом судили по соплям)<sup>9</sup> и какова кожа. Если голова была стальная и мозг в ней из ртути, задница оловянная, кожа железная и кошелек золотой, хвалили и тотчас вели дальше. Если кто не имел последнего из этих качеств, то ему или показывали обратный путь, или, суля плохое будущее, принимали так только, на всякий случай. Удивившись этому, я сказал: «Какая у них нужда в этих пяти металлах, что так тщательно на все это обращают внимание?» — «А много, — ответил толмач. — Кто не имеет стальной головы, у того она разломится, у кого нет жидкого, как ртуть, мозга, тот не будет иметь из него зеркала, не обладая железной кожей — не вынесет никакого формирования, без оловянного седалища ничего не высидит, все расстрасет, а без золотого кошелька где бы набрал времени, учителей, живых или мертвых! Разве ты думаешь, что такие великие вещи могут достаться даром?» Тогда я понял, куда это клонится, а именно: что к этому сословию должны быть принесены здоровье, ум, постоянство, твердость и расход, и сказал: правда, пословица говорит: «Non cuivis contingit adire Corinthum<sup>10</sup> — не всякое дерево годится на бочку».

3. Пошли мы дальше в ворота, и я заметил, что каждый тот страж брал одного из приходивших или больше для работы и, ведя его, дул ему что-то в уши, протирали глаза, прочищали нос и ноздри, вытягивали и вычищали язык, складывали и раскладывали руки и пальцы, и не знаю, чего еще не делал. Некоторые пытались даже голову просверлить и налить туда чего-нибудь. Мой толмач, увидев, что я испугался этого, сказал «Не удивляйся: у ученых руки, язык, глаза, уши, мозг и все внутренние и внешние органы иначе должны быть устроены, нежели у глупых людей; они должны иметь твердость; поэтому-то здесь и переформируются, а этого без труда и усилий не может быть». Посмотрел я и увидел, как много должны были претерпеть от этого переформирования бедняки. Я говорю не о кошельке, а о шкуре, которою они должны были платиться. Часто кулаками, указкою, прутом, метлою попадало по лицу, по лбу, по спине, по заднице, даже до кровавого подтека, и почти все подряд были с рубцами, шрамами, сныками, мозолями. Некоторые, видя это, прежде чем попасть в ворота, посмотрев только сюда, убегали; некоторые, вырвавшись из рук тех формирующихся, также убегали прочь. Меньшая только часть их осталась до конца, за что и пускали их на волю. И я, имея желание попасть в это сословие, не без труда и горечи выдержал это переформирование.

4. Когда мы выходили из ворот, я увидел, что каждому, таким образом павострепному, давали метку, по которой можно бы было узнать, что он принадлежит к ученым: черпильницу за пояс, за

ухо перо, а в руки простую, неисписанную книгу, чтобы собирать знания; я также получил это. Тогда *Всевед* обратился ко мне: «Ну, четыре дороги перед нами: к философии, медицине, правоведению и богословию: куда прежде всего мы направим путь?» — «Как знаешь», — сказал я. — «Пойдем сначала на площадь, — предложил он, — где все сходятся, посмотрим на всех их вместе, потом будем проходить по аудиториям, по каждой отдельно».

5. Привел он меня на какой-то рынок; здесь были толпы студентов, магистров, докторов, священников, юношей и старцев. Некоторые из них находились в толпе, разговаривая друг с другом и споря; иные тискались в угол, с глаз долой от других. Некоторые (это я хорошо высмотрел, но не смел сказать им) имели глаза, но не имели языка, другие имели язык, но не имели глаз, третьи — только уши, без глаз и языка, и т. д., так что я понял, так и здесь существуют недостатки. Видя, что все откуда-то выходят и снова входят туда, словно пчелы летают из улья в улей, поторопил и я своего проводника войти туда.

6. Вошли. Перед нами громадный зал, конца которому не видно; по всем сторонам в нем множество шкафов, перегородок, шкатулок и ящиков — на ста тысячах возов я не увез бы их; каждая шкатулка имела свою надпись и заглавие. Я спросил: «В какую же это аптеку попали мы?» — «В аптеку, — ответил толмач, — где делают лекарства против болезни мысли и которая называется собственным именем «библиотека». Посмотри-ка, какие здесь беспредельные склады мудрости». Взглянув туда, я увидел, что около них теснятся толпы разных ученых. Некоторые, выбирая более прекрасное и утонченное, вытягивали из них по куску и принимали вовнутрь, спокойно разжевывая и переваривая. Подойдя к одному из них, я спросил, что это он делает. Тот ответил: «Воспринимаю». — «Какой же в этом вкус?» — опять спросил я. Он: «Покуда это жуется во рту, ощущается горьковатость или кислотность, которая потом обращается в сладость». — «А зачем это?» — спросил я. Он ответил: «Мне легче тогда носить то, что находится внутри меня, и я с помощью этого становлюсь более обеспечен; разве не видишь во мне хороших последствий?» Посмотрел я на него повнимательнее и увидел, что он толст и тучен, красного цвета, глаза светились, как свечи, речь была рассудительная, и все в нем дышало жизнью. Толмач мне сказал: «Точно так же и те вон там».

7. Посмотрел я и увидел, что некоторые с большою жадностью обходятся с этим, пожирая все, что ни попало под руки. Взглянув повнимательнее на них, я не заметил, чтобы у кого поправился сколько-нибудь цвет лица, прибыло тела или жира, кроме брюха, раздутого и набитого; я видел, что то, что иной напихал в себя, непереваренным лезло снова верхом и низом. У некоторых из них делалось головокружение и помрачение разума, другие от этого

бледнели, сохли и умирали. Иные, видя это, показывали на них друг другу и рассказывали о том, как небезопасно ходить с книгами (так называли они эти шкатулки), другие убежали прочь, третьи увещевали только разумно обходиться с ними. Поэтому внутри не принимали некоторых лекарств, а, привеся себе спереди и сзади мешок и сумку, клали в них эти шкатулки (на некоторых большей частью были надписи: *Vocabularium, Dictionarium, Lexicon, Promptuarium, Florilegium, Loci communes, Postilla, Concordantia, Herbarium* <sup>11</sup> и т. д., что каждый класс считал нужным для своей цели); нося их, когда нужно было написать или сказать что-нибудь, вынимали из кармана, а отсюда в рот и брали перо. Заметив это, я спросил: «Неужели они в карманах носят свое знание?» Толмач ответил: «Это — *memoriae subsidia*<sup>12</sup>, неужели не слышал?» — «Слышал, как некоторые хвалили этот способ, доказывали, что только в этих шкатулках заключаются вещи, не подлежащие сомнению». Может быть, но я нашел здесь другое неустройство. Собственными глазами мне приходилось видеть, что некоторые растеривали свои шкатулки, а у других, когда они откладывали их в сторону, спалил их огонь. Ах, какая была тогда беготня, ломание рук, ругань, крик; никто из них в это время не хотел входить в ученые споры, писать, говорить; ходил, повеся нос, ругал себя, краснел, старался и просьбами, и деньгами приобрести себе шкатулочку, у кого бы ни увидал ее; только те, которые внутри имели запасный ящичек, не так боялись случайностей.

8. Между тем я опять увидел таких, которые клали эти шкатулки не в карман, а носили их в какие-то комнаты; последовав за ними, я заметил, что они делали для них роскошные футляры, разукрашенные разными цветами, иногда обложенные серебром и золотом, ставили их на полки и, снова снимая, глядели на них, складывали и раскладывали, подходили и отходили, показывали и друг другу, и посторонним, как прекрасно устроено, все поверхностно; иные время от времени смотрели на заголовки, чтобы уметь называть. «Что это они — играют?» — спросил я. Толмач отвечал: «Милый мой, прекрасная вещь — иметь хорошую библиотеку». — «Даже когда не пользуются ею?» — спросил я. Он же добавил: «И те, которые любят библиотеку, считаются учеными». Я же подумал про себя: «Да, так же как кто имеет кучу молотков и щипцов, а не знает, для чего они употребляются, считается за кузнеца». Однако сказать этого не посмел, боясь навлечь на себя беду.

9. Когда мы снова вошли в зал, я заметил, что этих аптекарских коробочек прибывает все больше и больше со всех сторон, и, посмотрев, откуда носят их, увидел, что их носят с какого-то закрытого места; вошедши туда, я увидел многих токарей: они один перед другим прилежнее и искуснее делали эти шкатулочки из дерева, кости, камня и разных материалов и, наполняя их мазью или

снадобьем, отдавали во всеобщее употребление. Толмач сказал мне: «Это — люди достойные похвалы и всяческих почестей; они самыми полезными вещами служат роду человеческому и для умножения мудрости и знания не жалеют никаких трудов и усилий, делятся ценными своими дарами с другими».

«Позволь же мне посмотреть, из чего и как это (что ты назвал мудростью и дарами) делается и готовится». И увидел я одного или даже двоих, которые, найдя душистые травы и корни, резали их, терли, варили, чистили, готовя роскошные снадобья, эликсиры, сиропы и другие полезные для человеческой жизни лекарства. Посмотрел я и сравнил с ними других, которые выбирали из готовых коробочек и клали в свои; и таких было сотни. Я сказал: «Они только воду переливают». Толмач ответил: «Таким образом умножается знание. Разве не нужно уметь приготовить одно и то же так и иначе? К первой вещи всегда нужно прибавить что-нибудь и приправить ее». — «И испортить таким образом», — добавил я с гневом, ибо отлично видел, что тут фальшивят. Иной, взяв чужой сосуд, чтобы несколько наполнить свой, разжимал сколь возможно, загушал пылью и мусором, чтобы только казалось, что вновь сделано. Между тем привешивали великолепные этикетки и без стыда, как какне-нибудь шарлатаны, превозносили каждый свое. И удивительно, и досадно было мне, что (как я был уверен раньше) редко кто старался узнать внутреннюю сущность, а брали все подряд, без различия, а если иные и выбирали, то только глядели на внешнюю оболочку и на надпись. Тогда-то я понял, почему так мало их достигают внутренней свежести мысли; но чем более кто-нибудь принимал этих лекарств, тот тем более давился, бледнел, увядал и чах. Видел я также весьма большую часть таких любимых снадобий, которым никогда не приходилось послужить с пользой для человеческой жизни; они были только для червяков и моли, пауков и мух, сора и плесени, наконец — для грязных бабок и задних углов.

Некоторые, боясь этого, поскорее, как только приготовили свое снадобье (а некоторые раньше, чем начали готовить), бегали по соседям с просьбами о предисловии, стихе, надписи, немедленно искали патрона, который дал бы название новому приготовлению и заплатил бы за него мешком денег; чистили этикетки и надписи, чтобы изящнее выглядели, разукрашивали различными фигурами и картинами как бы повычурнее; сами носили это навстречу людям, подавали и насильно совали. Но я видел, что, в конце концов, и это не помогало им, потому что и без того слишком уже много их было. Пожалел я некоторых, что они, имея возможность быть в полном спокойствии, подвергают опасности свое имя без всякой нужды и пользы и этим шарлатанством приносят вред ближнему. Когда я дал им понять об этом, то снискал себе

ненависть, как будто бы я отвлекал их от общего блага. Умалчиваю о том, как некоторые приготавливали свое варево из вещей явно ядовитых, так что много было таких, которые продавали отраву, как лекарство. Неохотно смотрел я на этот беспорядок, но не было никого, кто прекратил бы это.

10. Пришли мы снова на площадь ученых, и я увидел между ними ссоры, распри, передраги, сумятицу. Редко можно было найти такого, который не ссорился бы с кем-нибудь, и не только молодые (это можно было бы приписать их несовершеннолетнему возрасту), но и старики все вместе ругались. И чем больше кто считал сам себя за ученейшего или другими был так называем, тот тем скорее начинал ссоры, метал стрелы на других; даже страшно было глядеть на это; в этом искал он славы и похвалы себе. И сказал я: «Ради Бога, что же это такое? Я, по крайней мере, думал, да и вы уверили меня, что это сословие самое спокойное, а я нахожу здесь так много раздора». Толмач ответил: «Сын, не понимаешь ты этого: они ведь только изопряются». — «В чем изопряются? — спросил я. — Я вижу раны и кровь, гнев и враждебную одних к другим ненависть. Ничего подобного я не видел ни в одном сословии, даже у ремесленников». «Без сомнения, — сказал толмач, — потому что занятие последних рабское, а этих — свободное. Поэтому, что не дозволяется тому сословию и не может быть терпимо у него, в том здесь полная свобода». — «Но как же можно называть это порядком, — спросил я, — этого вот я не понимаю». — «Да ведь оружие-то их на вид ничего страшного не представляет». Действительно, копья, мечи, кинжалы, посредством которых они боролись между собою и которые бросали друг в друга, были кожаные, и держали они их не в руках, а во рту. Стреляли же из тростниковых и из гусиного пера трубок, из которых, зарядив их пылью, смешанной с водой, пускали друг в друга бумажные пули. Таким образом, при поверхностном взгляде не показалось мне ничего страшного, но когда я увидел, что иной метко подстреленный содрогался, кричал, стонал и убегал, то стало понятно мне, что здесь не шутка, а настоящая битва. На некоторых нападали многие, так что от множества мечей все около ушей звенело, и бумажные пули падали на них, как град. Иной твердо защищался от нападения и разгонял своих противников, иной, обессиленный от множества ран, падал. Здесь я заметил необыкновенную жестокость их: не оставляли в покое пораженных уже ими и мертвых, но тем больше и тем безжалостнее стреляли в них и убивали, доказывая свой героизм, — каждый на том человеке, который не оборонялся от него. Некоторые ходили себе мирно, но от спора и недоразумений также не были свободны. Если кто-нибудь промолвил что-либо, то другой моментально противоречил ему; например, спорили о снеге: белый он или черный, об огне — горячий он или холодный.

11. Некоторые вмешались в эти несогласия и начали советовать успокоиться, чему и я обрадовался. Пошел слух, что все споры должны быть решены, вопрос только был в том, кому взяться за это дело. Ответчали, что по повелению королевы *Мудрости* должны быть выбраны наиболее проницательные, которым должна быть дана власть и сила, допросив противоречащие стороны, вывести в каждой вещи смысл и различие и огласить, что есть более справедливое. Немало собралось таких, которые могли бы и желали быть судьями. Прежде всего собрались те, которые отличались друг от друга своими взглядами; их было огромное множество. Между ними я заметил Аристотеля с Платоном, Цицерона с Саллюстием, Скота с Аквинатом, Бартоло с Бальдом, Эразма с сорбонистами, Рамуса и Кампанеллу с перипатетиками, Коперника с Птолемеем, Теофраста с Галеном, Гуса, Лютера и других с папистами и иезуитами, Брентия с Безой, Бодена с Виром, Слейдана с Сурием, Шмидлейна с кальвинистами, Гомара с Ариминием, розенкрейцеров с философадами<sup>13</sup> и других без счета. Когда третейские судьи приказали подать им жалобы и обвинения, доводы и возражения под условием, чтобы это было изложено в самых кратких словах, то им наложили такие кучи книг, что просмотреть их недостаточно было бы 6000 лет; все просили принять это общее доказательство их разума, а затем далее, насколько указывала бы необходимость, дать каждому полную свободу объяснять и доказывать свои положения. И стали они глядеть в эти книги, и кто куда посмотрел, тотчас же, напившись оттуда, начинал это защищать; и между господами судьями и защитниками возникли великие раздоры, так как один защищал одно, другой — другое. И так, не сделав ничего, они рассеялись, а ученые возвратились к своим спорам. Мне же до слез жалко было смотреть на это.

#### Г Л А В А XI

### Путешественник является к философам

1. Толмач сказал мне: «Ну, теперь я поведу тебя к самим философам, обязанность которых отыскивать средство к исправлению человеческих недостатков и указывать, в чем заключается истинная мудрость». Я сказал: «Даст Бог, тут, может быть, научимся чему-нибудь истинному». Он ответил: «Конечно, ибо это — такие люди, которые знают истину каждой вещи; им известно все, что небо делает и что ад в себе скрывает; они направляют человеческую жизнь к добродетели, они просвещают города и страны, они имеют друга в Боге и своею мудростью проникают в его тайны». — «Пойдем же

к ним, — стал я просить, — пойдем, пожалуйста, поскорее». Когда он привел меня туда, я увидел множество старцев и дивное собрание их и испугался. Бцион здесь спокойно сидел, Анахарсис прохаживался, Фалес летал, Гесиод пахал, Платон гонялся в воздухе за идеями, Гомер пел, Аристотель диспутировал, Пифагор молчал, Эпименид спал, Архимед двигал землю, Солон писал законы, а Гален рецепты, Евклид мерил зал, Периандр распределял обязанности, Клеобул испытывал будущее, Питтак воевал, Биант попрошайничал, Эпиктет служил, Сенека, сидя на горах золота, восхвалял бедность, Сократ каждому говорил про себя, что он ничего не знает, Ксенофонт, напротив, каждого хотел научить всему, Диоген, выскакивая из бочки, бранил всех проходящих мимо него, Тимон всякого оскорблял, Демокрит над всем этим смеялся, Гераклит, наоборот, плакал, Зенон постился, Эпикур пировал, Анаксарх говорил, что все это — ничто, что это только так кажется<sup>14</sup>. Много было меньших философов, и каждый что-нибудь особенное доказывал, так что всего-то уж я и не запомнил, да и не хочется припоминать. Дивясь на это, я сказал: «Это и есть мудрецы, солнце света? Ай, ай, я ожидал иные вещи. Здесь орут, как мужики в кабаке, и каждый по-своему». Толмач возразил: «Ты безумный, ты не понимаешь тех таинств». Услышав, что это — таинства, я начал серьезно думать о них, а толмач стал мне объяснять их. В это время подошел к нам кто-то в философском одеянии (назвался Павлом Тарсийским<sup>15</sup>) и шепнул мне на ухо: «Если кто считает себя мудрым на этом свете, пусть станет глупым, чтобы сделаться мудрым. Мудрость этого света у Бога считается глупостью, ибо написано: «Знает Бог мысли мудрых, что они суетны». Так как я заметил, что все, что видят мои глаза и мои уши слышат, согласуется с этими словами, то мне уже было этого довольно, и я сказал: «Пойдем куда-нибудь в другое место». Толмач мой назвал меня глупцом за то, что, намереваясь научиться чему-нибудь от мудрецов, ухожу от них. Но я молча шел дальше.

2. Вошли мы в какую-то аудиторию, где было множество людей с указками, молодых и старых, которые рисовали буквы, штрихи и пунктики; и если один написал или выговорил иначе, нежели другой, то его или осмеивали, или ругали. Затем развешивали по стенам слова и болтали о них, которое к которому подходит, и т. д., складывали их, раскладывали, ставили одно возле другого различным способом. Удивляясь и не видя ничего другого, я сказал: «Это детские игрушки, пойдем в другое место»<sup>16</sup>.

3. Тогда мы пришли в другие комнаты, где стояло много народа с кистями; они советовались о том, как возможно окрасить слова, написанные или выпущенные из уст на воздух, в зеленый, красный, черный, белый или какой кто хотел цвет. Я спросил, для чего бы это могло быть. Мне ответили, чтобы можно было слуша-



телю так или иначе окрасить мозг. Я опять спросил: «К изображению правды или лжи пригодны эти красивые средства?» — «Как придется», — ответил он. «Здесь столько же фальши и лжи, сколько правды и пользы», — сказал я и ушел отсюда.

4. Пришли мы в другое место: здесь толпа каких-то проворных весельчаков, возивших на маленьких тележках слоги и отмеривавших их пядью, пляшущих и скачущих около этого. Удивился я, что бы это такое значило, а толмач сказал, что из всех искусств, которые происходят из букв, нет более остроумного и веселого, как это. «А что же это?» — спросил я. Толмач ответил: «Чего нельзя сделать простым употреблением слов, то можно сделать таким сложением их». Видя, что те, которые учатся этому складыванию, заглядывают в какие-то книги, посмотрел и я и прочитал: *De Culice; de Passere; de Lesbia; de Priapo; de Arte amandi; Metamorphoses; Encomia; Satyrae*<sup>17</sup>, короче — шутки, стихотворения, любовные истории и разного рода пошлость. Все это было как-то противно мне, в особенности когда я узнал, что все свое знание эти слоγοмерители выкладывали для восхваления того, кто им льстил; а того, кто не угодил им, со всех сторон осыпали всевозможными колкостями, таким образом это знание служило только или для лестии, или для колкостей. Тогда поняв, что это страстные люди, я поспешил прочь от них.

5. Идя оттуда, мы попали в другое здание, где делали и продавали *Perspicilla*<sup>18</sup>, и я полюбопытствовал, что это такое. Мне ответили, что это *Notiones secundae*<sup>19</sup>, кто имеет их, тот видит все не только с внешней стороны, но и внутри предмета; в особенности один другому мог смотреть в мозг и копаться в его уме. Многие приходили и покупали эти очки, а учителя учили, как нужно надевать их и как их направлять в ту сторону, куда нужно. Для этого были особенные учителя, которые и делали их, имея свои мастерские по углам; но не делали одинаковые: один делал большие, другой — маленькие, один — круглые, другой — угловатые, и каждый хвалил свои, зазывая покупателей; из-за этого страшно ссорились и бросались друг на друга. Иной покупал у того и у другого и все прилаживал себе к носу, иной выбирал только одни и прилеплял их себе. Некоторые говорили здесь, что все-таки не могут видеть так глубоко, другие уверяли, что видят, и указывали друг другу даже за мозг и за весь разум. Но никто из них не видел, что при первом же шаге они падали чрез камни и палки в ров (насчет этого я уже сказал, что ими всюду полно было). Я спросил: «Как же это они, видя все сквозь эти очки, не избегают этих препятствий?» Мне ответили, что не очки виноваты в том, если кто не умеет носить их. Мастера говорили, что недостаточно иметь диалектические очки, но что нужно вычистить глаза ясным коллирием<sup>20</sup> из физики и математики. Поэтому нужно было идти в другие аудито-

рии и там пзоцрять свое зрение. Тогда шли один сюда, другой туда. Я обратился к своим проводникам: «Пойдем и мы», но этого не удалось мне сделать, прежде чем я по принуждению *Всевода* не приобрел также несколько таких очков и не надел их. И показалось, что и вправду я вижу больше чего-то; иную вещь можно было видеть несколькими способами. Но я все время побуждал идти дальше, желая испытать, что это такое коллирий, о котором говорили здесь.

6. Пошли мы; и привели меня на какую-то площадь: посередине ее виднелось огромное развесистое дерево, на котором росли всевозможные плоды и всевозможные листья (все в скорлупах); называли его «Природой». Около него стояла толпа философов, всматривавшихся в него и указывавших друг другу, как которые называются ветви, листья и плоды. Я сказал: «Слышу, что они учат называть эти вещи, но не вижу еще, чтобы они могли исследовать природу». Толмач ответил: «Это не каждый может, но посмотри на этих-то». И увидел я, что некоторые ломают ветви, снимают листья и плоды, а когда попадают на орех, грызут зубами, так что они трещат; но они уверяют, что это скорлупа ломается. Разбираясь в них, хвастались, что у них есть ядро, потихоньку указывали другим, но не всякому. Посмотрев между тем повнимательнее на них, я увидел, что они имели только расплюснутую и раздавленную кожу и кору, а самая твердая оболочка, в которой плотно лежало ядро, была еще цела. Видя здесь только глупое хвастовство и бесполезное усилие (я ведь видел, как некоторые и глаза свои повысмотрели и зубы повыломали), я выразил желание пойти в другое место.

7. Таким образом, мы пошли опять в какой-то зал и здесь опять увидели господ философов. Перед ними были коровы, ослы, волки, гады и разного рода звери, птицы, пресмыкающиеся, также деревья, камни, вода, огонь; все это имея перед собой, философы вели споры о том, как бы у каждого из этих произведений отнять то, что отличает его от других, дабы таким образом сделать всех их похожими друг на друга. И они снимали со всего этого сначала форму, затем материю, наконец, все случайные признаки, пока не оставалось чистое «Сущее». Затем опять спорили — суть ли все эти вещи одно и то же? Все ли хороши, и все ли на самом деле то, что они суть? Много подобных вопросов задавали они друг другу. Некоторые из смотревших на них с удивлением стали рассказывать, какой, значит, высоты достиг человеческий разум, если он может и умеет понять всю сущность и совлечь телесность со всех телесных вещей; даже и я начал находить удовольствие в этих тонкостях. Но вдруг кто-то<sup>21</sup>, встав, заявил, что это — одни только фантазия, годные для того, чтобы бросить их. Некоторых он увлек за собой, а иные восставали, называя первых еретиками за то, что

они желали отделить от философии наивысшее знание и как бы обезглавить знание. Наслушавшись этих споров, я ушел оттуда.

8. Продолжая идти все дальше, мы очутились среди каких-то лиц, находившихся в зале, полном цифр, и в этих цифрах они разбирались. Некоторые, взяв из кучи эти цифры, раскладывали их, другие же, захватив пригоршней, раскладывали на кучки, третьи опять из этих куч брали часть и сыпали отдельно, четвертые снова делали то же и разносили их, так что я удивился такому занятию их. Они между тем рассказывали, что во всей философии нет более чистого знания, чем это, что здесь ничего не может не хватить, ничто не может пропасть или прибавиться. «Для чего же это знание?» — спросил я. Они, удивившись моей глупости, тотчас один перед другим начали рассказывать мне чудеса. Один обещался рассказать мне, сколько гусей летает в стаде, не считая их; другой — во сколько часов вытечет вода из цистерны через пять труб; третий обещался мне сказать, сколько грошей у меня в кошельке, не глядя туда, и т. д., до тех пор, пока не нашелся один, который порешил привести в известность количество морского песка и написал об этом книгу <sup>22</sup>. Другой, по его примеру (но желая доказать с большей точностью), привел в известность количество летающих на солнце пылинок <sup>23</sup>. Я испугался, а они, желая помочь моему пониманию, указали свои правила (trium, societatis, alligationis, falsi <sup>24</sup>), которые я не совсем понял. Когда же проводники хотели вести меня к самому последнему, которое называется algebra, или cossa <sup>25</sup> и я увидел там кучи каких-то столь странных каракулек, что у меня чуть не сделалось головокружение, я, закрыв глаза, попросил увести себя оттуда.

9. Тогда мы пришли в другую аудиторию, над входом в которую было написано: «Ὁβθεῖς ἀγεωμέτρητος εἰσὶτω» <sup>26</sup>. Остановившись, я спросил: «Можно ли нам войти туда, раз пускают только геометров?» — «Иди», — сказал *Всевед*. Вошли. Здесь множество таких людей, которые рисовали линии, извилины, кресты, круги, квадраты, пункты, каждый тихо сам для себя. Затем один подходил к другому и показывал, что нарисовал; иной доказывал, что нужно иначе и что тогда будет лучше; тогда происходила ссора между ними. Если кто-нибудь находил какую-нибудь новую линию или извилину, то испускал крик радости и, созывая других, показывал ее им; те в свою очередь шептались, показывали пальцем и качали головой; затем каждый бежал в свой угол, чтобы сделать то же и для себя; одному это удавалось, другому нет. Итак, вся эта зала была наполнена линиями по земле, по стенам, по потолку; никому не позволялось ни наступать, ни дотрагиваться до них.

10. Которые между ними были самые ученые, тех пускали в се-

редину, с большим усилием они чего-то искали, на что все другие, как я заметил, смотрели с разинутыми ртами, и много было разговора о том, что это было бы удивительнейшей тонкостью всего света; если бы оно нашлось, то ничто уже больше не было бы невозможным. Желая узнать, что это такое, я подошел и увидел, что они среди себя имеют круг, о котором и был вопрос, а именно: как из него можно сделать квадрат. И так как это оказывалось работой неисполнимой, то все разошлись, поручив друг другу, чтобы каждый подумал об этом.

Тогда, спустя немного времени, вдруг вскочил какой-то с криком: «Имею, имею, тайна открыта, имею!» Все окружили его, спеша посмотреть и выразить удивление. Он же, вынеся огромную книгу in folio, указал на нее <sup>27</sup>. Раздались голоса и крики, как бывает после победы. Но скоро другой <sup>28</sup> положил конец этим крикам радости, закричав сколь можно громким голосом, чтобы не давали обманывать себя, что квадрата нет, и, поставив книгу еще больших размеров, все мнимые квадраты своего предшественника снова обратил в круг, старательно проводя ту мысль, что то, из-за чего старался другой, человеку невозможно исполнить. И все понурили головы и возвратились к своим линиям и каракулям.

11. Тогда мы пришли в другой зал, где продавали персты, пяди, локти, сажени, весы, меры, палки, сосуды, перми (20 фут.) и подобные предметы; зал полон был людей, меривших и взвешивавших. Некоторые сами мерили этот зал, и каждый почти мерил иначе; таким образом, они не согласовывались и начинали снова мерить. Иные мерили тень в длину, ширину, толщину, иные клали ее на весы. Короче, говорили, что ничего нет на свете, да и вне света, чего бы они не могли измерить. Но я, немного посмотрев на это ремесло, убедился, что здесь больше хвастовства, чем пользы. Поэтому, покачав головой, я ушел отсюда.

12. Пришли мы тогда в другую комнату, где я услышал музыку и пение, шум и звон различных инструментов; некоторые стояли около них, и сверху, и снизу, и по сторонам, смотрели и наставляли ухо, желая исследовать, что это, где, куда и откуда звучит, как и почему, что с чем созвучно. Некоторые говорили, что они знают это, и плясали, говоря, что это что-то божественное и тайна над тайнами; поэтому они с сильным желанием и с поскакпванием разбирали, складывали и перекладывали. Но к этому только один из тысячи был способен, другие же только глядели. Если кто из последних хотел приложить свои руки, то у него скрипело и пищало, как и у меня. Таким образом, видя, что некоторые довольно благо-разумные, как казалось, люди считают это за детскую игру и потерю времени, я ушел отсюда <sup>29</sup>.

13. Отсюда *Всевед* повел меня по лестнице на какую-то галерею, где я увидел кучи людей, делающих лестницы и приставляющих

их к облакам, хватающих звезды и приготовляющих для них веревки, масштабы, гири, циркули и меряющих путь бега их. Некоторые, усевшись, писали об этом правила, вымеряя, куда, где и как которые из них могут сойтись или разойтись. Удивился я смелости людей, которые решаются проникнуть даже до неба и давать правила звездам. Так как мне понравилось это славное искусство, то скоро и я начал делать то же самое. Но, позанявшись этим, я ясно увидел, что звезды танцевали иначе, нежели им подыгрывали. И они, лично в этом убедившись, сваливали вину на *anomalitatem coeli*<sup>30</sup>. Тем не менее они все равно упрямо пытались предписать порядок звездам, даже меняли их местами, стягивали некоторые на землю или поднимали землю до звезд; короче, так или иначе они выдумывали гипотезы, а не хотели ничего совершенного.

14. Некоторые не лезли больше туда, но, смотря на звезды только снизу, обращали внимание лишь на то, что которая приготавливает, и, приведя в порядок тригоны, квадрилы, секстилы, конъюнкции, оппозиции и другие аспекты<sup>31</sup>, объявляли будущее или публично всему свету, или тихонько отдельным лицам, их счастье и несчастье, предсказывали рождение и произносили другого рода пророчества, писали предсказания о погоде и пускали их в обращение среди людей. От этого нередко у людей происходили боязнь и страх, нередко — среди немногих только веселость; иные ничего не боялись, бросали в сторону написанное, насмехались над звездогоданием, говоря, что они и без пророчества могут достаточно наесться, напиться, выспаться. Но мне казалось, что нельзя доверять такому одностороннему рассуждению, если только это знание само по себе истинно; но чем более я смотрел на него, тем менее видел в нем истинного; если одно пророчество сбывалось, зато не исполнялось пять. Тогда поняв, что таким-то образом и без звезд гадать нетрудно, когда каждого за верное предсказание хвалят, а за ошибку извиняют, я счел за глупость возиться с этим делом.

15. Повели тогда меня на другую площадь, где я увидел новую вещь. Здесь стояло немало людей с какими-то кривыми, согнутыми трубами, один конец которых придвинули себе к глазам, а другой поставили за спиной около плеч. Когда я спросил, что бы это такое было, толмач ответил, что это — очки (*perspicille*), через которые они смотрят на то, что находится за спиной. Ибо кто хочет быть человеком, тот должен видеть не только то, что лежит около ног, но и смотреть на то, что уже прошло и находится за спиной, для того, чтобы научиться из минувшего настоящему и будущему. Считая это за новую для себя вещь (перед тем я не знал, конечно, чтобы могли быть такие очки), я попросил одного, чтобы разрешил мне посмотреть немножко через эти очки, и — о ужасная вещь!

Сквозь каждые видно было иначе и иначе. Сквозь одни вещь казалась далеко, сквозь другие та же вещь казалась близко, сквозь одни — один цвет, сквозь другие — другой, а сквозь третьи не видно было совсем, так что я пришел к тому убеждению, что здесь нельзя ни на что понадеяться, чтобы было именно так, как показывают очки; но как некоторые очки устроены, так предмет и представляется глазам. Я видел, что каждый из них верит своей подзорной трубе; поэтому о многом они спорили довольно злобно. Мне это не понравилось.

16. Когда повели меня в другое место, то я спросил, скоро ли этим ученым будет конец. Мне даже тошно стало путаться среди них. «Лучшее осталось еще», — сказал *Всевед*. Вошли мы в какой-то зал, который был полон изображений, с одной стороны, прекрасных и очень милых, с другой — мерзостных и безобразных; около них ходили философы, не только смотря на них, но и прибавляя, что могли прибавить красками, одним к красоте, другим к безобразности. Я спросил, что это такое, а толмач ответил: «Разве не видишь надпись на лбах?» — и, проведя меня туда, указал мне эти надписи: *Fortitudo, Temperantia, Iustitia, Concordia, Regnum* и пр., с другой стороны — *Superbia, Gula, Libido, Discordia, Tyrannus*<sup>32</sup> и пр. Философы просили и напоминали всем проходящим, чтобы любили эти прекрасные изображения, а безобразные ненавидели, расточая сколь возможно похвалы одним, ругая и браня сколь возможно другие. Это мне понравилось, и я сказал: «Ну, наконец-то, здесь я нашел людей, которые сделают что-нибудь достойное своего поколения». Между тем я заметил, что эти милые напоминатели сами-то к прекрасным изображениям льнули ничуть не больше, чем к другим, и последних ничуть не больше избегали, чем первых; немало и очень охотно проявляли они свои заботы около безобразного, а другие, глядя на это, поступали так же и с этими чудовищами устраивали игры и забавы. Тогда я с гневом сказал: «Здесь я вижу, что люди (как выразился волк Эзопа) одно говорят, а другое делают: что хвалят устами, от того удаляется мысль их, и что хулят языком — к тому льнет сердце их». — «А ты что же, ангелов между людьми ищешь?» — сказал сердито толмач. — В таком случае что же тебе понравится? — Везде ведь найдешь недостатки». Тогда я замолчал и поник головой; в особенности видя, что и другие все, которые поняли, что я рассматриваю их, с презрением на меня посмотрели. Махнув рукою на них, я вышел вон отсюда.

## Г Л А В А XII

**Путешественник обзрывает  
алхимию**

1. *Всевед* обратился ко мне со словами: «Ну, я сведу тебя туда, где верх людского остроумия и такое чудесное занятие, что кто раз займется им, тот никогда, покамест жив, не бросит его ради благородного наслаждения, доставляемого мышлением». И я просил его, чтобы не медлил показать мне это. Тогда он ввел меня в какие-то подземелья. Здесь стояли в несколько рядов очаги, печки, котлы и стеклянные вещи, так что все блесло. Люди приносили и подкладывали дрова, раздували огонь, потом гасили, что-то в различной мере наливали и переливали. Я спросил, кто они и что делают. *Всевед* ответил: «Самые утонченные философы,— которые делают то, что солнце своим жаром не может совершить в продолжение нескольких лет в недрах земли, а именно: доводя до высшего качества всевозможные породы металлов, превращают их в золото». — «А к чему это? — спросил я. — Ведь железом и другими металлами пользуются больше, чем золотом». — «Эх ты, неуч! — сказал он. — Ведь золото — это самая дорогая вещь; кто им владеет, тот не боится бедности.

2. Кроме того, то вещество, которое превращает металлы в золото, имеет другие чудесные свойства, как-то: сохраняет человеческое здоровье до самой смерти, а от смерти предохраняет в продолжение двух и трех сот лет<sup>33</sup>. Тот, кто сумел бы им пользоваться, мог бы сделаться бессмертным. Этот *Lapis*, по всей вероятности, не что иное, как семя жизни, ядро и экстракт всего мира: из него получают свое бытие животные, растения, металлы и даже сами стихии». Услышав такие странные вещи, я испугался и сказал: «Значит, они бессмертны?» В ответ услышал: «Не всем удается найти его, да и те, которые находят, не всегда умеют как следует обращаться с ним». Если б я имел этот камень, то я бы уж постарался так с ним обращаться, чтобы смерть не имела доступа ко мне и чтобы у меня было вдоволь золота и для себя, и для других. «А откуда добывается этот камень?» — «Здесь готовится», — ответил толмач. «В этих-то котлах?» — спросил я. «Да».

3. Итак, я отправился, посматривая на все, с намерением узнать, что и как здесь делается, и увидел, что не всем выпадает на долю одинаковая удача. Один развел слишком слабый огонь, и у него не доварилось. Другой развел слишком сильный огонь, благодаря чему его сосуды лопнули, что-то из них улетучилось. Он говорил, что у него вылетел азот, и плакал. Третий, переливая, проливал или дурно смешивал. Четвертому попал в глаза дым, и он не мог присматривать за своей работой; пока протирали глаза, у него уле-

тучивался азот. Некоторые, наглотавшись дымом, умирали. А больше всего было таких, которым не хватало углей в мешке; они должны были бегать к другим одолжаться; за это время все остывало, и труды пропадали даром. И такие случаи повторялись здесь часто, даже постоянно. Хотя никто не допускался в их среду иначе как с полным кошельком, но у каждого кошелек как-то быстро опорожнялся, так что в нем ничего не оставалось, и нужно было или бросить опыты, или бежать брать в долг.

4. И, смотря на них, я сказал: «Таких, которые даром работают, я вижу много, но никого не вижу из тех, которые добыли бы этот камень. Я вижу, что они, варя золото и разжигая жизнь, терпят и прожигают и то, и другое. Где же те — с грудями золота и бессмертием?» Толмач мне ответил: «Они тебе не покажутся, даже если бы им это посоветовал. Такая дорогая вещь должна храниться в тайне, потому что если бы кто-нибудь узнал об одном из таких вадельцев, то захотел бы его иметь, и последний сделался бы вечным узником. Оттого они должны скрываться».

5. Тут я увидел, что некоторые из таких прогоревших сходятся, и, насторожив уши, услышал, что они отыскивают причину своих неудач. Один взвалил всю вину на философов, которые будто бы слишком мудрено описывают это знание, другой жаловался на хрупкость стеклянных сосудов, третий указывал на неподходящее и неурочное положение планет, четвертый сердился на то, что в ртути нашлась мутная примесь земли, пятый — на недостаточность средств. В общем, причин оказалось так много, что никто не знал, как этому помочь. И вот, когда они один за другим стали уходить, пошел и я за ними.

### Г Л А В А XIII

## Путешественник смотрит на розенкрейцеров<sup>34</sup>

1. И сейчас здесь на площади я услышал звук трубы; оглянувшись, я увидел всадника, едущего на коне и сзывающего философов. Когда они, как стада, сбежались отовсюду, он начал им рассказывать на пяти языках о несовершенстве свободных искусств и всей философии и о том, как некоторые славные мужи по божьему внушению проследили и дополнили все эти недостатки и подняли человеческую мудрость опять на ту ступень, на которой она была в раю до падения. Делать золото они считали из ста трудностей самым легким, потому что перед ними уже вся природа обнажена и открыта; они, по своему желанию, могут отнять или придать форму всякой твари. Они знают языки всех народов, знают все, что



делается по окраинам земли и на новом свете, могут вести беседу, будучи удалены друг от друга на тысячу миль. Имеют будто бы камень, которым излечивают всевозможные болезни и дают долголетие. Ведь их предводитель Гуго Альверда достиг 562-летнего возраста, а его товарищи были немного моложе. Работая исключительно в деле совершенствования философии, они, правда, скрывались в продолжение некоторых лет, теперь же, когда все приведено к совершенству, они, зная, что повсюду наступают реформы, больше скрываться не хотят, но, всенародно объявляя о своей деятельности, готовы поделиться своими знаниями со всяким достаточно способным. Кто бы ни обратился к ним с вопросом на каком угодно языке, они все поймут и никто не уйдет от них без любезного, ласкового ответа. Но в случае если кто окажется негодным и придет к ним лишь из корыстного чувства, из жадности или из любопытства, тот ничего от них не узнает.

2. Рассказав это, посланный исчез. Посмотрев на этих ученых, я заметил, что они перепуганы этою вестью. Между тем они начали совещаться друг с другом и одни шепотом, другие громко высказывать по поводу этого свое суждение. Подходя то туда, то сюда, я стал прислушиваться и, к своему удивлению, заметил, что одни ужасно прыгали, не зная от радости, куда деться. Жалели своих предков, при жизни которых ничего подобного не случилось, а себя благословляли, потому что им предлагается совершенная философия, так что каждый в состоянии безошибочно все знать, иметь всего вдоволь и прожить несколько сот лет без болезней и седин, и постоянно повторяли: «Счастливейший, счастливейший век!»

Наслушавшись таких речей, я сам стал весел, и у меня явилась надежда, что, Бог даст, и я достигну того, на что надеются другие. Но я увидел других в глубокой задумчивости, в большом затруднении, что о том думать. Они были бы рады, если бы правда была то, что они слышали, но им казалось все это слишком темным и превышающим их разум. Другие открыто отрицали истинность известия, выражали недоверие, считая это обманом и лукавством. Если они, как говорят, появились уже столько лет тому назад, почему же раньше не объявили своего учения? Если они уверены в своих знаниях, почему же смело не выступают на свет, а свищут откуда-то из-за углов, из тьмы, как летучие мыши? Так как философия прочно установлена и не нуждается в реформах, то они дают повод думать, что не будут иметь никакой философии. Другие страшно ругали их за это и проклинали, во всеуслышание объявляя, что все это кудесники, колдуны и дьяволы в образе человека.

3. Одним словом, на всей площади был гул, и каждый просто горел желанием пробраться к ним. Поэтому многие писали про-

шения (одни тихонько, другие открыто) и посылали им, радуясь, что и они будут приняты в общество. Но я видел, что прошения эти, побывавши во всех закоулках, возвращались каждому без ответа, и веселая надежда переходила в тоску, ибо неверующие смеялись над ними.

Некоторые писали снова, второй раз, в третий и т. д., умоляя и заклиная всеми музами, как кто лучше мог и умел, не удерживать жаждущих знания. Некоторые, не терпящие отсрочек, сами поодиночке бегали из одного края света в другой, жалуясь на свое несчастье, что не могут найти счастливых тех людей. Причину этого один приписывал своей неспособности, другой появлению тех нехстати, и потому один приходил в отчаяние, другой, озираясь, искал новых путей к выслеживанию их, опять мучился, так что я не мог дожидаться самого конца: мне стало скучно.

4. Тут опять послышался звук трубы, и так как на этот звук сбежалось много народу, то и я пошел и увидел какого-то человека, который раскладывал лавочку, приглашал посмотреть и купить удивительные тайны, которые будто бы взяты из сокровищ новой философии и удовлетворяют всех жаждущих мудрости. И была радость, что святое «Розовое братство» уже показалось, явно и щедро делится своими сокровищами; многие подходили и покупали. Все то, что продавалось, было завернуто в ящиках, которые были раскрашены и со всевозможными хорошими надписями: *Porta Sapientiae, Fortalitium Scientiae, Gymnasium Universitatis, Bonum Macro-micro-cosmicum, Harmonia utriusque Cosmi, Christiano-cabalisticum, Antrum Naturae, Arx Primaterialis, Divino-magicum, Tertrinum Catholicum, Pyramis Triumphalis, Hallelujah, etc., etc.*<sup>35</sup>.

Всякому, кто покупал, было запрещено открывать шкатулку, ибо эта таинственная мудрость имеет такое свойство, что действует проникновением; а если отворится шкатулка, то она выдохнется. Тем не менее некоторые любопытные не удержались, чтобы не отворить, и, найдя шкатулку пустой, показывали другим, и когда эти также отворяли, также ничего не находили в ней. Закричали тогда: «Обман, обман» — и свирепо стали бранить этого продавца, но он успокаивал их, сообщая им самую сокровенную тайну, что вещи эти, кроме *filiis scientiae*<sup>36</sup>, никому не видны, даже ни одному из тысячи, что он не виноват тут ни в чем.

5. Большею частью и успокоились на этом. Затем он скрылся, и зрители с разными шкатулками стали расходиться кто куда; разузнал ли кто-нибудь из них об этих новых тайнах или нет, до сих пор никак не могу узнать. Знаю только, что все потом как-то утихло, и те, которых сперва я увидел бегающими и снующими более других, сидели потом где-нибудь в углу как бы с закрытым ртом, словно были посвящены в тайны (как некоторые думали о них) и дали присягу, что будут молчать, или (как казалось мне,

смотревшему мимо очков) они стыдлись своих надежд и напрасных трудов. Итак, все утихло и расходилось, как расходятся тучи после бури. Я обратился к своим проводникам: «Из всего этого ничего не будет? Увы, мои надежды! А я-то, видя здесь такие утешительные вещи, радовался, что найду пищу своему уму». Толмач ответил: «Кто знает? Это еще может случиться. Они, должно быть, знают свое время, когда кому показаться». — «Могу ли я рассчитывать на это?» — спросил я, не зная ни одного примера, чтобы из стольких тысяч более меня ученых кому-нибудь посчастливилось. «Не хочу больше смотреть на это. Уйдем отсюда».

#### Г Л А В А ХIV

### Путешественник обзревает медицину

1. Проведя меня между физической и химической аудиториями какими-то переулочками, остановили на площади, где я увидел ужасную сцену. Распяли человека и, рассекая у него один член за другим, копались во всех внутренностях, с удовольствием указывая, что где нашли. Сказал я: «Но что же это за жестокость — обращаться с человеком, как со скотом». — «Это так должно быть, — ответил толмач, — это их школа»<sup>37</sup>.

2. Они между тем, оставив это занятие, разбежались по садам, лугам, полям, горам; срывали, что находили там растущего, и носили такие кучи, что многих лет недостаточно было бы перебрать и пересмотреть все это. Каждый хватал из этой громады то, что ему попало на глаза, и бежал с этим к упомянутому распоротому телу; накладывая растение на члены тела, одно с другим мерил в длину, ширину и толщину. Один говорил, что это подходит к одному, другой уверял, что не подходит; таким образом спорили об этом с сильным криком; даже с самыми названиями трав были большие затруднения. Тому, кто знал их более других, умел измерять и вешать, сплетали венок, надевали на голову и приказывали называть его доктором этой науки.

3. Тут я заметил, что к ним приносят и приводят различных раненных изнутри или снаружи, гниющих и больных. Подойдя к ним, доктора рассматривали гниющие места, нюхали идущий от них запах, копались в их извержениях, выходящих и верхом и низом, — даже противно становилось; и это они называли изучением. Потом все это варили, распаривали, прижигали, растопляли, замораживали, жгли, рубили, резали, кололи, зашивали опять, связывали, мазали, делали твердым, мягким, закрывали, заливали и — не знаю, чего еще не делали. Между тем пациенты все-таки

погибали у них под руками и немало уходило с жалобами на их неумелость или небрежность. В результате я видел, что милым тем целителям их знание приносило кое-какую пользу, но также приносило (если он хотел быть верным своему призванию) много и даже очень много трудной и большею частью отвратительной работы и, наконец, столько же врагов, сколько доброжелателей. Мне и это не нравилось.

#### Г Л А В А XV

### Путешественник обозревает юриспруденцию

1. Под конец повели меня еще в одну широкую аудиторию, где я увидел знаменитых людей более, чем где-либо. Эти имели на стенах раскрашенные срубы, заборы, перегородки, загородки, ограды и притворы, в которых были проделаны опять те или иные промежутки, дыры, двери и ворота с затворами и замками и разными к ним ключами, петлями и крюками. Показывая на все это друг другу, они рассчитывали, где и как можно или нельзя перейти. Я спросил, что это они делают. Мне ответили, что они отыскивают способ, каким бы родом каждый, живя на свете, мог остаться при своем, а также и перевести с другого на себя что-нибудь, не нарушая при этом порядка и мира. Я сказал: «Это хорошая вещь», — но когда еще немножко посмотрел, мне она стала противна.

2. А прежде всего потому, что в эти загородки, как я заметил, ни душа, ни мысль, ни тело человека не запирается, а только имущество, вещь — случайная при человеке, ради которой, как мне казалось, не стоило трудиться.

3. При этом я видел, что все это основано для прихоти некоторых лиц и что если кому-нибудь пришлось в голову установить то или другое, как право, так и другие сохраняли это, или же, как я заметил, некоторые люди то делали, то разрушали эти заборы и проходы сообразно своей воле; поэтому здесь много было противоречий, об устранении или согласовании которых иные, очень умные, должны были ломать голову. Я удивлялся, что они потели и напрягали свои силы над такими пустяками, из которых иной едва ли может случиться один раз в тысячу лет и при этом не имеет никакого значения; они же делали это с немалой гордостью. Чем больше кто из них умел разрушить баррикад, сделать кое-где отверстие и снова его уничтожить, тем больше тот нравился себе и тем больше и иные удивлялись ему. Но другие (проявляя при этом ум) вступали с ним в спор, доказывая, что так, а не иначе должно строить или загораживать; поэтому были споры и разногласия между ни-

ми, и, расходившись во взглядах, один рисовал одно так, другой иначе, каждый привлекая к себе зрителей. Насмотревшись на эти забавы и покачав головой, я сказал: «Поспешим отсюда прочь, мне скучно стало здесь». Толмач с гневом спросил меня: «Тебе и на том свете все так же будет нравиться? И самым благородным вещам ты, шаткого ума человек, находишь порицание». *Вездесущ* ответил ему: «Мне кажется, что его мысль занята религиозностью; поведем его туда; может быть, он там найдет что-нибудь по своему вкусу».

#### Г Л А В А Х V I

### Путешественник смотрит на утверждение в звании магистров и докторов

1. Вдруг послышался звук трубы, как будто сзывающий на торжество, и *Всевед*, сообразив, что будет, сказал: «Вернемся, пока еще есть время, там будет на что посмотреть». — «А что же там будет?» — спросил я. Он ответил: «Академия будет короновать тех, которые, будучи в сравнении с другими самыми прилежными, достигли верха знаний, такие в пример другим будут увенчаны». Желая видеть такой особенно редкий случай и обратив внимание на прибывающую толпу, вошел я за другими и увидел, что здесь под философским небом <sup>38</sup> кто-то стоял с бумажным свертком; некоторые из толпы подходили к нему, прося удостоверение об их высоком знании. Похвалив просьбу их, что она вполне уместна, он сделал приказание, чтобы они обозначили на билетике то, что знают и на что просят утверждения. И вот один вывел итог философии, другой — медицины, третий — юриспруденции, подмазывая при этом, где надо, кошельком, чтобы шло глаже.

2. Тогда тот, который стоял со свертком, взяв одного за другим, наклеивал каждому на лоб титул: «Этот — магистр свободных искусств, этот — доктор медицины, этот — лицензиат обоих прав» и т. д. — и утверждал печатью, приказывая под страхом гнева богини Паллады всем присутствующим и не присутствующим при встрече иначе не называть их. Затем он распустил и их, и толпу.

И я спросил: «Будет ли что-нибудь дальше?» — «А разве тебе этого еще недостаточно? — возразил толмач. — Разве не видишь, как перед ними все сходят с дороги». И действительно, все им давали дорогу.

3. Тем не менее, желая увидеть, что из этого будет дальше, я посмотрел на одного из этих магистров, которому приказали посчитать что-нибудь, — он не сумел, приказали измерить — не

сумел, назвать звезды — не сумел, приказали говорить чужими языками — не сумел, приказали сказать речь на своем языке — не сумел, в конце концов приказали прочитать и написать — не сумел. «Какой грех,— сказал я,— писаться магистром семи наук и ничего не знать». Толмач ответил: «Не умеет тот, так умеет другой, третий, четвертый; не может всюду все быть совершенно». — «В таком случае я понимаю,— сказал я,— что после проведения в школе целой жизни, после растраты всего имущества, после приобретения титула и печати необходимо, в конце концов, спросить, научился ли он чему-нибудь? Сохрани Бог от таких дел». — «Не перестанешь ты мудрствовать,— сказал он,— наживешь себе что-нибудь скверное; ожидай, уверяю тебя, достигнешь чего-нибудь». — «Ну их,— сказал я,— ничего больше не хочу говорить, пускай они будут магистрами и докторами семью семидесяти наук, пусть все знают или ничего, только уйдем отсюда».

#### Г Л А В А XVII

### Путешественник обозревает сословие служителей веры

1. Провели меня какими-то проходами, и пришли мы на площадь к язычникам, где стояло множество в различном стиле выстроенных храмов и часовен. Толпы народа входили и выходили отсюда. Мы вошли в самый ближайший; здесь по всем сторонам множество гравюр и слепков мужей и жен, а также разных зверей, птиц, пресмыкающихся, деревьев и трав, солнца, месяца и звезд, даже и мерзостных чертей. Каждый из приходивших, выбрав себе, что ему понравилось, становился перед этим на колени, целовал, курил фимиам, сожигал жертвы. Хотя мне казалась странным эта терпимость всех — что каждый, исполняя свой обряд по-своему, терпел исполнение и другого и каждый оставлял другого при его мнении (чего я впоследствии нигде не замечал), но все-таки я чувствовал здесь какую-то тяжелую атмосферу; страх обуял меня, и я поспешил выйти вон.

2. Тогда мы вошли в другой храм (еврейский), белый и чистый, в котором не было никаких фигур, исключая живых; они или что-то тихо бормотали, раскачивая головами, или, выпрямившись и заткнув уши, разевали рот, выпускали крики, очень похожие на вытье волков. Потом, сойдясь вместе, заглядывали в какие-то книги (талмуд); подойдя к ним, я увидел странные изображения, например: зверей с перьями и крыльями, птиц без перьев и крыльев, животных с человеческими частями тела, а людей с частями животных, одно туловище со множеством голов и опять одну голову с

многими туловищами. Некоторые чудовища имели вместо хвоста голову, а на месте головы хвост, некоторые имели глаза под животом, а ноги на спине, у некоторых было бесчисленное множество глаз, ушей, ртов, носов, у других этого ничего не было, но зато все у них было переставлено, скручено, изогнуто, искривлено и не симметрично: один член с пядь, а другой — в сажень длиной, один — как палец, другой — толще бочонка; одним словом, трудно поверить, как все было безобразно. Но они говорили, что это — история, и, хваля, как все это прекрасно, старшие выдавали младшим за таинство. А я сказал: «Ну, кто бы мог думать, что есть люди, которым такие некрасивые вещи могут нравиться. Оставим их, пойдем в другое место». Выйдя, я увидел, что они смешиваются со всеми другими, но во всех они возбуждали отвращение и были только предметом смеха и шуток со стороны других. Это принудило меня презирать их.

3. Вошел я также в другой храм, который был круглый и не менее прекрасен внутри, чем предыдущий, без украшений, кроме некоторых надписей на стенах и ковров на полу. Люди (магометане), находившиеся в нем, держали себя спокойно и с благоговением, одеты были в белое и с большою любовью к чистоте, так как всегда умывались, раздавали милостыню; благодаря всему этому они становились мне симпатичны. Я спросил: «Какое основание этого учения имеют они?» *Всевед* ответил: «Они носят его скрытым под одеждой». Я подошел и хотел увидеть это. Они же сказали мне, что не всякому будто бы подобает видеть это, исключая толкователей; я все-таки настаивал на своем желании увидеть, ссылаясь на дозволение г. *Судьбы*.

4. Тогда достали и показали мне таблицу <sup>39</sup>, на которой стояло дерево с корнями, идущими кверху, в пространство, а ветвями устремляющееся в землю; около них было множество кротов, и один большой крот, ходя вокруг, сзывал других и руководил работами. И рассказывали мне, что под землей, на ветвях этого дерева, растут разнообразные прекрасные плоды, которые и добывают будто бы эти спокойные и работающие зверьки. «Это, — сказал *Всевед*, — лежит в основе сей религии». Понял я тогда, что эта религия основана на одних глупостях, цель и плоды ее — копать в земле и утешать себя невидимыми благами там, где их нет, и слепо искать, не зная чего.

5. Отойдя оттуда, я обратился к своему проводнику: «Чем они доказывают, что их религия имеет разумное и правильное основание?» Тот ответил мне: «Пойди и взгляни». Пошли мы за храм на площадь; здесь те умытые люди в белой одежде, обнажив локти, с горящим взором, кусая губы, бегали, страшно крича, рубили всякого встречного и пачкались в человеческой крови. Испугавшись этого и побежав назад, я сказал: «Что же это они делают?» Мне от-

ветили: «Спорят о религии и доказывают, что Алькоран есть истинная книга».

6. Снова вошли мы в храм, и тут, между теми, которые носили эту таблицу<sup>40</sup>, завязался спор, как я понял, о главном кроте. Одни доказывали, что он один лично управляет меньшими кротами, другие утверждали, что он имеет двух помощников.

С такую ненавистью они спорили об этом, что, в конце концов, друг с другом вели диспуты так же, как на площади с посторонними: мечом и огнем. Страшно стало мне.

#### Г Л А В А XVIII

### Путешественник обозревает религию христиан

1. Увидя меня в ужасе, проводник мой сказал: «Ну, пойдем, я покажу тебе христианскую религию, которая зиждется на истинных откровениях божиих, удовлетворяет и простейших и умнейших людей, покажу, как она, с одной стороны, доказывает ясно небесную истину, так, с другой стороны, побеждает и противоречивые ереси, украшение которой — согласие и любовь и которая среди бесчисленных преследований до сих пор сохранилась и стоит непобедимою. Из этого ты легко можешь понять, что начало ее должно быть от Бога, и ты будешь в состоянии найти в ней истинное утешение». Обрадовался я этим словам, и мы пошли.

2. Когда мы пришли, я заметил, что у христиан есть ворота, через которые необходимо пройти к ним. Ворота эти стояли в воде, по которой каждый должен был перейти, умыться ею и принять их знамя, белый и красный цвет, с клятвою, что хочет присоединиться к правам и порядкам их, веровать так, как и они, так же, как и они, молиться, исполнять те же законы, что и они. Мне понравилось это как начало прекрасного, определенного порядка.

3. Пройдя в ворота, я увидел большую толпу людей; некоторые между ними отличались одеждою от других и, стоя то тут, то там на ступеньках, показывали какое-то изображение, так чудесно написанное, что чем более кто глядел на него, тем более не мог удивиться; но так как оно не было грубо разукрашено золотом или какими-либо яркими цветами, то издали его не особенно было видно. Поэтому-то я и обратил внимание на то, что стоявшие вдалеке меньше были тронуты его красотою; находившиеся же поближе не могли насытиться взорами на него.

4. Те, которые носили это изображение, чрезвычайно восхваляли его, называя сыном божиим и говоря, что в нем изображена всякая благодать, что образ этот послан с неба на землю, чтобы с него люди брали пример, как соблюдать в себе добродетель.



И были радость и ликование, и, падая на колени, поднимали к небу руки и восхваляли Бога. Видя это, и я присоединил свой голос и восхвалил господина Бога, что он дал мне возможность прийти на это место.

5. Между тем я услышал много разных наставлений, чтобы каждый стремился достигнуть этого образа, и увидел, что они собирались толпами, а те, которым он был доверен, делали маленькие изображения с него и в какой-то обертке раздавали его всем; последние же с благоговением клали его в рот. Тогда я спросил, что это они здесь делают. Мне ответили, что недостаточно рассматривать только снаружи это изображение, но что оно должно пройти во внутрь, дабы человек мог преобразоваться в его красоту. Поэтому-то и говорят, что грехи должны уступить этому небесному лекарству. Удовлетворившись этим объяснением, я счел христиан за благословенных людей, раз они имеют такие средства и помощь для победы над злом.

6. Между тем, взглянув на некоторых, которые только что перед этим (как говорили) прияли в себя Бога, я увидел, что они один за другим предаются пьянству, ссоре, грязи, воровству и грабежу. Не веря своим глазам, посмотрел я попристальнее и убедился, что они и вправду пьянствуют и блюют, ссорятся и дерутся, грабят и бьют друг друга и хитростью, и силою, от буйства кричат и прыгают, пляшут, свистят, прелюбодействуют хуже, чем видел я у других; одним словом, я убедился, что они делают все наперекор тому, в чем их наставляли и что они обещались исполнять. Огорченный этим, я с сожалением сказал: «Ради господина Бога скажите, что это здесь делается?» — «Не удивляйся очень, — ответил толмач. — То, чему предлагают здесь людям следовать, есть ступень совершенства, вступить на которую не каждому позволяет человеческая слабость; те, которые других ведут к этому, более совершенны, но обыкновенный человек погружен в заботы, не может догнать их». — «Пойдем тогда к этим вожакам, — сказал я, — посмотрю-ка я на них».

7. Я привел на меня к тем, которые стояли на ступенях, которые научали людей любить красоту этого образа, но сами, как мне показалось, делали это плохо. Слушал ли и следовал ли их убеждениям кто или нет, им все равно было. Некоторые звонили какими-то ключами, хвастаясь, что имеют власть каждому, кто ослушается, закрыть ворота, через которые ходят к Богу, а между тем никому не закрывали, а если и делали это, то делали как бы в шутку. Кроме того, видел я, они не смели делать этого слишком смело и открыто, потому что, как только кто-нибудь хотел немного построже поступить, на него нападали, что он-де указывает на отдельных лиц. Поэтому некоторые, не смея говорить, письменно боролись против грехов, но и на них кричали, что они распростра-

няют ересь, почему или отворачивались от них, чтобы не слушать, или сгоняли со ступеней, выбирая себе более скромных. Видя это, я сказал: «Глупо желание их в наставниках и советниках иметь своих последователей и льстецов». — «Таков уж свет, — сказал толмач, — и это не мешает. Если бы этим крикунам все было позволено, кто знает, чего бы они не натворили; нужно указать им границу, которой они не могли бы переступить».

8. «Пойдем, — сказал я, — посмотрю, как они дома, вне кафедры, устроили свои дела; думаю, что там, по крайней мере, никто не ограничивает их и не препятствует им ни в чем». Вошли мы туда, где жили священники; я думал, что найду их за молитвой или за изучением таинств, но, к сожалению, нашел, что одни, развалившись в перинах, храпели, другие, сидя за столами, пировали, до дурноты совали и лили в себя, третьи проводили время в пляске и прыгании, иные набивали мешки, сундуки, кладовые, иные занимались прелюбодеянием и пошлостью, некоторые привязывали шпоры и имели дело с кинжалами, шпагами и ружьями, некоторые с собаками гонялись за зайцами, так что за Библией-то проводили меньшую часть времени, а некоторые почти никогда не брали ее в руки, и все-таки назывались учителями слова. Видя это, я воскликнул: «Да сжальтесь же надо мной; неужели таковы должны быть путеводители в рай и примеры добродетели. Найду ли я что-нибудь на свете, в чем не было бы хитрости и обмана?» Некоторые из них, услышав это и поняв, что я жалуюсь на их противозаконную жизнь, начали коситься и роптать на меня: если, дескать, я ищу ханжей и каких-нибудь поверхностных святых, так искал бы их в другом месте, они же знают, как исполнять свою обязанность в церкви и как держаться дома и между людьми. Таким образом, я должен был замолчать, хотя отлично видел, что это — безобразие: на ризе носить панцирь, над скуфьей шлем, в одной руке закон, в другой меч, спереди ключи Петра, а сзади кошелек Иуды, иметь ум, наостренный на Священном писании, сердце, испытанное в религиозных обрядах, язык, полный набожности, а очч — прелюбодеяния.

9. В особенности я обратил внимание на тех, которые очень искусно и набожно умели говорить на кафедре и казались себе и другим не иначе, как ангелами, сошедшими с неба, но в обыденной жизни были так же невоздержны, как и остальные; я не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: «Вот трубы, из которых вытекает добро, а в них самих ничего не остается». Толмач сказал мне на это: «И это божий дар — уметь хорошо говорить о божественных предметах». — «Верно, — сказал я, — что это божий дар, но должен ли он ограничиться одними словами?»

10. Между тем я заметил, что все они имеют над собой начальников (названных епископами, архиепископами, аббатами, настоятелями, деканами, суперинтендантами, инспекторами и т. д.),

мужей важных и видных, к которым все питали уважение; я подумал: почему эти начальники не смотрят за порядком среди подчиненных? Желая разузнать причину, я зашел за одним в его комнату, затем за вторым, за третьим, четвертым и т. д. и нашел всех их очень занятыми, так что они положительно не имели времени наблюдать за подчиненными. Занятия же их (кроме некоторых, общих с подчиненными) состояли, как они сами рассказывали, из реестров церковных доходов. Тогда я сказал: «Мне кажется, их по ошибке называют духовными отцами, вернее было бы назвать их доходными отцами». Толмач ответил: «Нужно позаботиться о том, чтобы церковь не потеряла того, чем благословил ее господь Бог и что даровано ей от признательных предков». В это время один из них с двумя ключами, висящими на поясе (называли его Петром), выступил вперед и сказал: «Мужи, братья, не годится, чтобы мы забыли слово божие и служили за столами и денежными ящиками; выберем поэтому известных лиц и поручим им эту работу, а сами предадимся молитве и проповеди». Услышав это, я обрадовался, потому что, по моему мнению, это был добрый совет. Но из них никто не хотел понять этого, они считали, принимали, выдавали, а сами опять расходовали, молитву же и проповедь предоставляли другим или исполняли беспечно.

11. Если который-нибудь из них умирал и заботы начальника должны были перейти к другому, я заметил здесь не мало ухаживания, выглядывания, намеков, подмигиваний: каждый, прежде чем успело остыть место после умершего, торопился снискать себе расположение среди этих начальников. Тот, кто распорядился свободным местом, собирал от них и о них мнения, которые были очень разнообразны. Один доказывал, что он родственник ему по мужской линии, другой — по женской, третий — что давно уже служит старшим, а потому заслуживает перемены места, четвертый утешался тем, что давно уже имел обещание, пятый, благодаря своему происхождению от знатных родителей, надеялся быть посаженным на почетное место, шестой предьявлял рекомендацию, выпрошенную где-нибудь в другом месте, седьмой раздавал подарки, восьмой уверял, что имеет глубокие, высокие и широкие знания, требовал места, на котором мог бы показать все это, так что всему этому не было конца. Смотря на это, я сказал: «Ведь это не порядок самому втираться на такие места, а надо бы скромно дожидаться приглашения на них». Толмач ответил: «А что же приглашать нежелающих-то? Кто имеет намерение, тот должен сам объявить». — «А я, в самом деле, предполагал, — снова сказал я, — что при этом надо ожидать божьего призыва». Он снова заговорил: «Что же, ты думаешь, что Бог с неба призывает кого-нибудь? Призыв Бога есть благоволение старших, которое может заслужить всякий, кто желает иметь место». — «Вижу, — сказал я, — что

здесь никого не надо ни искать, ни принуждать к церковной службе, а скорее гнать от нее. Между тем если и надо было искать этого благоволения, то надо было бы искать его так, чтобы каждый обывался его своим скромным, тихим и дельным служением церкви, а не так, как я здесь вижу и слышу. Как бы там ни было, но это не порядок».

12. Увидя, что я твердо стою на своем, толмач мой сказал: «Правда, что в христианской жизни и даже в жизни самих богословов найдется более недостатков, чем где-либо, но и то правда, что и плохо жившие христиане хорошо умирают, так как спасение человека основано не на поступках его, а на вере, и если последняя правильна, то нельзя не достигнуть спасения. И так не горюй, что жизнь христиан нехороша: достаточно, чтобы вера была твердая».

13. «Все ли, по крайней мере, согласны между собою в этой вере?» Он ответил: «Немного разницы и здесь есть, но что же из этого? Все тем не менее имеют одно общее основание». И повели меня за какую-то решетку посередине большого этого храма, где я увидел круглый камень, висящий на цепях; называли его камнем испытания <sup>41</sup>. К нему подходили знатные люди, каждый неся что-нибудь в руке, например: кусок золота, серебра, железа, свинца, песка, мякины и т. д.; затем каждый дотрагивался до этого камня тем, что принес, и хвастал, что выдерживает пробу; иные зрители уверяли, что не выдерживает. Из-за этого кричали друг на друга, потому что никто не позволял хулить свое, да и никто не хотел уступить первенство другой вещи; потому-то они ругали друг друга, проклинали, хватали друг друга за волосы, за уши и за что ни попало и дрались. Другие спорили об этом самом камне, какого он цвета. Некоторые доказывали, что он синий, другие — что зеленый, третьи — что он белый, а четвертые — что черный; нашлись даже такие, которые говорили, что он переменчивых цветов: какой предмет приближается к нему, таким он и кажется. Некоторые советовали разбить его и, превратив в пыль, посмотреть, каков он будет; другие не позволяли этого. Некоторые говорили даже, что этот камень возбуждает только ссоры, а потому, чтобы прийти к соглашению, его надо снять и удалить; к этому мнению присоединилась большая часть и самые знатные между ними, другие же осуждали эту мысль, говоря, что они охотнее лишатся жизни, нежели допустят это. Когда ссора и драка стали более общими, видно было, как многие были избиты, а камень все-таки остался на своем месте. Он был круглый и очень гладкий, и кто бы ни брался за него, не мог удержать его: он тотчас же выскальзывал из рук и продолжал свои вращения.

14. Выйдя из ограды, я увидел, что вокруг этого храма нахо-

дится много часовен, куда входили те, которые не могли прийти к соглашению у камня испытания, и за каждым из них тянулась толпа народа; первые давали последнему предписания, как и чем отличаться друг от друга. Одни отличались тем, что были отмечены огнем и водой, другие всегда имели наготове изображение креста в горсти или кармане, другие носили с собой вместе с тем славным изображением, на которое все должны были смотреть, еще сколь возможно больше маленьких изображений, для большего совершенства; иные, молясь, не становились на колени, считая это фарисейским обычаем, иные не терпели музыки, как веселой вещи; иные никому не позволяли учить себя, а довольствовались внутренним откровением; одним словом, обозревая эти часовни, я всюду видел какие-то особые предписания.

15. Одна из часовен была больше и прекраснее всех, блестела золотом и драгоценными камнями, и в ней слышался звук веселых инструментов. Туда повели меня и советовали особенно посмотреть, потому что в ней богослужение лучше, чем где-нибудь. Действительно, по стенам висели какие-то фигуры, указывающие, как попасть в рай. Некоторые были нарисованы делающими себе лестницы; они приставляли их к небу и поднимались по ним; некоторые сносили холмы и горы, чтобы по ним подняться вверх; иные делали крылья и привязывали их себе, другие, наловив крылатых животных и связав несколько их вместе, привязывали себя к ним, надеясь вместе с ними полететь, и т. д. Много здесь было священников в разнообразных одеяниях, которые показывали и хвалили народу эти фигуры, выучивая притом самым разнообразным способам, как отличаться от других. Один из них сидел на высоком троне, разодетый в багрянец и золото, и раздавал ценные дары верным и послушным. И мне здесь показался порядок лучше и красивее, нежели где-нибудь. Но когда я заметил, что они осуждают другие секты, страшно угнетают их и все их действия бранят и преследуют, то почувствовал подозрение к этому; в особенности, видя, что при несмелых ответах и защите они обманчиво привлекали к себе людей, принуждая их камнями, водою, огнем и мечом или золотом. Мало того, между самими ними видел я много распрей, ссор, зависти, старания столкнуть друг друга с места и другие беспорядки. Поэтому оттуда я пошел посмотреть на тех, которые называли себя обновленными <sup>42</sup>.

16. И вот я заметил, что некоторые из тех часовен (две, три, находящиеся близко одна от другой) сговорились быть заодно; но никак не могли отыскать ни одного способа, как бы поравняться между собой, так как каждый, что забрал себе в голову, на том и уперся, стараясь и других убедить в том же. Некоторые, поглупее, держались того, что им напели в уши, другие — похитрее, как видели где выгоду, так и переходили туда и опять

уходили, так что я очень сожалел об этом страствовавши любезных мне христиан<sup>13</sup>.

17. Но были тут и такие, которые не вмешивались в эти беспорядки, но ходили молча, тихо, как бы в раздумье, взирая на небо и будучи приветливы ко всем; и были они невзрачные, бедные, изнуренные постом и жаждой. Над ними смеялись, кричали и свистали вслед им, толкали и дразнили их, подавали крюк, подставляли ножку и проклинали их; они же ходили среди последних, как слепые, глухие, немые. Когда я увидел, что они входили и выходили в особенное отделение на клиросе, и хотел пойти туда и посмотреть, что у них там, толмач остановил меня и сказал: «Что тебе там делать! хочешь, что ли, также служить посмешищем? нашел куда стремиться». Так я и не пошел. Но увы, я и не заметил, сбитый с толку своим несчастным *Обманом*: здесь я пропустил центр неба и земли и дорогу, ведущую к полноте радости; и снова повели меня окольными дорогами по лабиринту света, пока мой Бог не спас меня и не привел снова на дорогу, потерянную на этом месте; когда и как это случилось, расскажу потом. Но тогда я не подумал об этом, напротив, в поисках за одним только внешним спокойствием и удобством я спешил рассмотреть свет в других местах.

18. Не умолчу о том, что еще случилось со мной в этой улице. *Вездесущ* мой уговаривал меня, чтобы я поступил в духовный сан, уверяя, что уже самою судьбою я назначен в это сословие, и я сам сознаю, что у меня была склонность к тому, хотя не все обычаи священников нравились мне. Тем не менее я поддаюсь увещаниям, беру клубок и капюшон, вхожу туда и сюда рядом с другими на ступеньки, пока не определили мне собственную. Но, оглядываясь на них, я заметил, что некоторые повернулись ко мне спиной, другие качали головой, третьи косились на меня, четвертые грозили пальцем, а пятые указывали вилы. В конце концов, некоторые, набросившись на меня, согнали и поставили другого с угрозою, что этого еще для меня недостаточно. Испуганный, я побегал к своим проводникам и воскликнул: «О я несчастнейший человек на этом свете! ведь после этого все пропало». — «Без сомнения, — сказал толмач, — потому что ты не остерегаешься, чтобы не вооружить людей против себя. Кто хочет быть с людьми, тот должен принаравливаться к людям, а не так, как ты, везде слуга рубить с плеча». — «Я, право, не знаю, — сказал я, — тогда я лучше все брошу». — «Нет, нет, — возразил толмач, — нельзя отчаиваться. Не можешь быть тем, будешь чем-нибудь другим. Пойдем только, посмотрим дальше», — и, взяв меня за руку, повел.

## Г Л А В А Х I X

**Путешественник обозревает  
сословие правителей**

1. Мы пришли в другие улицы, где я увидел со всех сторон много высоких и низких стульев; на них сидели так называемые: войты, бургомистры, губернаторы, регенты, канцлеры, судьи, милостивые короли, князья, господа и т. д. Толмач обратился ко мне: «Ну, теперь ты видишь людей, которые при расприх чинят суд и милость, наказывая злых, охраняя добрых, и таким образом сдерживают порядок в свете». — «Конечно, это — прекрасная вещь и, думаю, необходимая для человеческого рода, — сказал я. — Откуда же берутся такие люди?» Он на это ответил: «Некоторые рождаются для этого, другие правителями или обществом избраны из тех, которые были признаны мудрейшими, самыми опытными и лучшими знатоками справедливости и законов». — «Это — хорошо», — сказал я.

2. В эту минуту мне пришлось взглянуть на них, и я заметил, что некоторые покупают места, другие выпрашивают, третьи приобретают их лестью, четвертые самовольно садятся, и, видя это, я воскликнул: «Ай, ай, непорядок!» — «Молчи, забавник, — сказал толмач, — а то худо будет, если они услышат». Я спросил: «А почему же они не дожидают, чтобы их выбрали?» — «Да ведь они, без сомнения, известные люди и к тому же знакомы с этим делом, а раз другие признают их такими, тебе какое дело?»

3. Тогда я замолчал и, поправив себе очки, посмотрел на них внимательно и увидел необыкновенную вещь: редко который из них имел все члены, почти у каждого не доставало чего-нибудь необходимого. У некоторых не было ушей, которыми могли бы они выслушать жалобы своих подданных, у других не было глаз, которыми могли бы видеть беспорядки перед собою, у третьих не было носа, которым могли бы вынюхать плутовские противозаконные уловки, у четвертых не было языка, которым можно было бы говорить за бессловесных угнетенных, у пятых не было рук, которыми могли бы выполнить суд правый, многие не имели даже сердца, чтобы исполнить то, что указывает справедливость.

4. Которые же все это имели, так те, как я заметил, были очень жалкие, несчастные люди, потому что к ним беспрестанно набегало множество людей, и они не могли спокойно ни поесть, ни поспать, тогда как первые, больше чем наполовину, вели спокойный образ жизни. Я спросил: «Но почему же суд и права доверяются таким людям, которые не имеют необходимых для этого членов?» Толмач ответил, что на самом деле это не так, как мне кажется. «Ведь пословица говорит: *Qui nescit simulare, nescit regnare*<sup>44</sup>.

Кто управляет другими, тот частенько не должен ни видеть, ни слышать, ни понимать, хотя бы и видел, и слышал, и понимал. Ты же, как не сведущий в политических делах, этого не понимаешь». — «А по моему мнению, — сказал я, — у них нет того, что должно бы быть». — «А я тебе говорю, — закричал толмач, — замолчи: коли не перестанешь умничать, очутишься там, куда и не хочешь попасть. Не знаешь, что ли, что за клевету на судей хватают за горло». Таким образом, я принужден был замолчать и стал смотреть на все спокойно. Конечно, я не могу рассказать всего, что особенно приметил на том или ином *студе*; упомяну только о двух случаях.

5. Внимательнее я остановился на сенаторском суде; тут я заметил такие имена судей: *Безбожник*, *Ссоролуб*, *Себялюб*, *Златолуб*, *Малознай*, *Предубежденный*, *Златомил*, *Даробер*, *Неопытен*, *Слухосуд*, *Легкомысл*, *Поспех*, *Коекак*; председатель над всеми и наивысший судья или начальник был *Хочутак*. По этим именам я быстро начал догадываться, что это были за судьи; впрочем, я имел случай убедиться в этом на деле. На *Правду* жаловалась *Ревность*, что первая оклеветала будто бы некоторых добрых людей, назвав их лихоимцами, скрягами, пьяницами, обжорами и т. д. Приведены были свидетели: *Клевета*, *Ложь*, *Измена*. Защитниками были, с одной стороны, *Лесть*, с другой — *Болтун*, на счет которых *Правда* говорила, что их не нужно. Будучи допрошена, знала ли, что на нее поступила жалоба, она отвечала: Знала, милые судьи, — и прибавила: Стою я здесь и ничего не могу сказать, как только: помоги мне Бог. Тогда, сойдясь вместе, стали собирать голоса. *Безбожник* сказал: Хотя это так, как говорит эта женщина, но зачем это болтать? Оставим ее без наказания, так и нас она будет язвить своим языком; предлагаю наказать ее. *Ссоролуб*: Конечно, если бы одному это так прошло, то и другие захотели бы, чтобы и к ним также относились снисходительно. *Слухосуд*: Я, собственно, не знаю, как было дело, но раз *Ревность* придает такое большое значение ему, то я думаю, что она действительно страдает, да будет *Правда* виновна. *Предубежденный*: Я уже раньше знал, что эта болтунья все, что знает, разбалтывает; нужно прищемить ее язык. *Себялюб*: Оскорбленная — моя добрая знакомая; ради меня, по крайней мере, нужно пожалеть ее и не допускать бесчестить ее так. *Правда* достойна наказания. *Златолуб*: Вы знаете ведь, какие щедрые доказательства привела *Ревность*; нужно защитить ее. *Даробер*: Так мы были бы неблагодарны, если бы *Правда* не была осуждена. *Неопытен*: Я подобного примера не знаю; что *Правда* заслужила, пусть и терпит. *Малознай*: Я этого не понимаю: как рассудите, в таком духе и я дам свое решение. *Коекак*: Как обыкновенно, я присоединяюсь к мнению каждого. *Легкомысл*: Может быть, лучше отсрочить процесс, чтобы все само собою после выяснилось. *Поспех*: Все равно,



лишь бы скорее приговор! *Председатель суда*: Конечно, на кого нам смотреть? чего хочет *Справедливость*, то и должно быть. И, встав, объявил резолюцию: Так как эта болтливая женщина вдалась в столь непристойные дела, всячески старалась тереться около добрых людей, то для укрощения ее скверного языка и в пример другим дать ей 40 пощечин без одной; такой приговор ей объявить. Тогда *Ревность* с прокурором и свидетели, поклонившись, за справедливое решение принесли благодарность и то же приказали сделать *Правде*, но она стала плакать и ломать себе руки. За неуважение к закону приказали увеличить ее наказание и, схватив, повели ее на казнь. Увидев эту вопиющую несправедливость и не будучи в состоянии удержаться, я воскликнул: «Ах, если все таковые судьи бывают на свете, то помоги мне, всемогущий Боже, ни самому быть судьей, ни судиться с кем-нибудь». — «Молчи, сумасшедший», — сказал толмач, зажав мне рукою рот. — Даю тебе слово, что ты до того же, если до чего-нибудь не хуже, договоришься». И вдруг *Ревность* с *Лестью* начали призывать свидетелей против меня. Увидев это и испугавшись, не знаю, как уж, едва переводя дух, вылетел я оттуда.

6. Вздохнув перед этим судилищем, протер я глаза и увидел, что много народа приходит с распрями к суду и тотчас им навстречу бегут поверенные (*Болтун*, *Лесть*, *Кривовер*, *Правоискатель* и др.) и предлагают свои услуги, посматривая главным образом не на что-нибудь касающееся процесса, а на кошелек. Каждый заботливо носил свой закон (чего я не видел между теологами) и тут же смотрел в него. На некоторых экземплярах я видел надпись: «Земское обжорство», на других: «Хищное земское обманывание»<sup>45</sup>. Больше не хотелось смотреть на это, и, вздыхая, я ушел оттуда.

7. *Всевед* сказал мне: «Еще лучшее осталось. Пойди, посмотри на управление королей, князей и других, наследственно господствующих над подданными; конечно, это тебе понравится». Опять мы пошли куда-то, и я заметил, что названные лица сидели на высоких и широких стульях; редко кто мог подойти к ним и достать до них, кроме как по приспособлениям. Каждый из них вместо ушей имел какие-то длинные трубы с обеих сторон, в которые и должен был шептать всякий, что хотел сказать им что-нибудь; но трубы эти искривлены и дырявы: много слов, прежде чем дойти до головы, мимо выбегали вон, а которые и доходили, так доходили по большей части искаженными. Отсюда я понял, что не всегда давался желанный ответ спрашивающим, что иной хоть и достаточно громко кричал, все же не мог докричаться до мозга, иногда и давался ответ, но ни к селу, ни к городу. Подобным образом и вместо глаз и языка были трубы, через которые вещь представлялась не в том виде, какую она была на самом деле, и ответ полу-

чался совсем в ином духе, нежели желал и думал сам владыка. Сообразив это, я спросил: «Но почему же они не уберут прочь эти трубы и не смотрят просто, обыкновенными глазами, как другие люди, не отвечают языком, не слушают ушами?» — «Вследствие высокого положения лиц и достоинства места должны быть такие околичности, — сказал толмач. — Что это — мужики, что ли, по твоему мнению, чтобы каждый мог тереться около их глаз, ушей, языка?»

8. Тогда я увидел, что некоторые ходят кругом трона; одни помимо этих труб что-то дуют владыкам, другие насаживают на глаза разные цветные очки, третьи что-то курят под нос, четвертые складывают и прикладывают руки, пятые связывают ноги и снова распускают, шестые поправляют под ними трон и т. д. Увидев это, я спросил, кто это такие и что они делают. Толмач ответил мне: «Это — тайные советники, они информируют королей и великих владык». — «Я бы этого не вытерпел, если бы был на этом месте, — сказал я, — потому что я хотел бы быть свободным в своих движениях и поступках». — «Ни один человек, — возразил толмач, — не может положиться на себя, да этого и нельзя позволить ему». — «Эти великие владыки, будучи так связаны, что ничего не могут делать иначе, как по желанию других, более несчастны, чем простые мужики», — сказал я. «Но зато их существование более надежно, — ответил толмач. — Погляди-ка вон на тех!»

9. Я оглянулся и увидел, что некоторые не позволяли муштроваться себя, гнали прочь этих «информаторов», что вполне соответствовало моему желанию. Но скоро я заметил другие недостатки. Вместо немногих прогнанных явилось много других, которые пытались дуть владыке в уши, в нос, в рот, различно закрывать и открывать глаза, растягивать туда и сюда руки и ноги; каждый только что пришедший хотел навести и натолкнуть на то, на чем сам уперся, так что иной несчастный владыка не знал, что делать, кому уступить, кому противодействовать и как все сделать хорошенько. Я сказал: «Теперь я вижу, что лучше довериться нескольким избранным, чем быть мячиком для всех. А что, разве нельзя как-нибудь иначе устроить это?» — «Как же устроить? — сказал толмач. — Само призвание это влечет с собой необходимость принимать от всех хлопоты, жалобы, просьбы, апелляции, основания и последствия и во всем поступать справедливо. Если только они не хотят быть похожи еще вот на этих!»

10. И указал мне несколько таких владык, которые никому не позволяли близко подступать к ним, кроме тех, которые заботились бы об удобствах их и удовлетворяли бы их прихотям. Около них, видел я, вертелись люди, которые гладили их рукой, охорашивали, подкладывали подушки, ставили перед глазами зеркала, делали веером ветер, собирали перья и сор, целовали одежду и

башмаки, рассчитывая все на будущее; некоторые даже лизали выплунутые владыкой слюну и сопли, похваливая, что сладко. Мне и это не понравилось, в особенности когда я заметил, что почти у каждого такого владыки трон колебался и, прежде чем можно было предвидеть, падал с ним, так как не было более прочных подпорок.

11. В это время случилось так, что у одного из владык трон пошатнулся, разломался и упал на землю. Событие это произвело шум в народе; оглянувшись, посмотрел я — а они ведут себе другого и сажают на трон, надеясь на то, что будет иначе, чем раньше, и, испуская крик радости, утверждают и укрепляют под ним трон, кто только чем мог. Так полагая, что для общей пользы нужно помочь (ибо так говорили), подошел и я с тем намерением, чтобы вбить клин или два; одни похвалили меня за это, другие злобно посмотрели. В это время павший было владыка собрался вместе со своими приверженцами и с палкой напал на нас, ударил в толпу, так что она вся рассыпалась и некоторые свернули себе шею. Преисполненный страха, я не мог опомниться, пока мой *Всевед*, услышав, как спрашивали, кто больше помогал посадить на трон нового князя и укреплять его, не дотронулся до меня, давая этим знать, чтобы я утекал подобру-поздорову. Но *Обман* говорил, что этого не нужно. Пока я раздумывал о том, кого из них послушать, вдруг мне попало палкой, которою размахивали около меня, и я убежал, наконец, в толпу<sup>46</sup>. Тогда понял я, что и сидеть на этих тронах, и находиться около них, и прикасаться к ним, так или иначе, небезопасно. Поэтому я тем охотнее ушел оттуда с мыслью, что вряд ли когда вернусь сюда, как и проводникам своим сказал: «Пусть кто хочет достигает этих высот, только не я».

12. В особенности потому, что убедился, что хотя все такие хотели называться правителями света, однако всюду был полный беспорядок, ибо, допустил ли владыка к себе подданных сам лично или с помощью труб, сам или с помощью других производил следствие, все равно я видел кривды столько же, сколько и правды, столько же слышал вздохов и жалоб, сколько и веселости. Я отлично понял, что справедливость смешивается с несправедливостью и сила с правом, что ратуши, судейские комнаты, канцелярии суть мастерские столько же несправедливости, сколько и справедливости, а те, которые титулуют себя охранителями порядка в свете, бывают столько же защитниками беспорядка (и гораздо чаще), сколько и порядка. Подивившись тому, как много это сословие скрывает в себе тщелюбия и бед, я благословил их и ушел оттуда.

## Г Л А В А Х Х

## Сословие солдат

1. Потом мы пришли в последнюю улицу, где сейчас же на первой площади стояло немало людей, одетых в красную одежду. Подойдя поближе к ним, я услышал, что они сговариваются о том, как бы дать крылья смерти, чтобы она во мгновение ока могла проникать издалека так же, как и вблизи. Советовались также, как бы разорить в один час то, что было устраиваемо в продолжение многих лет. Я испугался таких речей, потому что до сих пор все, что я видел из человеческих действий, были только речи и заботы о производстве людей и размножении, об удобствах человеческой жизни, а эти советовались об уничтожении жизни и удобств человеческих. Толмач ответил: «И их стремление такое же, но несколько иным путем, именно: посредством уничтожения того, что служит помехой. Потом ты поймешь это».

2. Мы подошли к воротам, где вместо привратников я увидел каких-то людей, стоящих с барабанами; у каждого желающего войти туда они спрашивали, есть ли кошелек. Когда тот показывал и открывал его, то насыпали туда денег и со словами: «за эту кожу заплачено», —

3. впустив в какой-то склеп, через несколько времени выводили его оттуда обложенного железом и огнем и приказывали идти дальше на площадь.

Ужасно хотелось мне посмотреть, что есть в этом склепе, и поэтому перво-наперво я вошел туда; по всем сторонам — даже не видно было конца — и по земле здесь были такие огромные, что на нескольких тысячах возов не увез бы, кучи различных орудий жестокости из железа, свинца, дерева и камня для того, чтобы ударять, сечь, резать, толкать, рубить, колоть, разрывать, жечь; у меня даже мороз по коже прошел, и я воскликнул: «Для какого чудовища эти приготовления?» — «Для людей», — ответил толмач. «Для людей?! А я думал, что для какого-нибудь хищного зверя и для отъявленных жестоких мошенников. Но ради Бога скажи, что же это за жестокость, если люди для людей придумывают такие ужасные орудия?» — «Чего ты так нежничаеть?!» — сказал он и засмеялся.

4. Выйдя оттуда, мы пришли затем на самую площадь, где я увидел стада этих людей, одетых в железо, с рогами и когтями, прикрепленных кучей друг к другу, лежащих у каких-то корыт и чанов, куда им сыпали и лили еду и питье, а они один перед другим лакали и жрали. «Что здесь, свиней откармливают на убой?» — спросил я. — «Хотя я вижу изображение человеческое, но поведение свиное». — «Это есть удобство этого сословия», — сказал толмач. Они же, вставши от корыт, пустились в пляс и скок, на

что толмач обратил мое внимание: «Ну, видишь ли роскошь этой жизни: о чем им беспокоиться?! Разве не весело здесь?!» — «Подожду, что дальше будет», — сказал я. Они же между тем разбежались требовать контрибуций у людей другого сословия, у кого ни попало. Затем, развалясь, они занимались мужеложством и мерзостью без всякого стыда и богобоязни, так что я покраснел и сказал: «Этого-то уж нельзя бы им позволять». — «Но приходится позволять, — сказал толмач, — ведь это сословие желает иметь всякого рода вольности». Они, усевшись, снова принялись за обжорство, а нажравшись и напившись до отупения, бросились на землю и захрапели. Потом их вывели на плац, где на них падал дождь, снег, град, мороз, вьюга и всякая грязь, где они мучались жаждою и голодом, так что многие дрожали, тряслись, шатались, мерзли, отдавали себя на съедение вшам, собакам и коршунам. Иные ни на что не обращали внимания и продолжали свою бесстыдную жизнь.

5. Вдруг ударили в барабаны, зазвучала труба, и поднялся шум и крик; и вот каждый, поднявшись и схватив резак, тесаки, кинжалы и кто что имел, без всякого сожаления стали ударять этими орудиями друг друга, так что брызнула кровь, стали рубить и колоть друг друга хуже, чем самые жестокие разбойники. Шум возрастает здесь со всех сторон, слышен топот коней, шум панцирей, бряцание мечей, грохот стрельбы, свист пролетающих мимо ушей стрел и пуль, звук труб, треск барабанов, крик победителей, крик раненых и умирающих; тут видно страшное оловянное градобитие, здесь слышно страшное огненное сверканье и гром, здесь то у того, то у другого летит прочь рука, голова, нога; один через другого падает, и все плавает в крови. «О всемогущий Боже! Что это делается? — сказал я. — Неужели должен погибнуть этот свет?» Едва опомнившись, не знаю, как и куда попал я с этой площади, и, собравшись немного с духом, но трясясь еще всем телом, спросил своих проводников: «Куда же вы привели меня?» Толмач ответил: «Ну тебя, размазню! человеком быть — значит дать возможность почувствовать свои силы». — «Что же сделали они друг другу?» — спросил я. «Господа поссорились между собою, так нужно уладить это дело». — «И что же, они улаживают его?» — «Конечно, — ответил он, — ибо кто же должен равнять великих господ, королей и королевства, которые не имеют над собою судей? Они сами должны решить это между собою мечом. Кто лучше станет драться железом с другим и попалит огнем, тот свое и поставит на верх». — «О варварство, скотство! — воскликнул я. — Разве не было бы других средств к примерению. Свирепым мошенникам, а не людям свойственно так мириться».

6. В это время я увидел, как уводят и уносят с поля битвы немало людей с отстреленными руками, ногами, головой, носом, с

пробитым пулею телом, разодранной кожей; все это обезображено кровью. Когда я с сожалением едва в состоянии был смотреть на это, толмач сказал: «Все это заживет, воин должен быть привыкши к войне». — «А что, — спросил я, — будет с теми, которые свернули себе там шею?» Он на это ответил: «За их кожу заплачено». — «Как же это?» — спросил я. «А разве ты не видел, какое им удобство сначала было предоставлено?» — «А зато какие неудобства они должны были претерпеть! Тем не менее, хотя бы даже самые роскошные наслаждения предшествовали этому, все-таки жалок человек, который за то, что позволил прокормить себя, должен вести себя тотчас же на бойню. Мне противно это сословие, что бы в нем ни было, я не хочу и не хочу, пойдём отсюда».

#### Г Л А В А ХХІ

### Сословие рыцарское

1. «Посмотри, по крайней мере, — обратился ко мне толмач, — какая честь тому, кто держится по-геройски и пробивается сквозь мечи, копья, стрелы и пули». Итак, повели меня в какой-то дворец, где я увидел человека, сидящего под балдахином и призывающего пред свои очи тех, которые оказались храбрее. И приходили многие, неся с собою черепа и ножные кости, ребра, кисти рук, мешки и кошельки с золотом, отнятые и отрубленные у врагов; за это они получали одобрение, и тот, который сидел под балдахином, давал им что-то раскрашенное и какие-то, не в пример прочим, льготы: они, надев это на жердь, носили всем на удивление.

2. Видя это, другие, не только из воинов, как раньше, но даже из ремесленников и ученых, тоже подходили, но, не имея, как первые, шрамов или отнятых у врагов вещей, которые могли бы показать, вынимали и предъявляли свои собственные кошельки или отметки, сделанные ими в книгах; и им давалось такое же отличие, как и первым, но обыкновенно более роскошные знаки, и их впускали в высший зал.

3. Войдя вслед за ними, я увидел множество их прогуливающимися, с перьями на голове, с заостренными пятками и боками, покрытых медью. Я не посмел подойти близко, да и хорошо сделал, ибо сразу заметил, что некоторым, слоняющимся между ними, не во всех отношениях было хорошо. Некоторые слишком близко прикасались к ним, некоторые недостаточно низко сгибали колена перед ними, некоторые не умели достаточно правильно высказать титул; вследствие всего этого между ними происходили кулачные схватки. Опасаясь этого, я стал проситься уйти оттуда. Но *Всевед* сказал: «Рассмотри все это еще получше, но будь осторожен».

4. Тогда я посмотрел издали, какова могла бы быть деятельность их, и увидел, что их работа, сообразно со свободою того сословия, как говорили, состоит в том, чтобы идти по проторенной дорожке, перевешивать две ноги через коня, гонять борзых на зайцев и волков, заставляя мужиков работать, запираť их в башню и опять выпускать их оттуда, сидеть за длинными столами, уставленными блюдами, и держать под ними как можно дальше ноги, уметь шаркать ногами и целовать пальцы, перебирать искусно пешки и игральные кости, нахально, без всякого стыда болтать о пошлых вещах и т. п. Как рассказывали, у них были привилегии, благодаря которым все, что бы они ни сделали, считалось благородным, и никто, исключая дворян, не смел заводить с ними сношений. Некоторые сообща измеряли свои щиты, сравнивая один с другим, и чем старее и подержаннее был который из них, тем большую он имел ценность; а кто носил новый щит, над тем покачивали головой. Я увидел там еще кое-что и другое, что мне казалось странным и несуразным, но всего рассказывать не смею. Скажу только, что, вдоволь насмотревшись на эту суету их, я снова стал просить своих проводников уйти отсюда и получил согласие.

5. Когда мы шли, толмач сказал мне: «Ну, теперь ты рассмотрел уже человеческие занятия и тщетные усилия, и ничего тебе не понравилось, так как ты, вероятно, предполагаешь, что, кроме труда, эти люди ничего не имеют; но знай, что все те занятия суть дорога к отдыху, к которому в конце концов придут все те, которые не жалели себя в работе, т. е. когда они достигнут имений, богатства, или славы и уважения, или удобства и роскоши, тогда мысль их должна будет найти то, на чем можно вполне успокоиться. Поэтому мы поведем тебя к замку утешения, чтобы ты увидел, какова цель людского труда». Я обрадовался этому, надеясь найти там отдых для мысли и удовольствие.

## Г Л А В А ХХII

### Путешественник очутился среди журналистов<sup>47</sup>

1. Когда мы подходили к городским воротам, я увидел на площади толпу людей, и *Всевед* сказал: «Эге, мимо этих-то мы не должны пройти». — «Что они тут делают?» — спросил я. Он ответил: «Пойди и взгляни».

Вошли мы посреди них, а они, стоя по двое, по трое, один против другого вертят пальцами, качают головами, бьют в ладоши, чешут за ухом, наконец, одни ликуют, а другие плачут. «Что

это здесь делается? — спросил я. — Вероятно, комедию какую-нибудь играют?» — «Какая здесь игра?! — ответил толмач. — У них здесь происходят такие дела, которые заставляют их удивляться, смеяться, сердиться, смотря по обстоятельствам». — «Мне бы очень хотелось знать, — сказал я, — что это такое и чему они так удивляются, чему смеются, на что сердятся?» Взглянув в это время, я увидел, что они возятся с какими-то свистульками и, один к другому наклонясь, свистят на ухо; если который свист был приятный, то плясали; если же какой-нибудь скрипучий, горевали.

2. Но то удивительно было для меня, что звук одних и тех же свистулек одним так сильно нравился, что они не могли удержаться, чтобы не прыгать, другим же казался таким скверным, что зажимали уши и убегали в сторону или слушали и, расчувствовавшись, плакали навзрыд. И сказал я: «Это что-то противостественное, если одна и та же свистулька одним так сладко, а другим так жалостно звучит». Толмач ответил: «Причиной тому разница не звука, а слуха; точно так же, как одно и то же лекарство имеет на пациента не одинаковое действие, смотря по тому, какая болезнь, так и здесь; какова у него внутри страсть или склонность к вещам, таковой получается изнутри и звук, сладкий или горький».

3. «А где же берутся эти свистульки?» — «Отовсюду приносят их, — ответил он. — Разве ты не видишь продавцов?» Я поглядел и увидел тут нарочно предназначенных для этой цели, и пеших, и конных, которые разносили эти свистульки. Многие из них ездили на быстрых конях, и от них многие покупали, другие ходили пешком, некоторые даже на костылях, и от этих разумные покупали охотнее, говоря, что они бывают надежнее.

4. Не только смотрел я их, но и слушал их, останавливаясь то там, то здесь, и понял, что и в самом деле есть что-то приятное в том, что слышишь разнообразные со всех сторон доносящиеся голоса. Не нравилось же мне, что некоторые вели себя не миролюбиво, скупая все, что только могли достать, свистульки, и, немного поиграв на каждой, опять бросали прочь. Тут были люди из различных сословий; редко сидя дома, они всегда подкарауливали здесь на площади, насторожив уши, где что пискнет.

5. Мне не понравилось это тем более, что я увидел бесполезность этих занятий, ибо очень часто разносилось грустное известие, так что все становилось печальны, но минуто спустя прозвучало другое, и страх сменялся смехом. Опять некоторые свистульки звучали так приятно, что все ликовали и плясали, и сейчас же вслед за этим звук их стихал или превращался в грустное скрипение; так что тот, кто справлялся по ним, иногда чему-нибудь напрасно радовался, иногда чего-то пугался и все это попусту.



Было поэтому чему смеяться, если люди сами поддаются на обман при всяком дуновении ветра. Поэтому я хвалил тех, которые, пренебрегая такими удовольствиями, смотрели больше за своей работой. Но опять-таки я заметил неудобство в том, что тому, кто не обращал внимания на свист, откуда-то падало что-то на шею.

6. Наконец, я заметил и то, что с этими свистульками обходиться как вздумается тоже небезопасно. Вследствие того, что известия воспринимались различными ушами различно, возникали несогласия и драки, что и мне лично пришлось испытать. Попалась мне в руки одна резко звучащая свистулька, и я подал ее своему другу; но другие, взяв ее от нас, швырнули оземь и растоптали, накинувшись на меня, что я распространяю такие вещи; поэтому, видя, что они пришли в бешенство, я должен был бежать. Так как мои провожатые все утешали меня замком *Фортуны*, то мы и отправились туда.

#### Г Л А В А ХХIII

### Путешественник обозревает замок *Фортуны*, и прежде всего вход в него

1. Когда мы пришли к этому милому замку, то прежде всего я увидел толпу людей, сбегających со всех улиц города, бродящих кругом и высматривающих, как бы им попасть наверх. В этот замок вели единственные высокие и узкие ворота, но они были разрушены, завалены, поросши тернием; назывались они, по-моему, *Добродетелью*. Мне сказали про них, что они были выстроены в давние времена исключительно только для входа в замок, но вскоре потом по какому-то случаю их завалили. Затем понастроили других, поменьше, а их оставили, потому что проходить сквозь них было слишком круто, неприступно и неудобно.

2. Поэтому стены были проломаны и наделано с обеих сторон несколько ворот, рассматривая которые я увидел надписи: *укрывательство, ложь, лесть, несправедливость, лукавство, насилие* и т. д.; но когда я называл все это так, то входившие слышали меня, роптали, хотели сбросить вниз, так что я принужден был замолчать.

Таким образом, наблюдая, я увидел, что некоторые лезли теми старыми воротами через мусор и терние; одни пролезали, другие — нет; тогда последние опять возвращались к нижним воротам и через них уже проходили.

3. Вошел тоже и я и увидел, что здесь еще не замок, а только площадь, на которой множество народа, со вздохом взирающего

кверху. Когда я спросил, что это они тут делают, то получил ответ, что они ждут ласкового взгляда госпожи *Фортуны* и пропуска в замок. «А что, разве еще не все из них туда проберутся? все ради этого усердно работали». Толмач ответил: «Стараться может всякий, как он знает и может, но в конце-то концов от *Фортуны* зависит, кого она хочет или не хочет принять к себе. Можешь посмотреть, как это происходит». И я увидел, что выше там нет никаких ни лестниц, ни ворот, а только какое-то колесо, беспрестанно поворачивающееся; кто за него уцепился, тот был поднимал кверху, на помост, и только тогда уже принимала его там госпожа *Фортуна* и пропускала дальше. Внизу не всякий, кто хотел, мог схватиться за колесо, а только тот, которого привела к нему и посадила на него женщина, чиновница г-жи *Фортуны*, именем *Случайность*; у всякого другого руки соскальзывали. Эта *Регентша*, *Случайность*, ходила в толпе, и, кого удалось ей случайно поймать, того она и усаживала на колесо. Остальные всячески старались вертеться перед ее глазами, протягивали руку, просили, указывая на свои потерянные труды, пот, мозоли, шрамы и другие доказательства своей заслуженности. Но я того мнения, что она просто-напросто была глуха и слепа и потому ни на кого не смотрела и не обращала никакого внимания на просьбы.

4. Тут много было лиц из разных сословий, которые, как я видел с самого начала, следуя своему призванию, трудились в поте лица, чтобы пройти через ворота нравственности или через боковые ворота, и все-таки не могли дожидаться счастья; другой, может быть, вовсе и не думавший о счастье, был схватываем за руку и возносим наверх. Из тех же претендентов на счастье многие очень горевали, что для них не хотела прийти очередь, так что иной уже поседел ждавши; некоторые впадали в отчаяние и, потеряв надежду на счастье, возвращались снова к своим занятиям; некоторые, размечтавшись, вторично лезли к замку, стараясь и глазами, и руками обратить на себя внимание г-жи *Фортуны*. Таким образом, с какой стороны ни смотрел я на них, все находил привычки их грустными и жалкими.

#### Г Л А В А ХХIV

### Путешественник обозревает нравы богачей

1. После этого я сказал своему проводнику: «А с удовольствием взглянул бы я, что там наверху и какие почести оказывает госпожа *Фортуна* своим гостям». — «Хорошо», — сказал он, и прежде чем я успел сообразить что-нибудь, вознесся вместе со мной на-

верх, где госпожа *Фортуна*, стоя на шаре, раздавала короны, скипетры, державы, цепи, застежки, мешки, титулы и имена, мед и пряности и только потом уже пускала дальше наверх. Поглядел я на постройку замка, который был о трех этажах, и увидел, что некоторых лиц уводят в нижние, других в средние, третьих в верхние комнаты. Толмач сказал: «Внизу здесь те, которых госпожа *Фортуна* отличила деньгами и имуществом, в средних комнатах те, которых она кормит роскошью, в верхних палатах те, которых она окружает славой, чтобы другие смотрели на них, хвалили и уважали. Некоторым она уделяет и то и другое и даже все три блага; и такие могут прохаживаться, где им угодно. Видишь, какое счастье тому, кому удастся попасть сюда».

2. «Ну, так пойдем прежде всего хоть в эти комнаты». Пошли мы в нижние склепы, а там темно и не весело, так что я сначала положительно ничего не видел, а только слышал какое-то бряцание и чувствовал запах тухлятины, шедший изо всех углов. Когда немного стало проясняться у меня в глазах, я увидел множество лиц разного сословия; они ходили здесь, стояли, сидели, лежали; на ногах у каждого были оковы, а руки были связаны цепью; некоторые, кроме того, имели цепь на шее, а на спине какую-то тяжесть. Я ужаснулся и воскликнул: «Ради самого короля, что же это такое? Разве мы пришли в тюрьму?» Толмач ответил, смеясь: «Какой ты неразумный! Ведь это дары госпожи *Фортуны*, которыми она осыпает своих любимых сынов». Рассматривая эти дары у одного, другого, третьего, я видел стальные оковы, железные цепи, оловянную или глиняную корзину. «Какие же это дары,— сказал я,— я не стал бы и говорить о них». — «Глупец, ты на все смотришь с худой стороны,— сказал толмач,— ведь все это — золото». Посмотрел я снова еще внимательнее и заявил ему, что все-таки я не вижу ничего, кроме железа и глины. «Эй, не мудрствуй очень-то,— ответил толмач,— а верь-ка больше другим, чем самому себе. Посмотри, как они дорожат этим».

3. Взглянул я и убедился, к своему удивлению, как усердно они занимаются своими оковами. Один считал звенья своей цепи, другой разбирал ее и снова складывал, третий взвешивал на руке, четвертый измерял пядями, пятый, прижимая к устам, целовал, шестой, оберегая ее от мороза, от жары, от повреждения, обматывал платком. Некоторые, собравшись вдвоем или втроем, измеряли и взвешивали их один перед другим. Кто имел самую большую и тяжелую, тот ходил кругом, принимал гордый, спесивый вид, превозносил себя и хвастался. Некоторые из них, смиренно сидя в углу, тайно любовались величиной оков и цепей, заботясь лишь о том, чтобы другие не видали; насчет их я того мнения, что они боялись зависти и воровства. Другие имели полные ящики камней, которые и перекладывали то туда, то сюда, отмыкали и замыкали

эти ящики, не смея никуда отойти, чтобы не потерять всего этого. Были и такие, которые не доверяли даже и этим ящикам; все это они навязывали и павешивали на себя и при том в таком количестве, что не могли ни ходить, ни стоять, а только лежали, задыхаясь и хрипя. Видя все это, я воскликнул: «Но, ради всех святых, неужели это счастливые люди?! Рассматривая там внизу людские труды, я не видал ничего более бедственного, чем это счастье». *Всевед* ответил: «Это, собственно, правда (зачем скрывать?), что только иметь эти дары *Фортуны* и не пользоваться ими причиняет больше забот, чем благ. Но госпожа *Фортуна* не виновата в том, если кто не умеет пользоваться ее дарами. Не она ими скупится, а те закоснелые, которые не умеют воспользоваться всем этим ни для своих, ни для чужих удобств. Хотя, в конце концов, как там ни рассуждай, а все же великое счастье иметь все это». — «Я за таким счастьем, какое здесь вижу, не гонюсь», — сказал я.

#### Г Л А В А ХХV

### Права людей, пребывающих в светской роскоши

1. *Всевед* сказал: «Пойдем же в таком случае наверх, там, обещаю тебе, ты увидишь другие вещи — саму роскошь». Вошли мы по лестнице в первую залу, и я увидел здесь несколько кроватей, устланных мягкими перинами, висящих и качающихся, поставленных в несколько рядов; на них валялись люди, вокруг которых стояло множество слуг с опахалами, веерами и другими приспособлениями, готовых ко всяким услугам. Если кто-нибудь из них вставал, то со всех сторон подставлялись руки; когда он одевался, то подавались ему одежды не иначе как из шелка, мягкие; если понадобилось переменить место, то переносили его на мягких подушках. «Ну, вот тебе здесь комфорт, какого ты искал! — сказал толмач. — Чего еще можешь желать сверх этого? Иметь так много всего хорошего, ни о чем не заботиться, ни до чего не касаться, иметь в изобилии все, чего только душа пожелает, не позволять даже дунуть на себя злему ветру — разве это не благо?» Я ответил: «Конечно, здесь веселее, чем в тех нижних застенках, но тем не менее не все мне нравится». — «Что опять?» — «Эти лентяи с глазами навязывают, с одутловатой головой, отеки животом, чувствительными членами кажутся мне покрытыми вередями; заденет ли он за что-нибудь, толкнет ли слегка его кто-нибудь, подует ли неприятный ветер, ему сейчас уж плохо. Слышал я, что стоячая вода гниет и распространяет зловоние; подобное этому

я вижу здесь. Эти люди ни в чем не пользуются жизнью, а только бездельничают. Здесь нет ничего для меня». — «Странный ты философ», — заметил толмач.

2. Повели меня в другую залу, где моим глазам и ушам предстало много прелестей: роскошные сады, пруды и леса, звери, птицы, рыбы, разнообразная и приятная музыка, толпы веселых товарищей, которые прыгали, гонялись друг за другом, танцевали, фехтовали, водили хороводы и не знаю, чего еще не делали. «Это уже не стоячая вода», — сказал толмач. «Это правда, — ответил я, — но дай мне хорошенько рассмотреть». Посмотревши уже, я сказал: «Вижу, что никто досыта не наедается и не упивается этими развлечениями, но каждый, утомившись, бежит в другое место, ища других развлечений. Мне это не кажется большим благом». — «Если ты ищешь блага в еде и питье, — сказал толмач, — так пойдем».

3. Затем мы вошли в третью залу, где я увидел полные столы пирующих; всего у них было в изобилии, и они были веселы. Подойдя ближе, я увидел, как некоторые пичкают себя и наливаются до того, что уж и брюха не хватает для них; они должны были распоясываться; некоторые дошли до того, что все это извергалось у них обратно и верхом, и низом. Другие, чавкая, выбирали только сласти; высказывали желание иметь такие длинные шеи, как у журавлей, чтобы дольше можно было чувствовать вкус <sup>48</sup>. Некоторые хвастались, что в продолжение десяти и двадцати лет они не видали ни восхода, ни заката солнца, потому что, когда оно заходило, они ни разу не были трезвы, когда восходило — не успевали еще вытрезветь. Сидели они, не скучая, так как должна была играть разнообразная музыка, к которой каждый присоединял свой голос, так что слышны были голоса всевозможных птиц и зверей: один выл, другой ревел, третий квакал, четвертый лаял, пятый свистел, шестой чирикал, седьмой рыдал и т. д. со странными при этом жестами.

4. Тогда толмач спросил меня, как мне нравится такая гармония. «Нет в этом ни малейшего смысла», — сказал я. «Что же тебе понравится? — спросил он. — Что ты, бревно, что ли, если даже такое веселье не может расшевелить тебя?» Тут некоторые из стоящих перед столом увидели меня, и один стал пить за мое здоровье, другой приглашал сесть, моргая глазами, третий спрашивал, кто я и что мне здесь нужно, четвертый вдруг заорал на меня, почему я не сказал: «Благослови вас Бог». На это я, разгорячившись, ответил: «Неужели Бог благословил такие свинские пирушки?» Только успел я это сказать, как на меня посыпался целый град тарелок, мисок, чашек, стаканов, так что я еле успел увернуться и убежать прочь. Мне, трезвому, легче было убежать, чем им, пьяным, попадать в меня. Толмач обратился ко мне: «Вот

не говорил ли я тебе давно, что держи язык за зубами, не мудрствуй и норови ужиться с людьми, а не надейся на то, чтобы другие твою башку берегли».

5. Засмеявшись и взяв меня за руку, *Всевед* сказал: «Пойдем туда еще раз»; я не хотел. Он продолжал: «Там еще есть на что посмотреть; это возможно было бы, если б ты молчал. Пойдем, по будь осторожен; встань хоть издали». Я уступил, и мы опять вошли. И, зачем скрывать, я позволил уговорить себя, даже присел к ним, позволил пить за свое здоровье, упился сам и, желая испытать до конца, в чем собственно здесь веселье, начал припевать, проливать спяна слезы и припрыгивать, одним словом, стал делать то же, что и другие, но все выходило как-то несмело, потому что просто-напросто все это казалось мне не к лицу. Некоторые, видя, что я не могу попасть в тон, смеялись надо мной, другие возмущались тем, что не так отвечал. Между тем меня под сюртуком что-то начало грызть, под шапкой разламываться, из горла что-то начало выходить, ноги начали спотыкаться, язык стал заплетаться, голова закружилась, и я стал сердиться и на себя, и на своих проводников, громко крича, что это по-скотски, а не по-людски, в особенности когда я поглядел еще немного лучше на других подобных сибаритов из сибаритов.

6. Слышал я здесь, как некоторые жалуются, что им ни еда, ни питье не нравятся, даже в горло не идут; другие жалели их, и, чтобы им помочь, купцы должны были бегать там и сям по свету, отыскивая что-нибудь по их вкусу, повара должны были своим разнообразным блюдам, как лакомствам, придавать особенный запах, цвет, вкус, чтобы возможно было ввести это в желудок; лекаря должны были, чтобы одно уступало другому, наливать сверху и снизу через воронку. Таким образом, все, чем они набивали и наливали живот, отыскивалось с большим трудом и стоило больших денег, с большими хитростями и соображениями вводилось вовнутрь и при сильных болях и судорогах залеживалось в животе или извлекалось вон. Постоянно они чувствовали отсутствие аппетита, икоту, отрыжку, спали плохо, харкали и распускали слюни и сопли, рвотою и калом были полны столы и все углы; ходили они или валялись с гнилым животом и подагристыми ногами, трясущимися руками, слезящимися глазами и т. д. «И это называется роскошь? — сказал я. — Пойдем, пожалуйста, отсюда, чтобы не сказать чего-нибудь больше и не нанести себе неприятностей». Итак, отвернувшись и заткнув нос, я ушел.

7. Прошли мы в тех же зданиях еще в одну залу, где я увидел людей обоого пола; они шли под руку, обнимались, целовались, и лучше не говорить, что было здесь дальше. Скажу только ради предостережения, что все запертые здесь г-жой *Фортуной* имели

накожную болезнь, причинявшую им постоянный зуд, который нельзя было спокойно переносить, так что куда приходили, там и чесались чем ни попало, даже до крови. Но от чесания зуд этот нисколько не уменьшался, а только увеличивался, и хотя они и стыдились этого, но в углах втихомолку ничего иного не делали, как только чесались. Что это был мерзкий неизлечимый недуг, легко можно было предположить. Не у одного из них высыпала гадость и наружу, так что и друг для друга они были противны, несносны и вообще отвратительны.

Конечно, здоровым глазам и уму неприятно было на них смотреть и чувствовать идущий от них запах. Наконец, я увидел, что это была последняя палата из палат для сибаритов, откуда нельзя было идти ни вперед, ни назад, исключая какой-то дыры там в глубине, в которую попадали те, которые еще ниже падали в своем невоздержании; в эту тьму за светом они попадали заживо.

#### Г Л А В А   Х Х V I

### Нравы высших мира

1. Мы отправились на верхнюю площадку, которая была раскрыта и над собой не имела никакого прикрытия, кроме неба. Здесь стояло множество стульев, один выше другого и все с краю, чтобы снизу из города можно было видеть их; каждый сидел на них в том положении, в каком был посажен г-жой *Фортуной*: выше или ниже. Все прохожие (отдавая должное) преклоняли перед ними колени или кивали головами. Толмач обратился ко мне: «Вот, разве это не благородное дело — быть столь возвышенным, чтобы отовсюду тебя было заметно и все на тебя должны были смотреть?» А я добавил: «И быть не защищенным ни от дождя, ни от снега, ни от града, ни от жары, ни от голода». Он ответил на это: «Что на такие пустяки смотреть! Зато хорошо сидеть на таком месте, где все на тебя должны обращать внимание и уважать тебя». — «Это правда, что уважать,— возразил я,— но такое уважение скорее обуза, чем удобство. Ибо на каждом, сколько их тут ни есть, я убеждаюсь, что они не смеют и не могут пошевелинуться без того, чтобы все не увидели и не пересудили. Что здесь за утешение?» В особенности, когда я убедился, что сколько в глаза проявлялось к ним уважения, столько же было за глаза неуважения. Наверное, за каждым из этих посаженных в кресла стояли такие, которые смотрели на них косыми глазами, подергивали губами и покачивали головами, ставили им сзади рожки, плевали на спину и пачкали их отбросами или чем-нибудь другим; некоторые обдумывали падение сидящего и подламывали стул; в моем

присутствии не с одним из них приключилось то или другое несчастье.

2. Эти стулья, как я уже сказал, стояли по краям; будучи немного сдвинуты с места, они сейчас же опрокидывались, и тот, который только что чванился, летел вниз. Стулья эти были как будто выстроены на подвижной оси; стоило дотронуться, чтобы она повернулась, и сидевший на стуле очутился на земле. Чем выше был стул, тем легче было уронить его и тем легче было упасть с него. И нашел я здесь сильную вражду одних к другим, завистливые взгляды друг на друга, высаживание одним другого со стульев, лишение званий, сбрасывание корон, стирание титулов друг у друга, так что здесь постоянно все изменялось; один влезал на стул, а другой слезал с него или падал стремглав. Смотря на все это, я сказал: «Плохо, что за такой продолжительный и тяжелый труд, который необходим, чтобы попасть на эти места, такая низкая цена. Иной еще не успевает насладиться славой, и уже конец». Толмач ответил: «Уж так г-жа *Фортуна* все распределяет, чтобы все, кого она хочет наградить, могли быть наделены ее дарами; одни другим должны уступать».

#### ГЛАВА XXVII

### Слава знаменитых в свете

1. «Между тем для тех, которые хорошо держат себя здесь (продолжал свою речь толмач), или собственно для заслуживших госпожа *Фортуна* имеет другое средство сделать их бессмертными». — «Скажи мне, каким образом? — спросил я. — Прекрасно сделаться бессмертным, ну-ка, покажите мне это». *Всевед* повернул меня и указал мне в том же дворце на западной стороне наверху еще площадку или выступ, тоже под открытым небом; туда вела лестница, внизу которой была дверь, а у этой двери сидело что-то, имеющее со всех сторон множество глаз и ушей, так что становилось противно (его называли *Sensor vulgi* — *Всесудом*). Каждый, кто хотел попасть на место, должен был не только назвать себя, но и рассказать про все дела, за которые он считал себя заслуживающим бессмертия, и передать их на обсуждение. Если было в его поступках что-нибудь особенное и необыкновенное, доброе или злое, то он был допускаем наверх; если же ничего — то оставался внизу. Попадало туда, как я заметил, более всего людей из высших слоев общества, важных и ученых, менее — из среды духовенства, ремесленников и из семейных.

2. Очень было обидно мне, что туда впускали столько же злых (разбойников, тиранов, прелюбодеев, убийц, поджигателей и пр.), сколько и добрых. Ибо я понимал, что это не может быть ничем



иным, как только поощрением людей, извращенных нравственно, как и случилось; пришел один, чающий бессмертия, и, будучи спрошен, что сделал достойного вечной памяти, ответил, что все, что видел наиславнейшего в свете, разрушал, что нарочно сжег храм, для которого работало и затрачивало средства в продолжение 300 лет семнадцать государств, и в один день превратил его в развалины <sup>49</sup>. И ужаснулся тот *Цензор* этой постыдной смелости и не хотел впустить его туда, считая недостойным, но пришла госпожа *Фортуна* и приказала впустить его. Поощренные этим примером, другие тоже стали перечислять все, что сделали ужасного: один — что пролил человеческой крови так много, как возможно только <sup>50</sup>; другой — что изобрел новое богохульство для того, чтобы возможно было злоречить Бога <sup>51</sup>, третий — что присудил Бога к смерти <sup>52</sup>, четвертый — что, сорвав солнце с небосклона, погрузил его в пропасть <sup>53</sup>, пятый — что основал новое общество поджигателей, воров и убийц, которые очистят человеческий род <sup>54</sup>, и т. д., и все подряд были впускаемы наверх. Это, признаюсь, очень не нравилось мне.

3. Тем не менее я вошел вслед за ними. Тут тотчас же принимал какой-то чиновник госпожи *Фортуны*, по имени *Фама*, или *Слава*, у которого, кроме рта, ничего не было.

Как тот, который был внизу, имел только глаза и уши, так и у этого были со всех сторон языки и рты, от которых разносился не малый шум и звук; и прекрасный *immortalitatis candidatus* <sup>55</sup> имел из этого только ту пользу, что вместе с криком всюду производилось и его имя. Посмотрев внимательно на все это, я заметил, что крик о каждом из таких понемногу замолкал, потом все затихало, и тогда начинался новый крик о ком-нибудь другом. «Какое же это бессмертие? — спросил я. — Ведь почти каждый, побыв на виду недолго, сейчас же опять исчезает из глаз, уст и мысли человеческой». Толмач сказал мне: «И все-то мало тебе. Ну, посмотри-ка на этих».

4. Оглянувшись, я увидел сидящих живописцев; всматриваясь в некоторых присутствующих здесь, они рисовали их. Я спросил, зачем они делают это. Толмач ответил: «Затем, чтобы память о них пропала не так скоро, как звук голоса; они уже не исчезнут из памяти». Взглянувши, я увидел, что каждого из тех, с которых писали портреты, выбрасывали в пропасть одного за другим; оставался здесь один только портрет, который для того, чтобы все могли видеть, привязывался на палку. «Ах, какое же это бессмертие?! — воскликнул я. — Ведь здесь остаются только бумага и чернила, которые намазаны от их имени, сами же они, как все прочие, жалким образом гибнут. Боже мой, ведь это обман, заблуждение, потому что какое мне дело до того, что кто-нибудь намазает меня на бумаге, а со мной в это время неизвестно что

будет? Ничего я в этом не понимаю». Услышав это, толмач назвал меня сумасшедшим и спросил, на что я годен на свете с такими противоположными всем другим взглядами.

5. Тогда я замолчал. Тут увидел я новую ложь. Чей-то портрет, кого я при жизни видел прекрасным и молодым, был отвратителен; другого, наоборот, отталкивающей наружности, изображали по возможности более красивым, для иного делали два, три, четыре портрета, и каждый из них выглядел иначе, так что я даже пришел в негодование, отчасти на невнимание живописцев и отчасти на их неверную манеру. Рассматривая эти картины, я видел между ними много ветхих, запыленных, рваных, сгнивших, так что в них мало или даже ничего нельзя было разобрать; многих в куче даже совсем не было видно, да и никто почти не смотрел на них никогда. Вот она, слава-то!

6. Между тем приходила *Фортуна* и приказывала некоторые портреты, не только старые и ветхие, но и новые, свежие, бросать вниз, и понял я, что как это драгоценное бессмертие само по себе ничто, так точно нельзя ничем обезопасить себя от непостоянства какой-то сумасшедшей *Фортуны*, которая то принимала в свой замок, то швыряла из него прочь. Благодаря этому она со всеми своими дарами стала мне еще более противна. Таким же образом, прогуливаясь по замку, она обходилась со своими сыновьями; сласть — сластолюбцам, богатство — богачам она то прибавляла, то убавляла, а иногда вдруг все отнимала и выталкивала вон из замка.

7. *Смерть*, которую я видел расхаживающею здесь по замку и убирающею одного за другим, наводила ужас на меня. Но не всех одинаковым способом она умертвляла. В богатых она стреляла обычными стрелами или, напав на них, затягивала своими цепями и душила; сластолюбцам подсыпала яду в кушанья; знаменитых сбрасывала, чтобы они свернули себе шею, или прогоняла сквозь ружья, мечи и кинжалы. Почти каждого она спроваживала со света каким-нибудь необыкновенным способом.

## Г Л А В А XXVIII

### Путешественник начинает отчаиваться и спорить со своими проводниками

1. Я испугался, что нигде на свете, даже в самом этом замке, нет утешения, нет того, за что мысль, не беспокоясь, смело и всецело могла бы ухватиться. Эти размышления беспокоили меня чем дальше, тем больше. Толмач мой, *Обман*, ничем не мог развлечь

меня (хотя всячески старался), и я, наконец, воскликнул: «Ах, горе мне, неужели же на этом жалком свете не найду ничего утешительного? Все и везде полно тоски и бесполезных страданий». Толмач возразил мне: «Эх ты, размазня, а кто же в этом виноват, как не ты же сам, если все, что должно нравиться, тебе противно? Посмотри-ка на других, как каждый в своем положении весел и спокоен, находя достаточно приятного в своих делах». — «Да потому, что они все сплошь сумасшедшие, — ответил я, — или врут: невозможно ведь допустить, чтобы они наслаждались истинными радостями». — «Сумасшествуй и ты, — сказал *Всевед*, — чтобы облегчить себе тоску». Я ответил: «Даже и этого не могу; ведь знаешь, что сколько раз я пытался, но всегда при виде резких перемен с каждой вещью и жалкой ее цели я бросал все».

2. Толмач заметил: «Всему этому причиной не что иное, как твоя фантазия. Если бы ты не так строго разбирал человеческие деяния и не швырял бы всем, как свинья соломой, то и был бы, как другие, спокоен мыслью, пользуясь в то же время удовольствиями, радостями и счастьем». — «Да, если бы я, как ты, обращал внимание только на внешности, какую бы нибудь кислую улыбку принимал за проявление радости, прочтение каких-нибудь обрывков за мудрость, кусок случайного какого-нибудь счастья за верх довольствия. Но где же останутся пот, слезы, стелание, скитания, падения и другие невзгоды, которым я не видел ни числа, ни конца, ни меры во всех сословиях? О горе, о бедная жизнь! Всюду провели меня, а какая мне в этом польза? Обещаны и указаны были мне достаток, знание, удовольствие и спокойствие. Что же у меня есть? — Ничего. Что я думаю? — Ничего. Где я? — Сам не знаю. Знаю только то, что после продолжительного мыкания по свету, после стольких трудов, после стольких пережитых опасностей, после такой усталости мысли и изнеможения, в конце концов, не нахожу ничего, кроме собственного страдания и ненависти к себе со стороны других».

3. Толмач ответил: «Так тебе и надо. Почему не пользуешься моим советом, который с самого начала был таков: ничего не подсматривать, всему верить, ничего не пробовать, все принимать, ничего не осуждать, всем любоваться. Это был бы путь, по которому ты шел бы спокойно, снискал бы себе расположение у людей и правился бы самому себе». — «Обманутый, без сомнения, тобой, я, как другие, сумасшествывал, плясал, блуждая то туда, то сюда, крепился, кряхтя под гнетом, больной — при смерти вскрикивал как бы от радости. Я увидел и узнал, что я ничто, ничего не имею, как и другие; нам только все что-то такое кажется, хватаем тень, а правда ускользает; везде несчастная эта жизнь».

4. Толмач опять возразил: «Повторяю еще раз то, что уже сказал: ты сам виноват, потому что желаешь чего-то разнообраз-

ного и необыкновенного, а это никому не достается». Я ответил: «И потому-то тем более я страдаю, что не один я, но целое мое поколение жалко и слепо, не знает своих бед». Толмач снова: «Я не знаю, как и чем удовлетворить твои намерения, такую сбитую с толку голову. Если тебе ни свет, ни люди, ни работа, ни бездействие, ни знание, ни незнание, одним словом, никакая вещь не нравится, то я не знаю уж, что с тобой делать и что больше хвалить тебе в этом свете». *Всевед* на это заметил: «Сведем его в стоящий посередине замок королевы; может быть, там он успокоится».

#### Г Л А В А ХХІХ

### Путешественник осматривает замок королевы света, мудрости

1. Итак, взяли они меня и повели. Вдруг я заметил, что замок этот был украшен внутри разного рода превосходной живописью; у ворот была поставлена стража, чтобы не пускать никого, кроме некоторых имеющих власть в свете. По всей вероятности, только им, как слугам королевы и исполнителям ее предначертаний, и позволено входить и выходить; другие же, если хотят посмотреть на замок, должны смотреть только с внешней стороны, ибо не всем будто бы прилично выведывать тайны, которыми держится свет. Я видел уже много таких глазающих, смотревших более ртом, чем глазами, и обрадовался, что ввели меня в ворота, сгорая от желанья узнать, что это за тайны у этой *Королевы света*.

2. Но и здесь не обошлось без приключений. Стражи, загородив дорогу, стали расспрашивать меня, что мне здесь нужно, стали гнать назад, толкать, но *Вездесущи*, как человек и здесь хорошо известный, ответив, не знаю что, за меня и взяв меня за руку, все-таки провел на первую площадку.

3. Смотря здесь на самую постройку замка, я увидел сияющие белизной стены, про которые говорили, что они из алебастра, но, посмотрев внимательно и ощупав руками, я не нашел ничего, кроме бумаги и торчащей из щелей пакли; из этого я вывел заключение, что на самом-то деле эти стены пусты внутри и только забиты; подивился этому и посмеялся я над таким обманом.

Затем мы пришли к лестнице, по которой ходили куда-то вверх; боясь, что лестница рухнет, я не хотел идти; вероятно, сердце мое предчувствовало, что должно мне встретиться там. Толмач сказал: «К чему, мой милый, эта фантазия? Бойся, чтобы небо не рухнуло. Разве не видишь, как много других идут вверх

и вниз?» Таким образом, по примеру других, пошел и я по высокой винтообразной лестнице; идя по ней, можно было получить головокружение.

## Г Л А В А Х Х Х

**Путешественник обвинен  
в замке мудрости**

1. Ввели меня в какую-то большую залу, в которой первым долгом осветило меня каким-то необычным светом, не только потому, что много было окон, но более потому, что (как говорили) стены были покрыты дорогими коврами, блестящими от золота; вместо потолка было какое-то облако или мгла; этого я не имел времени разобрать, потому что глаза мои были обращены в то время на ту милую королеву, которая сидела на самом высоком месте под балдахинном; около нее с обеих сторон стояли чиновники, слуги, свита, величественная до ужаса; ужаснулся я этой славы, особенно когда они начали смотреть на меня, один за другим. *Везде-суц* сказал мне: «Не бойся ничего, подойди поближе, пусть увидит тебя ее милость королева, будь откровенен, но не забывай скромности и вежливости». И так привел он меня в средину и приказал низко поклониться, что я и сделал, не зная, как иначе поступить.

2. Мой толмач, сделавшись на этот раз толмачом против моей воли, начал речь такими словами: «Светлейшая Королева света, прекраснейший, божественный луч, славная *Мудрость!* Этот юноша, которого мы привели пред величие твоего лица, получил от *Судьбы* (регента твоей милости) позволение пройти по свету и обозреть все сословия и порядки твоего преславного королевства, в котором господь Бог поставил тебя, чтобы ты управляла им своею проницательностью, от конца в конец. Мы, назначенные по проницательности твоей воли в проводники ему, провели его через все сословия людей и (о чем с соболезнованием и покорностью сознаемся пред тобою), несмотря на все наши самоотверженные и искренние труды, не достигли того, чтобы он, выбрав какое-нибудь занятие, спокойно отдался ему и сделался таким образом одним из верных, послушных граждан общей нашей родины; он всюду постоянно тоскует, все ему не нравится, жаждет чего-то необыкновенного. Поэтому, будучи не в силах понять и удовлетворить его дикие желания, мы привели его пред твою светлость и поручаем твоей проницательности, что с ним делать».

3. Каждый может судить, каково было мое положение, когда я услышал такие речи (которых не ожидал); я понял, что меня

привели сюда на суд, и потому боялся за себя, особенно когда увидел у трона королевы ужасное чудовище (не то собака, не то рысь, не то дракон какой был — хорошо не знаю), которое впилося в меня сверкающими глазами; я видел, что нужно было только натравить его на меня. Стояли здесь тоже двое драбантов королевы, хотя в женской одежде, но грозные, особенно левый, ибо он был в железном панцире, покрытом иглами, как еж (я видел, что до него дотронуться даже небезопасно); на руках и ногах у него были стальные когти, в одной руке копьё и меч, в другой — лук и огонь. Второй казался мне не столько грозным, сколько смешным; у него вместо панциря был лисий мех, вывернутый наизнанку, вместо алебарды — лисий хвост, в левой руке — ветка с орехами, которыми он постукивал<sup>56</sup>.

4. Когда кончил говорить толмач (или, лучше сказать, мой предатель), королева (с лицом, покрытым маской умнейшего старца) обратилась ко мне с такой важной и пространной речью: «Благородный юноша! Умысел твой — желание обозреть все на свете — не дурен. (Это я желаю каждому из самых милых мне и, кроме того, охотно помогаю им через посредство этих слуг и служанок.) Мне неприятно слышать, что ты разборчив и вместо того, чтобы учиться, как новый гость, ты вдаешься в мудрствования. По этой причине, хотя я могла бы казнить тебя для примера другим, но так как с большею охотою норовлю сделать известными примеры снисхождения и доброты, чем строгости, то повременю еще и дам тебе здесь в замке при мне жилище, чтобы ты лучше уразумел и самого себя, и мои наставления. Так дорожи этой моей милостью и знай, что не всякому выпадает на долю попасть в эти тайные места, где составляются декреты и решения всего света». Договоривши это, она сделала знак рукой, и я, повинувшись этому знаку, отошел в сторону, снова стораая желанием посмотреть, что-то будет.

5. Остановившись в стороне, я спросил толмача, как называют тех советников, какой между ними порядок и какие у кого обязанности. Толмач ответил мне: «Эти ближе всего стоящие к ее милости, королеве, — тайные советники: справа — *Чистота, Бдительность, Осторожность, Рассудительность, Приветливость, Мирюлюбие*, слева — *Правда, Ревность, Правдивость, Храбрость, Терпение, Постоянство*; как советники, они всегда стоят при королевском троне.

6. Стоящие ниже — ее чиновницы и заместницы. Та, в темной юбке, — заместница над нижней страной и называется *Усердие*, а другая, в одежде, украшенной золотом, с золотым ожерельем, с венком (кажется, ты раньше уже видел ее) — заместница замка блаженства и называется *Фортуна*. Обе они со своими помощницами находятся иногда там при своих управлениях, иногда

здесь, как по обязанностям службы, так и для того, чтобы исполнять приговоры и приказания. Каждая из них в свою очередь имеет подрегентов, как, например, госпожа *Усердие*; над семейным сословием — *Любовь*, над ремесленниками и крестьянами — *Трудолюбие*, над учеными — *Остроумие*, над духовенством — *Набожность*, над правителями — *Справедливость*, над солдатами — *Храбрость*».

7. Слыша эти прекрасные имена, но видев все на свете наоборот, я с радостью бы сказал кое-что, но не посмел и только подумал: «Странное управление этого света! Король — женщина, советники — женщины, и все управление — женское! Есть кому бояться его?»

8. Спросил я еще насчет этих двух стражей, что они представляют собою и на что они. А толмач мне на это ответил, что ее милость королева имеет своих неприятелей и заговорщиков, перед которыми должна защищаться. Которая в лисьем одеянии — называется *Хитростью*, а другая, в железе и огне, — *Властью*, где одна не может защищать, защищает другая, заменяя таким образом друг друга. Собака при них вместо сторожа, чтобы лаем давать знать, когда приближается кто-нибудь подозрительный, и прогнать его. При дворе она называется *Придворной почтой*, а кому ее обязанность не очень-то нравится, те переименовывают ее названием *Соперник*. «Но брось болтовню, послушай и посмотри самые дела, которые будут происходить здесь». — «Хорошо, — сказал я, — с удовольствием».

#### Г Л А В А   Х Х Х I

### Соломон с громадной свитой пришел в замок мудрости

1. В то время, когда я приготовился слушать, что здесь будет происходить, вдруг послышались звуки и страшный шум, и когда все обернулись, оглянулся и я и увидел какого-то человека, входящего в замок, в сиянии, с короной, с золотым посохом; за ним шла свита, столь многочисленная, что все почти пришли в ужас. Взоры всех и мои также обратились на него. Представ, он объявил, что наивысшим Богом богов он отличен тем, что свободнее всех тех, которые были до него и будут после него, может обозреть свет и, мало того, взять в жены *Мудрость*, которая есть правительница света. (Он назвал себя *Соломоном*, королем славнейшего под небом народа израильского.)

2. Через чиновницу *Осторожность* получив на это ответ, что *Мудрость* — супруга самого Бога и не может отдаться другому,

а если кому-нибудь нравится пользоваться ее расположением, то в этом не будет отказа, *Соломон* сказал: «Теперь я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу, какая разница между мудростью и глупостью, ибо мне собственно ничего не нравится из того, что происходит под солнцем».

3. Слыша все это, я несказанно обрадовался тому, что теперь, даст Бог, найду другого провожатого и советника, иного, чем имел до сих пор; с ним мне и безопаснее, все основательнее узнаю и, наконец, пойду за ним туда, куда он пойдет. И я начал хвалить в душе господу Бога.

4. *Соломон* имел при себе немалую свиту слуг и друзей, которые вместе с ним пришли посетить *Мудрость*, королеву света; между ними, сейчас же возле него, были мужи почтенные, с важными манерами, которых на мой вопрос назвали патриархами, пророками, апостолами и т. д. Среди находящихся в этой толпе сзади указали мне некоторых из философов: Сократа, Платона, Эпиктета, Сенеку и др. Все они, а в том числе и я, уселись по сторонам в ожидании, что-то будет.

#### Г Л А В А XXXII

### Путешественник осматривает тайные судилища и управление света

1. Вскоре потом я понял, что здесь разбираются только общественные дела, касающиеся всех сословий, а другие — частные — в своих особенных местах, в думах, в судилищах, в консисториях и т. д. Что случилось здесь в моем присутствии, сейчас расскажу, по возможности кратко.

2. Прежде всего предстали чиновницы света *Усердие* и *Фортуна*, объявив о всех беспорядках, которые происходят во всех условиях благодаря всеобщему безверию, ссорам и разным плутням, и просили как-нибудь исправить все это. Я обрадовался, увидев, что они сами приходят к тому же, к чему пришел и я, т. е. что на свете нет порядка. Толмач, догадавшись об этом, сказал: «Вот видишь, ты думал, что ты только один имеешь глаза, а кроме тебя никто ничего не видит, а между тем вот какой бдительный надзор над всем этим имеют те, которым поручено это». — «Я с удовольствием это слышу, — ответил я, — дай только Бог, чтобы нашелся настоящий путь».

3. Видел я, что советники собрались вместе и после краткой беседы друг с другом спрошены были через посредство чиновницы *Осторожность*, можно ли отыскать того, кто бы был причиной беспорядков. После долгих поисков было объявлено, что



в королевство вкрались какие-то негодяи и бунтовщики, которые сеют тайные и явные беспорядки. Прежде всего вину приписывали (тут же и называли их) *Обжорству*, *Жадности*, *Ростовиществу*, *Сладострастию*, *Гордости*, *Жестокости*, *Лености*, *Безделью* и некоторым другим.

4. Когда произвели следствие, записали и прочитали решение, чтобы посредством открытых листов, вывешенных, прибитых и разосланных по всей земле, в известных местах было объявлено, что ее милость, королева *Мудрость*, замечая, как, благодаря тайком пришедшим иноземцам, много вводится всяких бесчинств, приказала высылать навсегда из королевства тех, которые подадут повод к тому, а именно: *Обжорство*, *Жадность*, *Ростовищество*, *Сладострастие* и т. д., притом, чтобы с этой минуты тотчас же их не было видно под страхом смертной казни через повешение. Когда это решение было опубликовано посредством изготовленных для этой цели листов, то, трудно поверить, какой поднялся всюду гул ликующего народа, и у каждого (и у меня) явилась надежда на золотой в свете век.

5. Но немного времени спустя, когда ничего в свете не улучшилось, многие стали прибегать с жалобой, что решение не было выполнено. На вторичном заседании совета назначены были от королевы комиссары *Недосмотр* и *Нерадение*, к которым для лучшей важности причислено было еще из королевских советников *Мирлюбие*, с поручением внимательно осмотреть, остаются ли здесь, вопреки повелению, подозрительные и подлежащие ссылке, или некоторые из них имели дерзость возвратиться. Комиссары отправились и спустя несколько времени вернулись и донесли, что собственно они нашли нескольких подозрительных, но те не признают себя высланными и называют себя иначе. Один будто похож на *Пьянство*, но называет себя *Веселостью*, другой похож на *Жадность*, но называет себя *Хозяйством*, третий похож на *Лихоимца*, а называет себя *Наживой*, четвертый похож на *Сладострастие*, но что он *Любовь*, пятый — на *Гордость*, но называет себя *Важностью*, шестой — на *Жестокость*, но называется *Строгостью*, седьмой — *Леность*, но что имя его *Добродушие*, и т. д.

6. Когда об этом рассудили в совете, то опять объявили, что ни *Веселость* — *Пьянством*, ни *Хозяйство* — *Жадностью* называться не могут, и т. д. Поэтому отмеченные лица должны быть освобождены, ибо на них этот приказ не простирается. Как только приговор этот стал известен, они сейчас же свободно убрались прочь; за ними шла толпа людей, которые знакомились и дружились с ними. Взглянув на *Соломона* и его товарищей, я увидел, что они покачивают головой, но так как они молчали, то молчал и я: только один, я слышал, сказал другому на ухо: «Говорят, осуждены имена, а сами-то пзменники и губители, переменивши

свои имена, пользуются свободным пропуском. Из этого ничего хорошего не выйдет».

7. Вслед за тем пришли опять представители от всех классов общества, просили себе аудиенции и, будучи допущены, стали со странными жестами передавать покорную просьбу всех верно-подданных, чтобы ее милость, светлейшая королева, милостиво изволила припомнить, с какою верностью и послушанием все настоящие сословия держались до сих пор под одним скипетром царствования ее и наперед, согласуясь во всем с нею, покорялись ее обычаям, приказаниям и слушались всех распоряжений; они только высказывают скромное желание, чтобы ради вознаграждения за прошлую верность ее милости королеве и поощрения к новой и постоянной даны были им привилегии и сделано было кое-какое улучшение свободы их (что зависит от проницательности ее милости королевы). За это благодеяние они обещали постоянным послушанием доказывать свою благодарность. Сказав это, поклонились до земли и отступили назад. Протерев себе глаза, я спросил: «Что же это будет? Неужели свет недостаточно еще имеет свободы, чтобы желать больше? Узду вам, узду и кнут, и немножко чемерицы<sup>57</sup>». Но я только подумал об этом, ибо дал себе зарок ничего не говорить, тем более что это не подобало в присутствии тех мудрецов и седых старцев, которые тоже обращали на это внимание.

8. Снова стали советоваться, и после длинных разглагольствований королева дала знать, что она всегда стояла за распространение образования и за украшение королевства; к этому она всегда чувствовала склонность и тем более не оставит это без внимания, что слышит просьбы милых и верных своих подданных. Поэтому она постановила, чтобы ради пущей важности во всех сословиях преобразовать титулы, которыми бы они яснее и с большей славой отличались друг от друга. Итак, предписывается, чтобы впредь писались: ремесленники — знаменитые, студенты — просвещеннейшие и ученейшие, магистры и доктора — известнейшие, священники — просто достойные, очень и во всех отношениях достойные всякого уважения, епископы — святейшие, более богатые из мещан — благородные, вассалы — благородные и храбрые рыцари, господа — два раза господа, графы — высокоблагородные господа, а властители, князья, могущественные короли — светлейшие и непобедимые. Чтобы это получило большую силу, предписывалось, что всякий имеет полное право не принимать бумаги, если на ней пропущен или изменен титул.

После этого посланные, поблагодарив, ушли, а я подумал про себя: «Велика вам от этого прибыль — каракули на бумаге».

9. Затем подана была просьба от бедных всех сословий, в которой они жаловались на большую неравномерность: другие

имеют избыток имущества, а они терпят нужду, и просили уравнять это каким бы нибудь образом.

По обсуждении этого дела приказано было ответить бедным, что хотя ее милость королева всем желает тех удобств, каких каждый желает сам себе, но слава королевства требует, чтобы одни возвышались над другими. К тому же, по установленному порядку, иначе и быть не может, как чтобы *Фортуна* имела населенным свой замок, а *Усердие* — свои мастерские. Одно лишь допускается, чтобы каждый, не лентяя, выбивался из бедности, какими путями может и умеет.

10. Как только этот ответ, данный просителям, сделался известным, сейчас же пришли другие с прошениями от трудолюбивых, чтобы впредь те, которые не ленились, из какого бы ни были сословия и какого бы то ни было занятия, могли быть уверены в том, что достигнут всего, над чем трудятся и чего желают, и чтобы ничего не доставалось благодаря одному только слепому счастью. Совет долго обсуждал эту просьбу, из чего я заключил, что это вещь затруднительная. Наконец было объявлено, что, хотя у регентши *Фортуны* и ее верной помощницы *Случайности* нельзя взять из рук тех прав и преимуществ, которые раз были вверены им, тем не менее будут они помнить и будет приказано им, чтобы старательные имели предпочтение перед лентяями (насколько возможно уследить); таким образом возможно будет все устроить. Ушли и эти тоже.

11. Потом пришли депутаты от некоторых исключительных людей, Теофраст<sup>58</sup> и Аристотель, прося о двух вещах; во-первых, чтобы они не были подвержены таким случайностям, как другие люди; во-вторых, так как по милости божией они отличны от других умом, знанием, богатством и т. д. (смерть таких людей — всеобщий вред), то нельзя ли им даровать привилегию перед обыкновенными людьми — не умирать. Когда обсудили первую просьбу, дан был ответ, что они просят справедливого и потому им позволяется защищаться от случайностей, кто как умеет: знающие — своим знанием, осторожные — осторожностью, сильные — силой, богатые — богатством. Что касается второй просьбы, то королева *Мудрость* приказала тотчас же созвать всех знаменитейших алхимиков, чтобы они елико возможно постарались найти средство, благодаря которому возможно было бы достичь бессмертия. Последние, приняв предложение, разошлись. Ввиду того, что долго потом никто не возвращался, а посланные между тем требовали ответа на свою просьбу, то им дана была покамест такая резолюция: «Ее милость королева не одобряет, что такие особенные люди должны погибать наравне с другими, но теперь она еще не знает, как этого избежать». Тем не менее дается им такая льгота: в отличие от бедных, которых тотчас же после смерти хоронят, они

будут, по возможности, дольше находиться среди живых людей, и в то время, как другие после смерти будут лежать под зеленым дерном, они будут прикрываться каменными плитами. На все это и на то, что они сами себе придумают для отличия от простого люда, дается им привилегия.

12. Когда ушли эти уполномоченные, пришли несколько человек от имени начальствующих, представляя трудное положение этого сословия и прося облегчения. Им разрешено было окружить себя удобствами и управлять делами через наместников и чиновников. Удовлетворенные этим решением и поблагодарив, они ушли.

13. Спустя немного времени пришли посланные от подданных, земледельцев и ремесленников, жалуясь на то, что те, которые поставлены над ними, хотят лишь бить и пороть, и потому гонят, травят, так что кровавый пот течет с них. А те, к которым обращаются в таких случаях, исполняют это с большею жестокостью, потому что и сами испили эту чашу. В доказательство они высыпали тут же целую кучу мозолей, синяков, язв и свежих ран (которые они принесли для удостоверения), прося милости. Казалось очевидным, что это — несправедливость, которая должна быть прекращена, но так как начальствующим дозволено управлять через посредство слуг, то виноваты слуги; поэтому сделано распоряжение послать за ними. Разосланы были гонцы по всем королевским, княжеским и дворянским советам, к правителям, чиновникам, купцам, выборным, писарям, судьям и т. д., чтобы они явились без всяких отговорок. Сказано — сделано. Но они на одну жалобу представили десять: жаловались на леность подданных, непослушание, возмущение, гордость, всевозможные буйства, лишь только маленько отпустят им узду, и сверх того еще приведено много жалоб. По выслушании их все дело опять было обсуждено в совете, и подданным объявлено: так как они или не хотят, или не умеют ценить ласку и милости начальствующих над ними, то пусть привыкают к жестокостям, потому что в свете так должно быть, чтобы одни властвовали, а другие подчинялись. Но помимо того желательно, чтобы они пользовались сколь возможно большею любовью своих вельмож, управителей, наместников, если только своею услужливостью в состоянии добиться этого.

14. По уходе их остались политики, королевские и господские советники, доктора прав, судьи и т. д., жаловавшиеся на несовершенство писаных законов, по которым не все происходящие между людьми распри (несмотря на то, что законов этих написано на сто тысяч случаев) могут быть разрешены. А из этого выходит то, что они или не в состоянии совершенно держать порядок между людьми, или, ради выяснения прав и прекращения распри, прибавляют кое-что от себя, и в таком случае это считается неразум-

ным за натяжку прав и извращение спора, отчего растет и неудовольствие против них и общественные распри. На основании этого они просят или совета, как поступать, или охраны против суда поверхностных людей. Когда им было приказано выступить, то пошел допрос, какая из королевских советниц и что именно говорила тут в их пользу,— пришлось бы долго припоминать, поэтому я расскажу лишь о том решении, которое было объявлено по приглашении их, а именно: для того чтобы были написаны новые законы, совершенно подходящие ко всем случаям, ее милость королева не знает средства; поэтому пусть все остается при прежних правах и привычках. Только ее милость королева изволит дать им как правило и ключ ко всем законам такое предписание: в истолкованиях законов и в происходящих по ним судах всегда иметь в виду или свое, или общее благо; и это будет называться Ratio status<sup>59</sup>, которым, как щитом, они будут в состоянии отражать удары общественной клеветы, что настоящее положение дел имеет в виду то-то и то-то (что не каждый понимает), что это так должно быть. Политики, приняв это правило, обещались действовать сообразно с ним и ушли.

15. Прошло немного времени, как пришли жены с жалобой, что они должны оставаться под властью мужей, как какие-то рабыни. Нашлись тут также и мужья, плачущиеся на непослушание жен. Тогда королева с советницами собралась заодно на другое совещание, и, наконец, через канцлершу был объявлен такой ответ: «Так как природа дала мужьям преимущество, то оно и остается при них, но с такими достопримечательными исключениями: во-первых, так как жены составляют половину человеческого поколения, то чтобы мужья без их совета ничего не делали; во-вторых, так как природа часто дары свои более щедро изливает на жен, чем на мужей, то чтобы та, которая умом и силой превосходит мужа, называлась мужланкой и чтобы муж не имел над ней главенства». Таково было первое решение, на котором ни мужьям, ни женам не хотелось остановиться. Жены, вероятно, хотели, чтобы мужья делились с ними господством поровну или чередовались, т. е. чтобы верх в управлении держали то мужья, то жены; нашлись даже такие женщины, которые не хотели господствовать иначе, как всецело, ссылаясь на то, что у них большая подвижность как ума, так и тела; равным образом и потому, что мужья столько тысяч лет имели преимущество; теперь, наконец-то, настало время, чтобы они уступили. Они указывали, что благородный пример такого положения вещей можно усмотреть немного лет тому назад в Английском королевстве, что когда царствовала королева Елисавета, то, к чести ее, все мужья подавали правую руку женам, каковой похвальный обычай сохраняется и до настоящего времени. Так как ее милость королева света, *Мудрость*,

и все ее советницы сотворены Богом особами женского пола и поставлены правительницами в свет, то подобает, чтобы, как управляет свет, таково было управление и дома, и общества (*Regis ad exemplum totius comptoni orbis*)<sup>60</sup>. Полагали, что этой речью легко привлечь королеву *Мудрость* на свою сторону. Но мужья, чтобы через молчание не проиграть процесс, защищались так: «Хотя Бог и доверил управление королеве *Мудрости*, но держит его в руках прежде всего он сам, и притом безраздельно и вечно», поэтому они хотят так, и т. д.

16. После этого было опять несколько собраний, и я мог вывести из всего заключение, что не часто им приходилось разбирать такие трудные дела. Дожидались мы все последней резолюции, да так и не дождались: приказано *Осторожности*, с одной стороны, и *Приветливости*, с другой, вести переговоры в тайне. Взявшись за это, они нашли такое средство: чтобы мужья ради мира и спокойствия, по крайней мере дома, негласно уступали женам главенство и пользовались их советами. А жены, довольствуясь этим, признавали бы перед светом послушание, потому что таким способом можно будет навсегда остаться в глазах посторонних при прежнем обычае, а их власть в доме тоже недурно будет поставлена; иначе великая тайна общественного управления, что мужья управляют общиной, община — женами, а жены — мужьями, была бы обнаружена, и ее милость королева убедительно просит, чтобы как с той, так и с другой стороны не допустили случиться этому. Видя это, один из общества *Соломона* сказал: «Жена, которая чтит своего мужа, слывет мудрой», а другой прибавил: «Муж — глава жены так же, как Христос — глава церкви». На этом миролюбивом разрешении вопроса и остановились, и мужья с женами ушли прочь.

#### Г Л А В А ХХХІІІ

### Соломон открывает суету и прельщение света

1. Тут *Соломон*, который до сих пор смотрел и сидел спокойно, будучи не в силах дольше сдерживаться, стал кричать громким голосом: «Суета сует и все суета! Неужели то, что криво, нельзя выпрямить? Неужели нельзя даже перечесть недостатков?»<sup>61</sup> И, встав, а вместе с ним встала и его свита, с громадным шумом пошел прямо к трону королевы (драбанты с обеих сторон не могли помешать им, так как смущены были криком и блеском *Соломона*, так же как и сама королева с советницами). Протянув руки, он снял с лица королевы покрывало, которое хотя и казалось

чем-то блестящим и дорогим, на самом деле было не что иное, как паутина.

Щеки ее оказались бледными, одутловатыми, на лице было немного красноты, но искусственной (что доказывалось отколу-пыванием); руки оказались также паршивыми, все тело неприятное и дыхание вонючее. Я и все присутствующие так ужаснулись этого, что стояли, как окаменелые.

2. *Соломон*, повернувшись затем к советницам мнимой этой королевы, снял и у них маски и сказал: «Вижу, что на месте справедливости господствует несправедливость, а на месте святости — кощунство. Бдительность ваша — *подсматривание*, осторожность ваша — *хитрость*, приветливость — *лесть*, правда ваша — *притворство*, усердие ваше — *бешенство*, храбрость — *дерзость*, ваше благодеяние — *произвол*, трудолюбие ваше — *рабство*, глубокомыслие — *догадка*, набожность — *лицемерие* и т. д. Вам ли управлять светом вместо всемогущего Бога?! Приведет Бог на суд всевозможные дела и каждую скрытую вещь, будь она добрая или злая<sup>62</sup>. Я пойду и дам знать всему свету, чтобы не давали себя сбивать с пути и обманывать».

3. И, повернувшись, ушел в гневе, а его свита — за ним. Когда на улице он начал восклицать: «Суета сует и все суета», то отовсюду сбегались народы, люди разных языков, короли и королевы дальних стран, а он дышал красноречием и поучал их. Слова его подобны были стрелам и вбиваемым гвоздям и т. д.

4. Я не пошел за ним, а остался стоять на площади со своими перепуганными провожатыми и видел, что тут происходило дальше, а именно: королева, выйдя из своего остоленения, начала советоваться со своими советницами, что теперь делать. В то время, когда *Усердие*, *Правдивость* и *Храбрость* хотели посоветовать собрать все силы и послать за ним, чтобы схватить его, *Осторожность*, напротив, доказывала, что силой ничего нельзя сделать, так как не только он один могуществен, но может увлечь за собой весь свет (как сообщали возвращавшиеся одна за другой почты о том, что происходит там), и советовала послать за ним *Приветливость* с *Лестью*, чтобы они, захватив с собою из замка *Фортуны Роскошь*, шли по его пятам и увивались около него везде, где бы он ни был, указывая и восхваляя красоту, славу и довольство этого королевства; таким способом, вероятно, он попадет на удочку; другого средства она решительно никакого не знает. Этот совет был одобрен, и отдано приказание им троице немедленно отправиться в путь.

## Г Л А В А Х Х Х I V

Соломон обманут и соблазнен<sup>63</sup>

1. Видя это, я заявил своим проводникам, что я бы тоже охотно посмотрел на то, что там будет.

*Вездесущ* тотчас же дал свое позволение и пошел, толмач тоже. Отправились мы, и я нашел *Соломона* в улице ученых; он, всем на удивление, рассказывал о природе растений, начиная с кедра, который водится в Ливане, и кончая мхом, который растет на стенах; говорил также о животных и птицах, земноводных и рыбах, об основании мира и стихий, об устройстве звезд и о человеческом мышлении. И приходили ото всех народов слушать его мудрые речи. Будучи через меру восхиляем, он начал сам себе нравиться за это, особенно, когда *Приветливость* и *Лесть*, приластившись к нему, начали возвеличивать его перед лицом всех людей.

2. Двинувшись отсюда, он пошел обозревать другие страны света и, войдя в сословие ремесленников, стал смотреть и вдумываться в их разнообразное искусство и своим высоким умом стал изобретать необыкновенные вещи, искусно устраивать сады, разводить молодые деревья, пруды, строить дома и города и выделять предметы роскоши сынов человеческих.

3. Когда затем он входил в супружескую улицу, льстивая *Роскошь* вела ему навстречу всех наикрасивейших молодых девушек, одетых сколь возможно роскошнее; разнообразно и приятно звучала музыка; самым выдающимся из них она предоставила приветствовать его, называя солнцем людского поколения, короной народа израильского, украшением мира и уверяя, что как в сословии ученых и ремесленников от присутствия его сияния немало прибыло мудрости и просвещения, так и супружеское сословие от присутствия славы его ждет себе возвеличения.

*Соломон*, вежливо поблагодарив, обьявил, что он дал себе слово сделать честь этому сословию присоединением к нему. Поэтому, выбрав из целой толпы молодых девушек ту, которая ему казалась наиболее подходящей, он связал себя с нею узами брака (называли ее дочерью фараона). Имея ее при себе и будучи тронут ее милостью, он стал больше обращать внимание на нее и развлечения, чем на свою мудрость. Вперив (чего я никак не ожидал) глаза в толпу пляшущих девиц (а льстивая *Роскошь* все больше и больше приводила их на глаза ему), увлекался он красотой и благообразием одной за другой, которая казалась ему более выдающейся, звал к себе, не вступая ни с одной в брак, так что в короткое время увидел их у себя до семисот, а кроме того, имел около себя триста свободных, полагая, что его слава в том, чтобы превзойти в этом деле всех живших до него и тех, которые будут



после него. И тут уже ничего не было видно, кроме разных вольностей, над которыми его собственные люди начали глумиться и вздыхать.

4. Потом он, перейдя ту улицу, пошел со своей свитой дальше и вступил в улицу теологов, куда влекло его бывшее с ним несчастное товарищество, привлек к себе там зверей и земноводных, драконов, ядовитых червей и с ними начал грустное времяпрепровождение<sup>64</sup>.

#### Г Л А В А    Х Х Х V

### **Соломоново товарищество распалось, взято под стражу и ужасной смертью изгнано со света**

1. Видя его перед собой столь сбитым с толку, бывшие в свите его, самые передовые: Моисей, Илия, Исаия, Иеремия, начали страшно возмущаться, протестуя перед небом и землей, что они не желают сделаться причастными такому бесчинству, и наставляя всю толпу удалиться от этой суеты и безумства. И по причине того, что многие все-таки следовали примеру *Соломона*, они, тем более разгораясь в своем возмущении, еще яростнее громили, особенно Исаия, Иеремия, Барух, Стефан, Павел и т. д.

Моисей, кроме того, начал препоясывать своих мечами, Илия — звать огонь с небес, Езекия велел растоптать все эти кумиры.

2. Видя это, те, которые посланы были соблазнить *Соломона*, а именно: *Приветливость*, *Лесть* и *Роскошь*, прихватив с собой философов *Мамона* и других, обратились к ним, чтобы одумались и вели себя миролюбивее, говоря, что уж если наимудрейший из всех людей, *Соломон*, поддался порядкам света и свыкся с ними, как это видит здесь каждый, то почему же они должны раздражаться и наперекор этому мудрствовать? Но здесь не было никого, расположенного слушать; чем более убеждались, что пример *Соломона* соблазняет и сводит многих с ума, тем более возмущались, бегали, кричали, зывали, и это было причиной большого огорчения.

3. Королева же, будучи уведовлена своими, прибегла к гласности посредством разосланных объявлений и, назначив в генералы *Силу*, своего телохранителя, приказала этих бунтовщиков схватить и всех наказать публично. Забили тревогу, и сбежалось множество готовых к бою, не только из сословия наемников, но и из правителей, чиновников, судей, ремесленников, философов, медиков, юристов и даже священников, а также и из женщин, в разнообразнейших костюмах и вооружении (ибо говорили, что

против таких открытых бунтовщиков света все, кому позволяет молодость или старость, открыто должны помогать друг другу). Видя надвигавшиеся войска, я спросил своих проводников: «Что это будет?» Толмач ответил: «Теперь узнаешь, как бывает тем, кто организует в свете крамолы и смуты своим мудрствованием».

4. В это время, нагрянувши на одного, другого, третьего, десятого, они начали бить, рубить, поражать, топтать, схватывать, вязать, уводить в тюрьму, смотря по тому, какое у кого было бешенство; при виде этого у меня сердце обливалось кровью от жалости, но, боясь такой жестокости, я, весь дрожа, не посмел и пикнуть. И заметил я, что некоторые из схваченных и избитых складывали умоляюще руки, прося прощения за свои поступки; другие, чем хуже поступали с ними, тем упорнее стояли на своем; потому многих здесь на моих глазах побросали в огонь, других сбрасывали в воду, третьих вешали, четвертых рубили, распинали на кресте, рвали клещами, резали, кололи, пилили, пекли на хворосте. Всего не могу даже перечесть, каким мучительным видам смерти подвергали их: над этим плясали и ликовали народы света.

#### Г Л А В А Х Х Х V I

### Путешественник хочет убежать со света

1. Не будучи более в силах ни смотреть на это, ни переносить сердечную боль, я бежал, желая укрыться где-нибудь в пустыне и, если б это было возможно, скрыться со света. Но проводники мои, пустившись вслед за мной, догнали и спросили, куда это я хотел удрать. Желая отделаться молчанием, я не ответил ничего, но когда они грубо стали настаивать, не желая отпустить меня, я сказал: «Я уже теперь вижу, что в свете лучше не будет! Конец моим надеждам! Горе мне!» — «А ты еще не образумился, убедившись даже, к чему приводят такие примеры?» Я ответил: «Тысячу раз готов умереть, нежели быть здесь, где происходят такие вещи, и смотреть на несправедливость, фальшь, соблазн, жестокость. Поэтому смерть желательнее мне, чем жизнь: иду взглянуть, каков жребий мертвых, которых, вижу, выносят».

2. *Вездесущ* тотчас разрешил, говоря, что хорошо и на это посмотреть и поучиться; *Обман* не советовал, напротив — сильно воспротивился. Не обращая на него внимания, я сделал нетерпеливый жест и все-таки пошел, а он, остановившись, отстал от меня.

3. Озираясь кругом, я поглядел на умирающих, которых везде кругом было много, и увидел жалкую картину: каждый, без исключения, испускает дух с ужасом, жалобами, страхом и с трепетом, не ведая, что с ним будет и где он очутится вне света. Хотя и я боялся этого, но в постоянном стремлении понять яснее зашагал между рядами носилок и, дойдя до краев света и солнца, откуда другие, закрыв глаза, выбрасывали своих мертвых, отбросил очки обмана, протер себе глаза и, высунувшись, сколь возможно было, увидел тьму крошечную, которой человеческим разумом нельзя найти ни дна, ни конца; в ней не было ничего, кроме червей, лягушек, змей, скорпионов, гнили, смрада и вони от сырости и смолы, заражающих и душу, и тело, словом — ужас, не поддающийся описанию.

4. От него содрогались все внутренности мои, и все тело мое вздрагивало, и я в испуге упал на землю в изнеможении и жалостно стал звать: «Увы, жалкие, ничтожные, несчастные люди! это ли ваша последняя слава! это ли конец всех ваших великолепных дел! это ли цель вашего искусства и разнообразной учености! это ли после столь бесчисленных трудов и хлопот желанный покой и отдых, это ли то бессмертие, которое вы себе постоянно обещали?! Ах, лучше, лучше бы мне никогда не родиться, лучше бы я не проходил врата жизни, если после всей суеты в свете удел мой не что другое, как темнота и ужас. Ах, Боже, Боже, Боже! Если ты существуешь, то смилуйся надо мной, несчастным!»

#### Г Л А В А Х Х Х V I I

### Путешественник попал домой <sup>65</sup>

1. Когда я кончил говорить это, весь дрожа от ужаса, вдруг услышал за собой страшный голос: «Воротись». Приподняв голову, я посмотрел, кто это зовет и куда велит вернуться, но не увидел ничего, даже своего проводника Всеведа. И этот меня уже оставил <sup>66</sup>.

2. Тут снова послышался голос: «Воротись!» Не зная, куда вернуться и как выйти из этого мрака, я начал горевать; тогда голос в третий раз позвал: «Воротись, откуда вышел, в дом сердца своего, и закрой двери!»

3. Я последовал этому совету, насколько понял его, и прекрасно сделал, что послушался божьего совета: это был его дар. Собрав тогда, насколько мог, свои мысли и закрыв глаза, уши, уста, ноздри и все сообщения с внешностью, вступил я во внутрь сердца своего, где была тьма. Но когда, прищурив глаза, я немного осмотрелся и увидел незначительный входящий через щели свет, нашел я наверху в своде той моей комнатки какое-то окно большое, оваль-

ной формы, стеклянное, но загрязненное и замазанное чем-то так густо, что никакого света через него не проникало <sup>67</sup>.

4. Осматриваясь по всем сторонам при таком слабом и незначительном освещении, я увидел по стенам какие-то картинки, когда-то хорошей работы, по-видимому, но краски уже выцвели и некоторые части были разорваны или отломаны. Подойдя к ним поближе, я заметил надписи: «Благоразумие», «Смирение», «Справедливость», «Чистота», «Умеренность» и т. д. А посреди комнат я увидел какие-то разбросанные лестницы, изломанные, разбитые и разбросанные, клещи, обтрепанные веревки, также большие, но с выдерганными перьями крылья, наконец, колеса от часов с обломанными и искривленными валиками, зубцы, оси — все было разбросано в разные стороны <sup>68</sup>.

5. Я с удивлением думал, что это за приборы, как и кем это было разрушено и как бы снова исправить все. Разглядывая и размышляя, я все-таки ничего не мог выдумать; единственная была у меня надежда, что тот, который своим зовом привел меня сюда, кто бы он ни был, отзовется еще и направит меня в дальнейших делах. И в самом деле, мне стало нравиться то, чего начало я видел здесь, как потому, что комнатка эта не воняла, как первые места, по которым я ходил в свете, так и потому, что здесь не было никакого шелеста и шума, ни крика, ни гама, ни беспокойств, ни напряжения, ни препирательств, ни насилий, чего в свете повсюду было полно; здесь все было тихо.

#### Г Л А В А XXXVIII

### Путешественник принял Христа в качестве гостя

1. Обо всем этом я размышлял сам с собою и ждал, что будет дальше. Вдруг сверху блеснул ясный свет; подняв по направлению к нему глаза, я увидел, что верхнее окно полно сияния и в этом сиянии спускается ко мне вниз что-то, фигурой похожее на нас, но судя по сиянию — истинный Бог. Хотя лицо его сияло чрезвычайно, сияние это было выносимо для человеческого глаза; оно внушало не страх, а какое-то наслаждение, подобного которому я нигде в свете не испытывал. Он, сама нежность, сама дружелюбность, обратился ко мне первым долгом со следующими милыми моему сердцу словами:

2. «Здравствуй, здравствуй, милый мой сын и брат!» Сказав это, он обнял меня и поцеловал. Какой-то нежащий аромат от него проник в мою душу, и я преисполнился такой невыразимой радостью, что слезы потекли из глаз моих; я даже не знал, что от-

ветить на такой неожиданный привет, и, только глубоко вздохнув, взглянул на него покорными глазами. Он, видя, что я вне себя от радости, продолжал говорить: «Где ты был, мой сын? Где ты был так долго? Куда ходил, чего искал в свете? Утешения? А где ты должен был искать его, как не в Боге? А Бога где найти, как не в храме его? А который храм Бога живого, как не тот храм живой, который он приготовил сам себе, твое собственное сердце? Смотрел я, мой сын, как ты блуждал, но дольше смотреть не хотел: привел тебя к себе тем, что увидел тебя в храме сердца твоего. Ибо здесь я выбрал дворец для своего пребывания; если хочешь жить со мной, то найдешь здесь то, чего напрасно искал в свете: покой, утешение, славу и довольство во всем. Это я обещаю, мой сын, и ты не будешь обманут, как там».

3. Услышав эти речи и поняв, что это мой Спаситель Иисус Христос, о котором я и раньше что-то поверхностно слышал в свете, я обратился к нему не так, как в свете, с боязнью и сомнением, а с полным доверием; сложив руки и подавая ему, я сказал: «Теперь я твой, господь мой Иисус Христос. Возьми меня к себе, хочу быть и оставаться твоим навеки. Говори рабу твоему и дай мне силу слушать; скажи, что хочешь, и дай мне силу любоваться; возложи на меня, что тебе угодно, и дай мне силу нести; обрати меня, к чему желаешь, и дай мне силу исполнить твое приказание; пусть я ничто, но сделай, чтобы ты сам был всем»<sup>99</sup>.

#### Г Л А В А Х Х Х I X

### Обоюдный их договор

1. «Принимаю это, мой сын, от тебя, — сказал он. — Будь в этом постоянен; будь, называйся и оставайся моим собственным. Собственно, ты был и есть мой вечно, но ты этого прежде не знал. Я давно готовил тебе то утешение, к которому тебя теперь веду, но ты этого не понимал. Вел я тебя к себе дивными путями, кругом и около; ты не понимал и не знал, что я руководитель всех избранных, ты даже не замечал около себя моих деяний, но я был с тобой везде и для того некоторое время водил тебя таким окольным путем, чтобы под конец сильнее привлечь тебя к себе. Ни свет, ни проводники твои, ни Соломон не могли тебя ничему научить, ничем не могли обогатить, ничем не могли насытить, ничем не могли успокоить желание сердца твоего, потому что в них не было того, что ты искал. Но я тебя научу всему, я тебя обогащу, я тебя насыщу.

2. Только от тебя желаю, чтобы все, что ни видел в свете, какие ни замечал усилия в житейских делах, ты перенес и обратил на

меня. Пусть это будет, доколе ты жив, твоя работа, твои занятия; а то, чего люди ищут и не находят, все это я дам тебе вдоволь: покой и радость.

3. Ты видел в семейном быту, как те, которые правятся друг другу, все покидают, чтобы только принадлежать друг другу. Ты тоже так сделай, откажись от всего и от самого себя, отдайся мне вполне, и будешь моим, и благо тебе будет. Уверю тебя, что до тех пор, пока не сделаешь этого, не достигнешь успокоения ума. Ибо все на свете, чего бы ты ни придерживался, будь то мысль или наслаждение, изменяется, кроме меня: все тебя так или иначе будет занимать и беспокоить и наконец надоест, а наслаждение, которое ты себе в том готовил, обратится в скорбь. Поэтому искренне советую тебе, мой сын, оставь все, возьми за меня и будь моим, и я буду твоим! Затворимся здесь вместе, в этой хранимой обители, и ты испытаешь более истинные наслаждения, чем можно найти в телесном супружестве. Старайся только мне нравиться, иметь меня советником, путеводителем, свидетелем и собеседником во всех своих делах, а если вздумаешь обратиться ко мне с речью, то говори: «Только я и ты, господь мой!»; о ком-нибудь третьем заботиться тебе нет нужды. Держись только меня, на меня смотри, дружески беседуй со мной, ко мне приникай, меня приветствуй и всего этого жди и от меня в свою очередь.

4. В другом быту ты видел, какими неисполнимыми работами задаются люди ради выгоды, за какие предприятия хватаются, каким опасностям подвергаются. Все эти бесполезные труды считай суетою, сознавая, что одно только нужно — милость божья. И потому оберегай единственное свое призвание, которое я поручил тебе, искренне, с верой, с упорством исполняй свою работу в тишине, поручая конец и цель всего мне.

5. Ты видел между учеными, как они стараются понять все; для тебя же пусть будет верхом мудрости изучать меня в делах моих, как дивно управляю я тобой и всем: здесь ты найдешь больше материала для наблюдений, чем они там, причем испытаешь несказанное наслаждение. Вместо всех библиотек, читать которые неодолимый труд, малая польза, часто вред, всегда усталость и тоска, даю тебе эту книжку, в которой ты найдешь все правила<sup>70</sup>. Здесь будет твоя грамматика — уяснение моих слов, диалектика — вера в них, риторика — молитва и воздыхания, физика — созерцание моих деяний, метафизика — наслаждение во мне и в вечных вещах, математика — перечисление моих добродетелей и, в противоположность им, неблагодарностей света, взвешивание и измерение их; этикой твоей будет моя любовь, которая послужит тебе руководством во всех твоих поступках по отношению ко мне и к ближнему твоему. Знания всего этого ты будешь искать не для того, чтобы быть известным среди других, но чтобы вечно приближаться

ко мне. И во всем этом чем проще, тем искуснее будешь: ибо простым сердцам воссияет свет мой.

6. Ты видел между лекарями отыскивание различных средств для сохранения и продолжения жизни. Но к чему тебе сокрушаться о том, сколько ты должен жить? Разве это в твоей власти? Не вышел ты на свет, когда хотел, так и не уйдешь из него, когда захочешь; всем управляет мое предначертание. Поэтому позаботься о том, чтобы достойно жить, а до каких пор ты должен жить — за этим буду смотреть я. Живи просто, относись искренне к моей воле, а я, по твоему желанию, буду твоим врачом; я буду жизнью твоей и долголетием дней твоих. Без меня ведь и лекарство — яд; когда же я прикажу, то и яд должен быть лекарством. Поэтому поручи мне твою жизнь и здоровье, а сам не беспокойся о них.

7. Ты видел в юриспруденции странные и запутанные дела и то, как учатся спорить на все лады о своих делах. При тебе пусть будет такое законоведение: ни в чужом, ни в своем никому не завидуй, кто что имеет, то при нем и оставляй; кто в чем-нибудь твоим нуждается, не отказывай ему; кому ты должен, тому отдавай; кому и помимо долга можешь чем-нибудь помочь, считайся должником его; ради общего спокойствия жертвуй и самим собой; если кто возьмет твою одежду, прибавь ему и последнюю рубашку; если кто станет бить тебя по щеке, подставь ему и другую. Это мои правила, и если ты будешь соблюдать их, то достигнешь покоя.

8. Ты видел, какие церемонии и споры устраивают люди при распространении религии. Твоей религией пусть будет служение мне в тишине, а не обязывание себя обрядами, ибо я не обязываю ими. И когда от души по правде будешь служить мне так, как я учу тебя, ни с кем не ссорься из-за этого, хотя бы и называли тебя лицемером, еретиком и чем угодно; в тишине обращай внимание свое только на меня и на служение мне.

9. Между начальствующими и правителями человеческих обществ ты узнал, как люди стремятся занять высшие должности и управлять другими. Ты же, мой сын, доколе жив, всегда дорожи низшим местом и желай лучше повиноваться, чем приказывать. Да ведь и легче, безопаснее и удобнее стоять за другими, чем наверху. А коли хочешь всегда управлять и приказывать, то управляй самим собой. Отдаю тебе душу и тело твои вместо царства; сколько в теле членов и в душе различных побуждений, столько будет у тебя подданных, которыми старайся управлять так, чтобы все было хорошо. А если моей предусмотрительности вздумается помимо этого еще большее поручить тебе, то иди послушно и исполняй со старанием, не ради прихоти своей, но ради моего повеления.

10. В военном быту ты видел, что в истреблении и пленении себе подобных заключается геройство. Но я тебе сообщу о других неприятелях, на которых с этой минуты и старайся доказать свой

героизм: дьявола, свет и желание собственного твоего тела; от них защищайся и, сколь возможно только, отгоняй от себя первых двух, а третьего истязай и убивай, и если все это мужественно исполнишь, обещаю тебе — достигнешь более славной короны, чем та, которую когда-либо мог бы дать тебе мир.

11. Ты видел также, чего люди ищут в замке того мнимого счастья и в чем они успевают: в имуществе, роскоши и славе. Но ты на эти вещи не обращай внимания: они не спокойствие доставляют, а беспокойство и служат дорогой к печали. Зачем заботиться об избытке имущества? Зачем желать его? Жизнь малым держится, и мое уже дело заботиться о всяком, кто мне служит. Поэтому старайся собирать внутренние свои драгоценности, прощественность и набожность, а я тебе прибавлю все другое: небо и земля по праву наследства будут принадлежать тебе, в этом будь уверен. Это тебя не будет угнетать и стеснять, как других, а, напротив, несказанно радовать.

12. Люди в свете любят искать товарищества. Ты берегись шума и люби уединенность. Товарищество ведет к грехам или каким-либо излишествам, по крайней мере к безрассудству и потере времени. Ведь ты не один, и не бойся, если б даже и один был: с тобой я и легионы моих ангелов; с нами можешь беседовать. А в случае, если б ты иногда пожелал видимого товарищества, то ищи такого, которое было бы одинаковых с тобой мыслей, чтобы ваше товарищество было взаимным укреплением себя в Боге.

13. Радость людей состоит в изобилии кваса, в еде, питье и смехе; тебе же пусть будет приятно со мной и ради меня, когда это нужно, голодать, жаждать, тосковать, терпеть раны. А если я дам тебе удовольствия, то можешь тоже веселиться, но не ради удовольствий, а ради меня и во мне.

14. Ты видел людей, жаждущих славы и почестей. Не обращай внимания на мирскую молву. Говорят ли о тебе люди доброе или худое, для тебя это не имеет никакого значения, если я доволен тобой. Когда знаешь, что нравишься мне, то не дорожи любовью людей: их любовь непостоянная, неполная и извращенная; часто любят то, что достойно ненависти, а что достойно любви, то ненавидят. Да всем и невозможно угодить: желая понравиться одному, опротивеешь другим. Итак, лучше всего сделаешь, если оставишь все и будешь смотреть на меня одного: когда мы будем друг с другом в согласии, то ни тебе, точно так же как и ни мне, человеческий язык ничего не прибавит и ничего от нас не отнимет. Не старайся быть известным многим, мой сын! Слава твоя — быть низким, чтобы мир, если это возможно, о тебе не знал; это лучше, безопаснее. Между тем мои ангелы будут о тебе знать и разговаривать, глядеть на твою служебке, рассказывать на небе и на земле о твоих поступках, когда это будет нужно; в этом будь уверен. Потом, ко-



нечно, когда придет время к исправлению всех вещей, все, предавшие себя мне, в мои руки, предстанут пред лицом всего света и ангелов в несказанной славе, сравнительно с которой слава этого света меньше, чем тень.

15. В заключение, мой сын, скажу тебе поэтому воистину: имеешь ли имущество, знание, красоту, остроту ума, людскую дружбу и все, что считается хорошим на свете, не гордись всем этим; не имеешь — не заботься, но оставь все это, будь оно у тебя или у других, таким, каким оно есть, и беседуй в сердце своем со мной вместе. Таким образом, обнажившись от всего земного, отказавшись и отрекшись от самого себя, найдешь меня, а во мне и полное спокойствие, это обещаю тебе».

16. На эту речь ответил я: «Господи, Боже мой! Начинаю понимать, что ты сам — всё; кто тебя имеет, тому легко отказаться от всего света, потому что тот в тебе имеет более, чем может желать. Теперь я уже понимаю, что заблуждался, скитаясь по свету и ища себе отдыха в сотворенных вещах. Но с этого часа я уже не желаю себе никакого наслаждения ни в чем, а только в тебе. Теперь я весь предаюсь тебе; ты сам только укрепи меня, чтобы я вновь не отклонился от тебя к сотворенным вещам, вновь позволяя себе те бессмысленности, которыми полон свет. Да хранит меня милосердие твое, на него я уповаю».

#### Г Л А В А Х L

### Путешественник словно преобразился

1. Когда я говорил это, во мне становилось все светлее и светлее, и заметил я, что те картины, которые раньше казались потертыми и изломанными, снова начали делаться не только целыми, прекрасными и блестящими, но начали и двигаться перед моими глазами. Ранее разбросанные и поломанные колеса соединились, и из них образовался какой-то совершенный механизм вроде часов, изображающий бег мира и дивное божье управление. Исправились также и лесенки и поставились кверху, к тому окну, которое пропускало небесный свет; как я понял, оттуда можно было взирать на все. Крылья, которые сначала казались мне с повыверганными перьями, получили новое, большее оперение. Тот, который говорил со мной, Господь мой, взяв их, прикрепил ко мне и сказал: «Сын мой, я обитаю в двух местах: на небе, во славе своей, и на земле, в сердце смиренном. Хочу, чтобы и ты с этого времени имел две обители: одну здесь, в сердце твоём, где я обещал быть с тобой, другую на небе, у меня; для того чтобы ты мог возноситься туда, даю тебе эти

крылья, которые суть стремление к вечным благам и молитва <sup>71</sup>; тебе возможно будет, когда захочешь, улететь ко мне, и таким образом со мной будешь, как и я с тобой, делить радости».

#### ГЛАВА XLІ

### Путешественник отослан в невидимую церковь <sup>72</sup>

1. «Между тем, ради укрепления тебя в этом и для истинного уразумения той радости, с которой я теперь призвал тебя, отсылаю тебя к другим моим слугам, которые прежде оставили свет и отдались мне, — дабы ты увидел их образ жизни». — «А где они живут, Господь мой? — спросил я. — Где их искать?» — «Они рассеяны по свету, но свет их не знает. Для того чтобы ты мог узнать их, — поскольку до тех пор, пока я не возьму тебя, ты находишься еще в свете, — я вместо очков и узды, которые надеты были раньше на тебя, наложу на тебя ярмо (которое называется послушанием): ни за кем не следовать, кроме меня. Даю еще тебе впридачу эти очки; сквозь них, если только захочешь, лучше заметишь мирскую суету и будешь иметь возможность увидеть радость избранных моих. (Внешний ободок этих очков было слово Божье, внутреннее стекло — Дух святой.) Теперь иди, — сказал он, — иди в то место, которое ты первый раз оставил, и увидишь такие вещи, каких бы ты не увидел без помощи этих очков».

2. Вспомнив, где это было, я встал и пошел с желанием и торопливо, так что не замечал даже происходящего вокруг меня шума. И вошел я в храм, который назывался христианством, и, увидав в самой внутренней стороне его, которая называется престолом, занавес или покрывало, пошел прямо туда, не обращая никакого внимания на секты, спорящие по ту и другую сторону. Здесь я в первый раз понял, что это за уголок, называемый *graxis christianismi*, т. е. истинной христианства <sup>73</sup>. Завеса была двойная: внешняя, которую сверху можно было видеть, была темного цвета и называлась *contemptus mundi* — пренебрежение светом; другая, внутренняя, была светлая и называлась *amor Christi* — любовь ко Христу. Видел я, что этими двумя завесами оберегается это место и отделяется от других, но внутренности нельзя было снаружи видеть. Кто входил за эту завесу, тотчас становился иным, нежели остальные люди, полным блаженства, радости и покоя.

3. Стоя еще вне ее и озираясь, я увидел дивную и достойную ужаса вещь: много тысяч людей постоянно ходят около этого святилища, но в него не заходят; потому ли, что они не видали его или просто пренебрегали, или по внешности оно им казалось дур-

ным, — не знаю. Видел я, что около него ходят и знатоки Священного писания, и священники, и епископы, и многие другие высокого мнения о своей святости; некоторые даже заглядывали туда, но не входили внутрь; этого мне было жаль. Я видел, что когда иной подходил ближе, то через щель блеснул светлый луч или слышался аромат, который привлекал к себе, но тот не хотел только поискать, как попасть туда. Некоторые начали искать двери, но, оглядываясь назад, когда поражал их снова блеск света, возвращались обратно.

4. Самую настоящую причину, почему туда попадали так редко, я увидел тогда, когда подошел к дверям завесы, а именно: очень строгий экзамен, который приходилось здесь держать. Кто хотел попасть туда, тот должен был покинуть все свое имущество, и глаза, и уши, и разум, и сердце свое, потому что, говорили, кто перед Богом хочет быть мудрым, тот в сердце своем должен считать себя глупым; кто хочет знать Бога, тот должен забыть все другое; кто хочет иметь Бога, тот должен оставить все остальное. Поэтому-то некоторые, не желая отказаться от своего имущества и знания, уверяли, что это необходимо для неба, и оставались снаружи, а вовнутрь не входили. Кого же впускали, у тех не только осматривали платье, чтобы в них не скрывалось что-нибудь завернутое из светских пустяков, но (что в другом месте было бы необычайно) разбирали и самые внутренности, голову и сердце, дабы ничто нечистое не осквернило божье обиталище. Хотя это было не без боли, но небесное лекарство так удачно действовало, что скорее увеличивало жизнь, чем уменьшало. Вместо крови, которая через это прокалывание и резание выцеживалась, зажигался в членах какой-то огонь, который преобразовывал человека в другого, так что каждый из подобных людей сам себе удивлялся, что до сих пор затруднял себя таким бесполезным бременем, принимая на себя то, что свет называет мудростью, славой, весельем, богатством (тогда как на самом деле они не что иное, как тягость). Тут я увидел, как хромы поскакали, заики стали ораторствовать, глухие пристыживали философов, ничего не имущие говорили, что все имеют.

5. Наглядевшись на это здесь у дверей, вошел я дальше за эту завесу и, смотря на их дела (сначала вообще, потом на некоторые из их призваний), смотря с невыразимой радостью, я увидел, что все здесь противоположно тому, как на свете. В мире видел я слепоту и мрак, а здесь ясное сияние; в мире много беспорядка, здесь самый прекрасный порядок; и мире труждение, здесь покой; в мире заботы и скорбь, здесь радость; в мире недостаток, здесь изобилие; в мире рабство и неволя, здесь свобода; в мире все неудобно исполнимо и тяжело, здесь все легко; в мире везде несчастные случаи, здесь одна безопасность. Все это я расскажу немного подробнее.

## ГЛАВА XLII

## Свет внутренних христиан

1. Мир и кто в нем блуждает руководствуются почти только пред-  
рассудком, одни держатся за других в своих действиях, делают все  
ощупью, как слепые, то здесь, то там задевают и сталкиваются.  
Но для этих христиан светит ясный двойной внутренний свет —  
свет разума и свет веры, которыми обыкновенно управляет Дух  
святой.

2. Хотя входящие в святилище и должны отказываться от ра-  
зума, но Дух святой возвращает его, и притом возвращает очищен-  
ным и вылощенным, так что они похожи на всевидящее око; куда  
бы они в свете ни пошли, что бы они над собой, под собой, вокруг  
себя ни видели, ни слышали, ни обоняли, ни вкушали, всюду они  
видят божии следы и во всем прекрасно умеют действовать во стра-  
хе божием. Благодаря этому они мудрее всех философов света,  
которых Бог по своему справедливому приговору ослепляет, что-  
бы они, воображающие, что все знают, ничего не знали и не умели  
давать себе отчета ни в том, что имеют и чего не имеют, ни в том,  
что делают, ни в том, что должны делать, но не делают, ни в том,  
куда и к какой цели идут и дойдут ли. Их знание основывается  
только на шелухе, т. е. на внешнем поверхностном наблюдении;  
к внутреннему ядру, которое есть повсюду разлитая божья слава,  
они не проникают. Но христианин во всем, что видит, слышит,  
ощущает, обоняет, вкушает, — видит Бога, слышит его, ощущает,  
обоняет, вкушает, будучи всюду уверен, что это не предположение  
только, но истинная правда.

3. Конечно, ему ясно светит свет веры, дабы он видел и знал не  
только то, что видит и слышит и что находится при нем, но и все  
невидимое и отсутствующее. В слове своем Бог изобразил и то,  
что над небесами, в высоте и под землей, в пропасти, и то, что было  
раньше мира и что будет после мира. Этому христианин верит так,  
как если бы все это было у него в действительности перед глазами.  
Мир не может в это проникнуть. Мир не признает ничего, кроме рук  
и глаз, и доверяет только тому, что держит в горсти; христианин  
же так смело полагается на невидимое, отсутствующее и будущее,  
что ради этого чувствует отвращение к настоящему. Мир ничего  
не желает, кроме доказательств; христианин довольствуется про-  
стыми словами божьими. Мир ищет обязательств, залогов, поруки,  
печатей; христианин ручательством за все безопасности ставит  
саму веру. Мир различно за собой подсматривает, испытывает,  
проверяет, исследует; христианин полагается во всем на божью  
правду. Итак, в то время как мир всегда имеет, на чем споткнуться,  
в чем сомневаться, о чем поразмыслить, быть в нерешительности,  
христианин всегда имеет, чему всецело верить, что слушать, чему

поклоняться, потому что ему светит свет веры, чтобы он видел и знал все, что неизменно и что иначе быть не может, хотя бы светом собственного разума он и не постигал всего.

4. Осмотревшись здесь при свете веры, я увидел вещи более удивительные, чем могу вымолвить. Расскажу, по крайней мере, хоть что-нибудь. Видел я пред собой здешний мир, словно какой-то преогромный часовой механизм, составленный из разных видимых и невидимых материй, стеклянный, весь прозрачный и хрупкий, имеющий не тысячу, но тысячу тысяч больших и поменьше валиков, колес, крючков, зубцов и зарубок; все это управлялось, двигалось одно чрез другое, одно неслышно, а другое то с шелестом, то с грохотом. Посреди всего этого стояло главное невидимое колесо, от которого и происходило каким-то непонятным образом все это движение. Ибо сила этого колеса распространялась на все и управляла всем. Хотя вполне постигнуть, как это получалось, для меня было невозможно, но было явно и очевидно, что все это происходило на самом деле. Мне показалось странным и необычайно приятным то обстоятельство, что, хотя все эти колеса постоянно сокращались и исчезали, даже зубцы, зарубки, главные колеса выпадали и вывертывались, тем не менее общий бег никогда не прекращался, потому что все это каким-то дивным способом высшего таинственного управления пополнялось, замещалось и снова обновлялось.

5. Расскажу яснее. Видел я славу божию, как его могуществом и божеством полны небеса, земля, бездна и все, что можно мыслить вне света, даже до бесконечных пределов вечности. Видел я, говорю, как всемогущество его проявлялось повсюду, ибо оно служило основанием всему; видел я, что все, что бы ни происходило во всех широтах этого света, в самых крупных и самых мелких вещах, — все делается только по его воле.

6. Скажу, например, в особенности о людях: я видел, что положительно все, и добрые и злые, живы только в Боге и Богом движутся и существуют; каждое их движение, каждый вздох только от Бога и производится его могуществом. Видел я, как семь очей его, каждое в тысячу раз яснее солнца, проникают всю землю, видят все, что делается при свете и во тьме, явно и тайно, в самых глубоких местах, и постоянно глядят всем людям в сердце. Милосердие его распространяется на все его деяния, но более дивным образом там, где касается это людей. Я понял, как он их всех любит, желает им добра, грешников терпит, виноватых прощает, блудников призывает, возвращающихся принимает, медлящих ждет, сопротивляющимся дает время, кающихся прощает, покоряющимся обнимает, неумелых учит, печальных утешает, перед падением оберегает, после падения поднимает, просящим дает, не просящим сам уделает, стучащим отворяет, к не стучащим сам стучится, ищущим помогает найти, к не ищущим сам идет на глаза.

7. С другой стороны, я видел грозную и страшную ярость к строптивым и неблагодарным, как он с гневом преследует их, всюду, куда бы они ни повернулись, настаивает их своей опалой, так что уйти от рук его невозможно, а попасть в них невыносимо. Словом, здесь все преданные Богу видят, как гроза и величие божие владычествуют надо всем, и по его только воле совершаются все дела, и большие и малые.

#### Г Л А В А XLIII

### Свобода преданных Богу сердец

1. Отсюда к ним приходит то, чего все мудрейшие напрасно ищут в мирских делах: именно полная свобода ума, независимость ни от кого, кроме Бога, неподчиненность никому и необязанность делать что бы то ни было против своей воли. В свете я видел повсюду полную неизвестность. У каждого дела шли иначе, чем он хотел, и, будучи побуждаем к насилию своей собственной волей или волей других, каждый всегда боролся сам с собой или с другими. Здесь все тихо, ибо каждый из них, отдавшись всецело Богу, не обращает ни на что другое внимания и никого не признает высшим над собой, кроме Бога. Поэтому приказаний света они не слушали, обещаниями его пренебрегали, над угрозами его смеялись, считая все внешнее дурным, потому что они уверены в своем внутреннем благе.

2. Причиной этому то, что христианин, в других случаях открытый, сговорчивый, услужливый, в правах сердца своего не уступчив. Поэтому он ничем себя не обязывает, ни друзьями, ни приятелями, ни господином, ни королем, ни женой, ни детьми, ни самим собой даже, чтобы ради них ничего не могло измениться в его решении и чтоб не выйти из-под страха божия, но чтобы идти повсюду прямым путем. Что бы свет ни делал, ни рассказывал, ни просил, ни советовал, к чему бы ни принуждал, христианин не позволит склонить себя ни в какую сторону.

3. Так как мир весь навыворот и вместо правды ловит тень, то и свободу в нем видят в том, чтобы свободный никому ничего не одолжал, будь это из лени, гордости или пристрастия. Но христианин далеко не так поступает: оградив только сердце свое, чтобы в своей свободе оно жило сообразно воле божией, все остальное он обращает на нужды ближних. Видел и узнал я, что нет никого более подчиненного, скажу даже — более близкого к рабству, как человек, преданный Богу, который не стыдится взяться за самую ничтожную службу, за которую, опоенный миром, он не решился бы взяться. Когда только он видит, что можно помочь ближ-

нему, он нисколько не колеблется, ничего не откладывает, ничего не жалеет, исполняемую службу ничуть не преувеличивает, не морщится, не отказывается; видит ли он себе за это благодарность или неблагодарность, все равно, служит с покорностью и весело.

4. О, благословенно рабство сынов божиих, в сравнении с которым ничего более свободного не может быть выдуманно, в котором человек подчиняется самому Богу, чтобы в другом отношении везде быть свободным. О, несчастная свобода света, в сравнении с которой не может быть ничего более рабского, в которой человек, пренебрегая самим Богом, жалким образом подчиняется другим вещам или из-за имущества служит тем созданиям, над которыми должен был бы владычествовать, и противится Богу, которого должен был бы слушать. О, смертные! Хотя бы вы поняли, что один, и только один высший над нами Господь, учитель наш и будущий судья, который, имея власть, повелевает нами, повелевает не как рабами, но как детей призывает к послушанию, желая, чтобы мы, если будем слушаться, были свободны и ничем не связаны. По истине служить Христу значит царствовать. Ибо быть подданным божьим — большая слава, чем быть монархом всего мира; а что будет, если сделаться другом и дитятей божьим?

#### Г Л А В А XLIV

### Порядок внутренних христиан

1. Господь Бог хочет иметь детей своих свободными, но не своевольными; поэтому особенными уставами он оградил их лучше и совершеннее, нежели в свете, где я не мог заметить ничего подобного. Я видел, что в свете везде много беспорядка, отчасти потому, что и не имеют никакого истинного порядка, отчасти потому, что, имея, не ценят его. Но эти христиане, живущие за завесой, и имеют прекрасный порядок, и соблюдают его. Наверное, у них данные самим Богом правила, полные справедливости, которыми предписывается: 1) чтобы каждый, преданный Богу, его только, единого Бога, имел и знал; 2) чтобы ему служил в духе и правде, не приписывая ему, однако, никакого зримого облика; 3) чтобы пользовался языком своим не к оскорблению, но к прославлению достойного имени его; 4) чтобы праздничные дни, назначенные для службы ему, не тратил ни на что другое, как на внутреннюю и внешнюю службу ему; 5) чтобы пребывал в подчинении родителям и другим, назначенным от Бога; 6) чтобы не вредил жизни ближнего; 7) чтобы оберегал чистоту своего тела; 8) чтобы не присваивал себе чужого; 9) чтобы избегал лжи и вероломства; 10) и, наконец, чтобы сдерживал свою мысль и порывы своей воли в границах.

2. Сущность всего этого та, чтобы каждый любил Бога сильнее всего, что только можно поименовать, и ближнему доброжелательствовал так же искренне, как самому себе. Это из двух слов состоящее извлечение правил божиих, как слышал я, очень хвалили, да и сам я нашел и испытал, что оно не только стóбит всех бесчисленных законов, прав и учреждений светских, но в тысячу раз совершеннее их.

3. Кто истинно, от всего сердца любит Бога, тому не нужно указывать, когда, где и сколько раз он должен служить Богу, кланяться и почитать его, потому что уже само сердечное слияние это с Богом и готовность к послушанию — лучшая для него почесть и ведет человека к тому, чтобы он всегда и везде хвалил Бога и во всех поступках видел славу его. Кто любит ближнему, как самого себя, тот не нуждается ни в каких обширных указаниях, где, когда и в чем должен он щадить ближнего, в чем не вредить ему, в чем воздавать ему должное; сама любовь, конечно, укажет и вполне докажет, как нужно относиться к ближнему. Признак злого человека — везде искать закона и на бумаге написанного правила, как поступать, тогда как перст божий в сердце нашем указывает, что мы обязаны делать для ближнего то, чего и себе желаем. Но так как на эти внутренние свидетельства собственной совести свет не обращает внимания и соблюдает только внешние обряды, то отсюда и вытекает, что нет на свете настоящего порядка, а только подозрение, недоверие, недоразумение, злоба, препирательство, зависть, ненависть, воровство, убийство. Преданные Богу обращают внимание единственно на свою совесть; что она запрещает им, на то не идут, на что указывает, что должно делать, то делают, несмотря ни на корысть, ни на дружбу, ни на что бы то ни было.

4. Отсюда вытекает какая-то однородность и сходство всех их между собой, как будто все они были отлиты в одной форме, все одно и то же думают, одному и тому же верят, одного и того же желают и не желают, потому что научены они от одного и того же духа. И удивительно, что люди (это я с удовольствием здесь заметил), которые никогда не видали и не слышали друг друга и, может быть, отдалены друг от друга на протяжении целого мира, одно и то же говорят, одно и то же видят, одно и то же чувствуют, как будто один у другого был перед глазами или как будто один сидел рядом с другим. Хотя разница в дарованиях их так же велика, как различные струны в музыкальном инструменте или как различный высокий и низкий звук флейты, тем не менее приятна в их согласии общая гармония. Это — доказательство христианского единства, предвкушение вечности, когда все будет исполнено единого Духа.

5. Из единомыслия вытекает единство чувства, так что с одним радующимся радуются все, а со скорбящим скорбят все. В свете



заметил я презлое явление, которое не раз печалило меня: когда одному не везло, другие радовались тому; когда один заблуждался, другие смеялись; когда кто терпел убыток, другие в этом искали себе выгоды; ради выгоды, удовольствия, развлечения доводили ближнего своего до падения и убытка. Между христианами я нашел иное: каждый так же заботливо и усердно отстранял от ближнего несчастье, как и от самого себя, а если не мог отклонить, то скорбел не меньше, чем если бы это касалось лично его; да оно и касалось его, потому что все они были одно сердце и одна душа. Как в компасе железные стрелки, будучи натерты магнитом, поворачиваются к одной и той же стороне света, так и сердца христиан, проникнутые духом любви, обращаются в одну и ту же сторону: в счастье — к радости, в несчастье — к печали. И здесь я познал, что те, которые усердно занимаются своими делами, а ближних не замечают, суть ложные христиане; они усердно отвращаются от тех, на кого легла божья рука, и, ограждая лишь свое гнездо, оставляют других на ветре и дожде. Здесь иначе. Когда один страдал, другие не плясали; когда один голодал, другие не пировали; когда один стоял в бою, другие не спали — все делалось сообща, так что радостно было смотреть.

6. Относительно имущества я заметил, что это были по большей части бедняки, мало имеющие и не дорожащие тем, что свет называет имуществом. Тем не менее почти каждый всюду имел что-нибудь собственное, только он не скрывался с этим и не уединялся от других (как это случается в свете), но имел как будто для общего употребления, охотно и с готовностью пособляя и одоляя, когда кому было нужно. Все делились между собой имуществом своим, как будто столовались за одним столом с общей посудой, которой пользуются сообща с равным правом. Видя это, я устыдился, что у нас часто случается наоборот: одни свои дома, насколько могут, наполняют и переполняют посудой, платьем, провизией, золотом и серебром, другие же, будучи не менее слугами божьими, едва имеют чем прикрыться и на что существовать. Я понял, что это — божья воля, а принадлежность и обычай извращенного света, чтобы одни ходили разодетыми, в дорогих камнях, другие — нагими, чтобы одни рыгали от пресыщения, другие зевали от голода, чтобы одни с трудом зарабатывали деньги, другие попусту растрачивали их, чтобы одни развлекали себя, а другие плакали. Вследствие этого появляется у одних гордость, пренебрежение к людям, у других — жестокость, а у третьих — зависть и другие пороки. Здесь нет ничего подобного: у всех все общее и одна душа.

7. Отсюда вытекает их общая семейственность, открытость и святое товарищество, так что все между собой, как бы ни были различны по дарованиям и призванию, считаются братьями. Ибо они говорят, что все мы произошли от одной крови: одной кровью

искуплены и омыты, одного отца дети, одним столом пользуемся, одного наследства на небесах ожидаем. Никто не имеет больше другого, кроме вещей случайных. Поэтому одни других предупредили учтивостью и приветливостью и охотно служили друг другу и каждый пользовался своим местом для назидания других. Кто мог посоветовать — советовал, кто обладал знанием — учил, кто владел силой — защищал других, кто имел власть — держал все в порядке. Случилось ли кому заблуждаться в чем-нибудь, другие поправляли его, согрешил ли кто, наказывали его, и каждый охотно позволял делать ему наставления и наказывать, готовый все исправить по указанию и даже отдать тело свое, если бы ему доказано было, что оно уже ему не принадлежит.

#### Г Л А В А XLV

### Для сердечно преданных Богу все легко и возможно

1. Им не только не казалось горьким находиться в таком положении, но это было их удовольствием, услада, тогда как в свете каждый ненавидит всякую тяготу, которой не в силах избежать. Поистине Бог, взяв у них каменные сердца, вложил им в тело телесные, гибкие и склонные к исполнению воли божией. Хотя дьявол лживыми внушениями, мир злыми примерами, тело — врожденной своей медлительностью к добру причиняют немало всяческих затруднений, они нисколько этим не смущаются, прогоняют дьявола стрельбой молитв; перед соблазнами мира, закрываясь щитом постоянства в намерениях, тело наказывая кнутом научения, принуждая его к послушанию, исполняют свое дело весело, и пребывающий в них дух Христов придает им силы, чтобы они не нуждались ни в хотении, ни в действительном достижении совершенства, какое возможно на земле. Здесь я убедился, что служить всем сердцем Богу не труд, но удовольствие; я понял, что те, которые оправдываются слишком, что они слабые люди, не понимают силы и необходимости нового рождения, а может быть, и не достигли его даже. Должны они поразмыслить об этом. Не видел я, чтобы кто-нибудь из них ссылкой на потребности тела выслуживал себе прощение грехов или слабостью характера оправдывал злой поступок. Но если кто отдал все сердце Тому, кто его сотворил, искупил и освятил, как храм, то за сердцем его уже другие члены свободно мало-помалу склоняются туда, куда хочет Бог. О христианин, кто бы ни был, освободись от оков тела; исследуй, испытай и познай, что преграды, которые мы мысленно рисуем

себе, меньше, нежели могли бы противостоять твоей воле, если только она искренна.

2. При этом я видел, что не только поступать по воле божией, но и претерпеть определенное Богом — возможно. Немало христиан, терпя от мира издевательства, оскорбления и преследования, плакали от радости и, поднимая к небу руки, хвалили Бога за то, что он сделал их достойными также претерпеть ради Имени его и не только верить в Распятого, но и самим быть также распятыми в честь его. Другие, с которыми этого не случалось, завидовали им святой завистью, боясь без казни гнева божьего и без крестной смерти отлучения от Христа; поэтому они целовали первый попавшийся им на глаза и бич, и жезл божий, и крест.

3. Все это происходит оттого, что они отдались Богу всей своей волей так, чтобы не делать ничего другого, не желать быть ничем, кроме как Бог хочет. Они уверены, что все, с чем бы они ни встретились, происходит от Бога, от его промысла. И для таких людей не может случиться ничего неожиданного, потому что они считают благодеянием божьим раны, темницы, муки и смерть. Живется ли им хорошо или дурно, им все равно, разве только первое считается более сомнительным, второе — более надежным; они наслаждаются своими неудобствами, ранами и язвами и гордятся ими. Одним словом, они так укреплены в Боге, что если не страдают, им кажется, что они бездействуют и теряют время. Но сдерживай свою руку против них, кто может! Ибо с чем большим желанием подставляют они спину, тем страшнее бить их; чем более они похожи на сумасшедших, тем опаснее смеяться над ними. Они истине принадлежат не себе, а Богу; что причиняется им, все то Бог принимает себе.

#### Г Л А В А XLVI

### Святые имеют изобилие всего

1. Свет полон заботливых Марф, которые бегают, спешат, запыхавшись, сбегаются со всех сторон, но никогда не имеют недостатка. Внутренние христиане имеют другой характер. Довольный спокойствием и своей долей, каждый сидит у ног Господа своего. За лучшее богатство считает он находящуюся при нем благодать божью, единственно которой он тешится. Внешние вещи, которые мир называет имуществом, они считают скорее обязательством, чем выгодой, которой пользуются только ради потребностей жизни; говорю — ради потребностей, потому что сколько бы ни уделил им Господь Бог, мало ли, много ли, — каждый считает себя имеющим довольно; веруют, конечно, всецело и полагаются они

на то, что они под божьим попечением, и потому считают неприличным желать себе чего-то большего, кроме божьего.

2. Странную вещь я видел здесь: одни имели вдоволь имущества, серебра, золота, корон, скипетров (ибо и таких Господь Бог имеет между своими), другие почти ничего, кроме обнаженного наполовину и иссохшего от голода и жажды тела; но первые говорили, что они ничего не имеют, вторые — что имеют все; притом и те и другие были одинаково добрых помыслов. Тут я понял, что в действительности богат и ни в чем не нуждается тот, кто умеет остановиться на том, что имеет; кому много ли денег, мало ли, совсем ли нет их, большой ли, малый ли домик или нет его, роскошная ли, бедная ли одежда или никакой, много ли, мало ли приятелей или ни одного, высокое ли, низкое ли место или никакого, должность ли, честь ли, — словом, быть ли чем-нибудь или ничем, все это для него одно и то же; он верит, что все хорошо и даже лучше, чем он сам понимает, если Бог хочет, ведет и сажает его, чтобы так, а не иначе он шел, стоял, сидел.

3. О благословенное и желанное изобилие! Как счастливы те, кто так богат! Хотя некоторые из них в глазах света были жалкими и мизерными, на самом деле они в тысячу раз лучше обеспечены, чем другие богачи мира, даже со стороны обыденных вещей. Первые сами себе попечители и со своим имуществом подвержены тысяче случайностей: огонь, вода, ржа, воры лишают их этого; последние же имеют охраной Бога, всегда имеют у него живой склад для своих нужд; он ежедневно кормит их из своей житницы, одевает из своих сундуков и выдает из казны своей на расход. Он делает все это если не в полном избытке, то всегда по мере нужды, если не по их разуму, то по своему провидению, на которое они полагаются в тысячу раз охотнее, чем на свой разум.

#### Г Л А В А XLVII

### Беззаботность преданных Богу людей

1. Хотя в мире ничто не кажется таким беззащитным и подверженным разным опасностям, как собрание благочестивых, на которых скаречно смотрят и дьявол, и мир, которых колотят и бьют, но я видел их хорошо охраненными, ибо и самая община их явно была окружена огненной стеной, которая, как я заметил, подходя к ней, двигается; она была не что иное, как много тысяч тысяч кружившихся вокруг ангелов, из-за которых никакому неприятелю нельзя было даже подойти. Кроме того, каждый имел Богом приставленного и назначенного ангела хранителя, который наблюдал за ним, оборонял и защищал его перед опасностями, западными,

ямами, засадами, ловушками и всевозможными напастьми. Они поистине (это я видел и в этом убедился) любят людей, как своих братьев, видя их за обязанностями, для которых они созданы Богом; людям они любят служить, стерегут их перед лицом дьявола, злыми людьми и несчастными случайностями, нося их, где это нужно, на руках, оберегают от вреда. Тут я понял, сколь многое зависит от благочестия, потому что эти прекрасные и чистые духи держатся только там, где чувствуют запах нравственности, а смрад грехов и нечистоты отгоняет их.

2. Видел я также (чего не следует таить) и другую пользу того святого невидимого товарищества, а именно: что они не только охранители, но и учителя для избранных, которым дают часто тайные извещения о тех или других вещах и учат глубоким скрытым таинствам Божиим. Так как они всегда глядят на лик всеведущего Бога, то для них ничего не может быть скрытым из всех вещей, которых может желать благочестивый человек; что сами они знают и что относится к нуждам избранных людей, они объявляют им с Божьего позволения. Вследствие этого сердце благочестивых часто чувствует то, что происходит в другом месте, находится в грустном настроении духа в несчастных случаях, а в утешительных случаях — в веселом. Отсюда происходит то, что посредством снов, или других видений, или тайных внушений у них рисуется в воображении то или другое событие прошлого или будущего. Отсюда и другие увеличения в нас даров Божиих — быстрое, плодотворное мышление, разные удивительные открытия, которыми человек превосходит себя самого, сам не зная, откуда это к нему идет. О благословенная школа сынов Божиих! Это и приводит часто в ужас всю светскую мудрость, когда видят, как простой какой-нибудь человек рассказывает о дивных таинствах, предсказывает будущие перемены мира и церкви так, как будто бы на них глядел, называет по имени еще не родившихся на свет королей и государей мира и предопределяет и объявляет другие события, до которых нельзя было додуматься ни каким бы то ни было исследованием звезд, ни человеческим остроумием. Все эти вещи таковы, что мы не можем за них достойно отблагодарить Бога, своего хранителя, и достойно любить своих учителей. Но вернемся к безопасности благочестивых.

3. Я видел, что каждый из них огражден был не только ангельской охраной, но и славным присутствием Божиим, так что от них был страх тем, которые вопреки воле Божией хотели дотронуться до них. На некоторых я видел чудеса: их бросали в воду, в огонь, львам и диким зверям на съедение, тем не менее ни одна рана не причиняла им никакого вреда. На некоторых постыдно нападали людская ярость, толпа тиранов и палачей со множеством других гонителей обступала их, так что иногда могущественные

короли и целые королевства до изнеможения напрягали свои силы, желая извести их, но им это было ни о чем: стояли или ходили, глядя весело на свое призвание. Для меня тогда стало ясно, что значит иметь Бога щитом своим. Когда Бог поручает слугам своим совершение известных дел и они мужественно выполняют их, тогда он, пребывая в них и вокруг них, бережет их, как зеницу ока, дабы они могли пасть не раньше, как по выполнении того, для чего они были посланы в мир.

4. Это они сознают и весело полагаются на эту божью охрану. Слышал я, что некоторые из них хвалятся, что не боятся самой смерти, хотя бы тысячи тысяч восстали на них, хотя бы бушевал весь смерч, хотя бы земля низверглась в середину моря, хотя бы этот свет наполнился дьяволами и т. д. О счастливейшая, неслыханная в свете обеспеченность, когда человек, так закрытый и охраняемый десницей божьей, изъят из-под власти всех других вещей! Так пойдем же все, искренние служители Христа, что имеем бдительнейшего стража, хранителя и защитника, самого всемогущего Бога,— и благо будет нам.

#### Г Л А В А XLVIII

### Благочестивые имеют покой повсюду

1. Тогда как в свете я заметил везде, во всех сословиях, много шатания, печали, забот, ужасов, страхов, здесь у всех, преданных Богу, я нашел много спокойствия и твердости духа. Бога они не пугаются, хорошо зная его ласковое к ним сердце; в себе не находят ничего такого, что их печалило бы, так как не имеют недостатка ни в чем добром, как уже сказано; а от вещей, стоящих вокруг них, не испытывают неудобств, так как не обращают на них внимания.

2. Правда, что злой мир не дает им покоя и, что может, делает наперекор, выставляет на смех, дергает, рвет, бросает в них, плюет, сбивает с ног; вообще делает все, что только можно придумать худшего, как я тому много видел примеров. Но я познал, что это делается по попущению всевышнего Господа, и те, которые хотят здесь хорошо жить, должны носить колпак и бубенцы, ведь в свете есть обычай считать простым безумием то, что у Бога считается мудростью. Многие с благороднейшими дарованиями божьими подвергались пренебрежению и насмешкам, и часто даже от своих родных; я говорю, что это случается, однако я же видел, что они ничего этого не боятся, но находят наслаждение в том, что мир, как бы от зловония, зажимает перед ними нос, как бы от гадости отвращает от них глаза, пренебрегает ими, как сумасшедши-

ми, казнят, как злодеев, ибо они избрали своим девизом, по которому узнают друг друга, что они Христовы, — «не нравиться миру», и тот, кто не умеет весело переносить несправедливостей, по их словам, не имеет вполне духа Христова; этим подкрепляли одни других. Говорили тоже, что, если свет своим родным точно так же не прощает, своих родных терзает, обманывает, грабит, мучит, так пусть и нам то же делает. Если мы не можем быть свободными от этих мучений, то хотим переносить их здесь, где бы мы могли быть вознаграждены щедрой добротой божией за причиненный нам миром вред; таким образом смех его, ненависть, несправедливости и обиды превратятся в пользу.

3. Что мир называет счастьем и несчастьем, богатством и бедностью, честностью и бесчестьем, эти истинные христиане не знают, мало того, о таком подразделении имен и слышать не хотят, говоря, что все хорошо, счастливо и полезно, что все приходит от рук божиих. Поэтому они ничем не печалются, ни в чем не колеблются и не увертываются ни от чего: прикажешь ли ему господствовать или служить, повелевать или повиноваться, учить других или самому учиться, иметь изобилие всего или терпеть нужду — ему все равно, с одинаковым лицом пойдет он всюду, заботясь только о том, чтобы нравиться Господу Богу. Они говорят, что мир не столь грозен, чтобы его бояться, и не так дорог, чтобы нельзя было его забыть. Поэтому они не печалются ни желанием чего-либо, ни лишением. Ударили его в правую щеку, он спокойно подставляет и другую; хочет ли кто с ним столковаться о верхней одежде, он оставляет ему и рубашку, полагаясь во всем на Бога, свидетеля и судью, и будучи уверен, что эти дела в свое время дождутся нового и справедливого рассмотрения.

4. Греховной суете света божий человек не дает себя вывести из спокойствия ума. Многие вещи ему совсем не нравятся, но он из-за этого не упрекает себя, не мучится. Пусть идет позади то, что не хочет идти прямо; пусть падает, что не хочет стоять, пусть гибнет то, что не хочет или не может существовать. Почему бы христианин, который имеет совесть в порядке и в сердце милость божию, мучился бы из-за них? Если люди не хотят приспособляться к нашим обычаям, то мы приспособляемся к их обычаям, насколько позволяет совесть. Мир идет от худого к худшему, это правда, но разве мы поправим его своей печалью?

5. Ссорятся ли, тяжутся ли сильные мира из-за короны или скипетра, из-за которых возникают кровопролитие и гибель государств и земель, просвещенный христианин об этом не сокрушается, так рассуждая, что или мало, или даже совсем не имеет значения обладание миром. Как мир, если бы сам сатана держал скипетр его, не сгубит церковь, так, с другой стороны, если бы и ангел сидел с короной над ним, все равно мир не перестанет

быть миром, а те, которые хотят быть истинно благочестивыми, должны всегда иметь крест и страдание. Поэтому для них безразлично, кто сидит на троне мира; разве что если благочестивый сидит на троне, то к толпе благочестивых примешивается много льстецов и ханжей, и этой примесью охлаждается благочестие первых, тогда как во время открытого преследования они поистине благочестивы и с полным усердием служат Богу. Особенно если принять во внимание, что многие в таких случаях прикрываются маской общественного добра, религии, честности, свободы, тогда как если бы взглянуть, каковы они на самом деле, то оказалось бы, что не для Христа, а для себя они ищут королевства, свободы и славы. Поэтому человек-христианин оставляет все это идти, как оно идет или может идти, в сердце своем будучи доволен и Богом и милостью его.

6. Преследования, окружающие церковь, не беспокоят просветленной души. Знает она наверное, что под конец ожидает ее триумф, который не может быть без победы, как ни победа — без боя, ни бой — без неприятелей и трудного с ними сражения. Они храбро переносят все, что случается с ними или с другими, будучи уверены, что есть божия победа, что Бог, как наметит, туда и поведет дело, хотя бы ему становились на пути скалы, горы, пустыни, моря, пропасти: под конец все должно уступить. Знают также, что неприятель этим возмущением против Бога должен только содействовать увеличению славы божией. И если бы это дело, начатое ради славы божией, не имело никакого отпора, то враги думали бы, что оно начато людьми и преисполнено человеческой силой; а так, чем яростнее свет со своими дьяволами произведет сопротивление, тем яснее выделяется могущество божие.

7. Наконец, хотя бы и пришлось такие случаи, как я видел тому пример, которые бы причиняли христианину печаль в сердце, все же печаль эта не может долго продолжаться, быстро расплывается, как тучка под солнцем. А происходит это благодаря двум средствам. Первое — воспоминание о радостной вечности, которая стоит за здешними бесчинствами и которая ожидает их; ведь то, что происходит в мире, временно; появившись, оно уходит, теряется, исчезает, а потому, как не следует ничего в нем желать, так не следует ни из-за чего печалиться, потому что все минутная тень. Второе — они иногда имеют дома гостя, высказав которому всю тоску, как бы она ни была велика, могут отогнать ее от себя. Это Бог, их утешитель, к которому они льнут в сердце своем, высказывая открыто и по-родственному, что их мучит; такова смелая уверенность их, что с каждым почти делом они бегут к Господу Богу, каждую свою ошибку, каждую неудачу, каждый недостаток, каждую слабость, каждую боль,



каждое желание принося к отеческим стопам его, везде и во всем ему доверяясь. А так как это сыновнее, ласковое к себе доверие Бог может только одобрять, то он и не может не уделить им своей радости, не придать силы к перенесению страданий. Поэтому тем более при возобновлении и увеличении страданий увеличивается в сердце их покой божий, который превышает всякий разум.

## ГЛАВА XLIX

### Благочестивые имеют постоянную радость в сердце

1. Даже не только покой пребывает в них, а постоянная радость и ликование, которые разливаются в сердцах от присутствия и очевидности любви божией. Ибо где Бог, там небо; где небо — там вечная радость; где вечная радость, там человек не знает, чего больше желать. Шутка, смех, всевозможная радость мира есть тень по сравнению с этой радостью; не знаю только, какими словами это высказать или на это намекнуть. Видел я, видел и познал, что иметь в себе Бога со всеми его небесными сокровищами есть нечто более славное в сравнении со славой всего света, великолепием его и блеском, нечто более радостное, чего весь свет не может понять или объять.

2. Как должно быть сладко человеку, который чувствует в себе такой свет божий, такое благородное согласие с Духом Божиим, такое освобождение от мира с его рабством, такое истинное и изобильное попечение о себе, такое от неприятелей и случайностей обеспечение, такое, наконец, отовсюду спокойствие! Это та сладость, которой свет не понимает, та сладость, за которой, отведав ее, всякий пойдет, оставив все; это та сладость, от которой не может отвлечь никакая другая сладость, отлучить никакая горечь, переманить никакое удовольствие, отклонить никакая казнь, даже смерть.

3. Тут я понял, что это значит, что многих из святых божиих по временам побуждает так охотно бросать почести, дружбу людскую, имение свое; они готовы бы отдать даже целый мир, если бы он им принадлежал. Другие тоже с удовольствием отдавали тело свое в заточение, под кнут, на смерть, будучи готовы подвергнуться и тысяче смертей, если бы свет мог повторить их, припевая себе в воде, в огне, под мечом: «О Господи Иисусе, как ты сладок сердцам, тебя исповедующим! Благословен тот, кто понимает эту радость!»

## ГЛАВА Ё

**Путешественник обзирает  
христиан по их сословиям**

1. До сих пор я рассказывал об общих всем христианам чертах. Увидя потом между ними так же, как и в свете, различие призваний, я захотел посмотреть, кто как соблюдает свое место. Опять нашел я такой благородный во всем порядок, что мне даже стало приятно, но всего обстоятельно я уже не стану перечислять, коснусь вкратце только кое-чего.

2. Я видел, что супружество их не многим разнится от девства, потому что у них как в желаниях, так и в заботах есть мера. Вместо стальных оков, о которых прежде упоминал я, здесь я видел золотое кольцо, вместо старания оторваться друг от друга — радостное соединение тела и сердец. Если и замечалась трудность в соблюдении их устава, то это вознаграждалось расширением в них царства божия.

3. Кому выпадало на долю возвыситься над другими и называться господином, тот относился к доверенным ему подданным так, как это в обычае у родителей по отношению к детям: с любовью и заботой; любо было смотреть на это. И многие, складывая руки, возносили молитвы к Богу за такого господина. С другой стороны, кто был под властью другого, старался не только на словах, но и на деле быть подданным, почитая бога тем, что проявлял всевозможную вежливость и внимание и на деле, и в мыслях к тому, кого Бог поставил над ним, какого бы он ни был нрава.

4. Продолжая ходить между ними, я увидел немало людей ученых, которые, в противоположность обычаям света, насколько превосходили других знанием, настолько и смиреннее; и были они сама мягкость и ласковость. С одним из них, о котором было мнение, что нет ничего во всех человеческих знаниях, что было бы сокрыто для него, мне пришлось разговаривать, но держал он себя, как самый простой человек, вздыхая над своей глупостью и незнанием. Знание языков у них в малой цене, если к этому не присоединяется знание мудрости. Ибо языки будто бы не дают мудрости, а только служат для того, чтобы можно было разговаривать с другими жителями земли, с живыми или мертвыми, а потому не тот ученый, кто может говорить на многих языках, а тот, кто умеет говорить полезные вещи<sup>74</sup>. Полезные же вещи они называют делами божьими, познанию которых несколько помогают науки и искусства, но истинный кладезь всех познаний — Священное писание, а учитель — Дух святой, цель же всего — Христос. Поэтому все они со своей наукой направлялись ко Христу как к средоточию всего; если видели что-либо помехой для движения ко Христу, то отвергали это, хотя бы оно было верхом остроумия. По

обстоятельствам смотря, они читают разнообразные светские книги, но усиленно ценят только избранные, везде стараясь, чтобы светские речи и считались светскими. Они сами тоже пишут книги, но не для распространения своего имени, а в надежде, что будут в состоянии поделиться с ближним чем-нибудь полезным, чем-нибудь помочь для общего блага, защитить от зла.

5. Священников и проповедников я видел здесь определенное число, по мере надобности церкви, всех в простеньком одеянии, с кроткими и любезными манерами как между собой, так и по отношению к другим. Время они проводили больше с Богом, чем с людьми, в молитве, чтении и размышлении; оставшееся время они употребляли на учение других в общем собрании или частным образом. Слушатели уверяли меня, да я и сам испытал, что проповедь их никогда не слушается без внутреннего движения сердца и совести, потому что из их уст льется чарующее могущество божьего красноречия. Я видел и радостные и скорбные слезы слушателей, когда говорилось о милосердии божием или о людской неблагодарности; так это делается у них серьезно, с оживлением и искренностью. Они считали бы постыдным для себя учить чему-то другому, причем чего не показали бы прежде всего на себе, так что когда и молчат они, есть чему поучиться у них. Подошел я к одному из них, желая с ним побеседовать. Это был человек с почтительной сединой; в лице его просвечивало что-то божественное. Когда он со мной говорил, то речь его была полна какой-то приветливой строгости, и по всему заметно было, что он божий посланник: так он ни в чем не напоминал мира. Когда я, по нашим обычаям, хотел его почтить титулом, он не позволил, назвав это светскими пустяками; ему довольно титула и чести, если я назову его слугой божием, а если мне нравится — отцом своим. Когда он давал мне благословение, то не знаю, какую-то негу и в сердце возникающую радость чувствовал я; и я поистине понял, что настоящая теология — нечто более могущественное и трогательное, чем вообще принято думать. Я покраснел даже, вспомнив напыщенность некоторых наших священников, гордость, жадность, взаимные распри, недоброжелательство и ненависть, пьянство и вообще плотскость; слова их так далеки от поступков, что кажется, будто ради шутки говорят они о добродетелях и христианской жизни. По правде сказать, мне нравились эти мужи ревностного духа, кроткого тела, любители небесных вещей, не замечающие земных, бдительные над стадом, позабывшие о себе, трезвые в вине, упоенные духом, простые на словах, богатые в делах; каждый из них старался быть первым в работе, последним в хвастовстве; одним словом, поступками, словами и всеми помыслами они стремились к усовершенствованию и очищению душ своих собратьев.

## Г Л А В А LI

**Смерть истинных христиан**

1. Походив вдоволь среди этих христиан и насмотревшись на их действия, я заметил, наконец, что и между ними прогуливалась смерть, однако не такая мерзкая по внешности: не нагая, неприятная, но великолепно окутанная пеленами Христа, которые он оставил в гробу. Смерть, подходя то к одному, то к другому, говорила, что настало время отойти со света. Ах, какая была радость и ликование для того, кто получил эту новость! Только для того, чтобы поскорее это было, они подвергались разным болям, мечу, огню, клещам. И каждый тихо, спокойно, радостно засыпал.

2. Наблюдая, что с ними будет дальше, я увидел, что ангелы по поручению божьему облюбовали для каждого место, где бы тело его могло иметь себе покой и отдых; когда его клали туда друзья, или враги, или сами ангелы, гроб охранялся, чтобы тела святых сохранились в покое от сатаны и чтобы даже малейшая пылинка с них не исчезла. Затем другие ангелы, вынув душу, несли ее наверх среди дивного ликования; проникнув туда за ними взором веры (поправив очки), увидел я невыразимую славу.

## Г Л А В А LII

**Путешественник видит славу Божию**

1. На высоте сидел на троне своем Господь народов; около него был блеск от конца небес и до конца их, под ногами его был как будто кристалл, смарагд и сапфир, а трон его был из ясписа и вокруг его головы — прекрасная радуга. Тысячи тысяч и бесчисленное множество тысяч ангелов стояли возле него, воспевая: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, полный небо и земля славы его».

2. Тут же были двадцать четыре старца, которые, падая перед тронем его и возлагая венцы свои к ногам того, который жив во веки веков, громко восклицали: «Достоин, Господи, принять славу, честь и могущество, потому что создал все, и по твоей воле все живет и сотворено».

3. Видел я также перед тронем огромную толпу, которой никто не мог бы перечесать, из всех народов и поколений; толпа эта все росла и росла по мере того, как ангелы приносили умерших в мире божиих святых, и шум увеличивался. И пели они: «Аминь, благословение, слава, мудрость, благодарение, честь, могущество и сила Богу нашему во веки веков, аминь». Вообще я видел блеск, свет, сияние, славу невыразимую, слышал звук и шум неизре-

ченный, радостнее и чудеснее, чем могут постичь наши очи, уши и сердце.

4. И испугавшись, от страха перед этими небесными, славными вещами я и сам упал перед троном величия, стыдясь за свою греховность, стыдясь за то, что я человек с оскверненными устами, и воскликнул: «Господь, Господь, Господь, Бог сильный, добрый и милостивый, долготерпеливый и богатый в милосердии и правде, делающий тысячи милосердных дел, отпусти несправедливость, преступление и грех. Господи, ради Иисуса Христа, смилуйся и надо мной грешным».

## Г Л А В А   LII

### Путешественник принят в домочадцы божьи

1. Когда я договорил это, раздался голос с середины трона, и спаситель мой, Господь Иисус, обратился ко мне со следующими утешительными словами: «Не бойся, милый мой, я, твой искупитель, с тобой; я утешитель твой, не бойся. Неправда твоя ныне отнята от тебя, и грех твой прощен. Радуйся и ликуй, ибо имя твое написано между сими; когда будешь служить мне верно, будешь, как один из сих. Все, что ты видел, употреби к возрастанию страха моего, и увидишь в свое время вещи бóльшие, чем эти. Оставайся в том только, к чему я призвал тебя, и ступай той дорогой, которую я указал тебе к славе сей. Будь в мире, покуда я оставлю тебя там, путешественником, чужим, пришельцем и гостем, у меня же — домочадцем моим; право обитателя небес дается тебе. Поэтому знай, что имеешь обиталище здесь, и мысль вознесись — ко мне, к ближним своим как можно выше, но сам смиришься как можно ниже; покуда ты там, обращайся среди земных вещей, но в небесных находи себе отраду. Будь послушен мне, упорствуй и противься миру и телу; охраняй внутри себя уделенную мной мудрость, вне себя — порученную мной простоту; имей говорящее сердце, тихий язык; к несчастьям ближних будь чувствителен, привыкни сносить неправую обиду; душой служи мне одному, телом — кому можешь или должен. Что поручу тебе, исполняй, что возложу на тебя, неси; на свет не обращай внимания, возносись мыслью всегда ко мне; в свете будь телом, во мне — сердцем. Если будешь так исполнять, блажен будешь и благо тебе будет. Иди, милый мой, и до самой кончины своей оставайся с жребием, выпавшим на долю твою, с радостью пользуйся утешением, к которому я тебя привел».

## Г Л А В А L I V

## Заклучение

В это время видение исчезло, и я, упав на колени, поднял глаза наверх и возблагодарил, как сумел, своего милостивца такими словами: «Благословен, Господь мой, достойный вечной славы и хвалы, и благословенно славное и преславное имя твое на век веков. Да восхвалят тебя ангелы твои, все святые твои возвестят хвалу твою. Велик ты в силе, и мудрость твоя непостижима, и милосердие твое над всеми делами твоими. Буду восхвалять тебя, Господи, доколе жив, и воспевать святое имя твое, доколе станет меня, ибо ты развеселил меня милосердием своим и наполнил ликованием уста мои, выхватив меня из бурных потоков, вынув меня из глубокой пучины и поставив ноги мои на твердую и безопасную почву. Далек я был от тебя, Боже, вечная радость моя, но ты, снисловившись, приблизился ко мне; грешил я, но ты образумил меня; блуждал я, не зная куда идти, но ты навел меня на правый путь; ушел я было от тебя и потерял и тебя и себя, но ты, явившись, вернул меня к тебе и тебя ко мне. Пришел я было почти к горечи ада, но ты, дотронувшись до меня, привел меня к сладостям небесным. Поэтому хвали, душа моя, Господа, и вся внутренняя моя — имя святое его. Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое, буду петь и плясать во имя твое. Ибо ты высший над всеми высотами, глубочайший над всеми глубинами, дивный, славный и полный милосердия. Горе душам бессмысленным, которые, отойдя от тебя, думают найти себе покой; кроме тебя, его не имеют ни небо, ни земля, ни бездна, потому что только в тебе самом вечное успокоение. Небо и земля от тебя, и добры, и прекрасны, и желанны они потому, что твои; но они не так добры, не так прекрасны, не так желанны, как ты, создатель их, поэтому они и не могут наполнить и насытить души, ищущие покоя. Ты, Господь, полнота полнот; сердце наше беспокойно, доколе не установится в тебе. Поздно я возлюбил тебя, о краса вечная! Потому что поздно познал тебя. Познал я тебя тогда, когда ты, о небесное светило, засветилось мне. Пусть умолчит о хвалах твоих тот, кто не познал милостей твоих, вы же, внутренности мои, исповедуйтесь Господу. О, кто даст мне то, чтобы сердце мое пересыщено было тобой, благоуханием вечным, чтобы я все забыл! Разве ты не Бог мой? Не скрывайся же от сердца моего, краса наипрекраснейшая. Если здешние земные вещи затемняют тебя от меня, тогда я умру, чтобы смотреть на тебя и, находясь с тобой, больше не потерять тебя. Удержи меня, Господи, уведи меня, унеси меня, чтобы я не заблудился и не отпал от тебя. Сделай, чтобы я любил тебя вечной любовью и рядом с тобой не

любил никаких вещей, кроме как для тебя и в тебе только; о радость бесконечная! Но что же еще могу я сказать, Господь мой? Вот я твой, твой собственный, твой вечно. Отказываюсь и от неба, и от земли, чтобы только иметь тебя; не отказывайся только ты от меня; неизменно, во веки веков, довольно мне одного тебя. Душа и тело мое ликуют о тебе, Боге живом; ах, скоро ли найду возможность появиться перед лицом твоим? Если хочешь, Господи Боже мой, возьми меня, вот я, стою наготове, призови меня, когда хочешь, куда хочешь, как хочешь. Пойду, куда велишь, и буду делать, что прикажешь. Дух твой благий да наставит меня и ведет среди сетей света на землю праву, милосердием твоим сопутствуй мне на путях моих и проведи через эту, увы, полную тревоги темноту мира к твоему вечному свету. Аминь и аминь! Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение».

# Краткое предложение о восстановлении школ в Чешском королевстве

I. Славное восстановление и благостное процветание церкви и государства чешского, равно как и всего народа, в глазах других народов (если Бог даст власть по сердцу своему) от нового, мудрого и предусмотрительного создания школ зависеть будет.

II. Этим новым основанием школ иметь в виду следует:

1. Чтобы вся молодежь народа нашего, богатая и бедная, обоюго пола, безо всякого исключения, не только чтению и письму обучается была, но также знанию наипразличных дел божьих и человеческих, что только именно человеку в настоящей и будущей жизни помогает, что к пониманию всего сущего им служить и послужить могло.

2. Чтобы школы эти молодежь, в святых нравах целомудренную, к наипразличному разумному общению в мире формировали.

3. И кроме того, чтобы школы эти были истинными очагами церкви, всю молодежь всему христианскому искусству и истинной богобоязни (на чем все блаженство основано) обучающими.

4. Кроме всего этого, чтоб каждый год сотни выученных (именно выученных) в искусстве языка и наипразличной мудрости в совершенстве обученных людей из этих школ выходило; откуда бы просвещенные, мудрые и всевозможно подготовленные деятели церкви и государства всех ступеней отбираться могли, и все бы чем далее, тем более расцветать могло.

III. Ко всему этому, чтобы оно и возможно, и легко было, пути по милости божьей найдены уже (если любезные власти хотят помочь будут, чтобы эта Богом данная возможность до цели доведена была).

Итак, укажем 1. каким образом это возможно,

2. насколько легко,

3. чем здесь власти помочь могут.

IV. Можно будет, чтобы всего народа вся молодежь в возрасте до 12 лет чтению и письму (и всему тому, что в дальнейшей жизни согласно наперед представленного проекта потребуется)



обучена была; другие же, кто должен стать учеными, до 24 лет четырьмя языками — чешскому, латинскому, греческому и еврейскому, а те, кому требуется, — еще и немецкому, французскому и итальянскому выучены были, притом, чтобы каждый в среднем научился всему, своей же профессии в совершенстве. Я утверждаю, что это возможно, если школам время и труд соразмерно распределены будут. А именно: 1. если дано будет достаточное время для учебы и для упражнения тех, кто должен стать людьми, т. е. к 24 годам (от рождения считая); 2. время это будет распределено на 4 школы, чтобы на каждую из них по 6 лет приходилось; 3. если каждая школа будет иметь по 6 классов, т. е. на каждый год по одному; 4. и каждый класс будет иметь свою определенную задачу, что нужно будет сделать в течение года и до чего дойти обязательно; 5. и эта задача будет равномерно и точно распределена на месяцы, дни и часы; 6. и этого распределения все, и учащие, и учащиеся, будут держаться. Таким образом дело пойдет и неизбежно достигнет своей поставленной цели.

V. Ибо как дерево из маленького ядра или семечка начинается, а ежегодно в новые и новые ветки разрастается и в определенном своем возрасте великого размера и силы достигает, так и человек не рождается великим, но и телом, и душой растет постепенно. И нельзя не вырасти, если в причинах для роста недостатка нет, и растет все радостно, безо всякого насилия, с удовольствием, если только садовник умелый и благоразумно приносит растениям все, что для их роста необходимо. И как для физического роста достаточно 24 лет (которые для этого назначил Создатель), так и для роста мысли, т. е. для обучения человека различным знаниям, того же времени достаточно. Ибо в двадцати четырех годах много есть часов, и человек каждый час многое слышать, читать, понять и выучить может, и дано человеческой мысли, чтобы никогда она бездельничать не желала, да и не могла, чтобы всегда она глазами, ушами, всеми чувствами стремилась к приятной пище. Поэтому если удастся только давать ей благоразумно такую пищу, то невероятно, сколько в течение небольшого количества лет она может освоить.

VI. Итак, разделя эти 24 года на четыре шестилетия, следует для обучения людей создать четыре школы:

1. Материнская школа, т. е. школа материнских рук, от рождения до шести лет;

2. Школа общинная, чешская, находящаяся в каждом городе, местечке, деревне (без исключения) одна, в которой каждый человек будет обучаться с шести до двенадцати лет;

3. Школа латинская, в которой молодежь языкам и высшим искусствам до 18 лет обучаться будет;

4. Академия — для полного прохождения той профессии, к

которой кто предназначен будет: богословия, медицины, юриспруденции, философии, а также два или три года останутся для путешествий; и это все чтобы было сделано до 24- или 25-летнего возраста, дабы каждый (как дерево, которому настало время давать плоды) своей профессии посвятить себя уже мог.

Первая школа будет в каждом доме, где только Бог дает детей; вторая — в каждой общине, местечке, городе, селе; третья — в каждом центре области; четвертая, т. е. академия, — ее достаточно будет одной на всю страну — в столице.

VII. Каждая из этих школ должна обучать будет тем трем вещам, что человека человеком делают (благочестию, нравам и наукам, со знанием и вещей, и речи); все это, однако, постепенно, чтобы одно другому дорогу подготавливало, как на дереве, где из каждой нынешней почки на следующий год будет ветка опять со своими почками и на третий, четвертый, пятый год опять то же самое. Из этого вытекает, что каждый год все само по себе умножается и крепнет. И как на дереве всегда видно, которые ветки ему в этом году прибавились, так и упражнение молодежи на столь четкие периоды распределено быть должно, чтобы каждый год обязательно очевидный результат виден был. Поэтому каждая такая школа (особенно и непременно чешская и латинская) свои классы иметь должна, согласно числу лет каждая, следовательно шесть классов; для этой цели нужно, чтобы каждый ученик, прошедший одним классом, обязательно успел бы в течение года в том, в чем он должен успеть, и никто бы не был обойден, и никто бы не отстал.

VIII. Для каждого класса каждой школы следует определить столько и таких вещей, сколько и каких может данный возраст без затруднений за год понять и им быть обучен.

IX. И все это опять-таки должно быть распределено по месяцам, дням и часам таким образом, чтобы каждый час, день, неделя, месяц без какого-либо пропуска имели бы свою отмеренную задачу.

X. И пропуска не будет, если только все, учителя и ученики, этого распределения придерживаться будут, чтобы каждый год, месяц, день, час без задержки делалось что надо.

XI. И придерживаться этого будет легко, потому что 1) только четыре часа в день будут посвящены учебе, утром два часа и после обеда тоже два. Остальное же время остается для работы и помощи родителям дома или для любых других упражнений; 2) и на уроках через силу спешить не будут, потому что будут брать только такую сумму, которую учитель в течение четверти часа сумеет не только полностью показать, но и объяснить и предложить для полного понимания. Вторую четверть часа будут ученики сами повторять, писать и упражняться в этом посредством

игры и соревнований одних с другими; наконец, вернется учитель и будет экзаменовать. Так, прибавляя каждый час понемногу, но зато постоянно и прочно, образуем из этого прочный, постоянный, сильный и большой результат.

XII. Если все это должно стать не только возможным, но и легким и приятным, необходимо, прежде всего, установить хороший, легкий, приятный и прочный метод обучения, чтобы все обучение и упражнение исходило как бы из игры и мысль молодежи как бы приманкой привлекалась чем дальше, тем глубже. Такой метод по милости божьей в главных чертах уже найден, и то, чего еще не хватает, ото дня на день будет лучше поддаваться.

XIII. Во-вторых, по этому методу должны быть составлены и изготовлены все книги, которые будут нужны всем школам и классам; так чтобы все, кто будет обучать молодежь, видели, как на доске, что каждый год, день и час делать и сделать должны; и чтобы не нужно было ни в чем сомневаться, на чем-нибудь останавливаться, чем-нибудь задерживаться. Книги эти будут двойного характера: одни, которые получают в свои руки ученики, каждая из них полностью будет содержать все то, что данному учебному году и классу принадлежит; другие, называемые информаториями, будут для преподавателей. Они будут показывать, как и в чем по этим предыдущим книгам с учениками продвигаться надо, чтобы все велось разумно и полезно. И те, и другие книги будут краткие и содержательные, такие, чтобы ум человеческий ими как бы ключом отмыкался и мысль сама по себе была бы подготовлена для рассмотрения и понимания различных вещей. И такие книги для нескольких классов уже созданы.

XIV. В-третьих, — и это поможет тому, чтобы школы лучше были обеспечены (особенно поначалу, потому что позже ученые, Бог даст, умножатся, как ивы, вырастающие около прудов) и чтобы все вперед двигаться могло согласно новому методу и созданным книгам, — нужно, чтобы в одном классе был только один учитель, весь год, каждый час всем при всех занимающийся; так же, как единственное солнце в небе весь мир свой само освещает, согревает, питает; или единственный ствол или комель все дерево (пусть у него и тысяча веток была бы) сам держит, несет, кормит, питает и т. д. И мы видим, что это полезно, а если было бы по-другому — настал бы беспорядок.

XV. Но ты скажешь: Как это может быть, чтобы одного учителя хватало на всю школу, особенно шумную? Отвечаю: Подобно тому, как солнце легко успевает дать всей земле свет и тепло, а ствол всему дереву древесный сок и силу, так найдены уже пути, чтобы один учитель мог легко обслуживать всех учеников, даже если бы их были сотни в одном классе; пути, чтобы ему не казалось более трудным заниматься двумя-тремястами учеников,

чем двумя или тремя детьми. Этого можно добиться и это будет достигнуто следующим образом: 1. Чтобы детей в школу принимать не когда угодно (как было раньше), но лишь один раз в год, например только весной, в день св. Григория, или лучше осенью, в день поминования усопших; и сколько бы их ни было, пусть даже сотни, принять всех вместе и вести их весь год, никого уже не принимая и не отпуская. Именно таким образом солнце небесное один раз в год, весной, всем, что расти должно, вместе начинает заниматься, совместно выращивает и всю весну, лето, осень трудится с ними, на зиму же оставляет в покое. Так и печатник не набирает отдельно каждый экземпляр книги, но раз уже составленным набором печатает их как можно больше. И работа хорошо у него спорится и идет наверняка, если сначала форма хорошо сделана. 2. Чтобы в школе в один и тот же час все всегда одно и то же делали и чтобы никому не позволялось ничего другого писать, читать или делать. Таким образом, мысль каждого оттачиваться будет вокруг одной материи, одни благодаря другим будут лучше понимать учебный материал, а преподаватель не будет рассеян в своих мыслях; между тем, как до сих пор, поскольку ученики разного уровня подготовки вместе были и один занимался одним, другой — чем-то другим, без этой грустной, тяжелой и вредной рассеянности как учеников, так и преподавателей дело не обходилось. 3. Чтобы преподаватель поодиночке ни с кем не занимался бы (как это бывало до сих пор, когда преподаватель занимался с одним знатным учеником, или же потому, что не знали, как это делать по-другому), но чтобы он делал все со всеми, чтобы все, что предлагается, было бы для всех и было бы полезно. Как солнце, стоя на небе, одними и теми же лучами освещает и согревает всю землю, так и преподаватель, стоя на возвышенном месте, одними и теми же словами, одним и тем же письмом и рисованием на глазах у всех всем все показывать может; лишь бы он сумел привлечь их внимание, чтобы на его губы и руку всегда смотрели и чтобы вслед за ним рассказывать, писать и делать упражнялись. Для этого тоже уже изобретены верные средства, равно как и для того, чтобы каждый урок и каждое упражнение быстро проверены быть могли, чтобы преподаватель обо всех мог убедиться, что они поняли и сделали все то, что должны были понять и сделать. 4. У преподавателя могут быть и помощники, которые помогали бы ему наблюдать за всеми, чтобы никто не опаздывал в учении и чтобы ни о ком не забыли. И это так. Каждый преподаватель во время выпуска своих учеников в следующий класс пусть оставит себе столько учеников, сколько десятков новых ребят он должен для учебы принять; и распределяя их по десяти, каждому десятку пусть придаст одного помощника (декуриона); его обязанностью (как педагога) будет: 1. Наб-

людать, чтобы все присутствовали на уроках. 2. Просмотреть, прежде чем придет преподаватель, книги и упражнения: есть ли у каждого то, что должно быть. 3. Смотреть, чтобы все были внимательны, когда преподаватель говорит и обучает учеников, и делали то, что он скажет. 4. И так как они занимались этим в прошлом году и все им уже известно, они должны помогать этим новичкам, особенно отстающим, где и в чем необходимо; ибо спрашивать легче и не смущаясь равный равного и у него учится. 5. Эти декурионы будут также стражами согласия и других достоинств. Они будут помощниками учителя в своей десятке, но таким образом, что преподаватель все-таки ежедневно придет проверить всех; поэтому и повторения и проверки будут частыми и сплошными. Таким образом, все пойдет вперед легко, весело, с большой пользой.

XVI. Но здесь от властей—как от высших, так и от остальных—будет зависеть, чтобы то, что по вдохновенью божьему хорошо задумано, счастливо с божьей и их помощью осуществлено было. Власти могут помочь: 1. Передачей школам доходов иезуитов и монастырей. Ведь эти доходы пожертвовали им с благочестивыми намерениями благочестивые предки, и они не должны быть направлены к иной цели, нежели для славы Господа, приращения церкви, для просвещения родины. 2. Устройством школ и учителей в деревнях, где раньше никаких школ не было. Школы должно построить, а преподавателям — предоставить возможность воспитывать; и это следующим образом: или на средства этой деревни, или (если она очень бедная) из доходов монастырей — насколько можно будет распределить их на такое количество мест; или же власти отпустят кое-что для такого святого дела из своих доходов. 3. Обеспечением детей бедных родителей и, конечно, сирот, как и откуда содержаться будут, пока будут посещать школу. После будет не трудным, дабы тот, у кого детей нет и кто с благословенья божьего владеет имуществом, был бы обязан заботиться об одном или нескольких детях или сиротах, по решению властей. Ибо если он в качестве барщины должен был владыкам собак воспитывать, то почему не их подданных? Почему не детей божьих, которые должны стать сокровищем родины и церкви? Это со всех сторон справедливо. Кроме того, тот, у кого есть только один ребенок и кто собственноручно владеет имуществом, может взять и другого бедного ребенка; и будет милостыню жертвовать, и своему ребенку помощника в школьных трудах содержать. Богатые могут содержать столько чужих бедных мальчиков и девочек, сколько у них собственных сыновей и дочерей; и будут этим почитать Бога дарами имущества своего, будут помогать общине и церкви, а себе и родине приобретут щедрое благословение. Ибо Бог, почитаемый таким образом, почтит в свою очередь и нас,

даст урожайные годы, покой, здоровье и т. д. 4. Наконец, власти должны будут помогать установлением инспекторов и попечителей школы, которые должны будут заботиться о том, чтобы все в школе шло по установленному порядку, а именно: наблюдателями над материнской школой будут крестные отцы и матери, заботящиеся, чтобы родители исполняли свои обязанности по отношению к своим детям. Над обоими, однако, служитель церкви со старостой каждой церкви. Инспектором над общинной школой будет служитель церкви в городе, местечке и деревне, которые принадлежат его приходу, а также и управители того же города, местечка, деревни. Инспектором латинской школы будет викарий области совместно с мудрыми и благочестивыми схолярхами. Над академией — епископ (если таковой имеется) или администратор, а также избранные к тому из высших сословий схолярхи или попечители.

XVII. Если наши власти сделают это, они обретут тогда прежде всего чистую совесть, что не упустили случай принести пользу воле божьей в том, в чем они ее познали. За это они могут ожидать благословенья божьего. Ибо тем, кто не строил храм свой своевременно, сказал Господь, увещевая их, дабы они не медлили и не жалели расходов на прославление его: Испытайте меня в деле этом, принесите десятину и первое начинание до дома моего, если я не полню амбаров ваших. Наконец, великой пользой будет достаток людей нужных и каждой общине, и всей родине, и властям можно будет использовать подданных своих ко всему полезному (имея достаточное количество обученных); и из них выдающиеся мужи для украшения всей родины станут.

Смилуйся, Господи, над наследством твоим и сделай так, чтобы после горестного опустошения этого мы вновь зацвели, как сад Эдема, во славу единого имени твоего, Боже, праведный во веки.

# **Материнская школа, или О заботливом воспитании юношества в первые шесть лет**

Основа всего государства  
состоит в правильном воспитании юношества.

Цицерон

Благочестивым христианским родителям, опекунам, наконец, всем, на кого падает какая-либо часть попечения о детях, привет!

После того как я решил напомнить всем вам, возлюбленные, о вашей обязанности, представляется необходимым предпослать три следующих положения:

I. Какие драгоценные сокровища дарует Бог тем, кому он вверяет залог к жизни.

II. С какой целью он дает это. И к каким целям нужно направлять корабль воспитания.

III. Юношество до такой степени нуждается в хорошем воспитании, что, лишившись его, должно было бы погибнуть.

Выставив эти три положения, я приступаю к своему началу.

Под твоим руководством, Отец, от которого именуется всякое рождение на земле и на небе, я по порядку изложу нужное вам искусство воспитания в применении к первому нежному возрасту.

## **Г Л А В А I**

**Так как дети являются  
драгоценнейшим даром божим  
и ни с чем не сравнимым  
сокровищем, то к ним нужно  
относиться с величайшей  
заботливостью<sup>1</sup>**

1. Что дети бесценное сокровище, об этом свидетельствует дух божий устами Давида (Пс. 126, 3, 5) так: «Вот наследие от Господа: дети; и плод чрева — Его дар; как стрелы в руке, так юные сыновья».

Ты слышишь, какими счастливыми называет он тех, кому Бог дарует детей?

2. Это видно и из того, что, желая засвидетельствовать свою высшую любовь к нам, Бог называет нас «сыновьями», как будто не зная более славного имени.

3. Чрезвычайно сильно восстает он против обычая приносить детей в жертву Молоху (Лев. 20, 2; Иер. 32, 35)<sup>2</sup>. Заслуживает величайшего внимания, что даже о детях идолопоклонников Бог говорит, что они рождены ему (Иез. 23, 27), давая этим понять, что дети рождаются не для нас, но для самого Бога и что к ним, как к детям Божиим, нужно относиться с величайшей заботливостью.

4. Поэтому у пророка Малахии дети называются «семенем Божиим» (Мал. 2, 17), откуда возникает потомство Бога (Деян. 17, 29).

5. По этой причине вечный сын Божий, явившийся во плоти, не только пожелал воспринять на себя природу детей, но и считал за величайшее удовольствие и наслаждение принимать детей в свои объятия как любимых маленьких братьев и сестер, ласкать их, целовать и благословлять (Марк. 10, 16).

6. И не только это. Он с угрозой воспрещал служить для детей хотя бы малейшим соблазном и повелевал их блюсти, как самого себя, предсказывал горе тому, кто соблазнит одного из малых сих (Матф. 18, 5—5).

7. Если бы кто-либо пожелал основательно обсудить, почему Бог так любит маленьких детей и так строго предписывает нам поечение о них, тот найдет для этого много причин. Во-первых, если тебе теперь дети представляются не заслуживающими внимания, то смотри не на то, каковы они теперь, а на то, каковы они должны быть по начертанию Божию<sup>3</sup>. Ты увидишь в них не только происшедших от нас обитателей мира и благодетелей вселенной, заместников Бога среди творений, но и наравне с нами соучастников Христу, царских жрецов, избранный народ, спутников ангелов, судей дьяволов, утешение небес, ужас ада, наследников небес во все века веков. Что можно придумать более возвышенного?

8. Блаженной памяти Филипп Меланхтон, войдя некогда в тривиальную школу<sup>4</sup> и взглянув на толпу учеников, обратился к ним с такой речью: «Приветствую вас, почтенные господа пасторы, доктора, лиценциаты, суперинтенданты<sup>5</sup>. Привет вам, знаменитейшие, мудрейшие, славнейшие, ученейшие господа консулы, преторы, судьи, префекты, канцлеры, секретари, магистры, профессора» и пр. Когда некоторые из присутствующих встретили это смехом, он отвечал: «Я не шучу, я говорю серьезно. Ведь я вижу детей не такими, какие они теперь, по имею в виду ту цель, для которой нам дают их на воспитание (formandi), и я уверен, что из их



числа выйдет несколько таких мужей, хотя среди них, быть может, примешано и несколько высевок и мякины». Смело сказал этот мудрейший муж! Так почему нам с равной уверенностью не провозгласить обо всех детях христиан те славные слова, которые только что были сказаны, если истолкователь вечных тайн божиих, Христос, предвозвестил нам, что таковых есть царствие Божие (Марк. 10, 14).

9. Но если бы мы поразмыслили даже над настоящим положением, то и то очевидно, почему дети, бесценное благо (в глазах Бога), должны быть такими и для родителей. Прежде всего потому, что они являются еще неоскверненным, а следовательно, и невинным образом божием (Ион. 4, 11). Ибо, за исключением одного только первородного греха, они еще пока не осквернились никаким преступным делом, не умея различать добра от зла, правой руки от левой. Что Бог обращает внимание на это, достаточно видно из известных слов к Ионе и из других мест <sup>6</sup>.

10. Во-вторых, они суть чистейшее, дорого купленное владение Христа, так как Христос, который пришел спасти то, что прежде погибло, называется Спасителем всех, кроме тех, кто за свое неверие и нераскаянность исключает себя от участия в этой заслуге. Итак, за детьми, которые еще не отрицают Христа, остается право на приобретение спасения, им принадлежит и царство небесное. Они суть те из людей, которые куплены, чтобы быть первенцами богу и Агнцу, не осквернившись с женщинами (т. е. не запятанные греховными пожеланиями), но следуют они за Агнцем, куда бы он ни пошел (Откр. 14, 4), а чтобы они постоянно следовали за ним, ими нужно руководить посредством святого воспитания.

11. Наконец, Бог обнимает детей с величайшей любовью потому, что они, по свидетельству Писания (Пс. 8, 3), являются особенным орудием божественной славы: «Из уст младенцев и грудных детей Ты совершил хвалу ради врагов Твоих, чтобы разрушить врага и мстителя». Каким образом через детей возрастает слава божия — это мы недостаточно постигаем нашим разумом; бог, следовательно всего, знает это и понимает.

12. Что для родителей дети должны быть милее и дороже, чем золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, — это можно заключить из взаимного сравнения тех или других даров божиих. Именно: во-первых, золото, серебро и другие такого рода предметы суть вещи неодушевленные и не что иное, как попираемый ногами прах, лишь немного более обработанный и очищенный, а дети — живые образы живого Бога <sup>7</sup>.

13. Во-вторых, золото и серебро суть вещи внешние, произведенные одним словом повеления божия, а дети — это то создание, о творении которого святейшая троица образовала особый совет и которую создал Бог своими перстами.

14. В-третьих, золото и серебро — вещи ненадежные и скоро проходящие, а дети — бессмертное наследие. Ибо хотя многие из детей умирают, однако они не обращаются в ничто и не погибают, а только переходят из смертной оболочки в бессмертное царство. Поэтому Бог возвратил Иову все его богатство и все, что он имел, вдвойне по сравнению с тем, что отнял у него прежде; лишь детей он дал столько, сколько он имел раньше (именно семь сыновей и три дочери); однако и это также было вдвойне, так как первые не погибли, но были ранее направлены к Богу.

15. В-четвертых, золото и серебро происходят из земного праха, дети — из самой нашей сущности. Следовательно, они часть нашей сущности, и их следует нам любить не меньше, чем самих себя. Поэтому в природу всех животных Бог вложил такую любовь к своим детям, что иногда за их спасение они готовы пожертвовать своею собственной жизнью. Если кто-либо такую любовь перенес бы на золото и серебро, то на суде самого Бога был бы осужден за идолопоклонство.

16. В-пятых, золото и серебро переходят от одного к другому, как бы не принадлежа никому, а являясь общим всем, а дети, по божеской воле, являются для родителей таким неотъемлемым достоянием, что нет никого в мире, кто мог бы лишит кого-либо этого права, отнять у него это достояние. Ведь это введение исходит с небес и является неотъемлемым наследством.

17. В-шестых, хотя золото и серебро — также дары божии, однако такие дары, которым Бог с небес не обещал охраны ангелов; мало того, большею частью сюда вмешивается сатана, чтобы этими средствами, точно петлями и силками, воспользоваться для уловления неосторожных, увлекая их, точно цепями, к алчности, гордости и расточительности. А забота о малых детях, по свидетельству самого Господа (Матф. 18, 10), всегда вверяется ангельскому попечению. Итак, у кого в доме есть дети, тот может быть уверен, что в его доме присутствуют ангелы; всякий, кто обнимает руками маленьких детей, пусть не сомневается, что обнимает ангелов. Всякий, кто покоится окруженный ночной темнотой с ребенком, может питать твердую надежду, что он вместе с детьми охраняется ангелами, чтобы не имел доступа дух тьмы. Как это значительно!

18. В-седьмых, серебро, золото и все внешнее не привлекает к нам любви божьей и не защищает нас от божьего гнева, как дети. Ибо, любя детей, бог из-за них иногда щадит родителей, как показывает пример ниневитян. Так как там было много детей, то Бог пощадил самих родителей, чтобы они не были поглощены землей (Ион. 4, 11).

19. В-восьмых, человеческая жизнь, по словам Господа (Лука 12, 15), состоит не в изобилии средств, так как если Бог отнимает свое благословение, то пища не питает, лекарство не излечивает,

одежда не греет (Втор. 8, 21; Премудр. 16, 12 и 26), но с детьми и из-за них всегда бывает благословение, так что не бывает недостатка для их пропитания. Ибо если Бог дарует пищу детям воронов, просящих у него, то каким образом он не имел бы попечения о детях людей, о своем образе? Итак, разумно сказал д-р Лютер: «Не мы питаем наших детей, а они нас, потому что из-за них, невинных, Бог посылает необходимое, а мы, старые грешники, разделяем с ними трапезу»<sup>9</sup>.

20. Наконец, серебро, золото, драгоценные камни не могут научить нас ничему иному, чему учат другие творения, а именно — божественной мудрости, могуществу, благости. А дети нам даются как зеркало скромности, приветливости, доброты, согласия и других христианских добродетелей, так как сам Господь изрекает: «Если вы не обратитесь и не станете как дети, то не войдете в Царство Небесное» (Матф. 18, 3). Итак, если Бог хочет, чтобы этих детей мы имели учителями, то, по справедливости, мы полагаем, что мы должны о них заботиться<sup>10</sup>.

## Г Л А В А  П

### Для каких целей Бог дает детей и к чему следует стремиться при их воспитании

1. Если бы кому-либо пришло на мысль, почему божественному могуществу не угодно было сразу создать эти небесные жемчужины в определенном числе, сколько их оно пожелало иметь в вечность как ангелов, тот не найдет иной причины, что Бог так высоко ставит людей, что делает их как бы своими помощниками в размножении творений. Но не для того, чтобы в этом люди получали только наслаждение, но чтобы прилагали старание к правильному их воспитанию, т. е. направляли их к вечности<sup>11</sup>.

2. Люди приучают вола к пахоте, собаку к охоте, коня к верховой езде и к перевозке тяжестей, потому что они созданы для таких целей и их нельзя приспособить для других целей. Человек — более высокое создание, чем все эти животные, — должен быть приведен к самым высоким целям, чтобы своими добродетелями как можно более соответствовать Богу, образ которого он носит. Тело, конечно, как взятое из земли, есть земля, принадлежит земле и снова должно обратиться в землю. А душа, которую вдохнул Бог, — от Бога, должна остаться в Боге, подняться к Богу<sup>12</sup>.

3. Поэтому родители недостаточно исполняют свой долг, если научают своих детей есть, пить, ходить, говорить, украшаться

одеждам, ибо все это служит только для тела, которое не есть человек, а служит хижинкой для человека. Хозяин этой хижины (разумная душа) обитает внутри; о нем и следует заботиться больше, чем о внешней этой оболочке. Следовательно, умно осмеял Плутарх<sup>13</sup> тех родителей, которые желают своим детям красоты, богатства, почестей и направляют детей к этим внешним благам, совершенно не заботясь об украшении (их) души добродетелями и благочестием. О таких родителях он сказал, что они держат сапог в большем почете, чем ногу. И фиванский языческий философ Кратес сильно жалуется на безумие таких родителей в следующих выражениях, передаваемых поэтом: «Если бы мне (сказал он) позволено было кричать в различных местах, я назвал бы безумными всех вас, порочных людей, которых чрезмерно увлекает злополучное богатство. Вы собираете детям богатства, а сердце их не питаете никаким учением и не согреваете искусством»<sup>14</sup>.

4. Итак, преимущественное попечение должно иметь о душе как о главной части человека, чтобы она могла выйти из тела как можно лучше украшенной. А о теле нужно заботиться для того, чтобы оно стало жилищем, пригодным и достойным бессмертной души. Правильно же развитым умом следует считать тот ум, который действительно освещен блеском божественной мудрости, чтобы человек, признавая в самом себе величие божественного образа, охранял и соблюдал в себе это превосходство.

5. Есть две стороны истинной небесной мудрости (к которой человек должен стремиться и которую у него должно развивать). Первая — ясное, истинное познание Бога и всех его чудных дел. Вторая — умение осторожно и разумно управлять самим собой и всеми внешними и внутренними своими действиями, касающимися настоящей и будущей жизни.

6. Прежде всего, конечно, по отношению к будущей жизни, так как это — жизнь в собственном смысле: для нее нет ни смерти, ни смертности; тогда как настоящая жизнь есть не столько жизнь, сколько путь к жизни. Поэтому кто в этой жизни достиг того, чтобы верою и благочестием подготовить себя к будущей жизни, о том следует думать, что он здесь сделал совершенно достаточно.

7. Тем не менее, так как Бог, даруя весьма многим долголетие, заставляет со всем сталкиваться, встречаться с различными случайностями и дает добрые возможности мудро поступать, то вообще родителям нужно заботиться о том, чтобы, кроме упражнения в вере и благочестии, давать своим детям возможность приобретать изящные культурные навыки и обучаться свободным искусствам и всему, необходимому для жизни. Благодаря этому, наконец, дети могли бы, выросши, стать мужами, мудро управлять своими делами, и, к каким бы обязанностям жизни — церковным или политическим — Бог их ни всхотел призвать, выполнять их, и, таким

образом, проведя настоящую жизнь честно и разумно, с большой радостью переселиться на небеса <sup>15</sup>.

8. Словом, должна быть твердо установлена тройкая цель воспитания юношества: 1) Вера и благочестие. 2) Добрые нравы. 3) Знание языков и наук. И все это в том самом порядке, в котором предлагается здесь, а не наоборот. Прежде всего нужно приучать детей к благочестию, затем — к добрым нравам или добродетелям, наконец — к более полезным наукам. Чем более, однако, они могут сделать успеха в этом последнем, тем лучше <sup>16</sup>.

9. У кого в своем доме дети предаются этим трем упражнением, у того — рай, где сеются, орошаются, зеленеют и цветут небесные растения; у того — храм святого духа, в котором он создает и совершенствует сосуды милосердия, орудия славы, чтобы в них, как в живом образе Бога, все более и более блистали лучи его могущества, мудрости и благодати; как счастливы в таком раю родители!

### Г Л А В А III

## **Юношество неизбежно нуждается в воспитании и в правильном обучении**

1. Однако никто не должен думать, что юношество само по себе и без усиленного труда может быть воспитано (в благочестии, добродетелях и в науках). Если прививок, из которого должно вырасти дерево, требует, чтобы его привили, посадили, поливали, обнесли изгородью и дали ему подпорки; если материал для деревянной статуи необходимо срубить, расколоть, обскоблить, вырезать, отполировать и окрасить в различные цвета; если коня, быка, осла, мула нужно приучить к тому, чтобы они могли служить человеку; мало того, если сам человек нуждается в упражнениях, чтобы привыкнуть к еде, питью, беганью, разговору, к хватанию рукой, к работе <sup>17</sup>, — каким же образом, спрашиваю я, кому-нибудь само собою может достаться обладание более высокими и более удаленными от внешних чувств качествами веры, добродетели, мудрости и знания? Как это показано в VI главе «Дидактики», это совершенно невозможно.

2. Именно поэтому Бог возложил на родителей обязанность с величайшей старательностью внедрять в самый нежный ум и искусно внушать ему относящееся к познанию Бога и страху божью и говорить об этом детям, дома ли они, или гуляют по дороге, ложатся спать или встают (Втор. 6, 7).

3. Также и Соломон вместе с Иисусом, сыном Сираха, везде в своих книгах напоминают о том, чтобы юношество получало наставление в мудрости и не так быстро освобождалось от наставлений. Усмотрев необходимость того же самого, Давид, будучи уже царем, не стыдился представить себя в качестве учителя и воспитателя юношества. «Приступите, дети,— говорил он,— выслушайте меня, страху Божию научу вас» (Пс. 65, 16); а апостол Павел увещевает родителей воспитывать своих детей в учении и наказаниях Господнем (Еф. 6, 4).

4. Но так как часто родители или не способны воспитывать детей, или вследствие занятия служебными или семейными делами не имеют времени на это, а другие даже относятся к этому с пренебрежением, то, по мудрому и спасительному решению, издревле было установлено, чтобы в каждом государстве образование юношества, вместе с правом наказания, поручалось мужам мудрым, благочестивым и почтенным;

5. Их зовут педагогами, магистрами, наставниками и учителями, а места, назначенные для таких занятий, коллегиями, гимназиями, школами (т. е. местами отдыха или литературных развлечений)<sup>18</sup>; этим названием указывается на то, что дело обучения и учения само по себе и по своей природе приятно и сладко и представляет собой чистую игру и забаву для духа.

6. Однако в последующие времена обучение отклонилось безмерно далеко от первоначального своего приятного характера, так что школы стали для молодежи не местом игры и наслаждения, на что указывало их название, а местом тяжелой работы и мучения, особенно в некоторых случаях, когда юношество вверялось людям глупым, совершенно чуждым благочестия и мудрости божией, от безделья ослабевшим, низким, подававшим самый дурной пример, продававшим себя за деньги в качестве учителей и наставников. Они учили юношество не вере, благочестию и добрым нравам, но суеверию, нечестию и дурной нравственности. Будучи совершенно незнакомы с настоящим методом и желая все вдолбить силою, они страшно мучили учеников. Об этом напоминают известные старые пословицы: «Очевидно, что он на спине вынес жестокую порку», «Часто его пороли», — так как такое обучение без свирепых розг и жестоких побоев было неизвестно.

7. Хотя наши предшественники вместе с церковной реформой<sup>19</sup> кое-что из этого исправили, однако Бог нечто сохранил и до нашего времени, чтобы к своей славе и нашему утешению исправить это более легким, сжатым, основательным преподаванием. Об этом см. главу XII нашей «Дидактики»<sup>20</sup>.

8. Теперь с божиею помощью мы приступаем к изложению формы, или идеи, этого воспитания, подлежащего применению преимущественно в первое шестилетие жизни в материнской школе,

## Г Л А В А IV

**В каких занятиях постепенно должны упражняться дети с самого рождения, чтобы на шестом году своей жизни они оказались усвоившими эти упражнения <sup>21</sup>**

1. Кто не знает того, что сучья многолетнего дерева сохраняют то самое расположение друг к другу, по которому они должны были образоваться с самого возникновения. Ведь иначе не могло и быть. Кто мог бы надеяться, что у животного также разовьются когда-либо впоследствии все его члены, если оно не получило зародыша их в начале своего формирования, кто мог бы исправить какое-либо животное, если оно появится на свет хромым, слепым, неполным или увечным? Следовательно, и человек в начале образования тела и души должен быть создан таким, каким он должен быть в течение всей жизни <sup>22</sup>.

2. Правда, Богу было бы легко обратить закоренелого порочного человека в честного и сделать иным. Однако по природе обыкновенно бывает так, что, каким что-либо стало образовываться с самого начала, таким останется до конца и в старости приносит те же самые плоды, семена которых получило в молодости. С этим согласна и известная пословица: «Занятия молодости — наслаждение старости».

3. Поэтому родители не должны откладывать воспитание до обучения своих детей учителями и служителями церкви (так как невозможно уже выросшее кривое дерево сделать прямым и лес, повсюду усеянный терновыми кустами, превратить в огород). Они сами должны изучить способы обращения со своими сокровищами, согласно с их ценностью, чтобы под их собственным руководством дети начинали возрастать в мудрости и любви у Бога и людей.

4. И так как мы сказали, что всякий, кто хочет жить на пользу Богу и людям, должен быть воспитан в благочестии, добрых нравах и полезных науках, то основы этих трех условий родители должны закладывать в первом возрасте детей. Насколько это должно развиваться в этом первом шестилетии, нужно показать в отдельности.

5. Истинное и спасительное благочестие состоит в следующих трех требованиях:

I. Наше сердце, будучи всегда и везде обращено к Богу, должно искать его во всех делах.

II. Идя по стопам божественного провидения, оно всегда и везде должно относиться к Богу со страхом, любовью и послушанием.

III. Поэтому, всегда и везде помня о Боге, обращаясь к Богу и соединяясь с Богом, оно должно наслаждаться миром, радостью и утешениями.

6. Это есть истинное благочестие, приносящее человеку рай божественного наслаждения; его основы можно внедрить ребенку в пределах шести лет настолько, чтобы он знал: (1) что Бог существует; (2) везде присутствуя, взирает на всех нас; (3) тем, кто за ним следует, дарует пищу, питье, одежду и все; (4) людей строптивых и безнравственных наказывает смертью; (5) его следует бояться и всегда призывать и любить как отца; (6) нужно исполнять все то, что он повелевает; (7) если мы будем добрыми и честными, он примет нас на небо и пр. В этих пределах, говорю я, ребенка к шести годам жизни должно довести в благочестивых упражнениях.

7. А что касается нравов и добрых качеств, то дети должны отличаться следующими:

(1) У м е р е н н о с т и ю; их нужно научить есть и пить сообразно с требованием природы; не объедаться и не переполняться пищей и питьем сверх необходимости.

(2) О п р я т н о с т ь ю, чтобы они научились соблюдать приличие при еде, в одежде и в попечении о теле.

(3) П о ч т и т е л ь н о с т ь ю к старшим, чтобы они научились относиться с уважением к их действиям, словам и взглядам.

(4) П р е д у п р е д и т е л ь н о с т ь ю, чтобы они по знаку и слову старших готовы были немедленно выполнить все.

(5) Крайне необходимо, чтобы они научились г о в о р и т ь п р а в д у, чтобы все их речи были по учению Христа: что есть — то есть, чего нет — того нет<sup>23</sup>. Пусть же никогда не приучают их лгать и говорить не то, что есть, серьезно или в шутку.

(6) Также нужно приучать их к с п р а в е д л и в о с т и, чтобы они не касались ничего чужого, не трогали, не брали тайно, не прятали и не причиняли кому-либо вреда.

(7) Нужно также внушать им б л а г о т в о р и т е л ь н о с т ь; быть приятными для других, чтобы они были щедрыми, а не скупыми и не завистливыми.

(8) Чрезвычайно полезно приучать их к т р у д у, чтобы они привыкли избегать ленивого досуга.

(9) Их нужно приучать не только говорить, но и молчать, где это необходимо: во время молитвы или когда говорят другие.

(10) Нужно приучать их к т е р п е н и ю, чтобы они не думали, что все должно являться к ним по их мановению; с раннего возраста постепенно они должны приучаться обуздывать страсти.



(11) Так как деликатность (гуманность) и готовность служить старшим является особенным украшением юношества, то будет уместным, чтобы и к этому также причащались они с детства.

(12) Пусть они научатся также тому, что развивает изящество манер, чтобы к каждому проявлять деликатность, уметь приветствовать, подавать руку, наклонять колено, благодарить за одолжение и пр.

(13) А чтобы здесь не оказалось некоторого легкомыслия или грубости, они должны вместе с тем приучаться держать себя с достоинством, во всем вести себя сдержанно и скромно. Обладая такими качествами, мальчик легко, по примеру Христа, приобретет себе расположение у Бога и у людей.

8. Что касается свободных искусств, то они делятся на три разряда. Ведь мы учимся одно — знать, другое — делать, третье — говорить, или лучше — всему (знать, действовать, говорить), кроме дурного.

9. В первые шесть лет ребенок начнет познавать следующее:

(1) Относительно природных явлений в том, что касается ф и з и к и <sup>24</sup>, он узнает названия стихий: огня, воздуха, воды, земли — и научится называть дождь, снег, свинец, лед, железо и пр. К этому он присоединит названия деревьев и некоторых, более известных и более часто встречающихся трав и цветов: фиалки, карнофиллы, розы; также различия животных: что такое птица, животное, конь, корова и пр.; наконец, как называются внешние части тела, для какой цели они предназначены: уши — чтобы слушать, ноги — чтобы бегать и пр.

(2) Из о п т и к и им будет достаточно знать, что такое тьма, что такое свет и различия некоторых более употребительных цветов, а также их названия.

(3) В а с т р о н о м и и — различать солнце, луну и звезды.

(4) В г е о г р а ф и и — место, где он родился и где он живет: деревню, город, крепость или замок. Что такое поле, что такое гора, луг, лес, река и пр.

(5) Ребенок схватит первые линии х р о н о л о г и и, если узнает, что такое час, день, неделя, месяц, год, что такое весна, лето и пр.

(6) Началом и с т о р и и будет, если он может запомнить, что произошло вчера, сегодня, в прошлом году, два или три года назад; правда, это было бы по-детски, и воспоминание об этом было бы слабым и как бы туманным.

(7) Из э к о н о м и к и (хозяйства) ребенок должен узнать, кто относится к составу семьи и кто нет.

(8) Из п о л и т и к и — узнать кого-либо в государстве, консула (бюргермейстера), сенатора (члена совета) или судью (фогта); равным образом узнать о том, что граждане иногда собираются на совещания и пр.

10. Что касается деятельности, то некоторые относятся к действию искусства, касаются ума и языка, например диалектика <sup>25</sup>, арифметика, геометрия, музыка; некоторые — к действию руки, например ручные труды и физические упражнения.

(1) Начала д и а л е к т и к и в первые шесть лет могут быть усвоены лишь настолько, чтобы ребенок понимал, что такое вопрос, что такое ответ, и научился на предложенный вопрос отвечать прямо, а не так, чтобы на вопрос о чесноке рассказывал о луке.

(2) Основами а р и ф м е т и к и будет, если ребенок будет знать, что такое много или что такое мало, и будет уметь считать до 20 или до 60 и будет понимать, что такое число четное или нечетное, а также что 3 более 2;  $3 + 1 = 4$  и пр.

(3) Из г е о м е т р и и он узнает, что значит малое или большое, короткое или длинное, узкое или широкое, тонкое или толстое. Также что называется четверть, локоть, сажень.

(4) М у з ы к а л ь н ы е у м е н и я детей будут состоять в том, чтобы спеть на память какой-нибудь стишок из псалмов или гимнов.

(5) Началом какого-либо ремесла или труда будет, если дети научатся тому, что им так свойственно: рубить, колоть, сечь, строить, располагать, связывать, развязывать, сваливать в кучу, разваливать.

11. Что касается я з ы к а, то он развивается грамматикой, риторикой и поэтикой.

(1) Г р а м м а т и к а для первых шести лет будет состоять в том, чтобы ребенок мог назвать столько вещей, сколько их знает, хотя бы он мог выразить это пока и с ошибками, но ясно и отчетливо, чтобы его можно было понять.

(2) Р и т о р и к а детей будет состоять в том, чтобы пользоваться естественными жестами, а также в том, чтобы подражать тропам и фигурам <sup>26</sup>, которые они слышат.

(3) Начало п о э т и к и будет заключаться в том, чтобы заучить наизусть несколько стишков или рифм.

12. Далее, нужно обратить внимание на то, как в отдельных этих знаниях и умениях нужно с детьми идти вперед, не распределяя материала с полной точностью по годам или месяцам (как будет впоследствии в других школах), и именно по следующим причинам:

(1) Не все родители могут соблюдать в своем доме такого рода порядок, как это бывает в общественных школах, где никакие

исключительные дела не будут нарушать порядка работы. (2) В этом первом детском возрасте не все дети обладают одинаковыми способностями: некоторые дети начинают говорить на первом, а некоторые — только на втором или даже на третьем году.

13. Итак, вообще я покажу, каким образом в первые шесть лет нужно давать образование детям: (1) в понимании вещей; (2) в физических трудах и в ловкости; (3) в искусстве речи; (4) в нравах и добродетелях; (5) в благочестии; (6) так как основой всего этого является жизнь и крепкое здоровье, то прежде всего будет указано, каким образом, при тщательном попечении родителей, можно сохранить детей здоровыми и невредимыми.

#### Г Л А В А V

### Каким образом должно развивать у детей здоровье и силу

1. Кто-то сказал, что должно молить богов о том, чтобы в здоровом теле был здоровый дух<sup>27</sup>. Нужно, однако, не только молиться, но и трудиться, ибо Бог обещает благословение не праздным людям, а трудолюбивым. Так как дети трудиться еще не могут и не умеют изливать мольбы к богу, то за них должны это делать родители, стараясь питать и воспитывать (во славу Божию) тех, кого они произвели на свет.

2. Но прежде всего, так как обучать детей можно только в том случае, если они будут живы и здоровы (ведь с больными и хилыми не достигнешь никакого успеха), то первая забота родителей оберегать здоровье детей. Это обязанность преимущественно матерей, а потому необходимо здесь к ним и обратиться с советами.

3. Лишь только мать заметит, что Бог, творец всего, начал в ее утробе творить ребенка, с этого момента она будет предаваться благочестию более, чем прежде, обращаясь с горячими ежедневными молитвами к Богу, чтобы он дал ей произвести в совершенстве развитым и здоровым на свет то, что она носит под сердцем<sup>28</sup>.

4. Далее, женщины должны заботиться о себе, чтобы как-нибудь не повредить своему ребенку. Поэтому (1) они должны соблюдать воздержание и умеренность, чтобы объедением и опьянением или несвоевременным постом, очищениями, кровопусканиями, простудами и пр. не изнурять себя и не подрывать своих сил или чтобы не губить и не ослаблять своего ребенка. Итак, женщинам нужно избегать всякого излишества, пока они будут беременными. (2) Они не должны слишком сильно поскальзываться, спотыкаться, на что-либо наталкиваться, обо что-либо ударять-

ся или даже неосторожно ступать, так как весьма легко всем этим повредить слабого и еще не окрепшего во чреве ребенка. (3) Беременной женщине необходимо строго воздерживаться от всяких волнений, чтобы не предаваться внезапному страху, не слишком сердиться, не мучиться, не терзаться и пр. Ведь, если она не будет этого остерегаться, у нее должен родиться раздражительный, беспокойный, печальный ребенок. И что еще хуже, вследствие внезапного страха и чрезмерной раздражительности зародыш может родиться мертвым или, самое меньшее, быть слабого здоровья. (4) Что касается внешних действий, то беременная должна следить за тем, чтобы не ослаблять себя излишним сном, вялостью и бездельем, но в выполнении работ она должна быть бодрой, при возможно большей быстроте и веселости. Ведь какую она бывает тогда сама, такого характера она родит и ребенка и пр. Об остальном дадут советы опытные врачи, повивальные бабки и почтенные матери.

5. Когда ребенок уже родился на свет, обмыв и очистив его самым тщательным образом и завернув нежное и слабенькое существо сверху теплыми и мягкими согревающими покрывами, родители тотчас должны позаботиться о соответствующем для него питании. При этом особенно должно обратить внимание на то, чтобы мать сама была кормилицей и не отталкивала от себя своего ребенка и не прекращала теперь того питания, которым она начала кормить свое дитя в своей утробе. Но увы! Напротив того, какой вредный и заслуживающий порицания обычай утвердился, когда некоторые матери (преимущественно из сословия знатных), наскучив тем, чтобы кормить своего ребенка, поручают это делать чужим женщинам. Сама сущность дела заставляет здесь открыть весь позор этого и показать, как осторожно нужно поступать в этом деле. Ведь чем более глубокие корни пустил этот обычай и чем шире он распространился, тем менее можно обходить его молчанием именно здесь, где мы предположили показать с самых оснований правильно поставленный, добрый порядок.

6. Итак, я заявляю, что это жестокое отчуждение детей от их матерей и питание их чужим молоком кормилиц (если только не вызывается это каким-либо неизбежным случаем или слабостью матерей) прежде всего противно Богу и природе, во-вторых, вредно для детей, в-третьих, губительно для самих матерей, в-четвертых, совершенно не заслуживает уважения и достойно сильнейшего порицания.

7. Что такое кормление ребенка совершенно противоречит природе, ясно видно из того, что в ней не встречается ничего подобного даже среди диких зверей. Волчица, медведица, львица, пантера и остальные подобные дикие животные кормят своих детенышей собственными сосцами. Итак, ужели матери человеческого

рода будут более жестокими, чем все эти звери? Я спрашиваю, не то ли же самое разумеет Бог в Плаче Иеремии (4, 3): «Драконы обнажили сосцы, кормили своих детенышей; дочь моего народа жестока, как страус в пустыне»? Каким образом, спрашиваю я, будет согласоваться с природою, если матери отталкивают от себя собственную кровь, собственную плоть? У родного твоего ребенка, которого в течение стольких месяцев носила ты под сердцем, кормила твоею кровью, отнимать молоко? И притом то, которое бог дал на пользу не матерей, а детей? Ведь эти источники молока выходят наружу только в том случае, если является на свет ребенок. Для кого же они выходят, если не для нового пришельца? Итак, ниспровергают божественный порядок все, кто переносит вещь куда угодно, а не по ее назначению.

8. Во-вторых, гораздо полезнее для здоровья ребенка сосать грудь матери, так как зародыши уже во чреве привыкли к питанию материнской кровью. И дети подошли бы ближе к качествам и достоинствам своих родителей, чем это обычно бывает по свидетельству ежедневного наблюдения. Выдающийся философ Фаворин<sup>29</sup> свидетельствует, что как оплодотворяющее семя скрытой силой может создать тело и душу по примеру своего образа, так подобным свойством обладает и молоко. Это он доказывает на примере ягнят и козлят, заявляя, что ягнята, вскормленные козьим молоком, имеют шерсть гораздо более жесткую по сравнению с теми, которые выкормлены материнским молоком, а, с другой стороны, козы, питавшиеся молоком овец, дают шерсть гораздо более мягкую. Кто, кроме слепого, не сделал бы отсюда заключения, что дети с чужим молоком впитывают также чужие нравы, а не нравы своих родителей. Если супруги не позволяют, чтобы их огород засеивали чужим семенем, почему они позволяют, чтобы их посев орошался чужим дождем? Если отец сообщил своему ребенку свою природу, почему мать отказывает ему в своей? Зачем они, чтобы вскормить своего ребенка, прибегают к третьему лицу? Но Бог соединил только двух людей, как совершенно достаточных для произведения потомства; почему мы не подчиняемся воле божьей?

9. Если, однако, кому-либо в этом должно сделать уступку, то можно будет уступить преимущественно в двух случаях. Во-первых, если мать ребенка страдает какою-либо заразною болезнью, то для сохранения крепости детского здоровья, чтобы дитя не заразилось чем-либо, его можно будет вверить другой кормилице. Во-вторых, если мать отличается дурными моральными качествами, которые могли бы помешать ребенку усвоить добрые качества, и в то же время была бы возможна иметь благочестивую, с хорошим нравом кормилицу, то я не возражал бы, чтобы вверить ребенка этой последней для усвоения ребенком лучших

качеств души. Но никоим образом нельзя извинить, если в настоящее время самые почтенные, самые знатные и благочестивые матери поручают своих детей немедленно после рождения бесчестным, безбожным женщинам, и иногда даже гораздо более слабого здоровья, чем сами. Ведь таким образом дорогое дитя отдается в жертву вернейшей заразе, физической и духовной. И конечно, в этом случае родителям нечего удивляться, если их дети по своим нравам и действиям оказываются в жизни совершенно непохожими на них и не идут по их стопам. Ведь по известному латинскому меткому выражению: *lacte imbuitur nequitia* — порок всасывается с молоком.

10. В-третьих, когда изнеженные матери боятся, чтобы в процессе забот о детях не утратить чего-либо из своих удобств или изящества формы, что часто вместе со здоровьем они теряют не только покой, красоту, но даже жизнь, потому что, имея молоко, они не прибегают к своим детям, как к своим врачам, которые обыкновенно освобождают матерей от чрезмерно многих, даже скрытых болезней и излишних соков. Вышеназванный философ показал это довольно подробно<sup>30</sup>. Поэтому Плутарх счел нужным написать отдельную книгу и напомнить матерям об их обязанности, к которой они призываются Богом и природою<sup>31</sup>. А Авл Геллий пишет, что недостойны имени матери те, которые отказываются делать то, что повелевает Бог и природа. За это он грозит им даже несчастьями всякого рода<sup>32</sup>.

11. Наконец, отказывать в груди собственным детям не соответствует материнскому достоинству. *Didacus Apolephtes*<sup>33</sup> называет таких не матерями, а мачехами. Весьма многие, говорит он, предпочитают обнимать хоть щенка, чем носить у себя на груди своего сына, и многие скорее стыдятся носить на руках своего ребенка, чем собаку или лесную мышь. Какое животное, спрашиваю я, настолько дико, чтобы доверять своих детей чужим? Напротив того, есть род животных, у которых самец спорит с самкой о том, кому из них ухаживать за потомством. Также птицы, хотя иногда выводят шесть или больше птенцов и Бог не наградил их сосцами, чтобы кормить своих детей, не покидают своих птенцов, но с возможной заботой питают и кормят.

12. А какое зло получается в том случае, если детей кормит не мать, но наемная кормилица, я это поясню тремя примерами трех римских императоров.

По свидетельству Лампридия, во всю свою жизнь Тит был подвержен болезням потому, что у него была больная кормилица<sup>34</sup>. Калигула был дикий зверь в человеческом виде; причину этого приписывали не родителям, а кормилице, грудью которой он питался; она, кроме того, что была злая и безбожная, кормила его грудью, обыкновенно намазывая ее кровью. Отсюда он стал на-

столько свирепым, что не только охотно проливал человеческую кровь, но даже лизал языком кровь, оставшуюся на мече, ни когда не чувствуя удовлетворения своей кровожадности. Он осмелился пожелать, чтобы у всех людей была только такая шея, которую можно было бы срубить одним ударом<sup>35</sup>. Цезарь Тиберий предавался пьянству: его кормилица не только сама была любительницей вина и пьяницей, но и приучила его с детства к супу с вином<sup>36</sup>.

13. Отсюда уже можно видеть, что весьма многое не только в отношении тела и здоровья, но также и в отношении души и нравственности зависит от того, какую кто имел кормилицу. Ведь если кормилица страдает какой-либо явной или скрытой болезнью, то и ребенок будет к ней склонным. Если она будет распутной, лживой, грязнухой, пьяницей, раздражительной, то от ребенка нечего ждать чего-либо другого; семена всех этих пороков он будет всасывать с молоком (Didacus Apolephtes, 111, с. 72 и сл.).

14. Но достаточно об этом при данных условиях. Благочестивые, разумные и пекущиеся о здоровье своих детей родители сами будут знать, как нужно пользоваться этим указанием.

15. Позже, вместе с молоком, детей можно постепенно приучать к другой пище; разумно, однако, начинать с такой пищи, которая более близка к естественной. Эта пища должна быть мягкой, сладкой, легко перевариваемой. Приучать маленьких детей к лекарствам (как у некоторых в обычае) крайне вредно. Во-первых, лекарства являются препятствием для естественного пищеварения в желудке и, следовательно, мешают росту. Лекарство и пища противоположны друг другу: пища дает телу кровь и жизненные соки и увеличивает их, а лекарство противодействует им, удаляет и изгоняет их. Кроме того, принимаемое сверх необходимости лекарство входит в природную привычку и теряет свою силу, а потому в необходимых случаях не дает никаких последствий, так как природа до нему привыкла. Мало того, отсюда следует (что важнее), что дети, привыкшие к лекарствам в нежном возрасте, никогда не достигают полного развития сил и крепкого здоровья, их силы слабы, они становятся больными, бледными, слабосильными, страдают нарывами, ускоряют свой конец и преждевременно умирают.

16. Поэтому, возлюбленные родители, если вы желаете быть мудрыми, не давайте вашим детям без необходимости лекарства как яда, точно так же и в питье и пище — горячего и острого, так как есть блюда переперченные или чрезмерно соленые. Кто кормит детей такого рода блюдами и поит такими напитками, тот делает нечто подобное неразумному садовнику, который, желая, чтобы дерево быстро выросло и расцвело, посыпает корень известью, чтобы согреть его. Конечно, верно, что это растение быст-

рее будет расти и пустит почки, но быстрее начнет засыхать и вянуть и в середине своего роста совершенно погибнет. Ты сомневаешься в этом? Сделай опыт и узнаешь, насколько это «полезно» для детей. Детям и остальным созданиям в нежном возрасте Бог назначил и определил в пищу молоко; итак, их нужно питать им. А как только их можно будет отнять от груди, их нужно питать подобною же пищей, приготовляя ее, однако, в умеренном количестве, а именно — хлебом, маслом, кашами, какими-либо овощами, водою и легкими фруктовыми напитками; так они будут расти, как травка у текучей воды; нужно лишь доставлять им умеренный сон, частые игры, легкие движения и в благочестивых молитвах (что особенно нужно соблюдать) поручать их благополучие и здорью Богу.

17. Поэтому спартанцы, умнейшие из всех народов, которые когда-либо жили на земле, особенно заботясь о правильном воспитании юношества, государственными законами строго запретили пить вино молодым людям до двадцати лет. Если таким образом юношеству воспрещено было употребление вина, то что, можно думать, сказали бы они теперь о приводящем в безумие, недавно изобретенном на погибель человеческого рода напитке, т. е. водке, которая теперь одинаково губит и юношей и старцев? Конечно, теперь время научиться с большей осмотрительностью торговать этим напитком и не губить, и не убивать, по крайней мере, малолетних детей.

18. И вообще за здоровьем детей нужно следить с величайшей тщательностью, так как их небольшое тело хрупко, кости мягки, кровеносные сосуды слабы, ни один член еще не развился вполне и совершенно. Итак, нужна разумная предусмотрительность в том, как ребенка взять на руки, приподнять, носить, положить, спеленать, качать в колыбели, чтобы по неосторожности не повредить ему, как бы он не упал из рук, не ушибся, а оттуда — как бы не лишился зрения или слуха, не стал хромым или увечным. Ребенок — более дорогое сокровище, чем золото, но он более хрупок, чем стекло, легко может подвергнуться сотрясению и быть искалеченным, а происходящий отсюда вред непоправим.

19. А когда дети начнут сидеть, стоять, бегать, то, чтобы при этом они не ударились обо что-либо, нужны маленькие кресла, повязки на коленях, колясожки; всегда нужно начинать с самого маленького. В некоторых местах есть обыкновение повязывать голову детей шапочкой, наподобие подушки, набитой ватой, чтобы, упав, дети не так легко могли повредить голову. Эта предохранительная мера может быть применена и к другим частям тела. От холода и простуды их будет защищать соответствующая одежда и теплое жилище. Говоря кратко, нужно заботиться о том, чтобы слабое здоровье детей не потерпело ущерба от ушибов или



от чрезмерного жара и холода, от обилия пищи или питья или от голода и жажды, но чтобы во всем имела место умеренность.

20. Будет также полезным соблюдать упорядоченный образ жизни, а именно: несколько раз в день нужно ребенку ложиться спать и снова вставать несколько раз его кормить или развлекать игрой, так как это весьма полезно для здоровья и является основой порядка в будущем. Хотя это кому-нибудь может показаться смешным, однако действительно детей можно приучить к довольно приличному и приятному порядку; это доказывают примеры.

21. И так как наша жизнь — огонь, а огонь немедленно гаснет, если не будет иметь притока воздуха и постоянного движения, то дети, по необходимости, должны иметь свои ежедневные упражнения и движения. И для этой нужды детей изобретены раскачивание в колыбели, перенесение с места на место, катание в колясочках (пока они сами не будут в состоянии двигаться и бегать). А когда несколько подросший ребенок начинает владеть ногами, можно ему позволить бегать и выполнять то или другое дело. Чем больше ребенок что-либо делает, бегаёт, играет, тем лучше он спит, тем легче варит его желудок, тем быстрее он растёт, тем он становится сильнее физически и духовно. Только нужно следить за тем, чтобы он не ушибся где-нибудь. Поэтому также для бега и для упражнения нужно найти безопасное место для детей и показать такой способ упражнения, который был бы безвредным, и привлекать кормилиц и нянек для охраны здоровья детей.

22. Наконец, так как по народной пословице: веселое настроение — половина здоровья, мало того, по Сираху, веселие сердца есть сама жизнь человека (30, 23), все родители должны стремиться к тому, чтобы у детей не было недостатка в развлечениях<sup>37</sup>. Например, на первом году настроение у них подымается движением в колыбели, движением рук, пением, щелканием трещотки, ношением по двору или по саду или даже поцелуями, объятиями, лишь бы все это происходило осмотрительно. На втором, третьем, четвертом и т. д. году это происходит благодаря приятной с ними или между ними игре, беганью в разные стороны, преследованию, слушанию музыки и каким угодно приятным зрелищам, рисованию и т. д. И чтобы сказать вкратце, ребенку ни в каком случае не нужно отказывать в том, что ему угодно и приятно; мало того, если к тому, что приятно для зрения, слуха и других чувств, будет замечен какой-либо интерес, то это будет укреплять тело и дух. Не следует допускать только того, что противно благочестию и добрым нравам. Подробно об этом в другом месте<sup>38</sup>.

## ГЛАВА VI

**Каким образом нужно упражнять детей в понимании вещей<sup>39</sup>**

1. Когда я был юнейшим сыном моего отца, говорит мудрейший из людей Соломон (Притч. 4, 4), и единственным у моей матери, то, указывая, что начало всего есть премудрость, отец учил меня, что нужно искать разума и приобретать его всем достоянием<sup>40</sup>. Итак, было бы делом родительской мудрости не только заботиться о том, чтобы их дети были живыми или чтобы у них было накоплено как можно более богатства, но и из всех сил стремиться к тому, чтобы ум их наполнить мудростью. Ведь мудрость дороже драгоценных камней и жемчужин, и все, к чему люди стремятся, нельзя сравнивать с мудростью. Долголетие в правой ее руке, а богатство и слава — в левой. Пути ее — пути прекрасные, и все дороги ее — мирные. Древо жизни у тех, кто ею овладеет, и счастливы те, кто ее удержит. Слова самого святого духа (Притч. 3, 15).

2. Но обдумайте, родители, когда нужно начинать с детьми эти упражнения в мудрости. Соломон говорит, что он получил наставления от своего отца еще в раннем детстве. И хотя он был единственным ребенком у матери, однако она не препятствовала его образованию. Равным образом и нашим детям еще в младенческом возрасте можно дать понимание природных и других явлений. Но каким образом? Конечно, насколько позволяет их нежный возраст, т. е. сообразно с их развитием. Это я покажу на примере.

3. Физическая жизнь у только что родившихся детей заключается в том, чтобы есть, пить, спать, переваривать пищу, расти. Но это не затрагивает их интеллекта. Т о л ь к о н а в т о р о м и л и н а т р е т ь е м г о д у о н и н а ч и н а ю т п о н и м а т ь, что такое папа, что такое мама, пища или питье и пр.<sup>41</sup>. И скоро они станут понимать, что мы называем водою, что огнем, что ветром, что холодом, что жарой, что коровой, что собачкой, а также и некоторые общие различия естественных вещей. Это внушат им няньки, обнимая их своими руками, нося кругом и говоря: «Вот лошадь, вот птица, кошка и т. д.» На четвертом, пятом, шестом году жизни они могут делать все большие и большие успехи в понимании тех же самых вещей, так что они будут знать, что такое камень, песок, грязь, дерево, сук, лист, цветок и пр. Могут также узнать некоторые плоды: грушу, яблоко, вишню, виноград и пр. Также они могут называть по имени внешние члены своего тела и знать вообще их действия. В этом деле могут часто с ними заниматься отец, мать или нянька и, показывая то или другое, называть, предлагая им это самое высказывать, отвечая

на вопросы: Что это? — Ухо. Что ты им делаешь? — Слушаю. А это что? — Глаз. Для какой цели? — Чтобы видеть. Как это называется? — Нога. На что она? — Чтобы ходить, и пр.

4. Основой оптики будет восприятие, созерцание того, что естественно для детей: ведь свет — первое, что может видеть, и он привлекает к себе глаза. Однако должно следить за детьми и не позволять им пристально смотреть на слишком сильный свет и на блеск, которые притупляют остроту зрения, особенно вначале, чтобы не было ослаблено или испорчено зрение, которое только что укрепляется. Нужно позволять им смотреть на умеренный свет и на все, что блещет спокойно, а особенно на зеленый свет. На второй и третий год упражнением в оптике будет предложение детям рассматривать что-нибудь раскрашенное и цветное, показывать красоты небесного свода, деревьев, цветков, текущей воды, повязывать их руки и вешать на шею кораллы, надевать на них красивые одежды и пр., так как все это дети рассматривают с удовольствием. Мало того, острота зрения и мысли развиваются, если дети смотрят в зеркало. На четвертом году и в следующие годы область зрения надо расширять еще больше, так как иногда можно выводить детей из дома: в огород, поле и пр. или к реке, чтобы они рассматривали животных, деревья, травы, цветы, текущую воду, движение мельничных колес и т. п., что доставляет удовольствие их глазам. Далее, приятно видеть рисунки в книгах, картины на стенах и пр. Итак, не следует детей от них отстранять, а, скорее, нужно вводить их во все это.

5. Начала астрономии дети могут получить на втором или, в крайнем случае, на третьем году, смотря на небо и устанавливая различие между солнцем, луною и звездами. На четвертом и на пятом году они будут в состоянии наблюдать, что солнце и луна восходят и заходят; луна иногда бывает полная, иногда наполовину, а иногда серпом: на это можно и должно также указывать. На шестом году можно будет, пожалуй, им сообщить, что зимой дни самые короткие, а ночи самые длинные, напротив, летом день — длинный, а ночь — короткая и пр.

6. Начала географии получают место к концу первого года, когда дети начнут различать свою колыбель и лоно матери. На втором и на третьем году их «география» будет состоять в том, чтобы знать ту комнату, в которой они живут, и пр. Они должны различать, когда нужно есть, ложиться спать или идти гулять, где нужно искать света или тепла. На третьем году они увеличат свои знания по географии, если будут различать и запоминать названия не только своей комнаты, но и сеней, кухни, спальни, того, что на дворе, в конюшне, огороде, в доме и вокруг него. На четвертом году, гуляя, они узнают дорогу по улице к рынку, к соседу, к дяде, к бабушке, к тетке, к своему воспитателю. А на пя-

том и на шестом году они должны все это крепко запомнить и понять, что такое город, деревня, поле, сад, лес, река и пр.

7. Их нужно также учить различать время, а именно: что одно есть день, а другое — ночь, а также, что такое утро, вечер, полдень, полночь; также сколько раз в день нужно есть, спать, молиться. Это будут первые зачатки хронологии. Далее они узнают, что неделя имеет семь дней и какой день за каким следует; шесть дней — будни, а седьмой день — праздник; в праздники нужно быть свободным от работ вне дома и нужно посещать храм и присутствовать при богослужении. А трижды в году празднуются торжественные праздники: рождество Христово — зимою, пасха — весною, пятидесятница — летом; осенью собирается виноград и пр. Хотя они сами по себе научатся это замечать и запоминать, однако ничто не мешает по-детски с ними об этом поговорить при соответствующих случаях.

8. С историей и рассказами о минувшем нужно знакомить детей, как только они начнут говорить, и притом сначала путем детских маленьких вопросов: Кто тебе это дал? Где ты был вчера? Где ты был в среду? Пусть ребенок отвечает: у деда, у бабушки, у тетки и пр. Какой подарочек ты оттуда принес? Что обещал дать тебе твой крестный отец? и пр. Иное из этого само задержится в памяти, нужно лишь наблюдать (так как детская память начинает собирать себе сокровища), чтобы она собирала только доброе и полезное для достижения добродетелей и страха божия; что противно этому, то не должно попадаться ни зрению, ни слуху.

9. Экономические познания (т. е. понимание управления домашним хозяйством) будут начинаться на первом и следующих годах, когда дети начинают узнавать мать, отца и няню, а затем будут узнавать также и других в доме. На третьем году они поймут, что отец и мать в доме распоряжаются, а остальные подчиняются. На четвертом и пятом году они должны приучаться к бережливости; они должны различать свои одежды, предназначенные для праздничных дней и для будней, и первые беречь, не пятнать, не рвать, не пачкать о землю. Отсюда они легко поймут, для какой цели служат сундуки, шкафы, кладовые, подвалы, замки и ключи, а именно чтобы не каждому был доступ куда угодно. Что касается остальной необходимой утвари, то или они сами, смотря на нее, поймут, для чего она предназначена, или узнают от родителей, от нянек, от старших братьев или сестер и из домашнего разговора. В этих целях особенно полезно давать детям для игры деревянные или оловянные лошадки, коровы, овечки, колясочки, горшочки, столы, стулья, кружки, кастрюльки; они будут служить не только для игры, но и для содействия пониманию вещей. Ведь это и означает учить маленьких

детей жизни (Притч. 22, 6), т. е. постепенно открывать им глаза на эти маленькие вещи, чтобы они не остались слепыми в больших.

10. Политические познания детей в первые годы могут быть весьма незначительны. В самом деле, хотя они слышат, что упоминаются слова: господин, начальник, консул, пре-тор или судья, но так как они не знакомы с тем, что эти лица делают, да если бы даже присутствовали в местах исполнения общественных обязанностей, то все-таки не поняли бы сущности политической работы,— не следует и ознакомлять их с этой работой. Все это можно будет изменить, если они приучатся к элементам политического разговора, понемногу постигая (о чем мы упомянем ниже, говоря о развитии нравственности), кому они сами должны повиноваться, кого должны почитать и уважать, чтобы их обращение с отцом, с матерью и с домашними было разумным. Например, если кто-либо их зовет, они должны откликнуться, встать и выслушать, чего от них хотят. На вопросы, хотя бы это была шутка, должны отвечать деликатно. Ведь по отношению к этому нежному возрасту мы охотно позволяем себе ласково, шутливо говорить с детьми для развития их рассудка. Итак, нужно их учить и наставлять, чтобы они понимали, что говорится в шутку или серьезно, а также чтобы они знали, когда на шутку должно отвечать шуткой, и, с другой стороны, чтобы они вели себя серьезно, когда говорят серьезно. Без всякого затруднения они научатся понимать это по выражению лица и жестов, будет ли кто-либо приказывать что-либо или говорить в шутку или серьезно. Если только воспитатели сумеют понять детский характер, они не должны шутить с детьми в какое угодно время, а тем более среди серьезного (например, во время молитвы, или внушений, или уговаривания), а также, прибегая к шутке, не должны наморщивать бровей, гневаться на детей или наказывать их побоями. В подобных случаях дети теряются, не зная, как понимать то или другое. Кто желает, чтобы ребенок стал разумным, должен вести себя с ним разумно, а не делать его сперва глупым или совершенно неразвитым, не понимающим, что происходит.

11. Сильно также развивается ум детей и их понимание баснями о животных и другими искусно сочиненными рассказами. Такого рода маленькие рассказы дети охотно слушают и легко их запоминают. И так как в такие искусно составленные басни большей частью вкладывается какая-либо нравственная идея, то их должно предлагать детям с двойной целью, а именно: чтобы это было занимательно для ума и чтобы постепенно внедрялось в них то, что некогда должно принести им пользу.

12. Вот что мы хотели сказать о том, как разумно развивать в детях понимание вещей. Прибавлю одно. Хотя няньки и родители во всем этом могли бы принести детям немало пользы, однако

еще более полезны тут детям сверстники, все равно — рассказывает ли что-либо один другому, или играет с ним. Одинаковый детский возраст, одинаковые успехи, нравы и привычки более способствуют взаимному развитию, так как глубиною изобретательности один другого не превосходит. Между ними нет никакого стремления к господству одного над другим, никакого принуждения, никакого страха, но одинаковая любовь, искренность, свободные вопросы и ответы о каждом деле. Когда мы возвращаемся среди детей, всегда этого нам, старшим, не хватает, а этот недостаток является препятствием.

13. Итак, никто не будет сомневаться в том, что ребенок будет развивать ребенка более, чем мог бы это сделать кто-либо другой. И поэтому следует не только позволять, но даже принимать меры к тому, чтобы дети ежедневно посещали компании детей и вместе с ними играли на улицах или бегали. Нужно избегать только одного: чтобы дети не входили в испорченные сообщества, которые должны принести больше зла, чем пользы. Осторожные родители, заметив, что по соседству есть такое сообщество, легко предупредят эту опасность и не позволят пачкать этой грязью своих детей.

#### Г Л А В А VII

### **Каким образом нужно приучать детей к деятельной жизни и постоянным занятиям**

1. Дети охотно всегда чем-нибудь занимаются, так как их живая кровь не может оставаться в покое. Это весьма полезно, а потому не только не следует этому мешать, но нужно принимать меры к тому, чтобы всегда у них было что делать. Пусть они будут теми муравьями, которые всегда заняты; что-нибудь катают, несут, тащат, складывают, перекалывают; нужно только помогать детям, чтобы все, что происходит, происходило разумно, и, играя с ними, указывать им даже формы тех игр (ведь заниматься серьезным они еще не могут)<sup>42</sup>. Рассказывают, что когда-то проходивший еще холостой юноша заметил, что афинский полководец Фемистокл на длинной песчаной площадке играет со своим сыном в лошадки. Когда Фемистокл заметил, что юноша удивляется тому, что столь знаменитый муж ведет себя столь по-детски, он просил его не рассказывать кому-либо об этом ранее, чем сам не будет иметь сына. Этим он давал понять, что, сделавшись сам отцом, он лучше поймет чувство родителей по отношению к детям и перестанет смущаться тем, что теперь считает ребячеством.

2. Так как дети стремятся подражать всему, что видят в других, то им нужно позволять это, за исключением тех случаев, когда они хотят пользоваться вещами, которыми они могут нанести себе вред, или что-либо испортить, как, например, ножами, топорами, стеклом и т. п. Где это окажется подходящим, вместо настоящих вещей для пользования детей нужно иметь готовые игрушечные вещи: оловянные ножи, деревянные мечи, плуги, коляски, салазки, мельницы, домики и т. п.; всегда играя с ними, дети будут развивать в теле здоровье, в уме — живость, а во всех членах подвижность. Охотно строят они домики и выводят стены из глины, опилок, дерева, камней; здесь сказывается дар строительства. Словом, во что бы ни захотели дети играть (лишь бы это не было вредным), им нужно помогать, а не мешать. Ведь им больше нечем заниматься, а безделье вредно для души и тела.

3. Идя последовательно год за годом, в первом году достаточно достигнуть механического умения, если дети научатся открывать рот для пищи, держать прямо голову, поворачивать глаза, брать что-либо рукою, сидеть, стоять и пр. Все это будет скорее делом природы, чем упражнения.

4. На втором и третьем году механические навыки будут более широкими. В это время дети начинают понимать, что значит бегать, прыгать, различным образом поворачиваться, играть с чем-либо, зажигать, снова гасить, переливать воду, переносить что-либо с места на место, класть, поднимать, расстилать, ставить, вращать, свертывать, развертывать, сгибать, выправлять, ломать, колоть и пр.; все это нужно разрешать детям; больше того, при удобном случае показывать им.

5. Четвертый, пятый и шестой годы будут и должны быть полны ручного труда всяких строительных работ. Нехорошим признаком является слишком спокойное состояние ребенка во время сидения и ходьбы. Если ребенок всегда бегае и всегда что-либо делает, это служит верным доказательством здорового тела и живого ума. Поэтому, как было сказано, за что бы ребенок ни взялся, не только не нужно ему мешать, но нужно помогать с тем, чтобы все, что делается, делалось разумно и подготовляло дорогу к дальнейшим серьезным трудам.

6. Также в рисовании и в письме нужно заставить детей упражняться в материнской школе на четвертом или пятом году жизни, по мере того как можно будет заметить или пробудить склонность к этому, предложив им мел (более бедным — уголь) с тем, чтобы они по желанию ставили точки, проводили линии, крючки, кресты, круги. В виде игры или для развлечения можно будет понемногу показывать также способ, как это делать. Таким образом они приучаются на будущее время держать мел и писать

буквы и узнают, что такое точка или линия; впоследствии это чрезвычайно облегчит труд преподавателя.

7. Д и а л е к т и к а здесь может быть только естественная и добытая опытом. Как ведут себя те, кто живет вместе с детьми, — разумно или неразумно, так приучаются жить и дети <sup>43</sup>.

8. О с н о в ы а р и ф м е т и к и можно заложить только на третьем году, когда дети начнут считать сначала до пяти, а впоследствии до десяти или, по крайней мере, начнут ясно выговаривать эти числа, хотя бы вначале они и не понимали, что это значит. Потом они сами могли бы заметить, для какой цели служит этот счет. Если на четвертом, на пятом, на шестом году они научатся считать по порядку до двадцати и быстро различать, что семь больше пяти, пятнадцать больше тринадцати, то этого будет достаточно. Какое число четное и какое нечетное, они без всякого труда поймут из игры, которую мы называем «чет-нечет». Упражнять в арифметике далее будет бесполезно и даже вредно. Ведь ничто с таким трудом не воспринимается нашим умом, как число.

9. О с н о в ы г е о м е т р и и они будут в состоянии усвоить на втором году, различая, что мы называем большим и что малым; впоследствии они легко поймут, что такое короткое, длинное, широкое, узкое. На четвертом году они поймут различия некоторых фигур, например, что мы называем кругом, что линией, что крестом. Наконец, они узнают названия более употребительных мер, например дюйм, четверть, пядь, локоть, шаг, фунт, квадрат и пр. Если что-либо станет им более известным, само собою, они попытаются измерять, взвешивать и сопоставлять одно с другим.

10. М у з ы к а для нас — дело наиболее естественное. Как только мы являемся на свет, мы тотчас исполняем райскую песнь, которая напоминает нам о нашем падении: А! а! Э! э! Жалобы, говорю я, и плач — первая наша музыка, удержать от которой детей невозможно, а если бы даже и было возможно, то было бы вредно, так как плач приносит пользу здоровью. Ведь пока нет остальных упражнений в движениях, грудь и остальные внутренние органы таким способом освобождаются от того, что для них излишне. На втором году детям начинает доставлять удовольствие также и посторонняя музыка, т. е. пение, треск, игра на музыкальных инструментах. Итак, понемногу в этом детям нужно идти навстречу, чтобы их слух и сердце услаждались созвучием и гармонией...

11. Но невозможно, чтобы на четвертом году некоторые пели сами; запоздалых не следует принуждать, но нужно им давать в руки свирель, бубен, детский струнный инструмент; чтобы, свистя, звеня, треща, они приучали слух к восприятию различных звуков или даже подражали им...

12. Распевая... вместе с детьми и как бы играя с ними, роди-



тели и няньки совершенно без всякого труда могут внедрить эти песенки в их ум, так как память детей стала уже гораздо обширнее и восприимчивее, чем была раньше, а благодаря ритмам и мелодии воспринимает больше, легче и приятнее. Но чем больше песен дети запомнят, тем приятнее будет это им самим...

#### Г Л А В А VIII

### Каким образом нужно искусно упражнять детей в развитии речи

1. Две особенности решительно отличают человека от животных: разум и речь; разум нужен человеку для самого себя, а речь — для ближнего. Поэтому нужно прилагать одинаковую заботу к тому и другому, чтобы и ум, и язык были у человека как можно более развиты и усовершенствованы. Прибавим теперь кое-что относительно формирования речи, а именно какое начало нужно положить изучению грамматики, риторики и поэтики, когда и каким образом.

2. У некоторых детей азы грамматики <sup>44</sup> начинают сказываться с шести месяцев, но обычно — в конце первого года, когда в их языке начинают формироваться некоторые звуки или даже слоги: а, е, и, ба, ма, та и пр. Но на следующий год это обыкновенно проявляется полнее, когда дети пытаются произносить целые слова. В это время обычно им предлагают произносить некоторые легкие слова: тетя, мама, папа; так и необходимо поступать, ибо сама природа приказывает начинать с более легкого, так как детскому, впервые упражняющемуся, языку трудно произносить так, как произносим мы, взрослые: отец, мать, пища, питье и пр.

3. Однако, как только язык у детей начинает действовать лучше, вредно позволять им говорить картаво. Иначе, когда дело дойдет до изучения более важного, они вынуждены будут, наконец, говорить правильно и отучиваться от того, чему ранее научились неверно. Почему же мать, сестра, нянька не занимаются с детьми которые уже свободно начинают говорить, и во время игр и развлечений не научат их произносить хорошо и отчетливо буквы, слоги и целые слова (однако сперва более короткие) или отдельные буквы или слоги? На этом году жизни им и нужна только такая грамматика. Эти упражнения могут продолжаться до третьего года; иногда, вследствие медленного развития некоторых детей, это необходимо и позже.

4. На четвертом, пятом, шестом году вместе с пониманием окружающего речь детей будет обогащаться; только не следует пренебрегать упражнениями, чтобы они привыкли называть своим

именем все, что видят дома и чем занимаются. Поэтому нужно часто ставить вопросы: что это такое? что ты делаешь? как это называется? — при этом всегда нужно обращать внимание на то, чтобы они произносили слова отчетливо. Требовать большего здесь нет необходимости, разве только не мешало бы помогать, используя развлечения. Например, кто лучше и скорее произнесет какое-либо длинное слово, вроде Таратануара, Навуходоносор, константинопольцы и пр.

5. Риторика <sup>46</sup> также начинается в первом году, и притом с последней своей части, с жестов. До тех пор пока разум этого юного возраста и язык скрываются в глубоких недрах, мы имеем обыкновение вводить детей в познание нас самих и в познание вещей известными жестами и внешними действиями, а именно: когда мы их поднимаем, кладем спать, показываем им что-нибудь или улыбаемся, то посредством всего этого мы показываем, чтобы они со своей стороны посмотрели на нас, засмеялись, протянули руки, взяли то, что мы им даем. Так и мы учимся понимать друг друга скорее при помощи жестов, чем при помощи речи; таким же образом нужно поступать и с глухими. Ребенок может, говорю я, тотчас, на первом и на втором году, научиться настолько, чтобы понимать, что значит веселое и печальное лицо, что значит угроза пальцем, что значит утвердительный или отрицательный кивок головой. Это и есть основа риторического действия.

6. Приблизительно на третьем году дети начнут по жестам <sup>46</sup> понимать фигуральные выражения и подражать, иногда спрашивая, иногда выражая удивление, иногда умалчивая, когда что-либо рассказывают. Из учения о тропах они могут понять немного, пока занимаются тем, чтобы понять собственное значение слов. Однако же, если на пятом или на шестом году они услышат что-либо такое от своих сверстников или от нянек, они также это усвоят. Нечего беспокоиться о том, чтобы в этом возрасте они это поняли или знали, так как они будут иметь еще достаточно времени для этих высоких (украшающих) слов. Я стремлюсь только к тому, чтобы показать, что корни всех наук и искусств в любом и каждом ребенке (хотя бы мы обыкновенно этого не замечали) растут уже в нежном возрасте, и на этих основаниях строить все вполне возможно и нетрудно, лишь бы только с разумным существом мы обращались разумно.

7. Приблизительно то же самое и нужно сказать о поэзии, которая связывает речь рифмами и метрами, а именно что ее основы вытекают из начал речи: как только ребенок начинает понимать слова, то вместе с тем начинает любить также созвучие и ритмы. Поэтому, когда ребенок, упав или где-нибудь ударившись, плачет, няньки утешают его примерно таким или подобным речитативами: «Мой мальчик, мой красавчик, где ты бегал? Что принес?

Если бы дитя спокойно сидело, не вернулось бы с шишкой». Это до того нравятся детям, что они не только легко умолкают, но даже смеются. Обыкновенно также, хлопая у них рука об руку, поют следующее или тому подобное: «О, мой ребенок, мой мальчик, спи прекрасно, сомкни ясные твои глазки, ни о чем не заботься».

8. Было бы хорошо, если бы на третьем и на четвертом году количество такого рода ритмичных прибауток увеличилось.

Пусть няни, играя, напевают их детям не только для того, чтобы отвлечь их от плача, но также и для того, чтобы они сохранились в их памяти и с течением времени могли быть полезными; например, на четвертом, пятом и шестом году дети расширяют знания поэзии, запоминая религиозные стихи. Об этом я напомним ниже (гл. X) среди упражнений в благочестии<sup>47</sup>. Хотя бы дети теперь и не понимали, что такое ритм или стих, однако они учатся на опыте замечать некоторое различие между размеренной речью и прозой. Мало того, когда в свое время то же самое будет разъясняться в школах, им будет приятно сознавать, что они ранее уже узнали нечто подобное и теперь понимают лучше. Итак, детская поэзия состоит в том, чтобы, зная несколько размеренных стоп или стихов, дети могли понять, что такое ритм, или поэзия, и что такое простая речь. Этого достаточно о развитии речи и о том, как далеко и по каким ступеням нужно развивать ее у детей до шестилетнего возраста.

#### Г Л А В А IX

### Каким образом нужно упражнять детей в нравственности и добродетелях<sup>48</sup>

1. В IV главе я изложил, каковы те внешние достоинства, которые должно с первых лет развивать у детей. Теперь я укажу, как благоразумно и удобно это следует производить. Если бы кто-либо спросил, каким образом в столь нежном возрасте можно приучить детей к этим серьезным вещам, я отвечу: молодые деревца легче заставить расти так или иначе, чем взрослое дерево; таким же образом гораздо скорее можно направлять ко всему доброму юношество в первые годы его жизни, чем впоследствии, пользуясь при этом только научными средствами. Они следующие:

- 1) Постоянный образец добродетелей.
- 2) Своевременное и разумное наставление и упражнение.
- 3) Умеренная дисциплина.

2. Необходимо постоянно показывать детям хороший пример, так как (как мы это достаточно показали в «Великой дидактике») Бог даровал детям как бы свойство обезьян, а именно: страсть

подражать всему тому, что на их глазах делают другие. Так, хотя бы ты никогда ничего не предписывал ребенку делать, только бы на глазах его что-либо говорил или делал, ты увидишь, что, подражая, он попытается делать то же; это подтверждается постоянным опытом<sup>49</sup>. Поэтому в том доме, где есть дети, нужна величайшая осмотрительность, чтобы не произошло чего-либо противного добродетели, но чтобы все соблюдали умеренность, опрятность, уважение друг к другу, взаимное послушание, правдивость и пр. Если это будет происходить постоянно, то, несомненно, не нужны будут ни множество слов для наставления, ни побои для принуждения. Но так как часто сами взрослые нарушают правила нравственности, то не удивительно, что и дети также подражают тому, что видят у других, да и вообще свойственно начинать с погрешностей, и наша природа сама по себе склонна ко злу.

3. Однако к этому свойству нужно будет присоединить своевременные и разумные наставления. Уместно будет учить детей словами тогда, когда мы видим, что примеры действуют на них недостаточно, или когда, желая подражать примеру других, они делают это недостаточно умело. Здесь-то и будет полезно дать им наставление, чтобы они вели себя так, а не иначе: вот, смотри, как делаю я, как делает отец и мать. Брось это! Стыдись! Ты не станешь прекрасным юношей, если будешь вести себя таким образом. Так поступают бродяги... и т. п. Прибегать к слишком длинным увещаниям или говорить длинные речи еще не время, да и ни к чему не приведет.

4. Чтобы дети более обращали внимание на примеры добродетелей и на увещания, иногда нужно также наказание. Есть две ступени наказания. Первая ступень — окрик на мальчика, если он в чем-либо ведет себя неприлично. Однако это нужно делать разумно, чтобы он не был потрясен и чтобы в то же время он почувствовал страх и следил за собой.

Иногда могут последовать за этим более сильное порицание и обращение к его совести с последующим увещанием и угрозой, чтобы он этого более не допускал. Если будет заметно исправление, то будет полезно немедленно или немного позже снова его похвалить. Ведь разумной похвалой и порицанием достигается многое не только у детей, но даже у взрослых. Если эта первая ступень наказания останется недействительной, тогда применяется и другая — наказать розгами или побить рукой с той целью, чтобы ребенок опомнился и более следил бы за своим поведением.<sup>50</sup>

5. Здесь я не могу воздержаться от того, чтобы не выразить сурового порицания обезьяньей или ослиной любви со стороны некоторых родителей по отношению к детям. Закрывая на все глаза, такие родители позволяют детям расти без всякой дисцип-

лины и без всякого наказания. В таких случаях детям разрешается совершать какой угодно негодный поступок, бегать туда и сюда, кричать, вопить, без причины плакать, грубо отвечать старшим, приходиться в гнев, показывать язык, позволять себе какое угодно своеволие — все это родители терпят и извиняют. «Ребенок! — говорят они. — Не нужно его раздражать. Он еще этого не понимает». Но ты сам — глупый ребенок! Если ты замечаешь у ребенка недостаток понимания, то почему не пробуждаешь его? Ведь не для того он рожден, чтобы остаться теленком или осленком, но чтобы стать разумным существом. Или ты не знаешь, что глупость связана с сердцем юноши, что она изгоняется оттуда, как говорит Писание, жезлом наказания? <sup>50</sup> (Притч. 25, 15). Почему ты предпочитаешь, чтобы он оставался при своей естественной глупости, а не был бы избавлен от нее с помощью своевременного святого и спасительного наказания? Не думай, что ребенок не понимает. Если он понимает, что значит предаваться своеволию и гневу, беситься, злиться, надувать губы, бранить другого и пр., то, конечно, он поймет также, что такое розга и для чего она служит. Не у ребенка не хватает здравого смысла, но у тебя, глупый человек: ты не понимаешь и не желаешь понять, что будет служить на пользу и отраду и тебе, и твоему ребенку. Ведь почему большая часть детей впоследствии становятся неуступчивыми по отношению к родителям и всячески их огорчают, если не потому, что не привыкли их уважать.

6. Совершенно правильно сказано: кто будет расти без дисциплины, состарится без добродетелей. Ибо должно исполняться Писание, которое утверждает, что розга и наказание приносят мудрость, а своевольный ребенок покрывает свою мать стыдом (Притч. 29, 15). Поэтому-то там же божественная мудрость поучает (17): «Наказывай своего сына, и он успокоит тебя и даст наслаждение душе твоей». Если родители не повинуются этому совету, то получают от детей своих не наслаждение и покой, а позор, укоризну, огорчение и беспокойство. Часто приходится слышать от родителей такие жалобы: у меня плохие и безразличные дети, один — безбожник, другой — расточитель, а тот — человек безрассудный. И что удивительного, мой друг, если ты жнешь то, что посеял? Ты посеял в их сердце своеволие и хочешь собрать плоды дисциплины? Это было бы похоже на чудо: дикое дерево не может приносить плоды привитого. Пока деревцо было нежным, нужно было приложить старание, чтобы оно было привито, согнуто или выпрямлено, а не выросло бы так уродливо. Но так как весьма многие пренебрегают дисциплиной, то нет ничего удивительного, что молодёжь везде вырастает своевольной, дикой, безбожной, что Бог на это гневается, а благочестивые люди огорчаются. Разумно, конечно, сказал кто-то из мудрецов, что ребенок

нуждается в розге, хотя бы казался ангелом. Разве сам Илия не вел благочестивой жизни? Разве не давал благочестивых увещаний своим сыновьям (1 Цар. 2, 2)? Но так как он не прибегал к строгим наказаниям, то судьба его была печальна: своей слабостью он навлек на себя величайшую скорбь, на свой дом — божий гнев, на весь свой род — истребление (2 Цар. 2, 29 и пр. и 3 Цар. 13, 14). Весьма верно д-р Гейлер (знаменитый страсбургский проповедник два века тому назад) такого рода родителей изобразил в следующей картине: дети рвут свои собственные волосы, режут себя ножами, а отец сидит с завязанными глазами<sup>51</sup>.

7. До сих пор были общие соображения. Теперь о вышеуказанных добродетелях я буду говорить отдельно: как дети могут совершенствоваться в них прилично, разумно и легко.

8. Первое место должны занимать умеренность и воздержание, так как это основа здоровья и жизни и мать всех остальных добродетелей. К этому дети привыкнут, если им будут давать столько пищи, питья и позволят столько спать, сколько требует природа. Ведь остальные животные, следующие указаниям одной только природы, более воздержанны, чем мы. Таким образом, дети должны есть, пить, спать только в то время, когда их побуждает к этому природа, именно когда очевидно, что у них есть чувство голода, жажды и потребность сна. Кормить их, поить и укладывать спать помимо их желания было бы безумным. Достаточно, если им давать все согласно с требованиями природы. Нужно обращать внимание на то, чтобы аппетит не возбуждался искусственно каким-нибудь тонкими кушаньями или лакомствами. Ведь это смазанные повозки, на которых возят больше, чем необходимо, это приманки, ведущие к обжорству. Правда, иногда несколько не мешает предложить детям что-либо вкусное, однако давать пищу, состоящую только из лакомств, чрезвычайно вредно как для здоровья (об этом в V главе), так и для добрых нравов.

9. Основы гигиены можно будет закладывать немедленно на первом же году жизни, ухаживать за ребенком с возможно большой опрятностью. Как это должно происходить, няньки, если они не лишены смысла, это знают. На втором, третьем и следующих годах полезно учить детей, чтобы они прилично брали пищу, не пачкали жиром пальцев, не пятнали себя разбрызганной пищей, не издавали во время еды звуков (издавая по-свиному звук губами), не высывали языка и пр. Пить дети должны без лизания, облизывания и неприличного обрызгивания себя. В одежде нужно требовать всяческой чистоты, чтобы они не волочили одежды по земле, не пачкали, особенно умышленно. Детям это свойственно еще по недостатку у них ума, а родители по какой-то глупости на все это смотрят сквозь пальцы.

10. Дети легко привыкнут почитать старших, если узнают, что старшие очень о них заботятся и внимательны к ним. Итак, если часто будешь обращаться к ребенку, будешь его обличать и наказывать, не беспокоясь, он будет питать к тебе уважение. А если детям будешь позволять все, как обыкновенно делают родители, чрезмерно любящие детей, то совершенно несомненно, что дети будут жить в своеволии и упрямстве. Любить детей — дело природы, а скрывать свою любовь — дело благо-разумия. [Вполне правильно говорит Сирах, что необъезженный конь окажется упрямым, а избалованный сын обречен на гибель. Ласкай сына, и утрашит тебя, играй с ним, и опечалит тебя. Не смейся с ним, чтобы не пришлось тебе печалиться за него и, наконец, стиснуть зубы твои (Сир. 30, 8, 9, 10). Итак, лучше держать детей в строгости и в страхе, чем открывать им глубину своей любви и тем самым открывать им дверь к своеволию и непослушанию. Хорошо также давать и другим право порицать детей, чтобы, где бы они ни были (а не только на виду у родителей), они привыкли сдерживать себя и таким образом воспитывать в сердце своем скромность и уважение ко всем людям. Поэтому непредусмотрительно и совершенно неразумно поступают те, кто никому не позволяет даже искоса посмотреть на своих детей. А если кто-нибудь что-нибудь скажет о них или сделает им замечание, родители начинают за них вступаться даже в присутствии самих детей. Благодаря этому горячая кровь, точно оседлав коня, дает полную свободу своеволию и заносчивости. Итак, этого нужно остерегаться.

11. Нужно с величайшим усилием доводить юношество до действительного послушания. Если оно научится сдерживать собственную волю, а чужую исполнять, то на будущее время это послужит основой величайших добродетелей. Нежному растению мы не позволяем расти по своей воле, но привязываем к колышку, чтобы, будучи привязано, легче поднимало свою верхнюю часть и набирало силы. Отсюда совершенно правильно было сказано Теренцием: «Все мы от своеволия становимся хуже»<sup>52</sup>. Итак, всякий раз, как отец или мать скажет ребенку: не трогай этого, сиди, дай ножик, дай то или другое и пр., нужно приучать детей к тому, чтобы они тотчас исполняли то, что им приказывают. А если они пожелают проявить упрямство, то его легко можно будет сломить окриком или разумным наказанием.

12. О персах мы читаем, что в воспитании детей они с величайшим старанием стремились приучать их к воздержанию и правдивости<sup>53</sup>. И не без основания, так как лживость и лицемерие делают человека ненавистным для Бога и людей. Ложь есть порок рабов, и все люди должны питать к нему отвращение, говорит Плутарх<sup>54</sup>. О Боге Писание свидетельствует, что

ложные уста ему омерзение (Притч. 12, 22). Итак, следует требовать от детей, чтобы они не отрицали сделанного, если допустили какую-либо порчу, но скромно сознались и, с другой стороны, не говорили того, чего не было. Поэтому Платон воспрещает в присутствии детей читать сказки и вымышленные басни, а желает вести детей сразу к серьезному<sup>55</sup>. А потому и не знаю, как можно оправдать то, что некоторые имеют обыкновение делать. Они учат детей за сделанный проступок перекладывать вину на других, и если дети сумеют это сделать, то учителя обращают это в шутку и забаву. Но кому от этого величайший вред, как не ребенку? Если он приучится подменять ложь шуткой, то он научится лгать.

13. Враг справедливости — стремление к обладанию чужими вещами — пока еще не заражает этого нежного возраста, если его не портят няньки или те, кто имеет попечение о детях. Это происходит в том случае, если в присутствии детей один уносит вещи у другого и скрывает их, или тайком сберегает себе пищу, или покушается на чужое. Происходит ли это в шутку или серьезно, дети, однако, видя это, приучаются подражать, и в этом также они самые настоящие обезьяны; ведь, что бы они ни видели, это к ним пристаёт, и они делают то же самое. Итак, няньки или те, кто занимается с детьми, должны вести себя в их присутствии с величайшей осторожностью.

14. Радующую и благотворительность (по отношению к другим) в эти первые годы дети будут в состоянии научиться постепенно, если будут видеть, как родителями раздается милостыня среди бедных, или если им самим прикажут отнести ее, или если иногда им подскажут уделить другим что-либо из того, что они имеют. Когда они это сделают, их нужно будет за это похвалить.

15. Наши предки имели обыкновение говорить, что п р а з д н о с т ь — подушка сатаны. И совершенно верно. Ведь кого сатана найдет не занятым трудами, того он займет сам сперва дурною мыслью, а затем также и позорными делами. Итак, благо-разумно уже с нежного возраста не оставлять человека праздным, но постоянно занимать его трудами, так как таким образом зараждается дорога злейшему искусителю. Я разумею, конечно, труды, которые не превышают сил ребенка, хотя они не что иное, как игра (как это и должно быть). Лучше и г р а т ь, чем пребывать в праздности, ибо во время игры ум все-таки чем-либо напряженно занят и часто даже изощряется. Таким образом, без всякого затруднения дети весьма легко могут упражняться в подготовке к д е я т е л ь н о й жизни, так как сама природа заставляет их что-либо делать. Об этом сказано выше (гл. VII).

16. Пока дети еще учатся говорить, им нужно предоставить свободу говорить и возможно больше лепетать. Но после того как



они научились говорить, будет весьма полезным научить их также молчать. Мы желали бы, чтобы они были не немыми статуями, а разумными созданиями. Кто думает, говорит Плутарх, что молчание — дело ничтожное, тот неразумен<sup>56</sup>. Началом великой мудрости является возможность разумно пользоваться молчанием. Молчание никому, конечно, не повредило, но весьма многим повредило то, что они говорили. Вреда могло бы и не быть, однако, так как то и другое — говорить и молчать — является основой и украшением всего нашего разговора на всю жизнь, то они должны быть соединяемы нераздельно, чтобы сразу мы приобретали себе возможность пользоваться тем и другим. Итак, родители должны приучать детей к молчанию во время молитвы и богослужения (как дома, так и в церкви); никакое беганье, крик, шум не должны быть ими позволяемы в это время. Также должны они научиться молча выслушивать какие-либо приказания отца или матери. Другой стороной молчания будет обдуманная речь, чтобы, прежде чем говорить или отвечать на вопросы, дети подумали, что и как им разумно сказать. Ибо говорить все, что подвернется на язык, глупо, и не подходит это тем, из кого мы желаем сделать разумные существа. Однако, как я всегда подчеркиваю, насколько позволяет возраст, на это разумные родители должны обращать серьезное внимание.

17. Качество терпения даже ребенок может отчасти приобрести, если не будет излишней изнеженности и чрезмерной снисходительности. У некоторых уже на первом и на втором году начинают обнаруживаться порочные, дурные наклонности; самым лучшим будет вырвать это тотчас, при самом появлении, как чертополох. Например, какой-нибудь упрямый ребенок криком и плачем стремится добиться того, что пришло ему в голову. Другой свой гнев, злость, жажду мести проявляет кусаясь, ударяя ногами, царапаясь и другими способами. Такие аффекты не являются естественными, а представляют собой только прорастающие плевелы, а потому родители и няни должны относиться к ним с большой рассудительностью и подавлять их также в самом корне. В первом раннем возрасте это легче и гораздо полезнее сделать, чем впоследствии, когда злость пустит глубокие корни. Напрасно говорят (как это обычно у некоторых): «Он — ребенок, не понимает». Выше уже было сказано, что такие люди сами лишены разума. Справедливо, однако, что бесполезные травы мы не сразу можем вырвать, как только они начинают вырастать из земли, так как мы еще не можем правильно отличить дикие травы от посеянных и не можем выдернуть их рукой. Однако верно и то, что не следует ждать, пока они подрастут, потому что впоследствии крапива будет жечь сильнее, чертополох будет больше колоть, а полевые плоды или другие полезные травы будут

заглушены и погибнут. А когда этот терновник, пустивший уже крепкие корни, вырывается силою, то часто подрываются корни у растущего рядом посева. Итак, как только ты заметишь плевелы, крапиву и терновник, тотчас вырывай. Тем успешнее будут произрастать настоящие посевы. Если ты видишь, что ребенок хочет сверх необходимости лакомиться и объедаться медом, сахаром и какими угодно фруктами, ты будь разумнее его и не позволяй этого; уведи его, займи чем-либо другим, на его плач не обращай внимания, достаточно наплакавшись, перестанет и отучится от этого на будущее время с большой для себя пользой. Равным образом, если он пожелает вести себя дерзко и нагло, не жалея его, крикни на него, накажи его физически, уведи у него то, из-за чего он плачет. Таким образом, он, наконец, поймет, что нужно подчиняться твоей воле, а не стремиться к тому, что его манит. Для такого воспитательного приема двухлетний ребенок достаточно созрел; нужна, однако, осмотрительность, чтобы ребенка не раздражить и не вызвать у него гнева. Ибо в этом случае ты сам открыл бы ему дорогу для пренебрежения твоими увещаниями и твоими наказаниями.

18. Чтобы приучить детей к деятельности и услужливости, нужно весьма мало труда, так как, можно сказать, они сами по себе хватаются за все, только бы им не мешали и лишь бы их научили, как это должно делать благоразумно. Итак, отец или мать пусть постоянно поручают детям исполнять то, что они могли бы исполнить сами или через слугу: «Мой мальчик, подай мне это сюда. Подними это, положи это на скамейку. Поди, позови Ваню. Скажи, чтобы Аннушка пришла ко мне. Дай этому нищему четверть унции. Сходи к бабушке, пожелай ей от меня доброго дня и скажи, что я спрашиваю, как ее здоровье, а с возвращением поспеши» и пр.; все — сообразно с силами возраста. Кроме того, следует упражнять детей в быстроте и подвижности (расторопности), так чтобы, когда им что-либо поручается, они, оставив игры и все остальное, исполняли это как можно скорее. Этой готовности подчиняться старшим дети должны научиться с самого юного возраста, и затем она будет служить им великим украшением.

19. Что касается вежливости (*modus civilitatis*), то родители могут обучить ей детей настолько, насколько сами в состоянии быть вежливыми; итак, нет необходимости здесь в специальном указании. Милым будет тот ребенок, который как в отношении к своим родителям, так и в отношении к другим ведет себя почтительно и приветливо; у некоторых это как бы природное, другие должны в этом упражняться, и этим не следует пренебрегать.

20. Наконец, чтобы эта приветливость и ласковость не была

неразумной, ее нужно умерять скромностью и серьезностью. Когда осел, о котором рассказывает басня<sup>57</sup>, видя, что собачка ласкается к своему хозяину хвостом и вскакивает к нему на грудь, попытался сделать то же самое, то вместо благодарности получил удары палкой (так как эта ласка не подходила к нему, как к ослу). Эту басню можно рассказать детям, чтобы и сами они поняли, что кому идет.

21. А чтобы они знали, что прилично и что неприлично, их нужно приучать к известным жестам и движениям: как правильно сидеть, как вставать, как прилично ходить, не кривляясь, не шатаясь, не раскачиваясь; как они должны просить, если им что-либо нужно, как благодарить, когда им дают, как приветствовать, если кого-либо встречают, как сгибать колени и протягивать правую руку, если с ними заговаривают старшие, как снимать шляпу, держать спокойно руки и пр., и многое другое, что касается добрых и хороших нравов и привычек. В другом месте об этом будет сказано подробнее. Здесь было необходимо только коснуться этого.

#### Г Л А В А XI

### Как долго следует держать детей в материнской школе

1. Как маленькие растения, выросшие из своих семян, пересаживают в огород, чтобы они лучше росли и приносили плоды, так и детей, воспитанных под покровом матери, укрепившихся умственно и физически, для лучшего роста нужно передавать на попечение учителей. Ведь перенесенное в другое место деревцо всегда вырастает выше, и огородный плод всегда вкуснее полевого. Но когда и как это нужно делать? Отпускать детей из материнского крова и передавать преподавателям ранее шестилетнего возраста я не советовал бы по следующим причинам.

2. Во-первых, слишком юный возраст требует для себя больше заботы, чем сколько мог бы дать ему учитель, имеющий на своем попечении массу детей. Итак, лучше пока им оставаться под родным кровом матери.

3. Затем безопаснее, чтобы мозг основательно окреп ранее, чем он начнет работать, а у ребенка на пятом или на шестом году едва лишь заканчивается все формирование черепа и мозг становится твердым. Итак, для этого возраста достаточно того, что предлагается для понимания при домашнем обучении, само собой, незаметно и как бы путем игры.

4. Кроме того, было бы совершенно бесполезным, если бы мы действовали иначе. Если взять для прививки сучок еще слабый,

он будет расти слабо и медленно, а если он более крепок — то сильнее и быстрее. Молодая лошадь, слишком рано запряженная в повозку, становится слабее, но, если дать ей достаточно времени, чтобы подрасти, будет везти лучше и вознаградит за данную отсрочку.

5. И наконец, не так велика отсрочка ждать до шестого или начала седьмого года, если приняты меры (как мы указали), чтобы дома не было недостатка в том, в чем дети могли бы укрепляться в эти первые годы своей жизни. Если ребенок вышеуказанным способом уже начал приобретать навыки в благочестии и добрых нравах (особенно в почтительности, послушании и повиновении по отношению к старшим), а также и в мудрости, в быстром выполнении дела, в отчетливом произношении слов, то не будет слишком поздно, если он поступит учиться в школу шести лет.

6. Напротив того, я не хотел бы советовать задерживать ребенка долее шести лет, так как в этот срок легко можно закончить то, что (по вышеуказанному пути) нужно было усвоить дома. И если затем тотчас не отдать ребенка в настоящую школу, несомненно, он привыкнет к бесполезному досугу и снова одичает. Мало того, нужно опасаться, чтобы вследствие этого ненужного досуга к нему не привился тот или иной порок, который потом, точно вредные плевелы, с трудом можно было бы вырвать. Итак, самое лучшее продолжать то, что раз было начато.

7. Однако этого не следует понимать безусловно, как будто переход в школу непременно должен происходить только после исполнения шести лет. Сообразно со способностями ребенка этот срок можно или продлить, или сократить на полгода или даже на целый год. Ведь некоторые деревья приносят плоды даже весной, другие — летом, иные — осенью. Но ранние цветы, однако, опадают быстрее, как мы видим, а поздние лучше созревают. Подобным образом скороспелый плод годен сегодня, а далее не может храниться, а поздний плод может лежать дольше.

8. И хотя некоторые дети (ранее шести, пяти и даже до четырех лет) желали бы высоко летать, однако будет хорошо скорее сдерживать, чем позволять им это, а тем более побуждать их к этому. Иначе тот, кто прежде времени желает быть доктором, едва будет бакалавром<sup>58</sup>, а иногда даже окажется глупцом; так и виноградная ветвь, которая вначале роскошно растет и в большом числе приносит виноград, будет подниматься вверх, однако ослабит корень и будет недолговечна.

Есть, напротив того, дети более отсталые, с которыми едва ли можно будет что-либо начать на седьмом или на восьмом году. Поэтому наш совет, который мы здесь даем, нужно относить к детям со средними способностями (которых всегда бывает большее число). Если у кого-либо будет более способный или более тупой ребе-

нок, тому можно будет посоветоваться с учителями или начальниками школы.

9. Признаки, по которым можно сделать заключение о способности детей посещать общественные школы:

1) Если ребенок знает то, что ему следует знать в материнской школе.

2) Если в нем будут замечены внимание и размышление по поводу предлагаемых вопросов и известная способность суждения.

3) Если у него обнаружится, сверх того, некоторое стремление к более высокому образованию.

## Г Л А В А XII

### Каким образом родители должны готовить своих детей к школе

1. Все человеческие дела, если ими заниматься с пользой, требуют осмотрительности и должной подготовки. На это указывает Сирах (18, 18), требуя подготовки и перед молитвой, и перед судом, и перед тем, как произнести какое-либо слово, хотя бы вопрос оказался особенно ясным (33, 4). И во всяком случае, естественно, чтобы создание, владеющее разумом, ничего не делало без обдумывания, почему это делать и какое должно или может быть следствие, если поступить так или иначе. Итак, родители должны отдавать своих детей для образования в школу обдуманно, и прежде всего сами должны подумать, что предстоит здесь делать, и открыть глаза детям, чтобы они поразмыслили о том же самом.

2. Итак, неразумно поступают те родители, которые без всякой подготовки ведут своих детей в школы, точно телят на бойню или скотину в стадо; пусть потом школьный учитель мучится с ними, терзает их, как хочет. Но еще более безумны те, кто сделали из учителя пугало, а из школы застенок и все-таки ведут туда детей. Это происходит в том случае, если родители или прислуга в присутствии детей неосторожно болтают о школьных наказаниях, о строгости учителей, о том, что больше дети не будут играть, и т. п. «Пошлю тебя в школу, — говорят, — успокоись, выпорют тебя, подожди только» и пр. Этим способом в детях развивается не кротость, но еще большее одичание, отчаяние и рабский страх по отношению к родителям и учителям.

3. Итак, разумные и благочестивые родители, воспитатели и попечители будут поступать так. Во-первых, когда приближается время посылать детей в школу, они будут ободрять их, точно наступает ярмарка или собиране винограда, говоря, что они пойдут в школу вместе с другими детьми и вместе с ними будут учить-

ся и будут играть. Может также отец или мать пообещать ребенку красивую одежду, изящную шляпу, красивую дощечку для письма, книжку и что-либо подобное, а иногда и показать то, что уже приготовлено для ребенка (ко дню отправления в школу). Однако давать этого не будут (чтобы дети все более и более воспламенялись желанием), но будут только обещать, что дадут. Об этом будут говорить такими и следующими словами: «Ну, дорогой сын, усердно молись, чтобы поскорее наступило то время, будь благочестивым и послушным» и пр.

4. Хорошо будет также разъяснить детям, какое это прекрасное дело посещать школу и учиться. Ведь из таких детей выходят важные люди, начальники, доктора, проповедники слова божия, сенаторы и пр., все выдающиеся, славные, богатые и мудрые люди, к которым остальные должны относиться с почтением. Таким образом, гораздо лучше посещать школу, чем дома томиться от безделья или бегать по улицам, или изучать ремесло и пр. Затем учение не есть труд, но забава с книгами и пером, и гораздо приятнее сахара. А чтобы они заранее до некоторой степени познакомились с этими занятиями, не мешает дать им в руки мел, которым бы они могли рисовать на скамейках, на столе или на данной доске проводить линии, рисовать, что только хотят: чашки, кресты, круги, звездочки, лошадей, деревья и пр., передают ли они это верно или нет — неважно, лишь бы только они получали от этого удовольствия. Невозможно, чтобы это осталось без результата; ведь они таким образом легче будут привыкать чертить буквы и различать их, и вообще не следует упускать из виду ничего, что сверх того можно придумать для возбуждения в детях любви к школе.

5. Кроме того, родители должны будут внедрять детям любовь и доверие к будущим преподавателям. Этого одним способом достигнуть нельзя. Иногда нужно любовно упоминать об учителе, называя его дядей по отцу или по матери, крестным отцом, соседом и вообще расхваливая его ученость и мудрость, его любезность и доброту, указывая, что он человек выдающийся, многое знает, ласков к детям и их любит. И хотя и правда, что некоторых он наказывает, но только безнравственных и непослушных, кто заслуживает того, чтобы его наказывали, а послушных он не наказывает никогда. При всем этом он показывает, каким образом что-либо нужно писать или читать и пр. Говоря с детьми так и каким-нибудь иным подобным образом, по-детски, родители должны устранить у детей всякий страх перед школой. Затем также нужно спрашивать: будешь ли ты послушен? Если ребенок скажет, что он будет послушен, ему нужно сказать: итак, знай наверно, что учитель тебя полюбит. А чтобы у ребенка завязалось какое-либо знакомство с его будущим учителем и чтобы он правильно понял сказанное ему и укрепился в этой надежде, мать или отец иногда (от-

правив его одного или со служанкой) может послать учителю какой-нибудь подарок. Тогда учитель (помня о своем долге) ласково с ним поговорит, покажет ему что-нибудь, чего тот не видел (книжку, рисунок, какой-нибудь музыкальный или математический инструмент и то, что ребенку может доставить удовольствие). Иногда также учитель что-либо подарит ребенку: дощечку для письма, флакончик чернил, маленькую монету, какой-нибудь фрукт или что-либо подобное. А чтобы учителю не было от этого ущерба, родители (ради которых это происходит) могут и должны это как-нибудь возместить или вперед что-либо послать. Таким образом, ребенок будет относиться к школе и к учителям бодро и с расположением, особенно если у него будет проявляться благородная натура. Здесь уже половину дела сделает тот, кто так хорошо начнет; ведь сама школа будет для него только забава, и дети будут делать успехи с радостью.

6. Однако, так как всякая мудрость от Господа и пребывает с ним от века (Сир. 1, 19), а он и руководитель к мудрости, и исправитель мудрости и в его руках мы и наши речи, равно промысл и значение (Премудр. 7, 15), то сама необходимость требует, чтобы родители снова в благочестивых молитвах вверяли своих детей Богу, прося, чтобы он благословил их школьные работы и сделал из них сосуды благодати, а если то будет угодно его милосердию, то и орудия своей славы. Так Анна с молитвами поручала своего сына Самуила жрецу Или; так Давид поручал Соломона пророку Нафану; так мать чешского мученика, учителя Гуса, ведя его в чужую страну, несколько раз во время пути, падая с ним на колени, изливала молитвы. Церковь знает, что Бог услышал и благословил ее. Ведь каким образом Бог мог бы отвергнуть то, что ему с плачем и слезами посвящается всем сердцем и пламенно (сперва во чреве матери, после в крещении и снова теперь, при поступлении в школу)? Каким образом не принял бы он столь святой жертвы? Это невозможно.

**ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА,  
содержащая  
универсальное искусство  
учить всех всему,**

**ИЛИ**

*верный и тщательно обдуманый способ создавать по всем общинам, городам и селам каждого христианского государства такие школы, в которых бы все юношество того и другого пола, без всякого, где бы то ни было, исключения, могло обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться благочестия и таким образом в годы юности научиться всему, что нужно для настоящей и будущей жизни,*

**КРАТКО, ПРИЯТНО, ОСНОВАТЕЛЬНО,  
где для всего, что предлагается,**

**ОСНОВАНИЯ** почерпаются из самой природы вещей;  
**ИСТИННОСТЬ** подтверждается параллельными примерами из области механических искусств;  
**ПОРЯДОК** распределяется по годам, месяцам, дням и часам, наконец, указывается  
**ЛЕГКИЙ И ВЕРНЫЙ ПУТЬ** для удачного осуществления этого на практике.

**Ц и ц е р о н** <sup>1</sup>. De divinatione (О прорицании):

«Какой больший и лучший дар мы можем предложить государству, как не тот, чтобы обучать и образовывать юношество, особенно при настоящих нравах и в наше время, когда юношество так испорчено, что его нужно обуздывать и сдерживать общими силами».

**Диоген у Стобея**, 41: Τίς οὖν ἀρχά πολιτείας ἀλάσης; Νέων τροφά <sup>2</sup>.

**Иог. Валент. Андреев**. Диалог Теофила «О христианской литературе»:

«Правильно руководить юношеством — это значит также создавать и преобразовывать государство. Признаваясь откровенно, здесь мне приходилось многое обдумывать, исследовать, изменять, смягчать, расходясь с обычаем, работать между надеждой и страхом. Самым разумным было здесь не слишком ослепляться авторитетом и не увлекаться своими открытиями» <sup>3</sup>.



Т а к ж е:

«Отчаиваться в успехе — бесславно, пренебрегать чужими советами — неблагоприятно».

*Руководящей основой нашей дидактики пусть будет:*

Исследование и открытие метода, при котором учащие меньше бы учили, учащиеся больше бы учились; в школах было бы меньше шума, одурения, напрасного труда, а больше досуга, радостей и основательного успеха, и в христианском государстве было бы меньше мрака, смятения, раздоров, а больше света, порядка, мира и спокойствия.

П с а л. 66, 2—3:

«Боже, будь милостив к нам и благослови нас. Освети нас лицом твоим, дабы мы познали на земле путь твой, во всех народах спасение твое».

## Польза дидактического искусства

П р а в и л ь н о п о с т р о е н н а я д и д а к т и к а в а ж н а:

1. *Для родителей*, которые до сих пор большею частью были не осведомлены, чего им ждать от своих детей. Они нанимали учителей, обращались к ним с просьбами, задабугивали их подарками, даже меняли их так же напрасно, как и с некоторой пользой. Но если метод воспитания доведен до безошибочной верности, то результат, на который не всегда надеются, не может с божией помощью не воспоследовать <sup>4</sup>.

2. *Для учителей*, большинство которых совершенно не знали, как надо учить, и вследствие этого, желая выполнить свой долг, мучили себя и истощали свои силы трудолюбием и старательностью; стремясь достигнуть успеха то тем, то другим способом, они меняли метод не без тягостной потери времени и трудов.

3. *Для учеников*, чтобы можно было довести их до вершин наук без трудности, скуки, окриков и побоев, а как бы играя и шутя.

4. *Для школ*, которые при правильном методе не только можно будет сохранять в цветущем состоянии, но и без конца умножать. Ведь они будут поистине местами игр, домами наслаждения и удовольствий. И тогда (вследствие непогрешимости метода) из какого угодно ученика выйдет ученый (в большей или меньшей степени), никогда не будет недостатка в хороших руководителях школ, и научные занятия всегда будут процветать.

5. *Для государств* — по приведенному ранее свидетельству Цицерона. С этим согласно знаменитое выражение Диггена-пифагорейца (у Стобея): «Что составляет основу всякого государства?—

Воспитание юношей». Ведь никогда виноградные лозы не принесут полезного плода, если за ними не было хорошего ухода.

6. *Для церкви*, так как правильное устройство школ одно только может довести до того, чтобы у церковей не было недостатка в образованных пастырях, а у образованных пастырей — в восприимчивых слушателях.

7. Наконец, важно и *для небес*, чтобы школы были преобразованы для подлинного и универсального совершенствования духа, чтобы тем легче были освобождены от тьмы блеском божественного света те, которых не может пробудить звук божественной трубы. Ведь хотя Евангелие и проповедуется в различных местах и мы надеемся, что будет оно проповедоваться до окончания мира, однако на свете бывает так, как это обыкновенно происходит на каком-либо собрании народа, на ярмарке или в трактире или в другом шумном сборище людей: слушают не исключительно того одного, кто предлагает наилучшее, но и того, кто, встретившись с кем-либо или сидя, или стоя возле него занимает и привлекает своего соседа своей болтовней. Пусть служители слова исполняют свою обязанность с каким угодно рвением; пусть они говорят, возглашают, увещают, заклинают, но большая часть людей их не слушает. Ведь многие посещают религиозные собрания только по какому-либо редкому случаю; другие хотя и приходят на них, однако слушают невнимательно, так как их уши и глаза закрыты и они про себя большей частью заняты другим. Наконец, допустим, что они внимательны и воспринимают смысл священных заветов, однако несомненно, эти заветы не действуют и не влияют на них так сильно, как это должно было бы быть: косность духа и привычка к грехам притупляют у людей ум, ослепляют их, делают нечувствительными, и потому они не могут освободиться от своей спячки. Точно связанные оковами, они остаются в привычной своей слепоте и в своих грехах; следовательно, от застарелой греховности никто не может их освободить, кроме одного Бога, как сказал кто-то из отцов церкви; почти чудо, если закоренелый грешник обратится к раскаянию. Но так как в других случаях, где Бог указывает средства, требовать чуда — значит искушать Бога, то нужно признать, что и здесь также дело находится в таком же положении. Поэтому будем думать, что наш долг — помышлять о средствах, которыми бы вся христианская молодежь все с большим пылом побуждалась бы к силе ума и любви к небесному. И если мы этого достигнем, то увидим, что небесное царство, как это было некогда, расширит свою мощь <sup>5</sup>.

Итак, от столь святой цели пусть никто не отвлекает своих помышлений, своих стремлений, сил и средств. Тот, кто вызвал желание, даст и выполнение его. Подобаает непрестанно просить этого от божественного милосердия в молитвах и представлять себе это

в надеждах. Ведь здесь дело идет о спасении людей и славе всевышнего.

И о г. Валент. Андрее:

*«Отчаиваться в успехе — бесславно, пренебрегать чужими советами — неблагоприятно».*

## ПРИВЕТ ВАМ, ЧИТАТЕЛИ!

1. *Дидактикой называется искусство обучения*<sup>6</sup>. В последнее время некоторые выдающиеся мужи, тронутые сизифовым трудом школ, решили взяться за дело. Но как начинания их, так и успех были различны.

2. Некоторые задались целью написать сокращенные руководства для более легкого преподавания только того или иного языка. Другие изыскивали более быстрые и краткие пути, чтобы скорее научить той или иной науке или тому или другому искусству. Третьи предлагали что-либо иное. Но почти все они исходили при этом из внешних наблюдений, составленных на основе более легкой практики, или, как говорят, а posteriori<sup>7</sup>.

3. Мы решаемся обещать Великую дидактику, т. е. универсальное искусство всех учить всему. И притом *учить с верным успехом*<sup>8</sup>; так, чтобы неуспеха последовать не могло; *учить быстро*, чтобы ни у учащихся, ни у учащихся не было обременения или скуки, чтобы обучение происходило скорее с величайшим удовольствием; *учить основательно*, не поверхностно и, следовательно, не для формы, но подвигая учащихся к истинным знаниям, добрым нравам и глубокому благочестию. Наконец, все это мы выясняем а priori, т. е. из самой настоящей неизменной природы вещей, точно заставляя вытекать из живого источника неиссякающие ручейки; затем, соединяя их в одну большую реку, мы устанавливаем некоторое универсальное искусство создавать всеобщие школы.

4. Конечно, то, что мы обещаем, весьма значительно и крайне желательно. И я легко предвижу, что это кому-нибудь покажется скорее мечтаниями, чем изложением сути дела. Но кто бы ты ни был, читатель, воздержись со своим суждением, пока не узнаешь, что здесь действительного, и тогда будет возможность не только составить заключение, но и произнести его. Ведь я не желаю, не говоря уже о том, что я не стремлюсь, чтобы кто-нибудь, увлеченный нашими взглядами, выразил свое согласие с тем, что еще не исследовано; я настойчиво прошу, убеждаю, настаиваю, чтобы каждый, кто явится в качестве исследователя этого дела, выставлял свои собственные и притом более усовершенствованные взгляды (которые бы не могли быть ослаблены никакими обманчивыми мнениями).

5. Дело это поистине весьма серьезно и, с одной стороны, должно стать предметом общего желания, а с другой — его нужно взвесить общими обсуждениями и продвигать вперед общими совокупными усилиями, так как оно преследует общее благо всего человеческого рода. «Какой больший и лучший дар мы можем предложить государству, как не тот, чтобы учить и образовывать юношество, особенно при настоящих нравах и в наше время, когда юношество так испорчено, что его нужно обуздывать и сдерживать общими силами». Так говорит Цицерон. А Филипп Меланхтон пишет: «Правильно образовывать юношество — это имеет несколько большее значение, чем покорить Трою»<sup>9</sup>. Сюда же относится знаменитое изречение Григория Назианзина: *«Образовать человека, существо самое непостоянное и самое сложное из всех, есть искусство из искусств»*<sup>10</sup>.

6. Следовательно, предложить «искусство из искусств» есть дело чрезвычайной трудности и требует утонченного обсуждения и притом не одного человека, а многих людей, так как один человек никогда не бывает настолько проникательным, чтобы от его взора не ускользнуло весьма многое.

7. Итак, с полным правом я требую от моих читателей, больше того — во имя блага человеческого рода — заклинаю всех, кому дано будет познакомиться с этим трудом, во-первых, не считать безрассудством, что находится человек, принимающий решение не только взяться за столь трудное и столь великое дело, но и давать какие-либо обещания, так как они касаются чрезвычайно спасительной цели. Во-вторых, пусть читатели не приходят в отчаяние в самом начале от того, что не удастся сразу первый опыт и задуманное в наших пожеланиях дело не будет нами доведено до полного совершенства. Ведь прежде всего необходимо, чтобы родились зачатки вещей, а потом уже, чтобы они возрастали по своим ступеням. Поэтому, как бы ни было несовершенно это наше начинание и хотя бы оно еще не достигало намеченной цели, все-таки само дело покажет, что здесь достигнута высшая ступень, более близкая к цели, чем это имело место до настоящего времени. Наконец, я умоляю читателей, чтобы они приложили к делу такое внимание, старание и не только свободу суждения, но и проникаемость, какие нужны для самых великих дел. Моим долгом является указать в немногих словах повод к своему начинанию и в самой простой форме изложить отдельные главные пункты нового начинания, а затем уже одно с полным доверием предоставить благосклонному суждению, а другое — дальнейшему исследованию всех правильно мыслящих людей.

8. *Это искусство учить и учиться* на той ступени совершенства, до которой оно, по-видимому, стремится теперь подняться, в значительной мере было неизвестно предшествующим векам;

и таким образом учебные занятия и школы были полны трудов и гнета колебаний, и самообманов, ошибок и заблуждений, так что более основательного образования могли достигнуть лишь те, кто отличался необычайными дарованиями.

9. Однако с недавнего времени для начинающейся, так сказать, новой эры Бог стал предпосылать как бы утреннюю зарю и внушил некоторым почтенным мужам Германии проникнуться отвращением к запутанности применявшегося в школах метода и размышлять о каком-нибудь более легком и более сокращенном методе обучения языкам и искусствам. Они работали одни вслед за другими, и, таким образом, одни из них достигали поставленной цели с большим успехом, чем другие. Это видно из изданных ими дидактических книг и из их опытов.

10. Я подразумеваю здесь: Ратихия, Любина, Гельвига, Риттера, Бодина, Главмия, Фогелия, Вольфштинрия и всех других, кто мне еще не известен. Но кого мне следовало бы назвать прежде всего, так это Иоганна Валентина Андреэ (который в разных местах своих драгоценных сочинений прекрасно вскрыл болезни как церквей и государств, так и школ и отрывочно указал способы исправления). И во Франции взялись за этот тяжкий труд, причем Жан Сесиль Фрей опубликовал в Париже в 1629 г. заслуживающую внимания дидактику (под заглавием «Новый и легчайший путь к высоким наукам и искусствам, языкам и речам-экспромтам»).

11. Когда, получив откуда-нибудь возможность, я начинал читать эти сочинения, я испытывал, можно сказать, невыразимое наслаждение, которое в значительной степени смягчало мою скорбь о гибели моего отечества и о чрезвычайно тяжелом положении всей Германии. Ведь я стал надеяться, что не напрасно провидение высочайшего существа соединило это вместе, так что и гибель старых школ и устройство новых школ согласно с новыми идеями падают на одно и то же время. В самом деле, у кого явилась мысль воздвигнуть новое здание, тот обыкновенно выравнивает наперед площадку даже путем разрушения старого, менее удобного и близкого к разрушению здания.

12. Эта мысль, говорю я, возбуждала во мне добрую надежду, смешанную с чувством внутреннего удовлетворения. Однако я почувствовал, что эта надежда ослабевает, по мере того как я приходил к убеждению, что столь великое дело недостаточно выясняется мной в самом его основании.

13. Желая иметь более полную осведомленность по ряду вопросов, а по некоторым и получить указания, я обратился с письмами к одному, к другому, к третьему из вышеназванных лиц, но без успеха, отчасти потому, что некоторые слишком ревниво оберегают свои открытия для себя, а отчасти потому, что письма за ненахождением адресата возвращались ко мне без ответа.

14. Только один из них (знаменитейший И. В. Андреа) ответил нам любезно, что передает нам факел и несколько даже воодушевил меня на смелое дело. И я, поощренный этим, чаще стал размышлять о своей попытке, пока, наконец, неудержимое стремление принести пользу всем не побудило меня взяться за дело основательно.

15. Оставив поэтому в стороне чужие открытия, размышления, наблюдения, наставления, я решил рассмотреть самое дело заново и исследовать причины, основания, способы и цели обучения — *discentia*<sup>11</sup>, как предлагает называть все это искусство Тертуллиан<sup>12</sup>.

16. Так возник этот трактат, излагающий и выясняющий дело полнее (как я надеюсь), чем это было до сих пор. Написанный сначала на моем родном языке, на пользу моему народу, теперь уже, по совету почтенных людей, он переведен на латинский язык, чтобы, если это будет возможно, послужить на общую пользу.

17. Любовь повелевает нам не скрывать завистливо от людей того, что Богом дано на пользу человеческого рода, а сделать это достоянием всего мира (так говорит д-р Д. Лубин в своей дидактике). Ибо такова природа всего хорошего (продолжает тот же писатель); его мы должны сообщать всем, так как все доброе тем более и сильнее удовлетворяет всех, чем больше и большему числу лиц сообщается.

18. Сверх того, существует закон гуманности, по которому каждый, кто только умеет, обязан немедленно помочь своему ближнему, когда тот испытывает затруднения, особенно когда дело идет, как в этом начинании, не о благе одного человека, а о благе многих, и не только отдельных людей, но и городов, провинций, государств и даже всего человеческого рода.

19. Если бы нашелся какой-нибудь педант, который считал бы, что призвание богослова не позволяет заниматься вопросами школы, то пусть он знает, что в самой глубине моей души пребывала эта мучительная мысль. Но я убежден в том, что не могу избавиться от нее иначе, как только повинуюсь Богу и излагая перед всеми то, что внушило мне божественное указание.

20. Христианские души, позвольте мне, прошу вас об этом, говорить с вами с полной откровенностью. Как известно тем, кто ближе знает меня, человек я незначительного ума и почти без научного образования. Сокрушаясь, однако, о бедствиях моего времени, я чрезвычайно желаю, если будет дана какая-либо возможность к тому, восполнить наши зияющие пробелы своими или чужими нововведениями, которые везде могут исходить лишь от милостивого Бога.

21. Следовательно, если здесь что-либо даже правильно открыто, то пусть это будет приписано не мне, но тому, кто устами мла-

денцев творит себе хвалу, тому, кто, чтобы явить себя верным, истинным, милостивым на самом деле, просящим — дает, стучащим — отвергает, ищущим — предлагает (Лук. 11, 9—10), чтобы и мы дарованные нам блага весьма охотно раздавали другим. Христос мой знает, что сердце мое так просто, что для меня нет никакой разницы учить и учиться, давать указания и получать их, быть учителем ученых (если бы это в чем-либо мне было позволено) и учеником учеников (если бы я мог в чем-либо надеяться на успех).

22. Итак, что дал мне Господь уразуметь, то я здесь и предлагаю всем. Пусть станет это общим достоянием.

23. Если кто найдет лучшее, пусть поступает так же, как и я, для того, чтобы, положив свою мину<sup>13</sup> в платок и сокрыв ее, не был обвинен в преступлении Господом, который хочет, чтобы его рабы пускали свои мины в оборот, чтобы мина каждого, выставленная у менялы, приобретала другие мины (Лук. 19, 20—26).

«Искать великого дозволено, было дозволено и всегда дозволено будет.

И труд, начатый с Господом, не будет тщетным».

**Всем,  
стоящим во главе дел человеческих,  
правителям государств,  
пастырям церквей, ректорам школ,  
родителям и опекунам детей**

*Благодать вам и мир от Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа во Святом духе*<sup>14</sup>.

Два превосходнейших творения:  
рай и человек.

(Быт. 2, 15), но и отрады для своего

Сравнение человека с раем.

на Востоке. Человек создан по образу того, исходы которого от начала, от дней вечности. Из всех деревьев, существовавших в разных местах земли, в раю были насажены те, которые имели красивый вид и давали сладкие плоды. В человеке, как бы во

1. Созданного из земного праха человека сначала Бог поселил в раю наслаждения, который насадил на Востоке не только для того, чтобы он его охранял и возделывал для того, чтобы сам он также был садом Бога.

2. Ведь как рай был прекраснейшей частью мира, так и человек из всех созданий был самым привлекательным. Рай был насажден

едином целом, сосредоточены были вся мировая материя и все красоты и степени их, чтобы выразить все искусство божественной мудрости. Рай имел древо познания добра и зла. Человек имеет разум, чтобы различать; и волю, чтобы выбирать все, что только есть хорошего или дурного. В раю было древо жизни. У человека — самое древо бессмертия, именно божия мудрость, которая вечные корни положила в человека (Сир. 1, 14). Из места наслаждения для орошения рая вытекала река, которая потом разделялась на четыре потока (Быт. 2, 10). В сердце человека изливаются различные дары святого духа, чтобы его орошать, и снова из его чрева текут источники живой воды (Иоан. 7, 38), т. е. в человеке и по человеку распространяется различным образом божественная мудрость, точно расходящаяся во все стороны река. Об этом также свидетельствует апостол, когда говорит, что через церковь делается известной начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость божия (Еф. 3, 10).

3. Итак, по справедливости каждый человек, если он удерживается там, где он поселен, есть рай отрады для своего Бога. Подобным образом сама церковь, которая есть собрание преданных Богу людей, весьма часто сравнивается в Писании с раем, садом, виноградником божиим.

**Утрата того и другого рая.** 4. Но увы! Несчастье наше! Утратили мы рай телесных наслаждений, в котором мы были, а вместе с ним мы утратили рай наслаждений духовных, которым были мы сами. Мы изгнаны в земные пустыни, и сами мы сделали пустыней и неким заброшенным местом, постыдным и нечистым. Неблагодарны мы были за то, чем в отношении тела и духа обильно наградил нас в раю Бог, поэтому по заслугам лишены мы были и того и другого, причем душа и тело наше преданы были бедствиям.

**Жалоба на это-Бога.** 5. Послушаем об этом пророка, который, обращаясь к гордому и осужденному на казнь тирскому царю, говорит так: «Ты находился в сладости рая божия, твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями: рубином, топазом и алмазом, хризолитом и ониксом, ясписом, сапфиром, карбункулом и изумрудом с золотом. В тот день, в который ты был рожден, тебе были приготовлены литавры и свирели. Ты был херувимом с тех пор, как я помазал тебя владыкою (господином для остальных созданий). С тех пор как я тебя поставил впереди, ты был на святой горе божией, ты ходил среди огнистых камней. Ты совершен был в путях твоих со дня твоего сотворения, доколе нашлось в тебе беззакония. От обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил, и я извергнул тебя, как нечистого с горы божьей, изгнал тебя» и пр. «От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тще-



славия твоего ты погубил мудрость твою, за то Я повергну тебя на землю» и пр. (Иез. 28, 13—17). Низверг, увы. И рассеял нас в праведном негодовании своем; хотя мы были, как сад Эдем, мы сделались точно заброшенная пустыня.

**Восстановление  
нашего рая божьим  
милосердием.**

6. Однако слава, хвала, честь и благословение вовеки да будут сжалившемуся над нами нашему Богу, который, покинув нас на краткое время, однако, не изгнал нас в вечную пустыню. Мало того, посылая свою премудрость, которою созданы были небеса и земля и все, милосердием своим снова утвердил покинутый свой рай, род человеческий, так что, подрезав и обчистив омертвелое и засохшее древо наших сердец, при помощи секиры, пилы и скребка закона своего привил новые прививки из небесного рая. А для того чтобы они могли дать корни и вырасти, оросил их собственной кровью и не преминул снабдить различными дарами своего святого духа, точно источниками живой воды, посылая также своих работников, духовных садовников, которые бы верно несли попечение о новом насаждении Бога. Ведь таким образом обращается Бог к Исаии и в лице его к другим. «Я вложу слова мои в уста твои и тению руки моею я покрою тебя, чтоб устроить небеса и утвердить землю и сказать Сиону: «Ты мой народ» (Ис. 51, 16).

**Церковь — рай.**

7. Итак, зеленеет снова сад церкви, отрада божественного сердца, как снова он говорит у Исаии (51, 3): «Утешит Господь Сион, утешит все развалины его; и положит пустыни его, как наслаждение, и степь его, как сад Господа. Радость и веселье обретутся в нем, славословие и песнопение». И у Соломона: «Запертый сад — сестра моя, невеста; заключенный колодезь — источник запечатанный. Рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками, превосходными плодами, киперы с нардом» (Песн. П. 4, 12—13). Ему отвечает невеста — церковь: «О, ты сам — источник садов, колодезь живых вод, которые бурно текут с Ливана! Поднимись, ветер, с севера и пронесись с юга, повеи на мой сад, да польются его ароматы. Пусть придет возлюбленный мой в сад и пусть вкушает драгоценный плод его» (там же, 15—16).

**Но вскоре опять  
увядающий.**

8. Однако достаточно ли согласно с желанием процветает это новое насаждение божьего рая? Все ли семена счастливо произрастают? Все ли деревья нового насаждения приносят нардовое масло, шафран, корицу, ладан, ароматы, драгоценные плоды? Послушаем голос Бога, который говорит своей церкви: «Я насадил тебя всю, как избранную лозу, самое чистое семя; как же ты обратилась у меня в дикую отрасль чужой лозы?» (Иер. 2, 21). Вот жалоба Бога на то, что и это также новое насаждение рая вырождается.

9. Подобного рода жалобами полно Писание. Жалобы на это Бога и мудрых мужей. Всевозможного смятения полны очи всех тех, кто когда-либо пытался созерцать человеческие дела или даже дела самой церкви. Мудрейший из людей — Соломон, тщательно взвешивая все, что происходит под солнцем, даже собственные свои помышления, слова и дела, начинает оплакивать: «Нигде ничего не встретил я, кроме суеты и томления духа; кривое не может сделаться прямым, а чего нет, того нельзя считать» (Еккл. 1, 15). Таким образом, мудрость есть сама томление духа, и кто умножает мудрость, тот умножает печаль и скорбь (там же, 1, 18).

Почему не печется об этом народ?

10. Кто не знает своей болезни, тот не лечит ее, кто не чувствует боли, тот не издает стонов, кто не замечает опасности, тот не страшится ее, даже будучи поставлен над бездной или перед какими угодно пропастями, так и тот, кто не замечает беспорядков, пожирающих род человеческий и церковь, естественно и не страдает. Но тот, кто видит, что он и другие кругом покрыты язвами, кто начинает чувствовать, как свои и чужие раны и нарывы все более и более гноятся, и чье обоняние поражено невыносимым смрадом развивающегося гниения, кто видит, что сам он и другие поставлены среди чрезвычайно опасных пропастей и бездн и всюду ходят среди расставленных сетей, даже постоянно несутся среди бездонных пропастей и что то один, то другой низвергаются в пропасти, — тому трудно не приходиться в ужас, не приходиться в оцепенение, не погибать от скорби.

Доказательство через индукцию, что все у нас превратно и испорчено.

11. Однако есть же, наконец, что-нибудь в нас и в наших делах на своем месте и в должном состоянии? Ничего, нигде. Все превратным и беспорядочным образом или лежит в развалинах, или разрушается. Вместо разумения, которым мы должны были равняться с ангелами, у большинства такая тупость, что они, наряду с зверями, не знают того, что знать особенно необходимо. Вместо предусмотрительности, благодаря которой мы, предназначенные к вечности, должны были бы готовить себя к вечности, — такое забвение не только вечности, но и смертности, что большинство отдается делам земным и преходящим и даже немедленно угрожающей им смерти. Вместо небесной мудрости, благодаря которой нам дано познавать самого лучшего из лучших, почитать его и испытывать от этого сладчайшее наслаждение — самое позорное забвение того Бога, в котором мы живем, движемся и существуем, и самое безумное оскорбление его святейшей воли. Вместо взаимной любви и справедливости — взаимная ненависть, вражда, войны и убийства. Вместо справедливости — несправедливость, обиды, угнетение, воровство, грабе-

жи. Вместо целомудрия — бесстыдство и непристойности в помышлениях, речах и делах. Вместо простоты и правдивости — ложь, обман, коварство. Вместо смирения — надменность и гордость одних по отношению к другим.

**И мы совершенно погубили.**

12. Горе тебе, несчастное поколение, которое так выродилось. «Господь с небес смотрит на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Но все сошли с пути праведного, сделались равно непотребными, нет ни одного, делающего добро» (Пс. 13, 2, 3). Даже те, кто выдает себя за вождей других, плохо идут вперед, увводя с прямого пути; те, которые должны были бы быть светильниками, большей частью распространяют мрак. А где только есть что-либо доброе и истинное, то искалечено, изуродовано, растерзано; мало того, это тень и обманчивое мнение, если сравнить его с тем, что должно было бы у нас быть. Кто этого не замечает, пусть знает, что он поражен слепотой. Мудрецы, рассматривая свои и чужие дела, видят то, что они видят, не через очки общепринятых мнений, а благодаря яркому свету истины.

**Двойное утешение. Вечный рай.**

13. Но остается нам двойное утешение. Первое, что для своих избранных Бог уготовляет вечный рай, где возвратится совершенство, и притом более полное и более надежное, чем то первое, которое теперь потеряно. В этот рай восходил из своей телесной оболочки Христос (Лук. 23, 43), им восхищен был Павел (2 Кор. 12, 4) и славу его созерцал Иоанн (Откр. 2, 7 и 21, 10).

**Восстановление рай церкви уже здесь, на земле.**

14. Второе утешение заключается в том, что уже здесь, на земле, Бог обычно восстанавливает рай церкви и пустыни ее превращает в сад наслаждения, как показывают вышеприведенные божественные обетования. Несколько раз мы уже видели, как это было торжественно сделано: после грехопадения, после потопа, после введения народа в землю Ханаанскую, при Давиде и Соломоне, после возвращения из Вавилона и восстановления Иерусалима, после вознесения Христа на небеса и проповеди Евангелия язычникам, при Константине и в другие времена. Если, быть может, и теперь также, после ужасов столь страшных войн, после таких опустошений стран, захочет милостивый отец взречь на нас более благосклонным оком, с благодарностью должны мы идти навстречу Богу и сами также помогать себе в наших делах теми способами и теми путями, которые укажет премудрый Бог, все располагающий по своим путям.

**Самый  
действительный  
способ  
восстановления —  
через правильное  
наставление  
юношества.**

15. Это прежде всего то, о чем у нас учит божественное Писание. Нет на земле никакого более действенного пути для исправления человеческой испорченности, как правильное воспитание юношества. Соломон, исследовавший все лабиринты человеческих заблуждений и выразивший жалобу на то, что превратного нельзя исправить и недостатков нельзя исчислить, все же наконец обращается к юношеству. Он заклинает юношество помнить о Творце своем, бояться его и соблюдать заповеди его, потому что в этом все для человека (Еккл. 12, 13). В другом месте он говорит: «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, даже когда и состареет» (Притч. 22, 6). Также и Давид призывает: «Придите, дети, послушайте меня: страху господню научу вас» (Пс. 33, 12). Но и сам божественный Давид и истинный Соломон, вечный Сын Божий, ниспосланный к нам с небес для нашего преобразования, как бы простертым перстом указал нам тот же путь, говоря: «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие божие» (Марк. 10, 14). А нам остальным говорил: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство небесное» (Матф. 18, 3).

**Дети не только  
предмет истинного  
возрождения,  
но и образец его.**

16. О, что это за речи! Послушайте это и внимательно обдумайте все, что Господь и учитель всех здесь изрекает нам. Как он возвещает, что одни лишь малые достойны царства божия; мало того, они являются наследниками того же царства; лишь тех одних допускает он к участию в наследстве, кто уподобится малым. О, если бы вы, дорогие дети, понимали это ваше небесное превосходство! Вам принадлежит вся та красота, все то право на небесную родину, которые еще остались нашему роду, — ваш Христос, ваше освящение духа, ваша благодать божия, ваше наследие будущего века — ваше все это, ваше преимущественно и непреложно, мало того, касается это вас одних или того, кто, обратившись, станет, как вы. Мы, взрослые, считающие людьми только одних себя, а вас только обезьянками, себя только мудрыми, вас — неразумными, себя одних — красно-речивыми, а вас — бессловесными, — теперь мы становимся вашими учениками. Вы даны нам в учителя, ваши поступки — образец и пример нашим.

**Почему малых детей  
так ценит Бог?**

17. Если бы кто-нибудь пожелал взвесить, почему так ценит и прославляет Бог детей, тот не найдет лучшей причины, чем та, что у детей все более просто и более приспособлено для принятия исцеления, которое предлагает нам божественное милосердие при таком печальном положении человеческих дел. Хотя грех, идущий

от падения Адама, заразил всю массу нашего рода, однако второй Адам, Христос, снова приобщил род человеческий к себе, к древу жизни, и отсюда не исключается никто, кроме того, кто исключает себя своим собственным неверием, чего не бывает еще у детей (Марк. 16, 16). Отсюда-то и следует, что дети, еще не оскверненные снова грехами и неверием, провозглашаются единственными наследниками царства божия — только бы они умели хранить себя в полученной уже благодати божией и сберечь себя не оскверненными миром. И этому легче могут научиться дети, чем другие, так как они еще не захвачены дурными привычками.

Почему к ним  
отсылает нас,  
взрослых, Христос?

18. По этой причине Христос повелевает нам, взрослым, чтобы мы стали, как дети, т. е. чтобы мы отучились от зла, которое мы восприняли от дурного воспитания и которому мы научились благодаря дурным примерам мира, и чтобы мы вернулись в прежнее состояние простоты, кротости, смирения, чистоты, послушания и пр. А так как ничто не достигается с большим трудом, чем отвыкнуть от привычек (ведь привычка — вторая природа, а природу гони в дверь, а она все-таки вернется в окно), то отсюда следует, что *нет ничего труднее, как перевоспитать человека плохо воспитанного*. Дерево, вполне выросши высоким или низким, с ветвями, распростертыми прямо или искривленными, так и остается и не допускает изменения своего вида. Обод, согнутое в колесо дерево, как показывает опыт, неизменно находящееся в этом положении, легче ломается, чем выпрямляется. То же самое возвещает Бог о людях, привыкших поступать дурно. «Может ли эфиоплянин переменить кожу свою и барс пятна свои? Так и вы — можете ли делать доброе, привыкши делать злое?» (Иез. 13, 23).

Необходимо, чтобы  
возрождение церкви  
началось с детей.

19. Отсюда с необходимостью вытекает вывод: *если нужно употребить средства против испорченности человеческого рода, то это должно производиться главным образом путем осторожного и предусмотрительного воспитания юношества*. Точно так же, кто хочет обновить сад, тот должен насадить в нем молодые деревца и, насадив, тщательно ухаживать за ними, чтобы обеспечить успешный их рост, тогда как, при пересадке состарившихся деревьев и при прививке им плодородия, искусство садоводства обладает ничтожной силой. Поэтому и простые умы, еще не захваченные и не оскверненные суетными мирскими помыслами и привычками, Богу наиболее угодны.

**Свидетель Бог.**

20. Это показывает Бог у пророка, когда жалуется на всеобщее развращение и свидетельствует: «Не осталось никого, кого бы можно было учить ведению и кого вразумлять проповедию, кроме отнятых от грудного молока, отлученных от сосцов матери» (Ис. 28, 9).

**Образное действие Христа.**

21. Кажется, что Господь пожелал явить то же самое, когда, намереваясь отправиться в Иерусалим, повелел привести себе ослицу и осленка; но поехал не на ослице, а на осленке. Евангелист прибавляет: «Повелел Господь привести такого осленка, на которого еще никто не садился» (Лук. 19, 30). Подумаем, было ли это сделано и засвидетельствовано без цели! Совсем нет! Все самые великие и самые малые изречения Христа и дела его, как и каждая буква в Писании, содержит в себе тайны для нашего наставления. Хотя Христос призывает к себе старцев и юношей и тех и других радостно ведет с собой к небесному Иерусалиму, однако ясно, что более молодые, еще не порабощенные миром, являются более подходящими, чтобы приучаться к игу Христа, предпочтительны пред теми, кого мир сломил и испортил, возложив на них свое бремя. Поэтому справедливо приводить ко Христу наше юношество: с радостью Христос возлагает на него свое благое иго и себя самого.

**Что значит предусмотрительно воспитывать юношество?**

22. Предусмотрительно воспитывать юношество — это значит заботиться о том, чтобы души юношей предохранялись от соблазнов мира и врожденные им семена нравственности вызывались к счастливому произрастанию чистыми и постоянными наставлениями и примерами и, наконец, их умы исполнились бы истинным познанием Бога, самих себя и различных вещей, да научатся они в этом свете видеть свет божий и превыше всего любить и почитать отца светов.

**И какой от этого плод?**

23. Если бы это произошло, то было бы ясно, что на самом деле истинно поет псалмопевец, что Бог из уст младенцев и грудных детей устроил хвалу ради врагов своих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя (Пс. 8, 3), т. е. чтобы уничтожить сатану, который из мести за свое осуждение сокрушает юношество, это юное насаждение божие, различными язвами самых ложных своих измышлений или в корне отравляет его своим адским ядом (примерами различного нечестия и извращенных побуждений), чтобы юные растения или совсем засохли и погибли, или, по крайней мере, зачахли и захирели и стали бесполезными.

**Каким образом Бог печется о юношестве?**

24. По этой причине Бог, с одной стороны, ниспосылает детям своих ангелов-хранителей (Матф. 18, 10), а затем поставил воспитателей-родителей, повелевая, чтобы они воспитывали детей в учении и наставлении господнем (Еф. 6, 4); наконец, всем остальным строго повелевает не соблазнять юношество дурными примерами и не развращать его, а тем, кто поступает иначе, возвещает вечное страдание (Матф. 13, 6—7).

**Итак, нам должно держаться примера патриархов.**

25. Но каким образом мы будем выполнять это при таком распространении мирских беспорядков? Во времена патриархов, когда эти святые мужи, удаленные от мира, обитали отдельно и сами были в своих семействах не только отцами семейств, но и священниками, учителями и наставниками, дело шло легче. Ибо, удалив своих детей от общества злых людей, патриархи показывали свет своим благим примером добродетелей, легким назиданием, убеждением и, где было нужно, порицанием, и таким образом они увлекали их за собой. Что часто делал это Авраам, об этом свидетельствует сам Бог, говоря: я знаю, что он будет заповедовать сынам своим и дому своему после себя ходить путем господним, творя правду и суд (Быт. 18, 19).

**Ныне дурные сообщества губят юношество.**

26. Но теперь мы живем вместе, хорошие смешавшись со злыми, и число злых бесконечно больше числа добрых. Примерами злых так сильно увлекается юношество, что предлагаемые в противодействие злу наставления о соблюдении добродетели либо не имеют никакой силы, либо имеют силу ничтожную.

**И родители не заботятся о том, чтобы противодействовать злу, или не умеют этого сделать.**

27. Что же сказать о том, что и наставления в добродетелях предлагаются редко? Немного есть родителей, которые могли поучить своих детей чему-либо доброму или потому, что сами не учились ничему подобному, или потому, что, будучи заняты другим, этим пренебрегают.

**И не все учителя.**

28. Немного есть таких учителей, которые умели бы хорошо внушать юношеству добрые правила. А если иногда такой и бывает, то такого учителя отвлекает какой-нибудь вельможа, чтобы он отдал свой труд частным образом детям вельможи, и его способности не приносят пользы для народа.

**Отсюда все дичает и стремительно несется к худшему.**

29. Вследствие этого остальное юношество растет без должного ухода, наподобие леса, которого никто не насаждает, никто не орошает, не обрезывает, не выпрямляет. Поэтому дикие и неукротимые нравы и обычаи владеют миром и всеми городами и селениями, всеми домами и всеми людьми, у которых

в теле и душе — везде величайшее множество неурядиц. Если бы сегодня у нас воскресли и вернулись к нам Диоген, Сократ, Сенека, Соломон, они не нашли бы у нас ничего другого, кроме того, что было когда-то. Если бы Бог с небес нам стал говорить, то не сказал бы ничего другого, кроме того, что сказал некогда: «Все уклонились, сделались равно непотребными; нет ни одного, делающего добро» (Пс. 13, 3).

Итак,  
для общего блага  
всем нужно  
объединить свои  
заботы или ждать  
божьего гнева.

30. Поэтому, если бы нашелся кто-нибудь такой, кто может подать какой-либо совет, или что-либо придумать, или мольбами, вздыханиями, плачем и слезами вымолить у Бога указания о том, каким образом можно было бы всего лучше позаботиться о подрастающем юношестве, тот пусть не молчит, пусть дает советы, размышляет, молит. «Проклят, кто слепого сбивает с пути», — говорит Господь (Втор. 17, 18). *Проклят и тот, кто, имея возможность отвести слепого с ложного пути, не отводит его.* Итак, горе тому, кто соблазнит одного из малых сих, сказал Христос (Матф. 18, 6—7). Горе также и тому, кто, имея возможность отстранить соблазны, не отстраняет их. Бог запрещает покидать осла или вола, блуждающего в лесах и полях или лежащего под бременем ноши, и повелевает помочь ему, даже если бы ты не знал, чей он, даже если бы ты знал, что он принадлежит врагу твоему (Исх. 23, 4; Втор. 22, 2). И неужели должно быть ему угодным, если мы, видя, как блуждают не неразумные животные, но разумное создание, не одно или другое, а весь мир, пройдем спокойно, не попытаемся помочь?! Да не будет этого, да не будет!

На Вавилон  
заблуждений нужно  
обнажить меч.

31. Проклят, кто дело Господа делает лукаво, и проклят тот, кто удерживает меч свой от крови Вавилона (Иер. 18, 10). И смеем ли мы надеяться, что не падет на нас вина, если мы спокойно будем терпеть проклятый Вавилон наших заблуждений? О, обнажи меч всякий, кто им препоясан или кто знает, в каких ножнах он пребывает сокрытым. И чтобы быть тебе благословенным от Бога, споспешествуй истреблению Вавилона.

К гражданской  
власти.

32. Совершайте это господнее дело, вы, власти, слуги высшего Бога, и мечом, которым препоясал вас Господь, мечом справедливости истребляйте беспорядки, которыми наполнен мир и которыми раздражает он вашего Бога.



**И к руководителям церкви.**

истребляйте зло. Чтобы искоренять, разорять, уничтожать, разрушать зло и опять созидать и насаждать добро, затем вы и поставлены (Иер. 1, 10; Рим. 13, 4 и пр.).

Вы уже уразумели, что в человеческом роде нельзя противодействовать злу удачнее, как противодействовать ему в раннем возрасте человека; нельзя удачнее насаждать молодые деревья, предназначенные к вечности, как насаждая и ухаживая за ними в юном возрасте; нельзя на месте Вавилона воздвигнуть Сион, если живые камни божии, юношество, не будут своевременно выломаны, обтесаны, отполированы и приспособлены для небесного строительства. *Итак, если мы желаем, чтобы были хорошо благоустроены и процветали церкви, государства и хозяйства, прежде всего упорядочим школы и дадим им расцвести, чтобы они стали истинными и живыми мастерскими людей и рассадниками для церквей, государств и хозяйств.* Так — достигнем мы нашей цели, по-иному — никогда.

**Теперь нужно изложить и взвесить способ этой работы.**

34. Но каким образом нужно приняться за дело и довести его до желанной цели, это теперь мы, дух которых уже пробудил Господь, раскроем перед вашим взором. В чем это заключается — смотрите, слушайте, внимайте все, кому только Бог дал очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и разум, чтобы понимать.

**Что следует делать, если кто-либо увидит новый свет?**

35. Если кому-либо блеснет не замеченный ранее свет, да воздаст он хвалу Богу и пусть не скрывает этого нового света от нового века. Если же в этом свете заметишь даже малейший недостаток блеска, или усиль его и исправь, или, чтобы его можно было исправить, скажи: много глаз видят больше, чем один.

**Деятельным людям здесь нужно ожидать награды.**

36. Таким образом мы взаимно будем помогать друг другу согласно вести дело божие; таким образом мы избегнем проклятия, предвозвещенного для тех, кто лукаво делает дело божие; таким образом всего лучше мы будем пещись о драгоценнейшем сокровище мира; о юношестве; таким образом мы будем участниками славы, обещанной тем, кто других научает справедливости (Дан. 12, 3). Да умилосердится к нам Господь, да во свете его узрим свет. Аминь!

### Содержание глав

I. Человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходящее творение.

II. Последняя цель человека находится за пределами этой жизни.

III. Эта жизнь является только приготовлением к вечной жизни.

IV. Есть три ступени приготовления к вечности: познание себя (и вместе с собой — всего), управление собою и стремление к Богу.

V. Семена образования, добродетели и благочестия заложены в нас от природы.

VI. Человека, если он должен стать человеком, необходимо формировать.

VII. Формирование человека легче всего происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить.

VIII. Юношество должно формироваться совместно, и для этого нужны школы.

IX. Школам нужно верить всю молодежь обоего пола.

X. Обучение в школах должно быть универсальным.

XI. До сих пор не было совершенных школ.

XII. Школы можно преобразовать к лучшему.

XIII. Основую преобразования школ является точный порядок во всем.

XIV. Точный порядок для школы следует заимствовать у природы.

XV. Основы для продолжения жизни.

XVI. Требования к обучению и учению, т. е. как учить и учиться.

XVII. Основы легкости обучения и учения.

XVIII. Основы прочности обучения и учения.

XIX. Основы кратчайшего пути обучения.

XX. Метод наук в частности.

XXI. Метод искусств.

XXII. Метод языков.

XXIII. Метод нравов.

XXIV. Метод внушения благочестия.

XXV. Если мы желаем, чтобы школы были вполне реорганизованы на подлинных началах истинного христианства, должно или удалить книги язычников, или, по крайней мере, пользоваться ими с большей осторожностью, чем это было до сих пор.

[XXVI. О школьной дисциплине.]

XXVII. О четырехступенном устройстве школ в соответствии с возрастом и успехами учащихся.

XXVIII. Идея материнской школы.

XXIX. Идея школы родного языка.

XXX. Очерк латинской школы.

XXXI. Об академии, путешествиях и коллегии света.

XXXII. О всеобщей совершенной организации школ.

XXXIII. Об условиях, необходимых для практического применения этого всеобщего метода.

## Дидактика

### Г Л А В А I

#### Человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее творение

Думали,  
что изречение  
«познай самого себя»  
упало с неба.

И, однако,  
поистине оно упало  
с неба.

Возвышенность  
человеческой  
природы.

1. Когда некогда Питтак<sup>15</sup> провозгласил свое знаменитое изречение  $\gamma\nu\phi\theta\iota\ \sigma\epsilon\alpha\iota\tau\acute{\iota}\nu$  [«познай самого себя»], то оно было встречено мудрецами с таким одобрением, что они, желая увековечить его в народе, утверждали, будто оно упало с неба, и велели начертать его золотыми буквами на храме Аполлона Дельфийского, куда стекалось множество людей. Последнее разумно и благочестиво, а первое, конечно, выдуманно, но в общем правдоподобно; это нам ясно более, чем им.

2. Ведь разве раздающийся в Писании голос не значит «познай, о человек, меня, и ты познаешь себя». Меня — источник вечности, мудрости и блаженства, себя — мое творение, мой образ, мое наслаждение.

3. Ибо тебя я предназначил быть моим участником в вечности; на твою пользу я создал небо и землю и все, что содержится в них; тебе одному совокупно вручил то, что остальным творениям в отдельности: бытие, жизнь, чувство и разум. Тебя я поставил над делами моих рук, все положил под твои ноги, овец и волов и полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, и таким образом славою и честью увенчал я тебя (Пс. 8, 5—9). Наконец, чтобы не было у тебя недостатка ни в чем, я сам явился к тебе, соединившись сущностью своей с тобой, соединяя мою природу с твоей на вечность, как не выпадало это

на долю никакой иной твари, видимой и невидимой. Ибо неужели какое-либо создание на небе или на земле может похвалиться тем, что Бог явился во плоти, показал себя ангелам (1 Тим. 3, 16), конечно, не для того, чтобы они видели только и с изумлением созерцали того, кого видеть желали (1 Петр. 1, 12), но чтобы поклонялись Богу, явившемуся во плоти, т. е. сыну божью и сыну человеческому (Евр. 1, 6; Иоанн. 1, 52; Матф. 4, 11). Итак, пойми, что ты полное завершение моих творений, удивительный микрокосм <sup>16</sup> и наместник Бога среди моих творений, венец моей славы.

Она должна быть поставлена пред очами всех людей.

4. О, если бы все это было начертано не на дверях храмов, не на заглавных листах книг, наконец, не на устах, не в ушах и очах всех людей, а в их сердцах! Именно к этому должно стремиться всем, кто несет обязанность образовывать людей, чтобы они, помня об этом достоинстве и своем превосходстве, научили всех жить и направляли все средства к тому, чтобы достигнуть этой возвышенной цели.

## Г Л А В А П

### Последняя цель человека находится за пределами этой жизни <sup>17</sup>

1. Высшее из творений должно иметь высшую цель.

Богом, высшим пределом всякого совершенства, славы и блаженства, наслаждался вместе с ним славой и блаженством во веки.

2. Это ясно:

в таком положении, однако не было бы потерей труда коснуться, хотя бы мимоходом, того, сколькими способами Бог в этой жизни изобразил нам нашу высшую цель.

1) Из истории творения.

3. И прежде всего, конечно, в самом творении. Ведь человеку не повелел Бог просто существовать, подобно прочим созданиям, но предпослал торжественный совет; тело он образовал ему как бы собственными перстами, а душу вдохнул в него из самого себя.

2) Из нашего устройства.

4. Наше устройство показывает, что для нас достаточно того, что есть у нас в этой жизни, *ибо мы живем здесь тройною жизнью: растительною, животною и умственною, или духовною*, из которых первая нигде не выходит за пределы тела, вторая через действия чувств и движения направляется к предметам, а третья может

существовать также отдельно, как это видно у ангелов. А так как очевидно, что эта высшая ступень жизни сильно у нас затмевается и скрывается первыми ступенями, то по необходимости следует, что должно существовать место, где бы она доведена была до совершенства.

3) Из всего, что мы здесь делаем и претерпеваем.

5. Все, что мы в этой жизни делаем и терпим, показывает, что здесь мы не достигаем последней цели, но что все наше существо, как и мы сами, имеет иное назначение. Все, что мы есть, все, что мы делаем, думаем, говорим, замыслием, приобретаем, имеем, есть только некоторая лестница; продвигаясь по ней все далее и далее, мы всегда, правда, восходим на высшие ступени, однако последней ступени мы не находим никогда. Вначале человек ничто, как ничто он был от вечности, а только во чреве матери воспринимает начало от капли отцовской крови. Итак, что такое вначале человек? Бесформенная и грубая масса. Затем он принимает очертания маленького тельца, однако без чувства и движения. После этого он начинает двигаться и силою природы выходит наружу; понемногу открываются глаза, уши и остальные чувства. С течением времени проявляется внутреннее чувство, когда человек понимает то, что он видит, слышит и чувствует. Далее, через наблюдение различия вещей, появляется рассудок. Наконец, воля, направляясь к одним предметам, отвращаясь от других, принимает на себя обязанность руководительницы.

3. Во всем этом есть постепенность, однако без окончательного предела.

6. Но и внутри указанных отдельных ступеней есть своя постепенность. Ведь и понимание вещей проявляется постепенно, выступая точно сияние утренней зари из глубокой тьмы ночи и проливая все больше света, пока продолжается жизнь (если только кто-нибудь не погружается в скотское состояние вообще), и так вплоть до самой смерти. Наши действия также сперва слабы, бессильны, грубы и слишком беспорядочны. Постепенно затем, вместе с силами тела, развиваются также качества духа, так что, пока мы живем (если кого-либо не охватит и не похоронит его заживо крайнее тупоумие), всегда мы что-нибудь делаем, замыслием, предпринимаем, и *все это в благородной душе всегда стремится выше, не достигая, однако, конечного предела. Ибо в этой жизни нельзя найти какого-либо предела желаниям и стремлениям.*

Это обнаруживает всякий опыт.

7. Куда бы кто ни обратился, он узнаёт это на опыте. Кто полюбит сокровища и богатство, тот не сможет утолить свою жажду, хотя бы он владел целым миром: это стало ясно на примере Александра<sup>18</sup>. Кто воспламенится жаждой почестей, тот не в состоянии

на долю никакой иной твари, видимой и невидимой. Ибо неужели какое-либо создание на небе или на земле может похвалиться тем, что Бог явился во плоти, показал себя ангелам (1 Тим. 3, 16), конечно, не для того, чтобы они видели только и с изумлением созерцали того, кого видеть желали (1 Петр. 1, 12), но чтобы поклонялись Богу, явившемуся во плоти, т. е. сыну божью и сыну человеческому (Евр. 1, 6; Иоанн. 1, 52; Матф. 4, 11). Итак, пойми, что ты полное завершение моих творений, удивительный микрокосм <sup>16</sup> и наместник Бога среди моих творений, венец моей славы.

Она должна быть поставлена пред очами всех людей.

4. О, если бы все это было начертано не на дверях храмов, не на заглавных листах книг, наконец, не на устах, не в ушах и очах всех людей, а в их сердцах! Именно к этому должно стремиться всем, кто несет обязанность образовывать людей, чтобы они, помня об этом достоинстве и своем превосходстве, научили всех жить и направляли все средства к тому, чтобы достигнуть этой возвышенной цели.

## Г Л А В А П

### Последняя цель человека находится за пределами этой жизни <sup>17</sup>

1. Высшее из творений должно иметь высшую цель.

Богом, высшим пределом всякого совершенства, славы и блаженства, наслаждался вместе с ним славой и блаженством во веки.

2. Это ясно:

в таком положении, однако не было бы потерей труда коснуться, хотя бы мимоходом, того, сколькими способами Бог в этой жизни изобразил нам нашу высшую цель.

1) Из истории творения.

3. И прежде всего, конечно, в самом творении. Ведь человеку не повелел Бог просто существовать, подобно прочим созданиям, но предпослал торжественный совет; тело он образовал ему как бы собственными перстами, а душу вдохнул в него из самого себя.

2) Из нашего устройства.

4. Наше устройство показывает, что для нас достаточно того, что есть у нас в этой жизни, *ибо мы живем здесь тройною жизнью: растительною, животною и умственною, или духовною*, из которых первая нигде не выходит за пределы тела, вторая через действия чувств и движения направляется к предметам, а третья может

существовать также отдельно, как это видно у ангелов. А так как очевидно, что эта высшая ступень жизни сильно у нас затмевается и сковывается первыми ступенями, то по необходимости следует, что должно существовать место, где бы она доведена была до совершенства.

3) Из всего, что мы здесь делаем и претерпеваем.

мы есть, все, что мы делаем, думаем, говорим, замыслием, приобретаем, имеем, есть только некоторая лестница; продвигаясь по ней все далее и далее, мы всегда, правда, восходим на высшие ступени, однако последней ступени мы не находим никогда. Вначале человек ничто, как ничто он был от вечности, а только во чреве матери воспринимает начало от капли отцовской крови. Итак, что такое вначале человек? Бесформенная и грубая масса. Затем он принимает очертания маленького тельца, однако без чувства и движения. После этого он начинает двигаться и силою природы выходит наружу; понемногу открываются глаза, уши и остальные чувства. С течением времени проявляется внутреннее чувство, когда человек понимает то, что он видит, слышит и чувствует. Далее, через наблюдение различия вещей, появляется рассудок. Наконец, воля, направляясь к одним предметам, отвращаясь от других, принимает на себя обязанность руководительницы.

3. Во всем этом есть постепенность, однако без окончательного предела.

продолжается жизнь (если только кто-нибудь не погружается в скотское состояние вообще), и так вплоть до самой смерти. Наши действия также сперва слабы, бессильны, грубы и слишком беспорядочны. Постепенно затем, вместе с силами тела, развиваются также качества духа, так что, пока мы живем (если кого-либо не охватит и не похоронит его заживо крайнее тупоумие), всегда мы что-нибудь делаем, замыслием, предпринимаем, и *все это в благородной душе всегда стремится выше, не достигая, однако, конечного предела. Ибо в этой жизни нельзя найти какого-либо предела желаниям и стремлениям.*

Это обнаруживает всякий опыт.

7. Куда бы кто ни обратился, он узнаёт это на опыте. Кто полюбит сокровища и богатство, тот не сможет утолить свою жажду, хотя бы он владел целым миром: это стало ясно на примере Александра<sup>18</sup>. Кто воспламенится жаждой почестей, тот не в состоянии

5. Все, что мы в этой жизни делаем и терпим, показывает, что здесь мы не достигаем последней цели, но что все наше существо, как и мы сами, имеет иное назначение. Все, что

6. Но и внутри указанных отдельных ступеней есть своя постепенность. Ведь и понимание вещей проявляется постепенно, выступая точно сияние утренней зари из глубокой тьмы ночи и проливая все больше света, пока

будет успокоиться, хотя бы ему поклонялся весь мир. Кто отдается чувственным наслаждениям, тому все прискутит, хотя бы потоки наслаждений наполняли все его чувства, и жажда наслаждений будет направляться от одного к другому. Кто предается изучению мудрости, тот не найдет никакого предела: ведь чем более кто знает, тем более понимает, что ему недостает еще многого. Справедливо сказал Соломон: «Не насытится око зрением, не наполнится ухо слышанием» (Еккл. 1, 8).

4. И самая смерть не ставит предела нашему бытию.

8. Но примеры умирающих показывают, что и смерть не кладет последней грани нашим делам. У кого жизнь прошла хорошо, те радуются, что вступят в лучшую жизнь, а проникнутые любовью к настоящей жизни, видя, что с ней нужно расстаться и что нужно переселиться в другую жизнь, начинают трепетать и примиряются с Богом и людьми, если только каким-нибудь образом могут это сделать. И хотя бы сломленное страданиями тело ослабевало, чувства затмевались и сама жизнь уходила, дух, однако, выполняет свои функции живее, чем когда-либо. Благочестиво, серьезно и осмотрительно даются распоряжения относительно себя, своей семьи, своего наследства, государства и пр., и кто видит умирающего благочестивого и мудрого человека, видит несомненно рассыпающийся земной прах, но кто его слышит, тому кажется, будто он слышит ангела. Поэтому каждый должен признать, что здесь происходит не что иное, как подготовка к уходу хозяина, когда его жалкая хижина грозит разрушением. Это поняли сами язычники: римляне, по свидетельству Феста<sup>19</sup>, смерть называли исходом, а у греков глагол, обозначающий *уходить*, часто употребляется в значении погибать, умирать. Почему? Не потому ли, что полагают, что путем смерти только переходят в другое место?

5. Пример Христа-человека указывает, что люди предназначены для вечности.

9. Нам, христианам, особенно это ясно, так как Христос, сын Бога живого, ниспосланный с неба для восстановления погибшего в нас образа божия, показал это своим примером. Ведь, будучи зачат и явившись на свет через рождение, он пребывал среди людей; затем умер, воскрес и вознесся на небеса, и смерть не властвует более над ним. Вот он и называется и есть на самом деле наш предтеча (Евр. 6, 20), перво-рожденный среди братьев (Рим. 8, 29), глава среди своих членов (Еф. 1, 22), первообраз всех, которые должны быть возрождены по образу божью (Рим. 8, 29). И так, как сам он был на земле не для того, чтобы оставаться здесь, но чтобы, свершив свой путь, перейти в вечные жилища, так и нам, соучастникам его, не суждено оставаться здесь, а придется переселиться в другое место.



**Тройное  
местопребывание  
человека.**

10. Итак, каждому из нас предназначены тройная жизнь и тройное местопребывание для жизни: чрево матери, земля и небо.

Из первого жилища во второе человек вступает через рождение, а из второго в третье — путем смерти и воскресения; из третьего — никуда навеки. В первом мы получаем только жизнь с зачатками движения и чувством; во втором — жизнь, движение, чувство с началами разума; в третьем — совершенную полноту всего.

**И тройная жизнь.**

11. Первая жизнь есть приготовление ко второй, вторая — к третьей, третья сама в себе без конца. Переход из первой жизни во вторую и из второй в третью узок и болезнен: и в том и в другом случае приходится расставаться с одеянием, или с внешними покровами (там — послед, здесь — само тело), подобно тому, как из разбитой скорлупы выходит птенец. Первое и второе жилища подобны мастерским: в одной формируется тело для последующей жизни, а в другой — разумная душа для вечной жизни; третье жилище принесет самое совершенствование и наслаждение той и другой жизнью.

**Прообраз этого  
у израильтян.**

12. Так, израильтяне (да позволено будет привести их здесь для сравнения) были рождены в Египте, откуда отведены через горные теснины и Красное море в пустыню. Там они строили шатры, изучали закон, сражались с различными врагами и, наконец, перейдя Иордан, сделались наследниками Ханаанской земли, избилующей молоком и медом.

### Г Л А В А III

#### **Эта жизнь является только подготовлением к вечной жизни**

**Свидетельства.**

1. Что эта жизнь, преследующая иную цель, не есть (собственно говоря) жизнь, а вступление к истинной и вечной жизни, это будет видно, во-первых, из доказательства, заложенного в нас самих, во-вторых, из доказательства, заложенного в мире, и, наконец, из свидетельств Священного писания.

**1. Мы сами.**

2. Если мы посмотрим на самих себя, то увидим, что все, касающееся нас, подвигается вперед так последовательно, что все предшествующее пролагает дорогу последующему. Примером этому служит наша первая жизнь — в утробе матери. Ради чего протекает эта жизнь? Не ради ли самой себя? Ничуть. Она протекает там только для образования тела как жилища души и как инструмента для удобного

пользования в последующей жизни, которую мы наслаждаемся под солнцем. Как только эта цель достигнута, мы вырываемся на свет, так как нечеловеческому больше произойти с нами в той тьме. Точно так же и эта наша жизнь под солнцем есть не что иное, как подготовка к вечной жизни, а именно — душа с помощью тела подготавливает себе все необходимое для будущей жизни. Как только и это достигнуто, мы переселяемся отсюда, так как не остается ничего, что могли бы мы делать на земле. Правда, некоторые похищаются отсюда неподготовленными, или, вернее, извергаются на погибель, как выкидыши, выбрасываемые по разным причинам из утробы матери не для жизни, а для смерти. В обоих случаях это происходит хотя и по божьему изволению, но по вине людей.

2. Видимый мир создан только как рассадник, питомник и школа для людей.

3. Сам видимый мир, в какой бы части мы его ни рассматривали, свидетельствует о том, что он создан именно с тою целью, чтобы служить:

размножению, питанию, деятельности	} человеческого рода.
--	-----------------------

Так как Богу было угодно сотворить всех людей не сразу в одно и то же мгновение, как произошло это с ангелами, но сотворить мужа и жену, которым были дарованы силы и благословение для размножения путем рождения, то необходимо было для последовательного размножения дать надлежащее время; для этого дано было несколько тысяч лет. Но, чтобы это время не было беспорядочным, глухим, слепым, он распростер небеса, украсив их солнцем, луною и звездами, и повелел им своим круговращением измерять часы, дни, месяцы и годы. Далее, так как человек должен был стать телесным созданием, нуждающимся в месте, где обитать, чтобы дышать и двигаться, в пище, чтобы расти, и в одежде, чтобы покрываться, он распростер (в глубине мира) твердую почву, землю и окружил ее воздухом, оросил водами и повелел произвести разнообразные растения и животных не только для удовлетворения нужд, но и для наслаждения. И так как он создал человека по образу своему, даровав ему разум, то для того, чтобы и у разума не было недостатка в соответствующей пище, разделил отдельные твари на многообразные виды затем, чтобы этот видимый мир являлся ему самым ярким зеркалом бесконечного могущества, мудрости и благости божией и чтобы, созерцая его, человек проникался удивлением к творцу, совершенствовался в познании его, увлекался любовью к нему. Для этого именно невидимые и скрывающиеся в бездне вечности прочность, красота и прелесть показываются повсюду через видимые творения и дают возможность ощущать, созерцать и вкушать себя. Итак, этот мир есть не что иное, как наш рассадник, наш питомник и наша школа. Итак, есть нечто за пре-

делами этого мира; выйдя из подготовительных ступеней этой школы, мы возвысимся до вечной академии. Следовательно, уже разум убеждает нас, что это так. Однако еще очевиднее это из божественных изречений.

**3. Сам Бог в своем слове.**

4. У Осии сам Бог свидетельствует, что небеса существуют для земли, земля — для пшеницы, вина и масла, а все это — для людей (Ос. 2, 21, 22). Итак, все ради человека, даже само время. Ибо существование миру не будет дано долее, чем это нужно для восполнения числа избранных (Откр. 6, 11). Как только это свершится, небеса и земля прейдут, и не найдется им места (Откр. 20, 7). Ибо явятся новое небо и новая земля, в которых будет обитать справедливость (Откр. 21, 1; 2 Петр. 3, 13). Наконец, названия, которые Писание дает этой жизни, указывают, что она есть не что иное, как подготовка к другой жизни. Оно называет ее дорогой, путем, дверью, ожиданием, а нас называет путешественниками, пришельцами, наемниками, искателями другого града, и притом непреходящего (Быт. 47, 19; Пс. 39, 13; Иов. 7, 12; Лук. 12, 34).

**4. Опыт.**

5. Всему этому нас учит само дело и наше общее положение, которое находится пред глазами всех людей. Ведь кто из родившихся, явившись, не исчезал снова, хотя мы и предназначены для вечности? Но так как мы предназначены для вечности, то по необходимости мы переживаем здесь только переходное положение. Поэтому Христос говорит: «Будьте готовы, ибо не знаете часа, в который придет Сын человеческий» (Матф. 24, 44). По этой причине (и это также мы знаем из Писания) Бог призывает некоторых отсюда еще в раннем возрасте, когда видит их уже подготовленными, как, например, Еноха (Быт. 5, 23, ср. Притч. 4, 14). Почему же тогда он проявляет долготерпение по отношению к злым? Именно потому, что он не хотел бы, чтобы кто-нибудь неподготовленный был застигнут смертью, а чтобы всякий пришел к покаянию (2 Петр. 3, 9). Если, однако, кто-нибудь продолжает злоупотреблять терпением Бога, то он повелевает того взять.

**Заключение.**

6. Итак, насколько верно то, что пребывание во чреве матери есть приготовление к жизни в теле, так верно и то, что пребывание в теле есть приготовление к той жизни, которая последует за этой настоящей жизнью и будет продолжаться вечно. Счастлив тот, кто из чрева матери вынес хорошо образованные члены, в тысячу раз счастливее тот, кто унес отсюда хорошо образованную душу.

## Г Л А В А IV

**Есть три ступени  
приготовления к вечности:  
познание себя  
(и вместе с собой — всего),  
управление собой и стремление  
к Богу**

Откуда познаются  
второстепенные  
цели человека,  
подчиненные высшей  
цели (вечности).

Есть три цели:  
человек должен быть  
1) одаренным  
разумом среди всех,  
2) владыкой  
над собой и  
3) радостью  
для Бога.

Что такое  
разумное создание?

3. *Быть разумным созданием — это значит все исследовать и давать всему имена и все исчислять, т. е. знать и иметь возможность назвать и понять все, что находится в мире*, как это ясно из «Книги Бытия» (2, 19) или как поясняет Соломон (Притч. 7, 17 и пр.): «Познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и средину времен; смены поворотов солнца и перемены времен года, круги годов и положение звезд; природу животных и души зверей; силы ветров и мысли людей; различия растений и силы корней; одним словом — все сокровенное и явное». Сюда же принадлежит знание ремесел, также искусство речи, чтобы (как говорит сын Сирахов) «ничто не было неизвестным в какой-либо как малой, так и в большой вещи» (Сир. 5, 18). В самом деле, таким лишь образом человек будет в состоянии удержать за собой имя разумного существа, если он будет понимать разумное основание (устройство) всех вещей.

1. Таким образом, ясно, что последняя цель человека есть вечное блаженство с Богом. А каковы цели, подчиненные и служащие этой переходной жизни, это ясно из слов божественного совета, которые он произнес, намереваясь создать человека. «Сотворим, — сказал Бог, — человека по образу нашему и по подобию, и да владевает он над рыбами морскими и над птицами небесными и над зверями всей земли, которые движутся по земле» (Быт. 1, 26).

2. Отсюда ясно, что человек поставлен среди видимых созданий с тем, чтобы быть

I. *Разумным созданием.*

II. *Созданием, владычаствующим над другими созданиями.*

III. *Созданием, представляющим собою образ и радость своего Творца.*

Эти три цели соединены так, что ни одной из них нельзя отбросить, так как на них зиждется основание настоящей и будущей жизни.

**Что значит быть владыкой всех созданий?**

4. Быть владыкой всех созданий — это значит, приспособляя к надлежащему назначению все вещи, употреблять их с пользою для своих выгод, везде среди созданий вести себя царственно, т. е. с достоинством и святостью (а именно ставя выше себя лишь одного чтимого Творца, а также ангелов его, рядом с собою — своих сослужителей, а все прочее — ниже себя), соблюдать дарованное достоинство; не служить никакому созданию, даже собственной плоти; свободно пользоваться всем для собственных услуг; хорошо знать, где, когда, каким образом и до какого предела благоразумно пользоваться каждою вещью, где, когда, каким образом и до какого предела признавать право плоти, где, когда, каким образом и до какого предела нужно уступать ближнему, — словом, быть в состоянии разумно управлять движениями и действиями внешними и внутренними, своими и чужими.

**Что значит быть образом божьим?**

5. Наконец, быть образом божьим — значит в точности представлять совершенство своего первообраза, как сам он говорит: «Будьте святы, как свят Я, ваш Бог» (Лев. 6, 2).

**Эти три требования осуществляются, во-первых, в образовании, во-вторых, в добродетели, в-третьих, в благочестии.**

6. Отсюда следует, что истинные требования, предъявляемые к человеку, заключаются в том, чтобы он был: 1) знающим все вещи, 2) владыкою вещей и самого себя, 3) чтобы он себя и все возродил к Богу, источнику всех вещей. Если эти требования мы выразим тремя хорошо известными словами, то получим: 1. *Образование.*

II. *Добродетель, или нравственность.*

III. *Религиозность, или благочестие.*

Под образованием нужно понимать познание всех вещей, искусств и языков; под добродетелью — не только внешнюю воспитанность, но и всю внутреннюю и внешнюю основу побуждений, а под религиозностью — то внутреннее богопочитание, которым дух человека связывается и соединяется с высшим чувством.

**Эти три качества в этой жизни составляют в человеке всю сущность; все же остальное второстепенно.**

7. В этих трех качествах заключается все превосходство человека, так как только они являются единственной основой настоящей и будущей жизни; остальное (здоровье, сила, красота, богатство, знатность, дружба, счастливый успех в делах, долголетие) есть не что иное, как добавление и внешнее украшение жизни тех, которым они даны Богом, или же излишняя суетность, бесполезное бремя и вредные препятствия для того, кто,

страстно стремясь к ним, сам приобретает их себе и, пренебрегши теми важнейшими благами, занимается этими и подавляет себя ими.

**Что выясняется на примерах:**

**1. Часов.**

8. Разъясню это на примерах. Часы (солнечные или автоматические) есть изящный и чрезвычайно необходимый инструмент для измерения времени; их субстанцию, или сущность, завершает художественная соразмерность всех частей. Присоединяемые к частям футляры, скульптурные изображения, живопись, золотые украшения — все это дополнительные вещи, прибавляющие несколько красоты, но ничего не прибавляющие к качеству. Если бы кто-либо предпочел, чтобы подобного рода инструмент был скорее красивым, чем доброкачественным, то его ребячество было бы осмеяно, так как он не понимал бы, для какого употребления они преимущественно предназначены.

**2. Коня.**

Так, достоинство коня состоит в его силе в соединении с пылкостью, скоростью и готовностью направлять свой бег по мановению всадника; хвост же, развевающийся или связанный в узел, расчесанная и поднятая грива, позолоченные удила, вышитая попона и различная сбруя лишь придают красоту коню; однако если бы мы увидели, что кто-нибудь по этим украшениям измеряет достоинство коня, то назвали бы его глупцом.

**3. Здоровья.**

Наконец, наше хорошее здоровье заключается в правильном пищеварении и в хорошем состоянии внутренних частей нашего организма. Спать на мягком ложе, великолепно одеваться, изысканно питаться — это все не только не способствует улучшению здоровья, а, скорее, ему вредит. Поэтому, кто обращает больше внимания на приятное, чем на полезное, тот неразумен. Но бесконечно более губительно неразумие того, кто, желая быть человеком, обращает больше внимание на украшения человека, чем на его сущность. Вот почему премудрый называет глупцами и нечестивцами тех, кто считает нашу жизнь забавою и прибыльной ярмаркой, и утверждает, что от таких людей далеки и божия хвала и божие благословение (Притч. 15, 12 и 19).

**Заключение.**

9. Итак, пусть будет твердо установлено, что мы постольку подвигаемся к нашей конечной цели, поскольку мы прилагаем старания в этой жизни к приобретению добродетелей и благочестия. Поэтому указанные три стремления пусть будут истинным делом нашей жизни, а все остальное — второстепенным, задержкой и внешним украшением.

## ГЛАВА V

**Семена образования, добродетели  
и благочестия  
заложены в нас от природы**

**Природа**  
человеческая  
первоначально была  
доброй; к ней мы  
должны быть  
возвращены  
(от испорченности).

В этом смысле Луис Вивес <sup>20</sup> сказал: «Что такое христианин, как не человек, возвращенный к своей природе и как бы восстановленный в правах своего рождения, от чего его отвратил диавол?» (Кн. 1. О согласии и несогласии). И в том же смысле следует понять то, что сказал Сенека <sup>21</sup>: «Мудрость заключается в следующем: вернуться к природе и возвратиться туда, откуда нас низвергло общее заблуждение» (т. е. грехопадение человеческого рода, допущенное первосозданными людьми). Далее он говорит: «Человек не добр, но он становится добрым, чтобы, помня о своем происхождении, стремиться стать равным Богу. Вследствие своей порочности никто не пытается подняться туда, откуда он пал» (Письмо 93).

**И это силою**  
вечного провидения,  
восстанавливающего  
падшего.

Ибо дело божественной мудрости заключалось в том, чтобы ничего не создавать напрасно, т. е. без какой-либо определенной цели и без средств, соответствующих достижению этой цели. Итак, все, что существует, существует для чего-либо и, чтобы достигнуть этого, снабжено всеми необходимыми органами и вспомогательными средствами и, кроме того, некоторою устремленностью. Это — устремленность к своей цели не против воли, не с сопротивлением, а с охотой и с наслаждением под напором самой природы, и если задержать это стремление, то наступают мучение и смерть. Следовательно, несомненно, что человек родился способным для уразумения вещей, для добродетели, для неограниченной любви к Богу (что он для этого предназначен, это мы уже видели), и корни этих трех способностей существуют у него с такою же несомненностью, как и корни у каждого дерева.

1. *Под природой здесь мы разумеем не испорченность, присущую всем нам после падения, вследствие чего называемся мы по природе «сынами гнева», не способными собственными силами помышлять о чем-либо благом, но первое и основное наше состояние, в которое нужно еще призвать нас, как к первоначальному.*

2. *Под словом «природа» мы понимаем также всеобщее божие провидение, или непрестанное воздействие божественной благодати, чтобы во всем совершить все, а именно во всяком творении то, для чего оно пред-*

**Мудрость заложила  
в человеке  
вечные основы.**

образом можно увидеть, каким удивительным созданием мудрости является человек.

**1. Сделав человека  
способным  
к приобретению  
познания вещей.  
Это ясно из того,  
что она создала его  
по образу своему.**

занимает всеведение, естественно, некоторый образ его отразится в человеке. И почему же нет? Имея светлый ум, человек, несомненно, находится в центре дел божиих, наподобие шарообразного зеркала. Будучи повешено в комнате, это зеркало воспринимает образы всех вещей, образы всего находящегося вокруг. Ведь наш ум схватывает не только соседние предметы, но и отдаленные (по месту и по времени), привлекает к себе, поднимается в высоту, угадывает тайное, открывает сокрытое, пытается исследовать даже непостижимое; таким образом, он есть нечто бесконечное и беспредельное. Пусть будет дано человеку прожить тысячу лет, в течение которых он, всегда научаясь чему-либо новому, постигал бы одно из другого; и все-таки он будет иметь еще место для восприятия предметов. Ум человеческий отличается такой ненасытной восприимчивостью к познанию, что представляет собой как бы бездну. Наше ничтожное тело ограничивается самыми тесными пределами; голос распространяется немного далее, зрение ограничивается лишь высотой небесного свода, а уму нельзя поставить твердого предела ни на небе, ни где-либо за его пределами; он как возвышается выше неба небес, так и опускается ниже бездны бездн, и, хотя бы они были в тысячу раз выше и глубже самих себя, он все же проникает туда с невероятной быстротой. И будем ли мы отрицать, что ему доступно все? И будем ли мы отрицать, что он вмещает все?

**2. Малый мир.**

Философы назвали человека **м и к р о к о с м о м** (малый мир); он обнимает собою в сжатой форме все, что расстилается во все стороны по великому миру (**м а к р о к о с м у**). Что это так, это доказывается в другом месте. Итак, ум человека, вступающего в мир, чрезвычайно удачно сравнивается с семенем, или зерном, в котором хотя и нет в действительности формы травы или дерева, однако понятия травы или дерева на самом деле в нем существуют; как это ясно, когда семя,

3. Посмотрим, какие в нас заложены основы мудрости, добродетелей и религии, чтобы было очевиднее, что значит, когда Сирах провозглашает, что мудрость положила вечные основы в людях (Сир. 1, 14). Таким

4. Ясно, что всякий человек рождается способным к приобретению познания вещей, так как прежде всего он есть образ божий. Образ, если он точен, по необходимости представляет черты своего первообраза, или он не будет образом. А ввиду того, что среди остальных свойств божиих выдающееся место



посаженное в землю, внизу пускает маленькие корни, а выше дает ростки, из которых впоследствии, по врожденной силе, развиваются ветви и сучья; последние покрываются листьями, украшаются цветами и плодами. Следовательно, нет необходимости что-либо приносить человеку извне, но необходимо развивать, выяснять то, что он имеет заложенным в себе самом, в зародыше, указывая значение всего существующего. Поэтому, как известно, Пифагор <sup>22</sup> имел обыкновение говорить, что человеку так свойственно от природы все знать, что если семилетнего мальчика разумно спрашивать о всех вопросах философии, то он мог бы ответить на все вопросы, именно потому, что единый свет разума по своей форме и по своим пределам достаточен для всех вещей. Только теперь, после грехопадения, затемняя сам себя и спутывая, он не может обнаружить себя, а те, которые должны были его освободить, постоянно еще более запутывают.

### 3. Одаренный чувствами.

6. Обитающей в нас разумной душе, сверх того, даны органы, как бы лазутчики и разведчики, с помощью которых душа исследует все, что находится вне ее, — это зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, так что ни одно создание, где бы оно ни находилось, не может от нее укрыться. Так как в видимом мире нет ничего, чего нельзя было бы или видеть, или слышать, или обонять, или вкушать, или осязать и, таким образом, определять по существу и качеству, то отсюда следует, что в мире нет ничего, чего бы не мог обнять одаренный чувством и разумом человек.

### 4. Побуждаемый стремлением к знаниям.

7. Врождена также человеку жажда к знанию и не только способность переносить труды, но и стремление к ним. Это проявляется непосредственно в раннем детском возрасте и сопровождает нас всю жизнь. Ведь кто не желает всегда слушать, видеть, делать что-либо новое? Кому не доставляет удовольствия каждый день куда-нибудь отпраляться, с кем-либо побеседовать, о чем-либо с своей стороны рассказать? Положение дел именно таково: глаза, уши, орган осязания, самый разум, беспрестанно отыскивая себе пищу, всегда устремляются во внешний мир, и для живой природы нет ничего более невыносимого, как праздность и бездействие. А так как даже люди невежественные удивляются ученым мужам, то не указывает ли это на то, что они чувствуют притягательную силу какого-то естественного стремления? Они и сами хотели бы быть участниками их учености, если бы могли надеяться на осуществление этого, но так как они на это не надеются, то предаются сожалениям и почитают тех, кого считают стоящими выше себя.

Поэтому многие самостоятельно достигают разнообразного познания вещей.

8. Примеры автодидактов<sup>23</sup> показывают со всей очевидностью, что, следуя за природой, человек может постигнуть все. Не имея никаких учителей, будучи сами себе учителями или (как говорит Бернгард<sup>24</sup>, имея своими наставниками дубы и буки (т. е. гуляя и размышляя в лесах), некоторые пошли гораздо дальше других, находившихся под тщательным руководством учителей. Разве это не указывает, что у человека поистине есть и лампада, и светильня, и масло, и огниво со всем прибором? Лишь бы только он умел высекать искры, принимать их огнивом, зажигать светильник, и он тотчас же в восхитительном зрелище увидал бы удивительные сокровища премудрости божией как в себе, так и в великом мире (как все расположено по числу, мере и весу). Теперь, когда у него загорается не внутренний свет, а вне его кругом носятся светильники чужих мнений, не может быть ничего другого, кроме того, что происходит именно так, как если бы вокруг кого-либо, заключенного в мрачную тюрьму, носили факелы; лучи их, конечно, проходят в щели, однако полный свет проникнуть туда не может. Так происходит то, о чем говорит Сенека: «Врождены нам семена всех наук, а Бог, как учитель, выводит способности из таинственной глубины» (О благодати, IV, 6).

Наш ум сравнивается  
1) с землей,  
2) с садом,  
3) с чистой доской.

9. Тому же учат нас и предметы, которым уподобляется наш ум. Ибо не воспринимает ли земля (с которой часто сравнивается в Священном писании наше сердце) семена всякого рода? Разве одного и того же сада нельзя засеять всевозможными травами, цветами и ароматическими растениями? Конечно, можно, если у садовника нет недостатка в уме и прилежании. И чем более разнообразия, тем более получается приятное зрелище для глаз, тем большее наслаждение для обоняния, тем более сильное отдохновение для сердца. Аристотель сравнил человеческую душу с чистой доской, на которой еще не было ничего написано, на которой, однако, можно было бы написать все<sup>25</sup>. Итак, подобно тому как на чистой доске сведущий в своем деле писатель мог бы написать, а живописец — нарисовать что угодно, так в человеческом уме одинаково легко начертить все тому, кто хорошо знает искусство обучения. Если этого не происходит, то вернее верно, что вина не в доске (если только она иногда не бывает шероховатой), но в неумении пишущего или рисующего. Разница в том, что на доске линии можно проводить лишь до пределов ее краев, между тем как для письма и чертежа в уме ты никакой границы не найдешь, потому что (как сказано выше) ум безграничен.

4. С воском,  
на котором  
оттискиваются  
бесчисленные печати.

10. Удачно также наш мозг (эта мастерская мыслей) сравнивается с воском, на котором оттискивается печать или из которого лепятся фигурки <sup>26</sup>. Как воск принимает любую форму и из него можно лепить и снова переделать любую слепленную фигуру, так и мозг, отражая образы всех вещей, все принимает, что только содержит мир. Этим сравнением вместе с тем удачно обозначается, что такое наше мышление и наше знание. Все, что возбуждает мое зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, является для меня печатью, посредством которой образ вещи отпечатывается в мозгу, и притом в такой степени, что, если даже удалить вещь от моих глаз, ушей, носа и моей руки, ее образ остается уже у меня и не может не оставаться, если только, вследствие недостаточного внимания, образ не отпечатается слабо. Например, если я увидел какого-нибудь человека или заговорил с ним, если, совершая куда-нибудь прогулку, увидел гору, реку, поле, лес, город и т. п., если когда-либо услышал гром, музыку, какие-либо речи, если прочитал что-либо внимательно у автора и пр. — все это запечатлевается в мозгу и всякий раз при воспоминании воспроизводится так, как если бы все это опять стояло у меня перед глазами, раздавалось в ушах, вкушалось или осязалось мною. Хотя мозг воспринимает одни впечатления по сравнению с другими, или более раздельно, или представляет более ясно, или удерживает прочнее, однако каждое из них он воспринимает, представляет и удерживает так или иначе.

Способность  
нашего ума  
воспринимать —  
божье чудо.

11. Здесь мы имеем достойное удивления зрелище божественной мудрости, которая могла позаботиться о том, чтобы совсем небольшая масса мозга была достаточна для восприятия стольких миллионов образов. Ибо все то, что каждый из нас (особенно людей науки) в течение стольких лет видел, слышал, вкушал, читал, собрал опытом и размышлением и о чем он в силу необходимости может вспоминать, — все это, очевидно, носится в мозгу; это именно образы вещей, некогда виденных, слышанных, вычитанных из книг и т. д., которых миллионы и миллионы существуют и увеличиваются до бесконечности, так как ежедневно мы видим, слышим, читаем, исследуем нечто новое.

Однако все это вмещается в мозгу. Какая это неисповедимая мудрость божьего всемогущества! Соломон удивляется, что все реки текут в море, но море не переполняется (Еккл. 1, 7). Кто не подивится бездне нашей памяти, которая все исчерпывает и все восстанавливает, но никогда, однако, не переполняется и не оскудевает! Таким образом, наш ум в самом деле более велик, чем

мпр, в том отношении, что содержащее должно быть (по необходимости) больше содержимого.

**Наш ум — зеркало.** 12. Наконец, самым подходящим сравнением нашего ума является сравнение с глазом или зеркалом; что бы ни поставили перед зеркалом, какой бы формы и цвета ни был предмет, оно тотчас воспроизводит точное его изображение, за исключением тех случаев, когда предмет подвинешь к нему в темноте или с задней стороны или если предмет находится слишком далеко, т. е. на большем, чем следует, расстоянии, или если помешаешь отображению, или затемнишь его, приводя предмет в колебание, — тогда, нужно признаться, изображение будет неудачным<sup>27</sup>. Но я говорю о том, что естественно происходит при свете и при удобном положении предмета перед зеркалом. Итак, подобно тому, как нет никакой необходимости принуждать глаз, чтобы он открывался и смотрел на предмет, так как он сам собою (стремясь от природы к свету) с наслаждением взирает на свет и воспринимает все (лишь бы только не мешало ему сразу слишком большое число предметов) и никогда не может насытиться созерцанием, — точно так же наш ум жаждет предметов, сам всегда открывается пред ними, сам хочет созерцать все, сам воспринимает все, сам быстро все усваивает; везде он неутомим, лишь бы только не был он подавлен множеством предметов и лишь бы все ему представлялось для созерцания одно вслед за другим, в надлежащем порядке.

**Корень благонравия в человеке — гармония.**

13. Что человеку от природы свойственна гармония нравов, это видели даже язычники. Правда, они не знали иного, свыше ниспосланного, света и более надежного вождя, данного для вечной жизни, но и из этих проблесков света природы (при значительном усилии) они делали себе факелы. Цицерон, например, говорит так: «Нашим духовным силам врождены семена добродетелей; если этим семенам дать развиться, то сама природа привела бы нас к счастливой жизни». (Это преувеличено!) Однако лишь только мы являемся на свет и в жизнь, подвергшись воспитанию, мы постоянно вращаемся среди всякой испорченности, так что кажется, будто мы всасываем заблуждения почти с молоком кормилицы (Туск. 3). Но что действительно некоторые семена добродетелей врождены человеку, это доказывается следующим двойным аргументом: во-первых, всякий человек наслаждается гармонией, а во-вторых, сам он также изнутри и извне есть не что иное, как гармония.

1. Гармонией человек наслаждается везде, именно: во всем видимом,

не из того источника, что пропорция частей и цветов доставляет нам удовольствие? В этом самым естественным образом состоит очарование для глаз. Я спрашиваю также, на кого не действует музыка? И почему это?

во всем, воспринимаемом слухом, вкусом, осязанием и даже в самих добродетелях.

Именно потому, что гармония тонов дает приятное созвучие. Кому не нравится хорошо приготовленная пища? Это потому, что сочетание вкусовых ощущений приятно раздражает небо. Каждому приятны умеренная теплота, умеренный холод, умеренный покой членов и движение. Почему? Не потому ли, что все умеренное в природе благотворно и здорово, а все неумеренное враждебно и губительно? Мало того, мы ценим друг в друге самые добродетели (ведь даже не имеющие добродетелей удивляются добродетелям других, хотя и не подражают им, так как полагают, что не сумеют преодолеть свои предрасудительные привычки). Итак, почему же каждый не ценит добродетелей в самом себе? Воистину мы слепы, если мы не признаём, что корни всякой гармонии заключаются в нас.

2. Гармония, которую каждый находит в самом себе: в отношении а) как тела,

непрерывности движений и для гармонии одно сочетается с другим,— таков и человек. Что касается тела, устроенного с изумительным искусством, то первым двигателем является сердце, источник жизни и действий, от которого остальные члены получают движение и меру движения. А силой, вызывающей движение, является мозг, который с помощью нервов, как бы шнуров, притягивает и отпускает остальные колеса (члены). А разнообразие деятельности внутри и вне заключается именно в той самой соразмерной пропорции движений.

б) так и в отношении души.

это желания и страсти, которые склоняют волю в ту или другую сторону. Рычагом, открывающим движение и замыкающим его, является разум, который взвешивает и определяет, чего, где, в какой мере нужно желать или чего избегать. Остальные движения

14. Ясно, что человек наслаждается гармонией и страстно к ней стремится. Ведь кто не наслаждается созерцанием красивого человека, стройного коня, прекрасного изваяния, красивой картины? Но откуда это, если

Именно потому, что гармония тонов дает приятное созвучие. Кому не нравится хорошо приготовленная пища? Это потому, что сочетание вкусовых ощущений приятно раздражает небо. Каждому приятны умеренная

15. Но и сам человек есть не что иное, как гармония как в отношении тела, так и в отношении души. Ибо как сама вселенная есть подобие огромного часового механизма, столь искусно составленного из множества колес и звуковых приборов, что в общем для

16. Подобным образом в душевных движениях главным движущим колесом является воля; рычаги, приводящие ее в движение,—

душп есть как бы меньшие колеса, следующие за главным. Отсюда, если желаниям и страстям не дается слишком большой силы и рычаг, т. е. разум, правильно будет открывать и закрывать движения страстей, необходимым следствием должны быть гармония и согласованность добродетелей, т. е. соответствующее сочетание действий и пассивных состояний.

**Нарушенная гармония может быть восстановлена.**

17. Итак, человек поистине есть сам в себе не что иное, как гармония. Поэтому, как о часах или о музыкальном инструменте, сделанных рукою опытного мастера, если они испорчены и расстроены, мы не говорим решительно, что они уже больше не годны (ведь их можно починить и исправить), так и относительно человека, хотя и испорченного грехопадением, нужно прийти к выводу, что благоволением божьим он может быть исправлен при помощи определенных средств.

**Что корни религии врождены человеку, доказательством служит:**

1. Сущность образа. человек не имеет ничего себе подобного, кроме Бога, по образу которого он создан, то отсюда следует, что нет ничего, к чему бы он скорее стремился своими желаниями, кроме того источника, от которого он произошел; лишь бы только он достаточно хорошо познал его.

2. Всем врожденное почитание Божества.

18. Что корни религии врождены человеку от природы, это доказывается тем, что он — образ божий. Ведь образ носит подобие, а подобное радуется подобному; это непреложный закон всех вещей (Сир. 19). И так как человек не имеет ничего себе подобного, кроме Бога, по образу которого он создан, то отсюда следует, что нет ничего, к чему бы он скорее стремился своими желаниями, кроме того источника, от которого он произошел; лишь бы только он достаточно хорошо познал его.

19. Это ясно даже на примере язычников, которые, не будучи научены словом божьим, по тайному внушению одной только природы признавали Божество, поклонялись ему и благоговели перед ним, хотя ошибались в числе Богов и способе почитания. «У всех людей есть понятие о богах, и все уделяют высшее место какому-нибудь божественному существу», — пишет Аристотель («О небе», кн. 1, гл. 3). А Сенека говорит: «Почитание богов заключается прежде всего в том, чтобы верить в богов, затем признавать за ними подобающее величие и благодать, без которой нет никакого величия, чтобы знать, что они именно управляют миром, вселенной как своим достоянием и пекутся о человеческом роде» (Письмо 96). Но между этим и известным апостольским изречением существует лишь самая незначительная разница: «Приходящему к Богу подобает верить, что Он есть, и ищущим его воздает» (Евр. 11, 6).

**3. Стремление к высшему благу, которое есть Бог.**

20. Платон говорит: «Бог есть высшее благо, превыше всякой субстанции и всякой природы; к нему стремится все» (Платон, в письме). Это же (что Бог есть высшее благо, к которому все стремится) подтверждает и Цицерон, говоря: «Первая учительница благочестия есть природа» («О природе богов», кн. 1). Именно потому, что (как говорит Лактанций, кн. 4, гл. 28)<sup>28</sup> мы рождаемся с тем, чтобы воздавать справедливое и должное послушание сотворившему нас Богу, мы и будем его познавать, за ним следовать. Этим союзом благочестия мы обязаны Богу и соединены с ним, откуда (т. е. от religio) и религия получила свое название.

**Оно не уничтожено совершенно даже падением человеческого рода.**

21. Правда, нужно признать, что естественное стремление к Богу, как к высшему благу, вследствие грехопадения было извращено и выродилось в какое-то блуждание, которое своею силою никогда не может вернуться на правый путь. Однако у тех, кого снова просвещает Бог своим словом и своим духом, это стремление настолько изощряется, что Давид восклицает Богу: «Кто, кроме тебя, для меня на небе! И с тобой ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое. Бог — твердыня сердца моего и жребий мой во веки» (Пс. 1, 22, 25, 26).

**Итак, безбожно искать возражений против стремлений к благочестию.**

22. Итак, когда мы совещаемся о средствах против испорченности, пусть никто не указывает на существующую испорченность, так как Бог духом своим при помощи разумных средств хочет ее упразднить. Когда у Навуходоносора был отнят человеческий разум и дано было звериное сердце, ему все-таки была оставлена надежда возвратить себе человеческий разум и даже царское достоинство, как только он признает власть небесную (Дан. 4, 23). Так и нам, деревьям, выброшенным из рая божия, все-таки оставлены корни, которые снова могут произрастать, если на них падают дождь и солнечные лучи милости божией. Разве тотчас после грехопадения и возвещенной гибели (наказание смертью) Бог не внедряет снова в наши сердца (обещанием благословенного семени) залога новой милости? Разве он не послал нам сына своего, чтобы через него восстановить падшее?

**Ветхого Адама и не следует вооружать против нового.**

23. Позорно и безбожно — и это представляет явный знак неблагоприятности, — что мы всегда шумим об испорченности, а скрываем возрождение. Какую силу имеет в нас ветхий Адам, на это мы указываем, а какую силу имеет новый Адам — Христос, этого мы не исследуем. Конечно, апостол от своего имени и от имени возрожденных говорит: «Я все могу в укрепляющем меня Христе» (Филип. 4, 13). Если возможно, чтобы произрастал и давал плоды черенок, привитый к иве, терновнику или еще

к какому-либо лесному деревцу, почему бы этого не могло быть, если бы он был привит к самому корню? Сравним аргументацию апостола (Рим. 41, 20): «К тому же, если Бог может из камней воздвигнуть чад Аврааму (Матф. 3, 9), то почему же ему не возбудить людей на всякие благие дела, которые от начала сотворены были сынами божьими и вновь усыновлены Христом и возрождены через духа благодати?»

Благодать божью  
следует  
не ограничивать,  
а с благодарностью  
принимать.

24. Ах, не будем ограничивать благодать божью, которую Бог готов излить на нас с величайшей щедростью. Ведь если мы, верою насажденные во Христе и одаренные духом усыновления, если мы, говорю я, будем утверждать, что мы вместе с нашими детьми не способны к тому, что свойственно царствию божью, то каким образом Христос провозгласил относительно детей, «что их есть царствие божье»? Или каким образом он направляет нас к ним, повелевая обратиться и быть, как дети, если мы хотим войти в царствие небесное (Матф. 18, 3)? Каким образом апостол объявляет святыми детей христиан (даже когда один только из родителей — верующий) и утверждает, что они не могут быть нечистыми (1 Кор. 7, 14)? Но даже и о тех, которые в действительности уже были обременены тягчайшими пороками, апостол решается утверждать: «И такими были некоторые из вас, но вы омылись, осветились, оправдались именем Господа нашего — Иисуса Христа, духом Бога нашего» (1 Кор. 6, 11). Поэтому, когда мы требуем, чтобы дети христиан (не потомство ветхого Адама, но возрождение нового Адама, чада божии, малые братья и сестры Христа) были образованными и способными для восприятия семени вечности, может ли показаться это кому-либо невозможным? Ведь не от дикой маслины требуем мы плода, но помогаем приносить плоды черенкам, снова привитым к древу жизни.

**Заключение.**

25. Итак, утвердимся же на том, что для человека естественнее и, через благодать святого духа, легче стать мудрым, благонравным, святым, чем чтобы со стороны пришедшая испорченность могла затруднить развитие. Ведь всякая вещь легко возвращается к своей природе. И это то, чему учит Писание. «Премудрость легко созерцается любящими ее и обретается ищущими ее; она даже упреждает желающих познать ее. С раннего утра ищущий ее не утомится, ибо найдет ее стоящей у дверей своих» (Притч. 8, 1—4). Известны также слова Венузийского поэта<sup>29</sup>: «Кто же настолько дик, что не мог бы смягчиться, если бы только слух свой просвещал терпеливо образованием!» (учением) (Гораций. Посл. I, 39—40).



## ГЛАВА VI

**Человека,  
если он должен стать человеком,  
необходимо формировать**

**Семена не есть еще  
плод.**

Это приобретается с помощью молитвы, учения, деятельности. Весьма удачно поэтому кто-то определил человека как существо, способное к обучению, так как никто не может стать человеком, если его не обучать <sup>30</sup>.

**Человеку врождено  
предрасположение  
к знанию,  
но не самое знание.**

Человеку и ангелу этого дать было нельзя, как нельзя было дать и бесконечности и вечности, т. е. свойств божества. Ангелам и людям достаточно преимущества в том, что они обладают остротой ума, которым могут постигать дела божии и таким образом накапливать сокровищницу знания. Поэтому об ангелах известно, что они также учатся, созерцая (1 Петр. 1, 12; Еф. 3, 10; 1 Цар. 22, 20; Иов. 1, 6), и их знание так же, как и наше, есть опытное.

**Чтобы человек  
стал человеком,  
он должен получить  
образование,  
что доказывается:**

**1. На примере  
прочих творений.**

3. Итак, пусть никто не думает, что истинным человеком можно стать, не научившись действовать, как человек, т. е. не получивши наставления о том, что делает его человеком. Это ясно на примере всех созданий, которые хотя и предназначены быть полезными человеку, но становятся таковыми, только будучи приспособленными для этого рукой человека. Так, например, камни даны затем, чтобы служить для постройки домов, башен, стен, колонн и пр., но они служат для этой цели лишь в том случае, если они нами наломаны, отесаны, уложены. Так и жемчужины и драгоценные камни, предназначенные для украшения людей, обрабатываются, шлифуются, полируются людьми; металлы, созданные для важных нужд нашей жизни, нужно добывать, расплавлять, очищать, различным образом отливать и ковать. Без этого от них меньше пользы, чем от земляной грязи. Из растений мы имеем пищу, питье, лекарства, однако таким образом, что травы и хлеба нужно сеять, окапывать, косить, молотить, молоть, толочь, а деревья необходимо сажать, подрезывать, обкладывать навозом, снимать с них плоды, сушить и пр., но еще более их нужно обрабатывать самыми разнообразными способами, если что-либо

из них должно быть использовано на лекарства или на постройку. Казалось бы, что животные, которые одарены жизнью и движением, должны сами по себе быть на все способны. Однако, если мы желаем пользоваться их работой, ради которой они нам даны, мы должны предварительно их упражнять в ней. Вот примеры: конь от природы пригоден для военного дела, вол — для упряжки, осел — для ношения тяжестей, собака — для охраны и охоты, сокол и ястреб — для ловли птиц и пр. И все же, если каждое из этих животных мы не приучим к свойственному им делу упражнениями, то пользы от них будет мало.

2. На примере самого человека по отношению к его телесной стороне.

3. И так как даже до грехопадения человек должен был упражняться, то тем более это нужно теперь — после испорченности.

4. *Человек со стороны тела создан для труда.*

Но мы видим, что вместе с ним рождается только способность к этому: человека нужно постепенно учить и сидеть, и стоять, и ходить, и двигать руками для работы. И так, откуда же у нашего духа было бы преимущество, чтобы без предварительной подготовки он сделался бы совершенным благодаря самому себе и через себя? Потому, что для всех созданий существует закон брать начало из ничего и постепенно возвышаться как в отношении сущности, так и в отношении действий. Ведь и относительно ангелов, по совершенству особенно близких к Богу, известно, что они знают не все, но постепенно совершенствуются, познавая дивную Божию премудрость, как мы это указали несколько раньше.

5. Ясно также, что для человека уже до грехопадения в раю была открыта школа, в которой он постепенно мог бы совершенствоваться. Правда, у первозданных людей, как только они были произведены на свет, не было недостатка ни в способности ходить, ни в даре слова, ни в способности рассуждать.

Однако из беседы Евы со змием очевидно, что им не хватало знания вещей, которое приобретается из опыта. Если бы у нее был большой опыт, она так просто не вступила бы с ним в разговор, так как знала бы, что это животное речью не обладает и, следовательно, здесь кроется обман. Теперь же в состоянии испорченности тем более необходимо учиться, чтобы приобрести знания. Ведь действительно мы приносим с собою в мир чистый ум, точно гладкую доску, не умея что-либо делать, говорить и понимать, и все это нужно приобретать с основания. И мы действительно добиваемся теперь этого с гораздо большим трудом, чем это должно было быть в состоянии совершенства, так как и вещи для нас затемнены, и языки смешаны. Тому, кто в интересах науки хотел бы использовать различные источники на живых и мертвых языках, вместо одного языка нужно изучать их уже несколько; мало того — и родные языки стали более запутанными, и ничто нам не врождено.

4. И потому что примеры показывают, что человек без воспитания становится не чем иным, как только зверем.

Приведу несколько примеров. Приблизительно в 1540 г. в одном из гессенских сел, расположенном среди лесов, случилось, что по небрежности родителей пропал трехлетний мальчик. Несколько лет спустя крестьяне заметили, что среди волков находится какое-то животное, по виду не схожее с ними: четвероногое, а лицом похожее на человека. Когда об этом распространились слухи, начальник этой местности приказал поймать его живым. Животное было поймано, приведено к нему, а затем и к ландграфу Кассельскому. Когда его привели во двор князя, животное вырвалось, убежало и спряталось под скамьей, сердито выглядывая оттуда и издавая отвратительный вой. Князь распорядился оставить его среди людей. После этого зверь начал понемногу становиться ручным, затем подниматься на задние ноги и ходить на двух ногах и, наконец, разумно говорить и становиться человеком. И тогда он, насколько мог припомнить, рассказал, что был похищен волками и вскормлен ими, а затем вместе с ними обыкновенно выходил на добычу. Описывает эту историю М. Дрессер в книге о новом и древнем воспитании. О том же упоминает и Камерарий («Горы», т. I, гл. 75)<sup>31</sup>, присоединяя к этой истории и другую, весьма похожую. А. Гуларций (в «Чудесах нашего века») пишет, что в 1563 г. во Франции несколько знатных людей, выйдя на охоту и убив двенадцать волков, одновременно поймали в сети мальчика приблизительно семи лет, голого, с желтой кожей и вьющимися волосами. Когти у него были загнуты, точно у орла. Говорить он не умел, а только издавал какое-то нечленораздельное мычание. Когда его отвели в замок, то с трудом наложили на него оковы — до того он был озверелым. Но, изнуренный несколькими днями голода, он стал кротким, а на седьмой месяц заговорил. Его водили напоказ по городам с немалой прибылью для хозяев. Наконец какая-то бедная женщина признала в нем своего сына. Итак, верно то, что сказано в сочинениях Платона («О законах», кн. 6): «Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет укрощен настоящим воспитанием; если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля»<sup>32</sup>.

1. В воспитании  
нуждаются и тупые  
и даровитые.

7. Вот что следует сказать вообще о том, что *образование необходимо всем*. Если бы теперь мы обозрели различные качества людей, то мы нашли бы то же самое. Ведь кто усомнился бы в том, что воспитание необходимо людям *тупым*, чтобы освободить их от природной тупости? Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди *даровитые*, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займется бесполезным, пустым и пагубным.

Чем плодороднее поле, тем обильнее оно производит терновник и чертополох. Так и выдающийся ум полон пустыми мечтаниями, если его не засеять семенами мудрости и добродетелей. Как действующая мельница, если в нее не подсыпать зерна, т. е. материала для перемалывания, стирает сама себя и, отрывая от жерновов куски и даже повреждая и разрывая отдельные части, бесполезно с шумом и треском пылит, так и подвижной ум, лишенный серьезной работы, будет вообще наполняться ничтожным, пустым и вредным содержанием и станет причиной своей собственной гибели <sup>33</sup>.

2. Богатые  
и бедные.

8. *Чем являются богатые без мудрости, как не откормленными отрубями свиньями, чем оказываются бедные без разумения вещей, если не ослами, осужденными носить тяжести?* Что такое красивый невежда, если не разукрашенный перьями попугай или, как сказал кто-то, золотые ножны, в которые вложен свинцовый меч? <sup>34</sup>

3. Начальствующие  
и подчиненные.

9. Что касается тех, кто когда-либо должен управлять другими, — царей, князей, магистратов, пастырей церкви и ученых, — то им прежде всего необходимо проникнуться мудростью, так же как проводнику нужно иметь глаза, переводчику — язык, трубе — звук, мечу — острие. Равным образом нужно просвещать и подчиненных, чтобы они умели разумно повиноваться мудрым правителям не по принуждению, не по ослиной покорности, а добровольно, из любви к порядку. Ведь разумным творением нужно управлять не с помощью криков, тюрьмы, палок, но опираясь на разум. Если это происходит иначе, то бесчестие подчиненных падает и на Бога, который одинаково вложил свой образ и в них, и человеческие дела будут полны насилиями и беспорядками, как это и есть теперь.

Итак, все  
без исключения.

10. Итак, пусть будет установлено: *всем, рожденным людьми, безусловно необходимо воспитание для того, чтобы они были людьми, а не дикими животными, не бессмысленными зверями, не неподвижными чурбанами*. Отсюда следует и то, что каждый настолько превосходит других, насколько он более других упражнялся <sup>35</sup>. Итак, эту главу мы заключим словами Премудрого: «Презирующий

мудрость и наставление — несчастен, и суетна надежда его (именно достигнуть своей цели), и труды его бесплодны, и дела его бесполезны» (Притч. 3, 12).

## Г Л А В А VII

**Формирование человека  
легче всего происходит  
в раннем возрасте.  
Оно даже только в этом возрасте  
и может происходить**

**Сходство человека  
с растением.**

1. Из сказанного следует, что человек и дерево в этом отношении сходны. Ведь плодородное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза) хотя и может произрастать предоставленное самому себе, но как дикое растение принесет и дикий плод; для того же, чтобы оно дало вкусные и сладкие плоды, необходимо, чтобы искусный садовник его посадил, поливал, подчищал. Хотя человек, как и всякое существо, сам приобретает свой образ<sup>36</sup>, все же, без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия, он не может стать существом разумным, мудрым, нравственным и благочестивым. Теперь нужно показать, что такого рода прививка должна иметь место в то время, когда растение еще молодо.

**Формирование  
человека должно  
начинаться  
в раннем возрасте:  
1. Вследствие  
ненадежности  
настоящей жизни.**

2. Что касается человека, то для этого есть шесть оснований. Во-первых, ненадежность настоящей жизни; с ней придется расстаться, но неизвестно где и когда. Но уход из этой жизни неподготовленным — дело настолько серьезное, что его нельзя исправить. Настоящая жизнь несомненно дана затем, чтобы человек или приобрел милость божию, или утратил ее навеки. Во чреве матери тело человека образуется так, что если при рождении у кого-нибудь недостает какого-либо члена, то, следовательно, человек будет лишен его на всю жизнь. Пока мы живем, душа образуется для познания Бога и союза с ним, и если этого кто-нибудь не достигнет при жизни, то после смерти для этого не будет уже ни места, ни времени. Ввиду того, что здесь идет дело о предмете такой великой важности, нужно очень спешить, чтобы кто-нибудь не был застигнут врасплох.

2. Чтобы он был приготовлен для житейской деятельности ранее, чем начнет действовать.

поэтому готовиться к делам жизни как можно ранее, чтобы не пришлось нам пресечь образование раньше, чем научимся действовать. Мало того, если бы кто-либо решил посвятить всю жизнь учению, то бесконечное разнообразие вещей, которые создатель мира предоставил нашему приятному созерцанию, так велико, что, если бы кому-либо достался в удел век Нестора<sup>37</sup>, все же у него не было бы недостатка в весьма полезных занятиях. Он находил бы повсюду сокрытые сокровища божественной мудрости и из них бы добывал себе средства для счастливой жизни. Итак, *рано нужно раскрывать у человека способности для созерцания вещей, так как в течение всей жизни ему многое придется познать, испытать и выполнить.*

3. Все всего легче образуется в нежном возрасте.

4. *Природа всех рождающихся существ такова, что они являются гибкими и всего легче принимают форму, пока они в нежном возрасте; окрепнув, они не поддаются формированию.* Мягкий воск можно лепить, придавая ему новую форму, но если он затвердеет, то его легче обратить в порошок. Молодое дерево можно сажать, пересаживать, подчищать, изгибать как угодно; но если оно выросло, это невозможно сделать. Так, если кто желает согнуть из дерева лук, ему нужно взять дерево зеленое и молодое; нельзя согнуть старое, сухое, суковатое дерево. Свежие яйца при насиживании легко согреваются и дают птенцов; от старых яиц напрасно будешь ждать этого. Желая приучить к работе барышник — коня, пахарь — вола, охотник — собаку и ястреба (как вожак — медведя к пляске, старуха — сороку, ворона, попугая к подражанию человеческому голосу), избирают молодых и юных животных и птиц; если же выберут старых, то их труды пропадут даром.

Так же формируется и сам человек.

5. Все это, очевидно, в такой же мере относится и к самому человеку. У него мозг (как мы выше сказали), воспринимая попадающие в него через органы чувств образы вещей, похож на воск, в детском возрасте вообще влажен и мягок и способен воспринимать все встречающиеся предметы; затем понемногу он высыхает и твердеет, так что, по свидетельству опыта, вещи запечатлеваются и отображаются на нем с большой трудностью<sup>38</sup>. Отсюда известное выражение Цицерона: «Дети быстро схватывают бесчисленное количество предметов». Таким образом, и руки, и все остальные

члены только в детские годы могут приспособляться к ремеслам и работам, пока мускулы еще гибки. Кто должен стать хорошим писцом, художником, портным, кузнецом, музыкантом и пр.—должен заниматься этим с юных лет, когда воображение еще живое, а пальцы гибки, в противном случае он никогда не овладеет своим предметом. Точно так же и корни благочестия следует насаждать в сердце каждого с ранних лет. В ком мы желаем гармонически развить изящный нрав, над тем нужно работать в нежном возрасте. Кому нужно сделать большие успехи в изучении мудрости, тому нужно раскрыть чувства ко всему в первые же годы жизни, пока он может загореться воодушевлением, пока ум быстр, а память крепка. «Постыдное и смешное дело представляет из себя старик, изучающий начала; юноше нужно учиться, а старику этим пользоваться»,— говорит Сенека (Письмо 36).

4. Человеку дано чрезвычайно большое время для роста, и это время нельзя употреблять на другое.

ни были, в течение одного-двух лет развиваются до настоящего роста; один только человек доходит до настоящего роста едва в двадцать или тридцать лет. Если бы кто-либо полагал, что это происходит случайно или зависит от каких-либо второстепенных причин, поистине тот выдавал бы свою тупость. Ужели Бог, отмерив, как известно, соответствующее время всем остальным тварям, только одному человеку, этому владыке мира, предоставил бесцельную растрату времени? Не проще ли предположить нам, что в этом была сделана уступка природе, чтобы она, медленно действуя, тем легче сформировала человека? Но она ведь без всяких усилий в несколько месяцев образует гораздо большие тела. Следовательно, мы должны прийти к заключению, что по обдуманному плану творец удостоил нас своим благоволением, дал нам более продолжительное время для упражнения в науках, чтобы, оставаясь более длительный период неспособными к хозяйственной и политической деятельности, мы стали зато более подготовленными для остального времени жизни (даже для вечности).

5. Только то прочно, что усваивается в раннем возрасте.

7. *Только то в человеке прочно и устойчиво, что он впитывает в себя в юном возрасте. Это ясно из тех же примеров. Даже разбитый сосуд сохраняет запах, которым он пропитался при первом употреблении. Дерево как распростерло свои ветви в нежном возрасте вверх, вниз, в стороны, так и сохраняет их в течение сотен лет, пока его не срубят. Шерсть так прочно удерживает краску, которой она была первоначально окрашена, что*

перекрасить ее нельзя. Деревянный обод колеса, затвердев, скорее разлетится на тысячу кусков, чем станет снова прямым. *Таким же образом и в человеке первые впечатления настолько устойчивы, что было бы чудом, если бы они изменились.* Поэтому чрезвычайно разумно, чтобы они внушались в юном возрасте согласно с требованиями истинной мудрости <sup>40</sup>.

6. Получить неправильное воспитание — дело весьма опасное.

8. Наконец, дело чрезвычайно опасное, если человек не проникается здоровыми для жизни правилами еще в колыбели. *Ибо, как только начинают действовать внешние чувства, человеческий дух ни в коем случае не может оставаться в покое и даже не сможет воздержаться, чтобы не занять себя полезными делами,* если он не будет занят чем-либо самым пустым и (под влиянием дурных примеров испорченного века) даже вредным. Как мы уже указали, отвыкнуть от усвоенного в раннем возрасте впоследствии будет или невозможно, или чрезвычайно трудно. Мир полон ненормальных явлений, в борьбе с которыми оказываются бессильными и государственные власти, и служители церкви, оттого, что до сих пор не прилагается серьезных усилий к прекращению первоисточников зла.

Закключение.

9. Итак, поскольку каждому близко к сердцу благо его потомства, а руководителям человеческого дела в политическом и церковном управлении — благополучие человеческого рода, постольку пусть все своевременно примут меры, чтобы начинать насаждать, подрезывать, орошать и разумно формировать небесные растения для достижения хороших успехов в науке, нравственности и благочестии.

## Г Л А В А VIII

### Юношество следует формировать совместно, и для этого нужны школы

Попечение о детях собственно есть дело родителей.

1. Показав, что райские растеньица — христианское юношество не могут расти наподобие леса, а нуждаются в попечении, следует рассмотреть, на кого же падает это попечение. Всего естественнее признать, что оно падает на родителей, чтобы те, кому дети обязаны жизнью, оказались и источником для них разумной, нравственной и святой жизни. Для Авраама это было обычным правилом, как об этом свидетельствует Бог: «Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем господним, творя правду и суд» (Быт. 18, 19). Этого же Бог требует и от родителей, повелевая



следующее: «Внушая слова мои детям твоим, и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, ложась и вставая» (Втор. 6, 7). А через апостола он говорит: «Отцы, не раздражайте детей ваших, а воспитывайте их в учении и наставлении господнем» (Еф. 6, 4).

На помощь им,  
однако, даются  
школьные учителя.

2. Однако при многообразии людей и их занятий редко встречаются такие родители, которые могли бы сами воспитывать своих детей или по роду своей деятельности располагали бы необходимым для этого досугом. Поэтому давно уже практикуется порядок, при котором дети многих семей вверяются для обучения специальным лицам, обладающим знаниями и серьезностью характера. *Этих воспитателей юношества обыкновенно называют наставниками, учителями, школьными учителями, профессорами, а самые места, которые предназначены для общих совместных занятий, называют школами, учебными заведениями, аудиториями, коллегиями, гимназиями, академиями и пр.*

Происхождение  
и распространение  
школ.

3. По свидетельству Иосифа Флавия, первую школу открыл вскоре после потопа патриарх Сим, и она впоследствии была названа еврейской школой. Кому не известно, что в

Халдее, особенно в Вавилоне, было много школ, в которых преподавались как другие науки, так и астрономия. Впоследствии (во времена Навуходоносора) обучались этой халдейской мудрости Даниил и его товарищи (Дан. 7, 22), так же как в Египте обучался Моисей (Деян. 7, 22).

А у израильтян, по повелению божию, по городам возникали школы, называвшиеся синагогами; в них левиты обучали закону. Эти школы существовали до времен Христа и прославились проповедями его самого и его апостолов. От египтян заимствовали обычай создавать школы греки, и от них римляне, а от римлян этот похвальный обычай распространился по всей империи, особенно после распространения христианства, благодаря неусыпным заботам благочестивых князей и епископов. История свидетельствует, что Карл Великий при покорении какого-либо языческого народа немедленно назначал туда епископов и учителей и воздвигал храмы и школы. Его примеру следовали и другие христианские императоры, цари, князья и государственные власти и тем самым умножили число школ настолько, что они стали неисчислимыми.

Что школы, наконец, нужно открывать везде, это объясняется:

*человеческом общежитии (будь то город, местечко или деревня) была устроена школа как учреждение для совместного воспитания юношества. Ведь этого требуют:*

1. Надлежащим порядком, который должно соблюдать везде.

то почему бы не быть такому же порядку и здесь? Когда ему нужна мука, он обращается к мельнику; когда нужно мясо — к мяснику; когда напитки — к виноторговцу; когда нужна одежда — к портному; когда нужна обувь — к сапожнику; когда нужны здание, плуг, ключ и т. д. — к плотнику, каменщику, кузнецу, слесарю и пр. Мало того, для наставления взрослых в религии мы имеем храмы; для разбирательства судебных тяжб, для собраний народа и для его осведомления обо всем необходимом у нас есть судебные места и общинные сходы. Почему же не иметь для юношества школ? Ведь даже свиней и коров крестьяне не пасут каждый в отдельности, а держат для этого наемных пастухов, которые и обслуживают одинаково всех, между тем как сами крестьяне получают возможность заняться, не отвлекаясь, остальными своими делами. Это и есть прекраснейшее сбережение труда, когда один делает только одно, не отвлекаясь другими делами; именно таким способом каждый служит с пользою многим, а многие — каждому отдельному лицу.

2. Необходимостью.

6. Во-вторых, необходимость. Так как сами родители очень редко обладают надлежащей способностью обучать своих детей и редко имеют для этого достаточно досуга, то отсюда следует, что должны быть люди, которые бы по своей профессии занимались одним этим делом, и чтобы таким образом обслуживались нужды всей общины.

3. Пользой.

7. Если бы даже и были родители, которые могли бы посвятить себя воспитанию своих детей, то *все же более целесообразно образовывать юношей, собирая их вместе, так как больше получается пользы и удовольствия, когда работа одних служит примером и побуждением для других.* Ведь совершенно естественно делать то, что на наших глазах делают другие, и идти туда, куда идут другие, следовать за теми, кто впереди, и опережать тех, кто следует за ними.

Радостно резвый уносится конь из открытого стойла.  
Есть и кого обогнать, есть и погнаться за кем.

Особенно детский возраст вообще побуждается и направляется к действию больше примерами, чем правилами. Если ты что-либо предписываешь детям, то это слабо к ним прививается; если же ты показываешь, как делают что-либо другие, то этому они подражают и без всяких приказаний.

**4. Постоянными примерами природы.**

8. Наконец, повсюду природа дает нам пример того, что произрастающее в изобилии должно появляться в одном каком-либо месте. Так, деревья в огромном количестве растут в лесах, трава — на полях, рыбы плодятся в водах, металлы находятся в недрах земли. И если в лесу растут сосны, кедровые или дубы, то обычно они растут в большом количестве; при этом остальные породы деревьев произрастают там не так уже хорошо. Земля, богатая золотом, не содержит в себе в таком же изобилии других металлов. Но в еще большей мере эта истина проявится в нашем теле: в нем каждый отдельный член должен, конечно, получить соответствующую часть принятой пищи; однако необходимая для его питания часть ее поступает не в сыром виде, чтобы он сам ее перерабатывал и усваивал, а в организме имеются определенные части тела, как бы специально предназначенные для этой цели мастерские, чтобы с пользой для всего организма принимать пищу, согревать ее, переваривать и, наконец, в переваренном виде распределять питание всем остальным членам. Таким образом, желудок образует сок, печень — кровь, сердце — дух жизни, мозг — душевный дух; все это уже в готовом виде легко распределяется по всем членам и приятно поддерживает жизнь во всем теле. Итак, *почему же школы не могут производить света мудрости, очищать его, распространять и распределять по всему организму человеческого объединения, подобно тому как мастерские поддерживают и направляют ремесла, храмы — благочестие, судебные места — правосудие?*

**5. И примерами искусства.**

9. Наконец, если работа производится разумно, мы наблюдаем то же и на произведениях искусства. Садовник, например, проходя по лесу и среди кустарника, натолкнувшись где бы то ни было на годное для пересадки растение, не сажает его тут же, но, вырвав, переносит в фруктовый сад и там ухаживает за ним вместе с сотнями других. Таким же образом, занимаясь размножением рыб для питания, человек устраивает садки для них и предоставляет им возможность размножаться там тысячами. И чем больше фруктовый сад, тем лучше обыкновенно растут деревья; чем больше садок, тем больше размеры рыбы. Поэтому *как для рыб должны быть предназначены садки, для деревьев — сады, так для юношества — школы.*

## Г Л А В А IX

**Школам нужно верить всю  
молодежь обоого пола**

**Школы должны быть общественными местами для юношества.**

*девочек во всех городах и местечках, селах и деревнях.*

**1. Потому что всех должно формировать по образу божию.**

1. Из предыдущего вытекает, что *в школы следует отдавать не только детей богатых или знатных, но и всех вообще: знатных и незнатных, богатых и бедных, мальчиков и девочек во всех городах и местечках, селах и деревнях.*

2. Все люди, которые только родились, произошли на свет с одной и той же главной целью: быть людьми, т. е. разумными существами, владыками тварей, ярким подобием своего творца. Следовательно, всех нужно вести к тому, чтобы они, надлежащим образом впитав в себя знания, добродетель и религию, могли с пользой пройти настоящую жизнь и достойно подготовиться к будущей. У Бога нет лицеприятия — не раз свидетельствует он об этом сам. А если мы позволим развивать свой ум только некоторым, исключив остальных, то будем несправедливы <sup>41</sup> не только по отношению к тем, кто обладает той же самой природой, но и по отношению к самому Богу, который хочет, чтобы все, на ком он начертал свой образ, его познавали, любили и восхваляли. Это, несомненно, будет происходить тем пламеннее, чем больше будет разгораться свет знания. Мы любим именно настолько, насколько познаем.

**2. Все должны быть подготовлены к обязанностям своего будущего призвания.**

3. Нам неизвестно, для какой цели божественное провидение предназначило того или другого из нас. Но *нам хорошо известно, что Бог иногда создавал выдающиеся орудия своей славы из самых бедных, самых отверженных, самых темных людей.* Будем же подражать небесному солнцу, которое освещает вселенную, согревает и животворит землю с тем, чтобы жило, зеленело, цвело, приносило плоды все, что только может жить, зеленеть, цвести, приносить плоды.

**3. В особенности нужно решительно помогать детям тупым и глупым от природы.**

4. Этому не может служить препятствием то, что некоторые дети от природы являются тупыми и глупыми. Это обстоятельство еще более решительно требует универсальной культуры умов. *Кто по природе более медлителен и глуп, тот тем больше нуждается в помощи, чтобы по возможности освободиться от бессмысленной тупости и глупости.* И нельзя пайти такого скудоумия, которому совершенно уж не могла бы помочь забота о его совершенствовании (cultura). Как дырявый сосуд, часто подвергаемый мытью, хоть и не удерживает

воды, но все-таки теряет свою грязь и становится чище, так и тупые и глупые люди, хотя бы и не сделали никаких успехов в образовании, однако же смягчаются нравами настолько, что научаются повиноваться государственной власти и служителям церкви. Кроме того, известно из опыта, что некоторые слишком медлительные от природы, получив образование, опережали даже людей одаренных, ибо, как верно сказал поэт, «неутомимый труд побеждает все». Мало того, некоторые обладают с детства прекрасным здоровьем, а затем начинают хворать и худеть, а другие наоборот — в молодости болезненны, а затем крепнут и хорошо растут. Так точно бывает и с умственными способностями: *одни развиваются быстро, но быстро слабеют и до некоторой степени тупеют, а другие сначала бывают тупыми, а затем быстро и прочно развиваются* <sup>42</sup>. В фруктовых садах мы любим иметь не только деревья, рано приносящие плоды, но и такие, которые приносят плоды среди лета и позднее, так как все (как говорит в одном месте Сирах) в свое время находит свою хвалу и когда-нибудь, хоть и с опозданием, показывает, что оно существовало не напрасно. *Почему же в сад науки мы хотели бы допускать только одного рода дарования, рано созревающие и подвижные? Поэтому не будем исключать никого, кроме того, у кого Бог отнял смысл, или разум.*

Следует ли также  
п женский пол  
допускать  
к образованию?

5. *Нельзя представить никакого достаточно-го основания, почему бы и слабый пол (чтобы сказать кое-что отдельно о нем) нужно было бы совершенно устранить от научных занятий* (преподают ли они на латинском языке или на родном). Женщины — также образ божий. Равно причастны они благодати и царству будущего века. Одинаково они одарены (часто более нашего пола) быстрым и воспринимающим мудрость умом. Одинаково им открыт доступ к самым высоким положениям, так как часто самим Богом они призывались к управлению народами, к тому, чтобы давать самые спасительные советы царям и князьям, к изучению медицины, к другим делам, полезным для человеческого рода, даже к пророческой деятельности и к тому, чтобы обличать священников и епископов. Так почему же допускать их к изучению азбуки и устранять их потом от чтения книг? Боимся ли мы их легкомыслия? Но чем более мы будем занимать их ум, тем менее найдет себе место у них легкомыслие, которое обыкновенно рождается от пустоты ума.

С какою, однако,  
осторожностью?

6. Однако это нужно делать с такой предосторожностью, чтобы девушкам, как и юношеству другого пола, не была доступна первая попавшаяся книга (нужно сожалеть о том, что этого не избегали до сих пор с большей осмотрительностью). Им должны быть доступны книги, из которых с истинным познанием Бога и дел его

они могли бы постоянно почерпать истинные добродетели и истинное благочестие. ✓

Устраняется  
возражение  
против этого.

7. Итак, пусть никто не возражает мне известными апостольскими словами: «Жене учить не повелеваю» (1 Тим. 2, 12) или известными словами Ювенала <sup>43</sup> из VI сатиры: «Пусть матрона, которая состоит с тобой в брачном союзе, не владеет изысканной речью или пусть не упражняется в краткой энтимеме <sup>44</sup>, в изящной речи и не знает всяких историй».

Или пусть не возражают тому, что говорит у Еврипида <sup>45</sup> Ипполит: «Я ненавижу ученую женщину. Пусть никогда не будет в моем доме женщина, которая знает больше, чем ей подобает, ведь в ученых сама Киприда влагает больше коварства» <sup>46</sup>.

Это, говорю я, нисколько не противоречит нашему намерению, так как мы советуем образовывать женщин не ради пустой любознательности, но для благонравия и счастья, учить особенно тому, что подобает им знать, чем владеть как для достойного устройства своей домашней жизни, так и для попечения о своем собственном благополучии и о благополучии мужа, детей и семьи.

8. Если кто-нибудь возразил бы: *что произойдет, если ремесленники, крестьяне, носильщики и даже женщины стали бы учеными?* Отвечаю: произойдет то, что когда будет установлено законом это всеобщее образование юношества, то после этого ни у кого не будет недостатка в хороших предметах для размышления, желания, стремления, даже действия, и все будут знать, куда нужно направлять в жизни все действия и все стремления, в каких границах нужно жить и каким образом каждому охранять свое положение. Кроме того, все, даже среди работ и трудов, будут наслаждаться помышлением о словах и делах божиих, и благодаря чтению Библии и других хороших книг (к которым, как уже вкусивших их, будут увлекать эти лучшие наслаждения) они будут избегать праздности, опасной для плоти и крови. И — скажу раз и навсегда — они научатся везде видеть Бога, везде хвалить его, везде его постигать и таким образом проводить приятнее эту бедственную жизнь и с большим желанием и надеждой ожидать вечной жизни. Но такое состояние церкви не представляло ли бы для нас рая, какой только возможно иметь под солнцем?

## ГЛАВА X

**Образование в школах  
должно быть универсальным**

**В чем же  
заключается все,  
чему нужно учить  
и учиться в школах.**

1. Теперь нам нужно доказать, что в школах всех нужно учить *всему*. Но этого нельзя понимать так, однако, как будто бы мы требовали от всех знания всех наук и искусств (особенно знания точного и глубочайшего). Это ведь по существу дела бесполезно и, по краткости нашей жизни, ни для кого из людей невозможно. Ведь мы видим, что любая наука (физика, арифметика, геометрия, астрономия и пр., даже сельское хозяйство или садоводство) так глубоко и так широко развилась, что даже у самых выдающихся умов, если они желают заняться теоретическими размышлениями и опытами, она могла бы наполнить всю жизнь. Так, например, это и случилось у Пифагора с арифметикой, у Архимеда с механикой, у Агриколы с рудничным делом (металлургией), у Лонголия с риторикой (хотя последний стремился только к тому, чтобы стать совершенным цicerонианцем). Но во всяком случае необходимо заботиться и даже добиваться того, чтобы всех, явившихся в мир не только в качестве зрителей, но также и в качестве будущих деятелей, научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромного суждения и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки.

**Именно в том,  
что касается  
образования всего  
человека.**

2. Итак, во всех случаях без исключения нужно стремиться к тому, чтобы в школах, а отсюда благодаря школам и во всей жизни

1. *При посредстве наук и искусств развивались природные дарования.*

II. *Совершенствовались языки.*

III. *Развивались благонравие и нравы в направлении всякой благопристойности согласно со всеми нравственными устоями.*

IV. Бог искренно почитался.

**В мудрости,  
благоразумии,  
благочестии.**

3. Ведь мудро сказал тот, кто сказал, что школы — *мастерские гуманности*, если они достигают того, что люди становятся действительно людьми, т. е. (возвращаясь к поставленным выше целям): I. Созданием разумным. II. Созданием, господствующим над всеми творениями (также и над самим собой). III. Созданием, которое является радостью своего Творца. Это будет происходить в том случае, если школы много потрудятся

над тем, чтобы сделать людей мудрыми по уму, благонравными в своих действиях и благочестивыми сердцем.

Доказывается, что эти три качества не должны быть разрываемы:

4. Эти три качества поэтому нужно внедрять во всех школах всему юношеству. Это я докажу, взяв за основание:

I. Вещи, которыми мы окружены.

II. Нас самих.

III. Христа — богочеловека — как совершеннейший образец нашего совершенства.

1. Связью самих вещей.

5. Сами вещи, которые имеют к нам отношение, должны быть разделены на три группы.

Некоторые, как небо и земля и то, что в них, представляют только предмет исследования, некоторые, как всюду распространенный дивный порядок, — предмет подражания, который постоянно повелевается человеку осуществлять в своих действиях; наконец, некоторые, как милость божия и многократное его благоволение здесь и во веки, служат для наслаждения. Если ко всему этому человек должен быть подготовлен, то его нужно научить, во-первых, познавать то, что простирается пред ним при созерцании этого удивительного зрелища мира, во-вторых, научиться тому, что он обязан делать, и, наконец, научить наслаждаться тем, что, точно в гостеприимном доме, подает ему своей щедрой рукой всеблагой Творец <sup>47</sup>.

2. Строением нашей души.

6. Если мы взглянем на самих себя (примем ли во внимание сущность нашей души, или цель нашего появления и вселения в мир), то

равным образом обнаружим, что одинаково всех достоинством является образование, нравственность и благочестие.

7. *Сущность души составлена из трех способностей* (которые воспроизводят несотворенную троицу): *разума, воли и памяти*. Разум направляется на наблюдение различий между вещами (вплоть до малейших мелочей), воля стремится к отбору полезных вещей и к отстранению вредных, а память хранит для будущего использования то, чем когда-либо занимались разум и воля, и напоминает душе о ее зависимости от Бога и об ее обязанностях, в этом последнем отношении память называется также совестью <sup>48</sup>. Чтобы эти способности могли с успехом проявлять (выполнять) указанные свойства (свои обязанности), совершенно необходимо снабдить их тем, что просвещало бы разум, направляло бы волю, пробуждало бы совесть, благодаря чему разум пронизательно познавал бы вещи, воля безошибочно делала отбор всего, а совесть четко устремляла бы все к Богу. Следовательно, как нельзя отрывать друг от друга эти три способности (разум, волю и совесть), так как они составляют единую душу, так не следует разрывать и три украшения души: образованность, добродетель и благочестие.



Целью нашего  
ниспослания в мир.

Богу, его творениям и себе и наслаждаться радостью, проистекающей от Бога, его созданий и от нас самих.

1) Чтобы служить  
Богу, ближним  
и себе самим.

9. Если мы хотим служить Богу, ближним и себе самим, то по отношению к Богу нам нужно иметь благочестие, по отношению к ближним — нравственность и в отношении нас самих — знание. Правда, все это так тесно связано между собой, что как человек по отношению к себе самому должен быть не только благоразумным, но и нравственным и благочестивым, так и ко благу ближнего должны служить не только добрые нравы, но и знание и благочестие, а славе божией должны содействовать не только благочестие, но и знание, и добрые нравы.

2) Чтобы  
пользоваться тройным  
наслаждением,  
проистекающим

10. Что касается наслаждения, то Бог при сотворении засвидетельствовал, что оно предназначено для человека, так как ввел его в мир, уже украшенный всеми благами, и, сверх того, создал для него рай блаженства и, наконец, постановил сделать его участником своего блаженства.

11. А наслаждение нужно понимать не физическое (хотя и оно, будучи не чем иным, как крепостью здоровья, удовольствием от пищи и сна, может проистекать не из чего иного, как только от добродетели умеренности), а духовное, которое проистекает или от вещей, нас окружающих, или от нас самих, или, наконец, от Бога.

а) От самих вещей;

12. Наслаждение, проистекающее от самих вещей, есть то удовольствие от размышлений, которое испытывает мудрец. Ведь чем бы он ни занимался, что бы ни представлялось его взору, на что бы он ни обращал свое размышление, всюду и во всем этом он находит прелести, доставляющие ему столь большое удовольствие, что часто он, как бы вне себя от увлечения, забывает о себе самом. Об этом именно и свидетельствует книга «Премудрости»: «В обращении мудрости нет суровости, ни в сожитии с нею — скорби, но веселие и радость» (Премудр. 8, 15). А языческий мудрец говорит: «Нет ничего в жизни приятнее, как философствовать»<sup>40</sup>.

б) От себя самих;

13. Удовольствие, получаемое от самого себя, представляет то величайшее наслаждение, которое испытывает человек, отдавший добродетели, радуясь своему внутреннему добруму расположению. Он сознает себя готовым выполнять все, чего требуют правила справедливости. Эта радость гораздо больше, чем первая: чистая совесть — непрерывный пир.

в) От Бога.

14. Наслаждение в Боге есть наивысшая ступень радости в этой жизни. Чувствуя вечное милосердие к себе Бога, человек так восторгается его отеческой и неизменной милостью, что сердце его от любви к Богу тает и он не знает, что ему более совершать или чего желать, кроме того, чтобы, поручая всего себя милосердию божью, сладостно пребывать в покое и наслаждаться предвкушением вечной жизни. Это то превышающее всякое разумение спокойствие в Боге (Филип. 4, 7), выше которого ничего нельзя ни пожелать, ни помыслить. Итак, есть три качества: образование, добродетель, благочестие — три источника, из которых вытекают все источники самых совершенных наслаждений.

3. Примером Христа — того, чтобы явить в себе образ и закон всего), нашего образца.

15. Наконец, Бог, явившийся во плоти (для своим примером научил, что эти три качества должны быть у всех вместе и у каждого в отдельности. Ведь евангелист свидетельствует, что он, преуспевая в возрасте, вместе с тем преуспевал в премудрости и любви у Бога и человеков (Лук. 2, 52). Вот где счастливая троица наших украшений. Ведь что такое мудрость, если не познание всех вещей так, как они есть? Что вызывает любовь у людей, если не добрые нравы? А что привлекает к нам милость божью, если не страх перед Господом, т. е. внутреннее, серьезное и пламенное благочестие? Итак, восчувствуем в себе то, что есть во Христе Иисусе, который является абсолютнейшей идеей всякого совершенства, с которой нам подобает согласоваться.

16. Ибо поэтому и сказал он: «Научитесь от Меня» (Матф. 11, 29). И так как Христос был дан человеческому роду как просвещеннейший учитель, святейший жрец, могущественнейший царь, то ясно, что христиан должно формировать по примеру Христа и делать их просвещенными по уму, святыми по влечению совести, мощными по делам (каждому в своем призвании). Итак, школы наши будут подлинно христианскими лишь тогда, если сделают нас возможно более подобными Христу.

Несчастный разлад. 17. Поэтому является несчастным разладом, если в чем-нибудь эти три качества не свя-

заны непрерывными узами<sup>50</sup>. Несчастно то образование, которое не переходит в нравственность и благочестие. Ведь что такое образование без нравственности? *«Кто успевае́т в науках, а отстае́т в добрых нравах»* (старинная поговорка), *«тот скорее отстае́т, чем успевае́т»*. Следовательно, что сказал Соломон о красивой, но отвращающей разум женщине, то же можно сказать об образованном, но безнравственном человеке: «Что золотое кольцо в носу сви́ньи, то образование у человека, который отвращается от добродетелей» (Притч. 11, 5). Как драгоценные камни оправляются не

свинцом, а золотом, придающим им большой блеск, так знание должно соединяться не с распущенностью, а с добродетелью, и тогда оно увеличит и свой блеск, и блеск добродетели. А где к тому же присоединится истинное благочестие, там осуществится совершенство. Ибо страх Господень является как началом и концом мудрости, так — равным образом — завершением и венцом знания, так как полнота премудрости есть страх Господень (Притч. 1; Сир. 1 и др.).

**Заключение.**

18. Словом, так как от детского возраста и воспитания зависит вся последующая жизнь, то цель не будет достигнута, если души всех не будут подготовлены заранее ко всему, что предстоит в жизни. Итак, подобно тому, как в чреве матери у каждого будущего человека образуются одни и те же члены, и притом у каждого человека все: руки, ноги, язык и пр., хотя не все должны быть ремесленниками, скороходами, писцами, ораторами, — так и в школе всех должно учить всему тому, что касается человека, хотя впоследствии одним будет более полезно одно, а другим — другое.

## Г Л А В А Х I

### **До сих пор не было школ, вполне соответствующих своему назначению**

**Что такое школа,  
точно  
соответствующая  
своему назначению?**

1. Этим самоуверенным заявлением я покажусь слишком и слишком дерзким. Но я призываю в свидетели само дело и делаю судьей тебя, читатель, себя же представляю только в качестве действующего лица.

*Вполне соответствующей своему назначению я называю только такую школу, которая являлась бы истинной мастерской людей, в которой, следовательно, умы учащихся озарялись бы блеском мудрости, для того чтобы быстро проникать во все явное и сокровенное (как говорит книга Премудрости, 7, 17), души и движения их направлялись бы ко всеобщей гармонии добродетелей, а сердца насыщались бы божественной любовью, и до того проникались бы ею все, кто вверен христианским школам для обучения мудрости, что дети уже на земле приучились бы жить небесною жизнью. Короче, чтобы в школах обучали всех, всему, всесторонне.*

Доказывается, что школы должны быть такими, однако они не таковы.

о совершенстве, которого нет нигде, на которое, быть может, в этой жизни нельзя надеяться, я докажу другими аргументами, что школы должны быть такими и что, однако, до сей поры таких школ еще нет.

1. Желанием д-ра Лютера.

два следующих пожелания: во-первых, чтобы во всех городах, местечках и селах были устроены школы для образования всего юношества обою пола (необходимость чего мы доказали в IX главе), чтобы даже занимающиеся земледелием и ремеслами, приходя в школу ежедневно хотя бы на два часа, обучались наукам, добрым нравам и религии; во-вторых, чтобы занятия велись наиболее легким методом, который не только не отвращал бы от наук, а к ним привлекал бы, точно какая-то приманка, и дети, как он говорит, должны испытывать не меньшее удовольствие от обучения, чем если бы они целые дни занимались игрой в орехи, в мяч или беготной. Так сказал Лютер.

2. Свидетельством самих вещей.

4. Не есть ли это совет действительно разумный и достойный столь великого мужа? Но кто не видит, что до сих пор это осталось в области пожеланий? Где же эти универсальные школы? Где этот привлекательный метод?

1) Школы еще не основаны повсюду.

и селах еще не везде

2) Но даже там, где они есть, не принимается мер, чтобы они были для всех.

и имеют к ним доступа, если не говорить о какой-либо случайности, например о чьей-либо благотворительности. А между тем весьма вероятно, что среди бедных нередко скрываются и — к великому ущербу для церкви и государства — вследствие такой системы пропадают блестящие таланты.

2. Но какая школа до сих пор ставила себе это целью в указанной степени совершенства, не говоря уже о том, чтобы она ее достигла? Но чтобы не показалось, что мы стремимся к платоновским идеям и мечтам

3. Д-р Лютер<sup>51</sup> в своем обращении к гражданским властям Империи об учреждении школ (в 1525 г.) среди прочих высказывает

4. Не есть ли это совет действительно разумный и достойный столь великого мужа? Но кто не видит, что до сих пор это осталось в области пожеланий? Где же эти универсальные школы? Где этот привлекательный метод?

5. В действительности мы видим все как раз противоположное, так как прежде всего в менее значительных общинах, в местечках основаны и самые школы.

6. Но и там, где они существуют, они не одинаково доступны для всех, но только для некоторых, и именно для более состоятельных. Ведь посещение школ связано с значительными расходами, а потому бедные и не

3) Это не место для приятных занятий, а толчея.

большая часть учеников проникалась отвращением к наукам и книгам и предпочитала школам мастерские ремесленников или какие-нибудь другие житейские занятия.

4) Нигде не учат всему, даже главному.

7. Далее, при образовании юношества большей частью применялся столь суровый метод, что школы превращались в пугало для детей и в места истязания для умов. Поэтому большая часть учеников проникалась отвращением к наукам и книгам и предпочитала школам мастерские ремесленников или какие-нибудь другие житейские занятия.

8. А тем, кто задерживается в школе (по воле ли родителей и покровителей, или привлекаемый надеждой достигнуть когда-нибудь посредством образования почетного положения, или по свободному природному влечению к научным занятиям), тем образование прививалось несерьезно и недостаточно разумно, а извращению и неправильно. Ибо обычно оставалось в пренебрежении то, что преимущественно должно было внедрять в умы, именно — благочестие и нравственность. Об этом, говорю я, во всех школах (даже в академиях, которым, однако, следовало бы быть на вершине человеческой культуры) заботились очень мало. И большей частью оттуда выходили, вместо кротких агнцев, дикие ослы и неукротимые, своенравные мулы; вместо характера, склонного к добродетели, выносили оттуда только поверхностную обходительность в обращении, какое-то пышное иноземное одеяние, дрессированные для светской пустоты глаза, руки и ноги. В самом деле, многим ли из этих жалких людишек, которым изучением языков и искусств так долго давали внешний лоск, приходило в голову быть для остальных смертных примером умеренности, целомудрия, смирения, гуманности, серьезности, терпения, воздержания и пр.? Да и откуда все это может взяться, если в школах даже не поднимается никакого вопроса о доброй жизни? Это подтверждается отсутствием дисциплины почти во всех школах, распущенностью нравов всех сословий и подтверждается, наконец, бесконечными жалобами, вздохами и слезами многих благочестивых людей. И стал ли бы кто-нибудь защищать нынешнее состояние школ? Конечно, мы страдаем той наследственной болезнью, перешедшей к нам еще от прародителей, что, оставив в стороне древо жизни, мы беспорядочно стремимся к одному только древу познания. В угоду этому беспорядочному стремлению школы до сих пор гнались только за знаниями <sup>52</sup>.

5) Пользуются методом не свободным, а насильственным.

9. Но в каком же порядке и с каким успехом достигали хотя бы этого? Учащихся задерживали пять, десять и больше лет на том, что, несомненно, можно воспринять человеком в течение года. Что можно было бы постепенно прививать сознанию, то навязывалось, вдабливалось и даже вколачивалось насильственно. Что можно было представить наглядно и ясно, то препод-

носились темно, запутанно, сбивчиво, в виде подлинных загадок.

6) Образование поддерживается скорей словесное, чем реальное.

7) Каким длинным и запутанным является изучение латинского языка.

10. Как я мог бы умолчать про такое положение дела, что едва ли где-нибудь умы питались зернами истинной сущности вещей? Большею частью они заполнялись шелухой слов, пустой попугайской болтовней, отбросами и чадом мнений.

11. Боже мой, как запутано, затруднено и растянуто изучение даже одного только латинского языка (коснись этого мимоходом для примера)! Повара на кухне, служители при обозе, мастеровые — все они, делая свое дело или находясь при войске, во время походов быстрее усваивают чужой язык, даже два или три, чем питомцы школ — при полнейшем досуге и величайшем напряжении — один латинский язык. И с каким неравным успехом! Те после нескольких месяцев свободно болтают о том, что им нужно, а эти через пятнадцать или даже двадцать лет могут произнести кое-что по латыни, и то в большинстве случаев не без помощи своих костылей — грамматик и словарей, да и то не без колебания и запинки. Подобная непроизводительная трата времени и трудов может происходить не иначе, как вследствие неправильного метода.

Сетование на это д-ра Любина

12. Об этом справедливо писал учнейший доктор богословия и профессор университета в Ростоке Эйльгард Любин: «Применяемый метод обучения детей представляется мне совершенно таким, как если бы кому-либо, оплатив его труд и старание, поручили нарочно придумать преподавание, при котором учителя обучали бы своих учеников латинскому языку, а те его усваивали не иначе, как с невероятными трудами, с страшным отвращением, с бесконечными тяготами, и притом не иначе, как в предельно-длительный промежуток времени. Всякий раз, как я об этом думаю и размышляю, смущенное сердце содрогается и ужас проникает в глубину моей души». И немного далее: «Думая обо всем этом, я, признаюсь, не раз приходил к мысли и к тому решительному убеждению, что все это введено в школу каким-то злым и завистливым гением, врагом человеческого рода». Вот что говорит тот, кого пожелал я из числа многих выставить важнейшим свидетелем.

и самого автора.

13. Но зачем искать свидетелей? Ведь и нас, вышедших из школ и академий и едва затронутых хотя бы тенью какого-нибудь истинного образования, достаточно. Среди многих тысяч и я также являюсь одним из несчастных, у которого жалким образом погибла прекраснейшая пора — весна всей жизни, цветущие годы юности — из-за того, что они были растрочены на схоластический вздор. Ах, сколько

раз после того, как мне представилось видеть лучшее, воспоминание о несчастном времени исторгало у меня из груди эта печаль, из очей — слезы, из сердца — печаль! Сколько раз эта печаль заставляла меня восклицать: «О, если бы Юпитер вернул мне минувшие годы!»

**Жалобы и желания нужно превратить в попытку искания лучшего.**

14. Но и эти пожелания напрасны: прошлое не вернется. Никто из нас, у кого прожиты годы, не восстановит своей молодости, чтобы, лучше подготовившись, сызнова начать и устроить ее: нечего думать об этом. *Остается одно, одно только и возможно: насколько мы в состоянии — позаботиться о наших потомках, а именно:* осознав, как наши наставники повергли нас в ошибки, показать путь, как избежать их. Это произойдет именем и под руководством того, кто один может сосчитать наши недостатки и исправить кривизну путей наших (Еккл. 1, 15).

## Г Л А В А XII

### Школы можно преобразовать к лучшему

**Следует ли лечить застарелые болезни?**

1. Излечить застарелые болезни трудно, тяжело и считается почти невозможным. Однако, если бы кто-нибудь нашелся, кто обещал бы их излечить, неужели больной отверг бы это? Разве больной не пожелал бы, чтобы как можно скорее было применено лечение, особенно если он чувствовал бы, что врач руководится не легкомыслием, а прочным основанием? Итак, в нашем смелом предложении нам нужно добиваться того, чтобы, во-первых, стало ясным то, что мы обещаем, а во-вторых, на каком основании.

**Что мог бы предложить здесь и обещать автор?**

2. *Мы же обещаем такое устройство школ, благодаря которому*  
I. *Образование должно получать все юношество, за исключением разве тех, кому Бог отказал в разуме*<sup>53</sup>.

II. *Юношество обучалось бы всему тому, что может сделать человека мудрым, добродетельным, благочестивым.*

III. *Как подготовка к жизни, это образование должно быть закончено еще до наступления зрелости.*

IV. *Это образование должно происходить весьма легко и мягко, как бы само собою — без побоев и суровости или какого-либо принуждения.*

Как организм растет и крепнет, не требуя никакого расширения и растягивания своих членов, если только его разумно питать, дать ему тепло и упражнения, так, говорю я, разумно доставляе-

мые душе питание, тепло, упражнения должны сами собой переходить в мудрость, добродетель, благочестие.

V. *Юношество должно получать образование не кажущееся, а истинное, не поверхностное, а основательное*, т. е. чтобы разумное существо — человек — приучался руководствоваться не чужим умом, а своим собственным, не только вычитывать из книг и понимать чужие мнения о вещах или даже заучивать и воспроизводить их в цитатах, но развивать в себе способность проникать в корень вещей и вырабатывать истинное понимание их и употребление их. Нужно также стремиться к основательному усвоению нравственности и благочестия.

VI. *Это образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно легким*. Нужно уделять не более четырех часов ежедневно на запытия в школе, и притом так, чтобы было достаточно одного учителя для обучения одновременно хотя бы ста учеников. Причем эта работа все же будет в десять раз легче, чем та, которая теперь обыкновенно затрачивается на обучение отдельно взятых учащихся поодиночке.

**Природные свойства людей в отношении к новым изобретениям иллюстрируются: примером машины Архимеда,**

3. Но кто поверит этому, прежде чем не увидит на деле? Ведь известна характерная особенность людей: до того, как будет сделано какое-либо замечательное открытие, они удивляются, как это оно может быть сделано, а после того, как оно сделано, удивляются, как это оно не было открыто раньше. Когда Архимед обещал царю Гиерону одной рукой спустить в море огромный корабль, который не могли сдвинуть с места сто человек, он был встречен насмешками, а когда это было выполнено, все изумились.

**примером открытия Нового Света,**

4. Когда Колумб обещал открыть новые острова на западе, то, за исключением королевы Кастилии, никто из королей не захотел его слушать и хоть сколько-нибудь помочь в его попытке. История повествует, что сами его спутники неоднократно приходили вследствие отчаяния в негодование, так что едва не выбросили Колумба в море и не вернулись назад, не доведя дела до конца. И однако этот столь обширный Новый Свет был открыт, и все мы теперь удивляемся, как это он не был столь долго открыт. Относится сюда и известная шутка того же Колумба. Когда он услышал на одной пирушке, что испанцы, завидуя славе такого открытия, сделанного итальянцем, нападали на него и между прочим говорили, что открытие сделано случайно, а не благодаря его таланту, и что оно могло бы быть сделано кем-либо другим, — он предложил остроумную задачу: «Каким образом куриное яйцо может стоять на своем остром конце без всякой подпорки?» Когда все напрасно пытались это сделать, он, слегка ударив яйцо о блюдо и несколько



надломив скорлупу, поставил яйцо. Те рассмеялись и стали кричать, что то же самое могут сделать и они. «Теперь вы можете, — сказал он, — так как вы увидели, что это возможно; но почему же никто не сделал этого раньше меня?»

**примером  
типографского  
искусства,**

5. То же самое, я думаю, было бы, если бы Иоганн Фауст, изобретатель типографского искусства<sup>54</sup>, начал везде рассказывать, что у него есть способ, благодаря которому один человек в течение восьми дней может написать больше книг, чем пишут обыкновенно в течение целого года десять опытейших переписчиков, и что книги будут написаны весьма изящно, что все экземпляры будут одной и той же формы до самой последней буквы и что в них не будет совершенно ошибок, если только первоначальный экземпляр будет выправлен. Кто бы ему поверил? Кому это не показалось бы загадкой или, по крайней мере, пустым и бесполезным хвастовством? Однако теперь даже дети знают, что это совершенно верно.

**изобретением  
пороха,**

6. Если бы Бартольд Шварц, изобретатель медных орудий, обратился к стрелкам из лука с такими словами: «Ваши луки, ваши метательные машины, ваши пращи бессильны. Я вам дам орудие, которое без всякого усилия рук, только с помощью огня, не только будет выбрасывать камни и железо, но и будет стрелять дальше и вернее попадать в цель, поражать сильнее, потрясать и разрушать», — кто из них не рассмеялся бы над изобретателем? Так обычно считают новое и неиспробованное за чудесное и невероятное.

**искусством письма.**

7. Жители Америк, конечно, не могли вообразить себе, как может быть, чтобы один человек мог сообщать другому свои мысли, не вступая с ним в разговор, без передатчика, а только переслав ему клочок бумаги. Это понимают у нас даже самые тупоумные. Совершенно так везде и во всем. То, что казалось некогда трудным, вызывает у потомков улыбку.

**Открытие  
совершенного метода  
также вызовет  
строгую критику.**

8. Мы легко предвидим, что та же судьба постигнет и это наше новое начинание: отчасти мы даже это уже испытали. Именно, некоторые будут удивляться и негодовать, что есть люди, которые смеют упрекать в несовершенстве школы, книги, методы, принятые на практике, и обещать нечто необычное и превышающее всякое вероятное.

**Как на это  
возражать.**

9. И нам, конечно, весьма легко было бы сослаться на успех как на правдивейшее подтверждение в будущем утверждения (так я верю в моего Бога). Однако так как это мы пишем предварительное не для невежественной толпы, а для людей ученых, то нужно

доказать, что возможно все юношество научить наукам, добрым нравам и благочестию без всякого обременения ими, испытываемого как учащими, так и учащимися при обычно применяемом методе.

**Основание научного доказательства.**

10. Единственным и вполне достаточным основанием для этого доказательства пусть будет следующее: *каждая вещь не только легко позволяет себя направлять туда, куда влечет ее природа, но, больше того, и сама охотно устремляется туда и испытывает страдание, если ей в этом помешать.*

**Развитие его**

11. Ведь нет, конечно, никакой необходимости принуждать птицу летать, рыбу плавать, зверя приучать бегать. Они делают это сами собой, лишь только чувствуют, что достаточно окрепли. Точно так же нет необходимости заставлять воду течь по покатоному мосту вниз или — разгораться огонь, получивший горючий материал и приток воздуха, круглый камень катиться вниз, а квадратный камень заставлять лежать на месте, глаз и зеркало воспринимать предметы, если возле них есть свет, семя, согретое влагою и теплом, произрастать. Итак, все вещи стремятся действовать так, как им от природы надлежит действовать. И проявляют свою деятельность хотя бы при малейшем содействии им.

**и применение.**

12. Итак, ввиду того что семена знания, нравственности и благочестия (как мы это видели в V главе) от природы присущи всем людям (за исключением уродов), то отсюда по необходимости следует, что нет надобности ни в чем, кроме самого легкого побуждения их и некоторого разумного руководства ими.

**Возражение первое.**

13. Но, говорят, не из каждого куска дерева выходит Меркурий. Отвечаю: *но из каждого человека выходит человек, если его не портить*<sup>55</sup>.

**Возражение второе.**

14. Тем не менее (возразит кто-нибудь) внутренние наши силы вследствие первородного греха надломлены. Отвечаю: *но не иссякли.* Конечно, так же ослаблены телесные силы, однако мы умеем укреплять их до пределов их естественной крепости при помощи ходьбы, бега и упражнений в различных работах. Хотя первые люди сразу же после их сотворения могли ходить, говорить, рассуждать, а мы можем ходить, говорить, рассуждать, только научившись этому путем упражнения, все-таки отсюда не следует, что нельзя научиться этому иначе, как при помощи запутанного метода, с большими трудностями, с сомнительным результатом. Ведь если всему тому, что относится к делу, а именно: есть, пить, ходить, прыгать, производить работу, мы выучиваемся без особых затруднений, так почему же мы не можем таким же образом научиться и всему тому,

что относится к духовным силам? Только бы не было недостатка в надлежащем наставлении. Что прибавить к этому более? В течение нескольких месяцев наездник обучает коня по знаку хлыста бегать рысью, скакать, ходить по кругу и делать сложные движения. Ловкий фигляр выучивает медведя танцевать, зайца бить в бубны, собаку пахать, фехтовать, гадать и пр. Жалкая старуха научает попугая, сороку, ворона подражать человеческим звукам или мелодиям и т. п. — все это вопреки природе и в короткое время. Как же человек не был бы в состоянии легко научиться тому, к чему сама природа, не говоря допуская его или ведет, а даже влечет? Стыдно было бы утверждать это, чтобы нас не засмеяли дрессировщики зверей.

**Возражение третье.** 15. К этому прибавляют, будто самая трудность вещей приводит к тому, что не каждый их понимает. Отвечаю: какая это трудность? Есть ли, спрашиваю я, в природе столь темного цвета тело, которое не могло бы отразиться в зеркале, лишь бы только ты хорошо расположил его при достаточном освещении? Есть ли что-либо, чего нельзя было бы нарисовать на картине, лишь бы рисовал тот, кто умеет рисовать? Найдется ли какое-либо семя или корень, которых бы не могла воспринять земля и не довести своим теплом до прорастания? Был бы только человек, который бы знал, где, когда, как нужно сажать каждое семя. Прибавлю к этому: нет в мире столь высокой скалы или башни, на которые не мог бы подняться всякий, у кого есть ноги, лишь бы только лестницы были приставлены правильно или ступеньки, высеченные в самой скале, были сделаны в надлежащем положении и порядке и ограждены были бы загородками от опасности падения в пропасть. Поэтому, если до вершин знаний доходят столь немногие, хотя подходят к ним с рвением и чрезвычайно охотно, а те, которые в какой-либо мере приближаются к ним, достигают этого не иначе, как с трудом, задыхаясь, усталые, с головокружением, постоянно спотыкаясь и падая, — то это происходит не оттого, что для человеческого рода есть что-либо недоступное, а оттого, что ступеньки расположены плохо, испорчены, с провалами, готовы обрушиться, т. е. оттого, что метод запутан<sup>56</sup>. Несомненно, что по правильно расположенным, неповрежденным, крепким, безопасным ступенькам можно кого угодно возвести на какую угодно высоту.

**Возражение**

**четвертое.**

**Ответ первый.**

16. Скажут: тем не менее есть тупейшие головы, в которые ничего нельзя вложить. Отвечаю: едва ли есть настолько загрязненное зеркало, чтобы оно все-таки хоть как-нибудь не воспринимало изображения; едва ли есть столь шероховатая доска, чтобы на ней все-таки чего-нибудь и как-нибудь нельзя было написать<sup>57</sup>.

**Ответ второй.**

Однако, если попадается зеркало, загрязненное пылью или пятнами, его предварительно нужно вытереть, а шероховатую доску нужно выстрогать; после этого они будут годны для употребления.

Равным образом юношество, если его упражнять, конечно, будет изощряться и развиваться один с помощью другого, и, наконец, всякий будет воспринимать все (я упорно настаиваю на этом моем утверждении, так как основание остается неизменным). Разница окажется лишь в том, что более отсталые будут знать, что они восприняли весьма ограниченное знание вещей, но все же кое-что восприняли, более же способные, переходя от изучения одного предмета к другому, будут все глубже и глубже проникать в сущность вещей и тем самым приобретать все новые и полезные знания о них.

**Ответ третий.**

Наконец, пусть найдутся такие, которые совершенно неспособны к образованию, как сучковатое дерево не годно для резьбы. Все же наше утверждение будет истинным для умов средних, которые, милостию божиею, всегда рождаются в величайшем изобилии. Скучные умом встречаются так же редко, как и природные калеки. Ведь слепота, глухота, хромота, плохое здоровье, как и чудовищная (неестественная) тупость мозга, редко бывают прирожденными, а приобретаются по нашей вине.

**Возражение пятое.**

17. Еще возражают: некоторые проявляют не неспособность к учению, а нежелание; принуждать их учиться против воли — и скучно и бесполезно. Следует ответ: действительно, рассказывают про какого-то философа, что он, имея двух учеников — одного неспособного, а другого шаловливого, — прогнал обоих, так как один, желая учиться, не мог, а другой, имея способности, не желал. Ну, а что если причиной этого нежелания учиться являются сами учителя? <sup>58</sup>

**Ответ.**

Аристотель, по крайней мере, провозгласил, что стремление учиться человеку врождено; что это так, мы видели в пятой главе и в предшествующей — одиннадцатой. Но так как иногда нежная снисходительность родителей извращает у детей естественное стремление, иногда их привлекают к пустым занятиям необузданные товарищи, иногда сами дети отвлекаются от врожденных стремлений из-за различных городских или придворных развлечений или из-за обольщения какими-либо внешними предметами, то отсюда и происходит, что у детей отпадает всякое желание усваивать неизвестное и они нелегко могут на чем-либо сосредоточиться. Подобно тому как язык, пропитанный одним вкусом, нелегко различает другой, так и ум, увлеченный чем-либо одним, недостаточно внимателен к чему-либо другому. Поэтому в таких случаях прежде всего нужно уст-

ранить эту случайно возникшую тупость, вернуть детей к первоначальной природной восприимчивости, и, несомненно, у них восстановится стремление к знанию. А многие ли из занимающихся образованием юношества размышляют над тем, как сделать юношество прежде всего восприимчивым к образованию? Ведь токарь, прежде чем вытачивать что-либо из дерева, сначала обрубаёт его топором, кузнец, прежде чем ковать железо, размягчает его, ткач, прежде чем прясть нитки из шерсти, ставит основу, очищает шерсть, промывает ее и расчесывает, а сапожник, прежде чем шить сапоги, кожу обрабатывает, вытягивает, разглаживает. Но кто же, говорю я, обращает внимание на то, чтобы таким же образом учитель, прежде чем начать образовывать ученика, возбудил бы интерес к знанию, своими наставлениями сделал бы его способным к учению, вызвал бы в нем большую готовность во всем повиноваться своему наставнику? Обычно каждый учитель берет ученика таким, каким он его находит, и сразу же начинает подвергать его обработке, вытачивает его, куёт, расчесывает, ткёт, приспособляет к своим образцам и рассчитывает, что тот станет блестяще, как отполированный. Если же этого немедленно по его желанию не произойдет (а как могло это произойти, спрашиваю я), то он негодует, шумит, неистовствует. Мы не удивляемся, что от подобного образования некоторые уклоняются и бегут от него! Скорее, следует удивляться тому, как кто-либо в состоянии выдержать его.

**Шесть типов врожденных способностей.**

18. Тут как раз представляется случай напомнить кое-что о различии способностей, а именно: *у одних способности острые, у других — тупые, у одних — гибкие и податливые, у других — твердые и упрямые, одни стремятся к знаниям ради знания, другие увлекаются механической работой.* Из этого трижды двойного рода способностей возникает шестикратное сочетание их.

19. Во-первых, есть ученики с острым умом, стремящиеся к знанию и податливые; они, преимущественно пред всеми другими, особенно способны к занятиям. Им ничего не нужно, кроме того, чтобы предлагалась научная пища; растут они сами, как благородные растения. Нужно только благоразумие, чтобы не позволять им слишком торопиться, чтобы раньше времени они не ослабели и не истощились.

20. Во-вторых, есть дети, обладающие острым умом, но медлительные, хотя и послушные. Они нуждаются только в прищипывании.

21. В-третьих, есть ученики с острым умом и стремящиеся к знанию, но необузданные и упрямые. Таких обыкновенно в школах ненавидят и большей частью считают безнадежными; однако,

если их надлежащим образом воспитывать, из них обыкновенно выходят великие люди. В качестве примера история дала великого афинского полководца Фемистокла, который в юности был неукротимого нрава (так что учитель ему говорил: «Ты, дитя, не будешь посредственностью; ты принесешь государству или великое благо, или великое зло»). Когда впоследствии удивлялись тому, что характер его изменился, он обыкновенно говорил: неукротимые молодые лошади становятся прекрасными, если к ним применяется правильное обучение. Это оправдалось на Буцефале Александра Великого. Ибо когда Александр увидел, что его отец Филипп считает негодным коня из-за его исключительной дикости, так как тот не подпускал к себе ни одного наездника, он сказал: «Какого коня они губят из-за неумения им воспользоваться!» И когда он, не прибегая к ударам, удивительно искусно обошелся с конем, то добился того, что не только тогда, но и впоследствии Буцефал постоянно носил на себе Александра, и во всем мире нельзя было найти коня более благородного и более достойного такого героя. Передавая этот рассказ, Плутарх прибавляет: *«Пример этого коня указывает нам на то, что много отличных природных дарований гибнет по вине наставников, которые коней обращают в ослов, не умея управлять возвышенными и свободными существами».*

22. В-четвертых, есть ученики послушные и любознательные при обучении, но медлительные и вялые. И такие могут идти по стопам идущих впереди. Но для того чтобы сделать это для них возможным, нужно снизойти к их слабости, никогда не переобременять их, не предъявлять к ним слишком строгих требований, относясь к ним доброжелательно и терпеливо, или помогать, ободрять и поддерживать их, чтобы они не падали духом<sup>58</sup>. Пусть они позднее придут к цели, зато они будут крепче, как бывает с поздними плодами. И как печать с большим трудом оттискивается на свинце, но держится дольше, так и эти ученики в большинстве случаев более жизненны, чем даровитые, и раз они что-либо усвоили, они не так легко забывают. Поэтому их не следует устранять из школ.

23. В-пятых, есть ученики тупые и, сверх того, равнодушные и вялые. Их еще можно исправить, лишь бы только они не были упрямыми. Но при этом требуется великое благоразумие и терпение.

24. На последнем месте стоят ученики тупые, с извращенной и злобной натурой: большей частью эти ученики безнадежны, однако известно, что в природе для всего испорченного есть противодействующие средства и бесплодные от природы деревья при правильной посадке становятся плодоносными. Поэтому вообще не следует отчаиваться, а нужно добиваться устранить у таких

учеников, по крайней мере, упрямство. Если этого достигнуть не удастся, тогда только можно бросить искривленное и суковатое дерево, из которого ты напрасно будешь надеяться создать Меркурия. Почву бесплодную, говорит Катон, не следует ни обрабатывать, ни трогать. Однако среди тысяч едва ли найдется хоть одна столь выродившаяся натура; это-то и служит замечательным доказательством божией благодати.

25. Сущность сказанного сводится к следующему высказыванию Плутарха: *«Какими дети рождаются, это ни от кого не зависит, но чтобы они путем правильного воспитания сделались хорошими — это в нашей власти»*. Да, в нашей власти, говорит он. Так садовник из любого живого корня выращивает дерево, применяя в необходимых случаях именно свое искусство посадки.

Четырьмя способами  
доказывается,  
что ко всем  
способностям можно,  
однако, подходить  
с одним и тем же  
искусством  
и методом.

26. Четыре следующих доказательства показывают, что все юношество со столь различными способностями можно воспитывать и образовывать одним и тем же методом.

27. Во-первых, всех людей следует вести к одним и тем же предметам мудрости, нравственности и благочестия.

28. Во-вторых, как бы ни отличались люди друг от друга способностями, все они обладают одной и той же человеческой природой, снабженной одними и теми же органами.

29. В-третьих, указанное различие способностей есть не что иное, как отступление от естественной гармонии или недостаток ее, точно так же как болезни тела выражаются в излишках влажности или сухости, теплоты или холода. Например, что такое острота ума, как не тонкость и подвижность жизненного духа в мозгу, чрезвычайно стремительно распространяющаяся через органы чувств и с величайшей поспешностью проникающая в представляющиеся вещи? Если эта быстрота не сдерживается в какой-либо степени разумом, то дух рассеивается, а мозг остается или ослабленным, или тупым; итак, рано развивающиеся умы большей частью или уносятся преждевременной смертью, или тупеют. Наоборот, что такое тупость ума, если не неповоротливость и затмение жизненного духа в мозгу? Вследствие более частого движения темнота духа по необходимости рассеивается и светлеет. А что такое, спрашиваю я, дерзость и упрямство, как не излишняя подвижность сердца, не склоняющегося к уступчивости? Ее поэтому нужно смягчать дисциплиною. А что такое вялость, если не чрезмерная слабость сердца, нуждающаяся в укреплении? Поэтому, как для тела наиболее подходящим лечением является не то, которое применяет противоположные средства (так как это вызывает более ожесточенную борьбу), а то, которое смягчает противоположность так, чтобы в одной части не было в чем-либо недостатка,

а в другой — излишка; точно так же при недостатках человеческого духа наилучшим методом будет лечение, при котором умеряются излишества и недостатки дарований и все приводится в гармонию и приятную согласованность. Вследствие этого наш метод приспособлен к средним способностям (которые всего чаще встречаются), чтобы сдерживать преждевременное истощение наиболее даровитых и подгонять вялых.

30. Наконец, при указанных недостатках и отклонениях способностей скорее можно помочь, пока они новы. Как на войне, пока бой происходит в правильном порядке, новобранцы смешиваются со старыми солдатами, слабые — с крепкими, ленивые — с подвижными, и все сражаются под одними и теми же знаменами, по одним и тем же приказам, а после победы каждый преследует врага, пока хочет и может, забирает добычу по желанию, — так и в этом научном походе необходимо, чтобы более медленные смешивались с более быстрыми, более тупые с более умными, упрямые с послушными и учились бы по одним и тем же правилам и примерам до тех пор, пока нуждаются в руководстве. По окончании же школы пусть каждый изучает и усваивает науки с той быстротой, с какой может.

С какою мудростью должно действовать при смешении способностей различного характера.

31. Указанное смешение я понимаю не столько в отношении места занятий, но в гораздо большей степени в отношении оказания помощи: кого учитель признает более способным, к тому же он присоединяет для обучения двух или трех отстающих; тому, у кого хороший характер, он вверяет для наблюдения и управления учеников худшего нрава. Таким образом будет проявлена прекрасная забота о тех и других; при этом, конечно, учитель должен будет следить за тем, чтобы все делалось разумно. Но, пожалуй, пора уже приступить, наконец, к разъяснению самого дела.

### Г Л А В А XIII

## Основною преобразования школ является точный порядок<sup>60</sup> во всем

Порядок — душа вещей.

1. Если бы мы обратили внимание на то, что собственно сохраняет в устойчивом состоянии всю эту вселенную со всем ее мельчайшими вещами, то не нашли бы ничего, решительно ничего иного, кроме порядка, т. е. размещения вещей предшествующих и последующих, верхних и нижних, больших и малых, схожих и несхо-



жих в соответствии с местом, временем, числом, мерой и весом, надлежащими и соответствующими каждой вещи. Кто-то метко и верно сказал, что *порядок есть душа вещей*. Ведь все, что приведено в порядок, сохраняет свое положение и целостность до тех пор, пока удерживает порядок. Если порядок нарушен, то все ослабевает, колеблется, расшатывается, падает. Это ясно из примеров природы и искусства. Действительно:

Это поясняется примерами:

1. Мира.

2. Небесной тверди.

3. Тонкой работы маленьких живых существ.

4. Человеческого тела.

5. Нашего ума.

6. Мудро управляемого царства.

2. Чем, спрашиваю я, достигается то, что мир отличается стройностью и существует во всей своей полноте? Конечно, тем, что каждое создание весьма строго держится в своих пределах согласно предписанию природы. Этим сохранением порядка, в частности, сохраняется и порядок вселенной.

3. Чем достигается столь точное и без всякого замешательства чередование различных промежутков времени, годов, месяцев и дней? Только неизменным порядком небесной тверди.

4. Что дает возможность пчелам, муравьям, наукам производить работу такой точности, что человеческий ум находит в ней больше чему удивляться, чем подражать? Не что иное, как врожденное искусство соблюдать в действиях порядок, число, меру.

5. Чем достигается то, что человеческое тело является столь удивительным органом, вполне достаточным для бесчисленных действий, хотя этот орган наделен не бесчисленными средствами, т. е. что немногими членами, из которых он состоит, можно выполнять изумительные по своему разнообразию дела и не требуется каких-либо дополнительных членов или изменений в них? Это достигается, конечно, благоразумнейшей пропорцией всех членов как внутри самих себя, так и в отношении друг к другу.

6. Чем достигается то, что единственный данный нашему телу ум, управляя столькими действиями, является достаточным для всего тела? Только порядком, благодаря которому все члены связаны постоянными связями и по мановению первого движения, исходящего от ума, легко приводятся в соответствующее действие.

7. Чем объясняется, что один человек, царь или император, может управлять целыми народами и, несмотря на то, что сколько голов, столько и умов, все, однако, осуществляют намерения его одного? И если он хорошо ведет дело, все неминуемо идет хорошо. Это происходит только благодаря порядку, по которому все связаны узами законов и подчинения.

Одному правителю государства ближайшим образом подчинено несколько человек, которыми он должен править непосредственно, каждому из них подчинены другие и так далее, постепенно до самого последнего человека. Таким образом, точно в цепи, одно звено поддерживает другое, так что, если двинуть одно, двигаются все; если остается в покое первое, покоятся и все другие.

**7. Машины Архимеда.** 8. Что это было такое, чем Гиерон один мог при желании поворачивать такую громаду, которую тщетно пытались сдвинуть с места несколько сотен человек? Конечно, изумительная машина, которая была построена из валов, блоков и канатов так, что одно находило себе поддержку в другом в целях увеличения сил.

**8. Пушки.** 9. Страшные действия пушек, которыми потрясаются стены, ниспровергаются башни, уничтожаются войска, происходят только от определенного порядка вещей и приложения активного к пассивному, именно от правильного смешения селитры с серою (самого холодного с самым горячим), от точного соответствия орудия или пушки этим составным элементам, от достаточного снабжения орудия порохом и ядрами и, наконец, от правильной наводки на цель. Если хоть одно из этих условий отсутствует, то само орудие будет бесполезно.

**9. Типографского искусства.** 10. От чего зависит типографское искусство, благодаря которому быстро, изящно и правильно размножаются книги? Конечно, от порядка тщательного вырезывания медных форм, отливки, полировки, раскладывания их по кассам, разборки шрифта для нового набора, установки в машину и т. д., а также от приготовления, смачивания, разглаживания бумаги и т. д.

**10. Повозки.** 11. Если коснуться также и механики, то чем объясняется, что повозка, т. е. дерево и железо (составные ее части), так быстро следует за бегущими впереди конями и представляет собою столь удобное средство для перевозки людей или тяжестей? Причина заключается только в искусном сочетании дерева и железа, в колесах, осях, дышлах и в поперечных брусках при дышлах, ибо при разрыве или сломе хоть одной из этих частей вся машина становится бесполезной.

**11. Корабля.** 12. Чем объяснить, что люди, садясь на сооружения из дерева, вверяют себя яростному морю, достигают даже антиподов и возвращаются невредимыми? Причина только в сочетании на корабле килы, мачты, реи и парусов, весел, руля, морского компаса и пр.: если что-либо из этого портится, то угрожает опасность качки, кораблекрушения и гибели.

## 12. Часов.

13. Чем объясняется, наконец, что в инструменте для измерения времени, т. е. в часах, различным образом расположенные и размещенные железные части дают сами от себя движение? И при этом стройно отсчитывают минуты, часы, дни, месяцы, а быть может, и годы? И не только показывают это глазам, но также и ушам, чтобы давать указания даже издали и в темноте? А чем объясняется, что такой инструмент пробуждает человека от сна в тот час, в который ему укажут? И сам зажигает свечу, чтобы ты, проснувшись, тотчас увидел свет? Чем объясняется, что часы могут показывать смену дней по календарю, новолуние и полнолуние и все движения и затмения светил? Что, спрашиваю я, может быть достойным удивления, если не это? Действительно, металл, вещь сама по себе неодушевленная, может делать столь живые, столь устойчивые, столь правильные движения! Разве это раньше, чем было изобретено, не считалось бы так же невозможным, как если бы кто-либо стал утверждать, что деревья могут ходить, а камни — говорить? Однако теперь наши глаза свидетельствуют, что это действительно происходит.

Вся тайна часов  
заключается  
в порядке.

14. Но по какой скрытой силе это происходит? Это совершается только вследствие явного, во всем здесь царящего порядка, а именно вследствие расположения в определенном числе, мере и порядке всех согласованно действующих здесь частей так, что каждая из них имеет определенное назначение и определенные средства для выполнения этого назначения и определенные способы действия этих средств, а именно: точнейшую пропорцию каждой части по отношению к остальным, необходимую связь с соответствующей частью и законы взаимодействия для восприятия и передачи силы.

Таким образом, все движется с большей точностью, нежели какое-либо живое тело, приводимое в движение собственным духом. Но если в составных частях часов образуется какой-либо разрыв или что-либо ломается, разбивается или замедляется, или принимает неправильное движение, хотя бы это было самое маленькое колесико, самая маленькая ось, самая маленькая задвижка, — тотчас все или останавливается, или перестает отвечать своему назначению. Отсюда ясно видно, что и здесь *все зависит от универсального порядка.*

Есть надежда, что должна быть изобретена организация школ, похожая на часы.

15. Итак, искусство обучения не требует ничего иного, кроме искусного распределения времени, предметов и метода<sup>61</sup>. Если мы будем в состоянии точно установить это распределение, то обучать всему школьную молодежь в каком угодно числе будет нисколько не труднее, чем, взяв типографские инструменты, ежедневно покрывать изящнейшими буквами тысячу страниц, или чем, установив архимедову машину, переносить дома, башни, всевозможные тяжести, или, сев на корабль, переплыть океан и отправиться в Новый Свет. Все пойдет не менее легко, чем идут часы с правильно уравновешенными грузами, так же приятно и радостно, как приятно и радостно смотреть на такого рода автомат, и, наконец, с такой верностью, какую можно только достигнуть в подобном искусном инструменте.

Заключение.

16. Итак, во имя Всевышнего, попытаемся установить такое устройство школ, которое бы в точности соответствовало чрезвычайно искусно устроенным и изящно украшенным различными приспособлениями часам.

#### Г Л А В А XIV

**Точный порядок для школы, и притом такой, который не в состоянии были бы нарушить никакие препятствия, следует заимствовать у природы**

Основы искусства следует искать в природе.

недостатков природы, то нам приходится искать их не где-либо, как в самой природе. Совершенно справедливо, что *искусство сильно не чем иным, как только подражанием природе.*

Природа, которая показывает примеры того, что и как делать:  
1. При плавании человека.

заменяют плавники, ноги — хвост, и двигать он должен ими именно так, как двигает плавниками рыба.

1. Начнем, во имя божие, искать основу, на которой, точно на незыблемой скале, можно построить *метод обучения и учения.* Если мы намереваемся искать средства против

2. Поясним это примерами. Видишь ли ты, как рыба плавает в воде? Это ей свойственно по природе. Если человек пожелает ей подражать, то вынужден будет прибегнуть к орудиям и движениям наподобие тех, которыми она пользуется: вытянутые руки ему

- 2. При плавании на корабле.** Даже корабли могут быть построены только по тому же принципу: роль плавников играют у них весла или паруса, а роль хвоста — руль, или правило.
- 3. При летании.** Видишь, как по воздуху летает птица? Это ей свойственно по природе. Когда Дедал вздумал подражать птице, ему нужно было привязать крылья, достаточные для поддержания столь тяжелого тела, и размахивать ими.
- 4. При производстве звуков.** 3. Органом для производства звуков у животных является твердый канал, состоящий из хрящевидных колец, причем вверху находится дыхательное горло, снабженное точно запирающимся клапаном, а внизу — испускающие дыхание мехи — легкие. В подражание этому устраиваются свирели, флейты, волынки и другие музыкальные духовые инструменты.
- 5. При появлении молнии.** 4. Замечено, что то, что в облаках производит гром и выбрасывает огонь и камни, есть зажженная селитра с серою. В подражание этому из селитры и серы составляется порох, который, воспламенившись и будучи выкинут из орудий, производит искусственный гром, блеск и молнию.
- 6. В водопроводе.** 5. Замечено, что вода сохраняет горизонтальную поверхность даже в сосуде с двумя отверстиями, каким бы расстоянием они ни отделялись друг от друга. На этом основании пробовали устроить посредством труб различные водопроводы; оказывается, что вода сама поднимается из любой глубины до любой высоты, если она настолько же понижается с противоположной стороны. Это производится искусственно, но сообразно с природой. Что это так происходит — дело искусства, а что это вообще происходит — дело природы.
- 7. В измерении времени.** 6. Созерцая небесный свод, люди заметили, что он непрестанно вращается и, вследствие различного кругового движения светил, миру дается приятное разнообразие времен года. В соответствии с этими наблюдениями был изобретен аппарат, похожий по форме на небесный свод, изображающий суточное обращение светил и измеряющий часы. Он составлен из колесиков таким образом, что одно колесико не только приводит в движение другие, но и так, что движение может продолжаться без конца. Также было необходимо, чтобы этот инструмент, как и сам мир, слагался из частей подвижных и неподвижных: так, вместо первой покоящейся части мира, земли, положены здесь неподвижные основания, колонны, обшивки, вместо подвижных сфер неба — различные колесики.

**Разбор часового механизма для уяснения идеи его устройства.**

Но так как нельзя было какому-нибудь колесу дать способность вращаться самому и за собой увлекать другие (подобно тому как творец дал светилам способность двигаться и двигать другие), то необходимо было подражать природе в силе движения, а именно — дать движение под влиянием силы тяжести или стремления к свободе. Так, к валу основного колеса или привязывается тяжесть, вследствие стремления которой вниз вал вращается и увлекает за собой свое колесо, а оно в свою очередь двигает другие колеса; или же готовится длинная стальная пружина, крепко обмотанная вокруг вала, и, стремясь вернуть себе свободное состояние и развернуться, эта пружина заставляет вращаться вал и колесо. Чтобы это развертывание происходило не порывисто, а спокойно, подобно движению неба, посередине вставляются другие колесики, из которых крайнее, будучи приводимо в движение только двумя зубчиками, вращается попеременно туда и сюда и представляет собой смену появляющегося или исчезающего света, или смену дней и ночей. К этой же части, которая должна обозначать целые часы или четверти их, присоединяются искусно сделанные тормоза, которые в свое время отодвигают и снова задвигают задвижки таким же образом, как природа движением небесных сфер приводит и уводит зиму, весну, лето и осень, разделенные на месяцы.

**Заключение о подражании природе при создании искусства дидактики.**

7. Из всего этого ясно, что тот порядок, который мы желаем сделать универсальной идеей искусства — всему учить и всему учиться, — должен быть заимствован не из чего иного, как только из указаний природы. Как только это будет точно осуществлено, созданное искусно будет протекать так же легко и свободно, как легко и свободно протекает все природное. Ибо справедливо говорит Цицерон: «Если будем следовать за природой, как за вождем, мы никогда не заблудимся», также: «Под руководством природы нельзя ошибиться».

На это надеемся и мы. А потому, сделав наблюдение над процессами, которые то там, то здесь совершает природа, будем советовать поступать подобным же образом.

**Указывается на пять затруднений.**

8. Но нам и выставленным нами громким обещаниям можно было бы противопоставить афоризм Гипократа:<sup>62</sup> «ὁ βίος βραχύς, ἡ δὲ τέχνη μακρὴ, ὁ δὲ καίρος οὐκ ἔστι, ἡ δὲ πέτρα σφαλερὴ, ἡ δὲ κρίσις χαλεπὴ, т. е. «жизнь коротка, искусство длинно, удобные случаи быстротечны, опыт обманчив, суждение о вещах трудно». Здесь он перечисляет пять затруднений, из-за которых немощные достигают вершины, а именно:

I. Краткость жизни, вследствие которой смерть часто уносит нас из жизни при самом подготовлении к ней.

II. Огромное множество предметов, которые должны быть подвергнуты изучению, вследствие чего желание собрать их все в пределы познания бесконечно трудно.

III. Недостаток удобных случаев для изучения искусств или быстрое исчезновение их, если иногда они представляются. Ведь годы юности, особенно пригодные для культивирования духа, большей частью проходят в забавах, последующий же возраст, как это свойственно смертным, представляет всегда более случаев для пустого времяпрепровождения, чем для серьезного; если же иногда и представляется удобный случай, он исчезает ранее, чем им успевают воспользоваться.

IV. Ограниченность нашего ума и неясность суждений, вследствие чего мы обычно скользим по поверхности вещей, а не проникаем в их сущность.

V. Наконец, если кто-нибудь путем долгого наблюдения и многочисленных опытов захотел бы проникнуть в подлинную сущность вещей, то это было сопряжено с большим трудом и в то же время ненадежно и неточно: ведь при столь тонком сочетании вещей очень многое может ускользнуть от проницательности даже самого наблюдательного человека, а если допустить хотя бы одну ошибку, то все наблюдение становится совершенно неверным.

9. Если все это справедливо, то каким образом мы осмеливаемся обещать столь всеобщий, надежный, легкий и прочный путь научных занятий? Отвечаю: опыт показывает, что все это совершенно правильно, но равным образом, на основании соображений разума, тот же опыт показывает, что есть также и вернейшие средства против указанных затруднений.

Так установил Бог с премудрым намерением.

Ведь раз так установлено мудрейшим правителем дел — Богом, значит, это нам на благо, значит, все это может быть и разумно обращено на благо. Действительно, он даровал нам кратковременность жизни, так как, при настоящем состоянии испорченности, мы не умеем ею правильно пользоваться. Ведь если теперь, умирая при самом рождении и когда нам грозит конец с самого нашего рождения, мы все-таки растрчиваем себя на суету, то чего только не было бы, если бы мы имели пред собой сотни и тысячи лет?

На первый из пяти пунктов.

Поэтому Бог соблаговолил дать нам лишь столько времени жизни, сколько он считал достаточным для приготовления к лучшей жизни. Для этой цели наша жизнь достаточно продолжительна, если бы только мы умели ею пользоваться.

**На второй.** 10. Для нашей же пользы Богу было угодно, чтобы существовало достаточно много вещей, которые бы нас занимали, развивали, упражняли и поучали.

**На третий.** 11. Ему было угодно, чтобы удобные случаи были мимолетными, доступными лишь на короткое время, чтобы, заметив их, мы старались за них ухватиться там, где это возможно.

**На четвертый.** 12. Опыты ненадежны для того, чтобы было место для внимательности и чтобы и на нас налагалась необходимость исследовать вещи более глубоко.

**На пятый.** 13. Наконец, суждение о вещах затруднительно для того, чтобы изошрялись наше прилежание и настойчивость в основательном исследовании. А это — с той целью, чтобы божья мудрость, сокровенно простирающаяся на все в мире, становилась все более очевидной для наибольшего нашего наслаждения. Ведь если бы все постигалось легко (говорит Августин), тогда мы не добивались бы так ревностно истины и не находили бы в этом удовлетворения.

**Эти препятствия можно разумно устранить.** 14. Итак, следует посмотреть, каким образом с божьей помощью можно устранить препятствия, которые для изошрения нашего старания противопоставило нам извне божественное провидение. Но это возможно не иначе, как посредством:

I. *Удлинения жизни*, чтобы ее было достаточно для предопределенного поприща.

II. *Сокращения наук и искусств*, чтобы они соответствовали продолжительности жизни.

III. *Умения пользоваться благоприятными случаями*, чтобы они не ускользали бесполезно.

IV. *Развития ума*, для того чтобы он легко постигал вещи.

V. *Установления* вместо шаткого наблюдения *какого-нибудь твердого основания*, которое бы не вводило нас в заблуждение.

**Порядок следующих глав.** 15. Итак, приступим к тому, чтобы при помощи указаний природы исследовать основания: Удлинения жизни, чтобы изучить все необходимое. Сокращения учебного материала для ускорения изучения.

Использования удобных случаев для надежного обучения.

Развития умственных способностей, чтобы было учиться легко.

Изошрения суждения, чтобы учиться основательно.

Эти отдельные пункты мы разьясим в отдельных главах. Однако вопрос о сокращении материала мы отнесем на последнее место.



## Г Л А В А Х V

## Основы для продолжения жизни

Человеку дается достаточно долгая жизнь.

1. Что касается кратковременности человеческой жизни, то Аристотель вместе с Гиппократом жалуются на это и упрекают природу, что она оленям, воронам и другим неразумным животным дает в удел гораздо более долговечную жизнь, жизнь же человека, предназначенного для столь высоких целей, ограничивает столь тесными границами.

Но мудро отвечает Сенека: «Короткую жизнь мы не получаем, а делаем ее такою; не бедны мы жизнью, а пользуемся ею расточительно. Жизнь длинна, если ею умело пользоваться», а также: «Жизнь достаточно длинна и щедро дана нам для совершения величайших дел, если всею жизнью хорошо воспользоваться» («О краткости жизни», гл. 1 и 2).

Но нами она сокращается.

2. Если это верно, — а это несомненно верно — мы сами виноваты, что нам не хватает жизни для совершения даже важнейших дел, так как действительно мы расточаем жизнь, частью медленно убивая ее, так что она по необходимости должна прекратиться ранее своего естественного конца, частью же расходуя остаток ее на ничтожные вещи.

Мы подрываем свои силы.

3. Справедливо пишет не безызвестный писатель Ипполит Гворино (Hippolytus Guarini<sup>63</sup>) и подтверждает это доказательствами, что человек даже самого нежного телосложения, родившись нормальным, обладает жизненной силой, достаточной для шестидесятилетнего возраста, а у человека самого крепкого телосложения жизненной силы хватит на 120 лет. Если же кто умирает ранее этого срока (а кто не знает, что очень многие умирают в детстве, юности и в возмужалых годах?), то это происходит по вине людей, так как различными излишествами и пренебрежением к тому, что поддерживает жизнь, они губят как свое здоровье, так и здоровье своих будущих детей и ускоряют смерть.

Не посвящаем всей жизни, как Александр Великий.

4. Что на протяжении краткой жизни (например, 50, 40, 30 лет) можно совершить величайшие дела, если только уметь правильно ею пользоваться, показывают примеры тех людей, которые до наступления полной зрелости достигали того, чего не пытались достигнуть другие даже при более продолжительной жизни. Александр Великий умер на 33-м году своей жизни не только чрезвычайно образованным в науках, но и победителем всего мира, который им был подчинен не только си-

лою оружия, но мудрыми решениями и изумительной быстротой в действиях (οὐδέν ἀναβαλλόμενος), Джованни Пико делла Мирандола<sup>64</sup> не достиг даже возраста Александра, но своими научными исследованиями до того возвысился над всем, что может быть постигнуто человеческим умом, что считался чудом своего времени.

Особенно как сам Христос.

5. Не будем перечислять других. Сам господь наш Иисус Христос, пребывший на земле только 33 года, совершил великое дело искупления, несомненно давая пример того (ибо все, его касающееся, имеет таинственное значение), что, какой-бы малый срок жизни ни выпал на долю человека, его достаточно для того, чтобы приготовить себе все необходимое для вечности.

Поэтому не следует жаловаться на краткость жизни.

6. Я не могу воздержаться от того, чтобы не привести здесь золотых слов Сенеки, сказанных в том же смысле (Письмо 93). «Многих, — говорит он, — находил я справедливыми по отношению к людям и никого — по отношению к Богу. Ежедневно упрекаем судьбу и пр. Ужели важно, как скоро ты уйдешь оттуда, откуда тебе непременно нужно уйти. *Жизнь продолжительна, если она полна.* А заполняется она в том случае, если дух восстановил свое состояние и сохранил власть над собой». И далее: «Умоляю тебя, мой Луцилий, будем заботиться о том, чтобы, подобно драгоценным камням, наша жизнь, не имея большой продолжительности, имела бы большую ценность. Будем измерять ее деятельностью, а не временем». И затем: «Будем восхвалять и считать в числе счастливых того, кто хорошо воспользовался временем, как бы мало ему ни было его дано. Ведь он видел истинный свет, не был одним из многих, он действительно жил и заслужил полное уважение». И снова: «Как при малом теле человек может быть совершенным, так и при кратковременности жизнь может быть совершенна. Продолжительность жизни есть внешнее благо. Ты спрашиваешь меня, какова наибольшая продолжительность жизни. Дожить до мудрости. Кто достиг ее, тот достиг не только самой отдаленной, но и величайшей цели».

7. Следовательно, против жалоб на краткость жизни нашей и наших детей (а также и школ) имеются следующие два средства: принимать возможные меры к тому, чтобы

I. *Предохранять тело от болезней и смерти.*

II. *Приспосабливать ум к разному управлению всем.*

Тело нужно предохранять от болезней. Почему? Так как оно является 1. вместилищем души,

то одна, то другая его часть, — жилище становится неудобным для живущей в нем души. Итак, если во дворце мира, куда мы допущены благостию божией, мы желаем прожить возможно долее и возможно удобнее, мы обязаны заботливо ухаживать за этой телесной оболочкой. Во-вторых, тело предназначено быть не только жилищем разумной души, но и ее орудием, без которого она ничего не может ни слышать, ни видеть, ни говорить, ни действовать, мало того, она не может даже мыслить.

2. органом души.

*Так как ничего не бывает в сознании, чего ранее не было в ощущении, то материал для всех размышлений ум получает только от ощущений и акт мышления совершается не иначе, как через внутреннее ощущение, т. е. через созерцание образов, отвлеченных от вещей.* Отсюда следует, что с повреждением мозга повреждается способность воображения и при заболевании частей тела болеет и сама душа, поэтому справедливо сказано: *«Нужно молиться о том, чтобы был здоровый дух в здоровом теле».*

И каким образом? При помощи разумного образа жизни; его характер указывается на примере дерева, которому нужно: 1) умеренное питание,

9. *Наше тело сохраняется в бодром состоянии умеренным образом жизни.* Об этом подробно говорят врачи, а мы здесь затронем это лишь кратко, приведя в пример дерево. Для долгого его существования нужны три условия: 1) постоянная влага, 2) частые испарения и 3) переменный отдых. Влага нужна дереву, потому что без нее оно вянет и сохнет. Но влага нужна дереву умеренная, так как при излишней влаге корень гнивает. Таким же образом телу нужно питание, так как без него оно истощается от голода и жажды, но питание должно быть без излишества, чтобы способность пищеварения не затруднялась и не ослаблялась. Чем умереннее пища, тем лучше будет пищеварение; так как обычно на это не обращают внимания, то излишеством пищи подрывают свои силы и жизнь. Ведь смерть происходит вследствие болезней, болезни — от вредных соков, дурные соки — от плохого пищеварения, плохое пищеварение — от излишества пищи, когда в желудок вводится столько, сколько он переварить не в состоянии, так что он вынужден рассылать по организму полусырые соки, а отсюда с неизбежной необходимостью должны возникать болезни. «От пресыщения (го-

ворится в Екклезиасте) многие умерли, а воздержанный прибавит себе жизни» (Сир. 37, 34).

и притом простое; 10. Для сохранения телесной силы нужна не только умеренная, но и простая пища. Хотя бы и самое нежное дерево садовник поливает не вином или молоком, но обычной для растений влагою, водою. Итак, родители должны остерегаться того, чтобы не приучить детей к пище, возбуждающей аппетит, особенно если дети предназначены или должны быть предназначены к научным занятиям. Не напрасно написано, что Даниил и его товарищи, отроки царской крови, посвятившие себя наукам, вследствие употребления в пищу овощей и воды, оказались способнее и крепче телом, и, что еще важнее, разумнее всех мальчиков, питавшихся изысканной царской трапезой (Дан. 1, 12 и след.). Но об этих частностях — в другом месте.

2) частое испарение;

11. Дерево также нуждается в испарении и частом освежении при помощи ветров, дождей, холодов: иначе оно легко слабеет и вянет. Точно так же человеческому телу необходимы вообще сильные движения, деятельность и серьезные упражнения или игры.

3) переменный отдых.

12. Наконец, периодически дерево нуждается в известном отдыхе. Несомненно, оно не всегда имеет необходимость давать почки, цвести, производить плоды; иногда оно должно иметь возможность направлять свою деятельность на подготовку сока для своего укрепления. В соответствии с этим Бог определил, чтобы за летом следовала зима для доставления всему растущему на земле, а также и самой земле покоя; для того же постановил законом давать земле отдых каждый седьмой год (Лев. 25). Равным образом он установил для людей (наряду с остальными животными) ночь, в которую они сном и отдыхом членов могли бы восстанавливать силы, растраченные в дневном изнуряющем труде. Но и в меньшие часовые промежутки времени как уму, так и телу необходим известный отдых, чтобы не допускать чего-либо противоестественного, враждебного природе.

Итак, даже среди дневных трудов необходимо давать себе известный отдых в виде бесед, игр, шуток, музыки и тому подобных развлечений, восстанавливающих силы внешних и внутренних чувств.

От исполнения этих правильно соблюдаемых трех условий зависит благосостояние жизни.

*Правильное устройство школ в значительной степени будет зависеть от надлежащего распределения труда и покоя, или занятий, досуга и отдыха.*

Время труда нужно распределять правильно.

13. При соблюдении этих трех условий (умеренного питания, упражнения тела и помощи природе) было бы невозможным не сохранить весьма долго здоровье и жизнь, за исключением только несчастного случая, который зависит от высшей воли. Итак, *правильное устройство школ в значительной степени будет зависеть от надлежащего распределения труда и покоя, или занятий, досуга и отдыха.*

14. Следует сказать о разумном распределении остального времени, посвященного труду. Представляется чем-то ничтожным и легко произносимым: тридцать лет! Это, однако, заключает в себе много месяцев, еще больше дней и весьма много часов. В такой промежуток времени всякий, кто только продвигается вперед хотя бы и медленно, конечно, может продвигнуться намного вперед. Это показывает рост деревьев. Ни при каком, даже самом тонком, наблюдении нельзя заметить, что они растут, так как это происходит постоянно и незаметно. Однако после каждого месяца можно видеть, что они несколько выросли, а после тридцати лет обнаруживается, что выросло развесистое дерево. То же самое относится к росту нашего тела: мы не видим, как оно растет, а видим, что оно выросло. А что то же самое относится и к нашему уму, приобретающему знание о вещах, на это указывают известные стихи:

Малое к малому, зернышко к зернышку все прибавляй,  
Так в короткое время нагромодится гряда большая <sup>65</sup>.

Сила движения вперед удивительна.

15. Кто хорошо знает силу движения вперед, тот легко это заметит. В самом деле, если на дереве ежегодно из каждой почки вырастает только одна веточка или сучок, то в течение тридцати лет оно будет иметь тысячи больших или меньших ветвей, а листьев, цветов и плодов — бесчисленное количество. И неужели следовало бы считать невозможным, чтобы человеческое трудолюбие в течение двадцати или тридцати лет достигло какой угодно высоты или ширины? Рассмотрим это несколько подробнее.

Точное распределение времени,

16. Естественный день имеет двадцать четыре часа; если разделить их применительно к жизненным потребностям на три части, то *восемь часов придется на сон, столько же часов на посторонние дела* (т. е. на уход за здоровьем, принятие пищи, на одевание и раздевание, на разумный отдых, на беседу с

друзьями и пр.), *наконец, остается еще восемь часов на серьезные работы*, которые нужно производить бодро и без скуки. И так, в неделю (оставив седьмой день всецело для отдыха) будут назначены для работы 48 часов, в течение года — 2496 часов; а сколько часов получится в течение десяти, двадцати, тридцати лет?

достаточного  
для приобретения  
великих богатств  
учености.

17. Следовательно, если ты в каждый отдельный час будешь выучивать хотя бы одно положение из какой-либо науки, хотя бы одно правило из техники искусства, хотя бы одну изящную маленькую историю или одно изречение, что, очевидно, сделать возможно безо всякого труда, то спрашиваю, какое огромное сокровище знаний должно образоваться?

Заключение.

18. И так, прав Сенека: жизнь достаточно продолжительна, если бы мы умели ею пользоваться, и если бы все устраивалось правильно, то ее хватило бы на совершение величайших дел. Все зависит от того, насколько мы не пренебрегаем искусством правильно ее организовывать. Это теперь нужно исследовать.

## Г Л А В А Х V I

### **Общие требования обучения и учения, т. е. как учить и учиться наверняка, чтобы не мог не последовать положительный результат**

Рост вещей  
в природе  
происходит  
сам собой.

Таким же образом  
должно происходить  
и в искусстве.

1. У евангелиста имеется прекрасная притча господина нашего Иисуса Христа. «Царствие божие, — сказал он, — таково, как если бы человек бросал в землю семя и спал бы и вставал бы ночью и днем и сам не знал бы, каким образом семя прозябает и растет. Ибо земля сама собой приносит плод: сперва всходы, затем колос, а затем полное зерно в колосе. Когда же плод созреет, посылает он жнецов и пр.» (Марк, 6, 26).

2. Здесь Спаситель показывает, что Бог есть тот, кто творит все во всем; человеку он предоставляет лишь воспринимать верным сердцем семена учения, причем до некоторой степени сам сеятель не будет замечать того, как все будет произрастать и созревать само собой. Поэтому и на воспитателях юношества лежит не что иное, как обязанность умело сеять в душах

семена наук и осмотрительно орошать растеньица божии; успех и рост явятся свыше.

**Удачность насаждения поддерживается искусством.**

3. А кто не знает, что для посева и насаждения требуется некоторое искусство и опытность? Ведь у неопытного садовника, засевающего сад растениями, большая часть растений обыкновенно погибает, а если что вырастает счастливо, то это происходит скорее благодаря случаю, чем искусству. Предусмотрительный же садовник действует искусно, хорошо зная, что, где, когда и как нужно делать или не делать, так что у него ни в чем не бывает неудачи. Конечно, иногда неудача постигает даже опытных людей (так как едва ли возможно человеку выполнять все так же тщательно, чтобы нигде не допустить какой-либо ошибки), однако речь идет сейчас не о предусмотрительности и случайности, а об искусстве предупреждать случайность предусмотрительностью.

**Метод обучения должен быть превращен в искусство.**

4. До сих пор метод наставления был до такой степени неопределенным, что едва ли кто-нибудь решился бы сказать: «В течение стольких и стольких-то лет этого юношу я доведу до того-то, обучу его так-то и так». Поэтому нам нужно будет рассмотреть, можно ли это искусство духовного насаждения поставить на столь твердые основы обучения, чтобы оно наверняка шло вперед и не обманывало в своих результатах.

**И это на основании параллелизма естественного и искусственного.**

5. Но так как это основание может состоять лишь в том, чтобы действия этого искусства как можно старательнее приспособить к нормам действий природы (как мы видели в главе XIV), то исследуем пути природы на примере птицы, выводящей птенцов. Рассматривая, как, следуя по стопам природы, удачно подражают ей садовники, художники, строители, мы легко увидим, каким образом должны подражать ей и образователи юношества.

**И почему так?**

6. Если кому-либо это покажется слишком низким, известным, обыкновенным, тот пусть вспомнит, что мы теперь стремимся к тому, чтобы из повседневных и известных явлений, которые успешно совершаются в природе и искусстве (вне школы), мы могли вывести менее известные, требуемые нашей целью. И несомненно, если известно, откуда мы черпаем идею наших правил, то тем очевиднее будут и наши заключения.

## Основоположение природы I

**Ничто не предпринимается несвоевременно.**

7. Природа тщательно приспособляется к удобному времени. Например, *птица*, намереваясь размножить свое поколение, приступает к этому делу не зимою, когда все сковано морозом и окоченело, и не летом, когда от жары все раскаляется и слабеет, и не осенью, когда жизненность всего вместе с солнцем падает и надвигается зима, опасная для птенцов, но весною, когда солнце всему возвращает жизнь и бодрость. И вместе с тем она поступает постепенно. Пока стоит еще холодная погода, птица производит яйца и согревает их внутри организма, где они предохранены от холода; когда воздух становится более теплым, она кладет их в гнездо, и, наконец, при наступлении еще более теплой погоды она выводит птенцов, чтобы нежнейшие существа постепенно привыкали к свету и теплу.

**Правильное подражание этому в садах и в архитектуре.**

8. Так же и *садовник* обращает внимание на то, чтобы все делать только в свое время. Он не сажает растений зимою (так как сок в это время остается в корне и не поднимается для питания саженца) и не летом (потому что сок уже распределен по ветвям), и не осенью (так как сок устремляется к корню), но весною, когда сок начинает распространяться из корня и оживать верхние части дерева. И впоследствии он должен знать удобное время для всего, что должно делать с деревьями, т. е. время для уваживания, подрезывания, окапывания и пр.; даже и самое дерево имеет определенное время для пускания ростков, для цветения, для распускания листьев, для созревания плодов и пр. Не иначе поступает и предусмотрительный архитектор; он считает необходимым выбирать удобное время для рубки леса, обжигания кирпичей, закладки фундамента, возведения стен и штукатурки их и т. п.

**Двойное уклонение в школах от этой идеи.**

9. Против этой основы в школах допускаются ошибки двоякого рода:

1. *Не избирается надлежащее время для умственных упражнений.*

II. *Не располагают упражнения так тщательно, чтобы все шло вперед в естественной последовательности, безошибочно.*

Пока мальчик еще мал, учить его нельзя, так как корень познания лежит у него еще глубоко. Учить человека в старости слишком поздно, так как познавательная способность и память уже ослабевают. В среднем возрасте учить затруднительно, так как с трудом можно объединить умственную деятельность, рассеянную по различным предметам. Следовательно, нужно пользоваться



юным возрастом, пока сила жизни и разума находится на подъеме; тогда все воспринимается легко и пускает глубокие корни <sup>66</sup>.

10. Итак, мы делаем заключение:

Тройное  
исправление.

I. *Образование человека нужно начинать в весну жизни*, т. е. в детстве, ибо детство изображает собою весну, юность — лето, возмужалый возраст — осень и старость — зиму.

II. *Утренние часы для занятий наиболее удобны* (так как опять утро соответствует весне, полдень — лету, вечер — осени а, ночь — зиме).

III. Все, подлежащее изучению, должно быть распределено сообразно ступеням возраста так, чтобы предлагалось для изучения только то, что доступно восприятию в каждом возрасте.

## Основоположение II

Материал ранее  
формы.

11. Природа подготавливает себе материал, прежде чем начинает придавать ему форму.

Например, *птица*, намереваясь произвести существо, подобное себе, сперва из капли крови своей вводит внутрь оплодотворяющее семя, затем выет гнездо, в которое кладет яйца, наконец, согревает их высиживанием и дает оформиться и вылупиться птенцам.

Подражание.

12. Так разумный *строитель*, прежде чем начинать строить здание, свозит бревна, камни, известь, железо и другие необходимые материалы, чтобы впоследствии из-за недостатка материалов не замедлились работы или не пострадала прочность здания.

Подобным образом *художник*, намереваясь создать рисунок, приготавливает полотно, натягивает его на раму, накладывает грунт, разводит краски, раскладывает кисточки, чтобы они были под рукой, и наконец, начинает рисовать.

Так же *садовник*, прежде чем начать посадку, старается иметь пагодове сад, отводки, саженцы и всевозможные инструменты, чтобы не быть вынужденным искать во время работы то, что ему необходимо, иначе он погубит весьма многое.

Отклонения.

13. Против этого основного положения школы погрешают следующим образом:

Во-первых тем, что *не стараются иметь наготове для общего пользования всевозможные орудия: книги, доски, модели, образцы и т. п.* Тогда только лишь отыскивают, устраивают, диктуют, переписывают и пр., когда что-либо понадобится, что приводит (особенно если попадает неопытный или небрежный преподаватель, которых обычно больше) к жалким результатам. Подобное поло-

жение мы имели бы в том случае, если бы врач только тогда стал бы бегать по садам и лесам, собирать травы и корни, варить их, процеживать и пр., когда надо давать лекарство. Между тем как лекарство на всякий случай должно быть уже наготове.

14. Во-вторых, так как даже *в тех книгах, которые употребляются в школах, не соблюдается тот естественный порядок, при котором материал предшествовал бы форме*. Почти повсюду происходит наоборот: порядок вещей излагается ранее самих вещей, хотя невозможно устанавливать порядок, когда еще нет налицо того, что следует приводить в порядок. Я покажу это на четырех примерах.

15. (1). *Школы учат словам ранее вещей*, так как в течение нескольких лет занимают ум словесными науками, и затем, наконец, не знаю когда, обучают реальным наукам: математике, физике и пр. Между тем как вещь есть сущность, а слово — нечто случайное, вещь — это тело, а слово — одежда, вещь — зерно, а слово — кора и шелуха. Следовательно, то и другое нужно предоставлять человеческому уму одновременно, но сперва — вещь как объект не только познания, но и речи.

16. (2). *Затем при самом изучении языков превратно поступали в том отношении, что начинали не с какого-либо автора или умело подготовленного словаря, а с грамматики*, тогда как и авторы (как по-своему и словари) обеспечивают материал языка, слова; грамматика же прибавляет только форму, законы словообразования, порядок их расположения и сочетания (согласования).

17. (3). *В-третьих, в круге наук или в энциклопедиях* <sup>67</sup> *повсюду предпосылают искусство, а науки и знания заставляют следовать за ними издали*, между тем как эти последние обучают вещам, а первые — формам вещей.

18. (4). Наконец, *дают правила абстрактно и только затем их разъясняют приводимыми примерами*, хотя свет должен предшествовать тому, что освещается.

Исправление. 19. Отсюда вытекает, что для коренного исправления метода необходимо:

- I. *Подготавливать книги и все другие учебные пособия;*
- II. *Развивать ум ранее языка;*
- III. *Никакого языка не изучать из грамматики, а каждый язык следует изучать из произведений подходящих авторов;*
- IV. *Реальные учебные предметы предпосылать формальным;*
- V. *Примеры предпосылать правилам.*

## Основоположение III

Материал  
делается годным  
для восприятия  
формы.

20. Природа избирает для своего воздействия подходящий предмет или, по крайней мере, сперва надлежащим образом его подготавливает, чтобы он стал подходящим.

Например, *птица* кладет в гнездо, на котором ей надо сидеть, не что угодно, но такой предмет, из которого можно было бы высидеть птенца, т. е. яйцо. Если попадется камень или что-либо другое, птица выбрасывает его как бесполезную вещь. Затем, высиживая яйцо, она до тех пор его согревает, поворачивает, дает форму заключенной в яйце материи, пока оно не станет готовым для вылупливания птенца.

Подражание.

21. Так *строитель*, срубив возможно лучшие деревья, высушивает их, обрубает, распиливает, затем выравнивает площадь для постройки, очищает ее, закладывает новый фундамент или так восстанавливает и укрепляет старый, чтобы он стал пригодным для возведения на нем постройки.

22. Таким же образом *художник*, имея недостаточно хорошее полотно или грунт для красок, прежде всего старается сделать их возможно лучшими, выскабливая, выглаживая и всячески подготавливая их для удобного пользования.

23. Так *садовник* 1) выбирает самый здоровый отводок плодородного дерева, 2) переносит его в сад и умело сажает в землю; 3) однако, пока не увидит, что он пустил корень, не обременяет его привитием нового черенка; 4) прежде чем привить новый черенок, отрезает прежние веточки, мало того, удаляет пилкою в некоторых местах часть самого ствола, чтобы никакая часть сока не могла утечь куда-либо в другое место, кроме как для питания привитого черенка.

Отклонение.

24. Против этого основного положения грешили в школах не столько тем, что туда принимали тупых и глупых (так как по нашей мысли нужно допускать всю молодежь), сколько тем, что

I. Эти молодые растения не переносили в питомники, т. е. не вверяли всецело школам, чтобы те, из кого нужно сделать людей, не выпускались из мастерской до полного оформления.

II. В большинстве случаев зародыши наук, нравственности и благочестия пытались привить ранее, чем самый отводок пустит корни, т. е. прежде чем была пробуждена любовь к учению у тех, в которых не зажгла этой любви сама природа.

III. Не очищали молодые деревца или отростки перед посадкой, так как не освобождали души от ненужных занятий, умело удерживая их дисциплиной и приучая к порядку.

Исправление.

25. На основании этого:

I. *Всякий, кого отдают в школу, пусть остается в ней до конца.*

II. *Когда приступают к изучению какого-либо предмета, умы учеников должны быть к этому подготовлены.* (О чем полнее в следующей главе, основоположение II.)

III. *Все, препятствующее ученикам, должно быть от них устранено.*

Ведь совершенно бесполезно давать правила, если предварительно не устранить всего, что мешает правилам, говорит Сенека. Но и об этом в следующей главе.

#### Основоположение IV

Все образуется  
отдельно,  
а не смешанно.

26. Природа не смешивает своих действий, выполняет их по отдельности, в определенном порядке.

Например, когда природа создает *птенеца*, то в одно время формирует кости, кровеносные сосуды, нервы, в другие — плотные мускулы, в третьи — покрывает кожей и опять в особое время одевает перьями и, наконец, учит летать и пр.

Подражание.

27. Закладывая фундамент, *строитель* временно с этим не выводит стен, а тем более не покрывает здания крышей, а каждое из этих дел делает в свое время и на своем месте.

28. Так *художник* не рисует сразу двадцати или тридцати изображений, но направляет свое внимание на одно; хотя он, быть может, в свободные промежутки времени и подготавливает другие картины или занимается каким-либо иным делом, однако только одна из картин является у него основной.

29. Равным образом *садовник* не сажает несколько отростков вместе, а поодиночке, чтобы самому не запутаться и не повредить делу природы.

Уклонение.

30. *В школах же царил путаница. Многие одновременно навязывалось ученикам, например латинская и греческая грамматика, а быть может, еще риторика и поэтика, и чему еще только не учили! Ведь кому не известно, что в классических школах в течение целого дня, почти на каждом уроке, меняется материал занятий и упражнений. Что же, спрашиваю я, считать путаницей, если не это? Это похоже на то, как если*

бы сапожник взялся шить сразу шесть или семь сапогов и то брал бы в руки, то откладывал бы в сторону один сапог за другим. Или если бы пекарь то сажал различные хлеба в печь, то вынимал, так что каждому хлебу пришлось бы по многу раз то попадать в печь, то быть вынутым. Кто же поступает настолько бессмысленно? Сапожник, раньше чем не окончит один сапог, к другому даже не прикасается; хлебопек не сажает в печь других хлебов ранее, чем испекутся уже посаженные хлеба.

**Исправление.**

31. Будем же подражать им. Ради всего святого умоляю вас принимать меры к тому, чтобы при изучении грамматики не вмешивать диалектику, а в то время, когда ум занят диалектикой, не впутывать риторику, и, когда мы занимаемся латинским языком, греческий нужно отложить. В противном случае предметы будут мешать друг другу, так как устремленное на несколько предметов внимание менее сосредоточивается на отдельном предмете. Хорошо это знал великий Иосиф Скалигер, который, как говорят (быть может, по совету отца), всегда занимался одновременно только одним предметом, направляя на него все силы своего ума. Благодаря этому он усвоил четырнадцать языков, а искусств и наук — столько, сколько в состоянии вместить человеческий ум, и овладел, казалось, всем этим с большим совершенством, чем те, которые изучали только одну науку. И всякий, кто пробовал идти по тому же пути, пробовал это не напрасно.

32. Итак, пусть в школах будет установлен порядок, при котором ученики в одно и то же время занимались бы только одним предметом.

## Основоположение V

**Сперва внутреннее.**

33. Всякое свое действие природа начинает изнутри. Например, у птицы природа формирует сперва не когти, перья или кожу, а внутренности. А наружные части после, в свое время.

**Подражание.**

34. Так и садовник не прикладывает черенки извне к коре и не прививает их к поверхности дерева, но расщепляет ствол растения до сердцевины и внедряет черенок возможно глубже, хорошо его приспособив, плотно замазывает щели, чтобы сок ни в одном месте не мог вытечь, а впитывался бы во внутренность черенка и всю свою силу отдал бы на его произрастание.

35. Так дерево, питающееся орошающим его небесным дождем или соком из земли, впитывает эту пищу не через внешний покров коры, а через поры внутренних частей. Поэтому садовник обык-

новенно поливает не ветви, а корень. И животное переваривает пищу для питания не внешними органами, а желудком, который переваренное распространяет по всему телу. Поэтому если воспитатель юношества таким же образом больше всего будет занят корнем знания, т. е. интеллектом, то разумная жизненная сила легко перейдет в ствол, т. е. в память, и, наконец, появятся цветы и плоды: свободное пользование языком и опытность в делах.

**Отклонение.**

36. Ошибку делают те наставники, которые хотят достигнуть образования вверенного им юношества тем, что много диктуют и дают заучивать много на память, без тщательного разъяснения вещей. Точно так же погрешают и те, которые хотят все разъяснить, но не соблюдают меры, не зная, как нежно нужно отрыть корень и ввести ростки наук. Таким образом, они терзают учеников так же, как если бы кто-нибудь для надреза растения вместо ножичка пустил бы в ход дубину или колотушку.

**Исправление.**

37. Итак, на основании сказанного

I. *Нужно формировать, во-первых, понимание вещей, во-вторых, память и, в-третьих, язык и руки.*

II. *Учитель должен соблюдать все способы раскрытия познавательных способностей и применять их сообразно обстоятельствам (это мы рассмотрим в следующей главе).*

## Основоположение VI

**Прежде общее.**

38. Всякое формирование природы начинается с самого общего и кончается наиболее особенным.

Например, намереваясь произвести из яйца *птицу*, природа не создает и не формирует сперва голову, глаз, перо или коготь, а согревает всю массу яйца и движением, вызванным теплотой во всей массе, образует кровеносные жилки, так что возникает уже общее очертание всей птицы (именно то, что должно превратиться в голову, крылья или ноги), и затем только постепенно развиваются отдельные члены, пока не завершится их полное развитие.

**Подражание.**

39. Подражая этому, *строитель* сперва или в уме составляет себе общую идею всего здания, или вырисовывает на бумаге проект, или даже делает деревянную модель и согласно этому закладывает фундамент, затем выводит стены и, наконец, покрывает крышей. И только после этого он заботится о тех второстепенных вещах, которыми заканчивается постройка дома: о дверях, окнах, лестницах и пр. Нако-

нец, он присоединяет украшения, картины, скульптуру, занавеси и пр.

40. Так *художник*, желая изобразить лицо человека, не изображает сначала ухо, глаз, нос, рот, а делает только абрис лица (или всего человека) грубым углем. Затем, если он видит, что пропорция верна, закрепляет эту основу легкой кистью все еще в общей форме. Наконец, обозначает распределение света и тени и только тогда вырисовывает части тела и раскрашивает их самыми разнообразными красками.

41. Таким же образом *скульптор*, намереваясь создать статую, берет грубый чурбан, обтесывает его со всех сторон, и притом сначала грубо, затем тоньше, чтобы обренок передал уже в грубом виде общие очертания изображения; наконец, чрезвычайно тщательно отделяет отдельные члены и покрывает красками.

42. Подобным же образом *садовник* берет только общий образ дерева, т. е. черенок; сколько почек на нем, столько же может вырасти впоследствии главных ветвей.

Отклонение. 43. Отсюда следует, что *неправильно будет преподавать науки с самого начала со всеми подробностями, вместо того чтобы предпосылать им сперва простой общий очерк всех знаний*. Никому нельзя дать образование на основе какой-нибудь частной науки, независимо от остальных наук.

44. Точно так же *плохо учат искусствам, наукам, языкам, если не предпосылают им предварительного элементарного обучения*. Так, я помню, было на практике. Только что приступив к диалектике, риторике и метафизике, мы были завалены длинными правилами, даже с комментариями правил и объяснениями комментариев, сличениями авторов и спорными вопросами. Подобным образом нас набивали и латинской грамматикой со всеми отступлениями, и греческой грамматикой с диалектами греческого языка. Мы, несчастные, были ошеломлены, не зная, что кругом нас происходит.

Исправление. 45. Средство против этой беспорядочности будет состоять в следующем:

I. *С самого начала юношам, которым нужно дать образование, следует дать основы общего образования, т. е. распределить учебный материал так, чтобы следующие затем занятия, по-видимому, не вносили нового, а представляли только некоторое развитие полученных знаний в их частностях*. Ведь у дерева, хотя бы оно росло сто лет, не вырастает ни одного сука, но все новые ветви разрастутся от первоначально выросших суков<sup>68</sup>.

II. *Любой язык, любые науки или искусства должны быть сперва преподаваны в простейших элементах, чтобы у учеников сложилось общее понимание целого их; затем для более полного изучения их даются правила и примеры, потом сообщаются полные системы с*

присоединением неправильностей, наконец, даются, если это нужно, комментарии. Кто начинает дело с основания, тот не так нуждается в комментариях. Немного позже каждый сам будет в состоянии комментировать лучше.

## Основоположение VII

**Все постепенно, и никаких скачков.** 46. Природа не делает скачков, а идет вперед постепенно. Так, образование птички имеет свои ступени, которые не могут быть ни обойдены, ни переставлены, пока птенец, вырвавшись из своей скорлупы, не выйдет наружу. Когда это произойдет, то мать птенца не заставляет его немедленно летать и искать корма (так как он еще не в силах это делать), но кормит его сама и, согревая пока собственной теплотой, помогает его оперению. Когда он оперится, то не сейчас же она выгоняет его из гнезда для летания, а заставляет постепенно упражняться, сперва расправлять крылья в самом гнезде, затем размахивать ими, поднимаясь над гнездом, а вскоре пробовать летать и вне гнезда, однако на близком расстоянии, потом перелетать с ветки на ветку, с дерева на дерево, а там уже с горы на гору; таким образом, наконец, спокойно вверяет она его небу. И каждая из отдельных этих ступеней требует для себя определенного времени, и не только времени, но и постепенности, и не только постепенности, но и неизменного порядка.

**Подражание.** 47. Так подвигается вперед и тот, кто строит дом. Он начинает не с крыши и не со стен, а с фундамента. А заложив фундамент, не покрывает его крышей, а воздвигает стены. Словом, как в природе все сцепляется одно с другим, так и в обучении нужно связывать все одно с другим именно так, а не иначе.

48. Так, садовнику нужно соблюдать постепенность в своих работах: необходимо, говорю я, выбирать корень, выкапывать его, пересаживать, подрезывать, делать надрезы, прививать черенок, замазывать щели и пр.; ничего из этого нельзя опустить, ничего нельзя производить ранее другого. И когда все это делается закономерно, в порядке постепенности, то в деле следуют удачи и едва ли может произойти неудача.

**Отклонение.** 49. Следовательно, получают явные нелепости, когда учителя не распределяют занятий для себя и учеников таким образом, чтобы одно не только постепенно следовало за другим, но и так, чтобы каждая работа по необходимости заканчивалась в определенный срок, ибо, не установив задач и средств для их достижения и порядка использования этих средств, легко что-либо пропустить, извратить, запутать дело.



Исправление.

50. А потому, сообразно с этим,

I. *Вся совокупность учебных занятий должна быть тщательно разделена на классы так, чтобы предшествующее всегда открывало дорогу последующему и освещало ему путь.*

II. *Время должно быть распределено с величайшей точностью так, чтобы на каждый год, месяц, день, час приходилась своя особая работа.*

III. *Распределение времени и работ необходимо соблюдать точно, чтобы ничто не было пропущено и извращено.*

## Основоположение VIII

До окончания дела не следует останавливаться

51. Начав что-либо, природа не останавливается, пока не доведет дело до конца.

*Птица*, например, начиная по природному инстинкту высидывать яйца, не прекращает этого, пока не выведутся птенцы. Если бы она перестала сидеть хотя бы несколько часов, остывший зародыш погиб бы. Даже когда птенцы выведутся, птица не перестает их согревать до тех пор, пока не окрепнут и не покроются перьями и не будут в состоянии переносить действие воздуха.

Подражание.

52. Так же и *художник*, начав писать картину, поступит лучше всего, если будет продолжать дело без перерыва. Ведь тогда и краски лучше согласуются одна с другой и держатся крепче.

53. По той же самой причине всего лучше без перерыва доводить до конца строение здания. Иначе солнце, дождь, ветры разрушат работу, и все, что придется прибавить впоследствии, не так прочно держится, словом, вся постройка получает повреждения, трещины и становится непрочной.

54. Разумно поступает также *садовник*, когда он, принявшись за посадку растений, не прерывает его, пока не завершит дела, иначе с течением времени влага ствола или черенка высохнет, а тогда засохнет и все растение.

Отклонение.

55. Из всего этого ясно, что нельзя без ущерба для дела отвлекать на другие занятия детей, помещенных на месяцы и годы в школы. Равным образом вредно, когда учитель с учениками берется то за одно, то за другое, не доведя ничего серьезно до конца. Вредно, наконец, если он не назначает на каждый час определенной задачи и не выполняет ее в положенное время так, чтобы вообще всякий раз было заметно продвижение вперед. Где недостает подобного огня, там все застывает. И недаром советуют ковать железо, пока оно горячо, так как если позволить ему остыть, то излишне бить по нему

молотом; необходимо будет снова его раскалить, и это повлечет потерю как времени, так и железа: ведь каждый раз, как кладут его в огонь, оно теряет некоторую часть своего вещества.

**Исправление.** 56. Следовательно,  
I. *Отданный в школу ребенок должен оставаться в ней до тех пор, пока он не станет образованным, нравственным и религиозным человеком.*

II. *Школа должна находиться в спокойной местности, удаленной от шума и развлечений.*

III. *То, что предназначено к выполнению в соответствии с предначертанным планом, должно быть выполнено без всякого перерыва.*

IV. *Никому, ни под каким предлогом не следует позволять пропускать занятия и уклоняться от уроков.*

## Основоположение IX

**Нужно избегать проти-** 57. Природа тщательно избегает всего противоречивого и вредного.

В самом деле, *птица*, высиживая яйца, охраняет их от резкого ветра, дождя или града. Она отгоняет змей, хищных птиц и всех других врагов.

**Подражание.** 58. Так, *строитель*, насколько возможно, сохраняет лес, кирпичи, известь в сухом месте и не позволяет разорять или разрушать то, что уже выстроено.

59. Подобным образом *художник* охраняет только что выполненную картину от холодного ветра, сильного жара, от пыли и от прикосновения руками.

60. *Садовник* ограждает молодое растение кольями или плетнем, чтобы не обглодали или не вырвали его козед или заяц.

**Отклонение.** 61. Поэтому *неразумно сообщать юношеству в самом начале какого-либо занятия нечто противоречивое, т. е. возбуждать сомнения в том, что должно быть изучено*. Разве это не то же самое, что распатывать молодое растение, которое собирается пустить корни? Чрезвычайно верно сказал Гуго: «Никогда не познает основания истины тот, кто начнет обучаться с обсуждения спорных вопросов»<sup>69</sup>. Также неразумно, если юношество не охраняется от безнравственных, ошибочных, запутанных книг, а равно и от дурного товарищества.

**Исправление.** 62. Итак, нужно заботиться о том, чтобы:  
I. *Учищиеся не получали никаких других книг, кроме тех, которые приняты в соответствующем классе.*

II. Эти книги были составлены так, чтобы их по справедливости и заслуженно можно было назвать источниками мудрости, добродетели и благочестия.

III. В школе и вне школы не было терпимо дурное товарищество.

**Заключение.**

Если все это тщательно соблюдать, то едва ли возможно, чтобы школы не достигли своей цели.

## Г Л А В А XVII

### Основы легкости обучения и учения

Недостаточно уметь что-нибудь делать, нужно стремиться к легкости.

Оснований для этого десять.

1. Итак, мы рассмотрели, какими средствами воспитатель юношества может верно достигнуть своей цели. Теперь посмотрим, каким образом те же самые средства нужно приспособить к врожденным способностям, чтобы можно было применять их легко и приятно.

2. Но очевидно, что, идя по стопам природы, обучение юношества будет происходить легко, если

I. Приступить к нему своевременно, прежде чем ум подвергнется испорченности.

II. Оно будет протекать с должной подготовкой умов.

III. При обучении будут идти от более общего к более частному.

IV. От более легкого к более трудному.

V. Никто не будет обременен чрезмерным количеством подлежащего изучению материала.

VI. Во всем будут двигаться вперед не спеша.

VII. Умам не будут навязывать ничего такого, что не соответствует возрасту и методу обучения.

VIII. Все будет передаваться через посредство внешних чувств.

IX. Для непосредственной пользы.

X. Все постоянно одним и тем же методом.

Так, говорю я, следует поступать, чтобы все протекало легко и приятно. Но последуем теперь по стопам самой природы.

### Основоположение I

Материал берется чистый.

3. Природа никогда не использует негодного.

Птица, например, берет для высживания только свежие яйца, содержащие чистейшее вещество; если птенец уже раньше начал формироваться, то напрасно было бы ожидать успеха.

4. Так и *строитель*, намереваясь строить здание, нуждается в свободной площади; если же ему нужно строить на месте прежнего здания, то он должен предварительно его разрушить.

5. Так же и *живописец* пишет лучше всего на чистой доске. Если же она уже разрисована, или запачкана, или испорчена какой-либо шероховатостью, то сперва ее следует вычистить и отполировать.

6. Так и тот, кто хранит драгоценные мази, нуждается в чистых сосудах или, по крайней мере, в тщательно очищенных от находившейся в них раньше жидкости.

7. Так *садовник* с наибольшим успехом сажает молодые деревца; если же он сажает уже подросшие, то ему придется сперва освободить их от старых ветвей, чтобы устранить возможность распространения сока в другом направлении. Вот почему Аристотель относит <sup>70</sup> устранение не нужного к началам вещей, видя невозможность придать материи новую форму, не уничтожив прежней.

8. Отсюда следует, что, во-первых, всего лучше воспринимают учение мудрости молодые умы, еще не привыкшие отвлекаться к другим занятиям, и чем позже начинается образование, тем с большим трудом оно продвигается вперед, так как ум уже занят другим. Во-вторых, не может мальчик с пользой для себя одновременно обучаться у многих учителей, так как едва ли возможно, чтобы все придерживались единой формы обучения; следствием этого бывает рассеянность в нежных умах и задержка в их развитии. В-третьих, неосмотрительно поступают в том случае, когда, принимаясь за формирование более взрослых мальчиков и юношей, не начинают с воспитания благонравия, чтобы, обуздав их страсть, сделать учеников восприимчивыми ко всему прочему.

Укротители коней сперва обуздывают коня железными удилами и добиваются повиновения, а потом обучают его той или иной поступи. Следовательно, прав Сенека, говоря: «Сперва учись хорошим нравам, а потом мудрости, которая без хороших нравов усваивается плохо», и Цицерон: «Нравственная философия подготавливает умы для восприятия посева» и пр.

9. Следовательно, 1. *Образование юношества должно начинаться рано.*

II. *У одного и того же ученика по одному и тому же предмету должен быть только один учитель.*

III. По воле воспитателя прежде всего должны быть приведены в гармонию нравы.

## Основоположение II

**Материя** стремится принять необходимую форму. 10. Природа так располагает материю, чтобы она стремилась к форме.

Так, *птенец*, уже достаточно сформировавшийся в яйце, стремясь к более полному совершенству, начинает сам двигаться и разрывает скорлупу или разбивает ее клювом. А освободившись из заключения, с радостью согревается у матери, охотно питается и жадно раскрывает рот, глотает положенный в него корм, с удовольствием направляется к созерцанию неба, радуется упражнению в летании и, немного спустя, летает, словом, жадно, хотя и постепенно, стремится ко всему, к чему влечет его природное побуждение.

**Подражание.**

11. Так, *садовник* считает нужным позаботиться о том, чтобы растение, получив необходимую влагу и жизненную теплоту, благополучно росло.

**Отклонение.**

12. *Плохую поэтому заботу о детях проявляют те, кто насильно принуждает их учиться.* В самом деле, чего надеются этим достигнуть? Если едят без аппетита, вводя при этом все-таки в желудок пищу, то в результате это вызовет только тошноту и рвоту и, по меньшей мере, плохое пищеварение, нездоровье. Напротив, если еда вводится в желудок под влиянием чувства голода, то он воспринимает ее с удовольствием, хорошо переваривает и успешно обращает в сок и кровь. Поэтому и говорит Исократ: «Если будешь любить знание, будешь много знать»<sup>71</sup> и Квинтилиан: «Стремление к учению определяется волею, принудить которую нельзя»<sup>72</sup>.

**Исправление.**

13. Итак: I. *Всеми возможными способами нужно воспламенять в детях горячее стремление к знанию и к учению.*

II. *Метод обучения должен уменьшать трудности учения, с тем чтобы оно не возбуждало в учениках неудовольствия и не отворачивало их от дальнейших занятий.*

**Каким образом следует пробуждать и поддерживать в детях стремление к учению.**

1. Родителями.

14. Стремление к учению пробуждается и поддерживается в детях родителями, учителями, школой, самими учебными предметами, методом обучения и властями.

15. Если *родители* в присутствии детей с похвалой отзываются об учении и об ученых людях или, побуждая детей к прилежанию, обещают им красивые книги, красивую одежду или еще что-либо приятное; если хвалят учителя (особенно того, которому хотят поручить детей) как со стороны его учености, так и гуманного отношения к детям (ведь любовь и восхищение являются сильнейшим средством, чтобы выз-

вать стремление к подражанию); наконец, если они иногда пошлют детей к учителю с поручением или маленьким подарком и пр., то легко достигнут того, что дети искренне полюбят и науку и самого учителя.

**2. Учителями.**

16. Если *учителя* будут приветливы и ласковы, не будут отталкивать от себя детей своим суровым обращением, а будут привлекать их своим отеческим расположением, манерами и словами; если учителя рекомендуют науки, к которым они приступают, со стороны превосходства, привлекательности и легкости; если более прилежных учеников будут время от времени хвалить (даже наделяя малышей яблоками, орехами и т. п.); если, пригласив некоторых учеников к себе на дом, а также всем вместе будут показывать картинки, изображающие то, что им в свое время придется изучать, оптические и геометрические инструменты, глобусы и другие подобные вещи, которые могут вызвать у них чувство восхищения; если будут через них сноситься с родителями, словом, если учителя будут относиться к ученикам с любовью, тогда они легко завоюют их сердце так, что детям будет приятнее пребывать в школе, чем дома.

**3. Самой школой, которая должна быть чрезвычайно привлекательна внутри и снаружи.**

17. Сама *школа* должна быть приятным местом, доставляя глазам привлекательное зрелище изнутри и снаружи. Внутри она должна быть светлой, чистой, украшенной картинами: портретами знаменитых людей, географическими картами, памятниками исторических событий, некоторыми эмблемами. А извне к школе должна примыкать не только площадка для прогулок и игр (так как у детей этого отнимать нельзя, о чем будет сказано ниже в своем месте), но также небольшой сад, в который иногда следует пускать учеников и предоставлять возможность наслаждаться зрелищем деревьев, цветов и трав. Если дело будет так поставлено, то дети, вероятно, будут посещать школу с не меньшей охотой, чем обыкновенно они посещают ярмарки, где они всегда надеются увидеть и услышать что-либо интересное.

**4. Изучаемыми вещами.**

18. Привлекают юношество и сами *изучаемые вещи*, если они соответствуют возрасту и преподаются понятно с присоединением иногда чего-либо шуточного или менее серьезного, но приятного. Это и значит приятное соединить с полезным.

**5. Методом, который должен быть естественным.**

19. Чтобы пробуждать стремление к знанию, прежде всего *самый метод* по необходимости *всегда должен быть естественным*. Ведь все, что естественно, развивается само собой. Нет необходимости заставлять воду течь по наклонной плоскости; удали только плотину или вообще все то, что ее задерживает, — и ты

увидишь, что она тотчас потечет. Нет нужды просить птичку улететь — открой только клетку. Нет необходимости принуждать глаз к изящной картине или ухо обращаться к прекрасной мелодии, если только ты представишь им это. В таких случаях, скорее, придется сдерживать их.

**Метод должен разумно сочетать приятное с полезным.** Чего требует естественный метод, должно быть ясным из предшествующей главы, равно как и из последующих правил. Кроме того, чтобы способности пробуждались самим методом, необходимо его разумно оживлять и делать приятным именно так, чтобы все, как бы оно ни было серьезно, преподавалось дружеским и приятным образом в форме бесед, состязаний, разгадывания загадок или в форме притч или басен. В своем месте об этом будет сказано полнее.

6. **Властями.** 20. *Власти и попечители школы* могут возбуждать усердие к учению, если сами будут присутствовать на публичных актах (будут ли то упражнения в декламации и в диспутах, или экзамены и присуждение ученых степеней) и более прилежным будут раздавать похвальные отзывы и награждать их (без лицепрятия) подарками.

### Основоположение III

**Все из собственных основ.** 21. *Природа производит все из основ незначительных по величине, но мощных по своему качеству.*

Например, то, из чего должна образовываться птица, свертывается в каплю и окружается скорлупой, чтобы ее легко можно было носить в утробе и согревать при высиживании. Однако это по своему качеству содержит в себе всю птицу, потому что потом из заключенной в нем жизненной силы сформируется тело птицы.

**Подражание.** 22. Так, *дерево* какой угодно величины целиком заключается как в зерне своего плода, так и в черенке последнего побега своих ветвей. Таким образом, если последний посадить в землю, то из него благодаря внутренней действующей силе снова вырастет целое дерево.

**Поразительное уклонение.** 23. Обычно против этого основного положения в школах свершается величайший грех. Ведь большинство учителей считают нужным вместо семени сажать растения, а вместо черенков — деревья, так как вместо основных начал навязывают ученикам хаос различных заключений, больше того — даже подлинных текстов. Но как верно то, что мир состоит из четырех элементов (видоизменяющихся

только по своим формам), так, несомненно, и научное образование состоит из немногих начал, из которых, если только знать способы их различения, возникает бесконечное множество положений, подобно тому как на дереве из основательно укрепившегося корня могут вырасти сотни ветвей, тысячи листьев, цветов и плодов. Да умилось сердце Бог над нашим веком и откроет у кого-либо мысленные очи, чтобы тот правильно понял связи вещей и сообщил это другим. А мы, если будет угодно Богу, в кратком изложении христианской пансофии <sup>73</sup> дадим очерк нашего опыта в той скромной надежде, что Бог через других откроет в свое время большее.

**Исправление.** 24. Отметим между тем три положения:

I. *Каждая наука должна быть заключена в самые сжатые, но точные правила.*

II. *Каждое правило нужно излагать немногими, но самыми ясными сжатыми, словами.*

III. *Каждое правило должно сопровождаться многочисленными примерами, чтобы стало достаточно ясно, как разнообразно его применение.*

## Основоположение IV

**Сначала более легкое.**

25. Природа переходит от более легкого к более трудному. Например, образование яйца начинается не с более твердой части, скорлупы, а с желтка; последний сначала покрывается кожей и только впоследствии — скорлупой. Так, птица, готовясь к полету, сперва приучается становиться на ноги, потом двигать крыльями, затем размахивать ими, наконец, при более сильных движениях, подниматься и уж тогда поверять себя воздушному простору.

**Подражание.**

26. Так, плотник сперва учится рубить бревна, потом их обтесывать, затем скреплять одно с другим, наконец, строить целые здания и т. д.

**Различные отклонения.**

27. Следовательно, превратно поступают, когда в школах обучают неизвестному при помощи столь же неизвестного. Так происходит:

I. Когда правила латинского языка преподаются начинающим его изучать на латинском же языке; это то же самое, как если бы кто-нибудь еврейский язык разъяснил правилами на еврейском языке, а арабский язык — правилами на арабском.

II. Когда тем же самым начинающим дают в пособие словарь с латинского языка на родной язык, тогда как должно быть наоборот. Ведь они изучают не родной язык при помощи латинского, а



латинский язык при помощи родного, так как последний уже известен (об этой несообразности подробнее будет говориться в главе XXII).

III. Когда мальчику дается в учителя чужеземец, не владеющий родным языком мальчика. Так как они лишены общего средства взаимного понимания и вынуждены объясняться при помощи знаков и догадок, то не сооружают ли таким образом Вавилонской башни?

IV. Делается также ошибка против правильного ведения дела и в том случае, когда по одним и тем же грамматическим правилам (например, Меланхтона или Рамуса) обучают юношество всех наций (французов, немцев, чехов, поляков или венгров и пр.), тогда как каждый из языков имеет свое особое, и до некоторой степени обособленное, отношение к латинскому языку. Это своеобразие и нужно вскрывать, если мы хотим, чтобы основные свойства латинского языка легко были усвоены учениками.

28. Это будет исправлено, если

Исправление.

I. *Учитель и ученик говорят на одном и том же языке.*

II. *Все разъяснения делаются на знакомом языке.*

III. *Грамматика и словарь будут приспособлены к тому языку, при посредстве которого изучается новый (латинский язык — при посредстве родного, греческий — латинского и т. д.).*

IV. *Новый язык изучается постепенно, а именно: сперва ученик приучается его понимать (это самое легкое), затем писать (при этом дается время для предварительного обдумывания) и, наконец, говорить, что — самое трудное, так как это делается без непосредственной предварительной подготовки.*

V. *При изучении латинского и родного языков этот последний, как более известный, будет предшествовать, а латинский язык — следовать.*

VI. *Изучаемые вещи располагаются таким образом, чтобы сперва усваивалось то, что является наиболее близким, затем — не столь отдаленным, потом — более отдаленным и, наконец, самым отдаленным.* Поэтому, когда впервые ученикам предлагаются правила (например, правила логики, правила риторики и др.), их следует разъяснять примерами, не далекими от их понимания, например богословскими, политическими, поэтическими и пр., а примерами, заимствованными из повседневной жизни. Иначе ученики не поймут ни правила, ни его применения.

VII. *Учеников развивают сперва внешние чувства (это всего легче), затем — память, далее — понимание и, наконец, суждение.* Именно в такой последовательности они следуют друг за другом, так как знание начинается из чувственного восприятия, с помощью воображения переходит в память, а затем через обобщение

ние единичного образуется понимание общего и, наконец, для уточнения знания о вещах достаточно понятных составляется суждение.

## Основоположение V

Ни в чем излишнего 29. Природа не обременяет обременения. себя излишне; она довольствуется немногим.

Например, из одного яйца она не выводит двух птенцов, удовлетворяясь удачно выведенным одним.

Подражание.

К одному стволу садовник прививает не несколько черенков, а один и если считает ствол достаточно крепким, то два.

Отклонение.

30. Следовательно, внимание будет рассеиваться, если предлагают изучать одновременно в одном и том же году различные предметы, например грамматику, диалектику, а то еще риторику, поэтику, греческий язык и пр. (см. в предшествующей главе основоположение IV).

## Основоположение VI

Ни в чем не следует 31. Природа не спешит, а подспешить. вигается вперед медленно. Чтобы быстро высидеть птенцов, птица ведь не бросает яйца в огонь, а чрезвычайно медленно согревает их естественным теплом и впоследствии, чтобы птенцы быстрее подросли, не обкармливает их пищей (ведь она бы этим скорее их уморила), а кормит понемногу и осмотрительно, давая столько пищи, сколько может переварить неразвитая еще способность пищеварения.

Подражание.

32. Так, строитель не торопится воздвигать на фундаменте стены, а на стенах — крышу, так как недостаточно высохший и неокрепший фундамент обыкновенно под тяжестью оседает, что вызывает разрушение здания. Таким образом, ни одна более значительная каменная стройка не может быть окончена в течение года; нужно дать ей выстоять надлежащее время.

33. Садовник не добивается от растения, чтобы оно в первый же месяц выросло или чтобы в первый же год принесло плод. Поэтому он не каждый день им занимается, не каждый день поливает его, не ускоряет его согревания, разводя возле него огонь или осыпая негашеной известью, а довольствуется тем, что растение орошается с неба и согревается солнцем.

Отклонение.

34. Следовательно, пыткой является для юношества:

1. Если его заставляют ежедневно заниматься по шести, семи, восьми часов классными занятиями и упражнениями да, кроме того, несколько часов дома.

2. Если оно бывает переобременено до обморока и до умственного расстройства (как это часто мы видим) диктантами, составлением упражнений и заучиванием наизусть чрезвычайно больших отрывков. Чего добьется тот, кто предпочитает в небольшой сосуд с узким отверстием (с чем можно сравнить способности детей) вливать жидкость сразу, а не вводить ее по каплям? Конечно, большая часть жидкости разольется, и в сосуд попадет несравненно меньше, чем это можно было бы сделать при постепенном вливании. *Совершенно неразумен тот, кто считает необходимым учить детей не в той мере, в какой они могут усваивать, а в какой только сам он желает; так как нужно помогать способностям, а не подавлять их, и воспитатель юношества, так же как и врач, является только помощником природы, а не ее господином.*

Исправление.

35. Итак, легкость занятий и удовольствие от них для ученика увеличит тот,

I. Кто будет привлекать учеников к классным занятиям на наименьшее число часов, а именно — на четыре часа, предусматривая столько же часов для домашних работ.

II. Кто как можно меньше будет обременять память, давая только самое главное, предоставив остальное свободному течению.

III. Кто все будет преподавать сообразно степени восприимчивости ученика, которая будет увеличиваться с возрастом и дальнейшим ходом занятий.

## Основоположение VII

Ничего насильственного.

36. Природа ничего не вызывает насильно наружу, кроме того, что, созрев внутри, само стремится выйти.

Ведь природа не заставляет птенца покидать яйцо ранее, чем его члены правильно сформируются и укрепятся; не заставляет его летать ранее, чем он оперится; не выгоняет его из гнезда ранее, чем он научится летать, и пр.

Так, *дерево* не дает отростков ранее, чем сок, поднимаясь от корня, не заставляет их расти; не дает раскрываться почкам ранее, чем образовавшиеся из сока вместе с цветами листья стремятся развернуться свободнее; не сбрасывает цвета ранее, чем охваченный им плод не покрывается кожицей; не дает плоду падать ранее, чем он созреет.

Отклонение.

37. Итак, над умами детей совершается *насилие*,

I. Когда их принуждают к тому, до чего они не дошли еще ни по возрасту, ни по своему умственному развитию.

II. Когда учеников заставляют что-либо запоминать или делать без предварительного и достаточного разбора, разъяснения и наставления.

Исправление.

38. Итак, согласно с этим

I. Детям следует заниматься только тем, что соответствует их возрасту и способностям, а также тем, к чему они сами стремятся.

II. Ничего нельзя заставлять заучивать, кроме того, что хорошо понятно. И также ничего нельзя требовать от памяти ребенка, кроме того, что, судя по несомненным признакам, он усвоил.

III. Ничего не следует предлагать к выполнению, кроме того, форма и способ выполнения чего в достаточной мере разъяснены <sup>74</sup>.

## Основоположение VIII

Все для внешних чувств.

39. Природа всячески себе помогает. Например, у яйца нет недостатка в своем жизненном тепле; однако отец природы, Бог, предусматривает, чтобы этому теплу помогли или теплота солнца, или перья сидящей на яйцах птицы. Когда птенец выйдет из яйца, мать, пока это необходимо, согревает и всячески развивает и укрепляет его для всего, что нужно ему в жизни. Наблюдая аистов, мы можем видеть, как они помогают своим птенцам, даже принимая их себе на спину и летая с ними вокруг гнезда, причем те также размахивают крыльями. Так и няни различным образом помогают слабым детям. Сперва они учат их поднимать голову, затем сидеть, становиться на ноги, двигать ими, чтобы сделать шаг, понемногу подвигаться вперед, идти свободно; отсюда, наконец, является проворство в беганье. А когда учат говорить, произносят вперед слова и показывают рукой на то, что эти слова означают, и пр.

Отклонение.

40. Итак, жесток тот учитель, который, предложив ученикам работу, не разъясняет достаточно, в чем она заключается, не показывает, как ее выполнять, а еще менее того помогает им при их первых попытках, но обязывает их самих работать изо всех сил и волнуется и свирепеет, если они что-либо делают не совсем правильно. Но что это такое, как не истязание юношества? Это равносильно тому, как если бы няня пожелала заставить свободно ходить ребенка, который еще боится стоять на ногах, и принуждала бы его к этому побоями, если он еще не может этого сделать. Природа нас учит

другому: до тех пор нужно терпеливо относиться к слабому, пока у него не хватает сил.

Исправление. 41. Итак, на основании этого:

I. *Не следует прибегать при обучении ни к каким телесным наказаниям* (так как если ученье идет плохо, то чья это вина, как не самого преподавателя, который или не умеет сделать ученика способным к ученью, или не прилагает к этому достаточно старания).

II. *Все, что ученики должны выучить, нужно преподавать им и изложить так ясно, как будто бы они имели перед собой свои пять пальцев.*

III. *А для того, чтобы все воспринималось легче, надо, на сколько лишь это возможно, привлекать к восприятию внешние чувства.*

42. Например, *слух постоянно нужно соединять со зрением, язык (речь) с деятельностью рук.* Следовательно, о том, что надо знать, надо не только рассказывать, чтобы это было воспринято слухом, но это же следует зарисовать, чтобы через зрение предмет запечатлелся в воображении. С своей стороны, пусть ученики немедленно учатся все воспринятое произносить вслух и выражать деятельностью рук. Не следует отступать ни от одного предмета, пока он не запечатлется достаточно в ушах, глазах, в уме и памяти. *А для этой цели будет полезно, чтобы все, что обыкновенно изучается в каждом классе, будь то теоремы, или правила, или образы и эмблемы из преподаваемого предмета, изобразилось наглядно на стенах той же аудитории.*

Такая постановка дела исключительно сильно способствовала бы твердому усвоению предмета. Сюда будет относиться и то, чтобы ученики приучались переписывать в свои дневники или сборники общих истин все то, что они слышат или читают в книгах, так как это будет давать пищу воображению и облегчит припоминание этого предмета в дальнейшем.

## Основоположение IX

Все направляется преимущественно на пользу.

Создает ли она *птичку*, скоро становится ясным, что крылья даются ей для летанья, ноги — для беганья и пр. Возникает ли что-либо на дереве, все это имеет свое полезное значение, вплоть до шелухи и пушка, покрывающих плод, и пр.

Подражание. 44. *Итак, ты облегчишь ученику усвоение, если во всем, чему бы ты его ни учил, покажешь ему, какую это приносит повседневную пользу в общежитии.* Этого правила нужно придерживаться везде: и в грамматике, и в

диалектике, и в арифметике, и в геометрии, и в физике и пр. Иначе, что бы ты ни рассказывал, все будет представляться детям каким-то чудовищем с того света. Не доведенный до понимания того, существует ли это в природе и в порядке ли это вещей, ребенок скорее будет верить, чем знать. Но если ты покажешь назначение всякой вещи, то ты действительно обеспечишь его подлинным знанием и умением действовать.

45. Следовательно, *нужно учить только тому, в чем есть очевидная польза* <sup>75</sup>.

## Основоположение X

**Все единообразно.** 46. Природа действует во всем **единообразно.**

Например, каково происхождение одной птицы, таково происхождение и всех птиц, мало того — всех животных, измененное лишь некоторыми побочными обстоятельствами. Так и в растениях: как одна былинка рождается и вырастает из своего семени, как одно дерево сажается, дает ветви и цветет, так это происходит повсюду и всегда со всеми другими растениями и деревьями. И каков на дереве один лист, таковы и все остальные, и какими листья бывают в этом году, такими же они будут и в следующем году и всегда.

**Отклонение.** 47. Вот почему *разнообразие методов обучения только затрудняет юношество и осложняет обучение.* Между тем не только различные преподаватели различным образом преподают предметы, но и один и тот же преподаватель преподает различно, например, иначе преподает грамматику, иначе — диалектику и пр., тогда как все это можно было бы преподавать единообразно, в соответствии с гармонией целого и с тем, что вещи и слово имеют связь и родство между собой.

**Исправление.** 48. Поэтому нужно позаботиться, чтобы в дальнейшем:

I. *Один и тот же метод был принят для преподавания всех наук, один и тот же метод — для преподавания всех искусств, один и тот же метод — для преподавания всех языков* <sup>76</sup>.

II. *В одной и той же школе был один и тот же порядок и метод во всех упражнениях.*

III. *Насколько это возможно, были одни и те же издания книг по одному и тому же предмету.*

Так все пойдет вперед легко и без затруднения.

## Г Л А В А XVIII

## Основы прочности обучения и учения

**Поверхностность обычного обучения.** 1. От многих раздаются жалобы, да и факты это подтверждают, что только немногие ученики выносят из школ основательное образование, а большинство — только поверхностное образование или даже только намек на образование.

**Причина того двоякая.** 2. Если ты будешь искать причины этого, то она окажется двоякой. Это происходит либо потому, что в школах, пренебрегши существенным, обращают внимание на ничтожное и пустое, либо потому, что ученики забывают то, что они выучили, так как большая часть знаний только скользит по поверхности ума и не внедряется в него. Этот второй недостаток настолько распространен, что мало людей, которые на него не жаловались бы. В самом деле, какими бы мы считались учеными, если бы память тот час воспроизводила нам все то, что мы когда-либо читали, слышали, восприняли умом — мы, которые использовали каждый случай для приобретения знаний! Но такой способностью наша память не обладает, и очевидно, что мы черпаем воду решетом.

**Средство против того и другого недостатка нужно искать в естественном методе.** 3. Но есть ли средство против этого зла? Несомненно, найдется. Обратившись к школе природы, опять-таки будем искать руководящих указаний в ее творениях, предназначенных для долгого существования. Таким путем можно будет найти метод, при котором каждый будет знать не только то, что выучил, но даже более, чем он выучил, т. е. не только свободно излагать почерпнутое от учителей и из авторов, но и основательно судить о самих вещах.

4. Но этого можно достигнуть,

I. *Если основательно будут рассматриваться только те вещи, которые должны принести пользу.*

II. *Занимаясь, однако, всеми этими вещами уже без всякого изъятия.*

III. *Если всему будет положено прочное основание.*

IV. *Если указанные основания будут закладываться глубоко.*

V. *Если все затем будут опираться только на эти основания.*

VI. *Все, что нужно различать, должно быть различаемо с полной определенностью.*

VII. *Все последующее должно опираться на предыдущее.*

VIII. *Все, что связано между собой, должно быть связываемо постоянно.*

IX. Все должно быть распределяемо пропорционально между разумом, памятью и языком.

X. Все должно закрепляться постоянными упражнениями.

Рассмотрим отдельные положения подробнее.

## Основоположение I

Не следует  
приниматься  
ни за что ненужное.

Подражание  
ремесленным  
искусствам.

благородными семенами и растениями.

7. Так и *строитель*, думая построить крепкое здание, заготавливает не солому, не мякину, не грязь, не ивовые прутья, но камни, кирпичи, крепкое дерево и тому подобный крепкий и плотный материал.

И в школах-

8. Следовательно, в школах:  
I. *Нужно преподавать только то, что приносит самую основательную пользу как в настоящей, так и в будущей жизни, и даже более в будущей.* Ибо, по указанию Иеронима, на земле нужно изучать то, изучение чего имело бы значение и для небесной жизни.

II. Если что-либо нужно сообщить юношеству даже и ради настоящей жизни (как это и бывает), *все это должно быть таково, чтобы, не мешая вечной жизни, и в этой настоящей жизни приносило бы существенную пользу.*

Нужно изучать  
только ценное.

9. Кому нужны пустяки? Какой смысл изучать то, знание чего не принесет пользы, а незнание не принесет вреда и от чего в дальнейшем возрасте придется отучиваться или что придется среди занятий забывать? Нам есть чем заполнить всю свою короткую жизнь, если даже ни одной капли ее не тратить на пустяки. Итак, пусть будет задачей школы занимать юношество только серьезным. А каким образом забава может превращаться в серьезное дело — об этом будет сказано в своем месте.



## Основоположение II

Нужно заниматься только тем, что относится к делу.

10. Природа ничем не пренебрегает из того, что является полезным в будущем для того тела, которое она создает.

Например, создавая *птичку*, она не забывает ни головы, ни крыла, ни ноги, ни когтя, ни кожи,— словом, ничего, что относится к сущности данного рода птицы, и т. п.

Подражание в школах.

11. Следовательно, таким же образом в школах, формируя человека, необходимо формировать его в целом, чтобы сделать его пригодным для настоящей жизни и вместе с тем подготовленным к самой вечности, которая составляет цель всего того, что ей предшествует.

12. Поэтому в школах следует обучать не только наукам, но и нравственности и благочестию. А научное образование пусть служит человеку к усовершенствованию одновременно и его разума, и языка, и рук для того, чтобы он мог все, что требуется, разумно созерцать, выражать словами и осуществлять в действии. Если что-либо из этого опустить, то получится пробел, который не только нанесет ущерб образованию, но и подорвет его основательность. Ибо *крепким может быть только то, что тесно связано во всех своих частях*.

## Основоположение III

Прочно только то, что хорошо обосновано.

13. Природа ничего не творит без твердого основания, без корня.

*Растение* не растет кверху, пока не пустит свой корень вниз, а если попытается это сделать, то ему придется завянуть и погибнуть. Вот почему разумный садовник даже и посадки не производит, пока не убедится в том, что черенок уже пустил корень. У птицы и у всякого животного место корня заступают внутренности (питающие члены), которые поэтому, как основа всего тела, и начинают всегда образовываться в первую очередь.

Подражание.

14. Так, *строитель* не строит здания, не положив сперва твердого основания, иначе все обратится в развалины. Равным образом и *художник* подкладывает под краски грунт, без которого краски или легко отваливаются и вывертываются, или теряют свой цвет.

Отклонение.

15. Такого фундамента не подводят под обучение те преподаватели, которые 1) не работают над тем, чтобы прежде всего сделать учеников любознательными и внимательными, 2) не посвящают учеников в намечаемый

ими общий план занятий в целом, так, чтобы ученики отчетливейшим образом понимали (различали), что нужно делать и что делается в действительности. А какой прочности можно ожидать, если ученик учится без любви к знанию, без внимания и без понимания?

**Исправление.** 16. Следовательно, сообразно с этим, I. *Какое бы занятие ни начинать, нужно прежде всего возбудить у учеников серьезную любовь к нему, доказав превосходство этого предмета, его пользу, приятность и что только можно.*

II. Идея языка или искусства (которая является не чем иным, как извлечением, охватывающим в самом общем виде все части предмета) всегда должна запечатлеться в уме учащегося ранее, чем приступят к частному его рассмотрению. В таком случае учащийся уже в самом начале хорошо может обозреть как цель и пределы предмета, так и внутреннее расположение его частей. Ибо как скелет есть основа всего тела, так общий очерк искусства есть базис и основа всего искусства.

## Основоположение IV

**Основания**  
должны быть  
заложены глубоко.

17. Природа пускает корни глубоко.

Так, у животного природа скрывает жизненные органы глубоко в теле. И *дерево* тем крепче стоит, чем глубже пускает корни; если его корни находятся только под наружным слоем почвы, то его легко можно вырвать.

**Исправление**  
отклонений.

18. Отсюда ясно, что восприимчивость к учению в ученике нужно возбуждать серьезно и идею предмета глубоко запечатлеть в уме.

К более полной системе искусства или языка следует подходить не ранее, чем будет установлено, что идея усвоена совершенно ясно и пустила хорошие корни.

## Основоположение V

**Все из**  
собственных корней.

19. Природа все производит из корня и более ни от куда.

Ибо, сколько на *дереве* ни появляется древесины, коры, листьев, цветов, плодов — все это рождается только от корня. Хотя дождь и идет сверху, а садовник поливает снизу, необходимо, чтобы вся эта влага прошла через корни, а затем только разли-

лась по стволу, ветвям, отросткам, листьям и плодам. А потому, хотя садовник приносит прививку со стороны, однако считает необходимым так привить ее к стволу, чтобы она, как бы слившись с его существом, всасывала бы сок того же корня и, питаясь этим соком, разрасталась силою корня. От корня у дерева является все, и нет необходимости приносить со стороны и прививать ему листья и ветви. Точно так же оперение птицы не составляется из перьев, которые побросали другие птицы, но происходит из самих внутренних ее частей.

Подражание этому  
в ремесле.

20. Так и предусмотрительный *строитель* все устраивает таким образом, чтобы здание опиралось исключительно на свой фундамент и поддерживалось своими связями без подпорок со стороны. Если здание нуждается в таких подпорках, то это служит доказательством его непрочности и готовности обрушиться.

21. Кто устраивает пруд или водоем, тот не приказывает доставлять воду из другого места и не ждет дождевой воды, но отыскивает естественный источник и по каналам и скрытым трубам проводит воду в свой водоем.

В школах.

22. Из этого основного положения следует, что *правильно обучать юношество — это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, а это значит — раскрывать способность понимать вещи* <sup>71</sup>, чтобы именно из этой способности, точно из *живого источника, потекли ручейки*, подобно тому как из почек деревьев вырастают листья, плоды, а на следующий год из каждой почки вырастет целая новая ветка со своими листьями, цветами и плодами.

Огромное  
отклонение в школах.

23. На самом деле до сих пор школы не достигли того, чтобы приучать умы, точно молодые деревца, развиваться из собственного корня, но приучали учащихся только к тому, чтобы, сорвав ветки в других местах, навешивать их на себя и, подобно эзоповской вороне, одеваться чужими перьями. В школах прилагали старание не столько к тому, чтобы открыть скрывающиеся в создании источники познания, сколько к тому, чтобы орошать этот источник чужими ручьями. Это значит, что школа не показывала самые вещи, как они происходят из самих себя и каковы они в себе, но сообщала, что о том и другом предмете думает и пишет один, другой, третий и десятый автор. И величайшей ученостью казалось знать о многом противоречивые мнения многих. Поэтому и получилось то, что весьма многие занимаются тем, что, копаясь в авторах, извлекают фразы, сентенции, мнения, составляя науку наподобие лоскутного платья. К ним с упрёком обращается Гораций: «О, подражатели, рабский скот!» И действительно, рабский скот, привыкший к тасканию чужих тяжестей.

**Внешний блеск  
поверхностной  
учности.**

24. Но, спрашиваю я, какая польза от того, что мы теряемся среди различных мнений о вещах, когда вопрос ставится о знании вещей, каковы они на самом деле? Так ли уж в жизни ничего нет такого, чем бы мы могли заняться, кроме того, чтобы следовать за другими, которые блуждают туда и сюда и высматривают, кто, где сбивается с пути, или спотыкается, или уклоняется от правильного направления. О смертные, будем стремиться к прямой цели, оставив обходные пути. Если эта цель прочная и достаточно ясная, почему нам не стремиться к ней прямо? Почему лучше пользоваться чужими глазами, а не своими?

**Причина этого —  
ошибочный метод.**

25. Метод преподавания всех предметов показывает, что *школы стремятся к тому, чтобы научить смотреть чужими глазами, мыслить чужим умом*. Школы учат не тому, чтобы открывать источники и выводить оттуда различные ручейки, но только показывают ручейки, выведенные из авторов, и согласно с ними предлагают идти по ним к источникам назад. Ведь ни один словарь (по крайней мере, нам известный, если исключить словарь поляка Кнапия, хотя и к нему мы выскажем свои пожелания в XXII главе) не учит говорить, а только понимать. Едва ли хоть одно руководство по грамматике учит составлять речь, а учит только ее разбирать. Ни один учебник фразеологии не учит способу искусно составлять и разнообразить фразы, а дает только запутанную смесь фраз. Почти никто не преподает физику посредством наглядных демонстраций и экспериментов, но все преподают ее путем чтения текстов Аристотеля или кого-либо другого. Никто не развивает нравов путем внутреннего преодоления страстей, но все дают лишь поверхностный очерк учения о нравственности путем внешнего определения и разделения добродетелей. Это станет ясным, если с божьей помощью мы пойдем к специальному методу преподавания искусств и языков, и еще более ясным, если это будет угодно Богу, в начертании пансофии.

**Мастера-ремесленники  
лучше преподают  
свои ремесла.**

26. Удивительно, что и древние разбирались в этом деле не лучше или что, по крайней мере, эта ошибка давно уже не была исправлена новейшими исследователями, хотя известно с полной несомненностью, что именно здесь лежит причина столь медленных успехов. В самом деле, показывает ли плотник ученику искусство строить дома, разрушая их? Напротив того, строя их, он показывает, какой нужно выбирать материал и как все в свое время нужно вымерить, обрубить, обтесать, поднять, положить, связать и пр. Ведь кто знает способ построения, тому ничего не стоит разрушить, как и распороть одежду тому, кто уме-

ет ее шить. Но никогда и никто не научился искусству плотника, разрушая дома, и искусству портного, распарывая одежды.

**Двойкий вред  
небрежности  
образованных людей  
по отношению  
к своим делам.**

27. И в самом деле, неудобство не исправленного в этой части метода и даже его вредные стороны очевидны. Они состоят: 1) в том, что образование весьма многих, если не большинства, заключается в чистой номенклатуре, т. е. в том, что они, правда, могут называть термины и правила искусств, но воспользоваться ими настоящим образом не могут; 2) в том, что ни у кого образование не является целостной совокупностью знаний, которые друг друга поддерживают, подкрепляют и обогащают, но заключает в себе нечто искусственно связанное: кусок отсюда, кусок оттуда, нечто такое, что нигде достаточно не связано и не приносит никакого основательного плода. Ведь подобное знание, составленное из мнений и суждений различных авторов, чрезвычайно похоже на то дерево, которое воздвигается на деревенских праздниках освящения новых домов: хотя оно и увешивается всевозможными ветками, цветами, плодами, даже гирляндами и венками, но так как все это исходит не от собственного корня, а прикреплено извне, то не может размножаться и долго существовать. Такое дерево не приносит никаких плодов, а те ветви, которые навешены на него, сохнут и отваливаются. *Человек, обученный основательно, есть дерево, имеющее свой собственный корень, питающее себя собственным соком и поэтому постоянно (сильнее и сильнее со дня на день) растущее, зеленеющее, цветущее, приносящее плоды.*

**Исправление.**

28. Вывод сводится к следующему: *нужно учить так, чтобы люди, насколько это возможно, приобретали знания не из книг, но из неба и земли, из дубов и буков, т. е. знали и изучали самые вещи, а не чужие только наблюдения и свидетельства о вещах.* И это будет значить, что мы снова идем по стопам древних мудрецов, черпая знания не из какого-либо иного источника, а из самого первообраза вещей. И так, будет законно:

I. *Все должно выводиться из незыблемых начал вещей.*

II. *Ничему не следует учить, опираясь только на один авторитет; но всему учить при помощи доказательств, основанных на внешних чувствах и разуме.*

III. *Ничего не преподавать одним аналитическим методом, а предпочтительнее преподавать синтетическим.*

## Основоположение VI

**Все отчетливо.**

29. Чем разнообразнее употребление, для которого природа готовит какой-либо предмет, тем большее расчленение она в нем производит.

Например, чем больше частей тела у животного, тем более разнообразны его движения; так, лошадь имеет в этом отношении преимущество перед быком, а ящерица — перед улиткой и пр. Так, дерево с широко раскинувшимися корнями и ветвями крепче и красивее.

**Нужно подражать этому.**

30. Поэтому при образовании юношества все нужно делать как можно более отчетливо, так, чтобы не только учащий, но и учащийся понимал без всякого затруднения, где он находится и что он делает. Следовательно, большее значение будет иметь для дела, если все книги, употребляемые в школах, будут составляться в самом тщательном соответствии с природой.

## Основоположение VII

**Все в постоянном движении вперед.**

31. Природа находится в постоянном движении вперед, никогда не останавливается, никогда не берет за новое, бросая начатое, но продолжает прежде начатое, расширяет его и доводит до конца.

Например, при формировании зародыша то, с чего начинается развитие, — голова, нога, сердце и пр. — все остается и лишь доводится до совершенного развития. Посаженное дерево не теряет первоначально выросших ветвей, но заботливо продолжает давать им жизненный сок, чтобы они ежегодно могли получать новые ветви.

32. Итак, в школах:

**Этому следует подражать.**

*1. Все занятия должны располагаться таким образом, чтобы последующее всегда основывалось на предшествующем, а предшествующее укреплялось последующим.*

*II. Все преподаваемое, правильно понятое умом, должно быть закреплено также и в памяти.*

**О развитии и укреплении памяти, преимущественно в юном возрасте.**

33. Так как при этом натуральном методе все предшествующее должно будет служить основанием всему последующему, то по необходимости все должно закладываться в умы учащихся основательно. А основательно внедряется в ум только то, что хорошо понято и тщательно закреплено памятью. Ведь

правильно говорит Квинтилиан: «Вся наука опирается на память, и мы учимся напрасно, если что-либо из того, что мы слышали (или читали), ускользает от нас». Луис Вивес также говорит: «Память нужно развивать с раннего возраста, она укрепляется от постоянного ее упражнения. Многое должно верить ей заботливо и часто. Ведь в этом возрасте не чувствуют труда, так как его не взвешивают. Так, без труда и усилия память расширяется и становится чрезвычайно обширной» («О преподавании наук», кн. 3). И во «Введении к мудрости» он говорит: «Не позволяй памяти оставаться бездеятельной. Нет ни одной способности, которой труд так был бы приятен и которая бы от него так расширялась. Ежедневно вверяй ей что-либо; чем больше ей вверишь, тем вернее она будет хранить все; чем меньше — тем память будет ненадежнее». А что это чрезвычайно справедливо, на это указывают примеры природы. Например, дерево, чем более впитывает влаги, тем сильнее растет, и, наоборот, чем сильнее растет, тем более впитывает влаги. Так и животное, если оно больше переваривает пищи, тем больше растет, а выросши больше, больше требует питания, больше переваривает. Таким же образом всё совершенно естественно возрастает благодаря собственному росту. Итак, в этом отношении нечего щадить ранней молодости (только бы это делалось разумно). Это будет фундаментом самого основательного движения вперед.

## Основоположение VIII

**Все при постоянной** 34. Природа все соединяет по-  
связи. **стоянными связями.**

Например, когда она образует птенца, она все связывает: один член — с другим, одну кость — с другой, нерв — с нервом и пр. Так, в дереве из корня вырастает ствол, из ствола — сучья, из сучьев — ветви, из ветвей — отростки, из отростков — почки, из почек — листья, цветы, плоды и, наконец, новые отростки и т. д. Так что, хотя бы тысячи тысяч было суков, ветвей, листьев, плодов — все-таки все это составляло бы одно и то же дерево. Так, в здании, для того чтобы оно было прочным, стены должны быть припоровлены к фундаменту, потолки и крыши — к стенам, словом, все — и самое большое и самое малое — так должно быть прилажено между собой и соединено, чтобы образовывать одно неразрывное целое, один дом.

Этому должно  
подражать.

35. Отсюда следует:

*І. Научные занятия всей жизни должны быть так распределены, чтобы составлять одну энциклопедию, в которой все должно вытекать из общего корня и стоять на своем собственном месте.*

II. Все, что преподается, должно быть так обосновано аргументами, чтобы не оставалось никакого места ни сомнению, ни забвению.

Ведь обоснования разумом — это те гвозди, те костыли, скобы, которые прочно скрепляют дело, не дают ему колебаться и распадаться.

Что значит учить, указывая причины?

36. Подкреплять все основаниями разума — это значит всему учить, указывая на причины, т. е. не только показывать, каким образом что-либо происходит, но прежде почему оно не может быть иначе. Ведь знать что-нибудь — это значит познавать вещь в причинной связи. Например, пусть ставится вопрос: правильно ли сказать *totus populus* или *sanctus populus*. Если учитель ответит *sanctus populus*, не прибавив основания, то ученик немного спустя об этом забудет. Но если он скажет, что *sanctus* сокращено из *conjunctus* и потому *totus* лучше сказать об одной целой вещи, а *sanctus* — о каком-либо собирательном понятии, как в данном примере, то я не понимаю, каким образом ученик этот может забыть, если он не совершенно тупоумен. Точно так же грамматики спорят, почему говорится: *mea refert, tua refert, ejus refert*, т. е. почему в первом и во втором лице употребляется творительный (как обычно думают), а в третьем лице — родительный? Если я скажу, что так бывает потому, что *refert* здесь сокращено из *res fert* (через элизию *s*) и что таким образом следует сказать *mea res fert, tua res fert, ejus res fert* (или, сокращенно, *mea refert, tua refert, ejus refert*) и что, таким образом, *mea, tua* — не творительные падежи, но именительные, — не зажгу ли я для ученика путеводного огня? Следовательно, мы желаем, чтобы ученики отчетливо и легко научились знать происхождение всех слов, основание всех оборотов (или конструкций) и основания всех правил в области искусств. Ведь теоремы наук должны быть обоснованы не рассуждениями или гипотезами, но непосредственным рассмотрением самих вещей. Кроме чрезвычайного удовольствия это будет иметь также весьма большую пользу, так как подготовит дорогу к самому основательному образованию; ведь таким образом замечательно открываются у учащихся глаза для того, чтобы из полученных знаний самостоятельно выводить новые.

Заключение

37. Итак, в школе все следует преподавать путем исследования причин.



## Основоположение IX

Все — в постоянной соразмерности между внутренним и внешним.

38. Природа сохраняет пропорцию между корнем и ветвями в количественном и качественном отношениях.

Ибо как корень развивается под землей сильнее или слабее, так не в большей и не в меньшей степени развиваются на поверхности земли и ветви. И это необходимо; так, если бы дерево росло только вверх, то оно не могло бы держаться, потому что оно поддерживается корнем; если бы оно росло только вниз, то это было бы бесполезно — ведь плоды приносятся ветвями, а не корнями. Так, у животного наружные органы развиваются в равном соотношении с внутренними. Если внутренние органы находятся в хорошем состоянии, то и наружные приобретают хороший вид.

Этому нужно подражать.

39. Хотя образование сперва должно восприниматься, развиваться и укрепляться внутренним корнем понимания, однако вместе с тем нужно принимать меры к тому, чтобы оно заметно распространялось наружу, как бы в суки и ветви, т. е. чтобы все то, что понятно, вместе с тем обучали бы красноречиво излагать и должным образом применять на практике, и наоборот.

40. Итак:

I. При усвоении всякого предмета тотчас нужно обдумать, какую это принесет пользу, чтобы ничего не изучать напрасно.

II. Все то, что усвоено, в свою очередь должно быть передаваемо другим и для других, чтобы никакое знание не пропадало.

В этом смысле правильно сказано: *твое знание ничто, если другой не знает, что ты это знаешь*. Итак, пусть не открывается даже маленький источник знания без того, чтобы тотчас не потекли из него ручейки. Но больше скажем об этом в следующем основном положении.

## Основоположение X

Все — с постоянными упражнениями.

41. Природа сама себя оплодотворяет и укрепляет постоянным движением.

Так, птица не только согревает яйца насиживанием, но также ежедневно поворачивает их во все стороны, чтобы они нагревались отовсюду равномерно (это легко наблюдать у гусей или у кур и голубей, когда они высиживают своих детенышей у нас дома). А когда птенец вышел из яйца, мать, вплоть до того как он окрепнет, заставляет его упражняться в частых движениях, раскрывая у него клюв, расправляя крылья, вытягивая ноги, приводя его в

движение, приподнимая и пытаюсь научить его различным образом ходить и летать.

Так, *дерево* тем быстрее растет, тем глубже пускает корни, чем чаще обвевается ветрами. Мало того, всем растениям полезно подвергаться дождю, граду, грому и молнии. Поэтому страны, где господствуют ветры и молнии, производят, как говорят, более мощные деревья.

**Подражание ремесленников.**

42. Так и *строитель* умеет высушивать свои постройки и укреплять их лучами солнца и ветра. И кузнец, желая сделать железо более крепким и приготовить из него сталь, многократно погружает его в огонь и воду и таким образом попеременно закаляет его жаром и холодом, чтобы, *чаще его размягчая, сделать более крепким.*

**Идею школьных упражнений нужно искать в природе.**

43. Отсюда следует, что *обучение нельзя довести до основательности без возможно более частых и особенно искусно поставленных повторений и упражнений.* А какого рода упражнения являются наилучшими, на это нам указывают естественные процессы, которые в живом теле служат для питания, а именно движения для приобретения пищи, переваривания и выделения ее.

Ибо как в животном (а также в растении) любой орган ищет питания, чтобы его переварить, а переваривает как затем, чтобы питать самого себя (часть переваренного оставляя себе и усвоив), так и затем, чтобы передать соседним органам для сохранения целого (ведь любой орган служит другим, чтобы другие служили ему), — так равным образом будет умножать знание тот, кто всегда:

I. *Будет искать и привлекать к себе духовную пищу.*

II. *Будет пережевывать и переваривать то, что он найдет и использует.*

III. *Переварив, будет выделять и сообщать другим.*

**Многое спрашивать, усваивать, учить — тайна великой вечности.**

44. Эти требования выражены в следующем латинском стихе: как можно больше спрашивать, спрошенное — усваивать, тому, что усвоил, обучать — эти три правила дают возможность ученику побеждать учителя.

*Спрашивать* — это значит обращаться за советом по поводу неизвестной вещи к учителю, к товарищу или к книге<sup>78</sup>. *Усваивать* — это значит узнанное и понятное запомнить и для большей верности заносить в тетрадь (так как немногие отличаются столь счастливыми способностями, чтобы иметь возможность во всем полагаться на память). *Обучать* — это значит все усвоенное в свою очередь пересказывать товарищам или всякому, желающему слушать. Два первых приема известны школам, третий — еще недостаточно; однако ввести его было бы весьма полезно. Ведь чрезвычайно правильно известное положение: «Кто учит других, учится сам» —

не только потому, что, повторяя, он укрепляет в себе свои знания, но также и потому, что получает возможность глубже проникать в вещи. Поэтому талантливейший Иахим Форций<sup>79</sup> свидетельствует о себе, что все то, что он только слышал или читал, ускользало у него из памяти даже в течение месяца, а чему он учит других, то он может перечислить, как свои пять пальцев, и думает, что это может отнять у него только смерть.

В соответствии с этим он советует, чтобы тот из учащихся, кто желает сделать большие успехи в занятиях, искал бы себе учеников, которых он мог бы ежедневно учить тому, чему учится сам, даже если бы ему пришлось платить им деньги. Лучше тебе, говорит он, чтобы ты стеснил себя в чем-либо в своих внешних удобствах, только бы иметь того, кто желал бы слушать, как ты учишь, т. е. подвигаешься вперед.

Каким образом  
это нужно вводить  
в школы.

45. Чтобы применить этот прием в классе, где он, наверное, может принести пользу наибольшему числу учащихся, учитель каждого класса мог бы ввести между своими учениками этот превосходный род упражнений удобнее всего следующим образом. На каждом уроке после краткого изложения изучаемого материала и толкового объяснения смысла слов; наглядно показав применение изучаемого, тотчас нужно предложить встать одному из учеников, который все сказанное учителем должен повторить в том же порядке (как будто бы он сам уже был учителем других), объяснить правила теми же самыми примерами. Если он в чем-либо ошибается, его нужно исправлять. Затем нужно предложить встать другому и сделать то же самое, причем все остальные слушают; затем — третьему и четвертому и всем, кому необходимо, пока не станет ясным, что все правильно поняли и могут передать усвоенное и сами учить других. Не советую здесь соблюдать какой-либо особенный порядок, кроме того, чтобы сначала вызывать более способных, для того чтобы, ободренные их примером, более слабые легче могли следовать за ними.

Польза  
от поставленных  
так упражнений.

46. Такого рода упражнения будут приносить особенную пользу в пяти следующих отношениях:

I. *Учитель всегда будет вызывать к себе внимание со стороны учеников.* Так как любому ученику нужно быстро встать на вызов и повторить весь урок и каждый будет чувствовать страх как за себя, так и за других, то поневоле все будут напрягать внимание, как бы чего-либо не упустить. Этого рода напряжение внимания, укрепленное опытом нескольких лет, делает юношу бдительным во всех случаях жизни.

II. *Преподаватель определеннее убедится в том, что все им предложенное правильно усвоено всеми.* Если недостаточно усвое-

но, то он будет иметь возможность тотчас исправить ошибки к великой пользе для себя и для учеников.

III. *Когда столько раз повторяется одно и то же, то даже наиболее отстающие поймут изложенное настолько, чтобы идти наравне с остальными, между тем как более способные будут радоваться своей уверенности, создаваемой в них полным пониманием предмета.*

IV. *Благодаря этому столько раз проведенному повторению все ученики усвоят себе этот урок лучше, чем при самом долгом домашнем копировании над ним, так что, наскоро пробежав этот урок еще раз вечером и на другой день утром, ученики найдут, что все шутя и с удовольствием запечатлелось в памяти.*

V. *Когда таким образом ученик постоянно будет допускаться, так сказать, к исполнению учительских обязанностей, то в уме вселится некоторая бодрость и увлечение этим учением и вырабатывается смелость с одушевлением говорить о любом высоком предмете перед собранием людей, а это будет особенно полезно в жизни.*

Упражнения  
в обучении других  
вне школы.

47. Таким же образом и вне школы ученики будут в состоянии на отдыхе или во время прогулки устраивать различные сравнения и споры о предметах, только что или прежде изученных, или о новом каком-либо представившемся им предмете. Для этой цели, сбравшись в некотором количестве, пусть они выберут себе заместителя учителя (по жребию или голосованием), который бы руководил их прениями. Если кто-либо из их товарищей, которому это будет предложено, будет отказываться, того нужно строго наказывать; ведь мы хотим непреклонно того, чтобы не только никто не избегал случаев учить и учиться, но чтобы все даже искали этого. Об упражнении в письме (которое также сильно помогает основательному продвижению вперед) мы сделаем специальные указания в описании народной и классической школы, в гл. XXVII—XXVIII.

## Г Л А В А XIX

### Основы кратчайшего пути обучения

Возражение с точки зрения трудности.  
Ответ. Итак, нужно искать кратчайших путей.

1. Это весьма трудно, скажет кто-либо, и чрезвычайно длинно. Сколько нужно для этого учителей? Сколько библиотек? Сколько труда потребуется для подобного рода универсального образования? Отвечаю. Конечно, если в нашем распоряжении не будет сокращенных путей, — это дело огромной трудности и требует почти бесконечной работы. Ведь наука так же длинна, обширна и глубока, как самый мир, под-

лежащий исследованию. Но кто не знает того, что длинное может сокращаться, что трудное может быть сведено к легкому? Кто не знает того, что ткачи чрезвычайно быстро соединяют вместе тысячи тысяч нитей, выделявая удивительно разнообразные узоры? Кто не знает, что мельники быстро перемальвают тысячи тысяч зерен, весьма чисто и без всякого труда отделяют отруби от муки? Кто не знает, что механики совсем небольшими машинами, почти без всякого труда, поднимают и переносят огромные тяжести? А весовщики даже одной унцией уравнивают весьма много фунтов, отодвигая унцию от центра весов. Таким образом, для того чтобы совершать что-либо великое, не всегда нужна только сила, но нужно и искусство. Так неужели только у одних людей науки не будет хватать искусства, чтобы выполнять свое дело талантливо? Пусть хотя бы стыд заставит нас подражать искусству вышеуказанных профессий и отыскивать средства против тех трудностей, которыми до сих пор страдало школьное дело.

Прежде чем назначить лекарство, следует определить болезнь.

2. Мы не найдем лекарства, если ранее не определим болезни и ее причины. В самом деле, что это было такое, что настолько задерживало успех школьной работы, что большинство учащихся, если бы они провели даже целую жизнь в школах, все еще не уразумели бы всех наук и искусств, а с некоторыми и совсем остались бы незнакомы?

Восемь причин, задерживающих успех в школах.

3. Самыми подлинными причинами этого являются следующие:  
*Во-первых, не было устанавливаемо никаких границ, до которых учащихся необходимо было доводить в течение каждого года, каждого месяца, каждого дня: все колебалось в ту и другую сторону.*

4. *Во-вторых, не было указано никаких путей, которые безошибочно вели бы к намеченной цели.*

5. *В-третьих, то, что было соединено природой, брали не вместе, а раздельно.* Например, новичков учили только читать, а письмо откладывали на несколько месяцев. В латинской школе требовали от юношей, чтобы они в течение нескольких лет изучали только слова без предметов, и годы молодости уходили исключительно только на занятия грамматикой, а занятия философией откладывали лишь на более поздний возраст<sup>80</sup>. Кроме того, их заставляли только учиться и никогда — учить, хотя все это, как мы это видели в своем месте (чтение и письмо, слова и вещи, учение и обучение), должно быть так соединено вместе, как при беге — способность поднимать и опускать ноги, при разговоре — слушать и отвечать, в игре в мяч — бросать мяч и подхватывать и т. п.

6. *В-четвертых, искусство и наука едва ли где-либо передаются не в отрывках, а энциклопедически*<sup>81</sup>. Поэтому в глазах учащихся

они являются как бы кучей дров или хвороста, и никто не может понять, чем они между собой связаны: один подхватывал одно, другой — другое, и ни у кого образование не было вполне всесторонним, а следовательно, и основательным.

7. *В-пятых, пользовались слишком разнообразными и различными методами*; каждая школа имела свой метод, мало того — свой метод имел учитель; наконец, один и тот же учитель в преподавании одного искусства или языка действовал так, а в преподавании других — иначе. И, что всего хуже, в одном и том же предмете не сохраняли последовательности в методе, так что ученики едва ли когда-либо достаточно понимали, что делается. Отсюда — колебания, задержки, а по отношению к некоторым дисциплинам у учащихся получалось отвращение или отчаяние, раньше чем они подходили к их изучению, так что многие учащиеся даже не желали начать заниматься этими предметами.

8. *В-шестых, отсутствовал способ обучать всех учеников одного и того же класса одновременно*; работали с отдельными учениками, а если в классе бывало много учеников, то это должно было требовать от учителей бессмысленного труда, а ученикам либо предоставлялся бесполезный досуг, либо если и предлагалось чем-либо заняться, то не чем-нибудь иным, как изнуряюще скучным делом.

9. *В-седьмых, если в классе бывало несколько учителей, то из этого возникало только новое замешательство*. Ведь почти на каждом отдельном часе предлагались и велись различные занятия, не говоря уже о том, что множество учителей, как и множество книг, рассеивает внимание учеников.

10. *Наконец, при благосклонном отношении к этому учителей ученикам позволяли в школе или вне школы изучать другие книги*. Полагали, что чем больше раскрывается авторов, тем больше дается удобных случаев продвинуться вперед, между тем как в действительности результатом этого является только большая рассеянность ума. И таким образом, вовсе не удивительно, что немногие охватывали все дисциплины, как не удивительно и то, что редко кто мог выпутаться из этих лабиринтов; это удавалось только особенно даровитым.

Идею об устранении этих препятствий должно заимствовать у природы.

11. Итак, на будущее время нужно будет устранить эти препятствия и затруднения, нужно пользоваться без околичностей только тем, что прямо ведет к цели, или, как гласит обычное правило: где можно обойтись меньшим, не следует употреблять большего.

Именно у солнца на небесах.

12. Возьмем же себе здесь для подражания небесное солнце как блестящий образец природы. Хотя оно выполняет трудную и, по-видимому, бесконечную работу (а именно по всему земному шару распространяет свои лучи и доставляет свет, тепло, жизнь и рост всем элементам, всем их сочетаниям, минералам, растениям, животным, виды которых и отдельные экземпляры бесконечно многочисленны), однако его на все хватает, и оно ежегодно прекрасно справляется со всем кругом своих обязанностей.

Сокращенное изложение работы солнца.

13. Итак, рассмотрим способы действия солнца, имея в виду перечисленные методы работы в школах.

I. Солнце не занимается отдельными предметами, будь то дерево или животное, но освещает, согревает и наполняет испарениями землю.

II. Одними и теми же лучами оно освещает все. Одним и тем же сгущением облаков и новым их разряжением оно орошает все; одним и тем же ветром все освежает; одним и тем же жаром и холодом действует на все и т. д.

III. Производя в одно и то же время по всем странам весну, лето, осень, зиму, заставляет все расти, цвести и приносить плоды; этому, конечно, не противоречит то, что сообразно своей природе одно созревает скорее, другое — медленнее.

IV. Всегда сохраняет оно один и тот же порядок: какой сегодня — такой же и завтра, какой в этом году — такой же и в следующем; всегда неизменно сохраняет одну и ту же форму в одном и том же роде вещей.

V. Оно производит всякое создание из его собственного семени, а не откуда-либо еще.

VI. И притом все, что должно быть одновременно, оно производит одновременно: древесину — вместе с корой и его сердцевинной, цветок — с листьями, плоды — вместе с оболочкой, стеблем и зерном.

VII. Все производит последовательно, чтобы одно само уступало место другому и сменялось другим.

VIII. Наконец, солнце не производит бесполезного, а если что-либо рождается ненужное, то иссушает его и устраняет.

14. Мы должны подражать этому следующим образом:

I. *Один учитель должен стоять во главе одной школы или, по крайней мере, одного класса.*

II. *По каждому предмету должен быть только один автор.*

III. *Одна и та же работа должна задаваться сразу всему классу.*

IV. *Все науки и языки должны преподаваться одним и тем же методом.*

V. *Все нужно преподавать основательно, кратко и убедительно,*

*так, чтобы смысл открывался точно одним ключом, с помощью которого вещи раскрывались бы сами собой.*

*VI. Все, что находится во взаимной связи, должно преподаваться в такой же связи.*

*VII. Все должно вестись в неразрывной последовательности, так, чтобы все сегодняшнее закрепляло вчерашнее и пролагало дорогу для завтрашнего.*

*VIII. И наконец, должно быть устранено все бесполезное.*

15. Если это, повторяю, ввести в школьную практику, то нет никакого сомнения в том, что круг наук будет завершаться так же легко и быстро, как солнце совершает свое ежегодное движение вокруг всей земли. Подойдем же к этому вопросу поближе, чтобы убедиться, можно ли вообще и насколько легко осуществить эти советы.

### Проблема I

Каким образом один учитель может обслужить любое число учеников.

Почему один учитель должен стоять во главе одной школы.

16. Я не только утверждаю, что один учитель может руководить несколькими сотнями учеников, но и настаиваю на том, чтобы это было так, потому что это наиболее целесообразно и для учащего и для учащихся. Учитель, несомненно, тем с большим удовольствием будет вести дело, чем большее число учеников будет видеть перед собой (так и добывающие руду работают с наслаждением при ее обилии), а чем более воодушевленным будет учитель, тем более оживленными сделает он и учеников. Равным образом, самим ученикам большее число их доставляет большее удовольствие (всем доставляет радость иметь товарищей по работе) и большую пользу. Они взаимно будут друг друга возбуждать и друг другу помогать, так как этот возраст имеет свои особые побуждения к соревнованию.

Кроме того, если учителя слушают немногие, то что-либо легко может ускользнуть от внимания всех, а если слушают многие, то каждый воспринимает, сколько он может, и в дальнейшем все это легче воспроизвести и сделать общим достоянием, так как один ум помогает другому, одна память помогает другой. Словом, как хлебопек, однажды замесив тесто и однажды истопив печь, печет много хлебов, кирпичный мастер обжигает много кирпичей, а типограф одним набором букв печатает сотни или тысячи экземпляров книг, — так именно и учитель школы одними и теми же упражнениями в занятиях может без всякого для себя неудобства сразу обслуживать огромное количество учеников. Это подобно тому, как единственный ствол бывает достаточен для поддержания и питания соком даже самого развесистого дерева, а солнце — для оживления всей земли.



Как это возможно сделать — доказываемся на примерах природы.

17. Но как же это, наконец, сделать? Посмотрим на действие природы в только что предложенных примерах. Ствол не доходит до всех самых крайних ветвей, но, оставаясь на своем месте, сообщает сок главным примыкающим к нему ветвям; те передают его другим, и таким образом сок переходит последовательно вплоть до последних и самых маленьких веток дерева. Солнце не спускается к отдельным деревьям, травам, животным, но, рассеивая лучи со своей высоты, сразу освещает все полушарие, причем отдельные создания берут свет и тепло на собственные нужды. Вместе с тем нужно заметить, что действие солнца облегчается и положением местности; например, скопившиеся в долинах лучи сильнее согревают прилегающую местность.

Подражание природе в школах.

Ученики делятся по классам.

18. Если обучение будет поставлено таким образом, то одного преподавателя будет вполне достаточно для самого многочисленного состава учеников. Только нужно, чтобы он:

Никого не следует учить отдельно, но всех вместе.

I. Разделил всех учеников на определенные разряды, например на десятки, и во главе каждого десятка поставил наблюдающих, а над ними в свою очередь — других и т. д. до самого старшего.  
II. Если учитель никогда ни вне школы, ни в самой школе не будет обучать какого-нибудь ученика или часть учеников отдельно от прочих, а будет обучать только всех вместе и сразу. Следовательно, ни к кому он не будет подходить порознь, не будет позволять кому-нибудь подходить к себе в одиночку, но, стоя на кафедре (откуда все его могут видеть и слышать), он, подобно солнцу, будет распространять свои лучи на всех. А все, устремив к нему глаза, слух и внимание, должны воспринимать все, что он будет рассказывать или показывать рукой на картине. Так, белплами из одного горшка будут окрашены не две стены, а множество стен.

От всех нужно добиваться внимательности к себе.

19. Необходимо лишь искусство сделать внимательными к себе всех и каждого. Убеждаясь, что уста преподавателя (как это и есть) являются источником, откуда к ним истекают ручьи наук, ученики должны привыкать направлять к ним все внимание, как только заметят, что этот источник открывается, чтобы ничто не оставалось невоспринятым. Итак, главная забота для учителя заключается в том, чтобы говорить только для слушающих, обучать только при наличии внимания учащихся. Именно нужно понимать совет Сенеки: «Что бы то ни было, нужно говорить только тому, кто хочет слушать». И быть может, сюда относится известное выражение Соломона: «Муж мудрый имеет

дух драгоценный» (Притч. 17, 27), т. е. дух, который он не бросает на ветер, а внедряет в души людей.

Но как он мог бы этого достигнуть? Через надзирателей и благодаря самому себе при восьми разумных условиях.

20. Но возбуждать и удерживать это внимание можно будет не только через десятников и других, которым поручается какое-либо всецело на них возлагаемое наблюдение за остальными, но главным образом собственными усилиями, для чего он должен соблюдать следующие восемь условий:

1. *Всегда стараться сообщать что-нибудь, что доставляло бы и удовольствие и пользу;* таким образом, ученики будут приступать к делу с охотой и уже с пробужденным вниманием.

2. *Если учитель перед началом каждой работы или заинтересовывает учеников, рекомендует им предлагаемый материал, или одобряет их посредством вопросов о том, что уже было пройдено, чтобы по связи подойти к настоящему материалу или чтобы, сознав с этой стороны свое невежество, ученики были охвачены тем большим интересом к восприятию разъяснения предмета.*

3. *Стоя на более высоком месте, он должен бросать взоры кругом и не допускать, чтобы кто-либо занимался чем-либо другим, кроме того, чтобы направлять взоры с своей стороны на преподавателя.*

4. *Если он поддерживает внимание тем, чтобы везде, насколько это возможно, обращаться к внешним чувствам,* как мы указали в VII главе, в основоположении VIII, в правиле III. Ведь это не только облегчает усвоение, но и возбуждает внимание.

5. *Если среди работ он иногда, прервав речь, спросит: «Такой-то или такой-то, что я только что сказал? Повтори эту фразу. А ты скажи, как мы дошли до этого?»* И тому подобное, сообразно с успехами каждого класса. Кто будет замечен в том, что он не был внимателен, тому нужно выразить порицание или сделать выговор здесь же. И это будет повышать общее внимание.

6. *Подобным же образом, если ты спросил кого-либо одного, а он затрудняется ответить, быстро вызывай другого, третьего, десятого, тридцатого и требуй ответа, не повторяя вопроса.* Все это с той целью, чтобы все старались быть внимательными к тому, что говорится одному, и обращать это себе на пользу.

7. *Может быть и так, что, если чего-либо не знает один и другой ученик, нужно обращаться с вопросом ко всем, и тогда ответившего первым или лучше всех нужно похвалить перед всеми,* чтобы пример вызывал подражание; если кто-либо сделает ошибку, нужно ошибку исправить, причем вскрывается и устраняется самый повод к ошибке (который проницательный учитель обнаруживает без труда). Такой прием принесет огромную пользу для достижения быстрого успеха.

8. Наконец, *когда урок окончен, нужно дать возможность самим ученикам спрашивать учителя, о чем они хотят*, явилось ли у кого-либо сомнение во время настоящего урока или ранее. Ведь вопросы вне класса должны быть устранены; кому это нужно, пусть при всех спрашивает учителя или непосредственно, или через своего декуриона <sup>82</sup> (если тот не мог дать ему удовлетворительного ответа), чтобы все — и вопросы и ответы — было на пользу всем. Кто чаще поднимает полезные вопросы, того нужно будет чаще хвалить, чтобы у остальных не было недостатка в образцах старательности и в побуждениях к ней.

Как велика польза от такого упражнения внимания.

внимательными, они будут исполнять свое дело, прилагая свои силы, не ожидая чужих увещаний или побуждений. И если бы у нас были именно такие школы, то почему бы нам не ожидать, что у нас явится огромное число самых дельных людей?

Возражение: но будет ли таким образом обращено должное внимание на отдельных учеников и на всех вместе.

Утверждаю:

1. При помощи декурионов.

и всегда просматривать тетради у всех. Так как учитель будет иметь в помощь декурионов, то они и будут следить каждый за своими товарищами, чтобы все исполняли все наилучшим образом.

2. При помощи деятельности самого учителя.

22 <sup>83</sup>. Такое ежедневное упражнение будет полезно юношам не только в настоящее время, но и на всю жизнь. В самом деле, привыкнув в течение нескольких лет всегда быть внимательными, они будут исполнять свое дело, прилагая свои силы, не ожидая чужих увещаний или побуждений. И если бы у нас были именно такие школы, то почему бы нам не ожидать, что у нас явится огромное число самых дельных людей?

23. Но можно возразить, что надзор за отдельными учениками все-таки необходим, а именно для наблюдения, как опрятно отдельные ученики содержат свои учебники, насколько правильно записывают уроки, насколько основательно запоминают и пр. Если учеников много, то на это потребуются много времени. Отвечаю: нет никакой необходимости всегда выслушивать всех учеников и всегда просматривать тетради у всех. Так как учитель будет иметь в помощь декурионов, то они и будут следить каждый за своими товарищами, чтобы все исполняли все наилучшим образом.

24. Сам учитель в качестве старшего наблюдателя будет только обращать внимание то на того, то на другого для проверки добросовестности преимущественно тех, кому он не доверяет. Например, то, что предложено выучить, пусть отвечает один и другой, и третий, скольких бы учитель ни вызывал еще одного за другим, как из числа последних, так и из числа первых учеников, в то время как весь класс будет слушать. В таком случае все всегда по необходимости будут готовы отвечать, так как каждый будет опасаться, что спросят именно его. Когда учитель заметит, что известный ученик начал отвечать свободно, то, убедившись в том, что он хорошо знает остальное, пусть предложит продолжить другому. Если и этот будет отвечать быстро, пусть учитель предложит далее третий период или параграф отве-

чать новому ученику. Таким образом, спрашивая немногих, он будет спокоен за всех.

**Способ проверять:**

**1) диктанты  
и письменные работы,**

25. Так же нужно поступать при проверке диктантов. Пусть будет предложено одному и другому, а если необходимо, то и многим ясно и отчетливо прочитать написанное, выразительно называя и знаки препинания. Остальные, глядя в свои тетрадки, пусть исправляют ошибки. Однако иногда учитель и сам может заглянуть в тетрадь одного-другого ученика, но не подряд, и если у кого-либо окажется небрежность, тот должен быть наказан.

**2) и исправлять  
стилистические  
упражнения.**

26. При исправлении упражнений, очевидно, требуется несколько больше труда, но и здесь можно идти тем же самым путем. Например, в упражнениях при переводе с одного какого-либо языка на другой следует поступать так: убедившись по каждой декурии в отдельности, что все сделали перевод, нужно предложить одному ученику встать и вызвать по своему желанию себе противника. Когда тот также встанет, пусть первый читает свой перевод по частям, краткими предложениями, а все остальные внимательно слушают; учитель же или, по крайней мере, декурион стоит возле читающего и заглядывает в перевод, проверяя хотя бы орфографию. Когда ученик прочитает перевод до конца, пусть остановится, а противник пусть укажет, какую он может отметить ошибку. Затем пусть будет предоставлена возможность критики того же перевода остальным ученикам из той же декурии, а далее всему классу; наконец, если будет нужно, пусть сделает указания учитель. Но в то же время пусть все, за исключением вызванного противника, смотрят в свои тетради и исправляют их, если они допустили какие-либо подобные ошибки; вызванный же противник также должен представить на оценку свой неисправленный перевод. Когда этот перевод закончен и вполне исправлен, нужно переходить к другому и так далее до конца. Затем пусть противник таким же способом прочтет свой перевод, но тот, кто вызвал, будет следить, чтобы он вместо неисправленного перевода не прочитал исправленный; суждение об отдельных словах, фразах и выражениях нужно производить таким же способом, как и ранее. Затем предлагается выступить другой какой-либо паре таким же образом и так далее, насколько позволяет время.

**Обязанности здесь  
декурионов.**

27. Что касается декурионов, то они должны смотреть, во-первых, за тем, чтобы все приготовили свой перевод до начала исправления, а во-вторых, за тем, чтобы во время исправления учащиеся по чужим ошибкам поправляли свои.

Полезно этого  
метода.

28. Таким образом,

I. Труд преподавателя уменьшается.

II. Все будут учиться, так как никто из всего

класса не останется без внимания.

III. У всех будет изощряться внимание.

IV. Сказанное по какому-нибудь поводу одному будет одинаково полезно всем.

V. Разнообразие фраз, которые у различных учеников не могут быть одинаковыми, прекрасно будет развивать и укреплять как суждение о вещах, так и употребление языка.

VI. Наконец, когда будет покончено с одной, другой, третьей парой, то окажется, что у остальных или мало, или вовсе не останется ошибок. Поэтому остальное время пусть будет предоставлено всему классу вообще, и каждый, у кого есть какое-либо сомнение в своем переводе или кто думает, что его перевод удачнее, чем у других, пусть об этом заявит на предмет всеобщего обсуждения вопроса.

29. Все сказанное для примера об упражнении в переводе легко, однако, может быть применено во всяком классе к стилистическим упражнениям, к ораторским, логическим, богословским и философским рассуждениям.

30. Таким образом, мы видим, как один учитель может справиться даже с сотней учеников, и притом так, что у него будет не больше забот, чем с одним или двумя учениками.

## Проблема II

Как можно было бы сделать, чтобы все учились по одним и тем же книгам.

Здесь нужно сделать пять указаний.

1. Не следует допускать книг, не имеющих отношения к делу.

31. Всякий знает, что при множестве предметов мысль рассеивается. Поэтому получится заметное сбережение сил в том случае, во-первых, если ученикам будут предоставлять только книги, предназначенные для занятий в данном классе, так чтобы постоянно

было упражнение в том, что провозглашалось у древних при совершении жертвоприношений: «Это совершай». Ведь чем меньше посторонние книги будут отвлекать внимание, тем более будут занимать ум предназначенные.

2. Предназначенные для этого книги должны быть в большом количестве.

32. Во-вторых, если школьные пособия такого рода, как доски, прописи, начальные пособия, словари, руководства по разным наукам и искусствам, заранее будут готовы. Ведь

сколько, к сожалению, пропадает времени, пока, наконец, учителя (как это бывает) готовят ученикам алфавитные таблицы, дадут

образцы каллиграфии, продиктуют правила, тексты или переводы текста. Следовательно, будет выгодным, чтобы все книги, которые нужны по всем классам, имелись отпечатанными в большом числе, а те, которые требуют перевода на родной язык, должны быть представлены в переводе. Таким образом, все то время, которое нужно было бы потратить на диктовку, записывание и перевод, с несравненно большей пользой было бы употреблено на самое объяснение, повторение, на попытки подражания.

**Предупреждение  
возражения.**

33. И не нужно бояться того, что таким образом поощряется бездеятельность учителей. Ведь если проповедник разъяснил прочитанный им из Библии священный текст и указал его значение (по отношению к учению, увещанию, утешению и пр.), то это все, что можно от него требовать, хотя бы текст из источников он перевел и не сам, а заимствовал откуда-либо готовый перевод. Это последнее для слушателей совершенно неважно. Так, для учеников совершенно неважно, сам ли учитель подготовил все необходимое к уроку, или кто-нибудь это сделал до него, лишь бы было под рукой все, чего требует дело. Учитель должен точно указать применение этого пособия. Но лучше иметь в руках готовое пособие, чтобы, с одной стороны, была большая уверенность в отсутствии ошибок, а с другой стороны, было бы больше времени для практических упражнений.

**3. Книги  
должны быть  
написаны весьма  
точно и доступно.**

34. *Такие книги нужно будет составить для всех школ в соответствии с нашими принципами легкости, основательности и краткости; их изложение должно быть полным, основательным и точным, таким, чтобы они были вернейшей картиной всего мира (который должен запечатлеться в сознании).* И чего я особенно желаю и на чем я настаиваю, так это на том, чтобы книги были написаны понятно и доступно и давали бы учащимся такое освещение, благодаря которому они понимали бы все сами, даже без учителя.

**Почему их должно  
составлять  
в форме диалогов.**

35. С этой последней целью я желал бы, чтобы они составлялись преимущественно в форме диалогов. 1) Именно таким способом легче приспособить содержание и слог к детским силам, чтобы не внушить ученикам представления о предмете как о чем-то невозможном, или недоступном, или слишком трудном, между тем как нет ничего более искреннего и более естественного, чем беседа, которую постепенно и незаметно можно завести человека куда угодно. В такой форме писатели комедий излагали для наставления народа все свои наблюдения над испорченностью нравов; таким образом излагал всю свою философию Платон; так в интересах общедоступности весьма многое преподносил Цице-

рон и излагал все свое богословие Августин. 2) Разговоры возбуждают, оживляют и поддерживают внимание. Это происходит вследствие того, что нас увлекают разнообразие вопросов и ответов и различные случаи и формы их многократного применения. Мало того, вследствие самого разнообразия разговаривающих лиц и их смены не только устраняется скука, но и возбуждается сильное желание слушать все более и более. 3) Разговор делает познание более прочным. Мы вернее запоминаем факт, который мы видели сами, чем тот, о котором мы только слышали рассказ. Так и в умах учащихся крепче запоминается то, с чем мы знакомимся при помощи комедии или диалога (так как нам кажется, что при этом мы не столько слышим, сколько видим), чем то, что мы услышим при простом чтении учителя, и это подтверждает опыт. 4) Так как большая часть нашей жизни состоит из разговора, то самым кратким путем к этому юношество подготавливается в том случае, если оно приучается не только понимать полезное, но и рассуждать об этом разнообразно, изящно, серьезно и быстро. 5) Наконец, разговор облегчает повторение, давая ученикам возможность заниматься им даже самим.

4. Книги должны быть одного и того же издания.

5. Содержание книг должно быть начертано на стенах классных комнат.

36. Хорошо также, чтобы книги были одного и того же издания, чтобы в них совпадали не только страницы и строки, но и все остальное; это нужно для справок и зрительной памяти; а также для того, чтобы ни в чем не было задержки.

37. Было бы также весьма полезно, чтобы содержание всех книг каждого класса было начертано на стенах аудиторий в виде ли кратких, но выразительных текстов, в виде ли картин и эмблем, при созерцании которых ежедневно могли бы развиваться и чувства, и память, и ум учеников. Недаром, как рассказывают древние, в храме Асклепия<sup>84</sup> на стенах были изложены все медицинские предписания, которые и списал Гиппократ<sup>85</sup>, тайно войдя в святилище. Ведь и Бог повсюду наполнил великий этот театр мира картинами, статуями и изображениями, точно живыми проявлениями своей мудрости, и желает нас ими обучить (подробнее об этих изображениях нам придется сказать при специальном описании классов).

### Проблема III

Каким образом можно было бы в школе всем ученикам в одно и то же время заниматься одним и тем же.

Почему нужно, чтобы в одной школе все занимались одним и тем же.

38. Очевидна также целесообразность того, чтобы в одно время в одном и том же классе занимались одним предметом. Такой способ будет легче для учителя и принесет больше пользы для учеников. Ведь только тогда один поощряет другого, когда мысли всех возвращаются и развиваются вокруг одного и того же предмета, а затем при взаимном сопоставлении ученики друг друга поправляют. Военачальник производит упражнения новобранцев не поодиночке, а выводя их вместе в поле; всем указывает употребление оружия и способ пользования им, хотя указания делает отдельно кому-либо одному, но требует от остальных, чтобы они занимались тем же самым, сосредоточив на этом внимание, и пропововали бы делать то же самое. Так нужно делать и каждому учителю во всех случаях.

И как это могло бы быть?

39. Для осуществления этого необходимо:

I. *Начинать занятия в школах только один раз в году, точно так же как и солнце только раз в году (весной) начинает действовать на всю растительность.*  
 II. *Все, что предстоит выполнить, нужно располагать таким образом, чтобы на каждый год, месяц, неделю, день и даже час падало свое собственное задание, и тогда ничто не будет мешать предлагать это задание одновременно всему классу и одновременно же всех доводить до цели. Об этом в своем месте будет сказано подробнее.*

## Проблема VI

Каким образом может быть, чтобы все преподавали по одному и тому же методу. **Натуральный метод** 40. Из глав XX, XXI и XXII будет ясно, что для всех наук, как и для всех искусств и языков, существует только один естественный метод. Ведь легче внести изменение или разнообразие, если где-нибудь к ним нужно прибегать, чем создавать новый метод; эти изменения учитель вносит по своему разумению в зависимости не от существа предмета, а от сравнительных особенностей искусств и языков и от способностей к ним и успеваемости в них учащихся. Итак, сохранять везде естественный метод будет кратчайшим путем для учащихся, так же как для путников кратчайшим путем будет одна прямая дорога без поворотов. Частные отличия выступают отчетливее, если они указываются как отдельные отклонения от однажды данной общей основы.



### Проблема V

Каким образом в немногих словах может быть выражено понимание многих вещей.

Основательные книги нужно предпочитать поверхностным.

41. Загромождать ум огромной массой книг или многословием есть дело совершенно бесполезное. Больше питания доставляет человеческому желудку кусок хлеба и глоток вина, чем полный горшок шелухи и отбросов. Лучше одна самая маленькая золотая монета в кошельке, чем сотня медных монет. И относительно правил Сенека сказал метко: «Правила нужно с о о б щ а т ь наподобие семян, их нужно немного, но они должны быть плодотворными». Ведь остается в силе то, что мы излагали в главе V. Человеку, как микрокосму, присуще все, и нет необходимости вносить что-либо со стороны, кроме света: он сам увидит. А кто не знает, что для работающего при искусственном свете достаточным является свет даже от маленького пламени свечки. *Поэтому-то нужно выбирать или составлять вновь по наукам и языкам основные книги, небольшие по объему, но пригодные по содержанию на практике. Они должны излагать дело кратко, давая в немногом многое* (как советует Сирах, 32, II), т. е. представляя умственному взору учащихся основные вещи так, как они есть, в немногих, но продуманных и чрезвычайно легких для усвоения теоремах и правилах, откуда бы все остальное вытекало само собой.

### Проблема VI

Каким образом поставить дело так, чтобы при одной работе выполнялось двойное или тройное дело.

Природа показывает, что и при одной работе можно выполнить многое.

42. Природа дает нам примеры, показывающие, что в одно и то же время, при одной и той же работе можно выполнять разнообразные дела. Дерево, например, в одно и то же время растет и вверх, и вниз, и в стороны, и вместе с тем у него растут и древесина, и кора, и листья, и плоды. То же самое можно наблюдать и у животного, все члены которого растут вместе и каждый член имеет несколько функций. Например, ноги дают возможность человеку встать, поддерживают его, двигают вперед различными способами. Рот является в одно и то же время как бы дверью для организма, и мельницей, и трубой, которая звучит, когда ей приказывают. Легкие одним и тем же вдыханием освежают сердце, проветривают мозг, производят звук и пр.

**Искусство —  
подражание этому.**

43. То же происходит и в произведениях искусства. Например, в солнечных часах одна и та же стрелка одной и той же тенью может показывать и час дня (точно так же, как и всякие другие часы), и знак зодиака, через который проходит тогда солнце, и длину дня и ночи, и день месяца и многое другое. В повозке одно и то же дышло служит и к тому, чтобы управлять движением, и менять его направление, и задерживать. А хороший оратор и поэт в одно и то же время поучает, и трогает, и доставляет наслаждение, хотя по существу это три различные вещи.

**Пусть этому  
подражают и школы;  
общее для этого  
правило.**

44. *Таким же образом пусть будет поставлено и формирование юношества, т. е. чтобы всякая работа приносила более, чем один результат. Здесь общее правило состоит в том, чтобы всегда и везде брать вместе то, что связано одно с другим.* Например, соединять слова и вещи, чтение и письмо, упражнение в стиле и развитие ума, изучение и преподавание, веселое и серьезное и все другое, что еще можно придумать.

**Пять специальных  
правил:  
1. Слова  
в соединении  
с вещами  
и наоборот.**

45. Итак, *слова нужно преподавать и изучать не иначе, как вместе с вещами*, подобно тому как вино продается, покупается и переносится вместе с посудой, меч — с ножнами, дерево — с корой, плод — вместе с кожицей. Ведь что такое слова, если не оболочка или ножны для вещей. И так, какой бы язык мы ни изучали, даже родной язык, нужно показывать вещи, которые обозначаются словами, и, с другой стороны, нужно учить также выражать словами все, что видишь, к чему прикасаешься, что ешь, чтобы речь и мысль всегда шли бы параллельно и развивались бы, следовательно, вместе<sup>86</sup>. Нужно поэтому взять за правило: пусть каждый приучается выражать словами все, что понимает, и наоборот, что он выражает словами, пусть научится понимать. Нельзя позволять кому-либо читать то, чего он не понимает, или рассуждать о том, чего он не может высказать словами. Ведь кто не может выразить ощущений духа, тот — статуя; кто болтает о том, чего он не понимает, тот — попугай. Мы же формируем людей и хотим это сделать, идя кратчайшим путем, и этого мы достигнем, если вещи и речь будут идти в полном соответствии друг с другом.

**Следствие: поэтому  
многословные книги  
нужно считать  
пустыми.**

46. На основании этого правила нужно удалять из школ всех авторов, которые учат только словам, а не сообщают никакого знания полезных вещей. Ведь нужно больше заботиться о лучшем. Нужно стремиться к тому, говорит Сенека (Письмо 9), чтобы мы подчинялись не словам, а ощущениям. Если

уж читать такие книги, то пусть читают их вне школ, мимоходом и бегло, без подробного и сложного объяснения и без настойчивого стремления к подражанию, так как эти усилия с большей пользой можно посвятить более реальным предметам.

## II. Чтение и письмо вместе.

47. *Сокращение труда получится и при одновременном упражнении учеников в чтении и письме.* Едва ли можно придумать более действительное побуждение или приманку для учеников даже при изучении алфавита, чем если заставить их усваивать буквы путем письма. Так как стремление к рисованию является как бы естественным для детей, то от такого упражнения они будут получать удовольствие; между тем вследствие двойного ощущения сила представления будет получать большую поддержку. Так, после, когда они научатся читать быстро, пусть упражняются на таком материале, который и независимо от этого подлежит изучению, т. е. который капля за каплей дает знание вещей, наставляет в нравственности и благочестии.

## Прекраснейший совет.

Таким же образом, когда они впервые учатся читать латинские, греческие и еврейские буквы, сокращение работы получится в том случае, если они, перечитывая и переписывая склонения и спряжения, будут повторять это упражнение до тех пор, пока не усвоят твердо чтение и письмо, значения слов и, наконец, свободное образование окончаний. Следовательно, здесь в результате одной и той же работы достигаются сразу четыре цели.

## Следует этот прием распространить на все.

А такого рода полезнейшее сокращение работы можно было бы распространить на всякого рода занятия, так, чтобы все то, что добыто путем чтения, оформилось, как говорит Сенека, в одно целое при помощи письма или, как говорит о себе Августин, чтобы, продвигаясь вперед, мы закрепляли это продвижение при помощи письма и чтобы письмо помогало нам продвигаться вперед.

## III. Упражнения в стиле должны одновременно развивать и ум и язык.

48. Упражнения в стиле обыкновенно предлагаются без внимания к выбору материала и к связи тем; вследствие этого мало развивают духовные силы или вовсе их не развивают. Напротив, с каким бы усердием ни были разработаны эти упражнения, они впоследствии попадают в ненужный бумажный хлам без какого бы то ни было применения к жизни. А потому упражнения в стиле нужно производить на материале той же самой науки или искусства, который служит в данном классе для развития ума, предлагая ученикам или исторические рассказы (об изобретателях этой науки, где и в каких веках преимущественно она процветала и т. п.), или комментарии, или

попытки подражания, чтобы при одной и той же работе в процессе чтения развивались и слог, и умственные способности, и язык.

IV. Обучение других следует соединять с собственным учением.

V. Серьезное вместе с развлечением.

49. В конце XVIII главы мы показали, каким образом можно тотчас самому преподавать то, что изучаешь. Так как это содействует не только основательности изучения, но и его быстроте, то это относится также и сюда.

50. *Наконец, будет замечательным сокращением, если для отдыха ума разрешаются юношеству и придумываются такие игры, которые живо представили бы серьезные стороны жизни и этим уже развивали бы у юношества некоторые склонности к этим сторонам жизни* <sup>87</sup>. Ведь можно дать некоторое представление и о ремеслах при помощи какого-либо инструмента, а равно и о хозяйстве, и о политике, и о военном строе, и об архитектуре, и о многом другом. Можно провести подготовку даже к медицине, если в весеннее время показать ученикам в поле или в саду роды трав, вызывая их на соревнование в том, кто больше узнает. Таким образом не только будет выяснено, кто от природы склонен к ботанике, но рано будут пробуждены и светочи знания. Для усиления поощрения можно было бы наиболее успевающих награждать званием доктора, лиценциата и кандидата медицины. Так и во всех остальных таких упражнениях: в военной игре учащиеся могут получать звание полководца, трибуна, капитана, знаменосца; в вопросах политических — звание царя, советника, канцлера, маршала, секретаря, посла и пр., а также звание консула, сенатора, синдика, адвоката и пр.; подобная игра приводит к серьезному. И тогда мы исполним желание д-ра Лютера: так захватить юношество в школе серьезными занятиями, чтобы от этого оно получало не меньшее удовольствие, как если бы проводило целые дни, играя в орехи. Лишь в таком случае школы будут преддверием к жизни <sup>88</sup>.

## Проблема VII

Как нужно во всем продвигаться последовательно.

Сюда тоже относится и тайна последовательности.

51. Способ этого искусства мы исследовали в V, VI, VII и VIII основоположениях главы XVI и в V, VI и VII основоположениях главы XVIII. Руководясь изложенными там правилами, и надо строить учебники для латинских школ, снабдив их указаниями преподавателям о правильном и легком пользовании ими, чтобы образование, нравственность, благочестие постепенно могли бы быть доведены до высшей степени.

## Проблема VIII

### Об устранении и удалении задержек.

Прекрасное  
устранение  
ненужного.

52. Не без основания было сказано: «Нет ничего более пустого, как знать и изучать многое», т. е. то, что, однако, не принесет пользы; а также: «Мудр не тот, кто знает многое, но тот, кто знает полезное». Сообразно с этим школьные работы можно будет сделать более легкими, внося в них некоторые сокращения. *Надо опускать:*

- I. То, что не является необходимым
- II. Чуждое
- III. Слишком специальное.

I. Не необходимое, излишнее, чего много в книгах язычников.

53. *Излишнее — это то, что не содействует ни благочестию, ни нравственности и без чего вполне может обойтись образование,* как, например, имена в истории языческих богов и религиозных обрядов, также вымыслы поэтов и комических писателей, допускающих игривую разнузданность и часто даже непристойности и т. п. Если кому-либо будет интересно это прочитать у соответствующих авторов, пусть читает; но преподавать это в школах, где нужно заложить только основы мудрости, недопустимо<sup>89</sup>. Какое безумие, говорит Сенека, при таком недостатке времени изучать ненужное.

*Итак, следует все изучать не для школы, а для жизни, чтобы ничто по выходе из школы не улетало на ветер.*

II. Чуждое, так как определенные объекты доступны только определенным умам.

54. *Чуждое есть то, что не свойственно натуре того или другого ученика.* Как у трав, деревьев, животных есть различные природные особенности — с одними нужно обращаться так, с другими — иначе и нельзя пользоваться для одних и тех же целей всем одинаково, — так существуют подобные же природные способности и у людей. Встречаются счастливицы, которые все постигают, но нет недостатка и в таких, которые в определенных предметах удивительно непонятливы и тупы. Иной — в спекулятивных науках — орел, а в практической мудрости — осел с лирой. Иной в музыке туп, а в остальном способен к обучению. У другого подобное положение имеет место с математикой, или с поэзией, или с логикой и пр. Что здесь делать? Куда не влекут способности, туда не толкай. Борьба с натурой — напрасное дело.

Вывод.

Ибо таким образом ты или совершенно ничего не достигнешь, или достигнешь того, что не оправдывает затраченного труда. *Учитель есть помощник природы, а не владыка, ее образователь, а не преобразователь,* поэтому если он видит, что кто-либо из учеников принимается за что-либо

без достаточных к тому способностей, то пусть не подгоняет его вперед в твердой уверенности, что этот недостаток в другой части дела будет восполнен, как это обыкновенно и бывает. Ведь если у дерева оторван или отрублен один сук, то остальные растут сильнее, так как к ним направляется вся жизненная сила. *И если никого из учеников не будут к чему-либо принуждать против воли, то ничто и не будет вызывать у учеников отращения и притуплять силу ума*; каждый легко будет идти вперед в том, к чему его (по велению высшего провидения) влечет скрытый инстинкт, и затем на своем месте с пользой послужит Богу и человеческому обществу.

### III. Слишком специальное.

55. Было бы бесконечно скучным, растянутым и запутанным делом, если бы кто-либо пожелал изучать специальные подробности (например, все отличительные особенности трав и животных, работы ремесленников, названия инструментов и т. п.). В школах было бы совершенно достаточным отметить полно и основательно роды вещей с преимущественными (однако правильными) различиями, остальное при случае само придет в голову. Кто ищет быстрой победы над врагом, тот не задерживается на осаде каких-либо менее важных укрепленных мест, но устремляется на основной военный пункт, будучи уверенным, что, если он, вступив в сражение, одержит победу и возьмет главные укрепления, все остальные перейдут на его сторону сами собой; так и здесь: если будет понятно основное, второстепенное последует из него само собой. К замедлениям подобного рода относятся так называемые полные вокабулярии и словари, содержащие в себе, конечно, все слова всего языка. Так как большей частью этими словами никто не будет пользоваться, то зачем затрудняем учеников, заставляя заучивать их и держать в памяти?

Вот что мы хотели сказать о путях сокращения при преподавании и учении.

## Г Л А В А ХХ

### Метод наук в частности <sup>90</sup>

Ручейки должны слиться в реку.

1. В целях практического применения соберем, наконец, разбросанные выше наблюдения относительно искусного обучения наукам, искусствам, языкам, правам и благочестию. Я говорю искусного, т. е. легкого, основательного и быстрого.

Наука есть умственное зрение, требующее для себя условий, подобных зрению глаза.

2. Наука, или знание вещей, будучи не чем иным, как внутренним созерцанием вещей, обуславливается такими же элементами, как и внешнее наблюдение или созерцание, а именно — глазом, объектом и советом. Только при наличии таких элементов получается зрение. Оком внутреннего зрения является разум, или умственные способности, объектом — все вещи, находящиеся вне и внутри интеллекта, светом — должное внимание. Но как во внешнем зрении нужен еще и определенный способ, чтобы видеть вещи так, как они есть, так и здесь нужен известный метод, при котором вещи так представлялись бы уму, чтобы он воспринимал и постигал их верно и легко.

3. В общем, следовательно, юноше, желающему проникнуть в тайны наук, необходимо соблюдать четыре условия:

- 1) он должен иметь чистое духовное око;
- 2) перед ним должны быть поставлены объекты;
- 3) должно быть налицо внимание, и затем

4) подлежащее наблюдению должно быть представлено одно за другим в надлежащем порядке — и он все будет усваивать верно и легко.

I. Как хранить в чистоте духовное зрение.

4. Ни от кого не зависит, какие у нас природные дарования. Бог по своему благому усмотрению распределил эти духовные зеркала, эти внутренние очи. Но в нашей власти не позволять этим нашим зеркалам покрываться пылью и помрачать свой блеск. А пылью этой являются излишние, бесполезные, пустые умственные занятия. Ведь наша душа находится в постоянном движении наподобие вертящегося мельничного жернова: постоянные ее помощники — внешние чувства — непрерывно доставляют ей захваченный материал, и большей частью (если за этим тщательно не следит высший наблюдатель — разум) пустой, именно: вместо зерна и муки — мякину, солому, песок, опилки и что пошло. И тогда происходит то же самое, что и на мельнице: все углы наполняются пылью. Итак, предохранить от прикрытия пылью этот внутренний жернов — ум (который является зеркалом) — это и значит разумно приучать юношей к делам почтенным и полезным, отвлекая их от пустых занятий.

II. Как делать близкими для юноши предметы изучения.

5. Чтобы зеркало хорошо отражало предметы, необходимо прежде всего, чтобы предметы обладали достаточной плотностью и ясностью и находились в области внешних чувств. Ведь туман и тому подобные вещи разреженного состава отражают от себя мало лучей и чрезвычайно слабо отражаются в зеркале, а предметы отсутствующие и совсем не отражаются. Итак, то,

что будет представляться юношеству для изучения, пусть будут вещи, а не тени вещей, вещи, говорю я, плотные, подлинные, полезные, хорошо действующие на чувство и воображение. А действовать они будут в том случае, если их пододвинуть настолько близко, чтобы они производили на нас впечатление.

Все — через самостоятельное наблюдение.

*6. Поэтому пусть будет для учащихся золотым правилом: все, что только можно, предоставлять для восприятия чувствами, а именно: видимое — для восприятия зрением, слышимое — слухом, запахи — обонянием, что можно вкушать — вкусом, доступное осязанию — путем осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами, как сказано в VII основоположении главы XVII.*

Тройное обоснование для этого правила:

1. Так как познание начинается с ощущения.

*7. Для этого имеется тройное основание. Во-первых, начало познаний, необходимо, всегда вытекает из ощущений (ведь нет ничего в уме, чего ранее не было бы в ощущениях). А потому следовало бы начинать обучение не со словесного толкования о вещах, но с реального наблюдения над ними. И только после ознакомления с самой вещью пусть идет о ней речь, выясняющая дело более всесторонне.*

2. Ощущение удовлетворяет.

*8. Во-вторых, истина и точность знания также не от чего иного, как от свидетельства ощущений. Ведь вещи прежде всего и непосредственно запечатлеваются в ощущениях, а потом только с помощью ощущений — в уме. Доказательством этого служит то, что чувственному познанию доверяют самому по себе, а при размышлении или чужом доказательстве за достоверностью обращаются к ощущению. Разуму мы верим лишь настолько, насколько есть возможность подтвердить его специальным приведением соответствующих примеров (достоверность которых исследуется ощущением). Никого нельзя заставить поверить чужому свидетельству вопреки опыту собственного его ощущения. Итак, чем более знание опирается на ощущение, тем оно достовернее. Поэтому, если мы желаем учащимся привить истинное и прочное знание вещей, вообще нужно обучать всему через личное наблюдение и чувственное доказательство.*

3. Передает памяти.

*9. В-третьих, так как ощущение есть самый надежный проводник памяти, то указанное чувственное наглядное восприятие всего приводит к тому, что если кто-либо этим путем что-либо усвоил, то он будет знать это твердо. Если я хоть раз попробовал сахару, хоть раз видел верблюда, хоть раз слышал пение соловья, хоть раз был в Риме и осмотрел его (только внимательно), то, конечно, все это крепко запечатлеет-*



ся в памяти и не может быть забыто. Поэтому-то дети легко могут запоминать по рисункам библейские и другие истории. Очевидно, что каждый из нас легче и отчетливее представляет себе, что такое носорог, кто хоть раз (по крайней мере, на картине) видел его. Очевидно также, что каждый из нас лучше знает историю события, при котором он сам присутствовал, чем если бы ему рассказывали сотню раз о событии, при котором он не присутствовал. Отсюда известное выражение Плавта: «Лучше один свидетель—очевидец, чем десять, передающих по слуху», а также и выражение Горация: «Медленнее проникает в душу то, что воспринимается слухом, чем то, что мы видим своим надежным взором и что воспринимается нами как зрителями».

Кто сам однажды внимательно наблюдал анатомию человеческого тела, тот поймет и запомнит все вернее, чем если он прочитает обширнейшие объяснения, не видав всего этого своими глазами. Отсюда известное выражение: *наблюдение собственными глазами заменяет собой доказательство*.

**Огромная польза рисунка в процессе обучения.** 10. *Если иногда нет налицо вещей, то можно вместо них применять копии или изображения, приготовленные для обучения.*

Так, ботаники, зоографы, геометры, землемеры и географы с пользой прилагают к своим описаниям рисунки. Подобным образом следовало бы делать в физике и в других предметах.

**Искусственный скелет человеческого тела.** Например, по нашему замыслу, строение человеческого организма можно было бы преподавать наглядно в том случае, если человеческий скелет (какие обыкновенно хранятся в академиях или даже сделанный из дерева) обложить сделанными из замши и набитыми шерстью мускулами, сухожилиями, нервами, венами, артериями, внутренностями, легкими, сердцем, диафрагмой, печенью, желудком со всеми внутренними органами — все в надлежащем месте и надлежащих размеров, с надписью над каждой частью ее названия, назначения, функции. Если ученика, занимающегося физикой, поставить перед этой моделью и все по частям разъяснить ему и показать, то он все воспримет как бы играючи и таким образом поймет строение своего тела. *Такого рода наглядные пособия (именно изображения вещей, которых нельзя представить в натуре) надо было бы приготовить по всем областям знания, чтобы в школах они были под рукой.* Правда, для подготовки их потребовались бы известные расходы и труд. Однако это окупилось бы с избытком.

Можно ли все сделать доступным ощущению.

11. Если кто-либо сомневается в том, что таким образом может быть воспринято ощущениями все — даже духовные и не находящиеся перед глазами предметы (то, что находится и происходит на небе или в глубине, в каких-либо заморских странах), тот пусть вспомнит, что все устроено свыше для гармонии, так чтобы все высшее могло быть представлено низшим, отсутствующее — присутствующим, невидимое — видимым. Это достаточно ясно хотя бы из «Макромикрокосма» Роберта Флатта<sup>91</sup>, который очень удачно изображает наглядным образом происхождение ветров, дождей и грома. И несомненно, что таким образом все это можно представить себе гораздо яснее и легче.

III. Что такое свет внимания.

12. Все это относится к восприимчивости предметов ощущениями. Далее следует сказать о свете, при отсутствии которого напрасно будешь подносить предметы к глазам. *Этот свет учения есть внимание, благодаря которому учащийся воспринимает все открытым и как бы жаждущим знания разумом.* Как в темноте с закрытыми глазами никто не видит, хотя бы предмет был весьма близко перед глазами, так все останется невоспринятым, если ты будешь говорить и указывать что-либо человеку невнимательному. Это и происходит на наших глазах с теми, кто, блуждая мыслями где-либо, не замечает многого, что происходит в их присутствии. Желая что-либо показать другому, необходимо ночью зажечь свечу и часто поправлять ее, чтобы она светила ярко; так и учитель, желающий просветить знанием вещей ученика, объятая тьмой невежества, должен прежде всего возбудить в нем внимание, чтобы он с ненасытной жадностью воспринимал науку. Как этого можно достигнуть — мы указали в основоположениях XVII главы и в проблеме I главы XIX.

IV. Чего требовал бы метод выяснения вещей при помощи яркого света.

13. И этого о свете довольно. *Надо теперь найти способ или метод представлять предметы чувствам таким образом, чтобы от них получалось прочное впечатление.* Принципы этого способа прекрасно можно заимствовать из внешнего зрения. Чтобы видеть что-либо правильно, необходимо следующее: 1) поставить соответствующий предмет пред глазами, 2) но не вдаль, а на надлежащем расстоянии, 3) и при этом не сбоку, но прямо пред глазами, 4) лицевая сторона предмета должна быть не отвернута или перевернута, но обращена прямо к глазам, 5) так, чтобы сперва можно было осмотреть предмет в целом, 6) а затем осмотреть каждую часть в отдельности, 7) и притом по порядку от начала до конца, 8) останавливаясь на каждой части до тех пор, 9) пока все не будет различено правильно. Когда все эти условия выполняются надлежащим образом, то наблюдение происходит

правильно. Если же хотя бы одно из них отсутствует, то наблюдение либо совсем не происходит, либо происходит плохо.

Дело выясняется примером. 14. Например, желая прочитать присланное другом письмо, мы должны 1) поднести его к глазам (ведь как можно читать письмо, не видя его), 2) приблизить к глазам на надлежащее расстояние (на слишком отдаленном расстоянии зрение не различает букв), 3) положить его пред глазами прямо (что видят искоса, то видят запутанно), 4) держать его в надлежащем положении (ведь кто мог бы читать, положив письмо или книгу наискось или перевернув вверх ногами?), 5) в письме прежде всего нужно посмотреть на более главное: кто, кому, откуда, когда пишет (если не выяснишь этого наперед, то не так хорошо поймешь и подробности текста), 6) затем читать все остальное, ничего не пропуская, иначе не все узнаешь и случайно опустишь главное, 7) необходимо читать все по порядку, одну часть за другой (выхватывая фразу отсюда, фразу оттуда, только нарушишь и запутаешь смысл), 8) останавливаться на отдельных частях, пока не поймешь их (стремясь пробежать письмо быстро, легко можешь выпустить из внимания что-либо существенное), 9) наконец, когда все понятно, нужно разобраться, что в письме более и что менее важно.

15. Эти наблюдения дают в распоряжение преподавателей наук девять следующих чрезвычайно полезных правил: *Всему, что должно знать, нужно обучать.*

Применение к искусству обучения 9 правил.  
Правило I.

Ведь если не преподавать ученику то, что он должен знать, то откуда он мог бы это узнать? Итак, пусть остерегаются учителя скрывать что-либо от учеников: ни умышленно, как обыкновенно делают люди завистливые и нечестные, ни по небрежности, как это бывает у лиц, исполняющих свои дела небрежно. Здесь нужны честность и трудолюбие.

Правило II. 16. *Все, чему обучаешь, нужно преподносить учащимся как вещь действительно существующую и приносящую определенную пользу.*

Ученик именно должен видеть, что изучаемое им есть не утопия или что-либо относящееся к платоновским идеям, но что это вещи, действительно нас окружающие, истинное познание которых принесет подлинную пользу в жизни. При таком условии ум будет обращаться к изучаемому ревностнее и будет все различать более тщательно.

Правило III. 17. *Всему, чему обучаешь, нужно обучать прямо, а не окольными путями.*

Это и будет значить — смотреть прямо, а не искоса, когда мы не столько видим вещи, сколько слегка задеваем взглядом, а потому и воспринимаем их спутанно и темно. Пусть каждая вещь

наглядно предлагается учащемуся в своей собственной сущности, просто, без словесных прикрытий, без переносного смысла, намеков и преувеличений. Такие приемы хороши при превознесении или умалении, при рекомендации или порицании уже изученных вещей, а не при первичном ознакомлении с предметом; в этом последнем случае к вещам нужно подходить прямо.

Правило IV.

18. *Всему, чему обучаешь, нужно обучать так, как оно есть и происходит, т. е. путем изучения причинных связей.*

Наилучшее познание вещи имеет место в том случае, если она познается так, как она есть: так как будет не познанием, а ошибкой, если вещь познается иначе, чем она есть. Всякая вещь бывает такой, какой она сделана; ведь если она окажется иной, чем произведена, то очевидно, что она испорчена. Но всякая вещь происходит от своих причин. Следовательно, *раскрыть причины происхождения вещи — это значит преподать истинное значение вещи согласно с известным положением: знать — это значит понять вещь через познание причин; причина есть путеводительница ума.* Итак, всего лучше, всего легче, всего вернее вещи познаются в том порядке, как они произведены; так, желающему читать письмо кладут в том положении, в каком оно написано: трудно читать по обернутой или перевернутой верхом вниз рукописи. Таким же образом вещь будет воспринята легко и верно, если ты опишешь ее в том порядке, в каком она произведена, а всякого рода искусственными нарушениями и перестановками порядка ты, несомненно, спутаешь учащегося. Итак, метод науки должен следовать методу вещей: первое должно быть первым, а последующее — последующим.

Правило V.

19. *Все, что подлежит изучению, пусть сперва предлагается в общем виде, а затем по частям.*

Основание этого изложено в VI положении главы XVI. Подвергать вещь общему изучению — это значит разъяснить сущность всей вещи и ее видовые признаки. Сущность выясняется путем вопросов: *что? какое? почему?* На вопрос *что* отвечает имя, род, назначение и цель вещи; на вопрос *какое* отвечает форма вещи или свойство, благодаря которому вещь становится соответствующей своему назначению; на вопрос *почему* — производящая сила, или та сила, через которую вещь делается пригодной для своей цели. Например, если я желаю дать учащемуся истинное общее понятие о человеке, то я скажу: «Человек есть (1) последнее творение божие, предназначенное для владычества над остальными творениями, (2) одаренное способностью свободно принимать какое угодно решение и приводить его в исполнение (3) и таким образом наделенное светом разума для мудрого направления своего выбора и своих действий». Это есть общее, но основное определе-

ние человека, перечисляющее все необходимые признаки человека. Если бы ты пожелал присоединить сюда некоторые видовые признаки, также общие, то можешь спросить: *от кого? откуда? когда?* и пр. Отсюда нужно переходить к частям: тело и душа, и притом тело, следуя учению анатомии, разделить на члены, а понятие души нужно раскрыть путем деления по способностям, из которых она состоит, и пр., все в должном порядке.

**Правило VI.** 20. *Части вещи должно рассмотреть все, даже менее значительные, не пропуская ни одной, принимая во внимание порядок, положение и связь, в которой они находятся с другими частями.*

Ведь нет ничего ненужного, и иногда в малейшей даже частице заключается сила больших частиц. В самом деле, в часах даже один сломавшийся, или погнувшийся, или сдвинувшийся с места зубчик может остановить весь механизм, в живом теле один отнятый член может унести жизнь, а в связи речи часто малейшая частица (предлог или союз) изменяет и извращает весь смысл. И так везде. Следовательно, полное понимание вещи заключается в познании всех ее частей: что такое каждая из них и зачем она существует.

**Правило VII.** 21. *Все нужно изучать последовательно, сосредоточивая внимание в каждый данный момент только на чем-либо одном.*

Не может взор сразу охватить два или три предмета иначе, как только несколько смутно (например, читая книгу, нельзя смотреть одновременно на две страницы, мало того — даже на две, хотя бы непосредственно примыкающие одна к другой строки, на два слова и даже на две буквы, но последовательно на одно после другого), так и ум может созерцать не иначе, как каждый раз только что-либо одно. Следовательно, чтобы не загромождать ума, нужно идти последовательно, отделяя одно от другого.

**Правило VIII.** 22. *На каждом предмете нужно останавливаться до тех пор, пока он не будет понят.*

Ничто не происходит мгновенно, так как все, что совершается, происходит благодаря движению; а движение протекает последовательно. Итак, нужно будет останавливаться с учеником на каждой части науки, пока он ее не усвоит и пока не будет уверен, что знает ее. Достигнуть этого, как мы указали в X основоположении главы XVIII, можно путем запоминания, спрашивания, повторения до полного усвоения.

**Правило IX.** 23. *Различия между вещами должно передавать хорошо, чтобы понимание всего было отчетливым.* Глубокая истина заключается в общеизвестном выражении «*Кто хорошо различает, тот хорошо обучает*». Множество предметов загромождает учащегося, а разнообразие пугает

его, если не будут приняты против этого меры: по отношению к множеству — порядок, чтобы к одному переходили после другого; по отношению к разнообразию — внимательное наблюдение различий, чтобы везде становилось ясным, чем одна вещь отличается от другой. Это одно даст отчетливое, ясное, верное знание, так как и разнообразие, и сущность вещей зависят от различий, как мы об этом упоминали выше, в VI основоположении главы XVIII.

Преподаваемые в школах науки должны быть согласованы с этим методом.

24. Так как не каждый преподаватель может с таким искусством вести преподавание, то необходимо самые преподаваемые в школах науки согласовывать с законами этого метода, так чтобы нелегко было уклониться от цели. Если бы это было признано и все строго соблюдали, то обучение было бы столь же легким и приятным, как прогулка по какому-нибудь царскому дворцу. Туда стоит лишь попасть и иметь достаточно времени, чтобы самому осмотреть все, что там находится: картины, лепные работы, занавесы и все находящиеся там украшения. Так и школа могла бы служить театром вселенной. Получив в нее доступ, юноша легко мог бы своим зрением проникнуть во всю роскошь мира и осмотреть его, как бы прогуливаясь среди божьих и человеческих дел.

## Г Л А В А ХХІ

### Метод искусств<sup>93</sup>

Более, чем науками, нужно заниматься искусствами.

Три предварительных требования искусства.

- 1) *теории*, которая есть то самое, в чем должно выразить новую форму;
- 2) *материю*, которая есть то самое, в чем должно выразить новую форму;
- 3) *инструментов*, с помощью которых производится вещь.

1. Теория, говорит Вивес, легка и коротка и не приносит ничего, кроме удовольствия; применение же ее — дело трудное и продолжительное, приносящее зато удивительную пользу. Вот почему нужно тщательно исследовать тот способ, которым легко можно было бы вести юношество к практике, заключающейся в искусствах.

2. Искусство наперед требует трех вещей: 1) *образца*, или *идеи*, являющейся некоторой внешней формой, взирая на которую художник пытается воспроизвести подобную;

Столько же  
требований  
при исполнении:

I.  
II.  
III.

3. Но обучение искусству (когда уже даны инструменты, материя и образец) требует еще

1. *правильного употребления,*
2. *разумного направления,*
3. *частого упражнения.*

Это значит, чтобы ученика обучали, где и как нужно применять каждое из этих требований, а в процессе применения им бы руководили, чтобы он в работе не сбивался и исправлялся, если сбивается; наконец, чтобы, даже делая ошибки и уклонения, он снова принимался бы за работу до тех пор, пока не научится производить работу без ошибок, уверенно и легко.

На это —  
одиннадцать правил.

I.

4. Относительно этого нужно указать одиннадцать правил: шесть — для употребления, три — для направления, два — для упражнения.

5. *Тому, что следует выполнять, нужно учиться на деле.*

Мастера не задерживают своих учеников на теоретических рассуждениях, а тотчас втягивают их в работу с тем, чтобы ковать они научились ковкой, ваять — ваянием, рисовать — рисованием, танцевать — танцами и т. д. Так же и в школах пусть учатся писать — упражняясь в письме, говорить — упражняясь в речи, петь — упражняясь в пении, умозаклучениям — упражняясь в умозаклучениях, и т. д., чтобы школы были не чем иным, как мастерскими, в которых кипит работа. Именно таким образом все на собственном успешном опыте испытывают справедливость известного изречения: делая что-либо, делаем себя.

II.

6. *Всегда должна быть налицо определенная форма и норма того, что должно выполнять.*

Конечно, ученик должен подражать ей, внимательно вглядываясь в нее и как бы следуя по чужим стопам. Ведь он не может еще самостоятельно создать ничего, не зная, что и как должно делать; следовательно, нужно ему показывать. Было бы жестоко заставлять кого-либо делать то, что ты хочешь, хотя он не знает, чего ты хочешь; требовать, чтобы он проводил прямые линии, прямые углы, правильные круги, не дав наперед в руки линейки, прямоугольника, циркуля и не указав, как ими пользоваться. Поэтому нужно серьезно позаботиться о том, чтобы в школах для всего, что приходится делать, были истинные, точные, простые, легко понимаемые, легкие для подражания формы и образцы и оригиналы всех вещей, или предварительные наброски и чертежи вещей, или руководящие правила и примерные упражнения в работах. И тогда только не будет ничего неразумного требовать от того, кому показан свет, чтобы он видел, от того, кто уже твер-

до стоит на ногах, чтобы он ходил, от того, кто умеет обращаться с инструментами, чтобы он работал.

## III.

*7. Употребление инструментов лучше показывать на деле, чем на словах, т. е. лучше обучать этому примерами, чем правилами.*

Давно сказал Квинтиллиан: «Длиннен и труден путь через правила, легок и успешен через примеры»<sup>93</sup>. Но увы! как мало помнят об этом правиле обычные школы. Именно предписаниями и правилами, исключениями из правил и ограничениями исключений так обременяют даже впервые приступающих к изучению грамматики, что они в большинстве случаев не знают, что делать, и скорее начинают тупеть, чем понимать. Однако мы не видим, чтобы так поступали мастера, чтобы они своим начинающим ученикам сначала диктовали столько правил. Поведя новичков в мастерскую, мастера предлагают им наблюдать за своей работой, и, как только новички пожелают подражать (ведь человек есть существо подражающее), они дают им в руки инструменты и обучают, каким образом надо их держать и действовать ими; затем, если обучаемые делают ошибки, мастера указывают и поправляют их всегда больше примером, чем словами. И практика показывает, что подражание идет успешно. Ибо верно изящное выражение немцев: *Ein guter Vorgänger findet einen guten Nachgänger*<sup>94</sup>. Подходит сюда также и выражение Теренция: «Иди вперед, я следую за тобой»<sup>95</sup>. Так, мы видим, что дети учатся ходить, бегать, говорить, играть в различные игры при помощи одного только подражания, без всяких затруднительных правил. В самом деле, правила являются, говоря правду, терниями для ума, они требуют внимания и острого ума, а примеры помогают даже исключительным тупицам. Никто и никогда не приобретал умения владеть языком или каким-либо искусством при помощи одних только правил: обычно это приобретается путем практики, даже без всяких правил.

## IV.

*8. Упражнение следует начинать с элементов, а не с выполнения целых работ.*

Ведь плотник не учит своего ученика сразу строить башни и замки, но учит сначала держать топор, обрубать деревья, обтесывать бревна, прорубливать балки, вгонять гвозди, соединять части и т. д. И живописец не поручит новичку сразу изображать человеческие лица, но сначала учит его составлять краски, приспособлять кисточки, проводить линии, а затем пытаться делать более грубые очертания и пр. И тот, кто учит ребенка искусству читать, не дает ему сразу целого текста книги, но элементы букв, сначала отдельные, потом соединенные в слоги и слова, потом предложения и пр. Следовательно, и новичкам в грамматике сперва нужно предлагать изменять отдельные слова, затем конструи-



ровать слова по два, затем — одиночные, двучленные, трехчленные предложения; далее дело должно дойти до построения периодов и, наконец, до построения речи в целом. Так и в диалектике<sup>96</sup>: сперва пусть ученики привыкают различать вещи и понятия о вещах по родовым и видовым признакам, затем устанавливать между ними отношения (которые имеют все предметы хоть в чем-либо), затем определять и давать понятия о них, затем комбинировать их различным образом, строить из них суждения о вещах: что и чему приписывается, о чем, почему сказано и в качестве какого признака — необходимого или случайного. Только по получении учеником в этих упражнениях достаточного навыка следует переходить к составлению умозаключений, при помощи которых из данных и допущенных положений вытекает все остальное, и, наконец, переходят к рассуждениям или целым трактовкам тем. Подобным образом легко можно будет продвигаться вперед в риторике: сначала пусть некоторое время ученик упражняется в подыскивании синонимов, затем пусть учится прилагать эпитеты к именам, глаголам, наречиям и тотчас же разъяснять их противоположениями, после этого описывать различным образом перифразами, затем заменять выражения в прямом смысле тропами, разлагать предложения, связанные по благозвучию, простые предложения всячески преобразовывать в фигуральные, наконец, когда ученик будет в состоянии достаточно быстро выполнять все это в отдельности, нужно будет приступить к обработке целых речей. Если таким образом мы пойдем постепенно в каком угодно искусстве, то невозможно не сделать быстрых и основательных успехов. Основание этого раскрыто в IV основоположении главы XVII.

v.

9. *Первые упражнения начинающих должны вращаться вокруг известного им материала.*

Это правило дано нам IX основоположением главы XVII и замечанием VI к основоположению IV. Смысл его состоит в том, что учащегося не следует обременять предметами, трудными для его возраста, восприимчивости, настоящего положения, чтобы он не был вынужден бороться с тенью. Например, польскому мальчику, который учится читать или писать, нельзя предлагать писать буквы латинские, греческие или арабские, но следует давать азбуку только своего языка, чтобы он понимал то, что делает. Чтобы мальчик понял употребление правил диалектики, ему нужно давать упражнения на примерах, взятых не из Вергилия или Цицерона или из богословия, не из политических и медицинских писателей, а на примерах предметов, доступных для него: книги, одежды, дерева, дома, школы и пр. При этом примеры, которые взяты для разъяснения первого правила, следует применять как уже известные и для разъяснения всех остальных. Для уп-

ражнения в диалектике пусть будет взято, например, дерево и пусть будут указаны его род, видовые признаки, причины происхождения, действия, качества основные и дополнительные и пр., определение, деление и пр., затем — сколькими способами что-нибудь можно сказать о дереве, далее — каким образом путем определенных умозаключений на основании того, что до сих пор сказано о дереве, можно вывести и доказать другое и т. д. Таким образом, когда выяснено употребление правил на одном и другом и третьем известном примере, ученик уже очень легко будет поступать подобным же образом во всех остальных случаях.

VI.

10. *Подражание должно происходить по строго предписанной форме; впоследствии оно может быть более свободным.*

Ведь чем более при изготовлении нового предмета придерживаются свойственной ему формы, тем более и тем точнее выражается форма. Так, монеты, отливаемые по одному и тому же образцу, все делаются чрезвычайно похожими как на свой образец, так и одна на другую. Так дело обстоит с книгами, отпечатанными с медных букв, а также с предметами, отливаемыми из воска, гипса, металла и пр. Итак, насколько это возможно, при подражании (по крайней мере, первом), и в других работах должно строго придерживаться оригинала, пока рука, ум, язык, став более твердыми, не привыкнут свободнее и самостоятельнее оформлять сходное. Например, при обучении письму пусть берут тонкую, просвечивающую бумагу и под нее подкладывают именно ту пропись, которой желают подражать: ученики таким образом, водя пером по просвечивающимся буквам, могут легко подражать прописи. Или надо напечатать прописи на чистой бумаге какой-нибудь бледной краской, желтоватой или коричневатой, чтобы ученики, обмакнув перья в чернила и водя ими по очертаниям букв, приучались подражать тем же буквам в той же форме. Так же и при упражнении в стиле — применительно к какой угодно взятой из автора конструкции, предложению, периоду можно было бы образовывать другие, весьма на них похожие. Например, подобно тому как говорится «богатый средствами», пусть будет предложено ученику подражать и составлять такие выражения, как «богатый монетами», «богатый скотом», «богатый виноградниками» и пр.

Когда Цицерон говорит: *Eudemus in astrologia, iudicio doctissimorum hominum, facile primus* (по мнению ученых людей, Эвдем, несомненно, первый в астрологии), в непосредственном подражании этому можно будет сказать: «*Cicero in eloquentia, iudicio doctissimorum oratorum, facile primus*» (по мнению ученых ораторов, Цицерон в красноречии, несомненно, первый), «*Paulus in apostolatu, iudicio totius ecclesiae, facile primus*» (по суждению

всей церкви, Павел, несомненно, первый среди апостолов) и пр. Так и в логике: противопоставляя друг другу всякие прямые противоположения, пусть ученик учится подражать известной дилемме:

«Возможно одно из двух: либо день, либо ночь, но теперь ночь, следовательно, не день». Например: «Он или невежда, или, следовательно, он не ученый»; «Каин был или благочестив, или нечестив; но не был благочестив, следовательно...» и пр.

## VII.

11. *Формы для выполнения должны быть самыми совершенными, чтобы тот, кто, подражая им, выразил их достаточно верно, мог считаться совершенным в своем искусстве.* Ибо как никто не может провести прямые линии, пользуясь кривой линейкой, так никто не может дать хорошей вещи, подражая плохой. Поэтому нужно будет приложить усилия к тому, чтобы для всего того, что нужно делать в школе, больше того — во всей жизни, существовали верные, удобные, простые, легко доступные подражанию образцы: будут ли то модели вещей, картины, чертежи или самые краткие, самые ясные, понятные сами собой, без исключения правильные наставления и правила.

## VIII.

12. *Первая попытка подражания должна быть самой точной, чтобы ни в одной, даже малейшей, черте в ней не было отклонения от оригинала.*

Конечно, насколько это возможно. Однако это необходимо. Все первоначальное является как бы основой для последующего; на прочных основах можно возводить прочное здание всего остального; на колеблющихся основах все будет колебаться. Как врачи наблюдают, что болезни пищеварения во втором и третьем периоде пищеварения не исправляются, точно так же в какой угодно работе первые ошибки вредят всему последующему. Поэтому учитель музыки Тимофей<sup>97</sup> требовал двойной платы с учеников, которые начинали учиться этому искусству у кого-нибудь другого, заявляя, что труд удваивается, так как сначала нужно исправлять ошибки прежнего обучения и затем уже обучать правильно. Поэтому нужно заботиться о том, чтобы ученики, подражая образцам изучаемого ими искусства, старались воспроизводить их совершенно точно. При преодолении первой трудности остальные преодолеваются сами собой, точно так же как город, ворота которого взяты, уже находится в руках победителя. Поэтому нужно опасаться поспешности: *никогда не надо переходить к следующему, не усвоив прочно предшествующего. Достаточно быстро идет тот, кто никогда не сбивается с пути. И то время, которое уходит на правильную установку основ, есть не задержка, а лучший залог сокращения, ускорения и облегчения работы в дальнейшем.*

IX.

13. Допущенные учениками отклонения от образцов должны тут же исправляться присутствующим преподавателем, который должен обосновать свои замечания соответствующими, как мы их называли, правилами и исключениями из правил.

До сих пор мы указывали, что искусства нужно изучать скорее с помощью примеров, чем правил. Теперь мы можем прибавить, что нужно присоединять сюда наставления и правила, которые бы руководили работой и предохраняли от ошибок, ясно указывая на то, что скрыто заключается в образце: с чего работу нужно начинать, куда направлять, каким путем идти вперед и почему каждое действие должно происходить именно таким образом<sup>98</sup>. Это именно то, что даст, наконец, твердое знание искусства, уверенность и точность в подражании.

Но эти правила, насколько возможно, должны быть краткими и самыми ясными, так чтобы из-за них не пострадало само дело; однажды усвоенные, они будут приносить постоянно пользу, даже если мы к ним и не возвращаемся. Так, ребенку, который учится ходить, большую услугу оказывают соответствующие приспособления для ходьбы, которые впоследствии ему не нужны.

X.

Синтетические упражнения нужно предпосылать аналитическим.

14. Совершенное преподавание искусства предполагает сочетание синтеза и анализа.

В V основоположении главы XVIII мы показали примерам, взятыми из природы и ремесленных искусств, что синтез имеет преимущественное значение, а что в большинстве случаев синтетические упражнения нужно предпосылать аналитическим, это показывают, сверх того, следующие замечания: 1. Везде нужно начинать с легчайшего: легче же мы понимаем свое, а не чужое. 2. Авторы с намерением раскрывают свое искусство, так что ученики с первого взгляда едва ли в состоянии, а то и вовсе не в состоянии, проникнуть в его смысл. Но после упражнения на своих, несколько уже более грубых, изобретениях они будут в состоянии сделать это. 3. К чему преимущественно стремишься, то и нужно преимущественно выполнять. А стремимся мы к тому, чтобы, занимаясь искусством, достигнуть новых изобретений, а не к тому, чтобы привыкать пользоваться только готовыми изобретениями<sup>99</sup> (см. что сказано там же, в V основоположении главы XVIII).

Однако к синтезу нужно прибавлять аналитические упражнения.

15. Однако к синтезу нужно прибавлять анализ чужих изобретений и работ. Ведь тот в конце концов хорошо знает какую-либо дорогу, кто исходил ее в ту и другую сторону и кто заметил все встречающиеся на ней распутия, перекрестки и боковые тропинки. Сверх того, вещи так разнообразны и до не-

которой степени бесконечны, что разнообразие это не укладывается ни в какие правила и не может быть предусмотрено одним человеком. Большому числу голов дается больше. Но плоды чужой работы становятся нашими только в результате тщательного исследования и изучения и когда затем, путем соревнования и подражания, мы приобретаем привычку воспроизводить подобное.

**Сущность  
сказанного.**

16. Итак, мы желаем того, чтобы во всяком искусстве были установлены полные и совершенные образцы для всего, что должно быть в нем исполнено, обыкновенно исполняется и может быть исполнено. К ним должны быть присоединены указания и правила, которые вскрывают метод выполнения работы, и указания о том, как что-либо должно делать, дают руководство для подражания образцам, предостерегают от ошибок и исправляют допущенные ошибки. Затем нужно давать ученику все новые и новые примеры; пусть он по одному приспособляет их к образцам, путем подражания делает подобные. И уже напоследок должно познакомить его с чужими работами (но только прославленных мастеров), сопоставляя их с указанными ранее образцами и правилами, для того чтобы, с одной стороны, употребление их стало яснее, а с другой стороны, чтобы ученики научились скрывать самую технику своей работы. При повторении такого рода упражнений ученик, наконец, научится судить о своих и чужих изобретениях и их изяществе.

**XI.**

17. Эти упражнения нужно продолжать до тех пор, пока они не доведут учеников до полного овладения искусством.

Ведь опыт является единственным средством сделать человека мастером.

## Г Л А В А ХХII

### Метод языков<sup>100</sup>

**Зачем нужно  
изучать языки  
и какие именно.**

1. Языки изучаются не как часть образования или учености, но как орудие для того, чтобы почерпнуть знания и сообщить их другим. Поэтому нужно изучать не все языки.

Все языки изучить невозможно. Изучать многие языки бесполезно, так как это отнимает время, нужное для изучения вещей. А потому нужно изучать только необходимые языки. *Необходимыми языками являются: для частной жизни — язык родной; для сношения с соседними народами — языки последних; для поляков в одних местах необходимым является язык немецкий, в других —*

венгерский, румынский, турецкий. *А для чтения книг научного содержания, как это имеет место у ученых людей вообще, необходимым языком является латинский, для философов и врачей — греческий и арабский языки, для богословов — греческий и еврейский.*

**Всякий ли язык нужно изучать в совершенстве.**

2. *Не нужно изучать все языки в полном объеме и до совершенства, но насколько того требует необходимость.* Ведь нет необходимости владеть греческим и еврейским языками с таким совершенством, как родным языком, так как нет людей, с которыми приходилось бы на них говорить; достаточно изучить эти языки только для чтения и понимания книг.

**Не следует изучать языки без вещей.**

3. *Изучение языков должно идти параллельно с изучением вещей, особенно в молодости, чтобы мы усваивали речь постольку, поскольку мы изучаем вещи; чтобы мы учились выражать мысль постольку, поскольку мы понимаем предметы.* Ведь мы формируем людей, а не попугаев, как это сказано в основоположении VI главы XIX.

**Следствия:**

1. **По одним и тем же книгам надо изучать и вещи и язык.**

4. Отсюда следует, во-первых, что *не следует изучать названия вещей отдельно от самих вещей*, так как и сами вещи отдельно не существуют и не воспринимаются; но, поскольку они соединены, они существуют здесь или в другом месте, производят то или другое действие. Это соображение дало нам повод, как нам думается — не без успеха, составить «Дверь языков», где слова, построенные в предложения, выражают вместе с тем и строение вещей.

2. **Знание языков во всем объеме ни для кого не представляется необходимым.**

5. Затем отсюда следует, что *знание какого-либо языка во всем его объеме ни для кого не является необходимым и стараться этого достигнуть — просто смешно и глупо.* Ведь даже Ц и ц е р о н не знал всего латинского языка (величайшим мастером которого он вообще считается), так как он признается, что не знает, например, ремесленных терминов. Никогда, очевидно, он не обращался к сапожникам и кожевникам, чтобы осматривать их работы и изучать названия всего, чем они занимаются. Да и с какой стати в таком случае нужно было бы изучать названия таких вещей?

Продолжатели «Двери языков», Доцемий, Квинер и др., поступали неблагоразумно, и поэтому сам автор, начав «Дополнительную пристройку к латинскому языку», не закончил ее.

и т. д.). Поэтому я даже не докончил «Дополнительную пристройку к латинскому языку», которую я начал было составлять из слов устарелых и малоупотребительных.

3. Дети должны заниматься тем, что доступно детям; Цицерона и других авторов не следует предлагать им ранее, чем они возмужают.

Ведь если дети не понимают содержания, то каким образом они будут в состоянии овладеть искусством выражать содержание в соответствующих словах? С большей пользой время можно будет расходовать не на столь возвышенные сочинения, чтобы как язык, так и мысль развивались вполне последовательно. Природа не делает скачков, не делает их также искусство, поскольку оно подражает природе. Ребенка следует учить ходить, прежде чем упражняться в танцах; ранее учить ездить верхом на длинной палке, чем ездить на украшенных конях; сперва — лепетать, а потом говорить и говорить, прежде чем произносить речь. И Цицерон говорит, что он не может обучать произнесению речей того, кто не умеет говорить (Цицерон. Об ораторе, III).

Восемь правил изучения различных языков.

I.

каждым нужно пользоваться в местности родного языка, т. е. язык соседнего народа (ведь впереди, по моему мнению, должны идти именно языки народные, а не научные), а затем латинский язык и после него греческий, еврейский и др. — всегда один за другим, а не вместе, иначе один язык будет мешать другому. Наконец, уже закрепив знание этих языков путем практики, будет полезно

6. Этого не заметили некоторые продолжатели нашей «Двери языков», наполняя ее самыми редкими словами, обозначающими предметы, не доступные детскому пониманию. «Дверь» должна быть не чем иным, как только дверью; следует отложить на дальнейшее время все то, что лежит за нею, особенно то, что или никогда не встречается, или если и встречается, то может быть взято из пособий (вокабуляриев<sup>101</sup>, словарей, сборников

7. В-третьих, отсюда следует, что как разум, так и речь лучше всего следует развивать у детей преимущественно на том, что доступно им, оставляя до более позднего времени то, что недоступно этому возрасту. Делают ошибку, когда детям предлагают Цицерона и других великих писателей, рассуждения которых выше детского

8. Что касается полиглотии, или знания различных языков, то она может быть быстро и легко достигнута благодаря методу, который мы изложим в восьми правилах.

9. Каждый язык нужно изучать отдельно. Сперва, конечно, родной язык, затем тот,

затем сравнивать их при помощи параллельных словарей, грамматик и пр.

II. *10. На каждый язык следует отвести определенное время занятий, чтобы не превращать побочное занятие в главное и не терять на слова время, отведенное для изучения вещей. Так как родной язык связан с вещами, которые постепенно охватываются сознанием, то по необходимости он требует нескольких лет, т. е. 8 или 10 лет, т. е. всего детства вместе с частью отрочества. Затем можно перейти к другому употребительному языку, которым можно достаточно овладеть в годичный срок. Изучение латинского языка может быть закончено в течение двух лет, изучение греческого языка — в течение одного года, а изучение еврейского языка — в один семестр.*

III. *11. Каждый язык лучше изучать не путем правил, а на практике, т. е. как можно чаще слушая, читая, перечитывая, переписывая, стараясь подражать письменно и устно (см. сказанное об этом в I и XI основоположениях предшествующей главы).*

IV. *12. Однако правила должны поддерживать и закреплять практику, как об этом сказано в предыдущей главе во II основоположении и в др. Это нужно иметь в виду, главным образом, применительно к научным языкам, которые по необходимости мы изучаем из книг; но так же дело обстоит и с народными языками. Языки итальянский, французский, немецкий, чешский и венгерский могут быть подведены под правила, как это уже и сделано.*

V. *13. Правила должны быть грамматическими, а не философскими. Это значит, что они не должны тонко расследовать отношения и происхождение слов, фраз, сочетаний — почему это необходимо должно быть так или иначе, но просто лишь разъяснять, что происходит и как это происходит. Более тонкое рассмотрение причин и связей, сходств и различий, аналогии и аномалии, которые присущи вещам и словам, относится к философии — филологу оно только мешает.*

VI. *14. Нормой для составления правил нового языка должен быть язык, ранее изученный, чтобы было показано только различие между тем и другим.*





затем сравнивать их при помощи параллельных словарей, грамматик и пр.

II.

10. *На каждый язык следует отвести определенное время занятий*, чтобы не превращать побочное занятие в главное и не терять на слова время, отведенное для изучения вещей. Так как родной язык связан с вещами, которые постепенно охватываются сознанием, то по необходимости он требует нескольких лет, т. е. 8 или 10 лет, т. е. всего детства вместе с частью отрочества. Затем можно перейти к другому употребительному языку, которым можно достаточно овладеть в годичный срок. Изучение латинского языка может быть закончено в течение двух лет, изучение греческого языка — в течение одного года, а изучение еврейского языка — в один семестр.

III.

11. *Каждый язык лучше изучать не путем правил, а на практике*, т. е. как можно чаще слушая, читая, перечитывая, переписывая, стараясь подражать письменно и устно (см. сказанное об этом в I и XI основоположениях предшествующей главы).

IV.

12. *Однако правила должны поддерживать и закреплять практику*, как об этом сказано в предыдущей главе во II основоположении и в др. Это нужно иметь в виду, главным образом, применительно к научным языкам, которые по необходимости мы изучаем из книг; но так же дело обстоит и с народными языками. Языки итальянский, французский, немецкий, чешский и венгерский могут быть подведены под правила, как это уже и сделано.

V.

13. *Правила должны быть грамматическими, а не философскими*. Это значит, что они не должны тонко расследовать отношения и происхождение слов, фраз, сочетаний — почему это необходимо должно быть так или иначе, но просто лишь разъяснять, что происходит и как это происходит. Более тонкое рассмотрение причин и связей, сходств и различий, аналогии и аномалии, которые присущи вещам и словам, относится к философии — филологу оно только мешает.

VI.

14. *Нормой для составления правил нового языка должен быть язык, ранее изученный, чтобы было показано только различие между тем и другим*.

Ведь повторять общее обоим языкам не только бесполезно, но и вредно, так как вид большого объема и большей разницы, чем это есть на самом деле, пугает ученика. Например, в греческой грамматике нет никакой необходимости повторять определения имен существительных, глаголов или падежей, времен и пр. или синтаксические правила, которые не дают ничего нового, и пр., так как все это надо предполагать уже известным. Надо

давать только то, в чем греческий язык отстывает от правил латинского языка, как уже известного. И тогда греческую грамматику можно будет изложить на нескольких листах, что будет содействовать более отчетливому, легкому и прочному ее усвоению.

## VII.

*15. Первые упражнения в новом языке должны вращаться вокруг ранее известных предметов.*

Тогда, очевидно, не будет необходимости сразу обращать внимание на слова и вещи и таким образом отвлекать и ослаблять его, а придется сосредоточиться только на словах, для того чтобы легче и быстрее ими овладеть. Таким материалом будет что-либо уже ранее достаточно известное или главы катехизиса или библейской истории (или, если угодно, наши «Преддверие» и «Дверь»; последнее вследствие своей краткости более удобно для усвоения памятью, а первое полезно во всех остальных отношениях, так как вследствие часто встречающегося повторения, при чтении и перечитывании одних и тех же слов, они лучше проникают в сознание и память).

## VIII.

*16. Итак, все языки можно изучать одним и тем же методом.*

А именно методом практических упражнений с присоединением самых легких правил, которые бы указывали только отличие от ранее изученного языка, причем и самые упражнения нужно давать ученикам на знакомом материале и пр.

## Об изучении языков в совершенстве

Нет необходимости, чтобы языки, за исключением двух, изучались, так сказать, в совершенстве; изучение языков проходит четыре ступени.

17. В начале главы мы указывали, что не все изучаемые языки надо изучать с одинаковой тщательностью. Только родному и латинскому языкам нужно уделять такое внимание, чтобы овладеть ими вполне. Такое изучение языка следует разделить на четыре возраста:

Первый возраст — детский, лепечущий, когда учатся говорить как попало.

Второй	»	— отроческий, подрастающий,	»	»	правильно.
Третий	»	— юношеский, цветущий,	»	»	изящно.
Четвертый	»	— возмужалый, сильный,	»	»	выразительно.

Почему так.

**18.** Ведь правильное движение вперед требует постепенности, иначе все будет спутано, несвязно, разорвано, как это большинству из нас известно на собственном опыте. Но по этим ступеням можно будет легко вести изучающих языки, если будут специально составлены пособия, а именно: с одной стороны, учебники, которые нужно дать в руки учащихся, с другой — руководства для преподавателей; те и другие должны быть составлены кратко и методично.

Четыре рода учебников по языкам.

- |     |   |   |  |
|-----|---|---|--|
| 19. | I. Преддверие,<br>II. Дверь,<br>III. Дворец,<br>IV. Сокровищница. | } | языка (например, латинского)<br>с относящимися сюда пособиями. |
|-----|---|---|--|

I. Преддверие.

**20.** «Преддверие» должно заключать в себе словарный материал для детского разговора в несколько сотен слов, связанных в кратких изречениях с присоединением сюда таблиц склонений и спряжений.

II. Дверь.

**21.** «Дверь» должна заключать в себе все употребительные слова языка — около восьми тысяч, собранные в кратких выражениях, которыми изображаются самые вещи в их естественном виде. К этому нужно присоединить краткие и ясные грамматические правила, чрезвычайно точно указывающие, как надо писать слова этого языка, производить их, образовывать и соединять.

III. Дворец.

**22.** «Дворец» должен заключать в себе различные рассуждения о всевозможных вещах, наполненные всевозможными изящными фразами и выражениями, с отметками на полях, из каких авторов взяты отдельные выражения. В конце должны быть присоединены правила о том, как можно на тысячи ладов изменять и украшать фразы и выражения.

IV. Сокровищница авторов.

**23.** Под «Сокровищницей» мы подразумеваем самые произведения классических авторов о всевозможных предметах, наиболее глубокие и яркие, с предпосланными им правилами относительно того, как подмечать и собирать выражения речи, отличающиеся особой силой и точной передачей идиоматизмов<sup>102</sup> (что особенно важно). Некоторых из этих авторов нужно отобрать для чтения в школах, для других следует составить указатель с тем, чтобы, если кому-либо впоследствии представится случай или у кого-либо явится желание по поводу того или иного вопроса прочесть авторов полностью, он мог бы знать, какие это авторы.

Пособия.

**24.** Пособиями называются те книги, которые помогают более быстрому и более плодотворному пользованию учебниками.

I. Именно: I. К «Преддверию» присоединяется небольшой словарь, заключающий в себе перечень слов родного языка с переводом на латинский, латинского — с переводом на родной язык.

II. К «Двери» присоединяется этимологический словарь латинского языка, представляющий собой расширение основных слов при помощи производных от них и сложных слов и дающий основание для их значения.

III. К «Дворцу» присоединяется фразеологический лексикон, где собраны различные фразы, украшающие синонимы и перифразы, встречающиеся в разных местах самого «Дворца», причем родной язык объясняется родным, латинский язык — латинским (и, если нужно, греческий язык — греческим) с прибавлением указания мест, где эти выражения встречаются.

IV. Наконец, для «Сокровищницы» будет подобием «Всеобщий справочник», разъясняющий богатства обоих языков (родного — латинского и затем латинско-греческого) так, чтобы не оставалось решительно ничего, чего бы нельзя было найти здесь, и чтобы все совершенно соответствовало одно другому: параллельное выражение собственного смысла слов — собственным, переносным — переносным, шутливого — шутливым, пословиц — пословицам и пр. Ибо невероятно, чтобы у какого-либо народа был бы такой бедный язык, который уже не имел бы достаточного запаса слов, фраз, мыслей и пословиц, чтобы расположить их в порядке применительно к латинскому языку; каждый язык, наверное, мог бы располагать таким запасом, нужно только проявить искусство подражания, искусство оформлять из сходных выражений выражения, соответствующие латинским оборотам.

Всеобщего справочника, кроме справочника поляка Кнапия, у нас еще нет. 25. Однако такого универсального справочника до сих пор мы все еще ожидаем. Правда, польский иезуит Григорий Кнапий<sup>103</sup> оказал своему народу выдающуюся услугу своим сочинением под заглавием «Польско-латино-греческая Сокровищница». Однако труд этот страдает тремя следующими недостатками. Во-первых, там собраны еще не все слова и фразы родного языка. Во-вторых, они расположены не в том порядке, который мы только что указали, чтобы различного рода слова, насколько это возможно, соответствовали друг другу: собственные имена — собственным, переносные — таким же переносным, слова устарелые — устарелым; благодаря тому в равной степени выявились бы особенности, блеск и богатство того и другого языка. Ведь Кнапий с каждым польским словом и фразой

соединил несколько латинских, между тем как мы желаем, чтобы каждому отдельному слову и фразе одного языка точно соответствовали выражения другого, чтобы все изящные латинские выражения передавались и на нашем языке. Именно благодаря этому всеобщий справочник в совершенстве мог бы быть полезным также для перевода каких угодно книг как с латинского на родной, так и обратно. В-третьих, мы не видим в «Сокровищнице» Кнапия стройности в самом расположении фраз в отношении последовательности; не следовало бы их располагать в таком случайном порядке. На первом месте должны были бы идти выражения простые и исторические, затем более высокие — ораторские, еще далее — более высокие, трудные и необычные поэтические и, наконец, устарелые.

26. Но исчерпывающее суждение о структуре этого всеобщего справочника, равно как и суждение о специальном способе и приеме пользоваться «Преддверием», «Дверью», «Дворцом» и «Сокровищницей» для безошибочного достижения поставленной нами цели — совершенного усвоения языка, — мы отложим на другое время и специально этим займемся при рассмотрении организации отдельных классов.

## Г Л А В А ХХIII

### Метод нравов<sup>104</sup>

Все предшествующее не так существенно по сравнению с главным — нравственностью и благочестием.

Конечно, это так, поскольку это служит не чем иным, как только подготовкой к более важному, и, как он говорит, это наши первые опыты, а не настоящие дела. *В чем же будет состоять настоящая работа? В изучении мудрости, которая делает нас возвышенными, мужественными и великодушными.* Это именно то, на что мы выше указали под именем нравственности и благочестия; только благодаря этому мы становимся поистине выше тварей, более близкими к самому богу.

Это нужно обратить в искусство.

2. Итак, *следует как можно более заботиться о том, чтобы искусство внедрять настоящим образом, нравственность и истинное благочестие было поставлено надлежащим образом в школах, чтобы школы вполне стали, как их называют, «мастерскими людей».*

Шестнадцать правил искусства развивать нравственность.

I.

Из того, что правильно и честно, именно ничего нельзя исключить, не вызывая пробелов и нарушения гармонии.

II.

4. И прежде всего основные, или, как их называют, «кардинальные» добродетели: мудрость, умеренность, мужество и справедливость.

Ведь нельзя без фундамента воздвигать здание, в котором все его плохо скрепленные части шатались бы на своих устоях.

III.

5. Мудрость юноши должны почерпнуть из хорошего наставления, изучая истинные различия вещей и их достоинство.

Ибо истинное суждение о вещах есть истинная основа всякой добродетели. Прекрасно об этом говорит Вивес: «Истинная мудрость заключается в том, чтобы судить о вещах справедливо, чтобы считать каждую вещь только такою, какая она есть, не стремиться к пустому, как будто бы оно было драгоценным, или не отбрасывать драгоценного, принимая его за пустое, не порицать того, что заслуживает похвалы, и не восхвалять заслуживающего порицания. Отсюда именно рождаются в человеческих умах всякое заблуждение и ошибки, и ничего нет в человеческой жизни более гибельного, чем те превратные суждения, когда вещам дается не надлежащая оценка. Поэтому пусть приучается (продолжает он) каждый уже с детства иметь о вещах истинное мнение, которое с возрастом должно укрепляться, и пусть устремляется к тому, что правильно, и избегает того, что неправильно, чтобы эта привычка действовать правильно обратилась у него во вторую природу...» и пр.

IV.

6. Умеренности пусть обучается на протяжении всего времени обучения, привыкая соблюдать умеренность в пище и питье, в сне и бодрственном состоянии, в работе и в играх, в разговоре и молчании.

Здесь всегда нужно напоминать юношам золотое правило: ничего сверх меры, т. е. никогда и ни в чем не доходить до пресыщения и отвращения.

V.

7. Мужеству пусть они учатся, преодолевая самих себя, сдерживая свое влечение к излишней беготне или игре вне или за пределами положенного времени, в обуздывании нетерпеливости, ропота, гнева.

Основой этого должна быть привычка поступать во всем обдуманно и ничего не делать под влиянием увлечения или порыва. Ведь человек есть существо разумное, следовательно, пусть он

привыкает руководиться разумом, обдумывая свои действия, что, почему, каким образом каждое дело должно происходить правильно, чтобы человек поистине был господином своих действий. И так как дети (по крайней мере, не все) не всегда способны к такому продуманному и рациональному образу действия, то для того, чтобы научить их мужеству и самообладанию, прекрасным средством будет приучение их выполнять лучше чужую волю, чем свою собственную, повинуюсь, конечно, старшим чрезвычайно быстро во всем. Кто правильно тренирует коней, говорит Локтанций, тот прежде всего учит их слушаться узды, а кто хочет воспитывать детей, тот прежде всего пусть приучает их слушаться приказаний. О, какая здесь открывается великая надежда на исправление человеческих заблуждений, которыми переполнен мир, если с самого дня вступления в жизнь люди будут учиться уступать друг другу, действовать во всем с должным разумением.

VI. *8. Справедливости учатся, никого не оскорбляя, воздавая каждому свое, избегая лжи и обмана, проявляя исполнительность и любезность.* В этом, а также и в том, что сказано выше, нужно воспитывать детей теми способами и средствами, которые предписывают следующие правила.

VII. *9. Особенно необходимые юношеству виды мужества: благородное прямодушие и выносливость в труде.*

Так как жизнь придется проводить в общении с людьми и в деятельности, то нужно научить детей не бояться человеческого лица и переносить всякий честный труд, чтобы они не стали нелюдимыми или мизантропами, тунеядцами, бесполезным бременем земли. Добродетель развивается посредством дел, а не посредством болтовни.

VIII. *10. Благородное прямодушие достигается частым общением с благородными людьми и исполнением на их глазах всевозможных поручений.*

Аристотель так воспитал Александра, что на двенадцатом году своей жизни он умел умно обходиться со всякого рода людьми — царями и послами царей и народов, с учеными и неучеными, с горожанами, поселянами и ремесленниками — и по всякому затронутому делу мог предложить разумный вопрос или разумно ответить. Для того чтобы при нашем универсальном воспитании все научились удачно подражать этому, надо составить правила обхождения и строго следить за тем, чтобы ученики скромно обращались и ежедневно беседовали о различных предметах с учителями, товарищами, родителями, прислугой и прочими людьми. Наконец, учителя должны уделять внимание тому, чтобы направлять на



должный путь всякого, в ком будет замечена распушенность, небдуманность, грубость или дерзость.

IX.

11. *Привычку к труду юноши приобретут в том случае, если постоянно будут заняты каким-либо серьезным или занимательным делом.*

Для этой цели совершенно безразлично, что и ради чего делается, лишь бы только человек был занят делом. Даже в забавах можно научиться тому, что впоследствии при случае может принести серьезную пользу, когда того требует время и обстоятельства. Но так как все нужно усваивать путем практики (как это мы видели в своем месте), то и труду тоже надо учить посредством труда, так, чтобы постоянные (однако умеренные) умственные и физические занятия перешли в трудолюбие, которое сделает праздность невыносимой. И тогда оправдается то, что говорит Сенека: «Благородные умы питаются трудом».

X.

12. *Особенно необходимо внушить детям родственную справедливости добродетель — готовность услужить другим и охоту к этому.*

Ибо с испорченной природой тесно связан отвратительный порок себялюбия, при котором каждый желает, чтобы думали только о нем одном, оставаясь равнодушным к тому, что происходит с другими. Это является источником различных неурядиц в человеческих делах, поскольку каждый хлопочет только о своих делах, отодвигая в сторону заботу об общем благе. Поэтому *нужно старательно внушать юношеству назначение нашей жизни*, а именно что мы рождаемся не только для самих себя, но и для бога и для ближнего, т. е. для всего человеческого рода; исходя из этого убеждения, каждый уже с детства пусть привыкает подражать богу, ангелам, солнцу и другим более благородным созданиям, т. е. делать и стараться оказывать пользу своими услугами возможно большему числу людей. Итак, тогда лишь наступило бы состояние в делах частных и общественных, если бы все прониклись желанием действовать в интересах общего благополучия, знали бы и умели, как везде друг другу помогать. Люди будут уметь и хотеть делать это, нужно только их этому научить.

XI.

13. *Развитие добродетелей нужно начинать с самых юных лет, прежде чем порок овладеет душой* <sup>105</sup>.

Ведь если ты не засеешь поля добрыми семенами, оно будет производить травы, но какие? Плевелы и всякие сорняки. Если у тебя есть намерение обрабатывать землю как следует, то легче всего ты управишься с этим делом и с большей надеждой будешь ожидать жатвы, если вспашешь, засеешь и заборонишь землю весной как можно раньше. Много значит привычка, прио

ная с юных лет, так как «долго будет хранить сосуд тот запах, которым пропитался с первого раза».

ХII.

14. *Добродетелям учатся, постоянно осуществляя честное.* В главах ХХ и ХХI мы видели, что познанию мы учимся познанием, действию — действием. Дети легко учатся бегать, бегая; говорить — занимаясь разговором; писать — упражняясь в письме, и пр. Таким же образом они научатся послушанию послушанием, воздержанию — воздержанием, правдивости, говоря правду, настойчивости, действуя настойчиво, и пр., — лишь бы только не было недостатка в тех, кто словом и делом показывал бы пример.

ХIII.

15. *Пусть постоянно сияют перед нами примеры порядочной жизни родителей, кормилиц, учителей, сотоварищей.*

Ведь дети — это обезьяны: что бы они ни видели — хорошее или дурное, они стремятся этому подражать даже без всякого внешнего побуждения. Таким образом, они учатся раньше подражать, чем познавать. Я имею в виду при этом примеры, как взятые из жизни, так и из истории; и прежде всего — взятые из жизни, потому что они ближе и производят более сильное впечатление. Итак, пусть прежде всего сами родители строго блюдут домашнюю дисциплину, а учителями пусть будут самые лучшие из людей, выдающиеся своей нравственностью, — вот наиболее действенное замечательное средство к тому, чтобы побудить учеников к самой честной жизни.

ХIV.

16. *Однако нужно примеры сопровождать наставлениями и правилами жизни для того, чтобы исправлять, дополнять и укреплять подражание,* как об этом сказано в главе ХХI, правило IX.

Подобного рода предписания для жизни нужно извлекать из Священного писания и изречений мудрецов. Например, почему и как нужно избегать зависти? Каким образом защищать сердце от печалей и всяких человеческих несчастий? Как умерять радость? Каким образом сдерживать гнев, изгонять преступную любовь? и т. п. Однако все это соответственно возрасту и степени развития.

ХV.

17. *И самым тщательным образом нужно оберегать детей от сообщества испорченных людей, чтобы они не заразились от них.*

Ведь вследствие испорченности нашей природы зло распространяется легче и держится упорнее. Поэтому всячески нужно предохранять молодежь от всех поводов к нравственной испорченности, как, например, дурных товарищей, развращенных речей, пустых и бессодержательных книг (ибо примеры пороков, воспринятые глазами или ушами, есть яд для души) и, наконец, безделья, чтобы дети от безделья не научились делать дурное или не отупели

умственно. Лучше, чтобы они всегда были чем-нибудь заняты, серьезным ли делом, или развлечением, только бы не предавались бы праздности.

XVI.

*18. И так как едва ли удастся каким-либо образом быть настолько зорким, чтобы к детям не могло проникнуть какое-либо зло, то для противодействия дурным нравам совершенно необходима дисциплина.*

Враг, сатана, находится на страже не только тогда, когда мы спим, но и когда мы бодрствуем; и тогда, когда мы сеем доброе семя на духовной ниве, он вмешивается, чтобы сеять вместе и свои плевелы; да и сама испорченная природа наша то тем, то другим дает о себе знать, поэтому совершенно необходимо силою противодействовать злу. Но противодействие должно оказывать дисциплиной, т. е. порицанием и наказанием, словами и ударами, смотря по тому, что требует дело. При совершении проступка всегда нужно тотчас же подавить зреющий порок при первом же его проявлении или, лучше, если это возможно, вырвать его с корнем. Итак, дисциплина должна царить в школах не столько ради преподавания наук (которые при правильном методе преподавания являются для человеческого ума наслаждением и приманкой), сколько ради нравов.

Впрочем, о дисциплине см. также ниже, главу XXVI.

#### Г Л А В А XXIV

### Метод внушения благочестия

Можно ли подвести под искусственный метод изучение благочестия?

1. Благочестие есть дар божий и дается с неба; причем наставником и учителем благочестия является дух божий. Но так как обычно он действует через естественные средства, выбирая себе помощниками родителей, наставников, служителей церкви, которые бы с верным попечением насаждали и поливали райские ветки (1 Кор. 3, 6, 8), то им подобает понимать характер своих обязанностей.

Что следует разуметь под именем благочестия?

2. Что разумеется у нас под именем благочестия, на это мы указали выше. А именно оно заключается в том, чтобы, после правильно воспринятого понятия о делах веры и религии, сердце наше умело везде искать бога, — которого Писание называет сокровенным (Ис. 45, 15) и царем невидимым (Евр. 11, 27), т. е. таким, который покрыл себя одеянием своих дел и во всем видимом

невидимо присутствует, всем невидимо управляет, — везде, находя его, следовать за ним и достигать его и, наконец, радоваться в нем. Первое совершается умом, второе — волею, а третье — радостью совести.

**Значение этого.**

3. Мы ищем бога, отмечая следы его божественности во всем созданном им. Мы следуем за богом, поручая себя всецело его воле во всем, как в наших делах, так и для перенесения всего, что будет ему благоугодно ниспослать нам. Мы радуемся в боге, успокаиваясь в его любви и милости таким образом, чтобы ничего ни на небе, ни на земле не было более желанным, чем сам бог, ничего не было приятнее мысли о нем, ничего более сладостного, чем его слова, так чтобы сердце наше таяло от любви.

**Три источника и три способа почерпнуть оттуда. Тройной источник — это слово божие в творении, Писании и вдохновении.**

4. Откуда нам почерпнуть это наше настроение, для этого у нас есть три источника и три способа, или три ступени.

5. Источниками являются: Священное писание, мир, мы сами. Именно в первом случае слово божие, во втором — творение, в третьем — вдохновение. Не подлежит сомнению, что из Писания почерпается познание бога и любовь к нему. Сами язычники, которые одним созерцанием мира доходили до почитания божественного начала, являются свидетелями того, что из мира и мудрого рассматривания удивительных в нем божественных дел мы поднимаемся до состояния благочестия. Как видно из примера Сократа, Платона, Эпиктета<sup>106</sup>, Сенеки и др., это чувство любви было несовершенным и уклоняющимся от цели у людей, которые не опирались на божественное откровение, по сравнению с теми, кто из слов и дел божиих одновременно принимают познание бога и воспламеняются самой горячей любовью к богу, как это видно из примера Иова, Илии, Давида<sup>107</sup> и других благочестивых людей.

Сюда относится и особая забота провидения относительно нас самих (как удивительно оно нас сотворило, сохранило до настоящего времени и нами управляет), как показывают своим примером Давид (Пс. 139) и Иов (гл. 10).

**Тройкий способ почерпнуть благочестие тройного источника.**

6. Способов почерпнуть из этого источника благочестия — три: размышление, молитва, искус. Доктор Лютер говорит, что эти три состояния образуют богослова, но поистине

только эти три дела вообще могут образовывать и христианина.

**Размышление.**

7. Размышление есть частое, внимательное, благочестивое проникновение в дела, слово

и милость божии: именно, как все происходит только по милости бога (или прямо действующего, или соизволяющего) и какими чудными путями все решения воли божией достигают своих целей.

**Молитва.** 8. Молитва есть частое и до некоторой степени постоянное воздыхание к богу и мольба о его милосердии, чтобы он нас поддерживал и руководил нами духом своим.

**Искус.** 9. Наконец, искус есть постоянное исследование наших успехов в благочестии, происходит ли это через нас самих или через других. Сюда относится каждое в своем роде испытание: человеческое, дьявольское, божественное. Ибо и себя самого должен испытывать постоянно человек, крепок ли он в вере (2 Кор. 13, 5) и как старательно он выполняет волю Божию. Необходимо, чтобы нас исследовали и люди — друзья и враги. Это происходит тогда, когда те, кто богобоязненно начальствует над другими, бдительным вниманием и открытыми или тайными наблюдениями стремятся расследовать, какие мы сделали успехи, а также те случаи, когда бог поднимает на нас врага, который научает нас обращаться к богу и нам показывает, сколько заключается в нас силы веры. Наконец, и самого сатану иногда посылает на нас бог или даже сам ополчается против человека, чтобы обнаружилось, что находится в его сердце. Итак, все это нужно будет внедрить христианскому юношеству, чтобы во всем, что есть, было и будет, все приучались обращаться духом к тому, кто первый и последний из всех, и в нем одном находили покой души.

**Метод внушения благочестия, заключающийся в двадцать одном правиле.**  
I.

10. Особый метод благочестия, заключающийся в двадцать одном правиле, будет следующий:  
Забота о внедрении благочестия должна начинаться в раннем возрасте, с одной стороны, потому, что полезно этого не откладывать, а с другой стороны, потому, что откладывать это опасно. Самый разум советует, что следует приводить в исполнение прежде то, что предшествует, и скорее то, что важнее. Но что должно стоять впереди и должно быть важнее, чем благочестие, без которого всякое другое упражнение мало полезно, тогда как само оно имеет обетование жизни настоящей и будущей (I Тим. 4, 8). Это есть единое на потребу (Лук. 10, 42), те поиски царствия Божия... при попечении о котором остальное прилагается (Матф. 6, 33). Но откладывать это опасно, так как если в самом раннем возрасте души не проникаются любовью к богу, то вследствие самого хода жизни, проведенной некоторое время без любви к божеству, незаметно проникает в душу неуважение к божеству, которое впоследствии искореняется с величайшим трудом, а у некоторых не искореняется никогда. Поэтому, жалуясь на ужасающий поток безбожия в своем народе, пророк говорит: «Нет никого, кого бы учил Бог, кроме отнятых от груди и отлученных от соецов, т. е.

грудных детей» (Ис. 26). О других другой пророк говорит, что не могут они исправиться, чтобы делать доброе, ибо привыкли они делать злое (Иер. 13, 23).

II. 11. Итак, тотчас, при первом пользовании глазами, языком, руками и ногами, пусть дети научатся взирать на небеса, поднимая руки вверх, взывая к Богу и Христу, преклонять колена пред незримым величием и почитать его.

Не настолько трудно научить этому детей, как это воображают те, кто не обращает внимания на то, насколько важно нам отрешиться от сатаны, от мира, от самих себя, и поэтому к столь важному делу относятся слишком небрежно. Дети, которые еще слабо распоряжаются разумом, конечно, сначала не поняли бы, что происходит; пусть, однако, они знают только, что это должно делать и чрезвычайно важно, чтобы они научились этому сами путем употребления. Ведь после того как они научатся делать дела, легче будет им внедрить то, что следует. Затем и они станут именно понимать, что происходит и почему происходит и каким образом совершается правильно.

В законе бог повелел посвящать ему всех первенцев; так почему же не посвящать ему начатки мыслей, детского лепета, движений и действий наших?

III. 12. Но когда детям по возрасту можно уже будет давать образование, прежде всего им следует внушить, что мы находимся на земле не ради этой жизни, но что мы стремимся к вечности, что здесь лишь переходное положение, чтобы, подобающим образом подготовившись, мы достойно вступили в вечные жилища. В этом их легко можно убедить ежедневными примерами тех, кто похищается смертью и переносится в другую жизнь: детей, мальчиков, юношей и стариков. Нужно часто вызывать это у них в памяти, чтобы они помышляли о том, что никто здесь не может укрепить своего пребывания.

IV. 13. Итак, постоянно нужно им напоминать, что не следует здесь делать ничего, кроме того, чтобы правильно подготовиться к грядущей жизни. Иначе было бы неразумно заниматься тем, что придется покинуть, и пренебрегать тем, что нас будет сопровождать в самое вечность.

V. 14. Затем нужно детей научить, что жизнь, в которую переселяются люди отсюда, бывает двоякая: блаженная с Богом и несчастная в аду; и та и другая вечны. Примером этого служат Лазарь и богач, души которых были отнесены — одного ангелами на небо; а другого дьяволами в геенну.

VI. 15. Счастливы и бесконечно счастливы те, кто так воспитывает свою душу, что оказывается достойным быть перенесенным к Богу. Ибо вне Бога, источника света и жизни, нет ничего, кроме мрака, ужаса, мучений, вечной смерти без действительной смерти, так что лучше было бы не родиться тем, кто уклонится от Бога и низвергнется в пропасть вечной гибели.

VII. 16. Перенесены к Богу будут те, кто здесь живет с Богом (как Энох и Илия, оба живые, другие после смерти (Быт. 5, 24 и пр.).

VIII. 17. А живет с Богом тот, кто имеет его пред глазами, боится его и исполняет его заповеди. И это в человеке (Еккл. 12, 13) все то, о чем сказал Христос, — единое на потребу (Лук. 10, 42). Нужно всегда учить всех христиан иметь это на устах и в сердце, чтобы когда-либо чрезмерно не заблудиться вместе с Марфой в суете этой жизни.

IX. 18. Итак, пусть дети приучатся относить к Богу непосредственно и посредственно все то, что они здесь видят, слышат, с чем соприкасаются, что делают и терпят.

Это нужно пояснить примерами. Именно те, кто отдается научным занятиям и созерцательной жизни, должны отдаваться этому таким образом, чтобы созерцать везде разливающееся божие могущество, благодать и мудрость, благодаря этому воспламеняться любовью к нему и этой любовью прилепляться к богу все теснее и теснее так, чтобы расторгнуть их с ним было бы невозможно веками. А кто занимается физическим трудом, земледелием, ремеслами и пр., те ищут и остального, необходимого для жизни, — все это затем, чтобы жить удобно, а жить так им нужно для того, чтобы служить богу спокойно и радостно и, служа, угождать ему, а угождая ему, вечно быть с ним в единении. Кто в своих делах преследует другие цели, тот уклоняется от воли божией и от самого бога.

X. 19. С юного возраста пусть дети научатся заниматься преимущественно тем, что непосредственно ведет к Богу: чтением Священного писания, участием в богослужении и внешними добрыми делами.

Ведь чтение Священного писания возбуждает и согревает воспоминание о Боге; участие в богослужении ставит человека пред лицом Бога и соединяет его с ним; добрые дела укрепляют эту связь, так как показывают, что мы поистине ходим по заповедям божьим. Эти три требования решительно предъявляются всем, кто ищет благочестия (а таким является все христианское юношество, посвященное крещением Богу).

## XI.

20. Поэтому Священное писание в христианских школах должно быть альфой и омегой. Об этом Гиперий сказал: богослов рождается в Писании. Ап. Петр развил это шире, говоря, что божие сыны рождаются от нетленного семени слова Бога живого и пребывающего во веки (1 Петр. 1, 23). Итак, в христианских школах впереди всех книг должна идти эта божественная книга, чтобы, по примеру Тимофея, все христианские юноши, обученные с детства Священному писанию, были наставлены к блаженству (2 Тим. 3, 15) и воспитаны в словах веры (1 Тим. 4, 6). В свое время прекрасно об этом рассуждал Эразм<sup>108</sup> в своем «Параклезисе», т. е. в признании к изучению христианской философии. Священное писание, сказал он, подходит ко всем одинаково: оно склоняется к детям, приспособляется к их возрасту, питая их молоком, согревая, поддерживая, делая все, пока мы не возмужаем во Христе. А если оно и по силам самым малым, то для самых великих оно является предметом, достойным удивления: для малых оно малое, для великих — более чем величайшее. Оно не отвергает никакого возраста, никакого пола, никакого положения, никакого жребия. Солнце является не таким общим и всем доступным, если кто не устраняется сам, лишая себя счастья, и т. д., и прибавляет к этому: «О если бы оно было переведено на все языки всех народов, чтобы его могли читать и понимать не только шотландцы и ирландцы, но также турки и сарадины. Многие бы смеялись над ним — пусть будет так, но некоторые увлеклись бы им. О если бы из него напевал что-либо земледелец у плуга, исполнял бы кое-что ткач в такт к своей работе; такого рода рассказами пусть сокращает скучную дорогу путешественник; и если бы отсюда были заимствованы все разговоры христиан! Ведь мы приблизительно таковы, какими являются наши ежедневные разговоры. Пусть каждый достигает того, чего может, пусть каждый выражает то, что может. Кто позади, пусть не завидует тому, кто впереди; кто впереди, пусть зовет следующего, не презирает его. Почему общее для всех призвание мы ограничиваем тайным кругом?» И в конце: «Итак, все мы, кто поклялся в крещении словами Христа (если, однако, поклялись искренно), тотчас же, даже среди объятий родителей и ласк своих нянек, пусть будем посвящены в учение Христа. Ведь чрезвычайно глубоко коренится и чрезвычайно крепко держится то, что впервые впитал в себя новый еще сосуд духа. Пусть первый лепет называет Христа; на евангелиях Христа пусть образуется первое детство. Я желал бы, чтобы о Христе так рассказывали начинающим, чтобы его полюбили даже дети. Пусть предаются этим занятиям и после, пока, незаметно подрастая, дети не вырастут крепкими мужчинами во Христе. Счастлив тот, кого смерть застанет за этими книгами. Итак, будем же всей душой жаждать этих занятий, погрузимся в них, бу-



дем предаваться им непрерывно, будем лобызать эти книги, умрем, наконец, в этих занятиях и в них превратимся, так как занятия переходят в нравы и пр.» Тот же Эразм в «Сокращенном богословии» говорит: «И насколько я знаю, не будет неразумным, по мнению Августина, заучивать священные книги наизусть, даже не понимая их» и пр. Итак, вообще в христианских школах должны раздаваться не Плавт, не Теренций, не Овидий, не Аристотель, но Моисей, Давид, Христос, и пусть придуманы будут способы, благодаря которым Библия станет близкой юношеству, посвященному богу, совершенно так же, как азбука (а все христианские дети святы) (1 Кор. 7, 14). Ведь как из звуков и букв и их начертаний слагается вся речь, так и из элементов божественных книг — все построенные религии и благочестия.

#### ХII.

21. Все, что изучается из Писания, должно быть относимо к вере, любви и надежде. Ведь это — три главные цели, к которым относится все, что богу угодно было открыть нам своим словом. Ведь одно он открывает, чтобы мы знали, второе заповедует, чтобы мы исполняли; третье даже обещает, чтобы от благости его мы ожидали в этой и в будущей жизни. Во всем Писании не встречается ничего, что бы не имело никакого отношения к какой-нибудь из этих основ. Итак, пусть все научатся понимать это, чтобы уметь разумно обращаться с божественными изречениями.

#### ХIII.

22. Вера, любовь, надежда должны быть изучаемы для применения их в жизни. Начиная с первой ступени мы должны образовывать детей-христиан на практике, а не в теории, если мы действительно желаем иметь христиан. Религия — дело живое, а не выдуманное; поэтому свою жизненность пусть она выражает действием: так и живое семя, посеянное в хорошую землю, скоро прорастает. Отсюда Писание требует действенной веры (Гал. 5, 6), называет веру без дел мертвой верой (Иак. 2, 20), требует также живой надежды (1 Петр. 1, 3). Отсюда в законе чрезвычайно часто слышится голос: что открывается свыше, открывается затем, чтобы мы это выполняли. И Христос говорит: «Если вы это знаете, вы блаженны, если вы будете исполнять» (Иоан. 15, 17).

#### ХIV.

23. Вере, любви, надежде научатся применительно к жизни дети (да и все), если их научат непоколебимо верить в то, что обещают.

Нужно заметить и старательно внушить юношеству, что если оно желает, чтобы слово божие для него было силой божией во спасение, то оно должно приносить сердце смиренное и преданное, готовое всегда и везде во всем подчиняться Богу, мало того — уже подчиняющееся ему на деле. Ведь как солнце своим светом ничего не освещает тому, кто не желает открыть глаз, и предложенная

пища не насыщает никого, если он не желает есть, так и божественный, дарованный умам свет, данные для наших действий заповеди и обещанное боящимся Бога блаженство были бы напрасными, если бы мы не воспринимали этого с твердой верой, пылкой любовью и твердой надеждой. Так, отец верующих, Авраам, последовав велениям Бога, верил даже в то, что разуму казалось невероятным, имел веру словам Бога: совершал самое тяжкое для тела (как, например, покинуть отечество, заклать своего сына и пр.) и надеялся там, где было не на что надеяться, как только на обетования Бога. И эта живая и деятельная вера была ему вменена в праведность. Этому должно учить всех; кто только передаст себя Богу, тот должен испытать это на себе самом и твердо соблюдать это.

XV.

24. Что бы ни изучало христианское юношество после Священного писания (науки, искусство, языки и пр.) — все должно изучаться в подчинении Писанию, а именно чтобы юношество могло заметить и точно увидеть, что все есть чистая суета, если оно не относится к богу и будущей жизни.

Древние восхваляют Сократа за то, что от пустых и запутанных умозрений он низвел философию к нравственности, и апостолы исповедуют, что от запутанных мелких вопросов закона они призывают христиан к сладкой любви Христа (1 Тим. 1, 5—7); так и некоторые новые благочестивые богословы от запутанных споров, более разоряющих церковь, чем созидających ее, призывают к заботе о совести и деятельности. Да умиласердится над нами бог, чтобы мы нашли общий образ и способ, благодаря которому мы научились бы деятельно относить все, чем занимается человеческий ум вне бога, к богу, а все дела этой жизни, в которой загутывается и утопает мир, — к заботам о небесной жизни. Это была бы некоторая священная лестница, по которой через все, что есть и совершается, наши умы беспрерывно бы восходили к высшему и вечному владыке всех и источнику высшего блаженства.

XIV.

25. Пусть все научатся с величайшей ревностью предаваться богопочитанию как внутреннему, так и внешнему, чтобы внутреннее без внешнего не потеряло своей силы, а внешнее без внутреннего не выродилось бы в лицемерие.

Внешнее богопочитание есть слово о боге, проповедь и слушание его слова, моление с коленопреклонением, воспеваемые в гимнах хвалы, совершение таинств и другие священные обряды, общие и частные. А внутреннее богопочитание есть постоянное помышление о божественном присутствии, страх и любовь к богу, самоуничтожение и преданность воле божьей, а именно готовность совершить и претерпеть все то, что угодно богу. Это нужно соединять, а не разделять не только потому, что справедливо, да про-

славится бог в телах наших и душах наших, которые суть его (1 Кор. 6, 20), но также и потому, что быть разделенными без опасности они не могут. Ведь от внешних обрядов без внутренней правды бог отвращается: «Кто требует это от рук ваших?» (Ис. 2, 12 и в других местах), так как ведь бог есть дух и хочет поклонения духом и истиной (Иоан. 4, 24). Но с другой стороны, так как мы не чисто духовные, а телесные и чувственные, необходимо, чтобы постоянно наши чувства возбуждались извне для совершения того, что должно совершаться внутри, — духом и истиной. И таким образом, хотя Бог требует преимущественно внутреннего, однако предписывает и повелевает соблюдать вместе и внешнее. Сам Христос хотя и освободил богопочитание Нового Завета от обрядов и научил, что Богу должно служить духом и истиной, однако молился отцу, преклонив главу, и это моление продолжал целые ночи, посещал священные собрания, слушал учителей закона и предлагал им вопросы, проповедовал слово, воспевал гимны и т. д. Итак, если мы воспитываем юношество в религии, то мы должны воспитывать его в совершенстве внешне и внутренне, чтобы нам не образовать лицемеров, т. е. наружных, мнимых, разукрашенных, фальшивых почитателей Бога, или фанатиков, которые услаждаются своими мечтаниями и презрением к внешнему почитанию церкви, разрывают порядок и красу ее, или, наконец, людей холодных, если внешнее не дает стимулов к внутреннему, а внутреннее — внешнему жизни.

### XVII.

26. Нужно заботливо приучать детей к внешним делам, предписанным свыше, чтобы они знали, что истинное христианство состоит в том, чтобы веру свою подтверждать делами.

Такого рода дела суть: упражнения в воздержании, справедливости, милосердии и терпении; их упускать не следует никогда. Ведь если наша вера не приносит таких плодов, то она является мертвой (Иак. 2). Но, если она должна вести к блаженству, подобает ей быть живой.

### XVIII.

27. Также нужно заботливо приучать детей различать пределы благодеяний Бога и его суда, чтобы они умели всем пользоваться законно и ничем не злоупотреблять.

Фульгенций <sup>109</sup> (Письмо 2 к Галлю) разделяет благодеяния божии на три вида. Он говорит, что некоторые из них будут пребывать вечно, другие служат для достижения вечности, наконец, третьи — для пользования только в этой жизни. К первым принадлежат: познание бога, радость во святом духе и любовь к Богу, разливающаяся в наших сердцах. Ко второму виду он относит веру, надежду и милосердие к ближним. К третьему виду он относит здоровье, богатство, друзей и прочие внешние блага, кото-

рые сами по себе не делают нас ни счастливыми, ни несчастными.

Точно так же нужно указать, что суд божий, или кара, бывает трех родов. Некоторые, кого бог решил пощадить в вечности, здесь подвергаются наказанию и испытывают мучения, чтобы они очистились и убедились (Дан. 11, 25; Апок. 7, 14), как, например, Лазарь. Других щадит бог здесь, чтобы они казнились вечно, как богатый, устраивавший пиры. Наказания третьих начинаются здесь, чтобы продолжаться в вечности, как это было с Саулом, Антиохом, Иродом, Иудой и др. Итак, нужно учить людей различать все, чтобы, обманутые чувственными благами, они не предпочитали того, что имеет значение только для этого времени, и умели бояться не столько зла здесь, сколько геенны, бояться больше всего не тех, кто может убить только тело и ничего не может сделать более, но тех, кто и тело может погубить и душу низвергнуть в геенну (Лук. 12, 5).

XIX.

28. И нужно их исправлять, что вернейший путь в жизни — это путь креста, и этот путь показал нам вождь жизни Христос, на этот путь пригласил он других, этим путем ведет он тех, кого особенно любит.

Тайна нашего спасения совершена крестом, состоит в кресте, именно им умерщвляется ветхий Адам, да живет новый, сотворенный по образцу божию. Итак, кого бог любит, тех наказывает и как бы со Христом пригвождает ко кресту, чтобы, воскресив их со Христом, посадить одесную себя в вышних. Это слово крестное пусть будет силой божией для спасения тех, кто верует, однако это безумие и соблазн для плоти (1 Кор. 1, 18), так что совершенно необходимо весьма твердо внушить это христианам, чтобы они поняли, что они не могут быть учениками Христа, если не отрекутся от самих себя и не возьмут на свои плечи крест Христа (Лук. 14, 25 в конце) и не будут готовы во всю жизнь следовать туда, куда бы их ни повел бог.

XX.

29. Но нужно предусматривать, чтобы в то время, пока всему этому будут учить, не встречалось детям никакого противоположного примера, т. е. нужно принимать меры, чтобы дети не видели и не слышали богохульства, клятвопреступлений, различных оскорблений имени божия и других примеров безбожия. Но куда бы они ни обратились, пусть они замечают благоговение к божеству, соблюдение религии, попечение о совести. Если даже произойдет дома или в школе что-либо иначе, пусть они видят, что это не проходит безнаказанно, но строго карается, так что наказание за оскорбление божества всегда должно быть более суровым, чем за прегрешение против Присциана<sup>110</sup> или за какой-либо другой внешний проступок, показав, чего главным образом и в особенности нужно остерегаться.

XXI.

30. Наконец, так как при этой испорченности мира и природы никогда мы не делаем таких успехов, какие должны делать; а если и делаем некоторые, то та же испорченная плоть легко впадает в самодовольство и духовную гордость, откуда (так как гордым бог противится) является величайшая опасность для нашего спасения, — всех христиан должно учить своевременно тому, что наши добрые стремления и дела вследствие их несовершенства — ничто, если своим совершенством не придет нам на помощь Христос, агнец божий, принимающий на себя грехи мира, на котором одним благоволением отца, и пр. К нему нужно взывать, на него одного следует уповать. Так, наконец, мы поставим в безопасность надежду нашего собственного спасения и наших близких, когда утвердим ее на краеугольном камне — Христе, который является вершиной всякого совершенства на небе и на земле, единственным начальником и совершателем нашей веры, любви, надежды и спасения нашего. Ведь отец затем послал его с неба, чтобы, сделавшись Иммануилом, он соединил людей с Богом и, приняв человеческий образ, живя святейшей жизнью, дал людям пример божественной жизни и, невинно умирая, искупил самим собою грехи мира и омыл грехи наши святою своею кровью; воскресая, показал смерть, побежденную смертью, и, вознесшись и ниспослав святого духа, залог нашего спасения, через него поселился в нас, как в своем храме, чтобы направлять нас и охранять во спасение, пока мы здесь в борьбе, и воскрешать после и принимать к себе, чтобы там, где он сам, были и мы и созерцали славу его, и пр.

31. Ему, единому спасителю всех, вечному со отцом и святым духом, да будет хвала и честь и благословение во веки веков. Аминь!

32. Но нужно будет предписать особый способ для правильного проведения всего этого во всех классах школы.

## Г Л А В А ХХV

**Если мы желаем, чтобы школы были вполне реорганизованы на истинных началах истинного христианства, должно или удалить книги язычников, или, по крайней мере, пользоваться ими с большей осторожностью, чем это было до сих пор**

Что здесь можно было бы посоветовать вначале. лишь случайно. А именно, если мы желаем, чтобы школы у нас были поистине христианскими, то множество языческих писателей нужно удалить. Сперва мы изложим настоятельные причины этого, затем мы укажем, какую осторожность нужно принимать по отношению к этим мудрецам мира, чтобы тем не менее стало нашим все, что ими было прекрасно задумано, сказано, сделано.

С какою ревностью о Боге.

2. С ревностью подходить к этому делу заставляет нас любовь к славе божией и человеческому спасению, когда мы видим, что главные школы христиан только по имени исповедуют Христа, в остальном услаждаются только Теренциями, Плавтами, Цицеронами, Овидиями, Катуллами и Тибуллами, Музами и Венерами. Отсюда происходит, что мы находим наслаждения в мире более, чем во Христе, и в христианском обществе нужно отыскивать христиан именно потому, что самым ученым людям, даже богословам, которые являются представителями божественной мудрости, Христос дает только наружность, а Аристотель с остальной массой язычников — кровь и дух. Это является страшным злоупотреблением человеческой свободы и самой позорной ее профанацией. Положение это полно опасности по следующим причинам.

Причины, по которым языческие книги должны быть исключены из христианских школ, а божественные введены. Причина первая.

с одной стороны, вследствие непрочности человеческой жизни — как бы кто-нибудь не был похищен, быть может, неподго-

3. Прежде всего наши дети рождены для неба и возрождены духом божьим; поэтому нужно воспитывать граждан для неба, и прежде всего им нужно дать знание небесное — Бога, Христа, ангелов, Авраама, Исаака, Иакова и пр. А чтобы это произошло прежде всего, а все остальное пока должно быть отложено в сторону, основания для этого следующие:

товленным, а с другой стороны, потому, что первые впечатления сохраняются всего лучше и делают (если они священные) более надежным все остальное, чем впоследствии нужно заниматься в жизни.

**Причина вторая.** 4. Затем хотя Бог имел великое попечение о своем избранном народе, однако не указал ему школы, кроме своих преддверий, где сам он является для нас наставником, нас сделал своими учениками, а наукою — голос своих пророков.

Так, он говорит через Моисея: «Слушай, Израиль, господь Бог твой — Господь един есть. Итак, люби господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею и всеми силами твоими. И да будут слова эти, которые я заповедую тебе ныне, в сердце твоём, и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогою, и ложась, и вставая» и т. д. (Втор. 6, 4 и сл.). И у Исаии: «Я господь Бог твой, научающий тебя полезному, ведущий тебя по тому пути, по которому должно тебе идти» (48, 12). Также: «Не должен ли народ обращаться к своему Богу?» (8, 19). И Христос: «Исследуйте Писание» (Иоан. 5, 39).

**Причина третья.** 5. Что то же самое слово есть самый блестящий светоч нашего разума и самое совершенное правило наших действий и в том и другом случае самая подлинная помощь для нашей слабости, достаточно ясно засвидетельствовано следующими словами: «Вот я научил вас постановлениям и законам. Итак, храните и исполняйте их. Ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: «Только этот народ мудрый и разумный» (Втор. 4, 5—6). А Иисусу Навину он сказал так: «Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но научайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять написанное. Тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно» (Иис. Нав. 1, 8). И через Давида: «Закон господень совершен, укрепляет душу, свидетельство господне верно, умудряет простых» (Пс. 19, 8). Наконец, апостол свидетельствует, что Писание богодуховенно и полезно для научения (да будет совершен божий человек) и т. д. (2 Тим. 3, 16—17). Это равным образом признали и проповедовали мудрейшие из людей (нужно разуметь здесь истинно просвещенных христиан). Златоуст говорит: «Все то, чему нам нужно научиться или чего знать не нужно, это мы узнаем в Писании». А Кассиодор говорит: «Писание есть небесная школа обучения для жизни, проповедь истины, несомненно, единственная наука; она захватывает слушателей плодотворными чувствами, а не пустыми прекрасными словами» и т. д.

**Причина четвертая.** 6. Но Бог ясно воспретил своему народу языческую науку и языческие обычаи. «Не учитесь путями язычников», — говорит он (Иер. 10). Также: «Разве нет Бога во Израиле, что идете вопрошать Вельзевула, божество Аккаронское?» (4 Цар. 1,3). «Не должен ли народ обращаться к своему Богу? Спрашивают ли мертвых о живых? Обращайтесь к закону и откровению. Если они не говорят согласно с этими словами, то нет в них света» (Ис. 8, 19, 20). Почему так? А потому, конечно, что вечная премудрость от господа Бога и с ним пребывает вовек. Кому иному открыт корень премудрости? (Сир. 1, 6). «Хотя они видели свет и жили на земле, но пути мудрости не познали: не уразумели стезей ее» и т. д. Не было слышно о ней в Ханаане и не было видно ее в Фемане. Сыновья Агари искали земного знания, и баснословы и исследователи — знания, но пути премудрости не познали. Но знающий все знает ее. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу своему Иакову и возлюбленному своему Израилю (Вар. 3, 20, 21, 22, 23, 32, 36, 37). Не сделал он того никакому другому народу, и судов его они не знают (Пс. 147, 9).

**Причина пятая.** 7. Поэтому, если когда-либо его народ уклонялся от его закона к прелестям человеческого вымысла, Бог обыкновенно укорял его не только в безумии, что покидал источник мудрости (Вар. 3, 12), но и в двойном грехе, так как, покидая ключевой источник живых вод, высекал себе разбитые водоемы, которые не могут держать воды (Иер. 2, 13). И устами Осии, жалуясь, что его народ слишком много сносится с язычниками, прибавляет: «Написал я ему важные законы мои, но они сочтены им, как бы чужие» (Ос. 8, 12). И что другое, скажите, делают те христиане, которые книги язычников держат в руках ночью и днем, а не священную книгу божию, как на вещь чуждую, к ним не относящуюся, не обращают никакого внимания? Однако это не пустая вещь, которую безнаказанно можно было бы пренебрегать, но, по свидетельству Бога (Втор. 37, 47), «есть сама наша жизнь».

**Причина шестая.** 8. Поэтому истинная церковь и истинные поклонники Бога не искали никакой школы, кроме слова божия, обильно черпали оттуда истинную и небесную мудрость, которая превыше всякой мирской мудрости. Так, Давид говорил о себе: «Заповедью твоею ты сделал меня мудрее врагов моих, я стал разумнее учителей моих, ибо размышляю об откровениях твоих» (Пс. 119, 98 и сл.). Подобным образом и мудрейший из смертных Соломон признается: «Господь дает мудрость; из уст его знание и разум» (Притч. 2, 6). Свидетельствует и Иисус, сын Спраха (в предисловии к своей книге), что мудрость его, действительно славная, была почерпнута из чтения закона и проро-



ков. Отсюда те восхищения святых, когда во свете божием видели свет (Пс. 36, 10). «Счастливы мы, Израиль, что знаем, что благоугодно Богу» (Вар. 4, 4). «Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Иоан. 6, 68).

**Причина седьмая.** 9. Примеры всех веков показывают, что всякий раз, как церковь уклонялась от этих источников Израиля, это было причиною соблазна и грехов. Об израильской церкви из жалоб пророков это достаточно известно; а относительно христианской церкви есть сведения из истории, что, пока апостолы и апостольские мужи твердо держались одного евангельского учения, до тех пор чистота веры была сильна. Но как только стали толпами вливаться в церковь язычники и стали охлаждать первый жар и стремление к отделению чистого от нечистого и благодаря этому начали читать книги язычников, сперва частным образом, а потом в школах, мы видим, какое получилось смешение и какая запутанность учений. Ключ к знанию был потерян именно у тех, кто хвалился, что он находится именно у них одних; затем вместо символа веры явились бесконечные вымышленные мнения; отсюда раздоры и споры, которым не видно конца; поэтому охладела любовь и угасло благочестие; таким образом под именем христианства воскресло и царствует язычество. Ибо следовало исполниться пробуждению Иеговы: «Кто не печется говорить по слову божию, тому не будет утреннего света» (Ис. 8, 20). Поэтому навел на них Господь усыпление и сомкнул глаза их, так что всякое пророчество для них то же, что слова в запечатанной книге и пр., ибо они боялись Бога по заповедям и учениям человеческим и т. д. (Ис. 29, 10, 11, 13, 14).

**Причина восьмая.** 10. И конечно, наше достоинство христиан (которые через Христа сделались сыновьями Божиими, царским жречеством и наследниками будущего века) не позволяет нам себя и наших детей ставить так низко и развращать, чтобы вступать в столь тесное общение с неосвященными язычниками и наслаждаться чтением их. Ведь, конечно, сыновьям царей и князей не дают в воспитатели паразитов, шутов, фигляров, но людей серьезных, мудрых, благочестивых. А мы детям царя царей, братьям Христа, наследникам вечности не стыдимся давать в воспитатели шута Плавта, игривого Катуллу, безнравственного Овидия, безбожного насмешника над богом Лукиана, непристойного Марциалла и других из того же множества писателей, чуждых познания истинного Бога и страха божия! Если они сами жили вне надежды на лучшую жизнь и только лишь утопали в грязи современной жизни, не могут они вместе с собою не втолкнуть в ту же нечистоту и тех, кто пользуется их сообществом. Достаточно уже, ах, вполне достаточно совершенно безумий, христиа-

не! Теперь уже пусть будет положен предел. Бог нас призывает к лучшему; за этим следует идти.

**Божия школа.**

Христос, вечная мудрость, сынам Божиим в своем доме уготовал школу, где преподавателем и верховным директором является сам святой дух, а профессорами и наставниками — пророки и апостолы, все обладающие истинной мудростью, все словом и примером ясно показывающие путь истины и спасения, святые мужи, где ученики — только божии избранники, первенцы от людей, купленные Богу и агнцу, а вместо наблюдателей и стражей — ангелы и архангелы, начала и власти в вышних (Еф. 3, 4). Все предлагаемое сообщает знание превыше всех рассуждений человеческого ума, знание истинное, верное, совершенное и простирающееся на все нужды этой и будущей жизни. Ведь только уста божии есть тот источник, откуда текут все ручьи истинной мудрости; только лицо божие есть тот светильник, откуда распространяются лучи истинного света; только слово Бога есть тот корень, откуда пробиваются ростки истинной мудрости. Итак, счастливы те, кто взирает на лицо божие, внимает его устами, воспринимает сердцем его слова, так как это один единственный, непреложный путь истинной и вечной мудрости, вне которой иной нет.

**Причина девятая.**

11. Нельзя пройти молчанием и того, как строго повелел Бог своему народу устраняться от населения язычников и что последовало для тех, кто не обращал внимания на это запрещение. «И будет Господь Бог твой изгонять пред тобой те народы» и пр. «Сожгите кумиры богов огнем; не пожелай взять себе серебра или золота, которое на них, дабы это не было для тебя сетью, ибо мерзость это пред Господом Богом твоим. И не вноси мерзости и в дом твой, дабы не подпасть заклятию, как она» (Втор. 7, 22, 25, 21). И в главе XII: «Когда Господь Бог твой истребит от лица твоего народы, тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть; следуя им, по истреблении их от лица твоего, не воспринимай их обрядов, говоря: как делали они, буду делать я. Все, что я тебе заповедаю, старайся исполнять, не прибавляй к тому, не убавляй от того» (Втор. 12, 29 и др.). Хотя Иисус Навин после победы напомнил им об этом и требовал удаления идолов (Иис. Нав. 24, 23), но так как они не послушались, то это наследие язычников сделалось для них петлею, так что до разрушения обоих царств они постоянно впадали в идолопоклонство. И не образумимся ли мы, сделавшись на чужом примере более осмотрительными?

**Книги язычников — кумиры.**

12. Но книги, скажет кто-либо, это не кумиры. Отвечаю: это наследие тех народов, которых истребил Господь Бог наш перед лицом христианского своего народа, как это произошло там, но наследие более опасное, чем там. Ведь там попадались в сети только те, сердце которых было неразумным (Иер. 10, 14); здесь же могут быть оболщены самые мудрые (Кол. 2,8). Там были дела человеческих рук (как говорит Бог, упрекая идолопоклонников в неразумии), здесь — творения человеческого ума. Там блеск золота и серебра ослеплял глаза, здесь ослепляет ум привлекательность плотской мудрости. И что же? Ты отрицаешь, что языческие книги — кумиры? Итак, кто отвлек от Христа императора Юлиана? Кто лишил разума папу Льва X, который историю Христа считал басней? Каким духом был проникнут кардинал Бембо, когда отвращал Садолето от чтения священных книг, потому что такому мужу это не подобало бы? Что и теперь повергает в безбожие столько мудрых итальянцев и других? О если бы в реформированной церкви Христовой не было также таких, которых бы Цицерон, Плавт, Овидий и другие отвлекли бы за собой от Писания при помощи какого-то смертоносного яда!

**Отговорка.**

13. Если кто скажет: «Злоупотребления следует ставить в вину не вещам, но лицам: есть такие благочестивые христиане, которым чтение языческих писателей нисколько не вредит», то на это отвечает апостол: «Мы знаем, что кумир есть ничто, но не у всех такое знание (именно относительно различения), берегитесь, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном немощным» (1 Кор. 8, 4, 7, 9). Итак, хотя милосердный бог многих предохраняет от гибели, но нам нет извинения, если мы, зная об этом, и по доброй воле терпим подобного рода прельщения (разнообразные, говорю, изобретения человеческого ума или сатанинского обмана), проникнутые духом тонкости и изыщества, хотя известно, что некоторые, даже большинство, бывают обмануты и попадают в сети сатаны. Последуем скорее Господу, не будем вносить в наши дома кумиров, не будем ставить Дагона рядом с ковчегом завета, ту мудрость, которая свыше, не будем смешивать с землей, животной и дьявольской, и не будем давать поводов к воспламенению гнева божия против наших сыновей.

**Сравнение.**

14. Ведь сюда, может быть, относится и то, что, по рассказу Моисея, произошло как прообраз. Когда Надав и Авиуд, дети Аарона, молодые жрецы (недостаточно еще знавшие свои обязанности), вместо священного огня положили в свои кадильницы для воскурения перед лицом господа чуждый огонь (т. е. общий огонь), они поражены были божьим огнем и умерли пред лицом Господа (Лев. 10, 1 и пр.). А что

такое дети христиан, если не новое священное жречество, чтобы приносить духовные жертвы Богу (1 Петр. 2, 5). Если их кадила — умы — мы наполняем чуждым огнем, то разве мы не бросаем их на жертву ярости гнева божия? Разве не есть чуждое и не должно быть чуждым христианскому сердцу все то, что происходит откуда-либо еще, а не от духа божия? А таковыми, по свидетельству апостола (Рим. 1, 21, 22; Кол. 2, 8, 9), является большинство безумных измышлений языческих философов и поэтов. И вполне правильно Иероним назвал поэзию «вином демонов», которым она опьяняет и повергает в сон неосторожные души и внушает им грезы чудовищных мнений, опасных покушений и самых постыдных страстей. Итак, подобает бояться такого рода чар сатаны.

**Нужно подражать эфесцам.**

15. Если мы не будем повиноваться Богу, повелевающему нам быть здесь осторожными, то восстанут против нас на суде те эфесцы, которые, лишь только им заблестал свет божественной мудрости, сожгли все нескромные книги, оказавшиеся для них, как христиан, бесполезными (Деян. 19, 19), а равно и современная греческая церковь: хотя греки и хранят написанные на их изящном языке философские и поэтические книги своих предков, которые считались мудрейшим народом в мире, однако чтение их они воспретили себе и своим под угрозой проклятия. Следствием этого было то, что хотя при наплыве варварства они впали в великое невежество и суеверие, однако до сих пор сохранил их Бог от антихристианской смеси заблуждений. Итак, в этом им должно подражать вполне, чтобы (при введении, однако, большего изучения священной литературы) легче удалить оставшуюся от язычества тьму заблуждений. Ибо только «в свете Божьем мы видим свет» (Пс. 36). «О, дом Иакова, приходите и будем ходить во свете Господнем» (Ис. 2, 5).

**Опровержение возражений.**

16. Итак, посмотрим, с какими возражениями восстает против этого человеческий разум, извиваясь наподобие змей, чтоб не было ему необходимости попасть в повиновение вере и отдаться Богу.

<sup>1</sup>  
**О великой мудрости в книгах язычников.**

17. Утверждают так: великая мудрость сокрыта в книгах философов, ораторов, поэтов. Отвечаю: достойны тьмы те, кто отвращает глаза от света. Правда, сове сумерки представляются полднем, но существа, рожденные для света, думают иначе. О, суетный человек, ты во тьме человеческого рассуждения ищешь яркого света, подними глаза вверх! С неба истекает свет истинный от Отца светов. Если в человеческом уме что-либо сверкнет или блеснет, это искорки, которые сидящим в полной тьме, казалось, блистали и чем-то были, но на что нужны они нам, кото-

рым в руки даны горящие факелы (блистающие ярким светом Бога)? Ведь если они рассуждают о природе, то они слегка касаются поверхности, не затрагивая сущности. А в Священном писании сам Владыка природы повествует великие тайны о своих делах, выясняя первые и последние причины всех творений, видимых и невидимых. Если философы говорят о нравах, то они делают то же, что делают птицы со склеенными крыльями, чтобы, двигаясь с великими усилиями, не продвинуться никуда. Но Писание дает истинную картину добродетелей с сильными призывами, которые проникают до глубины сердца, и живые примеры всего. Когда язычники желают учить благочестию, то, не будучи просвещены истинным познанием Бога и его воли, учат суеверию. «Тьма покроеет землю и мрак — народы: над Сионом же воссияет Господь, и здесь явится слово его» (Ис. 60). Итак, хотя сынам света можно было приближаться иногда к сынам мрака, чтобы, заметив разницу между собой и ими, с тем большей радостью оставаться на дороге света, а об их тьме сожалеть, но хотеть предпочитать их искры нашему свету было бы нетерпимым и оскорбительным безумием по отношению к Богу и нашим душам. Какая польза в том, чтобы успевать в делах мирских и быть слабым в делах божественных? Следовать за пустыми вымыслами и пренебрегать божественными тайнами? Нужно остерегаться таких книг и из любви к Священному писанию избегать их. Они, говорит Исидор, извне блещат красноречием слов, а внутри остаются лишенными добродетели и мудрости. Слава для этих книг — это шелуха без ядра. Суждение Филиппа Меланхтона таково: «Чему вообще, кроме сомнения и самолюбия, учат философы, если даже кто-либо из них учит наилучшим образом? Марк Цицерон в сочинении «О высшем благе и высшем зле» весь смысл добродетели оценивает с точки зрения себялюбия и эгоизма. Сколько гордости и высокомерия у Платона! И весьма легко, мне кажется, может произойти, что этим тщеславием несколько заразится ум сам по себе высококий и сильный, если увлечется чтением Платона. Учение Аристотеля есть вообще некоторая страсть к спору, так что мы не удостоиваем его даже последнего места среди писателей нравственной философии» («О грехах», Очерк богословия).

2  
О необходимости  
их для философии.

18. Говорят также: если они неправильно учат богословию, зато учат философии, которой нельзя почерпнуть из священной книги, данной для приобретения спасенья. Отвечаю: источник премудрости — слово Бога всевышнего (Сир. 1, 5). Истинная философия есть не что иное, как истинное познание Бога и дел его, которой ниоткуда нельзя научиться, как из уст божьих. Отсюда Августин, исчисляя хвалы Священному писанию, между прочим говорит следующее: «Здесь есть философия, так как все

причины всей природы находятся в Боге Творце. Здесь — этика, так как добрая и честная жизнь образуется только из того источника, когда любят то, что должно любить, и таким образом, каким должно любить, т. е. Бога ближнего. Здесь — логика, так как истина — свет разумной души — есть только Бог. Здесь также более похвальное благоденствие государства: ведь всего лучше охраняется государство только на основе и при связи веры и твердого согласия, когда любят общее благо, а это величайшее и самое истинное благо есть Бог». И уже в этом веке некоторые доказали, что основы всех философских наук и искусств заключаются скорее в Писании, чем где-либо, так что нужно удивляться учительству святого духа, который, правда, прежде всего стремясь просвещать относительно невидимого и вечного, вместе с тем, однако, в различных местах делает откровения относительно основ естественного и искусственного и дает нормы всех мудрых мыслей и действий. Едва лишь тень всего этого можно найти у языческих философов. Итак, если верно кто-то из философов написал, что прекрасная мудрость Соломона заключалась в том, что он закон Бога низвел в дома, в школы и в дворцы, то что мешает нам надеяться, что вернется к нам соломонова, т. е. истинная и небесная, мудрость, если мы внедрим юношеству, вместо языческих книг, закон Бога, давая оттуда правила для всякого рода жизни? Итак, будем стремиться к тому, чтобы в руках у нас было все то, что может сделать нас мудрыми, даже той внешней и, так сказать, гражданской мудростью, которую мы называем философией. Ведь пусть было так, пусть были те несчастные времена, когда необходимо было сынам Израиля обращаться к филистимлянам, чтобы каждому наточить свой сошник, или свой заступ, или свою секиру, или свою косу, так как не было кузнеца в стране израильтян (1 Цар. 13, 19—20). Неужели в равной мере необходимо, чтобы сыны Израиля всегда так нуждались и были стеснены? Это положение ведет за собою, по крайней мере, ту невыгоду, что как там филистимляне доставляли израильтянам заступы, но ни в коем случае не давали им против себя мечей, так от языческой философии мы могли бы, правда, заимствовать обычные силлогизмы, умозаключения и украшения речей, но ни в каком случае нельзя получить мечей и копий для искоренения нечестия и суеверий. Итак, пожелаем скорее времен Давида и Соломона, когда филистимляне повержены были в прах, а Израиль царствовал и наслаждался своими благами.

3

А также из-за  
изящества стиля.  
Ответ 1.

19. Так пусть изучающие латинский язык, по крайней мере, из-за стиля читают Теренция, Плавта и им подобных. Отвечаю: ужели мы наших детей будем водить по трактирам, харчевням, кабакам, распутным домам и тому подобным клоакам с той целью, чтобы они научились говорить? Ибо куда, скажите, ведут юношество Теренций, Плавт, Катулл, Овидий и другие, как не по таким грязным местам? Ведь что они предлагают смотреть, кроме забавных зрелищ, шуток, пирушек, пьянства, нечистой любви, распутства, разнообразно задуманных обманов и тому подобного, от чего христианам нужно отвращать глаза и уши, даже если случайно это им встретится? Думаем ли мы, что мало испорчен человек сам по себе и поэтому ему извне нужно показывать всевозможные формы мерзостей и предлагать трут и мечи и как бы нарочно придуманным способом толкать его в пропасть? Ты скажешь: «Не все у этих авторов плохо». Отвечаю: но плохое всегда пристает легче, поэтому посылать юношество туда, где плохое смешано с хорошим, — вещь, полная опасностей. Ведь те, кто покушается на чью-нибудь жизнь, не имеют обыкновения подавать яд один, да и не могут этого делать, не смешав с острыми вкусными кушаньями или напитками; однако яд проявляет свою силу и приносит гибель тому, кто его принял. Именно таким образом древний тот человек-убийца, желая кого-нибудь обольстить, считает необходимым подсластить свои адские отравы прелестями изобретательной, льстивой речи и вымысла. И мы, зная это, не уничтожим его нечестивого оружия? Ты скажешь: «Не все безнравственны: Цицерон, Вергилий, Гораций и другие благородны и серьезны». Отвечаю: однако и они слепые язычники, обращающие мысли своих читателей от истинного Бога к богам и богиням (Юпитеру, Марсу, Нептуну, Венере, Фортуне) и другим своим, конечно, вымышленным божествам. Однако Бог сказал своему народу: «Имени других богов не упоминайте; да не слышится оно из уст ваших» (Ис. 23, 13). Затем — какой там хаос суеверий, ложных мнений, мирских страстей, которые различным образом сталкиваются между собой! Они наполняют своих учеников совсем иным духом, чем дух Христа. Христос зовет из мира, они повергают в мир! Христос учит самоотречению, они — себялюбия; Христос призывает к смирению, они восхваляют гордость; Христос требует быть кроткими, они делают надменными; Христос требует голубиной простоты, те — тысячами способов внушают искусство мудрствования; Христос проповедует скромность, они переполнены шутками; Христос любит верующих, они делают неверующими, спорщиками, непреклонными. Я заканчиваю немногими, и притом апостольскими, словами: «Что общего у света со тьмою? Какое согласие между Христом и Велиалом?» (2 Кор.

причины всей природы находятся в Боге Творце. Здесь — этика, так как добрая и честная жизнь образуется только из того источника, когда любят то, что должно любить, и таким образом, каким должно любить, т. е. Бога ближнего. Здесь — логика, так как истина — свет разумной души — есть только Бог. Здесь также более похвальное благоденствие государства: ведь всего лучше охраняется государство только на основе и при связи веры и твердого согласия, когда любят общее благо, а это величайшее и самое истинное благо есть Бог. И уже в этом веке некоторые доказали, что основы всех философских наук и искусств заключаются скорее в Писании, чем где-либо, так что нужно удивляться учительству святого духа, который, правда, прежде всего стремясь просвещать относительно невидимого и вечного, вместе с тем, однако, в различных местах делает откровения относительно основ естественного и искусственного и дает нормы всех мудрых мыслей и действий. Едва лишь тень всего этого можно найти у языческих философов. Итак, если верно кто-то из философов написал, что прекрасная мудрость Соломона заключалась в том, что он закон Бога призвал в дома, в школы и в дворцы, то что мешает нам надеяться, что вернется к нам соломонова, т. е. истинная и небесная, мудрость, если мы внедрим юношеству, вместо языческих книг, закон Бога, давая оттуда правила для всякого рода жизни? Итак, будем стремиться к тому, чтобы в руках у нас было все то, что может сделать нас мудрыми, даже той внешней и, так сказать, гражданской мудростью, которую мы называем философией. Ведь пусть было так, пусть были те несчастные времена, когда необходимо было сынам Израиля обращаться к филистимлянам, чтобы каждому наточить свой сошник, или свой заступ, или свою секиру, или свою косу, так как не было кузнеца в стране израильтян (1 Цар. 13, 19—20). Неужели в равной мере необходимо, чтобы сыны Израиля всегда так нуждались и были стеснены? Это положение ведет за собою, по крайней мере, ту невыгоду, что как там филистимляне доставляли израильтянам заступы, но ни в коем случае не давали им против себя мечей, так от языческой философии мы могли бы, правда, заимствовать обычные силогизмы, умозаключения и украшения речей, но ни в каком случае нельзя получить мечей и копий для искоренения нечестия и суеверий. Итак, пожелаем скорее времен Давида и Соломона, когда филистимляне повержены были в прах, а Израиль царствовал и наслаждался своими благами.



3

А также из-за  
изящества стиля.  
Ответ 1.

19. Так пусть изучающие латинский язык, по крайней мере, из-за стиля читают Теренция, Плавта и им подобных. Отвечаю: ужели мы наших детей будем водить по трактирам, харчевням, кабакам, распутным домам и тому подобным клоакам с той целью, чтобы они научились говорить? Ибо куда, скажите, ведут юношество Теренций, Плавт, Катулл, Овидий и другие, как не по таким грязным местам? Ведь что они предлагают смотреть, кроме забавных зрелищ, шуток, пирушек, пьянства, нечистой любви, распутства, разнообразно задуманных обманов и тому подобного, от чего христианам нужно отвращать глаза и уши, даже если случайно это им встретится? Думаем ли мы, что мало испорчен человек сам по себе и поэтому ему извне нужно показывать всевозможные формы мерзостей и предлагать трут и мечи и как бы нарочно придуманным способом толкать его в пропасть? Ты скажешь: «Не все у этих авторов плохо». Отвечаю: но плохое всегда пристает легче, поэтому посылать юношество туда, где плохое смешано с хорошим, — вещь, полная опасностей. Ведь те, кто покушается на чью-нибудь жизнь, не имеют обыкновения подавать яд один, да и не могут этого делать, не смешав с острыми вкусными кушаньями или напитками; однако яд проявляет свою силу и приносит гибель тому, кто его принял. Именно таким образом древний тот человек-убийца, желая кого-нибудь обольстить, считает необходимым подсластить свои адские отравы прелестями изобретательной, льстивой речи и вымысла. И мы, зная это, не уничтожим его нечестивого оружия? Ты скажешь: «Не все безнравственны: Цицерон, Вергилий, Гораций и другие благородны и серьезны». Отвечаю: однако и они слепые язычники, обращающие мысли своих читателей от истинного Бога к богам и богиням (Юпитеру, Марсу, Нептуну, Венере, Фортуне) и другим своим, конечно, вымышленным божествам. Однако Бог сказал своему народу: «Имени других богов не упоминайте; да не слышится оно из уст ваших» (Ис. 23, 13). Затем — какой там хаос суеверий, ложных мнений, мирских страстей, которые различным образом сталкиваются между собой! Они наполняют своих учеников совсем иным духом, чем дух Христа. Христос зовет из мира, они повергают в мир! Христос учит самоотречению, они — себялюбивы; Христос призывает к смирению, они восхваляют гордость; Христос требует быть кроткими, они делают надменными; Христос требует голубиной простоты, те — тысячами способов внушают искусство мудрствования; Христос проповедует скромность, они переполнены шутками; Христос любит верующих, они делают неверующими, спорщиками, непреклонными. Я заканчиваю немногими, и притом апостольскими, словами: «Что общего у света со тьмою? Какое согласие между Христом и Велиалом?» (2 Кор.

16, 14, 15). Верно также говорит Эразм (в своих «Сравнениях»): «Пчелы держатся вдали от цветов поблекших. Так не следует прикасаться к книге, которая заключает в себе дурные мысли. И еще: «Как самое безопасное спать на трилистнике, так как утверждают, что в этой траве не скрываются змеи, так следует обращаться только к тем книгам, в которых мы не боимся никакого яда».

Ответ 2.

20. А впрочем, какое особое изящество имеют мирские писатели перед нашими, священными? Одни ли они понимают изящество речи? Совершеннейший мастер языка тот, кто насадил его, — дух божий, чьи слова слаще меда, острее обоюдоострого меча, более мощны, чем плавящий металлы огонь, более тяжки, чем сокрушающий скалы молот, чьи слова были восприняты и проповеданы божьими святыми. Одни ли язычники повествуют о замечательных событиях? Наши книги полны более истинных и гораздо более удивительных рассказов. Одни ли они прибегают к тропам, фигурам, намекам, аллегориям, загадкам, метким изречениям? Это в совершенстве есть и у нас. Только больной может вообразить, что дамасские реки Абана и Фарфар лучше Иордана и вод Израиля (4 Цар. 5, 12). Только подслеповатый считает, что Олимп, Геликон, Парнас представляют более прекрасные зрелища, чем Синай, Сион, Гермон, Фавор, Масличная гора. Тупы те уши, которым лира Орфея, Гомера, Вергилия звучит приятнее, чем гусли Давида. Испорчен тот вкус, для которого вымысленные нектар и амброзия и источники Кастаньские более вкусны, чем истинная небесная манна и источники Израиля. Превратно то сердце, которому большее удовольствие доставляют имена богов и богинь, муз и харит, чем почитаемое имя Иеговы, воинств Христа Спасителя и различных даров святого духа. Слепа та надежда, которая распространяется скорее по полям Элизия, чем по райским садам. Ведь там все — басни, тени истины, а здесь все — действительность, сама истина.

Ответ 3.

21. Но допустим, пусть и у них также будут изящные обороты, которые можно перенести к нам, прекрасные выражения, пословицы, нравственные сентенции, неужели, однако, из-за этих украшений речи туда нужно посылать наших детей? Разве нельзя взять у египтян имущество и лишить их украшения? Вполне возможно и даже следует, по слову Господа (Ис. 3, 20). Ведь все имущество язычников по праву принадлежит церкви. Итак, необходимо, говоришь ты, нам заниматься этим, чтобы похитить. Отвечаю: Манассия и Ефрем намеревались для Израиля занять землю язычников, пошли вооруженные одни мужчины, оставив дома в безопасном месте толпу детей и толпу безоружных (Ис. Нав. 1, 3). То же сделали мы, взяв на себя задачу обезоружить языческих писателей, мы, мужи уже крепкие и сильные наукой, разумом, христианским бла-

гочестием, и не будем подвергать тем опасностям юношество. Ведь что будет, если они перебьют нашу молодежь, или переранят, или возьмут в плен? Увы! Налицо есть достаточно печальных примеров, сколь многих философия языческой толпы отторгла от Христа и низвергла в атеизм. Итак, было бы самым безопасным посылать вперед вооруженных, которые бы у этих, свыше преданных проклятию, силою взяли все — золото и серебро и все их драгоценности и разделили бы среди наследников Господа. Да воздвигнет Бог героические умы, которые бы все цветы изящества, собранные в этих обширных пустынях, с любовью рассеяли по полям христианской философии, чтобы в ней не было недостатка ни в чем.

Ответ 4.

22. Если бы, однако, кого-либо из языческих писателей нужно было допускать, то пусть это будут Сенека, Эпиктет, Платон и тому подобные наставники в добродетелях и нравственности, у которых можно отметить меньше заблуждений и суеверий. Таков был совет великого Эразма, который убежден в том, что христианскую молодежь следует воспитывать на самом Священном писании, и, наконец, он прибавлял: «Если следовало бы останавливаться на мирских книгах, то я хотел бы, чтобы это были те книги, которые родственны священным книгам» (Эразм в «Сокращенном богословии»). Но и к ним правильно было бы допускать юношество только после укрепления его в духе христианства. И притом эти книги сперва должны быть исправлены в том смысле, чтобы имена богов и все то, что отзывается суеверием, было бы устранено. Ведь под тем условием дозволил Бог брать в жены девиц языческих, если им остригут голову и обрежут ногти (Втор. 21, 12). Итак, чтобы нас поняли правильно, мы не совершенно воспрещаем христианам мирские книги, зная божественное преимущество, которым Христос одарил своих верующих (заметь: уже верующих), без вреда для себя даже брать в руки змей и принимать яд (Марк. 16, 18). Но мы хотим предостеречь, умоляем и заклинаем; чтобы, при слабости еще вере, сыновья божии не были брошены в жертву этим змеям и вследствие безрассудного доверия не было дано им случая отравляться ядом. Дух Христов говорит, что сыновей божиих надлежит питать чистым молоком слова божия (1 Петр. 2, 3, Тим. 3, 15).

**Возражение  
четвертое  
о трудности  
Священного писания  
для первого возраста.**

**Ответ 1.**

23. Но при этом те, кто неосмотрительно защищает дело сатаны против Христа, говорят, что книги Священного писания для юношества слишком трудны и что поэтому сперва нужно дать в руки другие книжки, пока не разовьется рассудок. Что это речь тех, кто заблуждается, не зная ни Писания, ни слова Божьего, это я докажу трояким способом. Прежде всего известен рассказ о славном некогда музыканте Тимофее, что у него было в обычае всякий раз, как он принимал нового ученика, спрашивать, начинал ли он уже учиться у другого учителя. Если кто отрицал это, он принимал его за умеренную плату; но если кто отвечал утвердительно, он плату удваивал, выставляя причиною то, что при обучении его у него будет двойной труд: один труд, когда он будет отучать его того, чему он научился плохо, а другой труд, когда он будет учить его настоящему искусству. Итак, неужели мы, имея для всего человеческого рода возвышенного учителя и наставника Иисуса Христа, кроме которого нам искать другого воспрещено (Матф. 17, 5, 25), который сказал: «Пустите детей приходиться ко Мне и не препятствуйте им» (Матф. 10, 14), — все-таки против его воли будем водить детей к другим учителям? Не боимся ли мы того, что у Христа будет слишком мало работы, когда он слишком легко будет прививать им свои нравы, и поэтому сначала мы будем таскать их здесь и там по чужим мастерским и, как я сказал, по трактирам, харчевням и всевозможным грязным местам и, наконец-то, испорченных и зараженных, представим Христу, чтобы он преобразовал их для себя? Но о ком же заботятся менее, чем об этом несчастном и самом по себе невинном в этом отношении юношестве? Ведь или ему будет необходимо в течение всей жизни вести борьбу, отвыкая от того, к чему оно привыкло в первой молодости, или просто оно будет отвергнуто Христом и будет брошено сатане для дальнейшего наставления. Ведь разве не становится предметом отвращения для Бога то, что посвящено Молоху. Это ужасно, однако слишком верно. Именем милосердия божия умоляю: пусть, по крайней мере, теперь христианские власти и главы церквей серьезно позаботятся о том, чтобы не позволялось приносить далее в жертву Молоху христианское юношество, рожденное для Христа и освященное крещением.

**Ответ 2.**

24. Ложно то, что провозглашают, будто Священное писание слишком возвышенно и выше понимания детского возраста. Разве Бог не понимал, как приспособлено слово его к нашему уму (Втор. 31, 11, 12, 13), разве не свидетельствует Давид, что закон божий умудряет малых (именно малых) (Пс. 19, 8)? Разве не говорит апостол Петр, что слово божие есть молоко возрожденных детей божиих, данное за тем,

чтобы через него они возрастали и укреплялись (1 Петр. 2, 2)? Вот молоко божие нежнейшее и самое здоровое, пища для только что рожденных детей божиих — слово божие. Зачем нужно противоборствовать Богу, когда, скорее, языческая наука есть пища грубая, которая требует хороших зубов и постоянно даже их надламывает? Таким образом, святой дух устами Давида приглашает в свою школу детей: «Приидите, дети, послушайте меня: страху господню научу вас» (Пс. 34).

Ответ 3.

25. Признаём, наконец, что есть в Писании места глубокие, но такие, в которых тонут слоны и плавают ягнята, как изящно сказал Августин, когда желал отметить разницу между мудрецами мира, надменно набрасывающимся на Писание, и малыми во Христе, смиренно и послушно подходящими к нему. И зачем нужно немедленно устремляться в открытое море? Можно идти постепенно. Прежде нужно обходить берега катехизического учения, затем следует идти по неглубоким местам, изучая священные истории, моральные сентенции и тому подобное; это не должно превышать понимания, но должно поднимать к более высокому, к тому, что следует. Наконец-то они станут способными справляться с тайнами веры. Таким образом с детства преданные изучению Священного писания, они легче сохраняются от развращений света и умудряются во спасение верою во Христа Иисуса (2 Тим. 3, 15). Ведь невозможно, чтобы на того, кто предает себя Богу и, сидя у ног Христа, внимательно слушает сходящую свыше мудрость, не влиял дух благодати, возжигая свет истинного знания и в ярком свете показывая пути спасения.

Обратное  
возражение.

26. Я не буду говорить уже о том, что те авторы, которых навязывают христианскому юношеству вместо Библии (Теренций, Цицерон, Вергилий), таковы, каким называют Священное писание, а именно — они трудны и менее понятны для юношества. Ведь они написаны не для детей, а для людей со зрелым суждением, вращающихся на сцене и на форуме. Следовательно, другим они не приносят пользы, за что говорит само дело. Несомненно, кто-нибудь, сделавшись взрослым мужчиной и занимаясь соответствующими делами, из одного чтения Цицерона извлечет больше, чем если бы мальчиком выучил наизусть всего Цицерона. Итак, почему не отодвинуть изучение этих авторов на свое время для тех, кто ими интересуется, если такой интерес есть? Но гораздо большего внимания заслуживает то, что мы уже сказали, а именно что в христианских школах нужно воспитывать граждан для неба, а не для мира; поэтому им нужно давать таких учителей, которые бы внушали скорее небесное, чем земное, скорее священное, чем мирское.

**Заключение.** Итак, закончим словами ангела: «Не может дело человеческого созидания существовать там, где начинается показываться город Всевышнего» (Ездр. 10, 54).

Так как Бог повелевает нам быть деревьями правды и насаждением Господа во славу его (Ис. 61, 3), то не подобает, чтобы наши дети были молодыми деревьями насаждения Аристотеля, или Платона, или Плавта, или Туллия и пр. Впрочем, уже произнесен приговор: «Всякое растение, которое не отец мой небесный насадил, искоренится» (Матф. 15, 13). Трепещи всякий, кто не перестает мудрствовать и восставать против познания Бога (2 Кор. 10, 15).

## Г Л А В А ХХVI

### О школьной дисциплине

**Дисциплина в школах необходима.** 1. Употребительная народная чешская поговорка гласит: *«Школа без дисциплины есть мельница без воды»*. Это совершенно правильно. Как мельница тотчас останавливается, если отвести от нее воду, так неизбежно все разваливается в школе, если у нее отнять дисциплину. Если поля не полоть, то тотчас вырастают губительные для посева плевелы. Если деревья не подрезаются, то они дичают и дают бесплодные побеги. *Но из этого не следует, что школа должна оглашаться криками, ударами, побоями; в ней должны господствовать бодрость и внимание как у учащихся, так и у учащихся.* Ведь что такое дисциплина, если не тот метод, благодаря которому ученики становятся действительно учениками.

**Три требования для поддержания дисциплины.**

проявлять строгость.

1. Цель дисциплины.

2. Итак, воспитателю юношества будет полезно знать *как цель, так и средства и виды дисциплины*, чтобы он знал, почему, когда и как нужно пользоваться искусством проявлять строгость.

3. Прежде всего в согласии с общим мнением я полагаю, что *дисциплину нужно применять по отношению к тем, кто ее нарушает. Однако не потому, что кто-нибудь провинился* (ведь бывшее никак не может стать не бывшим), *но с тем, чтобы провинившийся впоследствии не делал проступков.* Применять дисциплину нужно без возбуждения, без гнева, без ненависти, но с такой простотой и искренностью, чтобы сам подвергшийся наказанию понимал, что наказание назначается ему для его собственного блага и вытекает из отеческого участия к нему со стороны руководителей. Поэтому он должен относиться к наказанию только как к прописанному доктором горькому питью.

2. По какому поводу нужно применять наказания.

Во всяком случае не из-за ученья.

4. За поведение нужно наказывать строже, чем за учение. Ведь если учение поставлено правильно (как мы уже сказали), то оно само по себе привлекательно для умов и своею занимательностью притягивает к себе всех (за исключением разве каких-либо уродов среди людей). Если иногда бывает не так, то вина за это падает не на учащихся, а на учащихся. Если же мы не владем способами искусно привлекать умы, то напрасно, конечно, будем в таком случае применять силу. Удары и побои не имеют никакого значения для возбуждения в умах любви к наукам. Несомненно, они вызывают в душе отвращение к наукам и враждебное отношение к ним. Поэтому, когда замечается болезненное состояние духа, с отвращением относящегося к изучению, его нужно искоренять соответствующей духовной пищей и тотчас прописываемыми мягкими средствами, а не обострять суровыми лекарствами. Подтверждение этой мудрости дает нам само небесное солнце. Ранней весной оно не сразу распространяется на молодые и нежные растения и не сразу сжигает их своим теплом, но постепенно, незаметно согревая их, заставляет расти и укрепляться и, наконец, изливает всю свою силу на растения, уже выросшие и готовые дать зрелые семена и плоды. Подобное же искусство проявляет садовник, обращаясь более мягко и более бережно с молодыми, надежными растениями, не пуская в ход пил, ножей, серпов, так как первые еще не в состоянии вынести раны. И музыкант не бьет кулаком или палкой по струнам или не ударяет инструмент о стену, если струны лиры, цитры или арфы дают диссонансы, а терпеливо настраивает их, применяя все свое искусство до тех пор, пока не приведет струны к гармонии. Так же должны мы применяться к свойствам ума, приводя умы к гармонии и любви к наукам, если мы не желаем из ленивых сделать упрямых, а из вялых — совершенных глупцов.

Как поощрять к занятиям?

5. Если, однако, когда-либо окажется нужна подстрекнуть и пришпорить, то это может быть лучше достигнуто другими способами, а не побоями: иногда выговором и общественным порицанием, иногда похвалой других. «Вот тот или другой исключительно внимателен, как верно все понимает. А ты сидишь безучастным!» Иногда можно поощрить шуткой: «Эх ты, простофиля, не понимаешь такой легкой вещи! Ты занят чем-то другим!» Можно также устраивать недельные или, по крайней мере, месячные состязания на первенство по месту или отличие, как об этом мы сказали в другом месте. Нужно лишь следить за тем, чтобы это не обратилось только в шутку или забаву и таким образом не потеряло своего значения, но чтобы любовь к похвале и страх порицания и понижения всегда поощряли прилежание. Поэтому

очень важно, чтобы при этом присутствовал и учитель и чтобы дело велось без внешнего блеска, но серьезно, чтобы уличенные в небрежности порицались и чувствовали смущение, а более прилежные публично получали похвалу.

**Порицать нужно за плохое поведение.** *6. Более суровое и строгое наказание должно применяться только по отношению к тем, кто грешит против поведения: 1) за какое бы то ни было проявление безбожия, как богохульство, за безнравственность и вообще за все, что явно направлено против божественного закона; 2) за упорное неповиновение и умышленную злость, если кто с пренебрежением относится к распоряжению учителя или кого-либо другого из начальствующих лиц, сознательно и умышленно не делает того, что нужно делать; 3) за высокомерие и тщеславие, а также за недоброжелательство и лень, вследствие которых кто-либо отказывается помочь в ученье товарищу, который об этом попросил.*

**И почему это?**

*7. Проступки первого рода оскорбляют величие божие, а второго рода — подрывают основу всех добродетелей (смирение и послушание); проступки третьего рода препятствуют быстрым успехам в науках. То, что допускается против Бога, есть мерзость, достойная самого сурового наказания; если кто-либо совершает что-либо против людей и самого себя — несправедливость, которую нужно исправить строгим выговором; то, в чем прегрешают против Присциана, есть позор, который нужно исправить с помощью порицания. Словом, дисциплина должна стремиться к тому, чтобы во всех и всеми средствами возбуждать и укреплять — постоянным навыком и упражнением — благоговение к Богу, предупредительность по отношению к ближнему, бодрость по отношению к труду и выполнению жизненных задач.*

**3. Форма дисциплины, заимствованная от небесного солнца.**

*8. Лучший образец дисциплины показывает небесное солнце, которое всему растущему дает: 1) постоянно свет и тепло, 2) часто дождь и ветры, 3) редко молнии и грозы, хотя и это также на пользу всему растущему.*

**Как нужно применять ее.**

*9. Подражая солнцу, руководитель школы будет стараться удерживать юношество в должных рамках.*

*1) Постоянными примерами, являясь сам живым образцом во всем, чему нужно научить. Без этого все остальное будет напрасно.*

*2) Наставлениями, увещаниями, иногда и выговорами. Однако учит ли он, напоминает ли, приказывает ли, порицает ли, он должен прилагать величайшее старание к тому, чтобы было ясно, что все это проникнуто отеческим чувством и стремлением всех научить и никого не обидеть. Если ученик не заметил такого*



чувства и не убежден в этом вполне, то он будет относиться к дисциплине с пренебрежением и легко настраиваться против нас.

3) Если, наконец, у кого-либо настолько несчастный характер, что эти сравнительно легкие меры являются недостаточными, нужно прибегнуть к более сильным средствам и не оставлять неиспробованными никаких средств, прежде чем признать кого-либо совершенно непригодным и безнадежным для воспитания. Быть может, о некоторых еще и теперь будет верным известное выражение, которое гласит: «Фригийца исправляют только побои»<sup>112</sup>. Во всяком случае, такого рода сильное наказание будет полезно если не самому наказанному, то, по крайней мере, другим, наводя на них страх.

**Предостережение.**

Нужно только остерегаться прибегать к этим крайним мерам по всякой причине и часто, чтобы запас исключительных мер не оказался истощенным раньше, чем их применения потребуют исключительные случаи.

**Сущность сказанного.**

10. Сущность сказанного и того, что следует сказать, сводится к одному: задача дисциплины заключается в том, чтобы у тех, кого мы воспитываем для Бога и церкви, вызывать и, согревая, постоянно укреплять то смешанное состояние чувств, подобного которому Бог требует от своих детей, вверенных воспитанию Христа, — чтобы радовались они с трепетом (Пс. 11, 10) и, совершая свое спасение со страхом и трепетом (Филп. 2, 21), радовались всегда в Господе (Филип. 4, 4), т. е. чтобы ученики могли и умели всегда любить и уважать своих воспитателей и не только охотно позволяли бы себя вести, куда подобает, но и сами, сверх того, настойчиво бы к тому же стремились. *Это смешанное настроение может быть достигнуто только уже указанным нами способом: хорошим примером, ласковыми словами и постоянно искренним и открытым расположением.* Блеск молнии и грозные раскаты грома допускаются только иногда, в исключительных случаях, и даже здесь с таким намерением, чтобы строгость, опять-таки поскольку возможно, обращалась в любовь.

**Подходящее сравнение.**

11. Ибо где и когда это видно (да будет позволено еще раз разъяснить это примером), чтобы золотых дел мастер только одними ударами молотка мог сделать изящные фигуры? Нигде и никогда. Они лучше отливаются, чем чеканятся. А если окажется что-либо излишнее или ненужное, то искусный мастер не ударяет грубо молотом, но отбивает тихонько молоточком, или отшлифовывает пилюю, или срезает щипцами, но все это делает осторожно, а под конец еще всегда отполирует и отшлифует сделанную вещь. А мы полагаем, что образ Бога живого — разумное творение можно образовывать неразумным порывом!

Другое сравнение. 12. Ведь и рыбак, собираясь ловить рыбу в более глубоких реках сетью больших размеров, не только привешивает к сети свинец, который бы погружил ее и заставил тащиться по дну, но и привязывает с противоположной стороны легкие поплавки, которые бы поднимали другой конец сети на поверхность воды. Таким образом тот, кто решил заняться воспитанием в юношестве добродетелей, с одной стороны, конечно, должен будет строгостью склонить юношество к страху и смиренному повинению, а с другой стороны, ласково поднять до любви и радостной бодрости. Счастливы художники, которые могут вызывать это смешанное настроение. Счастливы юношество при подобного рода руководителях.

13. Сюда относится суждение великого мужа, д-ра богословия Эйльгарда Любина<sup>113</sup>. Рассуждая об исправлении школ в предисловии к Новому Завету, изданному на греческом, латинском и немецком языках, он высказал следующее суждение:

«...Второе — это то, чтобы все, что преподается юношам соответственно их развитию, требовало от них ничего не делать против воли и по принуждению, а, наоборот, насколько это возможно, все делать добровольно и самостоятельно, с некоторого рода увлечением. Отсюда я решительно настаиваю на том, что розги и побои, эти рабские и совершенно недостойные свободных людей средства, не должны применяться в школах и подлежат совершенному из них удалению. Их следует применять только к невольникам и негодным людям рабского духа. Такие весьма скоро проявляют себя в школах своим поведением и быстро должны быть удаляемы из школ не только вследствие своей тупости и неспособности, большей частью свойственной рабским характерам, но также и вследствие испорченности, которая в большинстве случаев соединена с ней. А если еще им дать на помощь науки и искусства, то в руках безумных людей они обратятся лишь в орудие испорченности и станут мечами, которыми они будут истреблять и себя и других. Но есть и другие виды наказаний, которые нужно применять по отношению к свободным и благородным юношам» и пр.

## Г Л А В А ХХVII

**О четырехступенчатом устройстве школ в соответствии с возрастом и успехами учащихся**

Сыны света должны подражать мудрости сынов века.

1. Ремесленники назначают своим ученикам определенный срок обучения (двухлетний, трехлетний и т. д., даже до семилетнего, в зависимости от тонкости и сложности ремесла). Обучение обязательно должно быть закончено в пределах этого срока. Каждый изучивший все то, что относится к его искусству, должен сделаться из ученика подмастерьем своего искусства, а затем через известное время — и мастером. То же самое должно иметь место и в школьной науке: для искусств, наук и языков тоже следует назначить свои сроки; здесь *в пределах известного числа лет должен быть закончен весь круг образования, и из этих мастерских человечества должны выйти люди подлинно образованные, совершенно нравственные и истинно благородные.*

Полное образование требует посвятить ему весь период юности человека до 24 лет.

2. Чтобы достигнуть этой цели, мы берем для развития духовных сил все время юности (так как здесь приходится изучать не одно искусство, а весь комплекс свободных искусств <sup>114</sup> со всеми науками и несколькими языками), начиная с раннего детства до возмужалости, именно первые 24 года жизни, которые должны быть разделены на определенные периоды. Это вытекает из указаний самой природы. Ведь опыт показывает, что человеческое тело растет приблизительно до 25-го года жизни, и не больше, а затем укрепляется в силе. Надо верить, что этот медленный рост (ибо дикие звери, имеющие тела гораздо большие, достигают своего полного развития в течение всего нескольких месяцев или самое большее в течение одного-двух лет) божественное провидение предназначило для человеческой природы затем, чтобы у человека вообще было больше времени для подготовки к задачам его жизни.

Это время нужно разделить на четыре школы.

3. Итак, эти годы восходящего возраста мы разделим на *четыре определенных периода: младенчество, отрочество, юность, зрелость.* Каждому возрасту нужно назначить одно шестилетие и соответствующую школу, так, чтобы

I. Для младенчества	} было школой	} материнское попечение, школа элементарная, или народная школа родного языка, латинская школа, или гимназия, академия и путешествия.
II. Для детства		
III. Для отрочества		
IV. Для зрелости		

В частности, *материнская школа должна быть в каждом доме; школа родного языка — в каждой общине, в каждом селе и в каждом местечке; гимназия — в каждом городе; академия — в каждом государстве или даже в каждой более значительной провинции.*

Задачи и содержание школьного преподавания должны отличаться не материалом, а формой.

4. При всем различии этих школ мы, однако, желаем, чтобы в них преподавали не различный материал, а один и тот же, только различным образом, т. е. все то, что может сделать людей истинными людьми, христиан — истинными христианами, ученых — истинными учеными, только поднимаясь каждой ступенью выше в соответствии с возрастом и предшествующей подготовкой. По законам нашего естественного метода нельзя отрывать одни учебные предметы от других, а нужно преподавать их все вместе, подобно тому как дерево всегда растет в целом, соответственно во всех своих частях, равномерно в этом, как и в следующем году, пока только оно будет стоять, хотя бы в течение ста лет.

Различие школ по форме упражнений:

1. Так как иначе преподают здесь, иначе — там.

большее число корней и ветвей, все более крепнет и приносит больше плодов.

2. Так как здесь занимаются более одним, а там — другим.

5. Однако разница между школами будет тройкая. Во-первых, в первых двух школах все будет преподаваться в более общих и элементарных чертах, а в последующих — все более подробно и отчетливо, точно так же, как дерево с каждым новым годом пускает все больше и больше плодов.

6. Во-вторых, в первой, материнской школе будут упражняться преимущественно внешние чувства, с тем чтобы дети приучались обращаться правильно с окружающими их предметами и распознавать их; в школе родного языка будут упражняться больше внутренние чувства, сила воображения и память с их исполнительными органами — рукой и языком — путем чтения, письма, рисования, пения, счета, измерения, взвешивания, запоминания различного материала и пр.; в гимназии будет развиваться понимание и суждения обо всем собранном ощущениями материале при помощи диалектики, грамматики, риторики и остальных реальных наук и искусств, изучаемых посредством вопросов: что? почему? Наконец, академия будет развивать преимущественно то, что относится к области воли, именно способности, которые научат сохранять гармонию (а расстроенное приводит к гармонии). Относительно души это дает богословие, относительно ума — философия, относительно жизненных функций тела — медицина, относительно внешнего блага и состояния — юриспруденция.

Основания для этой градации.

7. И это верный метод успешно развивать умы. Сперва усваивать самые вещи с помощью внешних чувств, на которые те непосредственно воздействуют. Затем, в свою очередь, возбужденные внутренние чувства обучаются выражать и представлять отображения вещей, воспринятых внешними чувствами как через припоминание, так и при помощи руки и языка. Когда же это подготовлено, пусть вступает в дело ум и тщательным размышлением все сравнивает и взвешивает для основательного изучения взаимного отношения всех вещей; это разовьет истинное понимание вещей и суждение о них. Наконец, пусть приучится во всем законно проявлять свою власть воля (которая является центром и руководительницей всех действий человека). Желать образовывать волю ранее понимания вещей (как и познание ранее воображения и воображение ранее чувствительных восприятий) — это значит напрасно терять труд <sup>115</sup>. Однако так поступают те, кто обучает детей логике, поэзии, риторике, этике ранее познания реального и чувственного мира. Они поступают таким же образом, как если бы кто-либо желал обучать танцам двухлетнего ребенка, едва пытающегося ходить на дрожащих ногах. Мы решили везде идти вслед за природой, и как она выявляет свои силы одни за другими, так и мы должны следить за последовательным порядком развития умственных способностей.

Одни будут упражняться здесь, а другие — там.

8. Третье различие будет состоять в том, что в низших школах — материнской и школе родного языка — будет получать образование вся молодежь обоего пола; в латинской — преимущественно те отроки, у которых стремления выше, чем быть ремесленниками, а из академии будут выходить ученые и будущие руководители других, так чтобы у церкви, школы и общественных учреждений никогда не было недостатка в соответствующих руководителях.

Эти четыре рода школ соответствуют:

1. Четырем временам года.

9. Эти четыре рода школ не без основания можно было бы сравнить с четырьмя временами года. Материнская школа представляет собой прекрасную весну, украшенную почками и цветами различных ароматов. Школа родного языка представляет собой лето с его спелыми колосьями и некоторыми ранними плодами. Гимназия соответствует осени, собирающей богатые плоды с полей, садов и виноградников и складывающей это в сокровищницу ума. Академия, наконец, — это зима, дающая собранным плодам различные назначения, чтобы было на что жить во все остальное время жизни.

## 2. Деревьям, растущим четырьмя степенями.

10. Можно было бы также такой метод тщательного воспитания юношества сравнить с культурой садов. Шестилетние дети прекрасны бы могли походить на молодые деревца, тщательно посаженные, хорошо укоренившиеся и начинающие пускать веточки. Дети двенадцати лет похожи на деревца, уже покрытые ветвями и пускающие почки; что в них заключается, конечно, еще недостаточно ясно, но скоро станет ясным. Юноши восемнадцати лет, уже владеющие знанием языков и искусств, подобны дереву, со всех сторон усеянному цветами, представляющему приятное зрелище для глаз и приятный аромат для обоняния, а для вкуса обещающему верные плоды. Наконец, молодые люди двадцати четырех или двадцати пяти лет, которые уже вполне прошли академические науки, представляют собой дерево, отовсюду покрытое плодами такой зрелости, когда следует уже срывать их и собирать для различных целей.

Однако это следует изложить подробнее.

## Г Л А В А ХХVIII

### Идея материнской школы

Первостепенное  
должно быть  
изучено сперва.

Перечень знаний,  
подлежащих  
усвоению:  
I.

1. В первые же годы дерево тотчас же выпускает из своего ствола все главные ветви, которые оно будет иметь и которым впоследствии приходится только разрастаться. Следовательно, таким же образом, чему бы мы ни хотели научить человека на его пользу в течение всей жизни — все это должно быть преподано ему в этой первой школе. Что это осуществимо, ясно будет из нашего беглого просмотра всего того, что подлежит изучению. Укажем на это кратко, сводя все к двадцати главным отделам.

2. *Метафизика* (так называемая) в общих чертах первоначально усваивается здесь, так как дети сначала воспринимают все в общих и неясных чертах, замечая, что все, что они видят, слышат, вкушают, осязают, все это существует, но не различая, что это такое в частности, и лишь потом постепенно в этом разбираясь. Следовательно, они уже начинают понимать общие термины: нечто, ничто, есть, нет, так, не так, где, когда, похоже, непохоже и т. п., что в общем и является основой метафизики.

3. В *физике* в это первое шестилетие можно довести ребенка до того, чтобы он знал, что такое вода, земля, воздух, огонь, дождь, снег, лед, камень, железо, дерево, трава, птица, рыба, бык и пр. Он должен знать также

II.

названия и употребление, по крайней мере, внешних членов своего тела. В данном возрасте это усваивается легко и полагает начало естествознанию.

III. 4. Начала *оптики* ребенок получает благодаря тому, что начинает различать и называть свет и тьму, тень и различия основных цветов: белого, черного, красного и пр.

IV. 5. Начала *астрономии* состоят в том, чтобы знать, что называют небом, солнцем, луной, звездами, и замечать, что они каждый день восходят и заходят.

V. 6. Первые начала *географии* состоят в том, что дети, сообразно с характером местности, где они воспитываются, учатся понимать, что такое гора, долина, поле, река, селение, замок, город.

VI. 7. Основы *хронологии* закладываются в том случае, если ребенок понимает, что называется часом, днем, неделей, годом, равным образом что такое лето, зима и пр. и вчера, позавчера, завтра, послезавтра и пр.

VII. 8. Начала *истории* состоят в том, чтобы ребенок мог припоминать и рассказывать, что произошло недавно, как тот или другой в том или другом деле действовал, — ничего, если это будет хотя бы только по-детски.

VIII. 9. Корни *арифметики* закладываются благодаря тому, что ребенок понимает, когда говорится мало и много, умеет считать хотя бы до десяти и сделать наблюдение, что три больше, чем два, и что единица, прибавленная к трем, дает четыре и пр.

IX. 10. Дети получают знания элементов *геометрии*, если поймут, что мы называем большим и малым, длинным и коротким, широким и узким, толстым и тонким; а также — что мы называем линией, крестом, кругом и пр., и видят, что то или другое измеряется пядью, локтем, саженью и пр.

X. 11. Такие первоначальные основы *статики* получатся в том случае, если дети заметят, что вещи взвешиваются на весах, и научатся сами кое-что взвешивать на руке, чтобы определить, тяжело это или легко.

XI. 12. Первоначальный опыт в *механическом труде* дети получают в том случае, если им позволить, мало того, обучить их, всегда что-либо делать, например: переносить вещи туда и сюда, приводить их так или иначе в порядок, строить что-либо и разрушать, связывать и пр. — все это детям приятно делать в этом возрасте. Так как это не что иное, как стремление даровитой природы к искусственному восприятию вещей, то не только не следует препятствовать таким занятиям, но необходимо поддерживать их и разумно руководить ими.

- XII. 13. *Диалектическое искусство* проявляется уже в этом возрасте и пускает свои ростки, когда ребенок, замечая, что разговор ведется путем вопросов и ответов, и сам также приучается кое о чем спрашивать и отвечать на вопросы. Следует только приучить детей ставить подходящие вопросы, а на вопросы отвечать прямо, чтобы они приучались твердо держать мысль в пределах предложенной темы, а не отклоняться в сторону.
- XIII. 14. *Детская грамматика* будет состоять в том, чтобы правильно говорить на родном языке, т. е. отчетливо произносить буквы, слоги, слова.
- XIV. 15. Начало *риторики* будет положено в том случае, если дети станут подражать тем тропам и фигурам, которые встречаются в домашней речи. Но особенно надо обратить внимание на соответствующую характеру речи жестикуляцию в связи с произношением, а именно при вопросе повышать последние слоги, а при ответе понижать и т. п., чему учит обыкновенно сама природа, а если что-либо будет неправильно, то легко может быть исправлено разумным указанием.
- XV. 16. С *поэзией* дети познакомятся, заучивая в этом раннем возрасте как можно большее количество маленьких стихотворений, преимущественно морального содержания, ритмических или метрических, обычно употребляемых в отечественном языке.
- XVI. 17. Начала *музыки* будут состоять в том, чтобы научить петь некоторые, более легкие места из псалмов и священных гимнов, что будет иметь место в процессе ежедневных молитвенных упражнений.
- XVII. 18. Начальные познания в *хозяйстве* будут заключаться в том, что дети запомнят названия лиц, из которых состоит семья: кто называется отцом, матерью, служанкой, слугой, наемным работником и т. д., а также имена частей дома: сеней, кухни, спальни, стойла и домашних предметов: стола, блюда, ножа, щетки, вместе с их употреблением.
- XVIII. 19. Меньшим может быть предварительное ознакомление с *политикой*, так как представления в этом нежном возрасте едва ли простираются за пределы своего дома. Однако и это возможно, если дети заметят, что некоторые граждане города собираются в магистрате и называются членами совета, а из них кто-либо, в частности, называется городским головой, другой — городским судьей, третий — нотариусом и пр.



XIX.

20. Учение о *нравственности (этика)* должно будет здесь получить в особенности твердое основание, если мы хотим, чтобы добродетели, так сказать, срослись бы с хорошо воспитанным юношеством.

Например:

1) *Умеренность*, состоящая в соблюдении меры в еде и в том, чтобы ничего не позволять себе сверх необходимого для утоления голода и жажды.

2) *Опрятность* при еде, в одежде и бережное обращение с куклами и игрушками.

3) Подобождающее почтение к старшим.

4) Всегда скорое и охотное повиновение приказаниям и заповедям.

5) Неуклонная *правдивость* во всех словах, так чтобы никогда не позволялось лгать или обманывать — ни в шутку, ни серьезно (так как дурная шутка может в конце концов перейти в нехороший поступок).

6) *Справедливости* дети будут учиться, не присваивая ничего чужого, не унося, не удерживая, не скрывая чего-либо против воли владельца, ни в чем никому не делая зла, ни в чем не завидуя и пр.

7) Пусть дети как можно скорее приучатся к *любви*, чтоб быть готовыми жертвовать из своего имущества всякий раз, как кто-либо будет просить их в нужде; мало того — чтобы они помогали и по собственному побуждению. Ведь это есть та самая подлинная христианская добродетель, которая ранее всех нам заповедана духом Христа: воспламенение ее в сердцах людей, особенно в современном, совершенно холодном, стареющем мире, будет служить на благо церкви.

8) Следует также приучать маленьких детей к *постоянным трудам и постоянным занятиям*, все равно будет ли то серьезное дело или игра, лишь бы дети не выносили безделья.

9) Пусть приучатся не болтать постоянно и не выбалтывать всего, что попадется на язык, а *разумно молчать*, когда того требует дело, когда говорят другие, когда присутствует кто-либо из почтенных лиц, когда самое дело требует молчания.

10) Но особенно нужно приучать детей в этом первом возрасте к *терпению*, которое будет необходимо в течение всей жизни, чтобы они научились владеть собой, руководствоваться разумом, а не порывами; прежде чем страсти бурно прорвутся и пустят корни, лучше подавлять гнев, чем давать ему волю, и пр.

11) *Услужливость и готовность служить другим* есть лучшее украшение юности, и даже всей жизни. Поэтому к ней следует приучать детей уже в эти первые шесть лет, чтобы они не упускали случая быть налицо там, где только предоставляется возможность быть полезным в каком-либо деле другим людям.

12) Однако сюда нужно присоединить *вежливость*, чтобы ничего не делать неуместно и бессмысленно, а во всем поступать с приличной скромностью. Сюда относятся формы общественного обращения, приветствия, ответы на них, скромные просьбы, если в чем-либо нуждаешься, благодарность за оказанную услугу с приличными поклонами и целованием руки и т. п.

21. Наконец, в изучении религии и благочестия можно шестилетних детей довести до того, чтобы они заучивали наизусть главы катехизиса, основы своего вероисповедания и, насколько позволяет возраст, начинали понимать его и применять на деле. Именно они должны привыкнуть к тому, чтобы, охваченные восприятием божества, они чувствовали везде присутствие Бога, боялись его как справедливейшего мздовоздателя за зло, не допуская ничего дурного, а с другой стороны, они должны любить его, милостивейшего воздаятеля за добро, поклоняться ему, призывать и хвалить его и, ожидая от него милосердия и в жизни и по смерти, не упускать делать ничего доброго, что, как они замечают, угодно ему, и таким образом жить точно пред очами Бога и (как говорит Писание) ходить перед Богом.

Польза  
такого воспитания  
в детстве.

и человек (Лук, 2, 52).

Почему нельзя  
сделать никаких  
более подробных  
указаний.

22. Тогда о христианских детях можно будет сказать то, что евангелист говорит о самом Христе, что он преуспевал в мудрости и возрасте и в любви у Бога

23. Таковы цели и задачи материнской школы. Объяснить это подробнее или показать с помощью таблиц, что и в каком объеме можно выполнить в отдельные годы, месяцы и дни (как это мы посоветуем делать в школе), как это можно сделать в последующих школах (родного языка и в латинской школе), нельзя по двум причинам. Во-первых, потому, что среди домашних хлопот родителям нельзя соблюдать порядок с такой тщательностью, как это бывает в общественной школе, где занимаются только образованием юношества. Во-вторых, потому, что умственные способности и охота к учению проявляются у детей с крайней неравномерностью — у одного ранее, у другого позднее. Некоторые двухлетние дети уже прекрасно говорят и быстро все воспринимают, другие в пять лет едва делают то же самое, так что вообще это первое образование в раннем возрасте нужно предоставить благоразумию родителей.

Впрочем, есть два прекрасных пособия:

1) Учебник для материнской школы.

Здесь подробно должно быть описано все то, чему нужно научить в детстве и при каких случаях нужно приступать к важному делу и какими способами и сочетаниями слов и жестами должно это внедрять детям. Написать подобную книжку (под заглавием «Руководство для материнской школы») мы берем на себя.

2) Средство для пробуждения чувств.

Другим пособием, которое должно быть полезным для упражнений в этой материнской школе, будет *книжка с картинками*, которую нужно давать самим детям. Ведь так как здесь нужно развивать преимущественно чувства для восприятия внешних предметов, а зрение среди чувств занимает самое выдающееся место, то мы поступим правильно, включив сюда все главные предметы из физики, оптики, астрономии, геометрии и т. д., хотя бы в том порядке, который мы только что представили. Здесь могут быть нарисованы: гора, долина, дерево, птица, рыба, конь, бык, овца, человек в различном возрасте, различного внешнего вида, затем — свет и мрак, и небо с солнцем, луной, звездами, облаками; основные цвета; затем домашние предметы и ремесленные инструменты: горшки, блюда, кружки, молотки, щипцы и пр.; далее изображение высоких особ, например царя со скипетром и короной, а также солдата с оружием, крестьянина с плугом, возницы с повозкой, письмоносеца на дороге, и повсюду все-таки должна быть надпись, что означает каждый предмет: конь, бык, собака, дерево и пр.

Полезность от такой книги.

Эта книжка будет полезна в трех отношениях: 1) Для усиления впечатления от вещей, как уже было сказано. 2) Для привлечения юных умов к тому, чтобы в каких угодно книгах они искали занимательного — в смысле более легкого приучения к чтению. 3) Так как над каждой картиной будет написано ее название, то с этого может начаться обучение буквам.

## Г Л А В А ХХІХ

### Идея школы родного языка

Школа родного языка должна предшествовать латинской школе.

1. В главе IX мы указали, что всю молодежь обоего пола нужно посылать в общественные школы. Теперь я прибавляю, что всю молодежь сперва нужно посылать в школу родного языка. Против этого мнения существует возражение.

Цеппер <sup>116</sup> в первой книге «Церковного государства», гл. 7, и Альштед <sup>117</sup> в гл. 6 своих «Школьных рассуждений» советуют посылать в школу родного языка только тех девочек и мальчиков, которые со временем будут заниматься ремеслами, мальчики же, которые по решению своих родителей предназначаются к высшему образованию, должны быть направляемы не в школу родного языка, но прямо в латинскую школу. Альштед прибавляет: «Пусть, кто хочет, не соглашается. Я предлагаю эту дорогу и тот путь образования, на который я желал бы направить тех, кого я хотел бы видеть наилучше образованными». Но соображения нашей дидактики заставляют с этим не соглашаться.

I. 2) А именно: 1) *Мы стремимся к общему образованию в области всего человеческого для всех, кто родился человеком.* Следовательно, нужно вести всех вместе до тех пор, пока можно вести вместе, чтобы все взаимно друг друга воодушевляли, поощряли, побуждали.

II. 2) *Мы желаем, чтобы всех формировали во всех добродетелях,* а именно: в скромности, согласии, готовности к взаимным услугам. Поэтому не нужно разделять их так рано и не следует давать некоторым из них повода превозноситься перед другими и презирать их.

III. 3) *Представляется несколько преждевременным решать на шестом году отроду, к какому призванию кто-либо годен, к занятиям науками или к ремеслу;* в этом возрасте еще недостаточно проявляются умственные способности и склонности; то и другое лучше выяснится впоследствии. Каким травам в саду выпалывать, какие оставлять, узнаешь лишь после того, как они подрастут, а не тогда, когда они еще очень малы. *Ведь не только дети богатых, или знатных, или должностных лиц рождаются для высоких званий, чтобы для них одних должна была быть открыта латинская школа, а остальные дети безнадежно бы от нее отстранялись.* Ветер веет, где хочет, и не всегда начинает дуть в определенное время.

IV. 3. 4) Четвертым основанием у нас является то, что *наш всеобщий метод имеет в виду не одну только безмерно любимую нимфу — латинский язык, но ищет пути к развитию равным образом и родных языков всех народов,* чтобы всякое дыхание все более и более хвалило Господа. Этого стремления не следует расстраивать столь произвольным перескакиванием через всю школу родного языка.

V. 4. 5) *Учить кого-либо иностранному языку, прежде чем он овладеет родным языком, — это то же самое, как если бы кто-либо вздумал учить своего сына ездить верхом ранее, чем он научится ходить.* Лучше действовать по ступеням, как это показано в основоположении IV главы XVI.

Как Цицерон заявлял, что он не может учить произносить речи того, кто не умеет говорить, так при нашем методе мы признаёмся, что не можем учить по-латыни того, кто не знает родного языка, так как последний язык мы предназначили в качестве руководителя к первому.

VI.

5. 6) Наконец, так как мы *стремимся к реальному образованию*, то ученики одинаково легко могут пройти то, что относится к внешнему миру, с помощью книг на родном языке, которые дают названия вещей. После этого они тем легче изучат латинский язык, прилагая к известным уже вещам только новые названия, прибавляя в хорошей последовательности к фактическому познанию вещей познание их причинных связей.

6. Итак, принимая во внимание наше предположение о делении школы на четыре ступени, *школу родного языка мы определяем таким образом: назначение и цель школы родного языка будут состоять в том, чтобы все дети между шестью и двенадцатью (или тринадцатью) годами научились тому, пользование чем простиралось бы на всю их жизнь. Именно:*

I. *Легко читать все напечатанное и написанное на родном языке.*

II. *Писать сперва красиво, потом быстро и, наконец, правильно* согласно с правилами грамматики родного языка, которые надо будет изложить ученикам в самой простой форме и установить упражнения для усвоения их.

III. *Считать цифрами и на счетах*, смотря по надобности.

IV. *Все измерять правильно* всеми способами: длину, ширину, расстояние и пр.

V. *Петь все употребительные мелодии*, а кто более способен, того обучать также началам художественной музыки.

VI. Выучить наизусть большую часть псалмов и духовных гимнов, которые употребляются в церкви в каждой местности, чтобы воспитанные на прославлении Бога дети могли (как говорит апостол) научать и вразумлять друг друга псалмами, гимнами и духовными песнями, воспевая во благости в сердцах своих Бога (Кол. 3, 16).

VII. Сверх катехизиса ученики должны тончайшим образом знать историю и наиболее выдающиеся тексты всего Священного писания, чтобы могли воспроизвести наизусть.

VIII. Ученики должны усвоить учение о нравственности, выраженное в правилах, поясненное примерами сообразно с развитием этого возраста, понимать его и стараться применять на деле.

IX. О политическом и экономическом положении они должны знать настолько, насколько это необходимо для понимания того, что происходит у них на глазах ежедневно дома и в городе.

**X.** Иметь понятие в самых общих чертах об истории сотворения, падения и искупления мира, управляемого мудростью божией.

**XI.** Кроме того, *изучить основы космографии: о круглой форме неба, о шаровидности висящей посредине земли, об океане, омывающем землю, о разнообразных изгибах морей и рек, о более значительных частях света, о главных государствах Европы; особенно же ученики должны заучить города своей родины, горы, реки и все, что есть в ней достопримечательного.*

**XII.** Наконец, *ученики должны ознакомиться со всеми более общими ремесленными приемами* отчасти с той только целью, чтобы не оставаться невеждами ни в чем, касающемся человеческих дел, отчасти даже и для того, чтобы впоследствии легче обнаружилась их природная наклонность, к чему кто чувствует преимущество.

Почему здесь ставятся столь широкие цели.

7. И если это все надлежащим образом будет выполнено в этой школе родного языка, то не только для тех юношей, которые поступят в латинскую школу, но и для тех,

которые посвятят себя земледелию, торговле и ремеслам, не может встретиться нигде ничего настолько нового, с чем бы они хоть отчасти не были уже знакомы. Таким образом, то, чем впоследствии каждый будет заниматься в области своей деятельности или что будет слышать на священных собраниях или в других местах или, наконец, читать в каких-либо книгах,— все будет или только более полным освещением, или более подробным разъяснением вещей, уже ранее известных, и ученики окажутся на самом деле способными все это более правильно понимать, выполнять, обсуждать.

Средства, пригодные для достижения этих целей:

I. Классы.

8. Для достижения этих целей должны служить следующие средства:  
I. *Все ученики школы родного языка, занятия в которой продолжаются шесть лет, должны делиться на шесть классов, занимающихся, насколько возможно, в отдельных помещениях, чтобы они не мешали друг другу.*

II. Книги.

II. *Для отдельных классов должны быть предназначены свои особые книги, которые бы исчерпывали все нужное для этого класса (насколько дело касается материала для научного, нравственного и религиозного образования), чтобы ни в каких других книгах не было необходимости, пока ученики находятся на данной стадии обучения, но зато уже с помощью указанных книг они безошибочно достигали бы намеченной цели. Необходимо, чтобы эти книги исчерпали весь родной язык, т. е. все названия вещей, которые по своему возрасту способны усвоить дети, и главные, наиболее употребительные обороты речи.*

Содержание книг для различных классов одно и то же; они будут различаться только по форме.

9. Итак, по числу классов этих книг будет шесть, и они будут различаться между собой не столько по содержанию, сколько по форме. Все они будут трактовать обо всем, но каждая предыдущая книга будет излагать более общее, более известное, более легкое; а каждая последующая — будет давать возможность понимать более частное, менее известное, более трудное или будет вносить какой-либо новый метод в рассмотрение тех же самых вещей, чтобы принести уму новое наслаждение. В чем здесь дело, мы это вскоре разъясним.

И все будет приспособлено к характеру детского возраста.

10. *Следует позаботиться о том, чтобы все было здесь приспособлено к детским способностям, которые по своей природе склонны к приятному, шутливому и игривому и не расположены к серьезному и суровому.* Итак, для того чтобы было усвоено, и притом легко и с удовольствием, серьезное, что некогда должно принести существенную пользу, везде нужно полезное соединять с приятным, чтобы постоянными приманками завлекать умы и направлять их туда, куда мы желаем.

Чтобы привлечь учеников, нужно украшать книги красивыми заглавиями.

11. Пусть также книги эти украшаются заглавиями, которые бы своей красотой привлекали юношество, а вместе с тем изящно выражали бы все содержание. Заимствовать их, мне кажется, можно от различных видов сада — самого прекрасного, чем мы владеем. Так как школа сравнивается с садом, то почему бы книжку первого класса не назвать фиалковой грядкой, книгу второго класса — розовым кустом, книгу третьего класса — парком и пр.?

Все технические термины должны быть здесь выражены на родном языке. Почему?

12. Впрочем, более подробно о содержании и форме этих книг будет сказано в другом месте. Здесь же прибавлю следующее: так как книги пишутся на родном языке, то на родном же языке должно выражать и технические термины, для которых не следует пользоваться латинскими или греческими терминами. Основания:

I.

1) Мы хотим помочь юношеству, чтобы оно все воспринимало без замедления. Но иностранные слова, раньше чем быть понятыми, по необходимости требуют разъяснения, и даже, будучи разъясненными, они непонятны, и ученики только верят, что они обозначают то, что нужно обозначать, и с трудом удерживают их в памяти. Между тем как на родном языке нужно только объяснить обозначаемую словом вещь, и тотчас все становится понятным и усваивается памятью. Наша цель заключается в том, чтобы при этом первом обучении

было как можно меньше всяческих задержек и затруднений и чтобы все шло как можно легче.

II.

2) Кроме того, мы желаем, чтобы родные языки развивались не по примеру французов, которые удерживают непонятные для народа греческие и латинские слова (их порицает за это Стевин <sup>113</sup>), но все выражая словами, понятными народу. Так, тот же Стевин посоветовал этот принцип своим соотечественникам бельгийцам («География», кн. 1) и прекрасно провел его в математике.

**Тройное возражение.** 13. Против этого можно, конечно, возражать, и такие возражения обыкновенно делаются. Во-первых, не каждый язык настолько богат, чтобы на нем одинаково удачно можно было передавать греческие и латинские термины. Во-вторых, хотя бы они и были переданы, однако ученые, привыкшие к своим терминам, не отступят от них. Наконец, лучше, чтобы и дети, которых нужно будет посвящать в латинский язык, уже теперь приучались к языку ученых, дабы не было необходимости после снова заучивать технические термины.

**Ответ на первое возражение.** 14. Я отвечаю на это. Если какой-либо язык оказывается темным, неполным, несовершенным для выражения необходимых вещей, то вина не в языке, но в людях. Римляне и греки должны были придумать слова ранее, чем они приняты были в употребление, и сперва их слова казались грубыми, темными, так что сами они сомневались, можно ли их облагородить; однако когда они были приняты, то оказалось, что ничего нет более выразительного, чем они.

Это мы знаем относительно слов: бытие (*ens*), *essentia* (сущность), *substantia* (субстанция), *accidens* (случайный признак), *qualitas* (качество), *quidditas* (чтойность) и пр. Итак, за языком дело не станет, лишь бы сами люди не пожалели стараний.

**На второе возражение.** 15. Что касается второго возражения, то пусть ученые люди и удерживают для себя свои термины. Мы здесь идем на помощь простым людям в том, чтобы каким-либо образом довести их до понимания свободных искусств и наук, не говоря с ними на иностранном языке чужими для них словами.

**На третье возражение.** 16. Кто, наконец, из детей позднее будет изучать языки, тот не почувствует особенного ущерба от того, что знает технические термины на отечественном языке, и от того, что Бога ранее назвал отцом на родном языке, а не на латинском.



III. Третье требование — хороший метод; четыре его закона.

17. Третье требование заключается в легком методе преподавать эти книги юношеству. Этот метод можно выразить так:

I. Ежедневно школьным занятиям должно быть уделяемо только по четыре часа: два часа до полудня и столько же пополудни; остальное время ученики могут с пользой уделять домашним работам (особенно более бедные) или какому-нибудь приличному отдыху.

II. Утренние часы нужно посвящать развитию ума и памяти, в послеполуденные должно развивать руку и голос.

III. Итак, в утренние часы учитель прочитает и повторит урок на этот час при всеобщем внимании, а если нужно будет какое-либо разъяснение, то он даст его в самой доступной форме, так чтобы слушатели не могли бы его не понять. Затем он предложит ученикам повторить это по очереди самим так, чтобы, пока один читает ясно и отчетливо, другие, смотря в свои книги, молча следили бы за ним. После получаса или более подобных упражнений более способные попробуют то же повторить без книги, и, наконец, окажутся способными проделать это даже и менее способные. Ведь для часового промежутка, соответственно с восприимчивостью детских умов, это будет совсем немного.

IV. То же самое будет еще более закреплено в послеобеденные часы, в которые мы не желаем разбирать ничего нового, но будем повторять то же; повторять частью путем переписывания из тех же самых книг, частью — путем соревнования: кто скорее другого запомнит все, о чем говорилось ранее, и повторит это или правильнее, изящнее перепишет, пропоет, сосчитает и т. д.

18. Не без основания мы советуем, чтобы ученики все свои печатные книги переписывали как можно опрятнее своей собственной рукою.

Почему мы советуем, чтобы все классные книги были переписаны рукою учеников.

1) Это послужит к тому, чтобы правильнее все запомнить, так как мысль будет долее занята одним и тем же материалом.

2) Этим ежедневным упражнением в писании ученики приобретут себе навык писать красиво, быстро, правильно, что чрезвычайно необходимо и для дальнейших школьных занятий, и для житейских дел.

3) Для родителей детей это будет самым наглядным доказательством, что в школе делается то, что должно делаться, и они будут в состоянии легче судить об успехах детей, видя, как удачно дети подвигаются вперед.

Совет о включении сюда изучения иностранных языков.

19. Все более частное мы откладываем на другое время. Здесь пока напомним о том, что если некоторые дети должны будут заняться изучением языков соседних народов, то это должно происходить в возрасте десяти, одиннадцати, двенадцати лет, а именно — в промежутке между школой родного языка и латинской школой. Для этого удобнее всего послать их туда, где в ежедневном употреблении не родной язык, но тот, который они должны изучать. Дети вполне усвоят этот язык, если они будут на новом языке читать, переписывать, запоминать уже ранее им известный материал из книг родной школы и проводить заимствованные оттуда письменные и устные упражнения.

### Г Л А В А Х Х Х

#### Очерк латинской школы

Ее цель: четыре языка и вся энциклопедия наук.

1. Ее целью мы ставим — вместе с четырьмя языками исчерпать всю энциклопедию наук. Из тех юношей, которых мы правильно проведем через эти классы, должны выйти:

I. *Знатки грамматики*, которые прочно усвоили все явления языка и в состоянии разъяснить их в латинском и родном языках в совершенстве, а в греческом и еврейском — насколько это необходимо.

II. *Диалектики*, вполне опытные в определении и различении понятий, в доказательствах и опровержениях.

III. *Риторики*, или *ораторы*, умеющие изящно говорить на любую тему.

IV. *Знатки арифметики*.

V. *Геометры* — как для различных жизненных потребностей, так и потому, что эти знания особенно пробуждают и изоощряют способности к изучению других предметов.

VI. *Музыканты* — как на практике, так и в теории.

VII. *Астрономы*, которые знакомы, по крайней мере, с основами учения о сфере и ее вычислениями, так как без этого не будут ясны ни физика, ни география, ни большая часть истории.

2. Это и были те прославленные семь свободных искусств, знанием которых, по обычному мнению, должен обладать магистр философии. Но для того чтобы стать выше, ваши ученики должны, сверх того, быть:

VIII. *Физиками*, которые бы понимали строение мира, силу элементов, различие животных, свойства растений и металлов, строение человеческого тела и пр. как в отношении того, чем они

являются сами по себе, так и в применении к потребностям жизни, что тем самым исчерпает и часть медицины, земледелия и остальных механических искусств.

IX. *Географами*, которые отчетливо представляли бы себе очертания земного шара и морей с островами, рек, государств и пр.

X. *Хронологами*, которые хорошо знали бы принципы летоисчисления от начала времен по периодам.

XI. *Историками*, которые могли бы перечислить наиболее важные перемены в судьбах человеческого рода в главнейших государствах, в церкви и различные обычаи и события из жизни целых народов и отдельных деятелей.

XII. *Моралистами*, которые бы умели точно различать все роды и виды добродетелей и пороков. Последних должно избегать, первым — следовать как в общей идее, так и в специальном приложении, например: к жизни экономической, политической, церковной и пр.

XIII. Наконец, мы желаем, чтобы они были богословами, которые бы не только хорошо знали основы своей веры, но и могли бы защищать их с помощью Священного писания.

3. *Мы желаем, чтобы по окончании этого шестилетнего курса юноши достигли бы во всех этих областях если не полного совершенства* (ведь, с одной стороны, совершенства не допускает юношеский возраст, так как для закрепления теории практикой нужен продолжительный опыт, а с другой — в шестилетие невозможно исчерпать океана учености), *то во всяком случае твердого основания для приобретения совершенной учености в какой-либо области в будущем.*

4. *Согласно с различными задачами намеченного шестилетнего образования, надо учредить для него шесть различных классов, названия которых, начиная с низшего, могли бы быть следующие:*

Класс	I. Грамматический.	IV. Моральный.
	II. Физический.	V. Диалектический.
	III. Математический.	VI. Риторический.

Почему за грамматическим классом не должны непосредственно следовать риторический и диалектический классы.

5. Я надеюсь, что никто не будет оспаривать того, что мы предпосылаем, точно ключ ко всем наукам, грамматике. Но тем, кто привычку считает за закон, могло бы показаться удивительным то, что мы *отодвигаем так далеко диалектику и риторику, ставя их позади реальных наук. Однако так нужно. Ведь мы уже показали, что с вещами нужно знакомиться ранее, чем со способами их проявления, т. е. с содержанием ранее, чем с формой*, и что такой метод единственно при-

годен в том, чтобы располагать знанием вещей прежде, чем нам предложат судить о них или красноречиво излагать их. Иначе, что ты будешь исследовать или в чем будешь убеждать, если у тебя готовы все способы различения и изложения вещей, но ты не знаком с самими вещами, которые ты желаешь исследовать или в которых желаешь убеждать? Как невозможно, чтобы родила девушка, не забеременев, так невозможно разумно говорить о вещах тому, кому не дано заранее знания вещей. *Вещи сами по себе есть то, что они есть, хотя бы их не касался никакой разум и никакое слово, но разум и слово обращаются только вокруг вещей и зависят от них, а употребляемые без вещей, если предположить такую глупую и смешную попытку, они либо обращаются ни во что, либо становятся бессмысленным звуком.* Итак, ввиду того что рассуждения и речь основываются на вещах, сама необходимость требует представлять им такое основание.

Почему учение о нравственности становится позади учения о природе?

Почему по примеру древних математика не предпосылается физике?

наши истинное рассмотрение вещей с математических занятий, отчего и дали им имя «наук» по преимуществу, а Платон не хотел, чтобы в его академию входил кто-либо, не знающий геометрии. Причина этого понятна, так как эти науки, занимаясь числами и количествами, ближе к чувству и поэтому более легки и точны; они возбуждают и укрепляют силу воображения, и наконец, располагают и возбуждают даже к другим предметам, которые более удалены от чувства.

Ответ.

8. Вообще говоря, это верно. Однако здесь нужно обратить внимание и на нечто другое. Именно: 1) Мы советовали в школе родного языка развивать чувства и пробуждать ум посредством того, что воспринимается о числах. Следовательно, наши ученики уже не будут здесь совсем не знающими геометрии. 2) Наш метод идет вперед всегда последовательно. Поэтому, ранее чем переходить к высшим исследова-

6. *Что учение о природе должно быть предпосылаемо учению о нравственности*, хотя у многих бывает наоборот, это убедительно доказали ученые мужи. Липсиус <sup>119</sup> («Физиология», кн. I, гл. 1) пишет так: «Мы одобряем мнение великих авторов, и мы, в согласии с ними, требуем, чтобы прежде всего преподавалась физика. Эта часть (философии) доставляет большое удовольствие: она способна привлечь нас и задерживать наше внимание; к ней чувствуешь большое почтение, а блеск явлений природы возбуждает наше удивление; наконец, ум подготавливается и развивается для того, чтобы с-пользою слушать этику».

7. *Относительно математического класса может возникнуть сомнение, должен ли он следовать за физическим классом или предшествовать ему.* Правда, древние начинали

ниям о величинах, удобно вставить учение о конкретном, о телах, которое должно составить переходную ступень к более глубокому пониманию абстрактных отношений. 3) К курсу математического класса мы присоединяем очень многое из того, что касается искусства легкого и верного познания, которого едва ли можно достигнуть без естествознания; это последнее мы и предпосылаем. Тем не менее, если другие соображения или сама практика приведут к другому выводу, мы возражать не будем. Теперь же, согласно с имеющимися у нас доводами, мы можем решать этот вопрос лишь изложенным выше образом.

**Физике нужно предпосылать метафизику, но какую?**

9. После того как таким образом будет приобретен достаточный опыт в пользовании латинским языком с помощью «Преддверия» и «Двери», которые мы предназначали для первого класса, мы советуем предложить ученикам самую общую науку. Эту науку называют «первой философией», а обычно «метафизикой»; по нашему же мнению, ее правильнее было бы назвать «профизикой» или «гипофизикой» (наукой, предшествующей естествознанию или ему подчиненной) <sup>120</sup>. Метафизика должна открывать первые и самые последние основы природы, именно основные условия всех вещей, свойства и различия с самыми общими нормами всех вещей, как с определениями понятий, так и с аксиомами, идеями и их построением. Когда все это будет изучено (а сделать это по нашему методу чрезвычайно легко), можно будет приступить к рассмотрению всех частных таким образом, чтобы казалось, что большей частью они как бы уже были известны ранее, и ни в чем не представлялось бы ничего нового, кроме приложения общего к каждому частному явлению. Задержавшись на этом приблизительно триместр (ведь все это будет усвоено чрезвычайно легко, так как это будут только как бы те чистые основы, которые каждый здравый человеческий ум своим врожденным смыслом мог бы воспринять сам), можно было бы далее непосредственно от общих основ перейти к рассмотрению видимого мира, чтобы чудесные явления природы (показанные во введении к физике) постепенно все более выяснялись, прежде всего, частными примерами из природы. Благодаря этим занятиям класс должен быть назван «физическим».

**За физическим классом следует математический, за ним — класс этики.**

10. От сущности вещей следует перейти к более точному исследованию случайных признаков вещей, что мы называем «математическим классом».

11. Затем учащимся придется рассматривать самого человека с действиями его свободной воли как владыку вещей, чтобы они научились наблюдать, что подлежит нашей власти и нашей воле и что нет, каким образом

*следует приводить все в надлежащий порядок согласно мировым законам и т. п.*

Этому будут учиться на 4-м году в классе этики. Но все это нужно будет рассматривать уже не только с точки зрения исторической — как что-либо происходит, как это имело место в начальной школе родного языка, но и в причинной связи, так чтобы ученики приучились обращать внимание на причины вещей и их следствия. Однако в этих первых четырех классах нужно остерегаться примешивать сюда какие-либо спорные вопросы, так как это мы предложили бы целиком отложить на пятый класс, как мы это сейчас и увидим.

**Класс диалектики.**

12. По предварительном ознакомлении учащихся с самыми краткими правилами умозаключений, в классе диалектики мы предлагали бы пройти предметы физики, математики и этики и основательно рассмотреть здесь только то, что имеет особое значение и вызывает среди ученых разногласие. Здесь может быть изложено: происхождение и состояние вопроса, тезис и антитезис, верные или вероятные аргументы, защита того или другого; затем пусть будут вскрыты ошибка одного из двух утверждений и самый повод к этой ошибке, ложные доказательства и подлинные доказательства в пользу истинного тезиса и т. п. Или, наоборот, если то и другое утверждение заключает в себе частицу истины, то пусть будет показано их примирение между собой. Таким образом, одна и та же работа будет представлять собой и самое приятное повторение ранее пройденного, и чрезвычайно полезное разъяснение непонятого ранее. Самое искусство делать умозаключение, исследовать неизвестное, разъяснять темное, различать сомнительное, ограничивать общее, защищать истинное оружие самой истины, опровергать ложное и, наконец, приводить в порядок запутанное будет сжато при помощи постоянных примеров, т. е. кратким и действенным путем.

**Класс риторики.**

13. *Последним классом будет класс риторики. В нем мы предлагали бы упражнять учащихся в истинном, легком, приятном применении всего до сих пор изученного, откуда было бы видно, что ученики наши кое-чему научились и пробыли у нас не напрасно.* Согласно с известными словами Сократа: «Заговори, чтобы я тебя увидел», мы желаем теперь образовать для мудрого красноречия язык тех, чей ум до сих пор мы развивали для приобретения мудрости.

14. Итак, предпослав самые краткие и самые ясные правила красноречия, мы приступаем к упражнениям, т. е. к подражанию каким-либо лучшим мастерам красноречия, причем, однако, не следует постоянно держаться одного из того же материала, чтобы, попеременно направляясь во все области истины и разнообразие вещей, в сады человеческой добродетели и в рай божествен-

ной мудрости, ученики умели прекрасно выразить и, где требует необходимость, могли защитить все, что они считают истинным и хорошим, т. е. полезным, приятным, честным. Для достижения этой цели они будут иметь уже на этой ступени весьма значительную подготовку, а именно — прекрасное знание всевозможных вещей и вполне достаточный запас слов, фраз, пословиц, изречений, историй и пр.

**Изучение истории  
нужно распределить  
по всем классам.**

*как известно, есть самая прекрасная часть образования и как бы освещает всю жизнь, то и желательно распределить ее по всем классам этого шестилетия, чтобы наши ученики хорошо знали все то, что было сделано или сказано достопримечательного во всей древности. Однако желательно распределить эти занятия историей таким образом, чтобы они не только не увеличивали труда учеников, а облегчали бы его и являлись отдыхом (приправой) для более серьезных занятий.*

**И каким образом.**

15. Впрочем, если окажется нужным, об этом более подробно в другом месте. Сама практика даст остальное. Прибавить нужно только следующее: *так как знание истории, как известно, есть самая прекрасная часть образования и как бы освещает всю жизнь, то и желательно распределить ее по всем классам этого шестилетия, чтобы наши ученики хорошо знали все то, что было сделано или сказано достопримечательного во всей древности. Однако желательно распределить эти занятия историей таким образом, чтобы они не только не увеличивали труда учеников, а облегчали бы его и являлись отдыхом (приправой) для более серьезных занятий.*

16. Например, можно для каждого класса составить особую книжку, заключающую в себе определенного рода истории, так чтобы можно было предложить:

В классе	{	I — сокращенную библейскую историю,
		II — историю естествознания,
		III — историю искусств — о разного рода изобретениях,
		IV — историю морали — выдающиеся примеры добродетелей и т. п.,
		V — историю обрядов — о различных религиозных обрядах у народов,
		VI — историю всеобщую, т. е. историю всего мира и главнейших народов, преимущественно историю своего отечества: все в сжатом виде, но не пропуская ничего необходимого.

**Напоминание  
о необходимости  
здесь постоянно  
единого метода.**

17. О специальном методе, которым должно пользоваться в этих школах, скажу теперь только следующее. Мы предложили бы, чтобы обычные школьные четыре часа распределялись так: оба утренних часа (после молитвы) должны посвящаться той науке или тому искусству, от которых класс носит свое название; первый час после полудня должна занимать история, второй час — упражнение в стиле, упражнение голоса, рук, сообразно с тем, что требует материал каждого класса.

## Г Л А В А Х Х Х I

## Академия

Почему здесь  
говорится  
об академии.

Мы выше сказали, что *академии с полным правом предоставляют завершение и дополнение всех наук и все высшие предметы образования.*

Три пожелания  
об академии.

Наука и в человеческой мудрости, что не служило бы там предметом изучения.

II. Употреблялись наиболее легкие и верные методы, чтобы дать всем, кто сюда приходит, основательную ученость.

III. *Общественными почетными должностями награждались только те, кто успешно достиг намеченной цели и стал достоин и способен к тому, чтобы ему можно было вверить управление человеческими делами.*

Вкратце отметим, чего, по нашему мнению, требуют эти отдельные пожелания.

I. Чтобы

они поистине были  
универсальными  
для научных занятий.

искусств, предметов, языков, которые бы извлекали из себя все эти знания, как из живой сокровищницы, и сообщали все для всех.

II. *Избранная библиотека различных писателей, доступная для всевозможного пользования.*

II. Метод

они должны иметь  
поистине  
универсальный,  
где нужно соблюдать  
следующее.

5. *Во-вторых, если каждый посвятит себя тому виду занятий, к которому, как это можно заключить по верным признакам, его предназначила природа.* Ибо по природным дарованиям один является музыкантом, поэтом, оратором, физиком и т. д., в то время как другие более склонны к богословию, медицине, юриспруденции. Именно здесь слишком часто делается ошибка, так как по своему произволу, не обращая внимания на природную склонность, из каждого чурбана мы хотим сделать гения. Отсюда то, что, обращаясь к тому или иному занятию вопреки склонности, мы не достигаем ничего достойного внимания и часто располагаем боль-

1. На академию, конечно, наш метод не распространяется. Но что мешает нам высказать наши пожелания и по поводу академии? Мы

2. Итак, мы предложили бы, чтобы там:

I. Велись действительно все исчерпывающие занятия, чтобы ничего не оставалось в

III. *Общественными почетными должностями награждались только те, кто успешно достиг намеченной цели и стал достоин и способен к тому, чтобы ему можно было вверить управление человеческими делами.*

3. Чтобы академические научные занятия были универсальными, для этого необходимы:

I. *Ученые и знающие профессора всех наук, искусств, предметов, языков, которые бы извлекали из себя все эти знания, как из живой сокровищницы, и сообщали все для всех.*

4. Академические работы будут продвигаться вперед более легко и успешно, если, *во-первых, мы туда будем посылать только избранные умы, цвет человечества, а остальных направим к плугу, ремеслам и торговле, смотря по их природной склонности.*



шими знаниями в каком угодно постороннем деле, чем в собственной профессии. Поэтому было бы целесообразно при окончании классной школы устраивать публичное испытание способностей.

6. *В-третьих, натуры высокоразвитые надо поощрять ко всему, чтобы не было недостатка в людях, получивших всестороннее образование, и вполне обладающих мудростью.*

7. *Надо, однако, следить за тем, чтобы академии воспитывали только трудолюбивых, честных и способных людей.* Они не должны терпеть лжестудентов, которые, подавая другим вредный пример бездействия и роскоши, расточают отцовское имущество и губят свои годы. Таким образом, где не будет никакой язвы, не будет и никакой заразы,— все будут устремлять свое внимание на то, чем следует заниматься.

Совет  
об извлечениях  
всякого рода  
авторов.

8. Мы сказали, что в академии нужно знакомиться со всякого рода авторами. Но для того чтобы это было не слишком трудно и в то же время полезно, было бы желательно склонить ученых людей: филологов, философов, богословов, медиков и др.—оказать учащейся молодежи ту же помощь, какую изучающим географию оказывают географы, заноса на карты целые провинции, царства и миры и в одном обзоре представляя глазам обширнейшие пространства земли и морей. В самом деле, отчего бы не изложить Цицерона, Ливия, Платона, Аристотеля, Плутарха, Тацита, Геллия, Гипократа, Галена, Цельса, Августина, Иеронима и других тем же самым способом, как художники представляют земли, города, дома, людей с натуры в уменьшенном масштабе. И притом это следует делать не только в виде взятых отсюда отдельных изречений и красивых выражений (как это сделано с некоторыми авторами), но при помощи систематических сводок основного содержания.

Это чрезвычайно  
полезно в четырех  
отношениях.

9. Подобного рода извлечения из авторов могли бы принести особенную пользу. Во-первых, для тех, у кого нет времени читать все подряд, чтобы тем не менее они приобрели себе общее понятие о всех авторах. Во-вторых, для тех, кто (по совету Сенеки) желает близко познакомиться с духом одного какого-нибудь писателя (ибо не все одинаково подходят для всех), чтобы легче и основательнее сделать выбор, после того как, испробовав многое, они убедятся, что им особенно нравится. В-третьих, и для тех, кому нужно прочитать самих писателей целиком, эти извлечения послужат прекрасным пособием для того, чтобы чтение это принесло наибольшую пользу. Так, предпринимающему путешествие весьма полезно по карте заранее познакомиться с характером местности, для того чтобы было легче, вернее, приятнее осматривать те подробности, которые затем представляются глазам.

Наконец, всем будут полезны эти обзоры для быстрого повторения авторов, причем всегда встретится что-либо, что останется в памяти и перейдет в плоть и кровь.

**Совет об издании этих извлечений.** 10. Подобного рода общие обзоры авторов могли бы быть издаваемы и отдельно (для употребления более бедными или теми, кто сам не может прочитать больших томов) и предпосылаемы изданиям самих авторов, чтобы, принимаясь за чтение последних, сперва можно было получить общее представление о целом.

**Совет о применении в академии Геллиевых коллегий** 11. *Что касается метода ведения академических занятий, то, быть может, было бы очень полезно установить общие собеседования и проводить их по образцу Геллиевых коллегий.* А именно: о чем бы профессор публично ни говорил, нужно раздать слушателям для чтения на дому образцовых писателей, обсуждающих тот же вопрос. И что бы из этого профессор в утренней лекции публично ни изложил, об этом должно быть снова обсуждение после полудня на общем собрании таким образом: студенты предлагают вопросы, если кто-либо чего-либо не понял или если он нашел у своего автора несогласное мнение, подкрепленное надлежащими основаниями, и т. д. Здесь каждому из собравшихся студентов (однако с соблюдением известного порядка) нужно давать ответы, а затем другим должно быть позволено высказываться и обсуждать, достаточно ли выяснен вопрос. И наконец, профессору, как председателю, надо будет разрешать спорные вопросы. Таким образом, все, что прочитает каждый, может быть объединено и не только станет общим достоянием, но и сильно внедрится в память, обеспечивая основательные успехи как в теории, так и в практике наук.

**III. Третье положение:** никого не должно награждать, пока не одержит победы.

12. При этом сообщая проводимом упражнении представляется легко осуществить и наше последнее предложение, чего давно уже желают все лучшие люди: *к общественным почетным должностям надо допускать только достойных.* Это будет достигнуто, говорю я, если это будет зависеть не от чьего-либо личного мнения, но от общего признания и свидетельства всех. Один раз в год необходимо посещать школы: низшие школы должны посещать специальные смотрители (scholarchi), а академии — королевские или государственные депутаты. При этом они должны тщательно расследовать, с каким старанием учащиеся и учащие ведут свое дело. Проявившие особую старательность должны получить публичное признание своих достоинств, состоящее в докторском или магистерском звании.

Способ одержать победу.

13. Чтобы при этом не произошло никакого обмана, для получения степени вместо диспутов самым подходящим было бы следующее. Кандидат (или несколько вместе) становится посреднике — без участия председателя. И тогда все самые ученые и уже испытанные в практике пусть предлагают ему вопросы о том, что, по их мнению, надо для выяснения успехов кандидата в теории и на практике. Например, различные вопросы по тексту (Священного писания, Гиппократ, права и т. д.): где написано то, другое, третье? Насколько он согласен с тем или другим? не знает ли он какого-нибудь автора, который не согласен с этим? и кого именно? какие доводы он мог бы выставить против этого? как надо разрешить противоречие? и т. п. А в области практики ему надо настойчиво предлагать различные случаи, касающиеся совести, болезней, процессов: как он хотел бы действовать в том или другом случае и почему именно так? <sup>124</sup> Надо настойчиво предлагать кандидату самые разнообразные вопросы, пока не станет ясным, что он может судить о вещах разумно и с полным основанием, и т. п. Кто не приложит всевозможного старания в занятиях, зная, что ему предстоит выдержать такое серьезное и такое строгое публичное испытание!

О путешествиях.

14. О путешествиях (которым мы отводим место в эти последние шесть лет или по окончании их) нет нужды делать указания, кроме одного. Мы одобряем суждение Платона, который запрещал юношам путешествовать ранее, чем они освободятся от необузданности пылкого возраста и у них появится благоразумие и опытность, необходимые для путешествий (Платон. О законах, XII, с. 900 д.).

О школе школ; каковы ее цель и польза.

15. Мы не станем здесь излагать того, как необходима была бы в любой стране школа школ, или дидактическая коллегия. Если нет надежды на это, то, по крайней мере, пусть с непреклонной верностью хранится эта мысль в духовном единении ученых, посвятивших себя распространению славы божией. На каком бы расстоянии они ни находились друг от друга, *их объединенные усилия должны быть направлены к тому, чтобы все более и более раскрывать основы наук, очищать свет мудрости и распространять его с наилучшим успехом среди человеческого рода, чтобы новыми, чрезвычайно полезными изобретениями улучшить положение людей.* Ибо если мы не желаем всегда оставаться на одном и том же месте или даже идти назад, то всегда нужно размышлять о том, как бы продвигать вперед хорошие начинания. Так как для этого не достаточно одного человека или одной жизни, то необходимо, чтобы продолжали дело многие вместе и последовательно. Эта всеобщая коллегия

вполне могла бы быть для остальных школ тем, чем желудок — для членов тела, а именно — мастерской жизни, лабораторией, которая бы всем доставляла питательный сок, жизнь и силу.

16. Возвратимся, однако, к тому, что нам остается сказать о наших школах.

## Г Л А В А ХХХII

### О всеобщей совершенной организации школ

**Обобщение  
вышесказанного.**

Было бы небесполезно свести теперь наши пожелания и советы в единое целое.

**Сущность  
наших пожеланий:  
дидактическое  
искусство  
должно достигать  
точности  
и изящества  
типографского  
искусства<sup>125</sup>.**

Типографское искусство труднее, дороже, кропотливее, однако оно гораздо удобнее для более быстрого, верного и изящного воспроизведения книг. Так, этот новый метод, отпугивающий вначале своими трудностями, при своем применении будет, однако, служить для обучения гораздо большего числа учеников, с более верным успехом и с большим удовольствием, чем это достигается при обычном отсутствии метода.

**Какие преимущества  
имеет книгопечатание  
перед письмом.**

3. Можно легко вообразить, как мало полезной могла казаться попытка первого изобретателя типографских шрифтов по сравнению с принятым тогда уже столь свободным и быстрым употреблением пера; но дело показало, какие преимущества дает это изобретение. Во-первых, в течение одного и того же времени два молодых человека могут путем печати воспроизвести большее число экземпляров какой-либо книги, чем в то же самое время, быть может, двести человек пером. Во-вторых, рукописи по числу, форме, расположению листов, страниц и линий чрезвычайно отличаются друг от друга; печатные же экземпляры соответствуют друг другу настолько точно, что одно яйцо не будет так похоже на другое, как все эти экземпляры друг на друга. Это придает им элегантность и отделку. В-третьих, правильно ли написано то, что написано пером, нельзя установить

1. О необходимости и способе преобразования школ мы высказались довольно подробно. Было бы небесполезно свести теперь наши пожелания и советы в единое целое.

2. *Наша цель — довести метод обучения до такого совершенства, чтобы между привычной и употреблявшейся до сих пор формой обучения и этой новой оказалась такая же разница, какую мы видим между употреблявшимся некогда способом размножения книг при помощи пера и изобретенным затем и теперь уже употребляемым типографским искусством.*

3. Можно легко вообразить, как мало полезной могла казаться попытка первого изобретателя типографских шрифтов по сравнению с принятым тогда уже столь свободным и быстрым употреблением пера; но дело показало, какие преимущества дает это изобретение. Во-первых, в течение одного и того же времени два молодых человека могут путем печати воспроизвести большее число экземпляров какой-либо книги, чем в то же самое время, быть может, двести человек пером. Во-вторых, рукописи по числу, форме, расположению листов, страниц и линий чрезвычайно отличаются друг от друга; печатные же экземпляры соответствуют друг другу настолько точно, что одно яйцо не будет так похоже на другое, как все эти экземпляры друг на друга. Это придает им элегантность и отделку. В-третьих, правильно ли написано то, что написано пером, нельзя установить

до тех пор, пока не просмотришь, не сравнишь и не исправишь каждый экземпляр в отдельности, а это требует многократного скучного труда. При печатании же достаточно исправить только один экземпляр, чтобы тем самым оказались исправленными все остальные, хотя бы их была тысяча. Человеку, не знакомому с типографским искусством, это представляется невероятным, и, однако, это совершенно верно.

В-четвертых, для письма (которое делается пером) годна не всякая бумага, а только более плотная, которая не пропускает чернил, а что бы ты ни подложил под типографский набор, шрифт на всем отпечатывается — даже на мягкой и пропускной бумаге, на полотне и т. д. Наконец, изящно печатать книги могут даже те, кто писать изящно не умеет, так как они выполняют работу не собственной рукой, но искусно для этого подготовленными литерерами, при которых уклонения от их начертания невозможны.

Что большего может дать совершенный метод (к которому мы стремимся) по сравнению с употреблявшимся до сих пор.

4. По-видимому, получится нечто подобное, если мы осуществим правильно все, что касается этого нового и общего метода обучения (я еще не утверждаю, что наш метод уже совершенен, я только выставляю на вид его всеобщность).

Тогда результаты будут следующие:

1) при меньшем числе преподавателей будет обучаться гораздо большее число детей, чем теперь при употребляемых методах; 2) учащиеся будут гораздо более образованными; 3) образование будет утонченнее и доставлять удовольствие; 4) к этому образованию будут допущены также и те, кто одарен сравнительно слабыми способностями и медленной восприимчивостью; 5) наконец, успешно преподавать в состоянии будут даже и те, кого природа не наделила хорошими способностями к преподаванию, так как каждый будет черпать знания и умения не столько из собственного ума, сколько будет постепенно сообщать юношеству уже готовый образовательный материал готовыми, данными в руки средствами. Подобно тому как любой органист легко исполнит по нотам какие-либо симфонии, которые он сам, быть может, не мог бы ни сочинить, ни исполнить одним только голосом или сыграть на память, так и школьный учитель не мог бы разве учить всему, когда все, чему надо учить, со всеми методами ученья он имеет в руках, как бы занесенными в партитуру?

Более подробное рассмотрение этого дела.

5. Удерживая сходство с типографским искусством, разовьем яснее при помощи сравнения, каково стройное действие этого нового метода, чтобы было видно, что науки

теми же почти способами начертываются в умах, как они извне наносятся на бумагу. Поэтому было бы уместно соответственно

со словом «типография» придумать и дать этой новой дидактике имя *дидахография* (обучающее письмо). Но остановимся на этом вопросе подробнее.

**Анализ типографского искусства по отношению к материалу и работе.**

покрытие краской, корректура, печатание, просушивание и т. д.; во всем этом есть свои особые приемы, при соблюдении которых дело легко подвигается вперед.

**То же в искусстве дидактики.**

литеры наук. Шрифт — это учебники и другие приготовленные для этой же цели учебные пособия, с помощью которых учебный материал легко может запечатлеться в умах. Черная краска — это живой голос преподавателя, соблюдающий из книг знание вещей и переносящий это знание в умы слушателей. Печатный станок — это школьная дисциплина, которая всех располагает и принуждает воспринимать науку.

**Какая требуется бумага.**

этот метод хотя и допускает к образованию учеников со всякими способностями, однако успешнее будет развивать более выдающиеся дарования.

**Отношение шрифта к учебникам.**

первых, как шрифт сначала нужно отлить, отполировать, приспособить к употреблению, а затем уже начать печатание книг, так сперва необходимо подготовить орудия нового метода, а затем начать пользоваться этим методом.

10. Шрифта требуется большой запас, чтобы его было достаточно для работы. То же самое относится к книгам и учебным пособиям, так как тяжело, скучно и вредно начинать дело и встречать препятствие в достижении цели вследствие недостатка в требуемых пособиях.

11. Хорошая типография имеет всевозможные шрифты, чтобы не оказалось недостатка ни в чем, что могло бы оказаться нужным. В такой же мере необходимо, чтобы наши книги исчерпывали все, что относится к полной культуре духа, так чтобы каждый, опираясь на эти пособия, мог изучить все, что нужно знать.

6. Типографскому искусству свойственны особые материалы и особые виды работ. Материалы эти преимущественно следующие: бумага, шрифт, черная краска, печатный станок. Виды работы — подготовка бумаги, набор шрифта согласно с подлинником,

7. В дидахографии (употребим это слово) обстоит так. Бумага — это ученики, в умах которых должны отпечатываться

8. Бумага пригодна какого угодно качества, однако чем она чище, тем яснее воспринимает и представляет напечатанное. Так и

9. Обращение с металлическим шрифтом представляет прекрасную аналогию с нашими учебниками (каких мы требуем). Во

12. Типографские знаки не разбрасывают как придется, но аккуратно распределяют по кассам и отделениям, чтобы они были наготове для всякого употребления. Так и в наших книгах нельзя предлагать учебный материал в спутанном виде, но необходимо распределить все как можно точнее, по годовым, месячным, дневным и часовым программам.

13. Из касс вынимаются только те типографские знаки, которые нужны для данной работы, другие остаются нетронутыми. Так, нужно давать детям в руки только те учебники, которые нужны в соответствующих классах, чтобы другие не отвлекали и не запутывали учащихся.

14. Наконец, у наборщиков есть своя наборная линейка, с помощью которой они соединяют буквы в слова, слова в строки, строки в полосы, чтобы ничего не сдвигалось со своего места. Так и воспитателям юношества надо дать в руки нормы, по которым они должны довести свою работу, т. е. нужно написать для них руководящие книги, которые бы напоминали им о том, что, где и как нужно делать, чтобы не было уклонений в сторону.

Двоякого рода  
учебные руководства.

пользоваться первыми.

Что соответствует  
типографской краске  
в дидактике.

15. Итак, учебные руководства будут двоякие: учебники для учащихся и руководство для учителей, чтобы они знали, как пользоваться первыми.

16. Мы сказали, что роль типографской краски в дидактике играет голос учителя. Правда, под давлением пресса шрифт, будучи сам по себе сухим, оттискивается на бумаге. Однако, кроме известных слов, которые скоро исчезают, он ничего после себя не оставляет. Но если покрыть типографской краской, то он дает самые яркие и почти неизгладимые оттиски. Так и то, что детям предлагают их немые учителя, книги, на самом деле является чем-то немым, темным, несовершенным. Когда к этому присоединяется голос учителя (который все толково разъясняет согласно с развитием учащихся и учит применять на деле), то все оживает и глубоко врезывается в сознание учащихся, так что, наконец, они действительно начинают понимать то, что учат, и сознавать, что они понимают то, что знают. Типографская краска отличается от чернил именно тем, что она готовится не на воде, а на масле (и те, кто в типографском искусстве желает достигнуть особенно выдающихся результатов, употребляют самое чистое масло из грецких орехов с угольным порошком). Так через приятный и простой способ преподавания, соответствующий нежнейшему маслу, должен проникать в сознание учащихся голос преподавателя и преподаваемый им учебный материал.

Учебный процесс — это дисциплина.

17. Наконец, что в типографском деле — пресс, то в школах — дисциплина, которая одна только обеспечивает для каждого возможность восприятия образования. Как в типографском искусстве вся бумага, из которой должна выйти книга, идет под пресс (хотя на более твердую бумагу нужно надавливать сильнее, а на более мягкую — слабее), так *всякий*, кто поступает для образования в школу, *должен подчиняться общей дисциплине. Ступени ее следующие. Во-первых, постоянное внимание.* Так как никогда нельзя с достаточной уверенностью полагаться на прилежание детей или их добрую волю (они — потомки Адама), то нужно наблюдать за ними, куда бы они ни повернулись. *Во-вторых, порицание*, благодаря которому тотчас возвращаются на путь разума и повиновения те, кто нарушает порядок. *Наконец, наказание*, если они отказываются подчиняться знакам или увещаниям. Но все эти меры нужно применять разумно, с единственной целью, чтобы все учащиеся под влиянием побуждения стали бодрыми и успешно выполняли все.

Сопоставление приемов работы в том и другом деле.

18. Я сказал, что требуются также известные виды работы и известные приемы их выполнения. Коснусь вкратце также и этого.

19. Сколько будет экземпляров какой-нибудь книги, столько же берется сразу листов, которые должны быть заполнены одним и тем же шрифтом. Одно и то же число листов удерживается от начала до конца книги, не увеличиваясь и не уменьшаясь, иначе некоторые экземпляры были бы неполными. Равным образом метод нашей дидактики по необходимости требует, чтобы все дети, которым преподаватель должен преподавать по одним и тем же правилам, передавались ему сразу, с тем чтобы он давал этой группе образование постепенно, от начала до конца. После начала учебных занятий никого нельзя принимать в школу и никого нельзя отпускать из группы ранее конца занятий. Так будет достигнут тот результат, что одного преподавателя будет достаточно даже для многочисленной группы учащихся и все тем не менее научатся всему без недочетов и пробелов.

Полезный совет.

*Поэтому следовало бы все общественные школы открывать один раз в год (по нашему мнению, это должно быть скорее осенью, чем весной или в другое время), с тем чтобы учебная программа каждого класса выполнялась в течение года и чтобы все ученики (если только не воспрепятствует кому-либо из них тупость) доходили до определенной цели и вместе перешли в следующий класс. Так и в типографии после отпечатания всех экземпляров первого листа А переходят к листу В, затем к С, D, E и т. д.*

20. Хорошо напечатанные книги имеют ясно разделенные



главы, столбцы, параграфы с определенными пространствами (или по необходимости, или ради ясности) как на полях, так и между отдельными строками. Таким же образом учебный метод по необходимости имеет свои периоды труда с определенными промежутками времени для отдыха. Он имеет, как известно, задачи по годам, месяцам, дням, часам. Если это использовать правильно, то каждый класс должен иметь свой законченный учебный курс и таким образом ежегодно должен осуществлять поставленную ему цель. С полным основанием можно настаивать на том, чтобы школьным занятиям ежедневно посвящалось только по четыре часа: два часа до полудня и столько же пополудни. Если из этих часов исключить послеполуденные часы в субботу и все воскресенье посвятить богослужению, получится еженедельно двадцать шесть <sup>120</sup> часов, а в год (оставив, кроме того, необходимое время для обычных вакаций) около тысячи часов. О, как многому можно научить и научиться за такое время, если всегда действовать методически, и т. д.

21. Набрав для печатания шрифт, берут свертки бумаги и раскладывают их по листам так, чтобы они лежали гладко и удобно под рукой, чтобы ничто не задерживало работы. Равным образом учитель должен иметь учеников у себя перед глазами, чтобы всегда видеть всех и всегда быть видимым всеми. Как это нужно делать, на это мы указывали в первом вопросе главы XIX.

22. Чтобы бумага лучше воспринимала оттиск, ее обыкновенно смачивают и делают более мягкой. Равным образом у учеников всегда нужно возбуждать внимание теми способами, которые мы там уже указывали.

23. Когда это сделано, металлические литеры намазываются черной краской для того, чтобы их оттиски отпечатывались ясно. Так, учитель всегда должен пояснять урок данного часа своим голосом, читая вперед, перечитывая, разъясняя, чтобы все можно было ясно понять.

24. Затем сейчас же листы один вслед за другим кладутся под пресс так, чтобы на всех листах и на каждом в отдельности отпечатался вполне точный оттиск этой металлической формы. Так, учитель, достаточно выяснив смысл и показав на нескольких примерах легкость подражания, пусть затем потребует того же самого от отдельных учеников, чтобы они стремились следовать за тем, что он им сказал, и из учащих делались знающими.

25. Затем уже отпечатанные листы выставляются на воздух для проветривания, для просушки. В школе должна происходить умственная вентиляция при помощи повторений, экзаменов, состязаний, до тех пор пока не явится уверенность, что все усвоено прочно.

26. Наконец, после оттискивания все напечатанные листы собираются и приводятся в порядок, чтобы было видно, что все экземпляры — в полной исправности, без изъяна, что они вполне пригодны для продажи, рассылки, переплета и пользования ими. То же самое представляют из себя публичные экзамены в конце года, когда ревизорами школ будут проверены успехи учеников, насколько они основательны и связаны между собой, для того чтобы можно было судить, действительно ли изучено все то, что следовало изучить.

**Заключение.**

27. Вот в общих чертах и все; остальное уже частности. Теперь достаточно указать, что как с изобретением типографии размножились книги, эти проводники образования, так с открытием *дидактики*, или *всеобщей методики*, может увеличиться самое число ученых на великое благо для человечества согласно известным словам: «Множество мудрых — спасение миру» (Премудр. 6, 26). И так как мы стремимся умножить христианское образование, чтобы внедрить во все посвященные Христу души само благочестие, а затем науки и добрые нравы, то можно надеяться на то, на что повелевает надеяться божественное откровение: «Земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11, 9).

#### Г Л А В А ХХХІІІ

### Об условиях, необходимых для практического применения этого всеобщего метода

**Жалобы на то, что хорошие мысли не всегда выполняются.**

1. Я думаю, что едва ли кто, всесторонне взвесив изложение данного дела, не придет к убеждению, в каком счастливом положении были бы христианские государства и обществственные дела, если бы были устроены такие школы, какие мы предлагаем. К этому надо прибавить, что надо сделать для того, чтобы эти рассуждения не остались рассуждениями, а наконец-то когда-нибудь могли хоть отчасти стать действительностью. Ведь не без основания Жан Сесиль Фрей удивляется и негодует, что в течение стольких столетий никто не осмелился изменить к лучшему столь варварские порядки в коллегиях и академиях.

**В частности, и в отношении к школам.**

2. В течение более чем ста лет множество жалоб раздавалось на беспорядок в школах и в методе преподавания. Особенно усиленно заботились об улучшении их в течение последних тридцати лет. Но с каким успехом? Школы все-таки остались такими, какими они были. Если кто-либо частным образом или в

какой-либо частной школе что-либо и предпринимал, то это имело мало успеха: либо его встречал смех невежд, либо его подавляла зависть недоброжелателей, либо, наконец, сам он, лишенный помощи, падал под бременем трудов. Таким образом, до сих пор все оставалось тщетным.

Приготовленной к движению машине нужно дать движение.

3. Поэтому *нужно искать и найти способ привести с божьей помощью в движение ту машину, которая составлена или, по крайней мере, должна быть составлена достаточно удачно из хороших основных частей, разумно и решительно устранить все то, что до сих пор мешало этому движению или может помешать в дальнейшем.*

Пять препятствий к полному преобразованию школ.

4. Эти препятствия могут быть различны. Во-первых, *недостаток в методически образованных людях, которые бы с тем основательным успехом, к которому мы стремимся, могли стоять во главе повсюду открытых школ* (ведь и относительно нашей «Двери», которая уже принята в школах, один весьма рассудительный человек обратился ко мне в письме с жалобой, что в большинстве случаев нашей книге недостает одного весьма важного условия, а именно: нет подходящих людей, которые бы умели преподавать по ней юношеству).

5. Однако если бы даже и были такого рода преподаватели и все согласно составленному расписанию легко могли справиться со всеми своими обязанностями, *то откуда взять, однако, средства на их содержание всем городам, деревням и повсюду, где рождаются и воспитываются во Христе люди?*

6. Затем, *какие меры нужно было бы принять для того, чтобы дети беднейших родителей могли иметь досуг посещать школы?*

7. Но особенно, кажется мне, нужно бояться высокомерия тех, кто получил обычное образование и с удовольствием фальшиво играет на старой струне, с высокомерием относясь ко всему новому, а равно и их упрямства в сопротивлении, не говоря уже о менее значительных препятствиях, против которых легко можно найти средства.

Что же здесь главное?

8. Первостепенное значение имеет одно условие; отсутствие его может сделать бесполезной всю организацию, а его наличие немедленно приведет ее в движение. *Таким условием является достаточный запас панметодических книг* <sup>127</sup>. Как легко, при наличии типографского оборудования, найти людей, которые бы могли, умели и хотели пользоваться им и которые бы для выпуска в свет хороших и полезных книг могли бы понести известные расходы, а равно и таких, которые подобного рода книги, весьма дешевые

и полезные, могли бы покупать за небольшую цену, так было бы легко найти для этого покровителей, доброжелателей, помощников, если бы были готовы пособия по всеобщей дидактике.

Нужна коллегия ученых, которые бы вместе стремились к достижению цели.

Ведь это не может быть делом одного человека, особенно занятого в другом месте, притом осведомленного не во всем, что нужно ввести во всеобщий метод. Быть может, это даже дело не одного века, если доводить его до абсолютного совершенства. Следовательно, необходимо для этого учредить целое общество.

Здесь необходимы общественное покровительство, поддержка и авторитет.

Здесь необходимы общественное покровительство, поддержка и авторитет.

10. Для того же, чтобы создать эту коллегия, необходимы авторитет и щедрая поддержка какого-либо короля или князя, или общины. Необходимо место, свободное от шума, библиотека и т. п. Необходимо также, чтобы никто не решался противодействовать столь святым планам, благочестиво направленным на возвышение славы божьей и благоденствие народов, а, наоборот, чтобы все пожелали быть помощниками милости божьей, которая таким образом готова щедро быть ниспосланной нам новыми способами.

Торжественное обращение.

1. К родителям.

11. Итак, вы, дорогие родители детей, верной охране которых Бог вверил драгоценнейшие сокровища, живые свои изображения, воспылайте, когда обсуждаются эти спасительные намерения. Непрестанно молитесь Бога о счастливом успехе, а к сильным мира и к ученым постоянно обращайтесь с вашими просьбами, пожеланиями, заявлениями, требованиями. Вместе с тем воспитывайте благочестиво, в страхе божием своих детей, таким образом достойно подготавливая путь для этого всеобщего образования.

2. К воспитателям юношества.

12. Так же и вы, все воспитатели юношества, честно отдающие свой труд насаждению и орошению юных растений рая, настоятельно молитесь о том, чтобы эти облегчившие ваши труды пособия как можно скорее могли быть разработаны и войти во всеобщее употребление, ибо когда вы призваны к тому, чтобы устроить небеса и утвердить землю (Ис. 51, 16), то может ли быть для вас что-либо приятнее, чем то, чтобы видеть самые обильные плоды вашего труда? Ведь этого требует от вас ваше небесное призвание, как и доверие к вам со стороны родителей, которые вверяют вам в залог свои сокровища. Да воспламенятся ваши сердца, неотступно побуждая вас, а через вас — и других беспокоиться об этом до тех

пор, пока огнем этого света не загорится и не будет счастливо озарено все ваше отечество.

### 3. К ученым.

13. Вы же, *ученые*, которым Бог даровал мудрость и острый ум, чтобы вы были в состоянии судить о таких вещах и приводить разумным советом благие мысли к еще лучшему исполнению, смотрите, не медлите, принесите также ваши искры, мало того — факелы и мехи для раздувания этого священного огня.

**Сыны света обязаны прибавлять искры к свету божественного огня.** Пусть каждый из вас подумает о словах Христа: «Огонь пришел я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лук. 12, 49). Горе тому, кто, имея возможность

принести что-либо для усиления этого пламени, приносит только дым зависти, порицания и противодействия. Помните, какую награду обещает он добрым и верным рабам, которые вверенными им для роста талантами распоряжаются так, что приобретают другие таланты, и как грозит он рабам ленивым, которые зарывают свои таланты (Матр. 24). Итак, бойтесь быть учеными только для себя. Насколько в ваших силах, к тому же ведите и других. Пусть вас побуждает хотя бы пример Сенеки, который говорит: «Я желаю передать другим все, что знаю сам», а также: «Я бы отверг мудрость, если бы она давалась под тем условием, чтобы держать ее в себе и не распространять» (Письмо 26). Не скрывайте также от всего христианского народа науки и мудрость; лучше скажите вместе с Моисеем: «О, если бы все в народе господнем были пророками» (Числ. 11, 29). В самом деле, так как *правильно заботиться о юношестве — значит также устраивать и преобразовывать церковь и общество*, то ужели бездейтельно будем стоять мы, которым это хорошо известно, в то время как другие будут прилагать к этому делу руку?

**Ни для кого не делается исключения.**

14. Я умоляю вас, пусть движет нами единый дух так, чтобы никто не пренебрегал тем, чтобы посвящать Богу и потомству свой труд, все то, что может принести для столь общей и столь спасительной цели своим советом, напоминанием, увещанием, исправлением, поощрением, и *пусть никто не думает, что это его не касается, хотя бы кто-нибудь и думал, что он не предназначен для школы или даже что ему мешают обязанности его церковной, политической или медицинской профессии*. Однако напрасно все-таки он будет полагать, что он изъят таким образом от настоящего общего стремления к исправлению школ. Ведь если ты решил доказать верность твоему призванию, и тому, кто тебя призвал, и тем, к кому ты послан, то ты обязан не только сам служить Богу, церкви, отечеству, но также предусмотрительно заботиться о том, чтобы были люди, которые делали бы то же

после тебя. Сократа восхваляли за то, что, имея возможность занимать общественную должность и быть полезным своему отечеству, он предпочитал служить воспитанию юношества, заявляя, что *более полезен государству тот, кто сделает многих способными управлять государством, чем тот, кто управляет им сам.*

**К высокоученым  
мужам  
просьба оставить  
предубеждения.**

15. Во имя божие молю и заклинаю, чтобы кто-либо из высокоученых мужей не отнесся к этому с пренебрежением потому, что призыв исходит от человека менее ученого. Ведь иногда даже и огородник может сказать что-либо удачно. «Чего ты не знаешь, быть может, знает осленок», — сказал Хризипп. А слова нашего Христа: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Иоан. 3, 8). Перед лицом Бога мы свидетельствуем, что нас побуждают поднимать эти вопросы не наше высокомерие, не жажда славы, не искание какой-либо частной выгоды, но любовь к Богу и желание исправить к лучшему общественные и частные дела людей — вот что подстрекает нас. И мы не в состоянии покрыть молчанием то, что постоянно нам внушает внутреннее стремление. Итак, если кто-либо скорее предпочтет сопротивляться и противодействовать нашим требованиям, желаниям, увещаниям и попыткам, хотя имеет возможность их поддержать, тот пусть знает, что он будет вести борьбу не с нами, а с Богом, с своей совестью, с общей природой, которая требует, чтобы общее благо было общей собственностью и в общем пользовании.

**4. К богословам.**

16. Также обращаюсь я к вам, *богословы*, так как я легко предвижу, что много будет зависеть от вас — будет ли это предложение благодаря вашему авторитету развиваться, или оно будет приостановлено. Если вы скорее пожелаете последнего, то исполнится то, что часто говорит Бернар, что Христос не имеет более злых врагов, чем те, которые стоят вокруг него, и те, кто среди них занимает первое место. Но мы надеемся на лучшее и более соответствующее вашему достоинству. Вы должны будете, по крайней мере, подумать о том, что Господь поручил Петру пасти не только овец своих, но и агнцев, и даже сначала именно агнцев (Иоан. 21, 15). Ведь пастухам, конечно, легче пасти овец, если агнцы уже привыкли к пастбищу жизни благодаря порядку в стаде и пастушескому жезлу. Поэтому, если кто предпочитает слушателей невежественных, то он поистине свидетельствует о своем невежестве. Ведь какой золотых дел мастер не поздравил бы себя, если бы ему рудокопы доставляли самое чистое золото? Какой сапожник не желает получить возможно лучше выработанную и вполне мягкую кожу? Итак, будем и мы также сынами света, разумными в нашем деле,

и пожелаем, чтобы школы давали нам возможно тщательнее подготовленных слушателей.

**Просьба  
об устранении  
зависти.**

17. Но да не войдет зависть в сердце кого-либо из вас, служителей Бога живого! Ведь вы для других — вожди любви, которая не завидует, не превозносится, не требует своего, не мыслит зла и пр. Не завидуйте, говорю вам, если другие делают то, что вам не пришло на мысль. Лучше будем брать пример друг у друга, чтобы, как гласят слова Григория, все мы, полные веры, стремились воспевать Бога, являясь органами истины.

**5. К государственным  
властям.**

18. *Обращаюсь к вам, кто именем Божиим поставлен во главе человеческих дел.* К вам, владыки народов и государственные власти, — к вам преимущественно обращены наши речи. Ведь вы — те. Но и, которым в столь ужасном потоке, при мировом смятии, для спасения святого семени было поручено свыше построение ковчега (Быт. 6). Вы — те князья, которые для построения святилища более других должны жертвовать, с тем чтобы не задерживались в своем труде те мастера, которых господь наполнил духом своим в изобретении прекрасного (Исх. 36). Вы — те Давиды и Соломоны, обязанность которых для построения храма господня созвать зодчих и снабдить их обильно необходимым (1 Цар. 6 и 1 Пар. 29). Вы — те начальники, которых возлюбил Христос, если вы возлюбите малых его, если построите школы (Лук. 12, 5).

**Просьба к ним же.**

19. *Молю вас именем Христа, заклинаю счастье-вашего потомства, если оно будет, не останьтесь безучастны!* Дело важное, слишком важное, касающееся славы божьей и общего спасения народов. Я убежден, отцы отечества, в вашей любви к отечеству. Если бы кто-либо явился теперь и обещал вам дать совет, как можно с небольшими средствами укрепить все ваши города, все юношество научить военной науке, все наши реки сделать судходными и наполнить торговлей и богатством или какими бы то ни было средствами довести состояние наших общих и отдельных граждан до процветания и большей безопасности, — вы не только внимательно выслушаете советчика, но и, сверх того, будете его благодарить за то, что он столь ревностно заботится о вашем благе и о благе ваших подданных. Но здесь нечто большее. Здесь указывается истинный, надежный, безопасный путь к тому, чтобы подготовить множество таких людей, которые такими же и подобными изобретениями будут одни вслед за другими служить без конца отечеству. Священной памяти Лютер, убеждая немецкие города строить школы, правильно писал: *«Где на построение городов, крепостей, памятников, арсеналов расходуется одна золотая монета, там нужно израсходовать сто золотых монет на правильное образование одного юноши, который, возмужав, может показать*

*путь другим ко вселу честному; ведь добрый и мудрый муж (продолжает он же) есть драгоценнейшее сокровище всего государства; он имеет большее значение, чем блестящие дворцы, груды золота и серебра, медные ворота и железные засовы»* и пр. (согласно с этим говорит Соломон — Еккл. 11, 13). Если, говорю я, мы считаем мудрыми его слова, что *не следует щадить никаких расходов ради правильного образования даже одного юноши*, — то что нужно будет сказать, когда открывается дверь для столь всеобщего и всеобъемлющего и столь верного образования умов, когда Бог обещает свои дары проливать на нас не по каплям, но направить их на нас наподобие потока, когда его спасение до такой степени кажется нам близким, что слава его обитает с нами на нашей земле?

**Воззвание.** 20. «Поднимите, врата, верхи ваши и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы» (Пс. 23, 7). «Воздайте Господу, сыны божи, воздайте Господу славу и честь» (Пс. 28, 1). Да будет каждый из вас тот Давид, который клялся Господу, давая обет Иакова, который не хотел войти в шатер дома своего, не хотел взойти на ложе свое, который не хотел дать сна очам своим и веждам своим дремания, доколе не найдет места Господу, жилища — сильному Иакову (Пс. 131, 1—5). Не смотрите на некоторые издержки, давайте Господу и воздаст вам тысячекратно. Ведь хотя он с полным правом требует: «Мое серебро и мое золото» (Агг. 2, 8), однако в милости своей он добавляет (призывая народ к построению своего храма): «Испытайте меня, не открою ли Я для вас хлябей небесных и не изолью ли на вас благословение до избытка?» (Мал. 3, 10).

**Воздыхание к Богу.** 21. Ты же, Господи, Боже наш, дай нам радостное сердце, чтобы служить славе твоей, насколько каждый может. Ибо тебе подобает великолепие, и сила, и слава, и победа; все, что на небе и на земле, твое; твое, Господи, царство, и ты превыше всех владык; твое есть богатство и твоя слава, сила и могущество; в твоих руках — возвылечить и укрепить что угодно. Ибо что такое мы, которые лишь из твоих рук получаем все? Мы странники и пришельцы пред тобою, как все отцы наши; дни наши на земле, как тень, и нет ничего прочного. Господи, Боже наш! Все, что мы совершаем в честь святого имени твоего; все это от твоих рук. Дай Соломонам твоим сердце правое, дабы исполнить все, что готовится во славу твою (1 Пар. 29, 19). Утверди, Боже, то, что ты соделал в нас (Пс. 68, 29). Да явится на рабах твоих дело твое и на сынах их слава твоя, и да будет благоволение господа Бога нашего на нас, и в деле рук наших спешествуй нам (Пс. 89, 16—17). На тебя, Господи, уповаем, да не постыдимся во век! Аминь!



**Достопочтенного,  
славнейшего мужа  
Иоанна Амоса Коменского  
Предвестник  
всеобщей мудрости  
(*Pansophiae Prodromus*),  
в котором основательно, ясно  
и изящно доказываются  
необходимость, возможность и польза  
этого удивительного  
и поистине несравненного труда**

В большом деле, как и в малом, не следует  
ничего упускать из виду (Сир. 5, 18).  
Нет ничего приятнее, чем знать все.  
Цицерон<sup>1</sup>

*Просвещеннейшие читатели!*

Если стих поэта «*excitat auditor studium laudataque virtus crescit*»<sup>2</sup> справедлив, то он должен был бы оправдаться и в применении ко мне: такое множество столь лестных отзывов (за выполненное мною, по-моему, не столь уж большое дело) должно было подстегнуть меня к труду более крупному и лучшему. Поэтому я стал размышлять, не получу ли я равное одобрение, если попытаюсь предложить нечто такое, в чем больше действительного (*realioris*) знания и глубокой мудрости, но что сведено к подобной же гармонии? Так появилось желание составить «Дверь вещей», или «Врата мудрости»<sup>3</sup>, которые послужили бы юношеству для того, чтобы, научившись при помощи «Двери языков»<sup>4</sup> различать вещи с внешней стороны, оно привыкло затем рассматривать их внутренние свойства и обращать внимание на то, чем является каждая вещь по своей сущности. Я стал надеяться, что если бы такое изучение охватило все (включив в себя все необходимое для знания и действия, для веры и надежды), то могла бы составиться некоторая прекраснейшая и доброполезная Энциклопедия (или Пансофиола). Когда через некоторых моравских студентов, отправившихся в Англию, узнали о моем плане, выдающийся муж Самуил Гартлиб попросил от меня в письме некоторый очерк будущего труда<sup>5</sup>.

И я сообщил ему нижеследующую «Прелюдию пансофии», в которой коротко и ясно доказываю необходимость, возможность и исполнимость (если за дело примутся по определенному плану) всеобщей мудрости.

*Всем, кто любит премудрость, свет и истину, привет и благословение от Христа — источника мудрости, света и истины.*

**Похвала мудрости.**

1. Что мудрость (которая, по Аристотелю, есть знание многих и удивительных вещей, по Цицерону — познание вещей божественных и человеческих и причин, от которых они зависят, и, наконец, по Соломону — научающая всему художница всех вещей) <sup>6</sup> с древнейших времен была прославляема великими похвалами — об этом не могут не знать те, кто стремится к ее изучению. Она, как говорит мудрейший из смертных, ценнее всех богатств, с ней нельзя сравнить ничего, к чему люди стремятся; в ее правой руке долготы дней, а в левой — богатство и слава; пути ее прекрасны, и все тропы ее миротворны; древо жизни принадлежит тем, кто ее приобретает, и блаженны владеющие ею (Притч. 3, 13—18). Цицерон говорит: «Роду смертных не дано и не будет дано никакого более высокого блага»<sup>7</sup>. Гораций пишет: «Мудрец в конце концов уступает только одному Зевсу: он богат, свободен; он пользуется уважением, он прекрасен; наконец, он царь царей»<sup>8</sup>.

**Почему мудрость так ценят.**

2. Если ты спросишь, почему так ценят одну эту добродетель, то тебе ответят следующим образом. Сенека говорил, что без изучения мудрости никто не может жить не только хорошо, но даже и сносно <sup>9</sup>. Цицерон считал, что мудрость есть мать всех искусств — она научает нас прежде всего богопочитанию, потом праву, коренящемуся в общежитии человеческого рода, а также скромности и силе духа; она отгоняет от ума, словно от глаз, туман, и мы начинаем видеть все — высшее и низшее, первое, последнее и срединное <sup>10</sup>. Наконец, она есть врачевание духа <sup>11</sup>. А Соломон прибавляет, что мудрость укрепляет мудрого больше, чем десяток князей (Еккл. 7, 19), что она есть неисчерпаемое сокровище и кто к ней прибегает, тот заключает дружбу с Богом, приблизившись к нему благодаря просвещению, потому что Бог любит только тех, кто живет с премудростью (Премудр. 7, 14, 28).

**Изучение мудрости.**

3. Поэтому правильно самые выдающиеся из людей во все века, отложив заботу о вещах преходящих — о богатстве, об удовольствиях, о почестях, направляли свои мысли, желания и занятия на то, чтобы, отдаваясь созерцанию вещей, понять все, что доступно уму, и на этом основании овладеть миром. Такого рода люди представляют собой среди остальной толпы смертных то самое, чем является дар мудрости среди других данных смертным благ: это блестящие драгоценные кам-

ни, светила во мраке мира, разгоняющие темноту. Итак, надо с благодарностью признать дело божественного милосердия: Бог не только открыл нам театры своей премудрости, природу и Писание, но и снабдил нас орудиями<sup>12</sup> для их созерцания и для уловления света премудрости, а также восполнил в Откровении своим божественным чувством и разумом недостатки нашего ощущения и разумения. Мы обязаны божественной милости также и тем, что научные занятия (*litterarum studia*), которые помогают этому изучению мудрости и благодаря которым мудрость от других людей переходит к нам, сохранились до нашего времени и даже в наш век процвели так, как никогда раньше, и не без основания наш век гордится тем, что он век науки (*eruditionis*), причем блестит еще надежда на еще больший свет<sup>13</sup>.

**Мудрость приходит с зрелыми годами.**

4. С миром должно необходимо случиться то же, что происходит и с человеком: мудрость приходит к нему только в его зрелые годы.

Да по природе вещей иначе быть не может, так как мудрость приобретается благодаря долгому опыту, а опыт требует и продолжительного времени, и разнообразия обстоятельств. Чем больше человек живет, тем с бóльшим количеством вещей он имеет дело и тем больше увеличивается его опыт, а через опыт — и его мудрость; согласно Сираху: «Муж, опытный во многом, будет иметь и большоз понимание»<sup>14</sup>. То же говорит и поэт: «Опыт через разнообразную практику создал искусство»<sup>15</sup>.

**Надежда на более блестящую мудрость.**

5. Итак, в наше время мы научены таким опытом, какого не имела никакая прежняя эпоха; почему же нам не возвыситься мудростью?

Не только благодаря типографскому искусству (которое Бог не без тайного смысла приберег для последних времен) выпущено в свет и стало известным все мудрое, что думали древние и что ранее было неизвестным, но и сами современные люди — под влиянием новых обстоятельств — стали прокладывать новые пути; и мудрость удивительно обогатилась и обогащается со дня на день разнообразным опытом, как это предсказал Бог относительно последних времен мира (Дан. 12, 4)<sup>16</sup>. У всех народов появилось такое стремление открывать школы, какого не запомнит история ни одной из прежних эпох. Благодаря этому на всех языках и у всех народов стало появляться так много книг, что они стали попадать в руки крестьянам, женщинам, тогда как раньше много книг, купленных за большие деньги, могли иметь, да и то с трудом, лишь образованные и богатые люди. Теперь же у некоторых появляется стремление довести метод занятий до такого совершенства, чтобы при помощи его можно было постепенно и с наименьшим трудом внушить умам все достойное человеческого познания. Если это произойдет (на что я надеюсь) и если будет найдено искомое, то есть способ быстро

обучать всех всему<sup>17</sup>, то я не вижу, что помешает нам приветствовать и с благодарностью встретить наступление предсказанного и давно ожидаемого уже блестящего золотого века<sup>18</sup>.

Что еще желательно для наступления мудрости. 6. Однако, как кажется, для достижения цели не хватает еще одной важнейшей вещи: чтобы подобно тому, как мы пришли к весьма полезному руководству для более легкого изучения языков (опубликованному недавно в «Двери языков»), подобным же образом изобрели «Дверь самих вещей», т. е. некоторый способ легкого усвоения умом всех известных до сих пор искусств и наук<sup>19</sup>.

Прежде всего я докажу, что более чем необходимо начать об этом серьезное размышление, если только мы стремимся к благоразумию в ведении человеческих дел. Потом я попробую найти способ осуществления столь важного начинания. Наконец, я объясню, по какому случаю и с каким успехом я предпринял этот столь необычный труд.

Мудрость является целью изучения наук (*literarii studii*). 7. Прежде всего я считаю несомненным, что то изучение наук, которым в настоящее время везде занимается юношество, должно воспитывать умы для достижения мудрости: вне этой цели оно может быть только суетою сует. Решим ли мы, что к знанию надо стремиться для удовлетворения любопытства, или же для забавы ума, или чтобы отличиться и выдвинуться, или для выгоды и достижения внешних благ — во всех этих случаях мы будем поступать нелепо, будем ставить на место высокого, божественного дара вещи низменные и преходящие. Поэтому решим, что надо искать мудрости. А так как мудрость именуется художницей (*artifex*) всего, которая научит всему (Премудр. 7, 21), то очевидно, что путем наук и искусств мы должны идти ко всеобщему познанию вещей, к пансофии (*πανσοφία*), т. е. к полной, все в себе заключающей и во всех частях согласной с самой собою мудрости: не должно остаться не изученным ничто — ни явное, ни сокровенное (Премудр. 7, 21), чтобы человеческий дух поистине стал тем, чем должен быть: образом всемудрого Бога.

Во-вторых, так как мудрость дает, как говорится, юношам разум и науку (Притч. 1, 4) и так как ее пути суть пути приятные (Притч. 3, 17), то очевидно, что изучение мудрости должно происходить без преткновений и терний, должно быть гладким, удобным, доступным для всех, настоящим наслаждением.

В-третьих, путь мудрости называется блистающим светом (Притч. 4, 18), и поэтому он должен быть свободен от мрака заблуждений.

В-четвертых, сказано, что мудрость дает человеку понимание его пути (Притч. 4, 18) и всего, что он делает (Втор. 29, 9), откуда

следует, что изучение мудрости должно готовить умы ко всему, что случается в жизни, как в действии, так и в претерпевании.

Наконец, говорится (Притч. 3, 13), что мудрость делает людей блаженными, подводя к Богу, источнику вечного блаженства. Поэтому изучение ее должно подталкивать к исканию Бога, указывать пути его нахождения и готовить узы любви к теснейшему единению с ним. Иначе все будет бесполезно. И если мы в конце концов отклонимся от этой цели, то лучше нам ничего не знать и даже вовсе не родиться.

**Обычные занятия науками**  
не соответствуют своей цели.

8. Посмотрим же, обеспечивает ли все это обычный вид занятий, чтобы, заметив недостатки, можно было проще начать размышление об улучшении дела.

На то образование, которым теперь кичатся школы и которое они предлагают, многие и много жалуется, что оно представляет собой нечто расточительное, если его сопоставить с краткостью быстротекущей жизни; оно требует больших усилий от средних умов; в смысле охвата материала оно слишком узко и в отношении тонкости и основательности истинного познания вещей — во многих отношениях несовершенно и недостаточно. Более разумные люди уже заметили, что оно недостаточно отвечает своей цели, редко приходит на помощь серьезным жизненным задачам и по большей части заканчивается только предположениями, спорами и туманными неясностями. Раньше, чем перейти к исследованию средств исцеления, мы должны показать, что все это мы говорим не для красного словца, но все именно так в действительности. Изучение мудрости, как оно поставлено сейчас и как оно практикуется в школах, не соответствует

1) нашей жизни вследствие чрезмерных затрат времени поговорке: «Искусство долго, жизнь коротка»;

2) силам нашего ума вследствие его трудности;

3) самим вещам ввиду множества заблуждений;

4) жизненному применению вследствие чуждости образования, тому, что происходит в обычной жизни;

5) самому Богу вследствие недостаточной подчиненности всего стремлению к вечности.

**I. О растрате времени.**

9. Первое соображение, относительно недостатка времени, я заимствую из всеобщего убеждения: кто не повторяет гиппократовского выражения «Жизнь коротка, а искусство долго!» Второе

мое основание — огромное количество книг с описаниями вещей. Боже милосердный! Какие огромные томы написаны по всем почти вопросам! Если бы их собрать вместе, то получилась бы такая громада, что только на их перелистывание нужны были бы тысячи лет. Третье: само дело показывает, что теории разрослись

выше способности объять; среди множества ученых, которыми полон мир, можно найти едва лишь одного на сто или одного на тысячу, который вкусил бы универсального образования и мог бы разумно сообщить что-нибудь обо всем, что имеет место в деяниях божиих, а также и в делах человеческих. Пансофы и всеведцы (πάνσοφοι et παναγαῖς) встречаются столь редко, что даже и люди много знающие (πολυμαθεῖς) и полигисторы<sup>20</sup> считаются за чудо.

**Одностороннее образование.**

Отсюда эта обычная односторонность образования, когда люди выбирают себе ту или другую отрасль искусства или науки, а с остальными не знакомятся вовсе. Можно найти богословов, которые едва удастаивают бросить взор на философию, философов, совершенно не уважающих богословие; юристы по большей части вовсе не интересуются естествознанием, а медики, в свою очередь, пренебрегают вопросами права и справедливости. Каждая отрасль знания отмежевала себе особое царство, не считаясь с общими, достоверными и незыблемыми основаниями и законами, равно связующими все. Но даже и в самой философии один выбирает себе одно, другой — другое. Одни хотят изучать природу вещей, оставаясь невеждами в математике; другие — наоборот. Некоторые хотят быть нравственными философами, ничего не смысла в философии природы; хотят заниматься логикой, красноречием, поэзией, людьми, совершенно не имеющими сведений в реальных науках. Кто не знает, что дело обстоит именно так? И кто не замечает того, что такое разделение искусств, наук и специальностей исходит из предположения, что уму одного человека невозможно в достаточной степени охватить все? Как будто бы Бог создал человека, господина вещей, до такой степени не соответствующим вещам! Я не говорю этим нелепости, будто один человек может быть выдающимся во всем; однако я убежден, что он может знать все в меру необходимости, а быть выдающимся специалистом в своей области может и должен каждый, даже средний ум.

**II. О трудности.** 10. А вот свидетельства трудности изучения (ибо нелегко усвоить даже и ту частицу образования, которой каждый хочет овладеть). Во-первых, опять же всеобщие жалобы, причем жалуются не только дети, изучающие искусства, но и учителя. Затем — сами школы, полные крика, побоев, синяков. А ведь Священное писание рекомендует нам мудрость и изучение мудрости в качестве отрады и радости. И по-видимому, древние так это и понимали, так как они обычно называли образовательные учреждения «научными играми» и «школами», что значит «досуг»<sup>21</sup>. Что же удивительного, если, как мы видим, «школы» превратились в места мучений, а «игры» — в крестные муки! Я спрашиваю: от чего это могло произойти, если не от тя-

гостей и трудностей учения! Вследствие этого не только обучение требует большого труда, но и большая часть обучающихся, получив к нему отвращение, страстно стремится вон из школы, как из толчейных мельниц <sup>22</sup>, чтобы никогда не возвращаться к научным занятиям, тернии которых они испытали, тогда как школы должны были бы быть садом и общей утехой человеческого рода. Наконец, можно и на практике видеть то же. Ведь действительно, кто не знает того, что какой-либо язык легче изучить на практике в человеческой толпе, чем изучая его в течение нескольких лет в школе? Почти то же самое надо сказать и относительно понимания вещей.

**III. Об обманчивости истины, заключающейся в разрозненных званиях.**

11. Мудрейшие из людей давно уже отмечали, что истина трудна; они жаловались на то, что она глубоко скрыта, жаловались до такой степени, что некоторые рехались утверждать, что нельзя знать наверное и без ошибки <sup>22а</sup>. И справедливость этого положения подтвердили своим примером те самые люди, которые осмеивали его как безумие, приписывая себе достоверное знание вещей: что бы ни начинал утверждать кто-либо из философов, то вскоре разрушал кто-нибудь другой; путанице и по сей день нет конца. Все в науке полно разногласий, противоречий, споров. Разве это не свидетельство того, что истина везде шатка? Правильно этот самый аргумент привел Иосиф в сочинении против Аппиана <sup>23</sup>, сказав, что мудрость евреев истинна, а мудрость греков пуста, так как первая всегда оставалась единой, а вторая дробилась на секты [и школы] <sup>24</sup>. Ибо истина может быть только единой и простой; заблуждение же может иметь тысячу видов. Если еще и в наше время в богословии и философии появляется столько школ и самым упорным образом защищаются совершенно различные между собой мнения о вещах, то разве это не самое достоверное свидетельство, что и сейчас покрыто еще глубоким мраком неведения все то знание, которым гордится наш век? При этом мы предполагаем, что никто из «знающих» людей не ошибается добровольно и не бунтует против света, как говорит Иов (24, 19). Наконец, свидетельством являются и все выходящие в свет в столь большом количестве книги, которые суть не что иное, как искры, высекаемые столкновением умов и рассыпающиеся во все стороны, причем каждая надеется, что она зажжет пламя. Однако до сих пор еще не зажглись истинные факелы, и эта постоянная тьма разногласий и сомнений еще не показывает восхода сияющего солнца истины.

**IV. О малой пользе для жизненных дел.**

12. У нас есть свидетельства видных мужей о том, что науки в том виде, в каком они обычно преподаются, недостаточно приспособлены к потребностям повседневной жизни. Философия, говорит один знаменитый писатель <sup>25</sup>, обращена к школам, и нет человека,

который обратил бы ее к потребностям жизни; она устрашает своими хитросплетениями и занимается только завязыванием и развязыванием узлов, сделанных ею же самою; она предлагает человеку хлеб из камня, который ломает зубы и утомляет умы колкими пустяками. А вот что говорит другой автор <sup>26</sup>: изучение философии представляет собой в настоящее время не что иное, как трудное и хлопотливое ничегонеделание; оно приносит мало пользы: это верчение белки в колесе, при котором люди постоянно бросаются головой вниз, не двигаясь в то же время с места; то же самое делаем и мы, когда философствуем; много трудясь, мы мало чему научаемся, да и это немного делает нас не лучше, а часто хуже. Что это совершенно так, говорит опыт. Люди образованные не только редко превосходят необразованных в стремлении к добродетелям (которые являются основой гражданского общения), но даже по большей части оказываются ниже их в отношении пригодности к задачам жизни. Я говорю не только об одних грамматических буквоедах: относительно большинства стремящихся ввысь философов и богословов справедливо, что, хотя в своих отвлеченных умозрениях они кажутся себе орлами, в делах жизненных и общественных они не более, как кроты. Отсюда и вышла поговорка: «Хороший схоластик — плохой политик». Между тем школа должна была бы быть преддверием жизни.

**Метафизика.**

13. Беру, в частности, метафизику. Известно, какими похвалами превозносится до небес изучение ее как самого прочного основания и самого блестящего завершения мудрости. И если мы правильно оцениваем вещи, это так и есть. Однако царица наук устрашает такими шипами и закутана в такой мрак, что лишь немногие усваивают ее тонкости, да и те, кто усваивает, совершенно не умеют применить их к наукам низшего порядка, и получается, что она остается только в своих собственных пределах и не приносит никакой пользы для человеческих дел, кроме минутного удовольствия, которым она тешит своих приверженцев. Поэтому же, далее, некоторые от нее отрекаются совершенно и изгоняют ее не только из сферы философии (как, например, сторонники Петра Рамуса <sup>27</sup>), но даже и из академий как бесполезный груз бесплоднейшей суетности. Иоганн Ангелий Верденхаген <sup>28</sup> свидетельствует, что шведский король, славной памяти Густав-Адольф (который, как показывают его подвиги, был рожден для дел, а не для пустяков), государственным эдиктом изгнал из своего царства всякие занятия метафизикой: ни один книгопродавец под страхом конфискации не имел права ввозить такие книги; никто из подданных не смел их читать, чтобы государство не поддавалось чарам нового варварства и чтобы государь не получил вместо деловых людей пустых спорщиков и толкователей.



Логика и риторика.

14. Изучение логики и риторики должно было ближе подойти к потребностям жизни, так как эти науки провозглашают своей специальностью изложение правил мышления и речи (этими двумя видами связи обнимается весь человеческий мир). Однако само дело неопровержимо свидетельствует, что мнение Аконтия<sup>29</sup> совершенно справедливо. Он говорит: диалектиков везде множество; но если посмотришь на их сочинения и споры, то найдешь, что всего меньше там диалектики. И еще: ты можешь видеть множество людей, хорошо обученных предписаниям риторики; и хотя бы их речь была уместной, красивой, изящной, обильной, однако для ее убедительности ты пожелаешь в ней больше силы и твердости. Таковы же отзывы и об остальных искусствах и науках: мы занимаемся ими больше, чем требуется для хорошего управления житейских дел.

О многочисленных отклонениях от высшей цели — Бога.

15. Наконец, нужны ли свидетельства о том, что наши научные занятия не организованы так, чтобы вели нас прямым и безошибочным путем к нашей конечной цели — к Богу?

Ярче всех свидетельств в наших академиях налицо безбожие, полное разнузданности, тщеславия, расточительности, ссор и всяческого своеволия. Далее, и само учение, какое там преподается, — увь! — для многих является не чем иным, как поводом для лукавства, инструментом для совершения в течение всей своей жизни несправедливости, так что относительно большого числа наших ученых справедливо то, на что жалуется Бог: «Они мудры на то, чтобы делать зло; делать же доброе они не умеют» (Иер. 14, 22). Таких людей их мудрость ведет к гибели. Сюда относится божественное слово о том, что избрано немного мудрых, так как мудрость мира сего есть безумие перед Богом (1 Кор. 1, 25—28)<sup>30</sup>. Мы же, чтобы не ощущать настоятельность этого божественного слова, беззаботно толкуем его в том смысле, что оно относится к языческой мудрости, но при этом не стремимся сами к иной мудрости. В самом деле, та мудрость, которую до сих пор предлагают нам школы, почерпнута из язычества и заражена змеиным ядом<sup>31</sup>. Она только ищет такого знания добра и зла, которое надмевает, а не служит любви, которая созидает. И так как в силу наследственной извращенности мы всегда более готовы извинять, чем исправлять наши проступки, то, сверх того, получается, что мы льстим себе, стараясь оправдывать испорченность своей природы, думая, что мы не можем измениться, потому что мы испорчены. Как будто бы не должен был быть противоядием для этой испорченности страх божий, который Бог столько раз объявлял началом и концом мудрости.

**Повторение.**  
**занятия:**

16. Итак, обычно практикуемые научные

- 1) дают бесконечную работу;
- 2) рассеивают ум своей чрезвычайной запутанностью;
- 3) являются постоянной школой заблуждений;
- 4) представляют собой помеху в житейских делах;
- 5) наконец, что всего более печально, дают многообразные поводы к тому, чтобы уклоняться от Бога.

**О средствах**  
**против этого.**

17. Об этом столь бедственном состоянии наук и занимающихся ими ученых уже давно жалели некоторые лучшие люди; они старались отыскивать различные средства против этих болезней. Одни советовали отбросить всю античную мудрость, заимствованную от язычников; другие настаивали на том, чтобы сделать отбор и использовать искусства и философию лишь в очень небольших размерах; некоторые, каждый по-своему, хотели предпринять реформу и переработку всех наук. Поистине всякий, кто может помочь советом или делом, пусть поможет; это более чем необходимо. В-первых, надо, чтобы познание той малости, которую дают общераспространенные науки, обходилось без чрезмерных трудов; если уж надо затратить труд, то он должен принести более обильные плоды. Затем нам надо защищать себя и науки от порицаний необразованной толпы: когда она замечает, что те, кого предпочитают ей, называя их людьми образованными, вовсе не превосходят ее жизненным опытом, благородством нравов, благочестивым рвением и часто едва успевают в этом отношении за более простыми, она либо поднимает их на смех, либо начинает выказывать презрение к научным занятиям. И наконец, нужно, чтобы мы не навлекли на себя гнева Бога, который, послав нам с неба дар мудрости, хочет восстановить в нас свой образ, а мы употребляем столь божественный дар не во славу его.

**Отыскание причин**  
**столь большого зла.**

18. Однако, так как неблагоприятно лечить болезнь, не узнав ее причину, мы должны посмотреть, не можем ли мы с уверенностью проникнуть до корней великого зла, от которого страдает дело науки, и открыть их, чтобы потом надежнее перейти к средствам исправления. Поэтому я скажу, каковы, по моему мнению, причины отдельных уже перечисленных нами зол; а вместе с тем и объясню, что им надо противопоставить в качестве противоядия.

**Излишняя затрата**  
**времени имеет три**  
**причины.**

1. Слишком  
большую примесь  
не необходимого.

19. Излишняя затрата времени на научные занятия, как они обычно происходят, возникают, по-видимому, от трех причин. В-первых, от небрежности в различении необходимого происходит то, на что жаловался Сенека: что мы не знаем необходимого потому, что изучаем

не необходимое <sup>32</sup>. Так это и есть. Если из наших занятий исключить то, что менее необходимо, то у нас было бы в распоряжении, по меньшей мере, вдвое больше времени и мы затрачивали бы вдвое меньше труда.

Что не необходимо. Не необходимым надо считать: во-первых, все, что можно не знать без ущерба для образования; такова большая часть тех пустяков, которые заимствованы у язычников: например, имена богов с их лживыми историями и тому подобными баснями <sup>33</sup>. Затем все, на что затрачиваются силы ума без всякой заметной пользы, каково большинство грамматических правил, которыми мучат умы детей, тратя на них целые годы, и прочие вещи, такого же сорта, которые не будут иметь никакого применения вне школы. Наконец, все хитросплетения вещей и слов не вылущивают зерна, а лишь держат его закрытым. И такого рода вещами наполнено большинство школьных книжек, которые поэтому мешают и развлекают юношество вещами, по большей части бесполезными и не необходимыми. И удивительно ли, что так редко встречаются люди, получившие более основательное образование?

2. Беспорядочность изучаемого материала.

20. Во-вторых, изучение наук является каким-то безвыходным лабиринтом, в котором большинство беспечно блуждает среди хаотического разнообразия вещей, среди какого-то океана, в котором легче утонуть, чем его исчерпать. Это делает изучение неотчетливым, так как изучаемое не приведено в достаточно прочный и очевидный порядок. Поэтому необходимо, собрав разбросанное, сжать его в малом объеме.

Средством против этого недостатка будет, если все, подлежащее изучению — крупное и мелкое, — мы расположим в столь наглядном порядке, чтобы приступающие к изучению имели бы его перед собой так же отчетливо, как свои пальцы, и уже на основании начала могли предусмотреть и середину и конец; если они будут уверены в том, что весь океан образования они проплывут на том же самом корабле, на который они теперь всходят, вплоть до достижения желаемого совершенства.

3. Излишнее стремление к мелочам.

21. В-третьих, изучение наук делается необычайно растянутым от стремления некоторых ко всяким мелочам; им нет конца и меры как в отношении вещей, так и в отношении слов. Правильно говорит Сенека: «Нужно [для мудрости] небольшое количество предписаний — нужны предписания действительные; нужно только посеять семена: хотя они малы, но, если они попадут в удобное место, они раскроют свои силы и из ничтожества вырастут в очень большие вещи» <sup>34</sup>.

**Трудность научных занятий имеет три причины:**

**1. Рабский способ постановки занятий.**

22. Я считаю, что причиной того, что путь занятий кажется трудным и негладким, является то, что, во-первых, им не предшествует должная подготовка к усвоению изучаемого и не примешивается в достаточной степени к полезному приятное, для того чтобы привлечь людей: как и с чем кто приходил, так он и допускался к занятиям. С учащимися обходились не так, как обычно обходятся на пиру с гостями — гуманно и радостно, — а так, как обходятся на тяжелой работе с рабами: с криком, насилием, побоями. Ведь кулаки и палки, розги и плетп были в школах самым обычным блюдом и ежедневным десертом. И что удивительного, если людей от этого тошнило и они ничего не понимали? Ведь, действительно, ничто с такой легкостью не становится трудным, как если оно выполняется против воли. Как же могли бы быть легкими занятия науками, которые проходили в состоянии дрожи и трепета? Так не обучают ни одному механическому искусству. Строгость необходимо наводит страх; страх столь же неизбежно приводит в смятение ум, так что человек не понимает, где он находится; а если он более или менее слабого здоровья, то испытывает некоторое головокружение. Поэтому, для того чтобы овладеть умами, приманить и ободрить их, нужно искусство. Искусство это состоит частью в гуманности обучающихся, частью в разумности метода — для того чтобы изучение наук стало приманкой для умов и начало казаться простой забавой.

**2. Способ объяснения вещей.**

23. Во-вторых, значительная часть трудностей зависит от того, что учащиеся изучают вещи не посредством личного рассматривания их, а при помощи рассказа о них, содержащего в себе неясности. Эти рассказы с трудом впечатлевают в уме образы вещей и плохо удерживаются в памяти, так что либо снова из нее исчезают, либо различным образом смешиваются между собой.

Средством против этого будет представлять все на личное рассматривание и на чувственное восприятие (видимое — на восприятие зрением, объекты вкуса — на восприятие вкусом, осязаемое — на восприятие осязанием и т. д.). Я легче и прочнее запомню образ слона после однократного восприятия его самого (или, по крайней мере, его изображения), чем если мне десять раз расскажут о нем, так как:

Медленно дух возбуждается тем, что воспринято слухом;  
Быстро познавать того, очи что верные зрят<sup>35</sup>.

**3. Все еще имеющееся несовершенство метода.**

24. Третьей и важнейшей трудностью является тот метод, каким обычно передаются науки и искусства, — метод, недостаточно согласованный ни с вещами, ни с человеческим умом. Все кричат, конечно, о том, что

надо переходить в порядке природы, т. е. от предыдущего к последующему, от общего к частностям, наконец, от известного к неизвестному: но что есть на самом деле? Мы не видим ничего подобного: *бстера прѳтера* («последующее ранее предыдущего») в действительности затемняет все искусства и науки (если исключить математику)<sup>36</sup>. Ибо, если бы книги, которые мы имеем, постепенно переводили ум от известного к неизвестному непрерывным поступательным движением, то читатели, стремящиеся к науке, пришли бы ко всему неизвестному столь же верно, как мог бы человек взобраться на любую самую высокую скалу, если бы в ней были сделаны ступеньки. Так как этого нет и никто не воспринимает того, о чем говорят эти книги (кроме разве людей особенно способных, которые в состоянии своим личным остроумием проникнуть в положение вещей и подняться своей собственной силой<sup>37</sup>, или тех, кому то же самое устно разъясняется и так и этак и кто начинает видеть кое-что как бы сквозь туман), то это является несомненным доказательством того, что тут уму приходится идти не последовательными ступенями, не по ровному пути, что его тащат по кочкам, ямам, пещерам и расщелинам.

Средством против этого будет такое построение наук и искусств, при котором везде начинали бы с наиболее известного и затем медленно и постепенно подвигались к менее известному. Тогда первые основные положения будут бросать свет на вторые, вторые — на третьи, третьи — на четвертые и так далее до конца — подобно тому как в цепи одно звено захватывает другое и тянет его. И это одно, как мы думаем, даст нам достойное вознаграждение за труд, если мы сможем настоящим сочинением показать, как это надо сделать.

**Троякая причина того, что истина во всей науке страдает.**

точную внутреннюю

небрежность, частью

1. Разногласия между науками.

тать, я до сих пор не видел ничего, в достаточной степени отвечающего величию и достоинству вещей, ничего, что исчерпывало бы всю их совокупность, хотя бы это были книги по пансофии, энциклопедии, сборники вызывающих удивление искусств (*artis mirabilis*)<sup>38</sup>, или под какими бы названиями они ни предпочли появляться. Еще гораздо меньше того видел я, чтобы весь аппарат человеческого ума строился на основании незыблемых принципов и на вечной истине, так чтобы все — от начала до конца — было внутренне связано, без всякого нарушения непрерывности исти-

25. Для того факта, что истина не проникает весь обиход наук, можно с полным основанием указать троякую причину. А именно: I — разногласия между науками, II — недоста-

связь метода с самими вещами, III — частью

26. Итак, во-первых, я по совести свидетельствую, что в книгах, какие мне довелось чи-

ны. Ибо до сих пор никто еще, может быть, не ставил дела так, чтобы, установив и взаимно уравновесив во всех отношениях всеобщие принципы вещей, он со всех сторон (*quaquaversus*) окружил бы растекающуюся многообразие вещей четкими пределами разумных оснований. Себе воспевают [хвалу] метафизики; себе аплодируют физики; себе создают хороводы астрономы; себе сочиняют законы этики; себе вымышляют пьедесталы политики; себе устраивают триумфы математики; для себя царствуют богословы. В отдельных специальностях и науках почти все создают себе особые принципы, на основании которых строят и защищают свои воззрения, ставя ни во что то, что другие выводят из своих предположений. И разве ветви мудрости можно оторвать одну от другой, сохраняя невредимой их жизнь, т. е. истину? Никто не должен быть физиком, не будучи в то же время и метафизиком; или этиком, не будучи ранее физиком (конечно, обладающим знанием человеческой природы); или логиком, не будучи знаком с реальными науками; или богословом, юристом, медиком, не ставши ранее философом; или оратором и поэтом, не будучи в то же время всем вышеназванным. Света, рук, правил лишает себя тот, кто устраняет от себя что-нибудь из познаваемого. Конечно, астрономы, например, никогда не осмелились бы ввести и защищать столь противоречивые и нелепые гипотезы, если бы свои предположения они черпали из общей основы истины<sup>39</sup>; не было бы и других столь недостоверных и обманчивых [воззрений]. Все это передается так, что почти никто не строит чего-либо, чего бы другой не разрушал или не замышлял разрушить. Ведь философия Платона казалась действительно изящной и божественной; и однако какие пустые умозрения обличила в ней школа перипатетиков!<sup>40</sup>

Философия Аристотеля казалась самой себе достаточно изящной; и однако как порицали ее христианские философы за то, что она никоим образом не соответствует во всем ни божественному Писанию, ни истине вещей! Астрономы со своими сферами, эксцентриками и эпициклами в течение стольких веков были довольны самими собой, однако Коперник отверг их. Коперник правдоподобным образом построил свою, новую астрономию на основах оптики, однако так, что его построений не допускают никоим образом физические принципы непоколебимой истины<sup>41</sup>. Гильберт, увлекшись умозрениями относительно магнита, хотел вывести из них всю философию, однако с очевиднейшим нарушением физических принципов<sup>42</sup>. Кампанелла чуть было не торжествовал победу, восстановив в естествознании принципы античного философа Парменида<sup>43</sup>, однако его опроверг с одной своей оптической трубой Галлео Галилей<sup>44</sup>. Не довольно ли примеров?

Лекарство от этого.

27. Поэтому дело должно быть поставлено иначе: надо позаботиться о том, чтобы, придя в ясном сиянии, истина вещей смогла преодолеть пробелы, колебания и противоречия и преодолеть все ошибки. Однако мы думаем, что это может случиться только в том случае, если лучи истины, рассеянные во всем, соединятся воедино — так, чтобы выявилась одна и та же симметрия во всем чувственном, умственном, а также и в божественно-откровенном.

И ее может открыть только приведение в единство принципов познания (которые могут быть только тройственными: чувство, разум и божественное откровение) и консолидация их до непоколебимой силы: этим могут быть сняты разногласия относительно вещей. После восхода ясного солнца истины должен исчезнуть дым бесконечного числа мнений и, наконец, должен быть разгромлен с божией помощью и сам туман атеизма.

2. Неустойчивость методов.

28. В качестве второй причины колебаний истины я назвал неустойчивость методов. Она состоит в том, что писатели вообще прилепляются к вещам не для того, чтобы неизменными передать их вполне так, как они существуют сами по себе, а насильственно приводят вещи к некоторому фиктивному и ими самими придуманному согласию и тысячею способов запутывают их.

Лекарство.

29. Поэтому пусть погибнут все неясные, придуманные до сих пор и имеющие быть придуманными впредь по произволу умов методы, чтобы когда-нибудь, наконец, все вещи стали излагаться по единому, соответствующему им порядку. И мы доказываем, что нам надо искать христианской философии (или, скорее, пансофии <sup>45</sup>), в которой все восходило бы от незыблемых принципов к незыблемой истине и было бы согласовано между собой при помощи постоянной гармонии, чтобы это создание ума было столь же связно, как связна сама мировая машина. Как вся совокупность вещей управляется не нашим произволом, а неизменно протекает по своим законам, так и ее зеркало — пансофия — пусть излагается методом, от которого нельзя отступить, хотя бы кто-либо и страдал страстью к изменениям. А это будет достигнуто, если все будет излагаться демонстративно, с доказательствами, через причины и их ближайшие следствия. Однако для этого совершенно необходимо учить о вещах и изучать их не на основании внешних о них свидетельств, а на основании самих вещей. Свидетельства авторитетов могут как прикрашивать вещи, так и объяснять их: во всяком случае они привлекают внимание изучающего к наименее важному и отвлекают его от вещей к самим себе; сами же вещи не могут напечатлеваться на чувствах иначе, чем так, как они есть. Там, где ощущений недостаточно, надо применять разум, действующий по определенным нормам, так

чтобы он не мог ошибаться. И наконец, там, где и разум бессилен, должно прийти на помощь божественное откровение. Эти три познавательных принципа должны быть положены в основу пансофии, чтобы затем можно было не считать за изречение оракула все, что выйдет из уст или из-под пера кого-либо из философов и богословов, чтобы, сняв очки, мы смотрели на самые вещи и тщательно исследовали, что именно они собой представляют. Даже великие люди кое о чем мыслили довольно легкомысленно; а их почитатели ввели в обычай преклоняться перед такими воззрениями. Это легко показать на многих примерах; но я воздержусь от этого в надежде, что пред лицом света истины окажется очевидным бесконечное число случаев такого рода.

3. Небрежность речи и болтливость.

30. Третий предрассудок, вредящий истине, это, как я сказал, небрежность речи или излишняя болтливость. Он состоит в том, что для объяснения вещей применяются слова, фразы, выражения неподходящие, в переносном смысле, гиперболические, приблизительные, особенно когда поэты, или ораторы, или даже философы и богословы, находящиеся под влиянием поэтического или ораторского стиля, либо преувеличивая, либо преуменьшая, применяют к вещам по своему обыкновению краски и оттенки, благодаря которым вещи принимают вид, отличный от их природы. И что же это, как не красоты? Ведь истина вещей хочет, чтобы ее созерцали в ее чистом свете, без привходящей окраски. Небрежность же речи состоит в том, что применяются темные слова и выражения, а также в том, что некоторые термины остаются непонятными (таковы, например, для латинян и для остальных из нас термины греческие), или, наконец, в том, что недостаточно верные формулировки выставляются в качестве норм истины. Такими промахами (стыдно сказать, но это чистая правда!) кишат сочинения философов и богословов.

Резюме.

31. Итак, я утверждаю, что причин, производящих и сохраняющих ошибки в изучении наук, как я сказал, несчастная тройца: разного рода раздробленность в составе изучаемого, различные его извращения и различные промахи в выражении истины. Кто же, конечно, может познать вещи, как они есть, если они представляются отрывочно, не в своем порядке, не в своем виде? Ведь когда игнорируется соразмерность в каком угодно частном предмете, заблуждение становится чрезвычайно легким. Когда вещи не рассмотрены в их порядке, совершенно очевидно, что везде окажется лабиринт. Более чем вероятно, что, когда вещь появляется не в своей окраске, она обманывает очи. Отсюда почти бесконечные ошибки относительно бесконечного числа вещей; отсюда этот производящий такую путаницу и вызывающий отвращение хаос книг, который едва в состоянии выносить мир. Отсюда в столь просвещенный век (таким названием люди у



нас тешатся) такая бедность светом; как Танта́л, будучи в воде, жаждал воды, так и мы в эпоху «просвещения» жаждем света, будучи окружены книгами, жаждем книг и среди людей образованных ищем образования. Я обхожу молчанием еще довольно частую виновницу ошибок, а именно страсть к созданию партий и сект. Недаром Гален сказал, что те, кто примыкает к той или другой секте, делаются глухими и слепыми; они не только не слышат и не видят того, что легко слышат и видят остальные, но и не хотят изучать истину и противятся тем, кто таковую преподает, — совершенно так же, как пьяные лапифы гонят от себя кулаками и ногами хирурга, приготавливающегося приложить лекарство к их ранам <sup>46</sup>.

**Почему школьное обучение не подготавливает достаточно к жизненной деятельности**

32. Если занятия словесными науками не подготавливают достаточно к делам жизни, то виной этому является укоренившаяся в школах привычка или, скорее, болезнь, в силу которой в юношеские годы ум обременяют грамматическими, риторическими и логическими пустяками, а реальное обучение, которое должно просветить и подготовить ум к практической деятельности, откладывается до перехода в высшую школу под тем предлогом, чтобы, обладая более зрелым суждением и получив соответствующее развитие (*jam pares rebus*), ум мог разбираться в реальных вещах более успешно. Но обычно бывает так, что, истощив пыл первой молодости, каждый спешит скорее к цели своего обучения (*ad facultatem suam*), забыв о необходимой предварительной подготовке. Больше того, все почти богословы, юристы (*politici*), медики, в великом своем заблуждении *scientes volentes*<sup>47</sup> пересказывают через изучение метафизики, физики и математики как некую лишнюю для себя помеху, тогда как основательность суждения никогда не приобретается без основательного образования.

В противовес этому молодежи нужно уже заранее преподнести все, что ей встретится в жизни, и посредством серьезных упражнений готовить ее к еще более серьезному. Как нельзя сделаться мастером, не упражняясь в мастерстве, писцом — не упражняясь в письме, спорщиком (*disputator*) — не упражняясь в споре, так и дети могут стать [настоящими] людьми не иначе, как через обращение с тем, с чем имеют дело люди; так, чтобы в жизни им ничего не могло бы встретиться такого, чего бы они уже не видели наперед в изображении, в чем бы они не упражнялись в школе <sup>48</sup>. Более того, вся философия должна быть построена таким образом, чтобы быть живым изображением вещей и незаметно располагать души к жизненным делам.

и не приближает к Богу.

33. И что удивительного в том, что словесная школа не приближает своих питомцев и к Богу. Еще не оставила она языческого нечестия, безрассудно отвращаясь от дел божиих и даже самого Бога и славу нетленного сменяя на призраки вещей тленных. Вот почему апостол и говорит, что языческие философы осуетились в своих умствованиях и, думая стать мудрецами, сделались глупцами, и Бог отдал их во власть их собственных нечистых влечений, ибо служили они творению больше, чем Творцу, благословенному во веки (Рим. 1, 21—24). Но ей-богу, разве и теперь дело обстоит иначе? Большинство мудрецов наших, так же как и те, мудрствует без Бога. Не от него они черпают и не к нему направляют свою мудрость, но черпают ее от творений и направляют к творениям же. Возносятся они в делах своих, забывая о Боге; только себя самих и прочий тлен почитают, только себе и ему служат. Себя назвал Бог альфой и омегой, началом и концом всех вещей, из него же, им же и в нем же вся суть. Но кто из него (т. е. из страха его) черпает свою мудрость? Кто им (т. е. под водительством его слова и его духа) стремится познать мудрость? Кто в нем (т. е. и себя и все свои дела посвящая его славе) хочет вместить свою мудрость? Закрывают на все это свои глаза многие.

От себя самих мы начинаем, сами по себе продвигаемся вперед, сами для себя являемся целью. Окрыленные собственной самоуверенностью, мы беремся за дело, на собственные силы опираемся, собственным светом руководимся, собственной выгоды и славы добиваемся, и так мы от себя самих к себе же возвращаемся, увлекаемые мирской суетой, пока и сами не истощимся до конца. Таков скорбный путь всякой плоти, на блуждание по которому неизбежно обречены и самые мудрые, как только они отходят от Бога.

**Противоядие.**

34. Средство против этого — по всей пансофии таким образом разбросать семена истинного познания и страха божия, чтобы, куда ни обратится человек, всюду бы он видел, что ничто не бывает без Бога. Даже более того: христианскую эту пансофию так надо составить, чтобы она была не чем иным, как непрерывным побуждением к богоисканию повсюду, не чем иным, как точным руководством к нахождению всюду искомого Бога; не чем иным, как верным образом почитания найденного Бога<sup>49</sup>. Пусть благодаря этому она будет как бы священной лестницей к восхождению через все видимые вещи к невидимой вершине всего, высочайшему божьему величеству (в сиянии которого все низшее представляется нам не более как отблеском сего истинного света), к конечному успокоению в нем, как в неподвижном центре покоя и в цели всех желаний, к погружению для вечного блаженства в этот источник жизни, из которого исходят истоки радостей.

Если мы этого (а равно и того, о чем говорилось выше) не достигнем, тщетны будут все наши усилия, бесцельно само наше существование, бессмысленно все то, что мы делаем. По-прежнему «мудрецы» будут блуждать по своим лабиринтам, по-прежнему школы будут катать свои сизифовы камни, по-прежнему будет кружиться мир в [своей] безумной пляске.

Делателю дела словесного необходима усиленная помощь.

На чем основывает автор свою уверенность, когда он на этом настаивает?

На том, что приспело время создания храма пресветлого мудрости.

сделать по прошествии столь долгого времени теперь уже и можно, и должно.

Материал для него уже собран.

35. И так как дело это очень важное, от которого зависят и слава божия, и благополучие человеческого рода, то со всем жаром душевным призовем Бога, дабы, умилосердясь над нами, отверз он темные очи наши, да во свете его узрим свет. Ибо Христос не только сказал: «Просите и дастся вам», но также: «Ищите и обрящете, стучите и отверзается вам» (Матф. 7, 7). С мольбами и воздыханиями неослабно потщимся, да совлечем с вещей одевающую их пелену и наставим людей в ясном свете видеть всюду великие дела божии, коими мы окружены.

36. Выступая как человек, вносящий новый светильник или хотя бы искорку огня, чтобы возжечь этот светильник, я меньше всего рассчитываю на собственные силы, но в глубочайшем смирении полагаюсь на милость божью и небесную помощь, коей не оставлены будут наши усилия во славу его и на благо многих. Богу, видящему сокровенное сердца моего, ведомо: не гордость ума, но побуждения совести движут мною, и где я только могу принести какую-либо пользу, там я готов это сделать, чтобы хоть поощрить этим тех, кто может сделать больше. А больше сделать по прошествии столь долгого времени теперь уже и можно, и должно.

37. Внемли, читатель: это множество научных исследований, достижений в области искусства, раскрытых тайн, идейных столкновений, изданных в свет плодов ночных бдений по всем почти возможным вопросам — что это все собою, спрашивается, представляет, как не образовательный материал, добытый в различных лесах и каменоломнях всего мира, обработанный различным образом и различными мастерами и снесенный в различные груды, но еще продолжающий находиться в разбросанном состоянии. Остается лишь приложить руку к тому, чтобы придать этим грудам искусную и надлежащую форму, т. е. выстроить некий всеобщий, украшенный светом истины и гармонией храм мудрости, который по справедливости можно было бы воспеть словами Лукреция:

Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно  
Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно:

Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду,  
Как они бродят и путь, заблуждаяся, жизненный ищут <sup>50</sup>

или описать по Соломону: Премудрость воздвигла себе дом и вытесала для него семь столбов, заколола жертву, растворила вино, приготовила трапезу и разослала слуг своих, чтобы объявить на собраниях и высоких местах города: Придите, вкусите от моего хлеба и от вина, которое я растворила для вас. Оставьте детское неразумие и живите, и ходите по путям премудрости (Притч. 9, 1—6). Если к построению этой базилики истинной мудрости не приступят насадители мудрости, они уподобятся неискусному строителю, вечно воздвигающему некое сооружение и никогда его не завершающему. Приходится даже бояться за словесное учение, как бы не обрушилось оно от собственной тяжести, как бы не было оно смыто неудержимым потоком авторов, если этому потоку не будет противопоставлено никаких плотин.

План этого храма  
лишь сам Бог может  
нам преподать.

38. Но здесь требуется такое строительное искусство, которого напрасно было бы ожидать от человека, ибо дом, достойный мудрости, и построить может только сама мудрость. Где же находится мудрость? И где место разумению (Иов. 28, 12)? Единый Бог понимает путь ее и познал место ее. Пропадает взор его до концов земли (mundi), и все, что под солнцем, видит он. Дает он силу ветрам и измеряет потоки вод. Закон он полагает дождям и путь — бурям ревущим. Он один видит и являет ее, ибо он приготовил ее и исследовал ее (Иов. 28, 23—27).

И Моисей не мог построить божией скинии, пока не получил указаний от Бога. Воззри, сказал Бог, и сделай по образцу, который был показан тебе на горе (Исх. 25, 40). Слава тебе, Боже, показавший нам и образец для построения храма мудрости, пансофии, — дела твои и слово твое, дабы, подобно тому как дела и слова твои суть истинный и живой образ, так и все, что мы делаем, могло бы быть истинным и живым отражением дел твоих и слов.

А разве ничего  
подобного  
до сих пор  
не возникало?

39. Да простят мне ученые мужи, о трудах коих решаюсь высказываться. Все виденные мною до сих пор энциклопедии <sup>51</sup>, даже наиболее по своему построению удачные, больше напоминают цепь искусно подобранных звеньев, чем художественно составленный из колесиков и могущий самостоятельно двигаться автомат; больше похожи на тщательно выложенный штабель леса, чем на дерево, растущее из собственного корня, развивающееся своей природной силой в ветви и листья и приносящее плоды. Мы же жаждем живых корней наук и искусств, живого дерева их, живых плодов. «Пансофией» я и называю то, что могло бы служить живым отражением мира — отражением, где все было бы одно с другим связано, друг друга поддерживало, было бы друг

для друга плодотворно. Таким образом, хотелось бы нам составить Пансофию в виде такой книги, которая представляла бы собой:

1. Целостный краткий курс всеобщего образования.
2. Яркий светоч для человеческого ума.
3. Твердое мерило истины.
4. Верную картину жизненных дел и занятий.
5. Блаженную лестницу к самому Богу.

Пансофия все  
должна привести  
к числу, мере  
и весу<sup>52</sup>.

40. Чтобы иначе выразить мое заветное стремление, я думаю составить нечто такое, в чем, подобно тому как Бог все расположил по числу, мере и весу (Премудр. 11, 25),

1) было бы перечислено по порядку все, что когда-либо существовало и существует, дабы ничто не ускользнуло от познания;

2) было бы измерено и наглядно представлено отношение всех вещей как к целому, так и друг к другу;

3) наконец, все было бы взвешено и с очевидностью доказано, дабы знать точную истину о всех вещах.

Первое послужит к тому, чтобы знание стало всеобъемлющим, к чему мы стремимся в первую очередь.

Второе — к тому, чтобы оно стало ясным и отчетливым, и этого мы страстно добиваемся.

Третье — к тому, чтобы оно стало истинным и прочным, чего мы всего больше жаждем.

41. Такую книгу, повторяю, хочу я составить, которая заменяла бы собой все сокровищницы всеобщего образования. В ней не должно быть пропущено ничего существенного, и чтение этой книги само по себе должно наполнять умы мудростью. Все это благодаря тому, что вещи представлены в ней в непрерывной, ясной и четкой взаимозависимости, все выводится из своих собственных корней, из своего собственного существа, и каждая вещь оказывается тою самою, как она названа, и представляется именно так, как она есть на самом деле. Ибо все [в этой книге] обусловлено самой неизменной и внутренне связанной истинной сущностью вещей. Все это, однако, — в сжатом виде, ибо предназначено служить для краткой и быстро текущей жизни. Все — в доступной форме, ибо должно вносить в умы свет, а не потемки. И все — в его внутренней целостности и обоснованности, через непрерывную причинно-следственную связь, поскольку мы нуждаемся в твердо установленной истине, а не в надуманных мнениях. Все доступные познанию вещи (относятся ли они к естествознанию, к морали, к искусствам, к богословию или к метафизике) должны преподноситься с такой же точностью и достоверностью, как в математических доказательствах, чтобы не оставалось никакого места сомнению<sup>53</sup>. Таким образом, не только будет с очевидной ясностью и (совершенно) безошибочно постигнуто все существующее, но, сверх

того, откроется источник и для дальнейших бесконечных размышлений, и соображений, и открытий.

**Насколько важно было бы составить такую пансофическую книгу.**

Поэтому если бы для научения и изучения всеобщей мудрости существовал такой инструмент, какой я описал, то не только учащаяся молодежь могла бы получить настоящее образование (что, по словам Меланхтона <sup>54</sup>, имеет больше значения, чем завоевание Трой), но и для всех, рожденных людьми, был бы открыт удобный путь к познанию всеобщей основы вещей, для разумного созерцания творений божиих и распоряжения своими собственными делами.

43. И по милосердию божию заживут язвы (на теле) школ, церквей и государств, и с восстановлением мира в христианском мире не только всякий христианский род процветет в любви к истинной мудрости и благочестию, но, быть может, тем же светом просветятся и будут приведены в христианскую веру (открытым для них по божественному определению путем истины) даже и неверные. И узрим, наконец, предреченное некогда в пророчестве: наполнится земля познанием Господа, как море наполнено водой (Ис. 2, 9), и будет Господь царем всей земли, будет тогда Господь единый и имя его одно (Зах. 14, 9).

**Можно ли на это надеяться?**

посредстве которого умы людские могли бы при ясном свете по непрерывному ряду ступеней подняться, не отступаясь, от основания вещей до самых их вершин.

**Основания этой надежды.**

1. Все [на свете] подвластно человеку.

44. Но можно ли на это надеяться? Конечно да, если только будет создано это всеобщее руководство для человеческого ума, при возможности же создания такого руководства (т. е. совершенного пансофического метода) убеждает нас следующее: Прежде всего, известно, что сколь ни бесчисленными представляются вещи по своему множеству, сколь ни несоизмеримыми по своей различной величине, сколь ни таинственными по сокрытой в глубине своей истинной сущности, — все они ниже человека, все они подчинены его уму <sup>55</sup>. Ибо все вещи созданы ради человека, но ниже его по достоинству. Отчего же ему, последней вершине творений, чистейшему образу своего создателя, соединяющему в себе одном все, что есть наиболее совершенного во всех других созданиях, не может быть свойственно познавать до конца и самого себя и все прочее? Ведь если поста-

42. О, как это было бы желательно! Насколько в лучшем положении были бы тогда человеческие дела. Ведь книги — это инструмент насаждения мудрости, а подлинно хороший, т. е. во всех отношениях совершенно правиль-

вил Бог человека свидетелем своей мудрости, наверное, не мог он не сделать его достаточно на то способным. Так это было бы в том только случае, если бы Бог создал вещи несоразмерно уму или ум несоразмерно вещам. Но лишь одно есть действительно слишком великое, величие чего неисследимо (Пс. 144, 3). Остальное же все сотворено по числу, мере и весу (Премудр. 11, 21; Ис. 40, 12), и нужно поэтому все исчислять, измерять и взвешивать, пока глазам нашим не откроется всеобщая гармония <sup>56</sup>.

2. Вложенное  
в сердца желание.

46. Во-вторых, Бог все сотворил хорошим, говорит Священное писание. Но — все в свое время (Еккл. 3, 11), т. е. постепенно. Так неужели напрасно вложил он в человеческие сердца желание мира, желание познать то, что Бог сам делает, от начала до конца? (Там же.) Да, напрасно, если бы это желание не достигало своей цели. Но не свойственно высшей мудрости делать что-либо напрасно.

3. Нельзя пренебрегать  
успехами знания.

47. В-третьих, мы уже имеем громадный запас созданных по сие время столь великим трудом и тщанием книжных памятников.

Неужели все они ничего не стоят? Но я уже показал, что это невозможно — невозможно благодаря верховному покровителю всех вещей, который ничему не позволяет совершаться напрасно, даже заблуждениям. Так что пускай люди грезили и заблуждались во многих вещах, однако Бог, как вечное и неизменное основание истины, не может не устроить все это к тому, чтобы самые заблуждения с необходимостью служили бы постепенному раскрытию и укреплению истины. Между тем многое уже, как известно, прекрасно открыто: так почему же нельзя надеяться, что то же будет и с остальным? Ведь это не мало, что Евклид, Архимед и другие довели понимание количества до такой ясности, что при помощи числа, меры и веса можно прямо чудеса делать. Это не мало, что медики, герметики <sup>57</sup> с помощью химии научились отделять от природных веществ их качества и добираться до их голой сущности. Это не мало, что Веруламий в своем поразительном «Органоне» открыл безошибочный способ исследования подлинной природы вещей <sup>58</sup>.

А Юнгий Сакс <sup>59</sup>, который постарался довести в настоящее время логическое искусство до такого совершенства, чтобы можно было устанавливать справедливость тех или иных предложений и вскрывать ложность софистических доказательств с такой же аподиктической достоверностью, с какою выводится любая проблема Евклида. Приводить ли другие примеры? Как клин выбивается клин, так одно открытие подталкивается другим в наше, столь обильное талантами, время. Так следует ли отчаиваться в возможности такого открытия из открытий, благодаря которому все, что только ни было добыто столькими умами, стало бы достоянием

всего человеческого рода и каждого человека в отдельности? И не только стало бы общим достоянием все, что только добыто истинного, но и вместо всех (других) способов самого добывания истины утвердился бы один. О, как это было бы прекрасно!

4. Все светочи были бы заменены одним.

48. Ведь если до сих пор для каждой отдельной вещи были свои инструменты, чтобы ее вскрывать, свои правила, как с ней обращаться, свои весы, чтобы ее взвешивать, то чего бы только мы не достигли, если бы все инструменты объединялись в один инструмент, все правила — в одно правило, все весы — в одни весы?! Чем больше свечей, тем больше и света. Нужно лишь найти способ, как все светочи соединить в один светоч, т. е. как все эти различные и, можно сказать, бесчисленные открытия, познания, соображения могли бы быть сведены к единой, непрерывной, вечной и неизменной форме открытий, познаний и соображений. Найдя этот способ, мы и будем иметь то, что нам требуется.

Отчего же его не найти? Ведь у нас есть уже позади и немалые «леса» вещей познанных, и достаточно яркий светоч, с которым мы можем достигнуть и остального. Так направим же наши усилия, сверх этого, к последней цели всех вещей и всего пути. Ибо если доступно дальнейшее, то доступно и самое основное. Одна лишь вечность, к коей мы предназначены, может поставить предел нашему уму. Но то, что находится во времени, все это лежит в пределах досягаемости нашего разума, лишь бы только были достигнуты корни, т. е. вечные, постоянные, неизменные основания вещей, сообразно с которыми все существует и делается.

5. Обетование божие с последних времен.

49. Есть у нас и прямо выраженное обетование с последних времен: будет, что многие пройдут, и умножится знание (Дан. 12, 4). И, во всяком случае, многие уже прошли и исследовали (в наше время — больше, чем когда-либо) так или иначе небо и землю, моря и острова, все царство природы и книги божественного откровения. Что же [теперь] остается, как не [ждать] исполнения второй части пророчества.

Обсуждение способа составления пансофической книги.

50. Но перейдем, наконец, к самой сути дела, к тому способу, каким это столь желаемое дело может быть осуществлено. Достаточно это явствует, конечно, из того, что было уже сказано как о причинах развала словесного учения, так и о противодействующих этому средствах. Однако не мешает выразить это еще более определенно.

Три необходимые вещи.

51. Я полагаю, что достигнуть всестороннего познания вещей, овладения ими и использования их можно не иначе, как только через посредство нового и всестороннего.

1. Пересмотра всех сокровищ и описей их;



2. Сопоставления описей с вещами, чтобы убедиться, таковы ли вещи (на самом деле), как показано в нашем перечне или списке;

3. Нового всеобщего перераспределения того, что окажется налицо, с целью его нового и всестороннего использования<sup>60</sup>.

**Пересмотр всего, что когда-либо существовало,**

52. Пересмотр всех сокровищ преследует ту цель, чтобы установить, какое же наследство мы имеем и с чем вообще людям приходится иметь дело. Более чем верно, что люди не знают своего добра; не понимают того, что ведь они обладатели мира, владыки тварей, соучастники Бога в самой вечности. Оттого, что лишь немногие это знают, верят в это и в этом убеждены, и происходит, что люди в большинстве случаев занимаются делами пустыми и вредными и в конце концов, как недостойные, исключаются из наследования. Вот почему подобает христианам хорошенько взвесить слова апостола: мир ли, жизнь ли, смерть ли, настоящее ли, будущее ли — все ваше, вы же — христовы, а Христос — богов (1 Кор. 3, 22—23).

**а также авторов, которые писали о каких бы то ни было предметах.**

53. Неспроста сказал я, что вместе с вещами нужно пересмотреть и их описи. Ученые труды наши до такой степени обширны и разнообразны, что редко кто помнит их хотя бы по названиям, не говоря уже о том, чтобы знать каждый из них в отдельности и чего они от нас требуют. Нужно их описать для людей подобно закону [божью], ясно и прямо (Втор. 27, 8). И так как они должны быть описаны тщательно, то надо проследить, чтобы ничего не было пропущено. Нужно поэтому использовать все ранее кем-либо составленные обзоры, всеобщие и специальные, древние и новые. Хотя их чрезвычайно много, однако предпринять труд по созданию свопсиса всего написанного совершенно необходимо, даже если бы их было еще больше. Но некоторые замечательные памятники, в том числе книги премудрого Соломона о растениях и животных, уже погибли. Поскольку искать их уже напрасно, нужно захватить, по крайней мере, те, которые имеются налицо, и в первую очередь — самую священную книгу божью, Библию, которая есть не что иное, как комментарий самого Бога на все то, что дал он нам в этой жизни и хранит для будущей. Но так как она говорит лишь о Боге или чаще всего о душе, то не следует обходить и тех книг, которые трактуют о материях более низких, книг, составленных философами, медиками, юристами, механиками, изобретателями всевозможных вещей, историками, космографами, чтобы из всех отдельных наук образовалась, наконец, единая, всеобъемлющая наука наук и искусство искусств, т. е. пансофия.

Но с какой целью?

54. Я здесь имею в виду не то, чтобы собрать в этой книге различные мнения всех писателей о вещах, как это делают те, которые измеряют степень образованности большой начитанностью, чтобы иметь возможность приводить о вещах различные мнения различных авторов, или, набрав такого рода лоскутков и издав их вместо книг, приобрести таким путем известность. И дело не в простом сопоставлении между собой различных мнений, как это делают те, которые процеживают различные вопросы pro et contra<sup>61</sup> и наполняют томы опровержением негодных им мнений. Но я хочу, собрав в этом пансофическом труде всех тех, кто только писал о благочестии, о нравственности, о науках и искусствах, будь то христианин или магометанин, иудей или язычник и какой бы он ни принадлежал секте — пифагореец, академик, перипатетик, стоик, эссеи, грек; римлянин — древний или новый, доктор или раввин, какая бы то ни была церковь, синод, собрание — всех их допустить и выслушать, что каждый из них даст хорошего.

Почему здесь должны быть допущены все авторы?

1. Речь идет о деле, общем для всех.
2. Сам бог не делает между ними различия.

в общем театре мудрости божией; нам же, христианам, по праву светит еще, сверх того, и свет божественного откровения. Но почему бы не было позволительно и всякому иному, хотя бы и незначительнейшему человеку, если он что-либо, по его мнению, увидит замечательного, скромно возвысив руку и голос, возвестить об этом остальным?

3. Бог распределил дары свои различным образом.

3. Было бы неправдоподобно, если бы все было предоставлено в какую-нибудь эпоху кому-нибудь одному или немногим, а остальные не получили бы ничего. Но, подобно тому как ни одна страна не производит всего, но что-нибудь производит каждая, так и Бог отдельные искры своего света распределил между человеческими умами по разным временам и народам. Дух веет, где хочет, сказал Христос, говоря о святом духе и его действии. И нет недостатка в примерах, показывающих, что и вне церковной ограды дух мудрости осенял многих и многих, как, например, Иова, Элифаза, Элиуя, Меркурия Трисмегиста, Сократа, Эпиктета, Цицерона<sup>62</sup>. Поэтому решительно никак нельзя пренебрегать (случается ведь и огороднику слово кстати молвить), особенно в таких вещах, которые можно исследовать с помощью естественного света разума. Очень верно Веруламий сравнивает различные мнения

55. Я на этом настаиваю вот почему:

1. То, что мы создаем, является сокровищницей всеобщей мудрости, которую род человеческий должен владеть сообща. Поэтому и справедливо, чтобы в ней были представлены все умы, все народы, секты, эпохи.

2. Все мы, посланные в мир, восседаем в общем театре мудрости божией; нам же, христианам, по праву светит еще, сверх того, и свет божественного откровения. Но почему бы не было позволительно и всякому иному, хотя бы и незначительнейшему человеку, если он что-либо, по его мнению, увидит замечательного, скромно возвысив руку и голос, возвестить об этом остальным?

3. Было бы неправдоподобно, если бы все было предоставлено в какую-нибудь эпоху кому-нибудь одному или немногим, а остальные не получили бы ничего. Но, подобно тому как ни одна страна не производит всего, но что-нибудь производит каждая, так и Бог отдельные искры своего света распределил между человеческими умами по разным временам и народам. Дух веет, где хочет, сказал Христос, говоря о святом духе и его действии. И нет недостатка в примерах, показывающих, что и вне церковной ограды дух мудрости осенял многих и многих, как, например, Иова, Элифаза, Элиуя, Меркурия Трисмегиста, Сократа, Эпиктета, Цицерона<sup>62</sup>. Поэтому решительно никак нельзя пренебрегать (случается ведь и огороднику слово кстати молвить), особенно в таких вещах, которые можно исследовать с помощью естественного света разума. Очень верно Веруламий сравнивает различные мнения

людей о природе вещей с различными толкованиями на один и тот же текст — толкованиями, из которых одно может оказаться лучшим в одном отношении, а другое — в другом и каждое помогает заметить что-либо новое. Не найдется, стало быть, ни одной настолько плохой книги, в которой нельзя было бы обнаружить хоть что-нибудь хорошее; если не что-либо другое, то, во всяком случае, хотя бы повод для исправления какой-нибудь ошибки.

4. Истину легче найти, собрав различные мнения воедино.

увлечен чем-либо, похожим на истину; посему и в заблуждениях заключается [известный] смысл. Вот почему и заблуждения надо принимать во внимание, поскольку имеешь дело с разумными созданиями, с людьми. Таким образом, из собранных вместе [различных] рассуждений легче вскрывается обман, правдоподобие уступает место подлинной правде, тень уступает место свету.

5. Никого не следует осуждать, предварительно его не выслушав.

Если кого-либо осуждают, не выслушав, — пусть даже осуждают справедливо, — правосудие все же терпит ущерб, потому что дело могло обстоять не так, как оно было представлено на суде; поэтому нужно, по возможности, стараться узнать все до конца. Не говоря уже о случаях крайнего раздражения, бывает, что из предвзятого мнения или подозрения человек к человеку относится с таким предубеждением, что даже не хочет выслушать его доводов. Разве это не то же самое, что сказать брату своему «рака»<sup>62</sup>?

6. Даже заблуждения могут приносить пользу.

Пусть тот или другой [человек] погрешает в чем-либо, пускай он даже в чем-либо глубоко заблуждается; кто не знает, что чужая ошибка может послужить предостережением мудрому, чтобы не сделать ошибки самому. И строителям пансофии чужие заблуждения, даже самые поводы к заблуждениям, могут дать много полезного ко все большему и большему совершенствованию создаваемой ими пансофии.

7. Когда-нибудь должны быть прекращены все раздоры, а это может быть достигнуто только через приведение их к гармонии.

Мы все желаем, чтобы люди избавились когда-либо от распрей, чтобы прекратились раскол и взаимная вражда между людьми. Но они не прекратятся, пока будут существовать подозрения, которые люди питают друг к другу. А подозрения не исчезнут, пока люди все вместе и каждый в отдельности не будут окончательно удовлетворены в отношении всех вопросов и сомнений, как своих собственных, так и чужих. А удовлетвориться они не могут до тех пор, пока не будут выслушаны мнения всех и каждого, пока они не будут спокойно сопос-

тавлены и возведены к одним и тем же законам ясной и непрерываемой истины, которые будут всеми обоюдно установлены.

8. Пример дренего народа божьего.

57. Наконец, достойно замечания то обстоятельство, что при построении священной скинии Моисеевой и храма Соломонова израильтяне собрали и передали строителям не только собственные сокровища, но и добычу, отнятую у врагов народа божьего — египтян, филистимлян и аммонитян. Ибо и золото собиралось отовсюду, приносились и драгоценные камни, происходившие не из Святой земли, привозились и кедровые деревья, срубленные на Ливанских горах, — все это во славу Бога Израилева и ради блеска дома его. Таким же образом и при возобновлении этого храма Зоровавелем внушил Бог царю Киру не только предоставить для этой цели собственную свою царскую сокровищницу, но повелеть и подданным своим во всех подвластных ему царствах помогать израильтянам, чем какая страна богата: и серебром, и золотом, и съестными припасами, и скотом (Ездр. 1, 1—4). Почему же бы и строителям храма премудрости не пускать в дело все, что только найдется драгоценного и блестящего, откуда бы оно ни происходило? Даже гаваняне, хотя и преданные проклятию, были использованы для рубки деревьев и доставки их к дому Бога нашего (Иис. Нав. 9, 23). Пусть будет так, ибо так и должно быть.

58. А что до сих пор я, по-видимому, держался иного мнения, проявлял непримиримость и внушал другим ненависть к Аристотелю и ко [всему этому] языческому сброду <sup>64</sup>, то, да, я не отрицаю, что, следуя примеру тех, кто вместе с Неемией возревновал о юношах израильских, на стогнах иерусалимских состязавшихся, говоря не по-иудейски, а по-азотски (Неем. 13, 24), я жаловался на то, что в наших школах языческая мудрость и красноречие преобладают над христианской наукой, а это во всяком случае возмутительно. И в тысячу раз лучше было бы, чтобы сгинула вся эта непотребная нечистота языческой мудрости, чем чтобы ею соблазнены были души, которые Христос хочет исполнить духом своим. Но сейчас речь идет не о преобладании язычества или о его погибельном смешении с христианством. Так как вся земля приносит дары свои царю вселенной, Христу, и как всякий поток, берущий свое начало от этого источника, возвращается к нему, оставив позади всякую нечистоту, — то да приступят язычники и арабы и пусть принесут ко украшению дома Бога нашего, что могут, в особенности потому, что пансофия рассматривает не только нашу коренную задачу — спасение души, но и житейские дела. А ими-то язычники преимущественно и занимались. Тут-то они и не могли не подметить кое-что полезное; и было бы напрасным предрассудком и легкомыслием это отвергать. Итак, допустим и их, но с тем условием,

что, если они измыслили, написали или открыли что-нибудь истинное и разумное, все это будет обращено на пользу общую, а если что-либо из сказанного или сделанного ими окажется неудачным, идущим против истины и благочестия, то пусть заставят их замолчать, дабы не вечно нечестие препиралось с благочестием, заблуждение — с истиной, мрак — со светом.

**При пересмотре писателей должно быть соблюдаемо беспристрастие и осторожность.**

страстью, мы извращаем мнение этих писателей. Каждый является лучшим истолкователем своих собственных слов. В передаче же чужих мнений даже сам прославленный Аристотель, говорят, не был погрешим. Доказывая свое учение и опровергая древних философов, он так извращал их, что поневоле их взгляды казались очень странными; в действительности же, быть может, они не так уж расходились ни с истиной, ни с воззрениями Аристотеля. Если же дело обстоит таким образом (а ославить человека ничего не стоит), то составителям пансофии следует быть весьма осмотрительными. Ведь здесь дело не в победе какой-нибудь одной партии над другой, а в достижении всеобщей гармонии; и, конечно, нужно всячески стараться посредством нахождения истины, лежащей посредине, приводить между собою в согласие враждебные мнения, о чем еще будет речь дальше.

**Насколько необходимо сопоставление написанного с действительностью**

самом деле, как оно описано. Ведь если действительность и ее описание не совпадает точно друг с другом, это сбивает ум с толку и вовлекает его в заблуждения. Более чем верно, что и в наших каталогах (что особенно свойственно некоторым направлениям, склонным принимать грезы и призраки за явь) имеется слишком много такого, чего нет в действительности; и наоборот, в сокровищницах Бога и природы есть многие вещи, еще не отмеченные нами, и, наконец, весьма много не такого, как толкуют наши книги. Вот почему совершенно необходимо все толкования сравнивать с действительностью. Только тогда, и отнюдь не раньше, когда мы это сделаем, выявятся и смогут быть восполнены, устранены и исправлены все пробелы, излишества и неправильности.

59. Но здесь потребны будут беспристрастие и осмотрительность, чтобы в суждении не осудить кого-либо зря. Ибо случается, что мы приписываем другим ложные взгляды, которых они не разделяют, — приписываем потому, что, увлеченные предубеждением или

60. Это — насчет пересмотра вещей и описи их. Но необходимо еще, как я сказал, сделать сопоставление и выяснить, все ли описано, что существует в действительности, все ли существует, что описано, и таково ли оно на

**и насколько оно  
затруднительно,**

61. Но кому из смертных по силам эта работа, принимая во внимание как бесконечную численность, так и бесконечное разнообразие вещей естественных, сверхъестественных, моральных, художественных. Если люди, до сих пор занимавшиеся исследованием вещей, даже в отдельных отраслях так много находили запутанных узлов, что у весьма многих пыл их разрешался в жалобах и на невообразимую сложность природы, и на не поддающееся исследованию переплетение причин, и на всюду встречающуюся непримиримую вражду противоположностей, и на крайнюю недостаточность человеческого ума для преодоления всех этих трудностей, — то что будет, если кто-либо захочет распутывать с самого начала все эти узлы, взятые в целом.

**но при наличии  
надежных способов —  
не безнадежно.**

62. Но нечего падать духом. Где сила не берет, возьмем умением. Исследователи выяснили до сих пор так мало вещей, потому что они пробивались вперед, рассчитывая почти исключительно лишь на силу ума и непосредственное прилежание. Между тем голой рукой, так же как и предоставленным самому себе умом многое не достигнешь, а при наличии соответствующих инструментов и пособий дело выйдет и легче, и вернее.

Все дело в способе. Стало быть, нужен лишь способ, применяя который к вещам и к учениям о вещах, можно было бы удобно отличить необходимое от не необходимого, полезное от бесполезного, истинное от ложного.

**Философский метод  
Веруламия.**

63. Таким способом исследования природы является, по-видимому, открытая славным Веруламом искусная индукция, которая поистине заключает в себе путь для проникновения в тайны природы<sup>65</sup>. Однако, поскольку она требует непрерывного труда многих людей и поколений, — и чем она сложнее, тем сомнительнее кажется ее результат, — многие отнеслись к этому славному открытию с пренебрежением, как к чему-то бесполезному. Нам же при построении пансофии эта индукция мало поможет, потому что она (как я уже сказал) рассчитана лишь на раскрытие тайн природы, а у нас речь идет о действительности в целом. Следовательно, мы нуждаемся в каком-то совершенно другом способе, который, быть может, и удостоит явить нам — ищущим Бог милосердный. Кто прячется, чтобы его искали, для того и заставляет себя искать, чтобы быть найденным (Притч. 25, 7; Ис. 5, 15). Не допустит Бог, чтобы поиски твои остались бесплодными (пишет блаженный Фульгенций к Мониму)<sup>66</sup>, — Бог, который вдохновил тебя на них, ибо непреложно его верное обещание: просите и дастся вам, ищите и обряцете, стучите и отверзется вам.

Общие черты метода всеобщего согласования для построения пансофии.

64. Приступая к изложению того, что господь Бог наш открыл и дал увидеть нам — просящим, ищущим и стучащимся, умоляю и заклинаю отнестись к этому с должным вниманием, чтобы иметь возможность обсудить это разумно. В кратких чертах я обрисую сейчас весь этот вопрос.

*1. Три вещи составляют все содержание нашей человеческой науки, если хотите — всеведения: познание Бога, познание природы, познание искусства.*

Под «искусством» следует понимать все, что относится к человеческой деятельности, размышлениям, речам и трудам. Под «природой» — все то, что возникает и образуется самопроизвольно благодаря силе, вложенной в самые вещи. Под «Богом» — его могущество и мудрость, как они благостью [божьей] выявляются в словах его и делах от века и доселе. Кто знает эту троицу, тот знает, ибо из этого троякого рода вещей состоит все в мире.

65. II. *В познании указанных трех вещей необходимо добиваться совершенства.* Нельзя считать достаточным кое-что знать о Боге, кое-что о природе, кое-что об искусстве (что доступно и невеждам, и даже совершенным глупцам); все, что может быть понятно, мы должны понимать вполне и совершенно точно.

66. III. *Совершенное познание вещей — это их верное познание.* Ибо если наше знание не обладает истинностью, то оно принимает мираж за действительность и превращается в насмешку над знанием.

67. IV. *Знание обладает истинностью тогда, когда вещи познаются такими, каковы они суть в действительности.* Ибо если они познаются иначе, чем существуют, то это будет не познание, а заблуждение.

68. V. *Вещи познаются так, как они существуют в действительности, в том случае, когда они познаются так, как они возникли.*

Ведь всякая вещь такова, какою она сделана; если же не такова, какою она сделана, значит, это просто уродство.

69. VI. *Всякая вещь создана сообразно своей идее, т. е. по определенному плану, благодаря которому она смогла стать тем, что она есть.*

Ибо если что-либо не может осуществиться, то и не осуществляется, и если что-либо не могло бы стать таким, то оно таким и не становится. Идеей называется, следовательно, возможность «такости»<sup>67</sup>, в силу которой вещь есть то, что она есть.

70. VII. *Следовательно, все, что только ни совершается, осуществляется сообразно идеям, будь то дела божьи, дела природы или дела искусства.*

Так как идея есть определенный план или разум вещи, то нельзя себе и представить, чтобы Бог, который сам есть разум всякого разума, мог что-либо сделать без идеи, т. е. без определенного плана. Подобным образом и природа, производящая хорошо устроенные вещи, и соперник природы, искусство, не могут ничего создавать без плана.

71. VIII. *Искусство заимствует идеи своих созданий от природы, природа — от Бога, Бог — от самого себя.*

Первое общеизвестно, о чем свидетельствуют пословицы: искусство бессильно без природы; искусство — соперник природы; искусство подражает природе; искусство — дитя природы. Но с не меньшим основанием можно сказать и так: природа бессильна без Бога; природа — соперник Бога; природа — дитя Бога; природа подражает Богу. Бог же никому не подражает, кроме самого себя; не может иначе и не хочет. Не может потому, что в своей вечности ничего не имеет, кроме самого себя; откуда бы он, следовательно, мог еще почерпнуть начало или форму своих творений? Не хочет — потому, что, будучи всеблагим, он не может ничего желать, кроме того, что само является наибольшим благом — единым, вечным и совершенным, — а таким благом и является только он сам. Скажут, Бог по произволу измыслил идеи творимых им вещей. Но с какой же, позвольте узнать, целью? Если Бог и сейчас не делает ничего напрасного через природу, то зачем бы он стал делать это вначале? Зачем, имея в себе совершеннейший образец всякого совершенства, стал бы он выдумывать что-то иное? Дабы не проявлять всего своего величия? Но именно его-то он и хотел сделать очевидным (Рим. 1, 20). Дабы отступлением от самого себя показать всю глубину своей премудрости? Но это лишь умалило бы полноту славы его, указывая на то, что есть и вне его нечто совершенное: а это невозможно. Итак, несомненно, что как творения, так и идеи творений не могли возникнуть ниоткуда, кроме как из сего источника. И если среди творений мы наблюдаем, что всякий делатель стремится уподобить предмет своего дела самому себе, то почему должны мы отрицать это в Создателе, от которого они его заимствуют? Особенно, если иметь в виду, что у Бога не может быть никакой иной цели своих творений, кроме самого себя. Итак, несомненным остается, что Бог ниоткуда не черпал ни целей, ни зиждущей силы, ни формы для своих творений, кроме как из самого себя; только материю, которая составляет субстрат творений и наличие которой отличает творения от Творца, создал он из ничего.

72. IX. *Замышляя мир, Бог замыслил, следовательно, самого себя, так что вообще творения пропорциональны Творцу.*

Ибо то, что образуется, необходимо должно соответствовать своему образцу, что не мешает наличию в этом соответствии из-



вестных ступеней, наличию в нем большей или меньшей очевидности. Так, сын божий называется подобным Отцу или отражением Отца (Евр. 1, 3), и даже человек назван образом божим (Быт. 1, 26; 1 Кор. 11, 6), да и все остальное не чему иному уподобляет Писание, как некоему образу божию, когда оно говорит, что невидимые свойства божии после сотворения мира стали видимыми (Рим. 1, 20) и что в величии видимого и сотворенного яснее может познаваться Творец (Премудр. 13, 5). Оттого-то и произошло, что язычники называли природу не только дочерью божией, но и самим Богом. Что такое природа, говорит Сенека, как не Бог и не божественный разум, которым проникнут мир как в своем целом, так и в своих частях <sup>68</sup>.

73. X. *И так как все причастно идеям божественного разума, то одно всегда причастно другому и всё друг другу взаимно соответствует.*

Ибо две вещи, совпадающие с некоей третьей, совпадают и между собой.

74. XI. *Все вещи тождественны друг с другом по своему основанию и различаются между собою лишь формою <sup>69</sup>, так как в Боге они существуют как в своем архетипе [проброобразе], в природе — как в своем эктипе [отображении], в искусстве — как в своем антитепе [противообразе].*

Это подобно единой форме у печати. Сначала она возникает в уме того, кто ее делает или заказывает. Затем она вырезывается на металле; наконец отпечатывается на воске. Будучи тройной, она все же едина, так как из первой образуется вторая, из второй — третья, каждая последующая по образцу предыдущей. Так и идеи, возникающие в разуме божьем, налагают свой отпечаток на творения, творения же, способные разумно действовать, — на создаваемые ими вещи.

75. XII. *Основание всех вещей, как и в их создании, так и в их познании, есть гармония.*

Что такое гармония. Гармонией музыканты называют приятное созвучие нескольких тонов. Такое же согласное звучание представляют собой вечные исключительные свойства божества, сотворенные свойства природы, свойства, выраженные художником в искусстве. Как те, так и другие и третьи гармоничны и сами по себе и в отношении друг к другу, ибо природа есть образ гармонии божественной, а искусство — образ природы.

Для нее необходимы три условия. 76. XIII. *Первым условием гармонии является, чтобы не было никакой разноголосицы. Музыкальная гармония слагается из самых различных и даже противоположных тонов, и, однако, противоположность эта приводится к согласию. Так и весь мир состоит из противоположностей (ибо без противоположностей не было бы ни истины,*

ни порядка, ни самого бытия мира). Так, в Писании многое кажется друг другу противоречащим. Однако все это в нашем уме приводится и должно приводиться к согласию для образования всеобщей гармонии. Как в божеских, так и в наших человеческих делах, мнениях и словах все должно объединиться всеобщим согласием, а всякое кажущееся разногласие — исчезнуть. Но так как этой тайны люди не понимают, то философы хватают из природы, богословы — из Писания, одни — одно, другие — другое, и сталкивают природу с природой, Писание с Писанием, извлекают из всего этого противоположные выводы и возбуждают споры и пререкания. Все это неизбежно должно исчезнуть, как только явится свет всеобщей гармонии. Ибо истина всегда совпадает сама с собой.

77. XIV. *Второе требование гармонии, чтобы не было чего-нибудь несозвучного.*

В вещах естественных и в произведениях искусства, очевидно, все гармонично. В животном, в дереве, в музыкальном инструменте, в корабле, в колеснице, в книге, в доме и т. д. все части пропорциональны как со своим целым, так и между собою. Что же касается вещей божественных, то могут усомниться в том, приходят ли они в какую-нибудь пропорциональность с вещами естественными и с произведениями искусства. Ведь кто-нибудь может думать, что у божественного величия нет ничего общего с сотворенными вещами. Но надо знать, что все, что есть в копии, необходимо должно быть, и притом в превосходной степени, и в архетипе: река имеет в себе нечто от своего источника, жень — от тела, копия — от оригинала. Затем если произведения природы таковы, что нельзя даже придумать для них лучших форм (что признает Гален <sup>70</sup> в VI кн., в гл. I), и если одна природа не может меняться и преобразовываться в другую (о чем свидетельствует Тертуллиан <sup>71</sup>, гл. 29), то чем является природа, как не живым образом того, в ком все изначально в высшей степени превосходно, неизменно и не подлежит превращению? Наконец, сам Бог в Писании приписывает себе уши, очи, уста, руки, ноги, сердце, лицо, спину, а также называет себя огнем, скалой, крепостью, якорем. С какой целью делает он это, если все эти слова не могут изобразить ничего в Боге? А если могут, то не что иное, как то, что есть на самом деле, так как слово божье есть норма истины. Мы знаем, что это сказано фигурально (ибо кто захочет впасть в безумие антропоморфизма? <sup>72</sup>); однако никто не отрицает того, что в основе этих фигуральных выражений (метафор и парабол) есть некоторая пропорциональность или тождество, так как, прежде чем высказать их, нужно, чтобы такое тождество существовало. Поэтому, как искусственное соответствует естественному некоторой пропорциональностью, так и естественное — божественному.

78. XV. *Третье свойство гармонии состоит в том, что хотя*

*бы разнообразие звуков и мелодий было бесконечным, однако оно возникает из немногих начал и определенных видов и различий.*

Все различия гармонии, сколько бы их ни придумали и сколько бы ни могли придумать, возникают из семи тонов и трех созвучий. Все тела, сколько бы их ни было в мире, образуются из очень небольшого количества элементов и из нескольких качественных различий. Также и во всем остальном: множественность и разнообразие есть не что иное, как разнообразное повторение сходного. Например, хотя дерево имеет тысячи тысяч листьев, однако все они одной и той же формы, цвета и качества. И сколько бы ни было во всем мире деревьев одной и той же породы, все они одинаковы, одинаково действуют и сами претерпевают одинаковые воздействия. Точно так же и деревья различных пород имеют некоторые общие основания своего бытия.

**Основы бытия суть наилучшие основы познания.**

79. XVI. Поэтому, раз будут изучены основания вещей и виды различия между ними, будет изучено все. Так, тот, кто в музыке изучил основание тонов и ритмов, умеет петь и сочинять всякие мелодии. И даже придуман способ, благодаря которому органисты на основании одного «баса», так называемого «генерал-баса», могут исполнять все мелодии, так что не может получиться никакой дисгармонии, хотя бы симфония состояла из сотни голосов. Таким же образом, кто изучил общие основы произведений искусства, вещей естественных и сверхъестественных, тот сможет различать и производить бесконечное их количество. Например, кто узнал, что такое прекрасное в себе или каким требованиям удовлетворяет понятие красоты, тот без всякого учителя будет знать, что такое прекрасный ангел, прекрасная душа, прекрасное тело, прекрасный цвет, прекрасная речь, прекрасные нравы и т. д. И обратно — то, что не будет согласоваться с этой идеей, не покажется ему прекрасным. О, как удобен этот путь к познанию многого, состоящий в том, чтобы иметь открытыми источники вещей.

**Идеи вещей должны быть отвлекаемы от конкретного.**

80. XVII. Эти общие основания вещей должны быть отвлекаемы от вещей при помощи некоторой индукции; их надо считать нормами вещей. Например, в чем состоят формы <sup>73</sup> красоты, добра, совершенства, пользы, порядка, жизни, ощущения — этого надо искать во всем, что прекрасно, что благо, совершенно, при помощи разумного выделения того, что не относится к сущности красоты, добра, совершенства и т. д., пока не останется сама чистая форма. Ибо все, что существует, имеет некоторое определенное основание, в силу которого оно существует. Поэтому все существующее необходимо сходится в некотором общем способе существования: живое — в способе жизни, ощущающее — в способе ощущения, прекрасное — в некотором определенном

способе существоваппя, в силу которого оно называется прекрасным, и т. д. В таких общих и как бы внешних основаниях вещей (идеях), если они тщательно отвлекаются от всего, из чего состоит вся совокупность вещей, будет состоять как общий ключ к пониманию вещей, так и норма для действий, удивительный указатель новых пзобретеннй и, наконец, надежный лидийский камень<sup>74</sup> для распознавания мнений, словом, некоторый богатый источник прекраснейших размышлений.

**Идеи отвлекаются преимущественно от естественных вещей.**

*где угодно эксперименты, т. е. от естественных вещей, вещей природы.*

81. XVIII. *Эти нормы истины должны отвлекаться от тех вещей, которые существуют так, что иначе они не могут существовать, и с которыми каждому удобно производить*

Вещи божественные сами по себе неисследимы: они познаются только постольку, поскольку они отражаются природой или же открываются словом божьим. Искусство, насколько в нем есть разум или достоверность, заимствует их от природы, да и то часто говорит *вздор*. Поэтому тем поприщем, на котором мы охотимся за идеями вещей является преимущественно природа (конечно, при помощи слова божия, т. е. Писания). Природа является самым истинным отображением дел божьих, указывающим, что и с какой целью Бог сделал, делает и будет делать. Из этих двух источников — природы и Писания — должны быть построены те нормы для основания Пансофии, с помощью которых все — и самое великое, и самое малое, и высшее, и низшее, первое и последнее, видимое и невидимое, сотворенное и несотворенное — должно быть приведено в единую истинную, везде себе и вещам соответствующую гармонию (или, скорее, пангармонию), лучше которой ничего не может быть.

**Каков должен быть метод построения пансофии.**

совершенный метод, а именно такой, который так связывает умы с вещами, что они ставят себе целью познание до конца и больше чувствуют плоды основательного знания, чем трудности его изучения. Это будет так, если:

1. **Вообще подразделения более правильны.**

было на своем месте без всякой путаницы.

82. Сказанное касается новой нормы размышления о всех вещах; теперь о новой форме их расположения. Ибо мы считаем, что в пансофии необходимо должен применяться самый

необходимо должен применяться самый

83. I. Подразделения мира будут точны, если они будут рассекать жилы и члены всех вещей так, чтобы все было наглядным, все

2. Уничтожить все двусмысленные определения.

84. II. Надо обращать внимание на значение выражений (особенно более общих, употребляющихся в отношении ко всем частным случаям), чтобы в них не оставалось ничего непонятого, чтобы они были свободны от омонимов, так как из этого могут происходить впоследствии разногласия и споры. Это достигается тщательным определением вещей — таким, какое обычно предпосылают своим доказательствам математики.

3. Положения будут излагать всю природу вещи.

85. III. К делениям и определениям должны присоединяться положения, или теоремы, и правила со своими доказательствами.

4. Все предписания должны быть *κατὰ λαυτός, κατ' αὐτό, καθόλου πρῶτον* (всеобщими, самодовлеющими).

86. IV. И все это (подразделения, определения, правила, т. е. все, что обозначается общим названием «предписаний») должно быть: 1) ясным, 2) имеющим только не подлежащее сомнению применение, 3) истинным само по себе, всегда и везде. Эти три требования с полным правом были до сих пор выставляемы в большинстве философских и богословских сочинений как желательные. Ибо многое излагается спутанно, многое не имеет вовсе никакого применения (или очень малое), кое-что справедливо только в зависимости от случайных условий. Например, теорема метафизики: субстанция не может быть больше или меньше — неверна, а если бы и была верна, то не имела бы никакого применения <sup>75</sup>. Действительно, муж — в большей мере человек, чем зародыш; орел — более птица, чем летучая мышь; солнце — в большей степени светило, чем луна. И разве не праздное дело говорить, что всякая свинья есть свинья, всякая лошадь есть лошадь? Разве кто-либо это отрицает? Кому нужно это навязывать? Предписания же Пансофии содержат только положения серьезной науки.

5. Общие теоремы должны быть чистыми аксиомами.

87. V. Общие предписания Пансофии должны быть реальными и практическими аксиомами, т. е. такими положениями, которые заслуживают доверия сами по себе, которые не надо доказывать при помощи более «первых» положений, а надо только иллюстрировать примерами так, чтобы всякий человеческий ум немедленно признал их за норму истины, как только воспримет их. И такие понятия, напечатленные нашему духу божеством, такие факелы ума, бросающие свет на все частности, должны быть ключом к деятельности. Надо только всячески остерегаться, чтобы не допустить в качестве аксиомы чего-либо, что не является таковой на самом деле. Ведь недаром Бэкон Веруламский, Стрезо <sup>76</sup> и другие жалуются на то, что ходячие логические правила утверждают и отрицают неосновательно, так что лишь редко они служат для доказательства, по большей же части — только для оспари-

вания (при помощи исключения, ограничения, приведения примеров, опровержений, т. е. вообще посредством споров).

**Частное служит только доказательством.**

88. VI. Все частное во всей Пансофии не должно привносить ничего нового; оно должно быть только специальным расширением предшествующих ему общностей, как мы это видим в дереве, в росте животного: у дерева и животного не вырастают ежегодно новые члены или ветви, а лишь развиваются дальше прежние.

**Применение Пансофии.**

89. Философия, построенная таким образом, будет: 1) легкой для усвоения, ибо в ней одно будет вытекать из другого; 2) истинность ее будет прочной, так как все последующее будет основываться на предыдущем; 3) она будет чрезвычайно полезна в применении, так как в ней отлично раскроются основания всего мыслимого. И действительно, такое изложение всеобъемлющей науки будет не только рассадником [знания], но некоторым образом будет и оплодотворять его, заставляя все глубоко укореняться, чтобы изучающие не только поддавались увещаниям, но и принуждались к согласию посредством доказательств. Это именно и делает образование прочным.

**Все должно быть аподиктическим.**

90. Никто из математиков не говорит: «По Пифагору, трижды три будет девять» или «Евклид выделяет три вида непрерывных величин: линию, поверхность и тело». Все геометры согласны в том, что в треугольнике три угла равны двум прямым, однако кто так нескладно твердил бы такие положения, ссылаясь на авторитеты, того бы осмеяли: в геометрии прямо доказывалось, что положение правильно и что иначе быть не может, хотя бы не было никогда ни Пифагора, ни Евклида. Точно так же и в метафизике, физике, этике, политике должно быть стыдом приводить авторитеты там, где дело может решаться рациональными основаниями.

**Все должно быть строго упорядочено.**

91. Таким методом мы стремимся также и к тому, чтобы вся работа над Пансофией могла совершаться без повторения чего бы то ни было и чтобы эта краткость (все сочинение должно быть чрезвычайно сжатым изложением вещей) не вызывала неясности, так как при последовательном движении вперед дальнейшее освещается уже ранее изученным. Так войдет в обиход также и при составлении книг применение правила военного построения: что никакое место не защищает само себя, а защищается другим, — если все преподаваемое будет получать свет и силу от того, что стало известным раньше.

К идеям надо прибавить свидетельства Бога и чувств.

Если чего нельзя доказать, то это надо высказать проблематически.

или надо выставить его проблематически, указав основание, говорящее за то и за другое решение, для того чтобы всем можно было судить, за какую альтернативу говорят больше обстоятельства дела, а также и для того, чтобы другим людям остался случай решать когда-нибудь такие проблемы и отыскивать в таких вопросах непогрешимую очевидность истины. Ибо Бог обычно сообщает людям свет свой постепенно, а где идут с постепенностью, там естественно постепенно же продвинуться далее. При этом то, что было сообщено в научной форме, хотя бы по количеству оно было невелико, для применения будет иметь большое значение. Ибо лучше владеть немногим, но достоверно, в полной мере и правильно, чем носиться мыслью по безбрежности: это последнее дает лишь смутное и основанное на предположениях знание, первое же сообщает неизменные и твердые познания.

Похвала этому методу.

различие, какое есть между музыкальным инструментом, совершенно приспособленным для полной гармонии, с одной стороны, и несовершенным, во многих отношениях испорченным в своих важнейших частях, с там и здесь поломанными, разноголосящими трубами — с другой. Или какое есть различие между тщательно составленной партитурой, при одном взгляде на которую органист или игрок на кифаре легко может сыграть любую мелодию, и теми нотными партитурами, которыми можно пользоваться только несколькими лицам и которые не всегда и не везде согласуются друг с другом.

Почему автор касается этого

его, чтобы он пробуждал героические умы, трудами которых мог бы быть зажжен столь великий свет миру. И так как он дал мне быть в числе тех, кто признает несовершенство человеческих

92. В важнейших вопросах надо присоединять авторитет Писания как свидетельства чувств при помощи опыта, так как для разума истинность вещи подкрепляется экспериментом. Как у математиков из доказанной теоремы выводится научное положение, а из доказанной проблемы вытекает следствие, так из предписаний Пансофии должно безошибочно следовать познание и действие.

93. VII. Если какое-либо положение нельзя довести до демонстративной достоверности, а между тем оно полезно, то его надо отнести к числу вопросов, требующих обсуждения,

94. Между этой книгой Пансофии (если она будет составлена) и теми книгами, какими пользуемся мы сейчас, было бы такое же

95. Часто думая о том, как велико будет применение этой книги для изучения мудрости, я молю Бога и не перестаю просить

дел и серьезно желает их улучшения, то я и считал для себя не чуждым испробовать, не прольет ли через меня некоторый новый свет божественная благодать (ибо веяние небесное веет, где оно захочет), или, по крайней мере, не смогу ли я дать толчок другим, которым божественное провидение дало больше умственных сил, образования и досуга к тому, чтобы сделать в этом отношении больше, чем могу сделать я. И кто вменит мне в вину, что я сильно хочу быть полезным христианскому юношеству как сам, так и с помощью других? Вообще мне следовало бояться того, как бы столь необходимое дело не осталось в области только обещаний и публике не было сообщено ничего, кроме пожеланий. Поэтому я сделал то, на что Бог дал мне силы, чтобы и меня лучше поняли, когда я дам образец, и чтобы другие, кого побудит к этому Бог, имели пример для облегчения им подражания.

и с какой целью он это рассказывает. 96. Я думаю также, что не следует обойти молчанием и того, по какому случаю я осмелился приступить к столь важному делу, как и в каком порядке я его осуществлял и, наконец, с каким, по моему суждению, успехом. Все это я делал только потому, что я считаю необходимым раньше представить на справедливый суд все, что я предложил. Насколько я в этом успел, об этом будет свидетельствовать сама наша книжка по пансофии; под ее влиянием само собою сложится мнение у правильно судящих людей.

Более глубокое объяснение повода для составления этой книги.

97. Идет уже двадцатый год<sup>77</sup> с того времени, как я почувствовал впервые стремление искать средств для облегчения трудностей научных занятий — и это под влиянием моей несчастной судьбы, которая, увы, отняла у меня почти все годы моей юности. Будучи ребенком-сиротой, без отца и без матери, я, по небрежности опекунов, был до такой степени заброшен, что только на шестнадцатом году жизни смог ознакомиться с началами латинского языка. Однако, по благодати божьей, это естественное ознакомление зажгло во мне такую жажду, что с того времени я никогда не переставал работать и стремиться восполнить ущерб, причиненный мне в детстве, восполнить не только по отношению ко мне самому, но и по отношению к другим. Меня печалило то, что людям (особенно моим согражданам) было скучно изучать науку. Поэтому я много думал над тем, каким образом не только побудить множество людей к тому, чтобы они полюбили научные занятия, но и указать, на какие средства и чьими трудами можно открыть школы, в которых юношество получало бы хорошее образование по более легкому методу. Однако так как вскоре (на 24-м году жизни) я был посвящен в служители церкви и так как божественная заповедь: «Сие творя»



была перед моими очами, то мне пришлось отложить в сторону мои заботы о школьном деле. Однако когда через пять лет после этого я, с божьего поущения, был вместе с другими изгнан и, живя в изгнании и вернувшись на пепелище школьной работы, стал читать различных авторов, то я наткнулся на целый ряд таких, которые в это самое время начали трудиться над улучшением методов научных занятий, а именно: на Ратихия, Гельвига, Рения, Риттера, Главмия, Цецилия и, в первую голову, на Иоганна Валентина Андреэ<sup>78</sup>, человека пылкой души и выдающегося ума, а также на Кампанеллу и Веруламия, знаменитых восстановителей философии. Из этого чтения я вынес большие надежды на то, что столько различных искр сольются, наконец, в целое пламя. При этом я не мог удержаться, чтобы не заметить кое-где и некоторых недостатков и пробелов. И, опираясь на прочные основания, я старался придумать, что можно было бы сделать и что не допускало бы колебаний. И после многих размышлений, приведя все к незыблемым законам и нормам природы, я написал «Великую дидактику», излагающую способ легко и основательно учить всех.

«Дверь языков»  
послужила поводом  
для составления  
«Двери вещей».

98. Когда я поработал над компендиумом правил для изучения языков и представил его публике для рассмотрения под названием «Открытой двери языков», он был принят с исключительным и единодушным одобрением со стороны людей ученых и был рекомендован в качестве верного и подлинного средства изучения языков. Это дало мне новый повод попытаться составить также «Дверь самих вещей», или, если хотите, «ключ» к человеческому уму, раскрывающий всеобщим образом чувства для познания всего.

Если бы этот труд удался, я считал бы, что им можно добиться достижений, в такой же степени более важных, в какой правильное мышление выше способности просто болтать латинские слова.

С какой надеждой.  
99. Не было недостатка в людях, которые сомневались в возможности составить такую «Дверь» (или «ключ»), ибо я сообщил о своем плане друзьям. Меня же одушевляло стремление ко всеобщей и постоянной гармонии вещей: все, что люди могут познать, допускало сведение к некоторым конечным по числу, но бесконечным по применению правилам. Я рассуждал так. Если язык, этот главный истолкователь духа, при своем бесконечном богатстве может быть так проанализирован, что допускает выражение всех важнейших понятий конечным числом звуков, то почему неясные понятия нашего ума нельзя таким же образом привести в соответствие с группировкой самих вещей? Ибо, хотя вещи вне ума кажутся чем-то безграничным, тем не менее они, как и сам мир, суть изу-

мительное создание божие; они состоят из немногих элементов и из немногих различий в формах, и все изобретения искусства могут быть сведены к определенным родам и определенным сочетаниям. А так как вещи, понятия о вещах и изображения этих понятий (слова) параллельны между собой, то я и думал, что эти самые основные элементы могут быть одинаково переданы как при помощи вещей, так и при помощи понятий и слов. Мне приходило также в голову, что химиками изобретены сущности (или духи) вещей, настолько свободные от избытка материи, что в малой капле их может заключаться огромная сила минеральных веществ, которая окажет в составе лекарств больше действия, чем они смогли бы оказать всей своей массой. И (думалось мне) неужели нельзя придумать что-либо, посредством чего предписания мудрости, рассеянные по столь обширным просторам наук и даже как бы бесконечно разбросанные вне своей области, можно было бы некоторым образом объединить и концентрировать? Не надо отчаиваться, всякое отчаяние есть оскорбление Бога, который обещал помочь просящим, ищущим, стучащимся в двери. Поэтому я и решил, что создание некоторого универсального рассадника образования возможно.

**В «Двери вещей»  
намерение автора  
осуществлено.**

100. Поэтому я, во имя божие, начал составлять такую ткань вещей, соблюдая и здесь тот же метод, каким я пользовался при составлении «Двери языков». И прежде всего я поставил целью — так же, как там латинские слова, — так здесь все достойные человеческого познания вещи собрать вместе как бы в некоторую сокровищницу. Во-вторых, я старался все приводить только один раз, не считая выводов, а также тех случаев, когда без упоминания о чем-нибудь нельзя разъяснить что-либо другое. В-третьих, все должно было приводиться не иначе как на своем месте и в собственном смысле, т. е. в самом естественном порядке вещей и в самом ясном смысле выражений, так, чтобы здесь давалось все значительное, что содержится в совокупности вещей мира и во всех книгах и библиотеках, — и все это в кратком и ясном изложении. Если бы я достиг того, чтобы при помощи этой нашей «Двери» удалось подготовить переход к вещам и к пониманию всех книг без помощи наставника, то я получил бы право на часть той похвалы, какую Тимофей Брайт<sup>79</sup> наделяет изобретателей краткости и наглядности. Из всех, говорит он, частей философии, в каких трудились любители истины и те, кто изучали высшие вопросы, нет ни одной, которая была бы полезнее для жизни или питала бы дух более благородным удовольствием, чем та, при помощи которой другие знания приводятся к краткому и ясному виду. Поэтому надо приветствовать благодарной памятью труды тех, кто прилагали

старание к тому, чтобы учащиеся освободились как от скуки многословия, так и от терний и лабиринтов трудностей (о физике Скрибония, гл. I).

**Более возвышенная забота.** 101. В этом только и состояло мое намерение, когда я начал этот труд: коротко и ясно охватить все. Однако по воле божией случилось так, что во время работы над этим сочинением у меня явилась более высокая мысль и забота — собрать от самых оснований все более истинное, лучшее и наиболее подходящее для нас, христиан, в смысле использования в этой и в будущей жизни. Я уже говорил подробно о том, что такое намерение было необходимо. И для того чтобы это сочинение было «Дверью» не только в [чтение] авторов, но и еще более в самую совокупность вещей, я внес туда все, что мне показалось выдающимся как в божественных и человеческих делах, так и в книгах, — не в смысле кропотливого и мало полезного, но трудоемкого составления каталогов, а скорее в виде раскрытия истинных оснований всего и объяснения в главных чертах главных моментов, из которых легко складывался бы смысл остального. Поэтому здесь содержится и кое-что новое, не только уже найденное, но и подлежащее нахождению, такое, чего, быть может, нет нигде в другом месте. И новый и более полный порядок вещей часто приводил меня к тому, к чему, по-видимому, не приходил до сих пор еще никто другой.

**Эта «Дверь вещей» есть также и дверь в божественные Писания** 102. Для того чтобы «Дверь» была одновременно и дверью в божественные Писания, я старался: 1) Все догматы священного кодекса божия относить к правилам Пансофии — каждый в своем месте, а все истории иллюстрировать примерами, чтобы юношество узнавало отсюда все те данные нам великие и драгоценные обетования, благодаря которым мы делаемся причастными божественной природе (2 Петр. 1, 4), и чтобы оно имело впоследствии опору не только без вреда для себя знакомиться со светскими писателями, но и охрану против искушений всей жизни. 2) Самые темные выражения из Писания я старался так цитировать в соответствующих местах, чтобы цитирование, сделанное в надлежащем месте, бросало свет на излагаемое и служило вместо комментария. 3) Я старался в разных местах так пользоваться фразами и мудрыми выражениями Писания, чтобы юноши осваивались как с содержанием, так и со стилем духа святого и чтобы в самой Библии им не могло встретиться ничего, не известного им ранее.

кафоллического богословия.

103. При этом мы преподносили не то или другое богословие — так, как оно имеет место у отдельных вероисповеданий, — но всеобщую и кафоллическую истину, не спускаясь к тому, в чем имеется возможность опасного, двойственного истолкования или где нельзя показать выхода в несомненное. Ибо, по нашему мнению, правильнее кое-чего не знать, чем знать ошибочно, как указывает апостол (Филипп. 3, 15—16). Подобно тому как человек, прямо и без компромисса присоединившийся к одному из двух противоречивых высказываний (что бывает в Писании даже при чисто буквальном его истолковании), не может не считаться с противоположным высказыванием, а часто — и находиться под сильным влиянием последнего, так не могут не исчезнуть без огромной для человека радости бывшие ранее трудности, путаница и смущение, раз открыт средний смысл и обе крайности приведены в согласие.

Метод этой книги.

104. В отношении порядка передачи наук мы надеемся, что с божией помощью дали образец правильного метода, рассекающего вещи так, как они есть и образуются, и ставящего их перед глазами.

В чем состоит пансофическая метафизика <sup>80</sup>.

105. Метафизика эта не будет отличаться какой бы то ни было запутанной утонченностью — такой, когда ее могли бы усвоить только острые и уже опытные в изучении вещей умы. Она будет ясной и до такой степени доступной каждому здравому уму, что даже восьмилетние дети смогут овладеть всей этой метафизикой, а при ее помощи — и всеми элементарными науками и искусствами, без всякого труда, напротив, с большим наслаждением. Все основные положения наук мы изложили в виде афоризмов (или аксиом) — истинных, как я надеюсь.

Как из этого выводится остальное.

106. И из этих очевидных самих по себе истин мы ничего не приводим без основания, предполагая что бы то ни было другое, как бы из милости добиваясь заранее согласия.

Мы же обходимся с человеческим умом так, как обычно обращаются с молодыми лошадьми их укротители: они сначала применяют более мягкие удила — такие, которые скорее приятны этим животным, чем мучат их, и заставляют их бежать по ровным и приятным для бега местам раньше, чем по круговым извилинам.

Трихотомические <sup>81</sup> деления.

107. Это особенно имеет место в нашем методе в такой удивительной степени в силу того, что все важнейшие представления вещей совершаются в нем при помощи трихотомий. При этом я утверждаю, что я искал этого не тенденциозно, не в силу какого-либо суеверия; эти трихотомии сами собою представлялись мне

[коренящимися] в некоторых важных, имеющих большое значение обстоятельствах, в первых атрибутах вещей (едином, истинном, добром), так что я иногда останавливался в изумлении, пораженный новизною дела. Я начинал, исходя из примеров в какой-либо одной отрасли, и видел, что то же самое имеет место и везде. Поэтому я не осмеливался противиться истине вещей, представляющейся по большей части в виде тройственной тайны; напротив, я скорее был рад схватить такую гармонию священной троичности. И я с наслаждением прослеживал ее в остальном, нигде (я в этом твердо уверен) не насилуя вещей, которые как бы самопроизвольно располагались таким образом. Я считал, что это принесет пользу еще и учащимся; а именно: во-первых, в качестве пособия для запоминания — память любит разграничения как при нахождении нового, так и при запоминании; во-вторых, для понимания самих вещей: оно по большей части отлично открывается природой вещей. В этом я резюмирую мнения всех, кто будет оценивать дело благочестиво, внимательно, в страхе божием; причем я уверен, что в этом выражается не суетность фантазии, а истина самих вещей. Таким образом, Пансофия, открывая эти тройственные христианские тайны, служит вечному триединому Ягве<sup>82</sup>, единому всеильному, мудрому и благому, и вечно посвящена поклонению ему.

**Аналогия  
с названием  
«Пансофия».**

108. И пусть никто не оскорбляет слово «Пансофия». Мы знаем единого Пансофа — единого мудрого Бога (Рим. 16, 27). Мы же говорим о человеческой пансофии, т. е. о значении того, что Бог хочет, чтобы мы знали. Что сокрыто от нас, то находится у господина Бога; то же, что он открыл, он открыл нам и сынам нашим (Втор. 29, 29). И мы убеждаем смертных, чтобы они не пренебрегали этим из-за тщеславной неблагодарности.

**Почему Пансофия  
называется  
«христианской».**

109. Во Христе скрыты все сокровища мудрости и науки (Кол. 2, 3); мы же объясняем здесь преимущественно тайны Христовы, для того чтобы люди признали, что ими руководит его дух, и поняли, как через посредство его и вечной мудрости и силы божией было все сотворено и все происходит, пока не настанет конец, когда он передаст Отцу царство и всю власть и все могущество (1 Кор. 1, 24). Почему же нам не быть гордыми тем, что мы вместе с Христом передаем истинное и спасительное знание всех вещей? Пользоваться пансофией прилично именно нам, христианам, а не кому-либо другому, так как вне христианства пансофии нет и быть не может. Еще Августин некогда утверждал, что только христианство есть истинная философия (в 3-й книге, «Против академиков», гл. 19)<sup>83</sup>. И действительно, вне божественной церкви нет Откровения, а без Откро-

вения чувства человека не проникают за пределы настоящей жизни, эта же жизнь ограничена столь узкими пределами, что, рождаясь, мы уже умираем и конец ее тесно связан с началом... Чем же выдающимся может быть мудрость, собранная одними чувствами и лишь немного выходящим за пределы чувств умом, — мудрость, в течение нескольких дней тешащая нас теми или другими пестрыми наслаждениями, а потом отпускающая нас с пустыми руками? Поэтому мудр тот, кто мудр для вечности. И пусть вместе с тем наши предшествующие слова научат возможно мудрее проводить настоящую жизнь. Отлично сказал в высшей степени озаренный муж: только одни христиане знают, потому что они говорят от Бога; остальные же болтают вздор, так как говорят от себя.

110. Прибавлю, что пансофия есть правильный путь к святому незнанию<sup>84</sup>: она одна может научить нас тому, что вся наша наука есть не что иное, как тень, если ее сравнить с блеском той светлой мудрости, какая есть в Боге.

**Троякое обоснование названия «Пансофия».**

111. Пансофию, или всеобщую мудрость, надо изучать так, как мы рекомендуем и пытаемся испробовать, т. е. в трех отношениях: во-первых, в отношении к самим вещам, против пренебрежения которыми мы предостерегаем, доказывая, что силы человеческого ума надо развивать для покорения всего существующего; во-вторых, в отношении наук, которые, по нашему убеждению, представляют собой не разрозненные знания, а единую науку, обнимающую все. В-третьих, в отношении тех, для пользы которых создается наука, а именно: для пользы всех тех, кто называет себя «христианами». Соответственно этому можно надеяться и на тройкую пользу от этого сочинения, а именно: для людей образованных, для юношества в школах и для всей массы христиан.

**Почему надо говорить о «Двери в Пансофию».**

112. Однако мы предприняли написать не «Пансофию», а «Дверь в Пансофию», так как мы прослеживаем не все и не во всех отношениях (это было бы бесконечной задачей, далеко выходящей за пределы сил одного человека), а лишь главные и основные черты всего. Высшей целью богослова является (и должно являться) — указывать людям путь к тому, чтобы проникнуть сквозь все видимое и внешнее к невидимому и вечному. И кто будет иметь право поставить мне в вину, если я сделаю для этой цели не особенно много и кое-что не вполне отчетливо! Почти вся наука юристов посвящена тяжбам из-за земных и преходящих вещей, т. е. из-за мелочей и пустяков. И по-видимому, они сами признают, что их не касается более возвышенная мудрость. Ибо Безольд<sup>85</sup> — мудрейший правовед

нашего времени пишет (в конце своего рассуждения о совокупности всех наук) следующее: «Я позволил бы себе определить полиматию (многознание) как знание, состоящее из высших отраслей и из некоторой высшей мудрости, заимствующей всего более из богословия, много из медицины и мало что из юриспруденции».

**Почему так трактует это богослов.**

113. Поэтому я не оправдываюсь в том, что я, богослов, пытаюсь указать пробелы такого рода полиматии (или, точнее говоря, «панматии» — всезнания). Скорее, я горжусь тем, что я получил от господина моего благодать явиться хоть каким-нибудь органом для прославления его милосердия. Евангелие, данное Иисусом Христом, для меня священно и дороже самой жизни. И я не хочу ничего и не стремлюсь ни к чему, кроме как к тому, чтобы быть верным истолкователем его тайн. Господь сказал Петру не только «паси овец моих», но и «паси агнцев моих» (Иоанн. 21, 15). Поэтому я знаю, что для меня всего более подходящим будет содействовать богословам в том, чтобы они серьезно заботились о возвращении как тех, так и других на плодородные пастбища в горах Израиля, где они покоились бы на зеленеющих травах и паслись бы на тучных кормах (Иез. 34, 13), особенно после рассеяния божьего стада (если оно когда-либо случится из-за нападения зверей), чтобы овцы и агнцы божии как можно скорее собрались опять вместе. Поэтому я с пророком благословляю господина, который напоминает мне, что я тот, кто слушает и познает.

**Необработанность стиля.**

114. Я не буду извиняться за необработанность стиля. Я не мог, да и не хотел щекотать слух. Этого в мире и без меня более чем достаточно. Для дела важнее, чтобы умы образовывались для чистой и простой мудрости, а это произойдет легче, если вещи будут представлены в обнаженном виде, без прикрас и отделки. Поэтому я только стараюсь выразить смысл, черпая с полным основанием вместе с Плинием надежду, что разум хороших и ученых людей поставит пользу и поддержку выше нравящейся приятности, что они предпочтут краткое и сжатое изложение сущности дела качествам стиля<sup>86</sup>.

**Требования автора:**  
1. Чтобы его читали без предубеждения.

115. Я больше всего прошу и заклинаю, чтобы никто не произносил обо мне поспешного суждения, не рассмотрев дела. И я боюсь этого не напрасно: я знаю, как легко и с какой надменностью некоторые, ослепленные великими именами древних, отвергают все новое как совершенно фантастическое. Я надеюсь, что для всех благоразумных людей будет большим удовольствием, если мы, полагаясь на привилегию, которой мы все одинаково одарены<sup>87</sup>, будем рассматривать вещи свободно, без посред-

ников и будем изучать не мнения о вещах, а обратимся к рассматриванию, ощупыванию самих вещей, к их выделяванию, к овладению ими.

**Почему мы не приводим авторитетов.**

116. С этой целью мы произвели новое расчленение (anatomiam) мира, чтобы тех, кто ищет не мнений, а истины, можно было перевести от человеческих книг к книгам божественным. И это не потому, чтобы мы презрительно относились ко всяким авторитетам, но потому, что мы считаем справедливым, чтобы они отошли в сторону на то время, пока мы углубляемся в сами вещи, — так как мы знаем, что авторитеты применяются во вред свободе суждения. В первой и во второй книгах нашей «Пансофии»<sup>88</sup> мы цитируем кое-что из философов, чтобы установить основы пансофии, однако не как таковые, а в умах тех, кто, имея предвзятые мнения, должен быть их лишен, должен начать пользоваться, в качестве советчиков, теми авторами, которыми до сих пор пользовался в качестве руководителей. Мы крайне редко и лишь в важных вопросах цитируем других авторов, которые уже раньше отметили ту же истину, какую излагаем мы, — притом не в качестве судей, а в качестве свидетелей, от которых необходимо исходить, — для того чтобы разумные суждения всех людей совпали с тем, что вытекает из основания истины.

**2. Надо читать сплошь, а не отрывками.**

117. Во-вторых, я прошу, чтобы о наших воззрениях составляли обоснованное суждение, изучив в них все от начала до конца. Если кто-нибудь не понял, из какой основы все возникает и каким образом все связано, то напрасно он будет пытаться судить об отдельных вещах, рассматриваемых с этой точки зрения, так как бессистемное расположение вещей легко причиняет трудности даже в легких случаях. Всякий человек сможет взойти на самую высокую башню и сойти с нее, если он идет по ступенькам.

**Значение постепенности градации.**

Но уничтожьте несколько ступенек, и тотчас он либо не сможет двинуться вперед, либо окажется в пропасти. Или если живописец начинает рисовать чье-либо изображение, то никто не может быть настолько опрометчивым, чтобы решиться перечеркнуть его рисунок, хотя бы, быть может, по первому взгляду он ему и не понравился. Нет, ибо он выжидает, пока изображение не будет закончено, и только тогда решает, соответствует ли рисунок оригиналу. Так же и о комедии не следует судить по одной сцене, по одному акту, а тем более — по одному пассажи, так как в них может быть что-либо, что покажется запутанным и нелепым. Искусство автора видно по тому, как он разрешает весь конфликт.



3. Я прошу, чтобы те, кто могут, восполнили наши недостатки.

равно, будет ли правильно или неправильно то, что я предложил; а именно, чтобы это дело служило успехам нашего века. Либо я ничего не понимаю, либо то, что я предлагаю, сможет многим открыть глаза, научить их лучше мыслить об изучении наук, а через это — и о школах, о церкви, о государстве и о всем роде смертных.

Один человек не может сделать всего.

возьму на себя то, в чем, как я вижу, отказано всем, либо от меня одного будут требовать того, чего никогда не требовали ни от кого. Увещание к людям образованным относительно серьезного изучения пансофии.

Божьему пребывать заброшенным. Так говорит Господь воинств: обратите сердце ваше на пути ваши» (Агг. 1, 5). Услышьте вы, руководители наук и мудрости во святом христианском народе, вы, из которых большинство действительно делает и испытывает нечто подобное. Не время теперь, говорят многие, браться за какую-то высшую мудрость — ее надо предоставить будущей жизни. И очень многие, обольщая себя такими соображениями, успокаиваются на бесполезном и смутном познании вещей и на других своих частых утехах. Какая от этого польза? Вы сеете многое, говорит глас божий (т. е. вы кладете много труда на дело образования умов), но вы мало собираете в житницы ваши. Вы поглощаете (даже пожираете) книги, но не насыщаетесь. Вы пьете из любого попадающегося вам источника, и все вы укутываетесь [различными] покрывами, отовсюду собираете плащи авторитетов, — и тем не менее никогда в достаточной степени не согреваетесь светом истины. Поэтому обратите же наконец сердце ваше на пути ваши и решитесь строить с любой затратой труда и средств вместе с нами роскошный храм для обитания мудрости. Я говорю: мудрости, чтобы изящно создать при помощи божественного искусства театр по образцу [божественного] архетипа. В нем, как и подобает божественному начинанию, не должно быть ничего бесполезного, ложного, сбивчивого — только полезное, истинное и приятное. В этот храм пусть будут призваны люди, бросившие пустое изучение преходящих вещей; пусть их пригласят к самим источникам истины и добра и отвлекут их от привычного тумана тщеты к обладанию прочными благами. И это

118. Наконец, я прошу, чтобы образованные читатели, помня о моем намерении, не позволили мне отойти от моей цели, — все

равно, будет ли правильно или неправильно то, что я предложил; а именно, чтобы это дело служило успехам нашего века. Либо я ничего не понимаю, либо то, что я предлагаю, сможет многим открыть глаза, научить их лучше мыслить об изучении наук, а через это — и о школах, о церкви, о государстве и о всем роде смертных.

119. И это особенно потому, что до сих пор не было видано, чтобы ум одного человека что-либо изобрел и довел до полного совершенства. Ведь либо я, маленький человек,

120. Чтобы побудить их, Бог велел пророку обратиться к ним с увещанием: «Народ говорит: еще не пришло время строить дом Божий... Как будто настало уже время вам жить в домах ваших украшенных, а дому

случится, если такая дверь мудрости будет отворена в христианских школах для христианского юношества и если в них будут показаны ценнейшие сокровища мудрости.

Настоящее  
небольшое сочинение  
в своем завершении  
может служить  
преимущественно  
юношеству,

121. Есть и другое применение этого нашего небольшого труда для наставления юношества; и оно очень полезно. Ибо как для нового вина, по слову Христа, всего более подходят новые мехи (Матф. 9, 17), так и умы юношей, как новые и чистые сосуды, еще не заполненные пустыми понятиями пустой науки, всего лучше могут питаться новыми и более чистыми понятиями, чтобы привыкать черпать не основанную на предположениях и поверхностную, а реальную, обоснованную и прочную мудрость. Я говорю: не такую мудрость, которая приспособлена к пустой пышности умственного щегольства, к школьным состязаниям, а ту, которая служит приобретению основательных суждений о вещах, умножению новых открытий и, наконец, надежному достижению конечной цели жизни — вечного блаженства <sup>89</sup>.

а также  
в сильной степени —  
всем  
христианству.

122. В-третьих, мы стремились еще к тому, чтобы сооруженный таким образом маленький амфитеатр божественной мудрости стал общим для всего человеческого рода, чтобы весь христианский народ, какого бы то ни было сословия, возраста, пола, языка, был приглашен и введен в рассмотрение и созерцание тех удивительных школ, которые на виду у всех всегда и везде создает мудрость божия. Ибо все, рожденные людьми, должны быть направляемы к одной и той же цели — к славе божией и к своему собственному блаженству; и из этого нельзя исключать никого: ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, ни старика, ни знатного, ни плебея, ни ремесленника, ни селянина. Ибо все мы одинаково порождение божие (Деян. 17, 28); всем посланным в мир одинаково заповедано: «придите и видите дела Господни» (Пс. 46, 9). И наконец, всем приходится проводить эту жалкую жизнь в тяготах и томлении духа (как свидетельствует Соломон <sup>90</sup>), так как все вообще нуждаются в противодействии против тщеты жизни и в средствах для облегчения тоски. А такие средства можно найти только с помощью истинной мудрости.

Поэтому я писал  
на народном языке.

123. Поэтому я хочу и заклинаю, чтобы мудрость изучалась впредь не только на латинском языке, чтобы она не оставалась запертой в стенах школ, как это имеет место до настоящего времени, причем народ и народные языки окружены величайшим презрением, и это огромная несправедливость. Пусть всякому народу все передается на его собственном языке и тем дается повод всем заниматься свободными искусствами предпочтительно

перед заботами этой жизни, перед стремлениями к почестям, к богатству и к остальным суетным вещам, как это постоянно бывает, причем человек растрчивает свои силы и жалким образом губит свою жизнь и душу. И пусть вместе с науками и искусствами получают изящную обработку и сами эти языки. Поэтому я и решил издать эти наши сочинения, если будет на то воля божия, как на латинском, так и на родном языке. Ведь никто, зажегши светильник, не прячет его под спуд, а ставит в подсвечник, чтобы он светил всем находящимся в доме, по слову Христа (Матф. 5, 25). Ведь на что нужны спрятанные сокровища и скрытая мудрость (Еккл. 41, 18)? Поэтому пусть все, изучающие мудрость, стараются и в этом проявить ее блистание; пусть они говорят: «Смотри-те — трудился не для одного себя, но и для всех, ищущих истины» (Еккл. 24, 39).

Основание заглавия. 124. С этой-то целью я и изменил несколько прежнее заглавие моего маленького сочинения, поставив вместо Janua (дверь) — Porta (врата). В отношении латинского языка достаточным было название «двери»; здесь название «врата» показалось мне более отвечающим цели. Ибо через дверь люди входят поодиночке, а через врата — целыми толпами. Дверь, после того как в нее войдут отдельные люди, обычно запирается, городские же ворота бывают всегда открыты. Таким же образом знание латинского языка, который прежде открывал путь к науке, доступно только некоторым; стремление же к мудрости обще всему человеческому роду. Через латинский язык входят желающие или те, кому это нужно; через родные языки, как мы уже показали, должны входить все, рожденные людьми. Поэтому пусть будут открыты врата, ведущие к мудрости. И дай, Боже, чтобы мы уже в поднебесном мире увидели образ того, что ты открыл относительно будущего Иерусалима: чтобы врата его были открыты весь день и чтобы больше не было ночи (Откр. 21, 25). Аминь!

# Новейший метод языков

Х Г Л А В А («Аналитическая дидактика»)

**Основа новейшего метода языков,  
дидактическое искусство  
Его общие принципы описаны  
в § 1 — 39, частные — по § 127  
Наконец,  
особенные (о быстром, приятном  
и основательном обучении,  
чему бы ни обучались)  
с § 128 до конца**

Что такое  
дидактика?

т. е. умеющий обучать»).

Что значит  
обучать?

Что значит  
хорошо обучать?

2. Обучать — это значит способствовать, чтобы тому, кто знает один, научился и другой и знал это.  
3. Хорошо обучать — это значит способствовать тому, чтобы кто-либо учился быстро, приятно и основательно. (Быстро: единственным, непрерывным трудом, без какой-либо напрасной потери времени. Приятно: чтобы учащийся во всем ходе любого обучения не чувствовал себя усталым от того, что он сделал, но больше был побуждаем мечтой о том, что еще ему осталось сделать. Основательно: чтобы то, что он изучает, изучил вполне и правильно, так, чтобы он мог в любое время пользоваться им. Плохо, следовательно, обучает тот, кто подает знания растянуто, трудно, неполно.)

Что значит  
искусно обучать?

4. Искусно обучать — это значит хорошо знать надежные приемы хорошего обучения и на их основании вести учащихся быстро, приятно и основательно к знанию вещей. (Быстрота при обучении и учении нужна потому, что искусство долго (вечпо), жизнь коротка и т. д. Нужна радость, чтобы не вкралось омерзение или отвращение — смерть учения, а чтобы душа поощрялась удовольствием и поддерживалась в действии. Основательность нужна, чтобы наше знание было знанием, а не тенью знания, чтобы оно стало вещью, а не гримом, чтобы мы не обманывали сами себя или

других. Для всего этого и для частных необходимо умение, так как умение является надежным способом надежного выполнения чего-либо. Обучать, учиться и работать без уверенности может только глупый человек.)

**Дидактические требования бывают общие и особенные.**

5. Итак, мы будем изучать пути искусного обучения, испытывая в целом и в деталях все, что появляется в ходе обучения, учения и знания с тем, чтобы, постигнув то, чем они в сущности являются, из чего состоят и как возникают, мы поняли и то, как можно, нужно и должно заниматься ими. Правильно обнаруженные общие понятия дадут нам общие и прочные законы<sup>1</sup> разумного обучения, которые необходимо соблюдать всегда и всюду; кроме того, частные знания дадут нам, в свою очередь, законы частные, которые необходимо соблюдать только в некоторых случаях.

**Вообще необходимо сначала осознать, что значит обучать, учиться и знать.**

6. Элементами, которые всегда и везде встречаются в процессе обучения и учения, являются следующие: обучать, учиться, знать. Поэтому прежде всего надо основательно рассмотреть их, чтобы ясно было, что каждый из них представляет. Ввиду того что обучению предшествует знание — т. е. никто не может обучать тому, чего сам не знает, — изучим сначала это.

**Что значит знать?**

7. Знать — это значит быть в состоянии что-нибудь изображать либо мыслью, либо рукой, либо языком<sup>2</sup>. (Все, собственно, происходит при помощи уподобления, изображения, т. е. путем создания подобий и образов вещей. Всякий раз, когда я чувством воспринимаю вещь, запечатлевается ее образ в моем сознании. Всякий раз, когда я создаю подобную вещь, придаю ее образ материи. Однако когда я то, что думаю или создаю, выражаю словами, я придаю образ той же вещи воздуху, а посредством воздуха передаю уху, мозгу и мысли другого человека (см. II, 20). Первый способ воспроизведения называется *scire, wissen* — знать; вторая и третья возможности воспроизведения называются *scire, können* — уметь.)

**«Знать» содержит три составные части: образ, воспроизводимое и воспроизводящее.**

8. Итак, везде там, где имеется знание, там имеются и три составные части: образ (*idea*), воспроизводимое (*ideatum*), воспроизводящее (*ideans*), что обозначает: 1) прообраз (*archetypum*), т. е. предмет знания, 2) отпечатанный образ (*ectypum*), т. е. создание знания, 3) своего рода орудие, выводящее этот образ из чего-либо, т. е. чувство, рука, язык и т. д.<sup>3</sup> (Без орудия ничто не может возникнуть<sup>4</sup>.) Отними у мысли вещи, из которых она выводит образы, или орудие, при помощи которого она их создает (чувство, рука, язык),

она не сможет ничего извлекать, ничего создавать, т. е. ничего знать (думать, создавать, говорить). Отними созданные образы (что случается при забывании, когда образы в мозгу сглаживаются), она не будет ничего знать. Отсюда вытекают принципы:

I. Ничто не известно без прообраза (идеи) (или: знание есть знание какой-либо вещи. Для того чтобы знать, необходимо искать что-нибудь такое, чему можно было бы приспособить чувство, а затем мысль, руку, язык. *Wissenschaft und Kunst muss ein Vorbild haben*).

II. Ничто не известно, разве только из образа (*imago*) (или: знание есть воспроизведение. *Wissenschaft und Kunst besteht im Nachbilden*).

III. Ничто не известно без орудия или способности изобразительной (или: знание воспроизводит что-либо посредством чего-либо. *Wissenschaft und Kunst muss Bildungsmittel haben*).

Что значит учиться?

(или: учиться — значит искать способ воспроизведения чего-либо).

«Учиться» содержит также три основные составные части: неизвестное, известное и попытка перехода от известного к неизвестному.

9. Учиться — значит подходить к знанию о вещи неизвестной через какую-нибудь известную — значит искать способ воспроизведения чего-либо).

10. Где бы мы чему-либо ни учились, всюду соприкасаются три вещи: (1) Что-то неизвестное, к чему мы стремимся. (2) Что-то известное, посредством чего можно добраться к неизвестному. (3) Стремление к переходу и затем сам переход. Учение, следовательно (*discentia* — слово, которое применяет Тертуллиан для процесса учения), является

как бы своего рода движением, благодаря которому подвижная вещь передвигается от данной вежи, на которую она опирается, к веже другой, от данного к отдаленному. В данном случае подвижной вещью является тот, кто учится. Первой вежей для того, кто учится, будет вещь уже заранее известная, при помощи которой он сможет продвинуться к познанию следующей вещи, пока еще неизвестной. (Заранее известное называется также началом знания <sup>6</sup>.) Отсюда приходят к веже отдаленной, к вещи неизвестной, но не без какого-либо усилия. Например: если бы я в настоящее время хотел учить персидский язык, передо мной стояла бы вещь неизвестная. Для того чтобы познать ее, мне нужно было бы посредничество какой-нибудь вещи известной, т. е. переводчика, владеющего данным языком и моим родным языком (кто бы это ни был: живой, человек, или неживой, словарь). Наконец, с моей стороны необходим был бы усердный труд, чтобы объяснением одной вещи за другой и более частым повторением я усвоил зна-

ние языка, раньше мне неизвестного, посредством языка, раньше известного. Устрани одно из этого — и пропало учение. Из этого вытекают следующие принципы:

IV. Тому, что нам известно, мы не учимся.

(Ввиду того что оно уже нам известно, нет надобности делать то, что уже сделано, и даже нельзя это делать.)

Вывод: итак, что мы ни изучаем, насколько это изучаем, есть неизвестное. То, что уже кто-нибудь выучил, перестает изучаться.

V. Неизвестные вещи мы изучаем лишь посредством чего-нибудь известного.

(Или: что мы ни изучаем, изучаем посредством того, что уже знаем, так как иначе и быть не может. Познание вещей происходит постепенно, это какое-то восхождение человеческого духа к тому, что ищется. Так же как на лестнице есть ступеньки и тот, кто по ней поднимается, ступает не иначе, как подвинувшись со ступеньки, на которой стоит, на ступеньку ближайшую (если бы он хотел иначе, он бы упал), таким же образом движется при учении и мысль от одного к другому — от вещи уже известной к той, которую надо узнать.)

Вывод: неизвестные вещи мы не познаем на основании другой неизвестной вещи.

VI. Неизвестные вещи мы познаем не иначе, как при помощи учения.

(Или: то, что мы должны знать, тому должны учиться.)

Вывод: для учения необходим труд и прилежность и т. д.

11. Так как тот, кто впервые отправляется в дорогу, должен быть осторожен, чтобы не заблудиться, а тот, кто пробует впервые подниматься по лестнице — чтобы не спутать ступени, и так как лишь изредка он может быть настолько осторожен, чтобы не заблудиться, то очень полезно, даже необходимо, иметь проводника, который бы его предостерегал от блужданий или звал назад, если бы он блуждал, подхватил его, если бы он падал со ступени, и удерживал бы на правильной дороге. Так как подобное бывает и в учении (где мысль направляется от известного к неизвестному), вытекают отсюда следующие принципы:

VII. Учащийся всегда должен быть настороже, чтобы не учиться чему-нибудь плохо.

VIII. Учащемуся, каким бы осторожным он ни был, трудно избежать в самом начале ошибок.

(Или: без ошибок никто не учится<sup>6</sup>.)

IX. Учащийся может успешно продвигаться вперед только постепенно.

X. Учащийся всегда нуждается в ком-нибудь, кто бы руководил им, делал ему замечания и исправлял его ошибки<sup>7</sup>.

(Бывают, конечно, и счастливые умы, которые сами друг друга воодушевляют, делают друг другу замечания, руководят друг другом, исправляют и укоряют друг друга, но таких мало, и все-таки и без того ими кто-нибудь руководит, помогает им и исправляет их, раз они друг другу делают то, что другие делают другим. Учащиеся со средними способностями или тем более несообразительные в проводнике нуждаются всегда.)

Вывод: тот, кто обучает, — руководит; тем, кто учится, — руководят.

Поэтому надо посмотреть, что требуется от учителя как от руководителя.

Что такое обучение и каково его содержание?

12. Обучать — это значит знакомить учащегося с учебным материалом<sup>8</sup>. И так, перед нами учитель, учащийся и учебный материал. Учитель — это тот, кто передает знание; учащийся — это тот, кто его воспринимает; учебный материал сам по себе является передачей знания и его переходом от учителя к учащемуся<sup>9</sup> (§ 17 и т. д.).

XI. Где никто не обучает, там ничему не обучают.

XII. Где никто не учится, там ничему не учатся.

XIII. Где нет никакого учебного материала, там нет никакой передачи знания.

13. С человеческой душой происходит то же самое, что и с полями, с науками — что с семенами. Если ничего не посеешь, ничего не соберешь; если посеешь мало, соберешь мало. Ничего другого не соберешь, чем то, что ты посеял, так как человеческие мысли, как и поля, не принесут ничего другого, чем то, что они получили.

XIV. Учитель и учащиеся находятся в отношении взаимности<sup>10</sup>; в процессе обучения ни тот ни другой не может отсутствовать.

XV. Связующим звеном между учителем и учащимся является учебный материал, переходящий от одного к другому.

XVI. Хороший учитель, хороший учащийся и хороший материал действительно увеличивают знание.

Рассмотрим, таким образом, то, что требуется от каждого отдельно, чтобы все было хорошо.

Требованием к учителю является способность обучать.

14. От учителя требуется способность обучать, чтобы он умел, мог и хотел учить, т. е. (1) чтобы сам знал то, чему он должен учить (так как никто не может учить тому, что знает немного); (2) чтобы он мог других обучать тому, что сам знает (т. е. чтобы он был дидактом и умел терпеливо переносить незнающих, и причем чтобы он умел самое незнание эффективно устранять и т. д.); и, наконец, (3) чтобы он тому, что знает и может, так-



же хотел учить, т. е. чтобы он был деятельным и прилежным, чтобы он мечтал поднять других к свету, которому он сам рад.

XVII. Учитель должен быть способным учить (ученым).

XVIII. Учитель должен быть сведущим в обучении (дидактом).

XIX. Учитель должен быть жаждущим учить (он не смеет знать, что такое лень или неохота).

Требованием  
к учащемуся  
является  
способность  
учиться<sup>11</sup>.

15. От учащегося требуется сообразительность, которая заключается в том, чтобы он мог, был в состоянии и хотел обучаться. Мочь обучаться — это значит владеть неповрежденным орудием учения (чувствами, рукой, языком). Быть в состоянии обучаться — это значит быть по возрасту и способностям зрелым для восприятия учебного материала. Хотеть обучаться — это значит быть жадным на учебный материал и способным воспринимать его с пылающими чувствами. Итак:

XX. Неспособного для учения ничему не научишь. (Например, слепого — оптике, глухого — музыке, немого — языку, хромого — танцу и т. д. Это невозможно.)

XXI. Едва ли научишь чему-нибудь того, кто для этого не созрел.

(Например, младенца — говорить по правилам грамматики, петя по правилам музыки, пользоваться перспективой и т. д. Не научишь также никого бегать, пока он не умеет ходить, или ходить, пока он не в состоянии стать на ножки, и т. д. Это было бы то же самое, что хотеть от неоперившейся птицы, чтобы она летала, или хотеть рвать плоды с дерева, которое только что расцвело. Всему свое время. Под зрелостью здесь, однако, нельзя понимать лишь возраст, но и успехи<sup>12</sup>, так как всему человек учится постепенно, при помощи того, что уже известно (по принципу V). Если кто-нибудь не знает того, при помощи чего делается доступной ближайшая ступень познания чего-нибудь иного, он не сможет ее достичь, а если и сможет, то с трудностями.)

XXII. Того, в ком нет желания к учению, будешь учить напрасно, если ты в нем в первую очередь не возбудишь стремление к учению<sup>13</sup>.

(Это, собственно, значит добиться того, чтобы он желал знать, чтобы он принял участие в обучении со свежими чувствами, чтобы он оставил все в стороне и сосредоточил на нем свое внимание. Я тут же скажу, как это происходит.)

Три компонента способности к учению.

16. Отсюда вытекают три компонента способности к учению: первый компонент — готовность воспринимать, или же одаренность, второй — искусство рассуждать, или же рассудительность, третий — усердное стремление продолжать то, что начато, и это называется прилежностью. Одаренный — это тот, кто самопроизвольно понимает все, что ему предлагается; рассудительный — это тот, кто хорошо продуманное легко усваивает; прилежный — это тот, кто все преодолевает трудом.

XXIII. Одаренность, рассудительность и прилежность совместно приводят к исключительным успехам.

XXIV. Частичный недостаток дарования или рассудительности уравнивается <sup>14</sup> прилежностью.

XXV. Где нет ни одаренности, ни рассудительности, ни прилежности, там в обучении или нельзя ничего достигнуть, или можно достигнуть очень немногого.

Три требования, предъявляемые к учебному материалу <sup>16</sup>.

17. Также в учении проявляются три составные части: вещь, которой обучаются, способ, применяемый в обучении, и какое-нибудь средство, которое бы способствовало внимательному восприятию учения. Вещь, которой обучаются, называется учебным предметом, способ обучения — методом <sup>16</sup>, средство, побуждающее к учению, называется дисциплиной. (Поэтому слово «дисциплина» (disciplina) означает то же, что discipellina, потому что при помощи него побуждается (impellitur) <sup>17</sup> к учению тот, кто бы добровольно не хотел учиться.)

XXVI. Где ничему не обучают, там никто ничему не научится.

XXVII. Беспорядочность обучения несет с собой и беспорядочность учения.

XXVIII. Небрежность в обучении несет с собой небрежность в учении.

Выводы:

(1) Количество знаний зависит от количества предметов обучения.

(2) Порядок в знаниях зависит от порядка в учебном материале.

(3) Успех в знаниях зависит от прилежности тех, кто обучает, и тех, кто учится.

I. Каким вещам надо обучать?

18. К вещам, которым надо обучать, относится все то, что может облагораживать и совершенствовать человеческую природу <sup>18</sup>, собственно знания, а затем соответствующее использование как самого себя (т. е. внешних органов, чувств, мысли, воли и т. д.), так и остальных вещей, чтобы все они нам служили, а не вредили.

С различиями между ними мы познакомится позже, когда представится случай изучать отдельные законы обучения.

**II. Способ обучения,** 19. Способ обучения основан на предусмотренном методе, который учитель всегда должен иметь в виду, чтобы он в состоянии был основан на трех данных:

мысли учащихся подготовить к учению (см. § 20), объяснять собственно учебный материал (см. § 26), а после его объяснения, если его ученики поняли, закреплять его знание (см. § 34). Подобно живописцу, который, собираясь написать картину, сначала устанавливает чертежную доску или полотно, на котором он хочет писать, разглаживает его, покрывает какой-нибудь грунтовкой, чтобы оно могло впитывать краски, потом пишет, а затем покрывает картину олифой и ставит на солнце и воздух, чтобы рисунок затвердел и не повредился от прикосновения. Так же благоразумно будет поступать тот, кто хочет создавать знание в мысли, руке и языке другого, если он сумеет приготовить мысль для учебного материала, потом его объяснить, а затем в мысли закрепить.

**1. Подготовка к восприятию учебного материала.**

20. Для того чтобы тот, кто должен учиться, мог, хотел и умел воспринимать учебный материал, необходима подготовка. Если он не сможет, не захочет и не сумеет это сделать, напрасно было бы обучением утомлять себя и его, как это видно в § 15. Пусть же станет законом:

**XXIX.** Не начинай обучать того, кто не подготовлен к обучению.

(Не следует обращаться к человеку, не желающему слушать, показывать что-либо тому, кто не хочет смотреть, идти впереди того, кто не желает следовать за тобой. Не следует, таким образом, учить того, кто не хочет учиться. Если это все же делаешь, теряешь время и силы. См. принципы XX, XXI, XXII.)

(Как это устроить?)

21. То, что кто-либо может, хочет и умеет учиться, дано либо от природы, либо надо этого достичь искусственно<sup>19</sup>. Если у кого-нибудь от природы здоровый организм, горячий интерес к учению и усердие, необходимое для дела (что более счастливым характерам иногда свойственно само по себе), напрасно было бы медлить; берись за дело! Голодному не надо рекомендовать еду, ему достаточно ее предложить, и он жадно набросится на нее и хорошо ее переварит. Значит:

**XXX.** Не мешкай с обучением того, кто к обучению подготовлен.

22. Однако, если желудок чувствует к еде отвращение, помни, что ему скорее нужно лекарство, чем еда; отложи в сторону пищу, поднеси лекарство. Как? Если у кого-либо нет желания

учиться, это потому, что он не понимает пользы учения, или его сильнее привлекло что-то другое, или он боится трудностей. Постарайся поэтому, чтобы он понял, насколько важным было бы для него знать то или другое, и он вскоре захочет узнать это, так как человеческой мысли свойственна любовь к тому, что лучше. Постарайся привить ему любовь к хорошей вещи <sup>20</sup>, и ты скоро заметишь, что он захвачен, так как естественно наблюдать прелесть добра, каким бы оно ни было. Позаботься, чтобы он почувствовал, что с трудной задачей можно справиться, и он скоро поторопится взяться за нее, так как человеческой мысли свойственно быть активной <sup>21</sup> и преодолевать намеченные цели.

**XXXI.** Приступай к обучению лишь в том случае, если оно ученику было хорошо рекомендовано.

Вывод: ты должен всячески стремиться к тому, чтобы ученик на учебный материал, к которому приступает, смотрел, как на что-то замечательное.

(Это восхищение зажжет любовь, любовь — жажду, жажда — прилежность.)

Приведением  
какого-нибудь  
подходящего  
примера.

23. Этого достигнешь в том случае, если приведешь какой-нибудь пример красоты, приятности и легкости обучения, которое начинается. Естественно, желать лучше целое, чем часть. Правдивость этого проверь на трехлетнем, четырехлетнем, пятилетнем ребенке. Начни ему рассказывать какой-нибудь рассказ или сказку и остановись, едва начав. Как он будет стремиться узнать остальное и как он тебя будет просить продолжать! И это свойственно всем вещам и любому возрасту, надо уметь использовать врожденные побуждения <sup>22</sup>. Итак:

Приступай к обучению лишь в том случае, если у ученика в достаточной мере был пробужден вкус к нему.

24. Ввиду того что человеческий характер активен и очень любит движение, а именно свободное движение, с тем чтобы самому вещи создавать и преобразовывать.

**XXXIII.** Приступай и к обучению лишь в том случае, если ученик готов к деятельности.

Последователи  
Ратихия.

(Неправильный принцип наметили недавно некоторые дидакты <sup>23</sup>: пусть вся работа будет возложена на обучающего, учащемуся не остается ничего иного, как пифагорское молчание (см. выше — VIII, 16). Такое предписание заставляет обучающихся тратить глупые, бесполезные и напрасные усилия, а учащимся на пути к успеху создает препятствия, которые нельзя обойти, и убивает в них внимание. Мы видели в пункте VI и его резюме, что для обучения необходима работа, а в пункте XIV — что в процессе обучения не может отсутствовать ни одна, ни другая сторона.

Итак, оба должны взять на себя часть работы: обучающий тем, что шагает впереди, учащийся тем, что следует за ним. Одним молчанием никогда не достигнешь того, чтобы ученик был внимательным, а еще меньше того, чтобы он справлялся с учебой, как бы он ни старался. Более того: чем сильнее будешь его к такому немому вниманию принуждать, тем скорее он отупеет. Дело в том, что человек не пень, из которого (тот бы вел себя весьма пассивно) можно было бы выдолбить статую, а живой образ, сам себя создающий, искажающийся и преобразовывающийся в зависимости от того, какой случай представится. Действительно, и мы, взрослые, знаем по опыту, что нет ничего труднее, чем приспособить свой слух к учителю, тем более это нелегко в детском, столь непостоянном во всем, возрасте. (Повод сказать об этом более будет дальше — в § 143.) Однако дай ему работу, ты скоро его ободрить, скоро привлечешь его внимание к нужному предмету. Ведь вполне естественно, что тот, кого несут или везут, не обращает внимания на дорогу, между тем как тот, кто сам должен идти, смотрит по сторонам, дабы там не упасть, тут не заблудиться. Устраним же этот вредный закон и заменим его лучшим.

**XXXIV.** Учащемуся положено работать, учителю — руководить этой работой.

На основании этого закона учащемуся всегда давай в руки орудия, чтобы он чувствовал, что должен работать, и чтобы он ничего себе не представлял отдаленным, недоступным и трудным; ты скоро вызовешь в нем живой и страстный интерес.

25. Однако как достичь того, чтобы учащийся сумел обучаться? Для этого не надо никакого умения. Если ты сумеешь обучать, он сумеет обучаться (настолько он уже будет жаден до обучения). Если ты сумеешь идти впереди, он уже сумеет следовать за тобой, подобно тому как грудной ребенок умеет энергично сосать молоко, если кормилица умеет его кормить. Необходимо, таким образом, серьезно рассмотреть вопрос о способе подачи учебного материала.

**2. Подача учебного материала в непрерывном потоке обучения при помощи примеров, при помощи пособий и подражания.**

26. Самым важным законом и светом, центром и окружностью, основой и вершиной разумного способа подачи учебного материала является следующее: всему надо обучать при помощи примеров, правил, путем практического применения или подражания, т. е. так, чтобы вещь, которой ученик должен

учиться, ему предлагалась, затем объяснялась, а после объяснения, если он все понял, он должен пробовать ее выражать новыми собственными способами так долго, пока ему это удастся<sup>24</sup>. (Это вытекает из § 8, 9, 10.) Пример — это как бы прообраз (*idea* — принцип I), подражание — как бы образ (*ideatum* — принцип II),

правило — орудие, управляющее изображением (принцип III). На этой основе строятся принципы:

XXXV. Где нет ничего, чему можно подражать (пример), там нет никакого подражания.

XXXVI. Где нет никакой инструкции к подражанию (т. е. правила), там подражание и трудно и ненадежно <sup>25</sup>.

XXXVII. Где нет никакого подражания (т. е. употребления, практики, упражнения), там инструкция к подражанию да и само то, чему можно подражать, становится бесполезным.

27. Поэтому вся обучающая деятельность и учение занимаются примерами, правилами и подражанием. Эти три данных должны занимать как учителя, так и учащегося. Отсюда вытекают три принципа:

XXXVIII. Задача учителя — привести пример, объяснить и показать, как ему подражать, задача учащегося — сосредоточить внимание, понимать и подражать. (Предполагается, что учитель является проводником, учащийся — спутником своего проводника (согласно выводу принципа X). Тот, значит, пусть ведет, т. е. идет впереди, этот же пусть следует за ним. *Ein Vorgänger und ein Nachgänger müssen beisammen sein.*)

XXXIX. Без примеров, правил и упражнений нельзя обучать и нельзя либо ничему, либо ничему правильному научиться. (Правильность первого утверждения видна на глухих от рождения, которые, не имея возможностей слышать чей-нибудь разговор, сами не умеют говорить; откуда же им этому научиться? Без прообраза они не могут (согласно принципу V). Больше того, человек без примера не научится даже ходить на двух ногах, как это подтвердилось на примере хессенского мальчика, которого еще в младенчестве унесли волки и который среди них воспитывался <sup>26</sup>. Он не умел ничего другого, кроме того, чему научился на примере хищных животных — бегать на четвереньках, выть и хватать ногтями добычу. Только спустя восемь лет после того, как его поймали и он стал жить среди людей, он научился по их примеру вставать во весь рост, ходить на двух ногах и сразу после этого говорить и т. д. Учиться лишь на примерах, без правил, удастся, однако лишь счастливым умам. Но и такие *αὐτοβιάχοι* <sup>27</sup> не учатся без правил, так как хотя они, допустим, их и не перенимают от других, но сами все-таки их создают на основании собственного наблюдения. В конце концов научиться чему-либо без практического употребления или упражнения до сих пор никому не удалось, да и в будущем не удастся.)

XL. Всему надо обучать и учиться при помощи примеров, поучений и упражнений.

(Лучше всего это видно в навыках, где (если разумно посту-

пять) всегда сначала демонстрируется пример, потом, если это нужно, вещь объясняется и, наконец, выполняется путем подражания. То же самое происходит и в предметах теоретических. Ибо, если ты хочешь, чтобы другой что-либо знал, ты наверняка предлагаешь это его разуму и, если нужно, объясняешь, затем, чтобы самому увидеть, правильно ли он понял, просишь его ту же вещь рассказать. Этот рассказ или повторение является своего рода подражанием. Таким же образом надо поступать и в вопросах нравов: сперва, конечно, показываешь хорошую вещь, потом доказываешь, что она хорошая, тем самым способствуешь тому, что он сам признает ее хорошей, полюбит ее и последует за ней. Именно таким образом создал Творец вещей человеческую природу — все, что в ней находится, обращено к своим предметам. Покажи разуму (достаточно наглядно) правду, он ее моментально поймет. Покажи воле добро (чтобы она понимала, что это действительно добро), она тотчас впитывает его в себя. Покажи способности возможное (чтобы было очевидно, что это — возможное), она сразу это сделает. Покажи, говорю я, человеческой мысли прообраз правды, добра или возможности и надлежащим образом его объясни, так, чтобы при восприятии не было ошибки, сразу увидишь, как она преобразовывается в соответствии с прообразом. Следовательно, это и есть один-единственный, настоящий, вечный и наилучший метод (лучше которого никогда никто не придумает<sup>28</sup>), как всему обучать и всему учиться. Вывод: все, что необходимо знать, надо показать на примере, надо его объяснить, после чего должна следовать попытка этого достигнуть.)

(И эта самая естественная очередность осуществляется.)

28. Наиболее естественная очередность этих трех вещей такова, что предшествовать всему должны примеры, за ними должно следовать практическое применение; поучения, однако, должны использоваться в обоих случаях. Примеры умеют ободрять, правила — объяснять, а практическое применение — закреплять. О необходимости соблюдать эту очередность мы говорили в § 19. Итак:

XLII. Пример должен всегда предшествовать, правило всегда должно за ним следовать, подражание всегда надо требовать. Вошла в употребление привычка обучать наукам поучениями и только потом объяснять смысл правил при помощи примеров. Но естественнее является прием, когда примеры предшествуют. Прежде всего на основании примеров непосредственно видна вещь, которой необходимо подражать, поучения сопутствуют ей и косвенно ее определяют. Таким образом, в первом случае вещь ясна сама по себе, в другом — она скрыта, по-

сколько ее не объясняют при помощи примеров. Все то, что ясно само по себе, должно предшествовать; то, что этим только раскрывается, должно следовать за ним по принципу V. В таком случае поучения воздействуют на разум, примеры — на чувства. Однако чувство предшествует разуму<sup>29</sup>. (Ничего, конечно, нет в разуме, чего раньше не было в чувстве.) Следовательно, все, что касается чувства, должно предшествовать, а то, что создает разум, должно следовать за ним. В-третьих, поучение — это нечто формальное, пример — нечто материальное. Не могу я, однако, придавать форму материи, которой у меня пока нет, т. е. не могу давать поучения о вещи, которую тот, кому их даю, еще не видит. В-четвертых, примеры вносят свет в поучения (это признают все), почему бы, значит, не быть впереди свету? Безусловно, среди нас нет никого, кто, готовясь вступить в темную пещеру, не пожелал бы, чтобы факел несли впереди него, чем получить его только тогда, когда он очутится в темноте. Или же кто, шагая темной ночью по улицам, хотел бы, чтобы факел несли позади него? Разве мы не приказываем тому, кто несет свет, идти впереди нас и светить нам? Ремесленники в этом отношении более дальновидны, среди них нет никого, кто бы, получив ученика, держал речь о своем искусстве (объясняя ему абстрактные правила), он берет за свое дело, в то время как ученик присматривается, и вскоре дает ему в руки инструменты, инструктирует его, как с ними надо обращаться и употреблять их так, чтобы он мог ему подражать, и действительность говорит о том, что такое учение идет очень быстро вперед. Это уже давно заметил Квинтилиан<sup>30</sup> и написал: «Долгим и трудным является путь с поучениями, коротким и эффективным является путь с примерами». Исправим же, следовательно, общую ошибку и будем лучше вести учеников к знаниям коротким и эффективным путем, чем с трудом и окольным путем, долгим и трудным. Отсюда вытекают следующие выводы:

1. При помощи примеров легче учиться, чем при помощи поучений.
2. Еще легче, однако, если соединить и то и другое.
3. Но таким образом, чтобы примеры предшествовали правилам.
4. Сразу же должна следовать практика, подчиняющаяся всегда своим правилам.
5. Все это тем лучше, чем больше примеров приходится на каждое поучение и чем меньше поучений приходится на многие примеры и, наконец, чем чаще употребляется и то и другое. (Чрезмерное изобилие правил приводит к страху и мучениям и мешает уму, но чем больше примеров прилагается к правилу,



легко понятому уже на основе предыдущего примера, ради лучшего понимания, тем яснее и надежнее знание. Наконец, чем чаще употребление, тем находчивее в знании становится тот, кто все уже знает <sup>31</sup>.

29. Вот все, что касается примеров, поучений и упражнений вообще; теперь о каждом из них отдельно.

Какой пример показывать ученику.

30. Учащемуся надо показывать образец вещи, уже сделанной, или вещи, которую еще только нужно сделать. Первый случай выгоднее для учителя, второй — полезнее для ученика. В качестве примера первого случая может послужить писарь, предлагающий своему ученику откуда-либо взятый образец (Vorschrift), чтобы тот, заглядывая в него, подражал ему. Пример второго случая видишь у того же писаря, если он сам пишет в присутствии ученика, а тот наблюдает за всеми движениями его руки и пера. Первый способ поверхностный, второй приносит больше пользы. Ведь ученик может гораздо лучше подражать, если он видит не только то, что должно случиться, но и как это происходит, особенно в начале учебы. (На продвинутом этапе учения нетрудно подражать чему угодно, что уже готово.)

Итак:

XLII. То, что надо делать, лучше всего покажешь делом. (Это видел Сенека, поэтому он написал: «Тому, что нужно делать, надо учиться у того, кто это делает». Кто-то другой писал: «Заниматься каким-нибудь ремеслом в присутствии наблюдающего значит научить его этому ремеслу». Лучше вообще не поучать и действовать, чем приводить правила и ничего не показывать. Глаз является лучшим руководителем.)

Какие поучения или правила надо ученику преподавать,

31. Пример, конечно, надо объяснять и учить подражать ему либо в форме свободного рассказа, как это сочтет нужным учитель, что свойственно ремесленникам, либо словами обдуманными и тщательно составленными в правила, что свойственно высшим наукам. Оба случая, однако, можно соединить таким образом, что сначала даем самое простое объяснение вещи, чтобы познакомиться с ней вообще, и только потом преподаем и объясняем предписанные правила с тем, чтобы поучения лучше запечатлелись в мысли и глубже врезались в память. (Так же поступаю и я, когда излагаю дидактику <sup>32</sup>. Тут я сначала более свободно изучаю основы вещей, а когда их нахожу, объясняю их более подробно, а затем обобщаю их в один или несколько принципов.) Запишем пока правило о правиле:

XLIII. Преимущество правила состоит в том, что оно должно быть на словах кратким, по смыслу ясным и вполне правдивым. (Оно должно быть кратким, чтобы его можно было понять

и запечатлеть в памяти. Ясным, чтобы не вызывать никакой неопределенности. Правдивым во всех отношениях, чтобы не бытьотягощенным, насколько это возможно вообще, исключениями (в грамматиках это, однако, едва ли везде возможно из-за отклонений в языках <sup>22</sup>). Если что-либо нельзя подвести под одно правило, надо их создать больше, лишь ничего не пропустить. Это и для меня служило причиной того, что я и в данной системе дидактики охотнее увеличивал количество законов, чем ослаблял их исключениями.)

а именно  
до подражания  
или в процессе  
подражания.

32. Что касается употребления или приложения правил, делается это опять двумя способами: либо до подражания, в таком случае ученик предоставлен самому себе, либо в то время, как он пытается подражать, следим за тем, чтобы он не делал ошибок. В случае, если бы он начал делать ошибки, сразу возвращаем его обратно на правильный путь и объясняем ему причины ошибки, чтобы подобным образом он больше не ошибался, и, наконец, предупреждаем опасность новой ошибки обучением или правилом. Первый путь выгоднее для учителя, второй полезнее для ученика, так как только тогда он серьезно обратит внимание на правило (или исключение из правила), поймет его и запечатлеет в памяти, если оно при таком приеме обучения подсказывается ему как руководство (по принципам VII и X). Ни один ремесленник не обучается иным способом употреблению правил своего ремесла. Силу правила должен иметь также следующий очень правдивый принцип:

XLIV. Употребление правил в процессе самой работы полезнее, чем вне ее, и эффективнее, если они повторяются и внушаются столь же часто, как часто ученик своими ошибками дает повод к исправлениям.

Как надо  
подготовить ученика  
к подражанию.

33. Подражание — это дело ученика, однако учитель должен снова и снова быть впереди, исправлять ошибки и опять настаивать на том, чтобы ученик лучше высказался (согласно только что приведенному принципу). Ввиду того что мы ничему не учимся иначе, как учением (по принципу VI), надо настаивать на учении <sup>34</sup>. Так как никто ничему не научится без ошибки или заблуждения (по принципу VIII), нельзя ни одного учащегося предоставлять самому себе, иначе яснее ясного, что он будет делать ошибки (по принципам IX и X). Наконец, так как нет ничего совершенного в самом начале (по принципу IX), надо стремиться достигнуть ступени, более близкой к совершенству. Итак:

XLV. Учитель и ученик должны все время взаимно уделять друг другу внимание.

**XLVI.** Ученик должен везде следовать за своим учителем, идущим везде впереди него.

**XLVII.** Сколько бы раз учитель ни видел ошибки ученика, он всегда должен указать ему на них и поучить его, чтобы тот успешнее шел по его стопам.

Ибо всякий человек ошибается, если не научится не ошибаться в результате частых ошибок и исправления их.

**Разумный способ закрепления воспринятого уже учебного материала основан опять на трех факторах.**

**34.** Разумный способ закрепления учебного материала основан на трех условиях. Во-первых, надо беспрестанно настаивать на закреплении каждой вещи так долго, пока не видно будет, что тот, кто подражает, постигает образец наилучшим образом. Во-вторых, ничего не надо начинать как совершенно новый материал, а как продолжение того, что началось уже раньше. Поэтому надо упорядочить совокупность каждого знания (или даже всего того, что можно знать) в цепь, в которой было бы все взаимно связано так, чтобы было ясно, что изучение более поздних вещей вытекает из вещей, пройденных раньше, что в них находится основа, и чтобы таким образом одновременно вызывалось воспоминание о них и об их практическом применении. Затем сюда часто надо включать повторение уже раньше пройденных вещей.

**XLVIII.** Должна существовать постоянная взаимосвязь между всем, чему надо обучать <sup>35</sup>.

**XLIX.** Прежний материал не следует упускать из виду до тех пор, пока мы его не усвоим.

В связи с прохождением нового материала нужно повторять материал старый (либо теоретически при помощи экзаменов, либо практически при помощи упражнений, выполняемых при каждом удобном случае).

**35.** Вот все о способе, или методе, обучения (с § 19); дальше следует объяснение понятия дисциплины.

**Третье требование обучения — дисциплина.**

**36.** Слово «дисциплина» в латинском языке имеет несколько значений. Иногда оно означает то, чему обучают и что учат (поэтому сами искусства и науки называются свободными дисциплинами), иногда — сам прием обучения и учения (например, говорят, что мы воспитаны чьей-то дисциплиной), но в самом подлинном смысле слова может иметь значение, как в данном случае, какого-то средства, при помощи которого добываются знания, средства, которое всегда и везде абсолютно необходимо для успешного распространения знаний. Так же как молоток с наковальной не дает железу надлежащую форму, если отсутствуют клещи, которые бы железо сжали и помогли молотку наносить удары, точно так и учитель и само учение не могут

успешно соединиться с учеником, если у последнего страха нет и уважения, которые как бы направляют мысль на внимание и аккуратность.

LI. Без дисциплины ничему не научишься или не научишься чему-либо правильно.

Какой она  
должна быть?

37. Следует, однако, упорядочить дисциплину так, чтобы она соответствовала трем факторам: 1) своей цели, т. е. чтобы она ученика энергично поощряла к тому, что он должен делать; 2) человеческому характеру, т. е. чтобы она его совершенствовала, но не искажала. (Так как человеческий характер, как образ божий, имеет неотъемлемое качество, заключающееся в том, что он хочет быть свободным и действовать по своей воле, понятно, что всякая насильственная дисциплина действует на него губительно.); 3) степеням необходимости, поскольку существуют как разные степени одаренности, так и разные случаи и степени отклонений их исправления.

LII. Дисциплина должна быть прочной, она никогда не должна ослабевать, на нее всегда надо смотреть не в шутку, а серьезно.

LIII. Дисциплина не должна быть насильственной.

LIV. Дисциплина должна быть распределена по степеням.

Каковы ее степени? 38. Существуют приблизительно десять степеней дисциплины:

1. Авторитет уважаемого учителя, приобретенный благодаря учебе, должен быть таким, чтобы ученику грешно было его обидеть<sup>36</sup>.

2. Взгляд учителя должен быть постоянно устремлен на ученика, чтобы тот чувствовал, что за ним следят.

3. Учитель также должен шагать всегда впереди, чтобы ученик видел, что ему есть за кем следовать.

4. Он также должен оглядываться на ученика, чтобы ему известно было, следует ли за ним ученик и как.

5. Он никогда не должен переставать ученика вести за собой, чтобы быть уверенным в том, что тот правильно за ним следует и не блуждает.

6. Соперничество, возбужденное среди учеников (связующим звеном которого является дружеское соревнование с целью взаимной помощи). Благодаря соревнованию способности ученика лучше раскрываются).

7. Частая проверка знаний (как в определенные периоды, так и неожиданно, чаще всего тех учащих, которым учитель меньше всего доверяет, чтобы удостовериться, учат ли они все, чему их обучают).

8. Всегда своевременное наставление при любой допущенной

ошибке (в принципе XLVII мы узнали, какое огромное значение имеет исправление в самый момент ошибки), чтобы убедиться в том, что ничто неправильное не становится привычкой.

9. Необходимость прикрикнуть на тех, кто по своей живости или по явной небрежности не подчиняется, выговор им и порицание для предупреждения других, с тем чтобы никакое упущение наказания не было причиной необузданности.

10. В случае, если бы кто-либо противился подвергнуться такому руководству (хотя это представляется возможным разве только у характера совершенно плохого), его нужно исключить, чтобы он не мешал другим и не был причиной их непристойного поведения.

Выводы:

1. Мы желаем, чтобы в столь священной деятельности, какой является воспитание ума, не надо было прибегать к побоям и давать волю гневу.

2. Если все-таки необходимо прибегнуть к побоям, надо употребить скорее розгу, чем подзатыльники, и надо воздерживаться от всех крепких слов, от свирепого выражения лица и от злобных ударов, дабы сами ученики видели, что не злобой влеком гневающийся, а заботой об их благе.

Частные законы дидактики необходимо вывести из предметов и целей обучения. Три различия предметов или вещей, которые необходимо проходить: во-первых, одни бывают хорошие, другие плохие.

кой зрения (о них § 124).

40. Вещи, которые мы должны проходить, сами по себе бывают хорошие или плохие, для нас, однако, легкие или трудные, культивирующие разум, волю, или руку, или, наконец, язык<sup>38</sup>.

41. Хорошие вещи — те, знание которых для нас полезно, а поэтому им надо обучать. Это правда, добродетель, ловкость и речь. Плохие — те, знание которых вредно, а поэтому им нельзя ни обучать, ни учиться. Если все же что-нибудь из них по неосторожности вкралось в мысль, нужно от этого отучить и отучиться, мы имеем в виду заблуждение, недостаток, ошибку и т. д. Пометим себе о них поучения:

LV. Плохим вещам легче учить, чем хорошим.

(Причина: правда и добро представляют собой нечто единст-

венное и простое, ошибка встречается в тысячах форм. Легче оступиться во что-нибудь, чего много, чем найти то, что единично. Поэтому легче учить плохим вещам или учить плохо, чем хорошо. Первое может делать кто угодно, второе дано лишь немногим.)

LVI. Учиться (тоже) легче, чем отучаться. (Причина: чему-либо учиться естественно для человеческой природы, отучаться от чего-либо противно человеческой природе. Наши чувства уже сами по себе обращаются к вещам и, что им в их жадности попадается, за то и хватаются, однако избавиться от образа однажды воспринятой вещи едва ли смогут, так как то, что уже случилось, нельзя устранить. То, что ты до сих пор не видел, ты можешь увидеть или не увидать; но то, что ты уже увидел, ты не можешь стереть из своей памяти, как будто бы ты это не видел. Потому-то так и бывает, что, когда ты хочешь искоренить из воображения запечатленный образ, чем упорнее ты это делаешь и чем решительнее с ним борешься, тем глубже внедряешь его в мозг, так что Фемистокл отнюдь не бессмысленно желал скорее уметь забывать, чем запоминать, считая несчастием для людей прочность памяти в отношении плохих вещей <sup>39</sup>.)

LVII. Обучать чему-либо (также) легче, чем от чего-то отучивать. (Причина: обучать — одна процедура: делай это так! Отучивать — это двойная процедура: делай это не так, а так! Таким образом, это была не шутка и не нелепость, когда учитель музыки Тимофей требовал от учеников, которые уже привыкли играть плохо, двойной платы; ведь у него была с ними действительно двойная работа: с одной стороны, отучить их от того, чему они научились плохо, с другой — научить их играть лучше <sup>40</sup>.)

Хорошим вещам надо  
учить,  
плохим не учить  
или от них  
отучивать.

42. Отсюда вытекает, что нужна особенная осторожность, чтобы ученики учились хорошо, не учились плохому или чтобы они хотя бы от него вовремя отучились. Об этом есть два закона:

LVIII. Нельзя обучать ничему, от чего нужно отучивать. (Я говорю отучивать либо приложением усилий к тому, что само по себе плохо, вредно и отвратительно, либо прекращением употребления, так что то, что для жизни бесполезно, само собой потом исчезнет. Утомлять мысль такими вещами значит попусту тратить время. Поэтому нужно быть осторожными.)

LIX. Если набралось что-либо неподходящее, нужно как можно скорее отучить от него. (Ввиду того что лучше идти назад, чем двигаться плохо вперед, надо отучиться вовремя, чтобы заблуждение или ошибка не достигли со временем больших

размеров, так что нельзя было бы от них избавиться. Дело в том, что привычка — вторая натура. Поэтому говорит поэт: «Едва ли отучится ум от того, что впитывал в себя в течение долгого времени» <sup>41</sup>.)

LX. Так как труднее от всего отучиваться, чем учиться, нужно заботиться о том, чтобы не было нужды ни от чего отучиваться, а этого нельзя достигнуть иначе, как тем, что уже заранее быть настороже, чтобы не обучать чему-нибудь плохому или плохо чему-нибудь хорошему. (Ибо не только «выгнать гостя считается большим позором, чем не впустить его в дом» <sup>42</sup>, но и сделать это не легче. Несколько ниже (в § 123) будет возможность поговорить о том, как надо отучивать от ошибок в том случае, если все же не удалось заранее быть осторожным.)

43. Вот все о вещах хороших и плохих; далее следует объяснение различий между вещами хорошими, которым поэтому надо обучаться, в соответствии с большей или меньшей степенью их легкости.

Во-вторых,  
одни легкие,  
другие трудные.

44. Легким является то, что может происходить без напряжения сил, трудным — то, что не может. Легко, таким образом, мы учимся тому, чему учимся без напряжения мысли, рассудительности или прилежности, трудно — тому, для чего необходимо напрягать силы мысли, рассудительности или прилежности.

LXI. Легкому мы учимся легче, трудному — труднее.

LXII. В совокупности вещей, которым надо учиться, всегда бывают одни легче, чем другие.

LXIII. Таким образом (в совокупности вещей, которым надо учиться), всегда нужно начинать с более легких и переходить к более трудным.

(Не только потому, что силы дарования (вроде жизненной способности у деревьев и в нашем организме) увеличиваются с ростом, так что с той нагрузкой, с которой ты не справляешься сегодня, справишься, возможно, завтра, но и потому, что Бог устроил все так, чтобы вещи более легкие являлись ступенью к вещам более трудным, точно так же как на лестнице более низкие ступени являются средством на пути к ступеням более высоким. Это сразу же объясним.)

Какие вещи  
более легкие

45. Основные вещи более легки, чем те, которые последуют позже, т. е.:
- 1) более легким является мало, чем много;
  - 2) краткое, чем обширное;
  - 3) простое, чем сложное;
  - 4) общее, чем частное;
  - 5) близкое, чем отдаленное;

б) регулярное, чем нерегулярное; или аналогичное, чем неаналогичное.

(Ибо: 1) легче поймешь одну вещь, чем две, три, десять и т. д.; 2) легче пройдешь дорогу короткую, чем длинную; 3) легче сосчитаешь монеты одного вида и достоинства, чем разного вида; 4) ребенок скорее научится тому, что такое дерево и что так называют, чем тому, что такое груша, дуб, бук, тис и т. д.; 5) легче схватишь вещь, которая у тебя под рукой, чем ту, которую ты должен еще только где-нибудь искать; 6) легче, наконец, запомнишь одну прямую дорогу, чем ту, которая разветвляется на две, три, четыре и т. д. Эти законы нельзя нарушать, они должны иметь силу стольких законов, сколько их содержится в этом единственном.)

LXIV. Всюду надо начинать с небольшого количества вещей, кратких, простых, общих, близких и регулярных, и постепенно переходить к более многочисленным вещам, к более обширным, более сложным, более особым, более отдаленным и нерегулярным.

Вывод: для понимания вещи последующей необходимо понимание вещи предыдущей.

и в какой  
последовательности  
нужно  
их предлагать:

46. Этот общий закон распадается на частные. Надо обучать и учиться:

LXV. Немногим вещам, а затем многим;

LXVI. Кратким, а затем обширным;

LXVII. Простым, а затем сложным;

LXVIII. Общим, а затем частным;

LXIX. Близким, а затем отдаленным;

LXX. Регулярным, а затем нерегулярным (или аналогичным, а затем неаналогичным).

легкое  
одновременно,

47. Из этого непосредственно вытекает, что если то, чему нужно обучать и учиться, будет немногим, кратким, простым, общим,

непосредственно вытекающим из уже усвоенного раньше и, наконец, если это будет регулярным, надо его ученику показывать, объяснять и предлагать для подражания одновременно, и причем один раз. (То, что можно сделать в один прием, не следует разъединять!)

LXXI. Все, чему можно обучать и учиться в один прием, никогда не надо дробить.

трудное — по этапам.

48. Наоборот: если что-нибудь многочисленно, обширно, многообразно, частично, отдаленно и нерегулярно, необходимо применить большее количество приемов, чему учат следующие законы:

LXXII. Все, чего много, надо объединять в группы и сперва надо проходить группы большие, а потом меньшие.

(Для того, чтобы легче было все вначале пересчитать, точнее



просмотреть и прочнее держать в порядке. Таким образом, единицы объединяются в десятки, десятки — в сотни, сотни — в тысячи и т. д. Владелец большого количества голов скота разделяет его на стада и распределяет по различным усадьбам и т. д.)

LXXIII. Все долгое надо делить на определенные временные отрезки и проходить одно за другим.

(Все, что состоит из небольших разделов, можно пройти легче и без отвращения одно за другим, подобно тому, как человек, отправляясь в дальнюю дорогу, делит ее на участки в зависимости от станций и трактиров. Однако при делении на участки надо учитывать три фактора: 1) саму вещь, как ее распределить; 2) силы того, для кого эти участки предназначены; 3) наконец, время, в течение которого надо таким способом расчлененную вещь пройти.)

LXXIV. Все сложное надо разделить на составляющие его простые части, с которыми надо ознакомиться раньше (в практических областях с ними надо ознакомиться раньше).

(Ибо простые вещи предшествуют сложным: один двум, два четырем и т. д.; буквы слогам и словам, слова словосочетаниям и предложениям и т. д. Так как нельзя складывать несуществующее, а лишь то, что уже имеется, надо сперва приготовить то, что нужно складывать.)

Вывод: переход от простого к сложному, от сложного к более сложному, а оттуда к самому сложному является высшим искусством обучения, от которого никогда и нигде нельзя уклоняться.

LXXV. Отдельные вещи надо объединять в виды, виды в роды, а роды в самый общий род. Затем все, что можно сказать обо всем сразу, надо сказать сразу в связи с родом, однако все же особенное, что приносит с собою особенные различия, надо сказать опять сразу в связи с отдельными видами, пока (если это нужно) не подойдем к отдельным вещам. (Это само собой понятно, примеры не нужны.)

Вывод: познание общего является основой знания, познание самых частных подробностей — совершенством знания.

LXXVI. Ко всему отдаленному нужно искать ступени, пока не станет ясным, что последние надлежащим образом связаны с первыми и что связь между ступенями нигде не нарушена. (По ним нужно, конечно, вести ученика последовательно, без пропусков и скачков.)

Выводы:

1. При прохождении вещей все последующее должно служить как бы целью, все предшествующее — как бы средством к цели. (Только потом все соединится в цепь.)

2. Ступени нельзя создавать произвольно, а на основании очевидной связи между самими вещами. (Это мы должны строго учитывать, чтобы не запутать ни себя, ни вещи.)

LXXVII. Все отличающееся нужно соотносить с чем-нибудь аналогичным по способу подчиненности.

(Не должно быть ничего, что не имело бы определенного места, и нужно облегчить понимание, почему и как что-либо отклоняется от аналогии.)

В-третьих, некоторые формируют разум, другие волю, руку или язык и называются науками, разумным поведением, умениями и языками.

49. До сих пор я говорил о том, что более легкие вещи надо проходить в первую очередь, более трудные же определенным способом должны облегчаться. Кроме того, этот метод особенно эффективен в упражнении разума, воли, руки и языка в науках, разумном поведении, навыках и языках (о чем было сказано в § 40). Это разграничение обучения и учебного материала было продиктовано самим складом человеческого разума. Душа содержит в себе прежде всего (1) мысль, зеркало вещей, которая ищет правду, затем (2) волю, выносящую решение о вещах и отбирающую их, стремящуюся к добру, в-третьих (3), возможность осуществления чего-либо или способность выполнять желания, ее предметом является то, что возможно<sup>43</sup>. К ним, наконец, в качестве переводчика был присоединен язык, целью которого является распространение познания вещей, желания и выполнения. Все это, ежели этому обучают, требует особого руководства.

LXXVIII. Вещи, которые нужно знать, требуют понимания. (В этом случае достаточно изучения.)

LXXIX. Вещи, которые нужно желать, требуют понимания и отбора. (В этом случае речь идет также о возбуждении и укрощении чувства.)

LXXX. Вещи, которые нужно выполнять, требуют понимания, отбора и осуществления. (В этом случае нужно, кроме прочего, выполнение<sup>44</sup>.)

## Метод внедрения знания

Что такое знание (знать)?

50. Понятие «знать» употребляется в обычном значении для обозначения знания описания вещи, благодаря которому мы знаем, что что-то существует, с философской же точки зрения — для обозначения умственного знания, благодаря которому мы понимаем, что собою вещь представляет, откуда она и как она возникла. О смысле первой правду сказал Августин: «Мы много знаем того, чего не понимаем»<sup>45</sup>,

о смысле второго говорит высказывание философа: «Знать означает знать вещь по ее признакам, то есть понимать ее» <sup>46</sup>.

Человек не знает ничего, кроме того, что он узнал из каких-то источников.

51. Что касается знания описания, ясно, что человек не знает ничего, кроме того, что он узнал из других источников, так как душа, заключенная в темной тюрьме тела, сама по себе не может ничего знать из того, что происходит вне ее пределов, лишь столько, сколько ей сообщат ее разведчики: глаза, уши и т. д.

LXXXI. Никто (описательно) не знает ничего сверх того, что он узнал.

Итак:

1. Хочешь ли, чтобы кто-нибудь что-то знал, постарайся, чтобы он это узнал; хочешь ли, чтобы он это не знал, постарайся, чтобы он не узнал это.

2. Если хочешь, чтобы кто-нибудь много знал, постарайся, чтобы он много узнал.

3. Невозможно, чтобы тот, у кого есть случай и прилежность, не знал многое.

Три средства познания:

- 1) чувство,
- 2) разум,
- 3) сообщение,

52. Существуют, однако, три средства, созданные божьим промыслом, благодаря которым можно что-либо познавать: чувство, разум и сообщение. Чувство — это то, чем мы воспринимаем вещи, существующие в данный момент. Разум — это то, чем мы накапливаем знания о недоступных чувству вещах при помощи каких-нибудь существующих знаков <sup>47</sup>. Сообщение — это то, благодаря чему недоступные (к которым мы не добрались ни чувством, ни умственным рассуждением) вещи становятся нам известными посредством чужого свидетельства.

LXXXII. Все можно познать чувством, разумом и сообщением. (Другого пути, по которому могло бы к нам что-нибудь попасть, нет.)

Вывод: тот, кого нужно привести к познанию вещей, должен упражняться в применении чувств, умственных рассуждениях и в восприятии сообщений о вещах, не существующих в данный момент.

но все же более всего чувство.

53. Ввиду того что чувство является везде посредником (ибо и умственное рассуждение возникает на основании каких-нибудь знаков, воспринятых чувством), а чужое свидетельство о вещах возможно воспринять только чувством (как правило, слухом), получается, что, собственно, лишь чувства сами являются теми вратами, через которые вещи, находящиеся вне человека, получают доступ в душу, ибо ничто и никогда иным путем туда не проникает.

Вот почему весьма справедливо высказывание философа: «Ничего нет в разуме, чего не было раньше в чувстве».

**LXXXIII.** Чувства являются первичными и постоянными проводниками знания.

Вывод: итак, надо прежде всего и постоянно упражнять чувства <sup>48</sup>.

Три способа познания: знать, полагать, верить.

54. Ввиду того что чувство фиксирует сами вещи непосредственно, разум — лишь их следы и тени, а сообщение — чужое свидетельство о вещах, чувство, устремленное на присутствующую вещь, дает наиболее надежное знание, умственное рассуждение, однако, легко вводит в заблуждение, так же как чужой рассказ. Поэтому иногда говорят, что, кто познал вещь чувством, он ее знает, кто — умственным рассуждением, он о ней полагает, а кто понадеялся на сообщение других, он в нее верит.

**LXXXIV.** Чувства являются надежной основой знания.

Выводы:

1. Следовательно, овладевать всем возможным мы должны собственными чувствами.

2. Если мы с чем-нибудь ознакомились другим способом, то нужно, по возможности, прибегнуть к свидетельству чувств, чтобы обрести уверенность в правде.

(Отсюда вытекает: видение собственными глазами равняется доказательству <sup>49</sup>. Сила воображения, следовательно, лучше всего возникает на основании самих вещей; если, однако, что-нибудь было воспринято иначе, чем истинная вещь, исправляется это взглядом на саму вещь. Например: если кто-нибудь слышал рассказ с описанием слона, он создаст себе определенное представление о нем, но вряд ли настолько правдивое, как в действительности он выглядит. Лучшее представление он составит на основании написанной картины, но это еще не достаточно ясное представление о том, как он выглядит в действительности. Что, если художник ошибся? Что, если он умышленно изобразил что-либо иначе, чем оно на самом деле есть, обмана ради? Однако тот, кто внимательно видел слона воочию, определенно знает, как он выглядит, и никто его не может обмануть <sup>50</sup>. Так мы, кто собственными глазами воспринимает солнце и цвет, умеем себе их представить, легко и безошибочно их различаем; слепой же от рождения, даже если ему тысячу раз рассказывать о них, едва ли это сумеет. Вот почему Плавт говорил: «Один очевидец больше значит, чем десять слышащих свидетелей» <sup>51</sup>. Именно так бывает и у других чувств, каждое из них лучше всего учится на основании своего собственного предмета. Несомненно, пение соловья, сладость сахара, тяжесть свинца и так далее лучше узнал тот, кто лично слышал,

пробовал на вкус, взвешивал и т. д., чем тот, кто о чем-либо из этого узнал лишь по рассказу.

См. ниже принцип CLXXXIII с выводом).

**Большее количество  
чувств делает  
знание более  
уверенным.**

55. А так как чем больше чувств, тем познание прочнее, а вещи запечатлеваются долговечнее (несомненно, тот лучше знает, что такое колокол, кто его видел, слышал, ощупал, а может быть и сам рассказал, чем человек от рождения глухой, который его только видит, или от рождения слепой, который его только слышит, и т. д.), возникает отсюда принцип:

LXXXV. Всем надо овладевать столькими чувствами, сколькими это возможно.

(На основании *αὐτοψίας*, *αὐθραψίας*, *αὐτοῦρεσσίας* и т. д., т. е. собственным рассматриванием, ощупыванием, пробованием на вкус, нюханием, слушанием. Каждое чувство больше всего света получает от своего предмета, причем тем больше света, чем большее число чувств одновременно находится под воздействием одного и того же предмета, как, например, вино действует цветом, запахом, вкусом и т. д.)

**Умственное знание  
содержит понимание,  
суждение и память.**

56. Так как умственное знание вещей содержит три элемента: понимание, суждение и память, надо изучать то, как умело привести мысли к тому, чтобы она вещи правильно понимала, определяла и запоминала.

57. Понимание — это познание внутреннего состояния вещи, которую мы воспринимали чувствами с внешней стороны. Суждение — это размышление о вещи, такова ли она в действительности. Память — это сохранение понятой и обсужденной вещи для будущего употребления.

**Что они собою  
представляют  
вообще.**

LXXXVI. Нужно заботиться о том, чтобы то, что преподносится чувствам, было понято.

(Нужно, значит, так преподносить, чтобы можно было понимать.)

LXXXVII. Нужно размышлять, действительно ли то, что было понято, таково.

(Нужно, значит, так преподносить, чтобы можно было размышлять.)

LXXXVIII. Нужно заботиться о том, чтобы то, что было однажды понято и обсуждено, оставалось постоянно в памяти. (Значит, нужно таким образом сообщать что-либо памяти, чтобы это могло запечатлеться в ней).

**Выводы:**

1. Абсолютно нельзя понять вещь, которую соответствующим образом не восприняли чувства (поэтому этого нельзя требовать).

2. Суждение о вещи непонятой ошибочно (поэтому нельзя его требовать).

3. Запоминание вещи непонятой и необсужденной шатко (поэтому нельзя его требовать) <sup>52</sup>.

Что такое  
понимание  
конкретно.

58. Понимание вещи состоит, очевидно, в том, чтобы у тебя было представление о том, для чего, чем и каким способом служит каждая отдельная вещь любой своей деталью и как отличается от других родственных, если соотносится с ними; обучение вещам — это почти не что иное, как показ различия между вещами (в соответствии с разными целями, формами и другими причинами) <sup>53</sup>.

LXXXIX. Знать различия между вещами значит знать сами вещи.

Вывод: кто, следовательно, хорошо различает, тот хорошо и обучает.

XC. Знать причины вещей значит знать сущность вещей. (Ибо все, что существует, является таковым вследствие своей причины, которая обуславливает все качества. Познать, таким образом, вещь посредством изучения ее причин значит полностью понять ее.)

Выводы:

1. Раскрой истинное назначение каждой вещи.
2. Объясни средства, ведущие к цели, т. е. форму в ее частях.
3. Покажи затем, что материал в состоянии принимать такую форму.
4. Покажи, наконец, что такому материалу действительно можно придать такую подходящую форму.

Если ты это сделаешь правильно, почувствуешь, что ты внес в понимание наибольшую ясность.

59. Ввиду того что понимание вещей является внутренним видением, его сопровождают те же средства, что и видение внешнее.

Однако, для того чтобы видеть, должны быть налицо: 1) свет, благодаря которому формы вещей различались бы и воспринимались глазом; 2) здоровый, открытый глаз, обращенный на определенном расстоянии к вещам, как бы впускал формы внутрь; 3) рассматривание глазом вещи до тех пор, пока он в достаточной мере не просмотрит все ее части. Подобным образом если какая-нибудь вещь предлагается для понимания, то невозможно, чтобы она оказалась непонятой, если обеспечивается: 1) отчетливость вещи, сама ли по себе, или приобретенная объяснением учителя; 2) необходимое внимание здоровой мысли как внутреннего глаза; 3) соответствующее время, нужное для всестороннего осмотра вещи.

ХСІ. Нужно заботиться о том, чтобы все, чему обучаются, было отчетливо ясно <sup>54</sup>.

(Темноту, туманы и хаос нельзя отчетливо видеть.)

ХСІІ. Нужно заботиться о том, чтобы все, чему обучают, воспринималось со вниманием.

(Через закрытый или обращенный в сторону глаз даже само сияние не может ничего внести внутрь.)

ХСІІІ. Нужно заботиться о том, чтобы все, чему обучают, понималось сперва как целое, потом по частям, причем по порядку и в отдельности.

(Прохождение вещей бегло и поверхностно пониманию скорее мешает, чем способствует. Об этом необходимо упомянуть отдельно.)

60. Как несомненно то, что для видения вещи необходимо также рассматривание, чтобы глаз не скользил по ней бегло, но пристально вгляделся в нее, так же несомненно, что и для понимания вещей нужна длительность, чтобы каждая вещь показывалась соответствующим чувствам так долго, пока они отчетливо не воспримут ее целиком, со всем, что в ней и при ней находится. Ведь почти все — составное и состоит из частей; если не познать все части, причем каждую отдельно, нельзя будет сказать, что мы познали целое. Но для такого познания частей (одной за другой) необходимо, конечно, время, так как человеку не было дано от природы направлять свое внимание одновременно на разные вещи. Попробуй одновременно посмотреть на две вещи (допустим, в тексте, который сейчас читаешь, одновременно на две страницы, или на две строчки, или на два слова, или хотя бы на две буквы, можешь ли ты на них смотреть иначе, чем на одно за другим?). Попробуй, сможешь ли ты с одинаковым вниманием слушать двух человек, каждый из которых говорит о своем. Попробуй, сможешь ли ты различать одновременно вкус нескольких вещей. Или попробуй одновременно говорить на двух языках или произносить хотя бы два слова. Попробуй, сможешь ли ты одной рукой одновременно делать два дела! (Например, написать одновременно две буквы.) Ты этого не сумеешь [сделать]. Предметы, воспринимаемые одновременно одним и тем же органом чувства, взаимно путаются, приводят в хаос восприятие и взаимно мешают друг другу. Точно так же и наша мысль не может обратиться одновременно к изучению нескольких вещей. Ясно, что тот, кто одновременно делает несколько дел, ни одного из них не делает правильно. Итак:

ХСІV. В одно и то же время делать лишь одно дело.

ХСV. Всегда сначала целое, потом крупные части и, наконец, меньшие одну за другой.

ХСVІ. Каждой нужно посвятить столько времени, сколько нужно.

Части любой вещи изучаются путем их разбора, сложения и сопоставления с другими,

61. Однако нужно особенно иметь в виду, что части любой вещи можно, и обычно так и делается, показывать, наблюдать и познавать тремя способами: 1) разбором; 2) сложением; 3) сопоставлением с другими. Например: ты никого не можешь учить, из скольких и каких частей составлены часы, пока у него на глазах не разберешь их на части и разобранные части опять не сложишь, пока, наконец, не сравнишь несколько часов и пока ему не прикажешь обратить внимание на особенности тех или других, почему то или иное где-то отсутствует, а где-то выглядит иначе. Отсюда вытекают три метода объяснения и освещения каждой вещи во всей ее внутренней сущности: метод разбора, сложения и сопоставления, или приравнивания, которые по-гречески называются анализом, синтезом и синкризисом<sup>55</sup>. О них вернее всего говорят следующие принципы:

XCVII. Части любой вещи познаются путем анализа.

XCVIII. Более совершенно, однако, они познаются, если применить синтез.

XCIX. Наконец, наиболее совершенно, если применить сверх этого синкризис.

поэтому существуют и три метода понимания: аналитический, синтетический и синкритический. Их всеобщее применение

62. Существуют три метода понимания, т. е. способа, как привести понимание к свету: аналитический, синтетический и синкритический. Главное различие между ними состоит в следующем: при анализе надо начинать со сложного целого (едва ли существует среди вещей что-нибудь настолько простое, что бы не состояло из однородных или неоднородных частей) и кончать частичками наименьшими и самыми простыми. При синтезе, наоборот, надо начинать с наименьших и самых простых и кончать самыми сложными, т. е. всей системой какой-нибудь вещи. При синкризисе сопоставляются целые с целыми и части с частями параллельно, и здесь вполне действительно изречение: Παράλληλα φανερώτερα<sup>56</sup>.

63. Всеобщее применение данных методов необходимо для ясного и отчетливого изучения вещей, так как разбор вещи внутренним зрением на виду душевного взгляда дает начало пониманию, повторное ее сложение содействует прогрессу понимания, сопоставление ее со всеми другими вещами того же вида понимание завершает. Ибо никто не знает вещь в совершенстве, если он знает только ее одну, пусть даже аналитически и синтетически. Полностью он ее поймет только тогда, если поймет, что подобного и неподобного и почему есть в других вещах. Поэтому хороший филолог, если он знает много языков, понимает языки лучше,



чём могут их понимать те, кто знает лишь отдельные. Следовательно, здесь (в сопоставительном методе) таятся много света, так как все происходит по одним и тем же прообразам, лишь с небольшими переменами. Кто умеет это наблюдать, тот может увидеть многое из того, чего не замечают другие. Однако об этом будет сказано в другом месте.

и каждого  
в отдельности.

64. Кроме того, аналитический метод особенно полезен при нахождении вещей, синтетический — при их реализации, сопоставительный — при том и другом. Если мы наблюдаем создание вещей, то обязательно начинаем с раздумия о назначении как о целом, отсюда подходим к его условиям или средствам как частям и, наконец, к специфическим видам условий как частичкам. Однако при синтетическом методе (при самой реализации вещей, т. е. при создании и разработке) надо обязательно начинать с наименьших частей, затем их разрабатывать в зависимости от необходимости, взаимно связывать большие с еще большими, пока не возникнет сложное целое, везде полностью взаимосвязанное. При сопоставительном методе поступаем обоими способами, так как вещам время от времени можно обучать при помощи сравнения, отсылки к другим подобным вещам, где что-то можно либо разобрать, либо сложить (как, например, мы в § 59 в средствах видения обнаружили обстоятельства понимания, а в § 67 будем рассматривать средства рассуждения и т. д.).

Эти методы  
подобны зеркалу,  
биноклю  
и микроскопу

65. Три этих метода понимания очень умело сравнить с тремя искусственными средствами, подкрепляющими наше зрение<sup>97</sup>, которые называются бинокль, микроскоп и зеркало, потому что как бинокль приближает органам зрения далеко находящиеся вещи, так что можно наблюдать и их части, так анализ способствует тому, что можно видеть и невидимые части любой вещи. Равно как микроскоп увеличивает даже наименьшие вещи и обнаруживает и частички атомов, так и синтез, последовательно идя от меньшего к большему, очень точно показывает системы вещей. Наконец, как зеркало на основании отражения лучей преподносит нашему взгляду вещи, лежащие вне нашего поля зрения, так сопоставление представляет одну вещь через другую для четкого рассмотрения и для новых способов применения. И так же, как чаще употребляются и употреблялись зеркала, чем бинокли и микроскопы (ведь их знают лишь немногие люди, между тем как зеркало — все; они были изобретены лишь недавно, между тем как зеркалу столько лет, сколько Вселенной, и сотворил его сам Бог так, что любой человек его может найти на каждой водной поверхности и на поверхности любой шлифованной вещи), так и способ обучения при помощи приравнивания и

уподобления, употребляемый уже с давних времен, отлично служит для соответствующего объяснения любых вещей и для успешного освещения памяти, и подобно тому, как не без пользы после зеркала были изобретены остальные оптические приборы, которые показывают вещь не путем отражения вещи, а саму вещь, но острее, чем доступно простому глазу (поэтому они столь необходимы при точном наблюдении удаленных и совсем малых вещей), так и после самого естественного сопоставительного метода свое место по праву занимают и аналитический и синтетический методы, наблюдающие вещи такими, какими они являются сами по себе, разбирающие и складывающие их.

и наиболее  
способствуют  
пониманию.

66. Из предыдущих объяснений вытекает, что при помощи анализа, синтеза и сопоставления зажигается свет в понимании вещей, так что если кто-нибудь упражнялся в этом,

то он не может не оказаться особенно сообразительным, что касается вещей. Пусть это завершается следующим законом:

С. Там, где требуется точное знание вещи, нужно совместить метод аналитический, синтетический и сопоставительный. Их нужно совмещать, но не смешивать. Нужно в первую очередь сделать подробный анализ и в то же время показать и определить части взаимосвязанные и противостоящие, а потом приступать к синтетической разработке отдельных частей. В этом таится огромный дидактический секрет, о котором я расскажу в соответствующем месте. (Я упомяну о нем и ниже — в § 153.)

Что такое суждение  
в частности?  
Три его средства

67. Вот и все о понимании. Суждение есть внутренняя оценка вещей; оно проводится теми же средствами, что и оценка внешняя: весом, двумя взаимно уравновешенными вещами и наблюдающим их глазом; переходу к объяснению такого наблюдения.

68. Оценка есть особый способ суждения, при котором сопоставляются наблюдаемые вещи с их образцами (идеями), т. е. рассматриваются всегда следующие два вопроса: что (или какое, какой величины, где, как и т. д.) собою представляет то, что есть, и должно ли оно было (или такое, такой величины, там, так и т. д.) быть. Две анализируемые при суждении вещи суть: нечто изображаемое и его образец. Таким образом, глазом, наблюдающим равновесие (или отклонение от равновесия, или ошибку), является внутренний глаз мысли, разум, сопоставляющий вещи. Объясним это на примере <sup>58</sup>: если бы тебе кто-нибудь показывал картину и говорил, что это портрет того или другого человека, ты не можешь решить, он это или не он, если не знаешь того человека, который здесь изображен. Если же ты его знаешь, ты легко можешь высказать свое мнение, сопоставляя штрихи созданной картины с про-

образом. То же самое происходит со всеми вещами, о которых судим (если мы не судим несерьезно), а именно сопоставляется то, что было создано по образцу, со своим образцом (например, было ли нечто сделано в соответствии с правом или с законом).

**Принципы:**

СІ. Основой суждения о вещах является знание образцов вещей.

СІІ. Судить о вещах значит сопоставлять вещь с ее образцом.

СІІІ. Правильно высказаться о вещи, правильно сопоставленной с ее образцом, значит завершить суждение.

**Выводы:**

1. Без предварительно познанных образцов вещей не может быть и суждения о вещах.

2. Без познания вещи и ее сопоставления с ее образцом суждение о вещах будет лишь предварительным.

3. Суждение, высказанное о вещи, небрежно осмотренной или небрежно со своим образцом сопоставленной, является ложным суждением.

(И даже более чем ложным, если кто-нибудь, не зная ни образца, ни сопоставив с ним изображаемую вещь, все же высказывает суждение.)

**и постоянное применение.**

69. Отсюда вытекает, что, если ты хочешь освещать память ученика так, чтобы он был в состоянии не только понимать вещи, но и о них судить, ты должен познакомить его с образцами вещей (которые представляют собою совершенную форму каждой вещи) и научить его выполнять по ним все, что бы ему в этом роде ни представилось<sup>59</sup>. Если это произойдет надлежащим образом, ты сделаешь его способным судить. Итак:

СІV. Нужно установить общие формы вещей и показать, как по ним осуществлять все частное.

**Различные виды укрепления памяти, поиски которых до сих пор имели переменный успех.**

70. Вот все о совершенствовании суждения. Для укрепления памяти надо было искать разнообразные, в том числе искусственные, средства и образцы. Известно, что при помощи разных опытов и образцов можно достичь удивительных результатов, как это подтвердили специалисты в области мнемотехники. Но полагают, что это вещь насильственная, что она ослабляет рассудительность — главное дарование человека и создает, таким образом, попугаев, произносящих чужие мысли, не имеющих ничего своего, что имело бы какое-нибудь значение<sup>60</sup>. Если это правда (я это не утверждаю, хотя допускаю), то нужно искать более надежные средства, которые бы помогли естественной силе памяти, причем не нанесли бы вреда рассудительности. (Лекарство плохо, если оно уничтожает что-либо ес-

тественное.) Для того чтобы их найти, обратим внимание прежде всего на то, что такое память и как происходит процесс воспоминания, в надежде, что таким образом мы найдем средства, которые могли бы ее соответствующим образом поддерживать.

Что такое память?

вещи, сохраняющая их и воспроизводящая их

71. Память — это снабжающая способность мысли, усваивающая воспринятые чувствами их и в зависимости от потребности снова <sup>61</sup>.

Три основные ее функции: запечатлевать восприятия, сохранять их и вспоминать,

72. Таким образом, память имеет три функции: складывать, сохранять и отдавать, или же воспринимать, удерживать и возвращать. Память мы называем хорошей, если она аккуратно складывает, надежно сохраняет и своевременно возвращает. Наоборот, если полезные сведения проходят мимо или остаются не замеченными ею, так что она их вообще не возвращает или возвращает поздно и искаженно, то такую память называем плохой. Однако даже у одной и той же личности не встречаются эти качества на одинаковом уровне: некоторые легко запечатлевают восприятия, но легко их и теряют, другие запечатлевают их с трудом, но сохраняют их долго, третьи легко забывают и вспоминают. Поэтому вследствие разнообразия способности нужно и разнообразие в укреплении памяти, чтобы в одном случае подкрепить запечатление восприятий, в другом — сохранение, в третьем — воспомина-

которые нужно употреблять в том же порядке.

73. Однако в качестве всеобщего закона известно, что никто ничего другого не может вернуть, как только то, что он помнил, и ничего другого он не может помнить, как только то, что он раньше запечатлел в памяти как восприятие, тем далее, — чем сильнее было запечатлено в памяти восприятие, тем надлежащее будет его сохранение и тем легче его воспоминание. Из этого вытекают принципы:

CV. Все, что ты хочешь помнить, запечатлей сперва в памяти как восприятие.

(Ведь никто не может что-то помнить или вспоминать о чем-либо из того, что он никогда не запечатлел в своей памяти.)

CVI. Чем дольше ты хочешь помнить или легче вспомнить, тем глубже запечатлевай.

(Все, что коснется чувств поверхностно, а потому запечатлевается в памяти лишь неглубоко, легко изгладится.)

CVII. Сила памяти зависит прежде всего от силы запечатления восприятия.

(А потому нужно прежде всего обратить внимание на то, как это происходит. Как сохранение восприятий, так и воспоминание.)

нение имеют свои особенные средства для укрепления. Обратим внимание на каждое из них отдельно.)

Что такое  
запечатление  
восприятия?

74. Запечатление восприятия — это воспроизведение вещи, которая воспринималась чувством, в памяти. (Это происходит теперь, когда я пишу данные слова, образы которых я создаю в памяти, рукой их передаю перу, а пером — бумаге, чтобы здесь их подобие стало очевидным, потом эти образы посредством букв запечатлеваются, читатель, в твоём органе зрения. Твой глаз передает их твоей памяти, где они остаются, чтобы даже после устранения этой вещественной основы твоя память могла их изучать; чем точнее они будут передавать вещи и чем прочнее они запечатлеются в твоей памяти, тем лучше. Посмотрим, однако, что может способствовать этому запечатлению, чтобы оно было прочнее.)

Три его  
всеобщих способа  
укрепления

ние и точное суждение.

75. Со всеобщей точки зрения, существуют три момента, способствующие запечатлению восприятия: внимательный процесс восприятия (при помощи чувства), ясное понимание

CVIII. Средства для укрепления чувств, понимания и суждения являются в то же время средствами укрепления памяти.

Невозможно, чтобы кто-то не помнил того, чем он при помощи своих чувств овладел с таким вниманием, что даже понял это и мог об этом и судить. Здесь уместно изречение Эразма: «Память основана по большей части на совершенном понимании»<sup>62</sup>.

Вывод: Кто внимательно занимается вещами, которые передаются чувствами, осмотрительно использует орудия понимания и благоразумно обсуждает лишь вещи, тот правильно развивает память и добивается, наконец, ее прочности.

и десять частных.

76. С точки зрения частных, запечатлению восприятия способствуют, что касается вещей, три момента: ясность, упорядоченность и обстоятельства; что касается нас, семь моментов: незагруженная память, спокойствие, глубокий интерес, собственное мнение, продолжительность осмотра вещи, возвращение к ней и, наконец, активное участие.

Как способствует  
запечатлению  
представления  
ясность,

и обсуждено и вверено памяти. Итак:

77. Ясность вещи необходима потому, чтобы то, что ясно представляется, так же ясно действовало на память и, будучи ясно запечатленным, могло быть как ясно понято, так

SIX. Так же как нельзя понимать и обсуждать то, что не имеет никакого смысла, так нельзя и вверять его памяти. (Например,

любое предложение, даже самое изысканное, произнесенное мне по-турецки.)

Вывод: все, что веряется памяти, должно быть ясным.

упорядоченность  
вещей,

78. Упорядоченность вещей необходима для того, чтобы можно было наблюдать, что части вещи взаимно связаны, и запечатлеть их в памяти так же точно, как они одна за другой следуют. Итак:

СХ. Так же, как трудно понимать и обсуждать вещи, не имеющие никакой аналогии, так же трудно их верить памяти. (Пусть послужат в качестве примера эти четыре слова известного мне языка, произнесенные изолированно: душа, быть, вещь, порядок. Если они останутся изолированными, то будут представлять собою путаницу без складу и ладу; если их привести в какой-нибудь определенный порядок, например: порядок является душой вещей, — то они лучше подходят друг к другу, и сразу станут понятными и запечатлеются в памяти.)

Вывод: все то, что нужно верить памяти, нужно упорядочить. СХI. Так же, как упорядоченность вещей является основой понимания и обсуждения, так же она является и основой памяти. (Упорядоченность вещей и слов создает в памяти также упорядоченные понятия, так как понятия памяти представляют собою не что иное, как образы вещей и слов в ней. Вот почему я думаю, что едва ли возможно было бы придумать способ укрепления памяти лучший, чем естественное упорядочение вещей и слов в мысли. Мысль сама, даже вопреки воле человека, достигает успехов в своем известном влечении к вещам только в том случае, если ей в этом не мешает, не препятствует хаотическое скопление вещей (или слов).)

обстоятельство,

79. Обстоятельство необходимо для того, чтобы я, установив причину, воздействие, место, время и т. п., мог схватить вещь как бы за несколько ручек и крепче держать ее.

СХII. Так же как вещи, которые не связаны ни с какими обстоятельствами, едва ли возможно понимать и обсуждать, так едва ли их возможно уложить в памяти.

Выводы:

1. Все, что должно верить памяти, надо хорошо обозначить обстоятельствами.

Чем больше их будет, тем лучше. А так как среди обстоятельств самыми действенными являются причины, понимание которых имеет, согласно принципу ХС, такое же значение, как при вбивании вещи гвоздем в память, то:

2. Все то, что должно крепко верить памяти, надо объяснить на основании причин.

незагруженная  
мысль,

80. Незагруженной является такая мысль, которая пока не заполнена образами, как, например, у детей, у которых опыт пока невелик. Аристотель ее сравнил с чистой доской, на которой пока ничего не написано, но на которую можно написать все<sup>63</sup>. Так же как чистая доска (или бумага) все легко принимает, а та, которая уже была исписана, принимает не больше, чем сколько позволит оставшееся свободное место, да еще не без ущерба тому, что было написано раньше, и тому, что было вновь приписано, так будет и с нашим умом, который мы можем сравнить с такой доской. Я знаю, конечно, что данное сравнение не является абсолютно подходящим, так как размеры бумаги ограничены; мысли же, как образу бесконечного Бога, дана бесконечная содержательность, и все-таки из опыта очевидно, что чем больше образов в мысли, тем больше, легче и прочнее они взаимно смешиваются, путаются, затемняются и, наконец, изглаживаются, если им не помочь определенным порядком или другими способами укрепления памяти. Пусть останется в силе принцип:

СХІІІ. Первые запечатленные восприятия остаются в памяти. (Например, то, чему мы учимся в детстве и утром после сна, когда чувства свежи, при любой первой встрече с каждой вещью и т. д.)

спокойствие мысли,

81. Спокойная мысль — та, которая не рассеивается из-за беспорядка предметов, а обращается лишь к какой-нибудь единственной вещи, как это бывает у человека, которого не беспокоят ни окружающие его извне вещи, ни изнутри страсти. Если чувства заняты несколькими вещами, они меньше интересуются частностями, не воспринимают правильно ни то ни другое; если же они возбуждены гневом или ненавистью, они не могут ни на чем сосредоточиться, а если все-таки это происходит, то беспорядочно. Мысль же, решительно обращенная к одной вещи, проникает в нее и вбирает яркие следы.

СХІV. Внимательно принятые восприятия врезаются [в память] хорошо. (Потому именно уединение, где никакой шум не нарушает мысль, благоприятно для муз.)

сильное чувство,

82. Более сильно чувство проявляется, если при рассмотрении вещи возникнет нечто такое, что приведет ум в волнение от восхищения, радости, отвращения, стыда или страха. Дело в том, что чувственное восприятие вещи, проявляющееся таким образом, проникает в ум глубоко, как нанесенный удар, и не так легко проходит.

СХV. Восприятие, запечатленное возбужденной мыслью, врезается в память глубже.

**Вывод:** все, что в процессе учения радует, подкрепляет память (ибо и раздражение возбуждает ум, и это возбуждение делает его внимательным).

**83.** Собственное мнение состоит в том, что собственное мнение, мы не удовлетворяемся чьим-нибудь объяснением, а исследуем сами вещи собственным зрением, слухом, обонянием и осязанием. Данный способ имеет огромное значение для правильного и сильного запечатления восприятия. Кто однажды собственными глазами видел Рим, у того глубже и прочнее останется в памяти, чем если бы ему другие о нем тысячу раз рассказывали. То же самое совершенно ясно касается и остальных чувств (см. § 54). Итак:

**CXVI.** Восприятие, запечатленное непосредственно через сами вещи, самое хорошее.

**84.** Продолжительность рассмотрения вещи обозначает задержание мысли на одном и том же предмете так долго, пока вся вещь не станет совершенно известной. Это бывает в том случае, когда мы снова и снова на что-нибудь смотрим или что-нибудь слушаем и внимательно, всесторонне об этом рассуждаем. Если ты хочешь, чтобы что-нибудь глубоко запечатлелось в памяти, то нужно не только читать и опять перечитывать, но и писать и опять переписывать. Поэтому Филипп Меланхтон, как я узнал, чтобы в совершенстве узнать какого-нибудь автора, обычно переписывал его. По той же причине арагонский король Альфонс несколько раз собственноручно переписал Писание.

**CXVII.** Продолжительность рассматривания предмета укрепляет восприятие.

(Поэтому правильно иногда говорят: некоторую вещь надо читать первый раз для того, чтобы знать, что она содержит; второй раз, чтобы ее понять; третий раз, чтобы запечатлеть ее в памяти; четвертый раз надо повторять, чтобы испытать, прочно ли мы ее постигли. Об этом см. ниже.)

**85.** Возвращаемся к вещи в том случае, когда кто-нибудь недавно услышанное, увиденное, прочтенное и продуманное тут же повторяет про себя или рассказывает и показывает другим. Первый способ неплохо укрепляет запечатленное восприятие, но все же лучше второй способ, так как тот, кто обучает кого-либо тому, чему сам научился, не только повторяет, т. е. вновь проходит все собственными чувствами, но, предоставляя это другому уже как свое, занимается интенсивнее, как бы чувствует, что полностью овладевает этим. Это подтверждено опытом. Пусть будет принципом:

**CXVIII.** Вторичное запечатление того, что уже однажды было запечатлено, усиливает восприятие.



**п, наконец,  
активное участие.**

86. Активное участие наступает тогда, когда мы повторяем усвоенное, чтобы установить, правильно ли мы его усвоили, независимо от того, делаем ли мы это с кем-нибудь или сами с собой. Если ты что-нибудь написанное прочитаешь хоть десять раз подряд, оно не запечатлеется в памяти так, как в том случае, если ты это прочитаешь четыре раза или пять раз и попытаешься в промежутках повторить это наизусть, заглядывая в книгу лишь в случае, если тебе память изменяет. Подобным образом, если ты что-нибудь рассказываешь, прививаешь и учишь, никогда не будешь уверен в том, понял ли он, даже если бы ты повторял это, допустим, шесть раз; однако ты сразу узнаешь, если результат проверишь при помощи вопросов и проверки. Ибо в таком случае он станет внимательнее, опасаясь, что от него это потребуют, и лучше будет слушать, вновь и аккуратнее возьмется за работу, если удостоверится, что он недостаточно внимательно слушал, и ему будет стыдно.

(Принцип CIV.)

**CXIX.** Восприятие сильнее укрепляется, если его беспокоить проверкой.

**Первый способ  
сохранения  
восприятия  
в памяти: частое  
повторение.**

87. Вот все об усилении восприятия. Его сохранение поддерживается прежде всего частым повторением, о котором правильно было сказано: частое воспоминание сильнее всех лекарств. Или: повторение является отцом и матерью памяти. Нельзя стереть того, что постоянно возобновляется.

**CXX.** Повторение — это лекарство от забывания.

(Происходит ли это в виде повторного чтения про себя, или чтения вслух, или, наконец, какой-то иной деятельности.)

**Второй способ:  
запись.**

88. Вторым видом укрепления памяти, т. е. сохранения в ней восприятия, является запись, при помощи которой вещи, воспринятые посредством чувств, как бы запираются в новой темнице, из которой они не могут так просто улететь и исчезнуть, как из мозга, и их можно себе призвать столько раз, сколько это будет нужно. Это, несомненно, необходимое вспомогательное средство, без которого память абсолютно не в состоянии была бы справиться с вещами более сложными и более подробными. Ведь кто из людей осмелился бы охватить памятью целые языки, или книги, или календарные исчисления и тому подобные вещи?

**CXXI.** Запись — это сокровищница повторения. (Этой цели служит прежде всего приписывание пометок на полях читаемых книг или подчеркивание строчек разноцветными линиями (тех строчек, которые считаем более интересными), с тем чтобы

укрепить местную память и облегчить воспоминание о том, в какой части книги, на какой странице или на каком месте страницы и строчки что-нибудь находится. Во-вторых, мы можем знаменательные изречения записывать или в начале, или в конце той же книги, или рисовать на двери и на стене, или врезать на оконные стекла и т. д., чтобы их найти когда угодно. В-третьих, мы можем заводить собственные указатели или дневники для ежедневного повторения или списки и коллекции общих поговорок, как общие обозрения вещей, куда записывали бы мы все, что имеет какое-нибудь значение, и распределяли бы по соответствующим местам. Такого рода книги являются сокровищницами памяти, так как они дают возможность, с одной стороны, найти что-либо когда нужно, с другой — собирать ряд суждений в одно целое.)

Остальные три способа укрепления, т. е. перевод 1) умственного познания в чувственное,

89. На третьем месте мы ставим те способы укрепления сохранения в памяти вещей, которые более искусственны, а именно: 1) перевод умственного познания в чувственное, 2) вещи непонятной в вещь понятную, 3) вещи бесконечной в конечную.

90. Перевод умственного познания в чувственное происходит при помощи символов и подобий так, как, например, изображают обязанности хорошего судьи при помощи образа держащей в одной руке весы, во второй меч девушки с завязанными глазами, чтобы не обращала внимания на людей, а взвешивала вещи. Тот, кто однажды понял значение тех отдельных символов, едва ли когда-нибудь забудет, в чем заключаются обязанности порядочного судьи. Это же относится ко всем притчам и басням, а также почти ко всем пословицам и образным изречениям. Это первый фактор искусственно укрепляемой памяти.

СХХII. Символическое представление вещей является ключом и гвоздем памяти.

2) вещи непонятной в понятную,

91. Перевод непонятной вещи в понятную имеет наибольшее значение тогда, когда мы хотим накрепко запомнить незнакомые имена. Легче и крепче, например, запомнится слово *Alabandensis* (алабандский), производное от азиатского города Алабанда, если вспомнить три уже раньше известные слова: *ala* (крыло), *Band* (пучок), *ensis* (меч), чем без них. Так же название Калифорния (американская местность), если представить себе картину горячей печи (*calens furnus*). Этому помогает всякое словообразование, облегчающее (если оно, конечно, правильно, а не только кажущееся), делающее более приятным и закрепляющее изучение языков.

СХХIII. Любое понимание вещи является светом памяти.

**Вывод:** правильное понимание вещи является ярким светом памяти.

3) вещи бесконечной в конечную.

92. Перевод бесконечной вещи в конечную играет роль у вещей, которые своим множеством и многообразием загружают и путают мысль, если они не переведены в количество и меру и таким образом не ограничены. В § 45 и далее мы видели, что это делается таким образом, что то, чего много, сводится в целое, обширное делится на ступени, все сложное переводится в простое, частное подчиняется общему, отдаленное соединяется в цепь с близкими, а неправильное вводится в правило.

**СХХIV.** Важным средством памяти является ограничение бесконечного.

(Им начинаются и на нем основываются все искусственно созданные правила и системы, ибо таким образом то, что в вещах является бесконечным, втискивается в ограниченные отделы ума.)

Что такое воспоминание?

93. Итак, уже довольно много сказано о сохранении в памяти; воспоминание есть осознание минувшей вещи, возвращающейся в мысль в случае появления в настоящем чего-нибудь, что с этим минувшим имеет что-либо родственное. (Точно так же бывает, когда мы при встрече или упоминании о какой-нибудь вещи, или лице, или месте и т. д. вспоминаем, что мы в тот или иной раз нечто подобное, или различное, или противоположное здесь или там видели, слышали или делали.)

**СХХV.** Воспоминание происходит при соответствующих обстоятельствах.

(Как человек ничего не делает и не говорит, ни о чем не спрашивает и не отвечает, если у него нет для этого повода, так же он ни о чем без повода не думает и не рассуждает.)

**Вывод:** нужно, таким образом, создавать соответствующие условия для воспоминания о полезных вещах.

Его возбуждают внешние обстоятельства

94. Этими обстоятельствами (влияющими на память и вызывающими что-либо из ее скрытых сокровищ) являются взаимосвязи между вещами, сплетающие взаимно сами мысли.

Вещи везде взаимосвязаны, они даже взаимно сплетены<sup>64</sup>. Об этом свидетельствуют причины, связанные со своими последствиями, и наоборот, равным образом форма, связанная с материей, цели со средствами, сочиненное с подчиненным, аналогичное с аналогичным, разное с разным, противоположное с противоположным, одним словом, все, что имеет какое-нибудь отношение к тому, к чему относится, так что, если задается одно, задается и второе. Равно и в речи слова соединяются со словами, так что с произне-

сением одного, несомненно, последуют и другие, требуемые полнотой предложения и законом о конструкции и, наконец, метрическими или ритмическими принципами. Таким же образом взаимно связаны мысли (являющиеся не чем иным, как образом вещей и слов), так что одно представление влечет за собой другое, подобно тому как в цепи звено влечет за собой другое. Когда бы новое представление, вызванное свежим восприятием, ни вошло в клетку памяти, тут же обнаружится аналогичное ему другое, которое его подхватывает; то в свою очередь влечет за собой следующее аналогичное, а то — опять следующее. Так же как в природе нет пустоты и вещи везде взаимно соприкасаются, так бывает и в мышлении.

**CXXXVI.** Обстоятельства для воспоминания образуют цепь.

Вывод: они должны образовывать цепь (это значит, чему бы мы ни учились, мы должны это так взаимно соединять, чтобы воспоминание об одном вызывало воспоминание о другом, и т. д.).

**и правильно  
взаимно  
связанные вещи  
и представления  
о вещах.**

95. Ввиду того что память движется вперед, а не назад (ибо ее развивает не предшествующее, а последующее), нельзя связывать вещи и представления о вещах как угодно, а лишь таким образом, чтобы вещь более известная предшествовала и влекла за собой менее известную<sup>65</sup>. (Ибо разве есть среди нас такой, кто, будучи спрошен о том, что следует в молитве господней после слов «Хлеб наш насущный», не ответил бы сразу «даждь нам днесь»? Однако, будучи спрошен, что предшествует словам «Хлеб наш», разве не всякий придет в замешательство? Он не в состоянии это сказать, пока не вернется в памяти к словам предшествующим. Именно на это жалуется Стефанус Риттер, рассказывая о случившемся в его классе: когда он по рифмованному латинско-немецкому словарю *Deus — Gott, necessitas — Not, unitas — Einigkeit, trinitas — Dreifaltigkeit* и т. д. спрашивал двух учеников, как сказать по латыни *Gott*, один не знал, другой сказал *Gott*. В этом не было ничего ни странного, ни дерзкого или подлого, так как иначе и быть не могло по той причине, о которой я говорил. Итак:

**CXXXVII.** Пусть обстоятельством для воспоминания будет нечто более известное, то же, о чем мы должны вспомнить, нечто менее известное.

(Ведь мы же не учимся известным вещам при помощи неизвестного, а, наоборот, по принципу V.)

96. Вот все о методе, как обучать наукам на основании понимания и надежного суждения и памяти; дальше следует метод предусмотрительности.

## Метод обучения предусмотрительности

**Что такое предусмотрительность?** 97. Предусмотрительностью называется умение правильно поступать при трудных обстоятельствах (т. е. умение выбирать полезные вещи и избегать вредных). Это все зависит от управления нашей воли как судьи наших дел. Ввиду того что воля по своему характеру абсолютно свободна и не хочет и не может быть к чему-либо принуждаема, она слушается только своего домашнего советника, разума, ее нельзя заставлять, ей надо только советовать, чтобы она хотела добра, которого хочет природа, и чтобы она не хотела зла, которого природа не хочет<sup>66</sup>.

**Этот метод зависит от теории,**

98. Этот метод, следовательно, состоит из теории и практики. Теория нужна для того, чтобы яснее стали различия между добром и злом одновременно с результатом, который в первом случае всегда радостен, во втором жалостен. Если это произойдет надлежащим образом — то в результате того, что мы выберем добро и избежим зла, так как для каждого существа естественно стремление к тому, чтобы ему было хорошо и чтобы отворотить гибель. Наоборот, мы не жаждем неизвестного добра и не избегаем неизвестного зла. Правильно сказал Луис Вивес<sup>67</sup>: «В человеческой жизни нет ничего пагубнее, чем то искажение, вследствие которого вещи обсуждаются на основании настоящей их ценности. Поэтому получается, что за ничтожными вещами мы гоняемся как за редкостями, а редкие отвергаем как ничтожные, т. е. что мы поступаем неосторожно, глупо, вредно». Справедливо также говорит Августин: «Мы любим добро постольку, поскольку его знаем. И наоборот: мы ненавидим зло постольку, поскольку его понимаем»<sup>68</sup>. Итак:

**СХХVIII.** Основой предусмотрительности является правильное понимание того, что могло бы принести пользу и что могло бы причинить ущерб.

Отсюда вытекает: если ты хочешь, чтобы кто-либо не оказывался виноватым из-за непредусмотрительности, постарайся, чтобы он хорошо знал все, что ему надлежит, и так ты его сделаешь предусмотрительным, ибо если он окажется виноватым, то в ущерб себе.

(См. принцип XI с соответствующими объяснениями.)

**от практики**

99. Необходима, однако, практика, а к ней примеры и имитация (по принципам ХХХV, ХХХVII, XLVII). СХХIX. Благодаря предусмотрительности человек выбирает то, что могло бы принести ему пользу, избегает того, что могло бы нанести ему ущерб.

и от равнодушного обращения с не представляющими для нас интереса вещами.

бежать от них суеверно.

СXXX. Дополнением предусмотрительности является то, что безразличные вещи мы считаем за безразличные.

### Метод работы <sup>69</sup>

Умение (или метод работы) зависит от теории, предусмотрительности, практики.

Из этого понимания должна вытекать осторожная проицательность, чтобы в работе не ошибаться; и наконец, непрерывной практикой он достигнет того, что ошибаться даже и не сможет.

СXXXI. Каждой практике должна предшествовать теория. (Перед первоначальной практикой, конечно, первоначальная теория, перед более полной практикой — более полная теория и т. д.)

СXXXII. Каждой практике должна предшествовать предусмотрительность. Иначе может оказаться виновным и тот, кто вещь понимает, если он не следит за собой и за тем, что делает.)

СXXXIII. Каждая практика должна совершенствоваться дальнейшей практикой.

(Т. е. тому, что должно делать, нельзя иначе научиться, чем делая это. Отсюда и изречение: работая, мы работаем и над самими собою. Писарь становится писарем лишь писанием, художник — рисованием, певец — пением, оратор — речевым выступлением, и так это происходит со всеми прочими. Точно так же каждый учится настойчивости через настойчивость, терпению через терпение, сдержанности через сдержанность, мужеству через попытки свершения мужественных поступков и т. д. быстрее и лучше, чем путем разговоров об этих вещах или осмотра инструментов.)

При помощи чего мы выполним требования теории желаемых результатов.

102. Требования теории желаемых результатов мы выполним в том случае, если узнаем, что, чем и каким образом должны делать. О том, что нужно делать, ученик легко узнает, если ему показать образцы; чем нужно делать — если ему показать инструменты; как нужно это делать, он узнает, если его либо поучить на словах о приме-

нении инструментов, либо продемонстрировать на практике, но еще лучше, если сделать и то и другое. См. принципы XXXV—XLII, которые для данного случая можно свести к следующему:

**CXXXIV.** Тому, кто должен что-нибудь делать, приведи пример, продемонстрируй инструменты и научи его подражать. **103.** Ученик приобретает предусмотрительность дальновидного действия точным подражанием, при котором учитель все время обращает внимание на то (при первоначальных попытках), чтобы ученик не ошибался, а если бы он ошибся, чтобы сделать ему замечание, исправить ошибку и привести доказательство правильности и ошибки согласно § 33 и принципам XLII и XLVII.

**CXXXV.** Тому, кто впервые за что-нибудь берется, нельзя никогда доверять, а нужно позаботиться о том, чтобы он не ошибся.

(Ни ученик не должен доверять самому себе, ни учитель — ученику. Хотя некоторые настолько усердны, что они иногда работают правильно, даже если они предоставлены самим себе, все-таки это редкость и это нельзя сравнить с тем вредом, который возникает, если кто-нибудь, будучи предоставлен самому себе, привыкнет к неправильной работе, так как плохие вещи закрепляются плохой практикой так же, как хорошие — хорошей, так что отвыкать (т. е. отучаться) трудно, как это видно из принципов LVI и LVII. Так же как хорошими исполнителями на цитре являются те, кто на ней хорошо играет, так и плохими исполнителями — те, кто играет плохо. Чтобы уменьшить напряжение своих сил и сил ученика, учитель должен точно продемонстрировать первые предварительные наброски вещей и приложить как можно больше усилий к тому, чтобы первые воспроизведения были самыми точными. Если он это сделает при каждом начинании, он скоро положит конец и своим трудностям, и трудностям ученика, и дальнейший ход учения порадует обоих.)

**Практика в желаемых действиях требует частых упражнений,**

**104.** А так как невозможно, чтобы то, что кто-либо однажды сделал правильно, другой раз не был бы в состоянии повторить и наоборот, чем чаще он это делает, тем большую уверенность и готовность он приобретает, то из этого следует, что каждой вещи нужно упражняться и что необходимого положения нельзя достичь одним только или двумя исполнениями. Итак: **CXXXVI.** Во всяком умении практика должна иметь большее значение, чем теория.

(О том, что надо делать и как, можно понять на основании одного примера; однако, чтобы можно было это делать спосо-

бом, который заранее показывается и предписывается, необходимо частое повторение. Пример — это семя, наставление — как боронование, упражнение — как дождь, ветры и солнечные мгновения. И как единым взмахом руки вверяется семя почве и, не ожидая долго, продольным и поперечным боронованием закрывается землю, однако требуются месяцы, частые дожди, солнечные мгновения и ветры для того, чтобы оно взошло, выросло и созрело, — так поймешь способ работы. Даже если тебе приведут один лишь хороший пример и даже если ты его внимательно воспримешь, но установленный способ работы могут обеспечить лишь частые упражнения.)

Вывод: хорошей практики надо требовать так долго, пока не убедишься в том, что ученик не делает ошибок.

которые надо начинать с основ, а не с великих дел.

105. Так как все, что возникает, возникает синтетическим методом (от малых вещей к большому, от более простых к более сложным и т. д., согласно принципу LXXIV и его выводу), первая попытка подражания не должна начинаться большими делами, но с самых начал, с самых маленьких и самых простых из всех. В таком случае дело пойдет уверенно и легко.

SXXXVII. Практика должна начинаться вещами самыми маленькими, а не самыми большими, частями, а не целыми, основами, а не великими делами.

(Например, тот, кто учится читать, не начинает с текста, ни со слов или слогов, так как не может [с них начать], но только с букв. То же самое надо соблюдать всюду.)

## Метод языков

Метод языков труднее, чем метод наук и искусств, так как

106. Предварительная теория языка, объясненная нами в I, II, III и т. д. главах, показывает, что метод языков по трем причинам труднее, чем метод научных областей и наук о действиях:

Во-первых, потому, что предмет всякого искусства и науки является сам по себе чем-то частным, ограниченным собственными границами, но целое языка (и единственного) требует понимания всех вещей, наук и искусств.

107. Во-вторых, потому, что все требуемое от наук и искусств требуется также здесь, да еще даже больше. В вопросах знания нужны лишь знания, между тем как в работе нужны знания и подражание, в речи, однако, нужны знания и двойное подражание, пером и ртом. Речь нужно сначала понимать, что является самым легким, затем повторять ее написанием, что немного труд-



нее, но не особенно, так как это происходит медленно и на основании предварительного размышления, поскольку дано время для размышления и для того, чтобы можно было помочь себе книгами. Заговорить это означает, однако, нечто неожиданное, и это есть то последнее, что мы можем здесь желать, искать и дать.

108. Наконец, данные элементы в языках более сложны, чем в искусствах и в науках. Пониманию языков мешает прежде всего то, что в каждом языке существует странный беспорядок омонимических, синонимических, паронимических слов (беспорядок, на который я жаловался в главе V, в § 46). Пониманию языков мешает затем многообразие изменения и соединения слов, существующее в каждом языке, да еще запутанное сотнями исключений, и, наконец, пониманию языков мешает многообразие и скрытое влияние устойчивых словосочетаний. Письменная речь почти в каждом языке имеет особые законы, а еще в большей мере это относится к произношению, при многообразных различиях сложных звуков, которые слух очень тонко различает.

Поэтому мы должны его изучать отдельно.

Три различия, касающиеся тех, кто подвергается обучению, т. е. лиц, которых мы должны обучать:

109. О том, каким образом умелый метод может преодолевать эти трудности при изучении языка, я объясню в дальнейших главах.

110. Вот все (с § 40) о предусмотрительности в обучении, приспособляющейся к условиям предмета; дальше пойдет предусмотрительность, приспособляющаяся к условиям того, кто подвергнут обучению, т. е. личности ученика. Здесь действует

следующий общий закон:

**СXXXVIII.** Учитель не должен учить столько, сколько сам может, но столько, сколько может ученик понять. (Это потому, что ученик каждую вещь понимает по мере своей понятливости. Малая посуда не вместит столько жидкости, сколько большая посуда, мальчик не может понимать столько вещей, сколько понимает взрослый мужчина, и более медлительная мысль не может овладеть вещами так же быстро, как проворный талант, и т. д. Поэтому, когда в свое время Антисфен<sup>70</sup> в ученой дискуссии несколько затягивал выступление, Платон говорил: «Ты не знаешь, что степень поучения зависит не от рассказчика, а от слушателей». Аналогично в таком случае мера обучения зависела бы не от учителя, а от ученика.)

Вывод: душой обучения является приспособливание обучения к способности ученика.

в возрасте,  
в способностях  
и в культурности.  
Каждый возраст  
требует чего-то  
особенного: детство  
увлекается тем,  
что предлагают  
чувства,

111. У учеников действительно надо считаться с различием в возрасте (об этом см. § 112), в способностях (§ 115) и в культурности (§ 119).

112. С возрастом надо считаться потому, что отрочество отличается восприимчивостью, воображением, памятью, любознательностью и охотой постоянно что-нибудь изучать и делать. Юность отличается способностью умственного размышления: знание о том, что что-то существует, ее не удовлетворяет; она жаждет проникнуть также к установлению того, что это такое, почему это так, а не иначе. Наконец, зрелый возраст рад зрелым знаниям, абстрактному пониманию вещей, хочет, чтобы все было ясным без путаного мудрствования, так, как это есть на самом деле. Таким образом, нужно удовлетворять естественности, чтобы каждый возрастной период мог делать то, что его как раз радует. Тогда мы не будем бороться с естественностью, но будем помогать ей приносить свои плоды <sup>71</sup>.

Из этого вытекают три закона для детского возраста:

**CXXXIX.** Детский возраст пусть будет просвещаем лишь тем, что предлагают чувства.

(Это значит: детям все следует давать в форме описательной, для чувств, чтобы они видели, слышали и устанавливали на ощупь, что в том или ином виде существует и как возникает это, то или вон то. Однако еще рано объяснять, почему вещи существуют и таким образом происходят, так как дети еще не владеют умом и его воздействие в них вызовет только то, что дают чувства. Если тебе захочется объяснять мальчику причины вещей, это то же, что рассказывать басню глухому; если тебе захочется заставлять его осознавать их, ты затормозишь его и скорее совсем собьешь его с толку, чем наставишь на ум.)

**CXL.** Детский возраст пусть будет хорошо обучаем вещам, которые передают чувства.

(Это для того, чтобы не возникало шаткое, неуверенное, неустойчивое или уродливое представление о вещах, но представление, управляемое правилами самих вещей, так как именно то, что в детском возрасте запечатлевается в памяти (будет оно правдивым или ошибочным, хорошим или плохим), укореняется там и от него нелегко ни отучиться, ни изменить его (согласно принципам LVI, LVII). Нужно, таким образом, заботиться о том, чтобы дети понимали все только правильно.)

**CXLI.** Пусть детский возраст упражняется на основании такого учения, использование которого является делом памяти. (Такой характер имеет изучение языков, музыка, арифметика,

геометрия, география и вся группа описательных наук о том, что дают чувства.)

Вывод: все отрочество надо направлять скорее примерами, чем наставлениями.

(Все, что согласно твоим намерениям они должны знать, покажи им; все, что согласно твоим намерениям они должны делать, делай у них на глазах; все, что они должны говорить, говори, если они слушают. Они тебе будут подражать; ведь они обезьянки. Если они подражают не особенно удачно, делай им замечания и исправляй скорее повторением примеров, чем длинными анализами.)

зрелый возраст —  
причинами вещей.

113. Для более зрелого возраста, уже тренированного чувственным опытом, действителен следующий закон:

**CXLII.** Зрелый возраст должен быть допущен к причинам вещей. (Это значит, что он не должен удовлетворяться знанием того, что что-то есть, но он должен также стремиться и привыкать искать, почему это так, а не иначе.)

114. О зрелом понимании в зрелом возрасте говорит следующее поучение:

**CXLIII.** Если человек освоил первопричины многих вещей, он подошел к настоящему пониманию вещей.

(Это действительно особенно тогда, если мы осознаем общие и высшие причины вещей, которые определяют, что все низшие необходимо будут такими-то или такими-то.)

Один отличается  
остротой ума,  
сообразительностью,  
это усердный  
ученик, другой  
медлительный,

115. Что касается различия в способностях, бывает ученик бойкий или медлительный, сообразительный или непонятливый, усердный или нерадивый. (Это вытекает из трех видов сообразительности, см. § 16.) Если это бойкий, сообразительный, усердный ученик,

учение идет без особой предусмотрительности учителя (согласно принципу XXIII). Если это медлительный, непонятливый, неряшливый ученик, на помощь обязательно должно прийти терпение учителя, предусмотрительность и прилежность <sup>72</sup>. (Там же, дальнейший принцип.)

116. Пусть соблюдается следующий закон об обучении медлительных учеников:

**CXLIV.** Учитель должен быть либо не слишком находчивым, либо таков, который научился быть терпеливым.

(Правильно говорит Цицерон: чем проворнее и находчивее кто-либо, тем раздражительнее и труднее он учит; он мучается тем, что видит, как медленно ученики осваивают то, что он лично освоил быстро <sup>73</sup>. Но какой учитель учитывает, что от него зависит не переделка способностей, но передача знаний

и что он не может передать ученику, а ученик себе присвоить того, что ему не было дано свыше, а также что быстрые мысли не всегда являются самыми верными и что более медлительные иногда отчетливо уравниваются медлительность развитием, хотя не быстрым, но основательным. См. § 14.)

**третий  
несообразительный,**

117. Закон об обучении несообразительных учеников:

**CXLV.** Пусть учитель подойдет ближе к ученику и помогает ему в понимании всеми возможными способами.

(Это потому, что в ученике еще только создается все то, что в учителе уже осуществлено. Поэтому учитель учитывает, что для него все ясно, другому же еще только начинает становиться ясно, а поэтому он ему помогает, чтобы тому становилось ясно пусть не быстро, но все же правильно. Это надо делать таким образом, что медлительного ученика не перегружаем работой, несообразительного развиваем многими примерами из области чувств, невнимательного время от времени распеваем новым привлечением внимания. См. вывод принципа CXXXVIII.)

**четвертый  
небрежный.**

118. Закон об обучении нерадивых учеников: **CXLVI.** Пусть прилежность учителя исправляет нерадивость ученика.

(Дело в том, что нужно в нем воспитывать любовь к учению, обращать на него большее внимание, чем на остальных учеников, и, наконец, использовать поощрительные средства. О них я упомянул в вопросе о дисциплине в § 38.)

**Что касается продвинутого, то есть ученики, совершенно не знающие учебного материала, другие же предварительно ознакомлены с ним правильно или неправильно.**

119. Что касается продвинутого, то есть ученики, или совершенно не знающие учебного материала, который они начинают изучать, или же они с ним уже ознакомились. Если они совершенно его не знают, придется вести обучение с самого начала; если они с ним заранее ознакомились, надо будет сначала установить, правильно или неправильно. Если правильно, нужно начинать обучение с того уровня, на котором находится ученик,

которого мы должны вести к дальнейшим вещам; если неправильно, мы должны сначала отучить его от того, чему он научился неправильно, чтобы он мог учиться лучше. (Нельзя, следовательно, блуждающего вывести на правильную дорогу без того, чтобы привести его с неправильной дороги. Нельзя ни в посуду, наполненную грязью, налить хорошую жидкость, покуда посуду заранее не опорожнить и не помыть, ни рисовать на изрисованной доске, если не стереть прежний рисунок, ни построить красивый дом на

участке земли, если не снести прежнее здание, и т. д. Таким образом, будет зависеть от предусмотрительности, чтобы было сломано все то, что было плохо построено, т. е. чтобы ученику было ясно показано, что то, чему он неправильно научился, — плохое, и чтобы только потом строилось, т. е. обучалось вещам более правдивым, более хорошим и более основательным.)

Как надо  
обращаться  
с учениками  
незнающими  
и с начинающими.

120. Закон о наставлении новичков, совершенно не знающих специальности:

CXLVII. Наставление учеников, совершенно не знающих специальности, надо вести с первоначального этапа.

(Это потому, что здание нельзя строить иначе, чем начиная с фундамента. Мужчину, жаждущего уметь читать, надо сначала научить буквам так же, как мальчика, дворянина так же, как представителя народа, и т. д.)

О том, как надо  
обращаться  
с успевающими  
учениками.

121. Закон о наставлении начинающих, делающих успехи:

CXLVIII. Пусть наставление тех, кто успевает, проходит по ступеням. (Будет зависеть от предусмотрительности, что изучение

каждой науки, искусства и языка было распределено по определенным ступеням или в случаях, где учебный материал обширен, по ступенчато построенным лестницам, по которым бы медленно вести своих учеников (см. принцип LXXVI). Первичные ступени или, скорее, лестницы бывают трех видов: для начинающих, для продвинутых учеников и для развитых учеников. Начинающих обучаем тому, что составляет основу науки; продвинутых учеников — тому, что над ней построено; развитые ученики получают закрепление и разные украшения. Каждая из данных ступеней имеет в свою очередь свои меньшие ступени, так же как высокая башня для тех, кто на нее хочет взобраться, имеет различные лестницы, каждую со своими ступенями.)

122. О действиях начинающих и продвинутых учеников существуют следующие законы:

CXLXI. Начинающие не должны выполнять много вещей, но вещи основные, а развитые ученики должны выполнять даже не столько вещи основные, сколько много вещей.

(Начинающего множество легко съест с толку; пусть в таком случае он привыкает сначала к одной вещи. Продвинутым ученикам, понятливость которых возросла, можно поручать больше. См. принципы VII, VIII, IX.)

CL. Начинающие должны двигаться полностью связанные примерами, продвинутые должны двигаться без примеров, развитые ученики — свободно.

(Маленьким детям, которые должны начать делать первые шаги, мы даем приспособление на колесиках и не предоставляем их самим себе. Но когда они уже прочно стоят и жаждут ходить без него, мы им не мешаем, так как приспособление они получили не для того, чтобы оно связывало их, а чтобы дало им возможность научиться ходить.)

СLI. Ученики на первоначальном этапе должны продвигаться медленно, продвинутые — быстрее, развитые ученики — быстрее всего. (Человеческое умение, так же как и природа, любит двигаться вперед, а не назад, причем вперед хочет двигаться сначала медленно и лишь затем быстро.)

Что надо делать с теми, кто научился чему-либо плохо.

(Это невозможно иным способом, нежели ясно показать ученику ошибочность того, чему он научился раньше; это делаем с той целью, чтобы он зажегся стремлением к более правдивым и более хорошим вещам и жаждал нового учения.)

Наконец, надо учитывать дидактическую цель. Иначе, конечно, нужно обучать

123. Закон о тех, кто чему-либо научился плохо, а теперь должен быть выучен лучше: СLII. Пусть наставление того, кто ошибается, начинается с устранения ошибки.

124. До сих пор (с § 110) речь шла об особой предусмотрительности при обучении, выводимой из различия лиц, которых мы должны обучать. Различная цель, к которой учитель стремится или должен стремиться, может определять и отдельные законы метода. Необходимо, следовательно, чтобы он знал, как надежно действовать, если нужно кого-нибудь научить науке, искусству или языку вообще, как в том случае, если нужно научить части, а как поступать в том случае, если нужно научить ученика вещи обыкновенным способом для любой потребности либо особым способом, специально избранным для достижения совершенной точности, и, наконец, как поступать при неограниченном промежутке времени, а как в том случае, когда время ограничено точными сроками (с точки зрения твоей или ученика), так что надо спешить.

125. Если же нужно научить только части предмета, пусть учение начнется там, где это необходимо и при какой угодно возможности. Например, если кто-нибудь, кто должен путешествовать по стране, языка народа которой он не знает, хотел бы лишь познакомиться с этим языком или он считал бы нужным для себя данное время знать необходимые вопросы о дороге, о жилье, о цене продуктов, лишним было бы в этом случае заботиться о методе; где ни начнешь или окончишь, будет безразлично.

СLIII. Частичное дело не является систематическим, оно не требует законов, оно управляется случаями.

а иначе полностью  
всему предмету.

126. Если требуется знание полностью всего предмета, необходимо начать с основ, следовательно удержат всю тяжесть, а когда заложены основы, надо строить все, что относится ко всему целому, но в такой последовательности, чтобы все предшествующее служило ступенью для последующего и чтобы все последующее укрепляло предшествующее. (Работа при обучении, следовательно, необходимо похожа на строительную работу, где ничего не строится без основания, а все строится только на основании с предусмотрительной заботой о том, чтобы ничего из того, что прибавляется к зданию, не отягощало уже построенного, но укрепляло его. Это происходит в том случае, если на довольно обширном, прочном и глубококом основании на его углах строятся стены, так что ни основание не может осводиться, ни стены не могут стоять ни на чем другом, кроме как на своих основаниях. Эта предусмотрительность в строительном искусстве выведена из того, как поступает сама природа. Растение вырастает только из собственного семени, стоит только на собственном стебле и жизненную силу черпает только из собственных корней и т. д.)

CLIV. Совершенное обучение должно строиться на собственных основах, настолько обширных, чтобы из них могло подниматься могучее целое науки, и на таких прочных, чтобы все могло стоять, удерживаясь собственной силой, и могло бы полностью обойтись без чужой поддержки.

Иначе чему-либо  
обучают  
обыкновенным  
способом,  
а иначе — точно.

127. Знать что-либо обыкновенным способом означает знать это или действовать так, как это принято в народе, т. е. так, как об этом либо рассказывают другие, либо действуют. Но знать что-либо или действовать точно значит знать и действовать с внутренним пониманием вещей. Если хочешь, следовательно кого-нибудь чему-нибудь научить обыкновенным способом, рассказывай ему лишь то, что хочешь, чтобы он знал, и заранее ему показывай то, чему хочешь, чтобы он подражал. Если ты хочешь обучать точно, нужно тщательно соблюдать все три ступени знания, как их определили философы: 1) ступень описательная, когда известно, что что-то существует и что это так или этак; 2) ступень познавательная (научная), когда понятно, почему что-либо происходит так, а не иначе; 3) ступень обнаружений (открытий), когда из правильно понятых результатов приходят к новым результатам, истинам и познаниям. Например, понять использование солнечных часов — это первая ступень знаний, описательная; понять построение солнечных часов, а именно на каком принципе они построены — это ступень вторая, научная; исходя из этого правильно понятого основания, быть в состоянии придумывать новые солнечные часы новых форм обо-

значает третью ступень. Первая ступень легкая; она основана только на опыте, т. е. на чувствах. Вторая ступень более трудная; она осуществляется умственным рассуждением. Третья — самая трудная; ее можно достигнуть только после умственного размышления, которое перешло в чистое и совершенное понимание вещи <sup>74</sup>.

Отсюда вытекают следующие принципы:

CLV. Тот, кто учится обыкновенным способом, должен верить; тот, кто учится точно, должен искать причины вещей.

CLVI. Точное познание начинается чувствами, а кончается пониманием, но между этим находится умственное размышление.

CLVII. Человеческие мысли надо наставлять таким образом, чтобы эти ступени не заменялись.

(Нужно все же различать ступени как из-за ступенчатости, согласно возрасту — ибо самого младшего ребенка, младенца, и мальчика можно обучать только описанием вещей, следующий возраст — размышлением, а затем должно последовать чистое понимание (согласно принципу CXXXIX и четырем последующим), так и из-за иной ступенчатости, согласно предметам, т. е. так, чтобы при любой вещи, которую ученик должен изучать, шло сначала описание ее, или *descriptio*, затем следовали бы причины, или *causae* и, наконец, следствия, *effectus*, до бесконечности.)

Выводы:

1. Описание вещей — первая ступень знания.

2. Понимание причин — вторая ступень.

3. Рассмотрение следствий — последняя ступень знания.

Поэтому было весьма кстати сказано: каждый хороший политик (врач, теолог, философ) является пророком, ибо всем умным людям следует заранее видеть в причинах последствия.

Наконец, иначе идет обучение, независимое от времени, иначе — в спешке. 128. Если для наставления ученика имеется неограниченное время, надо его вести по ступеням, не надо ничего пропускать из того, что относится ко всему целому вопроса; если нужно торопиться (по той или иной причине), надо заняться только самыми необходимыми вещами. Например, если перед нами болезненный ученик, у которого нет надежды на долгую жизнь, а есть опасения, что он умрет, его не надо утруждать светской литературой или науками, искусствами и поведением в обществе (ведь не известно, применит ли он эти вещи), а надо поспешить внушить ему умение доверять Господу душу, чтобы он мог блаженно умереть.

CLVIII. При строго ограниченном промежутке времени не надо делать ничего другого, кроме вещей в высшей степени необходимых.



## Специальные примечания о том, как надо обучать быстро, приятно и основательно

**Исследование** вопроса о том, способствует ли действительно все изложенное до сих пор быстро, приятно и основательно обучению. Этому служит основной закон дидактики,

128. Вот все об основах дидактики, выведенных на свет и из ее собственных недр; если в обучении везде будут поступать согласно им, есть надежда достигнуть того, чтобы все, чему будут обучать, казалось кратким, чтобы радовало и чтобы глубоко пускало корни. Ввиду того что эти три преимущества в № 3 и 4 мы сделали целью дидактики (и действительно они являются душой учения), мы хотим на минуту остановиться и посмотреть, достигли ли мы своей цели.

129. Надо прежде всего иметь в виду, что самый основной закон нашей дидактики о том, что всему надо обучать при помощи примеров, наставлений и практики (§ 26 и следующие), есть не что иное, как основной путь быстроты, приятности и основательности. Принцип звучит:

CLVIII. Постоянные примеры очень помогают быстроте, ясные наставления очень помогают приятности, непрерывная практика очень помогает основательности.

(Таким образом, безопасно и легко идти по тем местам, по которым уже раньше прошел кто-нибудь другой, идти в темноте, если впереди кто-нибудь несет факел. Если по той же дороге идем снова и снова, чувствуем на ней большую уверенность.)

как и все  
остальное.

130. Но и все остальное в дидактике служит тому, чтобы учение проникало в мысли легче, приятнее и глубже. Что мешает нам свести все это воедино, чтобы иметь более ясные

законы для правильного конструирования инструментов дидактики языка, к подготовке которой мы уже приступаем?

## О быстроте

Почему нужно, чтобы обучение и учение протекало быстро.

131. Нужно приложить усилие к тому, чтобы все, чему обучают и чему ученики учатся, протекало, что касается обучения и усвоения, быстро, так как вначале, как правило, сильнее всего проявляется усердие. Нужно, чтобы еще раньше, чем минует воодушевление, мысль осознала, что она достигла своей цели и что пользуется своими выгодами, чтобы не поддавалась

скуке, не достигнув цели, и не продолжала двигаться со скукой, поскольку бы видела, что к цели она движется вяло. Ибо простое изречение «В начале сердечность, в середине равнодушие, в конце холодность» всегда проявляется у учителей и учеников в том случае, когда спешат ковать и отковать железо еще не раскаленное.]

Однако особенно мы можем содействовать  
 I. скорости  
 1) тем, что учтем прежде всего цель; CLIX. Надо идти прямым путем к цели, движения в обход избегать.

Выводы:

1. Уже с самого начала учитывай цель. (Показывай ее и ученику, чтобы он сам видел направление, надеялся, что дойдет к цели, и мечтал об этом. Видеть уже с самого начала цель и продвигаться к ней без препятствий является наслаждением для нашего ума, приходящего в ужас от бесконечности и задержек.)

2. Обращай внимание больше на цель, чем на средства. (Средства здесь служат цели не сами по себе, а к средствам обычно примешивается то, что не служит цели; это нельзя узнать иначе, чем с учетом цели. Поэтому Сенека говорит: «Учитывай цель и откажешься от бесполезных вещей»<sup>75</sup>.)

2) чтобы пользоваться не многими средствами, но хорошими, 3. Все, что ведет прямо к цели, пусть станет главным путем; все, что имеет характер отклонения, пусть считается задержкой. (Благодарная прилежность оставляет некоторые вещи в стороне, а именно те, которые или ничем не способствуют достижению цели, или лишь малым. Для того, кто спешит, обращение внимания на посторонние вещи, а не на дорогу является задержкой. В вопросах теории не говори сначала слишком много, а объясни и установи, понимает ли он ее; дело пойдет быстрее. В практике не говори, что что-нибудь сделаешь, но делай и заставляй ученика подражать тебе; делай ему замечания, чтобы не ошибался; все пойдет быстро.)

132. Это высказывание о выборе средств так же правдиво и полезно, как и известное:

CLX. То, что можно сделать меньшим количеством средств, не требует больших средств.

(Пусть, следовательно, используются только те, которые необходимы.)

Итак:

1. Достаточно будет одной демонстрации любой вещи, одного или двух объяснений; остальное надо оставить практике. (См. объяснение принципа CXXXVI.)

2. Подчеркивать главную вещь и не задерживаться на подро-

ностях означает путь самых быстрых успехов. (Например, войска, спешащие покорить державу, не стерпят на своем пути каких-либо задержек, ибо они добиваются наиболее важной вещи.)

3) средства должны находиться в пределах досягаемости,

133. О средствах, необходимых для достижения цели, запишем следующий закон: CLXI. Пусть все средства будут приготовлены и пусть находятся под рукой.

(Если бы военачальник искал солдат, вооружение и другие необходимые вещи только в самом бою или во время похода, он поспешил бы скорее к гибели, чем к победе. Если все приготовлено, то достигнута готовность ко всему.) Все примеры (того, что можно знать и делать), все правила и, наконец, все принадлежности, служащие практике, должны быть, таким образом, подготовлены.

4) чтобы можно было постоянно продвигаться по ступеням,

134. При использовании средств нужно соблюдать следующий закон:

CLXII. Всегда по ступеням, никогда не скачками<sup>78</sup>.

(Некоторые ради быстрого достижения цели пропускают отдельные ступени, но они (если ступени были правильно созданы) безусловно обманутся в своей надежде, потому что они таким образом пропускают некоторые вещи, необходимые для познания последующего, а поэтому из-за недостаточного правильного понимания последующего создают препятствие для познания и дальнейших вещей; таким образом, они осуждены либо к незнанию того, что скорей-скорей спешили узнать, либо к тому, чтобы вернуться к началам и снова медленным продвижением быть более внимательными. Отсюда вытекает столь правдивый парадокс: многие достигли бы цели быстрее, если бы шли медленнее. Настоящий метод повелевает идти всегда в таком порядке, чтобы все предшествующее создавало ступень для дальнейших вещей, а все дальнейшее придавало предшествующим вещам большую весомость (см. принцип LXXVI.) Если же пропустить что-либо из того, что было установлено по ступеням, почувствуешь двойную невыгоду: во-первых, некрепишь предшествующее, во-вторых, не создашь основания для дальнейших вещей, таким образом, ты будешь строить для разрушения.)

Выводы:

1. Не берись ни за какую науку, пока ты не освоишь ее предпосылки.

2. Что бы ты ни делал, делай только это одно.

(Это значит: не изучай одновременно ни разные науки, ни разные ступени той же науки, чтобы не разбиваться, не путаться, не задерживаться. Правильно говорит пословица: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Для того чтобы поймать, го-

нись за одним. Глаз не может смотреть на два предмета одновременно, и нога не может ступать на две ступени одновременно; однако возможно пройти много вещей, если проходить каждую в отдельности по порядку. См. выше — § 60.)

5) то, что взаимосвязано, надо приводить одновременно. 135. Все же быстроте способствует то, что одновременно проходятся две вещи, приведенные в таком порядке, что их не только можно, но и должно приводить одновременно. Это такие вещи, которые взаимосвязаны своей естественностью, так что одна без другой и не существует, и не возникает, и не может быть познана, как это бывает у всех взаимосвязанных вещей. О них говорит следующий принцип:

CLXIII. Все, что находится в соотношении, надо проходить одновременно.

(Нужно, следовательно, объяснять, усваивать и закреплять упражнения как чтение и написание букв, вещи и слова для обозначения вещей (чтобы то, что я учусь знать, научился также называть и наоборот), так и теорию и практику вещей (чтобы каждый раз, когда кто-либо научится понимать вещь, научился тоже пользоваться ею и наоборот). Ибо теория без практики бесплодна, практика без теории неразумна.)

Выводы:

[1. Так как противоположности и все противоречия находятся в соотношении, надо обучать им всегда одновременно или в самой тесной связи так, чтобы проявлялся характер обеих.

2.] Так как ученик и одноклассник находятся во взаимосвязи, то сокращением пути к быстрым успехам будет воспитание многих учеников совместно, а не каждого в отдельности. Это важно как для учителя, чтобы он мог убить двух зайцев одним выстрелом, так и для учеников, из которых одни для других являются школой, которая побуждает к прилежности, примером и возможностью для соревнования — согласно известному двустишию:

Сильная лошадь резвее бежит по ристалищу, если  
Есть ей кого обгонять, есть кому гнаться за ней

6) процесс должен продолжаться беспрестанно, 136. А поскольку особым средством быстроты является срочность — срочность же зависит не от торопливой деятельности, а от непрерывности движения — нужно соблюдать следующее:

CLXIV. Если процесс длится непрерывно, достигается значительный успех.

(Если двое путешествуют одновременно, и один из них остановится, а второй продолжает идти, легко заметишь, на каком расстоянии скоро оставляет позади второй первого. Для бы-

строого достижения цели, таким образом, нужен не нажим, а упорная прилежность, чтобы за время учения не было

1) ни единого дня без написанной строчки,

2) ни единого часа без нового задания,

3) из начатых вещей ничего брошенного незаконченным. (Это потому, что, если что-нибудь бросишь, а потом вновь к нему вернешься, усилие не уменьшишь, а увеличишь; все, что придет в забвение, надо вновь искать и вновь за него браться. Попробуй, как нелегко наполнить бочку водой, если ее наполнять с перерывами капля по капле, между тем как легко было бы ее наполнить, если воду лить беспрерывно.)

4) Никогда не надо охватывать сразу больше учебного материала, чем его можно изучить в один прием.

(Дело в том, что никогда не нужно возвращаться к одной и той же вещи, разве только ради повторения. Но повторением надо заниматься уже в связи с другой работой и с новой пользой, т. е. тогда, когда на основании пройденного будут строиться дальнейшие знания.)

5. Не надо делать ничего из того, что уже было сделано (другими словами: не надо задерживаться из-за известных вещей). После окончания одной вещи надо перейти к остальным. Нелзя, однако, запускать повторение, отчасти чтобы порадоваться вещам, в которых мы выиграли, отчасти чтобы укрепить приобретенные знания.

137. Наконец:

CLXV. Тождественность метода сильно способствует быстроте учения.

7) надо соблюдать тождественность метода.

Это способствует, однако, также приятности и действенности, так как там, где действием формы вещи, которую мы должны изучать, не представляются новые способы, учитывается только свежий поступающий учебный материал; этот материал будет усвоен легче и быстрее в том случае, если обратиться к нему все мысли. А если таким образом постоянно ясно продолжать, то такая работа приятна; также если таким образом благодаря гармонии все легко понимается и запечатлевается в памяти (ибо все, что идет известным порядком, легко вспоминается), лучше врезается в память.

## О приятности

II. Приятность  
при учении  
необходима.

138. Нужно кое-что повторить о приятности обучения. Ведь только поэты хотят быть полезными и радовать других, но каждый, кто хорошо учит, так как быть полезным может быть только тот, кто в то же время радуется.

Чувства являются половиной нашего бытия, они влекут нас с собой или к вещам, или прочь от вещей. Ум не стремится туда, где не чувствует приманки; а куда его не влечет, туда его толкают против его воли. Для того, кому приходится делать против воли, ничто не бывает столь легким, чтобы оно не становилось трудным, ничто не бывает столь приятным, чтобы оно не стало горьким, и, наконец, ничто не бывает столь хорошим, чтобы оно не отпугивало.

CLXVI. Больше всего надо остерегаться скуки — главного яда учебы.

Она достигается:

139. Дидактик, однако, должен знать каким образом ему надо предотвращать неохоту, вызывать стремление, поощрять усердие, действительно, этому надо учиться на основании того, как устроена сама человеческая природа, которая сама собой достаточно показывает, что на нее действует положительно, а что опять на ней сказывается неприятно. Кажется, что это можно обобщать в семь заголовков. Пока должно быть действительным следующее общее утверждение:

CLXVII. Обращение со способностями так, как этого требует природа, является основой приятного процесса. (Желать обращаться с ними иначе, значит бороться против природы, т. е. тормозить ее усилия, ломать их, гасить.)

1) таким образом,  
что учеников  
ни к чему  
не принуждаем;

140. Во-первых: человеческая природа свободна, она любит добрую волю, не выносит давления. Поэтому, куда она направлена, туда и хочет, чтобы ее вели; она не хочет, чтобы ее влекли, толкали, принуждали. Отсюда вытекает, что брюзгливые учителя, властолюбивые и такие, которые прибегают к побоям, являются врагами человеческой природы, они как бы созданы для того, чтобы заглушать и уничтожать способности, а не возвышать и облагораживать их. Сюда относятся также скучные и бесплодные догматики, обучающие одними сухими наставлениями, не развлекая учеников ради привлечения их к делу; они из них делают или брюзгливых зануд, или беглых студентов, или людей косных и инертных, похожих на них самих. Итак:

CLXVIII. Учительская работа не должна содержать ничего общего с брюзгливостью, все нужно делать с отеческой любовью. (Это для того, чтобы ученик чувствовал, что его любят, чтобы не было причин к недоверию, чтобы за любовь платил любовью)

и чтобы поощрением к прилежности было само влечение к вещам и лицам. К этому направлена вся организация моего обучения. См. § 37 и т. д.).

2) таким образом,  
что все подаем  
в сжатом виде;

141. Затем: человеческая природа не выносит бесконечности; ее радует, если она может обозревать границы вещей. (Поэтому все долгое, запутанное, неясное нас или отпугивает, или хотя бы отбивает у нас охоту; наоборот, все краткое, упорядоченное, ясное нас радует. Поэтому дух человека, движущегося к какому-либо отдаленному месту, наполняется радостью, если его желанная цель становится видимой.) Итак:

CLXIX. Ход любого обучения должен быть по возможности кратким и упорядоченным.

(Дело в том, что ученики не должны шататься точно в каком-то хаосе, не зная, что творится, куда они направляются и где они находятся,— таким образом дух наполняется ужасом, не радостью,— но, чтобы они уже с самого начала ясно видели цель со всеми промежуточными звеньями и осмелились достичь ее. Всякий раз, когда человеческий дух поймет, что все распределено по ступеням, так что он не видит и не находит никаких ущелий, ни пропастей, он, конечно, никого и не боится; как только он хоть немного продвинулся, он определенно пожелает всегда продвигаться дальше. Весь учебный материал нужно распределить так, чтобы не требовались никакие преждевременные результаты и чтобы мысль ученика сама перешла на то, что видит перед собой. Она это сделает с удовольствием, когда заметит, что у приобретенного отсутствует нечто — точно новое звено к цепи, соединение которой было начато, — что она бы присоединяла так долго, пока бы не была готова вся цепь (см. выше § 23.) Приятность, таким образом, появится, когда все задания учеников распределены в легко понятные совокупности, все всем ясно объяснено, все воспроизведено тут же в присутствии учителя и с его помощью и ничего не оставлено их индивидуальным мучениям; ученик боится быть оставлен и предоставлен самому себе. Ведь как не появиться охоте ко всему дальнейшему у того, кто видит, что все присутствующими преодолено?)

3) таким образом,  
что чувства  
занимаем тем,  
что их привлекает;

142. В-третьих: связь со своими предметами для человеческих чувств является наслаждением, и, наоборот, прекращение доступа к предметам — огорчением, так как этим они живут. Поэтому, когда дети слышат, что по близости есть что-то новое, чего они еще не видели, о чем еще не слышали, чего еще не пробовали на вкус и т. д., они устремляются к нему и жаждут увидеть, услышать, попробовать и т. д., да и кто бы не жаждал? Если

им в этом воспрепятствовать, их можно подавить. Так что наслаждением будет метод, который будет неустанно предлагать все чувствам учеников. Итак:

**CLXX.** Чувства учеников нужно постоянно занимать тем, что их привлекает.

4) таким образом, что постоянно занимаем учеников практикой;

143. В-четвертых: человеческая природа радуется практической стороне вещей (как я показал в § 24), так как она стала прави-

тельница вещей, она верит, что править вещами значит все время что-нибудь создавать, преобразовывать, строить; а поэтому трудно нам запрещать ей двигаться, действовать и, так сказать, связывать ее. Эта склонность человеческой природы проявляется с самого раннего детства, у каждого тем действеннее, чем живее способности. Поэтому детям трудно лишь наблюдать за тем, что делают другие; они хотят это делать также и сами. Нет даже никакого наслаждения слушать, как другие говорят; приятно самому вступить в разговор, зная, что тебя слушают. Но и взрослым, слушающим разговор других, часы кажутся днями. (Таким неприятным является приспособление свободной мысли руководству кого-нибудь другого.) Те, кто сам говорит, не считают это неприятным, так как они свободно несут свои мысли. Наша дидактика, таким образом, правильно оставляет всю практику ученикам; навсегда пусть останется действительным следующее:

**CLXXI.** Всему, чему ученики должны учиться, должны учиться посредством практики (чтобы работа питала умелость).

5) таким образом, что будем обучать лишь вещам полезным;

144. В-пятых: человеческая природа гонится за тем, что в вещах полезно; ей мило все, что обещает и приносит какую-нибудь пользу. Беспользные вещи, хотя с иных точек

зрения приятно дразнят, все же в конце концов теряют свою ценность и оставляются.

Итак:

**CLXXII.** Пусть ученики всему учатся ради пользы. (Не надо поддаваться одному созерцанию; всюду должна быть заметна польза. Красивые вещи нужно пробовать лишь ради вещей полезных, так как красивые вещи — это дерево без пользы, краска без предмета и Сирены, усыпляющие неосмотрительных людей.)

6) при помощи разнообразия учебного материала;

145. В-шестых: человеческую природу радует разнообразие; все одинаковое становится ей неприятным<sup>78</sup>. Ввиду того что она в состоянии охватить бесконечность, она не

может удовлетвориться одной лишь конечной вещью. Как только она что-нибудь поймет, или чего-нибудь достигнет, или что-нибудь совершит, моментально желает дальнейшего. Так случается, что



вещи, состоящие из подобных частей, как, например, песчаная равнина, морская поверхность, совершенно белая стена, чистый лист бумаги и тому подобные вещи, не приносят наблюдателям никакой пользы. Но до чего приятными для чувств и для души является равнина, поросшая деревьями и травами местность, привлекающая внимание своими горами и долинами, полями и виноградниками, замками и городами, стена, исписанная разными картинами, и лист, исписанный буквами. Итак:

CLXXIII. Чему бы мы ни обучали, все должно содержать приятное разнообразие.

7) разрешенном  
соревнований,  
имеющих характер  
игр.

146. Наконец, человеческую природу (особенно в молодые годы) радуют игры, о чем свидетельствует детский возраст, весь преданный играм, и наслаждение от шуток и тому подобных разрядок ума, сопровождающих нас всю жизнь. Это происходит по следующей причине: прежде всего человеку свойственно радоваться свободе (см. 140). Всякая игра является чем-то добровольным, а тем самым и свободным, между тем как занятие серьезными вещами имеет характер необходимости, а тем самым и принуждения. Кроме того, это происходит еще потому, что все игры проводятся совместно и в форме соревнования; человеческую натуру действительно радует соревнование, поскольку ее радует похвала. И наконец, потому, что человеческая мысль жаждет чего-то нового и так радуется зрелищем результатов действий (собственных ли, чужих ли, серьезных ли, шуточных ли), что ей доставляет радость также участие в играх, где можно смотреть на результаты соревнований. Поэтому небесная мудрость говорит, что она играет с нами (Притч. 8, 30). Но! ложную мудрость Иаков считает сварливой и приписывает ей горькую зависть (Иак. 3, 14 и т. д.). Это, таким образом, будет иметь большое значение для развлечения, поощрения и побуждения к делу, если

CLXXIV. Все, чему учатся ученики, будет их учиться большее количество сразу и в какой-нибудь приятной форме соревнования. Способы проведения этого я в дидактике не исследовал, так как об этом легко можно додуматься; в подходящем месте, однако, будет прибавлено что-нибудь, что касается особенных случаев, а именно в главах XIII и XIV.

[Вывод: все, что бы ни делалось в низших типах школ, должно быть игрой способностей. Если мы что-нибудь предоставим трудному и нудному учению, это будет насмешка над новейшим методом.]

147. Это и есть пути приятности. Если все же останутся еще какие-нибудь затруднения, они будут преодолены уверенностью в успехе. Об этом см. ниже.

## О надежности обучения<sup>79</sup>

III. Надежность обучения (основанная на надежности учебного материала) требует:

148. В общих чертах нужно напомнить о том, что если мы хотим учеников надежно обучать, надежным должен быть учебный материал, т. е. чтобы можно было положиться на его правдивость и его применимость. Надежная постройка никогда не может возникнуть из мякины, соломы, сена и песка, но из камня, дерева, металла, т. е. из устойчивого материала. Подобным образом никогда из неуверенных предположений нельзя строить науку и из знания бесполезных вещей никакой вычурностью нельзя сделать полезное знание. Итак:

CLXXV. Там, где мы заботимся о надежном образовании, должно строго исключить вещи бесполезные и такие, правдивость или полезность которых нельзя доказать.

1) жажды учения, 149. В конце концов, так как нас теперь не интересует надежность учебного материала, но метод, займемся тем, как построить его на десяти основах (чтобы повторить что-нибудь из прежних знаний). Первой из них является желание учиться. Выжженная солнцем и растрескавшаяся почва хорошо впитывает дождь, а голодный желудок хорошо принимает; переваривает пищу. Таким же образом при любви к учебному материалу и восхищении им ученики хорошо схватывают учебный материал и легко приспособливают мысль, язык и руку к любимой вещи. Итак:

CLXXVI. Все делать воодушевленно.

(О том, как вызвать желание учиться, я упомянул в § 22 и 23.)

2) безошибочно надежных орудий деятельности, 150. Затем, поскольку необходимо, чтобы там, где деятельность должна безошибочно продвигаться, орудия деятельности были бы безошибочно надежны (едва ли можно хорошо работать плохим орудием), орудиями же обучения являются примеры, поучения и закрепление упражнениями,— из этого вытекает следующий закон о надежности:

CLXXVII. Примеры должны быть отобранными, они должны ясно ставить вещь перед глазами, чтобы можно было рассмотреть каждую ее часть. Поучений не должно быть много, они должны быть ясными по смыслу, абсолютно правдивыми, которым можно надежно верить. Наконец, к примеру должны тесно примыкать упражнения, пока он не будет правильно уяснен, ибо там, где примером является ошибка, там нельзя не научиться ошибочным вещам. Также и там, где поучений (правил) много и где эти поучения растянуты, сложны и отягощены исключениями, они не могут способных учеников

не пугать, не подавлять, не сбивать с толку и не вводить их в заблуждение. Наконец, неопределенное копирование, не при-  
мыкающее тесно к примеру, создает произведения неопреде-  
ленные, не уподобленные идее. Итак:

Выводы:

1. Все должно иметь точные формы.
2. Все должно иметь безошибочные нормы.
3. Все нужно делать с тщательным старанием.

(Все это для того, чтобы, все, что нужно воспринимать и делать, воспринималось и делалось правильно. Иначе ложная форма приведет на ложный путь то, что формируется, ненадежная норма дает ненадежное направление, а плохое старание при подражании и хорошие формы и нормы сделает бесполезными или малополезными.)

3) надежно  
заложённых  
первооснов науки,

151. Третья основа надежности состоит в том, чтобы были надежно заложены первоосновы наук, так как без основы, как и с плохо заложённой основой, все, что строится,

обречено на развал. Итак:

CLXXVIII. Все первое должно быть лучшим: пример, норма, внимание и, наконец, сам учитель.

(Все это потому, что в большинстве случаев, как подаются первые вещи, так подается и все остальное.)

CLXXIX. Все первое должно быть замедленным, но точным: наблюдение, восприятие и, подражание. (Принципы CL и CLI.)

(Поспешность в большинстве случаев губит труд, так же как нерадивость в первоначальной стадии. Врачам известно, что недостаток при первом усвоении не будет исправлен при втором усвоении, а математикам известно, что ошибка, не замеченная в начале решения, растёт до бесконечности и ее нельзя иначе устранить, как аннулированием всего решения и возвращением к началу. Правильно, наконец, итальянцы употребляют пословицу, взятую из области строительства: плохие фундаменты разрушают и самые высокие башни. Если, следовательно, при обучении ты невнимателен уже в самом начале, ты или готовишь дорогу ошибкам, или готовишь себе трудное отучивание и определенные задержки.)

Выводы:

1. Нужно позаботиться о том, чтобы все, чему мы обучаем, с самого начала понималось правильно. (Все это потому, что вещь, которую мысль каким-либо образом восприняла от чувств, моментально вверяется памяти и запечатлевается в ней; возникает образ, который нелегко изгладить из памяти.)

2. Во всем, что ученики усвоили, нужно сразу же устанавливать, правильно ли они усвоили. (Это для того, чтобы мысль не представляла себе вместо вещи обманчивый образ.)

3. Все, в чем проявится то, что было неправильно понято, нужно тотчас же устранить, чтобы оно не пустило корни (согласно принципам LIX и CLII). (Учитель надежно устранит ошибку, если одновременно обнаружит и ликвидирует ситуацию, при которой, как он видит или полагает, ученик впадает в ошибку. Человек, собственно, ввиду того, что является животным, наделенным разумом, впадает в ошибку не как-то без участия разума, но потому, что его обманывает какая-то правдоподобность. Эту маску правды нужно сорвать, чтобы ошибающийся увидел ошибку и сразу отказался от нее).

4) осмотрительное  
строительство  
остальных вещей,

ло и другие вещи (принцип XLVIII и т. д.). Итак:

CLXXX. Пока первые вещи еще не закреплены, на них нельзя строить ничего нового.

(В противном случае мы будем строить с перспективой на развал, как это видно бывает со зданиями. Об этом говорит изречение: не много, но как следует (принцип CXLIX). При развитии способностей нужно поступать так, как советует Плиний применительно к сельскому хозяйству <sup>80</sup>: выгоднее меньше сеять, но лучше пахать. Таким образом, можно надеяться при меньшей затрате посевного зерна на более богатый урожай, между тем как те, кто много сеет и плохо пашет, много теряют и мало собирают).

5) первостепенную  
заботу о вещах  
существенных,

153. В-пятых: никакая вещь не может быть полностью понята и нельзя продвигаться дальше, если мы не исследуем и не разберем все, что в ней существенного. Это очевидно на часах; тот, кто не понимает всего, чего нужно для возникновения столь равномерного их движения, не понимает достаточно и умелого их устройства и не в состоянии их произвести, если не будут все отдельные части соответствующим образом подготовлены, сконструированы и приспособлены к движению. Ввиду того что каждое целое состоит из частей противоположных и находящихся посередине (а вне этих частей нет ничего, все содержится в них), эти части, если их рассматривать в данной связи, сами только соединяются и правильно действуют на чувства и поучают мысль. При обучении необходимо, чтобы все эти вещи брались и рассматривались одновременно, т. е. чтобы сначала были установлены вещи крайние, а потом находящиеся посередине, чтобы было представление обо всем, как оно в себе распределено от края до края. Только тот, кто видит и поступает таким образом, видит все и действует надежно. Итак:

CLXXXI. Все полностью в частях крайних и средних.

(Речь идет о том, чтобы ученик везде ясно видел, что к вещи относится или не относится.)

Вывод: при делении вещей все составные части рассматривать, объяснять и определять одновременно, чтобы тотчас же одновременно осознавали различия между вещами. См. выше объяснение принципа С.

(Таким способом можно многое объяснить, так как, если подхватить только первый элемент деления с тем, чтобы определить его и тотчас же подробно рассмотреть, между тем как остальные остаются отодвинутыми (что случается при обычных методах), перед интеллектом возникнет много неясностей, задержек и мучений. Но если поставить эти противоположные элементы отчетливо рядом, они станут ясными.)

6) обследование  
внутренних причин,

154. В-шестых: а так как знать вещь обозначает знать ее на основании причин, нужно объяснять причины везде там, где они не ясны сами по себе, чтобы они не оставались неизвестными, чтобы ученик всюду не только видел, что есть и каким образом что-либо существует, но также почему это не может быть иначе. Итак:

CLXXXII. Все обстоятельно, при помощи вскрытия причин. (Речь идет о такой связи всего того, чему обучают, чтобы результаты вытекали из причин и были сами собой понятны. Если это случится, наш дух (который Священное писание называет светильником божьим) станет сам себе учителем, а вскрытием основ вещей он сам будет разнообразно очищать и умножать свет мудрости. См. принцип ХС с выводом и принцип CLV и последующие с соответствующими выводами.)

7) различные  
упражнения  
собственных чувств,

155. В-седьмых: поскольку наши чувства являются каналами, по которым попадает знание вещей в наши мысли (согласно принципу XXXIII), то чем больше, чаще и точнее ими пользуются, тем глубже учебный материал должен пускать корни. Итак:

CLXXXIII. Все собственными чувствами, постоянно и разнообразно.

(Это требуется для того, чтобы возбудить и как можно глубже закрепить воображение (согласно принципам LXXXIV и LXXXV). Поэтому все лучшие учителя свои поучения любят сопровождать движениями рук, картинками, развлечениями, обрядами, одним словом, тем, в чем для нас учителем так часто бывает сам Бог. Христос также не удовлетворялся словесными напоминаниями апостолам, а поставил перед ними ребенка и велел им подражать детской скромности, не знающей своей собственной цены. За тайной вечерей он не удовлетворился

тем, чтобы той же скромности учить словом; он встал, снял плащ, услужил апостолам водой для мытья ног, вытер их ноги холстиной, так что они должны были понять, чего он хочет, и глубоко это запечатлеть в памяти<sup>81</sup>. Агабус также не счел достаточным предсказать павлово обуздание словами, но он решил опоясаться поясом Павла, чтобы свои слова глубже запечатлеть в души<sup>82</sup>. См. § 90.)

**Выводы:**

1. Так как только собственное познание прекращает споры и дает нам уверенность в том, что мы приобрели знания, пусть все, чему обучается, переводится на очевидность чувственного познания. (Только таким образом рождается настоящее, полноценное, несомненное познание вещей. Рим, Париж, Индию и т. д. несомненно прочнее сохранит в памяти тот, кто их хоть раз видел собственными глазами, чем тот, кто о них бесчисленное количество раз слышал от тех, кто их видел. Математик размеры небосвода знает по собственным исследованиям увереннее, чем тот, кто только верит в то, что другие его таким образом наблюдали. Он верит благодаря их авторитету, а если против него поставить авторитет кого-нибудь другого, он моментально начнет сомневаться. Вот почему в книге Екклезиаста читаем: опытный во многих вещах человек размышляет о многих вещах, а тот, кто научился многим вещам, расскажет о том, что он понял. Однако у кого нет собственного опыта, тот мало узнает (Еккл. 34, 9—10.) В течение всего обучения все должно быть так устроено, чтобы студенты научились все познавать при помощи собственного чувственного восприятия и умственной деятельности.)

**Вывод:**

2. Если мы однажды употребили один орган чувств, этого мало; у учеников надо способствовать вниманию всеми возможными способами.

3. Там, где нельзя обеспечить сами вещи, которые следовало бы непосредственно предложить чувствам, надо предложить их заменители, картины. (Это для того, чтобы всеми средствами способствовать созданию образности и предотвращать ошибки.)

8) постоянную  
собственную  
практику,

156. В-восьмых: ввиду того что в собственной практике скрываются многие тайны быстрых и надежных успехов (так как искусными становимся только благодаря практике), ключом ко всякому усердию вообще будет для ученика (снабженного примерами и правилами) то, чтобы собственная деятельность всегда не только разрешалась, но поручалась. Ибо это обстоятельство означает побуждение к энергичному движению вперед, и притом человек видит, что он может стать сам себе руководителем и таким образом поступать (как я показал в § 143), он держит

и таким образом поступать (как я показал в § 143), он держит

чувства в большей внимательности (так как в этом случае способности сами собой распоряжаются) и в конце концов вызывает наслаждение от повторения, так что ученики никогда не уходят ни с чем, но всегда с богатыми плодами. Поэтому некоторые старые писатели, побуждая подрастающих юношей к чтению авторов и к собственной работе, часто говаривали, что домашняя птица имеет самое вкусное мясо в том случае, если ее не кормили приготовленной пищей, а если она сама себе ее искала *διὰ τὸ διαλεγεῖν* (роясь). Итак:

CLXXXIV. Все путем постоянной собственной практики учеников.

9) частое повторение и контроль,

157. В-девятых: так как все более частое является и более известным, необходимо все то, с чем мы хотим учеников как следует познакомиться и что они должны мастерски де-

лать, шлифовать контролем и закреплять при помощи частых упражнений. Итак:

CLXXXV. Надо все время повторять и экзаменовать.

(Это значит: надо учитывать то, что сам метод обучения должен состоять в постоянном практическом повторении и в контроле, особые формы которых в дидактике языка скоро увидим. Составные части экзамена состоят в том, что мы устанавливаем 1) научился ли кто-нибудь чему-нибудь — это появится, если он сумеет это пересказать; 2) понял ли он — это можно узнать на основании разных аналитических вопросов; 3) умеет ли он приобретенные знания применить — это покажет практическая деятельность, порученная ему для выполнения без подготовки).

10) попытка сразу же учить других тому, что ученик усвоил.

158. В-десятых: ввиду того что прохожий приобретает в дороге чувство уверенности тем, что часто ее проделывает туда и обратно, но еще больше тем, что он пробует идти и другими дорогами (чтобы узнать, какие они, короче или длиннее, ровные или неровные), потом сворачивает и сравнивает дороги одну с другой, полезно будет, чтобы ученик не только двигался вперед, но чтобы он также возвращался назад, отклонялся, т. е. чтобы он двигался вперед, назад и поперек. Это произойдет в том случае, если ему поручить, чтобы он не только наблюдал за учителем, который что-нибудь демонстрирует или излагает, но чтобы он и сам также демонстрировал то же и теми же словами объяснял другим и, наконец, чтобы он также смотрел и слушал, как наряду с учителем демонстрируют и объясняют вещь другие. Надо пояснить более ясно, что я хочу. В школах известно следующее двуступенное:

Часто спрашивать, не забывать, учить других —

Три эти вещи дадут возможность ученику превзойти учителя.

Однако недостаточно хорошо известен третий совет и его выполнение, т. е. совет о том, что нужно самому обучать тому, что запомнил, что тот, который чему-нибудь научился, должен равным образом сразу обучать этому других; это было бы очень полезно. Совершенно правдиво следующее изречение: обучая других, ты обучаешь сам себя — или, как говорит Сенека: обучая других, сам учишься<sup>83</sup>. Это не только потому, что повторением ты закрепляешь понятия, но также потому, что получаешь возможность проникать в вещи глубже. (см. § 85). Поэтому остроумный Иоахим Форций сам о себе свидетельствует, что все когда-либо услышанное или прочитанное им выветрилось из памяти иногда даже в течение месяца. Однако то, чему учил других, сосчитано, мол, как по пальцам, и он верит, что это у него может отнять разве только смерть. Тот же автор советует студенту, стремящемуся достичь больших успехов, найти учеников, которых бы ежедневно обучал тому, чему сам учится, даже в том случае, если бы он должен был платить им за это золотом. Он говорит: для тебя лучше отказаться от какого-нибудь удобства, лишь бы был у тебя кто-нибудь, кто бы хотел тебя слушать, когда ты обучаешь, т. е. когда сам продолжаешь двигаться. Это говорит он. Однако я хочу перенести это в теорию, так, чтобы это было действительным:

CLXXXVI. Каждый ученик пускай привыкает быть в то же время учителем.

Это случится, если ученику поручим, чтобы он все то, что учитель в достаточной мере продемонстрировал и описал, сразу же тем же способом показывал и описывал определенное количество раз. (Если учеников будет больше, пусть это делают один за другим, причем начать должен самый способный.) Их надо приучать к тому, чтобы они то, чему сами учатся в школе, рассказывали потом дома родителям, работникам или всем, кто в состоянии подобные вещи понять, и т. д.

**В чем выгода этих последних упражнений.**

159. Эта привычка оправдается в разнообразных вещах: во-первых, ученики станут более внимательными ко всему, что учитель излагает, если они узнают, что скоро им придется то же повторить, и если каждый из них будет опасаться того, что, может быть, он будет первым, от кого это потребуется (см. выше § 86). Во-вторых, каждый повторением того, что было сказано, запечатлеет вещь глубже в уме и в памяти. В-третьих, если окажется, что что-нибудь было понято не совсем правильно, тут же будет возможность исправить это (с большой пользой, как это вытекает из принципа XLVII). В-четвертых, учителя и ученики приобретут уверенность в том, что то, что нужно было понять, было понято, так как признаком знания является способность учить. В-пятых, частым повторением той же вещи можно достичь



того, что самый медлительный ученик все же это поймет. В-шестых, все во всем будет быстрее и надежнее добиваться успехов. В-седьмых, из каждого ученика любой ступени станет учитель, а тем самым увеличится количество возможностей для существенного увеличения количества знаний. Таким образом, подтвердится справедливость шутливого замечания Форция, сказавшего: многому я научился у своих учителей, большему у одноклассников, но еще большему у учеников. А кто-то другой говорит: чем чаще кто-нибудь будет учить, тем умнее он станет. *Und so bleibt man immer der Lust* <sup>85</sup>.

Данные  
дидактические  
основы служат тому,  
чтобы все  
излагалось  
правильно.

160. Это и есть основы теории обучения, из которых можно извлечь верные правила для правильного изложения всех наук и искусств (искусств свободных и тех, которые требуют применения инструментов, искусств духовных и светских). Для меня теперь возникла необходимость вывести из этого правила дидактику языков. Об этом я устанавливаю для себя закон:

**CLXXXVII.** Все, что нужно будет установить в дидактике обучения языкам, нужно будет соотнести с данными дидактическими основами.

## Комментарии

Бессмертие мыслителя — это бессмертие его идей. Время может менять смысл и значение этих идей, менять их место на шкале современных ценностей. Но они остаются неотъемлемой частью современного общественного и научного сознания, одной из движущих сил его развития.

Таковы идеи Я. А. Коменского. Сколько бы интенсивно и широко ни развивалась педагогическая мысль, сколько бы бурным ни был рост педагогической науки, идеи, заложенные Коменским в основание этой науки, всегда будут действенным фактором ее прогресса.

В истории педагогики, богатой блестящими именами, как и в истории любой другой науки, такая судьба дарована немногим. Барьеры времени разрывают лишь педагоги-мыслители, сумевшие не только расширить реальное педагогическое знание, но и перестроить самые его основания, изменить характер и систему педагогического мышления. Первый такой переворот в педагогике был произведен Коменским. Его именем начинается история педагогики как науки.

Обращение Коменского к вопросам воспитания не было случайным. Оно было естественным и закономерным следствием острого интереса Коменского к проблемам Человека и Общества, к способам и путям их совершенствования и переустройства. Воспитание в широком смысле представлялось Коменскому ведущим из этих путей. И потому именно здесь были сконцентрированы его усилия.

Вопросы воспитания Коменский решал в свете своего понимания мира и назначения человека в мире, решал как одну из социальных задач, рассматривая ее в общефилософском и конкретно-научном, педагогическом плане. В этом триединстве — социальных посылок, философского осмысления проблем воспитания и собственно педагогического, глубочайшего их анализа — сущность педагогического творчества Коменского. Раскрыть это триединство и составляло основную задачу настоящего издания.

Не менее важная его задача состояла в том, чтобы показать особенности внутреннего генезиса и внутренней структуры педагогической теории Коменского.

Первая в истории мировой педагогики стройная и законченная педагогическая система разрабатывалась Коменским, с одной стороны, на основе всестороннего и детальнейшего изучения существующей педагогической реальности и, с другой — на фундаменте новейших идей и достижений передовой научной мысли эпохи.

Педагогическая система Коменского сложна, многогранна, но внутренне неделима. Она не распадается на те два уровня, в которых до него преимущественно обитала педагогическая мысль, — на педагогическую эмпирию и спекулятивные построения. Корни, ствол и крона системы Коменского питаются соками практики и теории одновременно. Все самое конкретное и практическое в педагогике Коменского восходит к высочайшим педагогическим идеалам. Все самое высокое и идеальное направлено к решению практических педагогических задач. И это отнюдь не заземленность теории. Это ее жизненность, доказанная всей последующей историей мировой педагогической мысли.

Отправную точку движения Коменского к просветительской и педагогической проблематике фиксирует уже одно из ранних его произведений — «Лабиринт света и рай сердца» (1623), шедевр чешской литературы. В этой яркой сатире отчетливо обнажены мировоззренческое кредо Коменского, социальные и политические истоки его будущих педагогических идей.

Написанное десять лет спустя «Краткое предложение о восстановлении школ в Чешском королевстве» (1632) — план национальной реформы образования — свидетельствовало о концентрации социальных устремлений Коменского вокруг проблем воспитания и образования. Во всех последующих работах социальное, философское и педагогическое осмысление этих проблем идет уже неразрывно.

И все же при всей неразрывности философского и собственно педагогического осмысления Коменским проблем воспитания и образования отчетливо видна определенная цикличность в смещении акцентов анализа этих проблем — от конкретно-научного к универсальному, философскому, охватывающему бытие в его цельности и глубине. Эта цикличность отражает движение мысли Коменского к все большему и большему социальному и мировоззренческому обобщению педагогической проблематики. Первый такой цикл завершает «Предвестник всеобщей мудрости» (1637—1639) — набросок пансофии, своеобразной и еще не во всем понятой философской концепции Коменского. Итоговый цикл венчает «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», над которым Коменский работал около тридцати лет и в котором его пансофические идеи получили наиболее полное воплощение.

Во «Всеобщем совете» педагогическая концепция Коменского предстает неотрывной, органической частью его общефилософской системы и получает прямую направленность на решение социальных проблем — от глобальной идеи всеобщего обязательного образования. Цикл замкнут. Идеи Коменского — ученого, философа и общественного деятеля слиты нераздельно.

Таким предстает Коменский перед глазами потомков — не только великим реформатором педагогики, но и великим мыслителем, ярчайшим представителем европейской культуры нового времени, демократом-утопистом, мечтавшим преобразовать общество на началах гуманности, добра, справедливости и мира. Таким видели Коменского и лучшие из его современников. Декарт назвал Коменского «человеком сильного ума и большой идеи», высоко оценивая его «благородную ревность к общественному благу». «Время придет, Коменский, — писал Лейбниц, — дела, надежды и думы твои и мечты чтить будут люди добра».

Всемирная слава пришла к Коменскому еще при жизни. Слава педагога и философа. Современники не были едины в своем выводе — что в Коменском сильнее. Одни призывали его продолжать педагогическую деятельность и расширять сферу ее влияния. Другие полагали, что область этой деятельности недостаточна для Коменского, что его главное призвание — философия, реформы всей системы человеческого знания. Друг и почитатель Коменского С. Гартлиб, впервые издавший «Предвестник всеобщей мудрости» Коменского, писал ему, имея в виду его педагогические занятия: «В какую пропасть ты катишься, занимаясь делом, не стоящим твоих сил». И так думал не один Гартлиб.

Время решило этот спор. Хотя не все в этом решении, как отмечалось, можно признать бесспорным. Найденный не так давно капитальнейший труд Коменского «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», отрывки из которого впервые на русском языке публикуются в настоящем издании, позволяет существенно скорректировать взгляд на роль и место Коменского в истории философии, в истории общественной мысли.

Но одно остается бесспорным. Только мыслитель и философ масштаба Коменского мог стать основоположником научной педагогики, педагогики нового времени. Коменский стал величайшим педагогом именно потому, что был великим мыслителем.

## Автобиография

(с. 25—73)

Настоящая «Автобиография» представляет собой часть «Продолжения братского увещания об умерении рвения любовью» («Continuatio admonitionis fraternae de temperando charitate zelo») — большого полемического произведения, над которым уже тяжело больной Коменский работал в последние полтора года своей жизни (1669—1670). Работа над ним, судя по всему, была не закончена, так как повествование обрывается неожиданно и текст выглядит явно незавершенным. Однако конец его нам неизвестен.

«Продолжение» — последняя крупная опубликованная работа Коменского. Она вышла в свет на латинском языке в Амстердаме не ранее первой половины 1670 г. В комениологической литературе датой ее издания обычно называется 1669 г. — согласно выходным данным. Однако, как ясно видно из авторского текста (§ 70), Коменский 19 сентября 1669 г. из-за болезни прервал работу, успев дойти в своем повествовании («в своей защите») едва до середины — до августа 1642 г. (весь автобиографический фрагмент в целом охватывает период с 1628 по 1658 г.). Он вновь вернулся к рукописи и приступил к описанию последующих событий лишь 6 января 1670 г.

Как произведение, продиктованное текущей полемикой, «Продолжение» было вскоре забыто. Оно было обнаружено работавшим в конце XIX — начале XX в. в России словацким комениологом Я. Квачалой, много сделавшим для собирания обширного, но разрозненного наследия великого чешского мыслителя. (Единственный известный сейчас экземпляр «Продолжения» находится в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

Автобиографический фрагмент «Продолжения» (§ 39—128) был опубликован Я. Квачалой в 1913 г. на языке оригинала в журнале «Архив по исследованию жизни и сочинений Я. А. Коменского», первая же его часть (§ 1—38) — А. Шкаркой в 1961 г. в журнале «Акта Коменiana. Архив по исследованию жизни и творчества Коменского». Полный текст «Продолжения» в составе обеих частей в переводе на шведский и английский языки с приложением фотокопии латинского оригинала издан М. Блекастад в Стокгольме в 1975 г.

Название «Автобиография» было дано фрагменту Й. Гендрихом при публикации его на чешском языке в 1924 г. На русском языке «Автобиография» публикуется впервые. Перевод сделан М. Н. Кузьминым и Ю. И. Ритчиком с чешского языка по т. VIII Избранных сочинений Я. А. Коменского (Прага, 1976).

«Продолжение» занимает совершенно особое место в наследии Коменского. Дело в том, что дневники, которые он постоянно вел, не сохранились. Исключения представляют лишь небольшая часть рабочего дневника 1646 г., посланного им в Англию С. Гартлибу (его обнаружила в 1969 г. в архиве Гартлиба в Шеффилде и опубликовала в 1974 г. Д. Чапкова), и рабочие заметки последних лет жизни «Slamogę Elię» («Вопли Или»), опубликованные в 1977 г. Я. Новаковой). Поэтому наряду с сохранившейся корреспонденцией «Продолжение» является уникальным источником по биографии великого педагога.

Наименование работы «Продолжение братского увещания...» отражает тот факт, что она была второй частью полемики Коменского против Самуила Маресия (1599—1673) — воинствующего теолога кальвинистского направления, профессора теологии университета в Гронингене. Первая часть полемики — «О рвении без знания и любви. Братское увещание Коменским Самуила Маресия» — вышла на голландском языке годом раньше как ответ на памфлет Маресия, направленный против друзей Коменского и его самого.

Причиной полемики Коменского послужили резкие нападки Маресия на посланные ему для отзыва вводные части «Панортосия», а попутно и на некоторые другие теологические, пансофические и педагогические работы Коменского.

Естественно, что критику Маресия Коменский не мог оставить без ответа: «Панортосия» — «Всеобщее исправление» — была шестой частью «Всеобщего совета об исправлении дел человеческих» (см. примеч.), главного философского сочинения Я. А. Коменского, представлявшего синтетический итог всей его научной системы, над которым он беспрерывно работал более двух с половиной десятилетий. В конце 60-х гг., чувствуя, что силы его на исходе, он торопился завершить и издать этот труд.

Уже одно это обстоятельство свидетельствует, что полемика касалась вопросов отнюдь не второстепенных, какими бы умозрительными многие из них нам сейчас ни казались.

Да и тот литературный прием, который Коменский ранее никогда (за единственным, может быть, исключением) не употреблял, а теперь решил использовать в своем ответе Маресию, — факты собственной жизни как аргумент научной полемики — весьма показательны.

Как легко заметит читатель, написанная Коменским «Автобиография» отнюдь не академически спокойное хронологическое изложение значимых событий прожитого, тщательно отобранных автором в назидаение потомкам. Это и не ретроспективная аналитическая оценка свершенного, обычно принимаемая на склоне лет.

Это, скорее, живой рассказ об основных событиях собственной жизни, очерк истории ее наиболее бурного тридцатилетия, предпринятый под особым углом зрения. Это прежде всего история его научных занятий, показываемая не столько в аспекте внутренних стимулов, сколько в плане внешних побуждений как ответная научная рефлексия на очевидные потребности эпохи, часто как непосредственный ответ на прямые запросы ученых, на «социальный заказ» общественных деятелей.

Это и было главным доказательством важности защищаемых им истин, ибо проблемы, заботившие Коменского, выступают как насущнейшие вопросы жизни того времени, глубоко и всерьез волновавшие умы многих современных ему мыслителей и политиков.

Чтобы яснее понять причины этого, следует вспомнить об историческом характере того гигантского общественного перелома, который совершался в эпоху Коменского и активной частью которого был он сам.

Это была эпоха межформационного разлома, эпоха охватившего с XVI в. уже многие страны Европы постепенного и необратимого вызревания буржуазного общества, быстро проходившего подростковый этап первоначального накопления. Развитие буржуазных отношений постепенно размывало старую социальную структуру. На смену малоподвижному, ориентированному на свой замкнутый локальный мир, связанному бесчисленными путями внешних предписаний и ритуалов члену общины, цеха, сословия приходил новый исторический тип личности с новым составом общественно необходимых качеств — активный, деятельный индивид с широкими социальными связями, свободный от внешних корпоративных уз, полагающийся в своей деятельности лишь на самого себя. Как неоднократно отмечал К. Маркс, это была новая ступень в историческом развитии человека.

Именно этот крупнейший исторический сдвиг в социальном статусе и социальной психологии индивида объективно отразил и оформил протестантизм XVI в., высвободив человека из-под всеобщепоборительной принудительной внешней опеки церковной организации, присущей католицизму, и предоставив ему свободу в общении с богом, перевода «вовнутрь» существенные социально-психологические регулятивные механизмы его поведения.

Но тот же исторический сдвиг обнаружил и недостаточность в повыв

условиях прежних механизмов социализации индивида и породил настойчивую общественную потребность в создании нового социального института — массовой всеобщей школы. (С этим сразу же столкнулся протестантизм: чтобы каждый верующий, свободный теперь от церковного ритуала, мог сам руководствоваться Библией, его следовало прежде всего обучить грамоте.)

С другой стороны, тот же социальный сдвиг обнаружил малоприспособленность в новую историческую эпоху господствовавшей более тысячи лет старой религиозной концепции человека с присущей ей трактовкой его места в мире, смысла и целей его земного бытия. (Протестантизм, как известно, переадресовывал трактовку этих частей христианской доктрины.) Но тем самым обнаружилась и несостоятельность связанного с ней воспитательного идеала, следовательно, малоприспособленность прежних целей и задач воспитания и образования, их содержания и методов. Таков был исток объективной общественной потребности, обусловившей рождение педагогической науки нового времени.

В «Автобиографии» читатель найдет немало примеров тому, как остро были заинтересованы и с какой последовательной настойчивостью просили и побуждали Коменского заниматься педагогическими проблемами (включая предложения о разработке национальных школьных реформ) различные общественные и государственные деятели Англии, Голландии и Швеции. Характерная закономерность: все это были экономически развитые, уже неколониальные страны, где интерес политиков к новой постановке школьного дела четко отражал и выражал общественную потребность в формировании индивида с новыми социально-необходимыми качествами.

В этом общественно-историческом контексте и становится особенно понятным общий смысл и главный итог научной деятельности Коменского. Выступая как выразитель и продолжатель мощной прогрессивной культурной традиции, глубоко поняв новую историческую реальность (чему, безусловно, способствовал его специфический индивидуальный жизненный опыт), Коменский переплавил и синтезировал гигантскую сферу знания о человеке. Переосмыслив огромный взаимосвязанный комплекс философских, науковедческих, педагогических и психологических проблем — от общей концепции человека и социальной детерминированности всеобщего образования через транслируемое содержание культуры и совокупность воспитательной деятельности вновь к человеку, он создал самостоятельную и целостную систему педагогической науки нового времени.

Коменский дал столь пронзительные, глубокие, точные и тонкие ответы на вопросы о природе человека, о смысле и истинных целях его воспитания, о законах и искусстве последнего, что ответы эти далеко перешагнули границы своего времени и сегодня продолжают оставаться богатейшей сокровищницей педагогической мысли, многие ценности которой не раскрыты полностью еще и доныне. Это был поистине гигантский научный подвиг.

Следует, впрочем, сразу заметить, что этот очевидный внушительный, социальный эффект индивидуальной деятельности Коменского-ученого был, в свою очередь, результатом и неясных, скрытых причин. Чтобы увидеть их, следует заглянуть в глубинные пласты, раскрыть социальную миссию самой науки вкупе с внутренними мотивами деятельности Коменского.

Дело в том, что теоретическое знание, наука, которая была до той поры лишь средством рационального объяснения мира, формой уяснения отношения человека и человечества к миру, в XVI—XVII вв. резко расширяет свои социальные функции. Обретая связь с техникой нарождающегося капиталистического производства, обогащаясь экспериментом и связью с практикой, она становится, наконец, также и базисом деятельности, средством преобразования мира. Именно по этой основе начинается ее быстрый взлет, происходит огромный скачок — великая научная революция XVI—XVII вв., свой вклад в которую внесли (не говоря уже о самом Коменском) и Ф. Бэкон, и

Р. Декарт, и Г. Гроций, с чьими именами читатель встретится на страницах этой «Автобиографии».

И хотя процесс этот захватил в первую очередь естественные и технические науки, общее движение повлекло за собой и гуманитарное знание. Это было обусловлено необходимостью выработки полной научной картины мира взамен теологической его трактовки, обнаруживавшей все более свою несостоятельность как в природной, так и в социальной части.

Как показала история, создание даже общих контуров новой научной картины мира потребовало чрезвычайно напряженных усилий многих поколений мыслителей и ученых и заняло более двух с половиной столетий.

Вместе с тем общественная наука в духе новой ее миссии неоднократно дерзала выступить в роли не только истолкователя, но и устроителя мира.

Конечно, до тех пор пока не были раскрыты структура общества и закономерности его движения и не был постигнут сложный, многослойный механизм исторического процесса, этим попыткам суждено было оставаться утопиями. Однако через них человеческая мысль упорно нащупывала пути изменения существующего несправедливого мироустройства.

Именно поэтому, если мы переведем многие вопросы полемики Коменского с Маресием с языка представлений теологической схоластики, присущего обществузнанию XVII в., на язык понятий современной науки, то окажется, что обсуждению подвергался широкий круг фундаментальных проблем, тяготеющих в конечном счете к философии истории. И именно в этом контексте следует рассматривать значение и смысл философских, пансофических и педагогических исследований Коменского. Ибо Коменский отчетливо ощущал эту новую роль науки как мощного рычага переустройства и преобразования мира.

Его надежды, его поиски в этом направлении не были абстрактными размышлениями кабинетного ученого: им двигало вполне конкретное чувство, перед ним стояла совершенно ясная цель.

Прожив более 40 лет в изгнании, Коменский все эти годы настойчиво искал пути достижения главной своей жизненной цели — освобождения родины из-под власти Габсбургов. В первые два десятилетия цель эта, несмотря на все трудности, казалась все же весьма реальной, прижизненно достижимой: сначала надежду вселял сам ход военных действий между Протестантской унией и Католической лигой, столкнувшихся в Тридцатилетней войне (1618—1648), затем — дипломатические переговоры между ними. И Коменский, европейски известный педагог и ученый, авторитетный церковный деятель — один из высших иерархов самостоятельной протестантской церкви, общины чешских братьев, активно стремился склонить к поддержке «чешского вопроса» многих влиятельных политиков протестантского мира. В «Автобиографии» читатель найдет немало примеров тому, сколь большое значение в самых различных жизненных ситуациях имели для Коменского эти соображения.

Но Вестфальский мир 1648 г. окончательно развеял эти надежды и заставил искать иные исторические силы, которые могли бы способствовать достижению желаемой цели — пусть не сейчас, хотя бы в перспективе. Вместе с тем Тридцатилетняя война показала, что судьба его родины не может быть устроена без решения главных проблем современного ему европейского общества.

И Коменский ищет такой инструмент преобразования общества, который открыл бы человечеству путь к миру, справедливости и благоденствию. Он находит его в универсально организованном воспитании, т. е. в исправлении мира через исправление человека.

Наиболее полно выраженные Коменским в его «Всеобщем совете об исправлении дел человеческих», эти идеи с особой силой прозвучат, как известно, сто лет спустя в философии европейского Просвещения. Однако, как

покажет дальнейшее развитие европейской общественной мысли, время в сущности лишь более четко определит условия и более строго очертит рамки действительности постигнутой Коменским объективной взаимосвязи.

Какой же нужно было обладать силой ума, чтобы уже в середине XVII в. почувствовать, понять и оптимистически оценить новую социальную роль науки и образования и их место в механизме исторического развития человеческого общества!

Таков был общественно-исторический контекст, в условиях которого развертывалась научная педагогическая и философская деятельность Коменского, цели и результаты которой он защищал в полемике против Марсения.

Публикуемая «Автобиография», являющаяся для современного читателя наиболее интересной частью этой полемики, воскрешает живые черты индивидуальности великого чешского педагога и мыслителя и картины бурной исторической эпохи, в которой он жил.

<sup>1</sup> *Фердинанд II* (1578—1637) — император Священной Римской империи с 1619 г., австрийский эрцгерцог из династии Габсбургов. Воспитанный иезуитами, вырос ярким врагом протестантов, проводил политику контрреформации. Возглавлял габсбургско-католический лагерь в начальные периоды Тридцатилетней войны. В 1627 г. издал эдикт об изгнании из Чехии всех протестантов.

<sup>1а</sup> Изгнана была и религиозная секта чешских (богемских, моравских) братьев, к которой принадлежал Коменский. Она возникла в XV в. в Чехии. Ее основателем считается Петр Хельчицкий, который, разочаровавшись в учении католической церкви, стал проповедовать свое собственное учение («учение о справедливости»), требуя возвращения к первым векам христианства. Приверженцы Хельчицкого вместе с остатками таборитов образовали самостоятельную религиозную общину. В XVII в. при Коменском основными местами их расселения были Польша, Пруссия, Силезия, частично Венгрия (известны богемские братья были и в России, где с XVIII в. жили в Саратовской губернии). Учение чешских братьев на протяжении существования секты претерпевало изменения, в частности было утрачено первоначальное требование сохранения безбрачия. Церковное устройство чешских братьев основывалось на Священном писании: проповедью и причастием заведовали пресвитеры, надзор за церковным благочинием принадлежал епископам, внутренние дела общины решали синоды. Судьба чешских братьев во многом — как это видно и со страниц «Автобиографии» Коменского — зависела (особенно в XVII в.) от общеполитической ситуации в Европе, от соотношения сил между государствами католической и протестантской ориентации.

<sup>2</sup> *Ратке, Вольфганг (Ратизий)* (1571—1635) — немецкий педагог. В 1612 г. представил съезду немецких князей во Франкфурте-на-Майне мемориал, где изложил свои мысли относительно реформы школы и общества.

<sup>3</sup> *Лещинский, Рафал* (1579—1636) — граф, воевода белзский. Протестант по вероисповеданию, Лещинский многое сделал для защиты интересов разномыслящих, заслужив прозвище «папы польских кальвинистов». Начальное образование получил в школе чешских братьев, затем в Гейдельберге, Страсбурге. Путешествовал по Европе. После битвы при Белой Горе в 1620 г. оказал гостеприимство беженцам из Чехии и Силезии. В принадлежавшем ему г. Лешно нашли приют многие чешские братья, в том числе Коменский. В 1631 г. завел в городе типографию.

<sup>4</sup> *Барон Я. Л. В.* — Поклонник системы Коменского Ян Людвиг фон Вольцоген (1599—1661), активный пропагандист арианства в Польше.

<sup>5</sup> *Гартлиб, Самуэль* (конец XVI в. — 1662) — английский реформатор польского происхождения. Его отец, протестант, спасаясь от преследований, переехал во Францию. С 1628 г. Гартлиб живет в Англии. Среди его друзей — поэт Мильтон, посвятивший ему трактат «О воспитании» (1644).



- Гартлиб содействовал приглашению английским парламентом в 1641 г. Коменского, чтобы тот своими советами помог делу национального воспитания и учреждению университета. В 1647 г. предложил парламенту проект обширной социальной реформы.
- <sup>6</sup> *Бэкон, Френсис (Веруламский)* (1561—1626) — великий английский философ, родоначальник английского материализма. Лорд-канцлер при короле Якове I.
  - <sup>7</sup> *Декарт, Рене (Картезий)* (1596—1650) — великий французский философ, математик, физик и физиолог. В основе философии Декарта — дуализм души и тела, «мыслящей» и «протяженной» субстанции. Принимал участие в битве у Белой Горы на стороне императорского войска, после ранения находился в Праге, где познакомился, в частности, с И. Кеплером.
  - <sup>8</sup> *Дюри, Джон* — шотландский священник, активно участвовавший в борьбе за равноправие евангелических вероисповеданий. В 1636 г. его секретарем стал приемный сын Коменского — Петр Фигул.
  - <sup>9</sup> *Геер, Людвиг де* (1587—1652) — крупный голландский предприниматель и купец, получивший в 1641 г. шведское дворянство. Был дипломатическим агентом канцлера Оксеншерны и голландских Генеральных штатов. Оказывал материальную помощь чешским братьям в Лешно.
  - <sup>10</sup> *Кристина Августовна* (1626—1689) — шведская королева в 1632—1654 гг., дочь Густава II Адольфа. До совершеннолетия (1644) страной правил регентский совет (фактически канцлер А. Оксеншерна). Продолжала политику сотрудничества с феодальной знатью, начатую ее отцом. Тайно перейдя в католичество, отреклась от престола. Одна из образованнейших женщин своего времени, владевшая семью языками. Оставила переписку, мемуары.
  - <sup>11</sup> *Оксеншерна Аксель, граф Сёдермере* (1583—1654) — шведский государственный деятель, риксканцлер (1612—1654) в царствование Густава II Адольфа и Кристины. Представлял интересы аристократической олигархии, добился ограничения королевской власти аристократическим государственным советом. После смерти Густава Адольфа (1632) до совершеннолетия Кристины (1644) фактически руководил всей шведской политикой.
  - <sup>12</sup> *Филом Александрийский* (ок. 21 или 28 до н. э. — ок. 41 или 49 н. э.) — иудейско-эллинистический философ. Соединял иудаизм с греческой философией, прежде всего со стоицизмом и платонизмом. Разработанный Филоном аллегорический метод истолкования Библии оказал заметное влияние на патристику и средневековую культуру.
  - <sup>13</sup> *Меланхтон, Филипп* (1497—1560) — выдающийся немецкий гуманист и теолог, ближайший сподвижник М. Лютера. Теоретик лютеранства, обобщивший принципы лютеранской теологии, составитель Аугсбургского исповедания. Автор многих педагогических сочинений и учебников, оказавших значительное воздействие на немецкую школу XVI—XVIII вв.
  - <sup>14</sup> *Густав II Адольф* (1594—1632) — король Швеции с 1611 г., полководец. Вел войны с Данией, Россией, Польшей, захватив обширные территории. С 1630 г. принимал участие в Тридцатилетней войне на стороне антигабсбургской коалиции. Сражался в Германии с лучшими полководцами того времени (победы при Брейтенфельде, 1631 г.; над Тилли, при Лютцене, 1632 г.; над Валленштейном — в этом сражении погиб).
  - <sup>15</sup> *Перемирие на шесть лет...* Речь идет о так называемой прусской войне 1626—1629 гг., одной из многих в длительной борьбе между Швецией и Польшей за господство в Прибалтике. В результате ее шведы получили Ливонию (Лифляндию) и ряд городов в Восточной Пруссии, в том числе Эльблонг. Закрывая в 1629 г. шестилетнее перемирие с Польшей, Густав II Адольф стремился обезопасить тылы своих войск в Северной Германии, готовясь к активным военным действиям против Габсбургов. Выступление шведов в Померании против армии Валленштейна летом 1630 г. знаменовало начало третьего, «шведского» периода (1630—1635) Тридцатилетней войны.

- <sup>16</sup> Польский город Мальборк в Гданьском воеводстве. Основан под названием Мариенбург около замка, заложенного Тевтонским орденом. С 1309 г. резиденция великого магистра ордена. В период польско-шведских войн 1626—1629 гг. и 1655—1660 гг. имел важное стратегическое значение.
- <sup>17</sup> *Владислав IV Сигизмунд, Ваза* (1595—1648) — король польский (1632—1648). В смутное время и позднее претендовал на московский престол. Малоудачливый в политике, отличался веротерпимостью, прилагая немалые усилия к прекращению вражды различных вероисповеданий, устраивал съезды представителей различных сект, провел соглашение между униатской и православной церквями.
- <sup>18</sup> *Патмос* — один из Спорадских островов в Эгейском море. Был местом ссылки у древних римлян. Предание гласит, что сюда был сослан апостол Иоанн. В одной из пещер он имел откровение, составившее содержание Апокалипсиса.
- <sup>19</sup> Коменский называет солицизмом обыгрывание (с обратным смыслом) 811-го стиха десятой песни «Энеиды» Вергилия — «Что ты рвешься на смерть и свыше силы дерзаешь!» (*Вергилий*. Энеида. Пер. В. Брюсова и С. Соловьева. — М.; Л.: Academia, 1933).
- <sup>20</sup> Парижское издание ныне неизвестно.
- <sup>21</sup> Речь идет о книгах «*Judicium de judicio Valeriani Magni... sive Absurditatum echo*» и «*Judicium de fidei catholicae regula catholica*», где Коменский полемизирует с сочинением Валериана «*Judicium de A catholicorum et Catholicorum regula credendi*». В первых изданиях Коменский подписывался *Ulricus de Neufeld* и *Ulricus Neufeldius* (вольный перевод имени Коменского — *Амос(ус) Нивниц (кү)*, что дало повод для предположения, будто бы автор намекает на Нивнице как на место своего рождения.
- <sup>22</sup> Аугсбургское исповедание — изложение основ лютеранства (в 28 статьях, на немецком и латинском языках), составленное Меланхтоном и представленное Карлу V на Аугсбургском рейхстаге в 1530 г. Устанавливало обрядовую сторону лютеранского культа, принцип подчинения церкви светскому государю. Отклонение Аугсбургского исповедания Карлом V и рейхстагом послужило поводом к длительной борьбе между католическими и протестантскими князьями Германии, окончившейся Аугсбургским религиозным миром 1555 г., который установил полную независимость князей в религиозных вопросах и признал лютеранство официальным вероисповеданием (наряду с католицизмом).
- <sup>23</sup> Тридентский (Триентский) собор, Вселенский собор католической церкви, заседавший с перерывами с 1545 по 1563 г. в г. Триенте (ныне — Тренто в Италии). Был созван в связи с успехами Реформации по настоянию многих прелатов и императора Карла V. Собор закончился победой папской, антиимператорской партии. Были закреплены все традиционные догматы католического вероучения, усилились гонения на протестантов, была введена церковная цензура, активизировалась инквизиция. Решения Тридентского собора надолго определили деятельность католической церкви эпохи Реформации.
- <sup>24</sup> *Януш Радзивилл* (1612—1655) — гетман польный литовский. Участвовал в борьбе против освободительного движения украинского народа во главе с Б. Хмельницким. В 1654—1655 гг. потерпел поражение от русско-украинских войск и вместе с другими литовскими магнатами шведской ориентации подписал Кайданский договор о переходе Литвы под протекторат Швеции.
- <sup>25</sup> Гельветское исповедание — название двух исповеданий реформатской церкви, составленных Буллингером в 1536 и 1564 гг. Первое было подписано уполномоченными всех реформатских церквей Швейцарии. Оба были приняты кальвинистами в Шотландии, Франции, Польше, Венгрии.
- <sup>26</sup> Речь, по-видимому, идет об исповедании веры, представленном чешскими

- братьями в 1532 г. маркграфу Георгу Бранденбургскому и в 1535 г. королю Фердинанду и расположившем в их пользу Лютера.
- <sup>27</sup> *Горайский, Збигнев* (ок. 1590—1655) — видный польский государственный деятель. Блестяще образованный, много путешествовавший по Европе, он всю жизнь активно боролся за урегулирование прав протестантских религиозных общин, в частности кальвинистских. Каштеляном хелмским был с 1641 г.
- <sup>28</sup> *Оссолинский, Ежи (Юрий)* (1595—1650) — польский государственный деятель, дипломат. С 1643 г. канцлер коронный. Во время освободительной войны украинцев под водительством гетмана Б. Хмельницкого сумел склонить крымского хана изменить своему союзу с Хмельницким, что вынудило последнего пойти на заключение Зборовского договора 1649 г. Оставил представляющие значительный интерес воспоминания.
- <sup>29</sup> Речь идет о вооруженной борьбе украинского народа в 1648—1654 гг. за освобождение от власти польской шляхты и за воссоединение с Россией. Активной антипольской силой стали реестровые казаки во главе с гетманом Хмельницким.
- <sup>30</sup> Король Владислав IV скончался 20 мая 1648 г., вскоре после получения известия о поражении польских войск в сражении при Желтых Водах, происходившем 6 мая.
- <sup>31</sup> Имеются в виду «отцы церкви». Традиционное название виднейших деятелей и писателей христианской церкви II—VIII вв., имеющих особые заслуги в формулировании, разъяснении и защите догматов христианской веры и в создании церковной организации. Главные «отцы церкви» в католицизме — Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный, Григорий I Великий. Богословские взгляды и указания «отцов церкви» считаются в христианстве (за исключением протестантизма) столь же авторитетными, как и Священное писание. Следует отметить, что в некоторых случаях патристика причисляет к «отцам церкви» религиозных деятелей более позднего периода.
- <sup>32</sup> В аттическом стиле, т. е. изящно и остроумно. Именно эти качества отличали наиболее разработанный в литературном отношении афинский диалект в Древней Греции (Аттике), легший в основу греческого языка.
- <sup>33</sup> Мирные переговоры между державами — участницами Тридцатилетней войны начались еще в 1643 г. в Мюнстере и Оснабрюке. Они завершились заключением 24 октября 1648 г. Вестфальского мира, подписанного в Мюнстере. Вопреки надеждам чешских братьев, рассчитывавших на помощь протестантских государств, Чехия по условиям мирного договора оставалась во владении католического дома Габсбургов.
- <sup>34</sup> Скончалась 26 августа 1648 г.
- <sup>35</sup> *Фабриций, Павел* (конец XVI в. — 1649) — видный член секты чешских братьев. После битвы у Белой Горы переселился в Саксонию, жил в Дрездене, временами посещая Прагу. В 1632 г. лешенский синод (церковный собор местных священников) избрал его епископом. В 1637 г. содействовал изданию книги Коменского «Путь покоя», направленной на защиту протестантско-христианских воззрений чешских братьев.
- <sup>36</sup> *Фридрих V* (1596—1632) — курфюрст пфальцский, глава протестантской унии в Германии. В 1613 г. вступил в брак с Елизаветой Стюарт, дочерью Якова I Английского. В 1619 г. чешскими протестантскими сословиями был избран чешским королем («зимний король»). Но уже в 1620 г. его войска были разбиты в битве при Белой Горе, и страной вновь овладели Габсбурги.
- <sup>37</sup> *Сигизмунд (Жигмонд) Ракоци* — младший брат трансильванского князя Дьердя (Юрия) II Ракоци, правившего с 1648 по 1660 г. Умер в 1652 г. Во время эпидемии оспы, охватившей все княжество. Не избежала ее и семья Коменского.

- <sup>38</sup> *Лашицкий, Ян* (1534 — нач. XVII в.) — польский писатель и деятель реформационного движения. Дважды — в 1567 и 1571 гг. — посетил чешских братьев на их родине. Восхищенный их учением, написал историю этой религиозной секты, частично изданную Коменским в 1649 г. под названием «*Historiae de origine et rebus gestis fratrum Bohemicorum liber octavus etc.*».
- <sup>39</sup> Полностью это место звучит так: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные».
- <sup>40</sup> *Геер, Лаврентий де* — старший сын Людвига де Геера, продолжавший оказывать материальную и моральную поддержку научным усилиям Коменского после смерти отца.
- <sup>41</sup> Библейское повествование об Иосифе Прекрасном, младшем сыне Иоакова, было излюбленным сюжетом в европейской средневековой драме.
- <sup>42</sup> Возможно, речь идет о драматической обработке истории красивой и богобоязненной иудейки, оклеветанной старейшинами в нарушении супружеской верности и спасенной от смертного приговора юношей Даниилом.
- <sup>43</sup> *Веллей Патеркул* — римский историк времен императора Тиберия. Его «История римская» в двух книгах представляет краткий очерк римской истории от прибытия Энея в Италию до 30-х гг. н. э.
- <sup>44</sup> *Андрей Венигерский* (1600—1649) — польский евангелический проповедник и историк евангелической церкви. Самое известное произведение «*Systema historico-chronologica ecclesiarum slavonicarum per provincias varias praecipue Poloniae, Bohemiae, Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Moraviae etc. distinctarum*». Его первое издание вышло в 1652 г. и содержит историю церкви преимущественно на славянских территориях с начала новой эры до 1650 г., причем особенно интересны сведения, относящиеся к XVI—XVII вв.
- <sup>45</sup> Лешно был сожжен поляками 29 апреля 1656 г. Поводом послужило то обстоятельство, что шведы, взяв Лешно, с сочувствием отнеслись к Коменскому и чешским братьям и воздержались от разорения города, ставшего их прибежищем. Польское войско расценило этот факт как свидетельство предательства чешских братьев и подвергло Лешно сплошному разгрому.
- <sup>46</sup> Среди погибших при пожаре Лешно рукописей Коменского, часть которых — переписанная набело — уже была практически готова к печатанию, находились «Сокровища языка чешского и латинского», «Опровержение философии Декарта и астрономии Коперника», многочисленные тексты проповедей за период свыше 40 лет и пр. Подробное перечисление своих погибших трудов Коменский дает в письме к Петру Фигуле от 22 мая 1656 г.
- <sup>47</sup> *Гроций, Гуго де Гроот* (1583—1645) — известный голландский юрист и государственный деятель, по политическим причинам покинувший родину и служивший при французском и шведском дворах. Является одним из основателей буржуазной теории естественного права и науки международного права, изложенных им в его главных трактатах «Свободное море» (1609) и «О праве войны и мира» (1625).

### Лабиринт света и рай сердца (с. 74—193)

При жизни Коменского «Лабиринт света и рай сердца» (1623) выходил дважды: в г. Лешно в 1631 г. (*Labirynt Swęta a Lusthauz Srdce, to gest, Swętlę Wymalowanj, kterak w tom Swętě, a węcech geho wssechnęch, nic nenj než Matenj a Motánj, Kolotanj a Lopotowanj, Mámenj a Ssalba, Bjda a Tesknot a naposledy Omrzenj wsseho a zauffánj: Ale kdož doma w srdcy swém sedę, s gediným Pánem Bohem se zwawjrá, ten sám k prawému a plnému myslí*

vrokogenj a radosti že prichází. s. 1., 1931) и в Амстердаме в 1663 г. с добавлением гл. IX, § 12 и 15—16. Существует много современных переизданий этого выдающегося произведения чешской литературы, которое переведено на русский, немецкий, английский, польский, шведский и другие языки. В настоящем издании «Лабиринт света» дается в переводе с чешского Н. П. Степанова (*Коменский Я. А. Лабиринт света и рай сердца.* — СПб., 1904) с нашей (— В. Б.) сверкой по фототипическому воспроизведению чешского издания 1631 г. в кн.: *Comenius J. A. The labyrinth of the world and the paradise of the heart.* Ann Arbor, 1972.

Образ и символ лабиринта, который проходит по всем педагогическим и многим другим произведениям Яна Амоса Коменского, был близок мыслителям той эпохи (см.: *Hocke E. R. Die Welt als Labyrinth.* — Hamburg, 1957), когда единство церковного авторитета разрушалось бесповоротно, а с изобретением книгопечатания каждый читающий человек оказался окружен густым лесом противоречивейших мнений, теорий, проектов и призывов, среди которых ему приходилось ориентироваться на свой страх и риск. В аллегории «Исправление афинской обветшалой ткани Паллады» (издана вместе со «Славой розенкрейцеров...» в Касселе, 1615) божественно прекрасный Филомат (Любитель учености, греч.), взобравшись на высокую башню, пытается разобраться в устройстве Критского лабиринта. Точно так же путешественник Коменского взбирается на высокую башню, чтобы осмотреть мир («Лабиринт света», гл. 5). И если его попытка освоиться в мире скоро кончается разочарованием и бегством, то сам автор всю свою долгую жизнь посвятил тому, чтобы блуждания людей по лабиринту мира не кончались трагически. *Educatio*, воспитание, понятие как выведение молодежи из лабиринта вещей (*e-ducatio: e — «из» и ducō — «вывожу», т. е. «выведение из»*), стало жизненной задачей Коменского-педагога (*Schaller K. Die Pädagogik des J. A. Comenius und die Anfänge des pädagogischen Realismus im 17. Jahrhundert.* — Heidelberg, 1962, S. 166—169; ср. *Blekastad M. Comenius. Versuch eines Umrisses von Leben, Werk und Schicksal des Jan Amos Komenský.* — Oslo; Praha, 1969, S. 109, 156).

В предисловии к сборнику пророчеств о будущем Европы («Путь света, найденный и искомым, или Разумное рассмотрение того, какими способами теперь, наконец, когда приближается вечер мира, можно успешно распространить интеллектуальный свет души, мудрость, в умах всех людей и среди всех народов» — Амстердам, 1668; современное издание с чешским переводом — Прага, 1961) Коменский сказал о решении, которое он принял в конце 1620-х гг., в разгар Тридцатилетней войны: «Когда войны захватили соседние страны и вскоре затем всю Европу, угрожая целиком разрушить христианский мир... я подумал, что если тут возможно какое-то сотрудничество человека (с Богом), то не остается ничего другого, как вырвать молодежь из лабиринтов мира и, опираясь на первые основания, лучше поставить ее во всех вещах» (с. 151—152 по изд. 1961 г.). Интересно, что один (не дошедший до нас учебник Коменского того времени, построенный в форме «загадок и решений», носил название «Лабиринт премудрости для молодежи, изучающей науки» (*Literarum studiosae iuventutis sapientiae labyrinthus ...*, ок. 1628). Когда Коменский получил возможность реформировать Шарош-Патакскую гимназию по принципам пансофической школы, то свою вступительную речь, 13 февраля 1651 г. при открытии первого класса гимназии (см. т. 2, с. 105—111) он снова построил вокруг образа лабиринта, выйдя из которого на свет позволяет ариаднину нить педагогического метода. Иногда сама школа его времени с ее унаследованной от прошлого нестротой форм, еще более запутанной предпринимавшимися повсюду и редко доводимыми до конца попытками педагогических реформ, казалась Коменскому лабиринтом; вот почему в амстердамское издание его «Полного собрания дидактических трудов» (1657) оказалось включено эссе «Выход из школьных лабиринтов на

простор, или Дидактическая машина, в соответствии с механическим методом построенная для того, чтобы впредь не застревать на одном месте в делах преподавания и изучения, но продвигаться вперед» (т. 2, с. 174—191). Призыв ко всем народам земли собраться с силами для выхода из философских, богословских и религиозных лабиринтов стоит в предисловии к «Всеобщему совету об исправлении человеческих дел» («Светочи Европы...», 21). И под конец жизни в коротком художественном автобиографически-исповедальном произведении «Единое необходимое, или Что́ надо знать в жизни, в смерти и после смерти и что старик Ян Амос Коменский на 77-м году своей жизни, устав от не-необходимых вещей мира и отдавая себя единому необходимому, предлагает на рассмотрение света» (*Unum necessarium... — Amsterdam, 1668*) он кратко и просто подытоживает свой жизненный опыт в трех мифологических образах, изображающих земной путь человека; на первом месте здесь стоит лабиринт, за которым следуют образы Сизифа и Тантала. Коменский растолковывает здесь смысл мифа о лабиринте, который, согласно легенде, был построен на Крите для того, чтобы заключить в него Миноавра, сына жены критского царя Миноса, родившей его от быка: эта история, говорит Ян Амос, изображает отпадение человеческой души от бога, ее подверженность животным, звериным искушениям эгоизма и похоти и ее греховность, видя которую бог для наказания и воспитания души превращает материальный мир, этот «театр божественной премудрости», в лабиринт. Все одинокие человеческие усилия становятся после этого сизифовым трудом, который лишь ослепленной душе может казаться осмысленным, а в смертный час обличает себя как напрасная суета. Наше стремление к преходящим благам, даже после их приобретения не дающим радости, превращает земную жизнь в муки Тантала, который видел рядом с собой изобильные яства и питье и никогда не мог до них дотянуться. Как в «Лабиринте света и рае сердца», в «Едином необходимом» Коменский еще раз перебирает в памяти лабиринт своей жизни, скорбно обличая внутреннюю ложь и пустоту путаного множества царящих в мире научных, политических и религиозных воззрений. И все же он не отчаивается: природа не вселила бы в нас стремление выбраться из лабиринта мира, если бы избавление было невозможно; гармония между временным и вечным достижима, лишь бы только не упустить из виду «единое необходимое», или «единое на потребу» (Лук. 10, 41—42), во всяком деле сперва спрашивая себя, отвечает ли оно истинной цели. Искусство отличать нужное от ненужного — это пансофия, «метод нахождения единого необходимого»; с помощью ее метода, завещает Коменский, можно, наконец, по-настоящему реформировать школы, найти выход из богословских лабиринтов и научить политиков вести народы к истинной жизни, «ибо есть только одна жизнь, но бесчисленные формы смерти, только одна истина, но бесчисленные заблуждения». В знаменитой главе X «Единого необходимого» Коменский говорит о лабиринтах своей собственной жизни, благодаря бога за то, что он дал силу стремиться через все закоулки к «океану добра». «Все мои усилия до сих пор, — пишет он, — были ... озбоченными хлопотами Марфы из любви к Богу; прежде всего такими хлопотами были педагогические труды, «которым я в течение долгих лет посвящал себя в стремлении вызвать школы и молодежь из их страшных лабиринтов ... И если мои начинания до сих пор не привелись и школы не перестали блуждать в лабиринтах, я все же имею крепкую надежду и жду от Бога, что моя мысль еще принесет пользу, когда пройдет зима церкви, пройдет дождь и цветы зацветут в нашей стране» («Единое необходимое», X, 3). Другим лабиринтом были заботы о мире в Европе, о пансофическом устроении жизни. В словах Коменского не отказ от всего сделанного им, а гордость тем, что, пройдя сквозь лабиринты, он явственно различает вдали спасительный свет.

Появление «Лабиринта света» связано с трагическими событиями в жизни Коменского. После битвы у Белой Горы под Прагой 8 ноября 1620 г., когда

Чехия утратила независимость и австрийские католические завоеватели, опиравшиеся на испанскую армию и инквизицию, решили, что лучше превратить страну в пустыню, чем оставить ее жителей «погибать» в своей протестантской ереси (в старейшей гуситской церкви Праги новый католический настоятель заявил насильственно согнанным прихожанам, что «скорей коровы и телята будут летать над городом, чем будет дозволена какая-либо другая вера, кроме католической»), началось разрушение сложной и тонкой чешской культуры. К лету 1622 г. «чистка» духовной верхушки нации вплотную коснулась и Яна Амоса Коменского; на него, одного из виднейших деятелей общины чешских братьев в Моравии, был выписан приказ об аресте. Еще в 1621 г. он был вынужден скрываться как участник восстания, оставив семью. В 1622 г. ему удается напечатать тайно где-то в Чехии посвященные жене и содержащие в качестве предисловия письмо к ней «Мысли о христианском совершенстве», трезвое и скорбное выражение готовности терпеливо переносить самые злые испытания (Přemyslování. O dokonalnosti Křesťanské: Kterauž Bůh wywoleným svým w slowu swém vzkazuje ... без указания места, 1622). Коменскому реально угрожала смертельная опасность. Ходила легенда, что он прятался в дупле большого дерева в парке просвещенного барона Карла Жеротинского Старшего, который лояльно относился к победившему императору-католику Фердинанду II и был его наместником в Моравии и все-таки помогал, как мог, своим несчастным гонимым соотечественникам. Скрываясь у Жеротинского, Коменский продолжал работу над картой Моравии (Moraviae nova et post omnes priores accuratissima delineatio.— Amsterdam, 1627; современное издание: J. A. Komenského mapa Moravy z roku 1627.— Ostrava, 1958), составил сборник существовавших цитат из Библии (Manualnjk. Aneb Gádro cele Biblj Swate...— Amsterdam, 1658), начал стихотворный перевод Псалтири на чешский язык (Žalmy métram roétským složené. Žalm I—LXIV, см.: Jireček J. Casoměrné překlady žalmův Br. J. A. Komenského...— Vídeň, 1861) и написал небольшой трактат «О чешской поэзии» (обнаружен в наше время в Ленинградской библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и издан: Štarka A. Komenského rozprava «O poezii české» z leningradského sborníku.— Slezský sborník, 53, č. 4, 1955, s. 479—527). Летом 1622 г. во время эпидемии, вызванной бедствиями народа, военным опустошением и неурожаем, умерли жена Коменского и его новорожденный сын, а потом и другой его двухлетний сын. К концу этого года даже влиятельный Карел Жеротинский не мог больше укрывать в своем замке «еретиков», и с 1623 г. Коменский вместе с другими изгнанниками-проповедниками был вынужден перебраться в Брандис на северо-востоке Чехии — единственный город, жителей которого пока еще не коснулись преследования. В Праге тем временем сжигают все рукописи и книги Коменского (хотя часть своей библиотеки он успел перевести в безопасное место). Лишившись семьи, близких, общины, учеников, дела жизни, родины, книг, всего имущества, не видя просвета в будущем, он чувствовал себя разбитым и подавленным, даже терял веру в смысл жизни, долгое время не мог спать по ночам от «невыразимой тоски». Известно, что некоторые его товарищи по изгнанию кончили жизнь самоубийством. Коменский не находит в себе сил продолжать по-прежнему свои научные и педагогические занятия и ищет каких-то новых слов, чтобы дать выход горю и не пасть духом среди сомкнувшихся вокруг жуты и хаоса. Одно за другим он создает в конце 1623 г. три произведения поэтически-исповедального характера: «Средоточие обесеченности», попытка понять страшный мир, как бы громящее колесо, губительное для всех, кто не сумел утвердиться в его неподвижном центре; диалог «Скорбящий», беседа разбитого сердца с пытающимися утешить его рассудком (вторая часть дописана в 1624 г., третья — в 1651, четвертая — в 1660, см.: Truchlivý, to gest smutné a tesklivé člověka křesťana nad žalostnými vlasti a cirkve bídami našikani... Veškeré spisy J. A. Komenského, XV.— Brno,

1910, с. 93—180); и, наконец, «Лабиринт света и рай сердца», одно из величайших произведений всей чешской литературы (дописан в 1624 г., затем к изданию 1631 г. дополнен гл. XVIII, 9—41; XXV, 5; XXVIII—XXXV и XLII). В предисловии-посвящении Карелу Жеротинскому Коменский называет свою динамичную, пеструю, но скрепленную единым лирическим чувством книгу драмой: «...Поскольку в этом отшельничестве, в этом моем нежеланном безделье, оторвавшем меня от забот моего призвания, мне и не подобало и не хотелось бы предаваться праздности, я в последние месяцы начал, среди прочего, размышлять о тщете мира (а поводов к тому повсюду множество), и в конце концов под руками моими родилась эта драма, которую я предлагаю твоему светлейшему... Признаю, что все предлагаемое мною хотя и начато, однако не окончено: вижу, насколько богата эта материя, до чего она пригодна для изощрения ума и оттачивания языка и как можно ее распространять с помощью все новых изобретений». На поверхностный взгляд «Лабиринт» — нравоучительная аллегория, но живость изображения, сила языка делают его впечатляющим художественным образом безнадежной пустоты мира, из которого как бы вынуты любовь и сердечное влечение, и тоски человека по душевной устроенности. В обширной литературе о «Лабиринте» его сравнивали с «Дон Кихотом» (1605—1615); называли Коменского одним из предшественников Гоголя (см.: Denis E. La Bohême depuis la Montaigne-Blanche. — P., 1930, с. 225); в свою очередь, как на предшественников «Лабиринта» в свронеической литературе указывали на «Град Божий» Августина, «Божественную комедию» Данте, «Горолеву фею» Спенсера (1596). Иногда «Лабиринт», особенно во второй его части («Рай сердца»), сопоставляли с утопиями Томаса Мора («О наилучшем состоянии государства и о новом острове Утопии», 1516) и Кампанеллы («Государство Солнца», 1623). Однако виднейшая исследовательница жизни и творчества Коменского Млада Блекастад (*Blekastad M. Comenius ...*, с. 110) замечает, что в «Лабиринте» Коменского нет главной черты утопии, а именно требования каких бы то ни было внешних изменений общественного порядка. Преображение мира, которое начиняет путешественник после возвращения в тишину и покой собственной души, не нуждается ни в каких предварительных условиях и переменах; в этом преображении для Коменского нет ничего верального, невозможного или относящегося к далекому будущему («Не басня то, читатель, что ты будешь читать, хотя и имеет сходство с басней; нет, все это правда», — пишет он в обращении «К читателю», § 5). Для самого Коменского его книга стала спасением из мрака отчаяния. «Я взялся тогда за перо, — писал Ян Амос позднее о диалоге «Скорбящий», однако его слова в еще большей мере относятся и к «Лабиринту», — и обрисовал для самого себя... ужас, через который я прошел, и божественное врачевание, божественное солнце, которое пробилось сквозь тьму и разогнало мрак... Никогда в жизни не вкушал я ничего более сладостного, чем тогда» (письмо к голландскому печатнику Петеру ван дер Берге. См.: J. A. Komenského korrespondence. — Praha, 1892, с. 235). Вместе с тем, как это нередко бывает с крупными литературными произведениями, по композиции и материалу «Лабиринт» Коменского в своей первой «мироописательной» части от одного, теперь почти неизвестного латинского сочинения «Блуждания пилигрима в отечестве» швабского писателя и богослова, проповедника двора в Вюртемберге, впоследствии (после 1628 г.) друга Коменского Иоганна Валентина Андреа (1586—1654), а во второй части («Рай сердца») — от утопий того же автора «Описание христианополитанской республики» и «Христианский гражданин», где описано возвращение пилигрима домой (эти книги Иоганна Андреа вышли соответственно в 1618 и 1619 гг.). У Андреа его пилигрим, выходя в жизнь, встречает женщину по имени Плоть, которая ему навязывает в проводники Поры; Поры надевает на странника узду и после этого показывает чудеса мира. Странник проходит через страну Лентаев, встречается с Диогеном; видит впавших



в бесчувствие Фаталистов со стеклянными глазами и каменным сердцем; в царстве Фортуны он присутствует на пиру; в царстве Сатаны встречает Сатану, окруженного семью дамами: Удачей, Слепой Верой, Невоздержанностью, Безбожностью, Ложной Мнительностью, Суетой и Лицемерием. Пилгримм взмалливается к богу с просьбой об избавлении, слышит тайный зов и, повинуясь ему, возвращается домой, где находит в своем малом святилище образы добродетелей и всевозможные орудия и инструменты, но поврежденные; затем его озаряет божественный свет, вся разрушенная утварь сама собой восстанавливается и церковка превращается в великолепный собор. «Христианополитанская республика» Андреэ даже по своей форме является подражанием «Городу Солнца» Кампанеллы. Коменский тоже во многом подражает Андреэ и тем не менее создает вполне самостоятельное произведение. Если Андреэ схематичен и аллегоричен, заставляет в своей книге действовать чистые понятия, описывает лишь разрозненные приключения пилгрима, то Коменский создает законченные художественные образы и описывает во многом автобиографическую историю человеческой жизни.

<sup>1</sup> Весь этот абзац от «Каждое существо...» до «...стремиться» по общей мысли и большинству формулировок повторяет вступление к «Ученому незнанию» Николая Кузанского (см. *Николай Кузанский*. Соч. Т. I.— М., 1979, 49—50).

<sup>2</sup> Коменский поздно (для своего времени) выбрал образ жизни; лишь 16 лет от роду он поступил в латинскую школу в Пшерове (ср. «Предвестник всеобщей мудрости», 97).

<sup>3</sup> «Мудрость» здесь — та «мудрость мира сего», которая, по апостолу Павлу, «обращена в безумие» (1 Кор. 1, 20). О двух мудростях см.: «Предвестник...», 109.

<sup>4</sup> *Mámenj* — «заблуждение» — слово среднего рода.

<sup>5</sup> См. рисунок Коменского на с. 84 (сохранился в подлиннике в библиотеке Братиславы).

<sup>6</sup> Ср.: *Саллюстий*. Два письма об упорядочении государства, I, 1: «Каждый — кузнец даже и собственной смерти».

<sup>7</sup> Летом 1622 г. умерли жена Коменского Магдалена Выжовска, с которой он вступил в брак в 1618 г., и оба их ребенка.

<sup>8</sup> Начинаящаяся отсюда часть этой главы IX появилась впервые в издании 1663 г.; она основана на реальном случае: первый корабль, на котором Коменский отправился в августе 1641 г. в Англию из Гданьска, попал в шторм, потерял руль, две недели без управления носился по Балтийскому морю и к 2 сентября 1641 г. вернулся обратно в Гданьск. Лишь со второй попытки Коменский 21 сентября 1641 г. благополучно прибыл в Лондон.

<sup>9</sup> В то время считалось, что выделения слизистой оболочки носа являются выделениями мозга.

<sup>10</sup> *Гораций*. Послания, I 17, 36 («Не всем удается достигнуть Коринфа»).

<sup>11</sup> Типичные в ту эпоху названия распространенных в ученом мире и не любимых Коменским словарей, справочников, сборников, указателей: «Автология», «Общие места» (т. е. общепринятые риторические приемы), «Конкордансы» (указатели к текстам), «Цветники» (собрания полезных изречений).

<sup>12</sup> «Помощники памяти» (лат.).

<sup>13</sup> *Аристотель* оспаривал платоновское учение об идеях, указывая, что никаких отдельно парящих в умопостигаемом мире сущностей нет. Ритор, государственный деятель и философ *Цицерон* (106—43 до н. э.), противник Цезаря, находился, как принято считать, в жестокой борьбе с историком *Саллюстием* (86—34 до н. э.), сторонником Цезаря; правда, достоверных первоисточников, свидетельствующих об их вражде, нет, и соперничество Цицерона с Саллюстием — это, возможно, своеобразный миф, основанный на предположении, что вражда должна была существовать ввиду расхож-

дения взглядов, тем более что Саллюстий был женат на разведенной жене Цицерона Теренции. Богослов-францисканец *Иоанн Дунс Скот* (1266—1308) критиковал величайшего схоласта XIII в. доминиканца *Фому Аквинского* (1225—1274) за попытку обосновать христианское вероучение аристотелевской философией; по Дунсу Скоту, всемогущая божественная воля вполне свободна и не может быть уловлена человеческими рассуждениями. Знаменитый итальянский ученый юрист *Бартоло из Саксоферрато* (1314—1357) нашел в своем не менее знаменитом ученике *Пьетро Бальдо из Убальди* (1327—1406) противника своего «диалектического» метода преподавания права. Война *Дезидерия Эрама* (1466—1536), «государя гуманистов», и его последователей, прежде всего Хуана Луиса Вивеса, с логической формалистикой, утвердившейся в Парижском университете после его упадка в XIV в., составляла одну из постоянных тем трудов Эрама. Французский философ *Петр Рамус* (*Пьер де ла Раме*, 1515—1572) в своем ожесточенном антиаристотелизме доходил до заявления (при получении докторского звания в 1536 г.), что у Аристотеля неверно вообще все; *Томмазо Кампанелла* (1568—1639), сторонник эксперимента и опытно-чувственного познания, тоже враждовал с «аристотеликами». *О Николае Копернике* (1473—1543), отвергнувшем гелиоцентрическую систему Клавдия Птолемея (II в. н. э.), см. ниже — гл. XI (см. также Предвестник всеобщей мудрости, примеч. 41). Немецкий врач, философ и мистик *Теофраст Парацельс* (*Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм*, 1493—1541; это он, желая описать суть христианского причастия, первым сказал переиhrанные затем Фейербахом слова: «Человек есть то, что он ест») считал, что пора отойти от рабского подражания главным медицинским светилам средневековья — Галену и Авиценне. *Брентий* (*Иоганн Бренц*, 1499—1570) был организатором лютеранской Реформации на юго-западе Германии (в Швабии); он цитируется как противник смертной казни для еретиков в книге Себастьяна Каstellо (вышла под псевдонимом Мартин Беллий) «О еретиках: надо ли их преследовать» (1554), которая много сделала для прекращения в Европе сожжения лиц, уличенных в религиозном инакомыслии. *Теодор Беза* (1519—1605), сменивший Иоганна Кальвина в Женеве, наоборот, считал необходимым «наказание еретиков гражданской властью» — и, в частности, не осуждал сожжение Мигеля Сервета в 1554 г. Знаменитый французский публицист и философ *Жан Боден* (1530—1596) призывал в книге «Демонomanия колдунов» (1580) к беспощадному истреблению колдунов и колдуний, ворожей и волшебников; немецкий врач *Иоганн Вир* боролся против популярных представлений о колдовстве. *Иоганн Слейдан* (1506—1556) — немецкий лютеранский историк Реформации (Комментарии о состояниях религии и государства при императоре Карле V в XXVI книгах. — Страсбург, 1555); *Лаврентий Сурий* (1522—1578), перешедший из лютеранства в римское католичество и ставший монахом картезианского ордена, написал резко осудительную историю Реформации, в которой poleмизировал со Слейдраном (Краткий комментарий о событиях, происходивших на земле от года 1500 до года 1568. — Кёльн, 1568). *Шмидлейн* — это *Якоб Андрес* (1528—1590), выдающийся последователь Лютера, дед друга Коменского И. В. Андрес; участвовал в разработке «Формулы согласия» (1580), которая объединила разные толки лютеранства в отмежевании от богословия Меланхтона и Кальвина. *Франциск Гомарус* (1560—1609), профессор восточных языков Лейденского университета, учил, по Кальвину, о божественной предопределенности спасения и жестоко poleмизировал со своим коллегой *Якобом Арминиусом* (1560—1609), который усомнился в кальвинистском положении, что независимо от всех усилий избежать греха люди по-разному предопределены к спасению. *О розенкрейцерах* см. ниже — гл. XIII и примеч. 34.

<sup>14</sup> Все эти «характеристики» идут в основном от несколько скандальных «Жиз-

- неописанный философ» Диогена Лаэртция (см.: *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., 1979), однако Коменский пользуется здесь не непосредственно книгой Лаэртция, а сочинением И. Андреэ «Мифологии христианской, или образов добродетелей и пороков человеческой жизни, три книги» (Страсбург, 1619, гл. 40).
- <sup>15</sup> *Павел Тарсийский* — апостол Павел. Коменский и здесь пользуется сочинением И. Андреэ «Блуждания пилигрима в отечестве».
- <sup>16</sup> Так Коменский изображает занятия грамматикой. Ниже идут соответственно риторика (3), поэзия (4) и диалектика (5, изготовление очков).
- <sup>17</sup> «De culice» («*Комар*») — стихотворение, приписываемое Вергилию; «De passere» («*Воробей*») и «Lesbia» («*Лесбия*») — два известных стихотворения Катулла. «*К Приапу*» (Приап — римский бог полей, садов и оплодотворения) — цикл из примерно 80 стихотворений, возникший в эпоху поэтического расцвета при императоре Августе, возможно, в кружке Мессалы. «*Ars amandi*» («*Наука любви*») — поэтический трактат Овидия. *Эпюграммы* — хвалебные оды. *Сатиры* — стихи на разоблачительные, нравственно-критические темы; известными поэтами-сатириками были Гораций и Ювенал. Коменский не мог не понимать художественных и жанровых достоинств всей перечисляемой им «легкой» поэзии, но в отрешенно-трезвом ключе «Лабиринта» она предстает, конечно, пустой забавой. Впрочем, настроение трезвого ригоризма у Коменского всегда доминирует (ср. осуждение эротических языческих поэтов как не совместимых с достоинством христиан в «Великой дидактике», XV), что характерно вообще для всего так называемого Северного Возрождения, к которому Коменский тоже отчасти принадлежит. Позиция Яна Амоса здесь наиболее сходна с настроениями Хуана Луиса Вивеса (1492—1540), который и по заповедям, и по складу ума тоже был педагогом (см.: Предвестник всеобщей мудрости, примеч. 33).
- <sup>18</sup> «*Очки*» (лат.).
- <sup>19</sup> «*Вспомогательные понятия*» (лат.).
- <sup>20</sup> *Коллирий* — глазная мазь, частый еще со времен средневековья символ просветления «очей ума».
- <sup>21</sup> Петр Рамус (см. о нем: Предвестник всеобщей мудрости, примеч. 27).
- <sup>22</sup> Архимед.
- <sup>23</sup> Евклид.
- <sup>24</sup> Правила: *trium* — правило исключенного третьего, *societatis* — правило сочетаний, *alligationis* — правило присоединения, *falsi* — правило доказательства от противного.
- <sup>25</sup> Алгебра в ее современном виде была создана французским математиком Ф. Виетá (1540—1603).
- <sup>26</sup> «Никто не знающий геометрии да не войдет» — надпись на воротах платоновской Академии. В форме геометрии выступала тогдашняя (так называемая геометрическая) алгебра, оперировавшая не со знаками, а с местами и позициями геометрических фигур.
- <sup>27</sup> Это Скалигер, как поясняет (авторская) маргиналия в 1-м издании. *Иосиф Юст Скалигер* (1540—1609) — выдающийся протестантский ученый (француз по рождению, живший в Лейдене). Не будучи по своим основным занятиям математиком, он выпустил в 1594 г. книгу «Элементы циклометрии», где пытался решить задачу построения квадрата, равного данному кругу.
- <sup>28</sup> *Кристофер Клавий* — профессиональный математик, выполнявший всю вычислительную работу по составлению современного григорианского календаря. Он показал ошибку, допущенную Скалигером в своей «квадратуре круга».
- <sup>29</sup> Здесь можно видеть характерную для чешских братьев нелюбовь к церковной музыке.

- <sup>80</sup> «Аномалия неба» (лат.). В рукописи Коменского против этого места поставлено на полях: Коперник. В следующей фразе тоже содержится намек на Коперника, который «поднимал землю до звезд». Об отношении Яна Амоса к Копернику см. также: Предвестник всеобщей мудрости, примеч. 41.
- <sup>31</sup> В астрологии (которая часто не отличалась еще тогда от астрономии) аспектом называлось склонение звезды над землей или угол ее вхождения в поле зрения наблюдателя. Аспект звезды или планеты, под которыми рождался человек, назывался его гороскопом.
- <sup>32</sup> Соответственно «мужество, воздержание, праведность, согласие, управление» — добродетели и «гордость, чревоугодие, похоть, раздор, тирания» — пороки.
- <sup>33</sup> Маргиналия к этому месту: *Lapis philosophicus*, «философский камень».
- <sup>34</sup> С 1610 г. по Германии ходила в рукописях, а в 1612, 1614 (Кассель) и 1615 гг. (Франкфурт) издавалась книга под названием «Слава Братства Р[озен] К[рей]церов», или Сообщение Братства высокохвального ордена Р. К. Ко всем ученым головам Европы. Вместе с их же исповедью на латинском языке». В почти пародийном стиле здесь провозглашалось открытие всех теософических и алхимических тайн мира неким Розенкрейцером, немецким дворянином, который якобы ездил в 1378 г. на Восток и вывез из Индии тайны философского камня и эликсира жизни. Книга упорно приписывалась Иоганну В. Андреэ, хотя до сих пор достоверным остается лишь то, что она действительно по теме и стилю примыкает к южешской работе Андреэ «Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца» (1603, опубл. 1616), где он, по его словам, «играл с тайнами алхимика». «Слава братства розенкрейцеров», несмотря на свою ироничность, вызвала в тогдашнем обществе невероятный, ни с чем не сравнимый взрыв самых серьезных чувств; за короткое время вышли сотни сочинений друзей и врагов розенкрейцеров; Европа словно ждала этого знака, чтобы повсюду прорвалось недовольство существующей системой образования, науки и даже общества, стремление преобразить все на основе нового, безошибочного, тайно хранимого каким-то секретным обществом знания. «В условиях распада общественного порядка зов розенкрейцеров раздавался как фанфара новых времен, как надежда на новую жизнь, как сигнал борьбы против всякого человеческого авторитета» (*Blekastad M. Comenius...*, с. 67), пробуждая повсюду жажду свободы (см. о розенкрейцерах: *Peuckert W.-E. Die Rosenkreuzer.* — Jena, 1928). Поскольку никаких подлинных розенкрейцеров разыскать никому не удалось, а общество «Братство Христово», основанное самим Иоганном В. Андреэ в 1617—1618 гг. и распавшееся в 1620 г., было открытым, чисто просветительским и ничего чудодейственного и «алхимического» в себе не содержало, в 1622 г. в Гааге было основано быстро разросшееся мистико-алхимическое братство розенкрейцеров, а затем к середине XVIII в. появились новые розенкрейцеры, представлявшие собой одну из высших ступеней франкмасонства. Насколько глубоко задела молодого искателя Коменского эта история, пришедшая как раз на его студенческие годы, хотя он быстро разочаровался в мифических розенкрейцерах как таковых, можно видеть из того, что еще незадолго до смерти в своих дневниковых записках «Вопли Илии» (*Clamores Eliae*, изданы во фрагментах: *Blekastad M. Comenius...*, с. 708—727) он, мечтая о просвещении мира с помощью Коллегии света и об основании «новой Церкви, подлинно католической, братолюбивой», называет предвестником этого желанного преображения «появившееся полвека назад братство розенкрейцеров» («...nebyloliž by to Ludus sapientiae Dei, cuius praeludium ante semisecculum Fraternitas Rosae Crucis?» — Указ. соч., с. 712), а «первым исполнением» — единство чешских братьев.
- <sup>35</sup> Типичные названия литературы вокруг розенкрейцеров и их братства:

- «Врата премудрости», «Крепость знания», «Школа вселенной», «Благой микро-макрокосмикон», «Гармония обоих миров», «Христианская Каббала», «Пещера природы», «Твердые первоматери», «Божественная магия», «Всёобщее триединство», «Триумфальная пирамида», «Аллилуия».
- <sup>36</sup> «Сынов знания».
- <sup>37</sup> Преподавание практической анатомии было введено в Пражском университете в бытность его ректором Яна Есенского (1566—1621) и было, таким образом, новинкой в 1620-х гг., когда Коменский писал «Лабиринт».
- <sup>38</sup> «Философское небо» — название матерчатого навеса над креслом ректора «философской области», или «сферы» («сфера» понималась символически как одна из небесных сфер).
- <sup>39</sup> Т. е. закон Корана.
- <sup>40</sup> Речь идет о двух главных толках, на которые раскололся ислам. Шиины, к которым принадлежит большинство иранских мусульман, считают аяне имамы и халифа принадлежащим по божественному праву только дому Магомета, т. е. Али, мужу дочери Магомета Фатимы, и их наследникам. Сунниты, наоборот, считают, что высшие духовные вожди ислама могли и могут избираться из членов всего рода корейшитов, из которого был Мухаммед.
- <sup>41</sup> В образе этого камня выступает Библия. У Иоганна Андреэ («Блуждания пилигрима в отечестве», § 40, «Ереси») есть фраза, послужившая источником для Коменского: «А в середине зала был подвешен на золотой цепи лидийский камень, за которым все признавали чудодейственную силу и неисчислимую ценность. Однако о его цвете существовало невероятное расхождение мнений».
- <sup>42</sup> Obnovenutí Коменский называл всех протестантов, как лютеран, так и «реформированных» (англикан).
- <sup>43</sup> Судя по этому месту, Коменский имел мечту об объединении всех протестантских церквей. Позднее, в «Пансофии», он строил планы примирения всего христианства и всех религий мира.
- <sup>44</sup> «Не умеющий притворяться не умеет править» (лат.).
- <sup>45</sup> Пародирование названия свода законов: вместо Práva a zřízení zemská Коменский пишет: «Žgava hřúzení zemská и Dravá šizení zemská» (т. е. вместо «Свод земельных законов» — нечто вроде «Глод земельных драконов»).
- <sup>46</sup> В 1620 г., после битвы у Белой Горы, Коменский симпатизировал молодому королю Богемии Фридриху, который почти невольно оказался во главе восстания чешских и моравских «сословий» против императора Фердинанда II. Коменский вывесил портрет нового короля в своей школе в Фульнеке, зачитал с кафедры распространявшийся тогда в Моравии манифест о присоединении к Богемии; какими еще способами он «укреплял под ним трон», неизвестно.
- <sup>47</sup> Nowináře — «сборатели и передатчики новостей».
- <sup>48</sup> «Желание иметь такие длинные шеи, как у журавлей» — ср.: Атеней (III в. н. э.). Софисты за обеденным столом. Кн. XII о случаях чудовищного сластолюбия (изложение трактата см. в кн.: Лосев А. Ф. Эллинистическо-римская эстетика. — М., 1979, с. 290).
- <sup>49</sup> Герострат Эфесский, желая сохранить свое имя в истории, сжег храм Артемиды в Эфесе 21 июля 356 г. до н. э.
- <sup>50</sup> Возможно, имеется в виду герцог Альба (1508—1582), генерал Филиппа II, подавлявший восстание в Нидерландах (1567—1573) и хваставший тем, что казнил 18 000 человек.
- <sup>51</sup> По-видимому, имеется в виду Арий (IV в. н. э.), который учил, что Христос был сотворен богом из ничего как высшее из всех творений (Логос) и имел тело, душу, но не имел духа, вместо которого в нем был божественный Логос, так что Христос и не бог, и не настоящий человек, а что-то третье.

- <sup>52</sup> «Присудил Бога к смерти» Понтий Пилат, прокуратор Иудеи между 26-м и 36-м гг. н. э.
- <sup>53</sup> «Погрузил солнце в пропасть» Николай Коперник, не любимый Коменским (ср. «Предвестник всеобщей мудрости», прим. 41).
- <sup>54</sup> Говорится об Игнатии Лойоле (1491—1556), основателе ордена иезуитов, который стал главной силой контрреформации. Еще злее об иезуитах Коменский говорит в своем раннем анонимном трактате «Спасение от антихриста» (*Retuňk proti Antikristu a svodům jeho...*, 1617, опубл. в кн.: *Soubek B. O papežství*.— Praha, 1924).
- <sup>55</sup> «Кандидат в бессмертие» (лат.).
- <sup>56</sup> Эти два лица в свите Королевы света, мирской мудрости,— Власть и Хитрость.
- <sup>57</sup> Порошок из корней черной чемерицы считался средством от безумия.
- <sup>58</sup> Скорее всего, имеется в виду не ученик Аристотеля Теофраст, как думают некоторые комментаторы, а Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (Парацельс, см. выше примеч. 13), чьи труды вышли во 2-м издании как раз в 1616—1618 гг.
- <sup>59</sup> *Ratio status* (лат.) — право толковать закон по усмотрению судьи.
- <sup>60</sup> «Чтобы весь мир получил свое устройство по образу своего правителя» (лат.).
- <sup>61</sup> Ср. Еккл. 1, 15.
- <sup>62</sup> Еккл. 12, 14: «...всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо».
- <sup>63</sup> По мнению Д. Чижевского, эта глава вставлена в одной из последующих редакций.
- <sup>64</sup> Многочисленные жены Соломона ввели в его столице идолопоклонничество.
- <sup>65</sup> Здесь начинается вторая часть книги Коменского («Рай сердца»).
- <sup>66</sup> Т. е. перед лицом смерти всякий обман кончается.
- <sup>67</sup> В этой главе многие темы и образы заимствованы из книги Иоганна В. Андреа «Христианский гражданин» (см. выше общее примеч.).
- <sup>68</sup> Здесь видят почти буквальное сходство с гл. 1 вышеуказанного сочинения И. Андреа.
- <sup>69</sup> Ср.: *Андрей И. Христианский гражданин*, гл. 2.
- <sup>70</sup> О Библии как источнике всех благородных искусств учил герборнский наставник Коменского Иоганн Генрих Альштед (1588—1638; см. о нем: *Предвестник всеобщей мудрости*, примеч. 51); в 1625 г. во Франкфурте вышла его книга «Триумф священных книг, или Библейская энциклопедия, являющая торжество философии, права и святой медицины, а также священной теологии, поскольку их основания почерпаются из Священного писания Ветхого и Нового заветов».
- <sup>71</sup> Слова «и молитва» — вставка 1663 г.
- <sup>72</sup> Полнее о «невидимой церкви» см. трактат Коменского «*Haggaeus redivivus. To jest krest'anskych vrchnosti...*» в кн.: *Veškeré spisy J. A. Komenského*, XVII.— Brno, 1912, с. 157—260.
- <sup>73</sup> *Praxis christianismi* Коменский переводит как «истина христианства», понимая истину как реальность.
- <sup>74</sup> Подробнее эти взгляды развиваются Коменским в «Новейшем методе языков», см. т. 1 наст. изд., с. 528.

**Краткое предложение о восстановлении школ  
в Чешском королевстве  
(с. 194—200)**

Рукопись «Краткого предложения...» была обнаружена в Лешно в 1841 г. С начала 50-х гг. XIX в. стала достоянием Национального музея в Праге. Впервые была опубликована в 1849 г.

Работа написана на чешском языке. Текст сделан рукой переписчика, в некоторые места внесена правка рукой Коменского.

На русском языке «Краткое предложение...» публикуется впервые. Перевод сделан с чешского языка М. Н. Кузьминым и Ю. И. Ритчином по т. 11 Полного собрания сочинений Я. А. Коменского (Прага, 1973).

Работа принадлежит к циклу ранних педагогических произведений Коменского. Написана в начале 1632 г. в связи с благоприятным поворотом в ходе Тридцатилетней войны, когда протестантские шведско-саксонские войска овладели половиной Чехии и ожидалось решительное изменение соотношения сил в пользу антигабсбургского лагеря. Этот ход событий вселил в чешских братьев надежду на скорое и окончательное возвращение на родину (откуда они были изгнаны в 1628 г.) и на проведение там широких реформ, призванных восполнить ущерб, нанесенный войной, и обновить страну. Важным средством обновления мыслилось соответствующее воспитание молодого поколения, с тем чтобы в будущем оно строило жизнь на новых началах.

В этой связи Коменским и подготавливался цикл работ, которые послужили бы программой для реформы чешской школы (чешская «Дидактика», «Воскресший Аггей», «Краткое предложение...» и др.). Дальнейший ход военных действий разрешил надежды изгнанников, и весь этот цикл работ Коменского остался в рукописи.

Принципиальное значение публикуемой работы состоит в том, что, разрабатывая проект первоочередных мероприятий по реформе чешской школы, Коменский приходит к открытию социальной обусловленности образования, взаимосвязи между социальным обновлением страны и соответствующим обновлением школы.

Этот же ход мысли приводит Коменского к следующему открытию — социальной детерминации всеобщего образования всей молодежи независимо от ее происхождения, состояния, пола и т. д. В последующем эти мысли получают у Коменского дальнейшее обоснование и развитие.

#### Материнская школа (с. 201—241)

(Первоначальный текст этого сочинения (на чешском языке) был закончен в 1632 г. Его полное название гласило: «Информаторный материнской школы, т. е. правдивое и ясное сообщение, как благочестивые родители сами с помощью нянь, бабок и иных своих помощников должны разумно и честно во славу Божию, себе в утеху и своим детям ко спасению и управлять и вести дражайшее свое сокровище, дитяток своих милых, в первоначальном их возрасте». Впервые было задано на немецком языке в Лешно в 1633 г., на польском — в 1636 г. Коменский перевел эту работу и на латинский язык под названием «Школа детства, или О заботливом воспитании юношества в первые шесть лет жизни» в 1653 г. и издал в Собрании своих дидактических сочинений в Амстердаме в 1657 г. (т. 1, с. 198—249). Первое издание на чешском языке, языке оригинала, осуществлено только в 1858 г.

Чешский оригинал был переведен на русский язык Ф. В. Ржигой (Устав материнской школы.— Н. Новгород, 1893), немецкий текст — М. Н. Воскресенской (Материнская школа.— СПб., 1892), А. Адольфом и С. Любомудровым (под тем же названием.— Избранные педагогические сочинения Я. А. Коменского. В 2-х т. Т. 2.— М., 1894, с. 1—74) и Л. Н. Корольковым (отдельное издание под тем же названием под ред. А. А. Красновского.— М., 1947).

В настоящей публикации воспроизводится перевод 1947 г. с незначительными исправлениями.

«Материнская школа» — первое в истории педагогики систематическое исследование целей, задач, содержания, методов и организации дошкольного

образования и воспитания. Это сочинение — логически первое звено в созданной Коменским системе воспитания, развития и совершенствования человека на протяжении всей жизни, от рождения до смерти.

В «Материнской школе» Коменский синтезировал едва ли не все выработанные до него идеи о воспитании детей раннего возраста: народную мудрость Древнего Востока, демократические концепции классической языческой древности, революционную традицию крестьянско-плебейского средневекового сектанства, жизнеутверждающие идеалы Возрождения, педагогические новшества деятелей Реформации и раннебуржуазные коммунистические утопии.

Этот синтез глубоко концептуален, согласуется с доктриной Коменского о назначении и судьбе творения, в соответствии с которой на земле установится «рай» — единое всемирное государство разума, справедливости, мира, благоденствия и красоты.

Особенностью этого сочинения Коменского является единство в нем всех компонентов педагогики как внутренне-непротиворечивым и логически законченным образом существующей системы знаний: 1) обоснования теории воспитания, 2) самой теории воспитания, 3) нормативной педагогики (рекомендации, запреты, советы, критерии достижений и т. п.), 4) описания и оценки педагогической практики. Это содержание структурно идентично всем остальным трактатам Коменского, в которых им было развито учение о совершенствовании личности на всех возрастных этапах, — «Великой дидактике», «Пампедии» и др. Концепцию всестороннего развития ребенка в ходе целенаправленного и систематического, специально организованного и теоретически обоснованного его воспитания, изложенную в «Материнской школе», Коменский включил в контекст своих проектов «исправления дел человеческих».

С ходом времени значение работ Коменского вообще и «Материнской школы» в частности только возрастает, несмотря на наличие в них ряда устаревших идей и положений. Прогрессивная традиция в дошкольной педагогике восприняла многие послылки, нормы и оценки Коменского.

В XVIII в. инициатор движения филантропинизма Иоганн Базедов (1723—1790) и вслед за ним влиятельные немецкие теоретики и практики дошкольной педагогики (И. Кампе, Г. Вольке, Х. Зальцман и др.) опирались на идеи Коменского о наглядном обучении, о развитии речи ребенка. Влияние «Материнской школы» ощущается и в попытках филантропинистов связать раннее обучение и воспитание с природой и жизнью, изучать возрастные психические способности ребенка и учитывать их в ходе воспитания, использовать игровые методы для развития детей, приучать их к труду.

Позднее И. Г. Песталоцци (1746—1827) устанавливал преемственную связь своей «Книги матерей» (1803) с «Материнской школой» Коменского. Вслед за Коменским Песталоцци вдохновлялся задачей научить матерей познавать законы природы ребенка и закладывать на их основе фундамент развития всех сил и способностей человека.

Испытал влияние «Материнской школы» и родоначальник «детских садов» Фридрих Фребель (1782—1852), придававший, как и Коменский, определяющее значение детской деятельности и общению детей.

В прогрессивной русской педагогике благотворное влияние Коменского испытали Ф. И. Янкович де Мирнево (1741—1814) и В. Ф. Одоевский (1804—1869). Дальнейший шаг в эволюции мировой дошкольной педагогики был сделан К. Д. Ушинским (1824—1870), который, как и Коменский, рассматривал воспитание в период дошкольного детства как одну из ступеней в общей системе формирования личности.

<sup>1</sup> В гл. I дается неортодоксально-религиозное обоснование прогрессивной идеи равенства всех людей независимо от их происхождения и вероиспо-



ведения. Идея человека как образа божьего восходит к традиции сектантской коммунистической общины чешских братьев — традиции плебейско-еретической трактовки Библии, освобождающей фактически человека от первородного греха, объявляющей его богоподобным. Отсюда требование формирования в ходе воспитания высших, «богоподобных» совершенств личности, и притом в любом и каждом человеке. Как и его великие современники Гуго Гроций и Б. Спиноза, Коменский ищет основания человеческого поведения в самой «природе человека», подчиненной объективным законам всеобщей «природы вещей».

- 2 Имеются в виду ветхозаветные наказания, определенные для нарушающих следующую заповедь Моисееву: «И сказал Господь Моисею, говоря: «Скажи сие сынам Израилевым: кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между Израильтянами, дает из детей своих Молоху, тот да будет предан смерти; народ земли да побьет его камнями». Молох — бог солнца, огня и войны у древних финикийцев, карфагенян, аммонитян и моавитян, которому приносились человеческие жертвы, в частности сжигались малолетние дети на руках раскаленного идола.
- 3 Будущее заключено в детях. Выдвигая эту идею, Коменский не приносил настоящие детей в жертву их будущему; он не сводил образование исключительно только к подготовке детей к «взрослой жизни». Ему не чуждо понимание воспитания как самой жизни, а не только подготовки к ней, что видно из его многочисленных требований создавать радостную, жизнеутверждающую, бодрую атмосферу активности детей.
- 4 *Меланхтон, Филипп* — см. примеч. 13 к «Автобиографии». Он был назван своими современниками «учителем Германии». Меланхтон пытался создать почву для высшего образования в форме трехклассной начальной латинской школы («тривиальной» школы, называемой так от латинского словосочетания «три пути» — по трем основным изучаемым в ней предметам: чтению, письму и счету) и надстраиваемой над ней «старшей школы» как подготовительной ступени к университету. Программу гуманистического воспитания Меланхтон изложил в лекции «Об улучшении учебных занятий с юношеством» и в трактате «Школьный устав» (1528).
- 5 *Доктор* — третья ученая степень (после бакалавра и магистра). *Лицензиат* — сдавший экзамены за полный курс университета, получивший право читать лекции в университете, но еще не защитивший докторской диссертации. *Суперинтендент* — у протестантов духовное лицо, стоящее во главе церковного округа (что соответствует епископскому сану у католиков).
- 6 Имеются в виду стихи Библии: Быт. 18, 26; Иез. 18, 23; Евр. 5, 13.
- 7 Из этой идеи «ребенка как образа Божия» выводится Коменским требования воспитания как формирования всесторонне совершенного, «богоподобного» человека. Эта прогрессивная для эпохи Коменского мысль вела к посылке о прирожденном равенстве людей. Будучи «образом и подобием» самого бога, люди — по данному им преимуществу перед всеми тварями — созданы для того, чтобы в равной степени свободно развивать свои способности, становясь «богоподобными». Отсюда произошло понятие «образование» — приобретение человеком «образа», живого образа живого бога, т. е. высших совершенств, и притом всех высших совершенств.
- 8 Имеются в виду стихи Библии: Иов 42, 12 и 1, 3.
- 9 *Лютер Мартин* (1483—1546) — немецкий богослов, основатель немецкого протестантизма (лютеранства), политический деятель, правовед, филолог, поэт, реформатор образования, языка и музыки. В историю педагогики вошел как теоретик семейного воспитания, начального (религиозного по преимуществу) и университетского образования (за реформу которого в духе протестантизма он неустанно боролся), а также как автор учебника религии — катехизиса, составленного в форме вопросов и ответов (на про-

тяжении веков остававшегося главным учебником в начальных школах Германии). Лютеровский перевод Библии на немецкий язык стал первым учебником немецкого языка для всей нации, и в этом смысле Лютер был народным учителем Германии. В 1519 г. Лютер открыто признал, что во многом следует учению сожженного на костре великого чешского реформатора Яна Гуса. Со второй половины 20-х гг. в социально-политической области перешел на реакционные позиции. Коменский цитирует проповедь Лютера на Второзаконие (*Werke. Kritische Gesamtausgabe. 1. Abt.* — Weimar, 1899, S. 585).

- 10 Требование Коменского «учиться у детей» содержало в себе в зародыше идею изучения возрастных и индивидуальных особенностей ребенка в ходе педагогического процесса, поскольку «учиться у детей» невозможно, не исследуя их «природу» и пристально не вглядываясь в ее специфику.
- 11 В демистифицированном прочтении идея воспитания как помощи богу означает, что ребенок не должен рассматриваться родителями как игрушка, служить им развлечением; воспитание — ответственное и серьезное дело, оно не только право, но и необходимая обязанность родителей.
- 12 Религиозное обрамление мысли о «специфике» человека в отличие от любого другого известного нам живого существа не может скрыть ее рационального зерна. Для Коменского человек универсален: он рождается с потенциальными возможностями достигнуть высших совершенств, и притом любых и всех совершенств, в терминологии Коменского — «богоподобия».
- 13 *Псевдо-Плутарх*. О воспитании детей, 7, 5 (4 А—Р). Коменский ставит здесь проблему целей и содержания воспитания: что является высшими совершенствами личности, каков характер совершенств, к которым воспитание должно подвести ребенка? Высшая цель воспитания, по Коменскому, есть формирование этической, подлинно нравственной личности. Коменский выдвигает здесь на первый план общечеловеческие цели воспитания, альтруистические в противовес эгоистическим.
- 14 Коменский ошибся, приписав эти слова Кратесу. Цитата взята почти дословно из псевдоплатоновского диалога «Клейтофон» (407 А—В), где она приписывается Сократу.
- 15 Воспитать человека надобно так, чтобы он мог достойно жить и умереть. Согласно воззрениям Коменского, тысячелетнее «царство Божие» будет установлено на Земле, поэтому подготовка к «вечной жизни» была для Коменского подготовкой к жизни именно земной, и притом к жизни в коммунистическом обществе. Эта утопическая и коммунистическая сущность плебейской ереси ярко проявилась в движении чешских таборитов.
- 16 Здесь устанавливается такая последовательность целей воспитания, в которой на первое место поставлена задача нравственного воспитания: приобретенные человеком знания обладают объективной ценностью исключительно только при условии их единения с нравственностью, при котором умственное развитие невозможно отделить от этического. Достичь такого «сплава» можно, только постоянно имея в виду формирование «добрых нравов» как первостепенную цель воспитания.
- 17 Коменский говорит об активности ребенка вообще и — главное — о работе его руки («хватания рукой»). Именно благодаря этой активности очевиден ребенок. Обучить ребенка по-человечески «есть, пить, бегать, хватать, работать» и значит заложить фундамент его человеческого развития. Эта посылка имеет и теоретическое и определяющее практическое значение.
- 18 Вместо слова «педагог» (греческого происхождения, означающего «те, кто ведут детей») в чешском оригинале Коменский употребил слова «вожди юношества», что свидетельствует о несколько ином, чем традиционный,

смысле, вкладывавшемся Коменским в это слово. *Магистры* — здесь: университетские преподаватели. *Наставники* — приблизительный, описательный перевод значащегося в латинском оригинале *praeceptores* — учителя низших классов. *Коллегии* — так во времена Коменского назывались школы повышенного типа, промежуточные между средними школами и университетами. Отсюда колледж (Англия, США) и коллеж (Франция), высшие учебные заведения одного, в отличие от университетов, профиля. *Гимназии* — здесь: средние школы, дающие классическое образование. *Школы* — в чешском оригинале вместо слова «школа» значится слово «преlestницы». Этим переводом с древнегреческого на чешский Коменский хотел подчеркнуть, что школа не место мучительной зубрежки, а место радостного, жизнеутверждающего труда — игры. Ср. с гл. VIII «Великой дидактики». *Литературные развлечения* — в латинском оригинале — «литературные игры». Это один из синонимов слова «школа», был распространен в Древнем Риме.

<sup>19</sup> Имеется в виду Реформация — широкое и социально разнородное движение в большинстве стран Европы в XVI—XVII вв., носившее в целом антифеодальный характер; привела к образованию новой разновидности христианства — протестантизма, идеологической основы буржуазной этики, практицизма. Религиозная секта чешских братьев, последним епископом которой был Коменский, представляла собой одно из ответвлений так называемой народной Реформации, выразившей интересы плебейских масс и породившей антифеодальные утопии раннебуржуазной эпохи. Исходя из учений раннего христианства («апостольский коммунизм»), ее идеологи требовали равенства в общественных отношениях и отмены сословных привилегий. Это движение, наследовавшее революционные традиции чешского реформатора Яна Гуса и его последователей Хельшицкого и Лукаша Пражского, преследовалось как католической церковью, так и бюргерской, «аристократической» Реформацией.

<sup>20</sup> Имеется в виду глава «Великой дидактики», называемая «Школы можно преобразовать к лучшему». В этой главе, в частности, говорится о таком устройстве школы, благодаря которому «образование должно происходить весьма легко и мягко, как бы само собой — без побоев и суровостей или какого-либо принуждения», а «юношество должно получить образование не кажущееся, а истинное, не поверхностное, а основательное». Ср. также «Великая дидактика», гл. XI, § 7 и гл. VIII, § 2.

<sup>21</sup> Это ключевая глава «Материнской школы»; в ней дается обзор всех основных идей и концепций, развиваемых автором в дальнейших главах.

<sup>22</sup> Сравнение человека с растениями и животными, а процессы его развития — с природными и производственными процессами, Коменский рассматривал человека как «микрососм», единый со вселенной как «макрососмом». Он доверял природе человека и полагался на нее как на имеющую в себе все необходимое и достаточное для бесконечного совершенствования. Человек рассматривался им в контексте микро-макрососмической концепции как уменьшенная модель (образ) природы в целом, как уникальная мера всех вещей в универсуме. В основе этого монистического взгляда лежало убеждение в единстве и идентичности всей природы, как в целом, так и в частностях. Как показали советские исследователи, реальная концептуальная база этой идеи подтверждается современной наукой. Конструктивную роль в эволюции педагогики сыграли протекающие из той же концепции идеи закономерности развития человека (как аналогичного законам развития всей природы) и познаваемости этой закономерности. Однако видение мира и человека как единого микро-макрососма не отдавало должного социальным условиям существования человека как факторам, определяющим его развитие, что приводило к ошибкам и при решении конкретных научных вопросов. Признавая важность для последующей жизни челове-

ка того направления его развития, которое было придано ему первоначальным воспитанием, все же нельзя абсолютизировать значение последнего как фатально предопределяющего судьбу человека. В убывающей с ходом времени степени человек способен к прижизненному изменению характерологических и иных свойств как под влиянием внешних обстоятельств, так и благодаря самосовершенствованию.

<sup>23</sup> Парафраз евангельского стиха: «Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх того, то от лукавого» (Матф. 5, 37).

<sup>24</sup> Во времена Коменского физикой называлось познание природы в целом, то, что ныне называется естествознанием.

<sup>25</sup> *Диалектика* — здесь: учебный предмет, традиционно входящий в первый цикл «семи свободных искусств» и имеющий своим содержанием искусство вести беседу вообще и находить путь к истине в споре благодаря открытию в диалоге противоречий (своих и оппонента) особенно.

<sup>26</sup> *Тропы* — слова, употребляемые в образном, переносном смысле, а также различные способы словообразований (от слова к образу). Виды тропов: метафора, гипербола, эпитет и др.

*Фигуры* — здесь: словесные обороты, стилистические приемы, применяемые для усиления выразительности высказывания (например, параллелизм, инверсия, умолчание и др.). Иногда в понятие «стилистические фигуры» включается и понятие «тропы».

<sup>27</sup> *Ювенал.* Сатиры, 10, 356.

<sup>28</sup> Далее Коменский приводит рекомендуемую им «молитву беременной», опущенную в настоящем издании. Коменский говорит о необходимости сосредоточенно-возвышенного и осторожного отношения беременной женщины к себе и своему будущему ребенку, отношения, призванного способствовать рождению здорового потомства.

<sup>29</sup> *Фаворин* — римский философ II в., ученик и последователь Плутарха, пифагорействующий платоник. Будучи продолжателем традиций неоплатонизма, Коменский высоко оценивает и упоминаемую им речь Фаворина «Совет знатной женщине о кормлении грудью своих детей» (сохранена Авлом Геллием (II в.) в «Аттических ночах», XII 1).

<sup>30</sup> *Вышеназванный философ* — Фаворин. См. примеч. 29.

<sup>31</sup> *Псевдо-Плутарх* «О воспитании детей», V 9, где матерям рекомендуется кормить своих детей грудью.

<sup>32</sup> *Авл Геллий* — см. примеч. 123 к «Великой дидактике».

<sup>33</sup> Этот автор упоминается в книге Якуба Заваха «Исторические развлечения» (Лейпциг, 1600).

<sup>34</sup> Лампридий ошибочно назван автором биографии Тита, римского императора I в., Я. Завахом в упомянутой его книге (см. предыдущее примеч.).

<sup>35</sup> *Калигула* (12—41) — римский император с 37 г., стремившийся к неограниченной власти и требовавший почестей себе как богу; убит императорскими гвардейцами.

<sup>36</sup> *Тиберий* (42 до н. э. — 37 н. э.), император с 14 г.

<sup>37</sup> О педагогическом значении бодрости, жизнеутверждающей психологической атмосфере, в которой воспитывается, т. е. живет и действует ребенок, убедительно говорил уже Платон (см.: Законы, VII, 792 а—в).

<sup>38</sup> Коменский отсылает читателя к гл. IX и X «Материнской школы». Ср. также с гл. XII «Великой дидактики».

<sup>39</sup> В гл. VI излагаются главные положения Коменского о содержании воспитания и обучения детей раннего возраста, в частности о содержании умственного воспитания.

<sup>40</sup> Парафраз библейских стихов (Притч. 4, 3—5).

<sup>41</sup> На самом деле узнавание ребенком «близких других» (матери, кормилицы и др.) происходит значительно раньше — уже в первые месяцы жизни при

условии достаточного по количеству и качеству общения взрослых с ребенком.

- <sup>42</sup> Коменский требует учить детей всем видам деятельности, в частности и игровой. Новое, что вносит в жизнь ребенка игрушка, не возникает само собой, а есть результат умелого руководства детской игрой, понимания ее места, смысла и значения в жизни ребенка.
- <sup>43</sup> Это замечание Коменского есть по сути формулировка одного из принципов воспитания: наиболее эффективный способ воспитывать детей и формировать их будущее — это воспитывать себя и организовывать их жизнь в настоящем. Взрослые не могут, не принося вреда воспитанникам, требовать от них того, чего они не требуют от себя.
- <sup>44</sup> *Грамматика* — здесь: первичные навыки практического овладения языком. В лепете малышей уже слышатся слоги, но лепет еще нельзя назвать речью. Однако все дальнейшее речевое развитие, в частности и усвоение грамматической стороны языка, многим обязано периоду лепета.
- <sup>45</sup> Риторика как учебный предмет в составе тривиума (начального образования) включала во времена Коменского изучение декламации, и в частности приличествующих ей осанки и жестов.
- <sup>46</sup> Замечательно, что Коменский понял роль жестов в развитии ребенка задолго до строго научного, экспериментального доказательства этого. Советское психолого-педагогическое знание уделяет проблеме жестов особое внимание. Л. С. Выготский показал, что речь и мышление ребенка начинают с жестов как внешней стадии своего развития, как знаков, приобретающих благодаря общению с окружающими ребенка людьми социальную функцию. А. И. Мещеряков также считал, что овладение жестами — необходимый этап речевого развития ребенка.
- <sup>47</sup> В тексте «Материнской школы» обещанного Коменским «напоминания» не содержится.
- <sup>48</sup> Идея упражнения самых маленьких детей в хорошем поведении чрезвычайно важна. Одних только наставлений, правоучений, «словесных воздействий» в нравственном воспитании детей недостаточно. Возможность и необходимость упражнений в волевом поведении детей до 3 лет обосновал уже Платон (Законы, VII, 789а—793а). Современная педагогика важнейшими средствами нравственного упражнения малышей считает точное выполнение ими режима, возложение на них несложных и систематических трудовых обязанностей, предоставление им возможно большей самостоятельности при самообслуживании, широкое практикование дружеского общения со сверстниками и взрослыми, поощрение и стимуляцию заботы обо всех окружающих малышах и ограничения своих желаний ради блага других и т. п.
- <sup>49</sup> Современная психолого-педагогическая наука различает в подражании (неосознанном, спонтанном процессе научения по механизмам образования установки, для которого свойственно копирование чужих движений, мимики и жестов, слов и выражений и т. п.) возрастные этапы. Способность к рефлекторному подражанию формируется ко второму году жизни ребенка. Позднее возникают механизмы интеллектуального подражания как ориентации ребенка на образец поведения любимого им и важного для него человека (идентификация). В воспитании огромное значение приобретает положительная модель поведения.
- <sup>50</sup> Коменский беспоследователен в вопросе о наказаниях. В «Великой дидактике» он предусматривал побои за проявления безбожия, упорство, намеренную ложь, гордость, высокомерие, зависть и лень (гл. XXVI, § 6 и 9), а в заключительном параграфе той же главы требовал изгнать из школы розгу и палку как орудия рабства.
- <sup>51</sup> Коменский имеет в виду гравюру в иллюстрированном издании книги Гейлера «Людка, или Зеркало судьбы».

- <sup>62</sup> Цитата из комедии римского драматурга Публия Теренция (ок. 195—159 до н. э.): «Сам себя наказавший» (483/II, 1, 74).
- <sup>63</sup> Скрытая цитата из «Киропедии» (жизнеописания персидского царя Кира) древнегреческого историка и писателя Ксенофонта (ок. 430—355 или 354 до н. э.), кн. I, гл. 2.
- <sup>64</sup> *Псевдо-Плутарх*. О воспитании детей, гл. 14 (10 E).
- <sup>65</sup> *Платон*. Государство, II, 377—383; III, 386—403с; IV, 424а—425с.
- <sup>66</sup> *Псевдо-Плутарх*. О воспитании детей, гл. 14 (11 C).
- <sup>67</sup> Имеется в виду 331-я басня Эзопа (VI в. до н. э.).
- <sup>68</sup> *Бакалавр* — первая ученая степень.

**Великая дидактика**  
(с. 242—476)

Коменский начал работать над главным своим систематическим сводом педагогической науки еще на родине и завершил труд в Лешно, уже в изгнании. Текст был написан Коменским на чешском языке, а затем переведен им на латинский. При переводе Коменский отчасти переработал материал книги: расширил и систематизировал изложение ряда глав, уточнил формулировки. Латинский вариант был окончен в 1638 г. и издан в Амстердаме в 1657 г. в I т. Собрания дидактических произведений Коменского под названием «*Didactica magna*» — «Великая дидактика».

Этот всемирно известный трактат многократно переводился на русский язык (впервые — в 60-е гг. прошлого века). В настоящем издании он публикуется в переводе с латинского Д. Н. Королькова / Под ред. А. А. Красновского. — (Избр. пед. соч., 1955, — М., с исправлениями).

Дидактика, школоведение, теория воспитания и педагогическая психология впервые в истории педагогической мысли обрели в «Великой дидактике» свой предмет и составили в своей совокупности особую науку, прежде не существовавшую в качестве специальной области знания. Эта наука представлена здесь в составе всех своих важнейших проблем: цели, задачи, содержание, психологические факторы и предпосылки, методы и организационные формы образования личности, становления и совершенствования способностей. Решение этих проблем приобрело статус всеобщего и необходимого, достоверного и доказанного знания, констатирующего законы и, в свою очередь, основывающегося на их непреложности. «Великая дидактика» — грандиозная система, целостная теория вкупе с ее обоснованием («философией воспитания»).

Чтобы понять цели и задачи «Великой дидактики», этого фундамента науки о воспитании, образовании и обучении, придется совершить исторический экскурс.

То была эпоха нарастающего по скорости крушения феодальных устоев жизни и чрезвычайно болезненного, но неостановимого роста новых, буржуазных сил и отношений. Мир рушился, и мир созидался. Столкновение старого с народившимся в XV—XVI вв. и успевшим окрепнуть новым приняло катастрофические размеры. Тридцатилетняя война принесла Коменскому боль жесточайших утрат и крайне тяжелых поражений.

Сформированный в альтруистическом и на редкость мужественном духе, Коменский создал новое идейное оружие, названное им пансофией, которое предназначалось для уничтожения зла и установления добра на земле. Он видел свое призвание в возвращении мира истерзанному междуусобицами миру, в установлении на земле «рая», в приближении «тысячелетнего царства» истины, справедливости, добра, радости и красоты.

Будучи предтечей Просвещения, Коменский веровал в распространение знаний как панацею от ужасов междоусобиц: мир спасется мудростью — Софией.

Пансофия (всемудрие, всезнание) должна стать достоянием всех — любого и каждого человека.

Но с помощью педагогического инструментария современной Коменскому школы пансофию распространить было нельзя. Всемудрие предполагает знание сущности вещей, а школа учит словам. Мудрость недостижима без овладения научным методом познания, но школа губит умственные способности отупляющей зубрежкой. Пансофия предполагает высокую нравственность, чтобы ум не служил злу, а школа, отделяя знания от ума, одновременно разводит ум и интересы, потребности, интенции, стремления, направленность личности. Она не учила главному — любить добро и ненавидеть зло, наслаждаться познанием истины и служить ей.

Для торжества пансофии необходимым был легкий, простой, надежный метод обучения ей, метод, дающий стопроцентную гарантию успеха. Никакой пансофии не будет также, если учить не целостному, не внутренне упорядоченному и системно связанному знанию о мире в целом, о Космосе. Стало быть, надо открыть способ учить всех всему и всесторонне.

Вот почему появилась «Великая дидактика». Ее не могла вызвать к жизни задача меньшего значения или меньшего масштаба. «Универсальное искусство учить всех всему кратко, приятно, основательно и с гарантией успеха» не могла избрести личность, воплощающая в себе менее демократические и менее революционные традиции.

Не могла появиться система Коменского и ранее XVII столетия, когда колеблется Нового времени, новой философии, нового естествознания, политэкономии, политологии, права, этики. Люди активной, воинствующей мысли, потребность в которых родила эпоха мощных народных движений, окружали Коменского. Это был век великанов духа — социальных утопистов и гениальных ученых: Уинстенли, Ваннини, Фр. Бэкона, Галилея, Кеплера, Декарта, Кампанеллы, Гассенди, Бёме, Гроция, Петти, Спинозы, Паскаля, Ферма, Гоббса, Бойля, Ньютона, Лейбница. Это был век, на исходном рубеже которого стояли Сервантес и Шекспир, умершие в 1616 г. Это был век Мильтона, Корнелия, Мольера, Ларошфуко; век замечательных педагогов — И. В. Андреа и Ратке. Многие из них были революционерами в жизни, в науке.

Новаторство Коменского беспрецедентно: в «Великой дидактике» он не только систематизировал педагогику, не только синтезировал в соответствии со своей пансофической концепцией лучшее из педагогической мысли прошлого — он впервые решил ряд вопросов, бывших предметом вековых, эпохальных споров; он впервые поставил ряд важнейших вопросов, впервые дал теоретическое обоснование педагогических норм; он создал теорию воспитательного искусства (для сравнения с другими искусствами напомним, что искусствознание оформилось как наука со своим методом да и литературоведение — как самостоятельная область знания — лишь в XIX в.).

Новизна «Великой дидактики» отнюдь не исчерпана прошедшими столетиями. Далеко не все в ней принадлежит истории. Еще не решены многие «задачи Коменского»: нет педагогики, дающей стопроцентную гарантию успеха. Не сняты с повестки дня педагогической науки и вопросы формирования познавательной активности и творческой самостоятельности; укрепления межпредметных связей, создания единого, целостного, системного, строго упорядоченного знания обо всем мире; воспитатели, как во времена Коменского, иногда еще ссылаются на малоспособность того или иного ребенка как на причину его неудач в учебе и жизни, вместо того чтобы признать собственную вину в этой малоспособности; школа подчас остается местом унижений и разочарований для некоторых учеников, вместо того чтобы быть «домом радости», где человек научается наслаждаться познанием сущности вещей и явлений, укрепляет свои силы и опущает свой рост, и т. д. Короче, над развитием искусства учить всех всему быстро, приятно, основательно

и с гарантией успеха педагогической науке приходится еще много трудиться. И в этих трудах большое подспорье для нее — обращаться вновь и вновь к своим истокам, к начертанным Коменским началам: не исчерпаны заложенные в них возможности.

<sup>1</sup> Цицерон *Марк Тулий* (106—43 до н. э.) — римский философ, теоретик риторики, писатель, знаменитый оратор, политический деятель. При разработке этической проблематики много внимания уделял вопросам воспитания.

<sup>2</sup> Греческий текст означает: «Основа всякого государства в воспитании юношества».

*Диоген* (ок. 404—323 до н. э.) — греческий философ, киник.

*Стобей* (V в.) — греческий философ и писатель, составивший антологию 500 греческих философов, поэтов и прозаиков в 4 книгах; открыто игнорировал христианскую литературу.

Апеллируя к авторитету древних, Коменский продолжает гуманистическую традицию, отрицавшую авторитет Библии как единственного источника истины.

<sup>3</sup> *Андрез И. В.* (1586—1654) — немецкий педагог и теолог, автор утопического сочинения, близкого по духу «Городу Солнца» великого коммуниста-утописта Кампанеллы; оказал сильное влияние на Коменского.

<sup>4</sup> Обосновывая необходимость дидактики для родителей, Коменский продолжает разрабатывать свою идею необходимости педагогики вообще, прежде всего для родителей. Подробная аргументация этой идеи дана Коменским в «Материнской школе». Необходимость педагогики не только для педагогов, но и для всех людей, прежде всего для родителей, подробно аргументировал в XIX в. Герберт Спенсер в своей работе «Воспитание умственное, нравственное и физическое».

<sup>5</sup> Дидактика, таким образом, предстает как средство помочь богу, обходясь без его помощи. Коменский говорит фактически о необходимости для человечества помогать самому себе.

<sup>6</sup> Называя дидактику «искусством обучения», Коменский подразумевает под искусством как раз науку. Слово «искусство» употребляется им в данном случае в традиционно средневековом значении, в том же, в каком искусствами назывались геометрия, астрономия, диалектика и др.

<sup>7</sup> *A posteriori* (лат.) — «из практического опыта».

<sup>8</sup> Коменский поставил великую задачу: создать педагогику, дающую гарантию успеха — без малейшей возможности «провала», — педагогику безотказного эффективного обучения всех всему. Тем самым Коменский, как справедливо писал И. Ф. Свадковский, «с исключительной ясностью доказал, что дело воспитания человека должно и может быть поставлено на научную почву и что, следовательно, воспитатель, как и всякий знающий свое дело работник, может быть уверен в успехе при соблюдении требований педагогической науки» (Дидактика Яна Амоса Коменского и современная педагогическая наука. — В кн.: Материалы научной сессии АПН СССР, посвященной 300-летию опубликования Собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского. 13—14 декабря 1957 г. — М., 1959, с. 188). «Одним из первых мыслителей, которые стали искать неизблемую теоретическую основу для решения практических вопросов воспитания и обучения, был Ян Амос Коменский» (там же, с. 188—189).

<sup>9</sup> *Меланхтон* — см. примеч. 13 к «Автобиографии» и 4 к «Материнской школе».

<sup>10</sup> *Назианзин, Григорий* (ок. 330 — ок. 390) — богослов, поэт и прозаик, представитель спекулятивной философии в греческой христианской литературе; один из «отцов церкви».

<sup>11</sup> *Discentia* (лат.) — здесь: учащиеся.



- <sup>12</sup> *Тертуллиан, Квинт Септим Флорент* (ок. 160 — после 220) — римлянин; христианский богослов и писатель.
- <sup>13</sup> *Мина* — древнегреческая денежная единица; приблизительно фунт серебра.
- <sup>14</sup> В этом разделе Коменский выводит необходимость народного образования из своей христианско-мистической философии истории. Согласно этому учению, рай должен быть установлен на земле, и поэтому подготовка к вечной жизни для Коменского означает подготовку к жизни в совершенном обществе здесь, на земле.
- <sup>15</sup> Гнома (краткое изречение): «Познай самого себя» — принадлежит не Питтаку, а другому греческому мудрецу конца VI — начала VII в. до н. э. — Хилону из Спарты. Питтак так же, как и Хилон, входил в число «семи мудрецов». Он автор другой гномы: «Корысть ненасытна».
- <sup>16</sup> О трактовке Коменским микро-макрокосмической теории см. примеч. 22 к «Материнской школе» в наст. изд.
- <sup>17</sup> В основе этой главы лежит господствовавшее в эпоху Коменского телеологическое истолкование мира, согласно которому всякое явление и развитие есть осуществление заранее предустановленных богом целей. Ср. V, 2: «Все, что существует, существует для чего-либо...»
- <sup>18</sup> Имеется в виду Александр Македонский.
- <sup>19</sup> *Фест, Секст Помпей* (II в. до н. э.) — римский писатель, грамматик, автор компилятивного сочинения в 20 книгах, из которых до нас дошло восемь.
- <sup>20</sup> *Виес, Хуан Луис* — см. примеч. 25 к «Предвестнику всеобщей мудрости».
- <sup>21</sup> *Сенека, Луций Анней* (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — римский политический деятель, философ и писатель.
- <sup>22</sup> *Пифагор Самосский* (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ, математик, религиозный и политический деятель.
- <sup>23</sup> Автодидакт — самоучка.
- <sup>24</sup> Имеется в виду Бернар Клервоский (1091—1153) — французский теолог, основатель мистического направления средневековой теологии.
- <sup>25</sup> Коменский имеет в виду гл. IV кн. 3 сочинения Аристотеля «О душе», 409б, 30—430а 2.
- <sup>26</sup> Здесь Коменский излагает теоретико-познавательные положения сенсуализма. Для своего времени это была весьма прогрессивная теория познания, с позиций которой передовые философы выступали с решительной критикой схоластики и подчеркивали необходимость опытного познания.
- <sup>27</sup> В «Великой дидактике» Коменский не акцентировал активность человеческого сознания. В «Новейшем методе языков» (см. гл. X этого сочинения в данном издании) и еще позднее в «Пампедии» он уделяет этому большое внимание.
- <sup>28</sup> *Лактанций, Луций Целий Фирмиан* (ок. 250 — ум. после 325) — римский оратор, обратившийся в христианство, воспитатель римского императора Константина I.
- <sup>29</sup> Везувийским поэтом иногда называют Горация (61—8 до н. э.) — римского писателя и поэта, родившегося в Везузии (Апулия — историческая область на юго-востоке Италии).
- <sup>30</sup> В своем антропологическом обосновании педагогики Коменский как бы переводит на язык реальной действительности изложенное им выше теологическое ее обоснование, определяя человека как существо, способное к обучению. Отсюда самая возможность педагогики и отсюда же педагогический оптимизм Коменского, реалистический и действенный характер педагогики Коменского, пронизывающий также изощренности как неперемного компонента (наряду с учением) в ряду условий становления человека человеком.

- <sup>31</sup> *Дрессер и Камерарий* — немецкие гуманисты XVI в. *Гуларций* = протестантский теолог в Женеве.
- <sup>32</sup> *Платон*. Законы, VI, 766а. Ср. *Аристотель*. Политика, 1, 2, 1253а 29—37.
- <sup>33</sup> Здесь содержится в зародыше плодотворная и впоследствии развитая Коменский идея необходимости сочетания и даже единства интеллектуального, нравственного и волевого развития личности.
- <sup>34</sup> Коменский имеет в виду слова Диогена Лаэртского, античного историка греческой философии, слова, обращенные к красивому, но неприлично высказывавшемуся юноше.
- <sup>35</sup> Утверждение Коменского о том, что достоинства и совершенства личности зависят от того, что и как она делает, по сути дела, отрицает определяющую роль врожденных способностей.
- <sup>36</sup> В содержании этого параграфа заключена диалектическая мысль о саморазвитии личности, об активности сознания как необходимой предпосылки этого развития личности (образования, приобретения образа). Коменский выдвигает реалистическую гипотезу о формировании активности, о внешних по отношению к человеку источниках самой возможности активности. Это, по сути, материалистическая идея, на века опередившая свое время.
- <sup>37</sup> Это одна из сквозных тем педагогики Коменского: действие — вот цель воспитания и содержание земной жизни.
- <sup>38</sup> Речь идет о персонаже греческой мифологии царе Пилосе, отличавшемся, несмотря на глубокую старость, храбростью, неутомимостью и рассудительностью; считался у греков мудрейшим из советников.
- <sup>39</sup> Коменский здесь не только обосновывает необходимость раннего воспитания, но и привлекает внимание педагогов к обнаружению особенно чувствительных к внешним воздействиям периодов в развитии человека.
- <sup>40</sup> Говоря о силе первых впечатлений, Коменский ставит чрезвычайно важную проблему воспитания. В ранние годы жизни человека формируется не только его характер, но приобретаются мотивы, направленность личности, определяющие собой возможности будущего воспитания. От приобретаемых с малых лет специфических мотивов деятельности, апперцепции, зависит характер дальнейшего взаимодействия человека с миром. Особую трудность для педагогики представляет то обстоятельство, что формирование системы апперцепции, как и всей направленности личности, происходит совершенно незаметно и чрезвычайно быстро в ходе каждодневного бытового общения и взаимодействия ребенка с окружающим его миром.
- <sup>41</sup> В этом отождествлении Коменским справедливости и равенства (образовательных возможностей) проявился его глубокий демократизм. В господствовавшем в его время морально-правовом и социально-политическом сознании в лучшем случае допускались идеи о равенстве различных вероисповеданий. Коменский опирается здесь, как и во многих других случаях, на революционные традиции крестьянско-плебейской ереси и на идеи равных утопистов-социалистов.
- <sup>42</sup> Скрытая цитата из римского поэта Вергилия (70—19 до н. э.), «Георгики», I, 1, 45.
- <sup>43</sup> *Ювенал* — римский поэт I в. н. э.
- <sup>44</sup> *Энтинема* — сокращенное силлогистическое умозаключение.
- <sup>45</sup> *Еврипид* — греческий драматург V в. до н. э. Коменский цитирует его стихи из трагедии «Ипполит».
- <sup>46</sup> *Киприда* — одно из имен древнегреческой богини любви Афродиты. Будучи богиней брака, нередко считалась также и богиней измены.
- <sup>47</sup> Здесь сформулированы Коменским наиболее важные и наиболее трудные задачи воспитывающего обучения: дать человеку способы, средства и методы познания окружающего мира, научить способам эффективного

- отправления обязанностей и исполнения долга — и последняя по счету, но не по значению задача — научить любить мир. Без разрешения этой последней задачи в принципе невозможно разрешение и двух предыдущих.
- <sup>48</sup> Трактовка совести как памяти дает по сути своей материалистическое объяснение самого явления совести: совесть есть функция души, отбрасывающая и сохраняющая для человека наилучшие плоды деятельности разума и воли.
- <sup>49</sup> В этом параграфе Коменский намекает на Сократа и Аристотеля.
- <sup>50</sup> Настойчивое подчеркивание необходимой цельности человеческой личности — очень сильная сторона педагогики Коменского.
- <sup>51</sup> *Лютер, Мартин* — см. примеч. 9 к «Материнской школе».
- <sup>52</sup> Едва ли не первым в истории педагогики Коменский поднял вопрос об обучении в школе искусству жизни, искусству счастья. Школа призвана снабжать новое поколение средствами решения трудных этических вопросов. Эта актуальнейшая задача соединения знаний основ наук с умением решать проблемы конкретной практической индивидуальной жизни все еще бросает вызов дидактике и теории воспитания.
- <sup>53</sup> Речь здесь идет об умалишенных. Что касается слабоумных, то Коменский вполне допускал возможность их успешного обучения. См. подробно об этом его «Панпедию» (наст. изд., т. 2).
- <sup>54</sup> Иоганн Фауст был помощником Иоганна Гуттенберга — немецкого изобретателя книгопечатания.
- <sup>55</sup> Современная наука в лице ее наиболее прогрессивных представителей дает основания для подтверждения этого абсолютного педагогического оптимизма Коменского.
- <sup>56</sup> Нет недоступного знания — то же самое приходится доказывать и в конце XX в. См., например, работы Дж. Брунера, справедливо утверждающего, что нет такого знания, которого нельзя было бы изложить точно и интеллектуально честно человеку любого возраста.
- <sup>57</sup> См. примеч. к XII, 13.
- Важно обратить внимание читателя на утверждение Коменского о том, что юношество, даже испорченное, педагогически запущенное, способно развиваться и совершенствоваться под влиянием окружения сверстников. Коменский закладывает здесь краеугольный камень педагогической социологии.
- <sup>58</sup> Из этого важного положения Коменского о том, что так называемая тупость тождественна отсутствию стремления к знанию, проистекает не менее важный его методический вывод: главное средство педагогической реабилитации так называемых тупых учащихся — положительная мотивация учения (формирование желания учиться, интерес к учению).
- <sup>59</sup> Здесь Коменский выдвигает важнейший принцип дидактики: принцип индивидуального подхода, предполагающего «доброжелательство и терпение» по отношению к медлительным и вялым. «Чтобы они не падали духом», надо дать им пережить радость успеха.
- <sup>60</sup> Под «порядком во всем» Коменский подразумевает закономерную зависимость вещей друг от друга.
- <sup>61</sup> Коменский исчерпал в этой формуле цель и содержание обучения. Необходимо подчеркнуть, однако, что ведущим фактором успешности обучения является именно содержание образования, в терминологии Коменского — «предметы». Хотя содержание образования выступает в своем единстве с методом, тем не менее последний не может, даже если он очень плох, уничтожить хорошее содержание и никогда не в силах улучшить плохого.
- <sup>62</sup> *Гиппократ Косский* (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — древнегреческий врач и философ-материалист.
- <sup>63</sup> *Георини, Ипполит* — итальянский врач первой половины XVII в., автор оригинальной книги «Ужасы опустошения человеческого рода».

- <sup>64</sup> *Пико делла Мирандола, Джованни* (1463—1494) — итальянский философ-гуманист. Был близок Коменскому своей идеей человека как микрокосма.
- <sup>65</sup> Цитируется поэма «Труды и дни» древнегреческого поэта Гесиода (XVIII—XVII вв. до н. э.), стихи 361, 362.
- <sup>66</sup> Коменский вновь формулирует задачу обнаружения и использования в педагогических целях наиболее чувствительных к внешним воздействиям, так называемых сензитивных периодов в развитии человека.
- <sup>67</sup> *Энциклопедия* — здесь: греческое словосочетание, означающее «круг наук», «общее образование», по содержанию соответствовало латинскому более традиционному: «семь свободных искусств» (грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика, геометрия и астрономия), но включало также еще медицину и архитектуру.
- <sup>68</sup> Здесь ставится сложный и очень важный вопрос дидактики о концентрическом построении учебного плана. Современный швейцарский психолог Жак Пиаже по этому поводу писал: «Коменский гениально прав, уверяя, что на каждом из различных уровней развития (младенчество, детство, подростковый возраст, юность) необходимы одни и те же виды знания. Ибо они соответствуют перманентным потребностям; различие между этими уровнями заключено главным образом в способе, которым эти формы знания переформулируются. Коменский правильно требует учить одним и тем же вещам, по-разному. Речь идет о последовательном переструктурировании одного и того же знания от этапа к этапу (например, от действия по простому предъявлению к рефлектированному). Это соответствует системе последовательного развития...» (*Piaget, Jean. The significance of John Amos Comenius and the present time.* — In: John Amos Comenius, 1592—1670: Selections. — (Paris): UNESCO, (1957), p. 17).
- <sup>69</sup> *Гуго Сен-Викторский* (первая половина XII в.) — французский богослов и педагог.
- <sup>70</sup> См. трактат Аристотеля «О возникновении и уничтожении» (II, 1, 329a 5—8).
- <sup>71</sup> *Исократ* — афинский оратор, публицист, друг Платона.
- <sup>72</sup> *Квинтилиан* — знаменитый римский педагог I в. н. э. Коменский цитирует его трактат «Об образовании оратора», кн. 1, 3, 8.
- <sup>73</sup> *Пансофия* — термин, не изобретенный Коменским. Ранее он встречается в трудах античного философа I в. Филона Александрийского. Однако Коменский внес новое содержание в этот термин неоплатонизма. Он понимал пансофию и как всеобщую мудрость Универсума, единого и неделимого мира, и как науку о всем, или всеединую науку. Объектом пансофии как науки является весь мир вещей, но этот мир вещей строго упорядочен. Закономерность мира исключает какой бы то ни было субъективизм в его понимании. Пансофия — зеркало мира вещей, зеркальный образ макрокосма. Самое важное в понимании Коменским пансофии — это то обстоятельство, что структурированность мира является предпосылкой структурированности знания. Знание едино и одинаково для всех, так же как един и одинаков для всех мир объективных вещей. Наконец, в понятие пансофии входит понятие такого «порядка» (как всеобщей связи вещей), в котором каждая вещь имеет одно, и только одно, присущее ей место. Таким образом, пансофия предстает как истинное знание всеединного. Это знание необходимо и возможно. Пансофия как знание о мире предполагает и пангармонию как принцип экономии познавательной энергии. В трактовке Коменского идея пансофии ведет к пониманию мира, человеческой истории и жизни как истинных воспитателей человека. Весь космос, все человечество, вся окружающая ребенка жизнь должны быть его школой. Пансофия Коменского — это наука, в которой разные виды человеческого знания не просто внешне поименованы, но выведены из основополагающих принципов универсальным методом.

- <sup>74</sup> Современная советская психология подтверждает обоснованность и необходимость этого педагогического требования Коменского предварять практические задания разъяснением формы и способа выполнения действия.
- <sup>75</sup> В этом требовании Коменского сделать очевидной для учащихся пользу от изучаемых предметов проявилась материалистическая тенденция — стремление связывать обучение с реальными интересами людей.
- <sup>76</sup> Под методом Коменский разумеет дидактический принцип.
- <sup>77</sup> В содержание образования Коменский вводит в качестве важнейшей его составной части метод познания, органически сочетая знания о предметах со знанием о способах их постижения. Усвоение основ наук связывается у Коменского с философским (методологическим) образованием.
- <sup>78</sup> Умению обращаться за советом по поводу неизвестного к учителю, к товарищу или к книге необходимо учить специально. Искусство ставить вопросы и еще более сложное искусство находить ответы на эти вопросы в книге не даются сами по себе и поэтому нуждаются в систематической заботе по их формированию со стороны учителя.
- <sup>79</sup> Об Иоахиме Форцие см. примеч. к сочинению «Воскресший Форций».
- <sup>80</sup> Коменский говорит о необходимости философского образования с самого начала обучения в школе. Оно дает знание о способах совершения действия вообще и умственных в частности, что необходимо не в конце обучения, но постоянно, на всем его протяжении.
- <sup>81</sup> О необходимости энциклопедической пропедевтики как изложенного в сжатой и элементарной форме образца учебного курса или отдельных тем говорят и современные педагоги.
- <sup>82</sup> Коменский предполагал, что во главе каждых десяти учеников класса будет стоять лучший из них по успехам и по поведению. Таких представителей десятка учащихся Коменский называет декурionsами.
- <sup>83</sup> Мы соблюдаем нумерацию параграфов латинского текста, в котором § 21 оказался пропущенным.
- <sup>84</sup> *Асклепий* — древнегреческий бог врачевания.
- <sup>85</sup> *Гиппократ* — древнегреческий врач (V—VI вв. до н. э.).
- <sup>86</sup> Выполнение требования Коменского соединять изучение слов и вещей необходимо не только для «сокращения труда», но и для предотвращения вербализма и обеспечения подлинного развития мышления.
- <sup>87</sup> Коменский рекомендует полезный методический прием: имитацию реальных жизненных ситуаций и разыгрывание их в условиях класса.
- <sup>88</sup> Школа может быть преддверием жизни только при условии, что она есть сама полноценная жизнь.
- <sup>89</sup> Подробное развитие идея отбора главного и отсекация второстепенного в содержании образования получила у Коменского в «Памфлет».
- <sup>90</sup> Коменский имеет в виду методику преподавания основ наук, собственно дидактику в современном значении этого термина.
- <sup>91</sup> *Флаdd (Флатт)*, *Роберт* — английский медик-знаток математики и механики, живший в 1574—1637 гг.
- <sup>92</sup> В переводе на современный язык это старинное словосочетание означает: методика формирования умений и навыков.
- <sup>93</sup> Коменский цитирует во Квинтилиана, а Сенеку (Послание VI).
- <sup>94</sup> Немецкое выражение означает: «У хорошего предшественника всегда будет хороший последователь».
- <sup>95</sup> Здесь Коменский цитирует римского комедиографа I в. до н. э. Теренция.
- <sup>96</sup> Под диалектикой здесь понимается искусство вести беседу вообще и находить путь к истине в споре.
- <sup>97</sup> *Тимофей* — греческий музыкант II—I вв. до н. э.
- <sup>98</sup> Коменский предвосхищает своим требованием давать ориентировочную основу действий открытие современной психологии.
- <sup>99</sup> Сказанное означает, что важнейшим элементом содержания образования

- является творчество как способность «изобретать новое, а не только пользоваться уже известным».
- <sup>100</sup> В современном словоупотреблении это название звучит: «Методика преподавания родного и иностранного языков».
- <sup>101</sup> *Вокабулярий* — краткий список слов к хрестоматии или разделу учебника.
- <sup>102</sup> *Идиоматизмы* — свойственные только данному языку неразложимые словосочетания.
- <sup>103</sup> *Кнапий* (1564—1638) — профессор риторики, математики и богословия.
- <sup>104</sup> В современном словоупотреблении означает: «Содержание и методы нравственного воспитания».
- <sup>105</sup> Идея профилактики дурного поведения, имеющей огромные преимущества перед необходимостью исправления уже сложившихся недостатков, проходит красной нитью через все педагогические работы Коменского.
- <sup>106</sup> *Эпиктет* — римский философ-стоик I в.
- <sup>107</sup> *Иов* и *Давид* — библейские персонажи. *Илия* — ветхозаветный пророк.
- <sup>108</sup> *Эразм Роттердамский* известен не только как гуманист, писатель, но и как прогрессивный педагог, решительно отвергавший средневековую систему образования и воспитания.
- <sup>109</sup> *Фульгенций* — богослов V—VI вв.
- <sup>110</sup> *Присциан* (VI в.) — римский грамматик из Константинополя. Был автором латинской грамматики, которая в течение многих веков считалась образцом школьного учебника; учащиеся наказывали за отклонения от содержащихся в этой грамматике норм, поэтому «прегрешения против Присциана» означают ошибки.
- <sup>111</sup> Мотивация учения может быть только положительная, хочет сказать Коменский в этом параграфе. Страх наказания, любые виды репрессий не могут обеспечить положительной мотивации успешного учения.
- <sup>112</sup> *Фригийцы* — жители древней страны в северо-западной части Малой Азии; слыли за ленивых и нерадивых людей.
- <sup>113</sup> *Любин*, *Эйльгард* — немецкий натур-философ, современник Коменского. Был противником схоластики и сторонником идей Демокрита.
- <sup>114</sup> Имеются в виду грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка.
- <sup>115</sup> Правильнее не предпосылать одно другому, а развивать поименованные здесь Коменским совершенства одновременно.
- <sup>116</sup> *Цепнер*, *Вильгельм* (1594—1614) — богослов и писатель.
- <sup>117</sup> *Альшtedт*, *Иоганн Фридрих* (1588—1638) — один из учителей Коменского, профессор теологии и философии в Герборне.
- <sup>118</sup> *Стевин*, *Симон* — современник Коменского, выдающийся естествоиспытатель и математик.
- <sup>119</sup> *Липсиус*, *Юст* (1547—1606) — голландский филолог. Коменский ссылается на труд Липсиуса 1604 г.
- <sup>120</sup> Речь идет здесь о философских дисциплинах — вопросах онтологии и теории познания. «Первой философией» эти области науки называл Аристотель. Трактаты, в которых Аристотель рассматривал вопросы, относящиеся к проблемам бытия и познания, «Метафизикой» назвал в I в. до н. э. греческий ученый Андроник из Родоса, поместивший их после аристотелевских сочинений, посвященных «физике» — исследованию природы.
- <sup>121</sup> Коменский ставит проблему формирования у молодежи правильных убеждений, связанных с вопросами «свободы воли». Научное решение этих проблем — предпосылка осознанного выбора учащимися правильной линии поведения во всех областях, сферах человеческой деятельности.
- <sup>122</sup> Коменским поставлена здесь проблема формирования призвания. Это проблема не только следования спонтанно проявляемым склонностям человека, но и органического слияния общего и специального образования.

- <sup>123</sup> *Геллий, Авл* (130—170) — римский философ, писатель, преподаватель ораторского искусства, хорошо знавший ученых своего времени, их научные интересы и достижения.
- <sup>124</sup> Рекомендую в качестве экзаменационной проверки усвоения учащимися знаний решение практических задач, построенных на жизненных ситуациях, Коменский дает в руки преподавателей высшей школы наиболее совершенные методы проверки знаний.
- <sup>125</sup> Коменский ставит проблему технологизации учебно-воспитательного процесса. Средней школе необходима система простых, доступных каждому учителю методов, гарантирующих эффективность обучения. Такая технологизация школьного образования позволяет творчески работающему учителю преподавать сколь угодно лучше установленного минимума, но не позволяет начинающему, неопытному, малоквалифицированному учителю преподавать на более низком уровне, чем тот, который обеспечивает указанная система методов.
- <sup>126</sup> Очевидная ошибка в расчете часов; правильно — 22 часа.
- <sup>127</sup> Под «панметодическими книгами» Коменский понимает универсальные дидактические и методические пособия для преподавателей.

**Предвестник всеобщей мудрости**  
(с. 477—527)

Написано в 1634—1638 гг., впервые опубликовано в 1639 г. в Англии. Печатается по изданию: *Коменский Я. А.* Избр. пед. соч. — М., 1955 (пер. В. И. Ивановского и Н. С. Терновского) с нашей (—В. Б.) сверкой по латинскому тексту в кн.: *Comenius. Vorspiele. Prodromus Pansophiae. Vorläufer der Pansophie. Lat. Text und deutsche Übersetzung von H. Hornstein.* — Düsseldorf, 1963.

В одном письме 1667 г. (голландскому священнику П. Серрюрье, см.: *Komenský J. A. Korrespondence, II*, письмо N 257. — Прага, 1902, с. 316) Коменский вспоминает, как мальчиком в школе он попробовал объяснить сверстникам, почему окраска цветов на лугу так разнообразна: бог сотворил несколько простых красок, каждому цветку дав какую-то одну, но со временем из-за разного устройства цветков краски в них начали видоизменяться, и цветы приобрели пестроту. Здесь уже таилась идея «всеобщей мудрости» (пансофии): за многообразием явлений скрывается изначальная простота. Когда, учась в Германии, Коменский познакомился с пансофией розенкрейцеров (см. о них «Лабиринт света...», гл. XIII и примеч.), ее принцип — «от Единого, через все, к Единому» — оказался для молодого чешского мыслителя очень близок. С конца 1620-х гг. пансофия как замысел единящего знания, способного окрылить человечество цельным смыслом жизни, становится неизменной заботой Коменского (подробнее об источниках и философской идее его пансофии см. «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел. Пансофия», комментарий). В письме Г. Хоттову 14 марта 1642 г. он признается, что «вог уже 14 лет» (т. е. с 1628 г.) вынашивает идеи своих пансофических трудов; а в письме к немецкому историку М. Гезенталеру 1 сентября 1656 г. указывает, что «почерпнул начала своих пансофических размышлений» из книг И. В. Авдрэ (см. о нем «Лабиринт света...», общее примеч.), с которым начал переписку тоже в 1628 г. Первым изложением пансофии Яна Амоса Коменского в зародыше можно считать, однако, написанное уже в 1622—1625 гг. и изданное в 1633 г. «Средоточие обеспеченности» (*Centrum securitatis. To gest, Hlubina bezpečnosti. Aneb Swětlé wymalovánj...* — Amsterdam, 1633). «Пусть предлагаемое мною крошечно, наподобие центральной точки [круга], — говорил здесь о своих идеях Коменский, — однако я предлагаю основу вечной обеспеченности». В «Средоточии обеспеченности» он впервые рисует «дерево мудрости», т. е. живого цельного знания, и этот образ так или иначе входит затем во все последующие проекты пансофии (ср. «Предвестник...», 39).

Первые изложения собственно пансофии, непосредственно ведущие к «Предвестнику...», возникли в 1636—1638 гг. А именно, написав «Открытую дверь языков» (*Ianua linguarum reserata. Sive seminarium linguarum et scientiarum omnium.* — Lesnae, 1631), Ян Амос тут же приступил к другому учебнику «Открытая дверь вещей» (издано посмертно: *Ianua rerum reserata, hoc est Sapientia prima, quam vulgo Metaphysicam vocant.* — Leiden, 1681) «с той целью, — как говорилось в предисловии, — чтобы молодежь, научившись с помощью «Открытой двери языков» различать вещи по их внешним признакам, сумела теперь заглянуть во внутреннее устройство вещей и увидела, чем каждая вещь является в своей сущности». Речь шла о том, чтобы «дать уму человеческому ключ» к миру, открыть внутреннюю гармонию вещей с человеческим разумом и с языком. Сведения об «Открытой двери вещей» через уехавших из Лешно в Англию студентов Даниэля Эраста и Самуила Бенедикта вскоре (1632) дошли до С. Гартлиба (см. о нем: «Автобиография», примеч. 5); по просьбе последнего Коменский в письме к нему систематизировал имеющиеся в «Открытой двери вещей» пансофические идеи в форме «Предварения» (*In Ianuam rerum, sive Totius pansophiae seminarium. Introitus. Praecognita.* I, II, III. Впервые напечатано в XX в.: *Comenius J. A. Two pansophical works / Ed. by G. H. Turnbull.* — Praha, 1951). «Собрав рассеянную повсюду истину», Коменский намеревается со временем создать «книгу пансофии» и донести цельную картину мира до всего человечества, прежде всего до молодежи (ук. соч., с. 74—75). «Предварение» было отослано Гартлибу (издано им не было). Но мысль Коменского продолжала работать, он постоянно расширял понятие пансофии, и она все ярче рисовалась ему не как система частных истин и даже не как метод открытия новых истин, а как путь к всепроникающим законам бытия, к основе мира. Вскоре возникли обновленные и расширенные «Прелюдии к христианской пансофии», которые тоже были отосланы Гартлибу в Англию и без ведома Коменского напечатаны там в 1637 г. (*Conatuum Comenianorum Praeludia. Porta sapientiae reserata, sive Pansophiae Christianae seminarium. Hoc est, nova et solida omnes scientias et artes... addiscendi methodus.* — Oxoniae, 1637; современное издание: *Vorspiele. Prodromus Pansophiae. Vorläufer der Pansophie.* Lat. Text und deutsche Übersetzung von H. Hornstein. — Düsseldorf, 1963). Замысел Коменского приобретает космический размах: поскольку бог есть прообраз, изображением которого является мир, то человек как божий образ призван сосредоточить в себе всю творческую мудрость и таким путем возвыситься до богоподобия; такая «христианская пансофия» придаст человеку божественное и вместе с тем подлинно человеческое достоинство. Один из английских «апостолов» Коменского — оксфордский издатель «Прелюдий» И. Хюбнер ставил эту книгу в один ряд с вышедшим в Лейдене в том же 1639-м году «Рассуждением о методе» Рене Декарта. Тогдашняя английская цензура помешала Хюбнеру добиться для книги Коменского королевской «привилегии» и соответствующей выплаты гонорара. «Прелюдии» показали кое-кому критикой Френсиса Бэкона (1561—1626), виднейшего тогда в Англии философского авторитета; другие, наоборот, увидели в них нетворческое подражание Бэкону. В действительности Коменский был противником и крайностей дедуктивного метода схоластиков, и односторонности индуктивного метода Бэкона: он применял в меру уместности и тот и другой, восполняя их своим «синкритическим» методом, методом «сопоставления и естественного сочетания» вещей. И. Хюбнер постарался доказать своим английским коллегам, что «у Коменского есть, пожалуй, такие изобретения, которые не пришли бы в голову и самому Веруламскому» (письмо С. Гартлибу от 16 августа 1637 г. о споре с богословом Г. Воттом, см.: *Kvačala J. Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland bis zum Ausgang des XVII. Jahrhunderts.* Bd. I. Monumenta Germaniae pedagogica. Bd. XXVI. — В., 1903, с. 100). Многие религиозные деятели, включая даже некоторых чешских братьев,



осуждали Коменского за чрезмерное превознесение человека с его разумом и за то, что им казалось посягательством на догматы о падшести человеческой природы и о божественном всезнании: он якобы слишком высоко ставил возможности человеческого разума. Его упрекали также в смешении библейского откровения с естественным познанием; к числу таких критиков принадлежал Декарт (см.: *Descartes R. Oeuvres*. Т. 1—5. Correspondence. Publ. par Ch. Adam et P. Tannery. Т. II.— P., 1898, с. 345; *Descartes R. Correspondence*. Publ. par Ch. Adam et G. Milhaud. Т. IV.— P., 1947, с. 30; т. VI.— P., 1960, с. 437). Не все и не сразу поняли, что Коменский строит проект культуры не эмпирически данного, а нового, по-христиански возрожденного человечества, чье познание вещей уже никогда не будет плоско рационалистическим (ср. *Blekstad M. Comenius...*, с. 258). Получив в Лешно из Англии 30 экземпляров своей нежданно изданной книги, Коменский поблагодарил Гартлиба письмом от 26 января 1638 г., но категорически запретил переиздавать «Прелюдии». Вскоре он переработал их в более обстоятельно обоснованный «Предвестник всеобщей мудрости», который тоже был издан в Англии (*Reverendi et clarissimi viri Iohannis Amos Comenii Pansophiae prodromus...*— *Londinii*, 1639; это новое название — *Prodromus* — интересно сопоставить с заглавием изданной во Франкфурте в 1617 г. книги Кампанеллы «*Prodromus philosophiae instaurandae*» — «Предвестник философии, подлежащей восстановлению»). На обвинительные тезисы своих польских единоверцев — польского писателя М. Броневского и проповедника Михала — Коменский ответил трактатом «Объяснение пансофических усилий» (*Conatum pansophicorum dilucidatio. In gratiam censorum facta.*— *Londinii*, 1639; современное издание: *Veškeré spisy J. A. Komenského*. I.— *Brno*, 1914, с. 389—433), где вместо того, чтобы оправдываться, шел в наступление: его замысел, утверждал он, есть веление времени и бога, которое так или иначе должно быть исполнено если не им, то потомками; он скорее откажется от общения с чешскими и польскими братьями, если они осудят его, чем от «построения храма христианской пансофии». В отличие от рукотворного Соломонова храма, писал Коменский, этот духовный храм, который вместит людей «всех стран, племен, народов и языков», пребудет вовеки нерушимым. В нем семь частей: *пропиели*, сама идея пансофии; *врата*, т. е. общие всем людям понятия, стремления и способности; *внешний двор*, т. е. природа; *средний двор*, область человеческого искусства, где человек от пассивного восприятия и наблюдения действительности обращается к творчеству; *внутренний двор*, место соединения свободной воли человека с божественной волей и возрождения во Христе; *пространство храма*, область познания вечного мира; *святая святых*, средоточие созерцания божества в его вечном покое. Упреки в возвышении человеческого ума и смешении мирского знания с библейским Коменский не только отвергал, указывая на величайшее достоинство человека как образа божия, но и открыто объявлял своей задачей «обучение христиан не отдельно философии, не отдельно божественной мудрости, но обем вместе, т. е. пансофии» (*Conatium...*, с. 415). На синоде своей церкви в Лешно 20 марта 1639 г. Коменский был не только вчистую оправдан, но ему даже поручили дальнейшую работу над пансофией в качестве задания братства. И все же недоразумения вокруг этих ранних пансофических публикаций надолго отбили у Коменского, как он жаловался в письмах, вкус к занятиям пансофией.

«Предвестник всеобщей мудрости» — это подправленные «Прелюдии»; Коменский сам иногда не проводил между ними различия (ср. *Blekstad M. Comenius...*, с. 255). Сочинение широко разошлось по всей Европе — от Англии и Швеции до Италии в ближайшие годы после своего появления — в 1637 и 1639 гг.; в 1642 г. оно было издано в английском переводе; в 1644 г. напечатано в Лейдене, затем в Париже, в 1657 г. — в Амстердаме в составе педагогических трудов Коменского. Его замысел соответствовал философской и

научной задаче эпохи: всемерно увеличивая познания и опираясь на это увеличение, обеспечить для человека и человечества надежное, правильное положение как в мире, так и перед лицом божества. Все нетерпеливо ждали, когда Коменский перейдет к осуществлению своего грандиозного замысла — созданию основного корпуса «Пансофии», а работа над ней застопорилась. «Мой труд продвигался вперед очень медленно, — говорил Коменский позднее, — потому что меня встревожило разнообразие мнений о нем, и я все больше возлагал надежду на создание целой пансофической Коллегии. Я видел, что не в состоянии продолжать действовать дальше, полагаясь только на свою интуицию и не узнав прежде, что подумают все эти многочисленные люди, получившие более основательное образование, чем я» («Автобиография», 50). Чтобы подготовить почву для желанной ему совместной, «коллективной» работы над пансофией, он пишет и частным образом публикует для распространения среди друзей, критиков и коллег «Изображение пансофии, являющее чертёж и описание величины, размеров и пользы всего будущего труда» (*Pansophiae diatyposis, ichnographica et orthographica delineatione totius futuri operis amplitudinem, dimensionem, usus adumbrans.* — Danzig, 1643; Amsterdam, 1945; пер. на англ. — 1651). Слишком «библейский» образ пансофического храма в «Объяснении пансофических усилий», озадачил многих ученых — современников Коменского (даже И. Хьюбер счел сравнение пансофической системы с храмом недостаточно серьезным), и Коменский теперь говорит строго научным языком не о семи отделениях храма, а о семи ступенях восхождения: подготовке, идеальном замысле, познании природы, науках и искусствах, духовном утверждении, созерцании вечности, благодетельной практике. Он отводит себе роль начинателя; последователи разовьют и улучшат пансофию по мере просвещения мира; он жалеет о своей занятости, о недостатке сотрудников и в завершение вспоминает Бэкона с его идеей универсальной академии. Коменского всего больше тревожило то, что его желанная цель — всеохватывающее познание бытия и воспитание всего человечества в полноте всеведения, бодрости, деятельной и мудрой воли — не может быть достигнута никаким частным усилием, никаким совершенствованием какой-то одной области знания. К 1645 г. в нем крепнет убеждение, что даже его пансофия — это пока еще недостаточно универсальное начинание, и 18 апреля 1645 г. он пишет Л. де Гееру, что работает над «Всеобщим советом об улучшении человеческих дел, обращенным ко всему человеческому роду, прежде всего к ученым Европы» и что в этом новом труде пансофия стала у него занимать теперь всего лишь  $\frac{1}{7}$  часть (см.: *Casopis národního musea.* LXXXIII. — Praha, 1909, с. 96). Правда, на самом деле «Пансофия» вместе с «Реальным пансофическим словарем» в окончательном тексте «Всеобщего совета» превышает по объему все его остальные шесть частей, вместе взятые. И все-таки она уже входит лишь как одна из тем — пускай и главная — в труд жизни Яна Амоса «Всеобщий совет» (см. т. 2 наст. изд.). Если в ранней пансофии, особенно в ее первоначальных набросках, были слышнее розенкрейцеровские мотивы таинственного знания, то в плане «исправления человеческих дел» в полный голос говорит Коменский-педагог, выступающий с грандиозным замыслом воспитания всего человеческого рода в целом и каждого человека в частности.

<sup>1</sup> Цицерон. Письма к Аттику, IV 11.

<sup>2</sup> Овидий. Письма с Понта, IV 2, 35—36 («Слушатель рвенья придаст, от похвал возрастает дарованье», пер. Н. Вольпин).

<sup>3</sup> «Janua rerum» — «Дверь вещей», или «Введение в мир» (писалось между 1631 и 1643 г., опубликовано в 1681 г. фрагмент последней редакции — лишь в Праге в 1951 г.: *Janua rerum reserata, sive Universalis sapientiae seminarium, vulgo Philosophia prima, et Metaphysica dicta.* Fragment. — In: Comenius. Two pansophical works. — Praha, 1951, с. 151—167), ставит задачей познание основ как языков, так и вещей мира; Коменский иногда

называл эту свою работу также «Христианской пансофией», «Семинарием всеобщей мудрости», «Первой философией» и «Метафизикой».

- <sup>4</sup> «Janua linguarum» — «Дверь языков» (1630—1631), издавалось многократно, было переведено в XVII в. на многие языки, включая арабский, а также, возможно, турецкий, персидский и монгольский (есть сведения о том, что подобная работа была начата в ближневосточных христианских миссиях); отличалось от одноименных сочинений других авторов начала XVII в. содержательностью параллельного латинско-чешского текста, который давал ученикам целую систему знания. Это была философская картина мира, а не просто учебник латыни. Коменский, однако, удержал традиционное название «Дверь языков» (или, как еще можно перевести это название, «Введение в языки»), поскольку все равно понимал язык не как средство обозначения, а как систему познания и упорядочения мира.

<sup>5</sup> См. общее примеч.

<sup>6</sup> См.: *Аристотель*. Метафизика, I 2, 981a 25 — b 24 (о мудрости и знании); *Цицерон*. Об обязанностях, II 2, 4; Тускуланские беседы, V 3, 7; Книга Премудрости Соломона 6, 12 слл., особ. 7, 21 («Познал я все, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего»).

<sup>7</sup> *Цицерон*. Тимей, конец (пер. *Платона*, «Тимей» 47 ab).

<sup>8</sup> *Гораций*. Послания, I 1, 106—107. Дальше у Горация: «И, что главное, здрав, — если насморк его не замучил».

<sup>9</sup> *Сенека*. Письма к Луцилию, 16, 1.

<sup>10</sup> *Цицерон*. Тускуланские беседы, I 26.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Под *instrumenta* — «орудиями» понимаются чувство и разум человека.

<sup>13</sup> Коменский высказывал иногда и пессимистические взгляды на возможность дальнейшего человеческого развития (см.: «Всеобщий совет. Светочи Европы...», 16), однако у него преобладали ожидания «золотого века» (см. ниже § 5).

<sup>14</sup> Сир. 34, 9.

<sup>15</sup> *Манилий*. Астрономика, I 61.

<sup>16</sup> Ср. «Светочи Европы...», 19 и примеч.

<sup>17</sup> Эта формула была развернута затем в «Пампедии».

<sup>18</sup> Ср. «Светочи Европы...», 20.

<sup>19</sup> *Facilis*, обычно переводимое на русский язык как «легкий», означает в латыни, собственно, «реально исполнимый», «доступный», «удобный», «осуществимый».

<sup>20</sup> Полигисторы (от греч. корней со значениями «много» и «история», т. е. в первоначальном смысле этого слова «знание») — эрудиты. В эпоху Коменского сборники сведений из разнообразных наук часто носили название «Полигистор».

<sup>21</sup> Поскольку заниматься «свободными» («благородными») науками и искусствами могли по-настоящему только люди, не обремененные всевозможными повседневными хлопотами и заботами, в Древней Греции такие занятия получили название *scholē* — «досуг» (откуда современное «школа»), а в Древнем Риме — *otium* — «отдых»; школа называлась там *ludus* — «игра». Мастер игры слов, Коменский жалуется, что *scholai* — «школы» превратились в *cholai* — «места гнева и желчного раздражения» (впрочем, это созвучие обыгрывается уже у киника Диогена, который «говорил, что у Евклида не ученики, а желчевики», см.: *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VI 2, 24).

<sup>22</sup> Мельницы, приводившиеся в действие человеческой мускульной силой. Они служили местом отбывания срока для каторжников.

<sup>22a</sup> См.: *Николай Кузанский*. Об ученом незнании, I 3.

<sup>23</sup> *Иосиф Флавий*. Против Аппиана, II 19.

- <sup>24</sup> Слово «секта» (от sequor — «быть последователем») еще не приобрело в XVII в. уничижительного смысла и могло означать «философское направление», «религия» (например, «секта аристотеликов», как называли позднюю схоластику, «секта христиан»).
- <sup>25</sup> Возможно, *Хуан Луис Вивес* (1492—1540), философ, литератор и педагог испанского происхождения, одно из виднейших светил XVI—XVII вв. Предшественник Бэкона, Вивес требовал обновления наук и искусств на новых, жизненных основаниях (особенно в трактате «О причинах падения искусств», который входил III частью в главный труд Вивеса «Об учениях»). Ср. ниже — примеч. 33.
- <sup>26</sup> Не ясно, кто этот «другой автор».
- <sup>27</sup> Петр Рамус (Пьер де ла Раме, 1515—1572), а особенно его последователи в конце XVI — начале XVII в. вели жестокую войну против Аристотеля и «аристотеликов» с их формальной логикой за «платонический», более художественно-пластический жизненный подход к наукам и искусствам, с упором на протестантское благочестие. «Рамистами» были учителя Коменского в Герборне богослов Иоганн Флшер (Пискатор, 1546—1625) и философ-врач Генрих Гутберлет (1572—1635).
- <sup>28</sup> *Иоганн Верденхаген*. Идея хорошего правителя и политика. — Лейден, 1632.
- <sup>29</sup> См.: *Якоб Аконтий*. Происки сатаны. — Базель, 1610.
- <sup>30</sup> 1 Кор. 1, 20 («Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?»).
- <sup>31</sup> Ян Амос говорит об этом умереннее в § 57, 58.
- <sup>32</sup> *Сенека*. Письма к Луцилию, 48, 12 («... какое безумие обучаться ненужному, когда времени в обрез!»).
- <sup>33</sup> Ср. *Хуан Луис Вивес*. О природе словесного выражения. Кн. III. О поэзии: «Одни поэтические мифы содержат что-либо природное, другие что-либо нравственно; и те и другие достойны сохранения... Есть, наконец, много вредных и пагубных, возникших или из традиционного заблуждения, как мифы о слисейских полях, о царствовании и мерзостных преступлениях богов, или из низкого наслаждения постыдными предметами, как рассказы о прелюбодеяниях, о всякой гнусной непристойности, о войнах, жестокостях. К чему беречь и читать такое? Словно нечем заняться с большей пользой или словно мы без того не встречаем на каждом шагу такого, что и наше время губит, и вредит доброму разуму» («Эстетика Ренессанса». Т. II. — М., 1981, с. 311—312).
- <sup>34</sup> *Сенека*. Письма к Луцилию, 38, 2 («... доводы разума... на взгляд... невелики, но растут по мере того, как делают свое дело... Тот же удел у наставлений, что и у семян: короткие, они многие могут, лишь бы только им попасть, как я говорил, в подходящую душу, способную их принять. А она сама принесет плоды, возвратив полученное сторицей»).
- <sup>35</sup> *Гораций*. Послания, II 3, 180—181.
- <sup>36</sup> В пример всем системам искусства и знания ставится математика с ее строго последовательным переходом от простого к сложному. См. ниже прим. 53.
- <sup>37</sup> Эта оговорка — еще одно подтверждение тому, что воспитательные усилия Коменского были направлены не на развитие отдельных одаренных умов, а на просвещение всей толщи человечества, вплоть до последнего умственно недоразвитого ребенка и калеки.
- <sup>38</sup> Коменский имеет в виду преобладающую массу учебно-справочной литературы его времени, стремившуюся заинтриговать читателя каждый раз новым и «достойным удивления» подходом ко всему в мире.
- <sup>39</sup> Косвенная критика Коперника и Галилея.
- <sup>40</sup> Перипат (крытая галерея, пассаж) в Ликее (Лицее), где учил Аристотель, дал название всей его школе; происхождение имени забылось, и «перипатетиков» стали толковать, исходя из непосредственного значения грече-

ского слова *peripateo* — «прохаживаться», потому что Аристотель якобы любил беседовать с учениками, гуляя по саду. В этом осуждении «аристотеликов» у Коменского слышится отголосок его студенческого «рамизма», от которого он вскоре отказался. Аристотеля «очень часто осуждают, но он может много чему научить, хотя это чудо природы не есть мерило истины», — писал Коменский в те же годы, когда возник «Предвестник» (см. его работу «Синописис преобразенной в божественном свете естественной философии»: *Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis*. — In: *Veškeré spisy...* I. 1914, с. 162). А в «Изображении пансофии...» (*Pansophiae diatyposis...*, с. 207—212) он уже строит «чертеж» пансофического здания «на манер учеников Аристотеля».

- <sup>41</sup> 17 января 1614 г. Коменский на последние деньги купил за «достойную цену» у вдовы профессора Якоба Кристиана оригинал сочинения Николая Коперника «*De revolutionibus orbium caelestium*» (1543). Рукопись Коперника, которую Коменский хранил среди особо ценных книг, избежала пожара его библиотеки в 1656 г. и сохранилась до нашего времени вместе со сделанной рукою Коменского памятной записью о покупке (тогда как, например, собственное сочинение Коменского «Опровержение картезианской философии и коперниканской астрономии», в которое он «вложил много труда и стараний», тогда сгорело); эта рукопись Коперника была издана факсимильным способом в Мюнхене в 1944 г. Будучи в состоянии освоить математический аппарат Коперника, Коменский счел его теорию, однако, недолжным притязанием человеческого рассудка на познание божественных законов, вызывающим примером научного высокомерия (ср. «Лабиринт света...», XI 8): когда Коперник не в силах что-то понять своим разумом, он якобы начинает представлять вещи иначе, чем они есть.
- <sup>42</sup> Имется в виду книга английского ученого Уильяма Гильберта (1540—1603) «Новая философия. О магните, магнетических телах и о великом магните — Земле» (Лондон, 1600).
- <sup>43</sup> Коменский штудировал книги Кампанеллы в 1627 г. (см. письмо Р. Лещинскому в 1630 г.: *J. A. Komenského korespondence*. — Прага, 1892, с. 8). Бэкон и Кампанелла для него — «Геркулесы, которые с успехом потрудились в борьбе с чудовищами и в расчистке авгиевых конюшен» (*Physicae synopsis...*, с. 162). Ян Амос заимствовал у Кампанеллы идею всемирной Коллегии света (как у Бэкона — замысел создания Универсальной академии). Подобно Пармениду (VI—V вв. до н. э.), Кампанелла полагал в основе мира начала светлого и темного, теплого и холодного и т. д.
- <sup>44</sup> Говоря, что «одной оптической трубы Галилея было достаточно», чтобы опровергнуть Кампанеллу, Коменский имеет в виду сочинения Галилея против воззрений Кампанеллы на строение Вселенной. Однако Коменский относился критически также и к Галилею; во всяком случае Иоахим Хюбнер сообщает (в письме Гартлибу 16 августа 1637 г.), что в сочинении Коменского «О преобразении астрономии в свете естества и о перестройке ее на основе не измышленных, а истинных и реальных, выведенных из природы неба, гипотез» (сочинение утеряно) «доводы против Галилея».
- <sup>45</sup> Ср. ниже — § 34 и 109. По Коменскому, только христианство обеспечивает человеку как образу бога право на познание и овладение Вселенной.
- <sup>46</sup> *Гален*. О различии пульсов, III 3.
- <sup>47</sup> «Сознательно и добровольно» (лат.).
- <sup>48</sup> Эта идея практической ориентации школы развита в «Великой дидактике», 29—31 и в «Пампедии», 5, 28 и др.
- <sup>49</sup> Ср. § 29 о «незыблемых принципах» пансофии, которые в конечном счете сводятся к идее сотворенности мира благим творцом.
- <sup>50</sup> *Лукреций*. О природе вещей, II 7—10 (пер. Ф. А. Петровского).
- <sup>51</sup> Еще в 1616 г. епископ чешских братьев Матоуш Конечный выпустил в Праге популярную энциклопедию «Театр божий». В студенческие годы

- Коменский познакомился с энциклопедическими трудами профессора и протестантского теолога Иоганна Генриха Альштеда (1588—1638), который издал в Герборне в 1620 г. «Энциклопедию философского курса», а в 1630 г. — семитомную энциклопедию общих начал науки, филологии, философии, «механических искусств» и теологии. В Гейдельберге, где Коменский продолжал свои занятия, уехав из Герборна, в 1610 г. вышла книга ректора университета Б. Кекермана (1561—1609) «Система логики, риторики, этики, политики, экономики, физики, астрономии, географии, церковной мудрости», по существу энциклопедия. В 1630-е гг. работал над своей «Энциклопедией всех вещей, относящихся как к искусству, так и к природе» известный Коменскому богослов А. Ментцель (ум. в 1637 г., не издав своего труда). Автором «Синоптической энциклопедии» был младший современник Коменского, его поклонник и переводчик, филолог, с 1664 г. епископ Иоганн Гезелий (1615—1690). Автором энциклопедий был также венгерский друг Яна Амоса педагог Апацай Череш (1625—1659).
- <sup>52</sup> Премудр. 11, 21—22 («... но Ты все расположил мерою, числом и весом. Ибо великая сила всегда присуща Тебе...»). Ср. «Совет о создании книги «Пансофия», 3, 4, 15 (т. 2 наст. изд., с. 332).
- <sup>53</sup> Ср. «Пампедия», VI 18, (8), начало. Идеальное пансофическое знание для Коменского в принципе «математично», т. е. однозначно, и допускает беспспорное обоснование. Вместе с тем Коменский достаточно знал математику (его математические расчеты к «вечному двигателю», питающемуся от энергии звезд, получили одобрение некоторых современных ему математиков), чтобы не переносить ее непосредственно в пансофические построения; он избегал дурной «математизации» гуманитарных наук и занимался здесь от математики только методический принцип — то, что Коменский называет «подлинно математическим» методом (см. его сочинение «Художник своей судьбы, или Искусство помогать советом самому себе» в кн.: *Veškeré spisy J. A. Komenského. I.* — Врно, 1914, с. 452 и др.). Универсальный язык Коменского тоже свободен от механистической математизации, лежавшей в основе искусственного языка молодого Лейбница.
- <sup>54</sup> *Меланктон Филипп*, (1497—1560) — немецкий филолог и богослов, сотрудник Лютера, организатор системы образования в протестантских университетах и латинских школах всей Германии (см.: «Автобиография», примеч. 13); вылагал свою гуманистическую программу образования в лекции «Об исправлении образования молодежи» (1518) и в книге «Упорядочение школ» (1528).
- <sup>55</sup> Это стало одним из трех программных положений «Всеобщего совета» (см.: «Светочи Европы...», 6).
- <sup>56</sup> По Коменскому, познание частных вещей останется ущербным до тех пор, пока не будет уловлена гармоническая цельность вселенной (ср. «Панавгия», X — о «корне вечной гармонии в вещах»).
- <sup>57</sup> Герметики — последователи мифического Гермеса Трисмегиста, якобы вдохновителя так называемых «герметических сочинений», теософически-гностических текстов II—III вв. н. э. (см.: *Corpus hermeticum. Ed. A. D. Nock, A. J. Festugière. 4 t.* — P., 1945—1954). Здесь под герметиками понимаются прежде всего алхимики.
- <sup>58</sup> Коменский видел во Френсисе Бэкоме одного из светочей эпохи (см. выше — примеч. 43), предлагал в его честь сделать Англию резиденцией Универсальной академии, дал одному своему сочинению («Художник своей судьбы...») заглавие из книги Бэкона «О достоинстве и возрастании наук» (кн. VIII, гл. 2). «Новый органон» Бэкона вышел в 1620 г. в Лондоне, его вторая часть — в 1645 г. в Лейдене.
- <sup>59</sup> Математик и философ Исаах Юнгий (Юнг, 1587—1657), друг Иоганна Валентина Андрез и С. Гартлиба, основатель тайного исследовательского общества в Росточе, был в числе планировавших реформу школьного

образования гамбургских ученых, которые приглашали Коменского для совместной работы после опубликования им «Введения в языки» (1631). В своей «Гамбургской логике» Юнгий предлагал новый метод преподавания этой науки в школах (*Logica Hamburgensis, hoc est Institutiones logicae in usum scholarum.* — Hamburgi, 1638). Ученая общественность Гамбурга, однако, запретила ему провести свою реформу или хотя бы самому преподавать в новом стиле. Посетив Гамбург (он приехал туда из Парижа, где встречался с Декартом, и Амстердама 19 июля 1642 г.), Коменский вел с Юнгиусом «важные беседы» («Автобиография», 61), касавшиеся, по-видимому, сотрудничества в деле создания Коллегии света. Общие педагогические интересы, сходная судьба их сочинений (оба терпели за них гонения) сблизили их; отношение Коменского к Юнгиусу можно определить как сотрудничество на расстоянии. В 1656 г. оба встретились еще раз в Гамбурге, когда Юнгиус давно уже отказался под тяжестью пережитых огорчений от публикации своих работ (кроме логики также по ботанике, геологии и другим наукам). См. отрывок из письма Коменского Гартлибу о Юнгиусе в кн.: *Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения.* — М., 1955, с. 417, примеч. 3 (полностью письмо опубликовано в кн.: Kvačala J. *Korrespondence J. A. Komenského.* II. — Praha, 1902, с. 34—36).

<sup>60</sup> Эта конечная ориентация Коменского на практическое жизненное применение знаний определяет у него процесс познания с самых первых шагов: незаинтересованного созерцательного познания для него в принципе не должно существовать.

<sup>61</sup> «За и против» (лат.).

<sup>62</sup> Элифаз и Элиуй — собеседники Иова в библейской Книге Иова. О Меркурии (Гермесе) Трисмегисте см. выше — примеч. 57.

<sup>63</sup> Матф. 5, 22 («...кто же скажет брату своему «рака» (пустой человек), подлежит синедриону (верховному судилищу)»).

<sup>64</sup> См. выше § 15.

<sup>65</sup> Ср.: Ф. Бэкон. Новый органон, II 10: «...истинная и законная индукция, которая сама является ключом к истолкованию».

<sup>66</sup> Фульгенций. К Мониуму, I 1 («О двояком предопределении добрых к прославлению, злых к наказанию»), 3.

<sup>67</sup> Коменский вводит в свой латинский текст (в латинском языке, как известно, артикля нет) греческий артикль для субстантивации определительного местоимения «такой», получая понятие, которое по-русски можно было бы передать как «такость» (нем. *Sosein*, англ. *suchness*, древнеинд. *tathātā, tathātva*). Буквальный перевод: «Если что не может стать, оно не становится, и, если что не может стать таким-то, оно не становится таким-то; соответственно возможность «такости» (*toū talis*) именуется идеей, благодаря которой вещь есть то, что она есть».

<sup>68</sup> *Сенека.* О благодеяниях, IV 7.

<sup>69</sup> «Форма» здесь, как во всей латиноязычной философской традиции, — аристотелевский *эйдос*, или платоновская идея, т. е. смысловая сущность вещи, как эта вещь происходит из своего «основания» в творящем уме бога.

<sup>70</sup> *Гален.* О назначении частей в человеческом теле, VI 1.

<sup>71</sup> *Тертуллиан.* Против валентиниан, 29.

<sup>72</sup> Об «ошибке антропоморфизма» см. подробнее «Пансофия, ступень вторая» (т. 2 наст. изд., с. 341).

<sup>73</sup> О формах см. выше — примеч. 69.

<sup>74</sup> Эти сведения о лядийском камне — у Плиния, «Естественная история», XXXIII 126 (43).

<sup>75</sup> О невозможности для субстанции увеличения или уменьшения говорит Аристотель («Категории», 5 3 в 33—4 а 21).

<sup>76</sup> Голландский ученый и священник, друг Коменского, Каспар Стрезо (1603—1664), о чьей книге «Об употреблении разума и злоупотреблении

им» Коменский отзывался с одобрением (письмо Гартлибу, см.: J. A. Komenského correspondence.— Praha, 1892, s. 19), мечтал о переходе науки и философии на народный (материнский) язык, о новых методах научного познания. Его книгу «Иллюстрированная богословская технология» (*Technologia theologica illustrata*.— Leiden, 1634; London, 1640) Коменский цитирует в «Новейшем методе языков», 28, 3.

<sup>77</sup> В 1614—1616 гг., будучи ректором в школе в Пшерове, где он учился в 1608—1611 гг., Коменский написал для своих учеников «Наставления по облегченной грамматике», которые, как можно судить по одному его письму 1661 г., были изданы в Праге в 1616 г., однако никаких следов этого издания не сохранилось. В свое «Полное собрание дидактических трудов» Коменский «Наставления» не включил.

<sup>78</sup> *Раткий* — немецкий педагог *Вольфганг Ратке* (1571—1635, см. о нем: «Автобиография», примеч. 2), чей метод скорого изучения латыни, греческого и еврейского языков Коменский использовал при написании «Наставлений по облегченной грамматике». Гиссенский профессор восточных языков *Кристоф Гельвик* (1581—1617) одно время сотрудничал с Ратке; Коменский, по собственному свидетельству, изучал книги Гельвика в 1627 г., а возможно, и раньше. *Иоганн Рейниус (Рейн)* — немецкий педагог, которого Коменский читал в те же годы. *Стефан Риттер* (ок. 1600—1650) — ректор школы в Корбахе (Германия). *Филипп Глауз* (ок. 1580—1650) — немецкий педагог, работавший над реформой школьного образования. См. об этих современных Коменскому педагогах в «Великой дидактике» («Приветствие читателю», 9—10). Об *Иоганне Андрес* см.: «Лабиринт света...», общее примеч.

<sup>79</sup> См.: Тимофея Брайта Кембриджского, доктора медицины, замечания о «Физике» Вильгельма Адольфа Скрибония.— Франкфурт, 1587, гл. 1.

<sup>80</sup> «Метафизика» («Первая философия») Коменского, написанная им ок. 1630 г., была обнаружена Яромиром Червенкой в 1931 г. в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и опубликована: Archiv pro bádaní o životě a spisěch J. A. Komenského. XXIII.— Praha, 1965, с. 81—97. Метафизикой Коменского следует считать также его «Дверь вещей», на протяжении 30 лет, начиная с 1632 г., перерабатывавшуюся им не менее 20 раз и доведенную до крайней сжатости и энергичной сухости изложения. Метафизика для него — это верховное звание (иногда просто отождествляемое с пансофией), которое главенствует, с одной стороны, над «физикой», т. е. учением о природе вообще, а с другой — над «механикой», т. е. учением о человеческих искусствах и умениях. Метафизика, по замыслу Коменского, — «преддверие премудрости», когда она гармонически сочетается, в качестве искусства мысли, с «прагматикой», искусством действия, и с «логикой», искусством слова (эту гармонию Коменский обозначал сокращениями SCHOLA, т. е. Sapienter Cogitare — «мудро мыслить», Honestè Operari — «благородно действовать», Loqui Argute — «умело говорить», и SAL, т. е. Sapere — «разумение», Agere — «действие», Loqui — «речь»). Судя по переписке Коменского, около 1646 г. он снова работает над своей метафизикой. «Все мы до сих пор заблуждались и ошибались», — пишет он в Англию Георгу Ричлю, — «относя метафизику к реальным наукам, тогда как она имеет дело только с орудиями [человеческого разума] и, стало быть, является искусством, а не наукой. Чем это тебе кажется — парадоксом или философской ересью? Сдержи свой смех или свое раздражение: увидишь свет, едва это поймешь» (J. A. Komenského korespondence..., s. 123). Иными словами, метафизика в этом новом понимании Коменского как будто бы имеет дело только с искусством мышления, с методикой подхода к реальности. Однако в 1650 г. он задумывает сочинение («Синтагма человеческого всезнания...»), в котором метафизике снова соответствует область вещей. Наконец, во «Всеобщем совете» метафизика —



- это «простейшая и легчайшая наука», а именно осознание того «умного света», которым всегда и везде озаряется всякая мысль, всякое слово и дело любого человека («Пансофии ступень первая», гл. X).
- <sup>81</sup> Трихотомическое деление — различение трех моментов вещи или явления (например, начало, середина и конец всего движущегося).
- <sup>82</sup> *Явве*, или *Иегова*, — название бога в Ветхом завете, однако Коменский переносит его на новозаветную Троицу.
- <sup>83</sup> *Августин*. Против академиков, III 19.
- <sup>84</sup> Святое (знающее, умудренное, ученое) — незнание — идея главной книги немецкого философа Николая Кузанского (1401—1464), которого Коменский внимательно изучал еще со студенческих лет. Следы чтения и продуцирования Николая Кузанского можно обнаружить во всей «Пансофии» Коменского, начиная с понятия «мира возможности», предшествующего вещественному миру (см.: *Kvačala J. Komenský a Nicolaus de Cusa.* — In: *Archiv pro bádání o živote a spisech J. A. Komenského.* 10. — Brno, 1927; *Patočka J. Cusanus a Komenský.* — *Pedagogica*, 4, 1954, с. 508—523).
- <sup>85</sup> Тюбингенский правовед Кристоф Безольд (1577—1638) в кн. «Философски-теологические аксиомы» (вышла без указания года и места издания).
- <sup>86</sup> *Плиний*. Естественная история. Предисловие.
- <sup>87</sup> О «привилегиях» человека среди других созданий см.: «Пансофия, ступень четвертая», гл. 7.
- <sup>88</sup> Коменский имеет в виду то деление пансофии на части, которое было намечено в «Предварении пансофии» (см. общее примеч.).
- <sup>89</sup> Эта конечная цель — блаженство, поскольку никакая другая частная цель не стоила бы человеческого труда.
- <sup>90</sup> Екклес. 1, 14 («...все — суета и томление духа!»).

**Новейший метод языков**  
**Глава X «Аналитическая дидактика»**  
 (с. 528—597)

Написано (предположительно) в 1644—1646 гг. Впервые издано (на латинском языке) в Лешно в 1648 г. X глава этого сочинения переведена на большинство европейских языков. На русском языке публикуется впервые в переводе В. Мишковской и А. Чумы. Редакция перевода Б. М. Бим-Бада, М. Н. Кузьмина, Ю. И. Ритчика.

В комениологии X глава «Новейшего метода языков» получила название «Аналитическая дидактика». С XIX в. под этим названием она часто публикуется как самостоятельное произведение. В IX главе «Новейшего метода языков» Коменский пишет, что если в «Великой дидактике» применен «синкритический метод» (т. е. метод аналогий, сравнений; Коменский имеет в виду разработанный им метод доказательств педагогических и иных постулатов и правил на основе аналогий с природными и производственными процессами), то отныне дидактическое искусство он будет излагать «аналитически», т. е. дедуцируя принципы и правила дидактики из анализа основополагающих категорий и конкретных понятий, составляющих костяк педагогической науки.

Метод дедуктивно-аналитический был вполне в духе времени, точнее — в духе Р. Декарта, отводившего исключительную роль в познании дедукции как форме доказательства и изложения. За различием дедукции и индукции у Декарта стояло не только различие двух способов познания, но и противопоставление того, что заключено в природе и способе организации знания, и того, что заключено в природе самого познающего субъекта. Противопоставление субъекта и объекта познания знаменовало собой утверждение современной, нового времени, философии как теории познания. Коменский завершил «Великую дидактику» до выхода в свет главных новаторских сочинений

Декарта («Рассуждение о методе», 1637; «Размышление о первой философии», 1641; «Начала философии», 1644), приведших к повороту теории познания от сенсуалистского эмпиризма к гносеологическому рационализму. Коменский, усмотрев в теории познания Декарта возможность обоснования педагогики путем дедуктивным, путем выведения ее из постулатов, из основоположений, из аксиом, перерабатывал свою дидактику (собственно, педагогику).

Однако педагогическое значение «Аналитической дидактики» определяется отнюдь не только ее методом, а ее содержанием, действительным внутренним строением системы ее общетеоретических и методических идей.

Учебный процесс трактуется и исследуется здесь Коменским как специфическая форма, вид познавательного процесса; причем законы обучения предстают модификацией законов познания и мышления как таковых. Отсюда — точные и обстоятельные формулировки законов воспитывающего обучения, ведущего учащихся от простого знания (низшая ступень постижения сущности мира) к познанию (к постижению сущности вещей и к творческому применению знаний на практике).

Коменский едва ли не первым в истории педагогической мысли психологизировал педагогику: его теоретическая и нормативная дидактика базируется на точках и точных психологических наблюдениях. «Аналитическая дидактика» принадлежит не только истории педагогики, но и истории психологии, особенно детской (шире — возрастной) и педагогической психологии.

<sup>1</sup> Здесь формулируется задача обнаружения законов учебного процесса. Под «общими законами» Коменский понимает принципы обучения как такового, которые присущи любому процессу передачи знаний, умений, навыков, взглядов, ценностей и отношений; «частными законами» он считает методические правила передач специфических знаний. Методология поиска этих законов у Коменского двуединая: это одновременное движение от общего к частному и наоборот. Поиск начинается с ответа на вопросы, без чего невозможно обучение и что, стало быть, необходимо для него и — одновременно — что такое обучение, в чем его сущность (природа).

<sup>2</sup> Если бы Коменский, отвечая на вопрос о том, что такое знание, добавил к своему определению требование «правильно, т. е. адекватно изображать что-либо», то его трактовка сущности знания приблизилась бы к материалистическому пониманию природы познания его современником Спинозой.

Впрочем, из дальнейшего изложения Коменского явствует, что он весьма близок к спиритуалистской теории познания: знание для него есть воссозданные подобия и образа вещей. Отступление Коменского от материалистического решения этой кардинальной проблемы в сторону сенсуализма (чувственное восприятие как «отпечаток» образа мира в сознании) не может перечеркнуть правильности этого решения в самом главном его пункте.

<sup>3</sup> «Прообраз вещи» (идея) — сущность вещи. Мыслимое (*ideatum*) есть отражение этой сущности в человеческом уме. Средство, при помощи которого достигается это отражение, он называет *ideans*, подразумевая под ним «орудие» познания: чувство, работу руки, речь. Коменский применяет к педагогике материалистически (хотя и не диалектически) трактуемую теорию познания сенсуалистского эмпиризма (Эпикур, Телезио, Кампанелла, Ф. Бэкон, Гассенди и др.). Однако, как можно заметить из дальнейшего изложения, Коменскому не чужды и элементы гносеологического рационализма (традиция Сократа, Платона, Аристотеля, Декарта).

<sup>4</sup> Развивая материалистическую трактовку природы познания, Коменский убедительно демонстрирует «орудийно»-активное действие как предпосылку и сущность познавательного акта.

<sup>5</sup> Априорное (заранее известное) знание, которое Коменский называет одним из начал познания, трактуется им сугубо материалистически: как известное, но ставшее известным, а не прирожденное, не сверхчувственное.

- Для последующих судеб педагогики весьма плодотворной оказалась также сформулированная здесь Коменским идея развития учащегося как стадийного роста, как движения, изменения его (ученик — «подвижная вещь») от меньшего к большему, от худшего к лучшему и т. д. Эта идея преоделаась и в различных теориях поэтапного формирования личности.
- 6 «Теорию ошибок учащихся», их предотвращения, исправления и рационального использования для совершенствования и уточнения знаний учащихся в XIX в. плодотворно разрабатывал Л. Штрюмпель (1812—1899). Его труд «Педагогическая патология, или Учение об ошибках детей» (1890) дал импульс изучению причин и способов предупреждения ошибок в ходе обучения (И. Штуль, В. Вундт, Г. Веймер и др.).
  - 7 Здесь сформулирована важная педагогическая закономерность: «зеркальность» деятельности преподавателя. Без быстрой, краткой, объективной, точной, понятной и доброжелательной информации учителем ученика о результатах его познавательных усилий процесс усвоения обучаемыми знаний, умений и навыков значительно затормаживается.
  - 8 В трактовке понятия обучения Коменский близок к Аристотелю (см.: О душе, 429, 7—9).
  - 9 В триаде учитель — учащийся — учебный материал последний трактуется не как нейтрально-неподвижная данность, а как процесс. Тем самым в понятие учебного материала включается на правах его внутренне движущей силы деятельность учителя и ученика по его передаче и усвоению. Из этого следует глубоко реалистический подход к учебному материалу, подлежащему индивидуальной модификации как применительно к учителю, который сам превращается в важную составную часть учебного материала, так и применительно к учащимся и требующему активности обеих участвующих в учебном процессе сторон.
  - 10 В тезисе об «отношении взаимности» учителя и учащихся содержится идея о влиянии учащихся на учителя, Коменским не развитая, а только обозначенная. Это весьма существенный момент учебного да и воспитательного процесса, ждущий своей углубленной теоретической разработки.
  - 11 Коменский ставит одну из центральных педагогических проблем — проблему обучаемости, учитывая при этом возможность компенсирующего обучения и требуя формирования обучаемости (как в мотивационной сфере, так и в орудийной). Эти стороны проблемы обучаемости наука начала эффективно и целенаправленно разрабатывать только в XIX—XX вв. (в дефектологии и в меньшей степени в рамках общей педагогики).
  - 12 Включая в понятие зрелости не только возраст, но и успехи в обучении, Коменский делает важное различие между хронологическим и умственным возрастом. Это понятие зрелости Коменского содержит в себе в зародыше две чрезвычайно важные дидактические проблемы, решение которых стало предметом вековых научных дискуссий. Первая проблема — это соотношение естественного созревания с развитием и вторая — проблема соотношения хронологического возраста с умственным.
  - 13 Требованием возбудить стремление к учению, прежде чем приступить к обучению, Коменский решительно порывает со средневековой традицией.
  - 14 Разрабатывая проблему обучаемости, Коменский выдвигает идею компенсаторного обучения, т. е. обучения, способного восполнить, уравновесить недостатки природной телесной организации данного индивида.
  - 15 Различая в учении три связанные между собой стороны: его содержание, метод и дисциплину, Коменский продолжает диалектическое рассмотрение учебного материала как процесса.
  - 16 Метод у Коменского одновременно и метод познания и способ обучения. Великий мыслитель различал три важнейших метода: аналитический, синтетический и синкритический.
  - 17 Этимология слова «дисциплина» другая. Латинское слово «дисциплина»

восходит не к глаголу «побуждать», а к глаголу «обучать». Своим этимологическим экскурсом Коменский желает подчеркнуть принудительный характер дисциплины. Из сопоставления этого места Аналитической дидактики с п. 15 (XXII) ясно, что речь у Коменского идет о сознательной дисциплине и что в побуждение к учению он включает положительную его мотивацию.

- <sup>18</sup> Коменский ставит центральную дидактическую проблему — отбора в человеческой культуре того содержания этой культуры, которое способно облагораживать и совершенствовать человеческую природу.
- <sup>19</sup> Дихотомия естественности и искусственности в обучении была прогрессивной для эпохи Коменского. Современная наука требует учета природных данных человека при «искусственном» формировании мотивов деятельности.
- <sup>20</sup> Коменский продолжает линию Платона в разработке проблем нравственного воспитания.
- <sup>21</sup> Тезис об активности человеческого мышления ставит Коменского наряду с Декартом и Спинозой в первый ряд революционеров философии XVII столетия. Коменский преодолевает ограниченность сенсуализма. В педагогическом отношении признание активности человеческой мысли означало революцию в содержании и методе обучения.
- <sup>22</sup> Коменский имеет в виду врожденные мотивы поведения — любознательность, жажду роста и т. п. Таким образом, Коменский предстает сторонником идеи «доброты природы» человека.
- <sup>23</sup> Коменский имеет в виду прежде всего Вольфганга Ратихия (Ратке) (1571—1635). Ратке предписывал ученикам почти целиком пассивную роль в процессе обучения. Упомянув о пифагорейском молчании, Коменский имеет в виду суровый принцип повиновения, в силу которого новые члены, вступающие в мистическое братство пифагорийцев (VI в. до н. э.— IV в. н.), должны были в течение довольно долгого времени хранить молчание, полагаясь исключительно только на авторитет лица, учителя, изрекающего истины. Конкретизируя идею активности учения, Коменский требует параллельной работы учителя и учащегося при условии ведущей роли учителя.
- <sup>24</sup> В этой трактовке упражнения содержится указание на творческий характер подражания. Коменский включает в понятие усвоения знаний практическое применение понятого к новым, нетиповым ситуациям, и притом исключительно только «собственными способами» ученика.
- <sup>25</sup> В этом высказывании Коменского содержится в зародыше идея ориентировочной основы действия как информации о способах действия. Это требование Коменского строго логически вытекает из его принципов экономии усилий и времени при обучении и нисколько не противоречит принципу творческого характера усвоения знаний. Коменский включает тем самым в содержание образования знания о методе и способе реализации и применения знаний на практике.
- <sup>26</sup> Коменский подходит вплотную к пониманию социальной природы человеческой психики. И в этой работе и в «Великой дидактике» (VI, 6), апеллируя к ситуации «маугли», Коменский фактически закладывает первые краеугольные камни будущего здания социальной педагогики.
- <sup>27</sup> *самообучающийся* — «самоучки».
- <sup>28</sup> Провозглашая демонстрацию истины, добра, красоты, а также ясности способа выполнения действия основным методом обучения, Коменский рассматривает содержание образования как фактор формирования личности. Важно, что содержание образования, трактуемое таким образом, становится одновременно и эффективным методом учения. Именно в этом смысле следует понимать утверждение Коменского, что указанный метод является «единственным и вечным».
- <sup>29</sup> Коменский требует предметной и чувственной наглядности как основы обу-

чения. Именно в этом русле разрабатывал впоследствии Песталоцци свою дидактику «созерцания». В обучении, особенно начальном, чувственное восприятие должно по необходимости не просто преобладать над умозрением, но и предшествовать ему. Это соответствует фило- и онтогенетическим особенностям человеческого познания.

- <sup>30</sup> Коменский приписал эту сентенцию Квинтилиану, в то время как она принадлежит Сенеке (Послания, 6).
- <sup>31</sup> Коменский понимает учебную задачу как способ творческого усвоения знаний и их применения на практике.
- <sup>32</sup> Здесь заключена глубокая мысль: сами содержание и способ изложения учебного материала преподавателем должны быть образцом применения метода познания сущности вещей.
- <sup>33</sup> В V части «Всеобщего совета об исправлении дел человеческих» Коменский осуществил попытку создания искусственного языка, логическая структура которого была свободна от каких бы то ни было исключений.
- <sup>34</sup> Коменский не только обосновал необходимость учения об учении (деятельности учащихся) как необходимой части теории учебного процесса в целом, но и разработал наряду с теорией преподавания и теорию учения.
- <sup>35</sup> Коменский ставит перед педагогикой задачу обеспечения системности знания, межпредметных связей.
- <sup>36</sup> Весьма примечательно, что авторитет уважаемого учителя, заработанный им успешным обучением, Коменский ставит на первое место среди факторов, обеспечивающих сознательную дисциплину.
- <sup>37</sup> Коменский вводит новую задачу в обучение — формирование воли.
- <sup>38</sup> Овладевание знаниями одновременно культивирует и разум, и волю, и спорную руку, и способность коммуницировать с помощью языка.
- <sup>39</sup> Имеется в виду рассказ Цицерона о Фемистокле, афинском полководце V в. до н. э. (см.: Цицерон. О границах добра и зла).
- <sup>40</sup> Этот случай рассказан Квинтилианом во 2-й кн. «О воспитании оратора».
- <sup>41</sup> Цитата из трагедии Сенеки «Троянки», стих 631.
- <sup>42</sup> Цитата из Овидия: «Скорбные элегии», V, VI, 13.
- <sup>43</sup> Из этой идеи единства мышления, воли и нравственности проистекает идея целостного, комплексного подхода к интеллектуальному воспитанию.
- <sup>44</sup> Включая «выполнение» (т. е. применение знаний на практике) в процессе познания, Коменский тем самым продолжает конкретизацию выдвинутого им принципа единства познания, воли и действия.
- <sup>45</sup> Коменский цитирует Августина Аврелия (354—430), теолога и философа.
- <sup>46</sup> Здесь пересказывается мысль Аристотеля (см.: Метафизика, I, 981 а, 13—31, 981b 1—8).
- <sup>47</sup> Коменский считал, что человеческое мышление в его развитых формах неотделимо от использования знаков того или иного рода. Это положение сыграло большую роль в становлении и развитии детской и педагогической психологии, а также педагогической теории. Применение знаков перестраивает всю психическую деятельность человека наподобие того, как применение орудий видоизменяет естественную деятельность органов и безмерно усиливает и расширяет возможности физической и психической активности. Развитие человека происходит в процессе овладения как орудиями, так и знаками путем обучения. Именно поэтому обучение занимает центральное место во всей системе организации жизни ребенка, определяя его психическое развитие.
- <sup>48</sup> Требование Коменским развития чувств ребенка и постоянного упражнения его сенсорики чрезвычайно актуально. Сенсорное развитие, в ходе которого происходит обогащение и упорядочение чувственного опыта ребенка, необходимо для овладения им формами восприятия и мышления, для развития воображения, формирования произвольного внимания и смысловой памяти.

- <sup>49</sup> Без специального обучения «видение собственными глазами» не равняется доказательству, как это стало очевидным в XX в. благодаря экспериментам Жана Пиаже.
- <sup>50</sup> Чтобы видеть, надобно знать — это диалектическое понимание сути проблемы приводит к выводу о необходимости одновременного развития зрительного восприятия и мышления.
- <sup>51</sup> Коменский цитирует комедию Плавта «Грубиан», стих 490.
- <sup>52</sup> Выдвигая требование понимания как главного условия знания, Коменский выступает против неосмысленного запоминания и вербализма. При обучении чрезвычайно важно всемерно предупреждать, предотвращать ошибочное знание. Это положение Коменского ставит перед дидактикой очень важную задачу формирования представлений и понятий, а также эффективной и своевременной коррекции возникших вопреки этим мерам ошибок.
- <sup>53</sup> В данном месте под «формой» следует понимать способ преподнесения учебного материала, обеспечивающий правильное его понимание.
- <sup>54</sup> Идею отчетливости и ясности понимания как критерия его истинности и как задачи обучения выдвигали и Спиноза и в рамках собственно педагогической конструкции Фихте. Последним подробно разработана методика предотвращения туманных и хаотических понятий и выработки отчетливых и ясных (см. его «Речи к немецкой нации»).
- <sup>55</sup> Метод познания синкрисис разработал сам Коменский. Этот метод основан на теории единства микро- и макрокосмов, по которой отдаленные друг от друга явления и вещи в действительности связаны между собой и взаимно освещаются друг другом. Синкритический метод по сути дела является пансофическим преломлением метода аналогий, широко применявшегося Коменским в «Великой дидактике» и других его более ранних произведениях. Подробнее о методе аналогии (синкритическом методе) см. примеч. к «Материнской школе».
- <sup>56</sup> *παράλληλα φαινόμενα* — «сопоставление проясняет».
- <sup>54</sup> Объясняя читателю три метода познания — анализ, синтез и синкрисис, Коменский, чтобы раскрыть сущность каждого, сравнивает их с действием трех оптических приборов. Такой тип сближения разнохарактерных явлений и есть то, что Коменский называет синкрисисом.
- <sup>58</sup> Текст п. 68 представляет собой блестящий пример применения примеров для объяснения общих понятий — одного из дидактических требований Коменского.
- <sup>59</sup> Коменский решительно против вербализма в обучении. Воспитанию и обучению с помощью слова Коменский справедливо противопоставляет воспитание и обучение с помощью образа, с помощью наблюдений и опыта.
- <sup>60</sup> Идеи Коменского о противоречии между развитием памяти и развитием мышления продолжал и конкретизировал в XVIII в. Иммануил Кант.
- <sup>61</sup> В определении памяти Коменским синтезирована платоновская трактовка памяти как хранилища восприятий с аристотелевской трактовкой, в которой подчеркивалась большая роль воли при воспроизведении запечатленного в памяти. Проницательность и ясность мысли Коменского проявились здесь в том, что он подчеркнул определяющую роль потребностей (мотивов, интересов, направленности личности) в процессах памяти. Коменский тем самым связывает память со структурой, содержанием, направленностью личности; это огромный шаг в развитии педагогики, ибо установление этой связи позволяет педагогике найти единственно правильный путь к формированию, развитию и использованию памяти человека, путь, начинающийся от потребностей и идущий через их развитие и совершенствование.
- <sup>62</sup> Коменский цитирует гуманиста эпохи Возрождения Эразма Роттердамского (1469—1536).
- <sup>63</sup> Коменский имеет в виду то место из трактата Аристотеля «О душе», где Аристотель сравнивает ум с дощечкой для письма, на которой еще ничего

- не написано (кн. 3, гл. 4, 429b 33—430a 1). Коменский сенсуалистически переосмысливает Аристотеля, трактуя его в том смысле, что сознание человека, еще не располагающего никакими знаниями, «не загружено», поскольку он не обладает внешним чувственным опытом. Тем самым Коменский доказывает необходимость начинать обучение в раннем возрасте, когда «незагруженный» ум наиболее полно способен воспринять знания.
- <sup>64</sup> Значение высказываемой здесь Коменским идеи о всеобщей связи и взаимодействии всего со всем (пронизывающей из его пансофического мировоззрения) выходит далеко за пределы проблемы воспитания памяти. Ребенок должен научиться познавать взаимодействие как важнейшую черту мира.
- <sup>65</sup> Коменский наряду с Декартом, Спинозой и Гоббсом был пионером ассоциативной психологии.
- <sup>66</sup> В разделе об обучении предусмотрительности Коменский продолжает детальную разработку своей идеи этического интеллекта. Коменский выводит воспитательную теорию об этическом интеллекте из содержащей элементы материализма натуралистической этики, сближающей его отчасти со Спинозой, отчасти с Гоббсом. Основанием морали считается безусловное и вневещное начало, понимаемое натуралистически, как «закон природы».
- <sup>67</sup> *Вивес, Хуан Луис* — см. примеч. 25 к «Предвестнику всеобщей мудрости». Идал в 1591 г. пространное произведение о науках, повлиявшее на Коменского, особенно той его частью, где Вивес рассматривает образовательную функцию языков вообще и латинского языка в особенности. Друг Эразма Роттердамского и Томаса Мора, Вивес придерживался прогрессивных педагогических идей, заложив основы новой гуманистической педагогики как знания о всестороннем воспитании человеческой личности, основанном на проявлении и развитии природных дарований людей.
- <sup>68</sup> *Августин, Аврелий* — см. примеч. 45.
- <sup>69</sup> В этом разделе «Аналитической дидактики» Коменский рассматривает группу вопросов, объединенных темой «Как учить учиться». Именно в рамках этой темы конкретизируется Коменским разработанное им учение об учении.
- <sup>70</sup> Это замечание Коменского об ученике Сократа Антисфене заимствовано, очевидно, из Диогена Лаэртского (первая половина III в. н. э.), античного историка философии.
- <sup>71</sup> Коменский ставит чрезвычайно важную проблему периодизации психического развития и дифференциации конкретных педагогических задач в связи с этой периодизацией. Проблема возрастных периодов имеет определяющее теоретическое значение. От правильного решения ее во многом зависит стратегия построения системы воспитания и обучения подрастающих поколений, зависят ответы на вопросы, когда надо начинать обучение в школе, в чем заключаются особенности воспитательно-образовательной работы при переходе к каждому новому периоду. Непреходящей исторической заслугой Коменского является, во-первых, сформулированное им в данном месте «Аналитической дидактики» требование преодолеть натуралистическое представление об этапах возрастного развития. Коменский вплотную подходит к пониманию ведущей роли воспитания и обучения в определении специфики возраста. Во-вторых, Коменский намечает здесь стратегическую линию первостепенного развития мотивационно-потребностной сферы, на основе которой происходит освоение предметных действий и формирование интеллектуально-познавательных сил и операционно-технических возможностей людей.
- <sup>72</sup> Отмеченное нами положение Коменского более подробно рассмотрено им в «Великой дидактике», IX 4.
- <sup>73</sup> Цитата из речи Цицерона «В защиту артиста К. Росция», III 31.
- <sup>74</sup> Коменский вводит творчество, «ступень открытия» в обучение как его

высшую и притом необходимую стадию. Чрезвычайно важно также, что познавательную, научную ступень мышления Коменский понимает как активное действие, как осознание собственного действия по воссозданию формы и устройства вещей. Это и есть, по Коменскому, постижение сущности вещей.

- <sup>75</sup> Это не цитата из Сенеки, а обобщенный пересказ группы идей, выраженных в его «Посланиях».
- <sup>76</sup> Закон «всегда по ступеням, никогда не скачками» Коменский выводит из своей философии эволюции: «Природа не делает скачков». Не должно делать их также и искусство, поскольку оно подражает природе. Та же идея выражена в словах на фронтисписе «Великой дидактики»: «Все происходит благодаря саморазвитию, насилие чуждо природе вещей».
- <sup>77</sup> *Овидий*. Искусство любви, III, 595—596.
- <sup>78</sup> «Многообразие доставляет удовольствие» (*Цицерон*. О природе богов, 1, 9; Цицерон здесь восходит к Еврипиду («Орест», стих 234).
- <sup>79</sup> Своим требованием надежности обучения Коменский ставит перед педагогической задачей поиска закономерностей обучения.
- <sup>80</sup> Коменский цитирует «Естественную историю» Плиния Старшего (23 или 24—79), XVIII 12—24.
- <sup>81</sup> Иоан. 13, 5—15.
- <sup>82</sup> Рассказ об Агабе содержится в неканоническом тексте «Деяний Святых Апостолов», гл. X.
- <sup>83</sup> Вольные цитаты из Сенеки, Письмо 4.
- <sup>84</sup> Коменский имеет в виду сочинение *Иоахима Форция* (1499—1536) «О разумном обучении».
- <sup>85</sup> «Таким образом желание (учиться) будет постоянно поддерживаться».

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- |                                      |  |
|--------------------------------------|--|
| Август, Гай Октавий, Юлий Цезарь     | 308, 321, 340, 350, 406, 415, 420,     |
| Октавиан 67                          | 427, 434, 461, 478, 490, 504, 505, 561 |
| Августин, Аврелий 34, 320, 375, 379, | Армний 105                             |
| 415, 427, 433, 461, 521, 550, 569    | Архимед 106, 295, 304, 317, 499        |
| Агрикола, Георгий 295                |  |
| Аквитан 105                          | Бальд 105                              |
| Акоптий, Якоб 485                    | Бартоло 105                            |
| Александр Македонский 263, 310,      | Беек, Филипп де 34                     |
| 321, 322, 406                        | Беза 105                               |
| Альфонс X 564                        | Безольд 522                            |
| Альштед, Иоанн Генрих 62, 448        | Бембо, Пьетро 425                      |
| Анаксарх 106                         | Бенедикт, Самуил 29                    |
| Анахарсис 106                        | Берг, Авраам ван де 71                 |
| Андрейз Клобусиц 63                  | Бернар 274, 474                        |
| Андреа, Арне 53                      | Биант 106                              |
| Андреа Иоганн Валентин 242, 245,     | Бион 106                               |
| 247, 248, 517                        | Бистерфельд, Иоанн Гейнрих 57,         |
| Антисфен 573                         | 62, 65                                 |
| Аппиан из Александрии 483            | Боден 105                              |
| Аристотель 105, 106, 157, 274, 278,  | Бодин, Илия 247                        |



- Ботсак, Иоанн 46  
 Бочкай, Иштван 67  
 Брентий 105  
 Брайт, Тимофей 518  
 Брук, Роберт Гревил 34  
 Бэкон, Френсис (Веруламский) 30, 499, 502, 506, 517  
 Венгерский, Андрей 67  
 Вергилий 393, 429, 430, 433  
 Верденхаген, Иоганн Ангелий 484  
 Верещи, Франтишек 63  
 Веречи 66  
 Ветерин, Павел 61  
 Вехнер, Давид 37  
 Вивес, Хуан Луис 271, 359, 390, 405, 569  
 Винклер, Георг 26  
 Вир 105  
 Витсон, Корнелий Ян 71, 72  
 Владислав IV 46  
 Влне, Тимофей де 34  
 Вольфштирн, Якоб 247  
 Вольцоген, Ян Людвиг фон 27  
 Гален, Клавдий 105, 106, 461, 493, 510  
 Галилей, Галилео 490  
 Гартлиб, Самуэль 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 47, 59, 477  
 Гартманн, Павел 70  
 Гауден, Джон 32  
 Гворино, Ипполит 321  
 Геер, Лаврентий де 36, 64, 69, 71, 72  
 Геер, Людвиг де 34, 38, 39, 40, 42, 55, 56, 62, 63, 64  
 Геерборд, Андриан 34, 35, 36  
 Гейдан, Авраам 36  
 Гейлер 232  
 Геллий, Авл 216, 461, 462  
 Гельвиг, Христофор 247, 517  
 Гераклит из Эфеса 106  
 Гертихий, Мартин 68  
 Гесиод 106  
 Гиерон II 304, 314  
 Гильберт, Вильгельм 490  
 Гиперий, Андрей Герхард 414  
 Гишократ 318, 321, 375, 461, 463, 481  
 Главмий 247, 517  
 Голий, Петр (ван Гол) 35, 36  
 Голий, Якоб (ван Гол) 35  
 Гомер 105, 106, 430  
 Гондий 54  
 Горайский, Збигнев 52  
 Горацій, Флакв Квинт 354, 385, 429, 478  
 Горней, Георг 48  
 Готтон 36, 57, 64, 69  
 Граф, Корнелий 71, 72  
 Григорий Назианзин (Григорий Богослов) 246, 475  
 Гроций, Гуго де Гроот 73, 338  
 Гроций, Людовик 36  
 Гуларций 283  
 Гус, Ян 105  
 Густав II Адольф 44, 58, 484  
 Гюльсман, Иоанн 51  
 Давид 36, 75, 201, 208, 241, 253, 254, 410, 415, 421, 422, 428, 430, 432, 433, 475  
 Декарт, Картезий Рене 31, 36  
 Демокрит 106  
 Денгоф, Герхард 45  
 Диоген Синопский 106, 242, 243, 258  
 Дрессер, Матвей 283  
 Дье, Луи де 36  
 Дюри, Джон 32, 35  
 Евклид 106, 499, 514  
 Еврипид 294  
 Елисавета 159  
 Зенон 106  
 Иероним, Софроний Эвсебий 352, 426, 461  
 Илия 163, 232, 241, 410, 413  
 Исократ 341  
 Каландрин, Цезарь 34  
 Калигула (Гай Цезарь) 216  
 Каловий, Авраам 31, 56  
 Кальвин, Ян 44  
 Кампанелла, Томмазо (Фома) 105, 490, 517  
 Камерарий (настоящее имя Иоахим Либгард) 283  
 Канишай, Янош Пальри 59, 61  
 Карл Великий 289  
 Кассельский 283  
 Кассиодор, Флавий Магний Аврелий 421  
 Катон, Марк Порций Старший 311  
 Катулл, Гай Валерий 420, 423, 429  
 Квинтилиан, Марк Фабий 341, 359, 392  
 Кемень, Янош 67  
 Кир 504  
 Клавий, Христофор 54  
 Клеобул 106  
 Клерво, Бернард де 274, 474

- Клинже, Ионас 36  
 Кнаший, Григорий 365, 403, 404  
 Кратес из Фив 206  
 Кой, Иоанн 43  
 Колумб, Христофор 304  
 Константин Великий 253  
 Коперник, Николай 105, 490  
 Коцей, Иоанн 43  
 Кристина Августа (Кристина Швед-  
 ская) 38, 39  
 Ксенофонт 106  
 Кульперер, Шене 34
- Лактанций, Фирмиан 279, 406  
 Лампридий, Элий 216  
 Лашицкий, Ян 60  
 Лев X (Джованни де Медичи) 425  
 Лещинский, Рафал 26  
 Ливий, Тит 461  
 Липсиус, Юст 456  
 Лонголий, Христоф 295  
 Лохар, Вацлав 57, 68  
 Любин, Эйльгард 247, 248, 302, 438  
 Лукиан из Самосаты 423  
 Лукреций, Кар Тит 495  
 Лютер, Мартин 44, 52, 105, 205, 300,  
 380, 410, 475
- Магни, Валериан 46, 47, 48, 49  
 Маресий, Самуил 33, 34, 36, 38, 43,  
 50, 70  
 Марциал, Марк Валерий 423  
 Матте, Ян 38  
 Мацер, Себастиан 66  
 Меланхтон, Филипп 43, 57, 202, 246,  
 345, 427, 564  
 Мерсен, Марин 35  
 Микеш, Михаил 67  
 Мирандола, Джованни Пико делла  
 322  
 Мозер, Мартин 26  
 Морванус 57
- Навуходоносор 228, 269, 289  
 Нейфвиль, Гергард фон 36  
 Нейфельд, Ульрих фон (псевдоним  
 Я. А. Коменского) 49  
 Нигрин, Бартоломей 45, 46, 47, 48,  
 49, 51, 52, 54, 55
- Овидий, Публий Назон 415, 420, 423,  
 425, 429  
 Оксеншерна, Аксель 38, 44  
 Оссолиньский, Ежи 52  
 Парменид 490
- Пасор, Матвей 70  
 Патеркул, Веллей 67  
 Паулин, Гот Лаврентий 41  
 Перьяндр 106  
 Пим 34  
 Пискагор, Иоанн 62  
 Питтак 106, 261  
 Пифагор 106, 273, 295, 514, 536  
 Плавт, Тит Макций 385, 415, 420,  
 423, 425, 429, 434, 552  
 Платон 105, 106, 154, 234, 279, 283,  
 374, 410, 427, 431, 434, 456, 461,  
 463, 490, 573  
 Плиний, Гай Секунд Старший 523  
 Плутарх 206, 216, 233, 235, 310,  
 311, 461  
 Приспиан 418, 436  
 Птоломей 105  
 Пфальцская, Генриетта 63
- Радзивилл, Януш 50  
 Радох, Ян 60  
 Ракоци, Сигизмунд 59, 60, 61, 62, 63  
 Рамус, Петр 105, 345, 484  
 Ратке, Вольфганг (Ратихий) 26, 39,  
 247, 517, 536  
 Рений, Иоанн 517  
 Риттер, Стефан 247, 517, 568  
 Рিশелье, Жан Арман дю Плесси 35  
 Россиньол, Антуан 35  
 Рулицус, Иоанн 57  
 Рюльце 36, 69, 71, 72
- Садолето, Якобс 425  
 Сакс, Юнгий 499  
 Саллюстий, Крипс Гай 105  
 Сельден, Джон 35  
 Сенева, Ромэн де 34  
 Сенека, Луций Анней 106, 154, 258,  
 271, 274, 278, 287, 321, 322, 326,  
 332, 340, 369, 378, 379, 381, 404,  
 407, 410, 431, 461, 473, 478, 486,  
 487, 509, 541, 582, 596
- Серарий, Петр 43  
 Симоний, Теодор 54, 55  
 Скалигер, Иосиф 333  
 Скитте, Ян 41  
 Скот 105  
 Скрибаний, Вильгельм Адольф 519  
 Слейдан 105  
 Сократ 106, 154, 258, 410, 416, 458,  
 474, 502  
 Соломон 74, 153, 154, 155, 160, 161,  
 162, 163, 166, 208, 220, 241, 251,  
 252, 253, 254, 258, 264, 268, 275,  
 298, 369, 422, 428, 475, 476, 478,

496, 501, 504, 526  
 Солон 106  
 Стевин, Симон 452  
 Стобей, Иоанн 242, 243  
 Стрезо, Гаспар 513  
 Сурий 105  
 Суходольский, Адам 37

Таратануара 228  
 Тарзалли, Павел 67  
 Тасс, Иоанн Адольф 37  
 Тацит, Корнелий 461  
 Теофраст 105, 157  
 Теренций, Афер Публий 233, 392, 415, 420, 429, 433  
 Тертуллиан Флорент, Квинт Септим 248, 510  
 Тиберий, Неро Клавдий 217  
 Тибулл, Альбий 420  
 Тимон 106  
 Тимофей из Милета 395, 432, 546  
 Тит, Флавий Веспасиан 216  
 Толвай, Дали Ян 59, 60, 61, 63, 64, 66  
 Тульп, Николай 71, 72

Уссер 35

Фабриций, Павел 57  
 Фаворин Арелатский 215  
 Фалес 106  
 Фауст, Иоганн 305  
 Фемистокол 224, 310, 546  
 Фердинанд II Габсбургский 25  
 Фест, Секст Помпей 264  
 Филипп II 310  
 Филон Александрийский 41  
 Флавий, Иосиф 289, 483  
 Флатт, Роберт 386  
 Фогель, Иоганн 247  
 Форций, Исахим Форций Рингельберг 363, 596, 597

Фрей, Жан Сесиль 247, 470  
 Фридрих Пфальцкий 48, 63  
 Фульгенций, Ферранд 417, 506

Ходницкий, Ян 59, 61  
 Хрисипп 474  
 Хризостом, Иоанн (Златоуст) 253, 421

Цезарь, Ян 53  
 Цельс 461  
 Цеппер, Вильгельм 448  
 Цецилий 517  
 Цицерон, Марк Туллий 105, 201, 242, 243, 246, 276, 279, 286, 318, 340, 374, 393, 394, 398, 399, 420, 425, 427, 429, 433, 434, 449, 461, 477, 478, 502, 575

Шварц, Бертольд 305  
 Шенгоф, Григорий 53, 54, 55  
 Шмидлейн 105

Эльвер, Леонард 37  
 Энгельбрехт, Якоб 38  
 Эпиктет 106, 154, 410, 431, 502  
 Эпикур 106  
 Эпименд 106  
 Эпископий, Ян 45, 51  
 Эразм Роттердамский, Дезидерий 105, 414, 415, 430, 431, 561  
 Эраст, Даниил 29  
 Эраст, Юрий (Иржи) 57  
 Эфроний, Ян 60

Ювенал, Децим Юний 234  
 Юлиан Отступник 425  
 Юнг, Исаах 37  
 Юний, Самуил 70  
 Юстинус, Лаврентий 57

<b>СОДЕРЖАНИЕ</b>	От издательства	5
	Жизнь, деятельность и педагогическое наследие Я. А. Коменского	7
	Автобиография	25
	Лабиринт света и рай сердца	74
	Краткое предложение о восстановлении школ в Чешском королевстве	194
	Материнская школа	201
	Великая дидактика	242
	Предвестник всеобщей мудрости	477
	Новейший метод языков. X глава («Аналитическая дидактика»)	528
	Комментарии	598
	Указатель имен	652

## **Ян Амос Коменский**

### **Избранные педагогические сочинения**

В 2-х томах

Том I

Составители

**Эдуард Дмитриевич Днепров, Ирки Кирашек,  
Михаил Николаевич Кузьмин, Дагмар Чапкова**

Зав. редакцией Ю. Б. Васильева

Редактор К. П. Чулкова

Художник А. А. Рюмин

Художественный редактор Е. В. Гаврилин

Технический редактор Т. Г. Иванова

Корректоры В. С. Антонова, В. Н. Рейбенель

ИБ № 234

Сдано в набор 09.12.81. Подписано в печать 19.04.82. Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага кн.-журн. Гарнитура об. новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 41,0. Уч.-изд. л. 45,44. Усл. кр.-отт. 41,75. Тираж 30 000 экз. Заказ № 3551. Цена 2 р. 10 к.

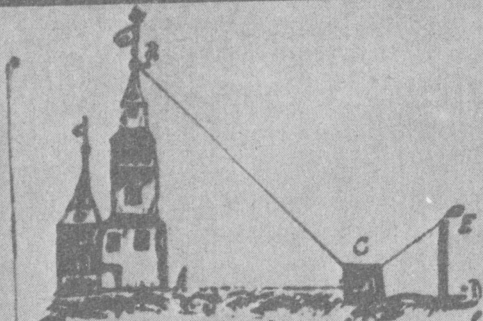
Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Москва, 107847, Лефортовский пер., 8

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валуевая, 28



Рукопись Я. А. Коменского, обнаруженная в Ленинградской публичной библиотеке в 1931 г.



Sit autem altitudo baculi trium cubitorum, distantia  
 ejusdem baculi à speculo 4 cubituum distantia speculi à ba-  
 si turris 20 cubit. dico 4 dant 3, quot dabunt 20. for. 15.  
 Nunc enim agere duo sunt triangula ut per quadrante  
 geometricum: nimirum  $\triangle ABC$ , &  $\triangle EDC$ . quorum admirabilem  
 proportio necessaria est si rectè operationem instituas: ut  
 in praecedenti per umbram dimensione: notandum solum  
 speculum adhibendum esse non globosum sed planum, & pne-  
 cipiè esse exactè in plano ne altera sui parte eleuetur depri-  
 meturve, aliter fallet visum, visus autem operationem)

J. J. N. S.  
 GEODÆSIE

Титул издания сочинений Я. А. Коменского

# ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ



## ИЗБРАННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ  
С БИОГРАФИЧЕСКИМ ОЧЕРКОМ  
И ПРИМЕЧАНИЯМИ  
ПРОФ. А.А. КРАСНОВСКОГО



ГОСУДАРСТВЕННОЕ  
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
*Министерства Просвещения РСФСР*  
МОСКВА • 1955